П. И. ЛЯЩЕНКО

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

★

П. И. ЛЯЩЕНКО

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

ТОМ II

КАПИТАЛИЗМ

★

Издание третье

1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1952

Постановлением
Совета Министров Союза ССР
от 8 апреля 1949 г.
ЛЯЩЕНКО ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ,
члену-корреспонденту Академии наук СССР,
действительному члену
Академии наук Украинской ССР,
за научный труд
«ИСТОРИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР»,
тома I и II,
опубликованный в 1947—1948 гг.,
ПРИСУЖДЕНА СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
первой степени

ДОПУЩЕНО
Министерством высшего образования СССР
в качестве учебного пособия
для экономических
и инженерно-экономических
вузов и факультетов

«...ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ЕСТЬ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА, ИСТОРИЯ СПОСОБОВ ПРОИЗВОДСТВА, СМЕНЯЮЩИХ ДРУГ ДРУГА НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ, ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛЮДЕЙ»

И. В. СТАЛИН

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

ГЛАВА I

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОБЩИЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Общие условия формирования капитализма. Приступая в настоящем томе к изучению истории хозяйственного развития СССР в эпоху капитализма, мы должны напомнить, что изучая в первом томе хозяйственное развитие в докапиталистических формациях, мы наиболее значительное место и внимание уделили изучению феодально-крепостнического хозяйства. Это было обусловлено не только тем, что эпоха феодализма-крепостничества занимала в хозяйственной истории народов СССР длительный, свыше чем восьмисотлетний период, но и тем, что «экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого» [1]. Другими словами, корни капитализма нужно искать в феодально-крепостнической формации.

Действительно, более чем за столетие до окончательного разложения и падения феодально-крепостнической хозяйственной системы, уже в XVIII в., мы могли обнаружить в её среде зачатки элементов новых капиталистических отношений, первые ростки складывания и роста «капиталистического уклада». Особенностью этого процесса разложения «старых порядков» и смены феодально-крепостнического строя новым строем буржуазно-капиталистических отношений в России явилось то обстоятельство, что тогда как на Западе разложившийся «старый порядок» был низвергнут *буржуазной революцией*, в России

[1] *К. Маркс*, Капитал, т. I, 1949, стр. 720.

этот порядок был сменён формально путём *буржуазной реформы*. В своём месте мы указывали на причины и условия такой формы смены «старых порядков» новыми, капиталистическими отношениями. Но для самого развития капитализма это обстоятельство имело решающее значение, обусловив длительный и тяжёлый путь ликвидации крепостнических порядков и замены их капиталистическими отношениями.

Вот почему официальная отмена системы *крепостного права* в 1861 г. может считаться лишь условной гранью, разделяющей две эпохи хозяйственного развития — эпоху *крепостного хозяйства* от буржуазной эпохи *промышленного капитализма*. «...Подобный переход к совершенно иной системе, — говорит по этому поводу Ленин, — не мог, конечно, произойти сразу... не было еще налицо тех условий, которые требуются для капиталистического производства.

...Капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть» [1].

Этот характер перехода к новой системе сказывался как в процессе отмирания остатков крепостных хозяйственных форм и общественных отношений, так и в процессе зарождения и развития новых форм промышленного капитализма. Поэтому преобразованные остатки крепостнических форм и отношений встречаются много лет спустя после 1861 г., так же как зачатки буржуазных отношений имелись в некоторых областях хозяйства много раньше 1861 г.

И тем не менее мы считаем, что этот год всё же разделяет две различные исторические хозяйственные эпохи, потому что именно к этому времени относится окончательное устранение тех основных препятствий, которые стояли на пути развития промышленного капитализма. Реформой 1861 г. была расчищена почва для окончательного закрепления необходимых условий промышленного капиталистического развития, устранена правовая надстройка «внеэкономического принуждения» в виде крепостного права, в целом уже пережившая развитие своей экономической базы. Общие феодально-крепостнические основы абсолютистского политического строя царизма вместе с господством поместного дворянства сохранились и после реформы. Поэтому отдельные части старой экономики оказались настолько живучими, а социальная сила их настолько значительной, что новая экономика унаследовала от крепостничества тяжёлое экономическое и социальное прошлое, наложившее отпечаток на характер и на темпы развития промышленного капитализма.

Промышленный капитализм, как известно, предполагает прежде всего как основную предпосылку *развитие товарного*

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 159—160.

хозяйства, возникающего на почве разложения натурального хозяйства и общественного разделения труда, которое есть «основа всего процесса развития товарного хозяйства и капитализма». Происходит всё большее отделение промышленности от сельского хозяйства, увеличивается промышленное население за счёт земледельческого, происходит отделение непосредственного производителя от средств производства, пролетаризация мелкого, прежде самостоятельного производителя, создаётся внутренний рынок для капитализма, притом рынок не мелкий и местный, а широкий, в «национальном» масштабе. Для создания такого рынка, особенно при обширности территории страны, требуется важнейшее техническое условие — усовершенствованные пути сообщения, паровой железнодорожный и водный транспорт, которые при капитализме особенно усиленно развиваются.

Далее, промышленный капитализм требует предварительного образования и *накопления* более или менее крупных денежных состояний и капиталов. Это накопление является лишь другой стороной того же процесса развития товарного хозяйства и отделения производителя от средств производства, превращающихся в этом процессе в капитал в руках их нового владельца. Маркс, говоря о «так называемом первоначальном накоплении», указывает, что «...капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное»... накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом». По существу «...так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства» [1].

В этом процессе отделения производителя от средств производства, превращения их в капитал в руках капиталистов, в процессе капиталистического накопления, происходит образование класса *промышленной буржуазии.* Самый же капитал преобразуется в материальный субстрат капиталистического предприятия, в его средства производства, в машины, в здания, в сложную капиталистическую технику.

Наконец, в этом же процессе экспроприации непосредственного производителя происходит образование и другой основной предпосылки капиталистического производства — создание класса лишённых средств производства *наёмных рабочих, пролетариев,* средства существования которых «...обращаются теперь в вещественные элементы переменного капитала» [2], т. е. в заработную плату рабочих.

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1949, стр. 718—719.
[2] Там же, стр. 749.

Эти основные элементы капиталистического производства — товарное хозяйство, накопление капитала, образование классов промышленной буржуазии и наёмного промышленного рабочего — складывались в процессе зарождения и развития капитализма ещё в пределах феодально-крепостнической хозяйственной системы. Но зарождение и развитие отдельных элементов капитализма шло неодинаково и неравномерно. Формирование хозяйственной системы капитализма в промышленности проходило три основных его стадии: мелкое товарное производство, как «первая стадия капитализма в промышленности»; капиталистическая мануфактура, как «промежуточное звено» между мелким товарным производством и крупной машинной индустрией; и крупная машинная фабричная промышленность, как «высшая ступень капитализма в промышленности». Излагая на основе этой концепции развитие промышленного капитализма в России [1], Ленин особо подчёркивает, что наиболее важным в этом процессе является переход от мануфактуры к фабрике, как наиболее ярко выраженный признак капиталистического производства «...а за этим техническим переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства... обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом» [2].

Изучая феодально-крепостническую хозяйственную систему, мы могли уже в XVII в. обнаружить в ней мелкое товарное производство, а в XVIII в. — мануфактурную промышленность с наёмным трудом, с вложением капитала и с работой на широкий рынок, как зарождение элементов капиталистического уклада. Но крупной фабричной промышленности даже до последних лет крепостнической системы создано не было. Промышленный переворот, зачатки которого мы видели ещё в 30—40-х годах XIX в., не сопровождался в условиях крепостного строя «крутой ломкой общественных отношений».

Хозяйственная система капитализма начинается у нас в 60-х годах, ранее, чем был завершён промышленный переворот от мануфактуры к капиталистической фабрике. По крайней мере в течение 1—2 десятилетий после реформы в промышленности преобладала капиталистическая мануфактура, а в некоторых отраслях даже мелкое товарное производство, так называемая «кустарная промышленность». Вот это-то мелкое товарное производство, кустарную промышленность, наши народники и считали за «антитезу» капиталистического производства, за свободное от зол капитализма «народное производство». На самом деле

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, Развитие капитализма в России, главы V—VII.

[2] Там же, стр. 397.

это было лишь свидетельством замедленности развития высших форм капиталистического производства. Эта замедленность, исторически обусловленная особенностями общественного развития России, преодолевалась через «преобразующую, прогрессивную роль» капитализма, через «крутую ломку общественных отношений», вносимую капитализмом.

Таким образом, в России формирование капитализма и указанных его основных элементов — накопление капитала, формирование буржуазии и промышленного пролетариата, промышленный переворот — прошло несколько иной путь, чем это имело место в Англии, на примере хозяйственного развития которой Марксом были изучены общие закономерности развития капиталистического общества.

В этой главе мы рассмотрим общий характер процесса образования промышленного капитализма, его основных элементов и исторических особенностей его в России.

1. Первоначальное накопление в России

Проблема «так называемого первоначального накопления», как она изложена Марксом, изучена им на примере Англии. Указывая, что «экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества» и что «разложение последнего освободило элементы первого», Маркс подчёркивает, что «...первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются... уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию». При этом Маркс указывает, что процесс первоначального накопления «...в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи» [1]. В Англии, где этот процесс первоначального накопления обладал «классической формой», он проходил после уничтожения ещё в XIV в. феодальной зависимости и крепостного права. Поэтому этот процесс захватывал уже свободного и самостоятельного мелкого производителя, быстро превращающегося в течение XVI—XVII вв. в пролетария, лишённого земли и средств производства, путём бурного и насильственного процесса расхищения государственных, церковных и общинных земель, «огораживания», «чистки» имений, превращения пашни в пастбища и пр. Одновременно на другом полюсе шёл процесс накопления, появился капиталистический фермер в сельском хозяйстве и капиталистический предприниматель в промышленности как другая сторона процесса формирования капитализма.

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1949, стр. 720 и 721.

В историческом развитии народного хозяйства России этот процесс первоначального накопления происходил путями, отличающимися от той «классической формы», в которой он, по указанию Маркса, проходил в Англии. Сравнительно с классической формой первоначального накопления и начальных этапов возникновения капиталистических отношений в Англии Россия имела значительные особенности, сводившиеся к более длительному господству крепостнических отношений, к более медленной поэтому смене форм феодально-крепостнической эксплоатации формами капиталистической эксплоатации, к менее чётко выраженному процессу «освобождения» элементов капиталистического общества из «разложения феодального общества». Всё это было связано с менее полным «освобождением» непосредственного производителя от земли и средств производства и менее массовым превращением его в пролетария.

Это, конечно, не значит, что в России к 1861 г. ещё не «созрели условия» для развития капитализма, как это утверждали народники. Наоборот, как мы видели выше, капитализм уже развивался, подрывая и разлагая крепостную систему. Поэтому «после отмены крепостного права развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, еще задерживавшие это развитие»[1]. Отрицательное влияние крепостничества сказывалось в том, что оно не допускало полного развития капиталистических отношений — быстрого накопления капитала, образования пролетариата, образования рынка и пр. Падение крепостнической системы произошло в России в середине XIX в., тогда как для Англии Маркс начало капиталистической эры датирует XVI в., после того как в XIV в. уже было уничтожено крепостничество.

Такое запоздание уничтожения крепостного права в России обусловило и общую отсталость развития российского капитализма и длительность изживания остатков крепостничества уже в капиталистическую эпоху. Вместе с тем весь процесс первоначального накопления шёл в России при высокой активности крестьянских масс в их борьбе против крепостничества.

Это обстоятельство наложило также отпечаток и на размежевание классовых сил в начальный период развития русского капитализма. Крестьянству, как и рабочим из крестьян, в этот период приходилось бороться не столько с капиталистической эксплоатацией, сколько ещё в большей мере с пережитками крепостнической эксплоатации как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Само же по себе развитие капитализма было в то время прогрессивным явлением сравнительно с крепостничеством.

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 6.

Источниками первоначального накопления в России были:

а) *Расхищение общинных и государственных земель.* Тот бурный процесс первоначального накопления и образования пролетариата, который проходил в Англии в XVI—XVII вв. в виде массового насильственного процесса расхищения общинных и государственных земель и изгнания с них прежде самостоятельных мелких производителей, протекал в России более длительным путём и на крепостной основе, т. е. в виде всякого рода «пожалований» государственных земель и обращения в крепостных сидевших на них крестьян. И хотя, «чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их с их земель...»[1], но и в этом случае в России крепостная основа экспроприации и расхищения земель не создавала, как в Англии, непосредственных условий возникновения капиталистических производственных отношений.

В русском государстве уже с конца XVII и особенно в XVIII в. в крепостном хозяйстве стали образовываться довольно значительные группы населения, лишённые земли и средств производства (всякого рода «беглые», оторвавшиеся от крепостничества, «гулящие» и «праздные люди», городская беднота, работающая на предприятиях по найму, и пр.). Были даже заводские наёмные рабочие, работавшие в промышленности из поколения в поколение. На некоторых предприятиях Москвы XVII в. их было до 10%. Эти группы рабочих являлись уже непосредственными предшественниками промышленного пролетариата. Но всё же многие из промышленных рабочих были так или иначе связаны крепостными отношениями. Основой хозяйства и общества оставалось крепостничество: ещё не было смены форм порабощения, смены «внеэкономического» принуждения экономическим принуждением, превращения феодальной эксплоатации в капиталистическую.

С XVIII в. процесс расхищения земель как прямой источник так называемого «первоначального накопления» резко усиливается как в центральных частях страны, так и особенно во вновь завоёванных национальных «окраинах».

Уже Пётр I в целях развития промышленности на Урале объявляет все лесные земли, бывшие раньше во владении башкир, собственностью казны с дальнейшей раздачей их заводчикам. Всякое последующее завоевание новых районов сопровождалось безудержным расхищением свободных государственных земель, беспощадным отбиранием земель от «инородцев», иногда с полным изгнанием их из страны. В Слободской и Левобережной Украине в XVIII в. помещики захватывают бывшие казачьи и крестьянские земли, образуя на них латифундии по нескольку

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 685.

десятков тысяч десятин каждая. Но процесс расхищения этих земель всё ещё имел феодальную основу и происходил в крепостной оболочке, он ещё не подводил непосредственно к образованию промышленного пролетариата.

Только в XIX в., в особенности в некоторых отраслях промышленности, начинают преобладать кадры постоянных вольнонаёмных рабочих, что указывало на массовый процесс экспроприации мелкого производителя, происходивший также и в среде крепостного хозяйства. Вместе с тем изменяются и формы эксплоатации этого наёмного рабочего, принимая характер капиталистической эксплоатации. Во главе промышленности становится капиталист-предприниматель. Всё более заметно происходит отделение промышленности от сельского хозяйства как основная предпосылка товарного производства. И хотя в течение первой половины XIX в. все элементы первоначального накопления и предпосылки капитализма проявлялись достаточно отчётливо, всё же крепостничество ещё долго налагало свой отпечаток и задерживало не только до 1861 г., но и после него процесс развития в промышленном производстве капиталистических отношений.

В реформе 1861 г. этот процесс экспроприации крестьянства и расхищения его земель закончился общей «чисткой земель» в виде «отделения» освобождённых крестьян от значительной части их земель, отрезков, уменьшения наделов, массового обезземеливания и пр. с последующими, уже чисто капиталистическими формами экспроприации «свободного» земледельческого производителя. Реформа 1861 г. — это первая «...помещичья «чистка земель» для капитализма»[1]. Она уже непосредственно привела к смене форм порабощения, к превращению феодальной эксплоатации в капиталистическую, к образованию промышленного пролетариата и его резервной армии, формирующейся прежде всего в недрах деревни.

б) *Колониальная политика.* Среди «идиллических способов» первоначального накопления, происходившего в Западной Европе бурными темпами, Маркс на первое место ставит колониальную политику с тем грабежом колониальных стран, которым она сопровождалась.

Колониальная политика России XVII—XVIII вв., как мы видели, сопровождалась теми же формами грабежа колониальных «окраин» страны, хотя и не в мировом, а — в особенности в эпоху Московского государства — в несколько более «местном», но всё же крупном масштабе. Поэтому неправильно было бы предполагать, что колониальные источники как в «первоначальном», так позднее и в капиталистическом накоплении у нас

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4, стр. 250.

отсутствовали. Прямой грабёж, спаивание сибирского местного населения, сбор ясака, меновая торговля в виде обмена ценных мехов на стеклянные бусы и безделушки — таковы были в XVI—XVII вв. «идиллические» способы накопления капиталов московским верховным боярством и торговым капиталом. Эти способы первоначального накопления положили начало богатству Романовых, Строгановых и многих других бояр и промышленников. Позднее к таким проявлениям колониальной политики и с такими же целями и результатами относятся петровские и послепетровские продвижения к Средней Азии, колониальные войны николаевской эпохи и, наконец, завоевательно-колониальные захваты в Закавказье и Средней Азии XIX в. Все эти колониальные предприятия являлись неисчерпаемым источником обогащения. К таким же колониальным источникам первоначального накопления в прямом виде следует отнести, например, деятельность Русско-американской торговой компании, которая, согласно её отчётам, «приобрела отечеству острова и земли», а себе «упромыслила» огромные прибыли в десятки миллионов рублей. Не меньшим источником обогащения являлась грабительская политика в так называемых «внутренних колониях», как Башкирия, Казахстан, Крым, Кавказ и др.

в) *Войны и казённые поставки.* Не менее обширным источником накопления денежных капиталов являлись *войны,* столь частые в XVIII в., и *казённые военные поставки.* Недаром один из титулованных военных поставщиков и банкиров Екатерины II, барон Фредерикс, на одном из своих официальных приёмов сделал надпись в своей столовой: «Война кормит, мир истощает». Войны сопровождались грабежом имущества жителей, и львиная доля награбленного поступала в руки высшего командования. Меншиков в Польше, фельдмаршал Шереметев в Лифляндии, Апраксин в Швеции составляли себе миллионные состояния. Громадные промышленно-купеческие состояния XVIII в. Фалеевых, Яковлевых, Шемякиных и множества других часто имели первоначальным и основным своим источником войны, военные поставки и хищения.

г) *Фаворитизм.* Распространённым источником приобретения крупнейших состояний в России XVIII в. являлся *фаворитизм,* связанный с частыми тогда дворцовыми переворотами, выдвигавшими временщиков и фаворитов, особенно при императрицах Анне, Елизавете, Екатерине II [1]. Хотя этот источник

[1] Не следует, впрочем, думать, что этот источник первоначального накопления принадлежит к каким-либо исключительным особенностям России. Маркс, говоря о колоссальном расхищении государственных земель в Англии, отдававшихся в подарок, продававшихся за бесценок, ссылается на то, что это расхищение составляет скандальную главу ан-

приносил обогащение относительно немногочисленному кругу лиц, тем не менее как источник крупнейших состояний он может быть поставлен на одно из видных мест. По своей экономической форме он имел в XVIII в. большей частью чисто крепостную основу — пожалование населёнными имениями и тысячами душ крепостных, иногда, кроме того, и крупными суммами золота и пр. Начиная с первого фаворита Петра I, Меншикова, считавшегося одним из самых богатых лиц в Европе (многомиллионное состояние и свыше 100 тыс. душ крепостных), следует длиннейший список фаворитов Анны, Елизаветы, Екатерины II, иногда за несколько дней получавших миллионные состояния, десятки тысяч десятин земли и крепостных душ. Что этот источник имел не только «внеэкономическое» происхождение, но и глубокое экономическое значение и последствия, видно из того, что многие из этих временщиков и фаворитов, как Меншиков, Воронцовы, Потёмкин, Чернышёвы, Румянцевы, Дмитриевы-Мамоновы и др., уже тогда являлись владельцами крупнейших фабрик, заводов, рудников, поставщиками казны, откупщиками, — не говоря уже о наиболее выдающемся и крупнейшем предпринимателе-промышленнике петровской эпохи, бывшем тульском кузнеце Демидове. Впоследствии, в капиталистический период, их потомки являлись привилегированными концессионерами, промышленниками, грюндерами, владельцами промышленных и банковских акций и пр.

д) *Внешняя торговля.* Связанная с колониальной системой, внешняя торговля для западноевропейского капитализма являлась одним из наиболее значительных источников обогащения уже начиная с XVI—XVII вв. и особенно в период начального развития капитализма. В Московском государстве она приобретает сколько-нибудь значительное развитие с XVI в. Внешняя торговля основывалась по вывозу на сельскохозяйственном сырье, по ввозу — на предметах роскоши и потребления высших классов. Она мало давала для развития материальной базы промышленности (ввоз средств производства, сырья) и кроме того была связана с монополиями и не могла способствовать широкому развитию производительных сил страны. Тот же сырьевой сельскохозяйственный характер вывоза и исключительно потребительский характер ввоза сохранялись в петровскую и в послепетровскую эпоху. Притом внешняя торговля давала сравнительно незначительный положительный баланс: в 1710—1718 гг. по единственному тогда порту Архангельску положительный баланс был равен 1—1,7 млн. руб., в 1726 г. по Петербургу и Архангельску — 1,1 млн. руб.; вокруг этой цифры он колеб-

глийской истории, образцом чего, например, был подарок короля леди Оркней обширных земель в Ирландии, как выражение сильной королевской любви и влияния леди. (См. *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1949, стр. 728.)

лется до конца XVIII в. С конца XVIII в. вывоз, а вместе с тем и положительный баланс увеличиваются. За 1791—1795 гг. активный баланс исчислялся всего в 9,5 млн. руб. в год, в 1836—1840 гг. — в 17,3 млн. руб. и, наконец, в 1856—1860 гг. — в 19,7 млн. руб. в год[1].

Размеры внешней торговли и её положительный баланс могут являться лишь косвенным указателем её значения как источника накопления. Для этого необходимо было бы исчислить размеры торговых прибылей, чего при имеющихся данных сделать нельзя. Во всяком случае, как мы видели выше, во внешней торговле XVII и даже XVIII в. часто преобладали монополии (царские, казённые), а размеры внешней торговли России XVIII—XIX вв. сравнительно с такими странами, как Англия, Голландия, Франция, были невелики и внешняя торговля в это время являлась лишь относительно небольшим источником накопления.

е) *Внутренняя торговля.* Одним из источников накопления капиталов являлась внутренняя торговля. Она в крепостную эпоху имела более важное значение, чем внешняя. Но, конечно, в условиях преобладания натурального крепостного хозяйства она также не могла особенно быстро увеличивать свои обороты. Об её размерах сколько-нибудь точных данных за это время не имеется. По отдельным приблизительным и преуменьшённым подсчётам, обороты её только в течение первой четверти XIX в. возросли почти в 4 раза, дойдя до 900 млн. руб., а чистые торговые прибыли, очевидно, составляли не менее 200—250 млн. руб. в год. Уже среди торговцев 40-х годов XIX в. современники и иностранные наблюдатели часто называют крупных торговцев, бывших крепостных, обладавших 4—5 млн. руб. капитала и являвшихся монополистами, державшими в своих руках целые отрасли торговли хлебом, мануфактурой крупных районов[2].

ж) *Система государственного кредита.* Большую роль в накоплении крупных денежных состояний играли в России ещё в период крепостного хозяйства такие «отпрыски мануфактурного периода», по выражению Маркса, как государственные долги, налоги, протекционизм и, наконец, откупа. Государственный долг накануне реформы исчислялся в 807 млн. руб. и, хотя он шёл в громадной степени на непроизводительные, преимущественно военные, цели, но в форме внутренних займов он оседал в стране и способствовал концентрации капитала.

К этой же категории источников накопления относятся частные банкирские операции, начавшие развиваться в России

[1] «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», 1902, стр. XXII—XXXIV.

[2] *А. Гакстгаузен,* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, русск. пер., 1870, стр. 35, 92, 288.

в конце XVIII в. и заложившие основу многих крупных состояний. Таков один из первых (в XVIII в.) русских банкиров за границей (в Амстердаме) Соловьёв, таковы крупные впоследствии промышленно-финансовые фирмы Штиглиц, Лазаревы, Фредерикс и др.

з) *Откупа и монополии.* К крупнейшим внутренним источникам первоначального накопления денежных капиталов следует отнести систему откупов и монополий, среди которых винные откупа были одним из крупнейших источников накопления.

Торговые и частью производственные монополии, старое наследие Московского государства, получили особенно широкое развитие при Петре I и при его ближайших преемниках, охватив почти все главнейшие статьи товарооборота и экспорта: юфть, дёготь, сало, ревень, икру, льняное семя, конопляное масло, поташ и др. И хотя это были казённые монополии, но вокруг них наживали миллионные состояния купцы и царедворцы, как граф Воронцов, князь Куракин, Глебовы и др. Ещё большее значение имели такие крупнейшие монополистические торгово-промышленные компании, как Беломорские рыбные промыслы Меншикова, Шафирова и др.; Астраханские и Камчатские рыбные промыслы; монопольные компании железоделательных и чугунных заводов Шувалова; наконец, общесословная монополия дворянского винокурения. Эти монополии были одним из источников образования баснословных состояний в XVIII в., принадлежавших Меншикову, Шувалову, Евреиновым, Воронцовым, Чернышёвым и др.

Но все эти источники наживы и обогащения бледнеют перед системой откупов, в особенности винных. Как система государственных финансов и обложения система откупов приобретает в XVIII в. самое широкое распространение, охватывая разнообразные отрасли, от таможенных сборов до проектов откупа налогов на бороды и на «неуказанное платье».

Винные откупа, введённые Петром I в 1712 г., просуществовали до 1863 г., являясь, пожалуй, одним из самых крупных в России источников накопления капиталов. Основанные на безудержном спаивании миллионов народа, винные откупа являлись важнейшим способом первоначального накопления. Откупная сумма, т. е. доход казны от винных откупов, составляла в 1781 г. 10 млн. руб., за 1811—1815 гг. — уже 53 млн. руб., а за 1859—1863 гг. — 128 млн. руб., доходя до 40% всех государственных доходов. При заводской заготовительной цене сорокаградусной водки в 40—45 коп. за ведро откупная цена спирта была 3—4 руб. Общее потребление спирта составляло 35—40 млн. вёдер. Откупщики и кабатчики продавали водку-сивуху по 10—12 руб., а «распивочно» даже до 20 руб. ведро. Прибыли откупщиков были громадные: по исчислениям неко-

торых авторов, одни легальные доходы откупщиков в середине XIX в. достигали 600—780 млн. руб. ассигнациями ежегодно [1]. Они положили начало громадным состояниям впоследствии крупных промышленников Яковлевых, Злобиных, Сапожниковых, Кокоревых. От винных откупов обогащались и представители титулованных фамилий, не брезгавшие такими, не вполне «благородными» источниками, как откупа кабаков, например, князья Долгорукие, Гагарины, Потёмкин, Куракин, граф Шувалов и др.

и) *Выкупная операция.* Послереформенная экономика уничтожила некоторые из указанных источников накопления, в частности систему откупов, но зато открыла один новый источник накопления как результат той же экспроприации земледельческого населения. Это были выкупные платежи, полученные помещиками за освобождение крестьян.

Несмотря на то, что этот источник накопления по времени относится уже к капиталистическому периоду, мы можем отнести его к «первоначальному» накоплению, так как в основе его лежала не капиталистическая эксплоатация, а капитализация докапиталистических, крепостных рент. Размеры поступлений выкупных платежей помещикам, по нашим подсчётам, были (в млн. руб.):

Годы	
1863—1872	622,2
1873—1882	165,0
1883—1892	100,3
1893—1902	9,3

Итого за 30 лет поместным дворянством было получено через правительство в виде выкупных ссуд согласно положению 19 февраля до 896 млн. руб. Если к этому прибавить ещё так называемые «верхи» (20% выкупной оценки), которые уплачивали сами помещичьи крестьяне, то получим сумму свыше 1 млрд. руб. как плату помещикам за «освобождение» в виде капитализации их докапиталистических, крепостных рент. А всего с процентами и другими расходами по выкупной операции всеми группами крестьянства было уплачено за землю до 2 млрд. руб. Часть этих сумм была помещиками прожита и потреблена непроизводительно, но значительная часть вошла в те национальные фонды накопления, которые стали к этому времени отлагаться в банках или реализоваться в железных дорогах, промышленных предприятиях, акционерных капиталах.

[1] *Закревский,* О возможности заменить все налоги выгодами от продажи вина городскими и сельскими обществами, 1866; см. также *Прыжов,* История кабаков в России, 1868, стр. 240—241, и *Дмитриев,* Критические исследования о потреблении алкоголя в России, 1911, стр. 35—39.

Таковы были источники и способы первоначального накопления капитала в России к началу капиталистической эпохи. Сказанным, конечно, не исчерпываются все пути менее заметного, массового накопления денежных капиталов, как *ростовщичество, спекуляция* и пр.

Следует лишь отметить, что в основе всех этих источников первоначального накопления лежали «внеэкономические», чисто крепостнические пути и способы узаконенного ограбления населения, путём ли его спаивания и откупов, «пожалования» земель и крепостных, или путём торговых монополий дворцовой знати и крупного купечества, миллиардных выкупных платежей помещикам за освобождение и пр. Таким образом, хотя первоначальное накопление в России по своим путям и темпам значительно отличалось от других передовых стран Западной Европы и в особенности Англии, однако и здесь оно было «...все, что угодно, но только не идиллия», и в нём играли большую роль «...завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие»[1].

Состояние статистических материалов не даёт никакой возможности подвести какие-либо итоги размеров накопления капитала к началу капиталистической эпохи и установить дальнейшие темпы превращения этого капитала в капитал производительный, вложенный в фабрики, заводы и пр. для производства прибавочной стоимости. Ниже мы остановимся более подробно на отдельных показателях капиталистического накопления в капиталистическую эпоху. Здесь мы приведём лишь некоторые из них, чтобы выяснить если не размеры, то сравнительные темпы накопления в докапиталистическую и капиталистическую эпохи.

Для последней источником накопления становятся уже не перечисленные выше источники «первоначального» накопления, а главный и основной источник — *производство и накопление прибавочной стоимости, расширенное воспроизводство капитала* в капиталистическом предприятии.

Наша фабрично-заводская статистика первых трёх десятилетий после реформы отличается такой неточностью, что не позволяет с какой-либо вероятностью установить даже число предприятий, не говоря уже о каких-либо других данных. Ленин, подвергнув основательной критике все источники нашей фабрично-заводской статистики за 1860—1890 гг., приходит к общему заключению, что в 1866 г. в Европейской России было более или менее крупных заводских предприятий обрабатывающей промышленности (включая предприятия, обложенные акцизом, но без горных) максимум 2,5—3 тыс., в 1879 г. их было около 4,5 тыс., в 1890 г. — около 6 тыс., в 1894/95 г. — около

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1949, стр. 719.

6,4 тыс., в 1903 г. — около 9 тыс. Следовательно, говорит в заключение Ленин, «...*число фабрик в России в пореформенную эпоху увеличивается и притом увеличивается довольно быстро*»[1].

Но, конечно, абсолютное число капиталистических фабрик и размеры их производства были в 60-х годах ещё очень невелики. Достаточно указать, что такие ведущие отрасли производства крупной капиталистической промышленности, как металлургическая, каменноугольная, нефтяная, находились в это время лишь в зачаточном состоянии: в 1860 г. нефти добывалось всего 1,8 млн. пудов, железной руды в Криворожском районе — 1,3 млн. пудов, каменного угля в Донбассе — 6 млн. пудов и т. п. Всё это свидетельствовало о том, что крупное капиталистическое производство лишь создавалось. В обрабатывающей промышленности преобладала капиталистическая мануфактура. Концентрация капитала была ещё невелика. Если за основной показатель концентрации промышленного капитала брать акционерные промышленные общества, то к 1861 г. их насчитывалось в России всего 78 с капиталом в 72 млн. руб., т. е. менее 1 млн. руб. на общество. Уровень общественного разделения труда и размеры товарно-капиталистического обращения характеризуются тем, что к 1861 г. в России имелось всего 1 488 вёрст железных дорог. Весь коммерческий кредит накануне реформы (в 1859 г.) был представлен коммерческим портфелем Государственного коммерческого банка на сумму 13,54 млн. руб. учёта векселей и 1,46 млн. руб. ссуд под товары, т. е. всего 15 млн. руб. Все накопления (все сбережения и вклады) в той же кредитной системе исчислялись всего в 1168,0 млн. руб., из них вклады в коммерческом банке всего 198,1 млн. руб.[2]

Эти факты свидетельствуют о том, что русский промышленный капитализм к началу капиталистической эпохи обладал всё же недостаточным внутренним накоплением, недостаточным производственным аппаратом, недостаточно развитой капиталистической техникой. Вот почему, говоря о накоплении «национального» капитала как об основной предпосылке развития русского капитализма, нельзя обойти молчанием важнейшую проблему капиталистического развития России — о роли и значении в нём иностранных капиталов.

к) *Иностранные капиталы.* Вступив на путь капиталистического развития значительно позже, чем другие передовые западноевропейские страны, особенно под влиянием длительного сохранения остатков крепостничества, задерживавшего развитие капитализма, Россия к моменту реформы 1861 г. являлась

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 409.

[2] «Статистический временник», сер. II, вып. 9, 1872; *И. И. Кауфман,* Статистика русских банков, стр. 3—6.

экономически и технически отсталой страной. Для иностранного капитала Россия представлялась обширнейшим по размерам и выгодным по высоким прибылям полем приложения как по ввозу промышленных товаров, так и по вложениям денежных капиталов. Поэтому уже с самого начала развития русского капитализма активную роль в нём начинает играть иностранный капитал, особенно с периода империализма, когда в западных капиталистических странах стал преобладать не только вывоз товаров, но главным образом вывоз капиталов.

Впервые в более или менее значительных размерах иностранный капитал стал приливать в русское народное хозяйство с 60—70-х годов XIX в. Основным руслом, по которому направлялся иностранный капитал, для этого периода было строительство железных дорог, а также банки, кредит, страхование и пр. и в наименьшей мере собственно промышленное производство. По абсолютным размерам импорт иностранного капитала был в эти годы сравнительно невелик.

Но уже к 90-м годам и особенно в период развитого империализма положение, как мы увидим далее, меняется довольно резко в том смысле, что прилив иностранного капитала в сильнейшей мере увеличивается. Он уже направляется не в банки и железнодорожное строительство, а на промышленное производство, на создание крупных промышленных предприятий и промышленных монополий. В это время русский промышленный капитал по своим размерам всё ещё не мог обеспечить достаточно быстрых темпов развития капиталистической промышленности и создать собственную капиталистическую технику. Прилив иностранного капитала в 90-е годы играл положительную роль в деле развития производительных сил народного хозяйства и повышения его технического уровня. Правда, стране стоило это весьма дорого. Иностранный капитал вывозил из страны прибавочную стоимость громадных размеров, крупные дивиденды. Кроме того, особенно со времени образования в России монополий на основе иностранного капитала, последний стал стремиться к одностороннему развитию русской экономики, превращению России в колониальный придаток империалистических стран, как источник дешёвого сырья и дешёвой рабочей силы. Задерживая прогрессивное развитие страны, иностранный монополистический капитал препятствовал промышленному развитию богатых отдалённых районов (нефть в Заволжье, чёрные и цветные металлы, уголь — в Сибири и пр.), чтобы не создавать конкуренцию монополистически захваченным отраслям — бакинской нефти, углю Донбасса, железной руде Криворожья. Но всё же ввоз иностранного капитала сыграл большую роль в развитии русской промышленности, в особенности в тяжёлой промышленности (горной, топливной, металлургии).

2. Образование класса промышленной буржуазии

Быстро множившиеся и расширявшиеся пути и источники накопления капитала к началу капиталистической эпохи знаменовали формирование новой социальной силы в общественной экономике, образование русской промышленной буржуазии как нового общественного класса.

Мы уже встречали в Московском государстве XVII в. и в петровскую эпоху XVIII в. крупных миллионщиков, крупных торговцев и промышленников, ворочавших громадными торговыми делами и имевших крупные промышленные предприятия. Однако эти промышленники — Морозовы, Строгановы, Одоевские, Трубецкие и пр. — были в своей социальной основе прежде всего феодалами-вотчинниками. Другие, более «демократические», чисто купеческие слои феодально-крепостнического общества, обладавшие миллионными состояниями, были также в большей мере торговцами, чем промышленниками.

Петровская эпоха выдвинула впервые многочисленный слой представителей промышленного капитала, по своему происхождению не связанных с феодалами-вотчинниками. Таковы были, например, первые петровские фабриканты Щеголины, Микляевы, Масловы, Солодовниковы, Цынбальщиковы, иностранцы Тамес, Акема и др. Но и в эту, а в особенности в последующую эпоху конца XVIII в. многие наиболее крупные промышленные предприятия принадлежали или привилегированным представителям землевладельческого класса, как графы Шуваловы, Апраксины, Толстые и др., или «нуворишам» — выскочкам из самых низших слоёв общества, как Меншиков и Чернышёв (денщики Петра I), Шафиров и др. Эти последние быстро обогащались, но так же быстро и сходили со сцены и в дальнейшем не имели большого значения в образовании класса будущей промышленной буржуазии. Поэтому «демократические» представители торгово-промышленной буржуазии петровской эпохи, как многие из приведённых выше, или в значительной части исчезают в ближайшие годы из промышленных хроник того времени, или приобщаются к баронству, графству, становясь землевладельцами-вотчинниками и привилегированными членами крепостнического общества. Таковы судьбы не только старых промышленных фамилий, как Строгановы, но и более новых — Демидовых, Мальцевых, Яковлевых, Гончаровых и многих других, получивших дворянство, графство и пр.

И в истории западноевропейской буржуазии можно видеть, как охотно представители крупной буржуазии сливались с верхами феодального общества и с титулованным дворянством. В России этот процесс находил особенно благоприятную экономическую почву в той «крепостнической монополии» на труд,

которая составляла исключительное «владельческое право» привилегированного сословия, дворянства. Капиталист-промышленник, нуждаясь в рабочей силе, мог получить её в основном лишь на базе крепостных отношений. Чтобы добиться этого права на крепостной труд, он особенно охотно менял свою «демократическую» буржуазную оболочку на дворянство, на графские и баронские титулы. В Западной Европе, как указывает Маркс, «промышленные капиталисты, эти новые владетельные особы, должны были, со своей стороны, вытеснить не только цеховых мастеров, но и феодалов, владевших источниками богатства...

Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. Развитие это состояло в изменении формы его порабощения, в превращении феодальной эксплуатации в капиталистическую»[1].

В России в связи с длительным сохранением крепостнических отношений этот процесс формирования класса буржуазии и вытеснения ею «феодалов-лордов» шёл более медленным темпом.

Промышленный Урал был одним из наиболее типичных районов, где процесс замены феодальных форм эксплоатации капиталистическими происходил чрезвычайно медленно. На месте прежних вельможных владельцев, «феодалов-лендлордов» с их громадными пожалованными и захваченными латифундиями, состоявшими из богатейших лесов и рудоносных земель (графов Шуваловых, Воронцовых, Демидовых, Чернышёвых и др.), на Урале с эпохи капитализма появляются представители крупного промышленного капитала, нажитого при баснословных природных богатствах Урала на беспощадной, чисто крепостнической эксплоатации уральского рабочего и крестьянина (крупнейший промышленник и заводчик Урала Яковлев, солепромышленник и заводчик Турчанинов, строитель уральских заводов Твердышев и др.).

Яковлев в этом отношении представляет наиболее типичную фигуру в процессе формирования и накопления крупного промышленного капитала в руках представителей новой промышленной буржуазии из «низов общества». Молодой Савва Яковлев, мещанин Тверской губернии, пришёл в Петербург, по его собственным словам, «с полтиной в кармане и с родительским благословением». Начав с мелкой торговли рыбой в разнос, он затем нажил через откупа многие миллионы. В 1762 г. Яковлев «за особые услуги» был возведён в потомственное дворянство и получил право на крепостной труд. В 1769 г. Яковлев направляет свои миллионы в промышленные предприятия. Он купил у Демидова 5 заводов на Урале за 800 тыс. руб., затем купил Холу-

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, 1949, стр. 720.

ницкие заводы у Глебова, Верхне-Исетский — у графа Воронцова. Всего Яковлев купил и построил 22 горнометаллургических завода, купил Большую Ярославскую мануфактуру.

На уральских заводах Яковлева, как, впрочем, и у других владельцев, существовали крайне тяжёлые условия работы. Владельцы-промышленники, сохраняя все преимущества пережитков феодально-крепостнического строя, удерживавшегося на Урале, вводили ещё более жестокую капиталистическую эксплоатацию. Крупнейшие предприятия находились в руках единоличных владельцев, местных набобов-миллионеров, наживавшихся на беспощадной эксплоатации рабочих, при самой низкой технике производства. Типы этих промышленников-феодалов ярко изображены в литературе начала XIX в., в частности в известных романах Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы», «Горное гнездо» и др.

Другая, наиболее многочисленная и богатая капиталами, часть буржуазии вела своё начало с Волги, из Нижнего, из Москвы и состояла из представителей крупного торгового капитала, того «российского купечества» — откупщиков, торговцев хлебом, волжских судовладельцев и пр.; — типы которых позднее нашли блестящее литературное отражение в творениях А. Н. Островского. К ним примыкали низшие группы торгового класса, более мелкие по размерам капитала, связанные с торговым посредничеством в сбыте продуктов сельского хозяйства, мелкой кустарной и ремесленной промышленности. По своему невысокому культурному уровню и общественному положению они не могли играть сколько-нибудь большой роли в общественно-политической жизни страны.

Собственно промышленная крупная и влиятельная буржуазия к 60-м годам XIX в. представляла относительно небольшую верхушку крупных капиталистов основных промышленных районов, центрально-промышленного и уральского, преимущественно железоделательной и лёгкой промышленности. Только с половины XIX в. процесс формирования особого класса промышленной буржуазии начинает проявляться заметно, но всё же к наступлению капиталистической эпохи русская буржуазия не приобрела большого общественно-политического веса.

Со времени реформы 1861 г., на почве быстро идущей дифференциации крестьянства и классового его расслоения, класс буржуазии начинает стремительно пополняться снизу, из «низов общества» — освобождённого крестьянства, сельского кулачества, прасолов, скупщиков-кустарей, земельных спекулянтов и сельских ростовщиков. Конечно, только немногим из них удавалось «выбиться» в среду сколько-нибудь влиятельных кругов буржуазии, и большинство их оставалось, как их называли, «чумазыми», часто малограмотными богачами. Такой

преобладающий тип сохраняют эти представители новой русской буржуазии в первые одно-два десятилетия после реформы. В новых условиях они быстро накопляют и концентрируют капиталы, иногда даже превращаясь в «миллионщиков». Ещё быстрее растёт численность этих групп капиталистов. Но понятно, что ни о какой крупной общественной роли такой класс не мог думать. Его задачей было возможно более стремительное, не брезгающее никакими средствами, накопление капитала. Источником этого накопления и объектом эксплоатации являлась для них в основном полукрепостническая деревня, закабаляемый крестьянин, иногда мелкий городской ремесленник. На почве диференциации и расслоения деревни в ней вырастают новые слои русской мелкой буржуазии — сельский ростовщик, земельный спекулянт, кулак, мелкий скупщик и прасол. Из них выходили затем строители заводов, мануфактур и пр. Типы этих групп буржуазии были ярко описаны Успенским, Салтыковым-Щедриным, Горьким.

Однако уже с 70-х годов типичные общественные черты этой группы буржуазии начинают значительно меняться. Если её провинциальная масса состояла всё ещё из «чумазых» Колупаевых и Разуваевых, то столичная верхушка во втором-третьем поколении начинает от недавнего прасольства, скупки крестьянского сырья, деревенского кулачества переходить к строительству фабрик, участвовать в постройке железных дорог, в промышленном гроондерстве, а затем и в банковской деятельности, а вместе с тем и приобщаться к благам возросшей культуры и образования. Четвёртые их поколения в 900—910-х годах представлены уже европейски образованными «меценатами» — Морозовыми, Крестовниковыми, Рябушинскими, крупнейшими воротилами промышленного и банковского капитала.

Российская буржуазия начинает искать новых путей своего классового оформления и защиты своих классовых интересов. Появляются классовые организации в виде различных представительных её органов. Правда, первые попытки создания таких органов, относящиеся ещё к дореформенному времени, нельзя было признать сколько-нибудь удачными, так как это были чисто бюрократические привески к государственному управлению (Мануфактурный совет, Коммерческий совет и др.).

В 60—70-х годах начинают возникать представительные и общественные организации промышленников, приобретающие известный удельный вес. Образуется несколько обществ, возглавляющих искания и идеологию прогрессивной части русской промышленной буржуазии: Общество для содействия развитию промышленности и торговли, развернувшее большую деятельность по изучению условий русской промышленной экономики; затем Русское техническое общество (учреждённое в 1866 г.)

с многочисленными отделениями и др. Сюда же относятся всероссийские съезды фабрикантов и заводчиков (первый — в 1870 г.), всероссийские торгово-промышленные съезды (в 1896 г. в Нижнем-Новгороде) и ряд других. Ещё большее значение начинают приобретать возникающие почти в то же время представительные органы промышленников отдельных отраслей, например периодические съезды горнопромышленников юга России (первый — в 1874 г.), развившие вместе со своими постоянными органами оживлённую деятельность по защите интересов горнопромышленников в вопросах таможенной политики, железнодорожных тарифов, железнодорожного строительства, кредита и пр. Сюда же относится деятельность Постоянной конторы железозаводчиков (с 1887 г.), съездов и контор нефтепромышленников, организаций текстильной промышленности и пр. как первые шаги дальнейших монополистических объединений [1].

Вместе с описанным процессом формирования и развития русской промышленной буржуазии и русского национального капитала стали складываться и расти также и отдельные группы национальных капиталов и национальной буржуазии других народностей, входивших в состав империи и вовлекавшихся в капиталистическое развитие. Это складывание национальных групп буржуазии шло в общем теми же описанными выше путями, как и русской буржуазии, но имело и особенности, обусловленные социально-экономической и классовой структурой национальных районов.

В дальнейшем мы более подробно рассмотрим экономические и финансовые взаимоотношения этих отдельных национальных групп буржуазии в народном хозяйстве России в целом. Здесь лишь укажем, что со времени создания единой системы российского капитализма в 90-х и в 900-х годах, с развитием акционерного промышленного строительства, с развитием банков и финансового капитала, эти национальные и сословные особенности отдельных национальных групп буржуазии стираются и буржуазия в целом, несмотря на внутренние в её среде противоречия отдельных групп и районов, выступает объединённо в защите своих классовых интересов.

Российская буржуазия в начале XX в. представляла собой многонациональную общественную группу, объединявшую общими интересами вместе с представителями старого русского

---

[1] История русской буржуазии как класса ещё совершенно не затронута изучением. Почти единственной сводной работой является книга *Берлина*, Русская буржуазия в старое и новое время, М. 1922; см. также *Ч. М. Йоксимович*, Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем, 1915.

крупного торгового и промышленного капитала и другие многочисленные и разнообразные слои — представителей капитализирующегося русского и украинского поместного дворянства; инженеров-строителей и дельцов-чиновников; представителей татаро-армянского крупного капитала; разжившегося на поставках еврея-комиссионера, ставшего крупным промышленным и банковым воротилой; русского кулака-торговца; спекулянта-биржевика и скупщика; пустившегося в промышленное грюндерство польского магната; представителей иностранного капитала и пр. Каждый из них занимал своё место в общественной и промышленно-финансовой иерархии, но все они — хотя и каждая группа по-своему — выражали классовые стремления и чаяния буржуазии.

В этом отношении большое влияние оказывали как самые формы и новые пути промышленного строительства в виде развития банков, железных дорог, акционерных обществ, так и непосредственное участие в этом иностранного капитала. Бывшие мелкие подрядчики, строители, поставщики, дельцы-чиновники превращаются в «железнодорожных королей», как Самуил Поляков, бывший мелкий подрядчик из бедной еврейской семьи, родоначальник целой династии промышленных и банковых воротил; инженеры-строители полуиностранцы Блиох, Кербедз, Мекк; «капитаны промышленности», как Путилов; крупнейшие банковые воротилы, как Лазарь Поляков (брат Самуила), сын министра финансов Вышнеградский; выходцы из татаро-армянской мелкой торговой буржуазии Лианозов и Манташёв, превратившиеся в «нефтяных королей»; бывшие мелкие еврейские капиталисты и биржевые спекулянты — Соловейчик, Манус и др., ставшие во главе русских банков и их международных операций, и многие другие. Промышленные подъёмы и грюндерство 70—90-х годов были не только хорошим источником накопления и концентрации капитала, но и хорошей школой буржуазной «культуры» для российской буржуазии.

Тем не менее российская буржуазия даже в этих высших её кругах, не говоря уже о массе средней и мелкой, городской и сельской буржуазии, являлась в условиях русского самодержавного строя в преобладающей своей части не выразительницей либеральных идей, буржуазных свобод и прогрессивных общественных течений, а политически реакционным классом. Получая от самодержавия подачки и некоторую защиту своих классовых, экономических и технических интересов — и в первую очередь защиту против революционных и экономических требований рабочих, — буржуазия, особенно крупная, была фактически всегда — даже в годы общенародных революционных движений, как 1905—1906 и 1917 — союзником реакционных политических групп,

3. Формирование промышленного пролетариата

Процесс образования промышленного пролетариата, проходивший в Англии весьма рано (XVI—XVII вв.) и весьма бурно, в России проходил гораздо более замедленно в связи с длительным сохранением крепостнических отношений. Неправильно было бы думать, что крепостное хозяйство окончательно закрывало возможность подготовки и образования кадров промышленных рабочих. Наоборот, в оброчной системе и в отпуске крепостных крестьян на промышленные заработки оно нашло выгодный для себя способ увеличения доходов. Но крепостное хозяйство задерживало и экономически стесняло образование класса профессиональных промышленных рабочих. Поэтому ни с количественной, ни с качественной стороны сформировавшиеся в крепостном хозяйстве кадры промышленных рабочих не могли удовлетворять требованиям развивающейся капиталистической промышленности. Крепостная система отражалась и на общественных отношениях, складывавшихся между крестьянином-рабочим, с одной стороны, и помещиком-фабрикантом — с другой. Крестьянин превращался в фабричного рабочего, подвергался эксплоатации фабрикантом, оставаясь в то же время крепостным крестьянином.

Таким образом, косвенно слагались и отношения промышленного капиталиста к крепостнику-помещику: капиталист должен был в заработной плате крепостного фабричного рабочего, оброчного крестьянина, платить помещику его ренту — оброк; помещик мог в любое время (до закона 1835 г.) отозвать своего рабочего-крестьянина с фабрики. Понятно, что такое положение было нетерпимо для промышленного фабриканта.

Крепостной труд оплачивался дешевле вольнонаёмного благодаря низкому прожиточному уровню крепостного крестьянина, низкой его квалификации, непостоянству и сезонности работы и пр. Но низкая производительность крепостного труда в этих условиях не давала фабриканту реальных выгод и затрудняла быстрое развитие его производства.

Поэтому реформа 1861 г. должна была не только устранить все эти препятствия, но и в количественном отношении дать сильный толчок для образования кадров «свободного» фабричного пролетариата. И сама реформа была поэтому не только «крестьянской» реформой, но, освободив 10 млн. крепостных крестьян от личной зависимости и от значительной части принадлежавшей им земли, она тем самым разрешила и основной для капитализма вопрос о требующейся для него «свободной» рабочей силе.

Образование безземельного крестьянства было открыто проведено реформой 1861 г. для следующих групп бывших крепостных крестьян. Во-первых, для помещичьих дворовых и месячников, которых накануне реформы насчитывалось до 1461 тыс.

душ обоего пола; к ним следует присоединить 12 тыс. крепостных, принадлежавших беспоместным дворянам, и часть крестьян мелкопоместных имений в количестве 137 тыс. душ, не получивших наделов. Это были группы уже вполне пролетаризированного населения. Второй такой же группой были бывшие крепостные крестьяне вотчинных фабрик; их насчитывалось к моменту освобождения до 59 тыс. душ. Далее следуют крестьяне казённых заводов и фабрик в количестве 386 тыс. душ обоего пола и сверх того 230 тыс. мастеровых казённых горных заводов; это уже были настоящие пролетарии и квалифицированные рабочие. Наконец, приписанные к частным заводам на посессионном праве 519 тыс. душ обоего пола. Итого во всех этих группах, не получивших в 1861 г. земельных наделов или получивших их в ничтожном размере, было до 2,8 млн. душ обоего пола, а с некоторыми другими группами безземельного освобождения — около 3 млн. душ обоего пола [1], не считая таких кадров, как бывшие отставные солдаты, кантонисты и др. По подсчётам Лохтина, число обезземеленного реформой населения определяется до 2,6 млн. душ мужского пола, или около 11,4% крестьянства [2].

Но этим не исчерпываются те кадры безземельного пролетариата, которые были созданы в 1861 г. Не менее обширной группой фактически пролетаризированного населения явились те крайне недостаточно наделённые землёй крестьянские хозяйства, которые представляли собой лишь «рабочих с наделом». Если считать за таковых крестьян, получивших надел менее 1 десятины, то их окажется 5,5% ревизских душ мужского пола, или до 1 млн. душ обоего пола.

Таким образом, кадры безземельного крестьянства, созданные реформой, можно определить примерно до 4 млн. душ обоего пола. Эта масса и составила тот резерв, который стал питать развивающийся город и промышленность. И чем больше росли последние, тем больше и полностью пролетаризировалась эта масса «крестьянства» лишь по названию и паспорту. Об этом свидетельствует рост выдач так называемых «долгосрочных паспортов» крестьянам, уходившим на длительные работы в промышленность: число таких паспортов, достигавшее в 1861—1870 гг. 59,2 тыс. в год, в 1891—1900 гг. возросло до 1845 тыс. И тем не менее, несмотря на такой отлив из деревни этих безземельных и малоземельных, число их в деревне не уменьшалось: обследования 1893—1897 гг. определяли число безземельного сельского населения в 7%, т. е. до 4,3 млн., причём в некоторых губерниях число их достигало 11—17% (в Полтавской — 11,4%, в Нижегородской — 11,6, в Киевской — 16,7%).

---

[1] *П. И. Лященко,* Крестьянское дело, стр. 6—8 и след.

[2] *П. Лохтин,* Безземельный пролетариат в России, 1905, стр. 30.

Однако фактическое обезземеливание населения было значительно больше этих цифр безземельного населения, так как значительная доля «земельных» дворов своей землёй не пользовалась. Деревня включала обширные кадры «скрытого» перенаселения, всегда готового превратиться в кадры «действующего» пролетариата города и лишь удерживавшегося в деревне в связи с особыми, искусственно создаваемыми условиями. Для обозначения хозяйственного положения различных групп такого фактически безземельного населения земские переписи 1880—1890 гг. пользовались названиями «бесхозяйственных», «бездомовых», «не сеющих» дворов. Для 123 уездов Европейской России, по переписям 90-х годов, число таких «бесхозяйственных» дворов определялось до 10%, а «бездомовых» — до 4,7%[1], а по подсчётам Лохтина, общее количество обезземеленных крестьян всех видов (считая и наделённых до 1 десятины) составляло в 1905 г. 19,4% всего наличного крестьянского населения Европейской России. Ленин исчислял такое искусственное аграрное перенаселение русской деревни в 13 млн. душ[2].

Далеко не вся эта масса составляла пролетаризированное население, так как в неё входила часть крестьян, бросивших сельское хозяйство, но занятых торговлей, имевших предприятия и пр. Но всё же из этих цифр видно, что в экономике промышленного капитализма уже в 80-е годы образовались весьма крупные резервы того скрытого перенаселения, которое пополняло кадры промышленного пролетариата. Если считать, что число промышленных рабочих, занятых в крупной промышленности к концу XIX в., определялось примерно в 3 млн. человек (а с семейным составом свыше 7 млн.), то, очевидно, резервная армия капитализма обеспечивала его рабочими в тройном примерно количестве сравнительно с действующей армией[3].

Из этой резервной армии в первую очередь формировался необходимый для капитализма промышленный пролетариат, а также кадры сельскохозяйственных рабочих, в особенности для капиталистических районов юга. Пролетаризация деревни служила источником быстрого роста городского населения и обусловливала быстрый рост рынка для капитализма. В связи с этим после реформы городское население растёт вдвое быстрее общего роста населения: тогда как в 1863 г. из 61,4 млн. населения по 50 губерниям Европейской России в городах жило 6,1 млн. (9,9%), в 1897 г. из 94 млн. в городах жило 12 млн. (12,8%);

---

[1] *Н. А. Благовещенский,* Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям, М. 1893, стр. 133.

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 15, изд. 4, стр. 124.

[3] См. *А. Г. Рашин,* Формирование промышленного пролетариата в России, 1940.

другими словами, сельское население увеличилось на 48,5%, городское — на 97% [1].

Кроме города и промышленности, пролетаризирующееся население деревни, особенно на степном юге, в громадной степени поглощалось и капитализирующимся сельским хозяйством. По подсчётам С. Короленко, для конца 80-х годов в губерниях преимущественно перенаселённого земледельческого центра избыток рабочих рук сравнительно с местным спросом на них достигал 6 360 тыс. человек, а на юге недостаток рабочих рук для сельского хозяйства исчислялся до 2 173 тыс. человек [2].

По другим подсчётам, на основании данных земской статистики, для 148 уездов Европейской России из 5,1 млн. работников мужского пола было около 2,8 млн. «промышленников», т. е. занятых наёмным трудом в промышленности и «сельскохозяйственными промыслами», т. е. наймом на сельскохозяйственные работы, что составляло около 25% всех мужчин-работников в чернозёмной полосе и около 10% в нечернозёмной. Если распространить этот процент на всю Европейскую Россию, это даст как минимум 3,5 млн. сельскохозяйственных батраков [3]. Таким образом, капитализм в сельском хозяйстве имел уже значительную армию сельскохозяйственного пролетариата.

В некоторых районах избыточные кадры земледельческого пролетариата — батраков, безземельных, «рабочих с наделом» — были особенно значительны и не поглощались местным капиталистическим сельским хозяйством. Очень значительны они были, например, в Прибалтике, где они обслуживали крупное немецко-баронское и кулацкое хозяйство. В Польше, где капиталистическое сельское хозяйство было меньше развито, крупные избыточные массы батраков и безземельных ежегодно отправлялись в отхожие промыслы за границу, в Восточную Пруссию, где они жестоко эксплоатировались в немецких помещичьих и кулацких хозяйствах как наиболее дешёвые рабочие руки.

Аграрное перенаселение как результат недостаточно быстрого развития капитализма во многих местностях проявлялось в сильной степени. Поэтому уже с 80-х годов начинает происходить выбрасывание избытка рабочих рук из «перенаселённой» деревни в Сибирь и на восток. Главная масса переселенцев формировалась, если не всецело из безлошадных и безземельных, то во всяком случае из имеющих не более 1 десятины надела. Уже в 1882 г., когда переселение находилось ещё под законодательным запретом (чтобы не лишать помещиков на местах дешё-

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 495.

[2] «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. V, 1892.

[3] *Н. Ф. Руднев,* Промыслы крестьян Европейской России, «Сборник Саратовского земства», 1894. Ленин считает эту цифру Руднева «минимальной» (см. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 203).

вых рабочих рук), учтено было 10 тыс. «самовольных» переселенцев; в 1889 г. число переселенцев достигло 37,7 тыс., в 1891 г. — 82,1 тыс., в 1895 г. — 108,3 тыс., в 1896 г. — 202,3 тыс. и в 1899 г. — 223,9 тыс.

В формировании промышленного пролетариата в России, так же как и в формировании буржуазии, большое значение в период развитого капитализма получило образование национальных групп промышленного пролетариата. При известной обособленности отдельных районов и отраслей промышленности в некоторых из них получило преобладающее значение сформирование национальных кадров промышленных рабочих (в Польше — польские и еврейские рабочие, в Донбассе и на свеклосахарных заводах Украины — украинские, на нефтяных промыслах Баку — армяне, татары и азербайджанцы, в Средней Азии — узбеки и др.).

Во всех этих районах и отраслях в большом числе работали также и русские рабочие, преимущественно на работах, требующих более высокой квалификации. Нивелирующее и объединяющее влияние капиталистической промышленности с особой силой сказывалось в том, что русский рабочий, как более культурный и развитый, нёс в отсталые районы передовые идеи борьбы за освобождение рабочего класса, за национальное освобождение, подготовляя этим почву для будущего объединения рабочих всех национальностей России, которое принесла с собой Октябрьская социалистическая революция.

Рассматривая процесс формирования промышленного пролетариата в России, мы видели, что основным фондом для этого формирования класса промышленного пролетариата как при крепостном строе, так и в капиталистическую эпоху было крестьянство. В крепостную эпоху эти кадры формировались из оброчных крестьян, из крестьян, приписанных к казённым и посессионным мануфактурам, из рабочих вотчинных предприятий и пр. В капиталистическую эпоху промышленные кадры непосредственно пополнялись из безземельных и малоземельных крестьян. В гораздо меньшей степени в формировании промышленного пролетариата в России принимало участие городское ремесло, в несколько большей степени — сельское ремесло, которое проходило в этом направлении сложный путь «кустарного» производства, как начальный этап капиталистической мануфактуры.

Эта особенность формирования класса промышленного пролетариата в России получила большое политическое и социально-экономическое значение для дальнейшего развития внутренней структуры российского капитализма и обострения его противоречий, приведших к пролетарской революции и к падению капитализма. В главных капиталистических странах, где формиро-

вание промышленного пролетариата происходило уже после падения крепостничества и после почти полного исчезновения свободного мелкого крестьянства, социально-экономические и политические тенденции промышленного пролетариата как революционного класса не сходились, а иногда находились в резком противоречии с тенденциями мелкого крестьянства (как, например, во французской Вандее). В России, наоборот, при формировании кадров промышленного пролетариата непосредственно из крестьянства социально-экономические и революционно-политические стремления этих двух близких по своему генезису угнетённых классов часто полностью совпадали. Но крестьянство, как указывает товарищ Сталин, по своему социальному положению не могло возглавить революцию и стать её гегемоном. Когда формирование русского промышленного пролетариата (как это было в 80—90-х годах) часто ещё сливалось с отхожими, сезонными промыслами крестьянства, сознательные революционные тенденции промышленного пролетариата как класса не могли найти себе отражение в крестьянстве. Русский пролетариат в то время не мог достигнуть исторической миссии как гегемона революции в России, но и как передового отряда международного революционного движения. Только в первую русскую революцию промышленный пролетариат получил значение гегемона революции, который повёл за собой и крестьянство. Только когда Ленин и Сталин соединили рабочее движение с социализмом, когда ими была создана революционная классовая партия пролетариата — в процессе развития народной революции, была поставлена на очередь борьба за свержение господства буржуазии, т. е. пролетарская социалистическая революция. Только тогда русский пролетариат мог достигнуть выполнения своей исторической миссии как гегемона назревавшей в России социалистической революции путём завоевания диктатуры пролетариата под знаменем коммунистической партии и в союзе с трудящимся крестьянством.

4. Промышленный переворот

В Западной Европе фабричное машинное капиталистическое производство сменило имевшуюся до того времени ручную мануфактурную технику путём промышленной революции в конце XVIII и начале XIX в. Но промышленный переворот не ограничивался только изменением техники производства. «Переход от мануфактуры к фабрике, — говорит по этому поводу Ленин, — знаменует полный технический переворот... а за этим техническим переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц,

полный разрыв с традицией, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом»[1]. В основном, этот «раскол» между общественными группами лиц, участвующих в производстве, и «крутая ломка общественных отношений производства» сводились к окончательному сформированию антагонистических классов — промышленной буржуазии и промышленного пролетариата — и к революционному свержению старых, феодально-крепостнических порядков и классов.

В России этот промышленный переворот происходил в несколько иных условиях, со значительным запозданием и растянулся на долгое время. Новейший исследователь промышленного переворота в России датирует решающие сдвиги в перестройке мануфактуры на фабрику для России 1830—1860 гг., тогда как соответствующие даты для Англии — 1770—1800 гг.[2] Россия к концу крепостной эпохи отстала в своём промышленно-техническом развитии на 50—60 лет, между тем как в начале XVIII в. русская мануфактура стояла впереди Англии, а русское железо и полотно вывозились из России в Англию.

Отставание это произошло ввиду длительного господства в России крепостного строя. Крепостной строй и вся система крепостного хозяйства вместе с господством абсолютизма не создавали благоприятных условий для «крутой ломки общественных отношений». Крепостничество препятствовало формированию промышленной буржуазии и промышленного пролетариата, общественному разделению труда, образованию широкого рынка. А без «крутой ломки общественных отношений» промышленный переворот замедлялся и проходил не завершённым.

Капиталистическое машинное фабричное производство, которое уже с XVIII в. стало быстро развиваться на Западе, не могло получить применения в крепостном хозяйстве России XVIII—XIX вв. Хотя, как мы видели выше[3], многие заграничные машины и изобретения довольно скоро появлялись и в России, но они не находили здесь массового и прочного приложения. Капиталистическая машинная фабричная техника не могла в законченных формах создаться в рамках крепостного хозяйства. И поскольку в конце XVIII в. в промышленной технике вообще, как на Западе, так и в России, преобладала мануфактура, то в некоторых отраслях, например в чёрной металлургии, Россия стояла, как мы видели, впереди наиболее передовой промышленной страны, Англии, благодаря возможности организации более крупных предприятий на крепостнической основе. Но уже с начала XIX в. благодаря применению каменного угля

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 397.
[2] *С. Г. Струмилин*, Промышленный переворот в России, 1944, стр. 12.
[3] См. т. I настоящей работы, глава XXIV.

и нового способа получения железа из чугуна (пудлингование) промышленное развитие Англии быстро обгоняет Россию, а к середине столетия Россия становится уже одной из отсталых в промышленном отношении стран. Железоделательная крепостная промышленность Урала, не знавшая паровых машин и до середины XIX в. работавшая на примитивных кричных горнах, обнаружившая полнейший технический застой, представляет лучший пример невозможности законченной промышленной революции в рамках крепостной системы.

Но всё же технические предпосылки промышленного капитализма начали созревать ещё в недрах крепостной системы. Хлопчатобумажная индустрия наиболее рано, уже с 40-х годов XIX в., начинает всё более переходить на капиталистическую машинную технику. Конечно, эти текстильные машины производились ещё не отечественной капиталистической промышленностью. Они ввозились из Англии, например, в 50-х годах на 7,5 млн. руб. ежегодно. Но уже самый факт значительного потребления ввозных машин хлопчатобумажной промышленностью свидетельствовал, что ещё в крепостной период она стала усваивать капиталистическую машинную фабричную технику, становясь в этом отношении в зависимость от более развитой системы английского капитализма.

Хотя развитие машинной капиталистической техники в отдельных отраслях промышленности начинается ещё задолго до 1861 г., других — в 60—70-х годах, в некоторых и ещё позже, но вообще окончательная победа капиталистической фабрики, хотя и с техникой, отставшей от передовой западноевропейской, произошла для всех отраслей промышленности лишь к 90-м годам.

Так, хотя *хлопчатобумажная промышленность* первая начала ещё в 30—40-х годах переходить на усовершенствованные машины, но тем не менее в общей массе производства только с середины 70-х годов механическое ткачество вытесняет ручное. В 1866 г. всего в России были только 42 механические бумаготкацкие фабрики, в 1879 г. — 92, причём в 1866 г. на 94,6 тыс. рабочих, работающих на фабриках, приходилось 66,2 тыс. работающих на дому; в 1879 г. это соотношение было: 162,7 тыс. на фабриках и 50,2 тыс. на дому, а в 1894/95 г. — 242,1 тыс. на фабриках и только 20,5 тыс. на дому. Насколько велика была концентрация производства именно на механических фабриках, видно из того, что в 1866 г. на 42 механических ткацких фабриках, составлявших 9,1% общего числа предприятий, работало 20,7 тыс. рабочих ткачей, вырабатывавших 3,3 млн. кусков ткани, или 62% производства, тогда как 289 мелких ткацких предприятий с ручными станками производили всего 663 тыс. кусков. Степень концентрации производства в русской хлоп-

чатобумажной промышленности была даже выше, чем в Англии. Например, среднее число веретён в прядильнях России было 56 тыс., тогда как в Англии 40 тыс. К 1897 г. в России имелись уже 722 фабрики по обработке хлопка, в том числе 465 ткацких и 67 бумагопрядильных с числом рабочих 325 тыс., т. е. в среднем по 450 человек на предприятие. Общая стоимость аппаратуры этих капиталистических фабрик оценивалась в 246,8 млн. руб., из которых машин иностранного происхождения было на сумму 181 млн. руб., или до 73% всего оборудования. Другими словами, хлопчатобумажные фабрики создавались в значительной мере на базе иностранной привозной техники, иногда при непосредственном участии иностранных капиталов. Тем не менее хлопчатобумажная промышленность исторически представляет собой органически выросшее создание русского национального капитала. Об этом свидетельствует система «раздаточных контор» и работа на дому как придаток капиталистической мануфактуры, которая сохраняется у нас долгое время [1].

В других отраслях текстильной промышленности охват её крупным капиталом шёл значительно медленнее. Например, среди московских фабрик к концу 70-х годов в суконном производстве было 75,7% механических фабрик, в шерстяном и полушерстяном — 33,3, в шёлковом — 1,5%.

Ещё позднее происходит полный охват капиталистической техникой других отраслей нашей промышленности — рудной, металлургической, хотя, с другой стороны, он происходит здесь и наиболее быстрым темпом, в связи с наибольшим внедрением иностранного капитала. Например, в рудном деле только с конца 70-х годов ручной забой заменяется у нас перфоратором (механическим сверлом), но до 1890 г. перфоратор всё же приводился в действие силой рабочего и только к 900-м годам стал приводиться в действие механической и электрической силой, а стальное сверло было заменено алмазным. Между тем в Европе такая техника стала применяться уже в 70-х годах.

Очень характерно долгое сохранение отсталой техники в русской *металлургии*. Один из важных признаков капиталистической техники — работа на минеральном топливе вместо древесного: в России ещё в 90-е годы до двух третей чугуна получалось на древесном топливе, и только в 900-х годах до 57% стало выплавляться на минеральном топливе. Точно так же ещё в 70—80-х годах у нас был сильно развит такой отсталый технический способ доменного производства, как работа на холодном дутье. В западноевропейской промышленности горячее дутьё (состоящее в утилизации тепла, получающегося при плавке от горячих газов, благодаря чему достигается громад-

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 412.

ная экономия в топливе) было введено в 30-х годах и быстро вытеснило холодное. В России же и через 50 лет оно ещё далеко не везде применялось. Так, в 1885 г. из 195 доменных печей 88 были ещё на холодном дутье, в 1900 г. их было 32 из общего числа 302; но и к 1910 г. всё ещё их оставалось 11 из общего числа действовавших 165 печей. В железоделательном производстве медленно происходила смена отсталого кричного способа пудлингованием: в 1870 г. на 425 пудлинговых печей у нас приходилось 924 кричных горна, и только в 1893 г. число кричных горнов — 404 — было уже меньше числа пудлинговых печей — 640. В сталелитейном производстве так же медленно шло распространение более усовершенствованных универсальных мартеновских печей: в 1876 г. в России не было ещё ни одной мартеновской печи, при 8 бессемеровских, но уже в 1893 г. мартеновских печей было 105, при 15 бессемеровских. Последние остаются незаменимыми и наиболее рациональными лишь при выплавке фосфористо-кремнистого чугуна. Из всего производства стали в 1885 г. в 11,8 млн. пудов на мартеновское производство приходилось 4,6 млн., а в 1900 г. из 135 млн. пудов — 92,7 млн., в 1910 г. из 202 млн. пудов на мартен приходилось 167,5 млн. пудов. Отсталая техника только в 1890—1900 гг. начинает сменяться усовершенствованной.

Одной из отраслей, быстро усваивавшей передовую технику, являлась *нефтяная*. Однако и здесь местами почти до XX в. сохранялся самый примитивный способ «колодезной» добычи нефти (вручную, вёдрами из колодцев) или тартанием (из скважин желонками). Фонтанирование в 1891 г. давало из всей добычи в 274 млн. пудов до 39 млн., т. е. до 15%, и даже в 1910 г. из добычи в 484 млн. пудов — до 24 млн. Более усовершенствованные способы бурения скважин впервые стали применяться в Баку в 1871 г. в виде ударно-штангового бурения, которое господствовало здесь до 1910 г., когда в США оно было заменено вращательным и турбинным. Последнее было введено в Баку впервые в виде опыта в 1911 г. Наиболее же усовершенствованные способы эксплоатации в виде компрессорного и насосного способов получили здесь применение только после Октябрьской революции.

Помимо собственно производственной усовершенствованной машинной техники, большое значение в развитии промышленного капитализма имела усовершенствованная техника *транспорта* в виде парового железнодорожного и водного транспорта. Как мы видели, усвоение техники парового транспорта началось в России ещё в крепостной период, но большого распространения он тогда не получил. Разрешение свободного пароходства по всем рекам России относится ещё к 1843 г., коммерческое морское пароходство по Чёрному морю было организовано в 1856 г.

Но всё же только после 60-х годов пароходство, например на Волге, стало вытеснять отсталые формы судоходства, сплав на барках, бурлачество. Железнодорожное строительство хотя также началось ещё в 40—50-х годах, однако до 1861 г. дало очень небольшие результаты — 1500 вёрст железных дорог. Первый капиталистический подъём железнодорожного строительства 70-х годов шёл почти исключительно за счёт непосредственного ввоза из-за границы паровозов, вагонов, рельсов. Только с ростом чёрной металлургии и машиностроения в 90-х годах русский промышленный капитализм стал организовывать производство паровозов, вагонов и пароходов, быстро увеличивать железнодорожное строительство.

Русское изобретательство. Особенно губительно сказывалось влияние крепостничества на развитии самостоятельной научно-технической мысли в России. Царизм и крепостничество подавляли всякое проявление личной инициативы и изобретательства, не подготовили и не создали необходимой для капитализма технической культуры. Но, несмотря на подавление царизмом и крепостничеством всякой инициативы, несмотря на низкий уровень образования массы населения, русский народ в XVIII—XIX вв. выдвинул ряд талантливых и даже гениальных представителей науки и техники, изобретателей и пр. Однако только очень немногим из них, как Ломоносову (1711—1765 гг.), удавалось громадной волей пробить себе путь к науке. Но и труды Ломоносова в области химии, физики, электричества, стоявшие впереди современной ему европейской науки, долгое время не находили применения в русской жизни. Таким образом, усовершенствованная техника промышленного капитализма развивалась в России с большим запозданием. Русские промышленники предпочитали применять у себя в производстве иностранную технику и машины вместо того, чтобы реализовать русские изобретения. Иностранный капитал приходил в Россию не только со своей техникой и машинами, но и со своими мастерами и инженерами.

Поэтому, несмотря на ряд работ гениальных русских учёных в области естествознания, физики, химии, технических наук и пр., особенно в 60—90-х годах, их открытия и изобретения по-прежнему часто не находили применения в России. По данным, относящимся к 1917 г., за всё время до Октябрьской революции в России было выдано 24 992 патента на изобретения, т. е. в 10 раз меньше, чем в Германии (248 006), и в 40 с лишним раз меньше, чем в США (1034 227). Притом часто русские изобретения, получавшие мировую славу, в России не применялись, а изобретатели умирали в нищете.

Гениальный математик Лобачевский (1793—1856 гг.) своими «Новыми началами геометрии с полной теорией параллельных»

(1835—1838 гг.) сделал переворот в математической науке, но не был признан в России и подвергался лишь преследованиям.

Такие гениальные самоучки-механики и изобретатели XVIII в., как И. Кулибин (1735—1818 гг.), растрачивали свой талант на устройство фигурных часов при дворе Екатерины II, а замечательные для того времени работы Кулибина в области механики и строительства (самодвижущийся экипаж, машинное самодвижущееся водоходное судно, оптический телеграф, проект арочного моста) не находили применения.

В 1763 г. — на несколько лет ранее изобретения Уаттом паровой машины — горный мастер И. Ползунов, сын солдата Уральской горной роты, изобрёл и сконструировал паровую, «огневую» машину того же типа, как и машина Уатта. Хотя машина Ползунова была испробована и использована, на деле доказав свою пригодность, тем не менее она была заброшена, а изобретатель её умер в бедности.

Такая же судьба постигла в крепостнической России и многих других русских учёных и изобретателей, открытия которых много позже, часто под другим авторством и в других странах, производили переворот в технике.

Особенно значительных успехов русское изобретательство достигло в таких ведущих отраслях науки и техники, как электричество, металлургия, химия, машиностроение и пр.

Так, в 1802 г. самоучка, а затем петербургский профессор физики В. Петров впервые получил электрическую светящуюся дугу, названную впоследствии «вольтовой дугой», нашедшую широкое применение как изобретение, приписанное англичанину Дэви.

В 1832 г. русский учёный П. Шиллинг впервые изобрёл электромагнитный телеграф, получивший впоследствии всеобщее распространение в виде приборов Витстона и Кука, заимствованных у Шиллинга.

В 1810 г. русским инженером-изобретателем Фроловым была впервые (на 17 лет раньше США и Франции) изобретена и построена на Змеиногорском руднике рельсовая железная дорога. Для такой же железной дороги в 1833 г. Черепановым в Нижнем Тагиле построен первый в России паровоз оригинальной конструкции. Но тем не менее при дальнейшем развитии в России железнодорожного строительства рельсы и паровозы долгое время ввозились исключительно из-за границы.

В 1842 г. казанский химик Зинин впервые открыл анилин — исходное вещество для получения анилиновых красок, — который через несколько лет вновь «открыл» и запатентировал немецкий химик Гофман.

В 1837 г. русский учёный, академик-электротехник Якоби первый открыл гальванопластику, а в 1847 г. впервые на её основе применил электрический метод рафинации меди, кото-

рый лишь в 1865 г. стал применяться в Америке. Тот же Якоби впервые сконструировал электрическую лодку, которая в 1839 г. плавала по Неве, а спустя почти 50 лет появилась на реке Темзе в Лондоне и вызвала изумление современников.

Знаменитый русский изобретатель в области электрического освещения П. Яблочков впервые применил во многих городах России и за границей (во Франции, в Англии) электрическое освещение своей замечательной «свечой Яблочкова». Во Франции в 1876 г. изобретатель добился патента на свой способ освещения, получивший от парижан и лондонцев название «русского света». В России было организовано для эксплоатации изобретения товарищество «Яблочков-изобретатель и К°», но оно вскоре прогорело, а изобретатель умер в нищете. «Свеча Яблочкова» была побеждена другим изобретением — лампочкой накаливания американца Эдисона.

В те же годы другой русский электротехник, Лодыгин, ранее Эдисона изобрёл свою лампочку накаливания. Учреждённое в 1874 г. общество для эксплоатации этого изобретения прогорело, сам изобретатель был вынужден уехать в Америку, на службу к американской фирме Вестингауз. Возвратившись в 1906 г. в Россию, изобретатель мог получить на родине лишь должность... заведующего трамвайной подстанцией и, уехав обратно в Америку, умер там в нищете.

В области чёрной металлургии после первого же опубликования Бессемером нового способа производства железа русские железозаводчики пытались уже в 1857 г. применить его (на Всеволодовильвенском заводе на Урале), но эти опыты были неудачны, так же как и позднейшие опыты 1863—1864 гг. на Воткинском заводе. В то же время на Обуховском заводе в Петербурге была испытана оригинальная установка конвертеров бессемеровского типа, сконструированная замечательным русским инженером Д. К. Черновым (1839—1921 гг.). Хотя опыт был удачен, но этот способ «русского бессемерования» не получил применения и был в царской России заброшен.

В 1859 г. русский изобретатель мастер Ижорского завода В. С. Пятов изобрёл прокатку тяжёлых броневых плит вместо применявшейся тогда во всём мире ковки плит молотами. Спроектированный Пятовым проект оборудования завода был представлен им в министерство, которое отдало проект Пятова на отзыв англичанам. Проект Пятова был ими забракован, а затем английский инженер Браун представил проект Пятова от своего имени как «английское изобретение». Прокатка плит под видом «английского метода» была применена в 1863 г. на том же Ижорском заводе.

В 1895 г. русский физик Попов первый в мире сделал одно из замечательнейших открытий XIX—XX вв. — изобрёл

беспроволочный телеграф, радио; последнее, однако, вошло в мировую технику под авторством итальянца Маркони (1896 г.).

Учёный и изобретатель Циолковский в 1895 г., на 10 лет раньше знаменитого Цеппелина, сконструировал цельнометаллический дирижабль, но его работы не были признаны в России до Октябрьской революции.

Так условия жизни в царской России губили научную и изобретательскую мысль. Гениальные открытия Менделеева в области химии, работы Лебедева в физике, Тимирязева в питании растений, Мичурина в генетике и плодоводстве, Мечникова, Бутлерова и многих других находили больше признания за границей, чем в России.

В условиях российского самодержавия передовая русская наука не могла успешно развиваться, а русский капитализм не стремился создавать высокую и самостоятельную техническую культуру, необходимую для развитого и прогрессивного капитализма. Под защитой таможенных пошлин, охраняющих от иностранной конкуренции, капитализм мог обходиться и без высокой техники, так как и при низкой технике его прибыли и накопления были очень велики. Это обстоятельство придавало русскому капитализму отсталый характер.

Когда иностранный капитал стал внедряться в русскую промышленность, он стал приносить свою, относительно более совершенную технику. Но, защищённый большими привилегиями, он также не был заинтересован в насаждении в России первоклассной техники, ограничиваясь хищнической эксплоатацией производительных сил страны.

5. Общественная мысль о развитии капитализма в России

Так складывались основные условия развития русского промышленного капитализма. Многие из этих условий, как мы видели выше, имелись и подготовлялись уже в последнее десятилетие существования крепостного хозяйства. Общественные отношения и хозяйственные формы крепостничества, в которых были заинтересованы отживающие, но оставшиеся у власти господствующие крепостнические классы, отмирали медленно, так же как новые формы и отношения промышленного капитализма не могли сразу овладеть общественным хозяйством.

Несмотря на буржуазный характер реформы 1861 г., в общественных отношениях России сохранялись ещё остатки крепостнических отношений между землевладельческим классом и крестьянством, и в первую очередь — полукрепостные отработки в помещичьем хозяйстве, средневековые формы общинного землевладения в крестьянском хозяйстве с натурально-

потребительским его характером, с замедленным вследствие этого развитием товарно-капиталистических отношений и общественного разделения труда. Такой же недоразвитый характер сохраняли известное время и отношения между капиталистическим предпринимателем и наёмным промышленным рабочим, который лишь недавно оторвался от полукрепостнической деревни. Царское правительство всячески поддерживало и узаконяло эти крепостнические пережитки, являясь злейшим врагом народа.

Но в пореформенную эпоху важнейшим вопросом экономического и общественного развития и классовых отношений стал уже не вопрос о крепостничестве, как это было в XVIII в. и в первой половине XIX в., а вопрос об отношениях между трудом и капиталом, о противоречии интересов труда и капитала и о дальнейшем развитии и разрешении этих противоречий.

Когда с 70—90-х годов развитие капиталистических отношений стало итти быстрым, а иногда даже бурным темпом, этот вопрос о противоречии интересов труда и капитала, а вместе с тем о «судьбах капитализма» и об отношении к нему общества встал со всей силой. Но «новизна» капиталистических хозяйственных отношений сравнительно с недавним прошлым была настолько значительна, что заслоняла для апологетов буржуазного развития России то обстоятельство, что основные элементы этих отношений были заложены уже давно. Быстрое развитие капитализма разрушало старые феодальные докапиталистические отношения. Эта смена общественных форм была воспринята мелкобуржуазными экономистами как «насильственное» насаждение буржуазных отношений, принесённых извне, взамен самобытных отношений «народного производства». Отсталостью России, преобладанием крестьянства и мелкого крестьянского хозяйства объясняется широкое распространение и сохранение этих мелкобуржуазных теорий в России.

Так возникла реакционная идея об «искусственности» русского капитализма, о возможности избежать его в развитии русского народного хозяйства, о возможности «повернуть колесо истории» в противоположном направлении.

В русской общественной мысли и в литературе 70—80-х годов возникают идеологические направления, отрицающие целесообразность, возможность и даже факт капиталистического развития России. Эта экономическая идеология — по существу для данной эпохи реакционная — питалась из различных источников русской политической и экономической отсталой действительности. Феодально-крепостническое дворянство и после падения крепостничества стремилось сохранить в деревне докапиталистические отношения и своё господство под видом «патриархальных» отношений, обеспечивающих будто бы в деревне общее

благополучие и предохраняющих её от пролетаризации. Русская капиталистическая промышленность того времени сравнительно с промышленностью наиболее развитых капиталистических стран, особенно с английской, была технически и экономически отсталой и требовала для своего развития покровительства и защиты. Но вместе с тем капитализм уже открывал своё истинное лицо, обусловливая разорение мелкого производителя, нищенские условия живущих продажей своей рабочей силы, хищнические приёмы обогащения предпринимателей и пр. Народническая мелкобуржуазная интеллигенция, видя развитие «язвы пролетариатства», пыталась найти «самобытные» пути экономического развития России и «примирение» интересов труда и капитала, непримиримых по существу их социальной природы.

Эти течения общественно-экономической мысли в вопросах о сущности и о настоящих и будущих путях развития капитализма в России не были, конечно, чисто теоретическими, литературными течениями, а являлись отражением интересов определённых классов, которые играли основную роль в общественно-экономической жизни России. И не случайно поэтому, что особенное оживление споров о направлении общественно-экономического развития России приходится на 80—90-е годы, когда классовые противоречия стали особенно обостряться.

Дворянско-крепостническое течение в публицистической литературе было представлено такими органами прессы, как «Московские ведомости» во главе с Катковым, превратившимся из умеренного либерала в реакционного «зубра»; журналом «Русский вестник», прошедшим такую же эволюцию; газетой «Гражданин» Мещерского и др. В широких общественных кругах это направление не пользовалось каким-либо весом. Но, стоя близко к правительственным сферам, оно имело большое влияние на реакционную политику правительства, особенно в 80-х годах. Начав с проповеди о необходимости «поставить точку к реформе» 1861 г., дворянская реакция через эти органы прессы и непосредственно через высшие правительственные сферы оказала сильнейшее влияние на проведение реакционного законодательства 1880—1890 гг., особенно в отношении деревни (закон о земских начальниках, о семейных крестьянских разделах, о неотчуждаемости крестьянских наделов и пр.). С усилением реакции эти органы стали требовать общего пересмотра основ буржуазных реформ 1861 г. в целях их ликвидации.

Менее устойчивой была общеэкономическая и промышленная политика этого направления. В некоторых отношениях интересы господствующего дворянства в его либеральном крыле резко расходились с интересами буржуазии (покровительственная промышленная политика, внешнеторговая политика, денежная реформа и др.). Но как реакционное, так и либеральное дво-

рянство поддерживало буржуазию в борьбе против рабочего движения, против фабричного законодательства.

Что касается самой буржуазии, то капиталистическая экономика пореформенной эпохи должна была бы выдвинуть промышленную буржуазию на первое место как руководящую общественную силу с определённой и широкой политической программой и экономической идеологией. На самом деле, как мы указывали выше, русская буржуазия в 70—90-х годах, в силу сложившихся исторических условий, не смогла завоевать себе руководящего общественного значения. С наступлением эры капитализма зависимость русской буржуазии от правительства не только не ослабела, но и усилилась. Царское правительство, сохраняя свой феодально-крепостнический и дворянский характер, принуждено было заботиться и о развитии промышленности и само проявляло инициативу в её организации и покровительстве, поддерживая крупную промышленность и крупную буржуазию дорого оплачиваемыми казёнными заказами и пр.

Основные пункты программных требований крупной промышленной буржуазии, помимо общеэкономических мероприятий в виде развития кредита, банков, усовершенствованных путей сообщения и пр., сводились к требованиям усиленного таможенного протекционизма, к широкому предоставлению крупной (особенно металлургической) промышленности выгодных правительственных заказов, субсидий и пр. и к одному из самых важных — недопущению рабочего движения, запрету стачек и рабочих организаций в их борьбе за свои классовые интересы.

С конца 90-х и особенно с 900-х годов крупная буржуазия начинает усиленно развивать и обосновывать свою программу экономической политики. Она излагалась в общих и специальных органах прессы, на торгово-промышленных съездах, защищалась в представительных организациях буржуазии. Царское правительство в лице Вышеградского, Витте становится на защиту отечественного капитала не только мерами «воспитательного» протекционизма, но и прямо запретительными тарифами, правительственными заказами, субсидиями, кредитными и прочими мероприятиями. Однако никаких широких политических требований и программ русская буржуазия того времени не выдвинула. Только в 1905—1906 гг. очевидная неспособность царского правительства справиться с политическим, военным и социально-экономическим кризисом, поразившим страну, заставила либеральную часть буржуазии выставить политические, крайне робкие и оставшиеся безрезультатными требования.

Кроме самих лидеров промышленной буржуазии (Крестовников, Морозовы, Рябушинские, Авдаков, Путилов и пр.), выступавших часто в общей и специальной прессе и на съездах

с программными заявлениями, в печати принимала широкое участие буржуазная интеллигенция — литераторы-экономисты, профессора, инженеры, чиновники-специалисты из руководящих органов министерства финансов и промышленности. Наиболее выдающиеся руководители финансового и торгово-промышленного ведомств (Бунге, Вышнеградский, Витте, Тимирязев) сами были выходцами из буржуазной среды и много писали по экономическим вопросам. Они привлекали в число своих сотрудников крупных учёных — специалистов по различным вопросам народного хозяйства — по промышленности (В. И. Ковалевский), по привлечению иностранных капиталов (Б. Ф. Брандт), по денежному обращению (А. Н. Гурьев), податной политике (Н. К. Бржеский), таможенной системе (Н. Н. Покровский) и многих других. Многие инженеры и профессора активно работали в правительственных органах по вопросам разработки естественных богатств России. В этом отношении большим авторитетом в министерстве Витте пользовался знаменитый химик Д. И. Менделеев, много способствовавший развитию нашей горнорудной и нефтяной промышленности и являвшийся ярым защитником таможенного «воспитательного» протекционизма.

Программа и политика крупной промышленной буржуазии находилась в противоречии не только с интересами широких трудящихся масс и промышленного пролетариата, но и с интересами мелкой буржуазии. Последнее находит отражение в русской экономической мысли в 70—90-х годах, когда возникают особенно оживлённые споры о путях экономического развития России и о связанном с этим социальном вопросе — о противоречии интересов труда и капитала и о путях разрешения данных противоречий. Но если для промышленного пролетариата единственным путём разрешения классовых противоречий между трудом и капиталом был путь революционной борьбы за свои классовые интересы посредством организации политической партии, путь свержения власти капитала и завоевания диктатуры пролетариата, то идеологи мелкой буржуазии, народники, искали этот путь в замене капитализма и крупной капиталистической промышленности мелким «народным» производством, мелкой промышленностью, т. е. звали не вперёд, к социализму, а тащили назад, к средневековью и отсталости.

Когда в 70-х годах в связи с быстрым ростом товарно-капиталистических отношений в России остро встал вопрос о противоречиях между трудом и капиталом, народничество и отразило этот факт, но не с точки зрения широких классовых интересов пролетарских групп, а через призму полукрепостнических условий русской действительности и интересов мелкого производителя, мелкого буржуа, «...отразило поэтому уродливо, трусливо,

создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития...» [1] Эти интересы мелкого производителя — сельского и городского — находили идеологическое отражение в воззрениях народников, толковавших о «самобытности» экономического развития России, о преобладании в России некапиталистического «народного производства», в признании спасающей от капитализма роли земельной общины, в отрицании значения общественного разделения труда и развития капитализма, в проповеди «натурально-потребительского» характера крестьянского хозяйства, «соединения земледелия с домашней промышленностью» и т. п. Как экономическое течение это направление было глубоко реакционным, так как, несмотря на все свои рассуждения о «народном духе», о «всеобщем равенстве» и пр., оно фактически тянуло назад, к крепостничеству.

Как мы указывали выше, впервые вопрос о «самобытности» русского общественно-экономического развития был поставлен ещё в 30—40-х годах славянофилами (Аксаков, Хомяков, Самарин и др.). Исходя из своих идеалистических воззрений на общественное развитие как проявление «народного духа», они считали, что русская поземельная община является такой формой общественного устройства, которая даст возможность России избежать капиталистического пути развития. Даже Герцен, один из образованнейших людей того времени, ставя (в письмах к Линкольну) вопрос, «должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития или её жизнь пойдёт по иным законам», даёт ответ в смысле признания «самобытности» русского общественного развития и возможности благодаря общинному духу народа «пересоздать распадающееся общество» в духе социализма [2].

Вопрос о противоположности интересов труда и капитала и о необходимости его революционного разрешения был поставлен революционным народничеством 60-х годов, но решён был совершенно неправильно. Мысль, что в России социализм придёт не через диктатуру пролетариата, а через общину и крестьянство, была положена в основу народнических воззрений и программ. Считая, что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство и что земельная община является зародышем социализма, революционное народничество 60-х годов пыталось поднять крестьянство на борьбу с царизмом, а затем, после неудачи этих попыток, перешло к индивидуальному террору. После разгрома царским правительством

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 384.
[2] *А. И. Герцен,* Соч., т. V, 1878, стр. 278.

партии «Народная воля» большинство народников отказалось от революционной борьбы и стало на примиренческие позиции.

Идеи об «особенностях» экономического развития России, о возможности избежать капитализма и о спасительной в этом отношении роли земельной общины получили наиболее законченные формы в так называемом «легальном народничестве» 80—90-х годов, ставшим прямым выражением интересов кулачества.

Народники 80-х годов, эпигоны революционного народничества 60-х годов, превратили старую революционную, хотя ошибочную и утопическую, экономическую программу революционного народничества в оппортунистическую, реакционную программу, являвшуюся выражением интересов кулацких слоёв деревни и мелкобуржуазных слоёв города. Эти экономические идеи так называемого «легального народничества» по вопросу о сущности и направлении экономического развития России в 80—90-х годах наиболее полно изложены были в работе В. В. (В. Воронцова) «Судьбы капитализма в России» и в других многочисленных его работах. Исходным пунктом для В. В. является признание «самобытности» русского общественно-экономического развития в духе отрицания развития капитализма в России и отрицания революционной роли пролетариата. По мнению В. В., главной производительной силой в русском народном хозяйстве являются крестьяне. Железные дороги, капиталистическая промышленность, банки — всё это существует и живёт за счёт крестьянства и для крестьянского хозяйства. Но крестьянам не нужны ни железные дороги, ни банки, ни капиталистическая промышленность, так как крестьяне «ведут своё хозяйство не по законам европейской политической экономии», а в целях удовлетворения собственных потребностей. Земледелие и другие отрасли хозяйства обеспечивают всё необходимое для крестьянского потребления. Только малоземелье является, по мнению В. В., основной причиной развития в крестьянском хозяйстве денежных и рыночных отношений. Если бы была возможность достичь полного земельного обеспечения, то вместе с тем прекратился бы отход на фабрику и образование безземельного пролетариата. Взгляды В. В. — прямая идеализация натурального крестьянского хозяйства. В. В. отрицает существование общественного разделения труда как предпосылку развития товарного хозяйства и капитализма. Русский капитализм, по мнению В. В., «насаждён искусственно» и является «гостем, привлечённым насильно».

Но, к счастью, говорит В. В., капитализм в России, так искусственно поддерживаемый, не развивается и не сможет развиваться. Причиной этого В. В. считает необходимость для развития капитализма внешнего рынка. Между тем Россия не может рассчитывать на завоевание внешних рынков, так как

технически она является наиболее отсталой из европейских стран. Рассматривая фактические данные о количестве рабочих в русской фабричной промышленности, В. В. приходит к выводу, что число их падает.

Подобные же мысли были высказаны другими народническими авторами. Николай —он (Даниельсон) в «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893 г.) более подробно развивает мысль В. В., что русский капитализм есть только «капитализм обращения», что он не затрагивает основ некапиталистического крестьянского производства и является поэтому «мертворождённым».

Наибольшего влияния «легальное народничество» достигло в 80—90-х годах, т. е. как раз в период промышленного застоя и упадка и общественной реакции. Вожди народничества — В. В., Николай —он, Каблуков, Южаков, Михайловский — и их продолжатели — Пешехонов, Черненков, Кочаровский и др., — группируясь в 90-х годах вокруг их органа «Русское богатство», пропагандируя свои воззрения об «особенностях» экономического развития России, энергично выступали против революционного марксизма. Народники ставили во главу развития русской экономики крестьянское хозяйство, считая, что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство.

Поэтому, когда в России стали распространяться идеи революционного марксизма, его первой задачей стало теоретически исследовать и проложить верный путь революционному движению, для чего необходимо было прежде всего разоблачить ошибочность взглядов народников.

Основоположники научного социализма Маркс и Энгельс в основу своей теории революционной борьбы положили не утопические, субъективные пожелания, а научную теорию общественного развития. Исследовав законы развития общества, Маркс и Энгельс доказали, что и капиталистическое общество представляет лишь преходящую общественную формацию и в силу внутренних своих противоречий должно неизбежно притти к гибели. В лице пролетариата капитализм и создаёт своего могильщика. Но уничтожение капиталистического общества, превращение капиталистической собственности в собственность общественную, ликвидация самой возможности эксплоатации человека человеком могут произойти не мирным путём, а путём развития классовой борьбы революционного пролетариата с буржуазией, путём пролетарской революции, путём установления пролетариатом своего политического господства, диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата уничтожит господство буржуазии и создаст бесклассовое коммунистическое общество.

Только промышленный пролетариат как самый передовой класс капиталистического общества, по учению Маркса — Энгельса, может выполнить эту задачу и объединить общественные силы всех трудящихся для штурма капитализма. Для этого пролетариату нужна классовая политическая организация, рабочая коммунистическая партия.

Отсюда видно, насколько идеи народников, даже наиболее революционных их групп, были далеки от научного социализма и революционного марксизма. «Поэтому марксизм в России мог вырасти и окрепнуть лишь в борьбе с народничеством» [1]. К этому была направлена работа первой марксистской группы «Освобождение труда», основанной Плехановым. Но полный идейный разгром народничества был завершён Лениным, закрепившим торжество революционного марксизма в России. Но кроме народнического течения Ленину на этом пути приходилось бороться также и с буржуазными литературными течениями. В годы широкого распространения марксизма в России буржуазные интеллигенты стали «рядиться в марксистские одежды» и получили в связи с этим литературную кличку «легальных марксистов».

«Легальные марксисты» по существу являлись идейными выполнителями социального заказа русской развивающейся, прогрессивной буржуазии. Когда в 70—90-х годах развивающийся промышленный капитализм стал закреплять свои экономические позиции и искать путей «свободного» развития, он стал заявлять свои требования о необходимости освобождения русской экономической жизни от остатков полукрепостнических форм, задерживавших его развитие. В этом отношении защитникам буржуазного развития России также пришлось столкнуться прежде всего с народниками, отрицавшими и самый факт и «желательность», с их точки зрения, развития капитализма в России. Поэтому идеологам капиталистического развития России — какими были «легальные марксисты» — приходилось выступать против народников, доказывая не только самый факт развития капитализма и капиталистических отношений в России (рост числа фабрик, рост численности промышленных рабочих, падение домашней крестьянской промышленности и пр.), но и историческую неизбежность и прогрессивность таких явлений, как общественное разделение труда, рост рынка, развитие капиталистической техники и пр. сравнительно с отсталостью полукрепостнического «народного» производства.

Являясь в действительности чистейшими идеологами буржуазии и капиталистического пути развития России, они лишь прикрывались марксистской фразеологией, выбрасывая всё революционное содержание из учения Маркса. Считая, что они

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 13.

«объективно» исследуют этот вопрос, «легальные марксисты» отрицали классовую точку зрения при его решении и тем самым становились на сторону интересов буржуазии, призывая, словами Струве, «пойти на выучку к капитализму». Борясь против реакционных идей народничества, они «...знамя марксизма... пытались использовать для того, чтобы рабочее движение подчинить и приспособить к интересам буржуазного общества, к интересам буржуазии. Из учения Маркса они выбрасывали самое главное — учение о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата»[1].

Литературные выступления «легальных марксистов» под знаменем якобы «марксизма» находили известный отклик среди разнообразных кругов буржуазной интеллигенции и молодёжи. В то время не редки были случаи, когда буржуазная, купеческая пресса, защищая классовые интересы купечества (как, например, газета московского купечества «Русский курьер»), ссылалась на авторитет «великого мыслителя и учёного К. Маркса». Издание и распространение литературы, пропагандирующей идеи революционного марксизма, были сопряжены с громадными трудностями. Поэтому Ленин считал возможным использование печатных периодических органов «легального марксизма» в борьбе против народников, а также, например, совместный выпуск литературных сборников для пропаганды идей научного социализма и разоблачения народников. «Легальные марксисты» были поэтому лишь «временными попутчиками», и Ленин не переставал с ними бороться.

Одним из участников революционного демократического движения и крупнейшим публицистом 60—80-х годов был Шелгунов. Миросозерцание Шелгунова складывалось под разнообразным влиянием революционных идей Герцена и Чернышевского, народника-революционера Лаврова, публицистики Добролюбова и Писарева и др. В мировоззрении Шелгунова смутное отражение находили также некоторые идеи Маркса — Энгельса, с которыми он был знаком. Но органически он не усвоил революционно-марксистского миросозерцания. Попытки материалистически объяснить явления общественной жизни переплетались у него с идеалистическими воззрениями, а признание неизбежности и прогрессивности развития капитализма в России сочеталось с верой в крестьянскую общину как основу социализма. Под влиянием Энгельса Шелгунов резко выделял для России значение рабочего вопроса и сделал много для популяризации этих идей Энгельса. Шелгунов проделал долгий путь от народническо-крестьянских взглядов до провозглашения

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 22.

революционной борьбы за интересы рабочего класса, но так и остался эклектиком.

Другим писателем, одним из наиболее крупных экономистов, впервые в России популяризировавших Маркса, был Зибер. Его книга «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885 г.) сыграла большую роль в распространении в то время идей марксизма в России. Но революционная сторона марксизма была чужда Зиберу. Признавая для России неизбежность капиталистического развития, он утверждал, что «нашему мужику предстоит вывариться в фабричном котле». Большое значение для изучения экономического положения России и развития капитализма имели работы Флеровского (Берви) «Положение рабочего класса в России» (1-е изд. 1869 г.), Дементьева «Фабрика, что она даёт населению и что она у него берёт» (1-е изд. 1893 г.), а также работы Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898 г.), как первая и ценная (несмотря на ряд ошибочных положений и немарксистских взглядов в вопросе о сущности и происхождении мануфактуры в России, о положении крепостного труда и пр.) попытка осветить вопрос о происхождении капиталистической промышленности в России и опровергнуть мнение народников об «искусственности» и «нежизнеспособности» русского промышленного капитализма. Как об одной из первых ценных попыток марксистского освещения положения русской деревни в 90-е годы следует упомянуть о книге И. А. Гурвича «Экономическое положение русской деревни» (1896 г.). Наконец, известное значение в полемике с народниками имела книга Струве «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России» (1894 г.). Ленин в своей критике этой книги подчёркивает объективизм Струве и те особые черты, которые делают его книгу не критикой русской действительности революционным марксизмом, а лишь извращённым «отражением» марксизма в буржуазной литературе.

Ленин, давая характеристику представителям «легального марксизма», говорил, что это «...буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму» [1]. Революционный марксизм выступает поэтому, с одной стороны, против народников, с другой — против «легального марксизма».

Идея необходимости революционного свержения самодержавия и капитализма была смутно намечена ещё в революционном движении 50—60-х годов. В этом отношении совершенно особое и исключительное место среди русских экономистов 60—70-х

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 81.

годов, писавших о развитии капитализма в России и о возможности его революционного крушения, занимал Н. Г. Чернышевский. Он был, по словам Ленина, «...замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»[1], мечтавшим «...о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину...»[2] Однако при всём том Чернышевский был далёк как вообще от народнического отношения к вопросу о развитии капитализма, так и от народнической идеализации общины. Он считал, что община может предохранить Россию от «язвы пролетариатства», но указывал, что это могло бы быть лишь при определённых «гарантиях», т. е. в новых условиях политического и общественно-экономического развития России. Он не признавал общинное землевладение исключительно особенностью русского народного быта, а смотрел на него как на «общечеловеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа».

Мы видим, писал Чернышевский, какие печальные последствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возвратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас. «Раскрепощённая» община, освобождённая от «азиатства», может и должна служить у нас основой и переходной ступенью к социализму[3].

В связи с этим Чернышевский признавал положительную и прогрессивную роль развития капитализма в России, так как капитализм способствует развитию крупной промышленности, повышению техники, развитию машинного производства. Но путь дальнейшего переустройства капиталистического общества в социалистическое Чернышевский видел не в развитии внутренних противоречий капитализма и всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма, а в том, что на базе крестьянской общины и усвоения ею высокой механизированной техники земледелия должно развиться крупное коллективное хозяйство. Преимущество коллективных форм труда и крупного хозяйства в земледелии должно мобилизовать трудящихся к общему переустройству всего общества на социалистических началах.

Таким образом, утопизм Чернышевского не позволил ему полностью преодолеть его противоречивые взгляды на значение общины при переходе к социализму. Но всё же он ушёл далеко вперёд от народничества в правильном понимании революционных задач в деле социалистического преобразования России.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 224.
[2] Там же, т. 17, стр. 97.
[3] См. *Н. Г. Чернышевский*, Соч., т. IV и т. V.

С 80-х годов идеи марксизма в России начинают получать быстрое распространение. В 1883 г. Плеханов (сам раньше народник) порывает с народническими взглядами и организует за границей первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда». Следует, впрочем, отметить, что как в программе группы «Освобождение труда», так и в работах этого периода у самого Плеханова уже имелись те ошибочные взгляды, которые впоследствии стали зародышем его меньшевистских взглядов (недооценка роли крестьянства в союзе с пролетариатом и в борьбе за социалистическую революцию, допущение соглашений с буржуазией и пр.).

Но всё же организованная Плехановым группа «Освобождение труда» проделала большую работу по распространению марксизма в России. В своих дальнейших работах против народников Плеханов показал, что взгляды народников ничего общего не имеют с научным социализмом. Такие работы Плеханова, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», расчистили почву для победы революционного марксизма в России.

В своей работе «Наши разногласия» Плеханов, исходя из марксистской теории и метода «применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений» и на основе фактического статистического материала (в то время очень ограниченного), доказывал неправильность самой постановки вопроса народниками о возможности для России избежать капитализма, так как «...Россия *уже вступила* на путь капиталистического развития...» [1] Он разбил и второй ошибочный взгляд народничества о возможности достигнуть социализма при помощи крестьянства, руководимого интеллигенцией, и через крестьянскую общину, этот зародыш социализма. Он доказал, наоборот, что образование революционной рабочей партии есть единственное средство для разрешения экономических и политических противоречий современной России и для достижения социализма через пролетарскую революцию. Он, наконец, разбил и общие ошибочные взгляды народников на весь ход истории человечества.

Большое значение в популяризации и в философском, общесоциологическом обосновании марксизма, в развенчании «философии» народничества имела другая работа Плеханова (Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895 г.), «...на которой, — по словам Ленина, — воспиталось целое поколение русских марксистов...» [2] Большое

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 14.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 16, изд. 4, стр. 243, прим.

значение имела также его работа, посвящённая критике экономических теорий В. В., «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)» (1896 г.).

Таким образом, Плеханов нанёс решающий удар народнической системе взглядов, но им ещё не был завершён идейный разгром этого течения. Позднее Плеханов изменил проповедовавшимся им взглядам революционного марксизма и стал на путь примиренчества и соглашательства, признав невозможность социалистической революции в России.

Задача окончательного идейного разгрома народничества была выполнена Лениным, основателем партии большевиков, уже в первой его работе на эту тему: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.). Напечатанная в гектографированном издании в небольшом количестве экземпляров, эта работа, хотя долгое время и имела ограниченное распространение, явилась самой знаменательной марксистской работой, где не только давался анализ задач русских марксистов по организации социалистической рабочей партии, но и впервые дана была формулировка идеи революционного союза рабочих и крестьян как главного средства свержения царизма, помещиков, буржуазии. Ленин уже тогда указал путь пролетарской революции, которая спустя 23 года была осуществлена под его руководством. Исключительная по силе и последовательности критика Лениным народничества завершила идейный разгром народничества.

Другой замечательной (оставшейся в рукописи и долгое время не найденной) работой Ленина в те годы (1893 г.) была его статья «По поводу так называемого вопроса о рынках» [1]. С предельной ясностью и с присущим ему мастерством он излагал в ней марксистскую теорию воспроизводства — вопрос, который также играл большую роль в разоблачении ошибочных положений народников.

Ленин, до конца идейно разгромив народничество, в то же время со всей резкостью выступал и против буржуазного содержания «легального марксизма». Эта революционная классовая точка зрения по отношению к взглядам «легальных марксистов» проводится Лениным в его критике книги Струве, когда он указывает, помимо отдельных его ошибок, на основную черту его воззрений — на «...узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 59—108. Впервые напечатана в журнале «Большевик» № 21 за 1937 г.

антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс»[1].

Другая крупная работа Ленина, увидевшая свет в легальном издании того времени и поэтому получившая громадное значение в распространении марксистских воззрений на сущность экономического развития России, знаменовала новый сильнейший удар по теориям народничества. Это — его работа «Развитие капитализма в России» (1899 г.)[2]. Эта работа Ленина является блестящим применением марксистской теории к анализу общественно-экономического развития России.

После этой книги Ленина спор об общем характере экономического развития России мог считаться окончательно решённым. В конкретном историческом обзоре развития капитализма в России мы будем в дальнейшем неоднократно возвращаться к освещению этих вопросов Лениным в этом замечательном его труде.

Ещё раньше, чем было написано в ссылке в с. Шушенском «Развитие капитализма в России», Ленин, стоя во главе революционного марксизма в Петербурге, создал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и стал впервые проводить через него идею «соединения социализма с рабочим движением». Союз стал зачатком революционной партии нового типа, опирающейся на рабочее движение.

В этой борьбе за марксизм и за революционную рабочую партию Ленину приходилось вести упорную борьбу не только с такими антимарксистскими и либерально-буржуазными направлениями общественной мысли, как народники и легальные марксисты, но и с оппортунистическими течениями в самом рабочем движении, с экономистами, с меньшевиками и, позднее, — с отзовистами, ликвидаторами и пр. В своих работах «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», в статьях в «Искре» и др. Ленин блестяще преодолел как идейный разброд в течениях общественной мысли по вопросам революционного рабочего движения и социализма, так и раскольническую организационную политику меньшевиков, отзовистов, ликвидаторов.

После некоторого подъёма общественного движения в первые годы нового века и революции 1905 г. царским правительством были подавлены не только все массовые революционные выступления, но и всякие выступления в печати, в общественных организациях, в Государственной «третьеиюньской» думе. В общественной идеологии и в течениях общественной мысли наступила резкая реакция и полный разброд. Царское пра-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 477. Статья эта помещена первоначально в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», 1895, который был уничтожен царской цензурой.

[2] См. «Ленинский сборник XXXIII», 1940.

вительство, раздавив революцию 1905—1907 гг. силою оружия, в то же время начинает вести политику насаждения и покровительства контрреволюционных погромных партий и обществ. Основным ядром их было поместное реакционное дворянство, высшее духовенство, деклассированное городское население, контрреволюционная буржуазия, напуганная рабочим движением. Таковыми были «Совет объединённого дворянства», «Русское собрание», «Союз русского народа», «Русская монархическая партия» и пр. К ним примыкали группы реакционной буржуазии, образовавшиеся в партии «правового порядка», «Торгово-промышленная» и «Союз 17 октября» с программами, стоявшими на почве принципов самодержавия, национализма, подавления рабочего движения.

Особенно усилился в период реакции морально-политический разброд и распад среди интеллигенции и тех «попутчиков», которые раньше выступали в качестве «защитников народа». «Легальные марксисты» не только растеряли весь свой показной «марксизм», но и стали наиболее ярко выступать против теории и практики революционного марксизма. Лидеры легального марксизма Туган-Барановский, Струве отреклись от марксизма, примкнули к кадетам, а впоследствии к прямой контрреволюции. Эпигоны легального народничества, побеждённые в своих симпатиях к крестьянству столыпинской реакцией, заявили себя «неонародниками» (Кондратьев, Чаянов, Огановский и др.), фактически — ярыми защитниками кулачества. Все эти колеблющиеся элементы и ренегаты в дни реакции полностью отошли от либеральных общественных течений, от своих партий, вступили в союз и на службу самодержавию, оплёвывали революцию, «критиковали» марксизм, старались в своих писаниях отвлечь пролетариат от революционного пути и дискредитировать созданную Лениным партию пролетариата.

В эти годы упадочничества, морального общественного распада, бешеного похода реакции против революции, против партии революционного марксизма Ленин продолжал гениально обосновывать философские основы революционного марксизма, вскрывал язвы капитализма и его империалистической экономики на новом этапе развития, предвидя неизбежность революционного крушения капиталистического строя. К этим гениальным по глубине философского обоснования и исторического предвидения работам относятся такие работы Ленина, как «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция».

Вместе с тем на основе углублённого развития основ и идей марксизма В. И. Ленин вместе с товарищем Сталиным дают новые гениальные установки для стратегии и тактики партии

в проведении пролетарской революции (закон о неравномерности развития капитализма, о возможности проведения социалистической революции в одной, отдельно взятой стране, о союзе пролетариата и крестьянства в революции и др.). «Идейная марксистско-ленинская закалка, понимание перспектив революции помогли основному ядру большевиков, сплоченному вокруг Ленина, отстоять партию и ее революционные принципы» [1].

В связи с обсуждением в русской литературе 70—90-х годов вопросов о характере экономического развития России, о развитии капитализма, о значении в этом процессе крестьянской поземельной общины и пр. необходимо остановиться на высказываниях Маркса и Энгельса, которые с чрезвычайной глубиной осветили эти вопросы и дали замечательный прогноз дальнейшего экономического развития России.

Как мы указывали, Маркс чрезвычайно внимательно знакомился с историей и экономикой России, изучив для этого русский язык. Он неоднократно высказывался по основным вопросам истории России — о феодализме, о значении реформ Петра I, о крестьянской поземельной общине и пр. Проблема развития капитализма привлекала его особенное внимание и изучалась им по первоисточникам. Выдвинутый ещё Чернышевским и затем революционным народничеством вопрос о значении русской поземельной общины в деле социалистического переустройства также чрезвычайно интересовал Маркса. Народники не раз обращались к Марксу за разрешением ряда вопросов. Так возникла переписка Маркса с В. Засулич по вопросу об общине, а также переписка Маркса и Энгельса с первым переводчиком на русский язык «Капитала» — Н. Даниельсоном (Ник. —оном), полемика их с Ткачёвым и пр. [2]

Ещё в 1877 г. в известном письме в редакцию «Отечественных записок», тогдашнего органа народников, по поводу статьи Михайловского Маркс указывал на неправильность понимания Михайловским научного социализма. Занимаясь специально вопросами русской экономики и изучая её по первоисточникам, Маркс пришёл к выводу, что «если Россия будет продолжать... итти по тому пути, по которому следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя». Но, указывает далее Маркс, «...если Россия стремится стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние... годы она не мало потрудилась в этом направлении, — она не

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 138.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. IX, XXVI, XXVII, XXVIII.

достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подвержена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы...»[1]

Ещё более подробно останавливается на вопросах русского экономического развития Энгельс в ряде писем к Николаю —ону по поводу некоторых положений его книги о развитии русского капитализма. После того как с 1861 г. Россия вступила в новую промышленную эру, она будет продолжать своё капиталистическое развитие, которое может происходить исключительно только в форме крупного капиталистического производства. А с этим связано падение домашней крестьянской промышленности, обезземеливание крестьянства, образование большой резервной армии рабочих, неравномерность развития капитализма и его противоречия, кризисы и пр. Указывая в другом письме на утопичность народнических воззрений на русскую земельную общину, как на «зародыш» нового общественного строя, который мог бы «...спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима», Энгельс ссылается на «Коммунистический манифест», где говорится, что условие для этого могло бы лежать только в изменении экономической системы европейского Запада, в уничтожении капиталистической системы. А так как эти условия только начинают развиваться в настоящее время, то и для России остаётся единственный путь — путь капиталистического развития. Указывая также, что «процесс замещения около 500 тысяч помещиков и около 80 миллионов крестьян новым классом землевладельцев буржуазного типа не может быть выполнен без страшных страданий и потрясений», Энгельс в другом письме даёт прогноз будущих перспектив русского капитализма: «Капиталистическое производство непрерывно работает над своей собственной гибелью, и вы можете быть уверены, что то же самое оно будет делать и в России. Оно может произвести — а если оно продолжится достаточно долго, то даже несомненно произведет — коренную аграрную революцию, — я разумею революцию в условиях землевладения, которая разорит и помещика, и мужика и заместит их новым классом крупных землевладельцев... Во всяком случае, я убежден, что почтенные консерваторы, насаждавшие в России капитализм, будут в один прекрасный день страшно изумлены неожиданными последствиями их собственных дел»[2].

Таков был замечательный прогноз основоположников марксизма о путях капиталистического развития России и о будущем крушении капитализма.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 376, 377.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Письма, 1931, стр. 324.

Экономическое развитие России с конца 90-х годов и особенно в первые годы нового столетия ясно свидетельствовало о том, что Россия не только прочно стала на путь буржуазно-капиталистического развития, но и проходит высшие его этапы со всеми их последствиями. Вопрос уже мог итти не о коренных «особенностях» нашего развития, исключающих капиталистическую стадию развития, а лишь о формах и темпах этого капиталистического промышленного развития и вместе с тем о положении и роли тех или иных общественных групп и классов в процессе капиталистического развития России. Группировка общественных сил и классов пошла по пути, уже тогда (1894 г.) указанному Лениным, — по пути формирования революционного пролетариата, освобождения его идеологии от мелкобуржуазных влияний и создания революционной рабочей партии, под руководством которой русский пролетариат осуществил в 1917 г. пролетарскую социалистическую революцию.

Осуществилось гениальное предвидение Ленина, ибо ещё больше чем за 50 лет до этого он писал: «...русский **РАБОЧИЙ,** поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**» [1].

ГЛАВА II

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Общие условия развития сельского хозяйства. Реформой 1861 г. и отменой крепостничества «подорваны были все главные основания этой системы: натуральное хозяйство, замкнутость и самодовлеющий характер помещичьей вотчины, тесная связь между ее отдельными элементами, власть помещика над крестьянами». Но именно лишь подорваны, а не уничтожены окончательно. Указывая далее, что «...подобный переход к совершенно иной системе не мог, конечно, произойти сразу...», Ленин подчёркивает, что причинами такого замедления являлось, во-первых, то, что в сельском хозяйстве «...не было еще

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 282.

налицо тех условий, которые требуются для капиталистического производства. Требовался класс людей, привыкших к работе по найму, требовалась замена крестьянского инвентаря помещичьим; требовалась организация земледелия как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела»[1]. Во-вторых, старая барщинная система была лишь подорвана, а не уничтожена окончательно. Крестьянское хозяйство и после реформы ещё не было вполне отделено от помещичьего, так как в руках помещиков остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих земель крестьяне не могли вести самостоятельное хозяйство, и помещики могли продолжать старую систему хозяйства в форме отработков. Оставалась, наконец, и возможность внеэкономического принуждения (временно-обязанное состояние, телесные наказания и пр.). «...Капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть»[2].

Наше изучение пореформенной истории сельского хозяйства и должно, таким образом, сводиться к рассмотрению, с одной стороны, перерастания крепостнического помещичьего хозяйства в буржуазное, юнкерское, а с другой — процесса экспроприации и кабалы крестьянства в пореформенную эпоху.

По темпам исчезновения остатков полукрепостных отношений и возникновения капиталистических отдельные районы довольно резко различались друг от друга, так как в некоторых районах, как мы видели выше (например, на юге и юго-западе, на Украине, в значительной части нечернозёмной полосы), даже при крепостном праве имелись уже зачатки капиталистической организации сельского хозяйства с применением вольнонаёмного труда, машин, вложением капитала и пр. В других, наоборот, полукрепостные отношения сохранялись наиболее долго (центрально-земледельческий район). В целом можно считать, что указанная «переходная эпоха» со свойственным ей разнообразием форм сочетания крепостнической отработочной системы с системой капиталистической при постепенной победе последней охватывает период с 60-х годов до конца 80-х годов. Ленин приводит по этому вопросу таблицу, составленную Анненским, о распространённости той и другой системы к концу 80-х годов[3]:

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 159.
[2] Там же, стр. 160.
[3] «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», под ред. А. И. Чупрова и А. С. Посникова, 1897, т. I, ст. *Анненского*, Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах, стр. 170.

Группы губерний по преобладающей системе хозяйства у землевладельцев	Число губерний		
	в черноземной полосе	в нечерноземной полосе	Всего
I. Губернии с преобладанием *капиталистической* системы	9	10	19
II. Губернии с преобладанием *смешанной* системы	3	4	7
III. Губернии с преобладанием *отработочной* системы	12	5	17
Всего	24	19	43

«...Если в чисто русских губерниях, — говорит при этом Ленин, — преобладают отработки, то вообще по Евр. России капиталистическая система помещичьего хозяйства должна быть признана в настоящее время преобладающей» [1].

Соединение отработочной и капиталистической системы, в особенности в тех районах, где некоторое время сохраняли преобладание отработки, обусловливало наиболее медленные и тяжёлые, наименее прогрессивные формы развития здесь крестьянского сельского хозяйства. После реформы, при общем развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве, в помещичьих хозяйствах происходил также отбор наиболее экономически сильных из них, развивавших у себя товарно-капиталистическое производство, специализировавшихся на различных отраслях торгового земледелия, применявших в производстве машины и наёмный труд. Но другая, и притом значительная, часть помещичьих хозяйств представляла собой громадные крепостнические латифундии, которые основывали своё производство не на капиталистических началах, а на отработках, на испольной аренде и т. п. Поэтому борьба крестьянства против этих крепостнических латифундий и полукрепостнических способов эксплоатации составляет также одну из характерных черт, «гвоздь» пореформенной экономики. И хотя с развитием капитализма в сельском хозяйстве сословно-дворянское землевладение постепенно заменяется капиталистическим, купеческим и кулацко-крестьянским, тем не менее помещики оставались в России основными собственниками земли, а в помещичьих имениях преобладали крепостнические формы эксплоатации. Поэтому борьба против остатков крепостничества затянулась в течение всей капиталистической эпохи, закончившись лишь с Великой Октябрьской социалистической революцией.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 162.

Рост товарного хозяйства. Развитие товарного хозяйства не мирится ни с остатками натурального хозяйства, ни с остатками барщинной, отработочной системы. Прежнее натуральное хозяйство мелкого земледельческого производителя превращается в товарное и, подчиняясь капиталистическому рынку, начинает специализироваться на производстве товарных, рыночных продуктов.

Как указывает Ленин, «по самой природе земледелия, превращение его в товарное производство происходит особым путем, непохожим на соответствующий процесс в индустрии... Земледельческая же промышленность не раскалывается на совершенно отдельные отрасли, а только специализируется на производстве в одном случае — одного, в другом случае — другого рыночного продукта...» [1] Такая специализация земледелия сопровождается изменениями техники, применением машин, развитием технических предприятий по переработке сырья. Всё это вызывает необходимость применения капитала, иногда довольно крупного. Так возникают и усиленно развиваются такие специализированные отрасли, как свеклосахарное производство, сельскохозяйственное винокурение, картофелетёрочное и крахмало-паточное производство, маслоделие, сыроварение, очистка и первичная обработка льна и пр. Эти направления, требующие более или менее значительных вложений капитала, не всегда могли быть доступны не только крестьянскому хозяйству, но даже и не всякому помещичьему. Поэтому они становятся принадлежностью или более экономически сильных помещичьих хозяйств, или в некоторых случаях (например, в маслоделии, в переработке льна, в картофелетёрочном производстве) более крупного или кооперированного крестьянского. Такой рост товарного производства и специализированных его отраслей вызывал увеличение применения наёмного труда, создавал почву для развития капиталистических отношений в деревне, усиливая расслоение крестьянства и превращая часть его в батраков этих специализированных товарно-капиталистических, помещичьих или кулацко-крестьянских хозяйств.

Таким образом, основные процессы развития крестьянского сельского хозяйства в пореформенную эпоху сводились к развитию товарного хозяйства со всеми теми противоречиями, «... которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму...» [2], с борьбой отдельных хозяйств за свою хозяйственную самостоятельность, с сосредоточением средств производства в руках меньшинства и с пролетаризацией большинства. Этот процесс разложения крестьянства («раскрестья-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 267.
[2] Там же, стр. 140.

нивания»), идущий за счёт среднего крестьянства, создаёт на одном полюсе деревни сельскую буржуазию, на другом — сельский пролетариат. Первая уже в 80—90-х годах, по словам Ленина, являлась господином современной деревни. Это разложение хозяйства создавало внутренний рынок для развивающегося капитализма как в промышленности, так и в самом сельском хозяйстве. В сельском хозяйстве развитие внутреннего рынка выражалось в общем росте сельскохозяйственной продукции, в расширении посевных площадей и особенно в росте специализированных отраслей, в развитии специальных районов торгового земледелия, в росте потребления машин, в росте применения наёмного труда.

Однако в этом процессе разложения крестьянства и развития капиталистических отношений в деревне после реформы два обстоятельства имели важное задерживающее влияние. Во-первых, как указывает Ленин, громадную роль в деревне играл торговый и ростовщический капитал, который задерживал разложение крестьянства. Другим важным явлением, которое задерживало разложение крестьянства, являлись остатки барщинного хозяйства и отработки, которые «...основаны на натуральной оплате труда, — следовательно, на слабом развитии товарного хозяйства. Отработки предполагают и требуют именно среднего крестьянина, который не был бы вполне состоятельным... но не был бы также и пролетарием...» Благодаря распространённости этих явлений, как говорит Ленин, «в действительности настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы»[1].

Земельная община после реформы. В развитии крестьянского хозяйства после реформы большое значение получают также земельные его отношения, вылившиеся в развитие и укрепление передельной общины.

Мы указывали, что уже во время крепостного права, и особенно со времени введения подушной подати и усиления земельной тесноты в крестьянском хозяйстве, земельные переделы и передельная община стали приобретать большое значение. Так как земля и земледелие являлись главными, часто единственными источниками выполнения повинностей перед правительством (подушная подать) и перед помещиком (барщина и оброк), то крестьяне, естественно, должны были заботиться об обеспечении каждого работника, плательщика податей и повинностей, соответствующим количеством земли. При крепостном праве изменения в раскладке податей обычно при-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 153.

урочивались к так называемым «ревизиям», когда исчислялось количество крепостных, значащихся за каждым помещиком. Поэтому обычно после каждой ревизии крестьяне переделяли свою надельную землю по новому числу установленных ревизией «ревизских душ», притом уравнительно между ними, в соответствии с равным для каждой ревизской души «подушным окладом». Так крепостничество укрепляло существование крестьянской передельной уравнительной общины.

Реформа 1861 г. подтвердила существование передельно-уравнительных функций земельной общины тем, что надельная земля отводилась крестьянам не единолично, а всей общине в целом. При этом община могла время от времени переделять землю между отдельными членами, которые получали, таким образом, участки общинной земли лишь во временное пользование. Наконец, повинности выполнялись при помощи круговой поруки всей общины.

Всё это привело к тому, что после реформы, особенно с 80—90-х годов, когда «земельное утеснение» в крестьянском хозяйстве стало уже значительным, начинает замечаться и стремление крестьян к уравнительным переделам. Так как ревизий больше не производилось, а наличное население быстро росло, то общины стали переделять землю всякий раз, когда изменение семейного состава отдельных семей и неравномерность распределения земли достигали заметных размеров. При этом наделение производилось уже не по ревизским душам, а по наличным, в соответствии или с трудовым составом семей (по работникам), или по едокам, т. е. по общему числу семейного состава, включая малолетних и нетрудоспособных. Фактически общие переделы происходили иногда через 5—10—12 лет. Но кроме этих общих переделов, происходили частные переделы отдельных участков и угодий, а иногда почти ежегодные «свалки» и «навалки» «душ», т. е. перераспределение земли и связанных с ней податей в соответствии с изменившимся трудовым составом семей. Земельные переделы преследовали цели не только количественной уравнительности землепользования, но и качественного уравнения его. Поэтому обычно участки надельной земли разного качества или разной отдалённости от селений разбивались каждый отдельно по общему числу душ. А при трёхполье каждый участок делился ещё на три поля, и каждый член общества получал в каждом поле по крайней мере по одной полосе.

Такие условия землепользования в передельно-уравнительной общине приводили к крайне отрицательным последствиям для крестьянского хозяйства. Наделы отдельных дворов были разбросаны чересполосно в нескольких десятках участков (например, в некоторых общинах Московской губернии надел

состоял из 33 участков). Измельчание полос доходило до того, что шириной они бывали в несколько аршин. В связи с чересполосицей возникал так называемый принудительный севооборот, т. е. необходимость для всех домохозяев вести одинаковое трёхпольное хозяйство. Частые переделы и временность землепользования приводили к плохой обработке почвы, поля не удобрялись и т. п.

При всех этих отрицательных агротехнических последствиях передельная община не могла достичь и уравнительности землепользования, так как при быстро шедшем разложении и пролетаризации крестьянства надельные земли деревенской бедноты, уходящей на работу в города и на фабрики, сдавались в аренду кулакам и деревенским богатеям. К 90-м годам передельная община находилась в стадии полного экономического разложения. Это обстоятельство, вопреки утверждениям народников об уравнительности земельной общины, было блестяще вскрыто Лениным в его сделавшей эпоху работе «Развитие капитализма в России».

Таковы были основные моменты развития пореформенной экономики в крестьянском и помещичьем сельском хозяйстве. Кроме этих основных внутренних процессов расслоения и капитализации, на конкретные условия развития русского сельского хозяйства после реформы оказали важное влияние такие обстоятельства, как экономическая (и в особенности податная) политика государства по отношению к крестьянскому хозяйству и общая покровительственная политика по отношению к помещичьему. Наконец, такие внешние влияния, как мировой сельскохозяйственный кризис, которым было захвачено мировое сельское хозяйство в 1875—1894 гг., также сильно отразились и на русском сельском хозяйстве, когда оно стало работать на внешний рынок.

В дальнейшем мы остановимся на всех этих вопросах сельскохозяйственного и аграрного развития более подробно.

Положение крестьянского хозяйства после реформы. Реформа 1861 г. застала русское сельское хозяйство на крайне низкой технически-агрономической ступени развития. Как в нечернозёмной полосе, так и в более значительно населённых частях черноземной господствующей системой являлось трёхполье. В более южных частях господствовало ещё залежное хозяйство с экстенсивным скотоводством вообще и в частности с овцеводством, в особенности на юге и юго-востоке. В северных нечернозёмных губерниях лишь в очень немногих местах начали появляться травосеяние и специальные культуры. Вследствие отсутствия официальной сельскохозяйственной статистики до 80-х годов приходится в этом отношении пользоваться подсчётами отдельных исследователей. По данным проф.

Янсона, в 1875 г. общее распределение сельскохозяйственной площади было таково: пахотная земля занимала 98,2 млн. десятин (21,5%), сенокосы — 54,6 млн. (11,9%), леса — 138,6 млн. (30,2%), остальные — 167,4 млн. десятин (36,4%) — неудобные земли. Конечно, в отдельных районах это распределение было неодинаковым. Так, например, пашня в земледельческом центре и на западе занимала около 60% (без учёта неудобных земель)[1].

Во всяком случае, кроме земледельческого центра, господство трёхполья ещё не пришло к полной невозможности дальнейшего существования и не дожило ещё до своего кризиса. Из общей площади пашни пар занимал около 32 млн. десятин, т. е. около 33%; из остальной площади до 63,5 млн. десятин занимали зерновые хлеба (в том числе 51 млн. десятин — продовольственные и из них 23,9 млн. десятин — рожь), остальные незерновые и промышленно-технические растения занимали ничтожную площадь: картофель — около 1,5 млн. десятин, лён — 800 тыс., конопля — 500 тыс., свёкла — 212 тыс., табак — 41 тыс. десятин и т. д.

Количество скота в 1872 г. исчислялось в 16,4 млн. голов лошадей, 24,6 млн. голов крупного рогатого скота, 49,5 млн. овец и 10,5 млн. свиней. В переводе на крупный рогатый скот всё количество скота по Европейской России в 1851 г. составляло 49,2 млн. голов, в 1861 г. — 47,9 млн. и в 1871 г. — 49,8 млн. Оно было явно недостаточно для удобрения и поддержания плодородия при трёхпольной системе.

В земледелии подавляющую роль (до 97% посевной площади) занимали зерновые хлеба и лишь 3% — все незерновые и специальные технические культуры. Из зерновых хлебов до 36% посевной площади занимала рожь, около 17 — пшеница, 18 — овёс и 7% — ячмень; остальную площадь занимали гречиха, просо и прочие продовольственные хлеба. В последующие годы ещё более усилили как общую распашку земель, так и утрированные формы зернового хозяйства. Вследствие крайне низкой техники производства крестьянское земледельческое хозяйство, переобременённое всякого рода платежами государству и помещику, в первое же десятилетие после реформы начинает переживать сильнейший упадок.

Критическое положение крестьянского хозяйства как результат общих неблагоприятных условий, вызванных реформой 1861 г. и особенно малоземельем и обременительностью платежей, уже к 70-м годам стало ясным даже для правительства. Для последнего основным признаком деревенского «неблаго-

[1] *Ю. Э. Янсон,* Сравнительная статистика России и западно-европейских государств, 1880, т. II, отд. I, стр. 273, 277.

получия» являлся быстрый рост недоимочности. В связи с этим в 1872—1878 гг. правительством создаются в некоторых из наиболее недоимочных губерний местные комиссии и командируются чиновники для выяснения положения крестьянского хозяйства. Несмотря на специфический характер этих комиссий, состоявших из помещиков и чиновников, картина вскрылась ужасающая.

В Черниговской губернии, по донесению командированного чиновника, у крестьян часто «хлеб служит не как пища, а для спасения от голодной смерти», «хлеб употребляют с примесью сорных трав, выжимок, иногда до двух третей»; «от употребления в пищу коры и т. п. начали страдать опухолью всего тела». В Симбирской губернии «крестьянская земля за недоброкачественностью не даёт урожаев» и забрасывается. Те же явления отмечаются в Псковской, Тверской, Петербургской и в других губерниях.

Учреждённая «наподобие королевских комиссий в Англии» в 1872 г. правительственная Валуевская комиссия через показания «экспертов» (тоже, конечно, помещиков, предводителей дворянства, чиновников) установила не менее убийственную картину положения крестьянского хозяйства. Предводитель дворянства Ливенского уезда (Орловской губернии) пишет про сельское хозяйство своей местности, что «всякий, кто смотрит на него со стороны, подумает, что местность эта разорена неприятелем, до такой степени она представляется жалкою». Губернатор Курской губернии пишет, что сельское хозяйство «осталось в том же диком состоянии, в каком оно было прежде, как у помещиков, так и у крестьян». Помимо обычных для предводителей дворянства ссылок на пьянство и лень крестьян для объяснения такого положения крестьянского хозяйства большинство сколько-нибудь трезво смотрящих на дело помещиков признавало, что экономика крестьянского хозяйства в корне подорвана.

Переобременение крестьянского хозяйства платежами составляло одну из главных причин невозможности вести хозяйство. Крестьянские земли были обложены в 10—20 и даже в 40 раз более, чем помещичьи. Тогда как в помещичьем хозяйстве платежи составляли 2—10% доходности, в крестьянском хозяйстве они везде превышали 50%. Вообще из 208 млн. руб. податных сборов, падавших на всё сельское хозяйство, крестьяне платили 195 млн. руб. и помещики 13 млн. руб.[1]

В некоторых губерниях, в особенности для хозяйств с низким наделом, платежи часто превышали доходность хозяйства. Так, платежи хозяйств с низшим наделом в 70-х годах

[1] «Доклад Валуевской комиссии», стр. 35.

составляли в процентах к доходности крестьянских земель: в Самарской губернии — 129, в Симбирской — 189—240, в Брянском уезде — 400—456, в Харьковской губернии — 139—226 и т. д., т. е. превышали в 2—4 раза доходность хозяйства [1].

Таковы были непосредственные результаты реформы 1861 г. с её недостаточным наделением землёй и прямым малоземельем значительной части крестьянских хозяйств, не имевших возможности вести на своём наделе сколько-нибудь правильно поставленное и доходное земледельческое производство.

Насколько податной гнёт не соответствовал платёжеспособности крестьянского хозяйства и постоянно увеличивался, видно из следующей таблицы, показывающей процентное отношение крестьянских недоимок к годовому окладу податных сборов по отдельным губерниям за ряд лет (по официальным данным) [2].

Губернии	1871—1875 гг.	1876—1880 гг.	1881—1885 гг.	1886—1890 гг.	1891—1895 гг.	1896 г.	1898 г.
Симбирская	5	6	34	42	204	223	277
Тульская	3	5	16	35	124	151	244
Казанская	4	31	101	170	370	334	418
Оренбургская	43	54	46	135	448	334	277
Самарская	48	59	152	210	433	315	363
Уфимская	25	40	77	208	336	360	397

За 30 лет после «освободительной» реформы крестьянское хозяйство обнаружило полную свою неплатёжеспособность перед всё увеличивающимся обложением государственными, выкупными и прочими платежами. Крестьянство диференцировалось, масса его разорялась, уходила в отхожие промыслы, на переселение, забрасывала наделы и пролетаризировалась.

Если в годы сравнительно высокой рыночной конъюнктуры (1860—1870 гг.) крестьянское хозяйство поставлено было в крайне тяжёлые условия, то падение цен в 80—90-х годах должно было сказаться на нём особенно разорительно. Между тем, даже, например, в центрально-земледельческом районе, где имели наибольшее распространение натуральные формы оплаты труда и отработки, крестьянское хозяйство почти половину своих доходов получало в денежной форме. По подсчётам Ленина, для Воронежской губернии у средних групп до 41—46%, а у крайних групп (высших и низших) до 57—60%

[1] *П. И. Лященко,* Крестьянское дело, стр. 638—639.

[2] «Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды особого совещания 1899—1901 гг.», составил *А. Поленов,* 1901, стр. 8.

их приходо-расходов были денежные поступления, связанные с рынком и рыночной реализацией продуктов. В губерниях южных и юго-западных, работающих на экспорт, а также в губерниях нечернозёмных, шире производящих рыночные продукты, этот процент должен быть ещё выше. Поэтому понижение цен в 80—90-х годах приводило местами к абсолютному сокращению крестьянской пашни; в центрально-земледельческом районе, например, посевная площадь на крестьянских надельных землях сократилась с 12,6 млн. десятин в 1861—1870 гг. до 10—7 млн. десятин в 1881—1890 гг.

Сократилось и общее количество скота, этого основного показателя хозяйственного благосостояния крестьянства, а в низших группах происходило полное «обезлошадение». По данным военно-конских переписей, в 1888—1891 гг. по 48 губерниям безлошадных крестьянских дворов было 27,3%, а в 1896—1900 гг. — уже 29,2%. Абсолютное число безлошадных и одно-лошадных дворов, т. е. деревенской бедноты, возросло за то же время с 5,6 млн. до 6,6 млн. дворов. Но и число многолошадных дворов уменьшилось с 2,2 млн. дворов до 2 млн., или с 22 до 18,5%. «Рост нищеты и экспроприации крестьянства, — говорит по поводу этих цифр Ленин,— не подлежит сомнению»[1].

Но, как мы увидим далее, вопрос о пореформенной экономике крестьянского хозяйства не исчерпывается только обнищанием и разорением его. Суть процесса сводилась к «разложению» крестьянства, к развитию капиталистических отношений, к образованию капиталистического рынка.

Зерновое хозяйство и кризис трёхполья. Отсталость крестьянского хозяйства, его низкий технический уровень, господство средневековых форм общинного землевладения при нужде крестьянского хозяйства в денежных средствах должны были толкать к расширению распашек в самых отсталых и нерациональных формах. Поэтому пореформенное крестьянское хозяйство характеризуется форсированным расширением зерновых посевных площадей. Но это расширение не было признаком экономического роста крестьянского хозяйства. Форсированный рост зерновых посевов вызывался необходимостью для крестьянского хозяйства увеличения товарно-денежных поступлений, особенно в центрально-земледельческих чернозёмных губерниях. Сельскохозяйственная статистика того времени не даёт сколько-нибудь исчерпывающих данных о посевных площадях за продолжительный период, почему приходится довольствоваться отрывочными сопоставлениями разных (не всегда совпадающих) источников.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 118.

Так, по 45 губерниям Европейской России общее количество пахотной земли определялось в 60-х годах и по сравнению с ними в 1881 и 1887 гг. (в тыс. десятин)[1]:

	В начале 60-х годов	В 1881 г.	В 1887 г.
Черноземная полоса	49 034	65 493	73 164
Нечерноземная полоса	33 499	28 782	30 629
Всего по 45 губерниям	82 533	94 275	103 793

Таким образом, уже в середине 80-х годов по сравнению с 60-ми годами наблюдается, с одной стороны, очень быстрый рост пахотной площади в губерниях черноземной полосы — в 24 млн. десятин, с другой — замедление роста и даже сокращение посевной площади в губерниях нечерноземных. Если принять пахотную площадь в 60-х годах за 100, то изменения её к 1881 и 1887 гг. представятся следующими относительными цифрами (в %):

	1881 г.	1887 г.
Черноземная полоса	133,6	149,2
Нечерноземная полоса	85,9	91,4
Всего по 45 губерниям	114,2	125,8

Таким образом, тогда как площадь пашни в нечерноземных губерниях уменьшилась почти на 10%, в черноземных губерниях она увеличилась почти на 50%. Рост производства хлеба на южных и юго-восточных окраинах России Ленин ставит в прямую связь с падением крепостного права и быстрым ростом капиталистических отношений[2]. Происходило резкое обособление районов по их значению в земледельческой культуре: сокращение её в северных промысловых губерниях и расширение в черноземно-земледельческих. И так как рост пашни в черноземных губерниях шёл значительно быстрее, чем сокра-

[1] «Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в.». Министерство земледелия и государственных имуществ, Спб. 1902, III, табл. 4, стр. 44—45.

[2] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 64—65.

щение её в нечерноземных, то общие итоги земледельческого производства и в частности зерновых хлебов возрастали. На окраинах рост пашен обеспечивался поднятием новых земель, сокращением залежи и развитием крупного капиталистического или фермерского хозяйства. В центре увеличение пашни шло путём сокращения площади лугов и выгонов и влекло за собой дальнейшее расширение господствующей здесь малопроизводительной трёхпольной системы. На юге и востоке эта распашка приводила к увеличению пшеничной и ячменной культуры, в центре — ржаной. Благодаря этому размеры посевных площадей под зерновыми хлебами увеличились. В 1881 г. в Европейской России посевная площадь составляла 60,6% всей пашни, а из всей посевной площади зерновые хлеба составляли 91,3%. Другими словами, зерновое направление являлось в целом господствующим. В такой форме проявлялось развитие товарного хозяйства и торгового земледелия в зерновых районах.

Но если для южной пшеницы имелся близкий и широкий экспортный рынок, то форсированное производство серых крестьянских хлебов в земледельческом центре при относительной узости внутреннего рынка ставило земледельческое хозяйство этого района в особенно невыгодное положение. Уже в 90-х годах обнаруживается прекращение роста посевной площади под зерновыми хлебами во многих губерниях, особенно земледельческого центра, а местами и прямое её сокращение.

Так, если сравнить посевную площадь под зерновыми хлебами 80-х годов и начала 900-х годов, то обнаруживается следующее сокращение посевной площади: в земледельческом центре — 3—10% (Рязанская — 10%, Тульская — 10, Орловская — 5, Курская — 5, Воронежская — 3%), в нечерноземных губерниях—9—19% (Тверская — 9%, Нижегородская — 10, Московская — 19%). Наоборот, за то же время в губерниях юга, юго-востока, запада посевная площадь сильно растёт (Бессарабская — 41%, Екатеринославская — 59, Самарская — 57, Таврическая — 46, Подольская и Волынская — 18, Могилёвская — 30, Витебская — 25% и т. д.). В нечерноземных губерниях сокращение посевной площади под зерновыми хлебами свидетельствовало о переходе к более интенсивным формам скотоводческого и травопольного хозяйства, к специальным культурам. Но для земледельческого центра такое сокращение посевных площадей знаменовало прямой кризис господствовавшего здесь зернового хозяйства. Распашка земель уже к 80-м годам достигала здесь 70—75%. Падение цен, вызванное мировым кризисом, усилило сокращение посевной площади: за время с 60-х годов к концу 90-х годов посевная площадь под зерновыми хлебами в крестьянском хозяйстве сократилась в этом районе с 12,6 млн. до 10,4 млн. десятин.

Таким образом, в нечернозёмной полосе приостановка роста пашни и в особенности культуры зерновых хлебов наблюдается уже с 60—70-х годов. В центрально-земледельческом районе рост пашни и посевных площадей под зерновыми хлебами прекращается в 80—90-е годы. Но тем не менее экспансия зернового хозяйства на юге, востоке, юго-востоке была настолько значительна и быстра, что общие размеры урожая и зернового производства в целом непрерывно росли и к 900-м годам дают увеличение сборов зерновых хлебов до 2,5—3,3 млрд. пудов.

Рост зернового производства к 900-м годам. Общие размеры роста сельскохозяйственного производства по 50 губерниям Европейской России хорошо иллюстрируются следующей таблицей Ленина [1].

Периоды	Население (в млн. душ)	Чистый сбор всех хлебов и картофеля (млн. четв.)	На одну душу населения приходится	
			зерновых хлебов	картофеля
			(в четвертях чистого сбора)	
1864—1866	61,4	152,8	2,21	0,27
1883—1887	81,7	255,2	2,68	0,44
1900—1905	107,6	396,5	2,81	0,87

Таким образом, население возросло за 40 лет на 75,2%, сбор хлебов и картофеля — на 159, в том числе сбор картофеля — на 452,3%, т. е. население возросло в 2 раза меньше, чем сбор всех хлебов и картофеля, а количество собираемого хлеба и картофеля на одну душу населения возросло на 48,4%. Из отдельных районов чистый сбор в расчёте на душу увеличился с 1864—1866 до 1883—1887 гг., например, в южном степном — с 2,09 до 3,42 четверти, в нижневолжском и заволжском — с 2,12 до 3,35 четверти.

Следовательно, в целом для всей страны росли как производительность сельского хозяйства, так и общие размеры его производства. В частности для зерновых хлебов за более поздние годы, когда имеются более точные статистические данные, можно привести следующие цифры посевной площади и сбора хлебов для 50 губерний Европейской России [2].

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 214.

[2] Составлена по статистическим данным «Урожай хлебов», изд. Центрального статистического комитета за соответствующие годы.

Годы	Всего зерновых хлебов	В том числе			
		пшеница	рожь	ячмень	овёс
	Посевная площадь (в млн. десятин)				
1881	59,0	10,7	23,2	4,6	12,9
1883—1887	59,9	10,7	23,9	4,6	12,9
1893—1895	60,4	12,0	22,8	5,8	12,3
1896—1900	64,1	13,7	23,4	6,4	13,4
	Сбор хлебов (в млн. пудов)				
1886—1890	2 243,9	351,8	970,5	183,0	519,4
1891—1895	2 497,6	457,6	993,4	279,1	531,9
1896—1900	2 734,9	500,8	1 090,0	274,7	595,4

Таким образом, за 15 лет (1886—1900 гг.) сборы всех хлебов в 50 губерниях возросли на 500 млн. пудов, в частности пшеницы на 150 млн. и ячменя на 90 млн. Если к этим 50 губерниям присоединить остальные местности Европейской и Азиатской России, то общий темп возрастания посевных площадей и валовых урожаев даст ещё бо́льшие цифры. Для последнего пятилетия 1895—1900 гг. общая посевная площадь под зерновыми составляла 75,7 млн. десятин, а сбор — около 3,3 млрд. пудов. Таким образом, Россия увеличила в течение 30 лет после реформы свои урожаи зерновых хлебов с 2 млрд. до 3,3 млрд. пудов — темпы для того времени довольно значительные. Но главное увеличение производства хлеба происходило за счёт южных и юго-восточных районов, где капитализм развивался быстрее, приближаясь к американскому типу развития, в то время как в центрально-земледельческом районе производство хлеба почти не увеличилось.

Посмотрим теперь, как развивались специализированные, товарные отрасли сельского хозяйства, которые до реформы имели очень небольшое значение.

Рост специальных культур. В северных нечернозёмных губерниях переход от зернового направления хозяйства к посевам специальных культур и к животноводству был отчасти подготовлен ещё в крепостную эпоху. Так, в нечернозёмных губерниях вообще и особенно в подстоличных, западных и северных, ещё в крепостную эпоху имелись многопольные севообороты и животноводческие направления хозяйства. В связи с развитием городской жизни здесь начинает расти молочное хозяйство для сбыта продуктов в города — молока, сыра, масла и пр. Товарное производство молочных продуктов в 10 северных губерниях в 1879 г. оценивалось в 3 370,7 тыс.

руб. и в 7 промышленных — в 1088 тыс. руб., т. е. всего до 4,5 млн. руб. Молочное производство приобретало здесь товарно-промысловое значение, не только преобразуя рутинную технику как помещичьего, так и крестьянского хозяйства, но и изменяя его социальные основы — развивая применение машин, наёмного труда, требуя вложения капитала, разлагая прежние «потребительские» основы крестьянского молочного скотоводства.

Такие же явления отмечались и в другом районе развития специальных культур и льноводства — в Псковской, Смоленской, Тверской и в других губерниях. Этот район всё более становится главным и наиболее крупным центром производства льна. Насколько быстро стало развиваться льноводство, показывают следующие данные: общее производство льна в Европейской России увеличилось с 12 млн. пудов в конце 60-х годов до 20 млн. пудов в начале 80-х годов и 26 млн. пудов в среднем за 1893—1897 гг.[1] Рос также и вывоз льна, увеличившийся с 4,6 млн. пудов в среднем за 1857—1861 гг. до 13,3 млн. пудов в среднем за 1894—1897 гг. И здесь развитие льноводства вытесняло из местного сельского хозяйства зерновые культуры, увеличивая спрос на привозной хлеб, расширяло товарный сбыт льна для внутренней промышленности и для вывоза и, наконец, изменяло всю экономику и технику хозяйства, вызывая необходимость перехода к усовершенствованным системам, улучшению техники, работе на рынок и т. п.

Наиболее революционизирующее влияние на сельское хозяйство отдельных районов оказал переход к промышленно-техническим культурам и к заводской переработке их продуктов. Такова была, например, культура картофеля в северных и западных губерниях, которая не только изменяла всю систему земледелия и севооборота, но и увеличивала переработку этого местного сырья на картофелетёрочных или винокуренных заводах. Производство картофеля после 60-х годов сильно возросло как за счёт роста спроса на него для нужд потребления, так и за счёт увеличения промышленной переработки: потребление картофеля на винокурение с 6,9 млн. пудов в 1867 г. увеличилось до 102 млн. пудов в 1896/97 г.[2] Картофельно-крахмальное производство увеличилось за период с 1860 по 1890 г. с 270 тыс. до 1 760 тыс. руб.[3]

Наконец, одним из важнейших промышленно-технических направлений сельского хозяйства, начавших усиленно развиваться с 60-х годов, являлось свеклосахарное производство.

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 241.
[2] См. там же, стр. 247.
[3] См. там же, стр. 252.

Посевная площадь под сахарной свёклой, исчислявшаяся в 60-х годах около 100 тыс. и в 70-х годах около 160 тыс. десятин, в 1896—1898 гг. исчислялась уже в 369 тыс. десятин; количество перерабатываемой свекловицы возросло за это время с 4,1 млн. до 35 млн. берковцев [1]. Свеклосеяние и свекло-сахарное производство, связанные со значительным вложением капитала, с применением большого числа наёмных рабочих, составляли главную форму крупного капиталистического помещичьего хозяйства юго-западных и части западных и южных губерний.

Помимо этих специальных отраслей, выделявшихся в некоторых крупных районах как основные технические направления товарного земледельческого хозяйства, и в остальных земледельческих районах под влиянием городского спроса, роста промышленности и пр. начинают развиваться другие, более мелкие товарные отрасли сельского хозяйства. Таковы товарное огородничество, в особенности, например, в Ярославской губернии, садоводство и табаководство в южных губерниях, маслобойное производство и пр. [2]

Разложение крестьянства в 80—90-х годах. Быстрое развитие товарного хозяйства приводило к быстрому расслоению крестьянства, т. е., с одной стороны, к выделению из него деревенской буржуазии, кулачества, а с другой — к пролетаризации маломощных групп за счёт «вымывания» середняка. Сельскохозяйственный кризис 80—90-х годов особенно ускорил и усилил этот процесс создания противоположных экономических групп. Поэтому 80—90-е годы являются годами наиболее бурно выраженного процесса разложения крестьянства и капиталистической экспроприации масс мелких производителей.

Как мы указали выше, вопрос о диференциации крестьянства в своё время, в 80—90-е годы, был одним из боевых вопросов нашей экономической литературы и публицистики в спорах марксистов и народников о «судьбах капитализма в России». Экономисты-народники из-за упадка в это время крестьянского хозяйства не видели другого явления — расслоения крестьянского хозяйства и выделения из него мелкокапиталистических групп, развивающих своё капиталистическое хозяйство.

Ленин в одной из наиболее ранних своих работ (1893 г.) по вопросу об образовании рынка в условиях развития капитализма указывал, что в этом процессе «...главное место занимает именно *разложение* наших мелких производителей. Возь-

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 249.

[2] Подробные данные о росте торгового земледелия и специализации его см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 213—284.

мем ли мы крестьян-земледельцев — окажется, что, с одной стороны, крестьяне массами забрасывают землю, теряют хозяйственную самостоятельность, обращаются в пролетариев, с другой стороны, крестьяне расширяют постоянно запашки и переходят к улучшенной культуре. С одной стороны, крестьяне теряют земледельческий инвентарь (живой и мертвый), — с другой стороны, крестьяне заводят улучшенный инвентарь, начинают приобретать машины и т. п... С одной стороны, крестьяне бросают землю, продают наделы, сдают их в аренду, — с другой стороны, крестьяне же арендуют наделы и с жадностью покупают частновладельческие земли.

...Капитализм и обеднение массы не только не исключают, а, напротив, взаимно обусловливают друг друга...» [1]

Наиболее полный, блестящий классический анализ этого явления был дан Лениным в его работе «Развитие капитализма в России». В ней Ленин на основании громадной массы фактов доказал, что в русской деревне 1890—1900 гг., так же как и во всей русской экономике, происходил процесс развития капиталистических отношений и образования капиталистического рынка, сопровождавшийся разложением мелких самостоятельных производителей в области как сельского хозяйства, так и промышленности.

Напомним лишь те основные выводы, которые были сделаны Лениным по вопросу о диференциации крестьянства на основании обширного материала земских переписей почти по всем губерниям [2].

Высшие группы имеют вообще более высокий численный семейный состав. Благодаря этому 20% дворов, принадлежащих к высшим экономическим группам, имеют 26—30% населения. Но и этот крупный состав семьи не мог, как мы увидим далее, удовлетворить производственные цели этих хозяйств. Несмотря на наличие общинного «уравнительного» землевладения, высшие группы владели более значительной долей надельной земли, чем им приходилось бы по числу надельных душ их семейного состава.

Надельное землевладение ещё очень слабо отражало неравномерность пользования землёй. Распределение купчей и арендованной земли даёт более яркое представление о землевладении различных крестьянских групп. Так, купчая земля сосредоточивалась в подавляющей массе в высших группах. 20% всех дворов имели 60, 70 и даже до 90% купчей земли, тогда как 50% дворов (низшие группы) имели в разных губерниях 0,4—12,8% и максимум 15% купчей земли.

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 4, стр. 92—93.
[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 48—154.

Ещё более эта неравномерность землепользования подчёркивалась арендой: высшая группа в 20% дворов сосредоточивала 49—83,7% всей арендованной земли, тогда как группы малоземельные арендовали землю в значительно меньших размерах: на половину дворов приходилось всего от 5 до 16% арендованной земли. Наоборот, сдача земли давала обратные показатели: главные сдатчики земли — низшие группы (на 50% их падало 63—98% всей сданной земли). Таким образом, вопреки народническим утверждениям о «трудовом» характере аренды и сдачи Ленин различает продовольственную и предпринимательскую аренду. Аренда носила предпринимательский характер у зажиточных слоёв крестьянства и продовольственный — у бедноты и значительной части середняков. Беднота, арендуя 1—2 десятины пашни у помещиков, платила за неё кабальную цену деньгами, а в большинстве арендовала «исполу» или за «отработки».

В результате таких внутренних перемещений землепользования действительное землепользование давало такую картину: 20% дворов высших групп пользовалось 35—50% всей земли, 50% дворов низших групп — 20—30% всей земли. При этом в распределении посевов эта неравномерность сказывалась ещё более значительно, чем в землепользовании, так как низшие группы даже не вполне использовали свою землю для посева: на них приходилось всего 16—31% посева, тогда как 20% высших групп имели 34—56% посева.

Группировка по скоту, особенно по рабочему скоту, обнаруживала такое же распределение, идущее параллельно росту земледельческого хозяйства.

Чрезвычайно показательным моментом для характеристики развития капиталистических отношений в крестьянстве являлась наличность торгово-промышленных заведений в различных группах. В земских обследованиях классовый характер этого статистического показателя часто смазывался. Под общим названием «промыслов» торгово-промышленные заведения предпринимательского типа объединялись в одну группу с «промысловыми» заработками пролетарских слоёв крестьянства, основанными на продаже собственной рабочей силы. Разделяя эти явления, Ленин показал, что пятая часть дворов (зажиточная группа) сосредоточивала около половины торгово-промышленных заведений, тогда как половина дворов, беднота, — всего около одной пятой. Наоборот, промысловые заработки пролетарского характера сосредоточены в бедных дворах, на 50% этих дворов приходилось 60—90% таких «промыслов».

С одной стороны, мы видим, что «зажиточные крестьяне вкладывают, следовательно, капитал и в земледелие (покупка земли, аренда, наем рабочих, улучшение орудий и пр.), и

в промышленные заведения, и в торговлю, и в ростовщичество...» С другой стороны, в низших, бедняцких группах преобладают «...тоже «промыслы», имеющие однако противоположное значение, знаменующие превращение крестьянина в пролетария»[1].

Важнейшим признаком, свидетельствующим о разложении крестьянства, является выделение, с одной стороны, батраков, с другой стороны, хозяев-капиталистов. Этот процесс можно обнаружить, например, по степени распространения в различных группах хозяйств, нанимающих батраков. Дворы с наймом батраков сосредоточивались в громадной доле в зажиточном крестьянстве: 48—78% всех дворов с наймом батраков падали на зажиточную группу, равную 20% всех дворов.

Наконец, высшие и низшие группы занимают различное положение по размерам доходов и расходов на одно хозяйство, по составу этих доходов и расходов. Ленин на основании бюджетных данных по Воронежской губернии за 1889 г., группируя крестьянские хозяйства по признаку обеспеченности скотом, вычислил, что низшие группы хозяйств (без рабочего скота) имели валовой доход на хозяйство в 118 р. 10 к., в том числе денежных доходов на 64 р. 57 к.; высшие (с 5 и более голов рабочего скота) имели валового дохода 1766 р. 79 к., в том числе денежных доходов 1047 р. 26 к. В расходной части низшие группы имели всего расходов на одно хозяйство 109 р. 08 к., в том числе денежных расходов 62 р. 29 к., тогда как для высших групп соответствующие цифры будут 1593 р. 77 к. и 959 р. 20 к. В частности на питание семьи затрачивалось покупных продуктов на одну душу в низших группах 1 р. 43 к. в год, в высших — 6 р. 41 к. Наконец, из всей суммы денежных расходов на одно хозяйство низшие группы затрачивали 62,9% на личное потребление, 12,3% на хозяйственные расходы и 24,8% на подати, высшие же группы на личное потребление затрачивали лишь 19,6% своих денежных расходов, 71,6% на хозяйство и 8,8% на подати. «...Превращение крестьянства в сельский пролетариат, — заключает Ленин, — создает рынок главным образом на предметы потребления, а превращение его в сельскую буржуазию — создает рынок главным образом на средства производства»[2].

Таким образом, несмотря на все дефекты земской статистики, В. И. Ленину всё же удалось вскрыть тот процесс расслоения крестьянства, который привёл к образованию в деревне, с одной стороны, сельской буржуазии, с другой — сельского пролетариата. Крепкое земледельческое крестьянство, владельцы

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 110.
[2] Там же, стр. 135.

торгово-промышленных заведений, владельцы денежно-ростовщического капитала, по примерному подсчёту Ленина, занимали не более одной пятой части всех дворов и составляли около трёх десятых всего населения. По своей экономической мощи эта группа являлась безусловно «господином современной деревни». С другой стороны, сельский пролетариат, класс наёмных рабочих с наделом, безземельное и малоземельное крестьянство, батраки, существовавшие, главным образом, продажей рабочей силы, и пр. составляли примерно около половины дворов и около четырёх десятых всего населения. Промежуточная среди них группа средних крестьянских дворов, примерно в 30% всего числа дворов и населения, составляла переходный слой, который, разлагаясь, давал, с одной стороны, элементы капиталистические, с другой — пролетарские [1].

Шёл ли далее этот процесс разложения крестьянства и как быстро? По этому вопросу в земских статистических исследованиях 80—90-х годов не было точных статистических доказательств [2]. Но всё же общие данные показывали, что этот процесс усилился с 70—80-х до 900-х годов. Экономика деревни через 30 лет после «освобождения» была совсем иной сравнительно с экономикой крепостной деревни. И если даже в крепостную эпоху через крепостную уравнительность пробивалось хозяйственное разложение крестьянства, то, конечно, «освободительная» реформа действительно освободила и усилила эти тенденции. Общий промышленный и сельскохозяйственный подъём конца 90-х годов создал условия, ещё более способствовавшие разложению крестьянского хозяйства.

Поэтому повторные земские статистические обследования крестьянского хозяйства в 900-х годах, равно как и общие статистические данные, показывают, что все отмеченные выше процессы развития капиталистических отношений в деревне — увеличение площади землепользования у более сильных групп путём прикупки земли и расширения аренды, сосредоточение в своих руках рабочего скота, улучшение обработки путём применения машин и удобрений, увеличение товарности вырабатываемой продукции, увеличение применения наёмного труда — развивались в крестьянском хозяйстве и в последующие годы.

Достаточно указать, например, что частное землевладение крестьян быстро увеличивалось и к концу 90-х годов достигло около 21 млн. десятин против 5,6 млн. после реформы. Что эти покупки совершались более мощными, кулацкими группами, показывает хотя бы тот факт, что покупки земли через Крестьян-

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 99—112.
[2] См. там же, стр. 149.

ский банк сельскими обществами, т. е. всей массой крестьян, составляли всего около четверти всех покупок, тогда как более сильные группы, покупавшие единолично и товариществами, купили до трёх четвертей всей земли. О том же свидетельствует и то обстоятельство, что крупные покупки, свыше 100 десятин, занимали до 60%.

Не меньшее значение в расширении земледельческого хозяйства продолжала иметь аренда частновладельческой земли. Наряду с кабальной, испольной и отработочной, полукрепостнической арендой в 900-х годах стала всё шире развиваться денежная аренда. За деньги преимущественно арендовали более зажиточные группы. Официальный обозреватель трудов «местных комитетов» в «Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности» 1902 г. констатирует, что «почти половина крестьянских хозяйств не участвует в съёмке земель за отсутствием необходимых для того средств и арендной пользуются лишь дворы с известным достатком... Менее состоятельные крестьяне оттесняются от земли более состоятельными»[1].

Этот же факт подтверждался и повторными земскими исследованиями во многих губерниях. Приведём по этому поводу несколько данных по центрально-земледельческому району. В Тульской губернии (1899 г.), например в группе мелких хозяйств, с посевом до 1 десятины, число арендующих дворов было всего 3,6%, в крупных, с посевом свыше 10 десятин, — 95%, причём на двор арендовали в первом случае 0,5 десятины, во втором — 8,9. Для Воронежской губернии (1900 г.) те же соотношения характеризуются следующими цифрами: в низшей группе, с посевом до 1 десятины, число арендующих дворов было 7,9% с арендой на двор 0,87 десятины; в высших группах, с посевом 20—40 десятин, — 87,4% арендующих дворов с арендой на двор 12,7 десятины; в группе с посевом свыше 40 десятин арендующих дворов было 69,7% с арендой на двор 112,9 десятины. В Полтавской губернии такие же цифры: для сеющих до 2 десятин — 27,2% арендующих дворов с 0,9 десятины аренды на двор; для групп с посевом 15—50 десятин — 42,8% арендующих дворов и 12,8 десятины аренды на двор.

Таким образом, кулацкие хозяйства, деревенская буржуазия, в десятки раз интенсивнее обеспечивали себя арендой земли, чем бедняцкие и середняцкие хозяйства. Конечно, для этого нужны были средства производства. Поэтому, например, в той же Полтавской губернии (1900 г.) в низшей группе, с посевом 1—2 десятины, приходилось в среднем скота на хозяйство 1,3 головы, в высшей, с посевом в 50 десятин и более, — 28,2 головы. В Воронежской губернии в беспосевных группах

[1] «Свод трудов местных комитетов. Аренда», Спб. 1902.

было 92,7% бесскотных дворов и 92,5% безинвентарных дворов. Группы с посевом до 1 десятины имели 83,5% бесскотных и 84,2% безинвентарных дворов, тогда как в группе с посевом свыше 40 десятин 79,2% дворов были четырёхлошадные, а безинвентарных в числе их было всего 0,2% дворов. В Екатеринославском уезде (1899 г.) в числе безземельных дворов 44,5% было безлошадных, тогда как среди дворов с посевом свыше 25 десятин 94% дворов было четырёхлошадных. В то же время у многопосевных хозяйств на одно хозяйство приходилось 5,73 машины, у малопосевных — 3,45 машины. Наконец, 32% крупных хозяйств имели наёмных рабочих в среднем по 3,5 рабочих на хозяйство. В Тульской губернии (1910 г.) на 100 хозяйств в группах с посевом до 5 десятин не приходилось ни плугов, ни молотилок; в группах с посевом свыше 25 десятин приходилось 87 плугов и 183 молотилки. Ясно, что крупное кулацкое хозяйство давало и более высокие производственные результаты. В Полтавской губернии сбор пшеницы в низших группах был 86 пудов, в высших — 110 пудов с десятины. У 4,2% наиболее крупных хозяев имелось более трети всех хлебных излишков, а 12,8% зажиточных хозяйств имели две трети всех хлебных излишков[1].

Помещичье хозяйство после реформы. Посмотрим теперь, каково было экономическое положение помещичьего пореформенного хозяйства. Остановимся прежде всего на выяснении основного элемента социальной силы этого хозяйства — на его землевладении.

Распределение земель после реформы 1861 г. первой земельной переписью 1877 г. определяется так[2]. Из общего количества всех учтённых по 49 губерниям земель в 391 млн. десятин к категории «крестьянских надельных» земель принадлежало 131,4 млн. десятин (33,6%), в том числе удобных 116,8 млн. десятин (29,9%), частным владельцам — 93,4 млн. десятин (23,8%) и 150,4 млн. десятин (38,5%) принадлежали казне. Понятно, что тотчас после реформы помещики-дворяне были главными собственниками 93 млн. десятин частновладельческой земли; из этого числа у дворян-помещиков в 60-х годах было 79,1 млн. десятин. Ещё в 70-х годах они имели 73,1 млн.

---

[1] О диференциации крестьянства в 1900—1910 гг. на основании данных повторных земских переписей см. *З.* и *Н. Свавицкие,* Земские подворные переписи 1880—1913 гг., 1926. См. также *П. И. Лященко,* Мобилизация землевладения в России и его статистика, «Русская мысль», 1905, кн. II.

[2] «Статистика поземельной собственности и населённых мест Европейской России», вып. 8, 1880—1885; *Ершов,* Поземельная собственность Европейской России 1877—1878 гг. «Статистический временник Российской империи», сер. III, вып. 10, 1886.

десятин. Но уже по переписи 1887 г.[1] у дворян-помещиков числилось 65,3 млн. десятин, а в 1905 г. 53,2 млн. десятин[2]. Другими словами, продажа земли дворянством за 45 лет достигла 26 млн. десятин земли. По официальной статистике (учитывавшей распределение частновладельческой земли по сословиям, а не по социальным группам), имеем следующие цифры изменений в сословном землевладении отдельных групп (в %):

	1877 г.	1887 г.	1905 г.
Дворяне	77,8	68,3	52,5
Крестьяне	7,0	13,1	23,9
Купцы и мещане	14,2	16,3	20,2

Дворянское землевладение вытеснялось купеческим и частным кулацко-крестьянским, т. е. привилегированное сословное землевладение сменялось капиталистическим. «Капитализм... порвал с сословностью землевладения, превратив землю в товар»[3].

Этим не исчерпывался характер социальных сдвигов внутри землевладельческого класса после реформы. Одним из наиболее важных показателей в этом отношении являлось распределение земель по размерам землевладения. По той же статистике 1877 г. имеем:

Группа	% числа владельцев	% всей земли	% пашни в каждой группе
До 10 десятин	50,3	1,1	46,0
От 10 до 50 десятин	27,3	3,5	43,8
» 50 » 200 »	11,5	6,2	41,6
» 200 » 500 »	5,0	8,7	39,3
» 500 » 1000 »	2,7	10,1	35,8
Свыше 1000 »	3,2	70,4	19,8

Из более подробных таблиц переписи 1877 г. видно, что до трёх четвертей всей земли было сосредоточено у небольшого числа (около 15 тыс.) помещиков. Из них 924 владельца (с владениями свыше 10 тыс. десятин) обладали почти одной третью (29,7%) всей земли. Наоборот, 80% всех владельцев

[1] «Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г.», вып. I—LX, 1892—1897.

[2] «Статистика землевладения 1905 г.», изд. Центрального статистического комитета, 50 выпусков, «Свод по 50 губерниям». Спб. 1907. Необходимо отметить, что различные источники статистики землевладения вследствие разницы учёта дают различные цифры движения землевладения.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 269.

обладали менее чем одной двадцатой частью земли. Другими словами, земля была сконцентрирована в руках небольшого числа лиц, владельцев крупнейших латифундий.

Ленин по этому вопросу приводит для 1905 г. следующую, в высшей степени важную и характерную, таблицу распределения землевладения по социальным группам владельцев (цифры округлённые) [1]:

	Число владений (в млн.)	Число десятин земли (в млн.)	Средн. на 1 владение десятин
а) разоренное крестьянство, задавленное крепостнической эксплуатацией	10,5	75,0	7,0
б) среднее крестьянство	1,0	15,0	15,0
в) крестьянская буржуазия и капиталистич. землевладение	1,5	70,0	46,7
г) крепостнические латифундии .	0,03	70,0	2 333,0
Всего	13,03	230,0	17,6
Не распределено по владениям .	—	50,0	—
Итого	13,03	280,0	21,4

«Крупное помещичье землевладение, — подытоживает Ленин в другом месте: — *30 тысяч* владельцев — 70 миллионов дес. земли.

Мелкое крестьянское землевладение: *десять с половиной миллионов* владельцев — 75 миллионов дес. земли» [2]. Таковы были концентрация земли в руках у помещиков и малоземелье крестьянства. Понятно, что такое распределение земли обусловливало задержку капиталистического развития земледелия. «Только карикатурные марксисты, как их старались размалевать борющиеся с марксизмом народники, могли бы считать обезземеление крестьян в 1861-ом году залогом капиталистического развития. Напротив, оно было бы залогом — и оно оказалось на деле залогом *кабальной*, т. е. полукрепостной

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 135.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 18. В группу «крепостнические латифундии» Ленин включает 61,99 млн. десятин крупного (свыше 500 десятин) землевладения 28 тыс. «благородных и чумазых лендлордов», 5,1 млн. десятин удельных земель и 3,6 млн. десятин крупнейших фабрично-заводских и торгово-промысловых товариществ. См. Соч., т. 13, изд. 4, стр. 204, прим.

аренды и отработочного, т. е. барщинного, хозяйства, необыкновенно задержавшего развитие капитализма и рост производительных сил в русском земледелии»[1].

Неправильно было бы думать, что дворянское крупное поместное хозяйство после реформы только ликвидировалось. Усиленно продавая землю, поместное дворянство в другой своей части в то же время прикупало землю. Из всего мобилизационного фонда земли в 80,7 млн. десятин в течение тридцатилетия после реформы дворянство купило 33 млн. десятин, т. е. около 40% всей проданной земли. Притом среднее на одну сделку количество земли при продажах дворянами было 224,9 десятины, а среднее количество земли при покупках дворянами было 346 десятин[2].

Другими словами, среди поместного дворянства процесс мобилизации земли производил отбор наиболее экономически сильных групп, которые не только не теряли землю, но, наоборот, концентрировали её в своих руках, организуя хозяйство на капиталистических началах. Перейдя после 1861 г. на вольнонаёмный труд, эти помещичьи хозяйства увеличивали применение машин, искусственных удобрений, переходили к интенсивному хозяйству, к скотоводческому хозяйству. Потребление сельскохозяйственных машин, сильно возросшее к концу 70-х годов, развивалось главным образом за счёт частновладельческих хозяйств. Так, внутреннее производство сельскохозяйственных машин, в 1862 г. насчитывавшее всего 52 завода, в 1879 г. насчитывало уже 340 заводов с суммой производства на 3,83 млн. руб. Привоз из-за границы сельскохозяйственных машин возрос с 788 тыс. руб. в 1869—1872 гг. до 3 594 тыс. руб. в 1877—1880 гг. Растёт также применение паровых машин и локомобилей как в отраслях производства, связанных с сельским хозяйством, так и непосредственно в самом сельском хозяйстве[3].

В отношении технико-организационных форм крупное капиталистическое сельское хозяйство выливалось в формы сельскохозяйственных свеклосахарных, винокуренных, картофельных заводов, которые начали особенно сильно развиваться у крупных помещиков на юго-западе, западе, частью на юге. Увеличиваются и поставки этих продуктов (свёклы, картофеля) на чисто индустриальные предприятия этого рода. Так, переработка сахарной свёклы на заводах юго-запада увеличилась с 5,5 млн. в 1860 г. до 22,9 млн. берковцев в 1882—1883 гг. За то же время на винокуренных заводах переработка картофеля

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 217.
[2] *П. И. Лященко*, Мобилизация землевладения, стр. 15.
[3] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 183—212.

на спирт увеличилась с 5,5 млн. до 43 млн. пудов. В южных районах на месте распадавшихся крупнейших (80—200 тыс. десятин земли) латифундий с экстенсивным овцеводческим хозяйством создавались крупные предпринимательские зерновые хозяйства в 5—10 тыс. десятин земли, работавшие с применением машин и заменявшие прежнюю мериносовую овцу экспортной пшеницей. Наконец, в нечернозёмных губерниях в связи с близостью городских и промышленных центров стали создаваться капиталистические молочные и скотоводческие хозяйства. Но понятно, что переход на чисто капиталистические рельсы с применением наёмного труда, машин и т. п. был доступен далеко не всем хозяйствам и не везде был наиболее выгоден. Наименее удовлетворительно обстояло дело в бывшем крепостном земледельческом центре. Крайняя недостаточность земли у крестьян при отсутствии капиталов у помещиков делала здесь наиболее выгодными крестьянскую аренду и обработку земли крестьянским инвентарём. Таким образом, здесь создался наиболее отсталый тип частновладельческого хозяйства с рутинной техникой, с господством трёхпольного зернового хозяйства, с отработочной системой и с полукрепостными отношениями. Капитализм в центрально-земледельческом районе развивался по прусскому пути, сохраняя власть помещичьих хозяйств на одном полюсе и нищего бесправного крестьянина на другом полюсе деревни. Периодические голодовки, эпидемии тифа, цынга уносили миллионы крестьянского населения. Собственное хозяйство заменялось здесь сдачей земли исполу за отработки, за продукты, реже за деньги. Такая отработочная аренда обходилась крестьянам дороже обычной денежной, другими словами, труд крестьянина ценился очень дёшево.

Положение резко ухудшилось с 80-х годов, когда хлебные цены стали падать. Даже те помещики, которые вели своё хозяйство самостоятельно, стали переходить к сдаче земли крестьянам и к испольщине.

Цитированный уже официальный источник прямо указывает, что это явление, преимущественно наблюдавшееся в черноземной полосе (но вообще повсеместно), «объясняется истощением оборотного капитала у хозяев и безвыгодностью денежных затрат на хозяйство, тогда как испольный посев гарантирует по крайней мере от прямых убытков»[1].

Насколько значительно усилились с 80-х годов старые отработочные и испольные формы ведения хозяйства, показы-

---

[1] «Материалы высочайше утверждённой 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию благосостояния сельского населения», Спб. 1903.

вают следующие данные о развитии этих форм по 46 губерниям Европейской России за 1886—1900 гг.:

Годы	Из числа имений, заложенных в Дворянском банке		
	вели хозяйство сами	сдавали в аренду	смешанные формы
	в процентах		
1886—1890	40	39	21
1891—1895	38	42	20
1896—1900	29	51	20

Арендная, в особенности испольная, форма хозяйства гарантировала от прямых убытков только помещиков, но не самих крестьян. Настоящий «товаропроизводитель»-крестьянин выплачивал помещику испольную аренду, из оставшейся части «выплачивая сам себе», по подсчётам официального статистика, заработную плату... в 11 коп. в день на своих харчах[1].

Распространение вненадельной аренды помещичьих земель как денежной, так и испольной достигло к 80—90-м годам максимального развития. Количество арендованной земли определялось в 49,8 млн. десятин по 50 губерниям, т. е. более 42% надельной земли, с уплатой аренды в сумме свыше 315 млн. руб., или в среднем по 25 руб. на двор[2].

Задолженность и цены помещичьих земель. После реформы стала быстро расти задолженность помещичьего землевладения. В 1878 г. ипотечная задолженность частного землевладения достигала уже 1328 млн. руб. (а с западными губерниями до 1544 млн. руб.), охватывая до 42 млн. десятин земли. Из этого числа на долю дворянского землевладения приходилось 448 млн. руб. долгу и 12,5 млн. десятин заложенной земли. Усилились принудительные продажи земли за долги банкам: в 1886—1887 гг. назначалось к продаже за долги от 21 до 160 имений в год, а в 1893 г. таких имений было 2 237[3].

Для непосредственного поддержания дворянского землевладения в 1885 г. был учреждён Дворянский земельный банк, в котором в первые же два года было заложено до 3,9 млн. десятин и выдана ссуда в 140 млн. руб., а всего за 1886—1912 гг. было заложено 24,7 млн. десятин с ссудой 1146 млн. руб. В 1883 г. был учреждён Крестьянский поземельный банк,

[1] *С. Короленко,* Обзор экономического положения России, доклад в Петербургском собрании сельских хозяев, 1895.

[2] *Н. А. Карышев,* Крестьянские вненадельные аренды, 1892, стр. VII—VIII.

[3] «Материалы по статистике землевладения в России», вып. I—XVII, 1896—1910, и «Отчёты Дворянского банка» за те же годы.

сделавшийся средством наиболее выгодной для помещиков продажи земли кулацким группам крестьянства: через этот банк было продано крестьянам в течение 30 лет преимущественно бывших дворянских земель 15,8 млн. десятин.

Эти продажи дворянских земель происходили по всё повышающимся и весьма выгодным для дворянства ценам. Земельные цены росли чрезвычайно быстро. По подсчётам Центрального статистического комитета, накануне освобождения средние цены на землю по 45 губерниям были 12 р. 69 к. за десятину, в конце 60-х годов они были 20 р. 44 к., в конце 90-х годов — 66 р. 92 к., причём в отдельных районах они повысились в таких размерах: в южном степном — с 11 р. 34 к. накануне освобождения до 123 р. 97 к. в конце 90-х годов, в украинских — с 17 р. 76 к. до 119 р. 80 к., в восточных — с 5 р. 82 к. до 32 р. 50 к.[1]

Таким образом, если определять стоимость всей частновладельческой земли по ценам 1860 г., то она составляла 1,6 млрд. руб., а в 1900 г. по ценам этого года она составляла уже 6,8 млрд. руб. Дворянское землевладение исчислялось к 70-м годам в 73,2 млн. десятин стоимостью в 2,2 млрд. руб., к 1900 г. его размеры сократились до 54 млн. десятин, стоивших уже 3,9 млрд. руб. Таким образом, дворянство, продавая землю, чрезвычайно выгодно для себя капитализировало свои ренты. Таков был тот громадный налог на крестьянство, который получал землевладельческий класс.

Внешний рынок и мировой сельскохозяйственный кризис. К 900-м годам рост товарного хозяйства у деревенской буржуазии и у крупных помещиков значительно усилился. Деревенская буржуазия вместе с помещичьим хозяйством в 900-х годах обладала крупными товарными излишками хлеба и других сельскохозяйственных продуктов и в преобладающей доле поставляла их на внутренний и внешний рынок. В дальнейшем мы более подробно остановимся на характеристике как внутреннего, так и внешнего сельскохозяйственного рынка. Здесь мы остановимся лишь на том влиянии, которое в связи с усиленным развитием экспорта сельскохозяйственных и особенно зерновых продуктов оказал мировой аграрный кризис 1875—1895 гг.[2] на пореформенное сельское хозяйство.

---

[1] «Сведения о продажных ценах на земли», изд. министерства внутренних дел, 1859. «Цены на землю в Европейской России по продажам, сделанным в 1882 и 1887 гг.», «Временник Центрального статистического комитета» № 11, 1889, и «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», изд. министерства земледелия, вып. IV, 1891.

[2] Подробнее о мировом аграрном кризисе 1875—1895 гг. см. *П. И. Лященко,* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства, 1927; *его же,* Социальная экономия сельского хозяйства, т. II, стр. 235—259.

До конца 70-х годов европейский капитализм переживал в общем полосу подъёма и повышательной конъюнктуры. В связи с этим даже возросший к этому времени вывоз хлебов из России и из заокеанских стран свободно поглощался европейским спросом. Поэтому мировые цены на зерновые хлеба до начала 70-х годов имели повышательную тенденцию или во всяком случае сохраняли устойчивость. Но уже со второй половины 70-х годов и с начала 80-х годов под влиянием усилившегося вывоза хлебов из России и заокеанских стран, а также в связи с наступившим кризисом европейской капиталистической промышленности обнаруживается падение мировых хлебных цен и наступает продолжительный мировой кризис сельского хозяйства.

Наибольшего падения хлебные цены достигли в 1894 г., когда они составляли на западноевропейских рынках, не защищённых пошлинами, как в Англии, всего лишь половину цен 70-х годов: английская средняя цена пшеницы в 1891—1895 гг. была 97 коп. за пуд против 1 р. 87 к. в 1871—1875 гг.[1]

Естественно, что падение мировых цен отразилось и на падении экспортных русских цен. Это видно из следующей таблицы средней экспортной оценки русского зернового экспорта (в коп. за пуд)[2]:

Годы	Пшеница	Рожь	Ячмень
1871—1875	90,1	65,7	60,6
1876—1880	85,1	63,1	56,1
1881—1885	76,7	63,4	52,0
1886—1890	64,6	42,5	37,6
1891—1895	55,6	46,6	35,9

Степень падения цен в пятилетних средних несколько скрадывается благодаря неурожайным 1883—1884 и 1888 и 1891 гг.; в отдельные же годы, как, например, в 1894 г., цены были: на пшеницу — 46,7 коп., на рожь — 35,2 коп., на ячмень — 29,1 коп. за пуд, т. е. вдвое ниже уровня 70-х годов.

Европейский сельскохозяйственный кризис, принявший к 80-м годам характер длительного мирового кризиса, в эти же годы распространяется и на русское зерновое хозяйство. С середины 80-х годов стали падать и внутренние цены на хлеба. К 1894 г. цены на все хлеба, в том числе и на пшеницу,

[1] *П. И. Лященко,* Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением, 1915, стр. 133.

[2] «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли», 1902, стр. 12—35.

достигли наиболее низкого уровня. Это видно из следующих сопоставлений так называемых «местных» цен (т. е. продажных цен производителя) по сводкам министерства земледелия (в коп. за пуд) [1]:

Годы	Пшеница		Рожь	Овёс	Ячмень	Среднее для всех хлебов
	озимая	яровая				
1881	—	—	98	62	—	80
1883	109	97	82	57	68	78
1885	81	71	63	60	68	67
1887	85	75	49	38	46	53
1894	51	49	41	35	41	42

В отдельных местностях цены упали ещё значительнее — против начала 80-х годов в 5 раз и более. Так, в средней и восточной частях чернозёмной полосы цена ржи упала во многих местностях с 1 руб. до 20 коп. за пуд, а цена ниже 30 коп. держалась месяцами. Официальный обозреватель сельского хозяйства за 1885 г., констатируя «затруднительное положение сельскохозяйственной промышленности», указывает, что «кризис распространился всё глубже и шире не только в области сельского хозяйства, но и в других отраслях промышленности и торговли. Вследствие затруднительного сбыта сельскохозяйственных продуктов и низких цен на них уменьшилась покупательная сила значительной части населения, а результатом этого явилось сокращение спроса на всякого рода мануфактуру и фабричные изделия» [2]. Другой не менее «компетентный» автор, министр внутренних дел Толстой, подтверждал, что «неудержимо развивающееся с 1881 г. падение цен на все хлебные продукты привело население к тому, что наибольшая часть произведений земли не только не приносит хозяевам сколько-нибудь вознаграждающей их труд прибыли, но даёт прямо убыток» [3].

В торговых хрониках того времени встречались указания, что в некоторых из северных чернозёмных губерний цена одного пуда ржи доходила местами до 18 и 12 коп. «Такого уровня цен не знало или о нём забыло современное поколение русских сельских хозяев; подобные цены не были известны после кре-

[1] *П. И. Лященко,* Зерновое хозяйство, стр. 123.

[2] «1885 год в сельскохозяйственном отношении».

[3] «Доклад председателя высочайше учреждённой в 1888 г. комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения», стр. 10.

стьянской реформы, и не на возможности их существования строились расчёты хозяев даже самых предусмотрительных»[1].

Тот же официальный источник, вычисляя стоимость производства отдельных хлебов и доходность их при существовавших рыночных ценах (1887 г.), констатирует почти по всем районам убыточность (включая ренту) производства ржи и в значительной мере овса при более благоприятных ценах для пшеницы. Так, рожь только в южных губерниях, да и то далеко не во всех, обычно давала прибыль в 4—6 руб. на десятину, в среднечерноземных она давала убыток около 2—8 руб., в северночерноземных — 1—10 руб., в восточных — 3—7 руб. Такие же данные получались для овса, дававшего на десятину убыток, например, в среднечерноземных губерниях около 5—7 руб., в северночерноземных — от 2—3 до 7—9 руб. Только пшеница давала во всех районах чистую максимальную прибыль (14—38 руб. на десятину озимая и несколько меньшую — 8—27 руб. на десятину — яровая в южных губерниях; несколько меньше — 5—25 руб. — в средне- и северночерноземных губерниях)[2].

Аграрный кризис 1875—1895 гг. имел крупнейшее влияние на развитие сельского хозяйства в России. «Аграрный кризис, — говорит Ленин, — как и всякий кризис, разоряет массы хозяев, производит крупную ломку установившихся отношений собственности, *местами* ведет к техническому регрессу, к оживанию средневековых отношений и форм хозяйства, но в общем и целом он *ускоряет* общественную эволюцию, вытесняет патриархальный застой из его последних прибежищ...»[3] Таково же было влияние аграрного кризиса 1875—1895 гг. и на развитие русского сельского хозяйства.

Экономические и политические итоги. Мы можем теперь подвести итоги аграрного и сельскохозяйственного развития России в течение четырёх десятилетий после реформы (1861—1900 гг.).

Основной чертой его было то, что развитие аграрных отношений в России шло «...капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве, *и* в крестьянском, *и* вне, *и* внутри «общины»... это развитие уже *бесповоротно* определило не иной путь развития, как капиталистический, *не* иную группировку классов, как капиталистическую»[4]. Экономической основой этих новых сравнительно с дореформенными капиталистических отношений являлись рост общественного разделения труда, развитие

[1] «Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. III, 1890, стр. XII.

[2] Там же, сводная таблица, стр. XXV и след.

[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 4, изд. 4, стр. 141.

[4] *В. И. Ленин*, Соч., т. 16, изд. 4, стр. 101. См. также «Ленинский сборник XXXIII».

товарного хозяйства и торгового земледелия, его специализация. В деревне развитие капиталистических отношений происходило в виде разложения крестьянства и пролетаризации бедняцкой его части, с одной стороны, и выделения крестьянской буржуазии, этого «господина современной деревни», — с другой. Тот же процесс расслоения и капиталистического развития шёл и в помещичьем хозяйстве.

Но, как мы неоднократно указывали, в самой реформе были заложены условия, задерживавшие и тормозившие этот процесс капиталистического развития. Реформа, проведённая крепостниками, не только была «бессовестнейшим грабежом крестьян», оставившим крестьянина «...нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве» [1], но она сохранила в руках землевладельческого класса основу его социальной силы — громадные крепостнические латифундии. Поэтому «гвоздём» аграрных отношений и через 40 лет после реформы, так же как и в 1861 г., оставалась борьба крестьянства против помещичьих латифундий.

В 80—90-х годах на почве общей политической реакции и боязни революционных выступлений крестьянства поместно-крепостническое дворянство делает новый нажим в целях усиления своей общественно-политической гегемонии и особенно своей кабальной власти над крестьянством. С конца 80-х годов начинается длительный период господства политики усиленного покровительства дворянству и «опеки» его над крестьянством. Установление «твёрдой власти» земских начальников, усиление сословных ограничений для крестьянства, ограничение семейных разделов (закон 1888 г.), ограничение переделов общинных земель (закон 8 июня 1893 г.), превращение надельного крестьянского землевладения в «неотчуждаемый сословный фонд» путём запрещения отчуждения и залогов крестьянских наделов (закон 14 декабря 1893 г.) и отмены досрочного выкупа по 165 статье положения о выкупе, запрещение и ограничение переселений крестьян в целях удержания на местах необходимой для помещиков рабочей силы (законы 1881 и 1889 гг.) — таковы главные мероприятия этой эпохи дворянской реакции.

В 1893 г. царское правительство, выражая волю поместного дворянства, решает произвести общий пересмотр всего законодательства о крестьянах и их земельном устройстве, уничтожив те минимальные остатки свободы в самоуправлении и сословном устройстве крестьянства, которые сохранились в законодательстве 1861 г. Для «укрепления власти» помещиков над крестья-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 95.

нами и для ограждения «хозяйственной обеспеченности» крестьянства как обособленного, замкнутого сословия, владеющего неотчуждаемой надельной землёй под гегемонией поместного дворянства, были в 1901 г. созданы новые «редакционные комиссии по пересмотру законоположения о крестьянах». Эти комиссии к 1903 г. сочинили в шести томах новое реакционнейшее законодательство о крестьянах [1].

Однако к этому времени уже резко изменилась вся политическая и общественная обстановка в России. Рабочий класс не только сам вступил на путь организованной революционной борьбы с царизмом, но и оказывал всё более значительное влияние на развитие революционной борьбы крестьянства. Крестьянские восстания показывали, что крестьянство вело борьбу против экономической и политической гегемонии поместно-крепостнического дворянства.

К началу XX в. революционные выступления рабочих и крестьян указывали, что в России назревает и близится революция, в которой одним из важнейших вопросов должен встать вопрос о национализации земли, об окончательном уничтожении остатков крепостничества в деревне.

Все эти вопросы относятся уже к последующему периоду общественного экономического развития.

ГЛАВА III

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МАНУФАКТУРА И ФАБРИКА ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Падение крепостной системы, развязав, хотя далеко не полностью, рост производительных сил страны, должно было двинуть их по пути товарно-денежного хозяйства и капиталистической промышленности. Товарно-капиталистические отношения имелись и при крепостном строе, но не могли получить при нём полного развития.

«Освобождение» с его «помещичьей «чисткой земель» для капитализма» выбрасывало на рынок необходимую для развития

[1] «Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах», т. I—VI, 1903—1906.

капитализма рабочую силу. Окончательное разложение натурального хозяйства создавало для капиталистической промышленности рынок сбыта. Накопление капитала давало возможность приступить к организации крупной промышленности на капиталистических началах. Первые два-три десятилетия после реформы и являются в развитии промышленности периодом разрушения старых хозяйственных отношений, формирования новых сил, средств и техники.

Три стадии развития капитализма в русской промышленности. Ленин, изучая процесс развития капитализма в русской промышленности и применяя учение Маркса о формах и стадиях развития капиталистической промышленности, установил, что русская промышленность также проходила в пореформенное время следующие три стадии[1]: 1) мелкотоварное производство с работой его на рынок и с подчинением торговому капиталу; 2) образование капиталистической мануфактуры как этап, непосредственно примыкающий к предыдущему по своей ручной технике, но уже с дальнейшим углублением разделения труда, с частичным или полным переходом от работы на дому к работе на капиталистическом предприятии; 3) капиталистическая фабрика как высшая ступень капитализма в промышленности — предприятие с крупной машинной техникой, с «системой машин», с многочисленными кадрами постоянных квалифицированных рабочих, с крупным вложением капитала.

В изучении конкретных форм развития капиталистической промышленности России в пореформенную эпоху установленные Лениным три исторические стадии развития форм промышленности представляются особенно важными. Они вскрыли извращения в этом вопросе, которые вносили в него народники. Мы уже указывали, что, например, В. В. и Николай —он считали крестьянскую домашнюю промышленность «народным производством» и «антитезой» капитализма и товарного хозяйства, а самого скупщика в «кустарных» производствах признавали явлением «по существу дела излишним и вызванным лишь неустройством сбыта продуктов»[2]. В народнической (а затем и в общей) литературе название «кустарная промышленность» получило расплывчатое значение как противоположность капитализму. Поэтому экономический анализ Лениным этой «кустарной промышленности» имел чрезвычайно важное значение для правильного понимания исторического развития капиталистической промышленности в пореформенное время. Ленин доказал, что «кустарная промышленность» представляет

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, гл. V—VII и особенно стр. 475—484.

[2] *В. В.*, Очерки кустарной промышленности, 1886, стр. 150.

в экономическом отношении или мелкотоварное домашнее производство на скупщика, или форму «раздаточной» мануфактуры как две стадии развития капиталистической промышленности, предшествующие высшей её форме — централизованной капиталистической фабрике.

Перейдём к конкретному рассмотрению развития промышленности в 60—80-х годах XIX в.

Положение промышленности в 60—70-х годах. Переход от крепостничества к «свободному труду» и к капитализму застал русскую промышленность, как мы знаем, на мануфактурной стадии её развития. За исключением некоторых отраслей промышленности (бумагопрядильное, ситценабивное и некоторые другие) в большинстве производств и в частности в тяжёлой индустрии, в суконном производстве и во многих других господствовали ручной труд и технический застой. Поэтому вообще в промышленности в первое десятилетие после реформы некрупные, децентрализованные капиталистические мануфактуры и даже мелкое производство на дому в виде раздаточных контор и пр. были ещё значительно распространены.

Развитие крупных капиталистических форм промышленности прежде всего проявилось в победе капиталистически организованной «купеческой» фабрики над отсталой, бывшей крепостной, вотчинно-дворянской мануфактурой. Но одновременно с этим шёл и другой процесс — усиление мелкого товарного производства и «кустарной» промышленности. Поэтому в развитии русской промышленности в первое десятилетие после реформы можно наблюдать две тенденции: с одной стороны, ликвидируются бывшие вотчинно-крепостные дворянские промышленные предприятия, которые уступают своё место механизированным капиталистическим фабрикам; с другой стороны, значительное распространение получают децентрализованные капиталистические мануфактуры с ручной техникой и с работой на дому, как со своим придатком, обусловленным ещё не достаточно высокой капиталистической организацией производства (первая и вторая стадии, по Ленину). Таким образом, в целом происходила смена докапиталистических форм промышленности капиталистическими. Но капиталистические мануфактуры и в техническом и в экономическом отношениях были часто очень отсталыми. А на этой отсталости народничество и создавало свои теории народного производства и «искусственности капитализма».

Наиболее отсталыми в техническом и экономическом отношениях были помещичьи, бывшие вотчинные, а также посессионные фабрики. Они в первую очередь и стали ликвидироваться, лишившись в новых экономических условиях основы своего существования — крепостного труда. Например, в одной

Симбирской губернии после реформы из 30 суконных мануфактур 10 вотчинных закрылось вовсе, 10 перешло в руки купцов и только 8 осталось у помещиков (2 были купеческими до 1861 г.). Вообще в суконной промышленности (преимущественно помещичьей) число рабочих с 1859 по 1863 г. сократилось с 99 тыс. до 71,8 тыс., а число фабрик — с 419 до 365.

На положение труда в других отраслях промышленности, не столь тесно связанных с крепостничеством, реформа оказала непосредственно меньше влияния (промышленность шёлковая и особенно хлопчатобумажная, испытавшая, впрочем, в 1862—1865 гг. кризис под влиянием гражданской войны в Америке). Но в известной мере во многих отраслях крупной промышленности в первый момент после реформы часть рабочих стала покидать город и фабрики, возвращаясь в деревню за своим «наделом». Понятно, что это явление было кратковременным, так как «помещичья чистка земель для капитализма», произведённая в 1861 г., скоро стала оказывать обратное влияние — отход из деревни, усиленный приток рабочих рук на фабрики и заводы и развитие промышленных занятий в деревне. С 1865 по 1890 г. количество рабочих на одних только крупных фабриках, заводах и железных дорогах, по расчётам Ленина, увеличилось с 706 тыс. до 1432 тыс.[1]

Переход к капиталистическому производству после 1861 г. ускорил концентрацию и централизацию капитала, содействовал победе наиболее крупных и современных фабрик. Так, например, в бывшей крепостнической суконной промышленности в течение трёх-четырёх лет после реформы резко сократилось число фабрик и занятых рабочих. В те же годы на оставшихся капиталистических фабриках производство продукции увеличилось с 24 млн. до 26,1 млн. руб. Но по абсолютным размерам производства в течение первого десятилетия после реформы большинство главных отраслей промышленности дало очень небольшой прирост, а некоторые отрасли даже уменьшение. Например, общая выплавка чугуна, составлявшая в начале 60-х годов до 18 млн. пудов, в 1865 г. равнялась 18,2 млн., а в 1867 г. 17 млн.; только в 1877 г. общая выплавка чугуна достигла 24,6 млн. пудов. При этом Урал в эти годы всё ещё давал до 65% всей выплавки чугуна (в 1867 г. 11,1 млн. и в 1877 г. 16,1 млн. пудов), тогда как юг даже в 1877 г. давал всего 1,6 млн. пудов, или 6,5% общей выработки. Добыча каменного угля с 1860 г. увеличилась с 18 млн. пудов всего лишь до 22,3 млн. в 1865 г. и до 26,7 млн. в 1867 г. Количество переработанного хлопка в десятилетие 1860—1870 гг. колеблется,

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 436.

не повышаясь в цифрах, между 1,5 млн. и 2,8 млн. пудов, в некоторые годы и менее.

Всего крупных предприятий фабричного типа с числом рабочих не менее 100 насчитывалось фабрично-заводской статистикой в 1866 г. по 71 производству 644 (из них с паровыми двигателями всего 307) с числом рабочих 232 тыс. и с суммой производства в 201 млн. руб.[1]

Мелкотоварное производство и капиталистическая мануфактура в 60—80-х годах. Рост общественного разделения труда, товарного и денежного хозяйства в деревне при возрастающей нужде в деньгах у крестьянства должен был усилить перерастание крестьянских домашних промыслов в мелкотоварное производство, работающее на широкий рынок. Отсюда создалась народническая легенда о «народном» характере производства «кустарной» промышленности, о её независимости от капитализма. На самом деле, как это подробно доказано Лениным, этот процесс являлся лишь одной из сторон общего процесса развития капиталистических отношений в деревне. «...Разложение земледельческого крестьянства необходимо должно было дополняться ростом мелких крестьянских промыслов. По мере упадка натурального хозяйства, один за другим вид обработки сырья превращался в особые отрасли промышленности...»[2] Развитие и расширение мелких крестьянских промыслов может происходить не иначе, как «...выделяя меньшинство мелких капиталистов, с одной стороны, а с другой — большинство наемных рабочих или таких «самостоятельных кустарей», которым живется еще тяжелее и хуже, чем наемным рабочим»[3].

Остановимся более подробно на происхождении «кустарных» промыслов и на развитии их после реформы, напомнив также то, что мы говорили о них для XVIII в. (см. т. I, гл. XVII).

Нетрудно видеть, что очень многие (если не большинство) кустарные промыслы не имеют и не могут иметь ничего общего с «народным производством». Такие отрасли, как выделка шёлковых тканей, парчи, перчаток, финифтяных изделий и пр., конечно, не могли возникнуть из крестьянского потребления. Но даже предметы более широкого потребления, как хлопчатобумажные ткани, металлические изделия, требующие большей частью привозного и покупного сырья, не могут зародиться в недрах натурального хозяйства как какое-то «народное производство».

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 446.
[2] Там же, стр. 296.
[3] Там же, стр. 307.

Действительно, некоторые, но очень немногие, кустарные промыслы непосредственно выросли из крестьянской домашней переработки сырья путём выделения из собственного потребления некоторой товарной части и постепенного её увеличения, пока весь промысел не принимал характера мелкотоварного производства с преобладающей работой на рынок (первая стадия развития капитализма в промышленности, по Ленину). Такой процесс имел место обычно в промыслах, вырабатывавших, главным образом, предметы широкого потребления в крестьянском обиходе, техника которых очень несложна, а сырьё имелось непосредственно в крестьянском хозяйстве. Таковы, например, плетение лаптей, ткачество грубого холста, валяние войлочных изделий, тележный и бондарный промыслы и пр. Эти и тому подобные промыслы, получившие у крестьян название «искобины» («искони бе»), являлись наиболее старинными отраслями деревенского ремесла и домашней крестьянской промышленности.

Многие из этих промыслов сначала выделяются в виде специального деревенского ремесла. В тех случаях, когда техника промысла является сколько-нибудь сложной, промысел обыкновенно становится достоянием специальных деревенских ремесленников, обслуживающих первоначально местный рынок самостоятельно, в виде работы на заказ потребителя. Очень часто такой деревенский ремесленник в поисках расширения рынка первоначально проходит стадию «отхожего ремесленника», кочующего со своим производством от потребителя к потребителю, пока изменения условий транспорта и рынка не сделают более выгодным продвижение его товара к потребителю через скупщика. Деревенский ремесленник начинает через скупщика обслуживать широкий рынок и превращается в мелкого товаропроизводителя, кустаря, зависящего от скупщика. Таково возникновение кустарничества из ремесла в сапожном промысле, в шерстоваляльном, шерстобитном, овчинном и пр. Знаменитые, например, кимрские сапожные промыслы, существовавшие как отхожие ремёсла ещё в XVII в., только в XIX в. становятся «кустарными».

Несколько иным был путь возникновения кустарных промыслов из ремесла в том случае, когда само ремесло возникает в деревне не из натурального крестьянского хозяйства, а самостоятельно, через какого-либо специалиста-ремесленника, который, по той или иной причине обосновав в деревне своё ремесло, расширял своё производство и начинал работать на продажу. Таков исторически установленный путь возникновения кустарной финифтяной живописи в Ростове Ярославской губернии, мебельных промыслов в Вятской губернии, очень часто — кузнечных и гвоздарных промыслов и т. п.

Возникновение очень многих кустарных промыслов связано непосредственно с крепостным хозяйством. Последнее влияло на возникновение и развитие кустарной промышленности различным образом. С одной стороны, для удовлетворения нужд помещичьего хозяйства в различных предметах личного и хозяйственного потребления среди помещичьей дворни работали всевозможные ремесленники из крепостных крестьян, мастера и мастерицы — сапожники, портные, столяры, кружевницы, ткачи и пр. Помещики часто принимали меры к усовершенствованию этих промыслов своих дворовых путём найма мастеров, обучения и пр. Другой способ возникновения таких же крепостных кустарных промыслов — из помещичьих вотчинных мануфактур. Работавшие на них крестьяне приобретали промышленные навыки, а так как техника таких мануфактур была очень простая, ручная, то они могли при случае переносить её и в устраиваемое своё производство. Иногда таким мастерам ещё при крепостном праве удавалось вынести своё мастерство за пределы помещичьих имений и крепостных предприятий и развить собственное производство, доводя его до размеров мануфактур. Так как такое устройство крестьянских самостоятельных производств для помещика было выгодно, давая возможность увеличения оброков, то помещики часто принимали меры к развитию этих промышленных предприятий своих крестьян.

Таким путём из крепостного хозяйства возникли очень многие кустарные промыслы и мануфактуры. Типичный и очень распространённый кружевной промысел вырос большей частью из помещичьих «девичьих» и «светёлок», а впоследствии был перенесён в крестьянские избы для работы на продажу через скупщиков. Связанными с помещичьими фабриками являлись некоторые суконные промыслы, кожевенные, металлические и пр. Наконец, под непосредственным влиянием крепостной оброчной системы и желания помещиков увеличить взимаемые с крестьян оброки образовались такие крупные центры промышленности, как металлические промыслы села Павлово, бывшее имение графа Шереметева и многие другие. Иногда целые сёла представляли собой крупные мануфактурные предприятия децентрализованного характера, работавшие в отдельных «светёлках» и мастерских и всецело подчинённых скупщику.

Таковы были пути возникновения некоторых кустарных промыслов в условиях докапиталистического хозяйства. Капитализм использовал имевшиеся промыслы для подчинения их себе сначала в области сбыта, а затем и производства. Но помимо того промышленный капитализм на первых ступенях своего развития иногда сам способствовал возникновению кустарных

промыслов. И этот путь возникновения кустарных промыслов, т. е., по существу, развития работы на дому для капиталистической мануфактуры или даже фабрики, в некоторых случаях представлялся даже преобладающим. Например, по подсчётам Туган-Барановского, в Московской губернии из 141 тыс. кустарей в старинных промыслах «народного» происхождения (плетение лаптей, бондарный промысел и пр.) было занято не более 25% общего числа кустарей, в промыслах же, созданных непосредственно фабрикой и капиталом (хлопчатобумажные, шёлковые, галантерейные, перчаточные промыслы и т. п.), — около 59%. Другими словами, это был уже переход к настоящей капиталистической мануфактуре. Последняя при низком уровне имеющейся техники пользовалась работой кустарей на дому в виде так называемой «раздаточной системы», когда производство ведётся целиком или полностью в децентрализованном порядке. Организатором производства в таком случае часто являлся капитал ещё в торговой своей оболочке, в виде капиталиста-торговца, раздававшего покупную пряжу для тканья отдельным мелким кустарям. Иногда по уровню техники представлялось выгодным некоторые производственные операции производить в централизованном порядке, другие, наоборот, в децентрализованном. В таком виде возникло, например, кустарное ткачество уже не вокруг раздаточной конторы торговца-посредника, а вокруг прядильной мануфактуры, которая сама вырабатывала пряжу, передавала её для ткачества кустарям, завершительный же процесс — ситцепечатание — производился также на фабрике.

Фабрика часто также влияла на возникновение и развитие «самостоятельного» кустарничества. Когда техника производства несложна, то рабочие, проработав на фабрике и возвращаясь к себе в деревню, часто ставили у себя небольшой «стан» для своей собственной работы. При удаче они развивали небольшие предприятия, «светёлки», привлекая к работе своих односельчан и превращаясь, таким образом, в капиталистов-мануфактуристов. Такие мелкие мануфактуры иногда начинали «процветать», давая большие заработки её организаторам за счёт повышенной эксплоатации и низкой оплаты труда кустарей-рабочих.

Так возникала раздаточная мануфактура, часто окружённая целой системой «светёлок» и кустарей-одиночек, пока развитие машинной фабричной техники не убивало окончательно и такую мануфактуру и её кустарное производство (вторая стадия развития капитализма в промышленности, по Ленину).

Таким образом, говорить о каком-либо специфически народном характере происхождения и сущности кустарной промышленности не приходится. Исторический путь её воз-

никновения и развития — не что иное, как путь разложения натуральной домашней крестьянской промышленности, разложения примитивного ремесла и, наконец, первые шаги капиталистической мануфактуры в виде раздаточной системы и работы на дому [1].

Капиталистическая фабрика в 70—80-х годах. Решительная борьба, которая началась в промышленности в 50—60-х годах, захватила 70—80-е годы и окончилась к 90-м годам победой капиталистической фабрики и машинной индустрии над историческими пережитками домашней промышленности и над отсталыми формами мануфактуры.

Мы видели, что проникновение машинного способа производства в некоторые отрасли русской промышленности, особенно в хлопчатобумажную промышленность, началось ещё до реформы 1861 г. Этим был нанесён серьёзный удар хлопчатобумажному ручному, кустарному и мануфактурному, немеханизированному ткачеству. Хотя последнее в 60—70-х годах ещё сохраняло значительный удельный вес, почти равный по числу занятых лиц механическому фабричному производству, но более высокая производительность труда на механизированных фабриках предрешала их победу над немеханизированным производством.

В последующие годы вытеснение капиталистической фабрикой мануфактуры и связанного с ней кустаря стало происходить наиболее решительно. Обыкновенно, когда в центре какого-либо старого кустарного производства возникала машинизированная фабрика, устроенная часто одним из крупных и удачливых бывших кустарей, скупщиков, владельцев «светёлок» и пр., она резко изменяла все производственные, экономические и технические условия и отношения. Массовое машинное производство резко понижало цены товара. Прежний «самостоятельный» кустарь не мог уже конкурировать с фабрикой, поэтому бросал своё производство и превращался в наёмного рабочего на той же фабрике.

Конечно, такой прямой путь поглощения кустаря фабрикой в действительной жизни осложнялся рядом сопутствующих моментов, то ускоряющих, то задерживающих общий ход процесса. Если техника двигателей и производства такова, что энергетика могла быть раздроблена и применяема по мелочам, на небольших станках, то такая техника усваивалась и сравнительно мелким кустарём, а производство некоторое время сохраняло характер «раздаточной» мануфактуры.

Такое вырастание механизированной фабрики и крупной мануфактуры из мелкой кустарной мастерской наблюдалось,

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, гл. V, особенно § III и V.

например, в металлической промышленности Вормско-Павловского района. Здесь благодаря возможности механизации мелкого производства, доступной некрупному кустарю-предпринимателю, хотя и недоступной рядовому кустарю-работнику, возникал ряд мелких механизированных предприятий с наёмными рабочими. Таких заведений в 1879 г. здесь было 12, в 1890 г. — 24, в 1894 г. — 31, число же паровых двигателей в них — 2, 11 и 19. Из таких кустарных мастерских и мелких мануфактур возникли впоследствии известные фабрики Завьяловых, Кондрашёвых, Ананьевых и пр. Обладая первоначально невысокой техникой, такие мелкие мануфактуры долгое время выполняли некоторые свои производственные операции и выработку полуфабрикатов на дому у кустарей-одиночек. И только массовое производство крупной механической фабрикой дешёвого замка, ножа, гвоздя окончательно сметало не только этих кустарей-одиночек, но часто и более крупные мануфактуры.

Таковы же были отношения фабрики и мануфактуры в самоварном кустарном промысле Тульской губернии. Выделка самоваров, прежде исключительно в виде ручного производства, с 70-х годов переходит на более или менее крупные и механизированные мануфактуры, на которых выполнялась часть основных операций, другая же часть оставалась децентрализованной по кустарным избам одиночек. В 1894 г. таких мануфактур, частью с паровыми двигателями, насчитывалось 25 с 1 202 рабочими, занятыми на мануфактуре, и сверх того 607 рабочими на дому. И так как самоварное производство механизируется только в отдельных частях, оставаясь в целом с преобладанием ручного труда, то оно в наибольшей степени сохраняет чисто мануфактурный и кустарный характер.

Но если самоварный и ножевой кустарные промыслы, по условиям техники производства, избежали, до некоторого времени, с одной стороны, полного поглощения крупной механизированной фабрикой, с другой — сами успели усвоить некоторые преимущества механического производства, то иная судьба других отраслей металлического производства. Это относится, например, к распространённому в том же Павловском районе замочному производству. Несмотря на то, что в самом Павлове в замочном производстве не возникало механических предприятий, к 90-м годам павловский замочный промысел пришёл в упадок. Причиной этого явилось то обстоятельство, что в западных губерниях появились крупные замочные фабрики, которые своим замком, вдвое более дешёвым, чем кустарный павловский, стали вытеснять последний с всероссийского рынка.

Такая же судьба постигла другой металлический промысел, гвоздарный, широко распространённый до 70-х годов в Твер-

ской, Ярославской, Нижегородской губерниях. Первая конкуренция ручному кустарному гвоздю, грубому и относительно дорогому, создаётся английским фабричным гвоздём, который оказался лучше и дешевле кустарного и уже с 70-х годов стал с ним успешно конкурировать. С 80-х годов появляются русские механические фабрики так называемого «проволочного» гвоздя, наносящего окончательный удар кустарному гвоздю. И здесь происходило вытеснение сначала кустарей-предпринимателей, владельцев кустарных «светёлок» и мелких мануфактур с наёмными рабочими, благодаря чему производство переходило в кузницы кустарей-одиночек, где некоторое время сохранялось за счёт крайне низкой оплаты труда кустаря. Но вскоре фабричный проволочный гвоздь своей дешевизной вытеснил их производство, оставляя кустарному промыслу лишь производство крупных специальных гвоздей — судовых, балочных, а также некоторых других изделий, в то время ещё не производившихся машинным способом.

Как пример вытеснения ручного производства механизированной фабрикой интересна судьба сапожного промысла с его центром в Кимрах, Тверской губернии. Первоначально этот промысел, исключительно ручной, был достоянием мелкого кустаря-ремесленника, работавшего в одиночку на скупщика, который сбывал кимрские сапоги по всей России. С 70-х годов в этом промысле начинает применяться сапожная машина, доступная мелкой мастерской, хотя и недоступная рядовому кустарю-одиночке. Возникают мелкие мануфактуры, в связи с чем увеличивается число наёмных рабочих. В 90-х годах появляются крупные механические обувные фабрики с техникой, недоступной мелкой мануфактуре. Её сапог не может конкурировать с механической обувью. Но так как механические обувные фабрики вырабатывали товар более высокого качества, преимущественно для городского населения, то кустарно-ремесленное обувное производство сохранилось лишь в выделке более простой и грубой деревенской обуви.

Иногда крупное механизированное производство не внедряется в данную отрасль производства вследствие невыгодности его механизации (рогожный промысел, игрушечный, производство войлока, мешков и пр.). Во всех этих и тому подобных отраслях возникновение фабричного механизированного производства совершается более медленно, если и здесь не происходит какого-либо крупного технического переворота (например, механизированное производство джутовых мешков вместо ручного шитья холщёвых).

Победа механизированного фабричного производства над мануфактурным особенно ярко проявлялась в хлопчатобумажной промышленности. Первое появление цилиндро-печатных

машин в 1820—1830 гг. подорвало «домашний» промысел кустарей-набойщиков, работавших на мануфактуры, а ситценабивные машины-ниротипы (дающие при работе двух человек столько же, сколько раньше вырабатывали 50) совершенно уничтожили через 10—15 лет после своего появления ручное домашнее и мануфактурное ситценабивное производство. С 1830—1840 гг. начинает механизироваться бумагопрядильное производство. В 1830-х гг. появляются первые частные механизированные бумагопрядильные фабрики Волкова, Штиглица, в 1846—1848 гг. крупные фабрики Мальцева, Морозова, Гарелина. Тогда же начинает механизироваться и ткацкое производство. До 1840—1850 гг. ткацкое производство было организовано в виде раздаточных мануфактур, так как торговец-капиталист, мануфактурщик, получавший из-за границы английскую пряжу, раздавал её кустарям-ткачам. В 1830-х гг. появляется первая бумаготкацкая фабрика Волкова в Московской губернии, в 1846 г. — механическая бумаготкацкая фабрика в Шуе. В 1866 г. их было уже 42 с 94,6 тыс. рабочих, тогда как кустарей осталось всего 66 тыс.; в 1879 г. фабрик было 92 с числом рабочих 162,7 тыс., а кустарей всего 50 тыс. В 1894 г. кустарей-ткачей осталось 20,5 тыс., причём все они были уже не прежние рабочие кустарных «светёлок», а кустари-одиночки, «рассеянные» механизированной фабрикой и влачащие весьма жалкое существование.

Подобный же процесс происходит в льнопрядильном и полотноткацком промыслах, распространённых главным образом в губерниях Ярославской, Владимирской, Костромской. И здесь появление льнопрядильной машины в 50-х годах быстро убивает ручное льнопрядение. Механические льноткацкие фабрики появляются лишь в 70-х годах, также быстро убивая существовавшие прежде «светёлки» кустарей-предпринимателей, маленькие мануфактуры в 2—3 станка; полотняный ткацкий промысел переносится к кустарям-одиночкам, пока развитие фабричного механического ткачества в 70-е годы не ликвидировало их почти окончательно.

До сих пор мы рассматривали такие отрасли мануфактурной кустарной промышленности, в которых развитие фабричной промышленности шло, так сказать, «органически», переплетаясь с развитием и упадком кустарных промыслов, иногда затягивая процесс их уничтожения на десяток-другой лет. Но в некоторых случаях развитие капиталистической промышленности сразу и катастрофически уничтожало целые отрасли мелкого производства. Это бывало в тех случаях, когда какая-либо отрасль капиталистического производства начинала вырабатывать совершенно новый и более ценный продукт, уничтожавший потребление старого продукта.

Типичную в этом отношении судьбу испытали смолокуренный и угольный кустарные промыслы под влиянием развития нефтяной и каменноугольной промышленности. Смолокуренный промысел в 60—70-х годах был очень распространён во многих лесистых местностях, особенно, например, в Рязанской, Нижегородской, Владимирской, Тамбовской, Пермской и некоторых других губерниях. Вместе со смолокурением здесь был очень развит и промысел по выжиганию древесного угля, который шёл в местные кузницы и железоделательные заводы. Развитие нефтяной промышленности и выработка из нефтяных остатков смазочных масел быстро вытеснили смолокурение, а каменноугольная промышленность и переход на более дешёвый и ценный для производства каменный уголь вытеснили выжигание древесного угля. В Рязанской и Тамбовской губерниях эти промыслы совершенно исчезли уже в 80-х годах, в более северных губерниях, например в Нижегородской и Пермской, сохранялись до 90-х годов, но потеряли прежнее значение.

Наконец, развитие железных дорог в 70-х годах, подорвав гужевой транспорт, весьма резко сократило ряд кустарных промыслов — тележный, санный, колёсный, шорный и т. п., которые раньше в лесистых местностях и вдоль основных гужевых магистралей имели весьма большое распространение и значение.

Итоги развития фабричной промышленности в 60—80-х годах. Фабрично-заводская статистика 60—80-х годов XIX в. настолько неудовлетворительна и неточна, что не даёт возможности сколько-нибудь подробно осветить и выяснить итоги развития крупной фабричной промышленности за эти годы [1]. Это касается как числа предприятий (вследствие различных методов определения «крупных» и мелких предприятий), так и числа рабочих на них, суммы производства и пр. С этой оговоркой лишь для некоторого сравнения можно привести следующие данные о росте промышленного производства за 15 лет после реформы по отдельным отраслям, по которым размеры производства поддаются сколько-нибудь сравнимому и точному учёту [2].

---

[1] О фабрично-заводской статистике того времени см. критические замечания в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», гл. VII, § 2, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 399—409.

[2] Составлена по «Обзору различных отраслей мануфактурной промышленности России»; см. также *В. Покровский,* К вопросу об устойчивости активного баланса русской внешней торговли (1898), стр. XXIX—XXXI и *его же,* Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли, 1902.

	1860 г.	1878 г.
Бумажная пряжа (млн. руб.)	28,7	44,2
Хлопчатобумажные изделия (млн. руб.)	42,9	96,3
Шерстяная пряжа (млн. руб.)	0,45	2,5
Шерстяные изделия (млн. руб.)	34,9	52,7
Машины (млн. руб.)	14,0[1]	43,4
Нефть (млн. руб.)	0,6	10,9
Каменный уголь (млн. пуд.)	18,3	111,3
Чугун (млн. пуд.)	19,6	25,5
Железо (млн. пуд.)	12,3	17,1
Сталь (млн. пуд.)	0,1	1,1

Таким образом, первые 15 лет после реформы для многих отраслей русской промышленности были годами некоторых успехов, давших даже для таких старых отраслей, как хлопчатобумажная и шерстяная, увеличение производства в 2 раза и более. Но по абсолютным размерам эти успехи были невелики. Для таких новых отраслей, как каменноугольная, нефтяная, сталелитейная, это были годы основания первых крупных капиталистических предприятий, впервые создавших новые крупные промышленные районы с громадными производственными перспективами. Таковы были, например, первый завод англичанина Юза (английское акционерное общество с капиталом в 3 млн. руб.), давший начало южной металлургической промышленности в Криворожском бассейне, первые крупные каменноугольные предприятия в Донецком бассейне, крупные нефтяные акционерные общества Нобеля в Баку и пр. Но и эти отрасли промышленности в течение 70—80-х годов давали лишь очень небольшие цифры производства.

Ленин, подробно и критически разобрав данные тогдашней фабрично-заводской статистики по отдельным отраслям промышленности, даёт следующую сводную таблицу крупнейших фабрик Европейской России за рассматриваемый нами период 1866—1879 гг., а также для 1890 г. по 71 производству, о кото-

[1] Данные за 1867 г.

рых имеются сведения за все эти годы (приводим в несколько сжатом виде) [1]:

Группы фабрик по числу рабочих	1866 г.			1879 г.			1890 г.		
	число фабрик	число рабочих (в тыс.)	сумма производства (в млн. руб.)	число фабрик	число рабочих (в тыс.)	сумма производства (в млн. руб.)	число фабрик	число рабочих (в тыс.)	сумма производства (в млн. руб.)
С 100 до 499 рабочих	512	109,0	99,8	641	141,7	201,6	712	156,7	186,3
С 500 до 999 рабочих	90	59,9	48,3	130	91,9	117,8	140	94,3	148,5
С 1 000 и более рабочих	42	62,8	52,9	81	156,8	170,5	99	213,3	253,1
Итого . . .	644	231,7	201,0	852	390,4	489,9	951	464,3	587,9

По тем же подсчётам Ленина, число рабочих во всех крупных капиталистических предприятиях, считая горную промышленность и железные дороги, было (в тыс.) [2]:

Годы	В фабрично-заводской промышленности	В горной промышленности	На железных дорогах	Всего
1865	509	165	32	706
1890	840	340	252	1 432

Таким образом, все показатели за рассматриваемый период дали относительно крупное увеличение, причём наиболее значительным оно было для самых крупных предприятий, особенно по сумме их производства и числу рабочих. Фабрично-заводская промышленность, крупное, механизированное производство, фабрики уже к 90-м годам успешно поглощали мелкое, ручное, немеханизированное производство самостоятельного производителя, кустаря-одиночки, мелкую, кустарную «светёлку», мелкую мануфактуру. Но в то же время крупная капиталистическая промышленность делала большие успехи не только за счёт разорения мелкотоварного производства и мануфактуры, но и за счёт сокращения менее мощных капита-

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 446.
[2] См. там же, стр. 436.

листических фабрик. Другими словами, начинался процесс концентрации капиталистической промышленности.

Положение рабочих в 70—80-х годах. Положение рабочих в 60—70-х годах XIX в. характеризовалось особенно жестокими формами эксплоатации. Ни продолжительность рабочего дня, ни работа женщин и детей, ни санитарно-гигиенические условия работы на фабриках законом не регулировались и были всецело предоставлены произволу фабрикантов. Продолжительность рабочего дня обычно была не менее 12—14 час. в сутки, но большей частью достигала 16—18 час. не только для взрослых мужчин, но и для женщин и детей. Хотя в 1882 г. был издан закон, не допускавший вовсе работы детей моложе 12 лет и ограничивавший работу подростков 12—15 лет 8 часами в сутки, этот закон обходили. Фактически в некоторых отраслях 25% всех рабочих составляли дети и столько же — подростки.

Особенно жестокая эксплоатация и большая продолжительность рабочего дня имели место в отраслях лёгкой и в частности хлопчатобумажной промышленности. Многие предприятия этих отраслей представляли собой часто небольшие и мало благоустроенные мануфактуры, эксплоатирующие преимущественно малоквалифицированный труд приходящих из деревни рабочих, а также женщин, подростков и детей. На этих предприятиях продолжительность рабочего дня была особенно велика, заработная плата особенно низка и санитарно-гигиенические условия работы наиболее неблагоприятны. Но даже и на таких крупнейших капиталистических текстильных предприятиях, как Кренгольмская текстильная фабрика в Нарве, продолжительность рабочего дня как для взрослых, так и для подростков и женщин доходила до 16 часов. Санитарно-гигиенические условия работы, даже по официальным обзорам, были ужасны — без всяких приспособлений для устранения вредной пыли в хлопчатобумажных предприятиях, ядовитых испарений в кожевенных, красильных и химических. Очень часты были увечья на почве переутомления рабочих, а также вследствие того, что машины не только не были ограждены, но и чистились рабочими на ходу.

Заработная плата рабочих была очень низка: в среднем по всем промышленным районам заработная плата взрослого рабочего была 14 руб. в месяц, женщины — 10 руб., детей — 7 руб. в месяц. Часто применялся (в особенности в предприятиях сезонного характера и не требующих сколько-нибудь квалифицированного труда, например на кирпичных заводах) подрядный способ найма артелей подрядчиком, который платил взрослым рабочим 9—10 руб. в месяц. В некоторых районах, например на Урале, заработная плата была особенно низка. Но даже в таких районах, как Петербургский, и на таких

крупных заводах, как Сестрорецкий казённый оружейный, заработная плата квалифицированных рабочих колебалась от 25 до 100 руб. в месяц для мастеров, а для детей 10—15 руб.; на других же крупных петербургских заводах, как известные впоследствии заводы Варгунина, Паля, Максвела, средние заработки мастеров определялись в 25—35 руб. в месяц. Эта зарплата систематически уменьшалась штрафами, которые шли в пользу фабриканта.

Но кроме того, особенно на предприятиях, расположенных вне городов, рабочие полностью заработной платы фактически не получали, так как все продукты они обязаны были забирать в фабричных лавках по ценам в 2—3 раза выше рыночных. Часто эти лавки доставляли фабрикантам доход не меньший, чем само производство. Рабочие, если они не жили в деревне в своих домах, помещались обычно в фабричных казармах в самых антисанитарных условиях, в общих комнатах без различия пола и возраста.

В заключение следует отметить большие доходы фабрикантов. Например, получившая печальную известность громадная фабрика Хлудова, которая, по обследованию земской санитарной комиссии в 1880 г., «служа гнездом всякой заразы... является в то же время образцом беспощадной эксплоатации», давала чистого дохода 45% на капитал. Но когда рабочие этой фабрики в 1880 г. забастовали, против них была применена военная сила, а «зачинщики» арестованы[1].

Борьба русских рабочих с капитализмом и царизмом началась в 70—80-х годах, проявившись в организации в 1875 г. в Одессе «Южнороссийского союза рабочих» и в 1878 г. в Петербурге «Северного союза русских рабочих». К этим годам относится ряд политических демонстраций рабочих (в Петербурге), первые крупные стачки (стачка на Невской бумагопрядильне в 1870 г., закончившаяся первым судебным процессом против рабочих; стачка на Кренгольмской мануфактуре в 1872 г., закончившаяся применением военной силы; стачка петербургских текстильщиков в 1878 г., в Иваново-Вознесенске в 1885 г., в Шуе в 1888 г. и др.) и пр. Однако движение 70—80-х годов, так же как и более раннее движение 60-х годов, носило стихийный характер. Но оно имело большое значение, так как

---

[1] *Я. В. Абрамов*, Хлудовщина. «Отечественные записки» № 5, 1882 г., стр. 36—53. О положении рабочих в период 80-х годов см. *Е. М. Дементьев*, Фабрика, что она даёт населению и что она у него берёт, изд. 2, 1897; а также очень важные отчёты фабричных инспекторов, особенно, например *И. И. Янжул*, Фабричный быт Московской губернии, отчёт за 1882—1883 гг., Спб. 1884; *Святловский*, Отчёт по Харьковскому округу за 1885 г.; *Давыдов*, Отчёт по Петербургскому округу, 1885; *П. А. Песков*, Фабричный быт Владимирской губернии, 1884.

этот «стихийный элемент» представлял собою «...в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности»[1].

Промышленное грюндерство 70-х годов XIX в. Из всего сказанного видно, что, несмотря на довольно значительные темпы развития капиталистической промышленности в 70-е годы, не следует преувеличивать ни её размеры, ни её общее техническое и экономическое состояние. По сравнению с передовой тогдашней европейской промышленностью она была технически отсталой и маломощной. Для более крупных успехов и темпов развития нехватало ещё многих условий — крупных капиталов, выработанной техники, квалифицированных рабочих, капиталистической организации торговли, развитой сети железных дорог, коммерческих банков, кредита, организационной опытности в строительстве таких новых отраслей, как нефтяная, каменноугольная и др.

Вот почему, кроме описанных общих условий и тенденций развития капиталистической промышленности, в 70-е годы необходимо отметить то характерное явление, которое особенно резко нашло своё выражение в период первого промышленного подъёма, в виде так называемого «грюндерства», учредительной горячки, организации акционерных обществ, привлечения в них иностранных капиталов, всякого рода концессий на строительство железных дорог, учреждения банков и т. п.

Все эти явления в народном хозяйстве крепостной эпохи были представлены очень слабо. Так, до реформы 1861 г. в России насчитывалось 78 акционерных обществ с капиталом в 72 млн. руб. В течение 1861—1873 гг. было учреждено 357 акционерных обществ с капиталом в 1 116 млн. руб. Правда, само проведение реформы 1861 г. потребовало большого финансового напряжения. Выкупная операция и выпуск правительством в течение 1863—1872 гг. выкупных свидетельств на сумму 607 млн. руб. оказали задерживающее влияние на рост вложений новых акционерных капиталов в промышленность: последние достигали в 1860 г. 6,2 млн. руб., к 1862 г. — упали до 2 млн. руб., а в 1863 г. — до 850 тыс. руб. Но уже в 1866 г. вложения акционерных капиталов вновь достигли 7,5 млн. руб., в 1870 г. — 23,5 млн. руб. и затем уже исчисляются в несколько десятков миллионов рублей ежегодно.

Некоторая часть акционерных обществ образована была на иностранные капиталы, но всё же доля иностранных капиталов в акционерных обществах 60—70-х годов была невелика. Так, приток иностранных капиталов в русскую промышленность до 1850 г. определялся всего в 2,7 млн. руб., к 1860 г. — в 9,7 млн. За 70-е годы этот приток

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 346.

значительно увеличился и достиг к концу этого десятилетия 97,7 млн. руб. Сравнительно с вложением русских капиталов это были всё же небольшие цифры, и в акционерных обществах главная доля принадлежала всё же русским капиталам. Одно поместное дворянство получило в десятилетие 1863—1872 гг. в виде выкупных платежей и за проданную землю до 772 млн. руб., часть которых была направлена на учредительство новых акционерных обществ.

Посмотрим теперь в какие именно отрасли хозяйства направлялись эти капиталы в 60—70-е годы.

Из общего числа 357 акционерных обществ, возникших в 1861—1873 гг., было основано: акционерных банков — 73 с суммой акционерного капитала в 226,9 млн. руб.; железнодорожных обществ — 53 с суммой капитала в 698,5 млн. руб.; пароходных — 15 с капиталом в 7,3 млн. руб., торговых предприятий — 14 с капиталом в 6 млн. руб. и собственно промышленных акционерных предприятий всех видов — 163 с капиталом в 128,9 млн. руб. Таким образом, промышленность поглощала всего 11,4% всего акционерного капитала, тогда как банки, железные дороги и капиталистические торговые предприятия, т. е. капиталистические организации обращения, — до 83%. Особенно важное значение для дальнейшего развития капиталистической промышленности получает организация крупных коммерческих банков.

Уже к 1861 г. были ликвидированы старые кредитные учреждения (ассигнационные, заёмный банк, ссудные кассы), а старый Коммерческий банк был преобразован в Государственный (1860 г.). К 1870 г. имелась уже развитая сеть кредитных учреждений во главе с Государственным банком и с 41 его отделением, 29 акционерных банков, 15 обществ взаимного кредита, 163 городских банка, 16 ссудо-сберегательных товариществ. Насколько эта сеть являлась уже тогда могущественным руслом для концентрации и перераспределения капитала, показывают такие цифры. К 1873 г. в Государственном банке имелось текущих счетов на 1041 млн. руб., в акционерных банках — на 1479 млн. руб. Вкладов имелось в Государственном банке 42 млн. руб., в акционерных банках — 191 млн. руб. Всего — до 2 753 млн. руб., тогда как до реформы имелось около 350 млн. руб. вкладов в Заёмном банке и около 1 млрд. руб. во всей системе старых кредитных учреждений (Земельный и Коммерческий банки, приказы общественного призрения, сохранная казна, ссудные кассы). Притом в значительной мере это были вклады, производимые за счёт казённых учреждений, а собственно частные коммерческие вклады были ничтожны [1].

[1] *И. И. Кауфман*, Статистика русских банков, ч. II, 1875, стр. XXXVIII.

Куда направлялись и как распределялись в 60—70-е годы капиталы новых банков, видно из того, что в 1873 г. учёт векселей по всей кредитной сети достиг 431 млн. руб., а ссуды под товары и процентные бумаги — 225 млн. руб., т. е. весь коммерческий кредит достигал суммы в 656 млн. руб. против 15 млн. собственно коммерческого кредита до 1861 г.

Важной отраслью капиталистического хозяйства, в которую направлялись капиталы как частные, так и государственные, было железнодорожное строительство. Вложение крупных капиталов началось здесь ещё в 1857 г., когда было организовано частное акционерное Главное общество российских железных дорог, основанное преимущественно на французские капиталы и получившее концессию на 4 тыс. вёрст железных дорог. Впрочем, надежды на привлечение иностранного капитала к железнодорожному строительству не оправдались, так как иностранные капиталисты, получив акции по дешёвой нарицательной цене, скоро продали их по повышенной цене русским капиталистам. Тем не менее с этих пор железнодорожная горячка становится одним из главных направлений капиталистического грюндерства. В результате, если в 1857 г. в России имелась всего 1 тыс. вёрст железных дорог, то в 1865 г. их было уже 3,5 тыс. вёрст, в 1871 г. — 10,2 тыс. вёрст и в 1881 г. — 21,1 тыс. вёрст. Акционерный капитал, вложенный в железнодорожное строительство, составлял в 1860 г. 178 млн. руб., в десятилетие 1861—1870 гг. было вновь вложено в железнодорожное строительство частного акционерного капитала 698 млн. руб., а правительственные железнодорожные займы к 1877 г. достигли 1833 млн. руб.

Понятно, что обилие денежных капиталов благодаря организации банков и расширению банковых кредитов, а также усиленное железнодорожное строительство не могли не оказать влияния на промышленное оживление вообще и на быстрый рост всех отраслей капиталистической промышленности, в частности чёрной металлургии и машиностроения. Однако тогдашняя русская чёрная металлургия и машиностроение не были подготовлены к быстрому росту железнодорожного строительства. Рельсо-прокатного производства почти не существовало, паровозы строились всего на одном заводе, вообще железнодорожное оборудование — на семи заводах, чугуна собственной выплавки нехватало. Поэтому почти всё оборудование — рельсы, паровозы, вагонные принадлежности — выписывалось из-за границы. Например, ежегодный ввоз чугуна, железа и стали «не в деле» со 198 тыс. пудов в 1851—1856 гг. возрос до 19,5 млн. пудов в 1867—1871 гг. и до 29,4 млн. пудов в 1877—1881 гг., а машин всяких на сумму с 7,5 млн. руб. в 1856—1860 гг. до 29,5 млн. руб. в 1871—1875 гг. и до 51 млн. руб. в 1876—1880 гг.

Даже для сооружения, например, железной дороги на Урале, в центре чёрной металлургии, были привезены из-за границы не только паровозы и рельсы, но и всякого рода мелкие железные изделия, винты, болты и пр. [1] Общая стоимость привезённых из-за границы иностранных изделий для строительства и оборудования железных дорог за 70-е годы доходила до 1 млрд. руб. Попытки конкуренции русской металлургии с иностранными изделиями при фритредерских тарифах 1857 и 1868 гг. при высоких качествах иностранных изделий и низкой их цене не могли иметь успеха.

Поэтому создавшееся на почве банковского кредита, акционирования и прилива иностранного капитала промышленное грюндерство не могло не вызывать серьёзных опасений. Экономический фундамент для промышленного грюндерства 70-х годов был всё же невелик.

Для тяжёлой индустрии главным рынком сбыта было железнодорожное строительство, для которого, как мы видели, даже нехватало внутреннего производства чугуна и рельсов и которое поглощало всё производство каменного угля и нефти. Железнодорожное строительство быстро развивалось до середины 70-х годов, увеличив железнодорожную сеть в пятилетие 1871—1875 гг. на 7,4 тыс. вёрст и доведя её к 1876 г. до 17,6 тыс. вёрст. После этого железнодорожное строительство сильно сокращается, дав за пятилетие 1876—1880 гг. всего до 3,5 тыс. вёрст новых железнодорожных путей. Вместе с тем резко сжимается рынок сбыта для тяжёлой индустрии. Для лёгкой и особенно хлопчатобумажной индустрии базой для развития явился массовый, т. е. главным образом крестьянский, рынок; но этот рынок при низкой покупательной способности населения, при частых неурожаях в 70-х годах был очень непрочен.

Промышленные кризисы 1873—1876 и 1881—1882 гг. После учредительской банковской и промышленной горячки к началу 70-х годов первые признаки наступающего капиталистического кризиса появились в 1873 г. Русский капитализм к этому времени имел уже тесные финансовые и денежные связи с иностранным капиталом. Поэтому, когда в 1873 г. в Западной Европе разразился денежный и промышленный кризис, русские банки и промышленность были также захлёстнуты волной финансовых затруднений и обнаружившегося затем товарного перепроизводства, понижения цен, банковских и промышленных крахов. Новое акционерное строительство, развивавшееся до 1873 г. усиленным темпом, стало сокращаться.

---

[1] *Б. Ф. Брандт,* Иностранные капиталы, т. II, 1899, стр. 20.

В 1871 г. капиталы новообразованных акционерных обществ достигли 30,8 млн. руб., в 1872 г. они составляли 61,9 млн. руб., в 1873 г. — 86,9 млн. руб., но в 1874 г. дали всего 51,1 млн. руб., а в 1875 г. — 37 млн. руб. В результате за 1874—1881 гг. было вновь организовано всего 272 акционерных общества с капиталом в 305,6 млн. руб. против 1116 млн. руб., вложенных за 1861—1873 гг. При этом замечательно то, что особенно резко сократилось учреждение акционерных обществ в области банков (вложено всего 2,5 млн. руб. новых акционерных капиталов против 227 млн. за предыдущий период) и железных дорог (41,3 млн. против 698 млн.). Наоборот, собственно промышленное акционирование даже увеличилось как абсолютно (до 177,4 млн. руб. капитала против 128,9 млн. руб. за предыдущий период), так и относительно (с 11,4 до 58% всего акционерного капитала).

Кризис 1873—1875 гг. был первым и наиболее ярко выраженным типичным капиталистическим кризисом. К этому времени капитализм в России в основных и ведущих отраслях производства занял господствующее положение. Начали действовать имманентные ему противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, между неограниченными возможностями воспроизводства и ограниченными размерами потребления. Развитие этих противоречий проявилось в усиленных капиталовложениях в тяжёлую промышленность при крайне низкой покупательной способности внутреннего рынка.

Современные обозреватели кризиса 1873—1875 гг. вполне правильно видели непосредственный толчок к кризису в сокращении железнодорожного строительства и спроса на продукты тяжёлой промышленности. Сокращение же железнодорожного строительства было вызвано в свою очередь затруднениями финансового характера, вследствие сокращения капиталовложений акционерными обществами, банками и казной. Поэтому кризис 1873—1875 гг. получил характер в первую очередь кризиса тяжёлой индустрии — чёрной металлургии, топливной промышленности и т. п. Но вслед за этими отраслями он стал распространяться и на лёгкую индустрию. В 70-х годах массовый рынок для этой последней оставался ограниченным. Главный массовый потребитель продуктов лёгкой промышленности, крестьянин, в 70-х годах ещё в значительной степени удовлетворялся собственными домашними полотнами, сукнами и другими изделиями, так как фабричные изделия ему были всё ещё мало доступны. О кровельном железе вместо соломенных крыш деревня думать не могла. Экономическое положение крестьянства в первое десятилетие после реформы было таково, что крестьянское хозяйство обладало очень невысокой

покупательной способностью. Вся первая половина 70-х годов (кроме 1874 г.) отличалась низкими урожаями, а 1871/72 и 1875/76 гг. были голодными годами.

В результате кризиса грюндерство к середине 70-х годов стихло, и 1873—1877 гг. были годами продолжительного промышленного затишья. В 1877 г. под влиянием русско-турецкой войны промышленность, связанная с военными поставками, получает толчок к оживлению. В 1879—1881 гг. оживление промышленного грюндерства, производства и торговли достигло наиболее высокого уровня за рассматриваемое десятилетие. Хорошие урожаи 1877—1879 гг. сказались благоприятно на результатах Нижегородской ярмарки в 1879—1880 гг., вызвав оживление промышленности, в особенности хлопчатобумажной, повышение цен на её изделия, повышение дивидендов и основание новых предприятий. По отчётам некоторых хлопчатобумажных предприятий, дивиденды их в 1879—1880 гг. достигали 40, 50 и даже 70% на акционерный капитал. Стоимость выработки продукции хлопчатобумажной промышленности повысилась с 96,3 млн. руб. в 1876 г. до 200 млн. руб. в 1880 г. Каменноугольная промышленность в 1880 г. вновь дала скачок в продукции до 201 млн. пудов, нефтяная — до 20 млн., железоделательная — до 26,1 млн. пудов.

Но это промышленное оживление продолжалось недолго. Уже с 1881—1882 гг., отчасти в связи с резко пониженными урожаями за эти годы, а также в связи с дальнейшим сокращением железнодорожного строительства и, наконец, под непосредственным влиянием западноевропейского кризиса 1880 г., промышленность вновь переживает тяжёлый кризис и вступает в полосу длительной депрессии вплоть до начала 90-х годов. Конечно, общий рост промышленности и железнодорожного строительства продолжался. Но насколько был замедлен их темп, показывают такие цифры: образование новых акционерных капиталов, достигшее в 1873 г. максимальной цифры в 86,9 млн. руб., упало в 1880 г. до 51,2 млн., в последующие годы продолжало падать, в 1886—1887 гг. — до 20—24 млн. руб. в год. Железнодорожное строительство, давшее в 1871—1875 гг. 7,4 тыс. вёрст новых железных дорог, в 1881—1885 гг. сократилось всего до 3,1 тыс. вёрст и в 1886—1890 гг. — до 2,8 тыс. вёрст. Сокращение работы предприятий, массовое закрытие фабрик, массовая безработица и, наконец, первые массовые проявления рабочего движения и забастовки — таковы были результаты этого периода развития русской капиталистической промышленности.

ОБРАЗОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Одним из важнейших вопросов, разрешение которого необходимо для понимания пореформенной, т. е. капиталистической экономики России последних десятилетий XIX в., является проблема об образовании внутреннего рынка для промышленного капитализма. Поэтому Ленин в своём исследовании о развитии капитализма в России и отводит центральное место вопросу об образовании внутреннего рынка. «Основным процессом создания внутреннего рынка (т. е. развития товарного производства и капитализма), — говорит он, — является общественное разделение труда. Оно состоит в том, что от земледелия отделяются один за другим различные виды обработки сырья... и образуются самостоятельные отрасли промышленности, обменивающие свои продукты (теперь уже *товары*) на продукты земледелия»[1]. Основными элементами образования внутреннего рынка для капитализма, по Ленину, являются: рост товарного обращения, рост городов и торгово-промышленного населения, внутренняя колонизация, разложение крестьянства, рост употребления наёмного труда и образование внутреннего рынка рабочей силы[2].

Из предыдущих глав, где даны условия развития сельского хозяйства и промышленности в 60—80-х годах, мы видели, что развитие всех этих элементов образования внутреннего рынка для капитализма сделало большие успехи сравнительно с эпохой дореформенной, крепостной экономики с её относительно слабо развитым товарным хозяйством.

«...Товарное обращение, — говорит Ленин, — предшествует товарному производству и составляет одно из условий (но не единственное условие) возникновения этого последнего»[3]. Поэтому, как мы видели выше, рост товарного обращения имел место в русском народном хозяйстве задолго до возникновения капитализма, в эпоху крепостного хозяйства. Но всё содержание, организация и техника рынка носили характер, соответствующий крепостной эпохе (ярмарки, гужевые перевозки, отсутствие кредита и пр.). Капиталистическая эпоха внесла во все эти стороны товарного обращения изменения, соответствующие капитализму, — железные дороги, банки и пр., —

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 45.
[2] См. там же, гл. VIII, стр. 485—528.
[3] Там же, стр. 485.

а вместе с тем в сильнейшей степени увеличила размеры товарного рынка.

В условиях крепостного хозяйства процесс развития единого национального рынка задерживался причинами, лежащими как в области экономики крепостного хозяйства, так и в области собственно техники товарооборота и транспорта. Эти условия в значительной мере сохранились и в первые годы после реформы 1861 г., пока широкое развитие железных дорог не изменило в корне все рыночные условия.

Поэтому в течение двух-трёх первых десятилетий развития промышленного капитализма многие из указанных моментов не нашли ещё своего завершения. Деревня ещё сохраняла много пережитков полукрепостнических отношений и натурального хозяйства. Процесс отделения промышленности от земледелия ещё не был полностью закончен, почему и покупательная способность деревни на продукты капиталистической промышленности хотя и быстро возрастала, но была невысока. Вместе с тем и капиталистическая промышленность ещё не полностью ликвидировала отсталые формы мануфактур — «раздаточную систему» и «работу на дому». Отсталость промышленности 70-х годов особенно чувствовалась в ведущих её отраслях — чёрной металлургии, горнозаводском деле, топливной промышленности, в которых такие будущие крупнейшие капиталистические центры, как Донбасс и Бакинский район, только начинали развивать своё производство. Поэтому тяжёлая индустрия, особенно рельсовое производство, машино- и паровозостроение, топливная промышленность, не могла удовлетворить спроса на эти продукты, который уже при первом подъёме железнодорожного строительства должен был покрываться иностранным ввозом.

Таким образом, процесс образования внутреннего рынка для капиталистической промышленности, так же как развитие самой промышленности, в 70-е годы и особенно в период застоя 80-х годов, не мог достигнуть очень быстрых темпов. Наиболее сильный толчок в этом направлении был дан промышленным подъёмом 90-х годов, который в свою очередь был подготовлен экономическим развитием предшествовавшего десятилетия. Понятно, что, несмотря на экономический застой 80-х годов, рост общественного разделения труда продолжался, усиливая развитие товарного хозяйства, разлагая остатки докапиталистических отношений, усиливая отделение промышленности от земледелия, создавая внутренний рынок для развития капитализма. Капиталистические формы эксплоатации усиливали накопление капитала, создавали условия для расширенного воспроизводства. Банки и акционерные общества продолжали служить сильнейшим аккумулятором капиталов, подго-

товляя почву для дальнейшего промышленного оживления и подъёма.

При свойственной капитализму неравномерности развития всё это сказывалось неодинаково на темпах роста отдельных отраслей промышленности и различных районов. По характеристике Ленина, процесс образования рынка для капитализма шёл в двух направлениях: «...развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»[1]. Когда, например, в текстильной индустрии распространение капитализма «вглубь», т. е. расширение внутреннего рынка в старых территориях, задерживается в силу сохранения здесь отсталых общественно-экономических отношений, то «...фабриканты не станут, конечно, ждать, чтобы другие отрасли народного хозяйства догнали в своем капиталистическом развитии текстильную индустрию. Фабрикантам нужен рынок немедленно... они будут искать рынка в другом районе...»[2], т. е. стремиться к распространению капитализма вширь. «...Это свойство капитализма, — говорит Ленин, — с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России»[3].

Чем более отсталый, аграрный характер экономики и общественных отношений России суживал и замедлял развитие промышленного капитализма вглубь, тем более необходимы были для него поиски путей распространения вширь. А это выражалось в освоении отдалённых окраин, в соединении их железными дорогами с промышленными центрами, в развитии на окраинах рынка для сбыта промышленных товаров метрополии и для закупки их сырья. Усиленное строительство железных дорог создавало спрос на продукты чёрной металлургии, машиностроения и паровозостроения, на каменный уголь и нефть и ставили эти ведущие отрасли во главу угла общего промышленного подъёма.

Этот характер развития русского капитализма вширь был естественным и закономерным следствием неравномерности развития капитализма. Но именно недостаточность, узость и медленность развития внутреннего рынка для распространения капитализма вглубь создавали громадную его связанность, особенно в ведущих отраслях тяжёлой промышленности (металлургической, топливной), с правительственной политикой

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 522.
[2] Там же, стр. 520.
[3] Там же, стр. 522.

в области железнодорожного строительства, с казёнными заказами и пр. Всё это в значительной мере определяло как характер и причины промышленного подъёма 90-х годов, так и ход и характер обусловившего этот подъём процесса образования внутреннего рынка для промышленного капитализма.

Развитие капиталистических отношений после реформы 1861 г. и особенно быстрый рост железнодорожного строительства имели для развития внутреннего рынка крупнейшее значение, резко изменив как его экономику, так и технику. Натуральные основы крестьянского хозяйства быстро сменялись денежными отношениями; усилилось бремя денежных платежей, подорвана была домашняя крестьянская промышленность. Всё это, естественно, толкало крестьянина на рынок и как продавца своих сельскохозяйственных продуктов и как покупателя продуктов промышленности. Рынок стал сильно расти. Ярмарочный оборот по привозу товаров возрос с 360 млн. в 1860 г. до 460 млн. руб. в 1863 г.

Рост городов и торгово-промышленного населения. Наиболее простым, но достаточно точным статистическим показателем процесса общественного разделения труда и образования рынка является рост городов и городского торгово-промышленного населения. Дореволюционная статистика, в том числе и единственная всеобщая перепись населения 1897 г., не давала сколько-нибудь исчерпывающих данных по этим вопросам. Поэтому приходится пользоваться лишь суммарными и отрывочными данными.

Сравнительно с последней переписью населения крепостного периода (ревизией 1858 г.) перепись 1897 г. даёт следующие цифры роста населения обоего пола по всей стране: всего населения (включая Финляндию и среднеазиатские владения) 129 млн. против 74 млн. в 1858 г., в том числе городского 16,3 млн. (12,6%) против 4,2 млн. (5,7%) в 1858 г. Цифры этих переписей не вполне сравнимы в том отношении, что, во-первых, как мы неоднократно указывали[1], цифры ревизии 1858 г. дают по городскому населению лишь численность городских (податных) сословий, цифры же других групп городского населения, вносимые «токмо для счёта», очень неточны; а во-вторых, по переписи населения 1897 г. увеличение населения к 1897 г. по всей стране обусловливалось отчасти новыми территориальными приобретениями. Таким образом, приведённые цифры увеличения населения отражают размеры роста рынка для капитализма не только «вглубь», но и «вширь», т. е. на новых территориях. Этот рост выражается, как видно из приведённых

[1] См. т. I настоящей работы, гл. XVIII, стр. 403—404.

цифр, в 74,3% увеличения цифры всего населения и 28,8% увеличения городского населения.

Чтобы выделить рост населения городов как основной показатель роста общественного разделения труда и роста капитализма «вглубь», приведём соответствующие цифры для 50 губерний Европейской России, по исчислению Ленина, на основе данных той же переписи 1897 г. сравнительно с 1863 г.[1]:

Годы	Всего населения (в млн.)	В том числе городского		Число городов, имеющих население			
		млн.	%	больше 200 тыс.	от 100 до 200 тыс.	от 50 до 100 тыс.	итого крупных городов
1863	61,4	6,1	9,94	2	1	10	13
1897	94,2	12,0	12,76	5	9	30	44

«Итак, — говорит по этому поводу Ленин, — процент городского населения постоянно возрастает, т. е. происходит отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям»[2]. Особенно характерно в этом отношении увеличение числа крупных городов более чем в 3 раза; в 1897 г. уже около 53% всего городского населения жило в крупных городах, тогда как в 1863 г. всего около 27%.

При этом следует отметить, что число городских поселений по переписи 1897 г. вообще неточно: всех городов значилось 865, тогда как в действительности городских и промышленных поселений было значительно больше. По данным 1896 г., их значилось до 919, хотя и в это число не вошли многие промышленные городские поселения, как, например, Сергиевский посад (ныне Загорск), Павлово, Колпино с 8—10 тыс. жителей[3]. С ростом крупной фабрично-заводской промышленности особенно быстрое развитие получили поселения, хотя формально и не причислявшиеся к городам, но экономически являвшиеся фабричными центрами городского типа. Таковы фабричные сёла с многими крупными текстильными фабриками (в Московской, Владимирской, Костромской губерниях), рабочие посёлки при металлургических заводах (Коломенском, Брянском, Юзовском), при свеклосахарных заводах (Смела Киевской губернии),

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 490.
[2] Там же.
[3] См. «Сборник статистических сведений по России за 1896 г.», изд. Центрального статистического комитета, 1897.

наконец, «кустарные» сёла (Павлово, Ворсма и др.)[1]. Вследствие этого количество индустриального населения России значительно превышало исчисленное количество городского населения.

Не менее важным для характеристики процесса общественного разделения труда как основы роста товарного производства и капитализма являются статистические показатели о распределении населения по занятиям, а также по классовому составу. Цифры переписи 1897 г. не давали прямого ответа на эти вопросы, в особенности на второй из них. Ленин на основании специальной обработки цифр переписи 1897 г. даёт следующие приблизительные итоги профессионального и классового состава населения России (без Финляндии) (в млн., цифры округлены)[2]:

Профессиональный состав	Классовый состав
Сельскохозяйственное население России 97,0	Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие ок. 3,0
Торгово-промышленное население России 21,7	Зажиточные мелкие хозяева ок. 23,1
Непроизводительное население России 6,9	Беднейшие мелкие хозяева ок. 35,8
	Пролетарии и полупролетарии ок. 63,7
Всего 125,6	Всего ок. 125,6

Картина профессионального и классового состава населения России к концу 90-х годов отражает значительную глубину противоречий капитализма, но вместе с тем и значительные успехи роста общественного разделения труда, образования внутреннего рынка для промышленного капитализма, создания обширного рынка наёмной рабочей силы. Уточняя последний вопрос и подытоживая расчёты о размерах рынка наёмной рабочей силы для капитализма, Ленин исчисляет его следующими приблизительными цифрами: 1) сельскохозяйственные наёмные рабочие (по Европейской России) — около 3,5 млн.; 2) фабрично-заводские, горные и железнодорожные рабочие — около 1,5 млн.; 3) строительные рабочие — около 1 млн.;

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 455—456.
[2] См. там же, стр. 439, 442.

4) рабочие, занятые в лесном деле, земляными работами, строительством железных дорог, — около 2 млн.; 5) рабочие, занятые капиталистами на дому, и т. п. — около 2 млн. Итого около 10 млн. наёмных рабочих, из которых 7,5 млн. взрослых мужчин, т. е. около половины взрослого мужского населения, участвующего в производстве [1].

Таковы были к концу 90-х годов результаты развития капитализма «вглубь», характеризующие размеры образования внутреннего рынка для промышленного капитализма.

Другой стороной процесса создания рынка для промышленного капитализма является образование в первую очередь рынка для ведущих отраслей тяжёлой индустрии — чёрной металлургии, рельсового производства, паровозо- и машиностроения, топливной промышленности и пр. Другими словами, процесс образования капиталистического рынка на средства производства являлся важнейшим показателем уровня развития промышленного капитализма.

Железнодорожное строительство. Железные дороги оказали особенно глубокое влияние на развитие товарного обращения и рынка, впервые вовлекая в рыночный оборот ранее не затронутые им районы, увеличивая его размеры и коренным образом изменяя не только технику, но и всю экономику рынка. Первые постройки в России железных дорог относятся ещё к дореформенному времени. Но эти дороги (кроме Николаевской, между Петербургом и Москвой) не имели большого экономического значения. Первые дороги крупного хозяйственного значения стали строиться лишь в 60-х годах, когда с падением крепостного хозяйства для земледелия стал требоваться возможно широкий рынок сбыта его продуктов.

В проектах железнодорожного строительства в первую очередь поставлено было соединение Москвы с Петербургом и балтийских портов с хлебородными местностями центра. Другой стоящей на первой очереди железнодорожной линией была признана южная, которая должна была соединить Москву с центром, центр и юг с южными портами и открыть таким образом «удобное в крае сообщение для сбыта произведений на юг и за границу, на запад и север — во внутренние губернии».

Уже в Главном обществе российских железных дорог (акционерном обществе, учреждённом в 1857 г. для строительства железных дорог) были намечены главнейшие основания предполагавшейся железнодорожной сети. Она должна была состоять

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 510—511.

из магистралей «от С.-Петербурга до Варшавы и прусской границы, от Москвы до Нижнего Новгорода, от Москвы через Курск и низовье Днепра до Феодосии и от Курска или Орла через Динабург до Либавы; таким образом, непрерывным через 26 губерний железным путём соединятся взаимно: три столицы, главные судоходные реки наши, средоточие хлебных наших избытков и два порта на Чёрном и Балтийском морях, почти весь год доступные; облегчится сим образом вывоз заграничный, обеспечится привоз и продовольствие внутреннее» [1].

Таким образом, правительственная железнодорожная политика на первом месте ставила целью вовлечение в торговый оборот именно земледельческих районов. Было признано, что наибольшую важность представляют те дороги, которые соединяют хлебородные районы с внутренними рынками. Таково было значение первой крупной линии С.-Петербург — Москва. Лишь затем, обеспечив внутренний рынок, железные дороги должны были соединить производительные районы также и с портами, открыв их продуктам сбыт за границу.

Менее чем через 20 лет после начала правильного и планомерного железнодорожного строительства, к концу 1868 г., была уже открыта сеть линий, соединяющих Москву с производительными районами: дорога Москва — Курск привлекала к Москве грузы центра, линия Москва — Козлов — Воронеж собирала хлеба с юго-востока, Москва — Нижний — со всего волжского и камского района, Москва — Петербург отчасти служила путём привлечения грузов с северо-запада, отчасти снабжала южным хлебом Петербург. Вслед за сооружением этих линий началась постройка путей, соединяющих хлеботорговые районы с портами и служащих для доставления хлеба на вывоз. Сюда принадлежит прежде всего магистраль Рига — Царицын, начатая постройкой отдельными участками много ранее, но законченная только в 1871 г.; пройдя с низовья Волги и юго-восточных степей через чернозёмный центр, она явилась широким руслом для вывоза отсюда хлеба за границу. После постройки этих линий стали сооружаться и другие, не изменяя общего плана сети. К концу 1875 г. центр обогатился новыми линиями — Москва — Ярославль, а также Сызрань — Вязьма и Козлов — Саратов, расширившими район тяготения к Москве далеко на восток. Кроме этих двух линий, работавших отчасти также и на экспорт, главными экспортными линиями явились железные дороги: Курск — Харьков — Одесса, Харьков —

[1] *Куломзин*, Наша железнодорожная политика, т. I, 1902, стр. 38 и 73.

Ростов, Воронеж — Ростов, Харьков — Севастополь, служившие для выхода хлеба из центра в южные порты, и линия Либава — Ромны, стягивавшая вместе с Риго — Царицынской линией грузы не только центральных, но и южных губерний к балтийским портам. В 1871—1872 гг. открылись первые железные дороги в Закавказье (Поти — Тифлис).

К 1875 г. в основном была закончена постройкой железнодорожная сеть, которая была намечена в указе об учреждении Главного общества железных дорог. Длина открытых для общего пользования железных дорог была 17,6 тыс. вёрст.

При таком количественном успехе железнодорожного строительства общая организация железнодорожного дела в первые десятилетия капиталистической эпохи страдала большими недостатками. Главное общество железных дорог, которому, как частному акционерному обществу, была монопольно выдана концессия на сооружение 4 тыс. вёрст железных дорог, не справилось с задачей, так как из уставного капитала в 275 млн. руб. было собрано всего 112 млн. руб., а расходы на постройку значительно превышали сметные предположения. После этого правительство стало отдавать концессии разным частным компаниям на сооружение отдельных линий, а с 1866 г. также и земствам. Так, частными обществами были сооружены крупные линии Москва — Севастополь, Одесса — Киев, а земствами — местные линии Саратов — Тамбов — Козлов, Борисоглебск — Грязи и др. В связи с железнодорожным строительным ажиотажем это привело к тому, что железные дороги стали строиться без плана, часто малодоходные, а эксплоатация их обходилась дорого.

С 1880—1890 гг. усиливается строительство казённых железных дорог и выкуп в казну частных железных дорог. Производится постройка казённых дорог: Баскунчакской, Екатеринбургской, Самаро-Уфимской, Златоустинской и др. Были выкуплены в казну линии Тамбов — Саратов, Харьков — Николаев, Курск — Харьков, Либава — Ромны, обширная сеть юго-западных железных дорог, Закавказские железные дороги, Баку — Тифлис — Батум (в 1883 г.) и др. Особенно важное значение в 90-х годах приобретает казённое железнодорожное строительство на окраинах — в Сибири, по отдельным частям Сибирской магистрали и Уссурийской, Забайкальской и др. (начато в 1891—1892 гг., закончено в 1899—1900 гг.), в Средней Азии — Закаспийской железной дороги (в 1881—1886 гг.) от Красноводска до Ташкента, Андижана и далее до границ Афганистана и др. С этих пор «всероссийский рынок» был полностью объединён и связан с метрополией единой железнодорожной сетью.

Последовательное развитие железнодорожной сети в Европейской России по пятилетиям представлено в следующей таблице [1]:

Годы	В течение пятилетия открылось железных дорог (вёрст)	Длина железных дорог к началу пятилетия (вёрст)
1861—1865	2 055	1 488
1866—1870	6 659	3 543
1871—1875	7 424	10 202
1876—1880	3 529	17 626
1881—1885	3 074	21 155
1886—1890	2 864	24 229
1891—1895	6 643	27 093
1896—1900	7 978	33 736
1901—1905	6 532	41 714

Если же принять во внимание начавшуюся в 90-х годах постройку грандиозной Сибирской железной дороги, а также среднеазиатских железных дорог, то увеличение всей сети в Европейской и Азиатской России для позднейших годов будет таково:

Годы	В течение пятилетия открылось железных дорог (вёрст)	Длина железных дорог к началу пятилетия (вёрст)
1896—1900	15 139	48 875
1901—1905	7 255	56 130
1906—1910	5 162	61 292

К 1915 г. длина всей железнодорожной сети была 70,3 тыс. вёрст.

Железные дороги являлись важным новым фактором в развитии капитализма и в процессе образования капиталистического рынка. Они должны были оказать сильнейшее влияние на расширение и усиление сбыта продуктов сельского хозяйства. В области промышленности железные дороги послужили могущественным толчком для развития многих отраслей промышленности, а для некоторых и началом их. В общей экономике страны железные дороги оказали сильнейшее влияние на новое размещение производительных сил капитализма сравнительно с крепостнической эпохой благодаря приближению

[1] Составлена по «Сборникам статистических сведений министерства путей сообщения» за соответствующие годы.

источников сырья, районов избыточной рабочей силы и рынков сбыта к центрам капиталистической промышленности.

Промышленный рынок. Усиленное строительство железных дорог в 70-е, а затем в 90-е годы должно было сказаться в резком увеличении спроса на продукты тяжёлой индустрии — металлургии, машиностроительной, топливной, керамической и других промышленных отраслей. В 70-х годах мы видели явное отставание производительности этих отраслей сравнительно со спросом, предъявляемым со стороны железнодорожного строительства. К 90-м годам положение меняется. Промышленный капитализм, в особенности в связи с созданием новых крупнейших районов тяжёлой индустрии и топливной промышленности — Донецкого, Криворожского, Бакинского и др. — пытается полностью овладеть этим внутренним рынком на основные средства промышленного производства. Благодаря этому резко изменяются характер и объём рынка для отдельных отраслей промышленности и в первую очередь для металлургической, топливной и др.

Ясно, что отмеченное выше увеличение железнодорожного строительства, равно как рост и строительство самой тяжёлой промышленности, требовало громадного количества продуктов тяжёлой индустрии и машиностроения — рельсов, балок, машин, паровозов, вагонов, труб, кирпича, цемента и т. п. Попробуем подсчитать размеры этого рынка и спроса со стороны *железных дорог* и других крупных потребителей продуктов чёрной металлургии.

По приблизительным техническим нормам того времени, на версту железнодорожного строительства требовалось рельсов и скреплений до 4,9—5 тыс. пудов; кроме того, труб, балок, стрелок и пр. — до 150—200 пудов. В переводе на чугун и в расчёте на всю длину нового железнодорожного строительства в 1895—1900 гг. это давало в среднем в год свыше 15 млн. пудов, а в некоторые годы значительно больше (в 1898 г. — до 18 млн. пудов, в 1899 г. — до 32 млн., а в 1900 г. — до 20 млн. пудов). Помимо этого новое строительство вызывало спрос на новые паровозы, товарные и пассажирские вагоны и пр. Считая, что на один паровоз требуется до 6 тыс. пудов чугуна, на один товарный вагон 365 пудов и на один пассажирский вагон 1 515 пудов, и принимая во внимание размеры нового железнодорожного строительства, получаем, что подвижной состав требовал в год также 15—20 млн. пудов чугуна. Наконец, помимо нового строительства, значительный спрос на металл предъявляли эксплоатационные расходы железных дорог и возобновление их пути и подвижного состава. Всего, по данным министерства финансов за десятилетие 1890—1900 гг., весь вообще паровозный и вагонный парк железных дорог увели-

чился более чем вдвое (паровозы — на 93%, пассажирские вагоны — на 113, товарные — на 118%). Эксплоатационные расходы металла на содержание и ремонт пути были приблизительно до 400 пудов на версту. Исходя из этих норм и размеров железнодорожного состава и строительства, можно приблизительно определить, что эксплоатация железных дорог также требовала за указанный период до 13—15 млн. пудов. Всего, по подсчётам представительных органов металлургической промышленности, железные дороги за эти годы потребляли ежегодно до 800—1000 паровозов, 20—25 тыс. товарных вагонов, 1000—1300 пассажирских вагонов, 20—22 млн. пудов рельсов[1]. В переводе на чугун все приведённые подсчёты дают в сумме за 1890—1900 гг. до 440 млн. пудов, т. е. по 40 млн. пудов в среднем в год, причём в годы наиболее оживлённого строительства железные дороги требовали металла в год до 50—65 млн. пудов (например, в 1897 г. — 36 млн. пудов, в 1898 г. — 45 млн., в 1899 г. — 65 млн. пудов). Если принять во внимание, что вся чёрная металлургия выплавляла чугуна в 1890 г. всего 55 млн. пудов, в 1895 г. — 86,8 млн. пудов и лишь в 1900 г. довела продукцию до 176,8 млн. пудов, то станет ясным, насколько значительным и решающим был для русской металлургии спрос на металл со стороны железных дорог, в некоторые годы без малого исчерпывавший всё внутреннее производство чугуна.

Но кроме потребления этих основных продуктов тяжёлой индустрии, железнодорожное строительство было связано с потреблением столь же крупных количеств кирпича, цемента, леса. Это также выражалось в быстром росте спроса и вело к развитию производства этих отраслей промышленности, которые действительно вскоре заняли одно из первых мест по темпам развития. Наконец, увеличение железнодорожного движения вызывало усиленное потребление железными дорогами топлива, каменного угля, нефти. Эти отрасли промышленности находили также в железных дорогах основу для быстрого развития.

Конечно, этим непосредственным влиянием железнодорожного строительства не ограничивалось создаваемое им оживление рынка. Уже одна связь, устанавливаемая железными дорогами между массой новых городских и негородских пунктов, вызывала сильный подъём городского строительства и увеличение потребления тех же продуктов тяжёлой индустрии и строительных материалов. Однако сравнительно с железнодорожным строительством этот *городской строи-*

[1] *И. Гливиц,* Железная промышленность России, стр. 80.

тельный рынок представлялся очень небольшим для тяжёлой индустрии.

Для общей характеристики размеров этого строительного городского рынка достаточно привести несколько данных о положении русских городов и городского благоустройства к началу XX в.[1]. Из общего числа 949 учтённых городов «больших» городов (свыше 100 тыс. населения) насчитывалось 2,1%, средних (от 200 жителей до 100 тыс.) — 18,6, малых и «городов-селений» — 79,3%. Из этого числа железнодорожная сеть захватывала всего 44% городов. По материалу построек 56% всех учтённых городских построек были деревянные и лишь 24% каменные, 26% всех городских построек были крыты деревом и лишь 23% железом. Электрическое освещение имелось лишь в 7% городов, водопровод — в 18, канализация — в 3,5% и т. п. Ясно, что при таком положении городов (кроме, конечно, самых крупных и более благоустроенных) городское строительство в 90-е годы не могло играть большой роли как рынок для продуктов тяжёлой, строительной и топливной индустрии — для железных балок, труб, цемента, кровельного железа и т. п.

Более крупным капиталистическим рынком продуктов тяжёлой индустрии, строительной и топливной промышленности кроме городского строительного рынка являлось само *строительство капиталистической промышленности* и в первую очередь тяжёлой промышленности и особенно чёрной металлургии, сильно развившееся за эти годы под влиянием спроса со стороны железных дорог. За 80—90-е годы было выстроено или переоборудовано кроме многих мелких заводов 17 крупнейших металлургических и 7 металлообрабатывающих и машиностроительных заводов-гигантов (конечно, по масштабам того времени)[2]. Не представляется возможным подсчитать предъявлявшийся этим строительством спрос на металл, но он, конечно, был очень значителен. Достаточно указать, что одно вложение капиталов в строительство южной металлургической промышленности за пятилетие 1895—1899 гг. достигло суммы в 833 млн. руб. И сами представители горнозаводчиков юга России подчёркивали, что «время постройки больших заводов само по себе создавало огромный рынок сбыта для существующих металлургических заводов, ибо для оборудования строящихся заводов требовались в больших количествах всевозмож-

---

[1] «Города России в 1904 г.», изд. Центрального статистического комитета, 1906; «Ежегодник России», 1905.

[2] Юзовский, Южно-Днепровский, Александровский, Петровский, Донецко-Юрьевский, Дружковский, Таганрогский, на которых работало 67% всего числа рабочих металлургических и металлообрабатывающих заводов (в том числе только на первых двух до 30% всех рабочих).

ные железные конструкции, принадлежности, машины, водо- и газопроводы»[1].

Примерно можно считать, что в 90—900-е годы железные дороги и сама металлургическая и металлообрабатывающая промышленность, по нашим подсчётам, поглощали вместе до 70—75% всего производства чёрного металла. Остальные 25—30% шли на *массовый рынок* — на производство кровельного железа, гвоздей, предметов домашнего обихода и сельскохозяйственного производства. Из других предметов потребления последнего рода здесь следует упомянуть сельскохозяйственное машиностроение, которое потребляло в 90-е годы до 7—8% всего производства чёрного металла, далеко не удовлетворяя внутренний спрос на сельскохозяйственные машины, который почти наполовину покрывался иностранным ввозом.

Но если в период промышленного подъёма 70-х годов возрастающий внутренний спрос на продукты тяжёлой индустрии удовлетворялся в значительной степени путём заграничного ввоза, то в 90-е годы возросшее потребление чёрного металла покрывалось уже в преобладающей степени внутренним производством. Так, в 1870—1879 гг. при 59,2 млн. пудов потребления чёрного металла внутреннее производство его составляло 24,4 млн. пудов, т. е. 41%, тогда как в 1890—1899 гг. при 127,5 млн. пудов потребления внутреннее производство составляло 92,3 млн. пудов, т. е. 73%. Средняя душевая норма потребления чугуна в 90-е годы увеличилась почти вдвое — до 1,05 пуда против 0,58 пуда в 1880—1889 гг., тем не менее эта норма была очень низка сравнительно с другими странами за те же годы (Англия — 356 фунтов, Германия — 254 фунта).

Однако эти суммарные цифры потребления ещё не вскрывают всех особенностей рынка металлургической промышленности. Если из общей массы её производства выделить, например, такие продукты железнодорожного строительства, как рельсы, и такие продукты массового рынка, как кровельное железо, то получим следующие сопоставления (в млн. пудов):

	1890 г.	1900 г.
Рельсов	10,1	30,3
Кровельного железа	8,4	29,6

Таким образом, капиталистическая промышленность производила рельсов для железных дорог больше, чем такого

[1] Доклад съезду горнопромышленников юга России «О современном положении железной промышленности», 1901—1902 гг.

продукта массового потребления, как кровельное железо, столь необходимого для «соломенной» России. При этом основная часть капиталистической тяжёлой индустрии — южная металлургия — в подавляющей степени (до 68,8% производства) обслуживала железные дороги, а некоторые крупные заводы, как Дружковский, Новороссийский, были заняты производством рельсов, бандажей и пр. на 87—100% своего производства. Правда, и это производство, как мы видели, не удовлетворяло внутренней потребности, и до 27%, т. е. до 35,1 млн. пудов, всех продуктов металлической промышленности, в переводе на чугун, покрывалось ввозом.

Такой же характер обслуживания преимущественно крупного промышленного производства получает *рынок каменноугольной и нефтяной промышленности.*

Донецкая каменноугольная промышленность во вторую половину 90-х годов 36% своей продукции сбывала транспорту, 29% — металлургическим заводам и лишь 25% — частным потребителям (10% шло для собственного производственного потребления). Понятно, что рынком для нефтяной промышленности ещё в большей мере (кроме керосина) являлся крупный промышленный рынок. Так, внутреннее потребление керосина в 1893 г. было 37,9 млн. пудов, в 1900 г. — 54,6 млн. пудов; мазута за те же годы — 114,5 млн. и 286,4 млн. пудов; всех вообще нефтяных продуктов — 182,4 млн. и 381 млн. пудов. Другими словами, внутреннее потребление керосина увеличилось на 44%, мазута — на 150 и всех нефтяных продуктов — на 109%. Русская нефтяная промышленность всё более становилась «мазутной», т. е. железнодорожно-промышленной, смазочной, а не «керосиновой», крестьянско-потребительной. В 1892 г. стоимость всего произведённого керосина превышала стоимость мазута в 3,5 раза, а в 1900 г. она была уже в 1,5 раза меньше. Так как такое большое количество нефтяных продуктов не могло быть поглощено внутренней промышленностью, то быстро рос экспорт их, увеличившийся с 4,7 млн. пудов (в том числе керосина 2,6 млн.) в 1881—1885 гг. до 57,9 млн. пудов (в том числе керосина 47,1 млн.) в 1891—1895 гг. и до 90,9 млн. пудов (в том числе керосина 75,3 млн.) в 1900 г.

Несколько иной характер носил сбыт продукции *лёгкой индустрии* и наиболее типичной её отрасли — хлопчатобумажной промышленности. Рынок её в наибольшей мере основывался на массовом внутреннем потреблении, которое в 90-е годы дало сильное повышение, в соответствии с общим ростом населения и благодаря окончательному вытеснению хлопчатобумажной фабрикой из крестьянского потребления прежнего домотканного полотна.

В 1890 г. душевое потребление бумажных суровых тканей на одного жителя, по официальным данным, определялось в России в 23 аршина при 115,5 млн. населения, т. е. всего 2,7 млрд. аршин, а в 1899 г. оно возросло до 36 аршин при 129,7 млн. населения, т. е. до 4,6 млрд. аршин [1]. Другими словами, душевое потребление возросло за 10 лет на 56,5% и валовое — на 75%. Между тем само хлопчатобумажное производство увеличилось за это время по ценности продукции на 107%, а по количеству переработанного хлопка на 100%. Другими словами, несмотря на быстрое вытеснение фабричным производством из крестьянского обихода тканей домашнего производства, общий рост потребления всё же отставал от роста фабричной продукции вследствие недостаточной покупательной способности населения. Вообще нормы душевого потребления хлопка в России были очень низки. Даже в 1904 г. потребление хлопка в России на душу населения составляло всего 5,3 фунта, тогда как в Англии — 39 фунтов, в Соединённых Штатах — 20,4 фунта.

Но всё же расширение валового внутреннего потребления и рынка создавало основу роста хлопчатобумажной промышленности. Это обстоятельство было одной из важнейших причин того, что последующий кризис в наименьшей мере коснулся хлопчатобумажной промышленности.

Однако здесь необходимо подчеркнуть ещё одну черту, которая нашла себе отражение в развитии хлопчатобумажной промышленности. При относительно весьма небольшом внутреннем потреблении вследствие низкой покупательной способности населения быстро растущая хлопчатобумажная промышленность начинает экспортировать свои изделия преимущественно на рынки Ближнего и Дальнего Востока. В 1890 г. весь вывоз хлопчатобумажных тканей не достигал 100 тыс. пудов, в 1900 г. он был уже 324,2 тыс. пудов, из них до 44% вывозились в Персию и 30% в Китай.

Другой отраслью промышленности, развивавшейся в условиях внутреннего рынка, «регулируемого» и суживаемого в целях достижения монопольных цен, являлась сахарная промышленность. Но если хлопчатобумажная промышленность выступала на внешнем рынке, опираясь на свою высокую технику, хотя и с помощью некоторых мер поощрения, то политика

[1] «Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России, в 1901 г.». Понятно, что все эти исчисления очень условны (положенная в основу их ткань, её вес, ширина и пр.), не вполне сравнимы для отдельных стран (в частности для России несколько преувеличены) и ни в коем случае не могут быть сравниваемы с современными исчислениями по СССР.

сахарной промышленности всецело основывалась на монополизации внутреннего рынка сахарозаводчиками, в целях повышения внутренних цен и бросового, дешёвого экспорта на внешние рынки.

В 1887 г. сахарозаводчики организовали на основе частного соглашения синдикат (в него вошло 206 заводов из 226 существовавших) с нормировкой производства каждого завода и с обязательством весь излишне произведённый против нормы сахар вывозить за границу. В 1895 г. правительство взяло в свои руки как установление общего контингента производства и выпуска сахара на внутренний рынок, так и контингенты производства каждого завода, чем синдикату сахарозаводчиков был придан обязательный характер. Ограничив, таким образом, внутреннее потребление жёсткими нормами (например, на 1895—1896 гг. 25 млн. пудов) и облагая сахар, выпускаемый на внутренний рынок, высоким акцизом (1 р. 75 к. с пуда при цене производства 3 р. 25 к. пуд), правительство ввело также систему возврата этого акциза при вывозе за границу излишков сахара, выработанного сверх установленного контингента. Всеми этими мероприятиями осуществлялась политика повышения прибылей помещиков-заводчиков путём повышения внутренних цен и бросового экспорта за границу. Поэтому, в то время, как, например, в 1900 г., русский потребитель платил за сахар-рафинад 6 р. 15 к. за пуд, русский сахар в Лондоне продавался по 2 р. 38 к. пуд.

При таких условиях внутренний рынок для сахарных продуктов за рассматриваемое десятилетие возрос в наименьшей степени, норма потребления почти не увеличилась, и всё увеличение продукции шло на внешний рынок. Так, на внутренний рынок в 1890/91 г. поступило 24,4 млн. пудов, в 1899/900 г. — 37,4 млн. пудов, т. е. ёмкость рынка увеличилась на 54%. Но душевое потребление составляло всего 10,5 фунта на душу сравнительно, например, с 92 фунтами на душу в Англии. Зато вывоз за границу за это время возрос с 3,3 млн. до 12,5 млн. пудов, т. е. почти в 4 раза.

Развитие товарного обращения. Развитие капитализма в 60-х годах и особенно в период усиленного железнодорожного строительства 70-х годов характеризуется резкими перемещениями в географии промышленности, сельского хозяйства и торговли. Падение старых промышленных и торговых центров, возникновение и развитие новых, расширение одних районов за счёт других, направление новых торговых путей — всё это вело к тому, что и само производство тех местностей, близ которых проходили железные дороги, становилось в совершенно новые условия. Первые два-три десятилетия эпохи капитализма под непосредственным воздействием железных дорог

окончательно переменили промышленную географию страны и торговое значение отдельных пунктов[1].

Уже самая постройка железных дорог прежде всего через чернозёмные производительные районы показывала, что́ должно было служить материалом для развития товарного движения железных дорог. Железные дороги должны были прежде всего завладеть транспортом хлебных грузов. Масса хлынувшего на железные дороги хлеба стала быстро возрастать и абсолютно и относительно, обгоняя в своём росте перевозки всех других грузов. Так, в первые годы развития сети перевозки по железным дорогам составляли (в млн. пудов)[2]:

Годы	Всего товаров	Все хлебные грузы	% хлебных грузов в общем движении
1869	447	149	33,4
1870	492	135	27,5
1873	1 152	444	38,5
1874	1 356	557	41,1

Завоёвывая всё более и более преобладающее место в общей массе перевозок по всем железным дорогам, хлеб для некоторых из них являлся почти исключительным предметом перевозок и, следовательно, доходности. На Тамбовско-Козловской железной дороге хлебные грузы составляли до 73,1% всей массы грузов, на Рыбинско-Бологовской — 75,6, на Орлово-Грязской — 83,6, на Ряжско-Моршанской — 88,9%.

Железные дороги не только вовлекали в товарный оборот всё бо́льшие массы сельскохозяйственных и хлебных продуктов, они резко изменяли налаженные пути снабжения рынков. Они уничтожали старые, проторенные гужевые тракты, отвлекали грузы от одних пристаней, расширяя районы тяготения других; они сводили на нет торговое значение прежних крупных гужевых перевалочных, распределительных и транзитных пунктов, заменяя их «рассеянием» торговых оборотов по мелким железнодорожным станциям.

Снабжение таких, например, крупных пунктов, как Москва, после проведения железных дорог резко изменяется, с одной стороны, вследствие сильного падения гужевых подвозов (с 15 млн. пудов до 500—800 тыс. пудов) и отклонения желез-

[1] Об этом подробно см. *П. И. Лященко*, Очерки аграрной эволюции, гл. VII.

[2] «Сборник статистических сведений по министерству путей сообщения», Спб. 1879; *А. И. Чупров*, Железнодорожное хозяйство, т. II, М. 1878, стр. 243.

ными дорогами прежних районов тяготения к портам (например, линией Рига — Орёл), с другой стороны, вследствие громадного расширения района тяготения к Москве с других железнодорожных направлений.

Не менее важное влияние оказало изменение транспорта на организацию хлебной торговли. Вместе с распылением прежней крупной сельскохозяйственной торговли, концентрировавшейся в немногих пунктах сбора, транзита и сбыта, изменяется роль крупного торгового капитала. Вместо крупного московского или коломенского купца, нижегородского мукомола, московского льняного или пенькового фабриканта, крупного экспортного оптовика, вместо старого «лабазника» на железнодорожные станции хлынула масса мелких торговцев, экспортёров, комиссионеров, скупающих хлеб, пеньку, кожи, сало, овчины, пух, щетину, — одним словом, все товары, нужные как внутреннему рынку, так и для экспорта. Работающий с небольшим капиталом, при помощи кредита, с небольшими накидками на цены, но с быстрым оборотом капитала этот мелкий торговый посредник проникал в глубину деревни, быстро втягивал её в денежный оборот, увеличивал товарность её хозяйства, увеличивал товарные массы как для внутреннего, так и для внешнего рынка [1].

Железнодорожная тарифная политика. Влияние железных дорог в смысле вовлечения в рыночный оборот новых отдалённых районов и продуктов их сельскохозяйственного производства стало сказываться особенно сильно после того, как правительство с конца 80-х годов взяло в свои руки руководство железнодорожными тарифами и установило систему дифференциальных тарифов. Дифференциальные тарифы, устанавливая для отдалённых расстояний более низкие пудо-вёрстные ставки, чем на близкие, удешевляя перевозки, расширяли районы тяготения к рынкам сбыта и втягивали в рыночный оборот самые отдалённые районы юго-востока, Заволжья, Сибири, раньше не имевшие сбыта вследствие дороговизны перевозок. Теперь, с удешевлением последних, цены на местах стали определяться ценой центрального рынка и поэтому начали особенно быстро расти на отдалённых рынках. Так, если проследить за период развития железных дорог повышение цен на потребляющих рынках и на производящих окраинных, то обнаружится, например, что цена четверти ржи в 70-х годах по сравнению с дореформенными повысилась в Петербурге на 30%, в Рыбинске — на 50, в Орле — на 66, в Харькове — на 85, в Саратове — на 100%. Таким образом, интенсивность повы-

[1] О железнодорожном строительстве и вызванном им «рассеянии» торговли см. *П. И. Лященко*, Очерки, гл. VII—VIII, а также статью *Мукосеева* в сборнике «Общественное движение в России», т. I.

шения цен увеличивалась по мере удаления к периферии как непосредственный результат развития железнодорожного транспорта.

Новые выгоды, открывавшиеся окраинному сельскому хозяйству, революционизирующим образом влияли на сельское хозяйство этих районов. Вместо прежних пустынных степей и экстенсивного овцеводства на них стали быстро расти пашни и возделываться зерновые хлеба для сбыта за границу и на внутренние рынки. Эта конкуренция новых и богатых районов юга, а также Сибири с прежней «житницей» внутреннего и внешнего рынка — черноземным центром — губительным образом сказывалась на его сельском хозяйстве вследствие выпаханности почв, отсталости техники, высоких арендных цен и т. п.

В интересах помещиков и производителей хлеба центрально-черноземной полосы и для защиты их зернового производства от дешёвого сибирского хлеба был установлен так называемый «челябинский перелом» железнодорожных хлебных тарифов. При этом «переломе» дифференциальный тариф для сибирского хлеба, идущего к европейским портам, исчислялся до Челябинска, а от этого последнего до портов начиналось новое исчисление тарифа.

Правительственная податная политика, выколачивание податей, земельная задолженность ещё более усиливали необходимость сбыта крестьянским хозяйством своих продуктов. В некоторых районах это имело особенно тяжёлые последствия. Крестьянское хозяйство земледельческого центра вынуждалось сбывать на рынок свои продукты за бесценок, хотя бы путём сокращения собственного потребления.

Особенно значительное расширение сельскохозяйственного рынка стало происходить с 70—80-х годов. При этом, так как внутренний рынок не мог вместить всего хлынувшего на него избытка хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, внешний рынок стал занимать все бóльшую долю в сельскохозяйственном товарообороте. Одновременно с этим увеличивалась доля участия в рыночном обороте продуктов окраинных земледельческих районов.

Приведём несколько статистических иллюстраций, характеризующих развитие товарооборота за эти годы.

Характер железнодорожного товарного движения. Сопоставим прежде всего основные элементы развития железнодорожного движения[1]:

---

[1] *А. Д. Билимович,* Товарное движение на русских железных дорогах, гл. I, 1902, стр. 2—3.

Годы	Длина сети (вёрст)	Количество грузов (млн. пудов)	Пробег грузов (млрд. пудо-вёрст)	Грузов на 1 версту (тыс. пудов)
1865—1869	4 682	377	72,9	81
1870—1874	12 441	978	203,7	78
1875—1879	18 513	1 698	383,4	93
1880—1884	21 611	2 707	649,6	125
1885—1889	24 882	3 628	747,9	146
1890—1894	27 940	4 648	989,2	166
1895—1898	34 161	6 470	1 504,5	189

Таким образом, количество товарного движения росло вообще быстрее (в 17 раз), чем рост самих железных дорог (в 7,5 раза), но ещё более быстро рос пробег грузов (в 21 раз), как показатель железнодорожных перевозок из наиболее отдалённых районов.

Различные отрасли народного хозяйства занимали в железнодорожном движении и в его росте неодинаковое место. Именно в среднем за 1895—1897 гг. было перевезено [1]:

	Млн. пудов	% в общем движении
А. Продуктов сельского хозяйства	1 023,9	36,8
В том числе:		
Продуктов земледелия	599,9	21,2
» лесоводства	364,5	13,5
» скотоводства, рыболовства, птицеводства и пр.	60,4	2,1
Б. Продуктов промышленности	1 692,8	60,0
В том числе:		
Волокнистых веществ	53,7	1,9
Питательных продуктов	285,1	10,1
Керамического и стекольного производств	130,2	4,6
Горнозаводской промышленности	947,3	33,7
Обработки металлов и машиностроения.	68,0	2,4
В. Колониальных товаров	17,7	0,6

По массе товарного движения до двух третей давали продукты промышленности, а из последних — более половины горнозаводские грузы. Сельское хозяйство давало более трети всех грузов с преобладающими в них продуктами полеводства.

[1] *А. Д. Билимович*, Товарное движение на русских железных дорогах, гл. I, 1902, стр. 9—10.

Посмотрим теперь, какие изменения произошли в характере и составе железнодорожного товарного движения в рассматриваемые десятилетия 70—90-х годов.

Средние годовые размеры железнодорожных перевозок главных групп товаров были[1]:

Группы товаров	Количество (млн. пудов)			Прирост за 1876—1902 гг.	
	1876—1878 гг.	1895—1897 гг.	1898—1902 гг.	млн. пудов	%
Нефтяные продукты . .	6,4	200,7	236,9	230,5	3 602
Каменный уголь	90,3	446,6	639,1	548,8	608
Чугун, железо, сталь и рельсы	23,8	99,5	122,4	98,6	414
Лесные строительные материалы	67,8	201,7	263,5	195,7	289
Сахар	21,6	51,1	63,9	42,3	196
Хлопок	7,2	16,9	21,8	14,6	203
Шерсть	4,2	8,4	8,5	4,3	102
8 зерновых хлебов[2] . .	311,9	572,0	620,5	308,6	99
Всех товаров малой скорости	978,0	2 808,3	3 649,0	2 671,0	273

Хлебные грузы в начале развития сети составляли главнейшую долю товарного железнодорожного движения. В 1876—1878 гг. 8 зерновых хлебов [2] составляли до 30% всех вообще железнодорожных грузов — 312 млн. пудов из 978 млн., а на отдельных дорогах до 50—75%. Притом громадную долю в этом движении составляли именно «серые» крестьянские хлеба как главный продукт сельскохозяйственного сбыта и экспорта. Но уже в 1878—1885 гг. доля зерновых хлебов в железнодорожном движении понижается в общем до 26%, в 1886—1890 гг. — до 24%. В связи с более быстрыми темпами развития промышленности и с отсталостью сельского хозяйства капиталистический рынок и железные дороги стали всё более заполняться уже не продуктами сельскохозяйственного производства, а продуктами капиталистической промышленности. За 1876—1902 гг. все железнодорожные перевозки увеличились более чем в 3,5 раза, причём особенно сильное увеличение дали топливные грузы: нефть (в 37 раз), каменный уголь (в 7 раз), металлургия (в 5 раз), продукты лёгкой индустрии (в 3 раза). Наоборот,

[1] Вычислено по «Сборникам статистических сведений министерства путей сообщения» за соответствующие годы; сравни *А. Д. Билимович*, Товарное движение на русских железных дорогах, гл. II, стр. 12—13.

[2] Пшеница, рожь, ячмень, кукуруза, овёс, просо, гречиха, горох.

главный продукт железнодорожных перевозок 70-х годов — зерновые хлеба — увеличился лишь в 2 раза.

Другая характерная черта развития железнодорожного движения и показатель расширения капиталистического товарообращения — это всё больший территориальный охват им народного хозяйства. Это обстоятельство проявляется в увеличении среднего пробега различных товаров. Если сравнить цифры, например, 1878—1880 и 1896—1898 гг., то средний пробег нефти по железным дорогам за это время возрос со 145 до 490 вёрст, каменного угля — с 285 до 359 вёрст, лесных строительных материалов — со 162 до 308 вёрст, 6 хлебных грузов — с 478 до 646 вёрст. Другими словами, районы сбыта главных товаров с уплотнением сети железных дорог за этот период увеличились в 2 раза и более.

Кроме железных дорог важное влияние на расширение товарного обращения оказывало усовершенствование водных путей применением на них парового транспорта. В 1863 г. в России было лишь 646 пароходов с 47 тыс. *л. с.*, в 1890 г. уже 1 824 парохода со 103 тыс. *л. с.*, а в 1895 г. 2 539 пароходов со 130 тыс. *л. с.* Поэтому водные и особенно пароходные и буксирно-пароходные перевозки росли очень быстро, хотя и медленнее железнодорожных. Общие размеры грузового движения были [1]:

Годы	Водный транспорт		Железнодорожный транспорт	
	млн. пудов	% роста	млн. пудов	% роста
1876—1880	852	100	1 053	100
1881—1885	852	100	1 418	135
1886—1890	1 015	119	1 801	171
1891—1895	1 228	144	2 270	215
1896—1898	1 684	198	3 049	290

За 22 года товарное движение всех грузов в целом по водным путям увеличилось вдвое, по железным дорогам — втрое.

Помимо общих итогов роста товарного обращения для отдельных продуктов промышленности, очень важным показателем для некоторых продуктов является определение их «товарности», т. е. определение доли всей продукции, поступающей на рынок. Это в первую очередь важно для продуктов

[1] «Сборник статистических сведений министерства путей сообщения» за соответствующие годы.

сельского хозяйства, так как даже в развитом товарном хозяйстве только часть их поступает на рынок. Величина этой части является важным показателем развития товарного хозяйства. К сожалению, у нас отсутствуют статистические данные, чтобы дать картину развития товарности хозяйства в отношении всех сельскохозяйственных продуктов. Поэтому ограничимся лишь основным и наиболее характерным продуктом — зерновыми хлебами.

Изменение товарности зернового хозяйства. Рост городского населения и промышленности, сделавший большой скачок вверх сначала в 70-х, а затем в 90-х годах, должен был сказаться на увеличении массы товарного производства в сельском хозяйстве и в частности зерновых хлебов. «Товарность» зернового производства уже с 80-х годов стала расти значительно быстрее самого производства. Так, если в качестве размеров и признаков товарности брать товарные железнодорожные перевозки хлебов в их соотношении с урожаем, то за ряд пятилетий получим следующие сопоставления для главных зерновых хлебов [1]:

	Процентное отношение железнодорожных перевозок к урожаю				
	пшеница	рожь	ячмень	овёс	все хлеба
1896—1900	21,8	5,8	10,3	13,0	20,5
1901—1905	21,9	6,6	14,3	16,3	21,4
1906—1910	26,4	6,4	18,8	14,1	27,2
1911—1913	22,9	5,1	20,2	14,2	18,5

Отсюда видно, что к началу XX в. железные дороги перевозили до четверти всей производимой пшеницы, до одной пятой ячменя, одной седьмой части овса и лишь одной пятнадцатой части ржи. Но, конечно, эти данные не могут служить показателем «товарности» зернового производства. Если к железнодорожным перевозкам присоединить водные и гужевые перевозки, а также внутридеревенский сбыт хлеба, то в общем товарность зернового производства к началу XX в. будет выше главным образом за счёт таких хлебов, как пшеница и ячмень.

Другой весьма важной чертой зернового производства является направление товарного хлеба на внутренний или внешний рынок. По отдельным районам в этом отношении имелась

[1] *П. И. Лященко,* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства, 1927, стр. 292.

значительная разница. Так, центрально-земледельческий район отправлял на внутренний рынок 57,9% всех хлебов, приволжский — 53, украинский левобережный — 53,5, тогда как правобережный — всего 27,2, новороссийский — 24,6%; два последних района были в преобладающей степени экспортными.

Возрастание роли внутреннего рынка для хлебного производства ещё более выпукло видно из рассмотрения той доли, которую отрывал экспорт от общей массы зернового производства.

Ещё в 80-х годах почти половина (46,3%) урожая пшеницы шла на экспорт, в 1901—1905 гг. эта доля уменьшилась почти до четверти, а в 1912—1913 гг. на экспорт шло всего 15—16%. Экспортная доля ячменя в целом мало изменилась, оставаясь в пределах 33—37%; для ржи и овса она вообще невелика, но также значительно упала (для ржи с 8,5% в 1886—1890 гг. до 3,9% в 1906—1910 гг., для овса соответствующие цифры будут 10,6 и 8%). Во всём этом ясно сказалось увеличение значения внутреннего рынка и внутреннего спроса на сельскохозяйственные продукты благодаря развитию капиталистической промышленности, росту городов и т. п.

Экспортный рынок и внешняя торговля. Экспортный рынок вообще и особенно экспорт сельскохозяйственных продуктов имели большое значение в экономике капитализма и капиталистического рынка. Дадим сначала общие цифры баланса внешней торговли по вывозу и ввозу за ряд лет (в млн. кредитных руб.)[1]:

Годы	Вывоз	Ввоз	Баланс (+ или —)
1861—1865	225,8	206,7	+ 19,1
1866—1870	317,3	317,8	— 0,5
1871—1875	470,6	565,8	— 95,2
1876—1880	527,3	517,8	+ 9,5
1881—1885	549,9	494,3	+ 55,6
1886—1890	630,9	392,3	+ 238,6
1891—1895	621,4	463,5	+ 157,9
1896—1900	698,2	607,3	+ 90,9

Вывоз стал особенно быстро расти после 60-х годов, увеличившись за 40 лет в 3 раза. Ввоз резко увеличился в 70-е годы, в период первого промышленного подъёма, затем уменьшился

[1] «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», 1902, стр. XXXIV; рубль исчислен для всех периодов по курсу равным одной пятнадцатой империала.

в период застоя 80-х годов и вновь сделал резкий скачок в период подъёма второй половины 90-х годов. В связи с этим изменялся и общий баланс внешней торговли.

Значение внешней торговли для развития промышленного капитализма может характеризоваться таким признаком, как размеры ввоза машин для развивающейся промышленности.

Привоз в Россию машин и всякого рода инструментов в среднем по пятилетиям по европейской границе по «Обзорам внешней торговли» был в год (в млн. руб.):

Годы		Годы	
1861—1865	7,4	1881—1885	22,4
1866—1870	18,1	1886—1890	18,5
1871—1875	29,4	1891—1895	33,7
1876—1880	49,9	1896	59,8

Внешняя торговля в 1876—1880 гг. давала русской промышленности машин, орудий производства и пр. на 50 млн. руб. в год. При этом обращает на себя внимание быстрое увеличение ввоза машин в 1861—1880 гг. и резкое сокращение в 1881—1890 гг. в связи с застоем промышленности в эти годы, после чего с 1891—1895 гг. вновь обнаруживается сильное повышение в связи с новым промышленным подъёмом 90-х годов.

Особенно важное значение во внешнем экспортном рынке 80—90-х годов имел экспорт сельскохозяйственных продуктов. В экспорте 1891—1895 гг. все продукты сельского хозяйства составляли 75—80% всей ценности вывоза, а одни зерновые хлеба — около половины всей ценности. Если, например, сравнить ценность вывоза в 1861—1865 и 1891—1895 гг. для отдельных групп сельскохозяйственных товаров, получим следующую таблицу (по таможенным оценкам, в золотых руб.):

	1861—1865 гг.		1891—1895 гг.	
	млн. руб.	%	млн. руб.	%
Общий вывоз	181,6	100,0	628,0	100,0
В том числе:				
Зерновые хлеба	56,3	31,0	296,7	47,2
Сахар	0,6	0,3	18,3	2,9
Яйца	0,01	—	14,7	2,3
Масло коровье	0,7	0,4	3,4	0,5
Домашняя птица	0,02	—	4,6	0,7
Сало скотское	10,8	5,9	0,7	0,1
Лён	17,8	9,7	54,2	8,6
Пенька	9,1	5,0	14,8	2,4

Россия со своим четырёхмиллиардным урожаем в 90-х годах была крупнейшей житницей Европы. В гораздо меньших размерах она вывозила продукты интенсивного животноводческого хозяйства и специальных культур. Для более длительного ряда лет дадим таблицу вывоза главных зерновых хлебов. По «Обзорам внешней торговли» в среднем по пятилетиям годовой вывоз хлебов, крупы, муки и отрубей составлял:

Годы	Пшеница (тыс. пудов)	Рожь (тыс. пудов)	Овёс (тыс. пудов)	Ячмень (тыс. пудов)	Всех хлебных продуктов	
					млн. пудов	млн. руб.
1861—1865	50 135	13 774	5 967	5 023	86,2	60,3
1866—1870	76 768	20 494	15 179	7 556	135,8	104,8
1871—1875	92 149	53 274	23 937	11 891	199,6	179,9
1876—1880	110 490	83 219	42 676	20 665	286,5	291,1
1881—1885	124 267	61 268	51 244	32 358	303,5	309,6
1886—1890	162 825	82 507	61 199	61 577	420,7	342,6
1891—1895	171 211	56 863	56 885	92 533	441,1	306,3
1896—1900	166 884	74 711	48 981	81 118	444,2	322,8

Или, если рост вывоза и его ценности выразить в относительных числах, приняв вывоз 1861—1865 гг. за 100, то для 1896—1900 гг. получим индекс увеличения вывоза 516 и увеличения ценности его — 538. К 900-м годам весь экспорт сельскохозяйственных продуктов приносил стране до 450—500 млн. руб. в год, из них зерновые хлеба до 300—350 млн. руб. Но как ни значительны эти цифры, они были невелики сравнительно с общими оборотами внутренней торговли.

Общие размеры внутреннего рынка. По характеру имеющихся статистических материалов можно дать лишь суммарную характеристику внутреннего рынка и размеров его оборота по отдельным отраслям производства. Приведём далеко не точные цифры размеров оборотов торговых предприятий, как они учитывались на основании взимания так называемых «раскладочных» сборов. Цифры, полученные на основании этой статистики, сильно преуменьшены. Кроме того, в приводимые подсчёты не входят мелкие торговые предприятия и все вообще предприятия тех 15 губерний бывшей империи, где раскладочный сбор не был введён.

В 1898 г. обороты торговых предприятий определялись этой официальной статистикой так:

	Млн. руб.	%
Товарная торговля	4 442	100,0
В том числе:		
Мануфактурные, галантерейные и пр.	923	20,8
Хлеб в зерне и муке	880	19,8
Колониальные и бакалейные товары	612	13,8
Лес, дрова, каменный уголь, строительные материалы	188	4,2
Вино, спирт, пиво	186	4,2
Скот, мясо, яйца, зелень	180	4,1
Недрагоценные металлы	175	3,9

Сверх того банкирские операции исчислялись в 4 017 млн. руб., торговое посредничество — 1 001 млн., транспортные конторы — 174 млн., трактирный промысел — 269 млн., а всего — 9 903 млн. руб. Кроме того, торговые обороты так называемых «предприятий, обязанных публичной отчётностью» (акционерные торговые общества, банки и пр.), исчислялись в 10,4 млрд. руб., а всего — 20,3 млрд. руб. По указанным причинам эти цифры значительно ниже действительных оборотов всей торговли, которые приблизительно могут быть определены до 25 млрд. руб.[1]

Насколько ощутителен был рост товарно-торговых оборотов в 90-е годы, можно видеть также из следующих цифр. За одно десятилетие, 1890—1900 гг., основные капиталы торговых акционерных предприятий возросли с 25,3 млн. до 76,6 млн. руб. Число почтовых отправлений как показатель торгово-денежных оборотов за это же время возросло с 348 млн. до 849 млн. Динамика торгового накопления после реформы видна из следующих приблизительных цифр официального учёта торговых оборотов внутренней торговли в целях обложения[2]. В 1873 г. сумма торговых оборотов этих предприятий (без мелких видов торговли) исчислялась в 2 400 млн. руб., в 1885 г. — 5 440 млн., в 1890 г. — 7 755 млн., в 1895 г. — 9 690 млн. и в 1898 г. — 9 903 млн. руб. Если считать, что в среднем для всех видов торговли капитал оборачивался в год примерно 3 раза, то сумма оборотного капитала, вложенного в торговлю за рассматриваемое время, возросла с 800 млн. до 3 300 млн.

[1] «Статистические результаты процентного и раскладочного сборов»; «Материалы для торгово-промышленной статистики», Спб. 1888—1900.

[2] «Свод данных о торговых сборах в России», 1885—1900, и «Статистические результаты процентного и раскладочного сборов», 1885—1900.

или, если принимать в 1898 г. ускорение оборота капитала до 4 раз, — около 2 500 млн. руб. При этом следует отметить то обстоятельство, что торговые прибыли всё в меньшей степени основывались на оборотах сельскохозяйственной продукции: в 1885 г. из 5 440 млн. руб. оборота 2 905 млн. руб. приходится на банки, ссудные кассы, транспортные предприятия, из остальных 2 535 млн. руб. на торговлю сельскохозяйственными продуктами — только 526 млн. руб., или около 9,6% всех оборотов. В 1898 г., несмотря на общее увеличение всего торгово-капиталистического обращения почти в 2 раза, процент оборотов с сельскохозяйственными товарами понизился до 8,7. Наоборот, всё бóльшая доля капитала переходила из торгового обращения в сферу банковского и промышленного капитала, за то же время, например, вклады и текущие счета коммерческих банков увеличились с 78 млн. в 1870 г. до 230 млн. руб. в 1890 г., а обороты промышленных предприятий, обложенных раскладочным сбором, увеличились с 529 млн. в 1885 г. до 879 млн. руб. в 1896 г.

Накопление, полученное путём торговли, быстро концентрировалось в банках в форме оборотного торгового и промышленного капитала.

Из изложенного видно, насколько крупные перемены произошли в процессе образования внутреннего рынка для промышленного капитализма в течение двух-трёх десятилетий после реформы 1861 г. Общий характер происшедших изменений сводился к быстрому росту общественного разделения труда и товарного хозяйства, к увеличению товарного обращения, к росту внутреннего рынка на средства производства для развивающегося капитализма и на предметы личного потребления для развивающихся городов и их торгово-промышленного населения. В этом процессе сформирования внутреннего рынка большую роль сыграли железные дороги и как главный потребитель продуктов ведущих отраслей тяжёлой индустрии и как непосредственное связующее звено в товарном обращении отдельных районов. Благодаря им стало возможным быстрое расширение рынка, его объёма, территории и оборотов.

Все эти изменения являлись выражением общего и быстрого развития капиталистических отношений в народном хозяйстве в 70—90-х годах. Они создали и предпосылки того промышленного подъёма, которым характеризуется развитие промышленного капитализма в 90-х годах.

ГЛАВА V

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЁМ 90-х ГОДОВ

Промышленные кризисы 1873—1875 и 1881—1882 гг. особенно ярко показали, что народное хозяйство России, вступив на путь капиталистического развития, всецело подпадает под действие общих закономерностей капитализма с неравномерностью его развития, с периодами подъёмов и упадка, кризисов перепроизводства, застоев, оживления и пр. Эти кризисы, как и всякие капиталистические кризисы, произвели в русской капиталистической экономике отбор экономически более мощных и технически лучше оборудованных капиталистических предприятий, разорили и отбросили более слабые предприятия. Они способствовали дальнейшему углублению капиталистических отношений, вытеснению остатков докапиталистических форм промышленности и дальнейшей пролетаризации населения, усилили концентрацию капитала, подготовляя, таким образом, переход промышленности на более высокий технический и экономический уровень её развития. Вместе с тем и рабочий класс уже с 70—80-х годов начинает пробуждаться и вести борьбу с капиталистами путём организации массовых стачек и первых рабочих союзов.

Из изложенного в предыдущих главах видно, что российский капитализм 60—80-х годов сочетал сравнительно развитую промышленно-капиталистическую экономику с отсталым сельским хозяйством, с отсталыми формами мелкотоварного производства и мануфактуры, с отсталой промышленной и сельскохозяйственной техникой, с особенно сильным отставанием индустрии, производящей орудия и средства производства (машины, паровозы, рельсы), а также сырьё (каменный уголь, нефть и пр.). В общественном строе быстро идущее развитие буржуазно-капиталистических отношений как в деревне, так и в городе переплеталось с остатками средневековья, с отсталыми формами полукрепостнических отношений, с политическим и экономическим господством поместного класса, владельцев крепостнических латифундий, державших в кабальных отношениях массу земледельческого населения.

При таких условиях развитие капитализма в промышленности и земледелии должно было сильнейшим образом задерживаться как по общим темпам его, так и по глубине охвата им народного хозяйства. Поэтому, например, когда более мощные и развитые капиталистические страны Западной Европы обычно

изживали кризисы 70—80-х годов в два-три года, вновь переходя к периодам оживления, в России кризис начала 80-х годов превратился в длительную 10—15-летнюю депрессию, в промышленный и сельскохозяйственный застой, в экономический развал деревни, закончившийся громадной катастрофой, голодом 1891 г. В политическом отношении кризис привёл к жестокой помещичье-дворянской реакции.

Только с начала 90-х годов в капиталистической экономике России начинает отмечаться новый поворот к оживлению промышленности, приводящий в течение нескольких лет к таким результатам, которые оставляют далеко позади уровень капиталистической промышленности 70—80-х годов. Этот промышленный подъём 90-х годов является в истории капиталистической промышленности и всего народного хозяйства России одним из важнейших этапов. В этот именно период окончательно сложилась система российского «национального капитализма» со всеми её экономическими, социальными и политическими своеобразными чертами, с особенностями классовых отношений и т. п.

Рост промышленности в 90-е годы. Общие результаты роста капиталистической промышленности за эти годы представлены, по официальным данным о фабрично-заводской промышленности России, в следующих цифрах [1]:

Годы	Число предприятий	Число рабочих (тыс.)	Общая сумма производства (млн. руб.)
1887	30 888	1 318,0	1 334,5
1890	32 254	1 424,7	1 502,7
1897	39 029	2 098,3	2 839,1
1900	38 141	2 373,4	3 005,9

За десятилетие 1887—1897 гг. число предприятий возросло на 26,3%, число рабочих — на 59,2 и сумма производства — на 112,8%, а за десятилетие 1890—1900 гг. число предприятий возросло на 18,3%, число рабочих — на 66,6 и сумма производства — на 100%. Происходил не только абсолютный рост числа промышленных предприятий, но и их концентрация и быстрое увеличение производительности.

[1] Таблица составлена для 1887—1897 гг. — по «Своду данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.»; для 1900 г. — по «Статистическим сведениям о фабриках и заводах за 1900 г.», под редакцией В. Е. Варзара, 1903.

Насколько именно 90-е годы дали сильный толчок в направлении концентрации, показывает темп ежегодного прироста общей суммы промышленной продукции, которая, по тем же официальным данным, за 1878—1887 гг. увеличивалась на 26,1 млн. руб. в год, за 1888—1892 гг. — на 41,6 млн., а за 1893—1897 гг. — на 161,2 млн. руб. И так как во главе промышленности стоял крупный акционерный капитал, то степень концентрации русской промышленности в 90-х годах была выше, например, германской. Так, если распределить производства на три группы по количеству занятых рабочих, то окажется, что в 1895 г. в России на мелких предприятиях (10—50 рабочих) было занято всего 15,9% рабочих, тогда как в Германии — 31,5%; на крупных (свыше 500 рабочих) в России — 45,2%, в Германии — 15,3%[1].

Приведём несколько данных, характеризующих развитие отдельных отраслей промышленности (см. табл. на стр. 146)[2].

Присоединяя к числу рабочих, занятых на учтённых в таблице предприятиях фабрично-заводской и горной промышленности, также рабочих железных дорог, получим, что общее число рабочих по всей России к концу 90-х годов исчислялось в 2 792 тыс.

Данные таблицы показывают, что, хотя по абсолютным размерам производства на первом месте стояла текстильная промышленность, тяжёлая индустрия (горнозаводская, металлургическая) уже быстро догоняла лёгкую. За рассматриваемый период 1887—1897 гг. ежегодный прирост суммы производства по отдельным отраслям был: по горной — 11,2%, по химической — 10,7, по обработке дерева — 9,3, по металлической — 8,4, по керамической — 8, по текстильной — 7,8, по пищевой — 1,7%. В основе промышленного подъёма лежало, таким образом, развитие тяжёлой индустрии, связанное с производством средств производства.

Положение отдельных отраслей. Приведём цифры, характеризующие рост производства отдельных главных отраслей промышленности[3]. Промышленное топливо — каменный уголь

---

[1] *С. С. Зак*, Промышленный капитализм в России, 1908, стр. 9. Цифры русских и германских переписей не вполне сопоставимы и поэтому имеют лишь иллюстративное значение.

[2] Составлена по тем же источникам, что и приведённая выше таблица за 1887—1900 гг.; по отдельным отраслям данные по 1900 г. не сопоставимы с 1887—1897 гг. и поэтому в таблице не приводятся.

[3] Цифры последующих таблиц составлены по официальным «Сводам данных о фабрично-заводской промышленности» и «Обзорам» различных отраслей промышленности за соответствующие годы; см. «Библиографический указатель».

	1887 г.	1897 г.	% прироста
I. Волокнистые вещества			
Число предприятий	2 847	4 449	56,3
Ценность производства (млн. руб.)	463,0	946,3	104,4
Число рабочих (тыс.)	399,2	642,5	60,9
Из них:			
Обработка хлопка			
Число предприятий	501	947	89,0
Ценность производства (млн. руб.)	231,7	430,2	85,7
Число рабочих (тыс.)	207,7	316,1	52,2
II. Горная и горнозаводская			
Число предприятий	2 656	3 412	28,5
Ценность производства (млн. руб.)	156,0	393,7	152,4
Число рабочих (тыс.)	390,9	544,3	39,2
III. Металлические изделия			
Число предприятий	1 377	2 412	75,2
Ценность производства (млн. руб.)	112,6	310,6	175,8
Число рабочих (тыс.)	103,3	214,3	107,5
IV. Химическое производство			
Число предприятий	588	769	30,8
Ценность производства (млн. руб.)	21,5	59,6	177,2
Число рабочих (тыс.)	21,1	35,3	67,3
V. Керамическое производство			
Число предприятий	2 380	3 413	43,4
Ценность производства (млн. руб.)	28,9	82,6	184,8
Число рабочих (тыс.)	67,3	143,3	112,9
VI. Все группы			
Число предприятий	30 888	39 029	26,3
Ценность производства (млн. руб.)	1 334,5	2 839,1	112,8
Число рабочих (тыс.)	1 318,0	2 098,3	59,2

и нефть — впервые в 80—90-е годы даёт чрезвычайно резкий скачок. Добыча каменного угля составляла:

Годы	Всего (млн. пудов)	В том числе в Донбассе	
		млн. пудов	% к общей добыче
1860	18,3	6,0	32,8
1870	42,4	15,6	36,8
1880	200,9	86,3	43,0
1890	367,2	183,3	49,9
1895	555,5	298,3	53,7
1900	995,2	691,5	69,5

Возникшая в 60-х годах каменноугольная промышленность за четыре десятилетия достигла очень солидных размеров и за одно последнее десятилетие увеличила добычу почти в 3 раза, а Донбасс — 40 лет назад ещё «дикое поле» — сделался колоссальным производительным центром, увеличив свою добычу за одно последнее пятилетие в 2,5 раза и давая свыше двух третей всей выработки каменного угля.

Не менее быстрый темп роста показывает нефтяная промышленность с главным, Бакинским районом:

Годы	Вся добыча нефти (млн. пудов)	В том числе Баку	
		млн. пудов	% к общей добыче
1870	1,8	1,7	94,4
1880	34,0	25,0	73,5
1890	241,0	226,0	93,8
1895	386,0	385,0	99,7
1900	632,0	601,0	95,1

Увеличение добычи за 1880—1900 гг. в 20 раз — таков итог развития этой капиталистической отрасли промышленности с подавляющим значением в общей продукции нефти главного нефтяного, Бакинского, района.

Добыча железной руды и роль в ней Юга характеризуются следующими цифрами:

Годы	Всего (млн. пудов)	В том числе в южном районе	
		млн. пудов	% к общей добыче
1870	45,9	1,3	2,8
1880	60,2	2,7	4,5
1890	106,3	23,0	21,6
1895	168,0	59,1	35,2
1900	367,2	210,1	57,2

Юг и здесь в течение последнего пятилетия решительно побеждает другие районы горной промышленности.

Рост чёрной металлургии шёл параллельно с развитием горной промышленности. Выплавка чугуна и производство железа и стали представлены в следующих цифрах:

Годы	Выплавка чугуна			Производство железа и стали		
	всего (млн. пудов)	в том числе Юг		всего (млн. пудов)	в том числе Юг	
		млн. пудов	%		млн. пудов	%
1860	19,6	—	—	12,4	—	—
1870	20,7	0,3	1,4	14,5	—	—
1880	26,1	1,3	5,0	35,3	1,6	4,5
1890	55,2	13,4	24,3	48,4	8,6	17,8
1895	86,8	33,6	38,7	62,3	18,2	29,2
1900	176,8	91,6	51,8	134,4	59,2	44,0

Продукция чёрной металлургии за пятилетие 1895—1900 гг. увеличилась в целом по всей стране в 2 раза, а для южной металлургии в 3—4 раза, благодаря чему Юг решительно вытеснил старую уральскую металлургию; доля участия Урала в общем производстве понизилась с 67% в 70-х годах до 28% в 1900 г., а доля Юга повысилась с 0,1 до 51%.

Что касается хлопчатобумажной промышленности, то данные статистики этой отрасли особенно несравнимы за продолжительный период времени ввиду большего числа мелких предприятий, иногда затемняющих характер учёта по сравнению с более поздними годами, когда учитывались крупные фабрики. По трём главным видам хлопчатобумажного производства имеем следующие цифры [1]:

Годы	Бумагопрядильное		Бумаготкацкое		Ситценабивное и отделочное	
	число предприятий	сумма производства (млн. руб.)	число предприятий	сумма производства (млн. руб.)	число предприятий	сумма производства (млн. руб.)
1870	44	48,4	744	48,0	130	30,7
1880	69	74,2	678	99,7	774	66,6
1890	(66)	106,6	349	136,3	413	91,9
1897	67	134,9	465	237,5	190	105,5

Более точные и подробные цифры роста производства крупных фабрик за десятилетие 1890—1900 гг. даются в следующих

[1] Сведения за 1870 г. — по «Историко-статистическому обзору промышленности России», т. II, стр. 91; за 1880—1897 гг. — по «Своду данных фабрично-заводской промышленности в России за 1867—1897 гг.». См. также «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», 1902, стр. 276. В число бумаготкацких и ситценабивных предприятий за 1870 и 1880—1897 гг. входило много мелких предприятий.

сопоставлениях по цифрам официальной статистики бумагопрядильного и ткацкого производства [1]:

	1890 г.	1899 г.	% увеличения
Число прядильных фабрик	66	109	65
„ ткацких „	83	118	42
„ веретён (тыс.)	3 457	6 091	76
„ станков (тыс.)	87	146	68
Переработка хлопка (тыс. пудов)	8 328	16 127	94
Выработано суровой ткани (тыс. пудов)	6 671	11 595	74
Ценность хлопка (млн. руб.) . .	81,6	148,4	82
„ пряжи (млн. руб.) . . .	119,6	248,1	107
„ суровых тканей (млн. руб.)	146,8	241,5	65

Увеличение производства за 10 лет почти вдвое, притом при значительно меньшем увеличении числа предприятий, т. е. общий рост промышленности при значительной её концентрации, — таков результат 90-х годов для хлопчатобумажной промышленности.

Процесс концентрации. Таким образом, русская промышленность в течение десятилетия 90-х годов быстро переходит к крупной капиталистической технике и к крупным формам производства. Обнаруживается не только общий рост промышленности, но и концентрация производства и повышение производительности. Степень концентрации промышленности в целом характеризуется, например, такими сравнительными цифрами на основе данных, обработанных В. И. Лениным для 1879—1890 гг. (кроме рельсового производства)[2], с добавлением последующих данных Погожева[3] для 1902 г. (для всех производств) в процентах к общему итогу:

Группы фабрик с числом рабочих	1879 г.		1890 г.		1902 г.	
	% фабрик	в них % рабочих	% фабрик	в них % рабочих	% фабрик	в них % рабочих
От 100 до 499	79,7	44,2	79,6	42,1	73,8	30,7
„ 500 „ 999	13,3	23,0	12,8	20,2	15,2	19,5
„ 1 000 и более	7,0	32,8	7,6	37,7	11,0	49,8

[1] «Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России», 1901.

[2] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 446.

[3] *Погожев*, Учёт численности и состава рабочих России, Спб. 1906, стр. 42.

Крупные предприятия в начале XX в. сосредоточивали уже половину всех рабочих, тогда как 20 лет назад — всего одну треть. Если для большей наглядности вычислить процент прироста фабрик и занятых на них рабочих по группам, получим следующие цифры прироста за 1894—1902 и 1879—1902 гг.:

Группы фабрик	Прирост числа фабрик		Прирост числа рабочих	
	за 1894—1902 гг.	за 1879—1902 гг.	за 1894—1902 гг.	за 1879—1902 гг.
От 100 до 499 рабочих	53,7	78,3	52,8	76,0
„ 500 до 999 рабочих	67,0	118,9	71,4	115,9
Свыше 1 000 „	123,1	203,5	141,4	284,4

Число самых крупных фабрик увеличивалось наиболее значительно, причём особенно сильно происходило увеличение численности рабочих на них.

Каковы же были причины этого важнейшего явления в истории развития российского капитализма? Чем объясняется исключительно высокая степень концентрации русской капиталистической промышленности, более высокая, чем концентрация промышленности других передовых капиталистических стран?

Эти причины заключаются в том, что русская промышленность позднее других стран вступила на путь капиталистического развития. «Развитие капитализма в молодых странах значительно *ускоряется* примером и помощью старых стран»[1]. Ещё в эпоху крепостного хозяйства и в мануфактурный период развития промышленности перенесение иностранной техники в некоторых отраслях промышленности сказалось решающим образом на превращении мануфактуры в фабрику и на концентрации промышленности. Таково, например, было ещё в 40—50-х годах XIX в. положение в хлопчатобумажной промышленности, в которой, как мы видели выше, оборудованные иностранными машинами крупные фабрики сосредоточивали у себя преобладающую долю продукции, вытесняя более мелкие мануфактуры. Но всё же хлопчатобумажная промышленность развивалась в преобладающей мере на основе отечественного капитала и переживала поэтому длительный мануфактурный период до окончательного перехода в фабрику.

Наиболее ярко процесс перенесения иностранной техники и организационных форм крупного капитала проявился в развитии каменноугольной, железорудной, металлургической и

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 429.

металлообрабатывающей промышленности Юга. Здесь иностранные предприятия возникали не на базе переустройства мануфактуры, а прямо в виде крупнейших предприятий фабрично-заводского типа, с непосредственным перенесением не применявшихся до тех пор в России иностранной техники и иностранных организационных форм производства, управления и финансирования крупным акционерным капиталом. Иностранный капитал переносил в Россию если и не первоклассную технику своей страны, то всё же более передовую по отношению к отсталой технике России.

При сохранении в русской промышленности мелких предприятий с ничтожными размерами производства и низкой техникой промышленные предприятия-гиганты, организуемые иностранными акционерными обществами, сразу получали громадный перевес, так как концентрировали громадные массы рабочих. Высокая техника и производительность позволяли им занять в соответствующей отрасли почти монопольное положение. Это, например, особенно резко проявляется из сравнения Юга с Уралом. На Урал, где сохранялись остатки полукрепостнических отношений, иностранный капитал шёл неохотно, и там поэтому преобладал отечественный капитал, более мелкие предприятия с низкой техникой мануфактурного типа и к тому же без собственной каменноугольной базы. В более поздний период, период империализма, преимущества иностранных предприятий, которые создавали вместе с крупнейшими русскими предприятиями монополистические объединения, комбинаты, сказались особенно ярко.

Наконец, процесс концентрации усиливался также тем, что ведущие отрасли тяжёлой промышленности работали в России в громадной степени на железные дороги и казённые заказы. Помимо того, что крупным заводам-фаворитам предоставлялись всякие льготы (иногда и путём взяток), самый факт крупных, объединённых правительственных и железнодорожных заказов способствовал концентрации производства.

При дальнейшем прогрессе техники и при необходимости в связи с этим смены оборудования предприятий и увеличения основного капитала иностранные предприятия занимали также более выгодное положение. Они располагали более крупными капиталами и могли на более льготных условиях оборудовать производство иностранными машинами. Наоборот, русские предприятия даже таких ведущих отраслей, как, например, казённый Обуховский военный и орудийный завод или частный Путиловский машиностроительный и металлообрабатывающий завод, имели хронический недостаток в средствах даже на основное оборудование и часто употребляли станки и машины 30—50-летней давности.

Высокая концентрация и монопольное положение промышленных предприятий приносили громадные прибыли крупному и особенно иностранному капиталу. Но иностранный капитал имел положительное экономическое значение и для всего народного хозяйства, так как ускорял ход экономического развития, переход от мануфактуры к фабрике и от этой последней — к крупнейшим производственным комбинатам.

По отдельным отраслям этот процесс концентрации выступает ещё более выпукло.

Так, в горнозаводской промышленности за десятилетие 1890—1900 гг. в наиболее крупной группе — свыше 1000 рабочих — при увеличении числа предприятий на 112,6% число рабочих увеличилось на 159,4%. В хлопчатобумажной промышленности за 1879—1894 гг. высшая группа дала увеличение на 65,8% по числу предприятий и 88% по числу рабочих, тогда как низшая группа соответственно увеличилась всего на 9,2% по числу предприятий и на 4,4% по числу рабочих. Ещё сильнее увеличивается на наиболее крупных предприятиях рост продукции, так как в этом направлении действует не только концентрация в них наибольшего числа рабочих, но и повышение производительности на одного рабочего вследствие лучшего оборудования. Так, например, в нефтяной промышленности 9,5% всех фирм производили до 69% всей выработки нефти. В каменноугольной промышленности в 1898 г. 4% рудников вырабатывали 43% всей добычи угля. В металлургической промышленности тот же процесс концентрации и повышения производительности характеризуется следующими цифрами[1]:

	1890 г.	1900 г.
Выплавлено чугуна на один завод (тыс. пудов)	253	716
Число рабочих на один завод	899	1 325
„ лошадиных сил на один завод	255	1 286
„ лошадиных сил на одного рабочего	0,28	0,97
Выплавка чугуна на одну доменную печь (тыс. пудов)	286	629
Выплавка чугуна на одного рабочего (пудов)	282	541
Производство мартеновской стали на одну печь (тыс. пудов)	199	439
Производство бессемеровской стали на один конвертер (тыс. пудов)	722	1 143

[1] *И. Гливиц*, Железная промышленность России, 1911, стр. 111.

Таблица свидетельствует о быстром техническом совершенствовании производства и его концентрации. Особенно очевиден этот процесс при сравнении прогрессирующего Юга с отсталым Уралом [1]:

	Урал		Юг	
	1890 г.	1900 г.	1890 г.	1900 г.
Выплавлено чугуна на один завод (тыс. пудов)	250	436	1 491	3 192
Лошадиных сил на один завод	135	244	1 530	6 159
Число рабочих на один завод	1 281	1 496	1 505	1 841
Выплавлено на одну доменную печь (тыс. пудов)	259	342	958	2 035
Выплавлено на одного рабочего (пудов)	194	297	990	1 714
Добыто руды на одного рабочего (тыс. пудов)	2,4	3,3	10,7	19,3

Такие результаты уральского производства обусловливались вовсе не низкими естественными качествами уральских руд. Наоборот, Урал имеет богатейшие рудные месторождения, отличающиеся богатством и высокими качествами. Но Урал был побеждён капиталистической техникой Юга, высокоорганизованным производством, всей той новой экономикой, которую нёс с собой развитый промышленный капитализм, переносивший в Россию более передовую в то время иностранную технику и передовые формы организации промышленности вместо старой, полукрепостной рутины, господствовавшей на Урале.

Необходимо всё же отметить, что несмотря на интенсивность и быстрые темпы процесса концентрации промышленности в 90-е годы, эта концентрация в рассматриваемый период не дошла ещё до той степени, когда она (как это имеет место в период монополистического капитала, империализма) непосредственно переходит в монополию. Поэтому хотя 90-е годы являлись подготовкой империалистического этапа, но всё же было бы ошибочно считать (как это делают Грановский, Гиндин и др.), что уже в 90-х годах в капиталистическом развитии России наступил период империализма. Мы относим это лишь к 1900—1902 г.

Железнодорожное строительство и подъём 90-х годов. Выше указывалось, что подъём 90-х годов был связан в первую очередь с железнодорожным строительством. Железнодорожное строительство обусловило то обстоятельство, что производственной

[1] *И. Гливиц*, Железная промышленность России, 1911, стр. 114.

основой промышленного подъёма 90-х годов являлось развитие тяжёлой промышленности — чёрной металлургии, машиностроения, рельсового производства, топливной, каменноугольной и нефтяной промышленности, а вслед за ними строительной — керамической (кирпичной), цементной и по производству других продуктов, необходимых для железнодорожного строительства. Поскольку усиление железнодорожного строительства вслед за металлургической и топливной промышленностью втягивало в промышленный подъём и другие отрасли тяжёлой промышленности, а затем и лёгкую промышленность, то железнодорожное строительство получало общее значение как основная база промышленного подъёма вообще и расширения внутреннего рынка для промышленного капитализма.

После железнодорожной горячки 1870—1875 гг., давшей за пятилетие приращение железнодорожной сети на 7,5 тыс. вёрст, железнодорожное строительство в 1876—1890 гг. развивалось более умеренным темпом. Но уже в 1891—1895 гг. новое железнодорожное строительство даёт 6 257 вёрст новых железных дорог, а следующее пятилетие, 1896—1900 гг., — 15 139 вёрст, благодаря чему вся железнодорожная сеть к 1901 г. выросла до 56 130 вёрст. Другими словами, за одно десятилетие 90-х годов выстроено было до 37% всей железнодорожной сети, или половина того, что было выстроено за предыдущие 50 лет. В дальнейшем в капиталистической России не имелось никогда такого сильного подъёма железнодорожного строительства, как в 1895—1900 гг. Конечно, необходимо отметить, что и при этом усиленном железнодорожном строительстве Россия далеко ещё отставала по относительной густоте железнодорожной сети от передовых капиталистических стран: в 1895 г. в России на 1 тыс. *км*^{2} территории было всего 1,5 *км* дорог, в том числе в европейской части — 9,7 *км* и в азиатской — 0,6 *км*, тогда как в Англии — 106 *км*, в Германии — 80 *км*.

В отношении системы железнодорожного строительства произошли также важные изменения сравнительно с 70-ми годами. Хотя правительство не отказалось от частного строительства и даже поощряло частную инициативу, но, тем не менее, после неудачного опыта с «Главным обществом российских железных дорог» наиболее значительный удельный вес получило казённое строительство. По подсчётам Шванебаха, во время наиболее сильного подъёма железнодорожного строительства, во второй половине 90-х годов, оно почти поровну распределялось между частным капиталом и государственными вложениями. Но собственно финансовое участие государства в железнодорожном строительстве было значительно больше, так как кроме прямых государственных железнодорожных займов в 90-е годы стала особенно усиленно применяться система гарантиро-

ванных правительством частных займов. В этом случае правительство гарантировало доходность этих займов, которые поэтому в сущности не отличались от обыкновенных государственных займов. Кроме того, правительство выкупало в казну от частных железнодорожных обществ некоторые, особо важные или убыточные железные дороги. В результате роль государства в железнодорожном строительстве и в железнодорожном хозяйстве страны в 90—900-х годах сильно возросла.

К 1890 г. общая сумма всех железнодорожных займов доходила до 1 363 млн. руб.; за последующее десятилетие (в министерство Витте) было реализовано гарантированных займов (без Китайско-Восточной железной дороги) всего около 1 млрд. руб. Сверх того непосредственные расходы казны на постройку новых железных дорог, на улучшение сети и подвижного состава составляли около 1350 млн. руб. (не считая около 375 млн. руб. займа Китайско-Восточной железной дороги). Негарантированных займов было выпущено частными обществами на сумму до 205 млн. руб. Таким образом, можно считать, что общая сумма участия казны в железнодорожном хозяйстве за 90—900-е годы доходила до 3,5—3,6 млрд. руб. К XX в. весь капитал в железных дорогах в стране оценивался до 4,7 млрд. руб., из них до 3,5 млрд. руб. принадлежало государству. Из этой суммы непосредственно казной в течение последнего десятилетия XIX в. произведено капитальных затрат (с Китайско-Восточной железной дорогой) до 1 691 млн. руб., т. е. около половины всего государственного имущества, вложенного в железные дороги за всё время их строительства.

Каковы же были источники этих государственных вложений капитала в железнодорожное строительство? Из указанной суммы заграничными инвестициями было покрыто около 341 млн. руб., остальные суммы были покрыты займами, размещёнными внутри страны, преимущественно из общебюджетных государственных ресурсов. Таким образом, в этот период усиленного железнодорожного и промышленного строительства государство путём налогового пресса, прямых и косвенных налогов, водочной монополии, таможенных доходов и пр. выколачивало из населения в среднем до 120 млн. руб. в год, затрачиваемых на строительство железных дорог, а через них субсидируя и оказывая поддержку тяжёлой индустрии размещением крупных заказов на рельсы, паровозы и пр. Какую громадную роль играли в деле железнодорожного строительства мелкие народные сбережения, перекачиваемые в него через систему государственных кредитных учреждений, видно из того, что, например, вклады государственных сберегательных касс шли в громадной доле на поддержание железнодорожных займов: на 1 января 1901 г. из общего остатка вкладов сберегательных касс

в 752 млн. руб. было размещено в государственных ценных бумагах 637 млн. руб. и из них 248 млн. руб., или до 37%, — в железнодорожных займах.

Прилив иностранных капиталов. Прилив капитала в промышленность, способствовавший её подъёму 90—900-х годов, характеризуется следующими цифрами иностранных и русских акционерных обществ, учреждённых за эти годы. К 1889 г. в России имелось 504 акционерных общества с капиталом в 911,8 млн. руб., в 1899 г. акционерных обществ имелось уже 1181 с капиталом в 1736,8 млн. руб. Другими словами, вложение капитала в промышленность за десятилетие увеличилось на 825 млн. руб., причём в 1896—1898 гг. ежегодное вложение акционерных капиталов доходило до 230—250 млн. руб., а в 1899 г. — 431,9 млн. руб. Общая же сумма всех акционерных капиталов (основных, запасных, амортизационных и пр.), по данным министерства финансов, в 1899 г. исчислялась в 2,3 млрд. руб.

В этом акционерном капиталистическом учредительстве весьма крупную и всё увеличивающуюся роль начинает играть иностранный акционерный капитал. За период 1893—1900 гг. в России возникло 191 новое иностранное акционерное общество с общим капиталом в 634 млн. фр. При этом, хотя русский капитал имел вообще в акционерном строительстве преобладающую роль, всё же влияние иностранного капитала увеличивалось. Общая сумма иностранных капиталов в акционерных предприятиях, действовавших в России, в 1870 г. была всего 26,5 млн. руб. (всех капиталов), в 1880 г. — 97,7 млн., в 1890 г. — 214,7 млн., в 1900 г. — 911 млн. руб. (Оль). По подсчётам других исследователей, цифры иностранных акционерных капиталов в 1900 г. несколько меньше: 765 млн. руб. (Шванебах), 778 млн. руб. (Воронов) [1]. Во всяком случае из сопоставления приведённых выше цифр видно, что иностранный капитал в 1890 г. составлял несколько более трети всех акционерных капиталов, а в 1900 г. — уже почти половину.

Весьма характерным представляется распределение новых акционерных обществ и их капиталов по отдельным отраслям народного хозяйства. В акционерные общества, возникшие до 1889 г., в банки, страховые и транспортные общества было вложено до 34,4% капитала (313 млн. руб.), в общества же, воз-

[1] Разница исчислений происходит большей частью вследствие разных способов перевода иностранной валюты на русскую, а также в связи с неточностью в определении «иностранных» обществ. См. *П. В. Оль*, Иностранные капиталы в хозяйстве довоенной России, 1925; *Воронов*, Иностранные капиталы в России, 1901; *П. Х. Шванебах*, Денежное преобразование и народное хозяйство, 1901, а также *Н. Пушкин*, Статистика акционерного дела в России, 1897—1898.

никшие после 1889—1899 гг., — всего 8,3% (59 млн. руб.). В промышленные предприятия в первый период было вложено 56,1% (578 млн. руб.), а во второй период уже 74,3% (715 млн. руб.). Отсюда видно, что отмеченный выше для 70-х годов характер перемещения акционерного капитала в область промышленности продолжался и усилился в 90-е годы ещё в большей степени.

Усиление чисто промышленного характера акционерного строительства в 90-е годы видно также из распределения акционерных капиталов по отдельным отраслям промышленности. Сравнивая цифры основных капиталов акционерных обществ в главных отраслях промышленности в 90-е и 900-е годы, по данным министерства финансов, получим следующие сопоставления (в млн. руб.):

Отрасли промышленности	Основной капитал		Прирост (в %)
	1890 г.	1900 г.	
Горнозаводская	85,7	392,2	358
Металлическая	27,8	257,3	826
Химическая	15,6	93,8	501
Керамическая	6,7	59,0	781
Текстильная	197,5	373,7	89
Пищевая	87,6	153,1	75
Все отрасли	580,1	1 742,3	200

Таким образом, наиболее усиленно акционерное строительство развивалось в группах тяжёлой (горной, металлической, химической), а также строительной (керамической) промышленности, тогда как в старые отрасли лёгкой индустрии — в текстильную и пищевую — прилив акционерного капитала происходил в гораздо меньшей степени.

Такое же распределение акционерных капиталов имело место и в иностранных акционерных обществах. Основные капиталы иностранных акционерных обществ по тем же группам промышленности распределялись следующим образом (в млн. руб.):

Отрасли промышленности	1890 г.	1900 г.	Прирост (в %)
Горнозаводская	70,1	437,9	525
Металлическая	14,0	145,3	938
Химическая	6,4	29,3	358
Керамическая	0,2	26,6	13 200
Текстильная	26,0	71,4	175
Пищевая	7,6	11,4	50
Все отрасли	186,2	911,0	389

Приведённые цифры подтверждают особенность капиталистического подъёма 90-х годов как подъёма тяжёлой индустрии, связанного в первую очередь с усилением железнодорожного строительства и с увеличением вложений иностранного капитала. Влияние иностранного капитала особенно усиливается в последние годы рассматриваемого периода (особенно после установления золотой валюты 1897 г.) и проявляется неравномерно в различных отраслях промышленности. В горной промышленности, например, вложение иностранного акционерного капитала обгоняло вложение русского, благодаря чему иностранный акционерный капитал составлял в 1890 г. 58% всех акционерных капиталов, а в 1900 г. уже до 70%; в металлической промышленности долл его участия повысилась всего с 32 до 42%, а в текстильной, пищевой и др. русские акционерные капиталы занимали 90—98%.

Наконец, приведём подсчёты того же автора о распределении в 90—900-е годы иностранных акционерных капиталов по странам их происхождения (в млн. руб.) [1].

Капиталы	1890 г.	1900 г.
Французские	66,6	226,1
Бельгийские	24,6	296,5
Английские	35,3	136,8
Германские	79,0	219,3
Американские	2,3	8,0

Таким образом, за десятилетие 1890—1900 гг. зависимость русской капиталистической промышленности, особенно в некоторых отраслях, а вместе с тем и всего народного хозяйства в сильнейшей степени увеличилась. Вместе с тем резко изменился и характер этой зависимости от иностранного капитала. Уже к 1900 г. на первом месте стояли франко-бельгийские и вообще капиталы будущей Антанты, тогда как германские за рассматриваемое десятилетие были оттеснены со своего первого места на третье.

Географическое размещение капиталистической промышленности. Из рассмотрения положения отдельных ведущих отраслей промышленности — каменноугольной, металлургической, нефтяной — мы видели возрастание преобладающей роли некоторых районов, в которых с развитием капитализма эти отрасли стали концентрироваться. В целом по совокупной производи-

[1] *П. В. Оль*, Иностранные капиталы в хозяйстве довоенной России, 1925.

тельности всех отраслей крупной промышленности, по учёту их в 1896 г., в российском промышленном капитализме имелись следующие основные промышленные районы.

1. *Московский промышленный* район с общими размерами производства по шести губерниям района в 755,1 млн. руб. (из них одна Московская губерния — 403 млн.). Район в подавляющей степени текстильной промышленности всех её видов — хлопчатобумажной, льняной, шёлковой, шерстяной — и отчасти металлообрабатывающей, химической и др.

2. *Петербургский* район, одна Петербургская губерния, с общей производительностью в 316,7 млн. руб. Район металлообрабатывающей, машиностроительной, текстильной промышленности и др.

3. *Польский* район с общим производством в трёх основных промышленных губерниях до 335,5 млн. руб., из них Петроковская — 215,9 млн. (в том числе в главном центре хлопчатобумажной промышленности, в Лодзи — 481 фабрика с производством на 78 млн. руб.), Варшавская — 98,1 млн. руб. Район текстильной, каменноугольной, чугунолитейной, железоделательной, химической промышленности и др.

4. *Южнорусский Украинский* (Криворожско-Донецкий) район каменноугольной, железорудной и основной химической промышленности с общим производством по четырём основным губерниям района в 246,1 млн. руб. (из них Екатеринославская — 97,5 млн., Херсонская—69,4 млн., Харьковская—51 млн. руб.).

5. *Уральский горно-металлургический* район (железо, цветные металлы, минералы) с производством в 85,3 млн. руб.

6. *Бакинский нефтяной* район (Азербайджан) с производством 82 млн. руб.

7. *Юго-Западный* преимущественно свеклосахарный район с производством по двум основным губерниям 135,1 млн. руб. (из них Киевская — 77,4 млн., Подольская — 57,7 млн.).

8. *Закавказский марганцево-каменноугольный* Чиатурско-Тквибульский район с производством до 19 млн. пудов марганца и до 2,5 млн. пудов угля.

В этих районах и губерниях главным образом концентрировалась крупная капиталистическая промышленность. В остальных районах крупная капиталистическая промышленность была представлена в значительно меньшей степени. Значительность этой концентрации видна из того, что из общего числа фабрично-заводских рабочих по всем 63 губерниям Европейской России 58% рабочих сосредоточивалось в первых двух группах передовых промышленных губерний центра и Петербурге.

Таким образом, географическое размещение капиталистической промышленности в 90-е годы, хотя отчасти и было обусловлено естественными условиями производства (Донецкий,

Уральский, Бакинский районы), но в целом было крайне нерационально. Капиталистическая промышленность унаследовала исторически сложившиеся районы размещения отдельных отраслей ещё с феодально-крепостного периода XVII—XIX вв. (Московский и Петербургский районы). Но и в капиталистический период рациональному размещению промышленности и развитию отдельных промышленных районов препятствовала политика монополистического капитала (нефть и др.), национальная политика царизма, задерживавшая развитие национальных районов, и слабая изученность естественных богатств отдельных районов, что в значительной мере также сознательно делалось в интересах крупного капитала. Поэтому ряд богатейших по естественным условиям районов вовсе не был использован капитализмом (Кузнецкий район, Крайний Север), или использование их сознательно задерживалось монополиями, чтобы не допускать развития производства на капиталистических предприятиях других районов (уральская нефть и пр.). Вообще по производственно-техническому оборудованию предприятий отдельные районы находились на весьма различном уровне. Этим обусловливались противоречия между капиталистической промышленностью различных районов как в отношении источников сырья, цен на изделия, условий сбыта и пр., так и в отношении экономической, таможенной, тарифной политики и пр. Таковы, например, были противоречия текстильной промышленности передовых Петербургского и Польского районов (работа на привозном сырье), с одной стороны, и более отсталого (и требовавшего мер протекционизма) Московского — с другой; или между передовым южным металлургическим районом и отсталым Уралом и т. п.

Всё это было конкретным отражением общего закона неравномерности развития капитализма, осложнённого в русских условиях крепостническими пережитками русской деревни, недостаточностью внутреннего накопления капитала, особенностями и направлением прилива иностранных капиталов, национальной политикой царизма и пр. Это обусловливало недостаточность и отсталость российского капитализма, несмотря на быстрый подъём его отдельных отраслей. Неравномерность развития особенно резко сказывалась, например, в разрыве между тяжёлой промышленностью и её сырьевой металлургической и топливной базой, между лёгкой индустрией и её сырьевой сельскохозяйственной базой и пр.

Основными *топливными базами* для российского промышленного капитализма 90-х годов являлись Донецкий и Домбровский (Польский) каменноугольные районы и Бакинский нефтяной район. Значительно меньшую роль играли Подмосковный и Уральский каменноугольные районы и совсем ничтожную —

только начинающие разработку районы Сибири, Средней Азии, юго-востока (Грозный) и др. Насколько подавляющим было значение первых двух районов, видно из того, что в 1897 г. из общей добычи каменного угля в 684 млн. пудов на долю их приходилось 91% всей добычи (в том числе на Донецкий район 59% и на Домбровский — 32%). Из других каменноугольных бассейнов более крупное местное значение имели Подмосковный и Уральский. Разработка таких колоссальных запасов угля, как в Кузнецком бассейне, давала всего 1 млн. пудов, т. е. около 0,15% всей добычи. Насколько имеющаяся топливная база была недостаточна для потребностей развивающейся промышленности, показывает то обстоятельство, что, несмотря на громадные неиспользуемые каменноугольные площади, Россия была принуждена ввозить в эти годы до 155 млн. пудов угля. Притом размеры внутреннего потребления каменного угля были прямо ничтожны, определяясь всего в 7 пудов на душу населения сравнительно с 237 пудами в Великобритании, 147 пудами в США, 131 пудом в Германии. По общим размерам производства каменного угля Россия стояла на одном из последних мест, давая всего около 1% мировой добычи его.

Несколько иначе обстояло дело с другим топливным ресурсом, с нефтью. Из общей мировой добычи в 90-е годы около 1 млрд. пудов России принадлежало до 478 млн. пудов, т. е. около 48%. Вывоз нефти достигал 64 млн. пудов, т. е. 13,3% всего производства. Но этот вывоз обусловливался также недостаточностью внутреннего, особенно массового, потребления; например, керосина в стране потреблялось (1897 г.) всего 11,8 фунта на душу населения против 41,8 фунта на душу в Германии.

Недостаточна была и *металлургическая база* капитализма. Добыча горнопромышленного сырья для чёрной металлургии и выплавка чугуна сосредоточивались в трёх основных районах — Южном, Уральском, Польском, отчасти в Подмосковном и ещё меньше в Сибири и на Севере; кроме того, относительно небольшая добыча местного значения железной руды имелась в Финляндии. Насколько Юг, Урал и Польша имели подавляющее значение, видно из того, что в 1900 г. эти районы дали из всей добычи железной руды: Юг — 57,2%, Урал — 27,6 и Польша — 7%. Примерно в таких соотношениях по районам была выплавка чугуна: Юг — 51,8%, Урал — 28, Польша — 10%. Но вообще недостаточность развития чёрной металлургии и её сырьевой базы видна из того, что при громадных, неисчерпаемых природных ресурсах Россия по производству и потреблению чугуна, этого показателя мощности капиталистической промышленности, стояла на одном из последних мест, давая (1897 г.) всего 112 млн. пудов, т. е. около 5,5% мирового

производства, и ввозя до 51,8 млн. пудов чугуна, железа и стали. При этом внутреннее потребление чугуна определялось всего в 52 фунта на душу населения против 356 фунтов в Великобритании, 336 фунтов в США, 254 фунтов в Германии.

Несколько особое место занимала добыча чрезвычайно важного металлургического сырья для высококачественных сталей — *марганцовых руд*. В 1897 г. добыча этих руд в России достигала 22,6 млн. пудов, что составляло до 50% мировой добычи. Добыча сосредоточивалась в Закавказье, в Кутаисской губернии (85%), на Украине (около 12%), остальное — на Урале. Вывоз марганцовых руд из России, достигавший 11,4 млн. пудов, покрывал до 50% всего мирового экспорта. И тем не менее, вывозя это ценное сырьё, российская промышленность ввозила до 1,2 млн. пудов готового полупродукта — ферромангана.

Ещё менее удовлетворительно обстояло дело с *цветными металлами*. И в этом отношении, несмотря на наличность достаточных природных ресурсов, производство этих металлов в России было ничтожно. Ещё в первой четверти XIX в. выплавка меди была столь значительной, что вывоз её доходил до 292 тыс. пудов. На русской (уральской) меди была создана французская бронзовая промышленность. В 90-е годы вывоз меди был всего около 1,8 тыс. пудов при ввозе 831 тыс. пудов, а всё производство составляло всего 2,3% мировой добычи меди. Что касается цинка и свинца, то их добыча составляла сотые доли процента в мировом производстве (цинка — 0,017%, свинца — 0,05%), и вся потребность русской промышленности удовлетворялась целиком иностранным ввозом, несмотря на громадные богатства неразрабатываемых недр.

Что касается *лёгкой промышленности*, сырьевую базу которой обслуживало сельское хозяйство, то здесь по многим статьям имелся также значительный разрыв между сырьевой базой и промышленным спросом, несмотря на громадные сельскохозяйственные ресурсы страны. По другим статьям, наоборот, капиталистическая промышленность не могла освоить всё сельскохозяйственное сырьё, и оно вывозилось за границу, часто с обратным ввозом изделий. Так, являясь главной производительницей и экспортёром льняного волокна, Россия производила 18 млн. пудов в главных районах товарного льноводства, 2 млн. пудов перерабатывала на месте кустарным способом, 3 млн. пудов — на фабриках и 12—14 млн. пудов вывозила за границу. Собирая до 10 млн. пудов шерсти, т. е. до 14% мирового производства, Россия вывозила всего около 1—1,1 млн. пудов; столько же ввозила сырой шерсти (лучших сортов) и, кроме того, на 5,9 млн. руб. готовых шерстяных изделий. Для хлопчатобумажной промышленности собственная сырьевая база в Средней Азии стала создаваться с 80—90-х годов.

К концу 90-х годов собиралось 6—6,7 млн. пудов хлопка-сырца, что составляло 5,1% мирового производства этого продукта. Так как вся внутренняя потребность в хлопке определялась (вместе с мелким производством) в 14,5 млн. пудов, то ввозом покрывалось до 9 млн. пудов хлопка-сырца, до 127 тыс. пудов пряжи, на 1,5—1,7 млн. руб. изделий.

Из приведённых примеров видно, насколько неполно российский капитализм осваивал громадные ресурсы и естественные богатства страны, особенно в отдельных её частях. Действие общего закона неравномерности развития капитализма здесь особенно усиливалось в связи с технической, экономической и социально-политической отсталостью страны. В некоторых районах, как, например, на Урале, этом бывшем центре крепостной металлургии, влияние остатков крепостничества и общей социальной отсталости сказывалось особенно резко. Оно находило своё выражение в низкой производительности труда, отсталой технике и т. п.

Численность и состав рабочего класса в 90-е годы. Быстрое развитие промышленного капитализма и высокая степень его концентрации в 90-е годы сопровождались увеличением численности рабочего класса и усилением концентрации его на предприятиях крупной промышленности, усилением пролетаризации в деревне. По подсчётам Ленина[1], как уже указывалось выше, численность рабочих на крупных капиталистических предприятиях Европейской России за 25 лет после реформы увеличилось более чем вдвое, т. е. оно возрастало не только гораздо быстрее, чем население вообще, но даже быстрее городского населения. К началу XX в. (1900—1903 гг.) только по 50 губерниям Европейской России число рабочих, по определению Ленина, на фабриках и заводах достигает 1262 тыс., горных рабочих — 477 тыс. и на железных дорогах — 469 тыс., а всего — 2 208 тыс. Другими словами, темпы роста за десятилетие 1890—1900 гг. были ещё более значительны, чем за предыдущие 25 лет.

По отдельным отраслям хозяйства наиболее крупное число рабочих и наиболее быстрые темпы увеличения давали железные дороги (в 1904 г. 712 тыс. человек, увеличение за 30 лет после реформы почти в 22 с лишним раза). В собственно промышленных отраслях число рабочих достигало к началу XX в.: горных — 599 тыс., всех фабрично-заводских рабочих — 1663 тыс., из них в текстильной промышленности — 621 тыс., в металлообрабатывающей — 236 тыс. Громадный процесс концентрации промышленности и роста крупных капиталистических предприятий приводит также и к концентрации рабочей

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 436.

силы. По данным фабричной инспекции, в 1903 г. в 64 губерниях Европейской России из общего числа 15 821 предприятие с общим числом рабочих в 1640 тыс. на 642 наиболее крупных предприятиях, с числом рабочих на каждом свыше 500 человек, было 797,9 тыс. рабочих, т. е. 4% предприятий имели 48,7% всего числа рабочих.

В связи с ростом и концентрацией крупной капиталистической промышленности ещё более важными моментами были изменения в самом характере рабочей силы: полный разрыв связей фабрично-заводских рабочих с землёй и деревней, превращение их в класс фабрично-заводского пролетариата и сокращение числа рабочих на дому.

Такое влияние развития крупной капиталистической промышленности на формирование промышленного пролетариата и на ускорение разрыва его связей с деревней хорошо иллюстрируется в следующей таблице Ленина на основе данных Дементьева по предприятиям Московской губернии [1]:

Фабрики и заводы		Процент уходящих на полевые работы
Ручные бумаготкацкие с красильнями	72,5	Ручное производство
Шелкоткацкие	63,1	
Фарфоро-фаянсовые	31,0	
Ручные ситценаб. и конторы для раздачи основ	30,7	
Суконные (полное производство)	20,4	
Бумагопрядильные и самоткацкие	13,8	Механическое производство
Самоткацкие с ситценаб. и отделочными	6,2	
Машиностроительный завод	2,7	
Ситценабивные и отделочные механические	2,3	

Таким образом, крупная капиталистическая промышленность с её механизированным производством, требующим квалифицированной рабочей силы, быстро приводит почти к полному отделению рабочего от земли, деревни, земледельческого хозяйства. Исторически этот процесс происходит в течение периода с 80-х годов и особенно в 90-е годы, почти заканчиваясь для ведущих отраслей промышленности к началу XX в.

Этот ход развития русского промышленного пролетариата и его вначале крестьянское происхождение хорошо видны из следующей таблицы, скомбинированной на основе данных различных исследователей [2]:

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 472; *Е. М. Дементьев*, Фабрика, что она даёт населению и что она у него берёт, изд. 2, 1897, стр. 36.

[2] Для 1884—1885 гг. — по данным *Е. М. Дементьева*, Фабрика, что она даёт населению и что она у него берёт; для 1899 г. — по *П. М. Шестакову*, Рабочие мануфактуры Цинделя, 1900 г.; см. также *С. Бернштейн-Коган*, Численность, состав и положение петербургских рабочих, 1910 г. и *А. М. Панкратова*, Рабочий класс и рабочее движение, «1905 год», т. I, 1926, стр. 418. Конечно, данные различных авторов не вполне сравнимы.

Годы	На 100 рабочих приходилось	
	из крестьян	других
1884—1885	91,5	8,5
1899	94,2	5,8

Но эта крестьянская — по паспорту — генеалогия кадров русских промышленных рабочих в действительности была фабричной, если учитывать преемственность их работы на фабрике (по данным тех же авторов):

Годы	% рабочих, у которых отцы	
	работали на фабрике	не работали на фабрике
1884—1885	55,0	45,0
1899	55,6	44,4

Таким образом, к концу 90-х годов уже половина русских промышленных рабочих была «потомственными пролетариями», отцы которых также работали на фабриках. По отдельным отраслям и районам процент постоянных рабочих (не уходящих в деревню) поднимался до 97 (металлообрабатывающая промышленность) и 89 (вообще Петербургский район).

Положение рабочих. Несмотря на быстрое развитие промышленного капитализма и подъём его в 90-е годы, материальное положение рабочих фабрично-заводской промышленности — их заработная плата, продолжительность рабочего дня, условия работы на предприятиях, а также жилищно-бытовые и санитарные условия их существования и пр. — не улучшились. Всё, что было в этом отношении достигнуто, было завоёвано рабочими, как увидим далее, путём их упорной борьбы за улучшение экономических условий их работы и существования.

В различных районах и в различных отраслях промышленности, в зависимости от характера и исторических условий развития в них капитализма и его техники, условия труда и жизни рабочих были несколько отличны. В этом отношении наиболее существенная разница наблюдалась, с одной стороны, между предприятиями лёгкой и в особенности текстильной промышленности, а с другой — тяжёлой: металлургической, каменноугольной, нефтяной.

Приведём сначала общие данные, характеризующие уровень заработной платы к концу 90-х годов и к началу 900-х

годов (расходы на зарплату, харчи натурой и пр.) в некоторых отраслях промышленности в среднем на одного рабочего, работающего при заведении, безотносительно к полу и возрасту (в руб. в год)[1]:

Обработка хлопка	171
» шерсти	170
» льна, пеньки и джута	139
Механическая обработка дерева	215
Обработка пищевых продуктов	182
» минеральных веществ	204
Химические производства	252
Обработка металлов, производство машин и пр.	341

Из этих данных видно, что по уровню заработной платы выделяются, с одной стороны, металлисты и вообще рабочие тяжёлой промышленности, с другой — рабочие лёгкой и особенно текстильной промышленности. Эти же группы рабочих довольно резко различались и по всем другим условиям труда и существования рабочих — по доле применения женского и детского труда, санитарно-гигиеническим и жилищным условиям, продолжительности рабочего дня и пр. Этим же отчасти объясняется, как увидим далее, и характер участия этих групп в рабочем революционном движении.

Текстильное производство в центрально-промышленном районе, распространённое здесь ещё в период крепостничества, стало особенно быстро расти с 70-х годов в виде капиталистической мануфактуры. Эти, вначале обычно некрупные, предприятия возникали в тех местностях, где имелись достаточные кадры квалифицированных рабочих из прежних кустарей, рабочих «светёлок» и пр. Так как самый характер текстильного производства не требовал от работника большой физической силы и особенно высокой квалификации, такие капиталистические предприятия пользовались исключительно трудом местных рабочих из крестьян и бывших кустарей с большой долей участия женщин и детей (местами почти наполовину). Положение рабочих характеризовалось особенно тяжёлыми формами эксплоатации. Рабочий день продолжался обычно 14—15 часов в крайне антисанитарных условиях. Заработная плата была очень низкая: для взрослого рабочего — от 70 коп. до 1 руб. в день, для женщин и детей — 30—50 коп. в день. Злоупотребления фабрикантов системой штрафов ещё более уменьшали зарплату, иногда на 30—50 коп. с дневного заработка. Многие рабочие оставались жить в деревне, приходя ежедневно на

[1] Вычислено по «Статистическим сведениям о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом за 1900 г.», под ред. В. Е. Варзара, 1903.

работу со своей едой. При фабриках вовсе не имелось казарм для рабочих, и если рабочие оставались ночевать на фабриках, то спали прямо в мастерских на полу или на столах, где они днём работали. По описаниям фабричных инспекторов того времени, зарплата, условия работы и жизни рабочих на этих предприятиях отличались наиболее низким уровнем. В центральном районе, кроме текстильной промышленности (хлопчатобумажные, ткацкие, ситценабивные, шёлковые), имелись предприятия пищевой промышленности, по обработке кожи, дерева, химические и др. Появление в таком районе крупной капиталистической механизированной фабрики несколько улучшало условия работы на самом предприятии, особенно после учреждения фабричной инспекции, что создало возможность хотя бы некоторого надзора над санитарно-гигиеническим состоянием фабричных зданий. Но общие условия труда и бытовые условия жизни рабочих мало изменились. Хотя законом 2 июня 1897 г. продолжительность рабочего дня ограничивалась 11 с половиной часами, а накануне праздников — 10 часами, однако и эта высокая норма фактически превышалась допущением всякого рода оговорок, сверхурочных работ и т. п. Значительная концентрация рабочих-текстильщиков на крупных капиталистических фабриках в 80—90-е годы при крайне неблагоприятных условиях работы и жизни явилась причиной того, что рабочие-текстильщики одними из первых вступили на путь организованной борьбы с капиталистической эксплоатацией.

Технические условия труда на предприятиях тяжёлой индустрии (металлургической, металлообрабатывающей, машиностроительной, а также горнозаводской и топливной) требовали от большинства занятых в производстве рабочих значительной физической силы и более или менее высокой квалификации. Поэтому в этих отраслях женский и детский труд был менее распространён (не более 3—5%). Тяжёлый, изнурительный труд сочетался здесь с чрезвычайной продолжительностью рабочего дня. В 70—80-х годах рабочий день, особенно благодаря системе обязательных сверхурочных работ, равнялся 15—16 часам в сутки. В 90-х годах даже на лучших чугунолитейных и машиностроительных заводах Петербурга «нормальный» рабочий день равнялся 11—12 часам, а со сверхурочными — 15—16 часам. Номинальная заработная плата металлистов, как мы видели, была выше платы текстильщиков, но повышение её в течение 90-х годов на 10—15% фактически в значительной степени парализовалось ростом цен на продукты питания, квартиру и пр. В отношении жилищных условий металлисты находились в несколько лучшем положении, так как жили большей частью на частных квартирах в городах и пригородах, где находились заводы.

В 90-х годах, как указывалось выше, одним из крупнейших и важнейших промышленных районов капитализма становится Донецкий бассейн. Здесь начинают также формироваться кадры горнозаводского пролетариата. К концу 90-х годов до 65% всех рабочих на рудниках Донецкого бассейна являлись постоянными рабочими. Крайне тяжёлые антисанитарные условия работы на рудниках соединялись с такими же жилищно-бытовыми условиями существования горняков и их семей, живших в хибарках близ рудников. По обследованиям быта горняков в 90-х годах рабочий-горняк дряхлел чрезвычайно быстро и к 35—40 годам обычно превращался в полного инвалида. Заработная плата была низка, особенно из-за распространения подрядной системы сдачи работ, когда подрядчик сдавал работы артелям сдельно, получая возможность самой хищнической эксплоатации рабочих. Заработная плата, получаемая от подрядчиков, была, как правило, почти вдвое ниже обычной зарплаты, получаемой непосредственно от предприятий. Но и в последнем случае заработная плата забойщиков на некоторых рудниках была 37—40 руб. в месяц, а от подрядчика забойщик получал на своих харчах всего 17—20 руб. в месяц. Была распространена также система штрафов. При урочно-сдельной работе продолжительность рабочего дня не регулировалась и обычно равнялась 12 часам в сутки сменами или 13,5 часа без смен. При крайне плохой организации подземных работ были очень часты несчастные случаи: по официальным и крайне неточным данным статистики горно-заводской промышленности, число зарегистрированных случаев увечья на производстве в горнозаводской промышленности за 90-е годы сильно увеличилось, дойдя к 1900 г. до 29 тыс. случаев. Рабочие даже за тяжёлые увечья получали ничтожное вознаграждение в десяток рублей и увольнялись с предприятия.

Жестокие формы эксплоатации рабочих существовали на нефтяных промыслах. В 90-х годах рабочие на Бакинских нефтяных промыслах были самого пёстрого национального состава — русские, армяне, персы, татары, лезгины — и в целом очень невысокой квалификации, кроме некоторых отдельных специальностей при механизированной добыче и обработке нефти. Рабочий день на промыслах фактически достигал 16—17 часов в самых вредных для здоровья условиях работы. Тяжёлые условия работы и жестокие формы эксплоатации явились причиной того, что рабочие-нефтяники Баку, даже наиболее отсталые группы их, к началу XX в. активно втягивались в сознательную экономическую и политическую борьбу против капиталистической эксплоатации и царизма.

Таким образом, промышленный подъём 90-х годов, сильнейшая концентрация промышленности, а вместе с ней и рабочего

класса, наряду с жестокими формами капиталистической эксплоатации привели к тому, что рабочий класс начинает всё более активно вступать на путь борьбы с капиталистической эксплоатацией и со всем поддерживающим её режимом царизма. В 90-е годы рабочий класс и по численности своей и по своему составу «...был современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами»[1].

Рабочее законодательство 80—90-х годов. При тяжёлом положении рабочих и ужасающих формах их эксплоатации до 80—90-х годов отсутствовало какое-либо рабочее законодательство. Впервые 1 июля 1882 г. под влиянием начавшихся волнений рабочих был издан закон, ограничивающий работу малолетних. Одновременно с этим была учреждена фабричная инспекция. Второй закон (8 июля 1885 г.) воспрещал ночную работу женщин и детей в некоторых вредных производствах.

Под давлением новых выступлений рабочих царское правительство издало закон от 3 июня 1886 г. с правилами о найме рабочих. Эти правила были введены как непосредственный результат стачек рабочих на Морозовских мануфактурах. Правила устанавливали сроки и виды найма рабочих предпринимателями, сроки и обязательство выплаты зарплаты наличными деньгами, с воспрещением уплаты товарами. Штрафы, взимавшиеся до закона фабрикантом в свою пользу, по новому закону должны были вноситься в особый фонд, предназначенный для «улучшения быта» рабочих. Но и эти правила фактически не выполнялись. Система штрафов наносила тяжёлый экономический ущерб рабочим. Полный произвол при их взимании фабрикантами приводил к столкновениям рабочих с администрацией и к стачкам. При первых шагах своей пропагандистской работы Ленин на материале закона о штрафах показал бесправие русского рабочего[2].

Под давлением забастовки[3] 30 тыс. петербургских текстильных рабочих летом 1896 г. царское правительство вынуждено было издать закон от 2 июня 1897 г., ограничивающий рабочий день 11 с половиной часами и устанавливающий обязательный воскресный и праздничный отдых для всех рабочих. Все эти законы и правила распространялись лишь на фабрики, заводы

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 7.

[2] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 2, изд. 4, статьи «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», «Новый фабричный закон» и др.

[3] Забастовка была возглавлена «Петербургским союзом борьбы за освобождение рабочего класса», руководимым В. И. Лениным.

и предприятия горной промышленности и то с числом рабочих, превышающим 20 человек. Предприятия же с числом рабочих менее 20 были освобождены от надзора фабричной инспекции и, следовательно, от соблюдения правил. Прочие предприятия — ремесленные, транспортные и др. — действию законов вовсе не подлежали. Малолетними считались дети до 15 лет; их рабочий день был ограничен 9 часами, подростки 15—17 лет работали по 10 часов в день. Но все эти правила фактически не выполнялись. Незначительный фабрично-инспекторский надзор не мог следить за их выполнением, а, кроме того, всевозможные оговорки правил о сверхурочных работах давали фабрикантам возможность удлинять рабочий день.

Точно так же почти не осуществлялось право фабричной инспекции в лице «Присутствий по фабричным делам» издавать «обязательные правила» по благоустройству, санитарии и безопасности производственных помещений. Вследствие этого фабрично-заводские здания и помещения часто отличались крайней антисанитарией и неблагоустройством.

Этим и ограничивалось царское правительство в своём «рабочем» законодательстве в 90-х годах.

Рабочее движение в 80—90-х годах. Особенное значение в пробуждении классового сознания рабочих имела историческая стачка рабочих в 1885 г. в Орехово-Зуеве, на фабрике Морозова. Начавшись в обычной форме экономической борьбы рабочих за повышение заработной платы и за улучшение быта (против штрафов и пр.), эта стачка выросла до степени крупнейшего политического события, вскрывшего всю политическую глубину рабочего вопроса в России. Рабочие были преданы суду, во время которого раскрылась чудовищная картина эксплоатации рабочих на фабрике Морозова. На этой фабрике, где работало до 8 тыс. человек, условия работы с каждым днём ухудшались: заработная плата систематически снижалась, рабочих преследовали штрафами, под видом которых у них из заработанного рубля отнималось до 30—50 коп. Стачка была подавлена военной силой, более 600 рабочих было арестовано и несколько десятков рабочих было предано гласному суду.

Ужасающая картина эксплоатации рабочих, вскрывшаяся на суде, была такова, что суд вынужден был оправдать обвиняемых, которые, впрочем, были тотчас же арестованы и сосланы в административную ссылку. Но всё же правительство после Морозовской стачки принуждено было приступить к некоторому «регулированию» рабочего вопроса, впервые издав закон о штрафах, которые по этому закону должны были итти не в пользу фабриканта, а в особый фонд на нужды рабочих.

Всего за пятилетие 1881—1886 гг. в 48 стачках участвовало до 80 тыс. рабочих. При таком массовом характере стачек

стихийное сопротивление капиталу начинает к 90-м годам перерастать в сознательную классовую политическую борьбу. Рабочие стали понимать, что они могут добиться победы только организованной борьбой. В 90-х годах во главе руководства рабочим движением становится Ленин, объединивший в 1895 г. все марксистские рабочие кружки в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», подготовив этим создание революционной марксистской рабочей партии. В систематических стачках 90-х годов уже выставлялись заранее обсуждённые требования, рассчитывался определённо момент и место объявления стачки и т. п. Эти «...систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки»[1],— писал Ленин в своей книге «Что делать?».

В своей статье (1905 г.) «Новые задачи и новые силы» Ленин указывает на такую последовательность этапов в развитии массового рабочего движения в России: «Развитие массового рабочего движения в России в связи с развитием социал-демократии характеризуется тремя замечательными переходами. Первый переход — от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе; второй — к политической агитации в крупных размерах и к открытым, уличным демонстрациям; третий — к настоящей гражданской войне, к непосредственной революционной борьбе, к вооруженному народному восстанию. Каждый из этих переходов подготовлялся, с одной стороны, работой социалистической мысли в одном преимущественно направлении, с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе»[2].

90-е годы проходят в основном первый из указанных Лениным этапов. Особенное развитие экономическая борьба рабочих получает после голода 1891—1892 гг., когда обострение кризиса в деревне вызвало новый приток рабочих в промышленность. В то же время промышленный подъём середины 90-х годов при достаточной уже подготовленности рабочего движения усилил борьбу рабочих, всё более приобретавшую сознательный классово-политический характер.

С 1894—1895 гг. особенно резко повышается волна стачек, причём они начинают проходить под явным влиянием революционно настроенных рабочих и под руководством петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1894 г. происходят столкновения на Семянниковском заводе, в 1895 г.— стачка в Петербургском порту, на фабрике Торнтона (ноябрь

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 347.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 8, изд. 4, стр. 185.

1895 г.), на папиросной фабрике Лаферм, на фабрике механической обуви, на бумагопрядильне Кенига, на ткацкой фабрике Лебедева, на Путиловском заводе, на мануфактуре братьев Карзинкиных в Ярославле и др. В январе 1896 г. начинается стачка на петербургской бумагопрядильне Воронина, в мае 1896 г. — всеобщая стачка петербургских ткачей и прядильщиков и пр. Из Петербурга стачки распространяются на Москву, Иваново-Вознесенск, Владимирский район, вторично на Морозовскую мануфактуру в Орехово-Зуеве, на тверские фабрики, на предприятия Урала и др.

Петербургские стачки 1896—1897 гг. имели громадное значение, побуждая рабочий класс повсюду выступать не только с экономическими требованиями — о сокращении рабочего дня, о повышении расценок, об изменении способа расплаты и пр., но и с чисто политическими требованиями, которые начинают доминировать в требованиях 1898 г. Через «Союз борьбы» Ленин начинает осуществлять *соединение социализма с рабочим движением* и связывать борьбу рабочих за экономические требования с политической борьбой против царизма, переходя от пропаганды марксизма к политической агитации среди широких масс рабочего класса. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» являлся первым серьёзным зачатком революционной партии, опирающейся на рабочее движение. Так, 1 мая 1898 г. в Петербурге впервые происходят политические первомайские забастовки. В том же году рабочие во время стачки на фабрике Максвелла и Паля не только выставляют чисто политические требования свободы собраний и стачек, но и организуют отпор против военной силы, двинутой царизмом против стачечников. Ещё более значительные размеры и всеобщий характер получает за эти годы стачечное движение в Польше, в Прибалтийском крае, где рабочие также от экономических требований переходят к политическим.

Деятельность Ленина и организованного им «Союза борьбы» дала могучий толчок к созданию и объединению марксистских и рабочих организаций в других местностях России. В середине 90-х годов возникают марксистские организации в Закавказье, в 1894 г. в Москве образуется московский «Рабочий союз». В эти же годы создаются подобные же марксистские социал-демократические организации и во всех других главных промышленных центрах России и Сибири — в Ярославле, Костроме, Орехово-Зуеве, Екатеринославе, Ростове-на-Дону и др. Наконец, такие же организации создаются и в национальных окраинах — в Польше, Литве.

В 1898 г. на I съезде РСДРП (на съезде Ленина не было, так как он находился в ссылке) была сделана попытка объединения всех этих марксистских социал-демократических орга-

низаций. Съезд провозгласил создание РСДРП. Однако марксистской социал-демократической партии на деле создано не было. В силу ряда причин идейный разброд в местных организациях стал увеличиваться, что привело к усилению в рабочем движении оппортунистического течения — «экономизма», отрицавшего необходимость создания самостоятельной политической партии рабочего класса. Ленин ещё из ссылки вступил в решительную борьбу с «экономистами». Чтобы объединить разрозненные марксистские организации в одну партию, Ленин выдвинул и осуществил план создания первой общерусской газеты революционных марксистов — «Искры». Выход за границей первых номеров её (1900—1901 гг.) «...явился переходом к новому периоду — периоду действительного образования из разрозненных групп и кружков единой Российской социал-демократической рабочей партии»[1].

Положение городского ремесла. С развитием крупной капиталистической промышленности в 90—900-х годах мелкое городское ремесло стало окончательно вытесняться из всех сколько-нибудь самостоятельных отраслей производства. Оно или сохраняло исключительно вспомогательный, мелкий характер в тех отраслях, которые ещё не были захвачены крупным производством (например, починочные мастерские), или превращалось в «работу на дому» для крупных торговых фирм (так называемое «конфекционное производство», т. е. изготовление готового платья для крупных магазинов). Цеховая организация ремесленников не получила прочного развития. По уставу промышленности 1893 г., цеховое ремесленное управление вводилось лишь в тех городах, где число ремесленников было значительно и где поэтому запись в цехи являлась обязательной для всех занимающихся каким-либо ремеслом. Фактически цехи и ремесленные управы в 900-х годах существовали в 140—150 городах. Запись в цех могла быть временной, без изменения сословного состояния записавшегося, или постоянной, с зачислением навсегда в особое «цеховое состояние». Цеховой мастер имел право вести самостоятельное производство и иметь подмастерьев и учеников, которые для получения звания мастера подвергались особому испытанию при ремесленной управе. В ремесленном самоуправлении участвовали только «вечно цеховые» мастера, которые выбирали цеховых старост, ремесленного голову (председателя ремесленной управы) и других лиц. «Временные» ремесленники (фактически везде составлявшие большинство городского ремесленного населения) были лишены права участия в цеховом самоуправлении. Профессиональные и производственные интересы ремесленных

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 26.

рабочих ограждались слабо. Существовавшие правила об ученичестве, регулировавшие обязанности мастеров и ограничивавшие продолжительность рабочего дня ремесленных рабочих 10 часами, фактически не выполнялись, так как ремесленные мастерские не подлежали надзору фабричной инспекции. Особенно тяжело было положение малолетних учеников, которые были настоящими «белыми рабами» ремесленных мастерских. Обучались они в этих мастерских ремеслу очень плохо, но эксплоатировались жестоко. Статистики ремесленного производства не существовало, но по отдельным обследованиям наиболее крупных городских и промышленных центров (1899 г.) малолетние и подростки-ученики в ремесле составляли до 31,6% общего числа ремесленных рабочих. Специальных профессиональных школ для учеников и малолетних детей цеховых ремесленников почти не имелось. В 1900 г. вследствие полной неудовлетворительности положения и общественной организации ремесла было упразднено цеховое устройство в большинстве городов, где существовали цехи и особое ремесленное устройство, и произведено объединение их с общим городским управлением. Однако в условиях крайней бюрократической опеки, ограничений прав городского самоуправления, вмешательства администрации и пр. это не улучшило, а ухудшило положение городского ремесла. Очень мало оно было захвачено и кооперативным движением, которое в области промысловой кооперации шло главным образом по линии обслуживания кустарной промышленности, а не ремесла.

ГЛАВА VI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПЕРИОДА ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

1. Экономическая политика и государственное хозяйство в 1860—90-х годах

Изучение экономики промышленного капитализма России было бы не полным, если бы мы не коснулись особенно важных для данного периода вопросов экономической политики государства и государственного хозяйства, поскольку мероприятия этой политики имели большое значение не только для раз-

вития внутренней экономики русского капитализма, но и влияли на его место и значение в экономике мирового хозяйства и в политике других государств.

С тех пор как Россия ликвидировала крепостной строй и окончательно вступила на путь капиталистического развития, она должна была войти в систему мирового хозяйства и занять в ней своё определённое место.

Неисчерпаемые богатства страны, правда, в то время ещё не полностью разведанные, обширные размеры территории, громадная численность населения должны были бы выдвинуть Россию на одно из первых мест в ряду других капиталистических стран мира. Но запоздалое вступление страны на путь капиталистического развития, обилие крепостнических пережитков, особенно в сельском хозяйстве, низкий уровень благосостояния населения, недостаточность накопления капитала, низкий уровень техники — всё это приводило к тому, что Россия в экономическом отношении по всем показателям развития своей экономики стояла на одном из последних мест в ряду капиталистических стран и не могла сколько-нибудь успешно состязаться с ними на мировом рынке. Наоборот, как наиболее поздно сбросившая путы крепостного хозяйства, Россия сама долгое время являлась объектом конкуренции передовых капиталистических стран за овладение русским рынком.

Чтобы сохранить свою национальную независимость и экономическую самостоятельность и не быть низведённой в ранг колониальных стран, зависимых от западного капитализма, Россия должна была всеми силами стремиться к созданию собственной самостоятельной национальной системы капиталистической экономики. Русский капитализм, обладая обширнейшей внутренней территорией и большим количеством населения и ещё более обширным по размерам внутренним колониальным фондом громадных окраин, мог бы развивать производительные силы этих окраин, освоить их как рынок сбыта для товаров метрополии и как рынок дешёвого сырья для промышленности. Для защиты своей самостоятельности и независимости от других, более развитых в то время капиталистических стран Россия должна была строить свою экономическую политику так, чтобы с наибольшим успехом освоить не только обширный внутренний рынок, но и завоёвывать внешние рынки. Однако из-за бедности капиталами, низкой техники, низкой производительности труда русский капитализм не мог без особых покровительственных мероприятий государственной политики в достаточной мере успешно и в возможно короткие сроки достигнуть этого.

Вся народнохозяйственная, податная, бюджетная, финансовая, кредитная политика государства, покровительствующая

развитию капиталистической промышленности, вся внешнеторговая таможенная политика, железнодорожная тарифная политика, вся международная внешняя политика, все отношения с международным капиталом были направлены на цели защиты интересов буржуазии и развития капиталистической промышленности в стране. Но часто эти цели вступали в конфликт с классовой политикой самодержавия — с покровительством землевладельческому дворянству.

Русский промышленный капитализм, особенно с 80—90-х годов XIX в., должен был, как более отсталый, придерживаться протекционистских принципов. Поэтому для развития народного хозяйства России кроме всего комплекса мероприятий внутренней экономической политики — бюджетной, податной, железнодорожной и пр. — решающее значение получают кредитная политика, направленная на привлечение иностранных промышленных инвестиций, и таможенная покровительственная политика, с помощью которых русский капитализм, ограждая себя от иностранной конкуренции, стремился форсировать развитие в стране собственной капиталистической промышленности.

На этих вопросах в дальнейшем мы и остановимся более подробно.

Экономическая политика 60—70-х годов. Необходимо, впрочем, сказать, что в течение первых двух десятилетий после падения крепостного строя в правительственной экономической политике господствовали принципы фритредерства и «манчестерства». Эта экономическая политика нашла своё отражение в теоретических взглядах русских буржуазных учёных как дореформенного, так и послереформенного времени (Тенгоборский, Вернадский, Бабст, Вреден и др.). Признавалось, что лучшим и наиболее верным способом для успешного развития народного хозяйства является частная инициатива, свобода конкуренции, либеральная таможенная политика, свобода отношений между капиталом и трудом и т. п.

В наиболее настоятельных и фактически наиболее важных вопросах хозяйственной жизни и экономической политики того времени — в железнодорожном строительстве, в таможенной политике, в акционерном учредительстве и пр. — это сказалось в исключительном господстве частного концессионного строительства железных дорог, в преобладании фритредерской таможенной политики, в развитии частного коммерческого кредита и пр. Эта политика шла, таким образом, по стопам фритредерских принципов, господствовавших в передовых западных странах, в первую очередь в Англии, и представляла собой попытку сразу войти в общее русло политики капитализма западноевропейских стран. Такая политика не могла, конечно,

увенчаться успехом для России 60—70-х годов, вследствие слабого развития промышленности, непосильной для неё конкуренции с заграничными товарами, недостаточности капиталов, ограниченности внутреннего рынка. Поэтому первые два десятилетия после реформы привели к широкому развитию грюндерства, ажиотажа и спекуляции, в особенности в области железнодорожного строительства, акционерного и банкового дела, но не заложили основ национальной системы в экономике страны и в конце концов кончились крахом.

Этот период государственной экономической политики первых двух десятилетий после реформы 1861 г. олицетворялся в деятельности министра финансов Рейтерна, руководившего экономической политикой и финансами царской России с 1862 по 1878 г., т. е. почти весь период царствования Александра II.

Рейтерн был убеждённым сторонником частнохозяйственной деятельности и инициативы и противником государственного хозяйства, особенно, например, в области железнодорожного строительства, банкового дела и пр. Своё отрицательное отношение к затратам государственных средств на железнодорожное строительство и на развитие коммерческого кредита Рейтерн мотивировал тяжёлым положением государственного бюджета. В 1862—1868 гг. госбюджеты составлялись с дефицитами в среднем до 80 млн. руб. в год. В области бюджетного дела Рейтерн ввёл ряд крупных улучшений — публичность государственных росписей, принцип классового единства и др. Он принял решительные меры к сокращению дефицитов. Для покрытия дефицитов Рейтерн впервые в России проводит крупные внутренние займы. В 1861—1871 гг. их было произведено на 850 млн. руб., в 1871—1881 гг. — на 1 521 млн. руб.

Теоретически Рейтерн считал, что правильная организация госбюджетов и преодоление их дефицитности должны покоиться на развитии производительных сил народного хозяйства. А для последнего необходимым условием является не только «накопление капиталов, т. е. превышение сбережений над растратами, но и производительное употребление этих сбережений» [1]. Одним из таких производительных употреблений народных сбережений Рейтерн считал железнодорожное строительство, защитником и покровителем которого он остался до конца.

При Рейтерне была сооружена железнодорожная сеть в 20 тыс. вёрст, стоимостью (включая потери по реализации облигационных займов) в 1 366,7 млн. руб. — цифра громадная для того времени. Из этой суммы расходы казны по ссудам частным железнодорожным обществам на постройку и по

[1] Записка Рейтерна в Комитет финансов 16 сентября 1866 г., см. в кн. «М. Х. Рейтерн», Спб. 1910, стр. 71.

приплатам за гарантию выпущенных бумаг составляли 239,5 млн. руб., не считая стоимости сооружения казной нескольких железнодорожных линий. Всё это ставило финансовый и денежный рынок страны в напряжённое состояние. Считая поэтому, что государство по состоянию своих финансов не может затрачивать таких крупных средств на строительство железных дорог, Рейтерн стал развивать исключительно частнохозяйственное строительство. Даже сооружённые прежде казной железные дороги передавались частным обществам, в том числе такая важная линия, как Петербург — Москва была передана Главному обществу железных дорог. Всего было изъято от казны и передано частным обществам около 3 тыс. вёрст железных дорог.

На строительство частных железных дорог выдавались концессии частным обществам с выпуском облигаций, реализуемых за границей, преимущественно в Германии. Это сильно подрывало государственный кредит, так как отдельные общества, выпускавшие облигации, ради ажиотажа платили непомерно высокие проценты. Поэтому в 1870 г. выпуск облигаций отдельными обществами был запрещён, и правительство само стало производить так называемые «Консолидированные выпуски облигаций русских железных дорог». Всего за 1870—1875 гг. было произведено пять выпусков, давших по реализации 427 млн. руб. для строительства железнодорожных линий, сооружённых до 1875 г.

Другой формой частной предприимчивости и частнохозяйственного накопления, которые поощрял Рейтерн, явилась организация частных акционерных коммерческих банков. В 1864 г. группой петербургских биржевиков во главе с Розенталем при поддержке немецкой банкирской фирмы Мендельсон был учреждён первый в России Частный коммерческий банк в Петербурге. Впрочем дело это казалось русским финансистам-учредителям настолько непривычным и рискованным, что они просили, чтобы Государственный банк из складочного капитала в 5 млн. руб. взял на себя акций на 1 млн. руб. Но дело привилось, и в 70-х годах учредительская банковая горячка охватила не только столицы, но и провинцию. В 1875 г. имелось уже 39 частных коммерческих акционерных банков с основным капиталом в 125,7 млн. руб. и с балансом в 595 млн. руб. Но и здесь скоро обнаружились отрицательные последствия безудержного грюндерства. Кризис второй половины 70-х годов привёл к сокращению числа банков до 33 с основным капиталом в 87 млн. руб. и с балансом в 431 млн. руб. Но всё же основы частного коммерческого кредита в России были прочно заложены.

Для поощрения чёрной металлургии и для обеспечения железнодорожного строительства рельсами отечественного производства Рейтерном была впервые применена система поощри-

тельных правительственных заказов. В 1874 г. была установлена сроком на 12 лет премия в 20—35 коп. с пуда на рельсы отечественного производства. Но так как в то время металлургическое производство на Юге только начиналось и рельсового производства почти не было, то заказами воспользовались Путиловский и Брянский заводы, изготовлявшие рельсы из привозного чугуна. Премия обратилась, таким образом, не на поощрение отечественной металлургии, а на поощрение ввоза иностранного чугуна.

Из других мероприятий Рейтерна неудачной была попытка размена кредитных билетов на серебро, закончившаяся крупными убытками для казны и не приведшая к устойчивой валюте. В податной политике Рейтерн увеличивал косвенные налоги и в частности заменил соляную регалию акцизом на соль, что привело к повышению цен на этот предмет первейшей необходимости.

Железнодорожные концессии и банковское грюндерство вызвали громадную спекуляцию, ажиотаж, породили колоссальные злоупотребления, от которых наживались немногие спекулянты и капиталисты и страдали мелкие акционеры. Надежды на привлечение крупных иностранных капиталистов на железнодорожное строительство не оправдались, так как иностранные биржи, на которых реализовались русские займы, сбывали их по повышенным ценам в Россию. В эти именно годы грюндерства, железнодорожного и банковского строительства у нас впервые появляются крупнейшие капиталисты-промышленники, железнодорожные строители, банковые воротилы, наживавшие в 5—10 лет миллионные состояния, как Самуил и Лазарь Поляковы, фон Мек, Кербедз, Губонин и многие другие.

Всё это вызывало в обществе и прессе большие нарекания против экономической и финансовой политики Рейтерна, которая совершенно не отвечала широким и ответственным задачам, выдвигаемым перед народным хозяйством этой важной переходной эпохи. Почти ни одного вопроса, выдвинутого новой капиталистической экономикой, не было разрешено удовлетворительно. Настоятельная необходимость оборудования страны железными дорогами была достигнута, но частнохозяйственное строительство и эксплоатация привели к дезорганизации железнодорожного хозяйства. Податная система ещё сохраняла крепостные начала (подушная подать, выкупные платежи) и тяжело ложилась на крестьянское население. Слабо развитая промышленность требовала мер «воспитательного» протекционизма. Госбюджеты оставались дефицитными.

Изменения в направлении экономической политики в 80—90-е годы. С 80-х годов общее направление экономической политики довольно резко изменяется. С усилением политической

реакции и утверждением реакционно-националистических принципов во внутренней политике в области экономической политики начинает также проводиться националистический курс. Реакционно-националистические органы прессы во главе с «Московскими ведомостями» особенно энергично начинают проповедовать националистический курс в экономической политике.

Идея создания самостоятельной «национальной экономической системы», независимой от подчинения иностранному капиталу, сама по себе не только не была реакционной, но, наоборот, настоятельно выдвигалась экономической действительностью и нуждами прогрессивного развития народного хозяйства. Но в атмосфере политической реакции она вылилась в формы крайнего реакционного экономического шовинизма, в открытое покровительство интересам господствующих классов, несмотря на прямой ущерб всему народному хозяйству в целом.

Вот почему, когда в 1881 г. во главе руководства государственным и народным хозяйством, министром финансов был поставлен один из крупных русских учёных-экономистов того времени профессор Н. Х. Бунге, намеченная им программа финансово-экономических мероприятий оказалась невыполненной, часть её была прямо извращена, а сам он после шестилетнего руководства финансами был смещён со своего поста.

Бунге был одним из наиболее видных проводников буржуазной экономической политики в России. Он исходил из признания, что ведущим фактором в экономической жизни и лучшим способом достижения экономического благосостояния народа является хозяйственная свобода, конкуренция, спрос и предложение. Однако Бунге не являлся последователем распространённых в то время вульгарно-апологетических направлений Бастиа — Кери, отрицавших всякие антагонизмы между общественными классами. Он, наоборот, считал, например, что не может быть равенства между производителями, если один крупный капиталист имеет монополию и привилегию, а другой их не имеет. Точно так же, хотя по мнению Бунге свобода найма, т. е. купля-продажа рабочей силы является нормальным явлением хозяйственной жизни, но между рабочим и работодателем нет равенства. Во всех таких случаях государство может и обязано вмешиваться в экономические отношения.

Проводя эти буржуазно-либеральные принципы в своих экономических и финансовых программах, Бунге, как министр финансов, считал необходимым улучшить податную систему в целях более равномерного распределения налогов; обеспечить развитие промышленности путём правильного и целесообразно построенного покровительства, развития кредита,

улучшения денежной системы, чтобы создать независимую от иностранного господства, прочную экономическую национальную систему народного хозяйства. В этом отношении идеи Бунге совпадали со стремлениями либеральной русской буржуазии и находили защиту у таких представителей передовой интеллигенции, как Д. И. Менделеев. Но они всё более резко расходились с реакционной националистической политикой официальных правящих кругов в царствование Александра III.

Бунге не удалось осуществить даже скромной своей программы. Наиболее важными были его мероприятия по улучшению податной системы особенно по отношению к сельскому населению. В 1882 г. были понижены выкупные платежи крестьян (на 12 млн. руб.). Законом 14 мая 1883 г. отменена подушная подать и круговая порука, чем была снята с крестьянства податная тягота в 53 млн. руб. Законами 1881 г. для помещичьих крестьян и 1886 г. для государственных крестьян был установлен обязательный выкуп их земель. С целью расширения крестьянского землевладения (конечно, более зажиточных групп) Бунге учредил в 1882 г. Крестьянский поземельный банк, а для кредитной помощи помещикам — Дворянский банк, но они фактически стали проводить совсем иную политику, чем намечал Бунге.

В отношении других отраслей народного хозяйства Бунге прежде всего отказался от исключительно частного строительства железных дорог и положил начало казённому железнодорожному хозяйству. При Бунге на казённое железнодорожное строительство и на выкуп железных дорог от частных обществ было затрачено 134 млн. руб. и в распоряжении казны оказалась железнодорожная сеть в 3,5 тыс. вёрст, как первый зачаток будущего широкого развития казённого железнодорожного хозяйства.

Всё это требовало больших государственных расходов. Поэтому при Бунге сметы госбюджетов были всегда дефицитны. За шестилетие его руководства финансами общая сумма дефицитов по сметам составляла 104 млн. руб., а в действительности, при выполнении она превышала 224 млн. руб. Нельзя, однако, отрицать правильности ведения финансового хозяйства Бунге и его финансовых реформ, хотя и половинчатых для того времени оголтелой реакции.

В области таможенной политики Бунге произвёл дальнейший довольно значительный поворот в сторону усиления протекционизма. В 1881 г. было произведено общее увеличение пошлин на 10%, в 1884 г. были увеличены пошлины на чугун, железо, сталь, машины, уголь, закрыт транзит через Закавказье.

Наиболее принципиально важными мероприятиями, намеченными Бунге, были меры по регламентации условий фабрично-заводского труда и учреждения с этой целью фабричной инспекции. Законом 1882 г. была несколько ограничена продолжительность рабочего дня для малолетних и запрещена ночная работа. Была учреждена фабричная инспекция. В 1886 г. вышел закон о найме рабочих на фабрики, подчинивший внутренний распорядок работы на фабриках надзору фабричных инспекторов. Эти законы, как ни скромны они были, вызвали резкие протесты со стороны наиболее реакционных кругов буржуазии, особенно московской, и настоящий поход против Бунге со стороны правой прессы («Московские ведомости»), в результате чего Бунге был уволен.

Назначенный на место Бунге ставленник буржуазии Вышнеградский (выдающийся инженер-механик, автор ряда солидных научных трудов, продавшийся буржуазии) в известной части продолжал и завершил некоторые финансовые мероприятия, начатые Бунге. Но в противоположность более глубокому пониманию Бунге задач государственной народнохозяйственной политики, Вышнеградский в своей политике на первое место выдвигал цели бюджетно-финансового благополучия, всецело подчиняя и предпочитая им общие интересы народного хозяйства.

С помощью усиления налогового бремени, жестокого взимания налогов и недоимок, резкого сокращения сверхсметных расходов Вышнеградскому удалось ликвидировать дефициты государственного бюджета. Общая сумма превышений доходов над расходами за 5 лет управления министерством Вышнеградского составила 194 млн. руб. Это позволило Вышнеградскому провести дальнейшие решительные мероприятия по выкупу в казну частных железных дорог, а также успешно провести конверсии высокопроцентных русских золотых займов, превратив их в 4%-ные, что значительно облегчило расходы государства.

Продолжая осуществление задач укрепления «национальной системы» русского капитализма, Вышнеградский усиленно проводил политику привлечения иностранного капитала в русскую промышленность, усиление таможенного протекционизма, увеличение кредитных операций, укрепление устойчивости русской валюты. В этих целях Вышнеградский всячески покровительствовал бирже и биржевым операциям, что часто превращалось в безудержный ажиотаж и спекуляцию, в которой принимало участие само министерство финансов (да и лично сам министр!). Вся финансовая, кредитная, податная политика и деятельность Вышнеградского носили характер погони за наживой, служили целям и интересам самодержавия, обогаще-

ния дворянства и буржуазии. Ни один из царских министров той эпохи так цинично не приносил интересы трудящихся масс в жертву интересам господствующих классов.

Денежная реформа была намечена в виде девальвации кредитного рубля и перехода к золотой валюте, что необходимо было для укрепления наших кредитных и финансовых связей с иностранным капиталом. Но для реформы требовалось накопление больших запасов золота. Этим и объясняется политика форсирования экспорта и прежде всего хлебного вывоза, нашедшая своё выражение в известном лозунге Вышнеградского — «недоедим, а вывезем». Политика усиления хлебного вывоза достигалась форсированным увеличением производства хлебных культур (в крестьянском хозяйстве — преимущественно ржи), усилением взыскания податей с крестьян, вынужденными продажами крестьянского хлеба, когда продавалось то, что необходимо было для личного и хозяйственного потребления.

Промышленная буржуазия торжествовала полную победу протекционизма. Торговый баланс за 5 лет при Вышнеградском дал сальдо в пользу страны в 1 535,8 млн. руб., пошедших на покровительство промышленности, увеличение золотого запаса, на платежи по займам и промышленным инвестициям.

Однако внешние успехи политики Вышнеградского были достигнуты путём крайнего податного обременения и разорения крестьянского хозяйства. Голод 1891 г., охвативший громадные пространства основных земледельческих губерний, был её результатом. Правительство принуждено было затратить свыше 161 млн. руб. на продовольственную помощь населению голодавших губерний и прибегнуть к специальным займам, к усиленному выпуску кредитных билетов.

Так путём проведения ряда таможенных мероприятий, покровительства промышленности, укрепления денежной системы и пр. были заложены основы дальнейшего роста капитализма за счёт разорения трудящихся масс. Окончательное завершение эта политика получает в 1891—1900 гг. при Витте. Русский капитализм через законченную систему покровительственных мероприятий, через развитую систему кредита, укрепление золотой валюты, через запретительную таможенную политику прочно закрепляет свои позиции.

Государственное хозяйство 90-х годов. Влияние всей системы государственного хозяйства никогда не достигало такого крупного значения в народном хозяйстве России, как в 90-е годы. Государственное хозяйство во всех его отраслях — казённые железные дороги и предприятия, казённые заказы, развитая система государственного кредита, а также таможенная, промышленная и податная политика, денежная реформа и пр. —

всё это в 90-е годы вело к ускорению в народном хозяйстве начал промышленно-капиталистического развития.

Эта политика промышленного капитализма нашла наиболее законченное выражение в деятельности министра финансов С. Витте — крупнейшей фигуры среди «государственных деятелей» и царских министров за всё последнее полустолетие существования империи[1].

Это направление экономической политики и государственного хозяйства, как мы видели выше, было подготовлено уже всем предшествовавшим экономическим развитием и политикой предшественников Витте в 70—80-е годы — Бунге, Вышнеградского. Тем не менее в 90-х годах государственная экономическая политика приобретает наиболее законченное выражение интересов промышленно-капиталистического развития.

Государственное хозяйство России и раньше, ещё в период крепостничества XVIII—XIX вв., отличалось своей обширностью, сложностью и тесной связанностью с народным хозяйством страны. Со времени капитализма государственно-капиталистические предприятия стали обслуживать не только нужды самого государства и царского двора (как прежние крепостнические царские вотчины и домены), но и широкие нужды народного хозяйства и всего населения.

Этот характер русского государственного хозяйства обращал на себя внимание иностранных наблюдателей. В противоположность западным капиталистическим странам XIX—XX вв., государство в России широко развивало свою хозяйственную деятельность в области промышленности, строительства железных дорог, телеграфа, организации государственных кредитных учреждений — Государственного банка, Крестьянского и Дворянского земельных банков. Государство владело громадным земельным фондом, в том числе лесным фондом, в размере 60% всех имеющихся в стране лесов. Оно владело горными предприятиями и рудниками на Алтае, Урале, в Сибири, на которых оно добывало ценные металлы — золото, платину, серебро и пр. На казённых горных промыслах и заводах оно добывало медь и горный металл и выделывало из них артиллерийские орудия, снаряды, оружие, паровозы для строящихся казной железных дорог и оборудование для военного флота. В 1897 г. государство организовало новое грандиозное государственное предприятие — казённую винную монополию и не только скупало весь производимый в стране спирт, но и устраивало крупнейшие винокуренные и ректификационные заводы.

Остановимся несколько более подробно на отдельных видах государственного хозяйства России в 90—900-х годах.

---

[1] См. его интересные «Воспоминания», т. I—II, 1923—1924.

Прежде всего государственные земельные фонды в одной Европейской России по несколько более поздней, но наиболее подробной переписи 1905 г. исчислялись в 149,3 млн. десятин (включая 138 млн. казённых, 7,8 млн. удельных и 3,5 млн. десятин войсковых казачьих), что составляло свыше 38% общей площади Европейской России, по отдельным же губерниям доля казённых земель доходила: до 99% в Архангельской, 85 в Вологодской, 60 в Олонецкой, 40% в Пермской и пр. Громадную часть этой площади составляли леса и только 5,2 млн. десятин были свободны от леса. Всего с Азиатской Россией вся площадь лесов приблизительно исчислялась в 450 млн. десятин, из которых в ведении казённого управления было около 350 млн. десятин, из них «удобной» лесной площади 180 млн. десятин, но в том числе устроенных лесов было всего 19 млн. десятин. Таким образом, как лесное хозяйство вообще в России, так и особенно казённое лесное хозяйство, являлось отсталой отраслью. Лишь ничтожная часть лесов была землеустроена и доступна для эксплоатации.

Огромные пространства земель и лесов лишь в незначительной части использовались непосредственно казной. Наибольшая часть земель сдавалась в аренду, преимущественно крестьянам (до 65%) в виде так называемых «оброчных статей», общая площадь которых равнялась около 9 млн. десятин (из них в Европейской России — 4 млн., в Сибири — 2 млн. и на Кавказе — 2,8 млн. десятин). Эти оброчные статьи приносили казне очень небольшой доход, в среднем 1—2 руб. с десятины, а например, в Туркестанском крае, при наличии 10 млн. десятин казённых земель, доходу от них поступало всего 200 тыс. руб. Тем не менее доходы от оброчных статей быстро возрастали — с 7 млн. руб. в 70-х годах до 16 млн. руб. в конце 90-х годов. Эксплоатация лесных богатств также давала очень небольшой доход, исчислявшийся в 80-х годах около 15 млн. руб., к 900-м годам — 55—60 млн. руб.

Тем не менее этими относительно небольшими доходами не исчерпывалось большое народнохозяйственное значение государственных земельных и лесных владений. Они являлись в земледельческих районах Сибири и Средней Азии обширным земельно-колонизационным фондом для переселяющихся сюда крестьян, а в лесных районах — фондом для развития лесного хозяйства, лесообрабатывающей промышленности и лесного экспорта. Последний давал стране 55—60 млн. руб. в год. Это были очень небольшие цифры сравнительно с громадностью лесных богатств. Они были обусловлены общей отсталостью лесной промышленности, но вместе с тем они свидетельствовали о неисчислимых земельных и лесных богатствах страны и обширности её доходных потенциальных ресурсов.

Другим крупнейшим предприятием государственного хозяйства являлись железные дороги. Как мы указывали выше, в 60—70-е годы государство брало на себя лишь финансирование строительства железных дорог и редко само строило дороги; эксплоатация же железных дорог, даже построенных казной, передавалась частным обществам. С 80—90-х годов начинается возврат к казённому строительству и эксплоатации железных дорог. В 1890 г. из имеющейся сети открытых для общего пользования дорог в 27,2 тыс. вёрст было казённых 8 тыс. и частных— 19,2 тыс. вёрст. К концу 90-х годов из общей сети дорог общего пользования в 39,8 тыс. вёрст было казённых 25,2 тыс. и частных 14,6 тыс. вёрст. Из общей суммы затрат на железнодорожную сеть в размере 2024 млн. руб. на долю государства в виде правительственных ссуд и пособий, оставленных за государством (консолидированных) облигаций и гарантированных правительством акций приходилось 1864 млн. руб., или 92% всех затрат на железнодорожное строительство и лишь 160 млн. руб. было вложено частными обществами. Коэфициент эксплоатации (отношение расходов к валовому доходу) выражался для казённых железных дорог в 61,8%, для частных — в 59,3%. Но ввиду того, что всё финансирование строительства производилось почти полностью государством, финансовые результаты (считая по 4,5% на суммы, затраченные государством) были неблагоприятны. Железные дороги давали в 90-е годы убыток до 35—50 млн. руб. в год, возросший в 900-х годах до 90 млн. руб. (главным образом за счёт линий азиатской части России и стратегических железных дорог). Но эта финансовая убыточность железнодорожного хозяйства и в частности казённых железных дорог искупалась всем тем громадным значением, которое имели железные дороги для народного хозяйства, для развития производительных сил страны, расширения общественного разделения труда, товарного рынка, освоения новых, отдалённых районов и т. п.

Казённые заводы, особенно горно-металлургические, представлялись одним из старейших видов государственного хозяйства, вызванного потребностями государства и военного дела. Но и со времени развития частной капиталистической промышленности они сохранили своё место, особенно значительное в военной промышленности — пороховые, селитряные, орудийные, оружейные заводы, а также горнорудные предприятия по добыче меди, серебра, платины и пр. Эти предприятия издавна сосредоточивались на казённых, удельных и кабинетских землях Урала, Алтая, Сибири, но имелись также и в южном горном районе (в одной Екатеринославской губернии имелось 22 казённых горных завода). Работая на старой отсталой технике, они отличались небольшой производительностью и

малой доходностью, но для некоторых важных в государственном отношении производств являлись единственными в стране (производство артиллерийских орудий и снарядов на казённых заводах Пермского, Златоустовского, Гороблагодатского, Олонецкого округов, производство ружей на казённых Тульских, Сестрорецком, Ижевском заводах и пр.). Доходность от казённых заводов была невелика: в 70-х годах она была всего 3 млн. руб., в конце 90-х годов дошла до 10—11 млн., в 900-х годах — до 12—15 млн. руб. Но этой доходностью, конечно, не исчерпывалась вся важность этого вида государственных предприятий. Военная промышленность находилась исключительно в руках государства, что было особенно важно при слабости развития русской частнокапиталистической промышленности.

Крупнейшими доходными государственными предприятиями были также государственные регалии — почтовая и телеграфная. В 1867 г. они приносили государству доход — почтовая 7,5 и телеграфная — 2,5 млн. руб., в конце 90-х годов первая давала 25—26 млн. и вторая 15—16 млн. руб. Наконец, в 1897 г. вводится обширная отрасль государственного хозяйства — казённая винная монополия, доставившая в первый же 1897 г. валового дохода 52 млн. руб.

Наконец, кроме этих производственных предприятий, государству принадлежало центральное кредитное и эмиссионное учреждение — Государственный банк, через который оно вело обширные эмиссионные, кредитные и финансовые операции в России и за границей, производя иногда крупнейшие интервенции в деятельность коммерческих банков, осуществляя контроль и регулирование всей промышленной, кредитной и финансовой жизни страны. Деятельность Государственного банка не только как кредитного учреждения, но и как регулятора всей промышленной и финансовой жизни страны, приобретает особенно важное значение в период империализма 1900—1914 гг. В дальнейшем мы рассмотрим этот вопрос более подробно.

Таким образом, государственное хозяйство 90-х годов имело значительные размеры и разветвлённый характер. Оно отчасти было обусловлено недоразвитостью внутреннего накопления капитала и слабостью частнокапиталистической промышленности, необходимостью для государства брать на себя некоторые такие хозяйственные функции и задачи, которые в развитых капиталистических странах с большим накоплением брал на себя частный капитал. Но во всяком случае это обстоятельство придавало хозяйственной деятельности государства важное значение не только в его классовой экономической политике, но и во всём ходе хозяйственного развития страны.

Государственный бюджет и государственный кредит 90-х годов. Для правильной постановки и развития государственного хозяйства требовался прежде всего достаточно мощный и бездефицитный государственный бюджет. До министерства Вышнеградского государственный бюджет России даже в части обыкновенных расходов был хронически дефицитен, не говоря уже о чрезвычайных расходах. Достижение бездефицитного бюджета, выдвинутое ещё Вышнеградским, стало главнейшей целью при Витте. Для этой цели, мотивировавшейся обычно необходимостью достижения независимости от иностранных кредитов, считались пригодными все средства. С тех пор лозунги «превышение доходов над расходами» и «накопление свободной наличности» становятся руководящей идеей как политики Вышнеградского — Витте, так и всех преемников их.

Витте достиг в этом направлении наибольших видимых успехов. Последними дефицитными годами в российском обыкновенном бюджете были 1887—1888 гг., после чего, с 1889 г., бюджет неизменно сводился не только без дефицита, но и с превышением доходов над расходами. Такое финансовое благополучие было тем удивительнее, что за эти годы экономическое положение страны и особенно её сельского хозяйства было прямо критическим. И требовалась эта видимость «финансового благополучия» не столько для приобретения независимости от иностранного кредита, сколько для того, чтобы за прикрытием «благополучия» получить возможно более широкие иностранные кредиты. Так, уже в 1892 г. фактическое превышение поступлений над расходами определялось, по данным госконтроля, в 45,2 млн. руб., в 1895 г. оно было уже 138,5 млн., в 1898 г. — 237,9 млн. и затем во все последующие годы давало избыток в 122—228 млн. руб. При этом интересным является то обстоятельство, что само министерство финансов по росписям определяло предполагаемые доходы настолько «осторожно», т. е. заведомо уменьшая их, что фактические остатки, по окончательным данным государственного контроля, всегда бывали много больше предполагавшихся по росписям. Так, в 1898 г. по росписи заведомо преуменьшенный остаток был показан в 14,4 млн. руб., а фактически по государственному контролю он был в 237,9 млн.; в 1899 г. он предполагался в 6,5 млн., а фактически был 217,7 млн. руб. Всего за министерство Витте это превышение доходов над расходами дало до 1,8 млрд. руб.

Понятно, что далеко не так благоприятна была даже внешность так называемого чрезвычайного бюджета. Чтобы придать ещё бо́льшую импозантность благоприятному балансу бюджета, к чрезвычайному бюджету относились многие самые обыкновенные расходы. Тем не менее эти чрезвычайные расходы покрывались не обыкновенными доходами, а усиленными кредитными

операциями и увеличением государственной задолженности. Расходы же по этому чрезвычайному бюджету, кроме покрытия самой задолженности, шли главным образом на постройку новых железных дорог, на погашение задолженности по старым займам и на выкуп железных дорог.

За то же время дефицит чрезвычайного бюджета превысил 2,5 млрд. руб., покрытых частью из указанного «превышения» по обыкновенному бюджету, частью с помощью различных кредитных операций.

В результате такого положения как государственный бюджет, так и государственный долг за 90-е годы сильно увеличились. Государственный обыкновенный бюджет, не доходивший к 90-м годам до 900 млн. руб., к 1900 г. уже превысил 1,5 млрд. руб., к 1906 г. превысил 2 млрд. руб. (а к 1913 г. достиг 3,4 млрд. руб.). Ещё бóльшие размеры обнаруживал рост государственного долга. В 1876 г. он исчислялся всего около 3,9 млрд. руб., в 1892 г. достиг уже 4,9 млрд., в 1903 г. — 6,7 млрд. руб. (к 1913 г. — 8,8 млрд. руб.). Из этой суммы к 90-м годам было истрачено около 305 млн. руб. на конверсии старых займов и на увеличение золотого фонда, главная же масса — до 892 млн. руб. — пошла на расходы по железнодорожному строительству. Сверх последней суммы на ту же цель было выпущено гарантированных правительством железнодорожных займов: в 1876 г. — на 767 млн. руб., в 1892 г. — на 968 млн., а в 1903 г. — на 1 141 млн. руб., так что участие государства в железнодорожном хозяйстве исчислялось к этому году до 2 033 млн. руб.

Присоединяя к этому некоторые другие займы, можно примерно считать, что в течение 90-х годов, в министерство Витте, размеры государственной задолженности в целях финансирования железнодорожного строительства, поощрения промышленности, накопления золотого фонда и других финансовых операций возросли более чем на 3,5 млрд. руб., из которых примерно до 2,5 млрд. руб. — за счёт внутреннего денежного рынка и 1 млрд. руб. — путём заграничных государственных займов.

Эти колоссальные суммы и составили основу того «финансового благополучия» и экономического оживления, которое создавалось в народном хозяйстве путём железнодорожного строительства, казённых заказов, промышленного ипотечного и сельскохозяйственного кредита во имя развития промышленного капитализма.

Посмотрим теперь, из каких же источников создавалось это «финансовое благополучие» и за чей счёт заключались эти займы, уплачивались по ним проценты, строились железные дороги и пр.

Податная политика. Мы видели, что в основе блестящего финансового фасада царской России 90-х годов лежало превы-

шение доходов над расходами. Фактически это превышение достигалось не экономией в расходовании средств и не действительным финансовым благополучием страны, а всей системой обложения и чрезмерной его тяжестью для массы населения.

Прежде всего государственный бюджет со времени Витте становится всё более и более построенным на косвенных налогах, принципиальным защитником которых Витте себя сразу объявил. Кроме этих косвенных налогов доходы от продажи водки стали занимать всё более значительное место. Косвенные налоги занимали в бюджете за это время 45—50% всех доходов. Так, в 1880 г. из валового бюджета в 690 млн. руб. прямые налоги составляли 172 млн. руб., а косвенные — 393 млн.; в 1892 г. из валового бюджета в 964 млн. руб. прямые — 168 млн. руб. и косвенные — 533 млн.; наконец, в 1900 г. из валового бюджета в 1704 млн. руб. прямые налоги — 228 млн. руб. и косвенные — 777 млн. Одна казённая продажа «питей» давала за покрытием всех операционных расходов чистой прибыли 300—365 млн. руб. (1902 г.)

Керосин, спички, сахар, табак — всё это несло для масс населения громадную тяжесть обложения.

Нет надобности много говорить о том, каковы могли быть результаты такой податной и бюджетной политики для массы населения. Необходимо лишь добавить, что прямые налоги не только занимали весьма подчинённую роль, кроме того были крайне неравномерно распределены на трудящихся. Подоходного налога не существовало. Поземельный налог, который затрагивал интересы масс земледельческого населения, был настолько неравномерен, что крестьянские земли облагались в несколько раз выше помещичьих. Ставшие к 90-м годам уже совершеннейшим анахронизмом, выкупные платежи с крестьянских земель всё ещё взимались и составляли некоторую статью бюджета. Это переобременение крестьянского хозяйства поземельными, выкупными и прочими налогами и являлось, как мы указывали выше (см. гл. II), причиной громадной недоимочности крестьянского хозяйства, достигавшей в 90-х годах в некоторых губерниях 300—400% и более по отношению к годовому окладу налогов.

Таким образом, не может оставлять никакого сомнения, что в основе «финансового благополучия» империи 90-х годов лежало сильнейшее обременение налоговым обложением масс населения, подрывавшее производительные силы, особенно крестьянского хозяйства.

Таможенная политика. Эпоха капитализма унаследовала от крепостничества фритредерский тариф 1857 г. Правительство и представители экономической науки (Тенгоборский), как мы указывали выше, придерживались в то время фритредерских

принципов. Русская промышленность была очень слабо развита и не могла немедленно удовлетворять потребности промышленного и железнодорожного строительства. Оно питалось поэтому исключительно ввозом изделий и оборудования из-за границы. Такое же положение осталось и в первое десятилетие после реформы. После некоторых пересмотров тарифа, в 1868 г. был введён новый тариф, ещё более либеральный, почти фритредерский, с значительным понижением пошлин на привозное сырьё и полуобработанные материалы, особенно на металлы, чугун (частью беспошлинно), сталь, машины и пр.

Таким образом, первый подъём капиталистического строительства русской промышленности в 70-х годах происходил в условиях таможенной политики, слабо защищавшей нарождающуюся русскую промышленность от иностранной конкуренции. Насколько таможенное обложение в первые два десятилетия после реформы было незначительно сравнительно даже с таможенным обложением последних лет крепостной эпохи, видно из того, что таможенное обложение всех, вместе взятых, привозных товаров по отношению к ценности их составляло: в 1851—1856 гг. — 24,3%, в 1857—1868 гг. — 17,6, в 1869—1876 гг. — 12,8% [1].

Поворот от фритредерства к усилению таможенного обложения относится ещё к 1877 г., когда в фискальных интересах и в связи с падением курса рубля было введено взимание таможенных пошлин по тарифу 1868 г., но в золотом исчислении; это повышало обложение примерно на 40—50%. В то же время проводится усиленное таможенное обложение ввоза предметов тяжёлой индустрии, а также некоторых других товаров. Так, в 1877 г. был отменён беспошлинный ввоз паровозов и подвижного железнодорожного состава, обложенного пошлиной в 1 р. 25 к. с пуда. Затем вводятся и постепенно повышаются пошлины на чугун, железные изделия, хлопок, каменный уголь и др., и, наконец, неоднократно производится огульное повышение до 20% пошлин на все товары. Таким образом, хотя усиление таможенного обложения началось главным образом в фискальных интересах, однако фактически уже к 90-м годам таможенный тариф носил протекционистский характер. В 1877—1880 гг. таможенное обложение всех ввозных товаров составляло 16,1% их ценности, в 1881—1884 гг. — 18,7, в 1885—1890 гг. — 28,3%.

Когда в 70-е годы был поставлен вопрос о необходимости развития и укрепления отечественной промышленности, должен был, естественно, выдвинуться и принципиальный вопрос о таможенной защите её от иностранной конкуренции. Уже

[1] «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли», стр. XI.

в конце 70-х и в начале 80-х годов ряд промышленных организаций возбуждал перед правительством ходатайства о повышении таможенных пошлин на чугун, металлические изделия, машины и пр. Повышая пошлины на чугун и металлическое сырьё, приходилось вслед за этим повышать пошлины и на металлические изделия, т. е. в конечном счёте ограждать всю промышленность в целом за счёт, конечно, внутреннего потребителя. Одним из интересных в этом отношении моментов русской таможенной политики представляется вопрос об обложении сельскохозяйственных машин, в беспошлинном ввозе которых были заинтересованы влиятельные круги сельских хозяев в противоположность интересам промышленников, которые требовали их обложения до 90 коп. с пуда. После некоторой борьбы сначала было принято компромиссное решение — 50 коп. с пуда, но затем эта пошлина была увеличена.

Протекционистская политика нашла своё полное выражение в тарифе 1891 г., представляющем образец чисто протекционистского, отчасти почти запретительного тарифа.

Обложение главных ввозимых товаров по тарифу 1891 г. сравнительно с тарифом 1868 г. видно из следующей таблицы (золотом в коп. за пуд):

	1868 г.	1891 г.
Каменный уголь	беспошлинно	2—3
Руда железная	»	10,5
Чугун не в деле	5	45—52,5
Чугунные изделия	50—250	112,5—255
Железо	20—50	90—150
Кузнечные и котельные изделия	100	255
Рельсы	20	90
Машины фабрично-заводские, кроме медных	30	250
Паровозы	75	300
Локомобили	30	170
Машины сельскохозяйственные	беспошлинно	70—140
Хлопок-сырьё	»	120—135
Хлопковая пряжа белёная	325	420—540
Хлопчатобумажные изделия	28—110	35—135

Отсюда видно, что тариф 1891 г. сравнительно с 1868 г. повысил обложение некоторых товаров в 3—4 раза, получив характер почти запретительного. Таможенное обложение по тарифу 1891 г. составляло за период 1891—1900 гг. для всех ввозных товаров 33% их стоимости, а для некоторых — 100% и более. Тем не менее и тариф 1891 г. не мог совершенно оградить русскую промышленность от ввоза иностранных товаров, так как большей частью, благодаря высокому обложению сырых

продуктов и относительно меньшему (по ценности) — изделий, из-за границы стали ввозиться именно эти последние. Наибольшее значение повышение тарифов приобретало для металлургии, машиностроительных заводов, отчасти для хлопчатобумажной промышленности центрального района (в ущерб Лодзи, работавшей на привозном сырье). Но во всяком случае, хотя и не прекратив доступа иностранных товаров и не устранив их конкуренции отечественной промышленности, тариф 1891 г. настолько повышал внутренние цены, что обеспечивал крупные промышленные дивиденды промышленникам. Конечно, расплачиваться за это приходилось потребителю, так как благодаря таможенной защите русский потребитель принуждён был платить за плохие изделия отечественной индустрии в 2—3 раза дороже, чем эти продукты высокого качества стоили в Западной Европе.

Какое же в конечном счёте влияние имела эта правительственная политика на развитие капиталистической индустрии?

Если смотреть на эту политику, как на временную, хотя и необходимую меру защиты от более сильной иностранной промышленности, нельзя отрицать её положительного влияния на развитие отечественной капиталистической промышленности России. Необходимо, кроме того, отметить, что приведённые ставки общего тарифа не всегда удавалось осуществить, так как запретительные пошлины русского тарифа на ввозимые иностранные изделия вызывали в качестве противодействия повышение иностранными государствами обложения русских вывозимых товаров, почему приходилось в порядке конвенционных тарифов понижать ставки.

На этой почве возгорелась в 1892—1894 гг. таможенная война с Германией. Россия добивалась от Германии понижения её высоких ставок общего таможенного тарифа на сельскохозяйственные продукты. Эти ставки сильно ударяли по интересам помещиков и русского зернового экспорта.

Положение России в сбыте сельскохозяйственных продуктов в Германию стало особенно неблагоприятным после того, как Германия заключила с рядом стран (США, Румынией и др.) торговые договоры, на основе которых продукты этих стран стали облагаться не высокими ставками германского автономного тарифа, а пониженными конвенционными (например, рожь 3,5 марки вместо 5 марок, которые уплачивались за русскую рожь). В результате такого положения доля участия России во ввозе в Германию сократилась за 1891—1893 гг. с 54,5% до 13,9%. Не добившись от Германии соглашения о конвенционном понижении пошлин, Россия в июне 1893 г. ввела по отношению Германии повышенные ставки своего автономного тарифа на многие промышленные изделия, ввозившиеся из

Германии. Германия в ответ на это повысила по отношению России на 50% ставки своего автономного тарифа, после чего Россия в свою очередь произвела такую же надбавку своего тарифа на ввозимые из Германии промышленные изделия. Возникла таможенная война, продолжавшаяся целый год и наносившая большой вред обеим странам. В 1894 г. был выработан договор о конвенционном понижении пошлин с уступками с обеих сторон, положивший конец таможенной войне.

Однако немецкие аграрии не хотели успокоиться на таком решении вопроса. Они стали развивать усиленную агитацию против конвенционных договоров вообще и за дальнейшее повышение пошлин на сельскохозяйственные продукты, за прекращение срочной торговли хлебом, за введение вывозных премий (в скрытой форме ввозных свидетельств) и т. п. Они образовали Союз сельских хозяев, который получил через депутатов-аграриев большое влияние в рейхстаге. Угрозами срыва законопроектов об увеличении военного бюджета, о военно-морском флоте, о Кильском канале (которым правительство придавало большое значение в своих агрессивных военных целях) аграрии добились в 1902 г. общего повышения таможенных ставок на сельскохозяйственные продукты, особенно на хлеб, скот, мясо и пр. Например, на пшеницу максимальный тариф в 1902 г. был установлен в 7,5 марки и минимальный в 5,5 марки вместо конвенционного по договору 1894 г. в 3,5 марки.

Не добившись и на этот раз понижения минимальных ставок германского автономного тарифа, Россия в ответ на повышенные ставки Германии ввела в 1903 г. новый тариф с повышенным обложением многих промышленных изделий (железо, сталь, медь, машины, мануфактура и пр.). До новой таможенной войны дело на этот раз не дошло. В 1904 г. был заключён новый торговый договор сроком до 1917 г., подтвердивший обложение высокими таможенными ставками ввоз русских сельскохозяйственных продуктов в Германию и ввоз германских промышленных продуктов в Россию [1].

Казённые поставки. Покровительственная промышленная политика в этот период заключалась не только, собственно, в таможенных ставках, но и в другом проявлении этого покровительства — в казённых заказах. Попытки обслуживания правительственных заказов на оборудование железных дорог, портов и пр. силами отечественной промышленности делались уже в 70-х годах. Но тогда металлургия фактически не могла удовлетворить быстро возрастающих потребностей железных

[1] *П. И. Лященко,* Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением, 1915, стр. 80—103, а также *Соболев,* История русско-германского торгового договора, 1915.

дорог, поэтому приходилось обращаться к иностранным заводам. Когда в 1890 г. был поставлен вопрос о промышленном протекционизме, было вновь запрещено сдавать правительственные заказы, в особенности на железнодорожное оборудование, за границу. Это вылилось в передачу крупных заказов некоторым заводам по монопольным ценам, т. е. фактически превратилось в передачу этим заводам безвозвратных субсидий на поддержку тяжёлой индустрии за счёт государственной казны.

Цены на заказы по заявкам отдельных заводов утверждались правительственными комиссиями обыкновенно гораздо выше себестоимости продукта.

Так, в 1897—1898 гг. цена на рельсы была утверждена в 1 р. 10 к. — 1 р. 25 к., тогда как себестоимость производства на лучших южнорусских заводах была 77—89 коп.; на «вольном» же (не казённом) рынке эти рельсы продавались по 85—89 коп., а заграничные рельсы обходились в 60—65 коп. На постройку Сибирской железной дороги, например, английские заводчики соглашались поставить рельсы по 75 коп., но заказ был отдан на русские заводы по 2 руб. Такого рода переплаты казны (т. е. фактически субсидии) на одно железнодорожное оборудование по самым скромным подсчётам достигали 15 млн. руб. в год, причём эти субсидии распределялись между 6—15 заводами — «фаворитами», во главе которых стояли обыкновенно лица, близкие к правительству.

Понятно, что при таких условиях крупные промышленники, имея перед собой дорогой «казённый» рынок, совершенно не были заинтересованы в более дешёвом массовом внутреннем рынке. Этим металлургия сама суживала и подтачивала базу своего существования, ставя себя в зависимость от государственного покровительства, придавая своему развитию искусственный, нездоровый характер.

Денежная реформа. Эпоха капитализма в России, как и в других странах, унаследовала от предшествующей ей эпохи расстроенное денежное обращение и неустойчивую бумажную валюту. Разумеется, что для развития капитализма, тем более для привлечения иностранных капиталов в промышленность, необходима была устойчивая металлическая валюта вместо существовавшей неустойчивой бумажной. Эта последняя, существовавшая в России с конца XVIII в. как обычный спутник разложения натурального хозяйства и переходного к денежному хозяйству времени, была совершенно несовместима с капиталистическим развитием.

Когда капиталы вкладываются на многое число лет, как, например, в тяжёлой индустрии, а тем более, когда эти капиталы вкладываются иностранными капиталистами, требуется

твёрдый, устойчивый и преимущественно международный измеритель ценности, каким является золото. Поэтому, поскольку в основе капиталистического развития 90-х годов лежало развитие тяжёлой индустрии и приток в неё иностранных капиталов, переход от бумажной валюты к золотой стал первейшей экономической необходимостью. Здесь, однако, необходимо указать, что установление золотой валюты было всецело в интересах промышленного капитализма и не в интересах крупных землевладельцев. Известно, что неустойчивая и падающая бумажная валюта способствует экспорту, давая экспортёру своего рода премию на разнице курса бумажных денег, более высокого внутри страны и более низкого за границей. Поэтому крупное землевладение, работающее на хлебный экспорт, было заинтересовано в сохранении бумажной валюты и всячески противодействовало осуществлению золотой реформы. Но если в период мирового сельскохозяйственного кризиса 1880—1894 гг. возможность дешёвого, бросового экспорта русского хлеба основывалась в значительной мере на низкой бумажной валюте, то в повышательный период международного рынка, к 900-м годам, русский хлебный экспорт мог развиваться и при устойчивой валюте. Внутренний товарооборот был также крайне затруднителен при хаотическом состоянии денежной системы.

Поэтому интересы всего народного хозяйства в целом, интересы его капиталистического развития, требовали перехода на устойчивую золотую валюту, несмотря на систематическую и весьма упорную оппозицию землевладельческого класса. Конечно, совсем другим вопросом является вопрос о том, за чей счёт была проведена денежная реформа. Она требовала накопления громадного количества золота, которое могло быть получено через активный торговый и расчётный балансы, путём сокращения ввоза и увеличения вывоза, путём займов, увеличения налогового бремени. Таможенный протекционизм с конца 80-х годов значительно сократил ввоз иностранных товаров. В то же время форсировался экспорт сельскохозяйственных продуктов, в особенности хлебов, несмотря на голодовки внутри страны. Знаменитая формула торговой политики, проводившаяся министром финансов Вышнеградским, — «недоедим, а вывезем» — цинично и лапидарно вскрывала этот основной способ золотого накопления. Эта формула недостаточно подчёркивала разве лишь одно обстоятельство, что Россия вывозила свой хлеб по цене ниже самой низкой себестоимости производства, совершенно не оправдывавшей труда крестьянина и не дававшей возможности прогрессивного развития сельского хозяйства. Но во всяком случае в результате такой политики торговый баланс России приобрёл положительный характер. Превышение вывоза над ввозом, составлявшее в сред-

нем за 1881—1885 гг. всего 55,6 млн. руб. в год, в 1886—1890 гг. давало уже в среднем 238,6 млн. руб. в год.

Другим источником золотого накопления являлось накопление бюджетных средств главным образом путём «бездефицитного» сведения бюджета и развития на этой почве конверсий и других финансовых и кредитных операций.

В основе этого финансового «благополучия» и бездефицитности бюджета 90—900-х годов лежало увеличение косвенных налогов и доходов от винной монополии, т. е. усиленное обложение масс населения и его спаивание. В результате финансово-бюджетной политики министра финансов Вышнеградского и затем Витте в Государственном банке накоплялись крупные запасы золота в виде фонда для обеспечения будущей золотой реформы. В 1890 г. золотой запас исчислялся в 475 млн. руб. при 928 млн. руб. кредитных билетов в обращении. В 1897 г. золотой фонд достиг уже 1095 млн. руб. при 1067 млн. руб. кредитных билетов в обращении. При таком соотношении возможно было уже провести реформу денежного обращения, т. е. сделать кредитные билеты разменными на золото.

Хотя формально основной монетной единицей в России до денежной реформы был серебряный рубль, т. о. имелся серебряный монометаллизм, тем не менее правительство, по отмеченным выше соображениям, решило перейти к золотому монометаллизму, хотя это и была самая дорогая монетная система.

Соотношение между золотым рублём и бумажным кредитным рублём взято было то, которое к этому времени, после некоторых регулирующих мероприятий по стабилизации курса рубля, фактически установилось на рынке, т. е. кредитный рубль был приравнен к 66 коп. золотом, или прежний золотой империал в 10 руб. приравнен был к новым 15 руб. золотом. Другими словами, реформа была проведена в виде девальвации, т. е. понижением рубля до фактически установившегося рыночного его курса. Предварительно, в 1895 г., разрешены были сделки на золото по курсу; далее, разрешено было взимание золотом казённых платежей. В 1897 г. был окончательно утверждён закон о проведении золотой реформы, стала производиться чеканка новых золотых монет пятирублёвого достоинства в одну треть прежнего империала, а также были определены условия обеспечения кредитных билетов в обращении.

Вместе с преобразованием Государственного банка в эмиссионное учреждение, его «эмиссионное право» было ограничено правилом, чтобы кредитные билеты в обращении до 600 млн. руб. обеспечивались золотом на половину, свыше 600 млн. руб. — полностью. Другими словами, сверх золотого запаса Госбанк мог выпустить необеспеченных кредитных билетов на сумму 300 млн. руб. Эти эмиссионные правила обеспечения

(в общем сравнительно с эмиссионными системами других стран довольно строгие) в первые годы выполнялись даже свыше нормы, так как золотой запас часто превосходил сумму кредитных билетов в обращении (в 1899 г. — 1007 млн. руб. золота и 661 млн. руб. кредитных билетов в обращении, т. е. на 646 млн. руб. менее эмиссионного права).

Блеск этих колоссальных запасов золота был использован при проведении дальнейших крупных экономических и кредитно-финансовых мероприятий правительства, преимущественно в целях развития крупной капиталистической промышленности. На базе этого золотого запаса развивалась кредитная политика, государственные займы царизма, финансирование железнодорожного строительства, промышленности и пр.

2. Внешняя политика и военная экономика периода промышленного капитализма

Остановимся теперь на последнем вопросе эпохи промышленного капитализма в России — на его положении в системе мирового капитализма и на его *международных политических и экономических отношениях* с другими капиталистическими странами, поскольку эти отношения часто являлись решающими и для развития его собственной, внутренней экономики.

Характерной чертой этих отношений являлось то обстоятельство, что до 70-х годов промышленный капитализм передовых западных стран, достигнув высшей ступени развития своей системы и имея перед собой обширные свободные рынки сбыта в колониальных и полуколониальных странах, придерживался политики «пацифизма» свободы торговли, свободы конкуренции. Этот пацифизм и свобода фактически вели, конечно, к экономическому и политическому господству наиболее передовых в промышленном отношении стран, среди которых на первом месте стояла Англия.

Однако уже с 70-х и особенно с 80-х годов XIX в. такое положение мировой экономики начинает изменяться. Свобода мировых рынков сбыта для старых передовых промышленных стран начинает всё более стесняться выступлением и конкуренцией новых промышленных стран, в первую очередь Германии. Передовые капиталистические страны начинают изживать принципы свободной и мирной конкуренции и вступают на путь таможенных протекционистских мероприятий, создания монополий, экспорта капитала, империалистических войн и колониальных захватов. Период с 80-х до 90-х годов является той переломной эпохой, когда стремительно и резко перестраивались экономические и политические отношения передовых капиталистических стран в их борьбе за колониальные рынки

сбыта. Система «вооружённого мира», господствовавшая в период промышленного капитализма, приходит к своему логическому концу — к мировым империалистическим войнам.

Россия, наиболее поздно сбросившая путы крепостной экономики и отставшая в экономическом развитии на десятки лет от передовых капиталистических стран, сама долгое время являлась объектом промышленной конкуренции передовых капиталистических стран за овладение русским рынком. На этой именно почве и создавались отношения пореформенной России с передовыми капиталистическими странами, в первую очередь с Англией и Францией, затем с Германией и позднее — с США. Каждая из этих стран уже в период промышленного капитализма, а затем и в период империализма находилась на различном уровне капиталистического развития и по-разному строила свои экономические и финансовые отношения с Россией.

Англия, как передовая промышленная колониальная и торговая держава, «владычица морей», стремилась собирать повсюду, в собственных и чужих колониях, промышленное сырьё для своей промышленности и сельскохозяйственные продукты для продовольствия населения. Англия внедрялась в экономику России путём поставки машин и промышленного оборудования и вывоза сельскохозяйственного сырья. Военные конфликты Англии с Россией сосредоточивались главным образом на Ближнем Востоке.

Франция, как страна более отсталая в промышленном отношении, но богатая денежными капиталами, охотно шла на финансирование русской капиталистической промышленности, банков, железных дорог и пр.

США издавна стремились внедриться в экономику России и захватить её дальневосточные территории, но до начала XX века они не достигли в своих захватах больших успехов.

Наконец, Германия. Географическая близость к ней, старые торговые связи, некоторая отчуждённость в торговых сношениях от Англии и Франции после Крымской войны — всё это значительно увеличило торговую и экономическую зависимость России от Германии. Французские капиталисты ещё не интересовались Россией, а восточная политика России и русско-турецкая война закрыли для России и английский рынок капиталов. Между тем немецкие капиталы и предприниматели активно стремились обосноваться в России. Так, до 90-х годов Германии принадлежало до 60—65% ввоза в Россию чугунных отливок, до 50% — железа, 50% — инструментов, до 70% — сельскохозяйственных машин и т. п. Германия же главным образом снабжала русское железнодорожное и промышленное строительство капиталами, реализуя и размещая на своих биржах

облигации русских железных дорог, акции промышленных обществ, организуя в России акционерные общества на немецкие капиталы и пр.

Облигации первых русских частных железных дорог были почти полностью реализованы на берлинском рынке. Например, только 6 крупнейших железнодорожных обществ (Владикавказской, Московско-Киевской, Московско-Казанской, Рязано-Уральской, юго-восточных, Виндаво-Рыбинской) реализовали за 1885—1898 гг. облигаций на 842 млн. марок. Первые русские акционерные коммерческие банки в значительной своей части были основаны при поддержке немецких банков, как, например, первый в России — Частный коммерческий банк в 1864 г. (при поддержке немецкого банкирского дома Мендельсон), Международный, Рижский и большинство других. В промышленности немцы обосновывались главным образом в электротехнических и электроосветительных обществах («Общество 1886 г.»), химических, машиностроительных предприятиях. Особенно полно уже с 60—70-х годов немцы стали овладевать промышленностью Польши, которая в некоторых отраслях стала превращаться в простые филиалы немецких фирм. При этом немцы не только экспортировали в Россию свои товары и капиталы, но и принимали личное активное участие в строительстве предприятий, банков, железных дорог [1].

На Россию в Германии смотрели, как на ближайшую, наиболее удобную и обширную полуколонию. Здесь она приобретала своё сырьё, своё продовольствие, сбывала свои промышленные изделия, из России она ежегодно получала 300-тысячную армию нужных для прусских юнкеров Восточной Пруссии дешёвых сельскохозяйственных рабочих. Она вывозила в Россию свои капиталы, которые и пускали здесь свои прочные корни. Германия предпочитала систему «филиальных отделений», а не настоящий экспорт капитала, так как при экспорте капитал подвергается денационализации, а филиалы немецких фабрик и немецкие колонисты, по характерному выражению немецких политиков, «ещё не совсем потеряны для родины».

В связи с этим общественное мнение России того времени и её военные круги стали обращать внимание на некоторые устремления германской внешней политики, которые в свете нового её поворота стали приобретать тревожный для России характер. Хотя сам Бисмарк высказывал мнение, что «весь восточный вопрос не стоит костей одного померанского грена-

[1] Например, одним из видных строителей железных дорог в Европе и в России в 70—80-х годах был немец-предприниматель инженер Струсс-берг, оставивший описание своих похождений в России. Stroussberg und sein Wirken von ihm selbst geschildert, Berlin, 1876.

дера», но в то же время ещё много ранее Бисмарка и особенно в годы расцвета его деятельности в немецкой литературе и политике стали проповедоваться теории о необходимости германской завоевательной экспансии на восток («Drang nach Osten»).

Ещё в 40-х годах основатель теории немецкой «национальной экономии» Ф. Лист проповедовал идею экспансии Германии на восток и завоевания юга России до Кавказа и Чёрного моря. Во времена Бисмарка с таким же, но более детальным проектом выступил Гартман, предлагая расчленение России на отдельные королевства под протекторатом Германии — Балтийское, Киевское — и с оттеснением России за Днепр и за Волгу. Другие такие же «столпы» немецкой науки, как Рошер, развивали идеи, что все славянские — и в первую очередь русские — земли должны быть захвачены Германией и колонизированы немцами.

Эти шовинистические, националистические идеи немецких «учёных» (тупоголовие которых, вроде Рошера, было зло высмеяно Марксом) можно было бы считать «пивными» мечтаниями «патриотически» настроенных юнкеров, если бы им не соответствовали попытки фактического проведения их в жизнь германским правительством. В 80-х годах, когда в Германии впервые началось движение в пользу активной колониальной политики и приобретения колоний, германский рейхстаг утвердил ряд правительственных колонизационных законопроектов: о субсидиях колониальным пароходным обществам, о колонизационных кредитах, о постройке новых военных судов для охраны колониальных путей, об учреждении колонизационной комиссии с целью покупки польских дворянских земель в Познани и Пруссии и о колонизации их немцами, о выселении с земель этих же провинций русских, поляков и пр.

Помимо этих заморских и внутренних колонизационных устремлений, германское правительство при преступном содействии русского царского правительства и его продажных чиновников особенно с 80-х годов стало всё более интересоваться немецкой колонизацией русских плодородных южных земель.

В 60—80-х годах громадная масса немецких колонистов ежегодно переселялась в Россию, расселяясь компактными массами, покупая здесь земли и заводя хозяйство. С 80-х годов эта колонизация находит щедрую финансовую поддержку германского правительства, под ширмой частных обществ — «Немецкого колонизационного общества», «Немецкого экспортного банка» и др. Главнейшие потоки немецкой колонизации шли через Польшу и оседали в западных и юго-западных пограничных губерниях, в причерноморских и приазовских степях, в Приднепровье и пр.

Если проследить эти потоки, то без труда можно было обнаружить, что колонисты шли и оседали по главнейшим страте-

гическим путям возможного — и, как оказалось впоследствии, — действительного военного немецкого наступления на Украину, — на юго-западные и западные губернии, вдоль стратегических железных дорог и шоссейных магистралей, вокруг крепостей и пр. Так были созданы немецкие колонии в бывших Подольской, Волынской, Киевской, Херсонской, Таврической губерниях, вокруг крепостей Ковно (свыше 15 тыс. немцев), Дубно (свыше 37 тыс. немцев), Ровно (24 тыс.), Житомир (47 тыс.). В Киевской губернии имелись 61 немецкие колонии, расположенные преимущественно по основным стратегическим сообщениям; в Херсонской губернии — свыше 161 колоний, также расположенных в важнейших пунктах — около Одессы, Николаева и др.; в бывшей Таврической губернии — сплошные немецкие поселения по реке Молочной и пр.

Всего, по переписи 1897 г., в России число жителей, признававших своим родным языком немецкий, было 1,8 млн. человек, из которых 1,5 млн. проживало в западных и юго-западных пограничных губерниях, а из них — до 1,3 млн. были непосредственно выходцами из Германии. Насколько значительным было число этих немецких переселенцев в Россию, видно из того, что за 30 лет до первой мировой войны в германские колонии в Африку выселилось всего 20 тыс. немцев.

Таким образом, Россия и в особенности её юго-западные пограничные губернии являлись одним из важнейших объектов и стремлений германской военной правительственной колонизации. Это массовое переселение происходило не случайно и не стихийно, как в обычных условиях миграции населения между соседними странами. При попустительстве царского правительства оно сознательно поддерживалось и организовывалось германским правительством по политическим соображениям. Колонизационные общества производили отбор, а банки финансировали переселение в Россию лишь среди лиц благонадёжных и преданных идеям пангерманизма, среди бывших солдат, кулаков и пр.

Когда русское правительство в 1877 г. издало закон о воспрещении иностранным подданным приобретать землю в собственность в пограничных губерниях, в Германии был издан закон о двойном подданстве, по которому германский колонист, принявший иностранное подданство, сохранял в то же время и немецкое подданство со всеми его правами и обязанностями. По предписаниям и с помощью различных германских ферейнов среди колонистов насаждался всякого рода военный спорт (стрелковый), составлялись целые отряды таких «спортсменов», производилось военное обучение. Дети немецких колонистов и других немцев двойного подданства, живших в России, достигшие 21 года, приписывались в Германии к призывным участ-

кам и призывались там для отбывания воинской повинности. Они возвращались в Россию сержантами, лейтенантами, офицерами запаса, поступали в бесчисленные немецкие торговые, транспортные, страховые конторы, в промышленные и технические фирмы, агентами, коммивояжёрами, наводняли всю Россию от западной границы до Дальнего Востока, проникали на русские промышленные, в том числе военные, предприятия, собирали и посылали в германские осведомительные органы самые разнообразные сведения об экономике страны, её промышленных, сырьевых, сельскохозяйственных ресурсах, условиях транспорта... и о дислокации войск, положении крепостей, занимаясь, таким образом, не только экономическим, но и прямо военным шпионажем.

Так германский капитал проникал своими щупальцами в русскую экономику, а зарождающийся германский империализм и германский генеральный штаб и разведка уже с 80—90-х годов опутывали царскую Россию паутиной экономического и военного шпионажа, подготовки диверсий, подготовки немецких кадров для организации восстаний в тылу во время будущей войны и т. п. Всё это обращало серьёзное внимание наиболее осведомлённых и добросовестных генералов и деятелей главных штабов (например, командующего Юго-Западным военным округом генерала Косича), прямо указывавших на непосредственную военную опасность наплыва немецких переселенцев в пограничные губернии. Но при бюрократическом царском режиме, при господстве в дворцовых кругах и на высших военных должностях немецко-прибалтийской баронской и прочей знати все такие указания оставались без последствий.

Колонизация приграничных русских губерний немцами двойного подданства продолжалась под покровительством Бисмарка, Вильгельма I, а затем особенно усиленно при Вильгельме II. К началу первой мировой войны таких немцев в России насчитывалось свыше 2 млн. человек, тогда как во все заморские колонии за всё время их существования из Германии переселилось немцев много меньше этого числа. Всё это свидетельствовало о том, что вовсе не вопрос о «жизненном пространстве», как кричали об этом немецкие газеты, являлся решающим в стремлении Германии к приобретению колоний, а её завоевательные планы и стремление к мировому господству.

Германская политическая и экономическая агрессия принимала всё более обострённые формы против всей Европы. Разгромив сначала, в 1864—1866 гг., Данию и Австрию, а затем в 1870 г. Францию, Бисмарк в 1879 г. заключил военный союз с Австрией, который после присоединения к нему в 1882 г. Италии оформился в Тройственный союз, направленный в первую очередь против России и Франции. Германия в союзе

с Австрией усиливала свои политические позиции в Болгарии, Сербии, Турции.

В экономические отношения Германии и России ухудшение внесла политика Бисмарка, закрывшего в 1887 г. для русских займов Берлинскую биржу и вычеркнувшего русские займы из списка ценностей, ломбардируемых немецким имперским банком. Пресса, по указке Бисмарка, повела безудержную кампанию против русских ценностей, подрывая русский государственный и промышленный кредит. Ещё более резкие противоречия внесла германская политика аграрного протекционизма и бросового экспорта промышленных товаров в Россию, приведя к таможенной войне и к невыгодным для России торговым договорам.

В те же годы начинают усиленно развиваться финансово-экономические связи России с Францией. Вытесненные с Берлинской биржи русские ценности были успешно размещены на Парижской бирже синдикатом французских банков, распродавшим в свою очередь итальянские фонды, подорвав тем самым кредит германского союзника.

С тех пор, с конца 80-х годов, главным русским фондовым рынком становится Франция. Французские банки уплатили сначала крупную сумму за русские ценности, перекочевавшие во Францию из Германии (а также в значительной части из Англии), а затем приняли прямое участие в новых займах и конверсиях русских ценностей. Так, мировой капитал уже к концу 80-х годов произвёл обмен и перегруппировку ценностей отдельных стран в соответствии с новыми уже ясно намечавшимися политическими перегруппировками держав.

В 1888—1889 гг. во Франции были реализованы русские государственные займы на сумму 2,6 млрд. фр. для перевооружения русской армии (чем Франция стала усиленно интересоваться). Начинают развиваться французские инвестиции в русскую тяжёлую промышленность, на строительство железных дорог, на развитие военной промышленности. На этой почве правительство Александра III пошло сначала на сближение с республиканской Францией, а затем и на союз с нею. Сначала соглашение состоялось в виде обмена декларациями (1892 г.), затем — секретной военной конвенции и, наконец, в 1894 г., в виде договора о военно-политическом союзе против агрессии Германии. Так возник франко-русский союз, который в 1904 г. превратился в тройственное англо-франко-русское согласие, Антанту.

Когда международное положение выдвинуло необходимость создания франко-русского союза, французские миллиарды в виде займов предназначались прежде всего на увеличение русской армии и её перевооружение. Французская буржуазия

не хотела отпускать свои миллиарды бесконтрольно; она требовала увеличения армии, изменения её комплектования, перемен в дислокации войск и сосредоточения их на западных границах, ускорения мобилизации, постройки стратегических железных дорог, расширения и улучшения военной промышленности.

Развитие военной промышленности. Остановимся особо на вопросе о развитии русской военной промышленности и её техническом прогрессе в период капитализма. Развитие и усовершенствование военной промышленности, непосредственно изготовлявшей предметы вооружения — пушки, ружья, снаряды, порох и пр., — представлялось особенно важным ввиду тех широких политических задач, которые выдвигались перед капиталистической Россией на международной арене. Но реорганизация на капиталистических началах военной промышленности встречала и наиболее значительные трудности.

Организация этого вида промышленности, как мы видели выше, имела у нас особые исторические черты. Она в подавляющей своей части была основана на производстве всех предметов военного снаряжения на казённых заводах. Хотя развитие частной капиталистической промышленности в области металлургии, металлообработки, машиностроения и создавало базу для развития передовой специально военной промышленности, но последняя в преобладающей степени сохраняла свой казённый характер, а вместе с тем и рутинную отсталую технику и старые организационные формы. Главным препятствием к успешному развитию военной промышленности и техническому её прогрессу в условиях общей промышленной отсталости России служил сам царизм, который был не в силах преодолеть косность, рутину, бюрократизм, продажность своего аппарата, как наследие крепостничества. Экономические затруднения и дороговизна общего перевооружения армии, наконец, технические затруднения в выработке новых типов оружия в соответствии с прогрессом европейской военной техники усугубляли положение.

Европейские страны во вторую половину XIX в. быстро прогрессировали в технике вооружения. В Пруссии уже в начале 60-х годов армия была вооружена нарезными ружьями, заряжающимися с казённой части. Другое улучшение состояло в замене бумажного патрона (в игольчатом ружье) металлическим, что позволило ускорить заряжение вследствие выбрасывания стреляной гильзы, а также уменьшить калибр и вес ружья и увеличить дальность его стрельбы. Эти усовершенствования в вооружении прусской армии были проверены в войнах 1864—1866 гг. и в франко-прусской войне 1870—1871 гг. С 1866—1871 гг. все европейские армии стали перевооружаться новыми типами усовершенствованных нарезных, с казённой части

заряжающихся ружей с металлическими самовыбрасывающимися гильзами. Во Франции введён новый образец игольчатого ружья с бумажной гильзой (сгоравшей при выстреле) системы Шаспо с усовершенствованным механизмом Дрейзе, что позволило впоследствии легко перейти к металлическим патронам. Появляются новые типы оружия ближнего боя — автоматические ружья, пулемёты, миномёты (впервые в первую мировую войну). В артиллерии с развитием капитализма также происходил большой технический прогресс — переход к нарезным пушкам, заряжающимся с казённой части, увеличение калибра и дальнобойности, введение тяжёлых крепостных орудий; во флоте — появление морских бронированных паровых судов с тяжёлыми и дальнобойными орудиями, новых типов военных судов — миноносцев. В первые десятилетия XX в. получали решающее значение автомобильный транспорт и авиация.

Россия не могла угнаться за этим техническим военным прогрессом западных капиталистических стран из-за своей экономической и технической отсталости, из-за финансовых затруднений, из-за большой численности армии, для перевооружения которой требовались большие средства и сроки. Поэтому часто даже русские изобретения и улучшения не находили практического применения в русской армии.

Быстрое развитие техники ружья на Западе вынуждало русскую армию переходить от одного образца к другому, почему получалась разнокалиберность вооружения. К началу 60-х годов в русской армии имелись ещё старые, заряжающиеся с дула, ненарезные 6-линейные винтовки образца 1856 г. В 1866 г. их стали переделывать в капсюльные скорострельные по системе Терри, но эта переделанная винтовка значительно уступала французским, английским и прусским образцам с металлическим патроном, так как в них не требовалось капсюли. В 1867 г. те же винтовки образца 1856 г. стали переделываться на новый тип английской винтовки с бумажными патронами.

Ружейная техника в Западной Европе и Америке неуклонно и быстро шла вперёд. В 1868 г. военное ведомство остановилось на новой скорострельной 4,2-линейной винтовке типа Бердана. В том же году было заказано 300 тыс. таких винтовок и $7^1/_2$ млн. патронов к ним. Но ни казённые, ни частные русские заводы не справлялись с заказами, и, например, частные заводы вместо 270 тыс. сделали всего 4 тыс., а казённые вместо 100 тыс. сделали 44,5 тыс. В 1869 г. были вновь выдвинуты два образца ружей — Баранова и Крнка. В результате в 1870 г. на вооружении армии находилось несколько систем ружей и была полная разнокалиберность и бессистемность вооружения. Только в 1891 г. была сконструирована капитаном Мосиным оригиналь-

ная русская система ружья, которым под названием «3-хлинейной винтовки образца 1891 г.» была к 1896—1899 гг. перевооружена, после усиленной работы всех русских ружейных заводов, русская армия.

С 900-х годов усиливается работа по введению автоматического оружия — автоматических винтовок, пулемётов разных типов. С 1906 г. творческая мысль лучших русских оружейников, конструкторов и изобретателей (Фёдорова, Дегтярёва, Токарева и др., ныне Героев Социалистического Труда, лауреатов Сталинской премии) приводит к созданию новых типов русского автоматического оружия, стоящих на уровне лучших мировых образцов и даже превосходящих их. Однако в условиях царской России это усовершенствованное оружие не могло найти широкого применения. Достаточно сказать, что в русско-японскую войну пулемётов во всей дальневосточной армии было в начале войны 8 штук, к концу её — 86 штук.

Важнейшая для моторизации армии автомобильная промышленность впервые появилась в России в 1908 г. и была представлена автомобильным отделением Русско-Балтийского завода. По анкете 1911 г. в России имелось всего 5,5 тыс. автомобилей, почти все иностранного происхождения. Только во время первой мировой войны военное ведомство заключило контракты с пятью русскими заводами (в том числе со строящимся заводом Рябушинского АМО в Москве) на производство ими до 7 500 машин в год, но фактически все эти заводы до конца войны не были даже достроены, так как союзники не доставили нужного для заводов оборудования.

Изготовление артиллерийских орудий и артиллерийских снарядов производилось также почти исключительно на казённых старых заводах, имевшихся ещё в крепостной период и сохранившихся и в XIX—XX вв. — на Петербургском, Обуховском (казённый с 1866 г.), Пермском, Мотовилихинском (с 1864—1865 гг. — стальные и чугунные орудия, с 1867 г. — артиллерийские снаряды, с 1880 г. — бронебойные снаряды). На Александровском артиллерийском заводе русским изобретателем мастером Ярцевым была организована усовершенствованная отливка пушек высокого качества. Артиллерийские орудия и снаряды производились также на казённых заводах горных округов Златоустинского, Гороблагодатского, Олонецкого. Артиллерийские орудия, изготовлявшиеся на этих заводах, славились высокими качествами, и русская артиллерия всегда стояла очень высоко по своим боевым качествам и баллистическим показателям.

Но всё же по сравнению с техникой артиллерийских заводов на Западе техника производства русских артиллерийских заводов оказалась отсталой. Вооружение артиллерии поэтому также

отставало от лучших заграничных образцов. В полевой артиллерии в 60-х годах преобладали 12-фунтовые батарейные и 6-фунтовые мелкие, гладкоствольные, преимущественно медные и реже чугунные пушки, заряжающиеся с дула и на деревянном лафете. Нарезных 4-фунтовых орудий имелось всего 96. С 1863 г. было решено перевооружить артиллерию нарезными орудиями, но заводы не могли справиться с заказами, и из 2400 пушек, намеченных по планам в 1864 г., было изготовлено к 1868 г. всего 560 орудий. Причиной такого отставания являлись большей частью финансовые затруднения государства и урезка бюджетных средств для технического переоборудования старых казённых заводов.

В 1853 г. замечательный русский инженер-изобретатель П. М. Обухов после долгих опытов изобрёл сплав стали, пластинка которой в три четверти линии толщиной не пробивалась пулями и не уступала в этом отношении получившей в то время известность немецкой стали заводов Круппа. В 1860 г. им же была изготовлена первая в России стальная пушка, не только не уступавшая лучшим крупповским образцам, но и превосходившая их (по прочности и пр.). В 1862 г. им был основан Обуховский сталелитейный завод, который, однако, за недостатком средств не мог развить производства орудий и стали в широких размерах. В связи с большой задолженностью в 1886 г. завод был взят в казну.

Технически Обуховский завод достиг больших успехов. Орудийная сталь требует предела упругости до 3 300 атмосфер, а наибольшая упругая прочность орудий — до 5 000 атмосфер. Обуховский завод, начавший производство стали в 1863 г. в 1700 атмосфер упругости, достиг впоследствии 4 500 атмосфер — предел, не достигнутый в то время ни на одном заводе России и не уступавший Круппу. После этого выписка крупповской стали и орудий становилась излишней [1]. Но другие орудийные заводы (в том числе и казённые) в техническом отношении сильно отставали от требований, а в финансовом и экономическом отношении терпели затруднения, благодаря чему производство пушек сокращалось. Так, Уральским казённым заводам к 1868 г. было заказано 650 чугунных пушек, изготовлено 288, 12-фунтовых — из 250 пушек изготовлено 122. Кроме того, большинство казённых старых заводов производило попрежнему преимущественно чугунные и медные пушки.

Только с 1870—1890 гг. стали возникать частные заводы, изготовлявшие орудия, снаряды и всякого рода приспособления и установки к ним — стальные щиты, дистанционные трубки

[1] ЛОИА, фонд Обуховского завода, № 112, св. 174, д. № 1442.

и т. п. (заводы Путиловский, Барановского, частный Тульский, С.-Петербургский металлический и др.).

За недостаточностью собственного производства артиллерийского вооружения и снаряжения правительство стало прибегать к заграничным заказам. Немецкий заводчик Крупп в 70-х годах предоставил русскому правительству 100 полевых 4-фунтовых стальных пушек, заряжающихся с казённой части. Когда они прошли испытания, было решено изготовить по их образцу на русских заводах 450 орудий. Но наши заводы с этим заказом не справились, и Круппу был передан заказ на 350 орудий. Ему же было заказано 50 пушек 9-фунтовых по образцу, имевшемуся на вооружении французской армии. В 1870 г. в США были заказаны 220 скорострельных пушек Гартлинга и 100 были изготовлены на заводе Нобеля в Петербурге.

Производство пороха было поставлено на трёх старых казённых заводах (Охтенском, Шостенском, Казанском) и на двухтрёх частных заводах (преимущественно охотничьего пороха). Хотя казённые заводы были в 1870—1880 гг. несколько расширены, но количество производимой ими продукции всё же отставало от военных потребностей. Так, на Казанском пороховом заводе до 1887 г. применялась конная тяга, и только в 1888 г. она была заменена механической. К производству бездымного пороха, высококачественный состав которого был изобретён знаменитым русским химиком Д. И. Менделеевым, русские заводы перешли только в 1894—1896 гг.

Большое значение в вооружённых силах России получало строительство военно-морского флота. Прогресс капиталистической техники в военно-морском строительстве был также чрезвычайно значительный. С 60-х годов в европейских странах началось строительство нового вида судов броненосного флота. Русским правительством сначала суда заказывались в Англии, а затем с 1863 г. приступили к их строительству на отечественных верфях и заводах. Были возведены большие эллинги. Обуховский завод стал производить броню, не уступавшую круппов-ской. Старые гладкоствольные, заряжавшиеся с дула орудия были на судах заменены нарезными, заряжающимися с казённой части. Был введён новый тип военных судов, незадолго до того появившихся в США, — мониторов. Было заложено несколько броненосных судов, в том числе броненосный монитор в 9 660 *т* «Пётр Великий», считавшийся в 1876 г. по своим боевым качествам сильнейшим военным судном в мире.

Балтийская флотилия в своих плаваниях выходила уже за пределы полузакрытого Балтийского моря и стала пополняться судами океанского плавания (было построено несколько полубронепосных крейсеров, несколько крейсеров было куплено в Америке). С 1878 г. появился новый тип военных судов —

миноносцы, которые в количестве 100 штук были построены частью на русских верфях, частью закуплены в Германии. Наибольшего развития строительство Балтийского флота получило с 80-х годов, когда был построен ряд броненосцев и полубронеиосных крейсеров, доживших до русско-японской войны. Вообще и здесь строительство флота и выполнение строительных программ сильно задерживались недостаточностью финансовых ассигнований, особенно усиливавшейся благодаря дороговизне строительства в России.

Техника военно-морского строительства на Чёрном море долгое время была ещё более отсталой в связи с запрещением по Парижскому договору держать флот на Чёрном море. К 1870 г. весь черноморский флот состоял всего из двух «поповок» — неудачно построенных инженером Поповым пловучих броненосных батарей береговой охраны, негодных для морского плавания. До 80-х годов броненосного строительства на Чёрном море не было, хотя уже в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. черноморский флот прославился смелыми крейсерскими операциями на пароходах торгового флота и атаками минных катеров. С 80-х годов на черноморских верфях начинается броненосное строительство, чему особенно способствовало развитие металлургической и каменноугольной промышленности Донбасса и Криворожья. Николаевские и Севастопольские верфи явились центрами броненосного строительства, на них были построены 8 броненосцев (в том числе дожившие до Октябрьской революции — «Потёмкин Таврический», «Георгий Победоносец», «Три Святителя» и др.), 4 крейсера 1-го ранга и ряд других судов. Будучи заперты в Чёрном море (выход из которого через проливы разрешался Турцией по международным договорам очень редко), все эти суда имели сравнительно небольшой запас угля, обладали толстой бронёй и тяжёлой артиллерией, позволявшей им вступать в бой даже с сухопутными прибрежными крепостями, чем и обусловливалось их значение для обороны против агрессии Турции.

К концу XIX в., когда военная промышленность всех стран бешено развивалась и совершенствовалась, а все армии перевооружались новыми видами оружия, русская военная промышленность всё более отставала по технике и по размерам продукции от передовых капиталистических стран. Хотя военная техника того времени сравнительно с современной была довольно примитивна, однако на Западе уже стали применяться сверхтвёрдые сплавы с лёгкими металлами, стала развиваться моторизация транспорта, расширялось применение авиации, появлялись такие новые виды орудий, как зенитные пушки, бомбомёты, миномёты, тяжёлые пулемёты и пр. Всех этих видов вооружения русская военная промышленность почти не про-

изводила. Россия, подготовляя со своим главным союзником, Францией, «большую» войну, рассчитывала лишь на большую по численности армию. За время действия франко-русского союза, к началу XX в. русская армия увеличилась в 3—5 раз, но количество перволинейных войск увеличилось всего на 17—20%, остальное увеличение шло за счёт накопления запасов и резервов, т. е. сравнительно мало обученных войск. К 1900 г. армия мирного времени имела 1100 тыс. человек и сверх того обученных резервов 3500 тыс. человек. Армия была плохо технически вооружена, военное образование командного состава было недостаточно, армия не была подготовлена к ведению большой войны.

Одним из самых существенных моментов подготовки к большой войне и требований союзников было перевооружение армии. На очереди стояла выработка и производство новых типов скорострельного, дальнобойного, меткого вооружения. Бездымный порох, уже в 1886 г. принятый во французской армии, открывал новые перспективы в технике боевого огня. Что касается основного оружия ближнего боя, пехотной винтовки, то в 1891 г. в русской армии была принята весьма совершенная винтовка русского конструктора капитана Мосина, не уступавшая лучшим образцам европейских ружей, под названием «3-линейной винтовки образца 1891 г.». Перевооружение армии этой винтовкой велось усиленными темпами. Винтовки изготовлялись на Тульском, Ижевском, Сестрорецком заводах непрерывно днём и ночью. На перевооружение армии было затрачено свыше 150 млн. руб. К 1896—1899 гг. оно было закончено. Тогда же стало производиться перевооружение артиллерии, но более медленно, вследствие большой дороговизны и из-за недостаточной выработки совершенных типов пушки. На пушечных заводах стали вырабатываться некоторые специальные пушки, необходимость которых выявилась во время русско-турецкой войны (пушки для навесного огня в 6 *дм*, полевые мортиры), улучшена осадная и крепостная артиллерия и пр.

Всё это требовало огромных расходов на армию, часто непосильных для России. Основная ставка в военном деле империи Александра III была по необходимости — из-за экономической отсталости страны при обширности политических её задач — на создание большой, но «дешёвой» армии. Средний годовой расход на сухопутную армию в России к середине 90-х годов был равен 2,5 руб. на душу населения, тогда как Австрия затрачивала 3,8 руб., Германия 5,6 руб., Франция 5,8 руб. На перевооружение армии по государственному бюджету в 90-х годах затрачивалось 2—2,25 млн. руб. ежегодно, но эти расходы часто не вполне оправдывали себя. Между военным и финансовым ведомствами при каждом новом ассигновании на армию и флот

происходили резкие столкновения. Когда, например, военный министр Ванновский и начальник главного штаба Обручев разработали план реформ, требовавший увеличения ассигнований на военные нужды в течение 5 лет по 455 млн. руб. в год, министр финансов Витте признал возможным увеличение отпуска средств всего по 160 млн. руб. в год.

Кроме сухопутной армии в намечающейся войне должен был получить большое значение и военно-морской флот. Однако вообще военно-морское дело в России было одним из отсталых участков. Значительное число линейных кораблей было построено в 1872—1885 гг., и поэтому они являлись совершенно устарелыми и по вооружению, и по устройству брони, и по скорости хода. Но даже и военные суда постройки 90-х годов XIX в. не всегда отвечали необходимым требованиям. Между тем на судостроение — отечественное и за границей — затрачивались большие суммы, например, по бюджетам 1890—1896 гг. до 25—34 млн. руб. в год. Большинство материалов и оборудования военных судов выписывалось или заказывалось за границей, если даже это оборудование производилось в стране. Так, мы уже упоминали об изобретении русским мастером Пятовым нигде до тех пор не употреблявшегося способа прокатки броневых плит вместо отковки их молотом. Однако это важное изобретение было отвергнуто морским министерством и был введён «английский способ», полностью повторявший изобретение Пятова, но обошедшийся очень дорого. Насколько Россия отставала в своих расходах на военный флот от своих союзников и возможных противников, показывают цифры всех расходов на флот в 1897 г.: Россия — 60 млн. руб., Великобритания — 206 млн. руб., Япония — 150 млн. руб., Франция — 99 млн. руб.

Царская Россия с её отсталой промышленностью и расстроенными финансами не могла угнаться за прогрессом техники европейских капиталистических стран и отставала от них в подготовке к большой войне. Александр III сознательно избегал крупных войн, хотя и готовился к ним. Опираясь на свою огромную армию, русское самодержавие имело значительный удельный вес в различных комбинациях и коалициях по предстоящему империалистическому переделу мира. Основные линии этих коалиций в рассматриваемый период лишь намечались и не были ещё проведены окончательно.

Все эти тенденции нашли своё окончательное разрешение в течение первых 10—15 лет XX столетия. Царская Россия принимала активное участие во всех тех коалициях и комбинациях, где её политические и экономические интересы были сколько-нибудь значительны и где они сталкивались с интересами других «великих держав» — на Ближнем Востоке, в Тур-

ции, Персии, в Средней Азии, в Афганистане, на Дальнем Востоке. «Пацифизм» промышленного капитализма к началу XX в. исчерпал себя. Империалистические тенденции и завоевательные стремления одержали верх над соображениями неготовности к войне и отсталости России и привели царскую Россию Николая II в XX в. к империалистическим войнам.

Итоги промышленного развития 90-х годов. Итак, промышленный капитализм в течение 1890—1899 гг., побеждая мелкое производство, рутинную технику, отсталые общественные отношения, быстро двинул русскую промышленность далеко вперёд. Конечно, по размерам производства в отдельных отраслях русская промышленность всё ещё довольно далеко отставала от передовых государств. Но за десять лет она всё же продвинулась очень значительно, достигнув степени концентрации более высокой, чем в передовых капиталистических странах. По темпам же своего развития за эти годы русская промышленность превосходила почти все страны.

Выплавка, например, чугуна за десятилетие в Англии увеличилась на 18%, в Германии — на 72, в США — на 50, а в России — на 190%, благодаря чему по производству чугуна Россия в мировом производстве занимала в 1880 г. седьмое место, в 1890 г. — шестое, в 1895 г. — пятое и в 1900 г. — четвёртое место. Производство железа увеличилось за то же время в Англии на 8%, в Германии — на 78, в США — на 63, в России — на 116%. Каменноугольная промышленность возросла в Англии на 22%, в Германии — на 52, в США — на 61, в России — на 131%. Наконец, в хлопчатобумажной промышленности число веретён в Англии за 10 лет увеличилось на 3,8%, в США — на 25,6, на континенте Европы — на 33, а в России — на 76%; благодаря этому количество веретён в России в 1890 г. составляло 4% мирового числа веретён и 14% числа веретён на европейском континенте, а в 1899 г. уже 6% мирового числа веретён и 18,7% на европейском континенте.

Конечно, все эти относительные цифры дают несколько неточную картину действительности в том отношении, что высокий процент увеличения обусловливался абсолютно небольшими исходными цифрами производства.

Поэтому, если сравнивать размеры и темпы развития капитализма в 90-е годы с докапиталистической эпохой России, придётся признать их очень значительными. Но если сравнить эту «...быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным. И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом,

задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»» [1].

Достаточно сказать, что Россия не имела сколько-нибудь развитой машиностроительной промышленности — этой основы промышленного развития. В этом отношении особенно отрицательно сказалась зависимость России от иностранного капитала: последний сбывал в Россию, как в отсталую страну, изделия тяжёлой и в частности машиностроительной промышленности и не был заинтересован в развитии её в России. В оборудовании своей промышленности, транспорта и даже сельского хозяйства Россия в преобладающей степени зависела от иностранного ввоза, причём эта зависимость не уменьшалась, а увеличивалась. Так, машин и аппаратов всякого рода было ввезено в 1886—1890 гг. на 18,5 млн. руб., в 1891—1895 гг. — на 33,7 млн. руб., в 1897 г. — на 52,6 млн. руб. и в 1913 г. — на 169,3 млн. руб., что составляло 12,3% общего привоза. Среди ввозимых машин были электрические, паровые двигатели, двигатели внутреннего сгорания, локомобили и автомобили, машины для обработки волокнистых веществ, дерева, металлов, швейные, типографские, паровозы, а из сельскохозяйственных машин — почти все, начиная от сложных паровых и кончая простыми боронами, плугами и пр. Все эти машины и оборудование либо вовсе не производились русской промышленностью, либо производились в недостаточном количестве. Ввоз всех промышленных изделий составлял до 30—35% всего ввоза, тогда как в вывозе сельскохозяйственные продукты и сырьё занимали до 90—92%.

Народное хозяйство России в 90—900-х годах представляло собой крупную капиталистическую систему с громадными естественными возможностями развития и с быстро растущим охватом всей экономики страны капиталистическими отношениями. К концу 90-х годов уже ясно обнаружились не только все основные черты развитых форм промышленного капитализма, но и черты перехода к новому, высшему этапу — империализму — к высокой концентрации промышленности, к монополиям, к участию в союзах империалистических держав по разделу мира (франко-русский союз, политика на Дальнем Востоке).

Социально-классовые особенности и противоречия «национальной системы» русского капитализма в 90-е годы, так же как и в последующие годы империализма сводились к тому, что она отличалась переплетением ярко выраженных и развитых буржуазно-капиталистических отношений со многими остатками средневековья, с господством поместно-крепостнического

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 527.

класса, с отсталой деревней, с кабальными формами её эксплоатации, с технической отсталостью промышленности. Всё это тормозило быстрое развитие капитализма в России. Дальнейшее развитие экономики в России в таких условиях угрожало вовлечь страну всё в бо́льшую зависимость от западноевропейского капитала, который искал в России необходимого для него сырья, рынков сбыта для своих промышленных изделий, выгодного приложения своих инвестиций.

В России 90-х годов капиталистическое содержание всё ещё развивалось в старой, «самодержавной», помещичьей, полукрепостнической оболочке, сильнейшим образом тормозившей дальнейший ход капиталистического развития. В интересах промышленной буржуазии было возможно более скорое и полное уничтожение всякого рода крепостнических пережитков, препятствующих свободе капиталистического развития, уничтожение остатков полукрепостнических отношений в деревне, развитие товарности и увеличение ёмкости деревенского рынка. Интересы руководящей крепостнической части помещичьего класса шли по линии закрепления сословной изолированности крестьянства, сохранения его земельной тесноты и полукрепостнических способов эксплоатации.

Русская буржуазия уже в рассматриваемый период оказалась неспособной пойти на революционную ломку этих полукрепостнических отношений и на борьбу за свержение господства помещичьего класса и укрепление своего политического господства.

Численный рост пролетариата и особенно быстрый рост его организованности и сознательности доказывал, что русский пролетариат превращается в силу, которая угрожает не только царизму и помещикам, но и промышленному капиталу.

Русская буржуазия в целях борьбы с пролетариатом вступила в союз с царизмом и помещичьим классом. Интересы помещиков в 90-х годах, несмотря на значительное развитие к этому времени капитализма, оказывались поэтому решающими, наложив тем самым характерный отпечаток на развитие всего народного хозяйства не только в эту эпоху российского промышленного капитализма, но и в последующую эпоху — в эпоху империализма.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ИМПЕРИАЛИЗМ

ГЛАВА VII

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА В РОССИИ

Мы переходим теперь к изучению империалистического этапа развития капитализма в России, в который она вступила примерно с начала XX в. Мы должны будем на основе ленинско-сталинского учения об империализме как высшей стадии капитализма рассмотреть на конкретном историческом материале, как происходил в России этот переход от домонополистического капитализма к империализму и каковы были особенности империалистического этапа развития капитализма в России.

Историческое место империализма. Опираясь на открытые Марксом общие законы возникновения, развития и гибели капитализма, Ленин создал теорию империализма, получившую своё дальнейшее развитие и разработку в трудах товарища Сталина.

Ленин, рассматривая империализм как высшую стадию капитализма, определяет его как паразитический или загнивающий капитализм, как умирающий капитализм, как канун социалистической революции. Историческая миссия капитализма, которая на предыдущей стадии его развития выражалась как «...повышение производительных сил общественного труда и обобществление его» [1], на империалистической стадии оказывается исчерпанной. Хотя развитие производительных сил при империализме полностью не прекращается, но капитализм из «прогрессивного» становится паразитическим, загнивающим капитализмом.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 523—524.

Развивая ленинский тезис о том, что империализм есть «умирающий капитализм» и «канун социалистической революции», товарищ Сталин говорит: «...империализм доводит противоречия капитализма до последней черты, до крайних пределов, за которыми начинается революция». Отмечая, далее, противоречия империализма, товарищ Сталин указывает на три наиболее важные из них.

Первое «...противоречие между трудом и капиталом». При всесилии монополистических трестов, банков и финансовой олигархии оказываются недостаточными обычные методы борьбы рабочего класса: профсоюзы, парламентская борьба и пр. «Империализм подводит рабочий класс к революции».

Второе противоречие — «...между различными финансовыми группами и империалистическими державами в их борьбе за источники сырья, за чужие территории»; «эта бешеная борьба между различными группами капиталистов...», неизбежно приводящая к империалистическим войнам, приводит также «...к взаимному ослаблению империалистов, к ослаблению позиции капитализма вообще, к приближению момента пролетарской революции...»

Наконец, третье противоречие — «...между горстью господствующих «цивилизованных» наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира»; но обостряя здесь эксплоатацию и угнетение, углубляя капиталистические противоречия, империализм вместе с тем превращает «...колонии и зависимые страны из резервов империализма в резервы пролетарской революции.

Таковы... главные противоречия империализма, превратившие старый «цветущий» капитализм в капитализм умирающий» [1]. «...Империализм есть канун социалистической революции...» [2]

В эпоху империализма усилилась и обострилась неравномерность политического и экономического развития капитализма, получившего крайне скачкообразный и конфликтный характер. Особенно обострилась скачкообразность развития отдельных стран. Неравномерность развития в эпоху империализма становится важнейшим законом империалистической эпохи и составляет исходный пункт учения о возможности победы социализма первоначально в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой стране и невозможности одновременной победы социализма во всех странах.

Ленинско-сталинская теория империализма даёт определение исторического места империализма как высшей стадии

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 6, стр. 72—74.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 175.

развития капитализма, как капитализма «умирающего», с анализом всех вытекающих отсюда социальных и политических противоречий, назревания пролетарской революции, учения о возможности победы социализма в одной стране на основе исчерпывающей характеристики экономической стороны империализма. Ленин указывает, что «экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями». Но «...монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов». Поэтому, «если бы необходимо было, — говорит Ленин, — дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма» [1]. В более полном и развитом определении экономическое содержание империализма сводится Лениным к следующим пяти признакам: «1) концентрация производства и капитала... 2) слияние банкового капитала с промышленным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами» [2].

Понятно, что в связи с общей неравномерностью развития капитализма, не во всех империалистических странах все эти признаки развиты в одинаковой степени. Неравномерность развития капитализма в отдельных странах и в отдельных его отраслях была и в период домонополистического капитализма, но эта неравномерность проявлялась в течение длительного времени, когда отдельные страны опережали друг друга постепенно, без резких скачков и без обязательных мировых военных столкновений и острых социальных конфликтов. В период империалистического капитализма закон неравномерности развития капитализма обостряется и приобретает иной характер. Развитие капиталистических стран в эпоху империализма приобретает скачкообразный характер, когда одни, наиболее развитые, капиталистические страны быстро и резко опережают в экономическом развитии другие, требуя себе новых рынков сбыта, новых источников сырья, захватывают себе громадные колонии. Более отсталые капиталистические страны попадают в экономическую и финансовую зависимость от передовых империалистических стран и принуждены подчинять свою эко-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 253.
[2] Там же.

помику требованиям империалистических стран как их полуколонии, продавая им своё сырьё, покупая их товары, предоставляя всякого рода концессии и привилегии их монополистическому капиталу. Наконец, ряд наиболее отсталых стран, ещё вовсе не вступивших на путь капиталистического развития, подвергается особенно усиленному захвату империалистических держав как колонии с их дешёвым сырьём и дешёвой рабочей силой.

Неравномерность развития капитализма проявляется не только в неодинаковом уровне экономического развития отдельных стран, но и в неравномерности развития отдельных районов и отраслей капиталистической промышленности. Благодаря этому монополистические организации некоторых ведущих отраслей (нефтяная, металлургическая, электро-техническая промышленность и др.) получают особенно ярко выраженный агрессивный характер в империалистической борьбе за рынки сбыта, источники сырья и территории. При законченности уже раздела мира всё это приводит к жесточайшим противоречиям, к вооружённым конфликтам, к империалистическим войнам за новый поредел мира.

В самих колониях наиболее зверские формы капиталистической эксплоатации соединяются и переплетаются с феодальным гнётом господствующих общественных групп старого феодального строя и с торгово-ростовщической эксплоатацией национальной буржуазии. Таким образом, «специфические колониальные формы капиталистической эксплоатации... в конечном счете *тормозят* развитие производительных сил соответствующих колоний» [1]. Положение трудящихся масс в них особенно ухудшается, и сами колонии становятся крупнейшим фактором крушения империализма.

Особенности империализма в России и его военно-феодальный характер. Изучая период промышленного капитализма в России, мы указывали, что несмотря на относительно быстрые темпы развития и относительно крупные, особенно в конце 90-х годов, количественные успехи с зачаточными элементами уже империалистической экономики российский капитализм в целом представлял отсталую по сравнению с западноевропейскими странами социально-экономическую систему. Эта отсталость выражалась как в низком сравнительно с Западной Европой техническом уровне русской промышленности, так и в отсталых социально-экономических отношениях, в которых черты развитой капиталистической экономики и буржуазных основ её переплетались с отсталыми формами средневековых, полу-

[1] «VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчёт», вып. VI, стр. 129.

крепостнических отношений, с господством землевладельческого класса. Ленин по этому поводу указывал, что среди других империалистических стран Россия являлась наиболее отставшей в экономическом отношении страной, «...в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» [1]. Это приводило российский капитализм и всю российскую экономику к технической и экономической полуколониальной зависимости от иностранного капитала.

В течение первого десятилетия XX в. российский капитализм окончательно вступил в империалистический этап своего развития. Хотя он сделал большие успехи в поднятии технического уровня промышленности, её концентрации, производительности и пр., тем не менее его техническая и социально-экономическая отсталость, а вместе с тем и полуколониальная зависимость от передовых империалистических стран сохранились. Заимствовав и часто непосредственно перенося из других передовых капиталистических стран высокую промышленную технику, усвоив организационные формы, уже получившие развитие в передовых странах финансово-монополистического капитализма, российский капитализм этим ещё более усилил свою зависимость от иностранного капитала. В то же время в общей экономике России сохранялись пережитки средневекового деспотизма, господство крепостнического землевладельческого класса и отсталые формы аграрной экономики. Все эти противоречия капитализма ещё более усиливались и обострялись.

Вот почему Ленин в своей характеристике эпохи 1906—1908 гг. указывал, как на существеннейшую черту тогдашней структуры русской экономики и общественных отношений, на то, что в России имелись «...самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!» [2] И позднее, характеризуя соотношение классов в России в 1904—1916 гг., Ленин вновь подчёркивал, что в эти годы «горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти, в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала...» [3]

Наконец, в другом месте, обсуждая в 1915 г. вопрос «о двух линиях революции» и о ближайших задачах в ней пролетариата, Ленин отождествляет военно-феодальный империализм России с царизмом, ставя между ними знак равенства [4].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 246.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 13, изд. 4, стр. 406.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, изд. 4, стр. 111.
[4] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 383.

Таким образом, во всех этих определениях Ленина даётся чёткая характеристика особенностей и классовой структуры русского империализма не как «классического», капиталистического империализма новейшего типа, а как *«военно-феодального империализма»*. Царизм опирался на социально-экономическую силу землевладельческого класса, а этот последний — на свои крепостнические латифундии, на средневековую экономическую и культурную отсталость деревни, на сохранение своего господства путём экономического и внеэкономического принуждения.

В то же время все ведущие звенья народного хозяйства находились в руках монополистического финансового капитала, с которым интересы царизма были тесно связаны через государственные займы, через госбюджет, систему кредита, через ведущие отрасли тяжёлой промышленности, необходимые для вооружения армии.

К этому прибавлялся национальный гнёт, гнёт бюрократической машины абсолютистского государства. Пробуждение и революционизирование рабочего класса и крестьянства подрывали социально-экономическую основу господства помещиков и царизма. Переплетение в царской России элементов развитого империализма с остатками крепостничества, военно-феодальный характер империализма особенно обостряли его противоречия.

Военно-феодальный империализм, по определению Ленина, есть царизм, но царизм не XVIII—XIX вв., а царизм империалистического периода. Военно-завоевательный, агрессивный характер абсолютизма получил новое направление и цели — империалистические завоевания и подчинение колоний в борьбе за источники сырья, за территориальный раздел мира. В этой борьбе царизм являлся не только желанным союзником и агентом других империалистических держав как поставщик громадных масс живой военной силы, но и преследовал свои империалистические цели. Он возглавлял и олицетворял классовое господство феодально-землевладельческой, поместно-дворянской верхушки, одинаково заинтересованной как в средневековых формах деспотизма, подчинения и эксплоатации крестьянства, так и в развитии новейших форм и тенденций монополистического и финансового капитализма. Как указывает Ленин, в России «...монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала» [1].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, изд. 4, стр. 104.

«Классическая» форма исключительного классового господства финансово-промышленной буржуазии (наиболее ярко выраженная, например в США) усложнялась в России переплетением господства феодально-землевладельческого класса, возглавляемого царизмом, с интересами магнатов финансового, отечественного и иностранного капитала. Двойная зависимость русского промышленного и финансового капитала — от всевластия царизма и поместно-землевладельческого класса, с одной стороны, и от иностранного капитала, с другой, — делала русскую промышленно-финансовую буржуазию политически незрелой, «дряблой», контрреволюционной. Политическая и экономическая необходимость для царизма создания массовой базы в крестьянстве заставила царское правительство приступить к буржуазной перестройке отсталой деревни. Но это, с одной стороны, частично расшатывало феодальные основы господства поместного дворянства, а с другой стороны, связало с господствующими классами интересы лишь небольшой кучки деревенского кулачества, противопоставив им и революционизировав всю остальную массу крестьянства. Монополистический капитализм небывалой концентрацией промышленности быстро увеличивал кадры пролетариата. Революционная партия большевиков организовала его и выковала его революционное классовое сознание, подготовляла его союз с крестьянством для борьбы с царизмом и с военно-феодальным империализмом.

Основными особенностями экономики, классовой структуры и политических отношений царской России в период промышленного капитализма определились и экономические черты российского капитализма в его империалистический период. Капитализм в России в первое десятилетие XX в. достиг значительных успехов в технической реконструкции и концентрации промышленности, особенно в ведущих отраслях.

Концентрация промышленности была такова, что, например, в предприятиях с количеством рабочих свыше 500 человек в России работало 54% всех рабочих, тогда как в США всего 33% [1]. Но тем не менее общий технический уровень всей русской капиталистической промышленности в целом значительно отставал от передовых западных стран: подчиняя себе русскую промышленность, обеспеченный высокими сверхприбылями иностранный капитал держал в своих руках все ведущие отрасли промышленности. Получая монополистические сверхприбыли, он не имел особенно веских побудительных причин насаждать в России первоклассную промышленную технику. Наоборот, помимо ввоза своих капиталов западный капитализм использовал Россию для ввоза своих промышленных товаров. Из

[1] См. *И. В. Сталин*, Соч., т. 6, стр. 127.

общего привоза всех товаров в Россию за 1908—1912 гг. в сумме 1047 млн. руб., а в 1913 г. 1374 млн. руб. привоз изделий фабрично-заводской промышленности составлял 329 млн. руб., или 31,3%, а в 1913 г. 450 млн. руб., или 32,8%, в том числе машин и аппаратов на 169,3 млн. руб. (12,3%), железных и стальных изделий на 20,6 млн. руб. (1,5%), тканей на 46,5 млн. руб. (3,1% общего привоза).

Развитие монополий и монополистических объединений в промышленности, на транспорте, в банках происходило также в значительной степени под непосредственным воздействием и с участием иностранного капитала. В некоторых отраслях промышленности монополии достигали почти 100% всего производства. Особенностью монополистических организаций российского капитализма являлось, с одной стороны, то, что они не достигли высших организационных форм — трестов, — остановившись в своём развитии на объединениях синдикатского типа, а с другой, — что эти российские синдикаты часто являлись по существу лишь филиалами иностранных монополистических объединений, их «дочерними» организациями. В этом также проявлялись отсталость и зависимость российского монополистического капитализма.

В организации крупных монополистических банковских объединений и в проникновении банковского капитала в область промышленности роль иностранного *финансового капитала* была также велика. Однако она не была столь решающей, как в колониях западноевропейского финансового капитала — в Турции, Персии. Русский Государственный банк по своей финансовой мощи хотя и уступал первоклассным мировым банкам (английскому, французскому, немецкому), но всё же представлял крупную финансовую величину и мог в известной мере вести свою финансовую и промышленную политику, ограничивая в интересах российского военно-феодального финансового капитала господствующую роль иностранного финансового капитала в русской промышленности.

В отношении другого экономического признака империализма — *вывоза капитала* — подчинённая и зависимая роль российского империализма проявлялась ещё более сильно. Россия не столько вывозила капитал, сколько ввозила к себе иностранный капитал. Лишь в некоторых, более отсталых соседних странах, являвшихся по соглашению с западными империалистическими державами «сферами влияния» России и русского капитализма (Персия, отчасти Турция, Манчжурия), русский капитал играл активную, хотя и небольшую, роль экспортёра капитала. Сам зависимый от иностранного финансового капитала, русский финансовый капитал и в этом случае играл не столько самостоятельную роль, сколько роль «агента»

и «союзника» иностранного капитала по разделу Турции, Персии, Китая. Во всяком случае Россия была далека от превращения в «государство-рантье», как Франция и Англия, которым, наоборот, она сама выплачивала многомиллионные проценты по промышленным инвестициям и государственным займам.

В разделе мира международными монополистическими союзами капиталистов российский империалистический капитализм принимал участие, но также как зависимый и подчинённый сочлен.

При описанных выше условиях российский империалистический капитализм не мог играть решающей, активной и самостоятельной роли в своём участии в международных монополистических союзах капиталистов по разделу мира. Его роль здесь носила, за немногими исключениями, скорее характер агента и союзника более сильных империалистических объединений, чем самостоятельного и активного участника раздела «сфер влияния» с другими империалистическими державами. По участию в мировых монополиях особенно типичными в этом отношении являются такие отрасли мировой промышленности, как электрическая, нефтяная, стальная и др. Руководящие мировые тресты этих отраслей вступали в международные соглашения по «дележу мира» между собой. Американская Всеобщая электрическая компания (GEC) получила США и Канаду, европейская Всеобщая компания электричества (AEG) — Германию, Австрию, Россию, Голландию и др.; фактически обе компании были объединены в общем соглашении. Борьба за делёж мира происходила также между американским Керосиновым трестом Рокфеллера («Standard Oil Company»), голландско-английской группой Шелля и немецкими группами, куда кроме Румынии входила и часть русских нефтяных групп Нобеля и Ротшильда. Но даже в таких крупнейших международных монополистических союзах, как объединения нефтяной, табачной, марганцевой промышленности и пр., где российская промышленность имела значительный удельный вес, она занимала подчинённое положение.

Участие царской России в военном империалистическом *разделе мира* характеризовалось тем, что западноевропейские империалистические державы, эксплоатируя Россию как полуколонию для получения от неё дешёвого сырья и для прибыльного вложения капитала, в то же время рассматривали её как резерв военной силы, необходимой им во взаимной империалистической борьбе. И для той и для другой цели царская Россия была нужна «союзным» империалистическим державам не как развитая промышленная страна, а как «некапиталистическая среда», поставляющая не только дешёвое сырьё, но и миллионы солдат, нужных во время войны для защиты инте-

ресов антантовского капитала. Поэтому западный империалистический финансовый капитал не только охотно развивал свои промышленные инвестиции в России, но и предоставлял многомиллионные займы царизму для подавления революции, для вооружения армии, для восстановления флота, как это было в 1906—1909 гг., когда Франция предоставила царизму 3,9 млрд. фр. для подавления революции и для залечивания последствий неудачной войны.

В связи с этим своеобразные черты приобретал и процесс *загнивания* империалистического капитализма в России. Этот процесс загнивания выражался в искусственной задержке монополистическим капиталом технического прогресса, в хищническом использовании естественных производительных сил, в сознательном неиспользовании новых их источников и т. п. В России процесс загнивания особенно усиливался благодаря высокой степени развития монополий и полуколониальному характеру зависимости от иностранного капитала русской промышленности. Иностранный монополистический капитал получал в России громадные сверхприбыли. Захватывая наиболее доступные и легко осваяемые районы разработок, он сознательно задерживал развитие других районов. Таково было, например, положение в нефтяной промышленности, когда богатейшие бакинские нефтяные промыслы эксплоатировались хищнически, некоторые же другие нефтеносные районы, уже тогда известные, вовсе не эксплоатировались. То же было в каменноугольной, железорудной и металлургической промышленности. В наибольшей мере этот процесс загнивания в период империализма сказывался на чрезвычайной отсталости сельского хозяйства, на сохранении в нём средневековых полукрепостнических отношений и отсталой техники, благодаря чему разрыв между сельским хозяйством и промышленностью усиливался, а сельское хозяйство носило полуколониальный характер, как поставщик дешёвого сырья за границу. Наконец, в связи с общей социально-экономической отсталостью и с классовой структурой «военно-феодального» империализма в России процесс загнивания захватил особенно глубоко и весь государственный аппарат царской России, сделав её слабым, сгнившим звеном в цепи империалистических держав.

Наконец, из сказанного видно, что царская Россия как союзница (антантовской) группы империалистических держав в борьбе за *передел мира и за колонии* играла главным образом роль военного резерва этих держав и использовалась этими последними в их собственных интересах, а интересы самой России часто встречали резкое противодействие. Россия обладала почти исключительно лишь морскими (а не океанскими), притом

полузакрытыми выходами (в Балтийское и Чёрное моря). Стремление к выходу даже в полузакрытое Средиземное море всегда встречало противодействие со стороны «союзных» империалистических держав (Англии). Имевшийся выход в Тихий океан (главная арена империалистической борьбы XX в.) находился под ударами других сильнейших империалистических держав (Японии, Англии). Таким образом, с точки зрения военной, в особенности при слабом развитии оборонной промышленности и при плохом вооружении войск, царская Россия, как соучастник великих империалистических держав в переделе мира, не обладала такой самостоятельной военной мощью, как промышленные империалистические страны — Англия, Франция, Германия.

Однако, занимая подчинённое положение полуколонии западных империалистических держав, царская Россия, как мы видели выше, сама обладала громадным колониальным фондом в виде «внутренних колоний» — национальных окраин. Этот колониальный фонд в значительной своей части был приобретён завоеваниями царизма ещё в докапиталистический период XVIII в. и в первой половине XIX в., но частью и в капиталистическую эпоху 60—900-х годов. С тех пор царская Россия — эта «тюрьма народов» — к феодально-крепостническому и национальному гнёту на окраинах присоединяет и формы капиталистической эксплоатации и империалистического угнетения национального населения этих колоний. Империализм царской России приобретает преобладающий характер «военного и феодального империализма» с особо сложным переплетением противоречий и форм угнетения как империалистического капиталистического характера, так и феодально-крепостнического.

Товарищ Сталин, подчёркивая особый характер российского империализма и его противоречий, указывает, что Россия «...не была и не могла быть классической страной империализма...», но в то же время «...Россия была узловым пунктом всех этих противоречий империализма». Она «...была очагом всякого рода гнёта — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме». Она «...была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат». Царизм был «...агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы...», он «...был

вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д.»[1]

Но в то же время Россия имела революционнейший в мире пролетариат в союзе с революционным крестьянством. Революционный пролетариат возглавлялся большевистской партией, обладающей революционной теорией ленинизма, как теорией и тактикой пролетарской революции. Вот почему Россия явилась самым слабым звеном в цепи империализма, наиболее уязвимым со стороны пролетарской революции.

Хронологические даты эпохи империализма. Ленин для западного капитализма устанавливал следующие исторические этапы в развитии монополий: «1) 1860-ые и 1870-ые годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм»[2].

Эта установка Ленина ещё не даёт непосредственных указаний о датировании основных этапов в развитии российского империализма. Можно лишь указать, что первые два этапа в России проходили с запозданием, и широкая полоса развития картелей начинается не ранее начала XX в. После кризиса 1900—1903 гг. монополии как один из основных признаков империализма быстро распространяются и в России. Начало XX в. является и началом империализма в России.

Но, конечно, империалистический этап капитализма не наступил сразу в каком-либо году, а (как указывает Ленин и для Западной Европы) подготовлялся и развивался в период господства промышленного капитализма на основе всех исторических особенностей этого последнего, которые сохранились в России даже на высшей ступени его развития.

Отдельные элементы подготовки превращения капитализма в «империалистический капитализм» имели место в России уже с конца XIX в. Не говоря уже об исключительно высоких таможенных пошлинах, важнейшими элементами в этой подготовке империалистического капитализма были: громадная, превосходившая другие страны, концентрация промышленности, её связь с банками, широкое развитие синдикатских объединений.

В окончательном переходе к империализму большое значение имел кризис 1900—1903 гг. Произведя отбор более мощных капиталистических предприятий и разорив более слабые

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 6, стр. 74—75.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 190.

и технически несовершенные, этот кризис заставил капиталистическую промышленность экономически и организационно перестроиться на новом, более совершенном техническом, экономическом и организационном уровне, усилив тенденции к концентрации и монополии.

Русско-японская война 1904 г. была империалистической войной за передел колоний. Со времени подъёма 1909—1913 гг. роль монополий, банков, финансового капитала и участие в международных монополистических объединениях получают решающее значение.

К началу первой мировой войны русский империализм был уже прочно связан с другими империалистическими государствами, участвуя в союзе с ними в мировой борьбе за передел мира, преследуя в то же время свои особые цели.

ГЛАВА VIII

КРИЗИС 1900—1903 гг. И ДЕПРЕССИЯ 1903—1905 гг.

Мы уже говорили, что Ленин в датировании основных этапов истории монополий и империализма для Западной Европы особо отмечает подъём конца XIX в. и кризис 1900—1903 гг. как переломный момент, когда «...картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм»[1]. И далее, цитируя исследование Ейдельса, Ленин указывает, что кризис 1900 г. застал наряду с гигантскими «комбинированными» предприятиями (особенно в железоделательной и электрической промышленности) ряд предприятий «чистых», не комбинированных, с более устарелой техникой. Кризис произвёл «отбор» этих предприятий, подготовив почву для дальнейшей концентрации и монополизации промышленности[2].

Такое же примерно значение имел в развитии российского империализма — в концентрации и монополизации русской промышленности — и кризис 1900 г., которым закончился капиталистический подъём конца 90-х годов как «предистория»

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 190.
[2] См. там же, стр. 198.

империализма в России. Поэтому история империалистического капитализма в России также начинается с кризиса 1900 г.

Изменения в мировой экономике, внесённые мировым экономическим кризисом, не могли не отразиться и на экономическом положении России. Русская крупная капиталистическая промышленность, так быстро выросшая к 90-м годам, не могла остаться не вовлечённой в общекапиталистический кризис. Но вместе с тем в ней, как мы видели выше, были заложены такие внутренние особенности, которые ещё более отягчали её положение и сделали для неё этот кризис более тяжёлым и длительным, чем для Западной Европы.

Капиталистический характер кризиса, развивавшегося в России уже с осени 1899 г., в период наивысшего процветания промышленности, был, конечно, совершенно ясен. Так, Ленин ещё задолго до кризиса, в 1897 г., писал: «В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности»[1]. Уже в августе 1901 г. Ленин писал: «...крах наступил — такой крутой, какого еще Россия не видывала». «...Уже почти два года, как тянется торгово-промышленный кризис. И он, повидимому, все разрастается, захватывая новые отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковыми крахами»[2].

Особенности русского кризиса. Противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения является общей причиной кризиса. Но кроме общих причин экономического кризиса, кризис 1900 г. в России имел также национальные особенности, объясняемые всем характером промышленного её развития. Как мы видели из обзора промышленного развития, особенно в период, предшествовавший кризису, ведущие отрасли промышленности — чёрная металлургия и топливная промышленность — в сильнейшей степени зависели от казённых заказов и от железнодорожного строительства. Крупные вложения иностранного капитала в то же время ставили эти отрасли в зависимость от иностранных бирж и банков. Общая экономическая отсталость России задерживала быстроту развития русского капитализма «вглубь».

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, изд. 4, стр. 322.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 74, 73.

Всё это придавало особо неустойчивый, отмеченный Лениным, грюндерский характер «процветания» промышленности. Благодаря этому кризис затянулся много дольше мирового, и действие его было неизмеримо сильнее, чем в других странах.

Конец 90-х годов был ознаменован в России особенно усиленным биржевым ажиотажем и промышленным грюндерством. В это время западноевропейские страны имели ещё такие избытки денежных капиталов, ищущих помещения, что ставка учётного процента в Париже и Лондоне стояла иногда ниже 2. При таких условиях западный капитал шёл охотно в Россию, где предпринимательство сулило ему высокие дивиденды в 15—30% и более.

На этой почве в 90-х годах создавалось спекулятивное промышленное грюндерство. Капиталы вкладывались часто в дутые предприятия, в неработающие заводы и рудники, акции которых, однако, благодаря биржевой спекуляции повышались в цене, обогащая учредителей, но оставляя без производительного и оборотного капитала самые предприятия. Благодаря взяткам, бюрократизму, покровительству и т. п. «учредители» таких промышленных предприятий часто клали в свой карман за своё посредничество и хлопоты по утверждению акционерного общества или концессии громадную долю акционерного капитала, оставляя собственно на оборудование предприятия 20—30% собранного капитала.

Были, например, случаи, подтверждённые официальным расследованием, что из акционерного капитала в 8,5 млн. фр. было оплачено деньгами и пошло на предприятие всего 1,5 млн. фр., остальные пошли учредителям, которые получили сверх того 1 млн. руб. наличными и 2 млн. фр. облигациями. И правительственному органу («Вестнику финансов») приходилось признавать, что «огромные капиталы, собранные по реализации акций, проходя через учредительство, финансирование и разного рода посредничество, таяли с поразительной быстротой. Предприятия с миллионными основными капиталами оказывались нередко без оборотных средств, задолженными при самом возникновении».

Кроме иностранного капитала, дававшего обильные средства для учредительства акционерных промышленных обществ, в том же направлении действовал золотой дождь правительственных заказов и банковских кредитов. Казна платила в 90-е годы, например, по 1 р. 25 к. за пуд рельсов при рыночной цене на чугун в 40—45 коп. и на рельсы в 80—85 коп. В таких условиях высокие дивиденды были, конечно, обеспечены даже при низком финансовом и техническом состоянии предприятий. Часто получение одного крупного казённого заказа (для чего

тоже требовались взятка и влиятельное посредничество) составляло единственную цель организации целого акционерного общества. Достижение этой цели если и не способствовало развитию производства вообще, то во всяком случае гарантировало благополучное возвращение капиталов основателям дутого предприятия.

Банковская система ещё более усиливала это грюндерство. Государственный банк, стоявший во главе частных банков, поощрял, вопреки своему уставу, промышленное грюндерство так называемыми «внеуставными» (т. е. запрещёнными уставом Государственного банка) промышленными ссудами и развитие «онкольных» операций и соло-векселей [1]. Частные коммерческие банки становились во главе промышленного грюндерства, придавая тем самым «солидность» промышленному предпринимательству, привлекая к этому новые средства и способствуя биржевому ажиотажу. Обыкновенно при учреждении какого-либо акционерного общества банк гарантировал известный размер ссуды под акции, благодаря чему собственно акционерного капитала почти не требовалось. А после открытия такого общества оно учётом своих векселей в том же банке добывало себе и оборотный капитал. Так как обыкновенно с каждым крупным акционерным обществом была связана целая система других (с рудным и горным делом — металлургическое, рельсопрокатное, машиностроительное и т. п.), то, финансируя одно предприятие, банк должен был поддерживать и ряд других. Таким образом, вокруг каждого банка образовывалась своя система финансируемых им предприятий, и крах одного часто вёл к краху всей системы.

Конечно, всё это не являлось какой-либо исключительной особенностью российского капитализма. Те же явления наблюдались, особенно в периоды подъёма, и в других странах как нормальные явления капитализма. Господство финансовой

---

[1] Онкольными операциями вообще называется выдача банком ссуд до востребования («on call» по-русски значит «по требованию») под какое-либо обеспечение (например, под ценные бумаги или под вексель). В период ажиотажа и биржевой игры онкольные ссуды являются наиболее распространённым средством получения из банка денег биржевыми спекулянтами, грюндерами и вообще «широкой публикой», играющей на бирже, так как банк выдаёт ссуды до 75% стоимости бумаг, обеспечивая себя лишь от возможности падения биржевой цены бумаг. Соло-вексельные операции (т. е. операции с векселями, имеющими одну подпись заёмщика, в противоположность торговым векселям, имеющим две подписи) были введены в 90-х годах Государственным банком главным образом для выдачи краткосрочных ссуд землевладельцам в качестве оборотных средств под обеспечение их недвижимого имущества; фактически эти ссуды превратились в незаконное (вопреки уставу Государственного банка) получение долгосрочных займов отдельными влиятельными землевладельцами.

олигархии Ленин характеризовал как «продажность, подкуп в гигантских размерах, панама всех видов» [1], как «поворот от демократии к политической реакции». В России всё это нашло особенно благоприятную почву в самодержавно-бюрократическом строе и в экономической слабости промышленного и денежного капитала. Поэтому продажность и подкуп расцвели здесь особенно сильно, а результаты их сказались на экономике страны особенно глубоко и губительно.

Денежный кризис 1899 г. Связанность и зависимость хода развития российского капитализма с западноевропейскими биржами и банками, особенно при обострениях финансового положения, не замедлили сказаться очень скоро, ещё в тот момент, когда волна промышленного подъёма 90-х годов шла поступательно вперёд.

С 1899 г. западноевропейский капитализм после продолжительного периода подъёма начинает переживать денежный кризис. Одним из важнейших показателей развивающегося денежного кризиса является уровень учётного процента. В главных европейских центрах он составлял:

Центры	1898 г.	1899 г.	1900 г.
Париж	2,20	3,06	3,23
Лондон	3,26	3,75	3,96
Берлин	4,28	4,98	5,33

Другими словами, в 1899 г. Западная Европа вступила уже в период стеснённости денежного рынка, вызвавшей необходимость повышения учётного процента. К концу 1899 и в 1900 г. денежное стеснение перешло в денежный кризис, а затем в промышленный кризис, который в 1900 г. уже охватил почти всю западноевропейскую капиталистическую промышленность. Первые признаки надвигающегося кризиса в России стали появляться в августе 1899 г. в виде обнаружившихся денежных стеснений как результат начавшихся затруднений на денежном рынке в Западной Европе. Следуя за европейскими банками, российский Государственный банк повысил учётный процент до 5,5, доведя его к декабрю 1899 г. до 7. Частные коммерческие банки начали также сокращать кредит и учёт векселей.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 95.

Стеснение и вздорожание кредита тотчас отразилось на состоянии промышленных акционерных предприятий, особенно на наиболее спекулятивных. Биржа отражала всё это наиболее чувствительно, понижая курсы всех промышленных акций. Уже в августе 1899 г. акции настолько резко понизились, что министерство финансов сочло нужным выступить с официальными успокоительными уверениями, отрицая «возможность возникновения какого бы то ни было общего торгово-промышленного кризиса». И тем не менее вслед за этим последовал крах многочисленных предприятий — фон Дервиза и Мамонтова — крупнейших сложных банково-промышленных объединений и др. В сентябре настроение на бирже перешло прямо в паническое: кредит продолжал сокращаться, учётный процент повышался.

Уже к концу 1899 г. стало ясным, что в России налицо промышленный кризис. Он разразился здесь даже раньше, чем в Западной Европе.

Падение цен и промышленный кризис. Промышленные предприятия, даже наиболее солидные из них, работавшие на полном ходу, конечно, всегда нуждались в оборотных денежных средствах, в кредите для безостановочного оборота и реализации своих товаров. Стеснения в кредите тотчас сказались на невозможности расширять производство товаров и на затруднениях в их реализации. Предприятия, сами не получая кредита, сокращали свой кредит под отпускаемые товары, что ещё более ухудшало положение рынка. Избыток товара стал давить на рынок. Падение цен стало итти всё более ускоренным темпом.

Например, цена на железные балки в Москве с 2 р. 30 к. за пуд в середине 1899 г. упала до 1 р. 45 к. к концу 1900 г., до 1 р. 25 к. — к концу 1901 г. и до 1 р. 10 к. — к концу 1902 г. Цена на сортовое железо упала с 1 р. 68 к. в 1900 г. до 1 р. 40 к. в 1901 г. Цена на чугун с 70—80 коп. за пуд в середине 1900 г. упала к концу года до 45—48 коп. Цена на рядовой уголь с 9—10 коп. в начале 1900 г. упала до 6—7 коп. в конце 1902 г. Цена на донецкий антрацит с 12—14 коп. в начале 1900 г. падает до 7,5 коп. в конце 1902 г. Цена на сырую нефть падает с 17—18 коп. за пуд в 1900 г. до 4—6 коп. к началу 1902 г.

Падение цен, начавшись в первой половине 1900 г., продолжалось почти весь 1902 г., когда кризис достиг наибольшей глубины. Для громадного большинства предприятий даже достаточно солидных, дело шло уже не о временных денежных и кредитных затруднениях, а о промышленном крахе, об обесценивании самих предприятий. Это отражалось на падении курса акций как банковых, так и промышленных бумаг.

Так, если сравнить январский 1899 г. высший курс бумаг с курсом в последующие годы, то получим следующие сопоставления. Высший курс акций был (в руб.):

Годы	Петербургский учётный ссудный банк	Петербургский международный банк	Русский для внешней торговли	Брянский завод	Донецко-Юрьевское общество	Бакинское нефтяное общество
1899	809	597	450	511,5	680	950
1900	665	430	343	475	530	830
1901	472	323	267,5	240	210	695

Биржевая оценка капитальной стоимости промышленных предприятий и связанных с ними капиталов банков понизилась за 2 года в 2—3 раза. Кризис аннулировал половину того «фиктивного капитала», который был номинально нажит за 2 года. Естественным следствием этого становилось не только падение номинальной ценности предприятий, но и фактическое сокращение их производства.

Конечно, кризис протекал не одновременно и не равномерно в отдельных отраслях. Приведём несколько характерных цифр.

Выплавка чугуна начинает падать с 1901 г. во всех районах за исключением Польши, где падение началось с 1902 г., что видно из следующей таблицы (в млн. пудов):

Годы	Южная Россия	Урал	Польша	Центр	Во всех районах
1899	82,2	45,2	18,8	14,8	163,7
1900	91,6	50,2	18,2	14,0	177,5
1901	91,7	49,0	19,8	10,6	172,8
1902	84,1	44,6	19,2	9,9	156,5
1903	83,4	39,6	18,6	8,5	149,1

Таким образом, общая выплавка чугуна падает в 1901 г. почти на 5 млн. пудов по сравнению с 1900 г. В 1902 г. она падает на 16 млн. по сравнению с 1901 г. Производство полупродуктов по всем районам сократилось в 1902 г., упав по сравнению с 1901 г. на 15 млн. пудов. Производство готовых продуктов начало падать с 1901 г., сократившись против 134,3 млн. пудов в 1900 г. до 122,3 млн. пудов в 1902 г.

На южной металлургической промышленности кризис сказался особенно резким отбором предприятий и сокращением числа действующих печей, концентрацией производства.

Южный район	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.
Число всех доменных печей . .	48	55	56	56
Из них действовало	35	29	31	23
Число рабочих (тыс.)	45,4	41,4	38,6	35,8
Выплавка чугуна (млн. пудов)	82,2	91,5	91,7	84,1

Таблица подчёркивает характерные явления кризиса, в первую очередь сокращение числа действующих печей и числа рабочих (уже с 1900 г.), в меньшей мере и позднее — сокращение производства, которое ещё в 1900—1901 гг. поддерживалось (в особенности для заводов-«фаворитов») казёнными, хотя несколько сокращёнными заказами.

В железорудном производстве Криворожского района основные показатели производства за эти годы были таковы:

Годы	Число действующих рудников	Добыто руды (млн. пудов)	Число рабочих	Остаток товаров (млн. пудов)
1900	64	156,2	5 879	20,3
1901	48	111,3	4 226	35,6
1902	41	111,8	5 177	30,8
1903	40	149,5	7 004	24,2

В 1901—1902 гг. происходило сокращение числа действующих рудников, резкое падение добычи, товарное перепроизводство и «затоваривание». Более сильные предприятия держались и даже развивались в значительной степени благодаря казённым заказам, слабые металлургические предприятия ликвидировались. С 1901 по 1904 г. из 70 акционерных металлургических предприятий ликвидировано 18 с капиталом в 55 млн. руб.; возникло одно акционерное предприятие с капиталом в 1,8 млн. руб. Концентрация сказалась увеличением с 1903 г. общей добычи и числа рабочих при продолжавшемся сокращении числа действующих рудников.

Кризис коснулся и каменноугольной промышленности Донбасса, как наиболее тесно связанной, с одной стороны,

с иностранными капиталами, с другой — с чёрной металлургией. Наоборот, Уральский и Домбровский бассейны, связанные с ограниченным рынком местного потребления, пострадали в меньшей степени. Падение добычи каменного угля в Донбассе в 1902 г. видно из следующей таблицы:

Годы	Число копей	Добыча (млн. пудов)
1900	290	691,4
1901	246	694,4
1902	240	642,1
1903	209	728,0

В 1903 г. наблюдалось уже увеличение добычи при сокращении числа копей как результат концентрации.

Для нефтяной промышленности приведём следующие официальные цифры за 1900—1903 гг.:

Годы	Число фирм		Число бездействовавших скважин	Добыча нефти (млн. пудов)	Вывоз нефти (млн. пудов)
	всего	бездействовавших			
1900	160	2	21	600	443,1
1901	167	8	34	672	488,2
1902	171	12	36	636	513,4
1903	167	17	37	596	494,0

И здесь характерен резкий отбор в виде увеличения числа бездействующих фирм и скважин при относительно меньшем падении (с 1902 г.) добычи и при более или менее постоянном экспорте нефти.

Те же самые явления падения производства с большей или меньшей силой, с большим или меньшим запозданием имели место и в других отраслях тяжёлой индустрии.

Кризисом захвачена была и лёгкая индустрия, хотя опустошения здесь не были столь велики, как в тяжёлой индустрии. Причиной этого было то обстоятельство, что лёгкая индустрия, особенно хлопчатобумажная, в большей мере опиралась на внутренний массовый рынок (в особенности крестьянский), который в связи со сравнительно благоприятными урожаями 1900—1903 гг. увеличил свою покупательную способность. Поэтому, например, в хлопчатобумажной промышленности само производство сократилось очень незначительно, испытав лишь за-

минку в 1900 г. и вновь продолжая довольно быстрый рост в последующие годы. Это видно из следующей таблицы:

Годы	Число веретён (тыс.)	Число самоткацких станков (тыс.)	Переработка хлопка (тыс. пудов)	Потребление хлопчатобумажных тканей на одну душу (фунты)
1899	6 091	145,8	16 126	3,55
1900	6 645	151,3	16 006	3,51
1901	6 864	157,9	16 123	3,55
1902	6 996	164,7	17 427	3,70
1903	7 146	171,2	18 000	3,60

Из сравнения этой таблицы с вышеприведёнными таблицами, рисующими положение тяжёлой индустрии, хорошо видно то различное влияние, которое оказал кризис на эти производства. В наибольшей степени от кризиса пострадала тяжёлая индустрия — чёрная металлургия, топливная промышленность и др., связанные с казёнными заказами и со строительством железных дорог. Сохранение и даже рост массового внутреннего рынка позволили хлопчатобумажной промышленности более легко перенести кризис.

Последствия промышленного кризиса. Посмотрим теперь, как отразился кризис на всей промышленности в целом. Первым следствием его должно было быть сокращение прилива новых капиталов в промышленность. Это видно из следующей таблицы об учреждении новых акционерных обществ за годы кризиса:

Годы	Общее число вновь учреждённых акционерных обществ	В том числе иностранных	Основной капитал всех обществ (млн. руб.)
1899	325	69	363,2
1900	202	40	250,7
1901	135	23	107,6
1902	78	13	73,1
1903	76	15	68,1

В 1900—1903 гг. прилив новых капиталов в промышленность сокращается особенно резко. В различных отраслях промышленности это сокращение происходит не в одинаковом размере. На первом месте стояли металлургические, машиностроительные, химические предприятия.

Другое последствие кризиса — массовое закрытие предприятий как вследствие их банкротств, так и по необходимости сокращения производства из-за отсутствия заказов и пр. Число несостоятельных предприятий как единоличных, так и акционерных, крупных и мелких, в 1900—1902 гг. определялось сотнями, причём среди несостоятельных, начиная с миллионных предприятий Алчевского, Дервиза, Мамонтова и др., значились крупные предприятия с несколькими миллионами рублей основных капиталов. Число закрываемых предприятий за годы кризиса также определялось в несколько сот в год; например, в 1902 г., по весьма неточному учёту, закрылось до 840 предприятий, не считая горных. Всего за годы кризиса 1900—1903 гг. закрылось до 3 тыс. крупных и средних предприятий.

В связи с этим кризис имел и третье важное последствие — концентрацию производства. Крупные предприятия, конечно, были более устойчивы в борьбе с кризисом, чем мелкие. Разорение и закрытие этих последних было одним из способов дальнейшей концентрации крупного капитала и перехода к монополиям.

Промышленность в период депрессии. Наибольшей глубины кризис достиг в 1902 г. С 1903—1904 гг. в отдельных отраслях промышленности постепенно начинают отмечаться небольшие признаки устойчивости и даже улучшения. В связи с изживанием кризиса в Западной Европе и укреплением денежного рынка понижается учётный процент до 4,56—4,50 против 5,56 в кризисном 1900 г. Цены на товары начинают вновь расти.

Так, чугун литейный, в 1902 г. продававшийся по 55—42 коп. и даже по 38 коп., в 1903 г. стоит уже 65,9 коп. пуд, а в 1904 г. — 71,6 коп. Цена на сортовое железо с 1 р. 35 к. повышается до 1 р. 45 к. — 1 р. 50 к. Керосин, в Москве наливом стоивший в 1902 г. 1 р. 08 к. пуд, а врозницу 8,2 коп. фунт, в 1903 г. повышается до 1 р. 16 к. пуд и до 12,6 коп. фунт, в 1904 г. — до 1 р. 27 к. пуд и до 20,8 коп. фунт. Но это повышение всё же не достигло уровня цен докризисных 1899—1900 гг., когда чугун стоил 80 коп. пуд, сортовое железо доходило до 1 р. 70 к., керосин наливом в Москве до 1 р. 40 к. пуд и 11 коп. фунт врозницу. В этом повышении цен отчасти уже сказывается влияние начавших в эти годы свою деятельность промышленно-монополистических организаций в области тяжёлой промышленности (нефтяной, чёрной металлургии). Цены товаров широкого потребления и лёгкой промышленности повысились ещё в большей степени: миткаль в Петербурге стоил 8,1 коп. аршин против 7,6 коп. в 1900 г.; общий индекс прядильных товаров в 1903 г. был 130 против 124,5 в 1900 г.

Однако общий индекс по всем товарам был (1900 = 100) лишь 107,1 против 112,4 в 1900 г.

В связи с некоторым повышением цен, особенно на продукты лёгкой и частью тяжёлой промышленности, повышается и курс дивидендных промышленных бумаг, но также не достигая курсов 1899—1900 гг. К концу 1903 г. в значительном повышении оказываются акции большинства промышленных предприятий, ещё недавно стремительно шедшие под гору. Знаменитые «мальцевские», например, стоившие в 1899—1900 гг. 550—800 руб., а в декабре 1901 г. — 335 руб., повышаются до 530 руб. в ноябре 1903 г.; «путиловские», стоившие в 1899 г. 155 руб., а в 1901—1902 гг. — всего 57 руб., повышаются в 1903 г. до 100 руб. и т. д.

Увеличивается прилив капиталов в промышленность и учреждение новых акционерных обществ. Так, было разрешено к открытию акционерных обществ:

Годы	Всего		Русских обществ		Иностранных обществ	
	число обществ	сумма их основных капиталов (млн. руб.)	число обществ	сумма их основных капиталов (млн. руб.)	число обществ	сумма их основных капиталов (млн. руб.)
1900	202	250,7	162	201,2	40	49,5
1904	94	119,2	81	92,5	13	26,7
1905	75	72,3	65	64,3	10	8,0
1906	115	105,1	105	84,9	10	20,2

Хотя организация акционерных обществ далеко не дошла до максимального подъёма, какой был до кризиса (в 1899 г. 325 акционерных обществ с капиталом в 363 млн. руб.), тем не менее поворот в сторону повышения отмечался уже определённо. Однако из указанного выше числа новых акционерных обществ, учреждённых в 1905—1906 гг., далеко не все фактически начали действовать из-за начавшейся революции. Именно, в 1904 г. из 94 обществ, уставы которых были утверждены, действовали лишь 42, и из 13 иностранных — лишь 4, а в 1905 г. из 10 иностранных действовало 8.

Таким образом, промышленный кризис в России в 1903—1904 гг. начинает постепенно ослабевать. Но в противоположность Западной Европе он не был ликвидирован полностью к 1904—1905 гг. Отмеченное выше увеличение производства, повышение товарных цен, акций, увеличение инвестиций акционерного капитала и пр. не достигли такой степени, чтобы мы могли рассматривать их, как новый, повышательный законченный этап капиталистического цикла.

Изживание депрессивного состояния народного хозяйства в России осложнилось рядом крупнейших и решающих политических и социальных моментов — русско-японской войной и революцией 1905 г. Эти вопросы мы рассмотрим в особой главе.

ГЛАВА IX

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ЦАРИЗМА В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Промышленный кризис 1900—1903 гг. явился в Западной Европе важнейшим этапом в перерастании «старого» капитализма в империализм. В России он имел то же значение, но политическая и социальная обстановка в России к началу XX в. была гораздо более сложной, чем в буржуазных государствах Западной Европы.

Политический гнёт царизма, господство феодально-крепостнического поместного класса, политическое бесправие широких масс трудящихся, подавление национально-культурного развития всех народностей, входивших в состав империи — всё это поднимало на борьбу с царизмом все общественные классы. Неизбежно должна была усилиться борьба рабочего класса как с царизмом, так и с монополистическим капиталом. Обострилась борьба крестьянства против феодально-крепостнического гнёта дворянства. Появились робкие попытки борьбы либеральной буржуазии против царизма. К началу XX в. и особенно после поражения царизма в русско-японской войне революционная ситуация настолько обострилась и накалилась, что общий революционный взрыв стал неизбежным.

Рабочее движение 1900—1903 гг. Ведущая роль в развитии революционного движения 900-х годов принадлежала промышленному пролетариату.

Кризис 1900—1903 гг. оказал сильнейшее влияние на революционизирование рабочего класса. Положение рабочих резко ухудшилось. Сокращая производство, промышленники начинают сокращать и число рабочих. 1900—1902 гг. являлись годами крупнейших локаутов и сильнейшей безработицы. Например, в обрабатывающей промышленности благодаря закрытию предприятий в 1901 г. уволено было (не считая горнозаводской промышленности) 34,8 тыс. рабочих, в 1902 г. — 33,3 тыс. В каменноугольной промышленности Донбасса число

рабочих сократилось с 67,5 тыс. в 1900 г. до 58 тыс. в 1902 г.; в доменном и передельном производствах Юга — с 54 тыс. до 43,2 тыс. Кризис принимал в этом отношении местами настолько катастрофические размеры, что правительство принуждено было установить особо льготный тариф для отправки на родину уволенных с предприятий рабочих. Летом 1901 г. только из одного Екатеринослава (ныне Днепропетровск) таким порядком было отправлено 10 тыс. рабочих [1].

Общая безработица, понижение заработков, массовые увольнения — всё это привело к резкому ухудшению положения рабочих. Вместе с тем борьба рабочих стала принимать всё более революционный характер. Политическая агитация в 1900—1903 гг. усиливается, находя благоприятную почву и особенно живое восприятие в массе рабочих. Растёт массовое участие рабочих в чисто политических демонстрациях, в студенческих политических выступлениях и пр. Учащаются и приобретают боевой политический характер стачки, охватывающие самые разнообразные отрасли хозяйства.

Стачечное движение очень бурно захватывает рабочих железнодорожных мастерских (в 1901 г. в Саратове, Тамбове, Тифлисе и пр.), в 1900 г. — рудокопов Донецкого бассейна, в 1901 г. — рабочих на Ярославской мануфактуре, на Приленских и Бодайбинских приисках и пр. В течение лета 1901 г. происходят стачки в Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, Нижнем-Новгороде, Одессе, Тифлисе, Саратове, Астрахани, на Урале и в других местностях. По далеко не полной статистике, в течение 1901 г. произошло всего около 120 различных стачек с участием нескольких тысяч рабочих в каждой. Во многих случаях выдвигались требования политического характера. Дело доходило до активного вооружённого сопротивления рабочих вооружённой силе, применяемой правительством для подавления стачек.

Вообще кризис и депрессия сделали стачечное движение повсеместным и особенно острым. Как видно из приведённого выше перечня пунктов, охваченных стачками, они распространяются не только в главных промышленных центрах, как раньше, преимущественно в Петербурге, Москве, в Польше, но вплоть до самых далёких окраин, до тех пор не знавших стачек. Во главе стачечного движения становится авангард рабочего класса — металлисты, — как наиболее политически организованные и сознательные. Самые формы и методы борьбы

[1] О положении рабочих и о рабочем движении в период кризиса 1900—1903 гг. см. многочисленные корреспонденции рабочих в ленинской «Искре» за 1900—1902 гг., а также сборник «Листовки петербургских большевиков», т. I, 1939.

усложняются. Перед рабочим классом выдвигаются не только экономические, но и политические задачи.

В этом отношении особенное значение получила первомайская стачка 1901 г. на Обуховском заводе в Петербурге. Увольнение администрацией завода 26 рабочих за первомайскую забастовку вызвало сильное брожение среди рабочих и новую забастовку 7 (20) мая с требованием 8-часового рабочего дня, признания 1 мая нерабочим днём и др. Против бастующих были двинуты жандармы и войска, открывшие стрельбу по рабочим. Рабочие забаррикадировались в заводских зданиях и оказали сопротивление войскам. Стачка превратилась в кровавое столкновение безоружных рабочих с войсками (трое рабочих было убито и двадцать ранено) и получила историческое название «Обуховской обороны». Хотя сопротивление рабочих было сломлено военной силой, но героическая «Обуховская оборона» оказала значительное влияние на рабочих, вызвав волну сочувствия рабочих всей России.

В эти же 1901—1903 гг. громадное политическое значение получили многочисленные стачки на юге России, завершившиеся всеобщей стачкой 1903 г. Начало этих стачек и их инициатива принадлежали Закавказью, где товарищем Сталиным были организованы в 1902 г. забастовки рабочих в Батуме на заводах Манташева и Ротшильда, закончившиеся победой рабочих, а в 1903 г. — массовые стачки в Батуме, Баку, Тифлисе, Поти, Чиатурах, на закавказских железных дорогах, охватившие всего до 100 тыс. стачечников. Все эти стачки доказывали, что в России назревает и близится революция. Эти забастовки и демонстрации сыграли историческую роль в общероссийском движении, непосредственно открыв собой знаменитые июльские стачки на юге. Почти повсюду политической борьбой рабочих начинают руководить социал-демократические комитеты.

В этом отношении особенно важное историческое значение имели события в Ростове-на-Дону в 1902 г. Они начались в ноябре этого года экономической стачкой рабочих главных мастерских Владикавказской железной дороги с требованием введения 9-часового рабочего дня, повышения заработной платы и расценок, отмены штрафов и пр. Во главе стачки встал Донской комитет социал-демократической партии, сорганизовавший в связи со стачкой громадные, до 30 тыс. человек, собрания рабочих. Эти собрания закончились расстрелом собравшихся рабочих и граждан казаками. После этого стачечное движение распространилось по всей линии Владикавказской железной дороги.

С начала 1903 г. волна стачек проходит по всему громадному пространству бывшей империи.

В марте 1903 г. вспыхивает стачка в Златоусте, закончившаяся расстрелом рабочих; в мае стачки происходят в Костроме; в июне первая всеобщая политическая стачка охватывает промышленный юг России, в июле 1903 г. движение начинается экономической стачкой в Баку, отсюда перебрасывается в Тифлис, Батум, Поти, Чиатуры, Одессу, Николаев, Киев, Екатеринослав и во все промышленные районы Юга. То новое, что впервые и особенно резко проявилось в этом движении, было, во-первых, всеобщий характер стачек, охватывающих все районы, предприятия и отрасли, и, во-вторых, политический характер агитации и требований, быстрота, организованность распространения стачечного движения [1].

Помимо военных репрессий против стачек 900-х годов правительство в эти годы делает другую попытку разбить стачечное движение провокационно-полицейским путём, так называемой зубатовщиной или «полицейским социализмом». Когда в эти годы рабочее стачечное движение стало приобретать массовый и политический характер, стало очевидным, что даже самыми жестокими репрессиями в отношении передовых рабочих ничего сделать нельзя. Правительство делает попытку овладеть менее сознательными рабочими массами, отвлекая их от общих и политических требований на путь мелких, чисто экономических требований в «дозволенных» правительством рамках, — на путь взаимопомощи и т. п. — и в то же время усиливая полицейский надзор за революционными рабочими. В 1902 г. под руководством начальника московского охранного отделения Зубатова стали создаваться в Москве, Минске, Одессе «общества взаимопомощи рабочих» с указанными целями, а в 1904 г. в Петербурге попом Гапоном было организовано такое же «Собрание русских фабрично-заводских рабочих». Но попытка царской охранки подчинить себе рабочее движение не удалась и потерпела полный крах.

Уже ростовские стачки имели громадное значение, открывая собой новую эпоху — эпоху массовых демонстраций. Ленин, оценивая значение ростовской стачки, в своей статье в «Искре» в декабре 1902 г. указывал, что «как ни далеко было от «настоящего» восстания начало этого, повидимому, стачечного движения в далеком провинциальном городе, а его продолжение и его финал невольно наводят на мысль именно о восстании. Обыденность повода к стачке, мелкий характер выставленных рабочими требований особенно сильно оттеняют и могучую силу солидарности пролетариата, увидевшего сразу, что борьба железнодорожных рабочих есть его общее дело, и восприим-

[1] «Всеобщая стачка на юге России в 1903 году». Сборник документов, 1938.

чивость его к политическим идеям, к политической проповеди, и готовность отстаивать грудью в прямом сражении с войсками те права на свободную жизнь, свободное развитие, которые успели уже стать общим и элементарным достоянием всех мыслящих рабочих»[1].

И позднее, обсуждая современное положение России и тактику рабочей партии в связи с репрессиями и подавлением декабрьского восстания, Ленин, ставя вновь на очередь вопрос о восстании, указывал, что в отдельных районах, где было особенно твёрдое и инициативное большевистское руководство, подготовка рабочего класса к революции достигла гораздо большего успеха сравнительно с подготовкой революционного движения в центре. «Нас опередили, — говорит он, — в этом отношении и Кавказ, и Польша, и Прибалтийский край, т. е. именно такие центры, где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен»[2].

Таким образом, несмотря на сильнейшие репрессии правительства, идея восстания, идея гегемонии пролетариата в революционной борьбе, идея союза пролетариата с крестьянством, — идеи, настойчиво проводимые Лениным и Сталиным, всё более прочно завоёвывали рабочие массы. После ростовских событий 1902 г. и укрепления революционного движения в Закавказье революционно-стачечное движение в России вступает в третий период, по характеристике Ленина, как переход к настоящей гражданской войне, к восстанию, т. е. непосредственно к подготовке революционной борьбы 1905 г. Прологом к этой борьбе и явилось стачечное и политическое движение на юге летом 1903 г. Хорошо организованная стачка бакинских рабочих в декабре 1904 г. была как бы предгрозовой молнией накануне великой революционной бури.

Общее значение стачек и демонстраций 1901—1904 гг., в том числе и всеобщей стачки на юге в 1903 г., Ленин видел в непосредственной подготовке к политическому революционному движению 1905 г. «...русские рабочие рядом неуспешных и иногда особенно неудачных политических стачек 1901—1904 годов научились удачной стачке октября 1905-го года»[3]. В стачках 1903 г., по его словам, «чувствуется, что мы накануне баррикад...»[4]

Этот новый характер рабочего движения обусловливался тем, что к этому времени уже была создана революционная партия

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 6, изд. 4, стр. 250.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 10, изд. 4, стр. 99—100.
[3] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 353.
[4] *В. И. Ленин*, Соч., т. 8, изд. 4, стр. 119.

рабочего класса. Ленин в своей статье «С чего начать?» и в книге «Что делать?» (1901—1902 гг.) дал план и теоретические обоснования построения партии, а вместе с тем произвёл полный идейный разгром «экономизма» и идеологии оппортунизма. Он дал гениальную разработку идеологических основ марксистской партии, обосновав положение, что марксистская партия есть соединение рабочего движения с социализмом, подняв значение партии как революционизирующей и руководящей силы стихийного рабочего движения. На II съезде РСДРП, в июле 1903 г., была образована Российская социал-демократическая рабочая партия, была принята предложенная ленинской «Искрой» программа, ставшая революционной программой партии рабочего класса, принят устав партии, а также созданы центральные органы партии. Но уже на съезде обнаружились разногласия, сначала по организационным вопросам, между искровцами-ленинцами с одной стороны и оппортунистически настроенными последователями Мартова — с другой. С этих пор сторонников Ленина стали называть большевиками, противников же — меньшевиками. Последние стали вести политику раскола, организационной раздроблённости и кружковщины. После съезда Ленин выступил со своей знаменитой книгой «Шаг вперед, два шага назад» (1904 г.), в которой он впервые разработал учение о партии как руководящей организации пролетариата и разгромил меньшевистский оппортунизм в организационных вопросах. Накануне первой русской революции большевики и меньшевики выступают как обособленные политические группы.

Аграрное движение. В непосредственной связи с массовым рабочим движением в 900-е годы стояло и революционизирование деревни, выразившееся в росте массового крестьянского движения. Развитие капитализма, которое вело в деревне ко всё более резкому разложению крестьянства и создававшее здесь всё более обширные кадры сельского пролетариата и деревенской бедноты, приводило к обострению классовой борьбы между кулачеством и сельскохозяйственным пролетариатом. Но вместе с тем сохранялась и классовая борьба между всем крестьянством и помещиками. Накануне буржуазно-демократической революции вторая форма классовой борьбы имела наиболее существенное значение. Крестьянское массовое движение в начале XX в. носило стихийный характер и было в основном далеко от классовой сознательности и организованности. Но тем не менее оно становится важным фактором в борьбе против помещиков и самодержавия.

Крестьянское движение начала XX в. возникает в районах, где преобладали кабально-крепостнические формы хозяйства, в районах с наибольшим развитием сельского батрачества и

с тяжёлой его эксплоатацией. В 1902 г. движение начинается в Курской, Харьковской и Полтавской губерниях под непосредственным влиянием неурожая, на почве малоземелья крестьянства и тяжести помещичье-заводской (на сахарных заводах) эксплоатации сельских батраков. Как и рабочие стачки, крестьянское движение было жестоко подавлено военной силой.

В 1902 г. с необычайной силой развернулось крестьянское революционное движение в Гурии (Озургетский уезд, Кутаисской губерний). Возникшее на почве борьбы против остатков крепостного права, земельной кабалы и бедственного положения крестьянства, это движение продолжалось несколько лет и приобрело характер прямого восстания против царского правительства. С 1904 г. руководство движением перешло в руки революционной социал-демократии. Правительство принимало военные меры против восставших, ввело в Гурию крупные войсковые части, объявило осадное положение. Только в 1906 г. жесточайшими репрессиями, расстрелами, полным уничтожением целых селений восстание было подавлено.

Движение либеральной буржуазии. Революционное движение рабочих и крестьян усилило оппозиционное движение среди либеральной буржуазии и в первую очередь студенчества. В ответ на репрессии правительства (закрытие университетов, аресты и т. д.) учащиеся организовали зимой 1901/02 г. всеобщую стачку, которая охватила 30 тыс. студентов.

Революционное движение в городе и деревне и особенно выступления студенчества оказали влияние и на либеральную буржуазию, которая стала выражать робкие протесты против крайностей царского правительства.

Крайняя реакционная политика царизма выражалась в репрессиях и в преследовании всякого проявления общественной деятельности даже либеральной буржуазии тогдашними министрами царского правительства Сипягиным, Плеве, Боголеповым. Уже в 1902 г. политическое движение наиболее умеренных элементов либеральной буржуазии находит себе литературное выражение в заграничной газете «Освобождение», издававшейся П. Б. Струве. В 1903—1904 гг. теми же группами был основан «Союз освобождения» (Милюков, Струве, Прокопович, Кускова, Пешехонов и др.), положивший начало также и земскому либеральному движению, а затем движению среди учителей (съезд 1903 г.), лиц технической интеллигенции (съезд 1904 г.), медицинских деятелей (IX Пироговский съезд 1904 г.). В дальнейшем «Союз» составил ядро главной партии либеральной буржуазии в России — партии конституционных демократов (кадетов). Все эти группы выступали с либеральной программой конституционной монархии, буржуазных «свобод», избирательного права. В аграрном вопросе либеральная бур-

жуазия отстаивала выкуп и сохранение дворянского землевладения и привилегий, пытаясь опереться в деревне на зажиточные слои крестьянства и тем самым ослабить крестьянское движение. После бесплодной борьбы царизма с революционным рабочим и крестьянским движением и с либеральной интеллигенцией (отдача забастовавших студентов в солдаты, разгон съездов, расстрелы рабочих демонстраций и др.) правительство, устрашённое убийством министра внутренних дел Плеве, пошло на уступки и объявило устами нового министра Святополк-Мирского «эру доверия»[1].

Ленин уже по поводу царского манифеста 26 февраля 1903 г. указывал, что самодержавие колеблется и что мы переживаем, несомненно, эру реформ. В этих реформах всё более и более широкие массы привлекаются к борьбе и самые реформы, таким образом, являются всегда предвестником и преддверием революции [2].

Русско-японская война. К концу XIX и к началу XX в. противоречия империалистических держав за захват колоний значительно обострились. Кроме старых очагов на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и др. эти противоречия особенно усилились в новом очаге — на Дальнем Востоке, в борьбе за господство на Тихом океане. Объектом империалистических захватов стал Китай и отдельные его части — Манчжурия, Корея. Наиболее активными участниками этих захватов явились Япония, Англия, Германия, Франция, США. Активно в этой борьбе участвовала и Россия. Она была вернейшим союзником западных держав по дележу Китая и получила большой куш в этом дележе. Царская Россия получила на правах аренды Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур, добилась права строить железные дороги на китайской территории. Северная Манчжурия была оккупирована русскими войсками и превратилась в русскую колонию.

Но вследствие захватов на Дальнем Востоке русский империализм настолько усилился, что стал возбуждать опасения других империалистических хищников, как своих противников, так и своих союзников. Англия и Япония, заключив союз, объединились в борьбе против России, против её дальневосточных захватов. К ним сочувственно относились США, требовавшие свою долю и «открытых дверей» в Китай. Германия стремилась вовлечь Россию в тяжёлую колониальную войну, чтобы отвлечь её от западных границ и получить «свободу рук» в своей расправе

---

[1] *Е. Д. Черменский,* Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг., 1939.

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, изд. 4, статьи из «Искры»: «Самодержавие колеблется...» и «Эра реформ», стр. 312 и 464.

с Францией. Франция, несмотря на союз с Россией, была равнодушна к поражению России на Дальнем Востоке. В результате сложной дипломатической борьбы империалистических держав, русский империализм был изолирован и столкнулся с другим хищником — японским империализмом и был вовлечён в тяжёлую войну с ним.

Если основываться на сравнительных исчислениях размеров вооружённых сил и военно-промышленного потенциала России и Японии, то казалось, что конечная победа России при всех неблагоприятных обстоятельствах была несомненной. Таковым действительно и было преобладающее мнение не только русской «патриотической» прессы, но и общественное мнение всего мира. Только очень немногие органы русской революционной печати заранее предугадали поражение царизма.

Действительно, Россия в 1904 г. имела до 141 млн. населения (без Финляндии), Япония — всего 46 млн., вооружённые силы России исчислялись в мирное время в 1100 тыс. человек, в военное — до 3 750 тыс.; армия Японии исчислялась в мирное время в 150 тыс., в военное — в 360 тыс. (на самом деле Япония выставила к концу войны армию до 1,5 млн. человек). Флот России состоял из 23 эскадренных броненосцев, Японии — из 6 броненосцев. В отношении денег — этого нерва войны — Россия имела в государственном бюджете 2 млрд. руб., Япония всего 275 млн.; золотой запас России к 1904 г. исчислялся в 1 058 млн. руб. при обращении 680 млн. руб. кредитных билетов; золотой фонд Японии был 112,5 млн. иен при бумажном обращении 198 млн. иен. Россия, несмотря на тяжёлое внутреннее положение, заключила внешние займы по 6%, Япония затратила 800 млн. иен на внешние займы для военных надобностей по 8—9%. Перед войной Россия лишь незначительно увеличила податное обложение, тогда как Япония принуждена была увеличить его на 90%. Во время войны курс иены упал до 10%, тогда как курс рубля оставался устойчивым и золотое обращение во всё время войны не приостанавливалось.

И тем не менее, несмотря на все эти показатели, скоро обнаружилось, что царское правительство было совершенно не подготовлено к войне. Преобладающая часть, до двух третей всех сухопутных войск, в силу франко-русского союза и ввиду опасности агрессии со стороны Тройственного союза, была расположена в западных губерниях. Царское правительство и по военным соображениям и из боязни внутренних осложнений почти до конца войны не решалось оттянуть войска от западной границы и перебросить их на Дальний Восток.

При большой отдалённости метрополии от театра войны (расстояние от Сызрани до Ляояна равнялось 6 968 верстам) вся связь поддерживалась одноколейной Сибирской железной

дорогой, пропускавшей в сутки 3 пары поездов облегчённого состава при скорости 12—20 вёрст в час. К 1900 г. пропускная способность увеличилась до 10 пар в сутки и только во время войны — до 22 пар. Станции были забиты грузами. Движение через озеро Байкал производилось на специальных паромах и поэтому сильно задерживалось. К постройке Кругобайкальской железной дороги было приступлено в 1899 г., но открытие движения предполагалось лишь в 1904 г. Интендантство к началу войны предъявило требование к перевозке 64 млн. пудов военных грузов, а всего война потребовала от Сибирской железной дороги перевозки 2 698 воинских и 2 529 грузовых эшелонов, до 1 млн. *т* грузов, которые, учитывая пропускную способность дороги, могли бы быть переброшены только в течение 20 месяцев.

Вооружение русской армии вообще к началу XX в. сделало большой шаг вперёд. Вся армия к 1902—1903 гг. была вооружена русской винтовкой образца 1891 г., не уступающей лучшим образцам европейских и японской армий. Перевооружение русской артиллерии было закончено к 1900—1901 гг., когда после многочисленных опытов была принята на перевооружение изготовленная на Путиловском заводе пушка усовершенствованного типа, получившая название скорострельной 3-дюймовой пушки образца 1900—1902 гг. По своим баллистическим качествам она превосходила японскую: дальнобойность русской пушки равнялась 6—7 *км*, японской — не более 4,5 *км*, по скорострельности русская пушка превышала японскую вдвое.

Но всё же многих видов усовершенствованного вооружения в России не производилось и в русской армии не применялось. Гранаты и шрапнель почти совершенно не употреблялись. Гаубиц также не было, навесной огонь не употреблялся, так как единственным для этого рода оружием были мортиры устарелого образца 1886 г. Горной артиллерии почти не было, несмотря на преобладание горного характера театра военных действий, и только во время войны на русских заводах стали изготовляться горные орудия. Особенно ничтожно было количество пулемётов, хотя они явно выдвигались на первое место уже в англо-бурскую войну. Германия лихорадочно вооружала свою армию пулемётами. Россия из-за экономии средств и недостаточности производства вводила пулемёты только в западных армиях, на Востоке к началу войны их было всего 8, к концу — 86, но и Япония имела их не более 100. Осадная артиллерия была в крайне недостаточном количестве даже в Порт-Артуре. Огнестрельные запасы имелись в очень ограниченном количестве и рассчитывались по нормам, установленным ещё в 70—80-х годах Милютиным. В Японии норма патронов на одно ружьё была 300 штук, т. е. превышала русскую вдвое.

При том в значительной степени морском характере войны, который следовало предвидеть, морской Дальневосточный флот России был к войне не подготовлен. При значительно бо́льших общих размерах флота России, на Дальнем Востоке была сосредоточена небольшая его часть. Строительная программа военного флота России из-за недостатка в России судостроительных верфей и отпускаемых на флот финансовых средств должна была быть завершена лишь к 1905 г., тогда как японский флот был приведён в состояние боевой готовности уже в 1903 г.

Вся организация армии при Николае II, являясь отражением внутреннего политического разложения, находилась даже в большем упадке, чем во времена Александра III. Страна была с преступным легкомыслием брошена царизмом в авантюру большой колониальной войны, под водительством бездарных, безинициативных, в подавляющем большинстве немецко-прибалтийских, выслужившихся при дворе генералов (Гриппенберг, Бильдерлинг, Ренненкампф, Мейендорф, Тизенгаузен, Штакельберг и многие другие) во главе с бесталанным Куропаткиным.

При таких условиях, которые уже совершенно ясно обнаружились перед всем русским, так же как и мировым общественным мнением, о возможности продолжения войны, а тем более о достижении победы никто не думал. С чисто военной точки зрения Россия могла бы ещё долго и серьёзно сопротивляться, перенеся действия на свою территорию, в Сибирь, и поставив Японию перед «войной на истощение». Но на это царизм не был способен, а русский народ не хотел жертвовать собой в авантюристической войне, навязанной ему царизмом. В России приближалась революция.

После Мукдена и Цусимы война была проиграна бесповоротно. Авантюра царизма стоила русскому народу, по официальным данным (заведомо преуменьшённым) свыше 120 тыс. человеческих жизней, потери флота, части территории и огромных материальных средств в 2 617 млн. руб. непосредственно на войну, а все потери народного хозяйства определялись не менее чем в 4—5 млрд. руб. Царизм под угрозой революции принуждён был пойти на мир. При посредничестве президента США Теодора Рузвельта мир был заключён в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г. Россия уступила Японии весь Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, южную ветку Китайско-Восточной железной дороги, южную половину Сахалина, отказалась от Манчжурии, признала протекторат Японии над Кореей. Это было «...не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия»[1].

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 8, изд. 4, стр. 449.

Так кончилась эта «маленькая война», при помощи которой царизм хотел задушить надвигавшуюся революцию, но которая ускорила революцию. Война была проиграна царской Россией из-за её политической, экономической, технической и культурной отсталости. Но она ускорила и приблизила наступление революции.

Революция 1905—1907 гг. Произвол самодержавия, его военный разгром и тяжёлые жертвы народа, всё усиливающийся гнёт капиталистической и помещичьей эксплоатации не могли не ускорить развитие революционных событий. Громадный подъём стачечного движения 1903 г. был непосредственным прологом к революции 1905 г. День расстрела царскими войсками рабочих — Кровавое воскресенье 9 (22) января 1905 г. — стал началом революции.

Ленин, характеризуя революцию 1905 г., указывал, что «своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию *буржуазно-демократической*, но по средствам борьбы была *пролетарской*. Она была буржуазно-демократической, так как целью, к которой она непосредственно стремилась и которой она могла достигнуть непосредственно своими собственными силами, была демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация колоссального крупного дворянского землевладения, — все меры, которые почти в полном объеме осуществила буржуазная революция во Франции в 1792 и 1793 гг.

Русская революция была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий». В революцию 1905 г. «...массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль»[1].

Массовая, всеобщая политическая стачка, впервые в истории применённая русским пролетариатом и его авангардом — большевистской партией — в политической борьбе с царизмом, была подготовлена всем предшествующим развитием русского капитализма и классовой борьбы рабочих. Неимоверно быстро развивавшийся к началу XX в. процесс концентрации русской промышленности привел к сосредоточению громадных масс рабочих в промышленных центрах и на крупнейших предприятиях. Революционное руководство рабочим движением Лениным и большевиками привело русский пролетариат к высокой степени политической зрелости и организованности. Массовая стачка

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 231.

нанесла сокрушительный удар царизму и привела к развёртыванию первой русской буржуазно-демократической революции, к восстанию.

Насколько велико было значение массовой стачки, видно из тех же примеров Ленина. Средняя годичная цифра бастующих в России в течение 10 лет до революции равнялась 43 тыс., т. е. за десятилетие общее количество бастующих составляло до 430 тыс. В январе 1905 г. число бастующих достигло 440 тыс., т. е. больше, чем за всё предыдущее десятилетие. Общее количество бастующих в 1905 г. достигло 2 800 тыс. Во главе движения, как и в предыдущие стачки, стояли металлисты: по тем же подсчётам Ленина, на каждые 100 фабричных рабочих вообще в 1905 г. было 160 бастующих, а на 100 рабочих-металлистов эта цифра достигала 320.

Уже в предшествующие годы в стачечном движении экономические, местные требования рабочих, обычно служившие непосредственным поводом стачки, особенно для малосознательных рабочих, всё более часто и тесно переплетались с политическими требованиями. В революционных массовых движениях 1905 г. это переплетение экономических и политических требований было особенно неразрывно, обеспечивая этим и успех всеобщего массового движения. Экономическая борьба вовлекала в революцию более отсталые и наименее сознательные массы рабочих, какими были в значительной части в 1905 г., например, текстильщики. Но, будучи вовлечены на этой почве в общую борьбу рабочих, и эти наиболее отсталые слои быстро превращались в армию политических борцов за общие интересы рабочего класса.

Кроме всеобщей политической стачки, другим могучим оружием, которое в огне борьбы с царизмом выдвинуло революционное творчество масс, явилось создание Советов рабочих депутатов, как невиданной в мире массовой политической революционной организации рабочего класса. Ленин впервые открыл идею «Советов», как зачаток революционной власти победившего пролетариата. Советы, впервые выросшие в 1905 г., явились прообразом советской власти, созданной пролетариатом под руководством большевиков в 1917 г. Объединяя рабочих делегатов всех фабрик и заводов Советы в 1905 г. создавались революционными слоями населения для борьбы с царизмом, ломая все его законы и устанавливая на местах новую власть, организуя стачки, подготовляя силы революции. Советы были организованы во всех сколько-нибудь крупных городах и рабочих центрах.

Революционизирующее влияние на дело политического пробуждения крестьянства оказали Советы вместе с массовыми стачками. С весны 1905 г. крестьянское движение приобретает

массовый характер под непосредственным влиянием революционного движения в городах и промышленных районах. Движение возникает в феврале 1905 г. в Курской губернии, отсюда быстро разливается по Орловской, Черниговской, одновременно возникает в Прибалтике, на Кавказе, в Закавказье. Летом 1905 г. аграрным движением было охвачено уже 90 уездов, а к осени — 240 уездов, преимущественно в местностях с наибольшим гнётом помещичьего землевладения, с наибольшим числом безлошадных, безземельных крестьянских дворов, т. е. в районах центрально-земледельческих, южных, юго-западных, западных. Значительно меньшее распространение оно получило в нечернозёмной полосе, на севере и в Сибири.

Разгром помещичьих имений как форма крестьянских движений в 1905 г. преобладал в тех районах, где, как в центрально-черноземных губерниях, особенно значительны были малоземелье и зависимость крестьян от аренды помещичьих земель и где кабально-земельные отношения к помещикам вызывали стихийную ненависть всех слоёв деревни, в том числе средних и даже более зажиточных групп. К этой же форме стихийного протеста относились распространённые здесь же поджоги усадеб, леса, массовые потравы, захват хлеба, скота, сена и пр. Раздел помещичьих земель и массовые запашки их, хотя и не носили планомерного характера, но всё же являлись важным опытом для последующего революционного раздела земель в 1917 г. Пролетарские формы борьбы в виде стачек сельскохозяйственных рабочих имели место преимущественно в районах капиталистического сельского хозяйства — на юге, юго-западе, западе. Наконец, чисто политические формы движения в виде смены деревенских правительственных органов проходили в редких случаях. Во многих губерниях социал-демократы стали устраивать собрания и организовывать крестьянские комитеты[1].

Революционные движения рабочих и крестьян не могли не сказаться на революционизировании армии, состоящей из тех же рабочих и крестьян, переодетых в солдатские мундиры. Особенно революционное движение в армии усилилось в связи с неудачной для царизма русско-японской войной.

В июне 1905 г. под непосредственным влиянием рабочих волнений в Одессе вспыхнуло восстание в Черноморском флоте на броненосце «Потёмкин», который стоял в это время в Одесском порту. Вследствие ошибок революционного руководства восстанием, остальные суда Черноморского флота не присоединились к «Потёмкину», и восстание кончилось поражением. Но оно имело громадное значение как первое массовое выступле-

[1] «Аграрное движение в России 1905—1906 гг.», по анкете Вольного экономического общества, 1908.

ние армии на стороне революции, как первый переход крупной части царских войск на сторону революции.

После восстания на броненосце «Потёмкин» начинается волна военных восстаний во флоте (в Кронштадте и др.) и в армии (Тифлис, Владивосток, Ташкент, Киев, Варшава и др.), захватывая сначала наиболее сознательные военные части, как, например, сапёров, а затем распространяясь и на другие части армии. Хотя армия в 1905 г. ещё не встала всецело на сторону народа в его борьбе с самодержавием, однако, революционизирование армии явилось одним из самых существенных моментов в развёртывании первой русской революции 1905 г.

Под влиянием революционных событий буржуазия искала сделки с царём против революции и требовала реформ, чтобы «успокоить» народ, расколоть пролетариат и обуздать революцию.

Наряду с жестокими репрессиями по отношению к рабочим и крестьянам, царское правительство делает попытку «уступки» народным требованиям в виде манифеста 6 августа (ст. ст.) об учреждении совещательной, так называемой «Булыгинской» думы (по имени министра внутренних дел Булыгина, руководившего в то время внутренней политикой). В противоположность соглашательской позиции меньшевиков большевики объявили активный бойкот Думе с целью разоблачения обмана царизмом народа этой карикатурой на народное представительство. Ленин и большевики идейно и организационно возглавляют революционное движение народных масс. Ленин в своей замечательной работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905 г.) разгромил тактическую установку меньшевиков о роли буржуазии как «вождя» революции, всесторонне обосновал возможность для пролетариата стать гегемоном в буржуазно-демократической революции и дал новую теорию социалистической революции, — теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«По этой теории гегемония пролетариата в буржуазной революции *при союзе* пролетариата и крестьянства должна была перерасти в гегемонию пролетариата в социалистической революции *при союзе* пролетариата и остальных трудящихся и эксплуатируемых масс, а демократическая диктатура пролетариата и крестьянства должна была подготовить почву для социалистической диктатуры пролетариата»[1].

Октябрьская политическая забастовка превратилась во всеобщую и всероссийскую. Лозунг большевиков о массовой политической стачке дал свои результаты. В октябре 1905 г. число бастующих рабочих достигло почти полумиллиона. В движение

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 72.

вовлекаются миллионы железнодорожных рабочих, почтово-телеграфных служащих, студенческие и мелкобуржуазные массы. Рабочий класс становится во главе движения, выдвигая вместе с экономическими лозунгами о 8-часовом рабочем дне требования общих политических свобод и пр. Организации первых Советов рабочих депутатов начинают «...играть роль временного революционного правительства, роль органов и руководителей восстаний»[1]. Одновременно с этим возникает освободительное национальное движение. Таким образом, развитие массового движения рабочих достигает в 1905 г. «перехода к настоящей гражданской войне, к восстанию».

Царское правительство, насмерть перепуганное всеобщей забастовкой, угрозой гражданской войны и свержения царизма, принуждено было сделать вид, что оно идёт на «уступки» народу. За несколько часов до получения сообщения о царском манифесте Ленин писал: «царизм *уже не* в силах, — революция *еще не* в силах победить»[2].

Манифест 17 октября обещал народу «незыблемые» основы гражданских свобод, законодательную Думу с привлечением к выборам всех классов населения. Но это был сплошной обман народных масс. Ленин призвал пролетариат перескочить через пожалованную царём конституцию и стать на путь свержения самодержавия путём вооружённого восстания. Между тем, обещания правительства откололи от революционного движения малосознательные слои. Само правительство стало создавать контрреволюционные черносотенные организации для борьбы с революционерами. После этого, в особенности после новых вспышек революционного движения и Декабрьского восстания в Москве, правительство снаряжает военные карательные экспедиции и с помощью жандармов и войск беспощадно подавляет революцию.

Декабрьское восстание 1905 г. было высшей точкой революционного движения. В течение 9 дней несколько тысяч вооружённых рабочих вели в Москве героическую борьбу. Декабрьское восстание было с бесчеловечной жестокостью подавлено. Начался поворот к постепенному отступлению революции. Крестьянское движение после некоторой новой вспышки летом 1906 г. (240 уездов охваченных движением) также значительно сокращается к осени 1906 г. (72 уезда) и, будучи подавлено жестокими военными репрессиями, совсем стихает к осени 1907 г. (3 уезда). Рабочее движение после максимального подъёма в октябре (475 тыс. стачечников) и в декабре (425 тыс.) падает в феврале — марте 1906 г. (менее 50 тыс.), хотя и с

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 240.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 9, изд. 4, стр. 382.

попытками «...самых боевых элементов рабочего класса прекратить отступление революции и подготовить новое наступление» [1].

Влияние войны и революции на народное хозяйство. Русско-японская война, начавшаяся (27 января 1904 г.) непосредственно вслед за опустошениями, произведёнными в народном хозяйстве кризисом и депрессией 1900—1903 гг., окончательно заглушила те элементы оживления и возрождения, которые стали проявляться в хозяйственной конъюнктуре с 1903—1904 гг.

Война с первых же дней начала сильнейшим образом сказываться на экономической жизни страны. В день объявления войны Петербургскую биржу, по сообщению прессы, «охватил панический страх, равный которому едва ли запомнит история последних десятилетий. Что творилось на бирже в этот день, совсем не поддаётся описанию» [2]. Вопреки успокоительным заверениям «патриотической» прессы, заграничная «Искра» уже в апреле 1904 г. писала по поводу русско-японской войны: «Ещё не улеглись грозные волны кризиса, охватившего русскую промышленность за последние четыре года, как уже доносятся вести о новом усилении экономического застоя... Всего два месяца прошло со времени объявления войны, а уже могучие удары её болезненно отзываются на всём хозяйственном организме страны» [3].

Начавшаяся на отдалённых окраинах государства как «маленькая», «местная» война, она прежде всего приводит в расстройство хозяйственную жизнь Сибири. Из-за перегруженности военными перевозками Сибирская железная дорога прекратила приём частных грузов, весь торгово-промышленный оборот Сибири оказался подорванным в корне. Призыв в армию сибирского населения и конские мобилизации подорвали производительность крестьянского хозяйства Сибири. Но экономический кризис, вызванный войной, распространился на всю страну и захватил как город, так и деревню, докатившись до отдалённых западных окраин. От расстройства сибирского крестьянского хозяйства начинает страдать лодзинская текстильная промышленность, сбывавшая свои товары в Сибирь. К этому присоединяется сокращение и приостановка западноевропейскими банками и торговыми фирмами кредитов, которыми особенно значительно пользовалась польская промышленность. Потрясения в кредите, сокращение и приостановка торговли обусловили застой торговли и промышленности всех крупнейших центров лёгкой промышленности — Лодзи, Одессы, Варшавы, Киева, Петербурга и др. Прекращение перевозок

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 243—244.
[2] «Промышленный мир» № 5 за 1904 г.
[3] «Искра» № 63 от 1 апреля 1904 г.

керосина в Сибирь вызывало простои заводов Баку. Безработица всё сильнее проявляется в Варшаве, Лодзи, Одессе, Петербурге, Москве.

Каждая военная неудача русских армий и флота резко отражалась подрывом государственного кредита и падением ценности рубля и русских фондов на иностранных биржах. Курс русской 4%-ной ренты на Лондонской бирже до войны доходил до 101, первые же военные неудачи понизили его до 87. Курс рубля на Берлинской бирже упал с 216 марок за 100 руб. до 214 марок. Хотя золотая валюта сохранилась, но усиленные эмиссии бумажных денег приводили к обесценению рубля на внутреннем рынке, находившемся и без того в угнетённом состоянии.

Кроме эмиссии бумажных денег другим средством финансирования войны были государственные займы. За 1904—1906 гг. было реализовано для нужд войны внутренних и внешних займов и краткосрочных обязательств государственного казначейства на сумму свыше 2,2 млрд. руб., что сильно ухудшило состояние рынка капиталов. Было произведено изъятие из Госбанка свободных средств государственного казначейства, текущий счёт которого за 1904 г. уменьшился с 343 млн. руб. до 174 млн. руб.

Ещё более неблагоприятно неудачи войны, застой промышленности и падение ценности рубля сказались на резком сокращении инвестиций иностранного капитала в русскую промышленность. В 1905 г. было разрешено к открытию 75 акционерных обществ с капиталом в 72 млн. руб., из них иностранных 10 с капиталом 8 млн. против 94 обществ в 1904 г. с капиталом в 119 млн. руб., из которых иностранного было 27 млн. руб. Кроме общей неуверенности иностранных капиталистов в политическом и экономическом благополучии страны такому отливу иностранных промышленных инвестиций способствовало также падение дивидендов в 1904 г. до 5,01% и в 1905 г. до 5,44% против 7,84—7,03% в 1902—1903 гг. Обострился и денежный кризис: Госбанк повысил в 1904 г. дисконт до 5,38% и в 1905 г. до 5,64%.

Одновременно с этим, впрочем, война обусловила некоторый, иногда значительный подъём и спекулятивное оживление в отраслях производства и товарооборота, непосредственно обслуживающих нужды войны (оружие, снаряды, вагоны, кожи, холст и пр.). Военным спросом объясняется увеличение в 1904 и в 1905 гг. добычи каменного угля (до 1 196 млн. пудов в 1904 г. и 1 141 млн. пудов в 1905 г. против 1 003 млн. пудов в 1900 г.), увеличение выплавки чугуна (180 млн. пудов в 1904 г. против 177 млн. пудов в 1900 г., но уже в 1905 г. всего 166 млн. пудов), производства железа и стали (153 млн. пудов

и 144 млн. пудов в 1904 и 1905 гг. против минимальной цифры в 135 млн. пудов в 1903 г.). Но всё это внесло мало изменений в общий «неустойчивый» и угнетённый характер хозяйственной конъюнктуры, не придало ей характера общего подъёма. Военные заказы были не велики, большого военного «бума» не создали, а многие русские заводы оказались неприспособленными к производству требуемого для войны вооружения. Правительство ставило даже вопрос о передаче военных заказов за границу, что, впрочем, в сколько-нибудь больших размерах по политическим причинам не осуществилось. В небольшой доле подъём в чёрной металлургии поддерживался усилением в связи с войной железнодорожного строительства (после полного прекращения его в начале войны), но это строительство было также очень небольшим. Цены на чугун, рельсы, балки даже при военном спросе не дали сколько-нибудь существенного повышения.

На производство продуктов лёгкой индустрии и предметов широкого потребления война 1904—1905 гг. оказала отрицательное влияние, вследствие понижения покупательной способности населения и падения массового спроса. Только производство некоторых предметов военного потребления (кожевенная, льняная промышленность) дало небольшое приращение, но для производства других предметов широкого потребления и массового внутреннего рынка 1904—1905 гг. были годами застоя. Особенно тяжело война отразилась на хлопчатобумажной промышленности. Количество переработанного хлопка уменьшилось с 22,1 млн. пудов в 1903 г. до 20,1 млн. пудов в 1904 г.; ввоз заграничных текстильных машин упал до 193 тыс. пудов на сумму 1,7 млн. руб. против 254 тыс. пудов на 2,3 млн. руб. Нижегородская ярмарка 1904 г. закончилась недоторжкой по мануфактуре и падением цен. Особенно сильно кризис чувствовался в Лодзинском районе, но и в центральном районе сокращалось производство, закрывались фабрики, сокращалось число рабочих.

Забастовки, начавшиеся непосредственно после 9 января; летом — баррикады в промышленных центрах, восстание в Черноморском флоте, разгром Одесского порта; наконец, — железнодорожная забастовка, развернувшаяся в октябре во всеобщую политическую забастовку, — всё это повергло в ужас не только самодержавие, но и промышленную буржуазию.

Биржа, банки находились в панике. В октябре 1905 г. они фактически прекратили деятельность, так как не было ни продавцов, ни покупателей. Не было ни почтовой, ни телеграфной связи, ни поездов. Грузы гнили в пути, кредиты под товары были закрыты, экспорт прекратился. Заграничные биржи стали усиленно выбрасывать на рынок русские фонды, иностранный

финансовый мир прекратил кредиты. Русские банки, не только частные коммерческие, но и государственный, были в затруднительном положении. В коммерческих банках вклады выбирались, заграничных кредитов не было, активных операций не производилось, требования на переучёт и перезалог возросли с 52 млн. руб. в 1904 г. до 161,9 млн. руб. в 1905 г. Госбанк испытывал большое напряжение баланса вследствие изъятия средств государственного казначейства, увеличения требований ссуд под процентные бумаги и векселя, увеличение эмиссии при сокращении золотого запаса.

Политический и финансовый крах царизма возбудил опасения западноевропейской буржуазии, в особенности во Франции, которая была связана с царизмом внешнеполитическим союзом и вложила в русскую промышленность и транспорт миллиардные капиталы. Французская буржуазия решила притти на помощь царизму и русскому империалистическому капитализму. Французские банки, предоставив царскому правительству заём в 2,25 млрд. фр., спасли расстроенные русские финансы и помогли царизму подавить революцию.

После подавления Декабрьского восстания в Москве карательные экспедиции и контрреволюционные погромы полностью терроризировали нормальную хозяйственную жизнь страны. Первая русская революция была подавлена военной силой царизма.

В результате поражения революции «крестьянство не получило помещичьей земли, рабочие не получили 8-часового рабочего дня, не было свергнуто ненавистное народу царское самодержавие...» «Основные задачи революции не были разрешены» [1]. Но главнейшим результатом революционного движения крестьянства в 1902—1906 гг. было то, что оно на собственном опыте убедилось в невозможности произвести «крестьянскую ломку» средневековых крепостнических отношений и уничтожения крепостнических латифундий без свержения власти царизма.

«...Буржуазная революция развернулась в России при более развитых условиях классовой борьбы, чем на Западе...» [2]

На Западе буржуазная революция привела к громадному усилению политического влияния буржуазии. В России же буржуазия потеряла основной резерв в лице крестьянства. Надежды буржуазии, что «серячок выручит», лопнули как мыльный пузырь. Несмотря на подавление революции, как в рабочем классе, так и в крестьянстве созревали условия нового революционного подъёма.

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 128.
[2] *И. В. Сталин*, Соч., т. 6, стр. 127.

Из боязни пролетарской революции буржуазия «...растеряла подобие всякой революционности... и повернула в сторону союза с царём и помещиками против революции, против рабочих и крестьян»[1].

Наступила эпоха жестокой столыпинской реакции.

ГЛАВА X

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕАКЦИЯ И БУРЖУАЗНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ДЕРЕВНИ

После подавления революции 1905—1907 гг. в общественной и политической жизни России начинается длительный период реакции 1907—1912 гг. По имени главного проводника её, царского премьер-министра Столыпина, этот период получил название «столыпинской реакции». Период растерянности и страха правительства, помещиков и буржуазии сменился победой «твёрдой власти», проводником которой стал Столыпин.

Саратовский помещик и губернский предводитель дворянства, затем саратовский губернатор, «прославившийся» себя в глазах царя и черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами, Столыпин в 1906 г. становится, по характеристике Ленина, министром такой эпохи «...когда крепостники-помещики изо всех сил, самым ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому аграрному быту *буржуазную* политику, распростившись со всеми романтическими иллюзиями и надеждами на «патриархальность» мужичка, *ища* себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности. Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию...»[2]

Царское правительство, напуганное революционным движением рабочих и крестьян, видело, что одни даже самые жестокие репрессии не в состоянии предотвратить новую революцию, а необходимо найти массовую опору, которая помогла бы сохранить власть. Вместе с подавлением революции посредством жестоких репрессий царизм наметил проведение новой

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 6, стр. 127.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 221—222.

аграрной политики по отношению к крестьянству. Она сводилась к насильственной ломке средневековых остатков крестьянского общинного землевладения и к насаждению крепкого кулацкого индивидуального крестьянского хозяйства. В этом царизм видел опору против возможности повторения крестьянских восстаний и попыток к революционному уничтожению крестьянами помещичьих латифундий. Кроме продолжающихся общих политических репрессий, особенно жестоких против рабочих, центральным звеном наступающей реакции явилось проведение столыпинской земельной реформы. Царизм пытался путём буржуазной перестройки аграрных отношений средневековой деревни при сохранении, однако, господства поместно-землевладельческого класса найти «крайние» меры «...на *последней* оставшейся ему арене, арене приспособления к буржуазному развитию...»[1] Но все эти меры оказывались недостаточными.

Подготовка новой аграрной политики царского правительства. Промышленный капитализм уже в конце XIX в. «...бесповоротно подорвал все основы старого аграрного строя России». Он не мог «...развиваться дальше, не ломая этого строя...» «Старая сословная община, прикрепление крестьян к земле, рутина полукрепостной деревни пришли в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями»[2]. Но, как и в 1861 г., крестьянские выступления 1902 г. и затем восстания 1905—1906 гг. показали, что крестьянство продолжает свою борьбу за «крестьянскую чистку земли», за «американский» путь развития, за уничтожение крепостнических латифундий.

С самого начала XX в. вопрос о положении деревни и опасности «революции снизу» из-за крайне тяжёлого и бесправного положения крестьянства становится одним из важнейших вопросов экономической политики и многочисленных правительственных комиссий. Уже неурожай 1901 г. вызвал к жизни образование в 1901 г. Комиссии по исследованию причин оскудения центра[3], а затем, после волнений крестьян в 1902 г., при министерстве внутренних дел были образованы особые «редакционные комиссии» для общего пересмотра всего законодательства о крестьянах, в том числе и многих важных вопросов экономического порядка — о землевладении, общине,

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 201.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 420, 419.

[3] «Материалы высочайше учреждённой 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России», вып. I—III, 1903, а также *А. Д. Поленов*, Исследование экономического положения центрально-черноземных губервий. Труды особого совещания, 1899—1901 гг., Спб. 1901.

круговой поруке и пр.[1] Наконец, в том же 1902 г. с большим шумом было создано под председательством Витте Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Кроме центрального органа, состоящего из чиновников и представителей «общественности» в лице помещиков, земских гласных и т. п., было образовано 618 местных комитетов, из них 536 уездных с числом членов до 12 тыс. человек, также исключительно из помещиков, чиновников, представителей земства (крестьян было лишь 2%).

Уже в многотомных трудах местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности впервые были высказаны мысли, вошедшие впоследствии в основные положения столыпинской реформы 1906 г. Местные комиссии видели причины крестьянского неблагополучия в технической отсталости. Поэтому большинство комитетов высказывалось за переход от трёхполья к многополью, рекомендовало посевы трав и корнеплодов и т. п. Но так как на пути к улучшению техники в сельском хозяйстве стояла община, то большинство комитетов приходило к заключению о необходимости содействовать переходу сельских общин к подворному и хуторскому владению, предоставив отдельным крестьянам право выделять свои наделы из общинного землепользования даже помимо согласия «мира». Указывалось также на необходимость устранения ограничений крестьянства в общих гражданских и личных правах[2].

После революции 1905 г. и аграрных восстаний, вызвавших панику среди дворянства, появляются кадетские проекты профессора Мигулина и Н. Кутлера о частичном отчуждении частновладельческих земель[3]. Но с подавлением революции и с наступлением реакции эти проекты по требованию съездов объединённого дворянства были отвергнуты. Даже виттевское Особое совещание было признано слишком левым и было распущено.

Дворянство высказалось за «новую аграрную программу» Столыпина[4]. Для «успокоения» крестьянства проведены были такие «реформы», как отмена законом 3 ноября 1905 г. выкупных платежей (нужно сказать, уже целиком, а по подсчётам некоторых авторов (Лосицкий) даже с избытком выплаченным

---

[1] «Труды редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах», т. I—VI, Спб. 1903—1906.

[2] «Материалы, поступившие в Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности» и «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», 1904—1905. Сводка их в сборнике «Нужды деревни», 2 тома, 1904.

[3] Об этом см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 254—262.

[4] См. «Труды 1 съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний», 1910; ср. также *С. Ю. Витте*, Записка по крестьянскому делу, 1905.

крестьянами). Введены были новые правила о расширении деятельности Крестьянского банка, о передаче ему удельных земель для продажи крестьянам (12 августа 1905 г.) и казённых земель с той же целью (27 августа 1905 г.), новые правила о землеустройстве (4 марта 1906 г.), 10 марта 1906 г. о свободе переселений крестьян и пр. Наконец, весь этот курс «новой аграрной политики» был завершён изданием главного закона — указа 9 ноября 1906 г. под скромным названием «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» или, как его по существу содержания называли «о разрушении общины». Все эти аграрные законы были проведены Столыпиным «внепарламентским» путём, помимо Государственной думы, в порядке 87 статьи основных законов, как чрезвычайные и нетерпящие отлагательства.

Аграрное законодательство Столыпина. Всем этим царское правительство подготовляло свои новые позиции в аграрном вопросе. Усиливая крестьянскую буржуазию, оно надеялось иметь защиту от повторений аграрных волнений, от «чёрных переделов», от нарушений неприкосновенности частной собственности. Столыпинская аграрная реформа 1906—1910 гг. открыла новый путь буржуазной аграрной политики — ставку на «крепкого мужика», на его «свободное» индивидуальное землепользование, а вместе с тем на «...насильственное разрушение общины и ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков»[1].

Обычно в исторической литературе при обсуждении значения столыпинского аграрного законодательства его ограничивают преимущественно указом 9 ноября о «разрушении общины» и о буржуазной перестройке крестьянского землевладения. Конечно, этот указ был центральным в правительственной аграрной политике. Но политика Столыпина не ограничивалась только буржуазной перестройкой крестьянского землевладения и «разрушением общины». Революция 1905 г., крестьянские восстания и погромы помещичьих имений убедили правительство и дворянство, что надежды на «мужичка», как на опору самодержавия, на крестьянскую общину, как на гарантию спасительной «уравнительности» и предохранение от революционных движений, потерпели полный крах.

Но и надежды поместного дворянства, что оно в своих «дворянских гнёздах» может «отсидеться» от революции с помощью штыков жандармов и войск, а затем вновь возвратиться к средневековым формам хозяйства с кабальными арендами и

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 420.

отработками крестьян также полностью рухнули. Крестьянство требовало земли во что бы то ни стало, требовало отчуждения помещичьих земель. Под такой угрозой дворянству не оставалось ничего другого, как продать свои земли по возможно дорогой цене.

Так в столыпинском аграрном законодательстве второй органической частью стала продажа крестьянам частновладельческих земель через Крестьянский банк. Но таких продажных земель было недостаточно — столыпинская аграрная политика направляется на усиление переселений крестьян на обширные казённые земли Сибири с целью достичь здесь двойной выгоды: отвлечь переселением безземельные и малоземельные массы от революционных выступлений и создать в Сибири оплот «крепкого» хуторского хозяйства.

Таково было развёрнутое содержание «новой аграрной политики» и аграрного законодательства Столыпина. Оно представляло законченную систему буржуазного преобразования аграрного строя России, было, по словам Ленина, «насквозь проникнуто чисто буржуазным духом».

Ниже мы более подробно остановимся на этих трёх отдельных, но тесно связанных друг с другом частях столыпинского аграрного законодательства.

а) *Разрушение общины и буржуазная перестройка крестьянского землевладения.*

Сущность аграрной реформы Столыпина, проведённой указом 9 ноября 1906 г., ставшим затем, после принятия его III Государственной думой, законом 14 июня 1910 г., заключается в следующем. Все крестьянские земельные общества были разделены на две группы: общины, не производившие переделов земли со времени наделения землёй, и общины, производившие переделы. Первые, так называемые «беспередельные» общины, были признаны прямо перешедшими к подворно-участковому землевладению, и все участки земли отдельных домохозяев закреплялись за ними на основе личной собственности. В обществах, где переделы производились, всякий домохозяин мог требовать во всякое время закрепления в его личную собственность всей причитающейся ему по переделу земли. Если фактическое число развёрсточных единиц в семье и, следовательно, количество причитающейся ему земли после передела уменьшилось, то излишки земли закреплялись в собственность владельца при уплате обществу первоначальной (1861 г.) выкупной стоимости земли. В случае чересполосности закреплённых полос домохозяин имел право требовать, чтобы общество выделило ему участок по возможности к одному месту, причём если требование о выделе предъявлялось в момент общего передела, то такой выдел к одному месту являлся для общества обязатель-

ным. Точно так же выдел к одному месту обязателен для общества, если этого требовало не менее одной пятой всего числа домохозяев.

Кроме единоличного выдела из земельного общества закон разрешал переход целыми обществами к владению на отрубных участках постановлением простого большинства голосов всех домохозяев в селениях с подворно-участковым и двух третей голосов в селениях с общинным землевладением. Во всех указанных случаях выделившиеся сохраняли право пользования совместными угодьями — сенокосом, лесом и пр.[1]

Таковы главнейшие положения закона 14 июня 1910 г. Из сказанного видны те крупные перемены, которые вносила реформа в крестьянский аграрный строй. Предоставляя всем право выхода из общины, закон явно покровительствовал тем, у кого к моменту выдела сосредоточивалось больше земли, чем приходилось в среднем на душу во всём обществе. Притом эти излишки закреплялись по пониженному расценку, по выкупным оценкам 1861 г., т. е. в 2—3 раза ниже цен 1906—1910 гг. Вместе с тем реформа открывала возможность продажи земли теми хозяйствами, которые имели мало земли и жили не земледелием, а промышленным трудом. Эта земля, продаваемая малоземельными крестьянами, скупалась кулаками. И хотя закон ограничивал возможность сосредоточения и скупки надельной земли (не свыше 6 душевых наделов), тем не менее фактическая возможность концентрации земли была очевидна. Таким образом, в основу новых аграрных отношений были положены интересы кулака-крестьянина — личного собственника, разорвавшего с передельно-общинными порядками и охраняющего «неприкосновенность» своей личной, отрубной или хуторской собственности.

Если обратиться к цифровым итогам реформы за первые 9 лет её действия (с 1907 г.), то получим следующие данные.

К 1 января 1916 г. всего по Европейской России заявили требования о закреплении земли в собственность 2 755 тыс. домохозяев. Из них выделилось из общины 2 008 тыс. домохозяев с площадью в 14 123 тыс. десятин. Кроме того, получили «удостоверительные акты» на закрепление участков в общинах, где не было переделов, 470 тыс. домохозяев с площадью в 2 796 тыс. десятин. Итого вышло из общины и закрепило землю в личную собственность 2 478 тыс. домохозяев с площадью в 16 919 тыс. десятин. Это составляло из общего количества дворов по 40 губерниям Европейской России около 24%.

---

[1] «Закон об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», официальное издание министерства внутренних дел, 1910.

По отдельным годам выход из общины рисуется следующими цифрами:

Годы	Число домохозяев, заявивших требование об укреплении земли в собственность	Число домохозяев, окончательно вышедших из общины
1907	211 922	48 271
1908	840 059	508 344
1909	649 921	579 409
1910	341 884	342 245
1911	242 328	145 567
1912	152 397	122 314
1913	160 304	134 554
1914	120 321	97 877
1915	36 497	29 851
Всего .	2 755 633	2 008 432

Таким образом, наибольшее число выходов из общины дают 1908—1909 гг. Это объясняется тем, что в это время выходили из общины наиболее заинтересованные, т. е. наиболее зажиточные, или те, которые стремились скорее ликвидировать свою землю и земледельческое хозяйство. В последующие годы поэтому обнаружилось понижение закреплений и выделов.

Закрепление земли в личную собственность по районам также неодинаково. Со времени издания указа 9 ноября 1906 г. по 1 мая 1915 г., по данным земского отдела министерства внутренних дел по 40 губерниям, оно распределялось по районам (см. табл. на стр. 267)[1].

Из таблицы видно, что на первом месте по проценту закреплений земли в личную собственность стоит Правобережный украинский район (представленный в таблице одной Киевской губернией), наиболее капиталистически развитой. Далее идут районы Новороссийский, Белорусский, в наименьшей мере районы отсталого хозяйства — Поволжья, центра и севера.

Таковы были основные итоги столыпинской реформы, как нового поворота в аграрном развитии первого десятилетия XX в. Ставка на «сильного хозяина», кулака, уничтожение архаических остатков общины, сословной изолированности крестьянства должны были укрепить позиции капитализма в деревне. Этим предполагалось навсегда устранить угрозу

[1] Правобережный — без Подольской и Волынской губерний; Новороссийский — без Донской области; Белорусский — без Минской и Виленской губерний; Нижневолжский — без Уральской области; Северный — без Архангельской губернии.

Районы	Отношение числа домохозяев, закрепивших землю (в %)		Площадь окончательного закрепления земли (десятин)	Отношение закреплённой земли ко всей площади надельного землевладения (в %)
	к числу домохозяев, заявивших требование о выделе	к числу владеющих земле на общинном праве		
Правобережный украинский (Киевская губерния)	98,4	48,6	77 987	50,7
Новороссийский	85,1	42,7	2 495 757	34,2
Белорусский	82,8	33,8	1 138 784	30,4
Центрально-черноземный	75,1	27,6	2 057 303	17,5
Нижневолжский	58,6	21,7	2 843 142	12,2
Средневолжский	64,2	19,1	1 829 325	11,8
Центрально-промышленный	73,2	16,7	1 378 464	12,9
Левобережный украинский	75,4	16,5	651 462	13,8
Приозёрный	69,2	12,7	773 245	10,4
Северный	50,8	6,6	137 458	3,7
Приуральский	47,0	4,4	550 007	3,5
Всего	70,8	21,8	13 932 934	16,4

аграрной революции и закрепить аграрное развитие России по буржуазному руслу с массой крепкого крестьянского кулацкого хозяйства.

Поэтому Ленин, характеризуя столыпинское законодательство, указывает, что оно было «...насквозь проникнуто чисто буржуазным духом. Оно, вне всякого сомнения, идет по линии капиталистической эволюции, облегчает, толкает вперед эту эволюцию, ускоряет экспроприацию крестьянства, распадение общины, создание крестьянской буржуазии»[1].

Реформа проводила «...коренную *ломку* старого, средневекового землевладения»[2], она была «второй помещичьей чисткой земли». Эта помещичья чистка земли попрежнему сохраняла за аграрным строем «прусский» тип буржуазного развития, а не «американский» тип с «крестьянской чисткой земли» и с полным уничтожением крепостнических помещичьих латифундий. Но в то же время реформа Столыпина несла вместе с собой в деревню и тот антагонизм, который ещё более революционизировал деревню, создавая пропасть между небольшой верхушкой сельской буржуазии и массой деревенской малозе-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 219.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 131.

мельной и безземельной бедноты. Ею «...открыт еще один и притом *последний* клапан...»; она не смогла «...устранить ни кабалы и отработков массы крестьян, ни их голодовок»[1].

Будучи «последним клапаном» для предотвращения революционных взрывов деревни путём окончательного закрепления буржуазно-капиталистического её развития, столыпинская реформа ещё более ухудшила положение малоземельных крестьян и деревенской бедноты, а вместе с тем и революционизировала их. Она не только не прекратила крестьянских движений, но и усилила столкновения крестьян-общинников и с крупными помещиками и с новыми «столыпинскими помещиками», кулаками-хуторянами. Деревенская беднота и середняцкая масса трудящихся крестьян во многих случаях оказывали яростное сопротивление землемерам при выделении отрубщикам общественной земли.

Реформа Столыпина, таким образом, имела своим следствием подготовку крестьянства к новым революционным выступлениям и против помещиков и против всей политики царизма. «Крах столыпинской политики», ставший очевидным уже через несколько лет после реформы и для самих помещиков и для буржуазии, был вместе с тем «...крах царизма на этом последнем, *последнем мыслимом* для царизма пути»[2].

Революционные массы рабочих и крестьян выдвигают требование о национализации земли, конфискации всех помещичьих земель.

Под этими большевистскими лозунгами вместе с лозунгами о демократической республике и 8-часовом рабочем дне шёл новый подъём революционного движения в 1912—1914 гг.

б) *Крестьянский банк и продажа частновладельческих земель.* В реформе Столыпина в качестве органа осуществления новой аграрной политики и мобилизации в этих целях земельной собственности исключительно важное значение приобрёл Крестьянский поземельный банк. Получив право самостоятельной покупки частных (т. е. преимущественно дворянских) имений, банк из кредитного органа был превращён в орудие новой аграрной политики для оказания помощи помещикам путём выгодных для них продаж их имений крестьянам и для быстрейшего развития крестьянского хуторского землевладения. Скупая помещичьи латифундии и раздробляя их на крестьянские хутора и отруба, продавая крестьянам переданные банку казённые и удельные земли, оказывая крестьянам содействие в их переселении в Сибирь и устраивая их там на хуторах и отру-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 226, 227.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 17, изд. 4, стр. 222.

бах, Крестьянский земельный банк получил значение одного из важнейших проводников новой аграрной политики и мероприятий столыпинской аграрной реформы.

Для проведения мероприятий по регулированию и землеустройству крестьянского землевладения указом 4 марта 1906 г. были учреждены губернские и уездные землеустроительные комиссии, на которых специальным «Наказом» было возложено (кроме собственно землеустроительных мероприятий) «содействие» через Крестьянский банк покупке крестьянами земель у частных лиц. В тех же целях банку была предоставлена часть казённых и удельных земель для продажи или для сдачи в аренду этих земель крестьянам. Наконец, на банк было возложено «содействие» переселению крестьян на казённые земли Азиатской России с кредитной помощью банка.

Как видно из этого перечня, во главу угла деятельности землеустроительных комиссий и Крестьянского банка была положена скупка помещичьих, дворянских земель и распродажа их крестьянам. За десятилетие 1906—1915 гг. в земельный фонд Крестьянского банка было передано частных имений 4 326 тыс. десятин, тогда как удельных — всего 1258 тыс. десятин, казённые же земли передавались крестьянам только в случаях переселения в Сибирь, но и здесь, несмотря на необъятные количества казённых земель, фонд готовых к заселению и землеустроенных земель был быстро исчерпан.

Таким образом Крестьянский поземельный банк, учреждённый в 1882 г. якобы для «содействия расширению крестьянского землевладения», в столыпинскую эпоху превратился в орган продажи по высоким, вздутым ценам имений дворян, не сумевших организовать своё хозяйство выгодно на капиталистических началах. Это новое направление деятельности Крестьянского банка соответствовало как общему духу столыпинского законодательства в буржуазной перестройке деревни, так и тому политическому кризису, в котором очутилось дворянское полуфеодальное хозяйство после революции 1906 г.

Кроме опасений дальнейших разгромов помещичьих имений крестьянами непосредственным результатом аграрных волнений было падение арендных цен в среднем на 30%. В разных губерниях оно колебалось от 28 до 80%, причём наибольшее падение произошло в губерниях с господством некапиталистических форм хозяйства — с отработками и пр. Насколько помещики были испуганы крестьянскими волнениями и требованиями о принудительном отчуждении земель показывает то обстоятельство, что в один 1906 г. было предложено Крестьянскому банку на продажу 7 596 тыс. десятин земли, что составляло около 15% всей дворянской земельной собственности. Предлагались на продажу в преобладающей степени полукре-

постнические хозяйства, сдававшиеся в аренду или на отработки, более устойчивыми были капиталистические хозяйства.

При таких условиях Крестьянский банк явился наиболее желанным и щедрым покупщиком дворянских земель. На Крестьянский банк была возложена задача «не допустить пагубное в интересах народного хозяйства обесценение земельной собственности». Действительно, банк выполнил эту задачу, повысив цены за время осуществления столыпинской аграрной политики 1906—1915 гг. на 50%. Но кроме поддержания чрезвычайно высоких цен на землю для продавцов-помещиков, банку необходим был крупный земельный фонд для того, чтобы им оперировать при буржуазной перестройке деревни и для насаждения хуторов и отрубов.

Насколько в этом отношении деятельность Крестьянского банка была значительной, показывают следующие цифры. Тогда как за десятилетие с 1896 по 1905 г. через банк продано было 504 имения в 961 тыс. десятин стоимостью 68 млн. руб., в одном 1906 г. было продано 700 имений в 1144 тыс. десятин стоимостью 124 млн. руб., в 1907 г. — 1191 имение в 1520 тыс. десятин стоимостью 159 млн. руб., за десятилетие 1906—1915 гг. 3 257 имений в 4 326 тыс. десятин стоимостью 465 млн. руб. Кроме того, в земельный же фонд банка было передано 1258 тыс. десятин земли удельных имений стоимостью 71 млн. руб. Общий земельный фонд банка за рассматриваемое десятилетие исчислялся в 6,4 млн. десятин стоимостью 578 млн. руб.

Этим земельным фондом правительство оперировало, с одной стороны, для поддержания чрезвычайно высоких, выгодных для помещиков земельных цен, с другой — для насаждения крепкого крестьянства. Насколько цены, уплачиваемые Крестьянским банком, были действительно выгодны для помещиков, показывает то обстоятельство, что средняя покупная (от помещиков) цена десятины земли Крестьянского банка в 1895—1905 гг. была 71 руб., а в 1906—1915 гг. 161 руб., причём даже в годы наивысшей «паники» земельного дворянства, в 1906—1907 гг., цена была 122—129 руб. десятина, а в 1914 г. дошла до 136 руб.

Что касается распределения этого земельного фонда между различными категориями покупателей по степени их земельной нужды, то этот вопрос хорошо иллюстрируется следующими цифрами: в 18 губерниях с большим числом малоземельных крестьян (свыше 30%) на 1447 тыс. малоземельных дворов имелся земельный фонд банка всего в 588 тыс. десятин, т. е. на один двор приходилось 0,4 десятины. Наоборот, в 18 губерниях всего со 145 тыс. малоземельных (до 10% всех дворов) земельный фонд был в 1987 тыс. десятин, или по 13,7 десятины на двор.

Ясно, что земельный банковский фонд и не предназначался для удовлетворения земельной нужды малоземельных. Банк проводил в своей деятельности ту политику, которая была положена в основу столыпинской реформы, — политику создания единоличного кулацкого крестьянского хозяйства. Это видно из того, что продажа из земельного фонда Крестьянского банка в 1907—1916 гг. дала следующие результаты по категориям покупателей. Было продано земельного фонда: отрубникам 54,6%, хуторянам — 23,4, сельским обществам — 17, прочим — 5%. Банк насаждал хуторское и отрубное землевладение. Притом, хотя по статистике Крестьянского банка значилось, что бо́льшая часть земли покупалась «безземельными», при ближайшем рассмотрении оказывалось, что эта часть покупок, производимых такими «безземельными», была покупками сельской буржуазии — безземельными лавочниками, торговцами, подгородными мещанами, вообще зажиточными слоями, располагающими теми большими средствами, которые требовались для банковских покупок земли по дорогой цене. Всего за период 1905—1911 гг. крестьяне лично и товариществами (т. е. наиболее зажиточные группы) приобрели земли 4 868,4 тыс. десятин. Кроме того (по подразделениям тогдашней статистики), купцы, почётные граждане и тому подобные группы буржуазии приобрели земли 1 043,4 тыс. десятин.

Реформа Столыпина и деятельность Крестьянского поземельного банка не только способствовали образованию и укреплению капиталистической кулацкой верхушки деревни. Под влиянием реформы на другом полюсе деревни усиливалось обезземеливание и образование безземельного пролетариата благодаря открывшейся возможности продажи надельных земель. Как сама реформа Столыпина, так и разрешение продажи и залога надельных крестьянских земель через банк вызвали усиленную продажу наделов. За время 1908—1915 гг. до 1,2 млн. крестьянских дворов продали свою надельную землю в количестве 3,9 млн. десятин на сумму 445 млн. руб. Состав продавцов и причины продажи были различны: кроме переселения, случайных причин и т. п., бо́льшая часть хозяйств продавала землю вследствие полной своей пролетаризации, разрыва с земледелием, ухода в города и в промышленность; часть, наоборот, продавала надел в одном месте, чтобы купить землю и завести хозяйство в другом. По специальному правительственному обследованию этого вопроса в 12 уездах, пролетаризация хозяйства как причина продажи надельной земли давала от четверти до половины всех случаев, стремление же завести собственное, более крепкое и самостоятельное хозяйство в другом месте (переселения в Сибирь, а также в другие губернии) — от трети

до половины всех случаев[1]. В таких формах проявлялся и усиливался под влиянием реформы Столыпина процесс пролетаризации деревни, с одной стороны, и укрепления в ней крепких кулацких хозяйственных элементов — с другой.

в) *Крестьянские переселения.* Последним звеном в аграрной политике Столыпина и в буржуазной перестройке деревни явились крестьянские переселения на казённые земли в Азиатской России и устройство здесь поселенцев на началах хуторского и отрубного индивидуального хозяйства.

Как мы указывали выше, царское правительство долгое время после реформы 1861 г. держало переселение крестьян из аграрно-перенаселённых местностей в многоземельные районы Востока и Сибири почти под полным запретом и не включало в свою аграрную политику никаких мер содействия стихийному переселению. Царское правительство считало, что в интересах помещиков следует удерживать на местах избыточную рабочую силу крестьян, чтобы не оставлять помещичьи земли без аренды и без отработков. Законы 1881 г. и 1889 г. ставили переселенческому движению крестьян всякие ограничения. Только после постройки Сибирской железной дороги и по закону 6 июня 1904 г. переселение было объявлено «свободным», но также с подразделением на «поощряемое» (с финансовыми и другими льготами правительства) и «не поощряемое».

Революционные движения крестьян в 1902—1905 гг., а также резкий поворот к буржуазной перестройке общинной деревни, разрешение выхода из общины и продажи наделов заставили обратить внимание на переселенческий вопрос. Массы безземельных и малоземельных крестьян, принимавшие главное участие в революционных выступлениях крестьянства, должны были после столыпинской реформы ещё более увеличиться. Наиболее верным средством разредить аграрное перенаселение и отвлечь безземельных и малоземельных крестьян от попыток захвата частновладельческих земель, являлось, в мероприятиях Столыпина, переселение, с тем чтобы на новых местах превратить этих малоземельных в «крепких» крестьян, ведущих хозяйство на собственной земле, на хуторах и на отрубах. Закон 6 июня 1904 г. нисколько не отвечавший новым задачам переселения, был дополнен правилами 10 марта 1906 г., которые открывали полную свободу переселению при поощрительной кредитной помощи Крестьянского банка, с распространением прав собственности переселенцев на занятую землю и землеустройства по закону 9 ноября 1906 г.[2]

[1] «Обследование землеустроенных хозяйств, произведённое в 1913 г. в 12 уездах Европейской России», 1915.

[2] Более подробно о переселенческой политике 1861—1906 г. см. *П. И. Лященко*, Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч. II, Томск, 1917, глава III, стр. 87—120.

С этих пор переселенческое движение в Сибирь начинает сильно расти. Столыпин в своём «всеподданнейшем» отчёте о поездке в Сибирь с «удовлетворением» отмечает, что «за 300 лет владения нашего Сибирью в ней набралось всего $4^1/_2$ млн. русского населения, а за последние 15 лет сразу прибыло около 3 млн., из них более $1^1/_2$ млн. в одно трёхлетие 1907—1909 гг.»[1].

Приведём цифры движения семейных переселенцев, включая ходоков, в Азиатскую Россию (3 губернии Западной Сибири, 4 области Средней Азии и Степного края и 3 области Дальнего Востока) за время развёртывания столыпинской реформы 1905—1913 гг. по сравнению с предыдущими годами. Одновременно с этим приведём за те же годы цифры *водворённых* переселенцев, т.е. землеустроенных и обосновавших своё хозяйство[2]:

Годы	Движение переселенцев и ходоков обоего пола тыс. чел.	Возвратилось обратно обоего пола тыс. чел.	Водворено переселенцев муж. пола тыс. чел.
1896	190,3	15,8[3]	59,6
1900	219,3	33,8	39,6
1905	44,0	3,8	27,0
1906	216,7	6,1	44,8
1907	577,0	27,2	207,9
1908	758,8	37,9	275,2
1909	707,5	82,3	245,3
1910	353,0	114,9	232,5
1911	326,1	117,3	181,5
1912	259,6	57,3	156,5
1913	327,9	42,9	—
1914	241,8	27,6	—

Из таблицы видно значительное увеличение переселенческого движения с начала осуществления столыпинской реформы. В 1908—1909 гг. оно достигает максимума, превышающего почти в 3 раза цифры конца 90-х годов. Очевидно, что толчок, данный свободой выхода из общины, продажей наделов и «поощрением» правительства возбудил у массы малоземельных крестьян преувеличенные надежды на устройство своего хозяйства на сибирских землях. Что эти надежды были преувеличены, показывают цифры таблицы о «водворении» переселенцев на

[1] «Записка председателя Совета министров и Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г.», стр. 3.

[2] Составлена по данным Переселенческого управления в его издании «Азиатская Россия», 1914 г., т. I, стр. 492 и след.

[3] За 1898 г.

местах и на землеустроенных участках, а также об обратном движении на родину, вследствие невозможности организовать хозяйство. Оказалось, что (как признавал сам Столыпин)[1] землеустроительное ведомство не могло справиться с подготовкой участков для нахлынувшей волны переселенцев, а эти последние при нищенских условиях существования и при крайней недостаточности денежных средств принуждены были возвращаться на родину, пополняя кадры безземельного пролетариата. В годы максимального движения в Сибирь и надежд на устройство там хозяйства возвратившиеся составляли 6—8%, в последующие годы — 20—30%, а в такие годы, как голодный 1911 г., возвратилось 64%.

Таким образом, необходимо признать, что столыпинские предположения и мероприятия — отвлечь наиболее «беспокойные» слои безземельного и выделившегося из общины крестьянства и превратить их в «крепких» сибирских хуторян не увенчались успехом. В своей концепции о буржуазной перестройке деревни и насаждении крестьянской частной единоличной земельной собственности, столыпинская реформа встретилась с тем фактом, что в Сибири за ничтожными исключениями не было частной собственности ни у старожилов, ни у переселенцев, ни у казаков, а вся земля была казённая, кабинетская или казачья войсковая. Переселенцы по достолыпинскому законодательству наделялись участками не на праве собственности, а в бессрочное пользование, земля же оставалась казённой. Столыпин, считая необходимым распространить закон 14 июня 1910 г. с его основными положениями о полной частной крестьянской собственности на землю, считал возможным перейти и в Сибири от прежнего принципа бесплатного «наделения» переселенцев казённой землёй к покупке крестьянами своих участков [2].

Это была очевидная «буржуазная утопия», совершенно не соответствующая экономическому положению переселенческого крестьянства: крестьянин-переселенец купить землю не мог. Организовать «крепкое» хуторское крестьянское хозяйство в Сибири Столыпину не удалось, так же как не удалось это в Европейской части России. Наоборот, реформа и там и здесь, приведя к развитию кулацкого хозяйства, ещё более усилила развитие пролетаризации и революционизирования беднейших слоёв крестьянства: это был непредвиденный автором реформы её важнейший политический результат.

---

[1] См. его «Записку», стр. 4.
[2] См. цитированную выше «Записку», стр. 28—35.

Итоги развития сельского хозяйства в 1900—1913 гг. Столыпинская реформа усилила шедший со времени реформы 1861 г. процесс развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, разложения крестьянства и капиталистической перестройки его экономики.

Промышленный подъём конца 90-х годов и окончание мирового аграрного кризиса сказались начавшимся подъёмом и в области сельского хозяйства. В течение первого десятилетия XX в., особенно в связи с новым промышленным подъёмом 1909—1913 гг., развитие сельского хозяйства делает новые успехи. Показатели развития сельского хозяйства (размеры посевных площадей, рост технических культур и животноводства, рост товарности, экспорта, доходности и пр.) к этому времени дают повышающиеся цифры. Приведём несколько иллюстраций из относящихся к тому времени земельных переписей и бюджетных исследований.

По земельной переписи 1905 г.[1] распределение крестьянских дворов по размерам надельного землевладения в процентах к общей площади по отдельным группам было таково:

Группы	% дворов	У них земли в % %
От 1 до 4 десятин	15,7	3,5
» 4 » 8 »	34,6	19,0
» 8 » 20 »	39,2	41,8
Свыше 20 »	10,5	35,7

Данные переписи 1905 г., касающиеся лишь размеров землевладения, не могут, конечно, вскрыть достаточно полно социальную группировку крестьянства. В последние две группы по землеобеспечению входят как крупнопосевные, кулацкие, предпринимательские хозяйства (свыше 15—20 десятин), так и середняцкие хозяйства (8—15 десятин). Но и по этой земельной статистике, оказывается, что в целом по 50 губерниям Европейской России половина (49,7%) дворов имела 77,5% надельной земли, тогда как одна шестая (15,7%) часть всех дворов имела всего около одной тридцатой части (3,5%) надельной земли.

Более выпукло разложение обнаруживается в наличности инвентаря, особенно более сложного и дорогого, по применению наёмного труда, по наличности товарных остатков — по этим основным признакам товарно-капиталистического хозяйства.

[1] «Статистика землевладения 1905 г.», изд. Центрального статистического комитета, «Сводный выпуск по 50 губерниям», Спб. 1907.

Приведём несколько цифр по этому вопросу из повторных земских переписей того времени, хотя они очень суммарно освещают процесс разложения.

По Самарской губернии в местностях с посевом на хозяйство 7,1 десятины приходилось на 100 хозяйств всего 2,6 жатвенной машины, в местностях же крупнопосевных, с посевом 10,3 и более десятин, — 12,1 машины на 100 хозяйств. То же соотношение для веялок будет 11,2 и 32, для сеялок — 1 и 4,2. Другими словами, многопосевные районы, с преобладанием крепких хозяйств фермерского типа, потребляли мёртвого инвентаря в 3—4 раза больше, чем районы, менее обеспеченные посевом.

В той же Самарской губернии на 100 человек рабочего состава семьи приходилось постоянных наёмных рабочих в хозяйствах с посевом до 3 десятин всего 0,2 рабочих, с посевом 3—9 десятин — 0,9 рабочих, тогда как в хозяйствах с посевом свыше 30 десятин наёмных рабочих было 42,2 человека на 100 рабочих из состава семьи.

Число хозяйств, нанимавших постоянных рабочих, в первых двух группах было 0,6—1%, тогда как в высшей группе — 61,5%. И здесь, таким образом, обнаруживалось резкое выделение кулацких хозяйств, эксплоатирующих наёмный труд.

Товарный характер этих групп вскрывается, например, следующими цифрами продажи зерна по группам хозяйств (по данным Харьковского общества сельского хозяйства): в группе до 2 десятин продавалось хлеба на 3,4 руб., 2—4 десятин — 27 руб., 8—10 десятин — 100 р. 60 к., свыше 30 десятин — 876 р. 70 к. По аналогичным данным для Полтавской губернии, хозяйства с площадью менее 1 десятины имели продажного хлеба 4 пуда, 1—2 десятины — 16 пудов, 9—15 десятин — 111 пудов, 25—50 десятин — 381 пуд. Другими словами, бедняцким хозяйствам нехватало своего хлеба даже до весны, а кулацкие хозяйства имели большие избытки товарного хлеба.

Таким образом, все эти данные показывают, что в XX в. ещё более усиленно, чем в конце XIX в. шёл дальнейший процесс дифференциации деревни с выделением кулацкой крестьянско-буржуазной верхушки. Она улучшала своё хозяйство, увеличивала своё производство скупкой и арендой земли, развивала производство более высокорентабельных технических и интенсивных культур, усиливала применение машин, удобрений, наёмного труда, повышала доходность сельского хозяйства. Ещё до столыпинской реформы в деревне в 900-е годы стала усиленно расти социальная сила «чумазых лордов», «новых помещиков», крупных посевщиков из «крепких» крестьян, которые теперь ещё в большей степени, чем в 90-е годы, становились господами современной деревни. Рядом с этим

росли и увеличивались численность и сила деревенского пролетариата, безземельного и малоземельного крестьянства. Всё это усиливало внутренние противоречия деревни, подготовляло борьбу не только крестьянства в целом против помещика, но и внутри крестьянства против кулаков и «новых помещиков».

Уже промышленный подъём конца 90-х и затем 1909—1913 гг. сказался на сельском хозяйстве значительным ростом общей продукции и в особенности интенсификации производства. Общие размеры посевных площадей по 71 губернии Европейской и Азиатской России с 88,3 млн. десятин в 1901—1905 гг. повысились до 97,6 млн. десятин в 1911—1913 гг., причём нечернозёмная полоса сохранила посевы почти на одном уровне (21,3 млн. и 21,8 млн. десятин), тогда как чернозёмная увеличила их на 14,1% (с 49,7 млн. до 56,7 млн. десятин), а Азиатская Россия почти вдвое (с 5,1 млн. до 9,5 млн. десятин).

Процесс интенсификации характеризуется за эти годы медленным, но всё же определённо выраженным ростом посевных площадей под техническими растениями, корнеплодами, травами и т. п., требующими значительно большего вложения капитала, чем зерновые хлеба. Так, за три последних предвоенных пятилетия рост посевных площадей в 71 губернии и области бывшей империи исчислялся следующими цифрами (в тыс. десятин)[1]:

Годы	Всего посевов	В том числе	
		зерновых хлебов и стручковых растений	технических и прочих растений
1901—1905	88 289	81 843	6 446
1906—1910	92 057	85 605	6 452
1911—1913	97 630	90 645	6 985

Зерновые хлеба, конечно, сохраняли и в XX в. свой прежний подавляющий удельный вес в общем земледельческом хозяйстве страны. Посевные площади под техническими и специальными культурами (картофель, подсолнух, табак, свёкла, хлопок и др.) относительно увеличились, хотя по абсолютным размерам прирост был невелик. Так, за рассматриваемый период в наибольшей степени увеличилась посевная площадь под хлопком (111,6%), подсолнухом (61%), сахарной свёклой (39,5%), табаком (18,5%), картофелем (15,8%),

[1] Составлена по данным урожайной статистики Центрального статистического комитета; *П. И. Лященко*, Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства, 1927.

кормовыми травами на 79,3%. Сократилась (на 11,1%) площадь под прядильными растениями — льном и коноплёй. Под зерновыми хлебами площадь увеличилась на 10,8%. Притом рост зерновых культур шёл почти исключительно лишь в южных и окраинных губерниях. Так, за тот же период во всей нечернозёмной полосе посевная площадь под зерновыми хлебами увеличилась всего с 15,39 млн. до 15,61 млн. десятин, т. е. на 1,4%, под картофелем, льном, коноплёй — с 1,65 тыс. до 1,82 тыс. десятин, т. е. на 10,3%, тогда как на Северном Кавказе посевы увеличились с 4,68 млн. до 6,88 млн. десятин, т. е. на 47%, в Степном крае — с 2,87 млн. до 4,67 млн. десятин, т. е. на 62,7%, целиком за счёт расширения посевов зерновых хлебов.

В Европейской России на 100 десятин посева приходилось (десятин):

Полосы	Зерновых		Корнеплодов		Кормовых трав	
	1901—1905 гг.	1913 г.	1901—1905 гг.	1913 г.	1901—1905 гг.	1913 г.
Нечернозёмная	86,3	84,4	5,1	5,8	1,6	3,0
Чернозёмная	92,5	91,4	3,6	4,0	0,5	0,7
Всего	91,0	89,7	3,9	4,4	0,8	1,4

Всё это знаменовало рост торгового земледелия и торговых культур, т. е. общее развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Значительно хуже обстояло дело со скотоводством, хотя за отсутствием сколько-нибудь достоверных официальных сведений невозможно привести точных цифр. По приблизительным подсчётам, за время с 1900 по 1913 г. количество лошадей увеличилось с 19,7 млн. до 22,8 млн., крупного рогатого скота — с 31,7 млн. до 31,9 млн., свиней — с 11,7 млн. до 13,5 млн. и овец уменьшилось с 47,6 млн. до 41,4 млн. Но в расчёте на душу населения или на десятину посева количество скота сократилось. Например, на 100 десятин посева по 50 губерниям приходилось крупного рогатого скота в 1901—1905 гг. — 46, в 1913 г. — 43, овец соответственно — 66 и 56, количество же свиней увеличилось с 17 до 18 голов. Это обстоятельство показывало, что, несмотря на отметившийся в 1900—1913 гг. агротехнический подъём, сельское хозяйство в целом ещё не изжило окончательно трёхполье и последствия утрированного разви-

тия посевной зерновой площади, сокращения кормовой площади, уменьшения количества скота.

Вместе с тем выросло количество безлошадных дворов. Число безлошадных крестьянских дворов по 50 губерниям увеличилось в 1912 г. до 31,4% против 29% в 900-х годах.

Другим показателем технического уровня сельского хозяйства является потребление сельскохозяйственных машин и удобрений. Потребление сельскохозяйственных машин, исчислявшееся в 1900 г. в 27,9 млн. и в 1908 г. в 61,3 млн. руб., в 1913 г. определялось уже в 109,2 млн. руб., из которых на 48,9 млн. руб. машин ввозилось из-за границы. Но, конечно, это увеличение потребления сельскохозяйственных машин шло исключительно за счёт капитализирующегося помещичьего и кулацкого крестьянского хозяйства. Общий же технический уровень массы среднего крестьянского хозяйства оставался чрезвычайно низким. Громадная часть крестьянских полей обрабатывалась сохой, посев хлебов и обмолот их производились примитивным ручным способом. По учёту 1910 г., во всём сельском хозяйстве бывшей империи употреблялось ещё 3 млн. деревянных плугов (при 6 млн. железных), 7,9 млн. деревянных сох, 5,7 млн. деревянных борон, 15,9 млн. деревянных борон с железными зубьями и всего 490 тыс. железных борон, 811 тыс. жатвенных машин, всего 27 тыс. паровых молотилок[1]. Таких усовершенствованных машин, которые уже в то время находили применение в США и даже в Германии, как тракторы, электрические плуги и пр., не было вовсе. По районам наибольшее количество усовершенствованных машин потреблялось в Сибири и на Юге, в районах наибольшего распространения крупнопосевных помещичьих и кулацких хозяйств.

Наконец, отметим весьма важный признак интенсификации — искусственные удобрения. Их было ввезено в 1900 г. 6 млн. пудов, а в 1912 г. — 35 млн. пудов. Внутреннее же производство фосфатов всех видов, исчислявшееся к 1908 г. в 1425 тыс. пудов, к 1912 г. увеличилось до 3 235 тыс. Но как и в потреблении сельскохозяйственных машин, потребление минеральных удобрений было распространено главным образом в помещичьем хозяйстве некоторых районов и в крестьянском зажиточном хозяйстве — преимущественно в специализированных (льноводческих, картофельных) хозяйствах нечернозёмной полосы. В основной же массе крестьянских хозяйств черноземной полосы даже навозное удобрение применялось далеко не везде.

В результате, несмотря на значительное увеличение продукции и товарности в сельском хозяйстве (за счёт капитали-

[1] «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.», Статистика Российской империи, вып. LXXIX, изд. Центрального статистического комитета, 1913.

зирующихся хозяйств), общий уровень производительности его в России по сравнению с передовыми капиталистическими странами оставался и в XX в. очень низким. Так, по урожайности хлебов Россия стояла на одном из последних мест среди этих стран: в 1909—1913 гг. средняя урожайность хлебов в России была 45 пудов с десятины, в Дании — 195 пудов, в Германии — 152 пуда, во Франции — 90 пудов. На душу населения хлебоэкспортная Россия производила хлебов всего 26 пудов, США — 48, Аргентина — 68, Канада — 73 пуда. По таким продуктам интенсивного хозяйства, как свёкла, урожайность в России за эти годы едва достигала 1000—1080 пудов с десятины, во Франции — 1660 пудов, в Германии — 1865 пудов. Технический уровень крестьянских и основной массы помещичьих хозяйств оставался крайне низким и в XX в. Так, минеральных удобрений в России потреблялось 6,9 *кг* на 1 *га* посева, во Франции — 57,6 *кг*, в Германии — 166 *кг*, в Бельгии — до 236 *кг* на 1 *га*[1]. Точно так же механизация сельского хозяйства очень отставала от передовых стран. Отношение силы механических двигателей, применявшихся в сельском хозяйстве и в обслуживающих его предприятиях, к живой рабочей силе (человека и животных) было: в России — 24%, в Англии — 152, в Германии — 189, в США — 420%[2]. Сохранялись в России и голодовки. В 1911—1912 гг. значительная часть губерний вновь была поражена голодом и 30 млн. крестьян пострадали от него в сильнейшей степени. Сохранение крупного помещичьего землевладения, несмотря на хвастливые речи правительства о благах «нового землеустройства» и о «прогрессе хуторского и отрубного хозяйства», попрежнему обрекало сельское хозяйство на отсталость, а миллионы крестьян — на нищету и голодную смерть.

Таким образом, сельское хозяйство в своей товарно-капиталистической части, с одной стороны, всё более становилось сырьевой базой для промышленности — хлопковой, сахарной, табачной, картофельной и пр., а с другой — всё более потребляло продуктов промышленности в виде машин, удобрений и пр. Расширялась и углублялась товарность сельского хозяйства вообще и в особенности продуктов технических культур сельского хозяйства. Ещё в большей степени увеличивалась «экспортность» продуктов сельского хозяйства, т. е. доля вывоза сельскохозяйственных продуктов на внешний рынок. Так, рост железнодорожных перевозок (как показатель общей товарности сельскохозяйственных продуктов) и рост экспорта в 1911—

[1] «Annuaire International de Statistique Agricole», 1913; *Рашкович*, Удобрительная промышленность России, 1920.

[2] «Сельское хозяйство на путях восстановления», сборник Комиссии СНК СССР по изучению современной деревни, 1925, стр. 458—484.

1913 гг. по сравнению с 1901—1905 гг. по нашим исчислениям характеризуются следующими относительными цифрами (1901—1905 гг. = 100):

	Рост перевозок	Рост экспорта
Зерновых хлебов	122	107
Свекловицы	246	98
Картофеля	161	365
Сахара	159	207
Спирта	160	409
Льна и конопли	131	131
Табака	136	193
Мяса	1 119	207
Яиц	141	139
Молочных продуктов вообще	212	205
Масла	159	200
Птицы битой	150	153

Отсюда видно, что товарность продуктов технических культур и их переработки, а также продуктов животноводства увеличилась за 1901—1913 гг. в гораздо большей степени, чем продуктов экстенсивного хозяйства, зерновых хлебов. Но в то же время ещё больше увеличилась «экспортность» технических культур и некоторых продуктов животноводства (масла, битой птицы). Наоборот, рост экспорта зерновых хлебов, а также свёклы, мяса отставал от роста общей товарности.

Таким образом, роль внутреннего рынка и товарность продуктов сельского хозяйства в течение первых 10—15 лет XX в. как результат роста промышленного капитализма значительно возросли за счёт, главным образом, развития товарности помещичьего и кулацко-крестьянского хозяйства.

Производство товарного хлеба было сосредоточено, главным образом, в руках кулаков и помещиков. Это видно из следующих данных, приведённых товарищем Сталиным.

Валовая и товарная продукция хлеба до войны [1]:

	Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		% товарности
	млн. пудов	%	млн. пудов	%	
Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47,0
Кулаки	1 900	38,0	650,0	50,0	34,0
Середняки и бедняки	2 500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого	5 000	100	1 300,6	100	26,0

[1] См. *И. В. Сталин*, Соч., т. 11, стр. 85.

Другими словами, помещичье и кулацкое хозяйство производило половину всего хлеба, но имело в своих руках почти три четверти всего товарного хлеба (71,6%).

Экспорт сельскохозяйственных продуктов занимал чрезвычайно крупную, иногда подавляющую, долю во внешнеторговом обороте. Так, если взять процентное отношение вывозных перевозок к общему железнодорожному движению, то в 1901—1905 и 1911—1913 гг. доля экспортных перевозок будет такова:

	1901—1905 гг.	1911—1913 гг.
Зерновые хлеба	57,9	45,8
Лён и конопля	75,3	75,6
Пенька	52,5	48,2
Отруби	77,0	73,8
Картофель	11,3	26,4
Сахар	12,6	16,4

Почти половина хлеба, проходящего по железным дорогам, шла на экспорт, а для льна и отрубей эта доля повышалась до трёх четвертей. Такие продукты интенсивного сельского хозяйства, как картофель, сахар и др., хотя и отправлялись на внешний рынок в значительно меньшей доле, но за десятилетие вывоз их сильно увеличился. Старое правило, провозглашённое в 80-х годах XIX в. министром Вышнеградским, «недоедим, да вывезем», оставалось в силе и в XX в. Усиленное снабжение иностранных рынков колониальным сырьём России шло за счёт недоедания и нищеты масс населения.

Рост ценности экспорта главнейших сельскохозяйственных продуктов был (в млн. руб.):

	1901—1905 гг.	1911—1913 гг.	Рост (%)
Зерновых продуктов и муки	447	596	133
Продуктов интенсивного земледелия	139	253	182
Продуктов скотоводства	115	277	241
Всего	701	1126	161

Ценность экспорта сельскохозяйственных продуктов увеличилась в течение десятилетия в 1,5 раза. На первом месте продолжал стоять зерновой экспорт, который один давал ежегодно свыше полумиллиарда рублей. Рост ценности хлебного

экспорта (без муки) в 1909—1913 гг. сравнительно с предшествующими годами увеличился в 11,6 раза против 1861—1865 гг. (655,5 млн. руб. против 56,3 млн. руб.) и более чем в 2 раза против 1891—1895 гг. (296,7 млн. руб.)[1].

Хлебный экспорт являлся, как было указано выше, одним из главнейших источников внутреннего, «национального» накопления капитала, особенно увеличившись в XX в. Но вместе с тем в этом экспорте зерновых хлебов и других продуктов сельскохозяйственного сырья сказывалась полуколониальная зависимость России от иностранного капитала.

Иностранный капитал эксплоатировал Россию в значительной степени как полуколонию, как источник дешёвого хлеба и некоторых видов промышленного сырья. Иногда это приводило к особенно отрицательным последствиям как для данной отрасли сельского хозяйства, так и для промышленности, перерабатывающей это сырьё. Льноводство более чем половину своего производства отправляло за границу: за 1909—1912 гг. из 24 млн. пудов сбора волокна по 27 льноводческим губерниям было отправлено за границу 14,7 млн. пудов, на внутренних же фабриках переработано всего 3,4 млн. пудов. Таким образом, до 6 млн. пудов оставалось для кустарной переработки и для домашнего потребления в крестьянском хозяйстве. Не говоря уже о невыгодности с народнохозяйственной точки зрения такого положения, оно приводило к тому, что цены на лён падали, убивая эту выгодную отрасль сельского хозяйства.

Уже с 90-х годов и особенно значительно с 900-х годов экспортная торговля России вообще и в особенности хлебная, яичная, масляная и др. стала попадать под влияние банковского иностранного капитала. В XX в. иностранный финансовый капитал держал в своих руках не только русские промышленные предприятия, но захватывал и отрасли торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами. Экспортные операции с сибирским маслом, воронежскими яйцами и птицей, тамбовским беконом, псковским льном и повсеместно с хлебом начинают всё более производиться с помощью финансирования иностранным капиталом. Иностранный капитал стал приливать в экспортную торговлю и руководить ею, основывая в России свои экспортные конторы (как, например, конторы французской хлебо-торговой фирмы Дрейфус, немецких, греческих и итальянских хлебных, датских молочно-яичных, английских масляно-мясных фирм и др.) и создавая специальные экспортные общества (Общество вывозной торговли и др.). Экономически наиболее важным было участие иностранного капитала

[1] *П. И. Лященко,* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства, 1927, гл. XV.

в экспортной торговле через сложную систему банков, находившихся в руках иностранного капитала (Русский для внешней торговли, Азовско-Донской, Петербургский международный и др.). В такой важнейшей отрасли экспорта, как хлебной, банки захватили в южных портах значительную долю, не менее половины, вывоза, выдавая крупные ссуды посевщикам под хлеб «на корню», скупая через мелких торговцев и собственных агентов крупные партии хлеба, выдавая ссуды под дубликаты, строя элеваторы и т. п. Кроме частных банков в такой организации хлебного экспорта принимал участие и Государственный банк. Так, в 1910 г. им было выдано ссуд под экспортный хлеб посевщикам (помещикам и кулацким крестьянским хозяйствам) по Херсонской губернии 16 млн. руб., в Таврической губернии — около 6 млн. руб. и пр. [1] В таких крупных портах, как Николаев, хлебный экспорт банков составлял в 1909 г. до 35% всего экспорта, а кроме того, три крупных банка держали в своих руках всё финансирование частных торговых фирм [2].

Также не без участия иностранного капитала развиваются специальные виды кооперативной переработки и сбыта сельскохозяйственных продуктов, особенно, например, по кооперативному экспорту сибирского масла, яиц и пр., в массе сбывавшихся кулацким крестьянским хозяйством на внешний рынок. Английские крупные капиталистические фирмы снабжали сибирскую кооперацию кредитом, сепараторами, машинами, тарой для экспорта и вообще держали в своих руках основные пути масляного экспорта. Ещё в большей мере влияние иностранного капитала сказывалось в таких экспортных отраслях, которые требовали крупного капитального оборудования, как, например, экспорт бекона и других скоропортящихся продуктов, требующих дорогостоящих холодильников и холодильного транспорта. Такие общества холодильного дела и транспорта, как «Унион», Петербургское общество товарных складов (имевшее холодильник по величине первый в Европе), учреждались в значительной мере, иногда почти исключительно, иностранным капиталом и работали с иностранными банками.

Главными банками, принимавшими наиболее широкое участие в торговле сельскохозяйственными продуктами и в особенности в хлебоэкспортных операциях, были Азовско-Донской, Международный, Петербургский частный коммерческий, Северный, Русско-Азиатский, работавшие преимущественно французскими капиталами, и Русский для внешней торговли и

[1] *П. И. Лященко,* Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России, 1912, стр. 105, 129.

[2] См. *Г. В. Цыперович,* Синдикаты и тресты в России, изд. 2, 1919, стр. 95.

Петербургский учётный — немецкими. Из остальных крупных банков, широко ведших, например, хлебную торговлю, но более сохранивших свою «национальную» самостоятельность, наиболее заметную роль играл лишь Волжско-Камский банк — оплот старого крупного торгового национального капитала, сколоченного на Волге и Каме ещё со времён хлебных барж и бурлачества.

Таким образом, в экспорте сельскохозяйственных продуктов, особенно по тем из них, которые требовали крупных капитальных вложений в оборудовании складского хозяйства, транспорта и пр., русская внешняя торговля находилась в зависимости от иностранного капитала. Российский торговый капитал не обладал той высокой техникой, которой требовал современный экспорт, и достаточной мощностью, чтобы организовать её. Только в 1910-е годы правительство через Госбанк, железные дороги, кооперацию начинает принимать меры к развитию сети элеваторов, холодильников, холодильного транспорта, чтобы освободить русскую торговлю и экспорт от зависимости в отношении иностранных фирм.

ГЛАВА XI

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И МОНОПОЛИИ

1. Концентрация промышленности и возникновение синдикатов

Как мы указывали, кризис 1900 г. в Западной Европе сыграл «роль поворотного пункта в истории новейших монополий». Застав наряду с гигантскими, «комбинированными» предприятиями ещё много предприятий более мелких, «некомбинированных», с относительно устарелой техникой, кризис произвёл резкий отбор этих предприятий, разорил более слабые и привёл к дальнейшей концентрации и образованию монополий. По этому пути пошёл и российский капитализм, когда после кризиса 1900—1903 гг. он вступил в период усиленной концентрации промышленности и образования монополий.

Уже в период промышленного капитализма процесс концентрации промышленности в России достиг больших размеров. Как мы указывали выше, этому способствовало и широкое

участие в русской промышленности иностранного капитала, который приливал главным образом в виде крупного акционерного капитала. Связь ведущих отраслей тяжёлой индустрии с казёнными заказами и железнодорожным строительством также способствовала концентрации промышленности. Со времени подъёма 1909 г. процесс «естественного отбора» и концентрации промышленности сделал ещё бо́льшие успехи. Если взять общее число предприятий, распределив их по величине сообразно числу рабочих в начале кризиса и в конце его, то получим следующие цифры (в % к общему числу)[1]:

Группы предприятий	% заведений в группе		% числа рабочих	
	1901 г.	1910 г.	1901 г.	1910 г.
Мелкие до 50 рабочих	70,5	65,7	14,3	11,6
От 51 до 500 »	26,0	29,3	39,0	35,0
Свыше 500 »	3,5	5,0	46,7	53,4

Самые крупные предприятия-гиганты увеличились и в числе своём и по числу занятых рабочих, тогда как остальные группы дали по последнему признаку сокращение. При этом для сравнения можно указать, что в США на предприятиях мелких и средних (до 500 рабочих) работало 67% общего числа рабочих, на крупных (свыше 500 человек) — 33%, т. е. процент концентрации по числу рабочих в России был выше, чем в США.

Другой, более подробный источник — официальная фабрично-заводская статистика[2] — даёт следующие характерные цифры основных тенденций развития промышленности в 1887—1908 гг.:

Годы	Число заведений	Сумма производства (млн. руб.)	Число рабочих (тыс.)
1887	30 888	1 334,5	1 318,0
1897	39 029	2 839,1	2 098,2
1908	39 866	4 908,7	2 679,7

Относительные размеры роста за периоды 1887—1897 и 1897—1908 гг. показаны в следующих цифрах (в %):

[1] «Свод отчётов фабричных инспекторов за 1910 г.», стр. XV.

[2] «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности за 1908 г.», под ред. В. Е. Варзара, 1912.

	С 1887 по 1897 г.	С 1897 по 1908 г.
Число предприятий увеличилось на	26,3	2,1
Общая сумма производства увеличилась на	112,7	72,9
Количество рабочих увеличилось на	59,2	27,7

При некоторой неточности цифр и несравнимости их для этих периодов всё же из них видно, насколько интенсивен был процесс концентрации в начале XX в. (увеличение суммы производства на три четверти при почти том же числе предприятий) сравнительно с концом XIX в. Особенно значительно концентрация и техническое улучшение обнаружились в результате кризиса. За время с 1900 по 1908 г. увеличение общего числа двигателей было на 20,8%, а мощности паровых двигателей — на 41,2%, т. е. при незначительном увеличении числа предприятий мощность оборудования возросла за 8 лет почти на 40%, а сумма производства на 49,9%.

Ещё более рельефно этот процесс концентрации выражается не в общих цифрах, а по отдельным отраслям производства. Так, в металлургической промышленности в 1895 г. в России был всего один завод с производством чугуна в 10 млн. пудов, что составляло 12% всего русского производства. В 1900 г. таких заводов было два с производством 30 млн. пудов, составлявшим 17,2% всей продукции; в 1908 г. — пять заводов с 71 млн. пудов (41,5% продукции) и в 1913 г. — девять заводов со 150 млн. пудов (53,1% продукции). Таким образом, в течение первого десятилетия XX в. девять металлургических гигантов захватили уже более половины всего производства чугуна. В нефтяной промышленности процесс концентрации зашёл ещё более глубоко: в 1912 г. на нефтеперегонные заводы с выработкой менее 1 млн. пудов приходилось лишь 1,1% всей выработки Бакинского района, а шесть крупных предприятий с продукцией свыше 5 млн. пудов каждое давали 65% всей продукции и из них два завода с выработкой свыше 10 млн. пудов — 29,6%. В каменноугольной промышленности в 1891 г. на долю крупных предприятий с добычей свыше 5 млн. пудов приходилось в Донбассе 47,8% всей добычи, а в 1912 г. — 84,5%. В рельсопрокатном производстве из тринадцати существовавших заводов семь производили 90% всей выработки рельсов в стране.

Вместе с концентрацией промышленности и отбором предприятий должны были повыситься и общие показатели производительности промышленных предприятий. Выше мы

приводили цифры, характеризующие рост производительности в металлургической промышленности в 1890—1900 гг. Теперь приведём для сравнения цифры, относящиеся к 1909 г.[1]:

	1900 г.	1909 г.
Выплавлено чугуна на один завод (тыс. пудов)	716	1 025
Число рабочих на один завод	1 325	1 545
Число лошадиных сил на один завод	1 286	1 805
» » » » одного рабочего .	0,97	1,17
Выплавка чугуна на одну доменную печь (тыс. пудов)	629	1 138

Сравнительно с 1900 г. выплавка на один завод увеличилась к 1909 г. на 43%, а с 1890 г. — больше чем в 4 раза. При этом прогрессирующий Юг особенно быстро обгонял отсталый Урал. Польша занимала промежуточное положение. Это видно из следующей таблицы:

	Юг		Польша		Урал	
	1900 г.	1909 г.	1900 г.	1909 г.	1900 г.	1909 г.
Выплавлено чугуна на один завод (тыс. пудов)	3 192	5 375	455	878	436	367
Число рабочих на один завод . .	1 841	2 541	437	1 025	1 496	1 540
Число лошадиных сил на один завод	6 159	9 986 [2]	714	2 222	244	478
Число лошадиных сил на одного рабочего	3,34	3,93 [2]	1,6	2,43	0,16	0,33
Выплавка чугуна на одну доменную печь (тыс. пудов)	2 035	2 670	570	1 317	342	453

Приведённые в последней таблице цифры обнаруживают резкую противоположность между прогрессирующим Югом и отсталым Уралом. Юг начинает не только догонять, но и перегонять европейскую технику. Так, в 1912 г. выплавка на одну печь на Юге повысилась до 3 152 тыс. пудов, а в среднем по России — до 1 525 тыс. пудов. Для сравнения можно указать, что за те же годы в других странах выплавлялось чугуна на одну печь: в Англии — 2 млн. пудов, в Германии — 2,6 млн., в США — 5 млн. пудов на одну печь и 2 560 пудов на одного

[1] *И. Гливиц*, Железная промышленность России, 1911, стр. 111—114.

[2] В графе «Юг» за 1909 г. в число лошадиных сил на один завод и на одного рабочего, кроме паровых лошадиных сил (8 003 *л. с.* на один завод и 3,23 *л. с.* на одного рабочего), включены также получившие в эти годы на Юге значительное развитие электроустановки в переводе их на паровые лошадиные силы (всего 27,4 тыс. *квт*, или 37,3 тыс. паровых лошадиных сил).

рабочего. Таким образом, южная русская металлургия как по техническому оборудованию, так и по характеру технологического процесса и по производительности превосходила среднюю западноевропейскую, хотя и уступала североамериканской. Но вся русская чёрная металлургия в целом по производительности уступала в то время всем этим странам в 2—3 раза.

Другим признаком технического успеха, которого достигла российская промышленность к 1908—1909 гг., является увеличение мощности двигателей и замена паровых двигателей более совершенными двигателями внутреннего сгорания и электрическими. Общая мощность механических двигателей в промышленности возросла с 854 тыс. *л. с.* в 1900 г. до 1 206 тыс. *л. с.* с 1908 г. (кроме горной, транспорта и военных заводов), т. е. на 41,2%. Правда, по абсолютным итогам механических сил русская промышленность значительно отставала от западноевропейской и американской.

В Германии в промышленности по переписи 1907 г. применялось 7,9 млн. *л. с.*, в США, по цензу 1910 г., значилось 18,7 млн. *л. с.* В расчёте на 100 человек населения это давало в США 25 *л. с.*, в Германии — 13, в Англии — 24, а в России — 1,6 *л. с.* Эта очень низкая цифра для России свидетельствовала о крайней отсталости развития капиталистической промышленности вообще в народном хозяйстве России: общая энерговооружённость в расчёте на одного человека населения в России была почти в 15 раз меньше США и в 8 раз меньше Германии. Но если брать только крупную промышленность и рассчитать применяющиеся в промышленности механические силы на одного рабочего, занятого в промышленности, то получим другую картину. Именно на 100 промышленных рабочих в России приходилось в 1908 г. 91,9 *л. с.* (без горной промышленности), в США по цензу 1910 г. — 282 (тоже), в Англии в 1907 г. — 152,7, в Германии — 72,9, во Франции — 84,9 *л. с.*[1]

В 1900 г. на минеральном топливе было выработано лишь 57% чугуна, в 1907 г. — уже 72,3%. Точно так же быстро шло вытеснение производства сварочного железа литым: в 1890 г. литого железа вырабатывалось в России 44%, в 1900 г. — 84, а в 1909 г. — 96%, притом оставшиеся 4% были исключительно за счёт отсталого Урала, так как Юг всецело перешёл на литое

[1] Цифры вычислены для США по данным цензa 1910 г., для Германии — по данным хозяйственной переписи 1907 г., для других стран — по данным официальной статистики соответствующих годов, для России — по промышленной переписи 1908 г. (ред. В. Е. Варзара). См. «Statistical Abstract of the U. S. A.», а также «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» за соответствующие годы. Вследствие некоторой разницы в методах подсчёта, эти и приводимые дальше цифры в разных источниках не совпадают.

железо. Происходило быстрое расширение мартеновского способа в производстве стали: мартеновская сталь составляла в 1890 г. 68% всего металла, в 1900 г. — 74, в 1909 г. — 81%. Мощность двигателей в южной металлургической промышленности исчислялась так: число сил паровых машин сократилось с 220 тыс. *л. с.* в 1904 г. до 192 тыс. *л. с.* в 1910 г., электрических увеличилось с 19 тыс. *квт* до 34 тыс. *квт*.

Таким образом, по энерговооружённости промышленного рабочего — этому основному признаку крупной промышленности — промышленность России, сильно уступая американской и английской, превосходила западноевропейскую континентальную благодаря своей более высокой степени концентрации.

Из отдельных технических достижений, усвоенных российской промышленностью после кризиса 1900—1903 гг., необходимо указать, например, на значительное вытеснение древесного топлива минеральным в металлургической промышленности. В текстильной промышленности технический прогресс характеризовался вытеснением сельфакторных веретён ватерными: число ватерных веретён по отношению к числу сельфакторных было в 1900 г. 77%, а в 1910 г. — 122%.

Концентрация промышленности, происходившая в значительной степени под влиянием иностранного капитала, была в руках последнего мощным оружием для захвата русской промышленности, устранения конкуренции русского капитала и колониального подчинения русской промышленности интересам империалистических монополий. Поэтому концентрация промышленности в России часто не имела тех преимуществ, которые она имела на Западе. Если в каких-либо отраслях концентрация и связанный с нею рост производительности был не в интересах западных монополий — как это было, например, в нефтяных монополиях, — то иностранный капитал препятствовал развитию этих отраслей в России.

Поэтому при всех относительных успехах техники и высокой степени концентрации русской промышленности необходимо отметить её общую экономическую отсталость. Целый ряд важнейших и ведущих отраслей в России совершенно или почти совершенно отсутствовал. Так, было очень слабо развито машиностроение. Подавляющее число производственного оборудования фабрик и заводов, особенно более сложного, как электрооборудование, турбинное, сложные станки и пр., выписывалось из-за границы. Совершенно не было автомобильной промышленности. Очень слабо была развита основная химическая промышленность, а некоторые её отрасли полностью отсутствовали. Почти совершенно не разрабатывались богатейшие и издавна известные калийные богатства на северо-востоке (Соли-

камск и др.) в силу запретительной политики международного калийного треста, а также столь необходимые для сельского хозяйства фосфоритные залежи и пр. Решающее слово во всём этом принадлежало иностранному монополистическому капиталу, который часто был заинтересован в том, чтобы то или иное производство или разработка естественных богатств не получали развития в России. Так происходила преднамеренная задержка в разработке новых нефтяных месторождений и пр.

Насколько Россия в промышленно-экономическом отношении отставала от передовых западных стран, можно видеть из следующих цифр. В 1913 г. общий объём промышленной продукции в России был меньше в 2,5 раза, чем во Франции, в 4,6 раза — Англии, в 6 раз — Германии, в 14,3 раза меньше, чем в США. По некоторым, притом ведущим отраслям это отставание было особенно велико. Например, добыча каменного угля в России в 1913 г. была 30 млн. *т*, а в Германии — 190,1 млн. *т*, в Великобритании — 292 млн. *т*, в США — 517,1 млн. *т*. Железной руды добывалось 9,5 млн. *т*, а во Франции — 43 млн. *т*, в США — 63 млн. *т*; чугуна в России — 4,6 млн. *т*, в США — 31,5 млн. *т*, в Германии — 16,8 млн. *т*; меди в России — 31,1 тыс. *т*, в США — 557,2 тыс. *т*. Ещё более это отставание промышленной продукции проявлялось в размерах производства на душу населения. Так, производство электроэнергии в 1913 г. в России на душу населения было 14 *квтч* против 175,6 *квтч* в США; выплавка чугуна была 30,3 *кг* на душу против 326,5 *кг* в США, 206 *кг* в Англии и 250 *кг* в Германии; добыча каменного угля давала в России на душу населения 209 *кг*, тогда как в США — 5 358 *кг*, в Англии — 6 396, в Германии — 2 872 *кг*. Потребление хлопка в России на душу населения было 3,1 *кг*, в США — 14 *кг*, в Англии — 19 *кг* [1]. При этом заслуживает особого внимания тот факт, что Россия не только не догоняла наиболее развитые капиталистические страны, но всё больше отставала от них. Так, производство чугуна на душу населения в царской России в 1900 г. было ниже США в 8 раз, а в 1913 г. — уже в 11 раз, по сравнению с Германией в 1900 г. оно было ниже в 6 раз, в 1913 г. — в 8 раз [2]. То же самое было по большинству других продуктов.

Возникновение синдикатского движения. Из изложенного видно, что процесс концентрации промышленности особенно усиливается в первое десятилетие XX в., непосредственно

[1] Цифры вычислены по сборникам «Мировое хозяйство за 1913—1927 гг.», ЦСУ, 1928, а также «Социалистическое строительство Союза ССР», 1939. См. также предыдущее примечание.

[2] См. *В. М. Молотов*, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад на XVIII съезде ВКП(б), 1939, стр. 16—17.

подводя русскую капиталистическую промышленность к господству монополий. Русский «старый» капитализм с начала XX в. превращается в «новый» капитализм монополий, синдикатов финансового капитала.

В истории русского капитализма синдикатские соглашения предпринимателей впервые возникают ещё в 70—80-х годах, когда наиболее крупные страховые общества заключили монополистическую конвенцию для установления единого страхового тарифа. В 1886 г. возник синдикат гвоздильных и проволочных заводов, в 1887 г. — синдикат сахарозаводчиков, ставший при содействии правительства важнейшим орудием регулирования сахарной промышленности. В 1892 г. возникло соглашение синдикатского типа между главными нефтяными фирмами и делаются попытки объединения каменноугольных, металлургических предприятий и пр.

Но только экономическое развитие конца XIX в. и кризис 1900—1903 гг. вполне подготовили почву для синдицирования и монополий в русской промышленности. Общие условия, которые подготовили переход к монополистическим промышленным объединениям, лежали прежде всего в высокой степени концентрации промышленности. С другой стороны, и спрос на продукты основных отраслей тяжёлой индустрии представлялся также в значительной степени объединённым вследствие преобладания крупных правительственных и железнодорожных заказов.

В руководящих кругах русской промышленной буржуазии для ликвидации последствий кризиса 1900—1903 гг. считалось необходимым проведение следующих мероприятий. Во-первых, «санирование» и реорганизация промышленности в смысле отбора слабых и плохо оборудованных предприятий, восстановление основного капитала оставшихся предприятий и их укрепление. Во-вторых, удешевление посреднических и торговых расходов путём монопольного регулирования сбыта самой промышленностью. И, наконец, изменение самого характера производства и рынка в виде отказа от исключительного обслуживания казённых заказов и расширение производства продуктов массового потребления.

Эти вопросы в первые же годы XX в. начинают оживлённо обсуждаться в русской экономической и особенно в специальной промышленно-капиталистической прессе, в органах представительных учреждений промышленников «Промышленность и торговля», в советах съездов промышленности и торговли, в органах южной топливной и металлургической промышленности, в «Трудах съездов горнопромышленников юга России» и пр. Выход из положения и разрешение всех вопросов могли быть, по мнению этих руководящих групп буржуазии, найдены

в тех образцах организации, которые к этому времени давала передовая западноевропейская и американская промышленность. Реорганизация промышленности и регулирование производства путём усиления концентрации и вытеснения слабых конкурентов, достижение производственных монополий, регулирование сбыта с помощью синдикатских объединений, повышение прибылей путём сокращения расходов по торговому посредничеству и установления монопольных цен — таковы были, по мнению этих кругов буржуазии, новые задачи и пути переустройства промышленности.

Однако среди руководящих кругов промышленной буржуазии далеко не все эти пути и способы находили одинаковое признание и не всё представлялись легко осуществимыми. Монопольные объединения в русской промышленности дальше синдикатского типа не пошли. Ведущие отрасли чёрной металлургии, топливной промышленности и др. в громадной степени зависели от правительственных заказов, которые обеспечивали им высокие прибыли, почему для этих покровительствуемых отраслей и предприятий-«фаворитов» не было побудительных мотивов искать новых рынков и неизвестных путей сбыта.

Для самих руководителей крупной и привилегированной промышленности внутренний массовый рынок представлялся всё же чем-то очень тесным, мало интересным. Они считали более выгодным и целесообразным итти по старому пути — по пути казённых заказов. «Мечтать об укреплении нашей металлургической промышленности на почве подков, осей, кованых колёс, плугов, спасительных для русского крестьянина, железных крыш, — практическим людям вовсе не приходится», — так формулировал своё отношение к проблеме внутреннего рынка центральный представительный орган промышленности — совет съездов — в своей записке 1908 г.[1] Конечно, чтобы действительно «укрепить» промышленность на этой почве, нужно было развить производительные силы деревни, освободить сельское хозяйство от феодально-крепостнических пережитков, обусловливающих её экономическую отсталость. А такая программа была не в интересах землевладельческой руководящей верхушки. Поэтому и промышленная буржуазия, особенно в ведущих отраслях чёрной металлургии, предпочитала возвратиться к старой системе казённого рынка, правительственных заказов, субсидий, покровительства и т. п.

Другим вопросом, который встал перед объединяющимся промышленным капиталом, был вопрос о торговом посредничестве. Торговое посредничество обходилось в России очень

[1] «Записка Совета съездов представителей промышленности и торговли о мерах к подъёму отечественной железной промышленности и машиностроения», 1908.

дорого. В противоположность западным странам торговая прибыль в России была выше производственной. Например, тогда как дивиденды акционерных производственных машиностроительных и механических предприятий, по официальным отчётам 1906—1908 гг., показаны в 2—2,7%, дивиденды торговых предприятий по этим же отчётам были 6—7,9%. Конечно, действительные размеры дивидендов как промышленных, так и торговых акционерных предприятий значительно превосходили эти небольшие цифры прибылей, показанных в официальных отчётах. Но во всяком случае синдикатские объединения открывали для промышленности способ освободиться от высоких посреднических торговых расходов, или, вернее, присвоить себе высокие торговые прибыли путём непосредственного монопольного овладения рынком.

Уже в 1901—1903 гг., как только была изжита непосредственная острота кризиса, идея синдицирования промышленности начинает живо обсуждаться среди руководящих промышленных кругов. В ней буржуазия видела средство выхода из кризиса и избежания последующих затруднений. Эта идея начинает проводиться в речах ораторов на съездах промышленников, в специальной печати, в докладных записках, представляемых правительству. Само правительство официально заявило, что оно «не встретило бы препятствий», если промышленность «признала бы полезным в объединении усилий искать выхода из существующего затруднения».

В 1901 г. на съезде горнопромышленников юга России решено было приступить к организации синдиката.

В 1902 г. образуется ряд крупных синдикатских объединений, преимущественно в области чёрной металлургии и металлообрабатывающей промышленности — первый по времени оформления и наиболее важный синдикат по продаже изделий русских металлургических заводов («Продамет»), по продаже железных труб («Трубопродажа»), по продаже специальных чугунов (ферроманганов). В 1903—1904 гг. возникли синдикаты по продаже цемента, по продаже гвоздей и проволоки, по торговле минеральным топливом Донецкого бассейна («Продуголь»), синдикат вагоностроительных заводов («Продвагон»), синдикат железоделательных заводов Урала («Кровля») и др.

К 1907—1909 гг. синдикаты и синдикатские соглашения объединили подавляющее число предприятий почти всех ведущих отраслей промышленности — горнорудной, чёрной и цветной (медь, платина) металлургии, металлообработки, машиностроения, топливной промышленности (каменный уголь, нефть), лёгкой и пищевой промышленности, транспорта и пр.

Все эти синдикаты возникли в форме обычных акционерных торговых обществ, под видом «комиссионных соглашений» по

продаже изделий и пр. Фактически же они представляли собой чисто монополистические организации, держащие в руках небольшой группы монополистов всё производство и диктующие все условия рынка этих важных для народного хозяйства промышленных изделий. Монополистический характер этих «контор по продаже» был всем известен, но был совершенно скрыт в официальных уставах и отчётах.

Поэтому внешняя, уставная и отчётная история монополий ещё очень мало даёт для понимания всей внутренней сущности монополий, их структуры, их внутренних соотношений и стремлений, направления их политики и их влияния на народное хозяйство. Содержание внутренней политики, проводимой монополистическими организациями, было чрезмерно далеко от тех официальных, уставных и легальных форм, которые выставлялись для постороннего наблюдателя и даже для официального обследователя. Вся внутренняя работа монополий представляла собой строжайшую «коммерческую тайну», совершенно недоступную для непосвящённых и известную лишь самым близким руководителям и участникам дела. Ни официальные отчёты, ни всякого рода публикации не вскрывали этой внутренней тайной деятельности. Случайные, появляющиеся временами «разоблачения» мало выясняли вопрос, тем более, что они большей частью исходили от тех же заинтересованных лиц. Даже когда дело доходило до суда (как в знаменитом судебном деле против «Продугля»), внутренняя жизнь монополий до конца так и не вскрывалась.

Когда во время Великой Октябрьской социалистической революции все эти покровы и тайны закрытых монополистических хозяйственных организаций могли быть, наконец, вскрыты, разоблачены, то оказалось, что во многих руководящих центральных организациях промышленности (как совет съездов представителей промышленности, совещательная контора железозаводчиков, совет съездов горнопромышленников, правления основных трестов «Продамет», «Продуголь», «Продаруд» и др.) вся документация, делопроизводство, договоры и пр. исчезли и не попали в центральные государственные архивы. Этим крайне затрудняется, а подчас становится почти невозможным документальное изучение хозяйственной деятельности этих организаций за позднейший, предреволюционный период.

Только в некоторых случаях кое-какие материалы и документы, в своё время конфиденциально рассылавшиеся этими организациями своим контрагентам, попали в местные архивы и были оттуда извлечены и изучены [1].

[1] Так, например, по интересующим нас вопросам большое количество материалов «Продамета», «Продугля», «Петербургской совещательной

Все эти вопросы и вся эта документация ещё ждут своих исследователей. Мы даём здесь более подробное изложение структуры и деятельности двух главных монополий — «Продамета» и «Продугля» на основе обнаруженной нами в архивах документации — синдикатских договоров и соглашений.

Только детальное изучение всей деятельности этих монополий может дать блестящее подтверждение всей глубины и правильности теории Ленина о монополистическом капитализме — хищническую политику монополий, хитрую механику всех тех средств, с помощью которых они достигали полного господства на рынке, внутреннюю борьбу отдельных групп монополистов, всю ту неимоверную тяжесть, которую они налагали на народное хозяйство.

2. Синдикат «Продамет»

Устав Общества для продажи изделий русских металлических заводов, сокращённо «Продамет» или «Продамета»[1], был утверждён правительством 5 июля 1902 г. по типу обыкновенного, открытого акционерного общества[2]. Складочный капитал общества был по уставу определён всего в 900 тыс. руб. Другими словами, «Продамет», эта первоклассная монополистическая организация крупнейших предприятий металлургической промыш-

конторы железозаводчиков» и др. обнаружены в Ленинградском областном архиве в фондах отдельных заводов (особенно Путиловского). В Московском областном архиве по фондам «Товарищество Московского металлического завода» (бывш. Гужона), Брянского завода и др. обнаружена богатая документация по делам «Продамета» и «Продугля», в частности до сих пор оставшиеся неопубликованными основной контрагентский договор «Продамета», дополнительные обязательства 1912 г. В таком же порядке обнаружена документация «Продугля», в том числе знаменитый «Красный договор» «Продугля», частично опубликованный в «Красном архиве» в связи с материалами о судебном деле «Продугля» и многие другие. В гораздо меньшей степени до настоящего времени выявлены и изучены документы по экономике империалистической эпохи в центральных архивах (ЦАНХ в Ленинграде, ГАФКЭ в Москве и др.). В них сохранилась в преобладающей степени официальная документация всякого рода правительственных совещаний и обследований, отчётов правительству и пр. Только начинается изучение архивных фондов таких обществ, как Новороссийского, Днепровского, Таганрогского и др., находящихся в Украинских архивах Харькова, Луганска, Днепропетровска и др.

[1] В дореволюционной официальной документации (в контрагентских договорах синдиката, в переписке его с другими монополиями, в текущей прессе и пр.) синдикат сокращённо именовался «Продамета». В послереволюционных официальных документах (С.У. 1918 г., № 19, ст. 282) синдикат назван сокращённо «Продамет». Для единообразия транскрипции мы сохраняем и для дореволюционного времени сокращённую послереволюционную транскрипцию.

[2] СУ, 1902, отд. II, 6 июля 1902 г.

ленности, выступала под видом очень скромного и небольшого торгового акционерного общества. По характеру намеченных операций «Продамет» мог обойтись этим скромным капиталом, так как, получая от своих контрагентов товары формально на комиссию, он не нуждался в крупном капитале для оборотов с продукцией этих заводов на сотни миллионов рублей. Акциям «Продамета» формально присваивалось узаконенное право биржевого обращения и свободной продажи посторонним лицам. Но фактически акции были изъяты из обращения. При учреждении общества акции были расписаны по контрагентам. Новые контрагенты, вступая в общество, должны были приобретать известное количество акций по распределению. Контрагенты согласно сепаратному договору (§ 33) не имели права под угрозой штрафа ни уступать, ни передавать акции кому бы то ни было, а в случае расторжения договора и ухода из организации должны переуступить их другим контрагентам. Дивидендов часто не выдавалось вовсе, так как вся прибыльность от участия в обществе определялась для участников не дивидендами на акцию, а повышенными, монопольными ценами на продаваемые обществом товары.

Таким образом, этот устав свободного акционерного общества был лишь формой, вывеской, скрывавшей чисто монополистическое, принудительное содержание. Общество жило и действовало не по формальному уставу, а по особым, сепаратным контрагентским договорам между обществом и отдельными контрагентами, с некоторыми особыми условиями для каждого контрагента[1].

Хотя эти договоры заключались добровольно, «по соглашению», но условия каждого из контрагентов требовали согласия всех других, были определены заранее на несколько лет и являлись принудительными для вступающего. Да, повидимому, даже сами участники «Продамета» откровенно признавали свою организацию не свободным торговым обществом в обычном смысле слова, а синдикатом, «союзом участвующих в нём заводов для распределения заказов» с целью овладения рынком и повышения цен. Но... высказывать такое мнение публично считалось «некорректным» и запрещалось[2]. Не имея ни доста-

[1] Образец и форма такого договора «Продамета» с Товариществом Московского металлического завода (бывш. Гужон) в МОИА, фонд Гужона, д. 643, 1909 г., л. 1—9. Договор опубликован мною в «Исторических записках», 1946 г., № 20, см. мою статью «Контрагентские договоры «Продаметы» как орудие монополистической политики».

[2] См. мнение представителя Брянского завода на общем собрании контрагентов 5 января 1913 г. Это мнение, вызвавшее целую бурю, названо председателем Ясюковичем «некорректным». МОИА, ф. «Продамет», 323, протокол № 174.

точных средств для товарных оборотов, ни товарных запасов, «Продамет», под видом свободного акционерного общества, держал бо́льшую часть русской металлургии в руках небольшой кучки руководящих предприятий, монопольно подчиняющих своим интересам массу более мелких.

Управление «Продаметом». Согласно уставу высшим руководящим органом «Продамета» являлся совет общества, состоявший из членов совета числом не меньше трёх и не больше 20, избираемых общим собранием контрагентов (причём согласно § 21 устава оговаривалось, что не менее трёх четвертей членов совета должны состоять из лиц неиудейского вероисповедания). В компетенцию совета входили все основные вопросы деятельности общества — определённые условия заключения договоров, установление цен, продажа и покупка товаров, распоряжение капиталами и направление всей вообще политики и деятельности общества. Исполнительным органом совета являлось управление общества с разветвлённой и сложной организацией отделов, районных контор посреднического аппарата, отчётности и пр.

Фактически всё руководство деятельностью «Продамета» в совете общества принадлежало немногим заправилам из руководящего состава контрагентов металлургической промышленности. Первым председателем совета был избран директор правления Южно-Русского Днепровского металлургического общества И. Ясюкович, которого в 1904 г. сменил П. Дарси, являвшийся представителем французских банков. Последним фактически и принадлежало руководство деятельностью «Продамета».

Для непосредственного управления деятельностью синдиката на местах по получению заказов и распределению их между контрагентами вся территория империи была разбита на 13 районов, с местными конторами в каждом районе. Конторы непосредственно распределяли заказы между контрагентами соответственно с установленными долями их участия (квотами), следили за их исполнением, производили расчёты с потребителями и пр.

В районах, где спрос на металлические изделия был очень значителен и исходил от мелких покупателей, конторы «Продамета» прибегали к посредническому частному торговому аппарату, который являлся органической частью в работе «Продамета», передававшего монопольное право продажи своих изделий объединениям крупных фирм для последующего распределения товара среди мелких потребителей. Например, наиболее торговый товар, рыночное железо, «Продамет» сбывал свыше 1300 фирмам, из общего числа которых половина фирм поглощали до 90% всего сбыта железа и из них 9 фирм —

до одной трети всего сбыта. В Московском районе для сбытовых операций «Продамета» был организован союз четырёх крупных торговых фирм (Готье, Рубинштейн, Тильман, Гук), которым «Продамет» монопольно передал продажу балок и швеллеров[1]. Такие же монопольные посреднические аппараты были организованы и в других районах.

Внутри «Продамета» шла непрестанная борьба за преобладающее влияние, так как оно давало руководящим предприятиям возможность направлять всю деятельность синдиката, его политику цен, распределения заказов и пр. в свою пользу. Уже с момента основания «Продамета» в его составе образовались две наиболее влиятельные группы участников: во главе одной стояло Южно-Русское Днепровское металлургическое общество, директор которого Ясюкович был главным инициатором образования синдиката и был избран первым председателем совета «Продамета»; во главе второй стояло Донецко-Юрьевское металлургическое общество. И та и другая группировки финансировались иностранными, преимущественно французскими и бельгийскими банками и капиталами, к которым частично примыкали русские банки и капиталы. Французская группа (Южно-Русское Днепровское, Русско-Бельгийское, Новороссийское, Донецкое, «Провиданс» и др.) возглавлялась французскими банками Лионский кредит, Парижский банк и др.; смешанная с немецким капиталом (Краматорский завод, большинство заводов в Польше) возглавлялась Немецким банком; смешанная русско-франко-бельгийская (Брянское, Таганрогское, Донецко-Юрьевское и др.) возглавлялась кроме франко-бельгийских банков русскими Международным, Азовско-Донским, затем Русским банком для внешней торговли.

С течением времени французская и франко-русская группировки во главе с Донецко-Юрьевским обществом получили преобладающее влияние. В связи с этим всё управление «Продаметом» фактически находилось в руках французских финансовых кругов. В соответствии с таким положением, во главе совета «Продамета» в 1904 г. встал представитель французских банков Дарси, остававшийся бессменным его председателем за всё время существования «Продамета». Как известно, французским банкам принадлежало преобладающее количество капиталов, вложенных в петербургские банки.

По мере дальнейшего объединения предприятий металлургической промышленности, привлечения новых мощных сочленов, прежних аутсайдеров (как, например, Новороссийского

[1] «Торгово-промышленная газета» от 15 мая 1903 г.

общества), наиболее крупные и мощные предприятия «Продамета» прямо поглощали менее крупные и слабые, идя от синдиката непосредственно к тресту. Донецко-Юрьевское общество особенно энергично проводило эту политику трестирования, полностью поглощая ряд крупных металлургических обществ и металлообрабатывающих заводов, как Урало-Волжское общество, Царицынский завод, Петербургское общество железопрокатного и проволочного заводов. К 1911—1912 гг. Донецко-Юрьевское общество и французские банки заняли исключительное влияние в управлении «Продаметом».

Так можно проследить образование финансового капитала в России.

Синдикатские договоры. Отношения между обществом «Продамет» и его контрагентами, синдицированными предприятиями, фактически складывались не столько на основе формального устава, сколько на основе сепаратных договоров.

Договоры заключались обществом с каждым контрагентом отдельно на определённые продукты и изделия, ассортимент которых каждый раз и для каждого контрагента определялся в договоре особо.

Заводы, синдицированные «Продаметом» на основе договорных соглашений, поручали «Продамету» на комиссионных началах исключительное право продажи всех договорных продуктов по соглашению 1909 г. в пределах империи, а по соглашению 1912 г. — также и за границу. Каждый контрагент получал известную, заранее обусловленную процентную долю участия (квоту) в заказах, получаемых обществом и распределяемых между контрагентами в соответствии с относительными размерами производства и отпуска данного продукта каждым из контрагентов. Размеры выполненных заводом заказов должны соответствовать квоте этих заводов. Возможный к концу года перебор или недобор в заказах на договорные предметы регулировался вознаграждением, уплачиваемым обществом в пользу контрагента при недоборе и контрагентом в пользу общества — при переборе.

Очищающиеся по этим заказам за известный период времени основные цены должны быть одинаковы для всех контрагентов loco-завод. Для этого по общей выручке и по общему количеству отправок всех контрагентов особым способом исчислялась и определялась «средняя основная цена». В эту среднюю цену вводились затем некоторые поправки в соответствии с особо исчисляемыми транспортными расходами, некоторыми специальными условиями отдельных предприятий и пр.

Таким образом, «Продамет» представлял собой сложное синдикатское объединение на основе многих отдельных синди-

катских соглашений и договоров. Первоначально по договору июля 1902 г. была синдицирована продажа листового и широкополосного железа, 6 ноября 1902 г. — бандажей и осей, в 1903 г. — балок и швеллеров, в 1905 г. — водопроводных и канализационных труб, в конце 1908 г. — сортового, обручного, рессорного и фасонного железа и рудничных рельсов, в декабре 1909 г. — железнодорожных рельсов.

В 1909 г. помимо специальных договоров по отдельным предметам синдицирования было выработано общее типовое соглашение всех участников «Продамета» по всем синдицированным предметам и по всем вопросам взаимных отношений между «Продаметом» и участниками синдиката — по перечню договорных предметов для каждого участника, распределению долей участия, определению цен, провозных плат и т. п. Соглашение было заключено на 3 года, 1909—1911 гг., и охватывало 30 крупнейших предприятий чёрной металлургии. Но борьба интересов отдельных групп внутри «Продамета» не прекратилась и при соглашении 1909 г. Поэтому, когда в 1911 г. истекал срок соглашения и правление «Продамета» собрало участников синдиката для выработки нового договора, ожесточённая борьба между участниками возобновилась. Она шла главным образом за распределение долей участия (квот), за премии, за всякого рода льготы и т. п. Руководящая группа наиболее крупных обществ и заводов — Русско-Бельгийского, Южно-Русского Днепровского, Новороссийского, Брянского — требовали повышенных квот, премий и других льгот, которые, конечно, могли итти лишь за счёт сокращения квот других, более мелких участников. Совещание зашло в тупик, и «Продамет» находился накануне распада. Но французские хозяева «Продамета» — французские банки и французский Комитет металлургических обществ — решили иначе. Они были заинтересованы в сохранении «Продамета» во что бы то ни стало. Под давлением и по приказу французских банков все разногласия были сняты и 9 января участниками синдиката было подписано обязательство по новому договору на сортовое железо, листовое и широкополосное железо, балки, швеллера, рельсы сроком на 3 года, 1912—1914 гг.[1]

Текст нового соглашения ярко свидетельствовал о дальнейшем усилении монополистических тенденций в «Продамете» и о победе группы наиболее мощных и влиятельных заводов, получивших по новому договору значительные преимущества и выгоды (увеличение квот, премии, образование специального рельсового синдиката из трёх заводов с правом вывоза рельсов за границу).

[1] МОИА, фонд Гужона, 1912 г., д. № 789, л. 73—74.

Всё это, конечно, могло лишь временно затушить, но не прекратить ожесточённую борьбу между участниками синдиката. Уже в декабре 1913 г. в правлении «Продамета» был поставлен вопрос о ряде трудностей и недоразумений при распределении заказов, квот, премий между участниками синдиката. Было намечено приступить к выработке новых соглашений к истечению в 1914 г. соглашения 1912 г.[1] Начавшаяся война поставила «Продамет» в новые условия, обнаружив, что при громадных монополистических прибылях монополизированная чёрная металлургия России оказалась банкротом перед лицом повышенных требований на металл со стороны войны.

«Договорные предметы». Все синдицированные продукты и изделия в договорных соглашениях «Продамета» с контрагентами назывались «договорными предметами», список и ассортимент которых прилагался к каждому особому договору. Все они могли продаваться входящими в состав «Продамета» предприятиями только через «Продамет». В свою очередь «Продамет», получая заказы на эти предметы, распределял их между синдицированными предприятиями. Первый параграф договора предоставлял «Продамету» исключительное право продажи на комиссионных началах, за наличные деньги или в кредит по устанавливаемой цене всего количества производимых контрагентом «договорных предметов». Контрагент обязывался (§ 3) не продавать помимо общества кому бы то ни было договорных предметов, не принимать на них заказов и пр. под угрозой уплаты неустойки в 10 тыс. руб. и сверх того штрафа в размере 1 руб. с пуда проданных контрагентом товаров.

Из договорных предметов контрагенту предоставлялось право продавать по цене по своему усмотрению (§ 17) только обрезки определённой величины и отходы мелкими партиями, не более 10 тыс. пудов в месяц, и то лишь металлургическим заводам для переплавки. Сам же «Продамет» кроме приобретения продуктов от контрагентов имел право приобретать изделия и от несиндицированных предприятий.

Вне синдицированных предметов формально остался чугун, но фактически «Продамет» являлся в выплавке чугуна наиболее полным монополистом. Синдицированные «Продаметом» заводы давали 74% всей имперской выплавки чугуна, а без Урала — даже 90%. Но передельные заводы, входившие в «Продамет», не были заинтересованы в чугунном рынке, так как весь чугун шёл на второй и третий продукт. Это обстоятельство привело к тому, что и без формального синдицирования чугуна «Продамет» являлся его полным распорядителем,

[1] ЛОИА, фонд «Продамета», № 323, протокол 183, л. 104—108.

резко сократив его выплавку и ограничив её только собственными нуждами.

Таким образом, «Продамет» путём договоров подчинил себе все наиболее важные виды продукции металлургической промышленности. Степень монополизации всех этих предметов «Продамета» в 1910 г. доходила по железу до 83,1% всего имперского производства, до 82,8% — по бандажам и осям, 78,6% — по листовому и универсальному железу, 46,6% — по железнодорожным рельсам.

Всего «Продамет» в 1910 г. синдицировал 30 крупнейших предприятий и акционерных обществ металлургической промышленности с основным капиталом (переводя всё на русскую валюту) около 174 млн. руб., с суммой производства — 255 млн. руб., с числом рабочих в 85 тыс. человек. Другими словами, около 17% всех металлургических заводов империи, синдицированных в «Продамете», имели свыше 70% всего акционерного капитала, занимали до 33% всего числа рабочих металлургических предприятий и давали размеры продукции в 88% по сортовому железу, балкам и швеллерам, 82% — по листовому и универсальному железу, 74% — по бандажам и осям. Это была, таким образом, мощная монополистическая организация металлургии.

Однако распределение продукции «договорных предметов» между отдельными синдицированными «Продаметом» предприятиями было очень неравномерно. Пять руководящих, наиболее крупных заводов (Юзовский — Новороссийского общества, Днепровский, Александровский — Брянского общества, Петровский — Русско-Бельгийского и Донецко-Юрьевский) концентрировали у себя преобладающую долю продукции: по чугуну она составила 40,9% имперского производства, по полупродукту — 29%. Таким образом, внутри самой монополистической организации руководящее, монопольное положение занимала небольшая группа наиболее мощных предприятий.

Не все синдицированные предприятия, однако, состояли контрагентами «Продамета» по продаже всех продуктов. По всем пяти продуктам были синдицированы два общества — Южно-Русское Днепровское и Таганрогское. Пять обществ, в том числе Брянское, Донецкое, Новороссийское, были синдицированы по сортовому и листовому железу, балкам и рельсам; Русско-Бельгийское общество участвовало в синдикатском договоре по сортовому железу, балкам и рельсам; большинство польских заводов было синдицировано по сортовому и листовому железу и частью по бандажам и осям; заводы центрального района — преимущественно по сортовому, уральские заводы — по листовому, а Уральское Богословское горнозаводское общество — по балкам. Такая неравномерность

участия заводов в отдельных синдикатских договорах зависела отчасти от характера их производства, в сбыте продуктов которого заводы были заинтересованы. Однако это обстоятельство создавало большую сложность взаимоотношений отдельных контрагентов между собой и с «Продаметом».

Квоты. § 10 договора определял квоты контрагентов, получаемые ими из общего количества заказов, которые удавалось получить «Продамету» и которые контрагент принимал к исполнению. Эти квоты и составляли так называемую «общую долю участия контрагента» в общем производстве синдицированных предприятий. Определённые синдикатом квоты и размеры производства по исполнению заказов были для предприятий строго обязательными. Сверх своей квоты, установленной на договорные предметы в § 10 договора, контрагент мог продавать эти предметы за границу и помимо общества, но с обязательством каждый раз извещать «Продамет» о такой продаже с представлением доказательств, что вывоз произведён за границу (§ 4). Но так как расчёты по установлению и выполнению квот были очень сложным статистическим делом, то фактически извещения правлению «Продамета» превращались в его разрешения на вывоз, в котором он иногда отказывал по другим соображениям[1]. Не зачислялись в квоту также предметы оборудования своих заводов (§ 13).

Всякие недоборы «Продамета» в заказах контрагенту меньше причитающейся ему доли участия вознаграждались «Продаметом» попудным вознаграждением в 25 коп. с пуда (§ 16). Наоборот, если контрагент перебрал заказов свыше причитающейся ему квоты, он уплачивал синдикату по 25 коп. с пуда. За полный отказ от производства договорных предметов синдикат выплачивал контрагентам премии.

Таким образом, «Продамет» всячески поощрял сокращение производства и стремился держать рынок металлических изделий в напряжённом состоянии. В этом сказывались монополистические тенденции «Продамета» и стремление к ограничению производства. За нарушение договорных квот и продаж на сторону налагался штраф единовременно в размере 10 тыс. руб. и сверх того по 1 руб. с каждого пуда проданных сверх договора продуктов, с зачислением в квоту всего количества проданных продуктов. В обеспечение исправного выполнения заказов вносился залог в 50 тыс. руб.

Квоты главнейших синдицированных «Продаметом» предприятий по отдельным видам продукции по первоначальным

---

[1] Как это было на примере Дружковского завода, см. ниже, стр. 316. Позднее, на основе соглашения 1912 г. право вывоза за границу было предоставлено исключительно «Продамету».

договорам по соглашению 1909 года были распределены в следующем виде (в процентах):

	Сортовое	Листовое	Балки	Рельсы	Бандажи	Оси
Южно-Русское Днепровское общество	7,69	8,22	14,20	12,62	40,0	41,0
Русско-Бельгийское	7,87	8,22	14,20	12,62	—	—
Новороссийское	6,32	7,49	12,48	12,62	—	—
Брянское	5,74	5,04	8,70	12,62	—	—
Таганрогское	3,81	5,13	6,27	8,99	14,5	13,0
Дружковский завод	3,90	5,40	9,73	12,62	—	—
«Провиданс»	4,25	6,19	10,31	9,46	—	—
Донецко-Юрьевское	10,10	150 тыс. пуд.	8,43	9,46	—	—
Макеевский завод	10,03	7,65	5,56	8,99	—	—
Прочие	40,29	44,56	10,12	—	45,5	46,0

Таким образом, 9 наиболее крупных предприятий из 30 синдицированных имели квоты до 60% сортового железа, 45% листового, почти 90% балок, 100% рельсов, около 55% бандажей и осей, причём пять наиболее крупных из них имели до 63% квот на балки и рельсы и один Днепровский завод 40% бандажей и осей.

При дальнейшем пересмотре отдельных договоров и при заключении новых договоров с другими контрагентами, размеры квот отдельных участников пересматривались и изменялись. Как правило, они изменялись в сторону увеличения квот влиятельным контрагентам и в зависимости от изменения производственных условий заводов. Поэтому всякий пересмотр был связан с ожесточённой борьбой между участниками «Продамета». Руководители синдиката должны были итти на замену квот премиями и другими льготами, на допущение отказа от квот и передачи их другим участникам, на полное закрытие производства и проч.

Особенно резко все эти обстоятельства выявились в длительной борьбе групп участников при общем пересмотре синдикатского соглашения 1909 г., ввиду истечения его срока, и заключения нового соглашения 1912 г., на совещании контрагентов в январе 1911 г.[1]

Новое соглашение особенно ярко выявило усиление монополистических тенденций как самого «Продамета», так и наиболее сильных и влиятельных контрагентов, продиктовавших при поддержке французских банков свою волю более слабым участникам синдиката. Соглашение 1912 г., вместо прежней

[1] МОИА, фонд Гужона, 1912, № 789, л. 44—45.

формальной свободы контрагентов на вывоз договорных предметов за границу помимо «Продамета» и лишь при условии её уведомления, сделало вывоз за границу исключительным правом «Продамета». Но и в этом отношении наиболее влиятельные контрагенты (Русско-Бельгийское, Южно-Днепровское, «Провиданс») обеспечили себе экспортную самостоятельность, образовав специальный синдикат для вывоза за границу железнодорожных рельсов.

Засилье крупнейших участников синдиката над более мелкими сказалось при пересмотре квот увеличением квот для более крупных за счёт сокращения мелким. Изменение долей участия отдельных контрагентов по соглашению 1912 г. сравнительно с 1909 г. в процентных отношениях было невелико, но в абсолютных цифрах весьма значительно. Так, по сортовому железу южные заводы увеличили свою квоту на 2,37% за счёт сокращения квот мелких польских и других районов на 2,45%, но этот процент означал для южных заводов увеличение сбыта на 1,5 млн. пудов. По рельсам разница в пользу южных заводов между соглашениями 1909 г. и 1912 г. была 4,25%, но южные заводы сосредоточили у себя все 100% производства рельсов, причём два завода сосредоточивали до 63% всего производства рельсов. Таким образом, некоторые заводы иногда были принуждены специализироваться на тех производствах, квоты которых были достаточны.

Монополистические тенденции руководящих монополистических групп проявлялись также в том, что в соглашении 1912 г. вместо увеличения квот отдельным заводам применялись премии за сокращение или за полный отказ от производства данного продукта. Было введено право на одностороннюю переуступку, которым пользовались руководящие заводы, отнимая квоты от других менее сильных заводов. Наконец, ряду заводов прямо запрещалось производство некоторых изделий: сортовое железо было запрещено Никополь-Мариупольскому заводу, листовое железо — Сулинскому, Гантке, балки и швеллера — Сулинскому, Урало-Волжскому, Богословскому и т. п.

Цены и методы их установления. Борьба за квоты и связанные с ними выгоды являлась одним из главных проявлений внутренней жизни «Продамета». Другим важнейшим вопросом являлось установление цен, по которым «Продамет» расплачивался со своими контрагентами. В основе установления этих цен был положен принцип, по которому «средние основные цены» на соответствующие однородные предметы должны быть за полугодие не ниже цен других контрагентов данной группы, в loco-завод, независимо от себестоимости по заводу и от рыночных цен реализации и от отдалённости завода.

Для такого расчёта цен все участники синдиката разделялись по каждому товару на территориальные группы. По сортовому железу, например, заводы делились на 4 группы: южную (14 заводов), польскую (9 заводов), прибалтийскую (3 завода) и центральную (1 завод).

Средние основные цены «Продамета» устанавливались таким образом. Определялась общая выручка франко место назначения за все проданные синдикатом по каждой категории товаров договорные предметы. Из этой общей выручки синдиката вычитались: премии в пользу отдельных контрагентов, скидки покупателям, скидки за наличный расчёт, расходы «третьих лиц» по привлечению заказов, гербовый сбор, опротестованные векселя. После этих исчислений определялась «чистая основная цена франко место назначения» для всех отправок товаров данной категории. Для определения средней основной цены loco-завод для каждой отдельной местной группы заводов в отдельности, указанная выше средняя «чистая основная цена» умножалась на число отправок данной группы заводов, из неё вычиталась общая стоимость провоза всех принятых в расчёт отправок заводов по данным товарам. Полученная таким образом сумма, разделённая на число пудов произведённых каждым контрагентом отправок, составляла «чистую основную цену», очищавшуюся для каждого контрагента каждой местной группы предприятий loco-завод (§ 8 договора).

Таким образом, при указанном выше способе расчёта, премии и приплаты, вычитаясь из общей основной цены, оплачивались всеми, а получались отдельными заводами. Точно так же тарифы вычитались не по действительным транспортным расходам каждого отдельного завода, а по средним расходам для всех заводов данной группы, и разница между действительными и средними расходами шла в пользу наиболее отдалённых заводов.

Всеми этими способами расчётов средних выплачиваемых отдельным контрагентам цен и средних транспортных расходов «Продамет» стремился обеспечить руководящим участникам-контрагентам максимальные сверхприбыли. Достичь этого, однако, «Продамету» не всегда удавалось. Большая разница в производственных условиях, в снабжении сырьём, топливом; разница в расстоянии до места сбыта (например, для южных, польских, прибалтийских и центральных групп заводов) часто возбуждали сильнейшую борьбу между синдицированными предприятиями и не позволяли установить общую и однообразную для всех заводов цену. Южные заводы, имея большие преимущества перед польскими и прибалтийскими в технике, в доставке сырья и топлива, в расстоянии до мест сбыта, не соглашались на одинаковую с польскими или прибалтийскими цену

loco-завод. Потребовалась новая система расчёта групповых цен и премий для отдельных групп заводов. Но и в каждой географической группе заводов имелась большая разница в производительности каждого из них. Потребовались новые индивидуальные договоры, закулисные соглашения о поправках в ценах, о расчёте премий, дополнительных оплат и пр.

Не менее противоречивы были интересы и стремления отдельных групп предприятий по отношению к общим вопросам тарифной железнодорожной и таможенной политики, снабжению импортным каменным углем, так как всё это отражалось на ценах реализации товаров. Таким образом, внутри самого «Продамета» шла ожесточённая конкурентная борьба по всем этим вопросам даже среди самих участников синдиката, отдельных контрагентов.

Политика цен. Проводимая «Продаметом» политика цен сводилась к проведению таких мероприятий (по расчётам средних основных цен для контрагентов, продажных цен для потребителей, по расчёту премий и приплат, по исчислению транспортных расходов и пр.), которые гарантировали бы для всех контрагентов, независимо от стоимости производства, значительные сверхприбыли. Механика установления цен была очень сложна и являлась одной из основных «коммерческих тайн» в деятельности синдиката. Она была известна только посвящённым руководителям и участникам. Прейскуранты цен, публикуемые для отчётности и для посторонних лиц, совершенно не соответствовали фактически выручаемым ценам, получаемым контрагентами.

Со времени возникновения «Продамета» и распространения синдицирования на различные товары, рыночные цены на них тотчас повышались. Так, первое заключение синдикатского договора на листовое железо в июле 1902 г. тотчас же отравилось повышением к концу года до 1 р. 50 к. против 1 р. 40 к.— 1 р. 45 к. в 1901—1902 гг., а в 1903—1904 гг. цены поднялись до 1 р. 70 к. На сортовое железо в течение месяца после заключения синдикатского договора цены поднялись с 1 р. 40 к. до 1 р. 70 к. Такое же повышение цен обнаруживалось и на другие договорные предметы после заключения синдикатских договоров, что признавал даже орган министерства финансов[1].

Повышательное давление «Продамет» оказывал не только на цены синдицированных продуктов, но и на несиндицированный «первый продукт», чугун. Цены на чугун с образованием «Продамета» не только стали расти, но и всё более расходились с понизившеюся себестоимостью вследствие улучшения техники производства как на отечественных заводах, так и за границей.

[1] «Торгово-промышленная газета», № 6, 1903 г.

Высокая цена чугуна на внутреннем рынке поддерживалась высокими таможенными пошлинами.

Ко времени образования «Продамета» цена чугуна (loco-завод) была 40—41 коп., в 1904—1908 гг. — 42 коп., в 1909—1910 гг. дошла до 47 коп., в 1910—1911 гг. — до 56 коп., в 1911—1912 гг. — до 65 коп. Издержки производства в 1911—1912 гг. на южных заводах не превышали 40—45 коп., а на английских заводах чугун стоил всего 31—35 коп. Пошлина на чугун по тарифу 1891 г. была установлена в 45—52,5 коп. с пуда, хотя такая пошлина к 1910—1912 гг. при быстром развитии и прогрессе отечественной металлургии была нецелесообразной. «Продамет» и его заводы-фавориты являлись ярыми защитниками высоких таможенных пошлин на чугун.

Под защитой высокой таможенной пошлины они довели страну к 1911—1912 гг. до состояния полного чугунного голода. Передельные заводы, работающие на покупном чугуне, заводы сельскохозяйственных машин и других изделий массового потребления, строительные предприятия и пр. чувствовали тяжёлую руку монополиста «Продамета». В 1912 г. во многих городах из-за дороговизны и недостачи строительных балок подчас приостанавливалось сооружение зданий.

Кроме политики прямого и «узаконенного» повышения цен «Продамет» практиковал ряд других, обходных, иногда прямо жульнических методов. Фактически потребитель принуждён был платить цены не по официальному прейскуранту «основных» цен, а с целым рядом приплат и надбавок, устанавливаемых совершенно незаконно и произвольно. «Продамет» просто обсчитывал на каждом шагу покупателя и в весе, и в фрахте, и в цене. Например, продаваемые «Продаметом» продукты (балки, швеллера и др.) оценивались не по фактическому весу, а по введённому «Продаметом» «теоретическому» весу, в зависимости от профиля. Так как этот «теоретический» вес был всегда на 5—8% ниже действительного, то покупатель, платя по прейскуранту, фактически «обвешивался» и переплачивал против фактического веса, например по балкам — 8—12 коп.

Такого же рода обсчитывание производилось «Продаметом» при исчислении железнодорожных фрахтов. Последние брались «Продаметом» с заказчика также с «теоретического веса», тогда как сам «Продамет» платил железным дорогам по фактическому весу, т. е. на 1—$1^1/_2$ коп. с пуда меньше. Наконец, «Продамет» взимал провозную плату в среднем по группам заводов, и хотя бы покупатель находился рядом с заводом, с которого он получал продукты, он принуждён был оплачивать фрахт не по фактическому расстоянию, а по «среднему» в группе. Такие же расчёты в свою пользу и в пользу заводов-фаворитов «Продамет» получал от распределения

заказов по заводам различной отдалённости, от приплат за «срочность» выполнения. Монопольно сосредоточивая в своих руках обороты и мелкими, и крупными партиями, «Продамет» уничтожил обычные при домонополистическом капитализме скидки за заказы больших партий и т. п.

Правда, сосредоточение реализации товаров отдельных заводов в руках одной организации имело и некоторые положительные стороны. Значительно сократились для отдельных заводов торгово-комиссионные расходы, которые некоторыми авторами определялись в досиндикатский период в 5—6 коп. с пуда железа, а при организации «Продамета» всего 1—2 коп. Сократились пробеги по транспорту железа и его издержки, так как в каждом районе стали продавать железо с ближайших заводов. Значительно сократилась торговля в кредит, которая прежде приводила к большим потерям заводов, вследствие несостоятельности торговых фирм. Но всё это удешевление торгового оборота шло не на пользу потребителя, а составляло лишние доли прибылей «Продамета» и его контрагентов.

Борьба за монопольное господство и районирование цен. Политика цен, проводимая «Продаметом», не сводилась только к повышению цен. Цены для «Продамета» являлись средством монопольной борьбы за господство. С этой целью «Продамет» использовал как метод повышения цен для получения себе сверхприбылей, так и метод понижения цен для разорения и устранения своих конкурентов.

Особенно острым орудием для борьбы «Продамета» за своё монопольное господство против некоторых предприятий и районов с особыми условиями производства и против отдельных «аутсайдеров», не примкнувших к синдикату, явился метод районирования и диференциации продажных цен. В тех районах, где имелись сильные аутсайдеры и конкуренты, «Продамет» назначал «боевые» цены ниже себестоимости и во всяком случае ниже цен конкурентов. Там же, где конкуренции не было, «Продамет» назначал монопольные, максимально высокие цены.

Особенно этот метод «Продамет» применял в своей борьбе с Уралом. Урал исстари, даже после развития южной металлургии, считался основным производителем по некоторым продуктам, например, по кровельному и сортовому железу, балкам и пр. для некоторых районов, например для Поволжья, Сибири, всего востока и даже отчасти центрального района. «Продамет», стремясь проникнуть на эти рынки, стал применять политику районирования и боовых цен в этих районах.

Уже в 1905 г. «Продамет» производит свою интервенцию на Урал. Тогда как балки Богословского завода продавались в Нижнем по 1 р. 20 к., «Продамет» продавал их в Нижнем по

1 р. 15 к. Для центрального и южного районов «Продамет» назначил цены 1 р. 25 к. — 1 р. 30 к., для Урала — 95 коп.— 1 руб. Для прорыва уральского фронта заводов и своего конкурента; «Кровля», «Продамет» привлёк к участию в синдикате Чусовской завод, определив долю участия в 6,3% всего уральского чугуна, 8% кровельного и 12% сортового железа. Для Богословского завода доли участия по тем же продуктам были установлены соответственно в 18,6 и 20%.

Непосредственным объектом борьбы «Продамета» с Уралом с 1907 г. стал возникший на месте прежних конвенций уральских заводов синдикат «Кровля». В начале «Кровля» сумела объединить значительное большинство, до 18 крупных уральских заводов (Лысьвенские, Алапаевские, Камские, Верхне-Исетские, Шуваловские и др.). «Кровля» продавала кровельное и оцинкованное железо, жесть, сортовое железо, сталь, балки, рельсы, проволоку, гвозди. По существу, как и «Продамет», «Кровля» представляла сложный синдикат, объединяющий несколько синдикатских соглашений по разным товарам. Хотя производительность «Кровли» по некоторым предметам была значительно ниже «Продамета», однако она всё же представляла значительного конкурента «Продамету». По производству же кровельного железа «Кровля» стояла в 1907 г. выше «Продамета», давая на объединённых ею заводах до 54,4% имперского производства кровельного железа и имея за собой прочно закреплённые рынки (Сибирь, Поволжье и др.).

«Продамет» выдвигал в своей программе требование, чтобы уральские заводы и «Кровля» отказались от производства сортового железа, швеллеров и балок, а южные заводы специализировались бы на сортовом железе, балках, рельсах. Однако некоторые южные заводы вовсе не собирались отказываться и от кровельного железа. «Продамет» стремился во что бы то ни стало погубить «Кровлю», этого наиболее мощного своего монополистического конкурента. «Продамет» стал бить «Кровлю» обычными своими методами тотчас же после возникновения её. Южные заводы, Макеевский, Таганрогский, особенно заинтересованные в кровельном железе, стали в 1907 г. продавать на Юге кровельное железо на 40 коп. дешевле «Кровли», в Петербурге — на 42 коп., остальные заводы делали скидку против цен «Кровли» в 25—30 коп. за пуд. Кроме этих конкурентных способов борьбы, «Продамет» через связанные с ним банки производил на «Кровлю» финансовое давление путём сокращения и лишения кредитов и пр.

Борьба с «Продаметом» становилась всё более трудной для «Кровли». В 1909 г. из «Кровли» вышли крупные производители — уральские заводы Симские, Ревдинские, Сергинско-Уфалейские, Югокамские и др. Производство кровельного

железа на Урале, хотя и не падало, но относительно всё более уступало Югу. Так, в 1907 г. из общеимперского производства кровельного железа в 14,7 млн. пудов Уралу принадлежало 11,3 млн. и Югу — 2,4 млн.; в 1910 г. — из общеимперского производства 22,9 млн. Уралу принадлежало 14,6 млн. и Югу — 5,4 млн. пудов. Производство кровельного железа на объединённых «Кровлей» заводах сократилось с 54,4% общеимперского производства в 1907 г. до 47,9% — в 1909 г. и 38,5% — в 1910 г. Из «Кровли» вышли ещё три крупных завода, и положение её ещё больше пошатнулось. В 1913—1914 гг. в «Кровле» осталось всего 5 контрагентов, вместо 12 — в 1912 г.

«Кровля» так и не достигла монопольного положения на рынке кровельного железа и по влиянию на этот рынок всё более уступала своему более удачливому, энергичному, руководимому крупным иностранным капиталом конкуренту, «Продамету». Борьба «Продамета» с уральскими заводами и с «Кровлей» длилась несколько лет и не прекратилась вплоть до 1914—1915 гг. Совещание контрагентов «Продамета» в 1912 г. постановило, что «ввиду тех жертв, которые были в своё время понесены контрагентами для завоевания этого (сибирского) рынка было бы... непоследовательным прекратить продажу сортового железа для этих местностей», так как это «даёт конкурирующим ранее с нами заводам, Симскому и Камскому, возможность значительно расширить свой сбыт и побудить другие уральские заводы к возобновлению их деятельности». Для противодействия уральским заводам была назначена продажная цена на сортовое железо 1 р. 15 к. пуд франко станция Чусовая и Миньяр, т. е. ниже цен уральских заводов[1].

С целью окончательного вывода уральских заводов и «Кровли» с рынка сортового и кровельного железа, «Продамет» в 1912 г. поднял общую цену на сортовое железо до 1 р. 48 к. и выше, вместо прежних 1 р. 25 к. — 1 р. 30 к., за исключением Московской, Саратовской и Нижегородской и некоторых других губерний, где цены остались пониженные, так как в них господствовал Урал. На том же совещании контрагентов «Продамета» в 1912 г. цены были назначены: Екатеринбург — 1 р. 15 к., Нижний — 1 р. 40 к., Екатеринослав, Киев, Одесса, Ростов, Харьков — 1 р. 48 к., Тифлис, Кутаис — 1 р. 58 к., Елизаветполь — 1 р. 63 к. Другими словами, цены в главном производительном южном районе были на 30—35% выше «боевых» цен на Урале, где цены были установлены «Продаметом» ниже, чем себестоимость на уральских заводах[2].

---

[1] МОИА, ф. ТММЗ, д. 789, л. 6—7.
[2] МОИА, ф. ТММЗ (бывш. Гужона), 1912, № 789, л. 58.

После окончания срока контрагентного договора «Кровли» в 1911 г. оставшиеся участники заключили новое соглашение на 1912 г. Но дела «Кровли» ухудшались. Попудное вознаграждение контрагентам в 1912 г. было выдано всего в 2,5 коп. вместо 4 коп. в предыдущем году. По отчёту за 1913 г. общество дало убыток в 217,8 тыс. руб. Правление «Кровли», давшее контрагентам обязательство добиться контроля над 70% имперского производства кровельного железа, не смогло выполнить этой задачи. Соглашение пяти заводов было продлено до 1915 г. с очень малыми надеждами на улучшение положения.

Такими же методами «Продамет» вёл борьбу и с другими свóими конкурентами, с целыми районами или с отдельными аутсайдерами, пока они не слагали оружие и не вступали в «Продамет». Так, польские заводы в 1903 г. пытались образовать свой синдикат, но в 1903—1905 гг. к «Продамету» примкнули Островецкий и Сосновицкий заводы и «Королевский и Лаура», а в 1909 г. польские заводы объединились в польский синдикат, который стал контрагентом «Продамета». Последний стал производить среди них отбор и закрыл Страховицкие заводы.

В 1910 г. после некоторой борьбы примкнули к «Продамету» прибалтийские заводы — «Беккер», «Феникс», Санкт-Петербургский проволочный. Для борьбы с этими заводами и с Путиловским заводом в Петербурге «Продамет» назначил цену на 5 коп. ниже нормальной. Под таким давлением все заводы примкнули к синдикату, кроме Путиловского, который вследствие особых условий своего производства и близости к казённым заказам остался вне синдиката.

Такую же обострённую борьбу по методу боевых цен «Продамет» вёл и с отдельными аутсайдерами, пытавшимися сохранить свою самостоятельность. В этом отношении интересна также борьба «Продамета» с одним из наиболее мощных производителей Юга — Новороссийским обществом (Юзовских заводов). Новороссийское общество, пользуясь своим большим весом в производстве, долгое время оставалось аутсайдером. Но когда оно, соблазнённое высокими ценами «Продамета», стало в 1905 г. производить листовое железо, «Продамет» применил метод боевых цен, стал продавать дешевле и в кредит. В 1907 г. Новороссийское общество сдаётся и входит в «Продамет». Это вступление сразу отозвалось повышением цен на швеллеры и балки на 15—30 коп.

Более легко далась победа над Константиновским, Пастуховским и Александровским заводами. Например, Сулинский завод Пастухова по соглашению с «Продаметом» вовсе прекратил прокатку листового и универсального железа.

В 1910 г. к «Продамету» примкнул «Гужон» после активной, но безуспешной борьбы с продаметовскими заводами-фавори-

тами, обеспечив себе по сортовому железу долю участия в 2,44% и повысив её в 1912 г. до 2,5%, т. е. не более 1,5 млн. пудов[1]. С этих пор из противника «Продамета» он превращается в его столь же ярого защитника.

Таким образом, в недрах «Продамета» кипела непрестанная, ожесточённая борьба за монопольное господство «Продамета» в целом и за господство наиболее влиятельных участников её. Особенно обострённая борьба разгоралась при повышательных изменениях конъюнктуры, при изменении производственных условий отдельных участников, когда прежние договоры о распределении квот и премий оказывались устарелыми. Возникала необходимость пересмотра прежде заключённых договоров и заключения новых, индивидуальных обязательств и соглашений между «Продаметом» и отдельными её участниками — по квотам, всякого рода дополнительным приплатам, премиям за отказ от производства, по вывозу за границу и пр. Так как все эти дополнительные выгоды, требуемые и выторговываемые наиболее влиятельными участниками синдиката, шли за счёт тех же монопольных цен, т. е. за счёт прибылей других участников, то вокруг этих новых соглашений и обязательств снова возгоралась ожесточённая борьба. Противоречия участников синдиката временами настолько обострялись, что угрожали его распадом, как это было в 1911 г. Но монополия была в целом настолько выгодна всем, что путём некоторых взаимных уступок соглашение достигалось, причём, конечно, победителями являлись наиболее мощные предприятия.

В качестве примера особенно обострённой внутренней, в недрах «Продамета», борьбы монополистов, закончившейся новым соглашением и подписанием нового обязательства, можно указать на соглашение по сортовому железу, подписанное участниками 9 января 1912 г.[2] Соглашение состоялось после длительной семимесячной борьбы, возникшей на почве стремления руководящих заводов добиться в связи с происходившим в эти годы повышением цен увеличения своих квот. Борьба между ними и между более мелкими предприятиями дошла до таких обострённых форм, что «Продамету» грозил распад. Только вмешательство иностранных руководящих кругов и банков, которые в сущности дирижировали «Продаметом» (преимущественно французские), спасло «Продамет» от распада. Выход был найден в удовлетворении домогательств крупных предприятий за счёт ущемления мелких. Наиболее мощные контрагенты «Продамета» — Южно-Русское, Днепровское металлургическое общество, Русско-Бельгийское, Брянское, Донецкое в Дружковке

[1] МОИА, ф. Гужона, д. 643, л. 10.
[2] МОИА, ф. ТММЗ, д. 789, 1912, л. 27—42.

и др. — по новому обязательству особенно значительно повысили свои квоты, часть осталась без изменения, некоторые, менее мощные, как «Гута Банкова» и др., получили снижение квот. Наиболее мощные контрагенты, как Русско-Бельгийское, Новороссийское, Днепровское, Брянское, Донецко-Юрьевское, получили по новому договору крупные премии по разным поводам — приплаты за всё время действия старых договоров, премии за переуступку долей участия, за отказ от производства, а также узаконение прав по вывозу за границу и т. п.

В новом договоре 1912 г. особенно широко оговаривалось право перенимать доли участия (квоты) других участников. Например, Русско-Бельгийскому обществу разрешалось приобрести значительную долю участия от Таганрогского общества и от общества «Русский Провиданс». Донецко-Юрьевскому обществу предоставлено приобрести доли обществ Петербургского, частично Урало-Волжского и полностью «Русского Униона», и т. п. Эти обмены и приобретения долей участия позволяли сильным предприятиям поглощать слабые, отказываться от производства невыгодных для себя предметов и расширять производство более выгодных. Слабым предприятиям предоставлялось право передать свои квоты сильным или вовсе закрыться или, наконец, выйти из синдиката. Выксунские заводы (Урал) вышли из «Продамета», не получив удовлетворения в выдаче премий. Камское общество, прежде имевшее квоту в 2,71, не согласилось на вновь предоставленную в 2,3 и ушло из «Продамета»; однако через несколько месяцев добилось квоты 2,5 и было принято вновь[1].

Таким образом, каждый новый взрыв конкурентной борьбы среди участников «Продамета» в целях использовать благоприятную конъюнктуру рынка, каждое новое заключённое на этой почве соглашение шло в конечном счёте на пользу наиболее мощным участникам и усиливало их монополию. «Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»[2].

Политика ограничения производства. В отношении политики производства «Продамет» ярко выявлял свою монополистическую сущность тем, что в основе этой политики лежало стремление к ограничению производства, как средству повышения цен и сверхприбылей руководящих предприятий. В этом своём стремлении «Продамет» не считался ни с какими народнохозяйственными нуждами, доведя страну до металлического

[1] МОИА, ф. ТММЗ, 1912, д. 789, л. 57.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 194.

голода, до хронического недопроизводства металла. Это губительно отражалось на развитии таких важнейших отраслей, как сельскохозяйственное машиностроение, строительство железных дорог, строительство гражданских промышленных и частных сооружений, строительство торгового и военного флота и пр.

Заставляя многих прежних аутсайдеров примыкать к синдикату, «Продамет», по соображениям меньшей выгодности на них производства и ради ограничения рынка, закрывал их, сокращал производство. Даже в период сильнейшего металлического голода 1910—1911 гг. «Продамет» не столько расширял производство, сколько заботился об его ограничении в целях достижения сверхприбылей руководящими заводами. Так, в июне 1912 г. Дружковский завод просил «Продамет» об увеличении его доли участия для экспорта в страны Среднего Востока, так как завод не использовал свою производственную мощность. «Продамет» отклонил просьбу Дружковского завода, чтобы не создавать конкуренции другим заводам[1]. Даже такие крупные общества, как Брянское, после вступления в «Продамет» по договору снизили производство сортового и листового железа до 2,6 млн. пудов вместо 4 млн. пудов до вступления: это было выгодно для общества, так как в связи с повышением цен оно за эту меньшую продукцию получило почти столько, сколько за прежнюю. «Продамет» полностью закрыл ряд крупных и мелких заводов, выплачивая закрытым заводам крупные «пенсии» на акционерный капитал. Так, закрыв Страховицкие заводы, «Продамет» гарантировал долю доходов в виде дивиденда в 8—10% на акционерный капитал в 2,5 млн. руб. Более мелкие заводы, как рижский завод «Этна», одесский гвоздильный завод Шполянского и др., закрывались, получая каждый небольшие пенсии по 20 тыс. руб. в год. Даже в период повышательной конъюнктуры и металлического голода «Продамет» проводил политику удушения Урала путём установления боевых цен ниже себестоимости производства.

«Продамет» за всё время существования не открыл ни одного нового завода. Когда, под влиянием металлического голода и надвигающейся угрозы войны, министр торговли Тимашев в 1914 г. на VIII съезде представителей промышленности и торговли предложил промышленникам строить новые заводы, чтобы передать им казённые заказы, это вызвало протесты со стороны железозаводчиков «Продамета». Гужон, этот прежний ярый противник монополии «Продамета», потребовал от совета съездов представителей промышленности и торговли

[1] МОИА, ф. ТММЗ, д. 789, л. 186.

посылки в министерство особого протеста с указанием, что такими мерами может быть вызван «кризис» всей отечественной промышленности и «промышленность погибнет»[1].

Политика ограничения производства применялась «Продаметом» не только как стратегическое средство борьбы за господство, но и во всей тактике выполнения заказов. Обычным приёмом «Продамета» был захват всех сколько-нибудь крупных правительственных и частных заказов без гарантии возможности и срочности выполнения. Невыполнение заказов и задержка выполнения заказов в срок стали хроническим явлением в деятельности «Продамета». Ряд строительных и других фирм, принявших от частных лиц и от казны заказы, не могли выполнить их из-за несвоевременного выполнения заказов «Продаметом». От невыполнения заказов страдали железные дороги, машиностроительные заводы, военное и морское ведомство при выполнении им морской строительной программы 1912—1913 гг. Так интересы всего народного хозяйства, интересы государства и нации приносились в жертву монополиям, руководимым иностранным капиталом.

В отношении некоторых особо важных продуктов «Продамет» вёл явную политику ограничения производства. Когда в 1911 г. разразился настоящий чугунный голод, «Продамет» держал уровень производства рельсов на 20% ниже 1904 г. (13,3 млн. пудов против 16,6 млн. пудов в 1904 г.). С целью ограничения производства рельсов «Продамет», например, закрыл два рельсопрокатных завода (Страховицкий и Никополь-Мариупольский), в результате чего цены на рельсы повысились свыше 40%.

Борьба за сырьё и вертикальные комбинаты. Кроме разницы интересов и условий отдельных районов и отдельных групп заводов, внутренняя борьба в самом «Продамете» обусловливалась также различным положением заводов-контрагентов «Продамета» в отношении сырья и топлива. В зависимости от того, имели ли металлургические заводы своё металлическое сырьё, свои рудники, а также своё топливо, свои каменноугольные копи или не имели, они несли различные расходы на сырьё и топливо. В связи с этим они располагали большей или меньшей свободой маневрирования своими ресурсами, особенно после того как в области сырья и топлива образовались свои синдикаты — в 1906 г. синдикат «Продуголь», объединивший до 75% всей добычи угля, и в 1908 г. — синдикат «Продаруд», объединивший до 80% всей добычи руды.

Политика этих синдикатов, повторяющая политику «Продамета» в отношении цен и ограничения производства,

[1] «Биржа», № 3 и 19, 1914 г.

заставляла контрагентов «Продамета» почувствовать на себе все «блага» монополий. Заводы Новороссийский, Русско-Бельгийский, Южно-Днепровский имели и руду и каменный уголь. Заводы Донецкий, Никополь-Мариупольский, Таганрогский, Брянский имели только руду. Ряд заводов (Донецко-Юрьевский, «Гартман» и др.) не имел вовсе сырьевой базы. Подвоз сырых материалов к заводам составлял до 30% цеховой стоимости. Заводы рудного района стали требовать повышения тарифов на руду, поставляемую для каменноугольных районов. Заводы, не имеющие каменного угля, требовали выступления «Продамета» против «Продугля». Заводы без сырья и без топлива жаловались, что они страдают и от «Продугля» и от «Продаруда», приобретая сырьё и топливо от этих синдикатов по дорогой цене.

Но, конечно, «Продамет» не мог и не желал выступать против своих монополистических собратьев. Личная уния в лице таких руководителей «Продугля» и «Продамета», как Ясюкович и другие, и финансовое руководство из одного источника — из финансовых кругов французских банков — исключали возможность какой-либо действительной борьбы. Наиболее мощные группировки контрагентов «Продамета», используя его в своих интересах, участвовали сами в других монополистических организациях, интересы которых часто не совпадали с интересами «Продамета». Так, Южно-Днепровское общество, Русско-Бельгийское общество и «Провиданс» организовали в 1909 г. внутри «Продамета» особый рельсовый синдикат, примкнули к международному рельсовому синдикату и получили независимо от «Продамета» право на экспорт в размере 7% мирового экспорта. Экспортные цены были явно убыточны, но они покрывались высокими ценами на внутреннем рынке, устанавливаемыми с помощью «Продамета».

То же самое Южно-Днепровское общество состояло членом других синдикатов, противников «Продамета», — синдикатов «Гвоздь», впоследствии «Проволока», а также «Продугля». В синдикатах «Гвоздь» и «Проволока» участвовали и другие предприятия «Продамета» (Брянское, «Гужон» и др.), тогда как другой влиятельный член «Продамета», Русско-Бельгийское общество, вело с «Гвоздём» ожесточённую борьбу и в конце концов добилось в 1909 г. распада синдиката «Гвоздь», на место которого возник новый — «Проволока»[1].

Выход из такого положения и из борьбы с другими монополиями за сырьё и топливо был найден в том, что металлургические заводы «Продамета» начинают стремиться к организации своих собственных рудников и шахт для обеспечения сво-

[1] «Биржа», № 21, 1914 г.

его металлургического производства сырьём, каменным углем и рудой. Стали возникать вертикальные комбинаты по металлу, каменному углю и руде. В 1910—1913 гг. большинство крупных металлургических предприятий «Продамета» уже обзавелось собственными или арендованными рудниками и каменноугольными шахтами. Южно-Русское Днепровское общество купило за 8,4 млн. руб. Ростовские рудники и Максимовские каменноугольные копи, Таганрогское общество взяло в аренду копи «Белая», Русско-Бельгийское заарендовало рудники Калачевские, Донецко-Юрьевское общество купило за 2,3 млн. руб. каменноугольные копи от Алексеевского горнопромышленного общества, Брянское общество купило копи Рутченковского горнопромышленного общества и т. д.

Всё это приводило к дальнейшей концентрации производства в недрах «Продамета», к монополизации производства в руках наиболее мощных групп и к дальнейшему обострению борьбы уже не только внутри «Продамета», но и между ним и другими монопольными организациями — «Продуглем», «Продарудом» и др., интересы которых были резко противоположны «Продамету» и которые не могли примириться с независимостью от них «Продамета» в деле снабжения его предприятий собственной рудой и каменным углем.

Так возникал новый этап борьбы — борьбы монополистических организаций «Продамета», «Продугля», «Продаруда» друг с другом. Эта борьба должна была привести к дальнейшему усилению и укреплению монополистических тенденций, к перерастанию синдикатских объединений в тресты. Но усиление и укрепление монополий должно было ещё более ясно выявить всё отрицательное влияние их на народное хозяйство, на ограничение его нужд в деле развития важнейших отраслей производства, на стеснение потребления.

Борьба потребителей металла против «Продамета». Чугунный и металлический голод 1910—1912 гг. заставил обратить внимание на деятельность «Продамета». Ряд учреждений и металлообрабатывающих заводов ходатайствовал перед правительством о ввозе иностранного металла, о понижении пошлин на чугун и железо при ввозе из-за границы, о понижении железнодорожных тарифов от портов до внутренних рынков. Само правительство признало, что деятельность «Продамета» идёт вразрез с интересами народного хозяйства и государства, особенно после того, как «Продамет» не выполнил заказы морского министерства по судостроительной программе. Часть заказов морское министерство принуждено было передать в Англию.

Против «Продамета», доведшего страну до металлического голода, выступали также железные заводы, металлообраба-

тывающие и машиностроительные заводы, строительные фирмы, заводчики сельскохозяйственных машин и орудий, земство, частный потребитель, даже некоторые промышленники, интересы которых не вполне совпадали с политикой, проводимой «Продаметом». Однако руководители «Продамета», заручившиеся поддержкой правительственных кругов, продолжали свою политику. Даже когда в 1911—1912 гг. выявилась вся глубина чугунного и угольного голода, лидер южных горнопромышленников Ясюкович — почётный председатель «Продамета», член правления «Продугля» и директор Южно-Днепровского металлургического общества — утверждал, что никакого голода ни металлического, ни угольного нет. Когда министр торговли Тимашев в 1912 г. поставил вопрос о ввозе угля и чугуна из-за границы с понижением ввозных пошлин, промышленники заявили протест, указывая, что «таможенный тариф есть краеугольный камень, на котором зиждется русская промышленность» и что они «не допускают даже мысли о временном понижении пошлин на иностранный чугун». А тот же лидер промышленников Ясюкович от лица промышленников цинично пояснил, что «будет настоящая цена, будет и уголь» [1].

По существу, политика «Продамета», направленная на ограничение производства и на повышение цен, поддерживалась самим правительством. Учреждённый правительством в разгар кризиса начала XX в. особый комитет по распределению заказов на подвижный состав, рельсы, скрепы и другие железнодорожные принадлежности имел целью некоторую поддержку промышленности и регулирование рынка в период кризиса. Сначала предполагалось, что комитет в виде опыта будет распределять заказы в течение трёх лет, но он просуществовал до 1914 г. Комитет фактически подготовил и поощрял политику монополизации. Он определял для заводов контингент производства, устанавливал квоты и цены, устраняя тем самым конкуренцию для крупных заводов-монополистов, и ограничивал производство.

Наиболее сильным орудием поощрения промышленности явились высокие цены правительственных заказов. Они определялись на 3 года вперёд, и, следовательно, обеспечивали заводы от понижения цен в период кризиса. В 1902 г. цены были определены в 1 р. 25 к. на рельсы. Эта цена осталась и в последующие годы, хотя после кризиса рыночные цены значительно упали, например, на рельсы до 1 р. 08 к. — 1 р. 12 к., на балки до 80—85 коп. Этим повышением цен могли воспользоваться, однако, не все заводы, а лишь «заводы-фавориты», которые получали от комитета казённые заказы. Это были глав-

[1] «Биржевые известия» от 30 октября 1912 г.

ным образом южные, наиболее крупные заводы, которые специализировались на выполнении казённых заказов. Из 24 южных металлургических заводов, таких «заводов-фаворитов» было 6, все участники «Продамета»: Новороссийский завод сбывал казне 81% своей продукции, Дружковский — 72, Брянский — 59, Русско-Бельгийский — 56, Таганрогский — 29 и Южно-Русский Днепровский — 26%.

Эти заводы получали от высоких цен казённых заказов громадные премии. По исчислениям московского заводчика Гужона, премия, считая по 45 коп. на пуд, составляла для 6 перечисленных заводов до 8,5 млн. руб. Гужон являлся в то время представителем «обиженных» заводов центрального района и был застрельщиком борьбы против «заводов-фаворитов», настаивая на распределении заказов между всеми заводами, так как право на «казённый пирог», по его мнению, должны иметь все заводы[1].

Когда в стране разразился чугунный и угольный голод в 1913 г., частные железные дороги подали министру путей сообщения записку, в которой указывали на необходимость ограничить функции правительственного комитета по распределению заказов только казёнными железными дорогами, а частным предоставить право свободного выбора своих заводов-поставщиков, а также право устраивать свои заводы и покупать уголь и чугун за границей. На эту записку последовал резкий протест со стороны совета съездов промышленников, указывавших, что «удовлетворение домогательств железных дорог заниматься торгово-промышленною деятельностью недопустимо»[2]. Ходатайство железных дорог в основном было отклонено.

Так монополистический капитал подчинял себе всё хозяйство, и выгоды государственного хозяйства отступали назад перед выгодами и прибылями кучки монополистов.

Кроме железных дорог кабальные условия продажи и цен «Продамета» особенно больно ударяли по частным потребителям металла для изготовления предметов массового потребления. Таковыми были в первую очередь заводы земледельческих машин и орудий. Производя дешёвый товар, эти заводы были заинтересованы в дешевизне первичного продукта, железа и стали и в льготных условиях продажи. Съезд фабрикантов земледельческих машин и орудий в 1910 г. и затем вторично в 1913 г. просил «Продамет» об облегчении условий продажи и понижения цен железа и стали, но им дважды было отказано

[1] МОИА, ф. Гужона, д. 377 и 474.

[2] МОИА, ф. ТММЗ, д. 790, л. 12—13, см. также «Промышленность и торговля», № 6, 1912 г.

«Продаметом»[1]. Ввиду неудовлетворительного исхода переговоров было решено разработать вопрос о создании собственного металлургического завода и собственной организации для закупки металла. За спиной «Продамета» велись переговоры о продаже железа Русско-Бельгийским обществом и о покупке для нужд сельскохозяйственного машиностроения завода Новороссийского общества. Но «Продамет» на совещании контрагентов признал понижение цен на железо для заводов сельскохозяйственных машин «несвоевременным»[2].

Съезд фабрикантов сельскохозяйственных машин в 1912 г. обратился к правительству со специальной запиской, жалуясь, что производство сельскохозяйственных машин находится в «безвыходной зависимости» от «Продамета», который не выполняет заказов, повышает цены и парализует столь важное производство. Впрочем, сам совет съезда, в специальном циркулярном письме указывая, что «Продамет» — «сильная организация, имеющая в своей среде лиц с большим влиянием в правительственных кругах», считал, что «единственным средством для улаживания затруднений по заказам на железо является соглашение и переговоры с «Продаметом».

Действительно, с жалобой фабрикантов сельскохозяйственных машин ничего не вышло. Правительство в октябре 1912 г. внесло в Государственную думу проект поощрения отечественного сельскохозяйственного машиностроения. В числе поощрительных мер значились беспошлинный пропуск станов, освобождение заводов от некоторых пошлин, улучшение организации и условий сбыта, но не было одного, самого главного — мероприятий по удешевлению железа. Несоответствие между передовой высокоразвитой капиталистической промышленностью и отсталым сельским хозяйством в России достигало громадных размеров и являлось причиной глубоких социальных противоречий. Однако рост монополий не только не смягчал, но, наоборот, колоссально увеличивал это несоответствие, и интересы сельского хозяйства приносились в жертву ради обеспечения монопольных прибылей кучки магнатов финансово-монополистического капитала.

Наконец, политика «Продамета» больно ударяла по другому массовому потребителю металла — по земству, а через него и по деревне. Для поощрения потребления металла деревней розничные цены земских складов на листовое и кровельное железо и на другие изделия были установлены в 1912—1913 гг. на 30—40% ниже розничных цен на местах. Земства закупали железо дешевле у аутсайдеров. В 1909—1914 гг. земствами было приоб-

[1] МОИА, ф. ТММЗ, д. 790, л. 12—13.
[2] Там же, д. 789, л. 50.

ретено и распределено в деревне свыше 12 млн. пудов железа, на 25 млн. руб. Земства организовали для покупок объединение («Железный союз земства»)[1], вызвавшее резкие нападки в печати со стороны объединённых промышленников, совета съездов, «Продамета».

Хотя земства представляли крупного, объединённого потребителя, но и он не удовлетворял «Продамет», так как не шёл на ограничение рынка и повышение цен. Поэтому «Продамет» бойкотировал земства и предпочитал иметь дело с крупными посредническими торговыми фирмами, которые проводили его политику. Поэтому в числе заказчиков «Продамета» вообще первое место занимали не непосредственные потребители, а крупные торговые посреднические фирмы.

Распределение заказов «Продамета» в 1912 г. по отдельным группам заказчиков было таково (в млн. пудов и процентах):

	Млн. пудов	%
Торговые посреднические фирмы	64,0	55,7
Железные дороги	28,9	25,2
Заводы, не входящие в «Продамет»	16,7	14,6
Общественные и городские учреждения .	1,8	1,6
Прочие заказчики	3,3	2,9

Таким образом, непосредственные потребители, включая железные дороги и заводы, получали от «Продамета» только 44,3% всех заказов, остальные распределялись между потребителями через посредство торговых фирм. Общественные же организации, земства и города получали от «Продамета» ничтожный процент заказов. Этим самым «Продамет» по существу отказывался от основных своих, записанных в уставе, функций «Конторы по продаже изделий». Но именно этот факт и свидетельствовал о том, что фактически задачей «Продамета» была не организация продажи, а монопольное овладение производством и рынком.

Перерастание в трест. Как мы указывали, «Продамет», эта «Контора по продаже металлических изделий», представлял собой сложный синдикат, державший в своих руках весь рынок чёрного металла. Руководя в основном лишь сбытом изделий, «Продамет» своей политикой ограничения производства, установления цен и их районирования, размещения заказов и пр. оказывал огромное влияние и на производство.

[1] ЦГАНХ, ф. Министерства торговли и промышленности, д. 341; см. также *П. И. Фомин*, Горная и горнозаводская промышленность, стр. 116.

Однако синдицированные предприятия формально сохраняли всё же свою самостоятельность, могли участвовать в синдикате не всеми своими продуктами и вовсе выйти из него. Господство в синдикате наиболее крупных, руководящих предприятий держало в вынужденной дисциплине всех других и заставляло их подчинять свои интересы интересам синдиката в целом, т. е. интересам тех же руководящих групп.

Кризис 1900—1903 гг. особенно подорвал финансовое благополучие многих, даже крупных металлургических предприятий, разорил их и заставил искать в синдицировании путей своего восстановления. Крупнейшие предприятия, как Донецко-Юрьевское, Урало-Волжское, «Провиданс» в 1900—1902 гг. прекратили платежи; Керченское общество, общество Тульских доменных печей, Волжского стального завода вовсе разорились; Макеевское и Таганрогское едва избегли прекращения платежей, почти все остальные были подвергнуты санированию. По 10 крупным предприятиям, подвергавшимся реорганизации и санированию, общая сумма капиталов в 196,4 млн. руб. сократилась после реорганизации и санирования до 155 млн. руб. Реорганизация и санирование, произведённые банками и сохранившимися наиболее мощными предприятиями, дали возможность руководящей группе этих банков и предприятий прибрать к своим рукам громадную часть разоряющихся и восстанавливаемых предприятий. Это обстоятельство и послужило, в сущности, основой для возникновения синдикатского объединения «Продамет».

На этой почве, как мы указывали выше, в самом «Продамете» особенно сильно проявились тенденции, заключавшиеся в том, чтобы не ограничивать себя синдикатскими соглашениями, полностью подчинять себе, поглощать независимые предприятия. В этом отношении особенно настойчиво и успешно действовали Южно-Русское Днепровское, Донецко-Юрьевское, Русско-Бельгийское общества, находившие в своих объединительных тенденциях полную поддержку французских иностранных кругов. Они начали скупать как состоявшие, так и не состоявшие в «Продамете» предприятия, перенимать их доли, закрывать их. Тенденции к трестированию пробивались всё настойчивее. В записке для парижских финансовых кругов, изданной в Париже на французском языке [1], анонимные авторы указывали, что переход к полному объединению некоторых заводов, к созданию треста вполне назрел. Некоторые заводы «давно лелеяли мечту... убить одного за другим своих более слабых конкурентов и добиться перехода к ним всего спроса».

[1] «Записка по поводу слияния некоторых русских металлургических предприятий», Архив НКФ, ф. Особенной канцелярии по кредитной части, II отд., стол 2, 1908, д. 16.

В 1908 г. по инициативе Русско-Бельгийского и Днепровского обществ совместно с французскими финансовыми кругами было решено приступить к организации треста. В организации треста принимали участие Генеральное общество, Лионский кредит и другие банки (персонально Дарси, Ломбардо, Доризон). Во главе треста предполагалось поставить Ясюковича и других деятелей «Продамета». В трест предполагалось включить в первую очередь 10 упомянутых заводов с общей суммой капиталов в 196,4 млн. руб., в счёт которых для покупки и реорганизации иностранными банками выпускались новые акции и облигации на сумму 155,9 млн. руб. Все акции находились в руках иностранных банков, финансировавших организацию треста. Некоторые общества теряли при реорганизации очень значительные суммы. Например, «Русский Провиданс» за свой капитал в 28 млн. руб. получал всего 9,3 млн. руб. Урало-Волжское за капитал 23,2 млн. — всего 8,7 млн.; Новороссийское — ликвидировало свой капитал почти al pari, Русско-Бельгийское получало премию в 10 млн. руб. Днепровское — премию почти 4 млн. руб. Трест предполагал значительно сократить производство, исходя из того, что в России, по мнению инициаторов «слишком рано насаждена была чрезмерно сильная металлургическая промышленность по сравнению с настоящим потреблением» [1].

Главнейшая трудность, которую приходилось преодолевать инициаторам треста, было недостаточное доверие парижских финансовых сфер, разочарованных (особенно после кризиса 1900—1903 гг.) в доходности предприятий русской металлургической промышленности. Но, повидимому, это недоверие было преодолено путём предоставления новых выгод иностранному капиталу, и соглашение было подписано. Один из инициаторов треста, бывший раньше противником монополий в дележе «казённого пирога», металлопромышленник Гужон, публично на съезде 1909 г. заявлял, что «трест будет» и что правительство должно будет послушаться «сильных иностранцев».

Сведения об образовании треста проникли в 1908 г. в печать, в общественные и деловые круги, в Государственную думу. По инициативе дворянских и аграрных кругов и октябристов ряд земств, городских управлений подали правительству записки с протестом против проектируемого треста. Государственной думой был внесён правительству запрос по поводу проектируемого треста. Председателю совета министров Столыпину была подана по инициативе октябристов во главе с Гучковым специальная записка, подписанная 106

[1] Архив НКФ, ф. Особой канцелярии по кредитной части, II отд., стол 2, 1908, д. 16.

депутатами из октябристов, кадетов и пр., требующая запрещения треста.

Под давлением этих думских и дворянских кругов правительство собрало в 1908 г. особое совещание для всестороннего рассмотрения вопроса о проектируемом тресте. Состав совещания был несколько иной, чем состав депутатов «третьеиюньской думы». Значительная часть совещания состояла из представителей тех же промышленников, руководящей бюрократии министерства промышленности и финансов. Совещание отвергло целесообразность запретительных мер против синдикатов и трестов, считая, что правительство должно бороться лишь со злоупотреблениями в этой области, но не с самым фактом развития синдикатских организаций, которые при современном развитии промышленности и торговли «являются неизбежными».

Под давлением правого большинства Государственной думы трест формально всё же не был организован. Но тем не менее реорганизация металлургической промышленности, проведённая после кризиса 1900—1903 гг. с участием в ней иностранных банков, привела к ещё большему «сращиванию» русского промышленного капитала в металлургической промышленности с иностранными (французскими) банками. Это послужило ещё большему усилению позиций «Продамета» и без образования треста. Основное предположение, которое выдвигалось при образовании треста — ограничение производства — полностью осуществлялось «Продаметом».

Чугунный и угольный голод 1911—1912 гг. и общее напряжённое состояние металлургического и угольного рынка в 1912—1914 гг., ставшее особенно опасным ввиду надвигающейся угрозы войны, вызвали вновь общественное недовольство и попытки правительства найти выход из кризиса. В 1910 г. было учреждено правительственное совещание для расследования деятельности синдикатов под председательством товарища министра торговли Миллера[1]. В русской печати была организована шумная «неделя о синдикатах», в которой принимали участие «независимые» газеты, особенно московские, не связанные с «Продаметом» — «Русское слово», «Утро России», «Русские ведомости», а также «Биржа», «Биржевые ведомости», «Промышленно-финансовая газета» и даже официальная «Торгово-промышленная газета» и др. «Продамет» отвечал через свой орган «Промышленность и торговля».

Однако из всего этого шума ничего существенного ни для «Продамета», ни для русского производителя и потребителя

[1] Следы деятельности этого совещания и проведённая им анкета сохранились в Архиве народного хозяйства в Ленинграде, ф. Министерства торговли, 1910—1913 гг., д. 316, оп. 15, л. 1—6.

металла не вышло. «Продамет» имел могущественных защитников не только из числа отечественных заводчиков, но и ещё более сильных — из иностранных промышленных и финансовых кругов. «Продамет» уже был сильно «сращен» — легально и нелегально — с правительственным аппаратом, который покровительствовал его политике. К тому же вопрос о политике и действиях «Продамета» совпал с обнаружением таких же недопустимых с народнохозяйственной точки зрения действий другой монополистической организации — «Продугля», — вызвавшей в стране угольный голод. Как вопрос о «Продугле» пришлось замять под влиянием вмешательства иностранных (французских) финансовых кругов, так и в вопросе о «Продамете» дело ограничивалось новым решением совета министров в 1914 г. об обследовании деятельности «Продамета».

Начавшаяся мировая война вовлекла «Продамет» в усиленную работу «на нужды обороны». Резкое повышение цен, сокращение производства, громадное увеличение сверхприбылей во время войны явились результатом этой привычной для «Продамета» работы. О ней мы скажем в дальнейшем более подробно.

3. Синдикатские объединения в других отраслях металлургической и металлообрабатывающей промышленности

Вместе с образованием «Продамета» как монополистического объединения чёрной металлургии, большое значение получило монополистическое объединение цветной металлургии, так как цветные металлы стали приобретать в промышленности всё более важное значение. В области производства цветных металлов в то время на первом месте стояла медь. В медной промышленности синдикатское движение началось с объединения медеплавильных и медепрокатных заводов в синдикате «Медь», организованном в 1907 г. Медная промышленность России к началу XX в. представляла довольно отсталую отрасль металлургии, несмотря на богатые сырьевые и производственные ресурсы, которые имел Урал. Заводы его работали на основе отсталой техники. Электролитическая медь, которая к тому времени стала преобладать на Западе, в России почти не производилась. Имелся лишь один завод электролитической меди (Розенкранца в Петербурге), на котором производство по переработке штыковой меди в электролитическую обходилось очень дорого. Некрупные заводы не могли у себя организовать производство электролитической меди, которая поэтому выписывалась из-за границы. Большая борьба велась также между медеплавильными и медепрокатными заводами. Последние

занимали монопольное положение потребителей меди с медеплавильных заводов.

Для урегулирования всех этих производственных и сбытовых трудностей московская торговая фирма Вогау (торговля металлами, химическими, москательными и колониальными товарами) приступила в 1907 г. к организации синдиката медеплавильных и медеперерабатывающих предприятий. Немецкая по происхождению и капиталам, фирма Вогау кроме своей торговой деятельности уже с 70-х годов начинает проникать в металлургическую и металлообрабатывающую промышленность. Располагая большими оборотными средствами от немецких банков, Вогау в 1874 г. учреждает общество Белорецких железоделательных заводов. Позднее фирма Вогау широко субсидирует товарищество московского металлического завода («Гужон»). Ей же принадлежало большинство акций Кольчугинского латунного и медеплавильного завода. Фирма Вогау находилась в тесных финансовых отношениях с единственным в России немецким электролитическим заводом Розенкранца. Наконец, Вогау при участии Кноппа, немецких банков и германской фирмы «Металлическое общество» организует Общество для обследования и устройства предприятий в России, широко раскинув свою сеть на все районы России. К 1910-м годам фирма Вогау участвовала своими капиталами в более 20 акционерных промышленных обществах с капиталом в 75 млн. руб., из которых Вогау принадлежало 15,4 млн. руб., т. е. 20%, а в некоторых предприятиях — до 55—100%. В эти же годы Вогау полностью подчиняет себе медный русский рынок под видом организации синдиката «Медь».

Синдикат «Медь» формально был образован в виде обычного акционерного общества с основным капиталом, по уставу всего в 150 тыс. руб., разделённым на 750 акций по 200 руб. каждая. По уставу акции (§ 17) распределялись только между участниками общества и не имели хождения среди посторонних лиц. Устав, конечно, ничего не говорил о синдикатских целях общества, эти цели закреплялись сепаратными соглашениями. В 1907 г. в синдикате «Медь» было объединено 7 заводов с общей выплавкой меди в 672 тыс. пудов, что составляло 75% всего имперского производства меди в России. Вне синдиката оставалось небольшое число мелких медных заводов.

Особенностью этого синдиката было то, что он не брал на себя сам продажу меди объединённых заводов, а передавал в свою очередь исключительное право продажи фирме Вогау. Синдикат «Медь» заключал сепаратные договоры с входящими в синдикат медеплавильными заводами, а также с заводом Розенкранца об электролитической переработке меди и, наконец, с фирмой Вогау о предоставлении ей исключительного

права продажи меди всех объединённых синдикатом заводов. Сама фирма Вогау в свою очередь заключала особые договоры с не входящими в синдикат медепрокатными заводами о приобретении последними всей необходимой для них меди у Вогау как комиссионера синдиката «Медь» по ценам, устанавливаемым по особым расчётам.

Такая сложная система сепаратных договоров обусловливалась, с одной стороны, стремлением скрыть синдикатский, монополистический характер общества «Медь» и фирмы Вогау, а с другой стороны, недостаточностью у общества и у входящих в него заводов финансовых средств. Фирма Вогау кроме предоставления обществу «Медь» всего торгового распределительного аппарата финансировала все операции общества. За это все заводы должны были продавать всю свою продукцию как штыковой, так и электролитической меди под угрозой штрафа только фирме Вогау. Продажная цена и условия платежа, так же как условия и расходы по электролитическому рафинированию меди, устанавливались сепаратными соглашениями общества «Медь» с фирмой Вогау. Электролитическое рафинирование меди производилось обязательно на заводе Розенкранца и обходилось очень дорого и, кроме того, было обставлено ростовщическими обязательствами выплаты авансов и других платежей. Сама фирма Вогау, получая исключительное право продажи меди по твёрдым ценам, получала комиссионное вознаграждение в 2,5% по штыковой и 2% по электролитической меди и сверх этого 50% от перевыручки на ценах обществом «Медь». Таким образом, медеплавильные заводы из-за недостатка своих финансовых средств весьма тяжело закабалялись как этой монопольной посреднической фирме, так и монопольному производителю электролитической меди, заводу Розенкранца.

Подчинив себе медеплавильные заводы в области сбыта меди, фирма Вогау также монопольно подчинила себе медепрокатные заводы, обязав их сепаратными договорами покупать всю требуемую им медь только у Вогау. Продажные цены на медь, отпускаемую прокатным заводам, определялись сложными расчётами на базе цен иностранного медного (лондонского) рынка с прибавкой русской таможенной пошлины (5 руб.). Прокатные заводы лишались права приобретать медь за границей, так же как продавать на внутреннем рынке медь «не в деле».

Только тяжёлым финансовым положением русских медных заводов и технической отсталостью в области производства электролитической меди могло объясняться такое — довольно уродливое — синдикатское образование. Характерно, что эта форма синдикатского соглашения общества «Медь» — Вогау просуществовала до конца войны 1914—1917 гг. Трудно переоценить широкие возможности для шпионажа, провокаций и

подкупа всего государственного аппарата, которые открывались существованием такого синдиката во время войны. Лишь с 1 января 1917 г. синдикат «Медь» решил обходиться без посредничества Вогау, а в конце 1917 г. общество решило полностью прекратить свою деятельность [1].

В других, менее важных отраслях металлургической и металлообрабатывающей промышленности образование «Продамета» способствовало возникновению и распространению других монополистических организаций. В 1902 г. организуется крупный синдикат по продаже железных труб («Трубопродажа»), сосредоточивающий у себя продажу водопроводных, газопроводных, фабричных, нефтепроводных и прочих труб и объединяющий 10 русских и иностранных заводов, существовавших в России. «Оригинальность» этого синдиката заключалась в том, что он имел негласный характер и являлся в сущности объединением иностранных заводов, имеющих в России свои производственные отделения (заводы «Королевский и Лаура», «Гута Банкова» и др.). Поэтому правление синдиката было в Берлине, а в России существовал... скромный «Торговый дом Трубопродажа», фактически простой московский агент германского синдиката. Синдикат держал в своих руках почти все 100% русского сбыта труб, ведя обычную монополистическую синдикатскую политику.

В том же 1902 г. возник крупный синдикат по продаже специальных чугунов (ферроманганов и др.), объединявший 6 южных заводов и около 90% всего производства специального чугуна.

Вслед за этими пионерами синдикатского движения оно начинает захватывать постепенно все другие отрасли металлургической, металлообрабатывающей и горнозаводской промышленности. Попытки образования монополий в области горной промышленности имелись ещё в 1905 г. После неудачи общеимперского объединения в 1907 г. на юге был образован синдикат горнопромышленников по продаже руды («Продаруд»), объединивший сразу 6 главных южных рудных предприятий с производством до 80% всей руды.

Таким образом, в течение 6—8 лет подавляющая часть российской горной и металлургической промышленности, особенно на юге, была синдицирована. Из отдельных её производств вне синдикатских объединений до 1906 г. оставался один лишь чугун, что объяснялось неодинаковыми условиями производ-

[1] Синдикатские сепаратные договоры общества «Медь» с входящими в синдикат заводами и с фирмой Вогау, а также договоры Вогау с заводами опубликованы в книге *А. Д. Брейтермана*, Медная промышленность СССР и мировой рынок, ч. III, Ленинград, 1930.

ства на разных чугуноплавильных заводах, работающих, с одной стороны, на собственной руде и угле и, с другой стороны, — на покупных продуктах.

Не менее остро, чем для южной промышленности, ставился вопрос о регулировании производства и рынка для металлургической промышленности Урала, особенно сильно страдавшей от успешной конкуренции Юга. Вопрос о синдикате уральской металлургии был поставлен на съезде уральских горнопромышленников в том же 1902 г., но «отечественный капитал», представленный рядом более мелких и отсталых предприятий, не мог столковаться об объединении так скоро, как более крупный южный, западноевропейский. После многих споров о контингентах производства, его распределении и о ценах соглашение было достигнуто лишь в 1904 г. в виде конвенции и создания объединённого комитета уральских горных заводов в составе 12 наиболее крупных уральских заводов с производством до 80% уральского кровельного железа. Конвенция регулировала как общее производство железа и распределение его между заводами в целях сокращения выпуска его на рынок и поддержания цен, так и условия продажи, кредита, сортировки и пр. Просуществовав до 1906 г., конвенция распалась, но вместо неё был в том же году образован более прочный синдикат «Кровля», объединивший сначала до 75% производства кровельного железа, а затем и некоторые другие продукты.

Выше мы описали жестокую борьбу «Продамета» с «Кровлей», окончившуюся неудачно для «Кровли». По примеру «Кровли», на Урале стали образовываться синдикаты и по другим производствам — сортового железа, белой жести (18 фирм с производством 1 375 тыс. пудов, т. е. почти всё русское производство) и др. Был организован синдикат «Платина».

В те же годы начинает развиваться синдицирование металлообрабатывающих и машиностроительных заводов. Так, в 1907 г. был организован синдикат заводов сельскохозяйственных машин в форме «Съезда фабрикантов сельскохозяйственных машин и орудий», который объединил к 1913 г. 18 крупнейших фирм и сконцентрировал в своих руках до 73% производства сеялок и 72% других сельскохозяйственных орудий. Образование этого синдиката вызвало, между прочим, большую тревогу в сельскохозяйственных кругах, опасавшихся повышения цен. И действительно, первое же своё выступление синдикат ознаменовал общим повышением цен, сокращением кредита земствам и кооперативам, стеснением условий продажи.

В 1904 г. организовался синдикат вагоностроительных заводов «Продвагон» (Общество для продажи изделий русских вагоностроительных заводов) из 13 заводов, почти с полной монополизацией производства и сбыта вагонов: так, в 1905 г.

«Продвагон» продал 97,5%, в 1906 г. — 97, а в 1907 г. — 95% всей русской продукции. Другой аналогичный синдикат паровозостроительных заводов объединял 7—8 русских заводов, тоже с 90—100% всей продукции. В 1909 г., как мы указывали выше, в недрах «Продамета» организовался синдикат рельсопрокатных заводов как часть крупного международного объединения во главе с американскими фирмами.

4. Монопольные объединения в топливной промышленности

Топливная промышленность в обеих её основных отраслях — в каменноугольной и нефтяной промышленности — представляла обширное и удобное поле для развития монополистических объединений.

Каменный уголь. В каменноугольной промышленности монополии нашли осуществление в образовании синдикатов в основных каменноугольных районах — Донецком, Домбровском, Сибирском и др. Донецкий синдикат, организованный в 1904 г. в виде акционерного общества «Продуголь» (Русское общество торговли минеральным топливом Донецкого бассейна), объединял первоначально 18 крупных угольных предприятий Донбасса с выработкой 75% всей добычи угля на юге. Совет этого мощного объединения «русских» каменноугольных предприятий, принадлежавших преимущественно франко-бельгийским акционерам, находился номинально в Петербурге, но фактически всё общество было полностью подчинено особому французскому правлению и комитету из французских банков и углепромышленников, находящихся в Париже, и дававшему все директивы через своего председателя Грюнера.

В 1907—1908 гг. были образованы 2 сибирских каменноугольных синдиката — Черемховский и Забайкальский, находившихся также под влиянием «Продугля». Таким образом, все основные районы каменноугольной промышленности были синдицированы, и в руках синдикатов во главе с «Продуглем» находилось до 75% внутреннего производства. «Продуголь» являлся гершителем русского каменноугольного рынка, как «Продамет» — металлургического.

И замечательно то, что этот синдикат, ни по своей организации, ни по своей политике ничем не отличавшийся от других синдикатов, вызвал противодействие со стороны несиндицированной и даже синдицированной металлургии, так как его политика привела к кризису топлива и тяжело ударила по предприятиям, работавшим на покупном топливе. Но «Продуголь», состоявший почти целиком из иностранных предприятий, находился под высоким покровительством и защитой иностран-

ного капитала. В 1914 г. правительством был поднят вопрос о судебном вмешательстве в дела «Продугля» и о его ликвидации вследствие обнаруженных злоупотреблений. Судебное следствие вскрыло монополистический характер «Продугля», его принудительные незаконные меры против своих конкурентов и даже по отношению к своим сочленам, вредную для народного хозяйства политику ограничения производства и повышения цен. Данные судебного разбирательства попали в общую прессу и вызвали большой шум. Однако со стороны французских банковских и промышленных сфер было произведено финансовое давление, а со стороны французского правительства даже дипломатическое вмешательство, и дело было прекращено[1].

«Продуголь», общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна, формально действовал по уставу, утверждённому 11 мая 1904 г. как открытое акционерное общество с основным капиталом в 1 млн. руб., состоявшим из 4 тыс. именных акций, распределяемых между участниками общества. В 1904 г. общество объединило 18 крупнейших предприятий Донецкого района. Фактически общество жило и действовало не столько по формальному уставу, сколько по сепаратным контрагентским «комиссионным» договорам с участниками общества. Знаменитый «Красный договор» (названный так по цвету обложки) определял не только все отношения между обществом и его контрагентами, но и всю политику производства и цен, проводимую «Продуглем».

Согласно заключённым с предприятиями договорам, именуемым «комиссионными», «Продуголь» получал исключительное право на продажу всего количества и всех сортов каменного угля и кокса, добываемого на рудниках, эксплоатируемых участниками синдиката. Синдикат, фактически парижский комитет, регулировал условия продажи и платежа, условия транспорта, распределения угля, устанавливал цены, скидки, премии и т. п.

Участник синдиката, официально именуемый контрагентом, прекращал самостоятельную продажу каменного угля и кокса. Он не имел права на приём заказов на свою продукцию и направлял все полученные им запросы и заказы «Продуглю». Контрагент передавал синдикату все свои склады угля и кокса, находящиеся вне копей. Синдикат руководил организацией всего складского хозяйства. Каждый раз, когда это считалось необходимым, «Продуголь» проводил фактическую проверку

[1] Данные судебного следствия частично опубликованы в «Красном архиве» 1926 г., т. V (18). В дальнейшем мы пользуемся, кроме того, материалами ЦГАНХ, ф. Министерства торговли и промышленности, комиссии Миллера, д. 316, 1910—1913 гг., оп. 15, л. 1, а также материалами МОИА, ф. 81, Общества Брянского завода, д. 80 («Красный договор»).

всех записей по книгам предприятий, входящих в объединение, налагал штрафы за нарушение контрагентами условий продажи и пр.

«Продуголь» всячески ограничивал размеры производства объединившихся предприятий. Сокращением производства он добивался устранения конкуренции и устанавливал монопольно высокие цены на продукцию входящих в общество предприятий.

Ограничение размеров добычи угля проводилось путём введения квот (квантумов). При установлении квот определялся «совокупный» и «индивидуальный» условный тоннаж. Сначала исчислялся предполагаемый совокупный размер продажи угля всеми предприятиями, входящими в синдикат, а затем устанавливался условный индивидуальный тоннаж добычи и продажи угля для каждого входящего в синдикат предприятия. Отношение условной цифры индивидуального тоннажа данного участника синдиката к совокупному условному тоннажу всего синдиката называлось квотой данного предприятия. Выполнение квот определялось на каждые три месяца, исходя из суммы отправок каждого месяца. На 1908 г. «Красный договор» определял совокупный тоннаж для 16 фирм, входивших в синдикат, в 413 млн. пудов угля и для 12 фирм 78,6 млн. пудов кокса. Фактически этот тоннаж использовался в 1908—1912 гг. по углю на 70—80%, по коксу на 80—99%, но уже в 1911—1913 гг. на 104—105%[1], т. е. ограничение производства «Продуглем» стало уже стеснительным для входящих в синдикат предприятий.

В 1912—1914 гг. в связи с угольным голодом и повышением цен борьба за квоты особенно обострилась и вызвала протесты ряда участников (общество копей Государев Байрак, Екатерининских, Прохоровских). В 1913 г. председатель совета «Продугля» Авдаков признал на заседании совета необходимость пересмотра «Красного договора» в смысле увеличения тоннажа, но, повидимому, под давлением Парижа на следующем заседании совета признал своё заявление неправильным[2]. «Продуголь» и в 1914 г. продолжал требовать от своих контрагентов сохранения тоннажа. В результате в январе 1914 г. поступили заявления о расторжении договора с «Продуглем» от шести фирм (Южно-Днепровского, Государев Байрак, Прохоровского, Франко-Русского, Екатерининского и др., из них первые два возбудили против «Продугля» судебное дело).

Для определения квот и приведения их в действие и для наблюдения за фактическим соблюдением тоннажа в синдикате существовала сложная система расчётов, поощрений, штрафов,

[1] МОИА, ф. Брянского завода, д. 80, св. 7.
[2] «Русское слово» от 1 марта 1914 г.

премий, гарантий участников и т. п., благодаря чему все контрагенты были оплетены сетью принудительных мер.

Все поставки, производимые контрагентами, оплачивались синдикатом по установленным «условным» ценам, именуемым «основными». Излишки в тоннаже проданного угля влекли за собой пеню — 10 коп. с каждого пуда, проданного сверх нормы.

Согласно пункту 40 синдикатского договора все споры между обществом и контрагентами, возникавшие из договора, если они не прекращались миролюбиво, должны были разрешаться третейским судом под страхом взимания с нарушителей неустойки в 5 тыс. руб. В тех же целях «самодисциплины» и взаимной гарантии все контрагенты сообща образовывали фонд взаимной гарантии (делькредере) путём специальных взносов, устанавливаемых советом общества. Этот фонд, составляющий общую собственность, подлежал возврату участникам синдиката по истечении срока договоров пропорционально сумме, внесённой каждым, но контрагент терял право на свою часть фонда, если он по какой-либо причине, не предусмотренной договором, выходил из синдиката ранее срока договора, т. е. до 31 декабря 1918 г.

Ограничение добычи угля проводилось не только в форме определения ежегодной доли индивидуального тоннажа для каждого участника синдиката в общем тоннаже синдиката. Это делалось иногда и более открыто, без всякой маскировки, прямым требованием сокращения добычи. Так было в 1906 г. с Алексеевским обществом, когда синдикат поставил перед обществом требование ограничить добычу угля как основное условие принятия его в синдикат. Аналогичное положение создалось с Жилловским обществом: его приняли в синдикат, потребовав при этом, чтобы оно специализировалось исключительно на производстве брикетов, изготовляемых из угля синдикатского и частично своего, и чтобы обязательно был закрыт его рудник. А рудник этот вырабатывал до 30 млн. пудов угля в год и имел более 3 тыс. рабочих [1].

О политике «Продугля», направленной на ограничение добычи угля, свидетельствовало само правление «Продугля» в своём ответе на анкету комиссии Миллера при министерстве торговли и промышленности. В п. 8а этого ответа говорилось, что «за отказ от выпуска договорных продуктов на внутренний рынок контрагенту может быть назначено обществом особое по взаимному соглашению вознаграждение» [2]. Этим ответом синдикат прямо признавал, что в синдикатские договоры включалась выдача премий за отказ от производства на внутренний

[1] «Красный архив», т. XVIII, стр. 139.
[2] ЦГАНХ, ф. министра торговли, д. 316, оп. 15, л. 2—6.

рынок или за его сокращение. Так, когда в 1913 г. Прохоровское общество заявило, что оно может увеличить тоннаж до 30 млн. пудов, то совет «Продугля» отклонил это заявление как противоречащее договору.

Чтобы прибрать к своим рукам рынок и стать полным монополистом, «Продуголь» разработал целую систему политики цен и их установления, в общем примерно такую же, какую мы видели у «Продамета». Для расчётов с контрагентами «Продуголь» устанавливал «основную цену», в принципе равную для всех объединяемых предприятий, но лишь как *отправную* для всякого рода перерасчётов с ними, вычетов, надбавок и др. При образовании «Продугля», в 1904 г., основная цена была установлена в 7,2 коп. за пуд для центрального района. В 1908 г. по требованию Парижа она была повышена до 7,7 коп. и в 1912 г. — 8,6 коп.

Однако эта цена была только исходной для маневрирования в проводимой «Продуглем» политике цен. Для тех, кого «Продуголь» хотел привлечь в свою организацию, он устанавливал цены выше основной цены путём неодинаковых расценок угля разного качества. Для тех, кого «Продуголь» хотел задушить, он временно устанавливал цены ниже основной цены, для того чтобы, разорив конкурентов, достигнуть монопольного положения на рынке и взвинтить цены. Так, например, в 1908 г. плохой уголь Кадиевских копей Южно-Русского Днепровского общества, которое хотел привлечь к себе «Продуголь», был приравнен к хорошему углю Русско-Бельгийского общества (что и послужило причиной выхода последнего из «Продугля»).

Наоборот, при определении продажной цены принцип равенства основной цены отбрасывался и «Продуголь» устанавливал цены совершенно произвольно, в зависимости от целого ряда будто бы «конъюнктурных» условий. В 1912 г. при основной цене в 8,6 коп. за пуд продажная цена «Продугля» была 11—12 коп. Разница между основной и продажной ценой шла в пользу «Продугля» и распределялась между участниками синдиката. При отправке товара покупателю «Продуголь» вносил контрагенту в банк основную цену, а затем 2 раза в год производил расчёты по продажной цене за вычетом комиссионного вознаграждения, накладных расходов, скидок покупателю и транспортных расходов, исчисляемых по средним нормам. Всё это давало большие излишки, которые распределялись между участниками, независимо от района. Например, за период 1904—1908 гг. 14 контрагентов «Продугля» получили надбавку за счёт разницы между основной и продажной ценой в 6,5 млн. руб., или по 2 коп. с пуда при себестоимости в 4,5—5 коп., т. е. 40—50% себестоимости. Участники синдиката под угрозой репрес-

сий не имели права продавать уголь ниже цен, устанавливаемых «Продуглем».

Продажные цены «Продугля» были значительно выше цен «свободных», т. е. не синдицированных фирм. Так, цены для поставок казённым железным дорогам были (в коп. за пуд)[1]:

	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
«Продуголь»	9,4	9,4	8,8	9,8	10,3
Свободные фирмы по краткосрочным договорам	8,1	8,2	7,6	7,9	8,2
Свободные фирмы по долгосрочным договорам	6,3	6,5	6,8	6,8	6,8

Совет и управление делами «Продугля» в своих докладах (конечно, конфиденциальных) определённо подтверждали «боевой» характер политики цен синдиката с целью вытеснения конкурентов и монопольного овладения рынком для дальнейшего повышения цен. «Политика, которая является теперь целесообразной, — говорилось в одном из докладов 1907 г., — есть политика борьбы путём временного понижения цен для преграждения пути развивающимся свободным фирмам до тех пор, пока присоединение к «Продуглю» новых участников не позволит нам возвратиться к политике высоких цен»[2]. Другими словами, монополия «Продугля» открыто ставила себе целью душить развитие каменноугольной промышленности.

Одним из характерных эпизодов в борьбе «Продугля» со «свободными» фирмами были, например, торги на поставку для железных дорог в 1909 г. В августе 1909 г. были объявлены торги на поставку железным дорогам в 1910 г. 50 млн. пудов угля. Несколько «свободных» фирм предложили поставить на 3 года 121 млн. пудов по цене № 1—7,5 коп. и № 2—8,5 коп. за пуд. Это было выгодно, так как цены повышались. «Продуголь» предложил только на 1910 г. 50 млн. пудов по цене на 0,5 коп. ниже. Несмотря на то, что «свободные» фирмы понизили цены до 7,2 коп. и 8,2 коп. с условием поставки на 3 года 140 млн. пудов, министерство путей сообщения оставило заказ за «Продуглем»[3]. Это было явно невыгодно для казны, так как цены «Продугля» в 1911 г. поднялись до 10 коп. и выше. В 1912 г. были проведены торги на поставки железным дорогам в 1913—1915 гг. в размере 300 млн. пудов по цене 10 коп. Эта цена была

[1] ГАФКЭ, ф. Учёного комитета, д. 128, л. 551—573.
[2] «Красный архив», 1926, т. V, стр. 128.
[3] ГАФКЭ, ф. Рухлова, д. 49.

невыгодна для «Продугля», и он принудил фирмы отказаться от контрактов. То же случилось и в 1914 г., когда Харьковская биржа объявила цену в 14 коп. за пуд и торги были признаны несостоявшимися.

Деятели «Продугля» всячески старались «оправдать» повышение цен на уголь, ссылаясь якобы на истощение шахт, на вздорожание рабочей силы, забастовки, на расходы по содержанию войск для «усмирения беспорядков». В этом отношении синдикат вёл усиленную «пропаганду», словом и делом в Петербурге в министерстве путей сообщения и министерстве финансов. Особенно много усилий было приложено к тому, чтобы не вызвать недовольства управления казённых железных дорог, являвшихся главными покупателями «Продугля». Последний всегда поддерживал тесную связь с министерством путей сообщения и за «дотации», т. е. за взятки, получал в канцеляриях самые точные сведения о том, что замышлялось в министерстве, какие намечались заказы, в каком размере и по каким предельным ценам, не останавливаясь перед отменой приказов и предписаний, невыгодных «Продуглю».

Железные дороги и металлургическая промышленность были вообще главными организованными потребителями донецкого угля. За ними стоял неорганизованный мелкий и городской потребитель, значение которого в народном хозяйстве было особенно велико. В 1908 г. учитываемое статистикой «видимое потребление» угля в количестве 1 517 млн. пудов по категориям потребителей распределялось так: промышленность — 768 млн. пудов, железные дороги — 380 млн. пудов, городское и частное потребление — 163 млн. пудов, каменноугольные шахты на собственные нужды — 138 млн. пудов, морской флот и речное пароходство — 68 млн. пудов.

Потребление каменного угля железными дорогами к 1909 г. дошло до 434 млн. пудов и к 1911 г. — 425 млн. пудов.

В период промышленного подъёма, в 1909—1914 гг., «Продуголь» особенно взвинтил цены, резко снизив добычу угля на синдицированных предприятиях. В результате такой политики синдиката народное хозяйство стало испытывать огромный недостаток в топливе и парализующее влияние чрезмерно высоких цен. Уже в 1912 г. угольный кризис был в полном разгаре. Министерство путей сообщения повысило цены до 9,87 коп. за пуд, но и по этой цене уголь нельзя было купить. На торгах 1913 г. цены повысились до $11^3/_8$ коп. Когда торги не состоялись, и министерство хотело закупить хозяйственным способом 11 млн. пудов и обратилось к отдельным фирмам, оно не получило ни одного предложения даже по цене 12 коп.

В действительности цены были ещё выше и стремительно повышались. В августе 1914 г. «Продуголь» заявил цену 13,98 коп.,

Харьковская биржа — 14 коп. По отдельным же справкам морского министерства и министерства торговли, цены «Продугля» доходили до 15—16 коп. Iосо-вагон-копи. Такие же цены до 17 коп. обнаружены по подлинным счетам «Продугля» Брянскому заводу [1].

«Продуголь» организовал, таким образом, прямую стачку каменноугольных предприятий. Страна стала испытывать настоящий угольный голод. Останавливались промышленные предприятия, сокращались рейсы пароходов, железные дороги переходили на дровяное топливо. В прессе сообщалось, что угольная пыль охотно разбирается по 10 коп. пуд, но и её нехватает, что угольный голод приносит «чудовищные барыши горнопромышленникам и повергает в ужас всех потребителей» [2]. Вопрос об угольном голоде был поставлен в совете министров, где было признано, что синдикат умышленно сокращает добычу угля для повышения цен.

Каменноугольный голод, до которого довёл страну «Продуголь» своей политикой ограничения производства и повышения цен, был особенно опасен для всей страны ввиду приближения войны. Это заставило правительство принять меры к разрешению кризиса. Но одновременно и внутри «Продугля» начинается недовольство некоторых влиятельных групп предприятий, которым оказалась невыгодной политика «Продугля». Это было невыгодно прежде всего крупным комбинированным угольно-металлургическим предприятиям, участникам одновременно и «Продугля» и «Продамета», которые стали обзаводиться каменноугольными шахтами не только для обеспечения своего металлургического производства независимо от «Продугля», но и для продажи угля на рынок. Мы уже указывали, что в 1910—1913 гг. многие сильные участники «Продамета» (Южно-Русское Днепровское, Таганрогское, Донецко-Юрьевское, Русско-Бельгийское и др.) стали обзаводиться собственными шахтами.

Таким образом, на почве взаимной борьбы этих монополистических организаций в России возникла высшая форма производственных объединений в виде сложных «вертикальных комбинатов». Широкого развития во всей промышленности это движение не успело получить, но в горнозаводской и металлургической промышленности Юга это «последнее слово» монополистического капитализма получило значительное распространение. В 1913 г. из всей продукции южной каменноугольной промышленности в 1 560 млн. пудов добывалось на комбинированных предприятиях 453 млн. пудов, или 34%; кокса из

[1] МОИА, ф. Брянского завода, д. 80.
[2] «Русское слово», 1912 г.; «Русское богатство», 1913 г., № 12.

270 млн. пудов на комбинатах добывалось 162 млн. пудов (60%); руды из 420 млн. пудов на комбинатах — 302 млн. пудов (72%) и чугуна из 189,7 млн. пудов на комбинатах — 160 млн. пудов (84%).

Противниками и конкурентами «Продугля» являлись также антрацитовые предприятия Донбасса. Выступая против монопольного положения «Продугля», они усиленно добивались получить известную долю в поставках угля казённым железным дорогам. Горнопромышленники антрацитовых шахт создали в Харькове для защиты своих интересов комиссию при совете съездов горнопромышленников юга России. Антрацитчики доказывали, что казна должна отказаться от угля каменноугольных предприятий и переходить на антрацит. В комиссии Государственной думы по выяснению причин каменноугольного голода они обвиняли «Продуголь» в создавшемся положении, а министерство путей сообщения — в особой «симпатии» к «Продуглю». Но вообще антрацитчики хотели того же, что и «Продуголь».

Министерство путей сообщения принуждено было принять меры к обеспечению казённых железных дорог углем. В июле 1913 г. министр Рухлов внёс в совет министров проект покупки казной Бабаковского месторождения с годовой добычей в 30 млн. пудов[1]. Частные железные дороги разработали проект организации «Общества для снабжения железных дорог твёрдым минеральным топливом», рассчитывая получить от казны ссуду в оборотный капитал в 10 млн. руб. Эти проекты вызвали бурю в горнопромышленных кругах, в совете съездов, в «Продамете» и в «Продугле»[2]. Совет съездов горнопромышленников юга России и совет съездов промышленности и торговли резко протестовали перед правительством и просили отклонить эти проекты.

Между тем комиссия Государственной думы в марте 1914 г. приняла проект не только о покупке Бабаковских копей, но и об устройстве казённых нефтяных промыслов на Апшеронском полуострове для снабжения нефтью железных дорог и флота. И тем не менее покупка Бабаковских копей не состоялась, так как пока вопрос рассматривался в Думе, они были куплены... Парижским комитетом! Разразившаяся через четыре месяца война особенно заострила вопрос о снабжении топливом и заставила по-другому его решить. Об этом мы скажем в следующих главах.

Нефтяная промышленность. Несколько иначе обстояло дело с синдицированием и монополизацией в нефтяной промышлен-

[1] ГАФКЭ, ф. частных горных заводов, 1913, д. 3342.
[2] ГАФКЭ, ф. Совета по горнопромышленным делам, 1913, д. 115.

ности. Вследствие полного господства в мировой нефтяной промышленности нескольких мощных конкурирующих между собой международных монополистических организаций, русская нефтяная промышленность не была объединена и подчинена какой-либо одной мировой монополистической организации, но в ней боролись несколько соподчинённых и зависимых групп.

Образование монопольных объединений в нефтяной промышленности началось ещё в 90-е годы, когда при содействии правительства был образован в 1892 г. Экспортный синдикат бакинских керосинозаводчиков с целью более успешной конкуренции на внешнем рынке с американским трестом Стандарт Ойль в области экспорта керосина. Так как концентрация нефтяной промышленности достигала в России высокой степени, это облегчало процесс её монополизации. Например, в 1900 г. 16 фирм с добычей нефти свыше 10 млн. пудов каждая в год имели в своих руках около 65% всей добычи нефти и 55% всех скважин. В торговле керосином две фирмы — «Товарищество бр. Нобель» и общество «Мазут» — сосредоточили в своих руках 70% всего отпуска керосина и нефтяных остатков.

Особенностью положения нефтяной промышленности России являлось то обстоятельство, что фактически громадная часть акций русских нефтепромышленных обществ находилась в портфелях или под контролем крупнейших международных нефтяных акционерных обществ. В результате такого положения к 1912—1913 гг. вся нефтедобыча в России была сосредоточена в руках крупных компаний, связанных с иностранным капиталом и большей частью объединённых в концерны (концерн Лианозова, Манташёва, «Мазут», «Русская нефть», Северо-Кавказское нефтяное общество, «Майкопская нефтяная корпорация», Грозно-Сунженская компания и многие другие).

Все эти предприятия и концерны в свою очередь находились под контролем трёх-четырёх крупнейших конкурирующих объединений, также связанных с международными иностранными обществами: 1) «Русской генеральной нефтяной корпорации» (кратко — «Ойль», англо-французские и, возможно, американские капиталы) (Манташёв, Каспийское общество, «Нефть», весь концерн Лианозова, «Бр. Мирзоевы» и др.), всего 131 млн. руб. основного капитала с добычей в 1913 г. 121 млн. пудов нефти, а с зависимыми предприятиями до 143 млн. пудов; 2) англо-голландского треста Шелл (Каспийско-Черноморское общество, Русское нефтепромышленное общество, «Русский Грозненский стандарт» и др.), всего основной капитал 51,7 млн. руб. с добычей нефти 79,8 млн. пудов; 3) Товарищества Нобель (немецкие капиталы) с основным капиталом 40 млн. руб. с добычей 78,8 млн. пудов, находившееся, кроме того, в особых

соглашениях с транспортно-нефтяными предприятиями (объединение мощных групп Ротшильда) и монопольно державшее в своих руках весь нефтяной и керосиновый рынок. Другими словами, добыча объединённых нефтяных компаний достигала свыше половины общей добычи нефти.

5. Монопольные объединения в других отраслях народного хозяйства

Лёгкая индустрия. Процесс синдицирования в других отраслях промышленности, преимущественно в лёгкой индустрии, шёл медленнее и слабее, но в период депрессии он стал уже отчётливо обозначаться. В текстильной промышленности синдицирование началось с польской промышленности, когда в 1908 г. образовался синдикат лодзинских хлопчатобумажных фабрикантов с капиталом в 30 млн. руб.

Это дало толчок к синдицированию текстильной промышленности в центральном районе. Совещание мануфактурных промышленников Московского района было реорганизовано в Общество хлопчатобумажных фабрикантов, объединившее 47 предприятий с 3,7 млн. веретён (из общего числа 8,8 млн. веретён) и 61 тыс. ткацких станков. В 1912 г. был образован синдикат в льняной промышленности — Русское льнопромышленное акционерное общество. Образование синдикатов проявило себя тотчас теми же последствиями, как и в других случаях. В то время как в 1904 г. московский ситец стоил 11 коп., в 1907 г., после образования синдиката, цена его поднялась до 14,5 коп., хотя «дикие» фабриканты понизили свои цены на 10—20%.

Вообще хотя хлопчатобумажная промышленность несколько отставала от тяжёлой индустрии в организации монопольных объединений (вследствие значительного числа более мелких и «диких» предприятий и несколько неодинаковых интересов лодзинских, московских и петербургских фабрикантов), однако в организации монополистических объединений в хлопчатобумажной промышленности имелись своеобразные черты. Вся хлопчатобумажная промышленность центрального района была представлена почти исключительно «русским» капиталом в лице старых московских фирм Стахеева, Коншина, Прохорова, сибирского купца Второва, финансиста Рябушинского и др. и в гораздо меньшей степени — иностранным — в лице Кнопа, Гюбнера и др. Отдельные группы текстильщиков группировались вокруг «своих» банков — Московского купеческого (Крестовников), Сибирского (Второв), Московского (Рябушинский) и др. Первоначально эти группировки не представляли собой особенно крупных финансово-капиталистических комбинаций. Но когда в 1910-х годах эти банки стали захватываться иностран-

ным капиталом и объединяться в крупные банковские концерны (как Соединённый, Азовско-Донской, Русско-Азиатский банки), то и в текстильной промышленности возникают (перед самой войной и особенно во время войны в 1914—1916 гг.) крупнейшие концерны — Второва, Стахеева, Рябушинского и др. Объединённая текстильная промышленность начинает усиленно развивать экспорт: в 1907 г. вывезено (преимущественно на Ближний Восток) хлопчатобумажных тканей на 20,5 млн. руб., а в 1913 г. — уже на 43,9 млн. руб.

В пищевой промышленности важнейшим был синдикат сахарозаводчиков, как объединение особого типа, созданное и регулируемое правительством. О нём мы говорили выше (стр. 130).

Из других синдикатов упомянем наиболее важные, например, объединение цементных заводов («Русское товарищество торговли цементом», до 90% всего производства), резиновых заводов («Треугольник», в 1907 г. — до 100% производства), крупнейшие (преимущественно французские) объединения соляных предприятий, руководимые обществом «Океан», образованным по типу конторы для продажи. Далее, табачный синдикат, образованный в 1912—1913 гг. под влиянием и руководством международного (американского) табачного синдиката (75% производства), синдикаты спичечных фабрик («Рост»), асфальтовых заводов, стекольных и зеркальных заводов (все существовавшие заводы), пробочный синдикат, электрический синдикат и многие другие.

Транспортные синдикаты. Помимо производственных отраслей, монополистические объединения в сильной степени проникли и в область транспорта. В железнодорожном деле частные объединения исключались ввиду сосредоточения преобладающей части железнодорожных линий в руках казны. Но и здесь монополистические тенденции нашли себе выражение в упомянутых вагоностроительных и паровозостроительных синдикатах. Зато очень бурно стали развиваться синдикаты, вернее, даже тресты, в речном транспорте, в котором раньше имелась масса конкурирующих обществ. Эти общества начали в 1906—1909 гг. объединяться в синдикаты и тресты, захватившие все речные сообщения — Волгу, Каму, Оку, Днепр, сибирские реки (смешанные объединённые общества «Самолёт», «Кавказ и Меркурий», «Днепровское» и др.). Почти в то же время последовало и синдицирование морских транспортных обществ «Ропит» — Русское общество пароходства и торговли, поглотившее ряд других обществ. Как в области речного, так и в области морского транспорта трестирование приводило тотчас к установлению повышенных тарифов, часто вызывавших протесты со стороны заинтересованных учреждений, почти всегда безрезультатные.

Итоги деятельности синдикатов. К концу первого десятилетия XX в. в России не было ни одной отрасли промышленности или транспорта, в которой не имелось бы налицо монополий и синдикатов. Только благодаря отсталости законодательства это происходило часто не в открытой форме синдикатов, а в затушёванной форме «обществ» и «контор для продажи», даже простых «съездов» (например, съезды мукомолов) или совершенно тайных соглашений. Благодаря этому иногда трудно выяснить точную степень и глубину монополизации промышленности, хотя во всяком случае из приведённых фактов видно, что монополии зашли уже далеко, по крайней мере в ведущих отраслях тяжёлой промышленности и особенно в металлургии.

Синдикаты всецело достигли главной из поставленных ими целей — монополистического овладения рынком и повышения цен. Конечно, обострённая конкурентная борьба происходила не только между объединёнными и «дикими» предприятиями, но и между отдельными монополистическими объединениями. Примеры её мы видели в отношениях между южной и уральской металлургической промышленностью, между отдельными группами уральских железозаводчиков, между объединениями каменноугольной промышленности Донбасса и Домбровского (в Польше) района, наконец, особенно между отдельными группировками в хлопчатобумажной промышленности — московскими, петербургскими и лодзинскими фабрикантами. Иногда ожесточённая борьба велась с целью поглощения мелких объединений и «диких» предприятий и заканчивалась созданием более крупных и мощных монополистических объединений. При равенстве сил дело кончалось временными соглашениями о распределении «сфер влияния» и рынков и об установлении единых монопольных цен.

Кроме монополистического овладения внутренним рынком для повышения цен синдикаты стали стремиться к выходу на внешний рынок. Этого выхода они добивались при помощи бросового экспорта по пониженным ценам за счёт повышения внутренних цен. Такова была основа развития экспорта русского сахара, ситца и некоторых других продуктов на восточные и западные рынки. Такова же была основа первого более или менее крупного выхода на внешний рынок русской металлургической промышленности. В 1906 г. вывоз чугуна за границу, раньше почти отсутствовавший, под влиянием политики «бросового экспорта» сразу повысился до 1,3 млн. пудов, а в 1907 г.— до 4,5 млн. пудов против 59 тыс. пудов в 1905 г.; вывоз железа и стали в 1906 г. был 2,0 млн. пудов, а в 1907 г. — 10,5 млн. пудов против 867 тыс. пудов в 1905 г. Однако этот первый успех русской металлургии на внешнем рынке быстро же и исчез

вследствие европейского кризиса. В 1908 г. вывоз чугуна вновь сократился до 649 тыс. пудов, а в 1909 г. — до 72 тыс. Надежда на «завоевание» внешнего рынка, таким образом, не оправдалась даже путём бросового экспорта.

Оставался внутренний рынок. Но по отношению к нему руководящие представители металлургии, как мы видели выше, были настроены пессимистически. Овладение внутренним массовым рынком представлялось для них и трудным и не стоящим внимания делом. Гораздо бо́льшие надежды они возлагали, несмотря на недавние уроки кризиса, на крупные железнодорожные заказы, на новый подъём грюндерства, на капитальное строительство в самой промышленности. Поэтому подъём 1909—1913 гг. был в значительной степени основан на новом расширении железнодорожного строительства. Быстро развившееся за эти годы городское строительство и капитализирующаяся в эти годы деревня сыграли в этом подъёме несколько бо́льшую роль (увеличение потребления кровельного железа, сельскохозяйственных машин и пр.), чем в подъёме конца XIX в.

Как мы указывали, монополии в русской промышленности не развились до высшей формы монополистической организации предприятий, когда последние полностью сливаются в едином производственном объединении, в тресте, непосредственно руководящем всем производством объединённых предприятий. Синдикаты формально представляли собой объединённую «контору по продаже изделий» и непосредственно регулировали только рынок, распределяя его между участниками, устанавливая цены, нормируя сбыт, но гораздо реже — самое производство. Этим они, конечно, оказывали и решающее влияние на производство, укрепляя положение более мощной синдицированной группы, ухудшая положение несиндицированных, менее мощных и хуже оборудованных предприятий. Но всё же управление и руководство производством отдельных предприятий и объединённых групп оставалось самостоятельным, и синдикаты не превращались в тресты как законченные производственные монопольные объединения с единым управлением.

Единственная попытка объединения трестовского характера, сделанная в южной металлургии, как мы видели, не нашла себе осуществления. В деятельности самих синдикатов непосредственное руководство и регулирование производством, конечно, также имели место. Таково, например, было установление для уральских заводов синдикатом «Кровля» двух сортов выработки железа вместо четырёх. «Продамет» прекратил на Сулинском заводе производство некоторых сортов железа. Тот же «Продамет» закрыл Страховицкий завод (в Польше) ввиду высокой стоимости выработки, выплачивая акционерам бездействующих заводов соответствующую долю из прибылей других заводов.

Зеркальный синдикат, образовавшись из четырёх заводов, закрыл производство на двух, выплачивая акционерам их соответствующую долю прибылей.

Устанавливая соглашения между предприятиями, входившими в объединение, синдикаты подбирали сравнительно однородные по технике и экономике предприятия и ограничивали объединения соглашениями лишь по отдельным, точно оговорённым продуктам. По этой причине, как мы видели, вначале именно и затруднялось образование более общих монопольных объединений, охватывающих все отрасли, и вместо этого соглашения оформляли отдельными договорами. Для массового закрытия «диких» или плохо оборудованных и конкурирующих предприятий синдикаты в России вначале ещё не имели достаточной мощи. Поэтому они не сразу могли достичь монополии и полной производственной концентрации. Кризис 1900—1903 гг. сильнейшим образом расчистил место для расширения монополий путём «естественного отбора» более сильных предприятий. Так в 1901—1904 гг. ликвидировалось 16 акционерных машиностроительных и механических предприятий с капиталом в 7 254 тыс. руб., т. е. в среднем около 450 тыс. руб. на предприятие. Следовательно, ликвидировались сравнительно мелкие и плохо оборудованные предприятия. Но уже в 1905—1909 гг. было ликвидировано 10 предприятий с капиталом в 12 455 тыс. руб., т. е. в среднем 1 240 тыс. руб. на предприятие.

В течение первого десятилетия XX в. монополистические объединения в России обладали уже такой финансовой мощью, что могли в своих целях вытеснять и ликвидировать крупные миллионные предприятия.

Русские монополии и иностранный капитал. Для России вопрос о приобщении «национальных» монополий к международным монополистическим союзам и к участию их в разделе мира имел громадное политическое значение. Он фактически сводился к роли иностранного капитала в создании русских монополистических организаций и, следовательно, к вопросу о степени самостоятельности или зависимости всей системы национального русского капитализма от иностранных империалистических систем. Эта зависимость русских монополий от иностранного капитала ещё более усиливалась благодаря тому, что система русского банкового и финансового капитала также находилась, как мы увидим далее, в сильнейшей зависимости от иностранного капитала. Всё это приводило к тому, что вся система российского империализма находилась в зависимости от иностранных империалистических систем.

Как мы указывали выше, в передовых империалистических странах громадная концентрация производства и возникающие на её почве монополии неизбежно приводили к тому, что гран-

диозные монополистические организации выходили из границ своего «национального» хозяйства и получали международное значение (стальные объединения Моргана, нефтяные Рокфеллера, англо-голландские нефтяные компании, предприятия военной промышленности Шнейдер — Крезо, Виккерс — Армстронг, немецкие предприятия химической и электрической промышленности и др.). Эти крупнейшие мировые союзы капиталистов стремились объединить монополистические организации других стран, в том числе и России, путём финансово-экономического и даже прямого политического их подчинения. В области обеспечения себя сырьём они становятся решающей и активной силой в захвате и разделе колоний.

Из обзора монополистических организаций в промышленности России можно было видеть, что, несмотря на широкое их распространение, большой удельный вес и высокую степень концентрации, российские монополии не могли всё же получить того ведущего международного значения, как указанные для примера мировые монополии других империалистических стран. Вследствие своей общей экономической отсталости и зависимости от иностранного финансового капитала русские промышленные монополии не играли особой самостоятельной и активной роли в борьбе за раздел мира между союзами капиталистов. Часто они сами являлись объектом в борьбе иностранных империалистических систем за полуколониальную эксплоатацию ими России.

Все сколько-нибудь значительные русские синдикатские объединения или входили в качестве сочленов в международные монополистические объединения, или представляли по существу «дочерние» организации и филиалы иностранных монополистических компаний, либо даже простые «конторы» их на русской почве. Такие синдикаты, как цементный, табачный, ферроманганов, сельскохозяйственных машин, «Трубопродажа», «Продвагон», в резиновой промышленности «Треугольник», в соляной промышленности «Океан», спичечный синдикат и др., — все они находились под более или менее полным руководством, иногда в прямой зависимости от соответствующих международных монополистических организаций. Даже нефтяная промышленность России, имевшая значительный удельный вес на мировом рынке, фактически находилась в подчинении иностранным монополистическим организациям, с той только разницей, что в ней представлены были различные конкурирующие международные группы.

Во всём этом сказывался зависимый и подчинённый характер российского капитализма в империалистическую эпоху.

Тем не менее, степень монополизации русской промышленности была столь значительна, по крайней мере в основных

отраслях тяжёлой индустрии, что уже даже тогда некоторые буржуазные исследователи синдикатского движения признавали, что тяжёлая промышленность России организационно и экономически подготовлена к национализации и обобществлению [1].

ГЛАВА XII

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Мы перейдём теперь к рассмотрению вопроса о финансовом капитале и о новой роли банков, когда они вместе с концентрацией производства и с ростом промышленных монополий, путём сращивания с промышленностью «...перерастают из скромной роли посредников в всесильных монополистов...» [2], распоряжающихся почти всем денежным капиталом как всех капиталистов, так и мелких хозяев. Концентрация банкового капитала, сращиваемого с концентрированным промышленным капиталом производственных монополистических организаций, и создаёт господство горстки монополистов, финансовой олигархии. «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия» [3].

Как указывает Ленин, «капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству», т. е. «отделение денежного капитала от промышленного или производительного...» [4] При империализме и господстве финансового капитала это отделение достигает громадных размеров. Оно происходит путём концентрации всей массы народных сбережений, денежных средств рантье, капиталов предпринимателей и пр. и оседания их в сложной сети кредитных и банковских учреждений, начиная от сберегательных касс для мелких сбережений и кончая крупными банками для миллионных текущих счетов и вкладов капиталистов. Эта же концентрация денежных капиталов происходит путём эмиссии банками или специальными обществами различных ценных бумаг,

[1] *Л. Б. Кафенгауз*, Синдикаты в русской железной промышленности, 1910.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 198.
[3] Там же, стр. 214.
[4] Там же, стр. 226.

облигаций и акций, которые являются также доходным помещением денежных средств населения и рантье. Средства, концентрируемые в банках и в промышленных эмиссиях, являются основой развития банковского капитала и сращивания его с промышленностью.

Таким образом, следует прежде всего остановиться на источниках и путях образования и накопления денежного капитала, концентрации его в банках и на формах сращивания банковского капитала с промышленностью, т. е. образования финансового капитала в тех конкретных условиях, в которых этот процесс происходил в России.

Источники внутреннего накопления. Источниками внутреннего накопления капитала, концентрации его в банках и в эмиссиях, сращивания с промышленностью являлось накопление средств и доходов от различных сторон народнохозяйственной деятельности — от сельского хозяйства, промышленности, торговли, внутренней и внешней. Концентрация этих доходов происходила в виде мелких сбережений в сберегательных кассах, путём оседания крупных денежных средств в банках в виде текущих счетов и вкладов или, наконец, в эмиссиях различных ценных бумаг, фондов, промышленных акций и пр. В старой русской статистике не имеется сколько-нибудь прямых и точных сведений о характере и размерах получения доходов от различных отраслей народного хозяйства и о размерах всего так называемого «народного дохода», т. е. всей суммы доходов от хозяйственной деятельности. Ещё менее освещён вопрос о распределении народного дохода между отдельными классами. Поэтому приходится ограничиваться лишь приблизительными и суммарными исчислениями.

По подсчётам Госплана СССР, народный доход по всей бывшей империи в 1913 г. по отдельным отраслям народного хозяйства определялся следующими цифрами[1]:

	Млн. руб.	%
Сельское хозяйство	8 792	51,4
Промышленность	4 793	28,0
Строительство	699	4,1
Транспорт	1 356	7,9
Торговля и связь	1 468	8,6
Итого	17 108	100

[1] «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.», Госплан СССР, М. 1928, стр. 12, а также «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г.», стр. 214.

На одну душу населения, по этим расчётам, народный доход определяется в 102,2 руб. Насколько невелики были эти размеры народного дохода показывают следующие сравнительные цифры за те же годы в других странах: в Англии — 463 руб., в Германии — 292 руб., во Франции— 355 руб., в США — 695 руб.

Приведённые цифры ещё мало говорят о распределении народного дохода между различными классами. По этому вопросу Ленин на основе цифр промышленной переписи 1908 г. даёт следующие подсчёты заработков фабрично-заводских рабочих и прибылей капиталистов как показатели распределения народного дохода. Всего по переписи имелось около 20 тыс. (19 983) предприятий с 2 253,8 тыс. рабочих. Заработная плата последних составляла 555,7 млн. руб., или в среднем на одного рабочего 246 руб., т. е. 20 р. 50 к. в месяц. Прибыли же 20 тыс. капиталистов при общей сумме производства в 4 651 млн. руб. составляли за вычетом всех расходов 568,7 млн. руб., или в среднем на одно заведение 297 тыс. руб.[1] Другими словами, 20 тыс. капиталистов получили столько же, сколько 2,25 млн. рабочих.

При всей приблизительности приведённых выше цифр они всё же показывают: 1) что размеры народного дохода на душу населения в России в 1913 г. значительно отставали от других стран; 2) что концентрация доходов в руках небольшой группы имущих классов была весьма значительной; 3) что преобладающая доля всей суммы народного дохода имела источником сельское хозяйство. Такая структура народного дохода, как мы увидим далее, имела большое значение в процессе накопления капитала.

Для выяснения динамики народного дохода имеются лишь подсчёты Прокоповича[2], который определял народный доход по 50 губерниям Европейской России в ценах соответствующего года: в 1900 г. — 6 579,6 млн. руб. и в 1913 г. — 11 805,5 млн. руб. Увеличение за 13 лет определялось, следовательно, в 79,4%, причём по сельскому хозяйству (без лесоводства и охоты) оно было 88,5% (с 2 985 млн. руб. до 5 630 млн. руб.), по промышленности — 83% (с 1 402 млн. до 2 566 млн. руб.). По своим темпам это увеличение было для того времени довольно значительным.

В приведённых исчислениях увеличение народного дохода за период 1900—1913 гг. обусловливалось как ростом самой

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 232—233.

[2] *С. Н. Прокопович*, Опыт исчисления народного дохода по 50 губерниям Европейской России в 1900—1913 гг., 1918, стр. 67 и след.

продукции, так и повышением цен на неё. Действительно, за рассматриваемый период цены на продукты сельского хозяйства повысились на 40,9%, тогда как на продукты промышленности — всего на 12,5%. Но если исчислить продукцию всех отраслей в однообразной цене 1900 г., чтобы таким образом устранить влияние роста цен и установить непосредственный рост самой продукции, то окажется, что продукция промышленности возросла на 62,7% (с 1 402 млн. до 2 282 млн. руб.), тогда как сельское хозяйство всего на 33,8% (с 2 985 млн. до 3 995 млн. руб.). Таким образом, по этим исчислениям количественный рост продукции промышленности стоял на первом месте сравнительно со всеми другими отраслями, тогда как, наоборот, рост ценности продукции сельского хозяйства обгонял рост ценности промышленной продукции. Другими словами, быстрый рост промышленности шёл отчасти за счёт прилива к ней доходов и капиталов из других отраслей народного хозяйства, дававших благодаря более выгодным ценностным соотношениям сравнительно более высокий доход, концентрируемый в банковской системе и затем направляемый в промышленность.

Конечно, определить размеры этих доходов, притекающих, например, из сельского хозяйства и капитализирующихся в промышленности, по имеющимся статистическим данным очень трудно. Но само наличие этого процесса несомненно. Статистически этот процесс выражается в оседании народных сбережений от различных отраслей хозяйства в учреждениях кредитно-банковской системы и перераспределении их в значительной степени по линии промышленности. Ниже мы рассмотрим основные пути этой концентрации и перераспределения.

Сберегательные кассы. Кризис 1900—1903 гг. и последующая война не могли не отразиться на сокращении роста внутреннего накопления. Если брать как показатель мелкого внутреннего накопления сберегательные кассы, то массовая выемка вкладов мелкой буржуазией, напуганной революцией 1905 г., привела к абсолютному сокращению вкладов на 79 млн. руб. Но с 1907 г., а затем особенно с промышленным подъёмом 1909—1913 гг. вновь начинается довольно значительное возрастание вкладов. Остатки денежных вкладов в сберегательных кассах были (в млн. руб.):

На 1 января 1900 г.	679,9
» 1 » 1903 »	920,1
» 1 » 1906 »	831,2
» 1 » 1909 »	1 207,6
» 1 » 1913 »	1 594,9
» 1 июля 1914 »	1 704,2

Вместе с процентными бумагами вкладчиков на 1 июля 1914 г. сумма вкладов достигла 2073 млн. руб. Отсюда видно, что, тогда как до 1903 г. прирост вкладов в год давал 80—85 млн. руб., в 1903—1907 гг. (за исключением массовой выемки в 1905 г. — 79 млн. руб. — и возвращения в 1906 г. — 204 млн. руб.) ежегодный прирост достигал около 102—114 млн. руб., в 1910—1911 гг. — 60—67 млн. руб. и в 1912—1913 гг. — 43—38 млн. руб. Таким образом, за 14 лет накопления через сберегательные кассы увеличились свыше 1 млрд. руб., но за последние годы рост вкладов стал несколько сокращаться. Эта сумма в 1 млрд. руб. может служить показателем накопления денежных капиталов мелкой буржуазии, так как подавляющее число вкладчиков сберкасс состояло из сельской и городской мелкой буржуазии. В 1913 г. средняя сумма вклада на одну книжку составляла 204 руб., а из общего числа вкладчиков 31,1% составляли сельская буржуазия — кулацкое крестьянство, 21,4% — городская мелкая буржуазия, ремесленники и торговцы, 22,2% — служащие и лишь 4,6% — рабочие.

Сокращение темпов накопления через сберегательные кассы в 1912—1913 гг. отчасти объяснялось тем, что в эти годы усилились другие формы сосредоточения сбережений мелкой буржуазии именно через учреждения мелкого кредита. Так, например, размеры оборотных средств (собственных капиталов, вкладов и займов) во всех учреждениях мелкого кредита (кооперативных и сословных) на 1 января 1909 г. составляли всего 258 млн. руб., в 1912 г. — 459 млн. руб., в 1914 г. — 779 млн. руб., а на 1 июля 1914 г. — 954 млн. руб., из них собственно в кооперативных учреждениях — 773 млн. руб. Другая причина лежала в том, что за 1909—1914 гг. главный вкладчик сберегательных касс — кулацкая верхушка деревни — стал направлять, как мы увидим далее, свои доходы и сбережения на непосредственное их применение в виде приобретения инвентаря, скота, хуторского устройства и т. п.

Для характеристики значения сберкасс в накоплении и концентрации капитала сравнительно с банками представляет большой интерес сопоставление приводимых Лениным данных американской комиссии о вкладах в банках и сберкассах для Англии, Франции и Германии с данными, исчисленными нами для России[1]:

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 205. Данные для России взяты из приводимых в тексте официальных отчётов сберкасс и банков в переводе русской довоенной валюты на марки.

	Банки	Сберкассы
Англия, 1908 г. млрд. марок	23,2	4,2
Франция, 1908 » » »	3,7	4,2
Германия, 1908 » » »	7,1	13,9
Россия, 1909 » » »	7,0	5,4
» 1914 » » »	16,1	7,7

Из этих данных видно, что в России (подобно Англии) банки являлись значительно более сильным сосредоточением накоплений, чем сберкассы, в противоположность Франции и Германии, где мелкие сбережения сберкасс превосходили вклады банков. Уже одно это свидетельствовало о сильно выраженном в России процессе концентрации банковского капитала и относительной бедности массовых сбережений мелкой буржуазии.

Эмиссии ценных бумаг. О размере и росте вложения капиталов в промышленность (непосредственно, в виде акционерного промышленного капитала или посредственно, через государственные займы и банковые акции) свидетельствуют также размеры эмиссий ценных бумаг в России за годы подъёма (в млн. руб.)[1]:

Годы	Всего	В том числе	
		внутренних эмиссий	за границей
1908	899,6	645,2	254,4
1909	795,3	449,8	345,5
1910	918,9	713,8	205,1
1911	1 236,3	980,3	256,0
1912	1 350,0	898,0	452,0
Всего за 5 лет . . .	5 200,1	3 687,1	1 513,0

В 1913 г. было вновь реализовано на внутреннем рынке 570 млн. руб., так что за 1908—1913 гг. вся эмиссия фондовых бумаг достигла почти 6 млрд. руб. При этом из указанной суммы всей эмиссии в 1908—1912 гг. было: 2 292 млн. руб. твёрдопроцентных (ипотечных) бумаг, 1128 млн. руб. —

[1] Составлено по «Ежегодникам министерства финансов» за соответствующие годы.

промышленных акций и облигаций, 413 млн. руб. — банковских акций, 744 млн. руб. — железнодорожных, 375 млн. руб. — государственных и 248 млн. руб. — городских займов. По целевому назначению эмиссия распределялась за рассматриваемый период примерно так: около 12% — государственные и городские займы, 44% — ипотечный кредит и 44% — торгово-промышленные, банковские и железнодорожные эмиссии. Из этих цифр видно, что эмиссия ценных бумаг являлась крупным источником образования банкового и финансового капитала. При этом внутренняя эмиссия была в 2—3 раза больше заграничной. Но громадная доля капитальных средств шла в сельское хозяйство, вернее — на финансирование земельной мобилизации помещичьих земель через Дворянский, Крестьянский и акционерные земельные банки, т. е. на капитализацию земельных рент землевладельцев.

Банковая система. С организационной стороны русская банковая система значительно отличалась от таких же систем западных капиталистических стран.

Стоявший во главе системы *Государственный банк* (учреждён в 1860 г.) хотя и являлся единственным учреждением банкнотной (бумажно-денежной) эмиссии, но всё же он развивал свои активные операции главным образом не за счёт эмиссии банкнот и не за счёт депозитов частных лиц (как главные эмиссионные банки других стран), а за счёт так называемых «свободных средств казначейства», эмиссия же денежных знаков (кредитных билетов) почти полностью покрывалась золотым запасом. Так, по балансу Государственного банка, на 1 января 1914 г. сумма выпущенных Государственным банком кредитных билетов была равна 1 665 млн. руб. при золотом покрытии 1 695 млн. руб. Активные же учётно-ссудные операции в сумме 1072 млн. руб. питались главным образом за счёт «свободных средств казначейства» в сумме 951 млн. руб. Вообще по размерам вкладов и текущих счетов Государственный банк стоял на первом месте среди 10 крупнейших центральных эмиссионных банков мира. В 1880 г. Государственный банк имел 37,9 млн. ф. ст. сравнительно с 33,8 млн. ф. ст. Английского банка и 3 млн. ф. ст. Немецкого банка. В 1913 г. Государственный банк имел вкладов и текущих счетов 125,9 млн. ф. ст., тогда как Английский банк — 71,3 млн. ф. ст., Немецкий банк — 79,0 млн. ф. ст., Ллойд банк — 104,3 млн. ф. ст.[1] При этом, однако, большинство этих вкладов принадлежало не частным лицам и частнокапиталистическим учреждениям, а 75% вкладов, до 94 млн. ф. ст., составляли казённые суммы

[1] The Statist, 1914, May 24, «Deposits of the World's Great Banks 1880—1913».

различных государственных учреждений и государственного казначейства.

Это свидетельствовало о подавляющем значении государственных кредитно-финансовых операций. Государственный банк получал от этих операций значительную коммерческую прибыль, достигавшую в 1908—1912 гг. до 28—42 млн. руб. в год. Но ещё более важным для государственной кредитной и финансовой политики явилось то обстоятельство, что в связи с таким развитием государственных кредитных операций Государственный банк, как центральный кредитный и эмиссионный орган, и вся складывавшаяся вокруг него кредитная система, находившаяся в зависимости от Государственного банка, имели решающее влияние на всю финансовую жизнь страны и крупной промышленности. Из указанной общей суммы учётно-ссудных операций в 1 072 млн. руб., т. е. около половины, было ссужено другим кредитным учреждениям[1].

Таким образом, Государственный банк являлся центральным банком всей русской кредитной системы и мог оказывать на неё значительное влияние проведением определённой кредитной, учётно-ссудной, девизной и экономической политики, поддержанием активности торгового и расчётного баланса, финансированием хлебного экспорта и пр. Но тем не менее Государственный банк не являлся таким центральным эмиссионным банком кредитной системы, какими были центральные эмиссионные банки других империалистических стран (Англии, Франции, Германии, США). В основе его лежало не оперирование депозитами частных лиц и капиталистических предприятий, а «средства казны» и громадный золотой фонд. И то и другое являлось не столько результатом развития и накопления капиталистического хозяйства, сколько результатом финансовой и экономической политики царского самодержавия — его беспощадной податной политики по отношению к трудящимся массам населения, его колониальной эксплоатации национальных окраин, его внешних займов, политики бросового экспорта и финансовой зависимости от западных империалистических стран. Государственный банк и возглавляемая им банковая система являлись, таким образом, выражением, вернее сколком, со всей системы военно-феодального империализма царской России.

Кроме Государственного банка как эмиссионного банка и главного банка коммерческого кредита в русской кредитной системе имелось два государственных банка поземельного кредита: Государственный *дворянский* (учреждённый в 1885 г.) и *Крестьянский* (учреждённый в 1882 г.). Как учреждения

[1] Отчёт Государственного банка за 1913 г.

ипотечного кредита они стояли несколько особо от промышленного финансирования. Как мы видели из приведённых только что цифр эмиссии, вместе с 10 частными ипотечными банками они занимали видное место (до 45%) в общей эмиссии ценных бумаг, отвлекая крупные средства на поддержание помещичьего землевладения.

Дворянский и Крестьянский банки, особенно в связи с реформой Столыпина, являлись мощным аппаратом мобилизации землевладельческих капиталов и привлечения их на финансирование промышленности и на развитие торгово-промышленного оборота. В результате столыпинской реформы только за 1906—1907 гг. помещиками было продано через Крестьянский банк земли на сумму 283 млн. руб., а за десятилетие 1906—1915 гг. — на сумму 465 млн. руб. Кроме того, задолженность дворянского землевладения через Дворянский банк увеличилась за время 1909—1915 гг. с 636 млн. руб. до 869 млн. руб., т. е. на 233 млн. руб. Всего, следовательно, через два государственных земельных банка было мобилизовано путём продажи и залога земли за 2—3 года свыше 500 млн. руб. Конечно, далеко не все эти суммы пошли на производительные цели и на промышленные инвестиции, но всё же значительная часть их была в той или иной форме вложена в промышленность, явившись одним из побудительных толчков к оживлению промышленности и к повышательной конъюнктуре 1909—1913 гг.

В то же время на основе нового столыпинского законодательства и с помощью того же Крестьянского банка до 1,2 млн. крестьянских дворов за время 1908—1915 гг. продали свою надельную землю в количестве 3,9 млн. десятин на сумму 445 млн. руб. и тогда же свыше 2 млн. домохозяев окончательно вышли из общины. Таким образом, Крестьянский и Дворянский банки явились в период 1908—1915 гг. мощным орудием классовой политики в деле капиталистической мобилизации земли. Всё это сильнейшим образом способствовало укреплению капиталистических элементов крестьянского хозяйства, усилению его товарности, увеличению спроса на продукты промышленности и также явилось одним из моментов промышленного оживления 1909—1913 гг.

Другим мощным звеном в банковой системе России являлись частные *акционерные банки коммерческого кредита*. На 1 января 1909 г. их имелось 31, в том числе в Петербурге — 10, в Москве — 4, в провинциальных городах — 17. На 1 января 1914 г. их имелось 47 с 743 отделениями в провинции. Общий баланс на 1 января 1910 г. составлял 2611,1 млрд. руб., из которых 10 петербургских банков имели баланс в 1845 млн. руб. (в том числе наиболее крупные: Петербургский международный — 332,8 млн. руб., Русский для внешней торговли —

330 млн., Волжско-Камский — 265,5 млн., Азовско-Донской — 235 млн. руб.) и 4 московских — 378,8 млн. руб., все же остальные (17 провинциальных банков) имели баланс в 387,3 млн. руб. Таким образом, уже в 1910 г. имелась значительная концентрация акционерных банков[1]. Мы увидим далее, что все они в известной степени находились в зависимости от иностранного капитала.

Следующим звеном банковой системы России являлись: 467 обществ взаимного кредита с балансом на 1 января в 485,2 млн. руб. и 276 городских банков с балансом в 181,5 млн. руб. Последние виды кредитных учреждений обслуживали местную мелкую промышленность и торговлю.

Таким образом, банковая сеть России как главное средство аккумуляции денежных средств населения и концентрации их в более мощных звеньях кредитно-банковской системы была уже сильно развита.

Сосредоточение денежных средств в банковой системе в период 1909—1914 гг. значительно увеличилось. Процесс накопления в банках и других кредитных учреждениях характеризуется следующими цифрами роста собственных капиталов банков и притока чужих средств (на 1 января соответствующего года, в млн. руб.)[2]:

	Собственные капиталы		Вклады		Итого	
	1900 г.	1914 г.	1900 г.	1914 г.	1900 г.	1914 г.
Государственный банк	55	55	210	263	265	318
Акционерные банки	312	836	977	2 539	1 289	3 375
Городские банки	50	58	103	171	153	229
Общества взаимного кредита .	62	151	270	595	332	746
Итого	479	1 100	1 560	3 568	2 039	4 668

Таким образом, размеры средств, которыми располагала банковая сеть (без ипотечных банков) для финансирования промышленности и торговли, за 15 лет увеличились более чем вдвое — на 2,6 млрд. руб.

---

[1] Эти и последующие цифры даны по сводным балансам банков и по «Ежегоднику министерства финансов», 1910.

[2] Составлено на основании балансов на 1 января 1909 и 1911 гг.; городские банки — на 1 января 1909 и 1913 гг. «Ежегодник министерства финансов» за соответствующие годы.

Наиболее характерным представляется абсолютный и относительный рост средств, которыми располагали акционерные коммерческие банки. Рост числа акционерных банков и их капиталов за более продолжительный ряд лет даёт следующая таблица:

На 1 января	Число банков	Число отделений	Собственные капиталы (в млн. руб.)	Вклады и текущие счета (в млн. руб.)
1870 г.	6	15	15,7	96,3
1895 »	34	160	175,5	309,7
1900 »	39	242	280,0	552,0
1910 »	31	492	332,0	1 262,0
1914 »	47[1]	760	836,0	2 539,0

Только за последние пять лет (1910—1914) акционерные банки увеличили свой капитал на 504 млн. руб., тогда как во все предшествующие годы (до 1910) банки имели собственных капиталов всего 332 млн. руб. Вкладов они привлекли за эти же 1910—1914 гг. на 2,5 млрд. руб., тогда как за предшествующие 1870—1900 гг. — всего 552 млн. руб.

При этом весьма характерным является то, что в 1900—1914 гг. в банковом деле происходит сильнейшая концентрация. За это время происходит слияние многих отдельных, более мелких, банков в более крупные банки-гиганты. Так, например, в 1901—1904 гг. был организован один из крупнейших банков — Азовско-Донской банк — из прежних Петербургско-Азовского, Минского и Киевского коммерческого. В 1908 г. организовался Соединённый банк из Московского международного, Орловского и Южно-Русского. Северный банк в 1910 г. сливается с Русско-Китайским в Русско-Азиатский. Достаточно указать, что доля 13 крупнейших тогдашних петербургских банков в собственных капиталах всех акционерных банков возросла с 49% в 1900 г. до 66,5% в 1913 г. и 65,2% в 1914 г. В среднем на один петербургский банк приходилось 42 млн. руб. собственных капиталов, тогда как на один московский — 19 млн. руб. и на один провинциальный — 5 млн. руб. Распределение вкладов концентрировано ещё более: на 1 января 1914 г. петербургские банки сосредоточивали 72,2% всех вкладов против 54% в 1900 г.

[1] Кроме того, три банка, действующие на «особых основаниях»: два рижских и один либавский.

Если распределить все банки на четыре группы по размерам основных капиталов, то движение последних за 1900—1914 гг. будет таково:

Группы банков с капиталом	Число банков		У них капиталов в % к общей сумме во всех банках	
	1900 г.	1914 г.	1900 г.	1914 г.
До 9,9 млн. руб.	30	24	43,7	10,8
От 10 до 19,9 млн. руб.	6	11	32,9	22,5
» 20 » 29,9 » »	2	4	23,4	14,6
» 30 млн. руб. и выше	—	7	—	52,1

Мелкие банки за 13 лет сократили удельный вес своих капиталов почти с половины до одной десятой, тогда как семь крупных банков, не существовавших в 1900 г., обладали в 1914 г. уже более чем половиной всех капиталов.

Финансовая олигархия. Концентрация банкового капитала приводила к господству «финансовой олигархии»: 7 петербургских банков распоряжались более чем половиной всех средств, направленных на финансирование всей русской промышленности. Но и в этом случае русский финансовый капитал имел, как и в других отношениях, две особенно ярко выраженные черты: финансовая олигархия, с одной стороны, часто превращалась в финансовую олигархию иностранного капитала вследствие зависимости крупнейших русских банков от иностранных, а с другой стороны, часто сливалась с олигархией русского военно-феодального империализма, со всем его финансово-бюрократическим государственным аппаратом, как исполнителем воли того же иностранного империалистического капитализма.

Среди руководителей русских банков, акционерных обществ и промышленных предприятий имелся сравнительно небольшой круг лиц, которые являлись воротилами всего промышленного и финансового мира, были одновременно председателями правлений нескольких банков, директорами и членами правлений многочисленных, связанных с этими банками синдикатов и акционерных обществ, сами являлись крупными акционерами этих обществ и т. п. Таков, например, Путилов — председатель правления крупнейшего Русско-Азиатского банка (связанного с французскими капиталами), он же — руководитель Русско-Китайского банка, один из руководителей «Продамета» (также находившегося под влиянием французских капиталов), главный акционер многих входивших в «Продамет» металлургических предприятий, а также путиловских, сормовских, брянских,

Невского судостроительного, Коломенского и других заводов. Несмотря на свою «французскую ориентацию» и связи с французской тяжёлой и военной промышленностью (Шнейдер-Крезо), путиловские предприятия были связаны также и с немецкими заводами Круппа, с немецкой оружейной фирмой Леви и с немоцкими банками. Глава русской каменноугольной промышленности и монопольных её объединений Авдаков, нефтяники Нобель, Манташёв, Лианозов, заправила металлопромышленности центрального района Гужон — все они были связаны не только с рядом разнообразных промышленных предприятий, но и с руководящими в этой области русскими и иностранными банками (нефть — Международный и Русско-Азиатский, каменный уголь — Азовско-Донской, Международный и др.), а также с иностранными трестами.

К этим финансово-промышленным группам примыкали дельцы — финансисты и «биржевики», руководившие собственно финансированием предприятий и биржей, крупные финансовые организаторы и руководители кредитных учреждений: Утин и Плотников, директора Учётного и ссудного банка (немецкие капиталы), Каминка — руководитель Азовско-Донского банка (французские капиталы), Соловейчик — руководитель Сибирского банка; крупнейший биржевик и финансовый организатор Манус и многие другие, решавшие судьбы финансового благополучия миллионных промышленных предприятий. Сюда же относятся и более мелкие финансисты и банкиры, владельцы собственных банкирских домов, как Рябушинские, Джамгаровы, Вавельберг и др., впоследствии вошедшие в состав руководителей крупнейших банковских объединений. Крупные сахарозаводчики Бобринский, Бродский, Харитоненко, Терещенко и др. входили также в круги финансовой олигархии и были связаны преимущественно с банками — Русским для внешней торговли, Торгово-Промышленным, Международным. Сравнительно обособленно от банкового капитала некоторое время стояла хлопчатобумажная промышленность, в лице старых русских промышленных фирм Коновалова, Коншина, Морозова, Прохорова и торговцев-мануфактуристов, как Стахеев, Второв и др. Однако и здесь в 900-е годы выделяется финансовая группа, связанная с банковым капиталом, а некоторые из этой группы становятся видными воротилами в области финансирования и организации объединений хлопчатобумажной промышленности (Рябушинский, Второв, Стахеевы и др.). Связи русского финансового капитала и промышленных монополий с иностранным банковым капиталом устанавливались часто персонально, путём назначения (формально — «избрания» акционерами) своих представителей в члены правления банков и акционерных предприятий. Так, «интересы» герман-

ских акционеров в правлении Международного банка были представлены Вебером, Пфейфером и неофициально — Ландсгофом. В Азовско-Донском банке интересы германских акционеров представлял Рауперт, а интересы французского финансового капитала — А. Верт (Генеральное общество).

К крупнейшим представителям русской финансово-промышленной буржуазии примыкала высшая бюрократия, особенно из министерства финансов, промышленности и торговли. Путиловы, Утины, Каминки, Рябушинские, Авдаковы и пр. были «свои люди» в этих министерствах. Они умели добиваться там всего, пуская в ход взятки, «удачную» для чиновников министерства игру на бирже, льготную подписку на акции, привлечение высших чиновников на высокооплачиваемые места в правлениях банков и акционерных обществ и пр. Так, министр финансов И. А. Вышнеградский нажил «беспроигрышной» игрой на бирже состояние в 10 млн. руб., а наследник этого состояния, его сын А. И. Вышнеградский, также бывший чиновник министерства финансов, становится одним из воротил финансового капитала и руководителем Международного банка. Другой крупнейший чиновник царского правительства, директор кредитной канцелярии, руководивший всей финансовой организацией страны, А. Давыдов, сменил свой высокий бюрократический пост на хорошо оплачиваемое место директора Петербургского частного банка и стал одним из крупных деятелей банкового капитала. Видный банковский делец (один из директоров Волжско-Камского банка) Барк неоднократно менял ответственные посты в министерстве финансов на службу в банках, пока не сделался последним министром финансов царского правительства. Точно так же министр торговли и член Государственного совета Тимирязев соединял эту должность с высшим придворным чином обергофмейстера, но сменил и то и другое на кресло директора Русского для внешней торговли банка. Такие представители высшей бюрократии, как Витте, Коковцов, Пальчинский, Безобразов, премьер-министр предреволюционных годов Протопопов, министр путей сообщения Трепов и др. были тем или иным способом, легальным или нелегальным, самым тесным образом связаны с банковым и финансовым капиталом. «Сращивание» банкового капитала не ограничивалось лишь высшей бюрократией, а захватывало также и высшую родовитую аристократию, великих князей и других лиц царствующей фамилии. Часто в особо выгодных и связанных с казной предприятиях эти люди являлись главными акционерами. Так, в одной из самых доходных железнодорожных линий (Владикавказская железная дорога) главными акционерами являлись многие великие князья. Через камергера Безобразова, так же как через Распутина и премьер-министра Протопопова,

самые тёмные дельцы и самые дутые предприятия за взятку находили одобрение при дворе Николая II и получали многомиллионные субсидии от министерства финансов[1].

Наконец, через тот же финансовый капитал происходило «сращивание» не только русской промышленности, но и государственного аппарата в его внешней политике с иностранным капиталом. Союзники и кредиторы царского правительства, держатели пакетов акций русских промышленных предприятий, французские банки предъявляли русскому правительству и министерству финансов иногда ультимативные требования, выходящие из рамок деловых хозяйственных связей. Так, в 1908 г. французское правительство предъявило дипломатическим путём русскому правительству требование о пересмотре заказа Россией военных судов немецкой фирме «Блюм и Фосс» и о передаче этого заказа французским фирмам. Домогательства последних были предъявлены в такой форме, что русский посол в Париже назвал их «шантажем», а министр финансов Коковцов считал их «несовместимыми с политическим достоинством России». Тем не менее тот же Коковцов, когда он стал председателем совета министров, счёл необходимым сообщать представителю французского финансового капитала Нецлину предварительные сметные предположения государственного бюджета раньше его опубликования[2].

При таких условиях иностранный финансовый капитал в царской России позволял себе прямые злоупотребления и грабительские действия. В 1905 г. «Продуголь» по телеграмме своего французского правления в Париже поднял цену на уголь на казённых торгах до 10 коп. Некоторые руководители министерства путей сообщения пытались вести борьбу против «Продугля» и имели возможность сдать заказ по более дешёвым ценам. Однако заказ остался за «Продуглем», так как сам министр путей сообщения оказался «близок» к «Продуглю», и дело было погашено. Такими же фактами полна деятельность «Продамета», нефтяных компаний Нобеля, соляного синдиката и др.

В русских условиях финансовая олигархия с её продажностью, подкупами в гигантских размерах, панамою всех видов, как её характеризовал Ленин[3], находила особо благоприятную почву.

---

[1] См. об этом *С. Ю. Витте*, Воспоминания, т. II, стр. 190, 415—419, и т. III, стр. 93, а также «Дневник» А. С. Суворина, М. 1923, стр. 27, 316—322 и «Падение царского режима», 1924, ч. VI, VII, особенно показания Белецкого.

[2] «Красный архив», т. IV, письмо Коковцова Нецлину 21 сентября 1909 г.

[3] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 95.

Иностранные капиталы в русских банках. Годы после революции 1905 г. и особенно последние перед мировой войной были годами активного наступления иностранного, главным образом французского и германского, капитала на банковую систему России. Предвоенная история крупнейших русских банков — Северного, Петербургско-Азовского, Учётного и ссудного, Русско-Китайского — была историей не только концентрации русских банков, но и слияния их с капиталом германских и французских банков. За исключением неудачной борьбы за «независимость», проявленной Сибирским банком, большинство остальных акционерных банков в сильнейшей степени находилось под «влиянием» иностранных капиталов. Так, по данным Ронина[1], из всего основного акционерного капитала 18 главных акционерных банков к 1914 г. в сумме 435,5 млн. руб. принадлежало иностранному капиталу 185,5 млн. руб., т. е. 42,6%. Из этого числа на долю Германии приходилось 77,2 млн. руб. или 17,7%, Франции — 95,25 млн. руб. или 21,9%, Англии — 13 млн. руб., или 3%. Другими словами, некоторый перевес в банковом капитале руководящих банков принадлежал «антантовскому», англо-французскому, капиталу: 108,25 млн. руб. против 77,2 млн. руб. германского капитала. По доле участия в акционерном капитале банков, некоторые банки были в преобладающей степени «иностранными»: Русско-Азиатский — 72% иностранного капитала, из них французского — 60%, Сибирский — 60%, из них французского — 40%, Рижский коммерческий — 50%, все немецкие, Московский частный — 56%, все французские.

Положение русских банков и степень их зависимости от иностранного капитала Ленин на основе данных Агада характеризует такими цифрами[2]. Всю «мощь» петербургских банков Агад определял в 8 235 млн. руб., причём «участие», вернее, господство заграничных банков распределялось так: французские банки — 55%, английские — 10, немецкие — 35%. Из указанной общей суммы функционирующего капитала (8 235 млн. руб.) — свыше 40%, т. е. 3 687 млн. руб., по расчётам Агада приходилось на монополистические организации — «Продуголь», «Продамет», синдикаты нефтяной, металлургической, цементной промышленности. В 19 наиболее крупных петербургских и московских банках из общей суммы 3 949,5 млн. руб., составляющих «работающий» капитал этих банков, более 3 млрд. руб., т. е. свыше трёх четвёртых всего работающего капитала приходится на долю банков, которые

[1] *С. Л. Ронин*, Иностранный капитал и русские банки, 1926, стр. 84—85.

[2] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 220, на основе данных *E. Agahd*, Grossbanken und Weltmarkt, Berl. 1914.

представляли собою в сущности «дочерние общества» заграничных банков, в первую очередь парижских и берлинских.

Необходимо при этом отметить, что приведённые проценты участия иностранного капитала в русском банковом капитале (при всей их приблизительности и условности исчисления) ещё не полностью отражают степень «распоряжения» иностранного капитала деятельностью русских банков. Как и во всяком акционерном обществе, обычно вполне достаточным для такого «распоряжения» бывает обладание не более 30—40% акций. Таким образом, если даже считать, что приведённые цифры, определяюшие степень участия иностранных капиталов в русских банках, не являются решающими для всей русской банковой системы, то всё же роль иностранного банкового капитала была значительной.

Более точными данными об иностранных капиталах в русских банках (при том доведёнными до кануна Октябрьской революции (1916—1917 гг.) можно считать подсчёты П. В. Оля. Мы приводим их для 9 крупнейших петербургских банков[1].

Наименование банков	Акционерный капитал (млн. руб.)	Участие капиталов (млн. руб.)				Всего (млн. руб.)	в процентах к акц. капиталу
		германских	французских	английских	прочих		
Русский для внешней торговли	60,0	24,0	—	—	—	24,0	40,0
Петербургский международный	60,0	20,0	1,0	0,5	2,5	24,0	40,0
Азовско-Донской	60,0	8,0	10,0	2,0	2,0	22,0	36,7
Русско-Азиатский	55,0	2,0	36,0	4,0	1,5	43,5	79,0
Соединённый	40,0	1,0	18,0	0,5	0,5	20,0	50,0
Петербургский частный	40,0	0,2	22,8	0,2	—	23,2	58,0
Русский торгово-промышленный	35,0	1,0	4,0	10,0	—	15,0	42,8
Петербургский учётный и ссудный	30,0	4,0	—	—	—	4,0	13,3
Сибирский торговый . .	20,0	4,0	4,0	—	—	8,0	40,0

Итого эти 9 крупнейших петербургских банков имели 400 млн. руб. основного капитала, в том числе 183,7 млн. руб. иностранного. Наибольшая доля участия иностранного капитала имелась в Русско-Азиатском (79,0%), Петербургском частном (58,0%),

[1] *П. В. Оль*, Иностранные капиталы в России, 1922, стр. 146—250. Цифры приводим с некоторыми поправками И. Ф. Гиндина в его книге «Русские коммерческие банки», 1948, стр. 371—372 и 395—403.

Соединённом (50,0%). В среднем это составляло для всех перечисленных банков долю участия иностранного капитала в 45,9%.

Группа крупнейших 9—12 петербургских банков, сосредоточившая до 50% основного банкового капитала и до 65% всех банковских вкладов, являлась той банковой монополией в русском финансовом капитализме, которая, сращиваясь с промышленными монополиями и при помощи иностранного капитала, держала в своих руках финансирование русской промышленности. При всём том не следует преувеличивать зависимость русской банковой системы от иностранного капитала, рассматривая их деятельность как «исполнителей воли» иностранных банков. Хотя в руководящих акционерных банках до 42% их акционерного капитала находились в руках иностранных акционеров, но всё же от этого было далеко до такой же степени зависимости русских банков и всей русской банковой системы от иностранного капитала. Акционерные капиталы банков составляли всего одну четверть — одну треть тех активных средств (вкладов, текущих счетов), которыми оперировали банки, а в концентрации этих средств банки зависели от условий русского денежного и капитального рынка. На этот рынок и на его отношения к иностранному денежному и капитальному рынку сильнейшее воздействие имели Государственный банк и министерство финансов своей кредитной и девизной политикой, своим учётным процентом, своим колоссальным золотым запасом и «золотом за границей», своими многомиллионными субсидиями как непосредственно промышленным предприятиям, так и самой банконой системе, своими крупными учётно-ссудными операциями, наконец, прямыми финансовыми «спасательными» интервенциями в деятельность банков и бирж (так называемый биржевой «Красный крест»).

Конечно, ни царское правительство вообще, ни министерство финансов не противодействовали влиянию и «заработкам» иностранного капитала в русских банках. Наоборот, заинтересованное в успешности государственных займов, правительство широко открывало двери для внедрения иностранного капитала в русскую банковую систему и в русскую промышленность [1]. Но, как мы указывали выше, русские коммерческие банки, а также работающие с ними иностранные банки были в первую очередь заинтересованы во всякого рода финансовых и спекулятивных операциях — эмиссиях, куртажах, «реорганизациях».

[1] Наиболее показательный пример — передача министерством финансов французским банкам контрольного пакета Русско-Азиатского банка с целью заинтересовать французский капитал дальневосточными предприятиями царского правительства.

Для этого они также охотно приобретали пакеты банковых и промышленных акций, как и сбывали их, когда представлялся случай «заработать» на этом. Госбанк и министерство финансов с колоссальным государственным бюджетом, со своими крупнейшими финансовыми операциями — государственными и железнодорожными займами, развитым государственным хозяйством — принуждены были проводить политику, сообразующуюся с потребностями господствующих классов своей страны, а не всецело исполнять «волю» иностранного капитала.

Всё это, конечно, не исключало своеобразное «сращивание» иностранного банкового капитала персонально с представителями государственного аппарата, не всегда законную заинтересованность последних в деятельности иностранных банков, коррупцию, «подкуп и панаму всех видов». Но всё же иностранный банковый капитал был не в меньшей мере заинтересован в своей финансовой деятельности в России, чем русское правительство — в финансовом содействии иностранного капитала.

Организационные формы финансового капитала. Как же происходило «сращивание» банкового капитала с промышленностью, т. е. как и в каких организационных формах образовался в системе русского империализма финансовый капитал?

Практика «сращивания» банкового капитала с промышленным и формирование финансового капитала в западных странах выработала многочисленные формы этого процесса, начиная с наиболее простых в виде установления отношений «участия» и «заинтересованности» банков в делах предприятия, установления «личной унии» в руководстве банка и патронируемого им предприятия и кончая наиболее сложными и активными формами, в виде учреждения специальных обществ финансирования и инвестирования капиталов, развития специальных финансовых реорганизаций промышленных предприятий банками, организации банками объединений — «фузий», картелей, синдикатов, трестов, концернов, устройства контрольных обществ, «переёмочных» обществ для страховки и уменьшения риска и т. п.[1]

В основном характер этих организационных форм финансового капитализма определялся, с одной стороны, размерами накопления в стране вещного и денежного банкового капитала, развитием учреждений банковой системы, обилием в стране свободных, «праздных» капиталов, ищущих производственного приложения через банки или через специальные общества

[1] Об этом см. *Р. Лифман*, Фондовый капитализм, М. 1930; *Р. Гильфердинг*, Финансовый капитал, 1928. См. критику Лениным этих авторов в его книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», Соч., т. 22, изд. 4.

инвестирования капиталов; а с другой — степенью развития крупной капиталистической промышленности и её монополистических объединений, доходностью промышленных предприятий и высотой их дивидендов и др.

В России условия развития финансово-монополистического капитализма значительно отличались от таких стран с господством финансового капитала, как США, Англия, Германия и др. В России промышленность была развита значительно слабее этих стран, но она не на много уступала им по степени развития в ней монополистических синдикатских объединений. Организованные в преобладающей степени под влиянием и руководством иностранного капитала, русские промышленные монополистические объединения тем более были готовы к восприятию организационных форм «сращивания» с банковым капиталом и подчинения отечественной и иностранной финансовой олигархии. Но в самой стране не наблюдалось ни перепроизводства, ни избытка денежного и банкового капитала, ни обилия «праздных», свободных и ищущих производственного приложения капиталов. Поэтому в русской промышленности не развились такие наиболее законченные формы финансового капитализма, как организация специальных Обществ инвестирования капиталов, подобно английским Обществам инвестирования (Investement Trusts), предполагавших сосредоточение в них избытка свободных капиталов и мелких сбережений для помещения их в промышленность, или специальных Обществ финансирования (Financial Companies), занимающихся финансированием капиталов под промышленные акции, фонды; ни тем более таких наиболее монополистических и сложных учреждений финансового капитализма, как контрольные общества и так называемые общества «заместительства фондов» и т. п.

Тем не менее некоторые из этих организационных форм финансового капитала имелись в русской промышленности, но в «иностранной оболочке».

Такова, например, была очень сложная организация иностранного капитала в русской золотопромышленности[1]. Русское акционерное общество Ленское золотопромышленное товарищество было учреждено по русскому уставу 29 марта 1896 г. с основным капиталом в 11 млн. руб. Вследствие необходимости укрепления финансового положения общества и увеличения его основного капитала было учреждено в России и английское общество Русская горнопромышленная корпорация (The Russian mining corporation limited), которое действовало по русскому уставу и получило право открывать действия в России по покупке и аренде рудников, копей, по эксплоатации их и по

[1] ЦГАНХ, ф. Горного департамента, д. № 37, оп. 58, л. 670.

продаже их продуктов. Основной капитал был определён всего в 350 тыс. руб., разделенный на шеры (акции), главными держателями которых являлся русский Международный банк (110 тыс.) и группа Гинцбурга с английскими банками (324 тыс.).

Очевидно, Горнопромышленная корпорация не могла с указанным капиталом в 350 тыс. руб. финансировать русскую золотопромышленность и в частности Ленское золотопромышленное товарищество. Но последнее всё же в 1912 г. было «реорганизовано» и его основной капитал увеличен на 5,5 млн. руб. Для этих целей в Лондоне было создано английское общество «Лена Гольдфильдс», зарегистрированное в Лондоне в 1908 г. Устав этого общества ничего не говорил о допущении каких-либо промышленных операций в России, не было у общества и недвижимого имущества. Основной капитал был определён в 1405 тыс. ф. ст., т. е. около 14 млн. руб., разделённых на «шеры», не котировавшиеся на русских биржах, но являвшиеся предметом самой разнузданной спекуляции на Лондонской бирже. Целью общества было единственно приобретение от «Русской горнопромышленной корпорации» акций русского «Ленского золотопромышленного общества» и акций Бодайбинской железной дороги. На общем собрании Ленского общества в декабре 1911 г. английское общество «Лена Гольдфильдс» представило акций на сумму 7,4 млн. руб., оно же открыло кредит Ленскому обществу в 10 млн. руб. Таким образом, «Лена Гольдфильдс» было типичным обществом для финансирования путём «передачи» ему фондов Ленского общества и выпуска взамен их своих акций (шер). В состав правления «Лена Гольдфильдс» входили лорд Фарис Фрешвилль, Беккер и др., с русской стороны Тимирязев (бывший министр торговли и промышленности), Путилов, Вышеградский и др.

Почему потребовалась такая сложная организация финансирования русской золотопромышленности? Потому что по русским законам того времени иностранные общества не допускались к разработке недр. Потребовалось создание фиктивной, действующей по русскому уставу Русской горнопромышленной корпорации, а затем передача её акций английскому финансирующему обществу «Лена Гольдфильдс», ставшему хозяином золотопромышленности богатейшего района.

В таких же формах была организована в 1913 г. Русско-Азиатская корпорация с основным капиталом в 300 тыс. ф. ст. как передаточное общество для финансирования концессий в Нерчинске, на Кабинетских землях (свинцово-цинковые, серебряные рудники), Риддеровской серебро-свинцовой концессии на Алтае, Экибастусской на Иртыше. Насколько выгодно было финансирование этих концессий, показывает тот

факт, что через месяц после выпуска в Лондоне шер Русско-Азиатской корпорации они повысились более чем вдвое (с $2^1/_2$ до $4^7/_8$ ф. ст.). Такой же характер спекуляции и аферы носила деятельность английского общества «Siberian Proprietary Mines», Сибирского общества «Gold und Kupferminen» и др.[1]

Такими же путями иностранный, преимущественно английский, финансовый капитал проникал на Урал, где в 1905—1914 гг. крупнейшие и старейшие заводы и целые горные округа, находившиеся раньше в единоличном владении (Кыштымские заводы, Лысьвенские горные заводы графа Шувалова, Николо-Павдинские заводы, Богословский Горный округ, Сысертский округ и др.), при помощи английских обществ финансирования были «реорганизованы» и превращены в акционерные общества, акции которых были размещены формально в русских банках, а фактически паходились в руках английских держателей. Всё это, однако, не ликвидировало отсталость уральской горной промышленности[2].

Ещё в более типичных формах происходил процесс внедрения финансового капитала в нефтяную промышленность. Здесь, особенно в 1900—1913 гг., происходил усиленный процесс объединений (фузий) отдельных обществ под руководством и с помощью мощных иностранных нефтяных компаний, консолидация их капиталов, взятие ими под контроль русских нефтяных обществ, приобретение крупных пакетов акций и т. п.

В 1900 г. было учреждено английское нефтяное общество «The Anglo-Russian Maximoff Company», по уставу, типичному для деятельности английских «Обществ инвестирования» с фактическими — вопреки русским законам — правами фузий и монополистических объединений и т. п.[3] В 1912 г. образовано английское общество — типичное общество для передачи фондов — «Русская генеральная нефтяная корпорация», которое поставило себе целью объединение мелких и средних нефтяных предприятий и синдицирование их, для чего общество «переняло» большинство акций отдельных бакинских нефтяных групп (Манташёва, Лианозова, Шибаева и др). В Майкопской нефти этот процесс фузий и консолидации капиталов нефтяных

[1] Архив НКФ, Кредитная канцелярия, II, отд. 1, ст., 1907 г., № 27; см. также другие многочисленные формы таких же обществ у Agahd E., Grossbanken und Weltmarkt, Berl. 1914.

[2] Архив Комитета финансов, 1905, № 447, № 449, 1907, № 474 и др.

[3] Общество имело право (§ 1) «входить в соглашения, касающиеся участия в прибылях, общности интересов, слияния... со всяким другим обществом; сдавать или соединять с обществом и поглощать в таковое всякое иное общество... имеющие цели, подобные, однородные или вспомогательные с какой-либо из целей настоящего общества» (С. У. 4 августа 1900 г., № 89). Права эти явно расходятся с русским акционерным правом, запрещавшим всякого рода монополистические фузии.

предприятий производился английским обществом «Англо-Майкопская корпорация» («Anglo-Maikop Corporation»), синдицировавшим 4 майкопских нефтяных фирмы и «перенявшим» на себя их акции.

В русской электротехнической промышленности в паровозостроении, устройстве подъездных путей и пр. значительное развитие получило финансирование германскими соответствующими промышленными концернами (частью с помощью банков) русских «дочерних» предприятий — «русских» заводов «Сименс и Гальске», «Гелиос» — одноимёнными немецкими концернами; «русского» завода «Артур Коппель» и паровозостроительного завода «Паровоз» — соответствующими германскими «материнскими» фирмами и пр.

Однако такие формы образования финансового капитала в русской промышленности были распространены сравнительно в небольшой степени. Таких обществ, как американские специальные «Контрольные общества» или общества «Держателей фондов» и т. п., русское акционерное законодательство не знало. Конечно, контроль более мощных предприятий над более слабыми, «участие», «общность интересов» и прочие отношения финансово-монополистического капитализма были очень сильно развиты. Но достигались они не организацией специальных обществ, а приобретением пакетов акций, личной унией в правлениях, в советах и пр. Это было обусловлено недостаточным развитием в России мощных финансовых капиталистических групп, слабым накоплением капиталов и сосредоточением их у небольшой верхушки организаторов-финансистов и дельцов, группирующихся вокруг банков. Это в свою очередь выдвигало в русском финансовом капитализме значительно бо́льшую роль банкового капитала и банков как главных центров сосредоточения свободных денежных капиталов и финансирования промышленности.

В этом отношении финансовая система русского империалистического капитализма значительно отличалась от США, Англии и даже Германии, с их сильным развитием финансирования специальными обществами или мощными финансово-промышленными концернами. Русская система по организованности и по значению в ней банкового капитала ближе всего подходила к спекулятивно-банковой системе, преобладавшей во Франции. Эти организационные формы финансирования оказывали большое влияние на самую сущность финансовых отношений с промышленностью и на образование и роль банковских монополий.

Концерны США, так же как общества инвестирования Англии и концерны Германии, в своих финансовых отношениях с промышленными предприятиями были заинтересованы

не только в их финансовом благополучии, но и в их производственной деятельности, в длительной прочности и доходности своих капиталовложений. При исключительном же господстве банков в финансировании промышленности, последние были заинтересованы не столько в производственной деятельности предприятий и в длительной прочности своих капиталовложений, сколько в выгодности разного рода эмиссионных, финансовых, посреднических и прочих операций. Такой характер деятельности банков в области финансирования промышленности отрицательно сказывался как на положении промышленности, так и самих банков, особенно в наиболее трудные моменты кризисов.

Банковые монополии и финансирование промышленности. Несмотря на то, что по официальным уставам русским банкам воспрещалось выходить из своих чисто посреднически-кредитных функций и заниматься финансированием промышленности, это требование давно было опрокинуто жизнью. Банки становятся не только кредитором промышленного предприятия, но и его основателем, его кассиром, владельцем его текущих счетов, владельцем и собственником его акций, его основного капитала, а вместе с тем и распорядителем всей его судьбы. И если использование промышленным капиталом банковой системы для своего текущего кредита ещё не лишало промышленный капитал самостоятельности, то новая форма финансирования ставила промышленное предприятие в полную зависимость от банкового капитала и от банковых монополий.

Зависимость промышленных предприятий от банкового капитала стала возрастать в России ещё с конца 90-х годов под влиянием усиления удельного веса банков и нужды промышленности в кредитах. Приведём несколько примеров «заинтересованности» банков в различных промышленных предприятиях в 90-е годы.

Русский Торгово-промышленный банк финансировал Восточное общество товарных складов, Истринские заводы, Волжский стальной завод, Никополь-Мариупольское общество, Российское золотопромышленное общество, Общество тульских медно-прокатных и патронных заводов, Московское стеклопромышленное и др. Задолженность их банку превышала 14 млн. руб. Кроме кредитования, банк владел 13 735 акциями Никополь-Мариупольского общества и 11 836 акциями общества Гартмана; в 1898 г. он имел в своём портфеле 519 акций Волжского стального завода, 97 акций Петербургского вагоностроительного завода, 87 паёв Сергинско-Уфалейского завода и др. По количеству имеющихся акций обращали на себя внимание Никополь-Мариупольское общество и завод Гартмана; банк являлся

полным хозяином этих двух акционерных обществ, владея большинством акций и облигаций [1].

В портфеле Учётного и ссудного банка в 1898 г. фигурировало 307 акций Бакинского нефтяного общества, 430 акций Донецко-Юрьевского металлургического общества, 600 акций машиностроительного завода Лесснера, 400 акций общества стекольного производства Ликфельда.

В портфеле Русского для внешней торговли банка имелось 370 акций общества братьев Бромлей, облигации Никополь-Мариупольского общества, общества Сормово и др. В портфеле Международного банка имелось 4 тыс. акций машиностроительного завода Гартмана, 1 492 акции Московского стеклопромышленного общества, 4 003 акции золотопромышленного общества, 2 031 акция Никополь-Мариупольского общества.

В портфеле Частного коммерческого банка находились те же акции Волжского стального завода, Северного стекольного общества, Коломенского машиностроительного завода, Путиловского завода, завода Гартмана и др. [2]

Вообще промышленные ценности в портфелях банков уже тогда составляли весьма крупную долю. Так, процентное отношение промышленных ценностей к сумме всех наличных ценностей у банков было:

Годы	Международный банк	Учётный и ссудный банк	Торгово-промышленный банк	Частный коммерческий банк
1896	23,4	17,9	31,4	70,4
1897	23,8	17,4	49,0	59,3
1898	25,5	24,3	53,3	62,2

Следовательно, промышленные ценности ещё в 1896—1898 гг. составляли в банках уже довольно значительную долю и имели тенденцию увеличиваться. Поэтому, когда в 1900 г. разразился промышленный кризис, он захватил и ряд банков тем сильнее, чем больше портфели банков были обременены промышленными ценностями. Например, во время кризиса Международный банк потерял около 4,5 млн. руб., сильно пострадали Петербургский учётный и ссудный, Петербургско-Азовский, Рижский коммерческий, Харьковский торговый и другие банки.

Сравнивая, однако, основные и облигационные капиталы самих акционерных обществ, можно видеть, что доля акций

[1] Архив НКФ СССР, ф. Особенной канцелярии по кредитной части, 5 отд., Торгово-промышленный банк, 1900 г., д. 19.

[2] *Б. Ф. Брандт*, Торгово-промышленный кризис в Западной Европе и в России, 1902, ч. II, стр. 53; *И. И. Левин*, Акционерные коммерческие банки в России, 1917, стр. 267.

и облигаций, принадлежавших банкам, в 90-е годы являлась ещё небольшой. Кроме того, источником сосредоточения промышленных акций в портфелях банков было не столько финансирование предприятий, сколько спекуляция с акциями. Говорить о финансовом капитале, т. е. о сращивании банкового капитала с промышленностью (кроме отдельных случаев, как упомянутые общества «Гартман», Никополь-Мариупольское), в эти годы ещё было нельзя.

Кризис 1900—1903 гг. сильнейшим образом подорвал самостоятельность промышленного капитала. При наличии убытков акционерных промышленных предприятий, кредитуемых банками, последним приходилось во избежание полного краха и ликвидации этих предприятий прибегать к так называемой «финансовой реорганизации». Она состояла обычно в том, что при крупных убытках вся сумма их обычно «списывалась» с основного капитала общества, т. е. собственный основной капитал акционерного общества сильно уменьшался. После такого «санирования» банк или группа банков брали на себя выпуск новых акций, т. е. обеспечивали прилив нового капитала. Банки являлись здесь не только посредником в выпуске новых акций за известное комиссионное вознаграждение в виде тех же акций, иногда до 10—20% их, но часто прямо брали акции в свой портфель, т. е. фактически становились собственниками значительной части акционерного капитала. Для приобретения решающего влияния в делах общества банку или группе их достаточно было иметь значительно менее половины акций.

В период кризиса 1900—1903 гг. такого «санирования» акционерных обществ и их финансовой реорганизации (или реорганизации на тех же основаниях единоличных предприятий и превращения их в акционерные) не избежало почти ни одно сколько-нибудь крупное промышленное предприятие. Всё это ставило промышленность в прямую зависимость от банкового капитала. Но русская банковая система и банковый капитал, несмотря на быстрое своё развитие в 1909—1913 гг., всё же далеко не могли удовлетворить всего спроса на капитал для такой «реорганизации» промышленности. Поэтому русскому банковому капиталу, устанавливая своё сращивание с промышленностью, в то же время в поисках финансовой базы для своего укрепления приходилось обращаться к иностранному банковому капиталу. Русский финансовый капитал получал, таким образом, характер зависимой системы, а русская промышленность «сращивалась» не только с русским банковым капиталом, но через него и с иностранным капиталом. Таким образом, переход к империализму, как к высшей стадии капитализма, характеризуется и в России увеличением влияния банкового капитала

банковских монополистических групп, сращиванием их с промышленными монополиями и образованием финансового капитала, но и для тех и для других — с усилением влияния иностранного капитала.

Когда в первые одно-два десятилетия XX в., в 1909—1916 гг., господство промышленных и банковских монополий достигло наивысшего развития, финансовый капитал приобрёл те законченные формы, которые подчёркивал Ленин в своём определении финансового капитала: «... Финансовый капитал есть банковый капитал монополистически-немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников...» [1] В связи с этим сама структура финансово-монополистического капитализма в России оказалась очень сложной.

Сферой почти полного господства к 1909—1916 гг. финансового капитала, т. е. сращивания промышленно-монополистических групп с банковскими или со специальными финансовыми монополистическими объединениями, являлись почти все предприятия и районы тяжёлой промышленности России — горнорудной и особенно железорудной, солянорудной, каменноугольной, нефтяной, чёрной и цветной металлургии, золотопромышленности, по обработке металлов, машиностроению, электропромышленности, основной химической промышленности, резиновой, цементной и пр. Но как формы самих промышленных монополий, так и формы их «сращивания» с банковым капиталом и образования финансового капитала были в различных этих отраслях и районах различны.

Горная, металлургическая и металлообрабатывающая промышленность юга России была наиболее рано и наиболее полно охвачена промышленно-монополистическими объединениями, а через них и финансово-монополистическим капиталом, русским и иностранным, преимущественно франко-бельгийским, банками. По исследованию Гиндина [2] из 17 доменных заводов юга России 11 находились в руках французских и бельгийских банков, одно — под влиянием германских банков, одно — в руках английской финансовой группы и, наконец, одно менее значительное общество (Сулинское) патронировалось русским банком, а в двух (в Таганрогском и Никополь-Мариупольском), несмотря на значительную долю иностранного капитала, русские банки сумели получить преобладающее влияние. Промышленно-монополистическое объединение «Продамет», с подавляющим удельным весом в нём южной металлургии, нахо-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 253.

[2] В его старой работе «Банки и промышленность в России», 1927, стр. 138—173, и в новой «Русские коммерческие банки», 1948, стр. 348—356.

дилось всецело под влиянием французских банков, усиливая тем самым значение французского финансового капитала в русской металлургии.

Металлургия другого важного района, Урала, и его промышленно-монополистическое объединение «Кровля» к 1910—1914 гг. находились в тесной связи с петербургскими банками (11 из 14 обществ), более мелкие — с франко-бельгийскими. Полностью побеждённые «Продаметом» уральские предприятия вместе с их объединением «Кровлей» стали к 1914—1917 гг. частично, но безрезультатно подпадать под влияние английских финансовых обществ.

Наконец, небольшое число металлургических и металлообрабатывающих заводов центрального района, не крупных по размерам производства и капиталовложениям, находилось в сфере влияния русских или иностранных банков или иностранных финансовых обществ. Одно наиболее крупное (б. Гужона) входило в монополистическую организацию «Продамет». Ряд других небольших предприятий находился под контролем петербургских банков.

Паровозостроительные, вагоностроительные и судостроительные предприятия, будучи объединены почти полностью в синдикаты, зависели одни от монополии петербургских банков, другие частью или полностью от иностранных банковских монополий, преимущественно французских; наконец, некоторые из них представляли дочерние предприятия немецких фирм. Электротехническая промышленность была представлена в преобладающей мере «дочерними» предприятиями немецких монополистических электротехнических обществ и через них полностью зависела от немецких банков или специальных концернов. Наконец, в весьма важной отрасли металлургии, в меднорудной и медеобрабатывающей промышленности, объединяемой синдикатом «Медь», финансово-монополистические отношения строились не на основе финансовых связей с банковыми монополиями русскими и иностранными (хотя и они, конечно, имели место), а в преобладающей мере на базе финансово-промышленного концерна с немецкими капиталами (концерн Вогау).

Золотопромышленность и платиновая промышленность как Урала, так и особенно Сибири находилась всецело в руках английских финансово-капиталистических групп, обществ инвестирования, о чём мы говорили выше, с очень небольшим участием русских банков (кроме государственных предприятий).

Каменноугольная промышленность Донбасса, будучи объединена в промышленно-капиталистической монополии «Продугля», всецело находилась под контролем и распоряжением французских банковских монополий, а значительная часть их

работала даже на иностранных уставах. Из 139 млн. руб. акционерного капитала этих обществ 111 млн. руб. приходилось на общества, патронируемые банками, почти исключительно французскими или связанными с ними русскими.

Нефтяная промышленность в финансово-монополистическом капитале России занимала исключительное положение как по своим связям с мировым рынком, так и по организационным формам финансового капитала: в преобладающей мере она была связана не столько с банковыми монополиями, иностранными и русскими, сколько с международными финансово-капиталистическими промышленными концернами, конечно, при поддержке и банковских монополий.

Мы не имеем возможности останавливаться здесь даже вкратце на особенностях складывания финансово-монополистических отношений в других отраслях тяжёлой промышленности, отсылая читателя к тому, что у нас говорилось в главе XI. Здесь мы в заключение остановимся вкратце на тех финансово-монополистических отношениях в лёгкой промышленности, которые по своему характеру значительно отличались от финансово-монополистических отношений тяжёлой промышленности.

В лёгкой и пищевой промышленности, в преобладающем числе отраслей (текстильной и особенно хлопчатобумажной, мукомольной, маслобойной, по обработке животных продуктов, кожевенной, деревообрабатывающей и др.) преобладал, а в некоторых отраслях и районах (в центральном районе и в текстиле) полностью господствовал национальный русский капитал. Преобладали единоличные или паевые предприятия, отношения которых к банкам ограничивались промышленным или подтоварным кредитом. При этом часто каждая отдельная группа предприятий имела «свой» банк, часто выраставший из кредитных отношений обществ взаимного кредита. Иностранные предприятия в этой группе насчитывались единицами, причём они были представлены преимущественно непосредственным перенесением капиталов отдельных предпринимателей, переселявшихся со своим личным капиталом в Россию (несколько текстильных предприятий центрального района Кнопа, Цинделя, Рабенека, Гюбнера; мукомольных предприятий Средневолжского района Зейферта, Рейнеке, Шмидт и др.). Финансово-промышленных и банково-монополистических объединений в этих группах почти не было. Лишь под конец мировой войны возникли группы финансово-монополистического характера (Рябушинский, Второв, Вогау и др.), но также лишь с небольшими связями с иностранными монополистическими объединениями. Финансово-монополистические отношения с банками

или с заграничными концернами (преимущественно немецкими) в текстильной и в других отраслях лёгкой промышленности имели широкое распространение в прибалтийских, польских и белорусско-литовских губерниях.

Несколько особо от этой группы предприятий лёгкой промышленности стояли сахарная и табачная промышленность. По характеру производства (сезонности) сахарная промышленность (особенно песочные заводы) остро нуждалась в промышленном и оборотном кредите, почему она наиболее рано и наиболее сильно подпала под влияние банков сначала специальных местных, а затем банковских монополий (петербургских банков). Наиболее рано в ней возникли промышленно-монополистические объединения (синдикат 1887 г.), но в преобладающей степени также на базе российского капитала (украинского, еврейского, польского), но не иностранного.

Из других отраслей лёгкой промышленности своеобразные финансово-монополистические отношения сложились в табачной промышленности. Она была объединена в синдикат, образованный на базе русского банка (Русско-Азиатского) и объединявший 11 крупнейших табачных фабрик с капиталом в 34 млн. руб. из общего числа 19 фабрик с капиталом в 43 млн. руб. Синдикат через посредство английского (а возможно и англо-американского) капитала вошёл в международное финансово-монополистическое объединение, в международный трест, достигнув таким образом высшей формы финансово-монополистического объединения.

Банково-финансовый капитал не только занимал руководящее положение в русской промышленности, но стал овладевать и другим, наиболее слабо организованным звеном русской экономики — экспортом сельскохозяйственных продуктов. Как мы видели более подробно из рассмотрения положения сельского хозяйства в эпоху империализма, крупнейшие петербургские банки, как Русский для внешней торговли, Азовско-Донской, Петербургский международный, монополистически захватили многие отрасли внешней и внутренней торговли и товарооборота — экспорт хлеба, яиц, масла, мясных продуктов, устройство холодильного транспорта, скупку и сбыт хлопка, вывоз сахара и пр. Но вообще вопрос о финансово-монополистических связях в сельском хозяйстве очень мало изучен, хотя он представляется очень важным не только в отношении отдельных отраслей (сахарная промышленность, холодильный транспорт и др.), но и в отношении общей финансовой политики правительства в сельском хозяйстве (ипотечный кредит).

Итоги иностранных инвестиций в народное хозяйство России. Попробуем теперь подвести итоги иностранных инвестиций в народное хозяйство России в период наиболее широкого

внедрения иностранного финансово-монополистического капитала в России.

Как мы указывали выше, вопрос этот представляет большие трудности для его точного, цифрового выражения. Простейшей и обычной формой, в которой банковый и финансовый капитал проникает в промышленность, является акционирование и эмиссии акций через русские, а иногда и прямо через иностранные банки. Банк организовал подписку на акции промышленных предприятий, держал их в своём портфеле, брал их в обеспечение онкольных счетов. Поэтому развитие финансового капитала сопровождалось ростом крупных акционерных обществ. Однако в условиях свободного обращения акций невозможно сказать, капитал какой национальности обладает ими, хотя бы выпускал их иностранный банк. Поэтому для определения «национальности» капитала акционерных обществ приходится прибегать к косвенным показателям (утверждённый устав общества, состав правления, общих собраний акционеров) или просто к экспертным оценкам.

После резкого сокращения акционерного учредительства в период кризиса и застоя 1900—1908 гг. акционерное учредительство вообще, в том числе и иностранное, начинает с 1910—1911 гг. быстро возрастать. Дадим таблицу акционерных обществ, вновь разрешённых в 1909—1913 гг., по сравнению с числом обществ, разрешённых в 1900 и в 1904—1908 гг.:

Годы	Всего акционерных обществ		Русских обществ		Иностранных обществ	
	Число	Основной капитал (млн. руб.)	Число	Основной капитал (млн. руб.)	Число	Основной капитал (млн. руб.)
1899	325	363,7	256	256,2	69	107,5
1900	202	250,7	162	201,2	40	49,5
1904	94	119,2	81	92,5	13	26,7
1907	131	156,9	119	125,9	12	31,0
1908	120	112,4	108	103,4	12	9,1
1909	131	108,8	116	95,9	15	12,9
1910	198	224,3	181	190,5	17	33,8
1911	262	320,9	222	240,9	40	80,0
1912	342	401,5	322	371,2	20	30,3
1913	372	545,2	343	501,1	29	44,1

Отсюда видно, что уже к 1911 г. прилив акционерного капитала почти догоняет максимальные цифры предшествовавшего подъёма, а в 1912—1913 гг. уже значительно превосходит все предшествующие годы.

При этом характерным представляется то обстоятельство, что развитие акционерного дела шло не только за счёт организации новых промышленных предприятий, но ещё в большей мере за счёт реорганизации прежних единоличных предприятий в акционерные. Именно в эти годы из всей суммы капиталов вновь учреждённых акционерных обществ до 65—75% приходилось на общества, реорганизуемые из единоличных в акционерные. Очевидно, те задачи и требования, которые предъявляла монополизированная промышленность по отношению к капиталу, были таковы, что единоличный капитал уже не был в состоянии удовлетворить их, и только акционерная форма концентрации масс капитала давала значительные источники для прилива капитала в промышленность.

Однако приведёнными цифрами вопрос о роли иностранного капитала в русской промышленности в начале XX в. ещё не разрешается. По официальной дореволюционной статистике, отнесение того или иного капиталистического предприятия и общества к «иностранному» или «русскому» делалось по условному признаку, действует ли общество на основе «русского» или «иностранного» устава. Фактически участие иностранного капитала в русских акционерных промышленных предприятиях было значительно больше. За невозможностью произвести исчерпывающие подсчёты отдельные исследователи этого вопроса дают несколько различные цифры.

Так, по подсчётам Воронова[1], в 1900 г., в России действовало всего 1 595 акционерных обществ (русских и иностранных), имевших в своём распоряжении основной капитал в 2 396 млн. руб.; из них иностранных было 269 обществ с 691 млн. руб., что составляло 28,8% всей суммы основного капитала акционерных обществ.

За период 1900—1914 гг. число акционерных компаний значительно возросло, достигнув 2 163 обществ. По подсчётам Крицмана, из 2 163 предприятий, принадлежавших перед войной в России акционерным обществам с основным капиталом почти в 4 млрд. руб., в 327 предприятий был вложен иностранный капитал в размере 1 340 млн. руб., т. е. в седьмую часть

[1] *Л. Воронов,* Иностранные капиталы в России, 1901, стр. 22; *Л. Н. Крицман,* Русская промышленность перед революцией, «Ежегодник Коминтерна», 1923, стр. 334; *В. С. Зив,* Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности, стр. 123; *П. В. Оль,* Иностранные капиталы в России, 1922.

всех предприятий был вложен иностранный капитал в размере третьей части всего основного капитала всех акционерных обществ.

Эта общая сумма иностранного капитала довольно близко совпадает с данными Зива, который определяет её к 1914 г. в 1 532 млн. руб., включая банки, на долю которых иностранного капитала приходилось, по его подсчёту, 250 млн. руб. Так что за вычетом этой суммы получается 1 282 млн. руб., приходившихся на собственно акционерные промышленные предприятия.

Наконец, П. Оль общую сумму иностранного капитала в России исчисляет в 1916—1917 гг. в 2 243 млн. руб. В эту сумму входят 256 млн. руб. облигационного капитала и 237 млн. руб., вложенных в кредитные учреждения, так что собственно в русские промышленные предприятия акционерного иностранного капитала к началу революции было вложено 1 750 млн. руб. Так как общая сумма всего акционерного капитала определялась около 4 млрд. руб., а за годы войны имелся прирост акционерного капитала в сумме до 997,2 млн. руб., то общая сумма всех акционерных капиталов к 1917 г. может быть определена до 5 млрд. руб., из неё на долю иностранного капитала приходилось приблизительно 1,7 млрд. руб., или около 34%.

Из иностранных авторов Пасвольский и Моультон[1] — представители американских капиталов,— определяя иностранную задолженность царской России, исчисляют её (без части долгов, приходящихся на Польшу, Финляндию) в 13 823 млн. руб., в том числе довоенный государственный долг 3 850 млн. руб., военные займы 6 681 млн. руб., гарантированные правительством займы 870 млн. руб., городские займы 422 млн. руб. и иностранные промышленные инвестиции 2 млрд. руб. По отдельным странам довоенные долги были сосредоточены главным образом во Франции (80%) и в Англии (14%); военный долг распределялся между Англией (70%), Францией (19%) и США (7%). Промышленные инвестиции поступали из Франции (32%), Англии (25%), Германии (16%), Бельгии (15%) и США (6%). Таким образом, государства Антанты (Англия, Франция, Бельгия) давали до 72% всех промышленных инвестиций. Франция была, кроме того, главным довоенным кредитором царского правительства, Англия — его главным кредитором во время войны.

По отраслям производства иностранные акционерные и облигационные капиталы, непосредственно вложенные в промыш-

[1] *Л. Пасвольский* и *Г. Моультон*, Русские долги и восстановление России, 1925, стр. 26—27.

ленность, к 1916—1917 гг., по данным П. Оля, распределялись следующим образом:

Отрасли производства	Тыс. руб.
Горная промышленность	834 320
По обработке металлов	392 710
Городские недвижимости и строительство	259 431
Кредитные учреждения	237 200
Текстильная промышленность	192 494
Химическая »	83 593
Торговые предприятия	80 715
По обработке питательных вкусовых веществ	37 330
Бумажные и полиграфические	31 405
Транспорт, дорожный и подвижной состав	26 650
Лесопильные и по обработке дерева	25 737
По обработке минеральных веществ	18 239
» » животных продуктов	14 450
Страховые общества	8 700
Итого	2 242 974

В предприятиях горной промышленности и по обработке металлов было 1 227 млн. руб., или 54,7% всей суммы иностранного капитала. Это были главные формы сращивания иностранного банкового капитала с русской промышленностью.

По главным отраслям горной промышленности иностранные капиталы распределялись следующим образом: металлургические предприятия с доменными печами — 268 747 тыс. руб., нефтяная промышленность — 253 520 тыс., каменноугольная — 159 951 тыс., медная промышленность — 60 914 тыс., золотопромышленность — 41 792 тыс. руб. и т. д.

Иностранные капиталы, вложенные в металлургическую промышленность и машиностроение, распределялись следующим образом: в машиностроительные предприятия было вложено 81 845 тыс. руб., в сельскохозяйственное машиностроение — 81 128 тыс., в металлургические предприятия переделочные — 45 152 тыс., в электротехнические — 42 353 тыс. руб. и т. д.

Что касается иностранного капитала, вложенного в городские предприятия, то наибольшая сумма приходилась на общества электрического освещения — 99 627 тыс. руб. — и на трамвайные общества — 50 553,5 тыс. руб.

Если, применяя подсчёты Оля об иностранных капиталах, непосредственно вложенных в отдельные отрасли, вычислить долю участия иностранного капитала в каждой данной отрасли

в 1916—1917 гг. (не считая зависимости от иностранного банковского капитала), то получим следующие сопоставления:

Отрасли	Весь капитал акционерный и облигационный (млн. руб.)	В том числе иностранный (млн. руб.)	В %
Горное дело	917,8	834,3	91
Обработка металла	937,8	392,7	42
Текстильная промышленность	685,4	192,5	28
Химическая »	166,9	83,6	50
Обработка дерева	68,8	25,7	37

Вложенные в акционерные общества иностранные капиталы по национальности распределялись следующим образом:

Капиталы	Тыс. руб.	%
Французские	731 746,6	32,6
Английские	507 479,8	22,6
Германские	441 593,2	19,7
Бельгийские	321 602,5	14,3
Американские	117 750,0	5,2
Голландские	36 456,7	1,6
Швейцарские	33 479,1	1,5
Шведские	23 772,3	1,1
Датские	14 737,7	0,7
Австрийские	7 550,0	0,4
Итальянские	2 506,2	0,1
Норвежские	2 300,0	0,1
Финляндские	2 000,0	0,1
Итого	2 242 974,1	100,0

Таким образом, в акционерном промышленном строительстве России «антантовские» (англо-франко-бельгийские) капиталы к 1917 г. занимали, по этим данным, до 69,5%, тогда как германские всего 20%. Это обстоятельство предрешало и вопрос о характере участия России в мировой войне.

Фондовые биржи. Сращивание банкового капитала с промышленным и перемещение значительной части промышленного капитала в виде акций в портфели банков делают особенно значительной роль фондовых бирж. В эпоху империализма фондовые биржи являются рынком ценных бумаг, т. е. того «фиктивного капитала», который в виде акций и облигаций получает возможность обращаться на рынке и переходить от

реального капитала, вложенного в предприятие. Хотя банки значительную долю акций и облигаций всякого рода оставляют у себя в портфеле, но они вместе с тем размещают их среди капиталистов, спекулянтов и пр. В купле-продаже биржевых ценностей начинают принимать участие широкие слои состоятельной «публики», а фондовые биржи становятся ареной оживлённой спекуляции этими ценностями, отражая в биржевых курсах этих бумаг все колебания промышленной конъюнктуры, политических событий и т. п. Участие широких кругов биржевой «публики» в торговле биржевыми ценностями происходит через банки посредством так называемых «онкольных счетов», служащих в конечном счёте средством обогащения банков и разорения широкой публики при каждом серьёзном колебании курса. Вообще высота и устойчивость курса ценных бумаг (правительственных займов, промышленных акций и облигаций) являются показателем солидности и устойчивости предприятия и займа. Поэтому на официальных фондовых биржах, особенно на наиболее крупных и ведущих, допускаются к обращению и котировке ценные бумаги лишь по особому списку. По специальным подсчётам международной статистики, в 1912 г. в различных государствах мира находилось в обращении ценных бумаг на сумму 850 млрд. фр. Из этого числа на Англию приходилось 150 млрд. фр., на США — 140 млрд., на Францию — 115 млрд., на Германию — 110 млрд. и на Россию — 35 млрд. фр., т. е. около 4%.

В России фондовые биржи существовали лишь в виде фондовых отделов общих бирж (в Петербурге, а также на Московской, Варшавской, Харьковской и некоторых других биржах). Из всей эмиссии ценных бумаг в России на 1 января 1912 г. (государственные и гарантированные правительством займы частных акционерных обществ, преимущественно железных дорог) в сумме 5 782 млн. руб. громадная доля (до 85%) приобреталась банками за свой счёт или находилась в так называемых «прочных руках» (рантье и т. п.), т. е. стояла вне биржевых оборотов. Главную массу последних составляли негарантированные акции частных обществ, курсы которых колебались более значительно. Эти акции являлись предметом биржевой игры через онкольные счета в банках. Ещё в 1901—1905 гг. размеры онкольных счетов (остатки на 1 января) во всех русских коммерческих банках были около 206 млн. руб. На 1 января 1910 г. они составляли 326 млн. руб., а на 1 января 1913 г. уже 849 млн. руб., что свидетельствовало о широком развитии биржевых оборотов ценными бумагами. На наиболее крупной русской фондовой Петербургской бирже в 1912 г. котировалось 618 наименований ценных бумаг, из них 323 государственных и гарантированных займов и твёрдопроцентных бумаг и 295

акций. Общая сумма капиталов, вложенных во все котировавшиеся бумаги, составляла 17 млрд. руб. Кроме Петербургской и других русских бирж (Московской, Варшавской, Харьковской, Рижской, Одесской) русские ценные бумаги котировались на иностранных биржах преимущественно в виде займов и акций тех предприятий, в которых были заинтересованы банки данной страны. Так, Парижская биржа кроме государственных бумаг особенно значительные обороты имела с акциями русских металлургических и металлообрабатывающих предприятий — «Продамета», синдиката «Медь», а также синдикатов «Продуголь», «Продвагон», табачного и др. — и, наконец, с акциями коммерческих банков. На Берлинской бирже, также очень влиятельной, пользовались особенным вниманием акции некоторых русских банков, Нефтяного общества Нобель, электрических обществ Сименс-Гальске, Соединённых кабельных заводов, Всеобщей компании электричества и др., все находившиеся под «влиянием» немецких банков. На Бельгийской фондовой бирже котировались акции каменноугольных, газовых, электрических, трамвайных и других, преимущественно бельгийских, предприятий. Лондонская биржа интересовалась главным образом нефтяными и горными акциями и пр.

Так, иностранный и русский финансовый капитал получал в фондовых биржах могущественное и подвижное средство держать в своих руках промышленный капитал акционерных предприятий.

Платёжный баланс России. В проблеме ввоза иностранного капитала и влияния его на развитие народного хозяйства важнейшим вопросом является соотношение между теми ценностями, которые ввозятся в страну или создаются в ней за счёт иностранного капитала, и теми ценностями, которые вывозятся из неё для покрытия прибылей, дивидендов и погашения инвестированных иностранных капиталов. В суммарной характеристике эти взаимоотношения выражаются в платёжном балансе страны, т. е. в балансе между задолженностью её иностранному капиталу и теми финансовыми и торговыми ресурсами, при помощи которых она может покрывать эту задолженность и обеспечивать для иностранного капитала вывоз его прибылей и дивидендов.

Общий баланс взаимоотношений народного хозяйства России с иностранными капиталистическими системами складывался из следующих моментов. По активу на первом месте стоял ввоз иностранных капиталов в виде инвестиций их в промышленные предприятия, в железнодорожное строительство, в банки и вообще в кредитное хозяйство, в городское и земское хозяйство и т. п. Особо стояло вложение иностранных капиталов в государственные займы путём ли производства государ-

ством непосредственно внешних займов или путём покупки иностранными капиталистами и размещения на иностранных биржах русских государственных займов. К более мелким статьям и способам прилива иностранных капиталов в страну относились доходы от путешественников-иностранцев, расходы иностранных судов в России, проценты, полученные из-за границы, и т. п. Наконец, наиболее крупным источником прилива иностранных платежей и капиталов являлись поступления из-за границы по экспорту русских продуктов. По пассиву главнейшими статьями являлись: уплата дивидендов и прибылей по инвестированным в промышленности и в других предприятиях иностранным капиталам, уплата процентов по государственным и частным займам, уплата за выкуп ценных промышленных, банковых и железнодорожных бумаг при покупках их государством или частным капиталом, мелкие расходы, соответствующие таким же статьям актива. Наконец, наиболее крупной статьёй отлива капиталов из страны являлись расходы по импорту иностранных товаров.

Подсчёты платёжного баланса представляются задачей, весьма сложной как методологически, так и по трудности определения входящих в состав его величин. Из нескольких имеющихся попыток определения платёжного баланса России приведём следующие данные [1]:

ПЛАТЁЖНЫЙ БАЛАНС РОССИИ

за 1881—1897 и 1898—1913 гг. (в млн. руб.)

Актив	1881—1897 гг.	1898—1913 гг.
Поступление по экспорту	10 775	17 435
Инвестирование иностранных капиталов:		
а) в промышленные предприятия	200	1 500
б) в частное железнодорожное строительство	550	—
в) в кредитное хозяйство	—	350
г) в городское »	—	375
Государственные займы	1 050	2 000
Прочие поступления	125	240
Баланс	12 700	21 900

[1] *Энгелев*, О платёжном балансе довоенной России, «Вестник финансов» № 5, 1928, стр. 82.

Пассив	1881—1897 гг.	1898—1913 гг.
Платежи по импорту	8 140	13 313
Выплачено за границу процентов и дивидендов	2 900	5 000
Выкуп ценных бумаг:		
а) банков	100	—
б) железнодорожных обществ	—	400
Расходы русских за границей	1 000	2 000
Прочие расходы	287	415
Увеличение золотого фонда	273	772
Баланс	12 700	21 900

Из этих приблизительных подсчётов видно, что платёжный баланс России, в особенности в 1898—1913 гг., поддерживался исключительно, с одной стороны, ростом её иностранной задолженности (инвестированием капиталов и государственными займами до 4 225 млн. руб.), а с другой — положительным торговым балансом (4 122 млн. руб.), основанным на форсированном экспорте. Большие платежи по задолженности, доходящие до 5 400 млн. руб., превышая положительный остаток торгового баланса, вызывали необходимость всё новых иностранных займов. Вместе с тем возрастающая напряжённость экспорта давала значительный остаток золотых ресурсов, которые также оседали в виде золотой наличности в Государственном банке. Эти инвестированные капиталы и это золото лежали как фундамент «финансового благополучия» в основе развития промышленного капитализма. Но как видно из цифр, этот фундамент создавался либо за счёт экспорта (преимущественно сельскохозяйственных продуктов), либо за счёт всё возрастающей промышленной или государственной задолженности иностранному капиталу.

В этом сказывалась не только финансово-экономическая отсталость России, но и опасность дальнейшего увеличения зависимости от иностранного капитала.

Государственные финансы в период империализма. Выше мы указывали (см. гл. VI), что уже с 90-х годов для государственных финансов России в различных их отраслях, а также для развития промышленности, сельского хозяйства, экспорта и пр. важным рычагом становятся предприятия государственного хозяйства, основанные на вложении в промышленность крупных государственных бюджетных и внебюджетных (заёмных) средств и рассчитанные на определённую доходность предприятия.

С точки зрения доходности государственные предприятия, и в первую очередь важнейшие из них, — железные дороги, — не представлялись сколько-нибудь высокорентабельными. Государство в порядке займов и систематических бюджетных ассигнований могло производить длительные капиталовложения даже в такие отрасли, которые в первое время являлись бездоходными (чёрная металлургия, некоторые железные дороги), но были крайне необходимы для дальнейшего роста производительных сил народного хозяйства и для обороны страны.

Финансирование этих отраслей производилось государством в конечном счёте из народного дохода и из государственного бюджета, поэтому оно становится важным рычагом накопления капитала. При относительной сжатости внутреннего накопления промышленного и финансового капитала в России, развитая и сложная система государственно-капиталистических предприятий получила большое значение в период формирования империализма, особенно в период подъёма 1909—1913 гг.

Государство, затрачивая крупные средства из бюджета и займов на свои предприятия для обслуживания военных потребностей, нуждалось преимущественно в продуктах тяжёлой индустрии (топливной, каменноугольной, чёрной металлургии, основной химической промышленности и пр.). С помощью казённых заказов, оплачиваемых по высоким ценам, государство форсированно развивало эти отрасли промышленности. Государственное хозяйство являлось поэтому важнейшим моментом, определяющим ход и развитие конъюнктуры этих отраслей промышленности. Гораздо в меньшей степени от хозяйственной деятельности государства зависели другие отрасли, например лёгкой и пищевой промышленности, которые ориентировались на свободный массовый рынок. Финансируя ведущие отрасли тяжёлой промышленности частью через русские частные коммерческие банки, частью через иностранные банки, путём внешних займов или путём открытия иностранными банками специальных краткосрочных и долгосрочных кредитов русской промышленности, государственный аппарат «сращивался» с финансово-монополистическим русским и иностранным капиталом.

Но было бы неправильным считать, что, завися в значительной степени в своих финансовых операциях и в финансовой политике от иностранного капитала, русские министерства финансов или промышленности и торговли и русский Государственный банк (а с ним и вся система кредита и финансирования русской промышленности) играли «жалкую роль безвольной игрушки в руках международных банкиров», были

«беспомощны», «шли на поводу» иностранных банковских дельцов, были их «вассалами»[1].

Государство в лице его финансовых и хозяйственных органов министерства финансов, казначейства, кредитной канцелярии — центров сосредоточения всей финансовой политики — обладало таким аппаратом финансового воздействия и такими мощными финансовыми ресурсами, что о «жалкой роли безвольной игрушки» иностранного финансового капитала говорить, конечно, было нельзя. Путём помещения и распределения среди русских и иностранных банков крупнейших финансовых средств государственного казначейства и золотой наличности, поручений банкам крупнейших эмиссий государственных займов и промышленных ценностей, наконец, путём всякого рода специальных ссуд на финансирование промышленности влияние русской государственной финансовой системы было очень значительно не только для русского банкового и финансового капитала, но и для заграничного.

Вся эта система являлась мощным рычагом концентрации и роста русского банкового и финансового капитала, а вместе с тем и достижения самостоятельно выдвигаемых им народнохозяйственных и политических целей. Но, конечно, это достигалось дорогой ценой сильнейшего переобременения податных и налоговых тягот для трудящихся масс.

Рост государственного доходного бюджета (обыкновенного и чрезвычайного) с 540 млн. руб. в начале 60-х годов до 5 070 млн. руб. в 1914 г. являлся показателем и этой обширности государственного финансового хозяйства и усиления податных тягот населения.

К первому десятилетию XX в. область государственного хозяйства и система «государственного капитализма» в России в сильнейшей мере расширилась и стала не простым бюрократическим привеском в управлении страной и не только источником доходных статей в государственном бюджете и в государственных финансах, но и являлась мощным экономическим оружием в системе абсолютизма.

Система «государственного капитализма» царской России XX века носила на себе отражение того характера российского империализма, который Ленин называл «военно-феодальным империализмом». Царизм опирался на социально-экономическую силу землевладельческого класса, возглавлял и олицетворял реакционное классовое господство феодально-землевладельческой дворянской верхушки, одинаково заинтересованной как в средневековых формах абсолютизма, так и в развитии

[1] Как это особенно подчёркивали авторы, писавшие по этому вопросу, — *С. Л. Ронин,* Иностранный капитал и русские банки, 1926, и др.

новейших форм монополистического и финансового капитализма. Система «государственного капитализма» с её строительством и эксплоатацией казённых железных дорог, рудников, шахт, промышленных предприятий, банков и пр. была не в интересах финансово-монополистического и банкового капитала и промышленной буржуазии, которая всегда протестовала против «казённого строительства». Но эта система позволяла царизму держать в своих руках важнейшие отрасли промышленности, транспорта, банков. Это делало царизм не только политически, но и экономически более сильным, чем он мог бы быть при более развитой и политически самостоятельной буржуазии. А вместе с тем абсолютизм и феодально-землевладельческая верхушка держали в подчинении и зависимости буржуазию, гарантировали себя от каких-либо её революционных выступлений и делали её союзником в самых реакционных социально-экономических начинаниях, особенно в борьбе против революционного пролетариата.

Из отдельных статей государственных финансов значительное приращение валовой доходности дали: оброчные земельные статьи с 7 млн. руб. в 70-х годах и 16 млн. руб. в 90-х годах до 22—25 млн. руб. в 1908—1912 гг. и до 44 млн. руб. в 1914 г.; лесное хозяйство — с 15 млн. руб. до 65—68 млн. руб. в 1908—1912 гг.; почтовая регалия — с 7,5 млн. руб. до 52—73 млн. руб.; телеграфная — с 2,5 млн. руб. до 28—40 млн. руб. Одни эти статьи давали в государственном бюджете доход свыше 200 млн. руб. в год.

Что касается важнейшей отрасли государственного хозяйства — железных дорог, то из имевшихся к 1910 г. 61 тыс. вёрст железных дорог казённых дорог было 42 тыс. вёрст. Кроме того, казна через государственные и гарантированные государством железнодорожные займы фактически контролировала всё железнодорожное хозяйство. Из общей суммы железнодорожных займов к 1910 г. в 4,5 млрд. руб. было реализовано в виде государственных займов 2,9 млрд. руб. Эксплоатация казённых железных дорог принесла в 1910 г. 665 млн. руб., в 1913 — 786 млн. руб. валового дохода и 200 млн. руб. чистого дохода (за покрытием расходов по эксплоатации). Кроме того, казна получала значительный чистый доход от своего участия в частных железных дорогах, исчислявшийся в 1910—1912 гг. свыше 100 млн. руб. Но вследствие высокой строительной стоимости (в значительной мере благодаря хищениям при строительстве), а также высоких платежей по займам финансовые результаты казённого железнодорожного хозяйства были всё же неблагоприятны. Отчасти это объяснялось также и тем, что казённые железные дороги строились часто по стратегическим соображениям и были малодоходны. Но всё же количественные итоги работы

казённых железных дорог были в 2—3 раза более частных: в 1910 г. казённые железные дороги перевезли 143 млн. пассажиров (против 52 млн. перевезённых частными) и свыше 4 млрд. пудов грузов (против 2 млрд. пудов частными).

Наконец, крупнейшим предприятием государственного хозяйства и крупнейшей доходной статьёй государственных финансов была винная монополия, которая дала в первый год своего проведения, в 1897 г., 52 млн. руб., а в 1914 г. — 824 млн. руб.

В итоге вся прибыль государства от его государственных имуществ и предприятий, исчислявшаяся в 1877 г. в 51,4 млн. руб., что составляло 8,7% обыкновенного доходного государственного бюджета, в 1897 г. составляла 484,8 млн. руб., или 34,2% бюджета, в 1908 г. повысилась до 1 470,9 млн. руб. и в 1913 г. — до 1 964 млн. руб., что составляло до 60% обыкновенных доходов госбюджета. Государственно-капиталистические предприятия являлись, таким образом, важным звеном в накоплении и аккумуляции капиталов в виде своеобразного «сращивания» государственного промышленного капитала с государственным банковым капиталом и «переплетения» их с русским и иностранным финансовым капиталом, в целях поощрения развития крупной капиталистической промышленности. В связи с этим государственный бюджет и его структура и вся система государственных финансов являлись мощным рычагом развития промышленности и промышленного финансового капитала.

Государственный бюджет в своей расходной части вследствие сильного увеличения в 1905—1906 гг. чрезвычайных расходов, вызванных русско-японской войной, начинает сильно расти. Расходный бюджет в 1912 г. доходит до 3 171 млн. руб., в том числе обыкновенных расходов 2 722 млн. руб.; в 1913 г. всех расходов — 3 383 млн. руб., из них обыкновенных расходов 3 094 млн. руб. Доходная часть бюджета росла меньше, чем расходная: в 1902 г. — 1 925 млн. руб., в 1912 г. — 3 124 млн. руб. и в 1913 г. — 3 437 млн. руб. Дефициты бюджета покрывались государственными внутренними и внешними займами: в 1890 г. задолженность по ним составляла 4,5 млрд. руб., в 1902 г. — 6,5 млрд. руб., в 1910 г. — 9,1 млрд. руб. и в 1913 г. — 9,8 млрд. руб. (максимальная цифра).

Структура государственного бюджета в его доходной части отражала податную политику царского правительства. В 1900 г. косвенные налоги с винной монополией (которая по экономической сущности принадлежит к косвенному обложению) составляли 45,5% всех доходов, в том числе питейный налог и винная монополия (она только начинала вводиться) — 25,5%, акцизы с табака, спичек, сахара, керосина — 8% и таможен-

ные сборы — 12%. В 1913 г. все косвенные налоги с винной монополией составляли 47%, в том числе питейные налоги и винная монополия — 28%, акцизы — 8,8, таможенные сборы — 10,3%. Зато прямые налоги составляли в 1900 г. всего 13,4% всех поступлений, в том числе выкупные платежи — 5,6%, а в 1913 г. за отменой выкупных платежей прямые налоги составляли всего 7,9%, в том числе промысловой и с денежных капиталов — 5,4% и поземельный — 2,5%. И при всём том промышленно-финансовая буржуазия постоянно жаловалась на непосильное податное обложение промышленности! Значительная часть государственных доходов возвращалась в ту же промышленность и к денежному капиталу. Так, из общей суммы расходов в 1913 г. на армию и флот затрачивалось 26,5%, на железные дороги — 19,2, на платежи по государственным займам — 13,7, тогда как на народное образование всего 6,6%.

Таким образом, финансовыми источниками поощрения промышленности являлось не столько прямое обложение доходов самого промышленного капитала и тем более не прямое обложение рентных доходов землевладельческих классов, сколько громадные косвенные налоги на предметы массового потребления трудящихся. Эта политика Витте, проводимая им ещё в период промышленного капитализма, была усвоена его преемниками в период империализма. Но вся экономика России в период империализма и в особенности после революции 1905 г. (перед началом которой Витте был в 1903 г. удалён с поста министра финансов) была иной, чем в период молодости и «полнокровия» русского промышленного капитализма.

Помимо социально-политического кризиса царизма в революцию 1905—1907 гг. неудачная война с Японией пробила крупную брешь в государственных финансах и в народном хозяйстве. Громадные расходы государства на нужды войны, на восстановление расстроенного хозяйства и пр. сказывались в непрерывном росте государственного бюджета, в росте податного обложения, в громадном увеличении государственной задолженности в виде внутренних и внешних заграничных займов. Государственные займы шли не столько на производительные вложения, сколько на так называемые «общегосударственные нужды», т. е. на покрытие военных расходов, администрацию, на расходы, связанные с капиталистической перестройкой деревни (землеустройство, развитие деятельности Крестьянского банка и пр.).

Из общей суммы государственной задолженности на 1 января 1914 г. в 8,8 млрд. руб. на общегосударственные потребности было затрачено 5,7 млрд. руб. Правительство прибегало ко всякого рода способам пропаганды выгодности русских займов на иностранных рынках вплоть до подкупа прессы

и т. д. Особенно громкую известность получили займы 1905—1906 гг. на иностранных рынках, когда царскому правительству удалось чрезмерными усилиями, высокими процентами (номинально — 5%, фактически — до 6,5%) и куртажами, подкупом парижской прессы и тому подобными средствами заключить через международный синдикат банков (Франции, Англии, Голландии, Австрии) накануне созыва I Государственной думы заём в 843,7 млн. руб. (2,25 млрд. фр.). После этого заграничные рынки были на несколько лет закрыты для займов царского правительства. Для покрытия дефицита приходилось прибегать к внутренним займам (в 1907—1908 гг. выпуск 4%-ной ренты на 85,4 млн. руб. и в 1909 г. новый 5%-ный заём на 200 млн. руб., кроме выпуска так называемых краткосрочных обязательств государственного казначейства). Но уже в 1909 г. царское правительство вновь прибегает к иностранному займу в 525 млн. руб. почти по столь же высоким процентам, как и в 1906 г. (номинально — 4,5%, фактически — около 5,4%).

«Непременный министр финансов», как его называли, С. Ю. Витте возбуждал недовольство дворянства своей политикой поощрения промышленности, которой он, по мнению этих кругов, «разорял Россию». В августе 1903 г. Витте был смещён с поста министра финансов (на котором он пробыл 11 лет) Николаем II и окружавшей его кликой (Безобразов, Алексеев, Плеве) за несколько более осторожное его отношение к назревавшему тогда конфликту с Японией, чем это требовали указанные лица, толкавшие Россию по соображениям внутренней политики на «маленькую победоносную войну». Управление экономической политикой и финансами перешло к ряду его бывших сотрудников — чиновников: Плеске (1903—1904 гг.), Коковцову (1904—1905 гг.), Шипову (1905—1906 гг.), затем опять Коковцову (1906—1914 гг.) и, наконец, к бывшему банковскому дельцу Барку (1914—1917 гг.).

Таким образом, Коковцов являлся в течение почти 9-летнего его управления финансами главным проводником финансовой политики царизма и «военно-феодального» империализма. Коковцов был поставлен перед необходимостью, с одной стороны, соблюдения интересов поместного дворянства, а с другой — крупной промышленно-финансовой буржуазии. Не всегда эти стремления его приводили к положительным результатам.

Так, в 1904 г. им был заключён крайне невыгодный торговый договор с Германией, представлявший капитуляцию России перед Германией в сбыте сельскохозяйственных продуктов без соответствующих компенсаций Германии в области промышленности. Этот договор возбудил большое неудовольствие как дворянских сельскохозяйственных, так и промышленных кру-

гов. В 1907 г. Коковцовым был внесён в Государственную думу очень скромный проект подоходного налога, но и он в третьеиюньской Думе не получил утверждения. Промышленная буржуазия поддерживала Коковцова за его политику покровительства промышленности, за «отзывчивость» на её нужды, за политику «экономии» бюджетных средств даже за счёт крайнего переобложения населения косвенными налогами и за счёт сокращения расходов на просвещение, культурные потребности и пр. Реакционная финансовая политика царизма, проводимая Коковцовым, проявлялась в его выступлениях против бюджетных прав Государственной думы в 1908 г. с его знаменательной фразой: «У нас парламента, слава богу, ещё нет». С политической стороны финансовая политика Коковцова находилась в полном согласии с внутренней политикой Столыпина, преемником которого на посту премьера Коковцов впоследствии стал.

Таким образом, к началу империалистической войны 1914 г. финансы царской России, несмотря на «бездефицитное» сведение бюджета путём громадного роста задолженности, не обладали прочным фундаментом в экономике страны. Они не внушали большого доверия и иностранным капиталистам, ссужавшим царскому правительству займы лишь по высоким процентам. Со времени первой мировой войны царская Россия ещё более закабаляется иностранным капиталом посредством получения военных займов.

Но во всяком случае система русского финансового капитала к 1909—1914 гг. достигла широкого и мощного развития. Особенностью её было, с одной стороны, тесная связанность с государственным финансовым хозяйством, а с другой — зависимость её от иностранного капитала. Как ни велика была эта последняя — государственное финансовое и кредитное хозяйство играло крупнейшую роль в организации и в направлении народного хозяйства и крупной промышленности. Конечно, и само государственное финансовое хозяйство не стояло вне зависимости от иностранного капитала. Оно платило ему тяжёлую дань за займы, шедшие не на развитие производительных сил страны, а на усиление политической власти и царизма, на вооружённые силы. Правительство распродавало иностранному капиталу промышленные мощности страны путём льготных концессий. Оно размещало пакеты русских акций за границей, усиливая тем самым роль иностранного капитала.

Всё это свидетельствовало не только об экономической отсталости России сравнительно с другими странами развитого финансового капитала, но и о финансовой, а вместе с тем и о политической зависимости царской России от более мощных империалистических держав. Участвуя вместе с ними в мировой

империалистической борьбе, царская Россия оказалась наиболее слабым звеном в цепи империалистических держав и потерпела небывалое военное поражение и политическое крушение.

Об этом более подробно мы скажем в последнем разделе нашей книги.

ГЛАВА XIII

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЁМ 1909—1913 гг. И ИТОГИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА 1900—1914 гг.

После рассмотрения условий образования и развития монополистического капитализма в России, подведём итоги развития русской промышленности после кризисных 1900—1903 гг. и в период промышленного подъёма 1909—1913 гг.

Мы охарактеризовали выше монополистический капитализм словами Ленина как «капитализм загнивающий» и «умирающий». Но наряду с этим Ленин говорит: «было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост... становится вообще более неравномерным...»[1]

В промышленном развитии России в империалистический период как в годы кризиса и депрессии, так и особенно в годы промышленного подъёма наблюдается полное подтверждение этой, указанной Лениным, закономерности. Показатели народного хозяйства России за 1900—1913 гг. обнаруживают значительный рост производства, но неравномерный для отдельных отраслей и для всего народного хозяйства в целом за отдельные годы. За полтора десятка лет империалистический капитализм России прошёл большой путь и достиг уровня развития, значительно превышающего ту высшую точку, которой к 1899—1900 гг. достиг промышленный капитализм.

Для более полного выяснения размеров и характера роста производства различных отраслей народного хозяйства мы

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 286.

даём в приложении развёрнутые таблицы производственных и ценностных показателей народного хозяйства за 1900—1913 гг. Здесь мы приведём лишь общие выводы о росте основных отраслей народного хозяйства в сопоставлении докризисного 1899 г. и высшей точки довоенного подъёма 1913 г.

	1899 г.	1913 г.	1913 г. в % к 1899 г.
Валовой сбор хлеба (млрд. пудов)	3,7	5,4	146
Экспорт хлебных продуктов (млн. пудов)	352	648	184
Экспорт всех товаров (млн. руб.)	627	1 520	242
Добыча каменного угля (млн. пудов) . . .	853	2 214	247
» нефти » » . . .	550	561	102
Выплавка чугуна (млн. пудов)	164	283	172
Производство железа и стали (млн. пудов)	145	247	170
» меди (тыс. пудов)	460	2 048	445
» сахара (млн. пудов)	42	92	211
Потребление хлопка » »	16,1	25,9	153
Грузооборот железных дорог (млрд. пудов)	3,7	7,9	213
Прирост железнодорожной сети (тыс. вёрст)	3,2	1,2	— 37
Обороты промышленных предприятий (млн. руб.)	3 503	6 882	196
Обороты торговых предприятий (млн. руб.)	5 466	7 644	140
Основные капиталы акционерных промышленных предприятий (млн. руб.) . . .	1 320	2 848	216
Баланс акционерных коммерческих банков (млн. руб.)	1 380	5 769	418

Таблица даёт возможность сделать следующие выводы. В ведущих отраслях металлургической и топливной промышленности имелся относительно умеренный рост выплавки чугуна, производства железа и стали, сильный рост добычи каменного угля и производства меди, стабильность добычи нефти. В лёгкой и пищевой промышленности обнаруживается значительное увеличение промышленного потребления хлопка и производства сахара. Имелось очень значительное увеличение валового сбора хлебов, экспорта хлебных продуктов и особенно ценности экспорта всех товаров. Произошло резкое сокращение прироста железнодорожной сети, большое увеличение грузооборота железных дорог, увеличение оборотов торговых предприятий и ещё большее увеличение оборотов промышленных предприятий. Произошло очень значительное увеличение акционерных инвестиций в промышленность и наиболее значительное увеличение балансов акционерных коммерческих банков.

Все эти показатели и характер их изменений передают те особенности в развитии русского народного хозяйства в период империалистического капитализма, которые явились, с одной

стороны, причиной быстрого развития капитализма, а с другой — его «загнивания».

Россия, как наиболее молодая империалистическая держава в ряду других более развитых империалистических стран, несмотря на свою технико-экономическую отсталость, обнаружила громадные потенциальные силы своего хозяйственного развития. Используя успехи развития техники передовых капиталистических стран и организационные формы промышленности финансово-монополистического капитализма, русская империалистическая буржуазия стремилась в тесном взаимодействии с империалистической буржуазией других стран перестроить промышленность России на началах её концентрации, улучшения техники, повышения производительности, закрепления промышленных монополий и руководства финансовым капиталом.

Итоги развития экономики периода монополистического капитализма в России были весьма значительны, но это развитие становилось всё более неравномерным, «скачкообразным», неустойчивым. Эта неравномерность, характерная особенно для периода империалистического капитализма, в России усиливалась в связи с целым рядом особых политических, социальных и экономических причин и явлений, в условиях которых проходило её хозяйственное развитие в первые десятилетия XX в.

Рассматривая выше (глава VII) особенности русского империализма, мы приводили указания товарища Сталина на то, что царская Россия была узловым пунктом всех противоречий империализма, очагом всякого рода гнёта — и капиталистического, и колониального, и военного, величайшим резервом западного империализма, давая свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках решающие отрасли народного хозяйства, поставляя в пользу западных империалистов миллионы солдат, выколачивая с населения сотни миллионов процентов за займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе[1].

Поэтому, несмотря на то, что экономика России в период империализма всё теснее сплеталась с мировой экономикой империалистических стран не только через обычные, посредствующие торговые связи, но и непосредственно, через прямые промышленные инвестиции иностранного капитала, через финансирование государственных займов, через прямое и личное подчинение руководящих монополистических организаций русской промышленности более мощными иностранными монополиями — несмотря на всё это, система российского империали-

[1] См. *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 4—5.

стического капитализма сохранила свои значительные особенности и особый характер динамики своего развития.

В период империалистического капитализма в силу общего закона неравномерности развития капитализма нельзя наблюдать полного единообразия в ходе мировой конъюнктуры во всех передовых империалистических странах. Тем более нельзя полностью отождествлять движение конъюнктуры и капиталистических циклов в 1900—1913 гг. в России с западными странами. Даже мировые промышленные и денежные кризисы, не говоря уже о местных и отраслевых, начинаются, протекают и заканчиваются неравномерно в разных странах.

Наиболее глубокий мировой кризис 1900 г. и последующая депрессия 1901—1903 гг. возникли и протекали не одинаково в разных странах — в частности наиболее рано возникли и остро протекали в России, очень сильно и сложно сказались в США и Германии, наиболее слабо затронули Францию. Глубокий, но кратковременный кризис 1907 г. впервые возник в Японии в виде денежных потрясений, сильнейшим образом сказался в США, слабее в Англии и, распространившись почти на все страны, в меньшей мере коснулся Германии и особенно Франции.

Между тем эти страны не испытали каких-либо сильных внешних «пертурбационных» влияний, военных конфликтов. Россия за первое десятилетие XX в. пережила свою первую империалистическую и неудачную войну с Японией, сильно подорвавшую народное хозяйство и ускорившую наступление революции; пережила длительное сильнейшее революционное движение крестьянства и рабочих, закончившееся всеобщей политической забастовкой и революцией 1905—1906 гг., за которой последовали контрреволюционные разгромы и карательные экспедиции; испытала крупнейшие последствия аграрной реформы Столыпина, оказавшей влияние не только на буржуазную перестройку деревни, но и на капиталистическую промышленность и на её динамику.

Вместе с этими «внешними» воздействиями на промышленность сам русский капитализм за эти годы начинает усиленно развивать такие мощные средства капиталистического воздействия на производство, на промышленную конъюнктуру, рынок и цены, как образование промышленных и банковых монополий, вносящих значительные сдвиги в ход развития хозяйственной конъюнктуры.

Наконец, те общие особенности в развитии русского капитализма, которые мы излагали выше, с одной стороны, в виде большого удельного веса «государственного капитализма», государственного хозяйства и государственных заказов (в частности в особенно важной области железнодорожных заказов), а с

другой — большого влияния иностранного капитала, непосредственного перенесения высокой промышленной техники и развития новых промышленных отраслей, — всё это также сказывалось на развитии промышленной конъюнктуры, её характере, обусловливая и усиливая, как общий закон капиталистического развития, неравномерность роста капитализма в России, расхождение конъюнктуры отдельных отраслей народного хозяйства, «загнивание» одних его частей и продолжающееся прогрессивное развитие других.

Промышленный кризис 1900 г. в России хотя и возник несколько ранее, чем на Западе, но в дальнейшем, как и на Западе, перешёл в длительную депрессию 1901—1903 гг. Как видно из приведённой в приложении к этой главе таблицы, наибольшей глубины кризис достиг в 1902 г., а для некоторых отраслей (чёрная металлургия) даже в 1903 г. Промышленный кризис 1900 г. явился как для западных капиталистических стран, так и для России «переломным моментом» в переходе от «свободного» промышленного капитализма к капитализму монополистическому, к империализму. Но в западных странах кризис и его последствия были преодолены скорее и кризис к 1904 г. был в них полностью ликвидирован.

В России в 1903—1904 гг. в отдельных отраслях промышленности начинают отмечаться некоторые признаки устойчивости и улучшения. С изживанием кризиса на Западе в России с 1904 г. начинает увеличиваться и приток в промышленность крупного акционерного капитала как русского, так и иностранного, но также в значительно меньших размерах, чем в докризисные 1899—1900 гг. Русско-японская война, а затем и развитие революции ликвидировали начавшийся подъём конъюнктуры. Военные 1904—1905 гг. и революционные 1905—1906 гг., проходившие на Западе под знаком оживления и подъёма, в русской народнохозяйственной жизни отмечались крайне неустойчивой конъюнктурой.

За годы войны и революции добыча нефти, каменного угля, выплавка чугуна, производство железа и стали повысились под влиянием военного спроса в 1904 г., но уже в 1905 г. более или менее резко снизились, особенно по нефти. Лишь добыча каменного угля, заменившая сократившуюся добычу нефти, продолжала увеличиваться. Чёрная металлургия в 1903 г. дошла до наиболее низкого уровня производства. По уровню цен продукты тяжёлой промышленности, особенно чёрной металлургии, давали также малоблагоприятные показатели: для чугуна индекс цен 1905 г. (принимая 1899 г. равным 100) равнялся 68,8, для железных балок — 68,2. Предметы широкого потребления и продовольствия давали более высокие показатели цен: индекс цен прядильных материалов 1905 г. равнялся

126,6, животных продуктов — 114,1, хлебных продуктов — 109,0. К концу 1906 г., когда западные капиталистические страны проходили высшую точку оживления промышленного подъёма и грюндерства, русское народное хозяйство ещё не изжило депрессии.

Однако и после 1905—1906 гг. не сразу было достигнуто повышение хозяйственной конъюнктуры. Целый ряд внутренних и внешних причин обусловил такое неблагоприятное положение. Урожаи 1905—1906 гг. были ниже средних, урожай 1905 г. был неудовлетворительный, а 1906 г. — плохой. Экспорт хлебов понизился и в 1908 г. упал до 400 млн. пудов, т. е. на 300 млн. пудов ниже вывоза 1905 г. и примерно до уровня экспорта 90-х годов. Весь экспорт в 1908 г. по ценности дал стране 998 млн. руб., т. е. также значительно меньше, чем давали предыдущие пять лет. На денежном рынке 1906—1907 гг. улучшения были крайне незначительны. Причины надо искать в разразившемся во второй половине 1907 г. мировом денежном кризисе, в продолжающемся внутри страны стеснении кредита, в сокращении учётно-ссудных операций банков, понижении курсов дивидендных бумаг. Общий уровень цен к 1907 г. дал некоторое относительное повышение сравнительно с докризисными ценами (по всем товарам общий индекс 123,8). Но абсолютное повышение в 1907 г. дали лишь сельскохозяйственные продукты (хлебные — 136,7, животные — 132,5), а также прядильные материалы (всего по группе — 145,9, миткаль — 146,5, хлопок — 158,3), а из отраслей тяжёлой промышленности дала повышение лишь нефть (197,8) вследствие сокращения добычи, керосин (112,1) — по тем же причинам и каменный уголь (в 1907 г. до 107,7), заменивший сокращение добычи нефти. Основные же продукты чёрной металлургии оставались при пониженном уровне цен (чугун — 72,9, железные балки — 62,7).

Таким образом, некоторое повышение общего уровня цен к 1907 г. нельзя рассматривать как прямое проявление общего повышательного движения капиталистического цикла и тем менее — как отражение повышательного движения мировой конъюнктуры 1907 г. Это повышательное движение не охватывало в сколько-нибудь значительной мере тяжёлую промышленность и в частности чёрную металлургию, обычно идущую впереди повышательного движения капиталистического цикла. В русской конъюнктуре 1907 г. имелись элементы повышательного движения, но они были невелики и были парализованы противоположными причинами — сокращением железнодорожного строительства и правительственных заказов. Кроме того, значительный технический прогресс, концентрация производства и повышение производительности вообще снижали цены производства чёрного металла.

Но всё же несмотря на то, что в стране господствовала жесточайшая реакция, военно-полевые суды и режим «чрезвычайных положений», вносивший расстройство в торгово-промышленную жизнь, для промышленной буржуазии было важно одно: победа над революцией, над рабочим и крестьянским движением, «успокоение» страны.

После подавления революции (в значительной мере благодаря финансовой поддержке иностранного капитала в виде двух внешних займов во Франции на сумму 3,9 млрд. фр.) как русский, так и иностранный капитал начинает вновь «верить» прочности наступившего «успокоения». Начали возвращаться вклады в банки, мелкие сбережения в сберегательные кассы и т. п. Остатки вкладов и капиталов в главных учреждениях, концентрирующих капиталы (в акционерных банках, городских банках, обществах взаимного кредита, государственных сберегательных кассах), были на 1 января: 1906 г. — 2,8 млрд. руб., 1907 г. — 3,1 млрд., 1908 г. — 3,3 млрд. руб. В связи с этим как русское, так и иностранное акционерное промышленное учредительство в 1907—1908 гг., хотя весьма сдержанным темпом и в небольших размерах, но развивается и увеличивает свои вложения в промышленность. В 1907—1908 гг. было разрешено открытие акционерных обществ:

Годы	Всего		Русских обществ		Иностранных обществ	
	Число обществ	Сумма их основных капиталов (млн. руб.)	Число обществ	Сумма их основных капиталов (млн. руб.)	Число обществ	Сумма их основных капиталов (млн. руб.)
1900	202	250,7	162	201,2	40	49,5
1904	94	119,2	81	92,5	13	26,7
1905	75	72,3	65	64,3	10	8,0
1906	115	105,1	105	84,9	10	20,2
1907	131	156,9	119	125,9	12	31,0
1908	120	112,4	108	103,4	12	9,0

Приток инвестиций акционерного капитала в промышленность значительно увеличился сравнительно с кризисными годами (когда в 1903 г. было учреждено всего 76 акционерных обществ с капиталом 68 млн. руб.), но всё же он далеко отставал от годов подъёма и «процветания» (в 1899 г. 325 акционерных обществ с капиталом 363 млн. руб.). Правда, иностранный капитал ещё и в 1908 г. шёл неохотно в русскую промышленность и до минимума (9 млн. руб.) сократил свои инвестиции, причём из 12 разрешённых обществ открыли свои действия всего четыре общества. Это было отчасти обусловлено разразившимся на

Западе денежным кризисом конца 1907 и начала 1908 г., но всё же это свидетельствовало о не совсем твёрдой уверенности иностранного капитала в устойчивости русской экономики и политического строя.

Крупная капиталистическая промышленность и в 1908 г. даёт очень небольшие цифры прироста и находится почти в застое. Приведём несколько цифр, характеризующих положение главных отраслей промышленности в основных районах в 1904—1908 гг. Продукция их была, в млн. пудов:

Годы	Общая выплавка чугуна на Юге	Производство полупродукта на Юге	Добыча каменного угля в Донбассе	Добыча нефти в Баку
1900	92	75,8	671,6	600
1904	111	72,8	798,6	614
1905	103	68,2	785,3	410
1906	102	63,2	869,4	448
1907	111	73,4	1 060,5	476
1908	117	75,3	1 114,8	467

Промышленный подъём начался особенно заметно с 1909 г. В приведённой в приложении подробной таблице сведены основные производственные показатели этого подъёма. Из таблицы видно, что к 1909 г. промышленность почти восстановила (а в некоторых случаях превысила) свой докризисный уровень производства. За последующие годы подъёма (до начала мировой войны) этот уровень по всем производствам (кроме нефти) был превзойдён, для некоторых отраслей почти вдвое против высшей докризисной точки (каменный уголь).

Так как территориально наибольший подъём горной промышленности и чёрной металлургии имел место на Юге, то годы подъёма, 1909—1913, ещё более сильно увеличили неравномерность в соотношении отдельных производительных районов — прогрессивного Юга, отсталого Урала и других, менее важных районов. Это возрастание удельного веса Юга,

наметившееся, как мы видели, ещё в 90-х годах, в первое десятилетие XX в. развивалось такими темпами:

	1900 г.	1913 г.
Выплавка чугуна, всего (млн. пудов)	176,8	283,0
В том числе:		
Южный район (млн. пудов)	91,9	189,7
» » (%)	51,9	67,0
Урал (млн. пудов)	50,5	55,8
» (%)	28,5	19,7
Производство готовых железа и стали всего (млн. пудов)	163,0	246,6
В том числе:		
Южный район (млн. пудов)	75,8	141,0
» » (%)	46,5	57,2
Урал (млн. пудов)	33,8	40,8
» (%)	20,7	16,6
Добыча каменного угля, всего (млн. пудов)	1 003	2 214
В том числе:		
Южный район (Донбасс) (млн. пудов)	671,6	1 560,9
» » (%)	67,0	70,5
Урал (млн. пудов)	22,7	73,5
» (%)	2,3	3,3

Таким образом, чёрный металл южного металлургического района к 1913 г. продолжал вытеснять уральскую металлургию, которая ещё в 1900 г. давала до половины продукции южной металлургии, а в 1913 г. была в 3—4 раза менее южной. По каменному углю общие размеры добычи увеличились в 2,2 раза, на 1,2 млрд. пудов, из которых на долю Донбасса приходилось 890 млн. пудов (увеличение в 2,3 раза), остальное увеличение шло за счёт новых восточных районов, роль Урала была вообще ничтожна.

Несколько иной характер перемещения производства наблюдается в нефтяной промышленности. Хотя в бакинской нефтяной промышленности действительного истощения старых месторождений не было, но монополистическая политика нефтяных компаний задерживала развитие добычи. На сокращении нефтедобычи в Баку сказались также разгромы промыслов в 1905—1906 гг. Наконец, за эти же годы происходил быстрый рост

других нефтеносных районов. Поэтому добыча нефти распределялась так (в млн. пудов):

	1900 г.	1910 г.	1913 г.
Всего	631	588	561
В том числе:			
Бакинский район	600,4	501,8	466,8
Грозненский »	30,7	74,0	73,7

Бакинская нефтяная промышленность, достигнув максимума производства в 1905 г., после этого переломного года под влиянием указанных причин, а также под влиянием ухудшения мировой конъюнктуры с нефтью уже не достигала прежних цифр. Зато быстро развивались другие районы (Грозненский, Майкопский, Эмбинский). Улучшалась также техника добычи, о чём свидетельствуют увеличение усовершенствованных способов добычи, увеличение числа усовершенствованных двигателей (внутреннего сгорания, электрических) и пр.

Из других ведущих отраслей промышленности машиностроение достигло к 1912 г. 136,6 млн. руб. против 101,9 млн. руб. в 1910 г. В частности сельскохозяйственных машин было выработано в 1912 г. на сумму 52,3 млн. руб. против 38,3 млн. руб. в 1908 г., 13,3 млн. руб. в 1900 г. и 9,2 млн. руб. в 1897 г. Хотя общее производство машин всё ещё было невелико, но оно дало весьма значительное повышение, производство же сельскохозяйственных машин увеличилось за 15 лет в 15 раз как результат усиленной капиталистической перестройки деревни в 900-х годах.

Из лёгкой индустрии приведём несколько цифр по хлопчатобумажной промышленности:

	1900 г.	1909 г.	1913 г.
Число веретён (тыс.)	6 646	8 064	9 200
Количество переработанного хлопка (тыс. пудов)	16 007	21 274	25 900
Число прядильных станков (тыс.)	151	200	230
Выработано пряжи (млн. пудов)	14,6	20,2	22,7
Выработано ткани (млн. пудов)	11,7	17,0	19,6

Для льняной промышленности можно сделать следующие сопоставления:

	1900 г.	1909/10 г.	1912/13 г.
Число веретён (тыс.)	337	412	394
» ткацких станков (тыс.)	11,0	14,1	15,9
В том числе механических (тыс.) . .	9,6	13,4	15,3
Переработано сырья (тыс. пудов) .	3 132	4 484	4 719
Выработано пряжи (тыс. пудов) . .	2 043	3 089	3 039

Несмотря на несколько более медленный рост льняной промышленности сравнительно с хлопчатобумажной, она обнаруживала рост механизации и увеличения выработки при сокращении к 1913 г. числа веретён как результат концентрации и монополистического объединения льняной промышленности.

Рост сахарной промышленности за рассматриваемый период характеризуется следующими цифрами: общая выработка сахара (вместе с переходящими остатками) увеличилась с 49 млн. пудов в 1900 г. до 92,6 млн. пудов в 1909 г. и 108,4 млн. пудов в 1913 г. Из этого числа было выработано рафинада 24,4 млн. пудов в 1900 г., 42,8 млн. пудов в 1909 г. и 57,8 млн. пудов в 1913 г. Но, как мы указывали выше, этот быстрый рост размеров продукции сахарной промышленности был в наибольшей мере обусловлен правительственными мерами поощрения (обязательным синдицированием и нормированием, экспортом).

Приведённые данные по отдельным отраслям промышленности подтверждают, что неравномерность развития капитализма в отдельных отраслях и районах продолжалась и в период промышленного подъёма 1909—1913 гг. Эта неравномерность особенно сильно проявлялась между прогрессирующими и отсталыми районами (Юг и Урал) и отраслями (хлопчатобумажная и льняная промышленность).

В отношении уровня цен промышленный подъём, хотя и не ликвидировал, но значительно смягчил имевшееся и раньше расхождение цен между продуктами тяжёлой индустрии и лёгкой промышленности. Продукты металлургической и топливной промышленности со времени подъёма (с 1909 г.) значительно повысились в цене: чугун с 69,6 коп. в 1909 г. до 96,2 коп. в 1913 г., железные балки с 1 р. 43 к. до 1 р. 60 к., железо кровельное с 2 р. 17 к. до 2 р. 26 к., медь штыковая с 15 р. 01 к. до 17 р. 97 к. Но тем не менее все эти цены составляли лишь 72—97% от докризисных цен 1899 г.

В противоположность чёрной металлургии особенно значительное повышение цен дала нефть — с 22,5 коп. в 1909 г. до 42,7 коп. в 1913 г. Это повышение цен на нефть составило до 305% против докризисной цены 1899 г. (14 коп.). Вместе с нефтью как её заместитель резко повысился в цене и каменный уголь — с 20 коп. до 25,1 коп., что составило повышение на 161% против докризисной цены (15,6 коп. в 1899 г.).

Нужно при этом отметить, как мы указывали выше, при рассмотрении деятельности «Продамета» и «Продугля», что прейскурантные и биржевые цены на чёрный металл и каменный уголь не соответствовали тем ценам, по которым фактически продавали участвующие в «Продамете» и в «Продугле» предприятия-монополисты. Они были значительно выше благодаря всякого рода перечислениям в их пользу. Высокие же цены на нефть обусловливались не столько истощением старых Бакинских разработок, как политикой нефтяников-монополистов, не допускавших к разработке новых площадей. Таким образом, в конъюнктуре металлургической, каменноугольной, нефтяной промышленности мы ясно обнаруживаем не только быстрый рост производства, но и задерживающее влияние монополий, стремящихся к ограничению производства, к монопольному повышению цен, т. е. явления «загнивания».

В движении цен на продукты лёгкой и особенно текстильной промышленности подъём сказался не только в относительном, но и в абсолютном повышении цен. Показатель цен на все прядильные материалы дал повышение в 1910 г. на 53,8%, в 1913 г. — на 45% против докризисной цены 1899 г. Цены на миткаль повысились в 1913 г. на 28,2% (с 7,1 коп. аршин до 9,1 коп.), на хлопчатобумажную пряжу на 34,6% (с 14 руб. пуд до 18,8 руб. пуд) и на хлопок на 71,6% (с 9,27 руб. пуд до 15,91 руб. пуд в 1913 г.). Соотношение цен между сырьём и готовым продуктом показывает на технический прогресс в хлопчатобумажной промышленности, благодаря чему готовый продукт (миткаль) дал относительное повышение почти в 3 раза меньше, чем сырьё (хлопок). Вместе с тем в большем вообще повышении цен на продукты лёгкой промышленности сказывалось увеличение товарности сельского хозяйства и увеличение спроса со стороны сельского населения в связи с ростом капиталистических отношений в деревне. Выделение за 3 года до 1,5 млн. домохозяев из общины с переходом земли в личную собственность и с переходом на отруба и хутора, продажа надельной земли, повышение техники сельского хозяйства крепких крестьянских хозяйств — всё это сказалось на увеличении спроса не только на продукты лёгкой, но и на продукты металлургической и металлообрабатывающей промышленности.

Переходя к выяснению условий и причин хода и особенностей промышленного подъёма 1909—1913 гг. и движения конъюнктуры за эти годы, необходимо отметить следующее:

Промышленный подъём происходил прежде всего за счёт отраслей тяжёлой промышленности, особенно металлургии — чёрной и цветной (меди), топливной и частью химической промышленности. Перелом от депрессивного состояния этих отраслей в течение 1903—1908 гг. был обусловлен совокупностью тех новых сдвигов, которые к тому времени уже в достаточной степени определились в народном хозяйстве России. Если, как мы указывали выше, подъём конца 90-х годов был обусловлен в первую очередь усилением железнодорожного строительства и связанными с ним высокооплачиваемыми правительственными заказами, то в подъёме 1909—1913 гг. этот фактор имел значительно меньшее влияние. Правда, железнодорожное строительство в 1910 г. увеличилось в 3 раза против совершенно ничтожного строительства 1907—1908 гг., но всё же оно было очень незначительно и исчерпывалось всего 1 000 вёрст, т. е. в 3—4 раза меньше конца 90-х годов. В подъёме 1909 г. большое значение имели правительственные заказы, связанные с большой и малой судостроительной программой, а также с другими мероприятиями по подготовке к надвигающейся войне. Они сыграли решающую роль в повышательной конъюнктуре и в оживлении производства чёрных и цветных металлов. Но всё же в основе подъёма тяжёлой промышленности лежали не только эти «внешние» факторы, но и рост потребности в металле самой промышленности (конечно, в предвидении на дальнейшее улучшение конъюнктуры в связи с усилением военных и правительственных заказов).

Об общем оживлении промышленности и нового промышленного строительства свидетельствует, например, увеличение числа разрешённых акционерных компаний (в 1913 г. в 5 раз больше, чем в кризисный 1903 г., и выше, чем в 1899 г. — год наивысшего подъёма промышленного капитализма) с суммой основных капиталов почти в 8 раз больше, чем в 1903 г. и в 2 раза больше, чем в 1899—1900 гг. Обороты промышленных предприятий за те же годы увеличились почти вдвое. Характерной чертой подъёма 1909—1913 гг. является также необычайно возросшая финансовая деятельность банков коммерческого кредита, баланс которых за те же годы увеличился в 4,5 раза. Всё это были характерные черты промышленного подъёма периода империализма.

Характерной чертой подъёма 1909—1913 гг. в России является также сильное увеличение источников свободных денежных капиталов. Показателями этого увеличения являлись: увеличение вкладов и текущих счетов в кредитной сети, причём

только в коммерческих банках сумма их увеличилась к 1913 г. (с собственными капиталами) до 3,3 млрд. руб. против 1,3 млрд. руб. в 1900 г., а по всей кредитной сети до 4,7 млрд. руб. против 2,0 млрд. в 1900 г. Увеличивается количество кредитных билетов в обращении при высокой золотой их обеспеченности. Все эти источники дали на рынке денежных капиталов в России увеличение оборотных средств народного хозяйства на 2—2,25 млрд. руб.

Вместе с тем вырос и спрос на эти денежные капиталы со стороны промышленного учредительства и финансирования промышленных предприятий: за период промышленного подъёма на русском денежном рынке было реализовано новых промышленных ценностей на сумму до 3,5 млрд. руб. При этом характерной чертой этих новых эмиссий и промышленного учредительства является то обстоятельство, что при сильном увеличении числа акционерных компаний, разрешённых и открывших действия в годы подъёма, и суммы их основных капиталов относительная доля участия в них иностранного капитала значительно сократилась, что видно из следующей таблицы (капиталы в млн. руб.):

Годы	Всего акционерных компаний				В том числе русских		В том числе иностранных	
	разрешённых		открывших действия		разрешённых		число	капиталы
	число	капиталы	число	капиталы	число	капиталы		
1909	131	108,8	77	74,1	116	95,9	15	12,9
1910	198	224,2	104	119,3	181	190,5	17	33,7
1911	262	320,9	166	185,3	222	240,9	40	80,0
1912	342	401,5	202	233,5	322	371,2	20	30,3
1913	372	545,2	231	393,4	343	501,1	29	44,1

Участие иностранных инвестиций в акционерном учредительстве сократилось за указанные годы с 12 до 8%. Таким образом, наблюдавшееся в России в годы подъёма относительное обилие денежных капиталов и свобода на денежном рынке обусловливалось не столько приливом иностранных капиталов, сколько внутренним накоплением денежных средств. Этой отличительной чертой промышленный подъём и повышательная конъюнктура в России в 1909—1913 гг. отличается от положения денежного рынка на Западе, где этот подъём происходил при известном напряжении денежного рынка. Официальный дисконт Лондона был в 1913 г. 4,77 против 3,10 в 1909 г., Берлина — 5,88 против 3,93, тогда как в России, наоборот,

официальный дисконт в 1910—1912 гг. был один из самых низких, именно в 1910 и 1911 гг. всего 4,5 против 7,27—7,12 в 1906—1907 гг. и только в 1913 г. повысился до 6,00.

В результате мы можем здесь наметить в общих чертах причины и источники этих особенностей промышленного подъёма и хода промышленной конъюнктуры в России сравнительно с западными странами и сравнительно с предшествовавшим наиболее развитым и наиболее значительным подъёмом промышленного капитализма России в конце 90-х годов.

Основными особенностями повышательной конъюнктуры и источниками подъёма 1909—1913 гг. были: 1) наибольшие за 1909—1913 гг. (за исключением 1911 г.) урожаи хлебов в России; 2) рекордные за те же годы размеры экспорта хлебов; 3) повышение на 30—40% против конца 90-х годов цен на международном хлебном рынке; 4) возросшая в связи с этим ценность экспорта, приносившего за эти годы в страну на 800—900 млн. руб. в год больше ценностей, чем в конце 90-х годов, и в частности от одного вывоза хлеба — на 300—350 млн. руб. больше, чем в конце 90-х годов; 5) в связи с этим — рост спроса со стороны сельского населения на продукты лёгкой и металлообрабатывающей промышленности при общем увеличении товарности сельского хозяйства; 6) как следствие этого сдвига — громадное увеличение оборотов торговых предприятий, примерно на 2,2 млрд. руб. сравнительно с оборотами их в 1899 г.; 7) перемещение свободных денежных средств из сельского хозяйства в промышленность в результате аграрной реформы и распродажи помещиками земель в течение 1906—1913 гг. на сумму свыше 400 млн. руб.; 8) в связи с этим — увеличение прилива в промышленность новых русских капиталов, в частности увеличение основных капиталов промышленных предприятий, акционерных и неакционерных, всего на сумму примерно 3,9 млрд. руб. против 1,9 млрд. руб. в 1899 г., т. е. на 2 млрд. руб. больше; 9) в связи с этим громадное увеличение оборотов промышленных предприятий — к 1913 г. на 3,3 млрд. руб. больше, чем в 1899 г.; 10) увеличение балансов акционерных банков с 1,4 млрд. руб. в 1899 г. до 5,8 млрд. руб., т. е. на 4,4 млрд. руб. и увеличение вкладов и текущих счетов на 2,3—2,5 млрд. руб.; 11) крупнейшее увеличение госбюджета с 1,5 млрд. руб. в 1900 г. до 3,4 млрд. руб. в 1913 г. (по обыкновенному бюджету) как сильнейшее орудие концентрации капиталов и финансовой мощи в руках государства, как одна из особенностей экономики русского империалистического капитализма.

Таким образом, характеризуя общее движение хозяйственной конъюнктуры в России в 1900—1913 гг. и в частности ход и причины промышленного подъёма 1909—1913 гг., мы обнару-

живаем в них типичные черты конъюнктуры и подъёмов, свойственных периоду империализма.

Основной особенностью в движении конъюнктуры периода империализма является крайнее обострение неравномерности его развития, приобретающей скачкообразный характер. Эта неравномерность проявляется как между отдельными странами, так и внутри каждой страны, между отдельными отраслями и районами. Именно поэтому движение промышленной конъюнктуры капиталистического цикла в период монополистического капитализма часто может не совпадать для отдельных стран, несмотря на наиболее тесные связи их во всём мировом хозяйстве.

Это мы видим и на примере России. На примере движения конъюнктуры в России мы особенно резко могли обнаружить разрыв этого движения между промышленностью и сельским хозяйством, между отдельными отраслями промышленности (например, между металлургией и топливной промышленностью, между чёрной и цветной металлургией) и между отдельными промышленными районами (прогрессирующий металлургический Юг и отстающий Урал).

Далее в движении конъюнктуры и капиталистического цикла в период империализма решающее значение имеет также то обстоятельство, что это есть период господства монополий и финансового капитала. Это сказывалось на движении конъюнктуры усиленным влиянием монополий и банков как на общие размеры производства (в смысле резкого сокращения его), так и на технику производства (её «загнивания»), на уровень цен (монопольное их установление) и т. п. Всё это увеличивало «скачкообразность» движения конъюнктуры в период капитализма на его высшей стадии. Развитие производительных сил шло временами весьма интенсивно, но в итоге всё же не достигало темпов и результатов периода «полнокровного» промышленного капитализма. Все эти явления мы ясно обнаруживаем при рассмотрении движения конъюнктуры в России в 1900—1913 гг. Но уже в конце 1913 г. в промышленной конъюнктуре стали обнаруживаться некоторые явления, предвещавшие приближение кризиса. Начавшаяся война не дала им развиться.

Наконец, монополистический капитализм есть период наиболее заострённых социальных конфликтов, империалистических войн, «канун социалистической революции». Всё это, обостряя неравномерность в движении конъюнктуры, вносит наибольшие «пертурбационные» влияния на движение капиталистического цикла и производит в странах, затронутых этими социальными конфликтами, наибольшие отклонения от «нормального» хода движения капиталистического цикла. Особенно

ярко мы могли всё это обнаружить в движении конъюнктуры в России, где 1900—1913 гг. были периодом острых социальных конфликтов, империалистической войны, кануном социалистической революции.

Поэтому характеристика развития народного хозяйства в этот период была бы неполной, если бы мы не остановились на рабочем движении в эти годы, как на решительном этапе борьбы с царизмом и преддверии мировой войны и революции. Характер и положение рабочего движения являются также той особенностью положения русского народного хозяйства, которая определила не только текущие условия развития русского капитализма, но и исход этой борьбы и крушение всей системы российского империализма.

Промышленное оживление и подъём 1909—1913 гг. создали условия для нового подъёма и в рабочем движении. Ни столыпинская реакция, ни политический режим так называемой «третьеиюньской думы» не могли погасить силы движения и его политического характера. Пражская конференция 1912 г., увенчав вполне готовое и назревшее дело — оформление большевиков в партию и изгнание из партии меньшевиков, — отметила первые признаки нового подъёма рабочего движения и оживление партийной работы.

Годы	Всего		В том числе стачки политического характера	
	Число стачек	Число участников	Число стачек	Число участников
1910	222	46 623	8	3 777
1911	466	105 110	24	8 380
1912	2 032	725 491	1 300	549 813
1913	2 404	887 096	1 034	502 442
1914[1]	3 534	1 337 458	2 401	985 655

В действительности, по более полным данным, число стачек и участников их было ещё больше (например, в 1913 г. — 1272 тыс. стачечников, в первое полугодие 1914 г. — 1 425 тыс.)[2].

Громадное нарастание за пять лет стачечного движения вообще и в особенности бурный подъём политических стачек очевидны. Политический характер стачечного движения ска-

[1] Без Варшавского округа. Притом в 1914 г. за пять месяцев войны (август — декабрь) была всего 41 стачка, т. е. 3 493 стачки приходятся только на первые семь месяцев 1914 г. «Свод отчётов фабричных инспекторов» за 1914 г., стр. XI—XVII.

[2] «Рабочее движение в годы войны», сборник Центроархива.

зывался не только в систематическом и массовом участии рабочих, например, в первомайских политических стачках (несмотря на строжайшие запрещения правительством празднования этого дня), но и в стачках в памятные революционные дни, какими стали дни 9 января, ленского расстрела и пр.

Особенно сильный подъём революционного движения начинается с апреля — мая 1912 г., когда после ленского расстрела рабочих вспыхнули массовые политические стачки по всей России. Ленские золотые прииски (в Сибири), принадлежавшие английским акционерам, приносили громадные прибыли — до 7 млн. руб. в год. Рабочие приисков подвергались жесточайшей эксплоатации, получали ничтожную зарплату, снабжались негодными продуктами. Когда на этой почве вспыхнула забастовка 6 тыс. рабочих, безоружная толпа их была 4 апреля по приказу жандармского офицера расстреляна, причём было убито и ранено более 500 человек. «Ленские дни, словно ураган, ворвались в ту атмосферу «успокоения», которая была создана столыпинским режимом»[1].

Основным ядром движения по численности и по политической сознательности и организованности в этот период становятся металлисты, которые уже с 1912 г. в подавляющем числе своём (83,8%) участвуют в политических стачках. Даже в наиболее отсталых отраслях, например, в хлопчатобумажной промышленности, рабочие которых ещё в 1910—1911 гг. участвовали главным образом только в экономических стачках, в 1912 г. уже 69,1% бастовавших участвовали в политических стачках. Могучим оружием в руках большевистской партии в деле политического пробуждения рабочих масс и завоевания в них влияния являлись большевистские газеты, сначала «Звезда», а затем, с 1912 г., «Правда», поднимавшие рабочие массы на борьбу с царизмом и помогавшие организовать выступления рабочих. К 1914 г. за «правдистской» тактикой шло 80% активных рабочих России.

Из отдельных промышленных центров и районов шесть основных промышленных районов[2] (с одной третью всех промышленных заведений и около половины всех рабочих) давали в 1910—1914 гг. до 75% всех бастовавших. Из этих промышленных районов ведущая роль принадлежала Петроградскому, который по числу участников стачек в 1914 г. один давал 72% общего числа стачечников указанных шести промышленных районов.

Кроме Петроградского района, громадное общеполитическое значение в эти годы получает революционное движение среди

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 141.

[2] Петроград, Москва, Баку, Харьковский, Костромской, Владимирский районы.

рабочих Закавказья, особенно в таком важнейшем промышленном центре, как Баку. Здесь в 1907—1908 гг. под руководством товарища Сталина все рабочие районы находились целиком в руках большевиков. Баку превращается в центр большевистских революционных организаций. В 1908 г. товарищ Сталин организует в Баку ряд крупных стачек, в которых проводится переход от мелких экономических требований к широким политическим и общепролетарским требованиям.

Необходимо отметить, что сама буржуазия ясно сознавала всю заострённость и решающий политический характер борьбы рабочих с царизмом, подтверждая ещё в 1913—1914 гг. (устами своего лидера Гучкова) «неизбежность катастрофы» и (устами кадета Маклакова) потерю веры «в возможность мирного исхода». И хотя буржуазия уже давно изверилась в успешности и целесообразности «твёрдой политики» самодержавия, но чем более обострялись политическая борьба и политические требования рабочих, тем более буржуазия после революции 1905 г. вместе с правительством усиливала активную борьбу против рабочих. Так, в марте 1914 г. объединённые петербургские заводчики объявили громадный локаут, охвативший до 70 тыс. рабочих (в том числе на Путиловском заводе до 17 тыс.). В июле некоторые предприятия вновь закрываются и рассчитывают рабочих. Всё это обостряло движение петербургских рабочих, придавая ему характер бурных политических демонстраций.

Одновременно с петербургским центром поднималась волна движения в провинции — в Москве, Харькове, Нижнем-Новгороде, Екатеринославе, Киеве, на Брянском заводе и пр. Особенное значение получила бакинская всеобщая стачка в мае 1914 г., руководившаяся большевиками и нашедшая широкий революционный отклик в рабочих политических демонстрациях в других городах, в том числе особенно бурный в Петербурге, где после митинга на Путиловском заводе к июлю 1914 г. бастовало на всех заводах 200 тыс. рабочих. Царское правительство подвергло бастовавших чудовищным репрессиям.

Рабочее движение предвоенных годов поднимается на гребень новой высокой волны. Усиливались и крестьянские волнения, которых в 1910—1914 гг. произошло свыше 13 тыс. Начались революционные выступления в войсках и во флоте. Всё более охватывая не только главные промышленные центры, но и обширную периферию страны, революционное движение, руководимое большевистской партией, приобретало общенародный характер подготовки всеобщего восстания против царизма.

«Страна шла навстречу новой революции»[1].

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 143.

Всё изложенное о характере экономики России за последние 10—15 лет существования царизма свидетельствует о том, что система русского империализма не была вполне самостоятельной национальной системой того «классического» типа империализма, который представляли собой передовые капиталистические страны Запада. Империализм в России носил ярко выраженные черты «военно-феодального империализма» с его политической системой царизма, с его социальной опорой в феодально-крепостническом помещичье-землевладельческом классе, с карикатурой на «народное представительство». Политическая незрелость русской буржуазии, напуганной революционным движением рабочего класса, зависимой от правительственных заказов и от покровительственной правительственной политики, приводила её к прислужничеству царизму, к союзу с ним. Вместе с царизмом русский капитализм находился в большой зависимости от иностранного капитала, стремившегося закрепить за собой эксплоатацию народного хозяйства России как полуколонии в целях извлечения из него дешёвого экспортного сырья, выгодного помещения капитала и ещё более — как союзницы с многомиллионной армией в империалистическом переделе мира. Опасность этой тенденции для всего народного хозяйства и для самого национального существования народа и государства была очевидной.

Царская военно-феодальная империалистическая Россия не могла дать народу выход из этого положения, которое представляло собой угрозу потери экономической и национальной самостоятельности и независимости. Чтобы дать возможность свободного и творческого развития неисчерпаемым потенциальным производительным силам и ресурсам народного хозяйства и сохранить национальную независимость государства, необходимо было разбудить все творческие силы народа в пролетарской революции. Россия для проведения такой революции имела передовой, широко понимающий свои классовые и общенародные интересы, руководимый партией Ленина — Сталина рабочий класс, готовый к свержению царизма и империалистического капитализма.

Война в этом случае явилась «великим ускорителем». Царская Россия входила в систему империалистических держав как крупный и мощный, но отсталый их соучастник, оказавшийся наиболее слабым звеном при столкновении интересов за передел мира. Вместе с царизмом в России пал и капитализм со всей его системой эксплоатации и угнетения.

Таблица I. **ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ**

	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.
1. Валовой сбор хлебов (млрд. пудов)	3,7	3,5	3,6	4,17
2. Экспорт хлебных продуктов (млн. пудов) .	352	412	466	579
3. Добыча каменного угля (млн. пудов) . . .	853	1 003	986	1 009
4. Добыча нефти (млн. пудов)	550	631	706	671
5. Выплавка чугуна всего (млн. пудов) . . .	164	177	173	157
6. Производство железа и стали (млн. пудов)	145	163	158	152
7. Производство меди (тыс. пудов)	460	504	517	538
8. Потребление хлопка (млн. пудов)	16,10	16,00	16,10	17,40
9. Производство сахара (млн. пудов)	42,10	48,10	59,10	64,10
10. Грузооборот ж. д. и перевозка грузов (млрд. пудов)	3,7	3,9	4,0	4,2
11. Прирост ж.-д. сети (тыс. вёрст)	3,2	3,0	1,0	0,6
12. Обороты внешней торговли (млн. руб.) (по европейской и черноморской границе) . .	1196	1 260	1 263	1 354
13. Экспорт всех товаров (млн. руб.)	627,0	716,4	761,6	860,3
14. Учтённый товарооборот (млрд. руб.) . . .	11,3	11,3	11,6	11,3
Обороты предприятий:				
15. Промышленных фабрично-заводских (млн. руб.)	3503	3 761	3 906	4 029
16. Торговых отчётных оптовых и I—II разряда (в млн. руб.)	5466	5 087	5 154	4 853
Основные капиталы промышленности:				
17. Акционерной (млн. руб.)	1320	1 401	1 549	1 657
18. Неакционерной (млн. руб.)	566	631	610	603
Акционерные компании:				
19. Число разрешённых за год компаний . .	325	202	135	78
20. Их основной капитал (млн. руб.)	363,7	250,7	107,6	173,6
21. Средний дивиденд в % к основному капиталу	8,51	4,26	4,82	7,84
Акционерные банки:				
22. Баланс (млн. руб.)	1380	1 382	1 385	1 523
23. Переучёт и перезалог (млн. руб.)	67,5	85,4	90,4	76,2
24. Официальный дисконт Госбанка	5,61	5,56	5,16	4,56

Приложение к главе XIII.

РУССКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ЗА 1900—1913 гг.

1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
3,95	4,42	3,78	3,26	3,72	3,84	4,72	4,60	3,77	4,48	5,41
650	648	695	589	468	400	761	847	821	548	648
1 093	1 196	1 141	1 332	1 508	1 609	1 591	1 522	1 739	1 904	2 214
630	656	456	491	524	529	563	588	559	569	561
150	180	166	164	172	171	175	186	219	256	283
135	153	144	140	148	148	163	184	203	228	247
564	600	519	571	875	1 033	1 334	1 378	1 564	2 062	2 048
18,00	18,24	16,70	18,00	19,60	21,20	21,30	22,00	23,70	23,20	25,90
63,40	51,52	53,19	78,55	76,47	68,80	62,2	116,8	112,2	74,45	92,37
4,6	4,6	4,2	4,9	4,9	5,2	5,6	6,1	6,8	7,1	7,9
1,2	1,4	2,5	1,8	0,3	0,5	0,4	1,4	0,7	0,9	1,2
1 552	1 538	1 577	1 623	1 693	1 699	2 153	2 336	2 537	2 465	2 641
1 001,2	1 006,4	1 077,3	1 094,9	1 053,0	998,3	1 427,7	1 449,1	1 591,4	1 518,8	1 520,1
11,6	12,0	12,2	11,9	12,4	13,1	13,3	13,9	15,4	17,1	18,5
4 162	4 917	4 230	4 136	4 621	4 800	4 982	6 977	5 451	6 194	6 882
4 895	4 991	5 175	5 053	5 091	5 469	5 375	5 623	6 555	7 148	7 644
1 738	1 718	1 703	1 690	1 921	1 988	2 058	1 957	2 187	2 483	2 848
619	649	666	629	709	738	777	842	897	1 003	1 052
76	94	75	115	131	120	131	198	262	342	372
68,1	119,2	72,3	105,1	156,9	112,4	108,8	224,3	320,9	401,5	545,2
7,03	5,01	5,44	5,42	4,84	5,77	6,31	5,89	6,82	5,16	6,0
1 774	1 865	1 914	1 884	2 007	2 280	2 612	3 825	4 477	5 498	5 769
71,3	52,4	161,0	68,1	93,1	85,1	58,0	202,1	275,0	329,0	295,7
4,50	5,38	5,64	7,27	7,22	5,99	4,99	4,50	4,50	5,06	6,0

Таблица II. **ДВИЖЕНИЕ ЦЕН НА**

	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.
Пшеница, южные порты (коп. пуд)	91,7	85,9	84,6	81,8
Пшеница, южные порты (%)	100,0	93,7	92,3	89,2
Все хлеба (%)	100,0	92,0	99,5	105,1
Животные продукты (%)	100,0	105,2	102,9	108,8
Хлопок ферганский, Москва (руб. пуд)	9,27	12,26	11,81	11,85
Хлопок ферганский, Москва (%)	100,0	132,3	127,4	127,8
Хлопчатобумажная пряжа, Спб. (руб. пуд)	14,00	14,25	14,25	14,23
Хлопчатобумажная пряжа, Спб. (%)	100,0	101,8	101,8	101,6
Миткаль, Спб. (коп. аршин)	7,1	7,6	7,4	7,4
Миткаль, Спб. (%)	100,0	107,0	104,2	104,2
Все прядильные материалы (%)	100,0	124,1	130,6	124,4
Каменный уголь антрацит, Ростов-на-Дону (коп. пуд)	15,6	21,5	18,1	14,2
Каменный уголь антрацит, Ростов-на-Дону (%)	100,0	137,8	116,0	91,0
Нефть, Баку (коп. пуд)	14,0	15,7	8,2	6,7
Нефть, Баку (%)	100,0	112,1	58,6	47,8
Керосин, Москва (коп. пуд)	123,6	139,6	118,8	108,1
Керосин, Москва (%)	100,0	112,9	96,1	87,4
Чугунное литьё, Спб. (коп. пуд)	98,6	89,8	76,3	68,0
Чугунное литьё (%)	100,0	91,1	77,4	68,9
Железо кровельное, Спб. (руб. пуд)	3,15	3,13	3,01	3,04
Железо кровельное, Спб. (%)	100,0	99,4	95,5	96,5
Железные балки, Спб. (руб. пуд)	2,20	2,08	1,71	1,33
Железные балки, Спб. (%)	100,0	94,5	77,7	60,4
Медь штыковая, Спб. (руб. пуд)	16,44	16,36	15,87	13,25
Медь штыковая, Спб. (%)	100,0	99,5	96,5	80,6
Все ископаемые продукты (%)	100,0	110,2	91,7	81,1
Все москательно-химические продукты (%)	100,0	103,8	102,1	100,0
Сахар-рафинад, Киев (руб. пуд)	5,73	5,84	5,62	5,45
Сахар-рафинад, Киев (%)	100,0	101,9	98,1	95,1
Все бакалейные продукты (%)	100,0	100,5	104,5	99,3
Все товары, общий индекс (%)	100,0	105,8	108,1	103,7

Примечание:
Таблицы составлены:
I таблица (в порядке граф): гр. 1) — «Урожай.... года», ЦСК; гр. 2) «Обзоры сово-экономический ежегодник», 1914; гр. 10—11) — «Статистические сборники» мини торговли»; гр. 14—18) — по *Струмилину*, Очерки советской экономики 1928; гр. 19— *Первушин*, Хозяйственная конъюнктура, 1925.
II таблица — все графы вычислены по «Своду товарных цен».

РУССКИХ РЫНКАХ В 1900—1913 гг.

1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
83,6	89,8	96,3	97,3	114,9	127,2	120,9	106,9	110,5	120,7	113,5
91,2	97,9	105,0	106,1	125,3	138,7	131,8	116,6	120,5	140,3	123,7
95,0	99,0	109,0	114,3	136,7	137,3	129,1	109,8	119,3	135,8	120,1
108,8	108,7	114,1	122,6	132,5	132,5	136,1	138,0	128,5	137,2	150,1
13,81	13,27	12,18	13,40	14,68	13,54	14,23	16,78	15,24	14,22	15,91
148,9	143,1	131,4	144,5	158,3	146,1	153,5	181,0	164,4	153,4	171,6
14,83	16,75	16,60	19,17	21,32	19,91	18,38	19,50	19,59	18,27	18,84
105,9	119,6	118,6	136,9	152,3	142,3	131,3	139,3	139,9	130,5	134,6
8,1	8,6	7,8	9,2	10,4	9,8	8,8	10,0	9,9	9,0	9,1
114,1	121,1	109,9	129,6	146,5	138,0	123,9	140,8	139,4	126,8	128,2
129,6	133,7	126,6	139,3	145,9	134,3	138,2	153,8	151,4	150,2	145,0
13,9	13,9	15,3	16,2	16,8	20,2	20,0	17,7	17,6	18,0	25,1
89,1	89,1	89,1	103,8	107,7	129,5	128,2	113,5	112,8	115,4	160,9
8,2	13,3	17,1	25,5	27,7	22,1	22,5	15,4	22,1	35,1	42,7
58,6	95,0	122,1	182,1	197,8	157,8	153,6	110,0	157,8	250,7	305,0
115,6	127,2	129,5	125,6	138,6	134,8	131,8	118,9	127,7	156,4	160,6
93,5	102,9	104,7	101,6	112,1	109,1	106,6	96,2	103,3	126,5	129,9
65,4	71,6	67,9	71,6	71,9	69,9	69,6	74,1	93,1	94,1	96,2
66,3	72,6	68,8	72,6	72,9	70,9	70,6	75,2	94,4	95,4	97,5
2,84	2,66	2,57	2,11	2,55	2,25	2,17	2,05	2,07	2,15	2,26
90,1	84,4	81,6	67,0	80,9	71,4	68,9	65,1	65,7	68,2	71,8
1,26	1,41	1,50	1,37	1,38	1,38	1,43	1,47	1,52	1,57	1,60
57,3	64,1	68,2	62,3	62,7	62,7	65,0	66,8	69,1	71,4	72,7
14,24	14,14	16,08	19,25	20,16	15,23	15,01	15,17	15,05	17,55	17,97
86,6	86,0	97,8	121,3	122,6	92,6	91,3	92,3	91,5	106,8	109,3
82,5	89,8	100,0	115,9	119,1	104,5	102,3	98,1	109,1	130,7	141,9
99,5	103,3	106,0	113,4	121,7	116,5	112,3	114,3	118,6	123,4	120,2
5,39	5,44	5,45	5,37	5,04	5,06	5,25	5,02	4,97	4,49	4,98
94,1	94,9	95,1	93,7	87,9	88,3	91,6	87,6	86,7	78,3	86,9
101,1	105,2	104,7	105,0	103,3	99,1	97,8	101,4	106,8	113,3	108,8
100,8	104,5	108,5	117,6	123,8	118,2	120,3	121,3	123,2	130,8	128,6

внешней торговли» за соотв. годы; гр. 3—9) — «Народное хозяйство в 1913 г.», «Финансстерства путей сообщения за соответствующие годы; гр. 12—13) — «Обзоры внешней 24) — по «Ежегодникам» министров финансов за соответствующие годы. См. также:

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СССР В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА В XIX—XX ВВ.

ГЛАВА XIV

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА И УЧАСТИЕ В НЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН

Общий характер экономического развития национальных окраин в период капитализма. Ленин в одном из последних параграфов своей знаменитой работы о развитии капитализма в России указывает на две формы развития капитализма и капиталистического рынка: с одной стороны, развитие капитализма «вглубь», т. е. на данной территории путём дальнейшего развития капиталистической промышленности, экспроприации земледельческого производителя и роста капиталистического земледелия; и, с другой — «...развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории», ещё не затронутые капиталистическими отношениями. Указывая, что в настоящей своей работе он ограничивался исключительно первой стороной процесса, Ленин подчёркивал «чрезвычайно важное значение» и другой стороны процесса, так как это свойство капитализма «...с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России». Именно важность этой стороны развития российского капитализма, по мнению Ленина, должна бы потребовать «особой работы»[1].

Этот поставленный Лениным важнейший вопрос о развитии капитализма в России не нашёл до сих пор разрешения ни у экономистов, ни у историков. «Особой работы» о развитии русского капитализма на национальных окраинах и о тех новых экономических отношениях, которые при этом возникали, до сих пор не написано.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 522.

Рассматривая выше вопрос о развитии капитализма и об образовании капиталистического рынка в 90-е годы XIX в., мы указывали на громадное значение этого процесса развития капитализма «вширь», т. е. распространения сферы господства капитализма на новые территории. Развитие капитализма вширь означало прежде всего колониальное освоение национальных окраин. Но в общей системе Российского государства вопрос о национальных окраинах приобретал и другое важнейшее политическое значение — как проявление «военно-феодального империализма» царской России и её завоевательных стремлений. Особенности исторического развития Российского государства обусловили многонациональный состав государства, наложив тем самым особый и важный отпечаток на всю экономическую структуру государства и пути его развития.

Товарищ Сталин в своём докладе об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г., говоря о появлении наций и о формировании многонационального государства, указывал, что для таких западных стран, как Англия, Франция, Италия и отчасти Германия, «... период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, ввиду чего там нации при своём развитии облекались в государственные формы...

На востоке Европы, наоборот, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств». В Венгрии, Австрии и России «...капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия». Таким образом, «...на Востоке зарождаются многонациональные государства с одной, более развитой, нацией во главе и с остальными, менее развитыми, нациями, находящимися в политическом, а потом и в экономическом подчинении нации господствующей» [1].

Как мы видели из рассмотрения истории хозяйственно-политического развития Российского государства, оно уже в XVI—XVII вв. стало превращаться в централизованное многонациональное государство с многочисленными, находившимися в его составе, экономически и политически подчинёнными нациями. К эпохе промышленного капитализма и с расширением государственных границ от Вислы до Тихого океана и от

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 5, стр. 33—34.

Ледовитого океана до Памира Российское государство включило в себя громадное число национальностей.

По переписи населения в 1897 г. насчитывалось более сотни различных крупных народностей и более мелких национальных групп как из числа коренных жителей страны, так и из пришлого населения, резко различных по языку, быту, экономическому развитию и пр. Наиболее многонациональными районами являлись Сибирь, Средняя Азия и Кавказ. Кроме наиболее крупных по численности славянских народов — великороссов, украинцев, белоруссов, численность других народностей была от нескольких миллионов (как казахи — 4 082 тыс. человек) до тысячи или даже нескольких сот человек (чукчи — 11,7 тыс., камчадалы — 2,8 тыс., остяки — 988 человек, алеуты — 574 человека и пр.). По общественно-экономическому своему развитию эти национальности и национальные группы стояли на самом различном уровне, от самых примитивных форм патриархально-родового быта и кочевого охотничье-скотоводческого хозяйства до развитых капиталистических отношений.

Из 140 млн. человек всего населения, кроме 75 млн. великороссов, а также 40 млн. населения Украины, Белоруссии, Армении и части Азербайджана, остаётся около 25 млн. по преимуществу тюркского населения Кавказа, Средней Азии, Сибири, не успевших пройти капиталистического развития, не имевших своего пролетариата и сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт или не вполне ещё ушедших от полупатриархального-полуфеодального быта[1].

В экономическом отношении национальные окраины России для метрополии представляли собой в преобладающей части колонии или полуколонии как поставщики всякого рода сырья, которое было необходимо для промышленности центральных районов. Это положение обусловливало их экономическую и культурную отсталость и задерживало возникновение и развитие в них промышленности и промышленного пролетариата. Но понятно, что различные национальные окраины, в зависимости от степени развития в них капитализма или, наоборот, сохранения отсталых форм быта и экономики, значительно отличались друг от друга. Капитализм, экономически подчиняя себе национальные окраины, нивелировал их экономические особенности, иногда превращая национальную окраину в отсталый аграрный придаток метрополии, иногда, наоборот, — в экономически неразрывную часть общей системы капитализма,

[1] См. *И. В. Сталин*, Соч., т. 5, стр. 40—41; Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1937, стр. 208.

способствуя её капиталистическому развитию. Последнее, например, имело место по отношению к Украине, которая в 70—90-х гг. XIX в. представляла собой уже один из основных и передовых районов российского капитализма (каменноугольный Донбасс, Криворожский металлургический район, свеклосахарные заводы).

Особое место и значение в системе российского капитализма имели такие национальные окраины, как Прибалтика с её высокоразвитым, капиталистически поставленным сельским хозяйством и с крупной городской промышленностью; Польша с её развитой капиталистической промышленностью и с крупными кадрами промышленного пролетариата.

В других национальных окраинах, где дольше сохранялись отсталые черты экономики и национального быта, к старым формам местной национально-крепостнической эксплоатации присоединялись новые формы капиталистической эксплоатации капиталом метрополии (московские фабриканты в Средней Азии, Сибири), местным национальным (Армения, Грузия) или иностранным капиталом (Азербайджан). В зависимости от этого экономическое развитие национальных окраин шло различными путями и с различными результатами в отношении развития промышленности, формирования национального пролетариата и т. п. Одни из них становились простыми «аграрными придатками» метрополии (например, Башкирия, Казахстан, Средняя Азия), другие развивали более или менее самостоятельную, иногда крупную промышленность общеимперского значения — металлургическую, свеклосахарную, марганцевую, текстильную (Украина, Грузия, Польша).

В истории колониальных захватов царизма и его политических, социальных и экономических отношений с покорёнными народностями особенно ярко проявились те характерные черты общественно-экономического и исторического развития, которые сделали самодержавную Россию «тюрьмой народов». Военно-феодальный империализм царской России создал громаднейшую империю, основанную на угнетении широких масс различных народностей и на экономической колониальной их эксплоатации.

Но одновременно экономическое приобщение многонациональных окраин к России и к русскому народному хозяйству сыграло весьма положительную историческую роль. Оно заложило основы прочных экономических связей национальных окраин с народным хозяйством России и явилось, по словам Энгельса, цивилизующим для многих народностей этих окраин[1].

[1] Об этом см. интересные высказывания Энгельса в его письме Марксу от 23 мая 1851 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Письма. Соцэкгиз, 1931, стр. 52.

Естественно, что эти противоречивые моменты нашли своё отражение и в период Великой Октябрьской социалистической революции.

Там, где слабо была развита промышленность, немногочисленны кадры пролетариата (Средняя Азия, Дальний Восток, Сибирь), развитие и победа пролетарской революции встретили на своём пути много трудностей.

На Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, в Баку, в Ташкенте, где силы рабочего класса были велики и большевики вели за собой широкие массы, сравнительно быстро и легко были свергнуты не только российское самодержавие и капитализм, но и местные национально-буржуазные правительства, образовавшиеся после Февральской революции. «...Октябрьская революция разбила цепи национально-колониального гнёта и освободила от него все без исключения угнетённые народы обширного государства... она провела в СССР эти национально-колониальные революции не под флагом национальной вражды и междунациональных столкновений, а под флагом взаимного доверия и братского сближения рабочих и крестьян народов СССР, не во имя *национализма*, а во имя *интернационализма*»[1].

Многонациональная система российского капитализма. Таким образом, вопрос о многонациональной системе российского капитализма и о его колониально-национальной политике представляется одним из важнейших для понимания всего общественно-экономического и народнохозяйственного развития России, его судеб в период Великой Октябрьской социалистической революции и в дальнейший период социалистического строительства.

Многонациональная система российского капитализма носила, как всякая капиталистическая система, внутренне противоречивый характер. Помимо общих, свойственных капитализму социально-экономических противоречий, она включала также и противоречия национальные. Хотя все национальности царской России в период развитого капитализма уже были более или менее втянуты в капиталистическое развитие, тем не менее общий закон неравномерности развития капитализма сказывался и здесь в том, что отдельные национальные его группы находились на неодинаковой ступени капиталистического развития.

Некоторые, наиболее отсталые в хозяйственном отношении народности находились ещё на самом примитивном уровне первобытного, патриархального строя, другие изживали остатки

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 10, стр. 243.

феодальной зависимости. Но и у тех, и у других на смену патриархально-феодальным — развивались капиталистические отношения, на смену феодальным формам эксплоатации приходили новые формы капиталистической эксплоатации. Развитие товарного денежного хозяйства в национальных окраинах порождало обычные, свойственные капитализму общественно-экономические, классовые сдвиги: разорение мелкого производителя, накопление капитала, возникновение собственной национальной буржуазии, зарождение капиталистического производства и формирование национального пролетариата.

Со времени наступления в России эпохи капитализма развитие капиталистических отношений в национальных областях и «национальных окраинах» сделало везде более или менее существенные успехи. В некоторых национальных районах оно пошло даже более быстрыми темпами и достигло бо́льших успехов, чем в самой метрополии. Развитие крупной капиталистической промышленности, связанное с разработкой недр и естественных богатств, имело в некоторых случаях решающее значение для развития капитализма в национальных районах (нефть Азербайджана, каменный уголь и железо Польши, Донбасса и Криворожья, свеклосахарное производство Украины, хлопковое производство Средней Азии, горные богатства Закавказья, Урала, Сибири и пр.). Это, иногда чрезвычайно быстрое, зарождение и развитие крупной капиталистической промышленности часто шло на основе формирования ещё в докапиталистический период местной национальной буржуазии и национального капитала (на Украине, в Польше), или на основе непосредственного привнесения иностранного капитала (Азербайджан) или, наконец, смешанным путём привлечения имперско-русского, иностранного и местного национального капитала (в преобладающей мере Донбасс и Криворожье, Средняя Азия, Закавказье и др.).

Среди этих многонациональных групп в формировании капитализма в России русскому национальному капиталу принадлежало исторически наиболее раннее, а в количественном отношении — первое место. Наиболее отсталыми были восточные национальные окраины империи. Но даже в районах с наиболее быстро и прогрессивно развивающимся капитализмом, в Польше и на Украине, исторически возникновение капитализма относится к более позднему времени, чем складывание буржуазии и капиталистических отношений в России. Оно началось в России уже в Московском государстве конца XVII в. и особенно в петровской империи XVIII в., т. е. в то время, когда Украина в преобладающей своей части была ещё слабоколонизованной степью, а Польша переживала экономический и политический упадок на почве господства феодально-землевла-

дельческого класса, крепостнических латифундий, полного разорения закрепощённого крестьянства, городского ремесла и торговли, падения политической и экономической роли буржуазии. Русская буржуазия и русский капитализм прошли за это время длительный, многовековый путь органического роста, начав с образования торгового капитала, постепенного внедрения его в промышленность, сначала в форме образования мелкой, децентрализованной мануфактуры, перерастая далее в крупный промышленный и, наконец, к XX веку в банковый и финансовый капитал.

Более позднее вовлечение в строительство капитализма национальных окраин впоследствии позволило некоторым из этих окраин под воздействием русского, а иногда и иностранного капитала пройти путь от начального зарождения капиталистических отношений до их полного развития в значительно более короткие сроки. Хотя почва, на которой зарождались и развивались капиталистические отношения, была везде одинаковой — развитие товарного хозяйства, накопление капитала, зарождение мануфактуры и капиталистической фабрики, формирование национальной буржуазии и национального пролетариата, — но этот процесс, занявший в развитии русского капитализма более столетия, в национальных областях был сжат часто в 2—3 десятилетия. Капитализм зачастую «насаждался сверху» иностранным капиталом (Азербайджан) или капиталом метрополии (Средняя Азия). Поэтому пути его развития складывались в национальных окраинах несколько иначе, а темпы были более быстрыми, чем в метрополии.

В Польше развитие каменноугольной, металлургической, химической промышленности началось в значительной степени под воздействием иностранного (немецкого) капитала ещё за одно-два десятилетия до 60-х годов XIX в. Вокруг него группировались капиталы крупной польской землевладельческой аристократии, которые стали приливать в отрасли тяжёлой промышленности. К ним стали присоединяться капиталы крупных дельцов-евреев, нажитые в торговле, в казённых поставках, в строительстве, в откупах. Достаточно упомянуть организаторов наиболее старых крупных предприятий горной и металлургической промышленности Польши: графа Любенского — владельца в 40-х годах XIX в. Островецких заводов (польские капиталы), перешедших затем к барону Самуилу Френкелю (еврейские капиталы), горнопромышленника графа Плятера, графа Ренара с его Горнопромышленным обществом 1888 г. (немецкие капиталы), Донерсмарка с его заводом «Пушкин» (немецкие капиталы); заводы французского акционерного общества «Гута Банкова», немецкого акционерного общества «Екатерина — Александр» и многие другие,

Более мелкие еврейско-польские капиталы, сформировавшиеся в результате посредническо-комиссионной и торговой деятельности и ростовщичества, вкладывались в Польше преимущественно в отрасли лёгкой, особенно текстильной промышленности. В течение двух-трёх десятилетий прежние мелкие предприятия стали превращаться в первоклассные, крупные предприятия имперского значения (в Лодзи, в Белостоке и в других городах).

В юго-западных губерниях промышленный капитал и промышленная буржуазия создавались главным образом путём развития свеклосахарных заводов на базе украинского крупного землевладельческого капитала (графы Бобринские, Гендриковы, Харитоненко, Терещенко) или крупного же еврейского и частью польского торгово-посреднического и банкового капитала (Бродские, Гинцбург, Ярошинский), создавшего здесь первоклассную сахарную промышленность.

Нефтяная бакинская промышленность, заложенная на базе иностранного капитала, мобилизовала в Азербайджане крупные национальные местные капиталы — крупные землевладельческие капиталы татарских беков, торгово-посреднические армянские капиталы и др. Возглавляемые и руководимые иностранным капиталом, они образовали мощные капиталистические национальные группировки в нефтяной промышленности (Манташёвы, Лианозовы, Мирзоевы и др.), вокруг которых группировались более мелкие такие же национальные капиталы.

Наиболее поздно складывались группы национальной буржуазии в восточных районах. В Закавказье национальные капиталы и национальная буржуазия — армянская и в меньшей мере грузинская — стали вырастать в пищевкусовой промышленности (коньячно-винодельческой, табачной) и отчасти местной горно-металлической. В Средней Азии национальный капитал взращивался на основе торгово-ростовщической и земельной эксплоатации и направлялся на организацию промышленности по переработке хлопка, оставаясь, однако, в полной зависимости от капитала метрополии. Такое же происхождение и значение имели ещё менее значительные и более отсталые национальные группы буржуазии в Башкирии, Казахстане, в национальных районах Сибири и пр.

При всём весьма значительном разнообразии в формировании национальных групп буржуазии и национального капитала и при известной их производственной специализации, русскому национальному капиталу принадлежало ведущее и объединяющее значение. Вместе с иностранным капиталом он играл ведущую роль в наиболее крупных и руководящих промышленно-финансовых центрах Харькова, Киева, Польши и Урала и в

первую очередь — в руководящем имперском центре — Петербурге.

Представляется невозможным сколько-нибудь точно определить удельный вес и количественные соотношения отдельных национальных групп капитала в этой сложной, многонациональной системе российского капитализма.

Между тем этот вопрос представлялся очень важным как в политическом отношении, в период проведения Октябрьской революции, так и в экономическом отношении, в период строительства социализма. Развитие в национальных окраинах капитала и капиталистических отношений, национальной промышленной буржуазии и национального промышленного пролетариата, или — наоборот, отсталость капиталистического развития и сохранение патриархально-феодальных отношений — определяли, в период проведения Октябрьской революции и строительства социализма, условия и напряжённость классовой борьбы, сопротивления буржуазии или успешность строительства социализма рабочим классом в национальных окраинах.

Однако для такого точного количественного определения распространения капитализма «вширь» у нас не имеется точных и прямых статистических показателей. Мы можем воспользоваться для этого лишь косвенными данными и относительными показателями. Таковыми могут быть, например, данные о размерах продукции капиталистической промышленности в тех или иных национальных районах; данные о размерах оборотов или о промысловом обложении промышленных и торговых предприятий в районах с преобладанием тех или других национальных групп капитала. Все эти данные могут характеризовать лишь относительный удельный вес промышленного и торгового капитала отдельных национальных районов, исходя из очень условного предположения о преобладающем влиянии в экономике этих районов национального их капитала и национальной буржуазии. Из приведённой выше характеристики отдельных национальных районов можно было видеть, что для многих районов это предположение в основном соответствовало действительности. Но вместе с тем это разграничение отдельных национальных групп капитала по национальным районам было далеко не полным и не являлось постоянным, так как капитал вообще не знает национальных границ.

Как мы указывали выше, к концу 90-х годов в капиталистической промышленности России оформились уже определённые районы и центры отдельных отраслей, неодинаковые как по их капиталистической и производственной мощности, ведущему значению их, так и по преобладанию в них национального или иностранного, промышленного или торгового капитала.

На первом месте по размерам производства капиталистической промышленности в конце 90-х годов стоял московский промышленный район с общими размерами продукции крупной промышленности по 6 губерниям района в 755 млн. руб., из них одна Московская губерния — 403 млн. руб., район в подавляющей степени текстильной промышленности во всех её видах — хлопчатобумажной, льняной, шёлковой, шерстяной, — а также других видов лёгкой промышленности (пищевой и пр.), а позднее и в гораздо меньшей мере — металлообрабатывающей, химической и пр.; район в подавляющей степени национального русского промышленного капитала с большим удельным весом торгового капитала.

Вторым важным промышленным районом являлся прибалтийский район, с подавляющим значением Петербургской губернии, цензовая промышленность которой давала продукции в размере 317 млн. руб., главным образом по металлообрабатывающей, машиностроительной, текстильной промышленности и др.; район со смешанным национальным составом промышленного капитала (русского, иностранного, преимущественно немецкого).

Третий по количественному значению — польский район с промышленным производством в 335 млн. руб., почти с одинаковым развитием как тяжёлых отраслей (каменноугольной, металлургической, химической), так и лёгких (хлопчатобумажной с центром в Лодзи, пищевой и пр.), район с почти полным господством немецкого, польского, еврейского капитала.

Южный каменноугольный, горнорудный, металлургический и химический район, с общим производством в 246 млн. руб. с преобладающим влиянием иностранного капитала (на первом месте французского, далее английского и немецкого) и с подчинённым положением русского.

Далее следовали: уральский горно-металлургический район с промышленным производством в 85 млн. руб. с преобладанием русского, технически отсталого капитала и с возрастающей ролью иностранного, преимущественно английского; Бакинский нефтяной с производством 82 млн. руб. — с подавляющей долей иностранного капитала (на первом месте англо-американского), частью туземного, местного, и в наименьшей доле русского капитала; юго-западный сахарный с производством в 135 млн. руб., с украинскими, русскими, еврейскими и польскими капиталами; закавказский марганцевый и каменноугольный район с вложением частью иностранных, частью грузинских и русских капиталов. Промышленность Сибири и Средней Азии ещё не имела в то время сколько-нибудь крупного значения. В сибирской фабрично-заводской промышленности

преобладал русский капитал. В Средней Азии с 90-х годов начал организовывать хлопкоочистительную промышленность московский капитал.

Если произвести очень приблизительный подсчёт продукции цензовой промышленности в районах с преобладающим влиянием русского капитала, присоединяя к ним кроме указанных промышленных районов также и другие районы с менее выраженным промышленным их характером, то мы получим для конца 90-х годов цифру продукции в этих районах примерно 1400—1500 млн. руб. Вся цензовая промышленность империи, по статистическим переписям конца 90-х годов, давала продукции на 2 839 млн. руб., в том числе по обработке волокнистых веществ 946 млн. руб. (33,3%) и из них хлопчатобумажная — 430 млн. руб. (15,1%), тогда как вся металлургическая промышленность — 311 млн. руб. (10,9%) и горнозаводская — 394 млн. руб. (13,8%).

Таким образом, русскому капиталу принадлежало в конце 90-х годов до 50—55% всей продукции цензовой промышленности, остальные принадлежали капиталам других национальностей России, а также иностранному капиталу. Наиболее благоприятное положение русский капитал занимал в текстильной промышленности (до 75—80%) и наименее благоприятное — в отраслях тяжёлой промышленности, где иностранный капитал составлял до 50%. При слабой мощности ведущих отраслей тяжёлой индустрии, неблагоприятно разрешался, таким образом, и вопрос о «национальности» капитала в этих ведущих отраслях и в основных промышленных районах металлургической, топливной, машиностроительной индустрии: они были созданы в значительной степени иностранным капиталом.

Другим важным вопросом о распределении капитала по отдельным национальным районам и окраинам является вопрос об удельном весе в том или ином районе торгового и промышленного капитала. По этому вопросу для того же примерно времени конца 90-х годов мы можем воспользоваться специальным источником — обследованием торговли и промышленности Европейской России по районам, произведённым в 1900 г. министерством промышленности и торговли [1].

Сводя данные об оборотах, с одной стороны, промышленных, с другой — торговых предприятий по основным про-

[1] «Торговля и промышленность Европейской России по районам» в 1900 г., Спб., вып. I, общая часть и вып. I—XII по районам; проценты вычислены нами. В разработку вошло свыше полумиллиона статистических карточек по данным о торгово-промышленных предприятиях и материалы по грузообороту всех станций по железным и водным путям. Это обследование является, таким образом, одним из наиболее полных по этим вопросам.

мышленным районам и вычисляя соответствующие относительные показатели, мы получаем следующую основную таблицу:

Районы	Обороты предприятий (млн. руб.)			%-ное отношение к сумме оборотов по каждому району		%-ное отношение к итогу по Европейской России	
	промышленных	торговых	итого	промышленных	торговых	промышленных	торговых
Всего по Европейской России	3 669	6 034	9 703	37,8	62,2	100	100
В том числе:							
Москов. промышленный	961	1 181	2 142	44,8	55,2	23,4	19,6
В том числе г. Москва	318	854	1 172	27,1	72,9	8,6	14,1
Северо-западный	744	1 579	2 323	31,9	68,1	20,3	26,1
В том числе г. Петербург	376	871	1 247	30,1	69,9	10,2	14,4
Южный горнопромышленный	254	153	407	62,4	37,6	7,0	2,5
Уральский	129	200	329	39,2	60,8	3,2	3,3
Привислинский	513	514	1 027	50,0	50,0	14,0	8,5
Юго-западный земледельческо-промышленный	401	518	919	43,6	56,4	10,9	8,6
Юго-восточный скотоводческий	35	167	202	17,3	82,7	1,0	2,7
Предкавказский	31	166	197	15,7	84,3	0,9	2,7

Из таблицы видно, что по оборотам промышленных предприятий в 1900 г. на первом месте стоял московский промышленный район, который давал 23,4% всей суммы оборотов промышленных предприятий, в том числе одна Москва — 8,6%, далее следовали: северо-западный (прибалтийский) — 20,3%, в том числе Петербург — 10,2%, привислинский (польский) — 14,0, юго-западный (украинский) — 10,9, южный горнопромышленный — 7, уральский — 3,2%. Непромышленные районы давали в общей сложности 18,2%, из них минимальные цифры промышленных оборотов имели: предкавказский — 0,9%, юго-восточный — 1,0, северный — 1,0, полесский — 1,2%.

По оборотам торговых предприятий на первом месте стоял северо-западный прибалтийский район, дававший (в преобладающей степени по торговым оборотам портов) 26,1%, в том

числе один Петербург давал 14,4% всех оборотов торговых предприятий по Европейской России. На втором месте стоял московский промышленный район — 19,6%, в том числе одна Москва 14,1%. Далее следовали центрально-земледельческий — 13,1%, южный хлеботорговый (также в значительной мере по оборотам портов) — 9,6, юго-западный — 8,6 и привислинский — 8,5%.

Соотношение оборотов промышленных и торговых предприятий характеризовалось в целом значительным преобладанием торговых (62,2%) над промышленными (37,8%). Преобладание оборотов промышленных предприятий, сравнительно с торговыми, имело место в южно-горнопромышленном районе (62,4%), значительную долю они занимали в привислинском (50,0%), в московском промышленном (44,8%) (в том числе одна Москва 27,1%), юго-западном (43,6%), уральском (39,2%). Наоборот, относительно минимальные цифры оборотов промышленных предприятий при максимальных торговых давали чисто земледельческие районы со слабым развитием промышленности — предкавказский (промышленные — 15,7%, торговые — 84,3%), юго-восточный (промышленные — 17,3%, торговые — 82,7%), южный хлеботорговый (промышленные — 23,4%, торговые — 76,6%).

Эти данные при всей их приблизительной точности свидетельствуют о значительном преобладании, в особенности в некоторых (непромышленных) районах, торговли и торговой буржуазии над промышленной. Даже в Петербурге и в Москве торговые обороты значительно преобладали над оборотами промышленных предприятий: в Петербурге (69,9% обороты торговых и 30,1% промышленных предприятий) — вследствие значительного развития внешнеторговых операций; в Москве (72,9% обороты торговых предприятий и 27,1% обороты промышленных предприятий) — вследствие преобладающего значения города Москвы как распределительно-торгового центра для обширного района. Только в южном горнопромышленном районе обороты промышленных предприятий (62,4%) были почти вдвое больше торговых (37,6%), а в Польше они были равны торговым.

Если произвести подсчёт оборотов промышленных и торговых предприятий по группам губерний с преобладанием населения русской и других национальностей, то для 1900 г. получим приблизительное выражение доли русских губерний в оборотах промышленных предприятий Европейской России в 52%, торговых — 58, в украинских губерниях соответственно — 23 и 20%, в польских и белорусско-литовских — 15 и 11%.

Для более позднего времени мы можем воспользоваться более точными и более полными данными промышленной переписи

1908 г., с указанием числа промышленных предприятий цензовой промышленности, числа рабочих на них и суммы продукции [1]. Сводя губернии по преобладающему национальному составу населения применительно к будущим национальным республикам СССР, получим следующую таблицу:

Группы губерний	Число предприятий		Число рабочих		Стоимость продукции	
	абсолютное	%	тысяч	%	млн. руб.	%
Всего по Российской империи	19 833	100	2 168,8	100	4 580,9	100
В том числе:						
I. Великорусские губернии .	7 640	38,5	1 059,6	48,8	2 356,7	51,4
Из них центрально-промышленные губернии . . .	3 190	16,1	733,7	34,0	1 244,8	27,2
в том числе Московская .	1 295	6,5	314,5	14,5	596,6	13,0
Из них Уральские	1 077	5,4	176,5	8,1	234,9	5,1
» » Прибалтийские . .	2 033	10,1	264,7	12,2	698,4	15,3
в том числе Петербургская	824	4,2	166,9	7,7	449,2	9,8
II. Украинские губернии . . .	3 995	20,1	344,8	15,8	841,0	18,3
Из них горнопромышленные губернии	1 518	7,7	174,3	8,0	481,1	10,5
Из них юго-западные свеклосахарные губернии . .	2 015	10,2	151,9	7,0	331,1	7,2
III. Польские губернии	3 172	16,0	270,3	12,5	523,6	11,4
IV. Белорусско-литовские губернии	1 967	9,9	56,4	2,6	99,0	2,2
V. Закавказские губернии . .	771	3,9	64,5	3,0	238,7	5,2
В том числе Бакинская . .	433	3,3	48,9	2,3	218,5	4,8
VI. Среднеазиатские губернии	387	2,0	12,0	0,5	78,5	1,7
В том числе Казахстан . .	137	0,7	4,9	0,2	16,9	0,3

Таким образом, в русских губерниях (вместе с Петербургской) 42,6% всех предприятий с 56,5% рабочих давали продукцию 61,2% всей имперской продукции цензовой промышленности. Украинские губернии имели 20% всех имперских предприятий и на них 15,8% рабочих и давали 18,3% всей продукции. Для польских губерний соответствующие цифры будут 16%, 12,5 и 11,4%.

При всей относительной точности всех этих данных, мы имеем достаточно сходную картину распределения промышленности по отдельным национальным районам, производственной мощности промышленных предприятий и оборотов промышленных

[1] «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.», под ред. В. Е. Варзара, Спб. 1912, стр. 8—10.

и торговых предприятий. Если условно брать эти показатели в качестве показателя удельного веса развития национального капитала в различных районах системы российского капитализма и в будущих национальных республиках СССР, то можно очень приближённо удельный вес собственно русского национального капитала выразить для промышленных предприятий до 50%, для торговых — 55—60; украинского с белорусским и частью еврейским — 12—14; польского, частью с еврейским — до 8—13; смешанного с значительным влиянием иностранного — 20—22, в национальных районах Закавказья и Средней Азии — в 2—3%. «Российский капитализм» был, таким образом, созданием буржуазии различных национальностей империи, но с ведущей ролью русской буржуазии, особенно в области оборота и торговли.

Таковы были удельный вес и соотношения отдельных районов капиталистической России по развитию в них капитализма. Для нас в дальнейшем эти соотношения представят большую важность именно потому, что они характеризуют распространение капитализма «вширь» к историческому моменту Октябрьской революции, характеризуют то наследство, которое получили национальные республики от капитализма.

Ниже мы подробно остановимся на развитии капитализма и капиталистической промышленности в национальных районах и областях и на той роли, которую сыграла в этом национальная буржуазия этих районов. Здесь мы остановимся на другом общем вопросе развития капитализма в национальных районах — на общих итогах формирования в них промышленного пролетариата.

Распределение численности пролетариата по отдельным национальным районам также лишь частично отражает его национальный состав, так как формирование пролетариата на промышленных предприятиях национальных районов происходило не только из местных, но в значительной мере и из пришлых кадров. Тем не менее, за отсутствием других, более точных данных, мы можем положить в основу характеристики численности пролетариата в национальных районах его распределение по районам с преобладающим национальным составом населения. Эти данные, сгруппированные в предыдущей таблице по переписи 1908 г., говорят о том, что численность пролетариата в русских губерниях составляла также около 50% всех рабочих цензовой промышленности империи; в украинских губерниях численность пролетариата составляла около 16%, в Польше — свыше 12, в Закавказье и Средней Азии — около 4%. Русскому рабочему принадлежали, таким образом, по численности ведущая роль и преобладающее значение в формировании кадров промышленного пролетариата империи. А в политическом

отношении русскому рабочему классу принадлежала также ведущая роль в революционной борьбе рабочих национальных окраин и в свержении царизма и капитализма.

После этих общих характеристик мы перейдём к рассмотрению развития капитализма в различных национальных областях и районах империи поскольку по условиям, темпам и характеру развития национального капитала, формированию национальной буржуазии и национальных кадров пролетариата эти районы имели более или менее ярко выраженные особенности.

ГЛАВА XV

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РУССКОГО КАПИТАЛА НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Общий характер эволюции национального русского капитала. Как мы указывали выше, начальное формирование русского национального капитала и русской буржуазии было заложено на путях и в промышленных центрах Московского государства XVII в., когда вокруг Москвы стал создаваться единый национальный всероссийский рынок, «организаторами и хозяевами» которого, по словам Ленина, являлись «капиталисты-купцы». Торговые связи Москвы, торговая эксплоатация населения московским купеческим капиталом по мере расширения территории быстро распространялись на север и северо-запад, осваивая здесь старые новгородские торговые пути, на юг — проникая в новые колонизуемые земледельческие области, на восток — в Заволжье, в Закаспий, в Сибирь, осваивая здесь обширные рынки ценных сырьевых, экспортных и промышленных товаров.

В развитии русского национального капитала торгово-купеческий капитал долгое время имел преобладающее значение вследствие обширности торговых связей на необъятной территории государства, раннего освоения крупного и отдалённого колониального фонда, эксплоатируемого торгово-купеческим капиталом, наконец, вследствие многочисленности и разнообразия домашних промыслов мелкого производителя, которые объединялись торгово-купеческим капиталом.

Поэтому торговый капитал во всех его видах — от мелкого прасольского и торгово-посреднического до крупного капитала оптовых торговцев, откупщиков, волжских барже- и судовладельцев, хлеботорговцев, торговцев-мануфактуристов — получил наибольшее развитие и сохранял наиболее долгое время преобладающее и самостоятельное значение в основных (великороссийских) губерниях прежнего Московского государства и в более отдалённых его колониях — в Заволжье, Сибири, на востоке и юго-востоке. Торгово-купеческий капитал сохранял большое значение в экономике страны не только в период крепостного хозяйства, когда торговые связи и капиталистические орудия обращения (железные дороги, торговая сеть, кредит, банки) были ещё слабо развиты, но и в период промышленного капитализма.

С конца XVII и особенно в XVIII в. капиталисты-купцы от торговых оборотов и торговой эксплоатации населения переходят к освоению промышленных производств, в виде ли объединения купеческим капиталом мелких крестьянских домашних промыслов или в виде учреждения собственных промышленных предприятий — мануфактур. Возникают целые промышленные районы и центры сосредоточения промышленности — под Москвой, под Тулой, в Петербурге, на Урале. Происходит процесс перерастания торгового капитала в капитал промышленный.

Это перерастание торгово-купеческого капитала в промышленный (на три пути которого указывал Маркс в качестве общей исторической закономерности эволюции капитала)[1], в России происходило с некоторыми особенностями сравнительно с более быстро капитализирующимися западными странами.

Путь *объединения и подчинения торговым капиталом домашних промыслов мелкого* деревенского производителя был распространён в России наиболее значительно. Он заменял собой и разлагал феодальный способ производства. Этот путь, по замечанию Маркса, «становится поперек дороги капиталистическому способу производства и отмирает только по мере развития последнего». Поэтому, хотя этот путь был прогрессивен по отношению к феодальному способу производства, но исторически он задерживал развитие русского капитализма и обусловил его отсталость. Он был особенно распространён в тех местностях и отраслях промышленности, которые были наиболее тесно связаны с крестьянскими домашними промыслами (центральный район, отрасли текстильной промышленности).

[1] См. *К. Маркс*, Капитал, т. III, гл. 20 «Из истории купеческого капитала».

Второй путь, когда «*купец становится промышленником непосредственно*» и организует собственное промышленное предприятие, получил в России также большее значение в формировании промышленного капитала. Накопление капитала в докапиталистическую эпоху сосредоточивалось преимущественно в руках торгово-купеческого класса, который и являлся главным организатором промышленных предприятий. Но в условиях крепостного хозяйства для непосредственной организации промышленного предприятия имело значение не столько обладание промышленным капиталом, сколько обладание крепостной рабочей силой. В связи с этим купеческий капитал в организации промышленных предприятий, с одной стороны, встречал конкуренцию феодальных владельцев, являвшихся монопольными владельцами крепостной рабочей силы; а с другой — сам стремился приобрести право обладания крепостным трудом и превращался не в промышленного предпринимателя-капиталиста, а в феодального владельца. Поэтому и этот путь имел на развитие капиталистических отношений задерживающее влияние, особенно в тех районах и отраслях, которые были связаны с крепостным сельским хозяйством и с крепостническими латифундиями.

Чёрная металлургия Урала представляла собой один из типичных в этом отношении примеров наиболее раннего формирования русского национального промышленного капитала и русской промышленной буржуазии, по идущей здесь не столько по пути капиталистического предпринимательства, сколько по пути использования феодально-крепостнических привилегий. В других отраслях промышленности, особенно лёгкой (текстильной, кожевенной, пищевой), купеческий капитал как организатор производства также получил значительное распространение, сначала преимущественно в виде посессионных мануфактур. Но затем в этих отраслях он довольно быстро сбросил эту феодальную оболочку и уже со второй четверти XIX в. переходил к чисто капиталистической организации производства в виде объединения мелких крестьянских промыслов в капиталистической мануфактуре. Это преимущественно относится к хлопчатобумажной промышленности центрального района, которая уже в первой половине XIX в. организуется торгово-купеческим капиталом на капиталистических началах.

Наконец, третий путь, который Маркс считал действительно революционным, — когда *капитал привносится в промышленность извне* и когда сам промышленник непосредственно организует промышленное производство — получил в России распространение лишь после реформы 1861 г. Накануне её, когда главным источником накопления и сосредоточения капитала были торговля, откупа и т. п., преобладающее число капита-

листических предприятий было основано торгово-купеческим капиталом на началах единоличных предприятий. Только с 70—80-х годов и особенно с 90-х годов начинается прилив капитала в промышленность из другого обширного источника — путём формирования акционерного капитала как русского, так отчасти и иностранного. Этот путь не являлся путём «органического роста» из недр народного хозяйства, а чаще был результатом «надстройки сверху», иногда в условиях крайней отсталости всего народного хозяйства.

В системе российского капитализма этот последний путь получил особенно значительное развитие в отраслях тяжёлой промышленности некоторых, преимущественно окраинных губерний (металлургическая, каменноугольная, основная химическая промышленность Юга, Прибалтики, Польши, нефтяная промышленность Азербайджана, металлообрабатывающая промышленность Петербургского района) и более поздно — на Урале, где с начала XX в. прежние крупные единоличные частновладельческие предприятия и целые горные округа старинных привилегированных фамилий переходят в собственность или в концессии акционерного капитала.

В других местностях с господством национального русского капитала и в наиболее распространённых там отраслях (в текстильной хлопчатобумажной промышленности центрально-промышленного района, в пищевой, мукомольной промышленности Поволжья и др.) акционерный капитал в промышленности не имел большого распространения. Крупные предприятия лёгкой и пищевой промышленности находились здесь единолично в руках старых торгово-купеческих фамилий. И только со времени усиления финансово-монополистического капитала единоличные и «семейные» текстильные и мукомольные предприятия центрального района, Поволжья и Востока начинают перестраиваться в акционерные предприятия с небольшим участием иностранного капитала.

Одновременно с этим в период монополистического капитализма крупный торговый капитал частью теряет, частью видоизменяет свои особые торговые функции, сливается с промышленным капиталом в синдикатских монополистических объединениях и «сращивается» с капиталом финансовым.

Таковы были общие пути эволюции национального русского капитала—торгово-купеческого, промышленного, финансового— в зависимости от условий и особенностей развития всего народного хозяйства, а также в зависимости от особых условий отдельных местностей и различных отраслей промышленности.

В этом отношении наиболее типичными и характерными для генезиса и эволюции русского промышленного капитала и русской промышленной буржуазии являются центрально-

промышленный и в частности московский промышленный район и город Москва с их текстильной и особенно хлопчатобумажной промышленностью. Москва, московский капитал, московская буржуазия прошли здесь от XVII до XX в. длительный органический процесс, типичный для эволюции национального русского капитализма. Этот исторический путь шёл от начальных форм торгово-купеческого до промышленного капитала, от мелкой раздаточной мануфактуры до крупной фабрики, от текстиля до металлургии и машиностроения, от мелкого единоличного предприятия до монополистического банкового и финансового капитала.

Мы делаем здесь попытку монографического (по необходимости лишь краткого) изложения этой эволюции русского национального капитала и русской национальной буржуазии на примере изучения московской промышленности.

Москва торговая. Москва и московский промышленный район со всей обширной, тяготеющей к нему областью, издавна являлся центром и сосредоточением национального русского капитала, национальной русской буржуазии. Генетически начало этого процесса относится ещё к XVII в., ко времени складывания вокруг Москвы единого русского национального государства. Став центром торговых путей обширного государства и его торговых связей между Востоком и Западом, Москва уже к XVI — XVII вв. создала обширный общественный слой крупной и мелкой торговой буржуазии. Уже к концу XVII в. последняя обращается и на промышленное предпринимательство (железорудное, медное, соляное и поташное дело Строгановых, Морозовых, иностранцев—Виниуса, Акемы и др.). Часть этих предприятий генетически и экономически была связана с крупной феодально-крепостнической вотчиной, часть — с мелкими домашними промыслами крепостного крестьянского хозяйства (подмосковное железоделательное и кузнечное ремесло, ткацкое кустарничество).

Резкая перемена в политических и экономических условиях русского государства, происшедшая с начала XVIII в., несколько отодвинула Москву и складывавшийся вокруг неё промышленный район на второе место, заменив его усиленным промышленным строительством в других районах — металлургических заводов на Урале, металлургических, военных и разного рода крупных мануфактур в Петербургском районе и др. Однако и в этих условиях Москва не только не потеряла значение центра формирования национального капитала, но ещё более его усилила.

Москва занимала центральное положение, одинаково близкое как от границы чернозёмной полосы, начинавшей с XVIII в. получать всё большее значение в снабжении всего промышлен-

ного района хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, так и от крупнейших поволжских пунктов (Нижнего-Новгорода, Рыбинска и др.), собиравших те же продукты с громадной территории бассейна Волги. Такое положение Москвы сделало её крупнейшим торговым и распределительным центром не только для промышленной нечернозёмной полосы, но и для всего государства. Московский торговый капитал и московское купечество проникали в самые отдалённые и богатые разным сырьём местности Заволжья, Прикамья, Прикаспия, Сибири, Севера и Северо-Запада, а затем и хлебородного Юга.

Московский торгово-купеческий капитал заложил основы сибирского торгового капитала сначала скупкой сибирского сырья, а затем организацией сбыта в Сибирь московской мануфактуры и других изделий. Образование крупных волжских купеческих капиталов, скупщиков хлеба, пеньки, шерсти, кож, мехов, восточных товаров, судовладельцев и баржевладельцев, мукомолов и пр. непосредственно вело своё начало также от московских капиталов и было теснейшим образом связано с Москвой, с её посреднической и торговой деятельностью по скупке этих товаров, по продаже московского текстиля и других изделий на Нижегородской, Ирбитской и других ярмарках.

В XVIII в., с окончательным завоеванием и колонизацией степей, московский купеческий капитал становится во главе организации крупнейших скупок южного хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Громадные товарные потоки для снабжения потребляющей полосы организовывались крупнейшими московскими поставщиками и скупщиками с украинских ярмарок, с хлебных рынков центрально-земледельческой полосы, с пристаней Волги и Дона.

В 70-е годы XIX в., с постройкой усовершенствованного парового железнодорожного и водного транспорта и с заменой им прежних докапиталистических форм сухопутного гужевого транспорта и бурлачества на реках, торговое значение Москвы ещё более усилилось. Москва стала центром железнодорожного строительства, соединяющего с Москвой рельсовым путём все самые отдалённые окраины государства. Построенные уже к 70-м годам железные дороги привлекали к Москве сельскохозяйственные продукты: например, дорога Москва — Курск — продукты земледельческого центра; Москва — Козлов — Воронеж — продукты Юго-Востока; Москва — Нижний — со всего Волжского и Камского района. Дальнейшее железнодорожное строительство к Царицыну, к Саратову, Харькову — Ростову, Рыбинску — Бологое, а также к Риге, Либаве и др. сильнейшим образом расширяло район торгового тяготения к Москве, сделало её промежуточным этапом для грузов, идущих на экспорт и —

что было ещё более важным — расширяло рынок для сбыта её мануфактурных и прочих изделий.

Купеческий московский капитал усиленно пролагал пути для сбыта продуктов национального промышленного и в первую очередь текстильного производства. Даже ещё в начале XX в. торговый капитал Москвы и московского промышленного района по своим товарным оборотам превосходил обороты промышленных предприятий. По официальному обследованию 1900 г. о торгово-промышленной деятельности предприятий Европейской России по районам и отдельным пунктам, обороты торговых и промышленных предприятий Москвы и московского района представляются в следующем виде (в млн. руб.)[1]:

Обороты	Всего по Европейской России	В том числе по московскому району	Из этого числа по Москве
Промышленных предприятий			
Всех предприятий	3 669	961	318
В том числе по обработке ископаемых веществ	984	137	50
В том числе волокнистых веществ	1 001	577	109
Торговых предприятий			
Всех предприятий	6 033	1 181	854
В том числе минеральные продукты и металлические изделия	555	110	76
В том числе мавуфактурные изделия	1 293	380	338

Из таблицы видно, что если для всей Европейской России товарно-торговые обороты торговых предприятий значительно выше оборотов промышленных предприятий (на 64%), то для Москвы этот процент повышается до 168%, свидетельствуя, что «Москва торговая» и в 1900 г. всё ещё превалировала над «Москвой промышленной». Обороты московских промышленных предприятий составляли 8,7% общих промышленных оборотов по Европейской России, торговых — 13,7% общих торговых оборотов. В оборотах промышленных предприятий самой Москвы в 1900 г. приходилось до 34% на производство мануфактурных изделий, 24% — на производство пищевых продуктов и всего лишь 15% — на обработку минералов и металлов (27% — на все остальные). В торговых оборотах на торговлю мануфактурой приходилось 40% всех торговых оборотов Москвы, на пищевые продукты — 30% и на все остальные — 30%.

[1] «Торговля и промышленность Европейской России по районам», Мин. торг. и пром., Спб. 1900.

По отдельным отраслям обороты и промышленных и торговых предприятий по обработке волокнистых веществ и мануфактуре больше, чем по обработке и торговле ископаемыми (минеральные продукты, металлические изделия и пр.). Это свидетельствовало об относительно большем развитии лёгкой и в частности текстильной промышленности, сравнительно с обработкой металлов и минералов, т. е. тяжёлой индустрии. Для Москвы 1900 г. это было выражено особенно резко, так как обороты московских промышленных предприятий по обработке волокнистых веществ были более чем вдвое, а торговых предприятий по мануфактуре — почти в 4,5 раза больше, чем обороты промышленных и торговых предприятий с продуктами минеральных веществ, металлических изделий и т. п.

Всё это свидетельствует, что в 1900 г. «Москва мануфактурная и текстильная» была по значению во много раз больше, чем «Москва металлургическая». В частности Москва как торговый пункт мануфактурными товарами давала треть всех оборотов мануфактурой по всей Европейской России (337,5 млн. руб. из 1138 млн. руб., без ярмарок), значительно превосходя в этом отношении все другие крупнейшие пункты торговли мануфактурой (Петербург — 152 млн., Нижегородская ярмарка — 64 млн., Варшава — 62 млн. руб.). Средний оборот одного торгового предприятия Москвы был 124 тыс. руб. против 30 тыс. руб. в среднем по Европейской России и 65 тыс. руб. по Петербургу. Наоборот, по торговле ископаемыми продуктами и металлическими изделиями Москва давала всего около 15% всех оборотов по Европейской России (76,4 млн. руб. из 529,2 млн. руб.), значительно уступая Петербургу (116,3 млн. руб.), причём оборот на одно предприятие Москвы был 82 тыс. руб. против 114 тыс. руб. Петербурга.

«Москва торгово-мануфактурная». Таким образом, Москва с тяготеющим к ней и связанным с ней теснейшими экономическими связями московским промышленным районом к началу XX в. представлял собой первый в империи район по размерам промышленного производства и торговли мануфактурой. Москва и её район со своими крупнейшими предприятиями текстильной промышленности и торговли мануфактурой держала в своих руках свыше половины продукции и треть оборотов Европейской России.

Московская промышленная буржуазия вела активную экономическую политику для дальнейшего развития текстильной промышленности и завоевания новых рынков. В середине XIX в. торговля мануфактурой московского промышленного района и самой Москвы сосредоточивалась в руках 15—20 крупных оптовых торговцев — братьев Щаповых, Щукина, Харузина, Алексеева, Прохорова, Оконишникова и др. Их оптовые

торговые операции и товары шли главным образом через Москву — Нижний с его ярмаркой, а также через другие ярмарки, откуда поступали местным оптовым торговцам. На наиболее отдалённых окраинах — в Сибири, Средней Азии — оптовым сбытом руководили меновщики, которые скупали у туземцев сырьё и служили посредниками для сбыта продукции московской хлопчатобумажной промышленности.

У этих провинциальных торговцев часто составлялись крупные состояния, завязывались прочные связи с Москвой и сами они превращались в крупных столичных торговых и промышленных, а затем и банковских воротил всероссийского масштаба. Таковы, например, были старинная московская торговая фирма Стахеевых, торговавшая на далёких окраинах, в Сибири, и — как наиболее типичная для трансформации торгового национального капитала в промышленный, а затем в банково-финансовый — сибирская торговая фирма Второва.

Уроженец и мещанин Костромской губернии А. Ф. Второв в 1866 г. открыл в Иркутске мануфактурную торговлю московскими товарами, покупавшимися в Нижнем. Трудность доставки в Сибирь по тогдашнему сибирскому бездорожью (провоз товара занимал 3—4 месяца, капитал оборачивался 1 раз в год) искупалась высокими сибирскими ценами на московскую мануфактуру и выгодностью торговли с туземцами и с сибирской деревней. В 1890—1900 гг. он открывает склады, оптовые и розничные универсальные магазины в ряде сибирских городов — Томске, Сретенске, Чите, Верхнеудинске и др. В 1906—1907 гг. он присоединяет предприятие своих конкурентов Стахеевых, образует торговое паевое «семейное» товарищество с капиталом сначала в 3 млн., а в 1914 г. — в 10 млн. руб. и с годовым оборотом в 30 млн. руб. К этому времени, сохранив сеть своих крупных торговых предприятий в 11 сибирских городах, Второв из Сибири переезжает в Москву, где становится крупнейшим промышленником, учредителем, финансистом.

В Москве Второв строит громаднейшее по тому времени сооружение и центр московских торговых операций — гостиницу «Деловой двор». Совместно с крупнейшими московскими мануфактурными предприятиями — Коншина, Гюбнера, товариществом Даниловской мануфактуры (Кноп, Солдатёнков, Щукин) — он организует общество внутренней и вывозной торговли с капиталом в 15 млн. руб. При преобразовании единоличного предприятия Коншина в паевое Второв захватил наибольшее количество паёв и вместе с Кнопом быстро расширил предприятие до первоклассных размеров в 115 тыс. прядильных веретён, 4 200 ткацких станов и 10 млн. руб. основного капитала (к 1914 г.). В 1910 г. он скупил паи ситценабивной фабрики Гюбнера, увеличив её продукцию до 20 млн. руб. в год, а основ-

ной капитал — до 4,8 млн. руб. Наконец, уже во время первой мировой войны сын основателя фирмы Н. А. Второв вошёл в банково-финансовую группу Рябушинского и других крупнейших московских мануфактуристов, став финансовым дельцом и организатором различных предприятий. Об этом мы скажем в дальнейшем при рассмотрении московской экономики в период империализма 1900—1914 гг.

А. Ф. Второв прошёл за свою жизнь весь путь превращения от среднего торговца до крупного оптовика и торгового воротилы и до финансового организатора разнообразных промышленных предприятий имперского масштаба. Обычно этот путь превращения торгового капитала в промышленный требовал длительного времени, часто в течение нескольких поколений. Но именно это органическое превращение национального торгового капитала в капитал производительный, промышленный, подготовило основу создания национальной системы русского промышленного капитала и обусловило глубокую перестройку всех общественно-экономических отношений в народном хозяйстве страны.

В этом создании национального капитализма Москва и её промышленный район шли не путём простого и непосредственного «переноса» иностранного капитала, как в некоторых других районах, а путём медленного, органического развития, накопления, превращения торгового капитала в капитал производительный и торговца-скупщика в промышленного предпринимателя.

Генеалогия Москвы промышленно-текстильной. В этом отношении интересно проследить генеалогию крупнейших промышленных предприятий и рост их накоплений в центрально-промышленном районе. Эта генеалогия столь же однообразна по форме, как и глубоко поучительна по существу. Основным объектом нашего рассмотрения мы берём текстильную промышленность, как наиболее типичную по своему генезису из докапиталистических форм промышленности, из крестьянских домашних промыслов при объединяющей деятельности торгового капитала [1].

Если классифицировать предприятия по времени их основания, то из 50 учтённых нами и сохранившихся до 1912—1914 гг. крупнейших предприятий московского района в 1800—1830 гг. возникло 24 предприятия, а в 1830—1861 гг. — 10 предприятий и одно после 1861 г. (остальные не выяснены). Из этого же числа

[1] Мы могли использовать для этой цели свыше 50 крупнейших предприятий хлопчатобумажной промышленности московского и тяготеющих к нему районов, по которым сохранились фамильные архивы предприятий в Московском областном и других архивах, или имеются специальные исторические, иногда очень ценные и подробные, монографии.

основателями были: крестьяне, преимущественно крепостные — 29, купцы — 8, дворяне и помещики — 5 (предприятия, которые впоследствии все проданы купцам), иностранцы — 5. В одном и том же роду и фамилии по прямой мужской или женской линии путём наследования или передачи преобладающего числа паёв и акций сохранились 40 предприятий и фирм (кроме проданных дворянами). Из них, однако, лишь 5 удержалось до 1912—1914 гг. в единоличном владении, из остальных русские все были преобразованы в паевые, главным образом «семейные» товарищества (преимущественно в 80—90-х годах и в 1905—1910 гг.); а иностранные — преимущественно в акционерные общества.

Если взять всю русскую текстильную промышленность, то из 108 предприятий, обязанных публичной отчётностью, было 25 предприятий акционерных (в том числе 20 иностранных) и 83 паевых товарищества (в том числе 10 иностранных) с основным капиталом в 193 млн. руб. Таким образом, «национальный» характер капитала, притом остававшегося в течение 100—120 лет в преобладающей степени в руках одного и того же рода или фамилии русской промышленной буржуазии, в текстильной и особенно в московской хлопчатобумажной промышленности выражен весьма ярко.

Наиболее интересной и характерной чертой развития этой «национальной» московской текстильной промышленности являются процессы чрезвычайно быстрого накопления капитала, связанные с чудовищной эксплоатацией как фабричного, так и «домашнего» рабочего, а также с громадными торговыми прибылями от реализации товара по монопольным ценам на обширном внутреннем рынке. Это же быстрое накопление капитала позволило быстро перейти от мануфактуры и мелких «светёлок» к централизованному механическому производству на крупнейших фабриках.

Типичной начальной формой громадного числа предприятий, основывавшихся, как мы видели, в подавляющем числе крестьянами, рабочими из крестьян, небольшими купцами и скупщиками, была маленькая «семейная» или с 2—3 рабочими «светёлка» — ситценабивная, отделочная, красильная, ткацкая. Обычно это производство сочеталось и с торгово-посреднической деятельностью, так как владелец таких ситценабивных и отделочных «светёлок» или сам ткач-кустарь одновременно скупал пряжу, раздавал её для ткачества деревенским ткачам на дому и затем отбеливал, красил или производил набойку в своей мастерской. Такая организация позволяла быстро вовлечь в производственную и торговую эксплоатацию большое число домашних рабочих ткачей, часто до 6—10 тыс. семей, т. е. до 10—25 тыс. человек. Накопление капитала в производстве и торговле шло

чрезвычайно быстро. Можно предположить, что у многих таких «кустарей» — скупщиков, раздатчиков пряжи и владельцев маленьких мастерских и «светёлок», — имелся некоторый капитал уже и до устройства своих маленьких предприятий, но размеры их, судя по некоторым примерам, не могли быть сколько-нибудь значительными.

По преданию, сохранившемуся об основателе «морозовской династии» мануфактуристов, Савве Васильевиче Морозове, он был крепостным крестьянином и рабочим на шелкоткацкой мануфактуре, и в 1799 г. основал свою шелкокрасильную мастерскую в селе Зуево, с наличным капиталом в 5 руб., работая вначале с женой и четырьмя сыновьями. Уже в 1820 г. он откупился с семьёй от своего помещика, Рюмина, за 17 тыс. руб. ассигнациями. В 1825—1840 гг. сам Морозов устроил хлопчатобумажную ткацкую фабрику в Москве, отбелочную и бумагопрядильную фабрику в селе Богородском (Богородско-Глуховскую мануфактуру), а сыновья — самостоятельные предприятия — механическую ткацкую мануфактуру в Никольском, Тверскую прядильно-ткацкую мануфактуру, другую бумагопрядильную, механическо-ткацкую, красильно-отбелочную мануфактуру в Зуеве. Всего стоимость этих предприятий к тому времени была не меньше 200—300 тыс. руб.

К 1913—1914 гг. все эти 4 предприятия Морозовых всех четырёх поколений имели основного капитала 44 млн. руб., запасного — 74,4 млн. руб. На фабриках было прядильных и крутильных веретён 703 тыс., ткацких станков 14 тыс. с 54 тыс. обслуживающих их рабочих и с общим производством на 102 млн. руб. в год. Из этого числа на Никольских мануфактурах у С. Морозова было 200 тыс. веретён и 3 475 механических станков; у Викулы Морозова — 206 тыс. веретён и 2 917 станков; на Богородско-Глуховской мануфактуре — 128 тыс. веретён и 3 400 ткацких станков, на Тверской мануфактуре — 108 тыс. веретён и 4 020 ткацких станков. Таким образом, каждое из этих предприятий было выдающимся по размерам[1].

Накопление капитала в морозовских промышленных предприятиях даёт, может быть, наиболее яркое представление об их экономическом и техническом прогрессе. Но они не являются исключением. Наоборот, они являются типичными как для крупных, так и для средних предприятий московской хлопчатобумажной промышленности. Так, предприятия Хлудовых (Рязанской, Ярославской и Смоленской губерний) были основаны в конце XVIII и в начале XIX в. крестьянином кустарём-ткачом И. И. Хлудовым, который в 1835 г. оставил в наследство

[1] «Московский областной исторический архив», фонд Торгового дома Морозовых, оп. 342—348 и др.

своим сыновьям 200 тыс. руб. Уже в 1913—1914 гг. все бумаго- и льнопрядильные и ткацкие предприятия Хлудовской фирмы имели 8 млн. руб. основного и 2 млн. руб. запасного капитала, 305 тыс. веретён, 2 500 механических станков, 8,5 тыс. рабочих и годовой выпуск продукции 32 млн. руб.

Такова же в общем генеалогия и развитие предприятий Коновалова, основанных в 1812 г. крепостным крестьянином помещика Хрущова в виде маленького сновально-красильного заведения, развившегося к 1913—1914 гг. в крупное предприятие с 79,5 тыс. веретён, 2,2 тыс. ткацких станков и с капиталом в 7,6 млн. руб.

Южско-Тезинские мануфактуры Балина вели своё начало от красильного заведения кустаря-крестьянина Балина, внук которого, уже купец, при своём красильном заведении организовал в 1837 г. раздаточную контору, а в 1865 г. купил у помещика Протасова Южскую бумагопрядильную фабрику на 16 тыс. веретён, имея к этому времени уже миллионный капитал. В 1871 г. он купил новую фабрику в Тверской губернии, в 1872 г. — бумагопрядильную и механическую ткацкую фабрику в Можайском уезде и в 1888 г. — Тезинскую бумагопрядильную и ткацкую фабрику. На этих предприятиях, объединённых в двух «семейных» паевых товариществах фирмы Балина, имелось к 1913—1914 гг. 170 тыс. веретён и 2 190 ткацких станков с производством на 11,5 млн. руб. и со складочным и запасным капиталом в 7,4 млн. руб.

Такова же генеалогия предприятий Разорёновых и Кокоревых (четыре мануфактуры с 100 тыс. веретён и с основным и запасным капиталом в 5 млн. руб.). Основателем предприятий Горбуновых был крестьянин Костромской губернии, который, имея маленькое красильное заведение, отдавал пряжу 6 тыс. семей кустарей-ткачей. В 1856 г. он оставил своим наследникам капитал в 30 тыс. руб., который к 1882 г., к моменту образования «семейного» паевого товарищества, возрос до 2 млн. руб., а к 1912 г. — до 8 млн. руб.

Крупнейшее московское предприятие Н. Коншина вело своё начало от посадского Коншина, который ещё в середине XVIII в. имел небольшую парусиновую мануфактуру в Серпухове, перешедшую потом на производство бумажных тканей и на набивку, с раздачей пряжи кустарям и ткачам для изготовления миткаля. В 1898 г. И. Н. Коншин умер бездетным и всё его имущество (10 млн. руб.) пошло на благотворительные цели, а фабрика перешла к паевому товариществу во главе с Кноном, Второвым и др.

В некоторых случаях генеалогию московских предприятий начинали купцы-фабриканты, которые или сами основывали фабрики, или скупали их у менее удачливых основателей —

помещиков и дво[illegible] из крупнейших московских текстильных предприятий под фирмой «П. Малютин и С-вья» было основано в 1820-х годах князем Голицыным. В 1866 г. оно было продано Малютину, однако и здесь не удержалось из-за неудачливых затей его наследников-сыновей. Затем оно по женской линии перешло к купцу-мануфактуристу Воронину, а от него — к Бардыгину в составе (к 1914 г.) 266 тыс. веретён, 2 005 ткацких станков и 11 млн. основного и запасного капитала. Предприятие самого Бардыгина (из семьи кустарей по размотке пряжи) было основано сравнительно в недавнее время, в 1857 г., в виде конторы по раздаче пряжи кустарям-ткачам для изготовления миткаля и нанки, которые он после отделки в своей красильной и отделочной мастерской продавал на ярмарках. В 1879 г. Бардыгин имел капитала 300 тыс. руб., широко развив красильно-отделочное дело. В 1908 г. было основано исключительно «семейное» паевое товарищество из членов семьи Бардыгина с капиталом 8 млн. руб., были куплены паи Раменской мануфактуры Малютина, Хлудовых. После этого Бардыгины стали фактическими распорядителями почти 450 тыс. веретён и 15 млн. руб. капитала.

Одним из крупных и пользующихся большой известностью предприятий в самой Москве была Прохоровская Трёхгорная мануфактура, основанная в 1799 г. московским мещанином из монастырских крестьян Прохоровым в виде ситценабивной и красильной мастерской. Развиваясь и завоёвывая рынок своими «кубовыми» тканями, предприятие Прохорова в 40-х годах превращается в «полную» мануфактуру со всеми её отраслями и переходит на механическое производство с выработкой в 70-х годах до полумиллиона кусков, к 1900 г. — 1,5 млн. кусков и к 1914 г. — 3,2 млн. кусков (по 50 аршин) с основным капиталом 8,1 млн. руб., с оборудованием в 45 тыс. веретён и 1,5 тыс. ткацких станков. В 1906 г. Товарищество Прохоровской мануфактуры приобрело руководящий пакет паёв Ярославской и Ярцевской мануфактуры (Хлудовых).

Иностранный капитал в московской мануфактуре. Следует сказать несколько слов ещё о другом виде мануфактурных предприятий Москвы, принадлежавших иностранному капиталу. Хотя иностранный капитал начал внедряться в московскую текстильную промышленность одновременно и даже несколько ранее русского, тем не менее он не получил здесь сколько-нибудь значительного распространения.

Из четырёх более крупных московских иностранных хлопчатобумажных фабрик старейшая фабрика Э. Цинделя прошла длительную эволюцию с основания в 1823 г. швейцарским мастером Бухером маленькой ситценабивной мастерской. В 1856 г. она перешла к немцу Э. Цинделю, который в 1874 г. превратил

предприятие в паевое товарищество, вошли кроме наследников Цинделя также Кноп и русские промышленники Солдатёнков и Хлудов. Это товарищество под фирмой Э. Цинделя обладало капиталом в 1,5 млн. руб. В 1907 г. фирма приобрела прядильно-ткацкую Воскресенскую мануфактуру в Наро-Фоминске с 153 тыс. веретён и 3 200 ткацких станков. Широко развивая связи с ближне- и дальневосточными рынками — от Персии и Турции до Китая и Монголии, — фирма и её соучастники организовали «Русское экспортное товарищество» для вывоза мануфактуры. Основной капитал фирмы к 1914 г. доходил до 9 млн. руб. с производительностью Московской и Наро-Фоминской мануфактур до 40 млн. руб. в год.

Менее удачно было развитие фабрики иностранца Рабенека, основанной в 1852 г. и имевшей в 1914 г. 35 тыс. веретён и основной капитал в 4,5 млн. руб.

Фабрика третьего московского хлопчатобумажного иностранного фабриканта Гюбнера, основанная в 1844 г., перешла в 1910 г. полностью к Второву. Наконец, в 1912 г. образовано французское акционерное общество Дедовской хлопчатобумажной мануфактуры с основным капиталом в 12 млн. фр. и с проектной производительностью на 80 тыс. веретён, из которых в 1914—1915 гг. было пущено 50 тыс.

Таким образом, иностранный капитал в московской текстильной промышленности не получил большого развития и был в значительной своей части поглощён русским национальным капиталом.

Говоря об иностранном капитале в московской мануфактурной промышленности, нельзя не остановиться на известной и колоритной фигуре барона Л. Г. Кнопа. Он, собственно, не принадлежал в начале своей деятельности к фабрикантам, а был лишь комиссионером по продаже хлопка и пряжи и посредником по поставке английских текстильных машин на московские мануфактуры, а вместе с тем и организатором производства при переходе их на механическое пряденье и ткачество. Его деятельность как промышленника относится к петербургскому району, где Л. Кноп в компании с Хлудовым и Солдатёнковым основал в 1857 г. знаменитую, первую по величине в России, Кренгольмскую мануфактуру (на реке Нарове) с начальным числом веретён в 10,4 тыс., увеличившимся к 1913 г. до 510 тыс. и с основным капиталом в 12 млн. руб. Тем не менее деятельность Кнопа и его фирмы была тесно связана с Москвой, но не столько как промышленника-предпринимателя, сколько как организатора-финансиста. Поэтому мы рассмотрим её в другом месте в связи с последним этапом московской капиталистической экономики в период развития империализма.

Накопление капитала. Таким образом, текстильная промышленность Москвы и её промышленного района полностью представляла собой сферу деятельности национального русского капитала, его органического роста, накопления и развития. Все рассмотренные нами 50 крупнейших предприятий, основанные в конце XVIII в. или в первой половине XIX в. в виде мелких мастерских кустарями-текстильщиками и мелкими торговцами и посредниками, прошли длительный путь технического усовершенствования и финансовых реорганизаций. К 1913—1914 гг. они обладали складочным капиталом в 244 млн. руб. (в том числе русские — 210 млн. руб. и иностранные — 34 млн. руб.) и всеми прочими капиталами (запасными, погашения и пр.) в 322 млн. руб. (в том числе русские — 280 млн. и иностранные — 42 млн.). В среднем основной капитал одного предприятия был: в русских предприятиях — 4,4 млн. руб., в иностранных — 6,6 млн. руб. Другими словами, это были крупнейшие для того времени предприятия промышленного капитала, а Москва была его центром и сосредоточением интересов русского национального капитала.

Какие громадные «нормы прибавочной стоимости» нужно было выжимать из рабочих, какую громадную степень эксплоатации нужно было применять, чтобы небольшие десятки-сотни рублей капитала, с которых начинались предприятия Морозовых, Хлудовых, Прохоровых и др., могли превратиться через 100 лет в десятки миллионов рублей капитала! Чтобы понять эти громадные размеры и темпы накопления, необходимо принять во внимание, что маленькая кустарная красильная и набивная мастерская 40—70-х годов сосредоточивала вокруг себя часто 10—15 тыс. человек домашних рабочих-ткачей, получавших даже сравнительно с низкой оплатой фабричных рабочих ничтожнейшую зарплату. А о чудовищной, беспощадной эксплоатации на московских текстильных фабриках свидетельствовали крайне низкая зарплата, тяжёлый быт рабочих, постоянные волнения и стачки, беспощадные расправы с бастующими фабрикантов Морозовых, Прохоровых, Хлудовых[1].

Московская промышленная «текстильная» буржуазия не только в лице своих первых, наиболее хищных и наименее культурных представителей, но и в их третьих-четвёртых поколениях, «высоко культурных» и европейски образованных фабрикантов, была политически и экономически глубоко реакционной, готовой в своих, узко классовых интересах поддерживать самые реакционные тенденции царизма и самодержавного строя.

---

[1] О положении рабочих и о стачках их на морозовских, хлудовских и других московских текстильных фабриках см. выше.

Москва металлическая. Мы не будем с такой же подробностью останавливаться на предприятиях других отраслей промышленности. Давая в целом продукции по стоимости почти столько же, сколько одна текстильная промышленность, они в количественном отношении не имели решающего значения в московской промышленности, а в её экономике 90-х годов играли — кроме металлических предприятий — в преобладающей степени лишь местную роль. Сюда относятся все те промышленные предприятия, которые удовлетворяли нужды миллионного населения города и его сложного городского хозяйства, в первую очередь предприятия пищевой промышленности. Все эти предприятия в 90-х годах представлялись большей частью небольшими, средними или даже мелкими.

По промышленной переписи 1890 г. в Москве числилось 753 предприятия текстильной промышленности, на которых было занято 35,7 тыс. рабочих; 1 076 предприятий по обработке металлов с 10,9 тыс. рабочих, т. е. в среднем по 10 человек на предприятие; 654 предприятия пищевой промышленности с 9,9 тыс. рабочих; 163 предприятия химической промышленности с 1,8 тыс. рабочих. Положение несколько изменилось к началу XX в. за счёт как общего увеличения числа предприятий, так и увеличения удельного веса металлической промышленности, но всё же при сохранении преобладания текстильной. Из общего числа учтённых переписью 1908 г. по Московской губернии предприятий цензовой промышленности было [1]:

	Число заводов	Число рабочих (тыс.)	Сумма продукции (млн. руб.)
Всего по Московской губернии	1 295	314,7	596,6
В том числе во обработке хлопка	217	142,4	265,5
» » » шерсти	135	40,9	69,8
» » » шёлка	108	24,1	27,8
» » » льна	7	0,4	0,4
» » » металлов	231	35,1	57,6
» » » химических продуктов	45	5,5	23,5
» » » питательных и вкусовых продуктов [2]	77	15,5	57,7

Московская губерния по всем приведённым показателям (числу предприятий и рабочих, сумме производства) занимала первое место из всех губерний, не уступая, например, Петербургской, цензовая промышленность которой насчитывала

[1] «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.», под ред. В. Е. Варзара, Спб. 1912.

[2] Включая не подлежащие и подлежащие акцизу.

всего 824 предприятия с 166,9 тыс. рабочих и 449 млн. руб. продукции.

По другой промышленной переписи, 1912 г.[1], (данные которой не вполне сравнимы с предыдущими) соотношение главных отраслей промышленности Московской губернии — текстильной, металлообрабатывающей и химической — по числу предприятий и занятых на них рабочих представляется в следующем виде:

Производства	Предприятий	На них рабочих	
		Всего тыс.	На 1 предприятие
Металлообрабатывающая промышленность	211	42,2	200
В том числе машиностроение	42	18,9	450
» » » земледельческих машин	6	34,4	559
» » » железо, сталелитейное и арматурное	27	5,6	207
» » » вагоностроительное	3	1,6	544
» » » электротехническое	6	1,2	200
Химические производства	57	5,8	102
Текстильная промышленность[2]	311	171,4	551
В том числе по обработке хлопка	186	129,3	696
» » » » » шерсти	115	38,3	333
» » » » » льна	8	2,2	272

Таким образом, в 1908—1912 гг. на первом месте и по числу предприятий и занятых на них рабочих и по числу рабочих в среднем на одно предприятие стояла текстильная и в частности хлопчатобумажная промышленность. На втором месте стояла металлообрабатывающая промышленность, которая давала показатели значительно более низкие, чем в отдельности хлопчатобумажная и даже шерстяная промышленность. Но по величине и концентрации производства ведущее значение принадлежало всё же металлообрабатывающей промышленности, так как, несмотря на значительное число мелких и средних предприятий, в ней имелись и наиболее крупные предприятия по нескольку тысяч рабочих.

Из этих предприятий заслуживают по их общеэкономическому значению более подробного рассмотрения главным образом предприятия по обработке металлов, по металлическим изделиям, машиностроению, химические, электротехнические и др. Многие из этих предприятий к 1900—1910 гг. имели уже не только местное значение. По национальному признаку они резко

[1] «Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910—1912 гг.», М-во торговли и промышленности, 1915, в. V—VI и VIII—X.

[2] Без смешанных производств.

отличались от «национального» русского характера московских текстильных предприятий, будучи основаны иностранцами и в подавляющей степени за счёт иностранного капитала. Некоторые из них были основаны ещё в середине XIX в. и проделали, так же как и русские предприятия, путь развития от небольших мастерских и мануфактур до крупных фабрично-заводских предприятий. С конца XIX и с начала XX в. стали образовываться крупные иностранные предприятия путём непосредственного «переноса» иностранного капитала и техники в виде акционерных обществ, финансируемых иностранными банками или даже в виде филиалов иностранных промышленных фирм.

Небольшое число предприятий этой группы было основано на русские капиталы и до конца сохраняло свою «национальную» оболочку. Таковы были, например, латунный и меднопрокатный завод Кольчугина, развившийся к 1910—1912 гг. в крупнейшее акционерное общество с основным капиталом в 3 млн. руб.; химические предприятия Мамонтовых, акционерное общество с капиталом в 3,6 млн. руб.; Московская резиновая мануфактура Полякова с основным капиталом в 2 млн. руб.; Коломенский машиностроительный завод с основным капиталом в 10 млн. руб.; Мытищинский завод, Московское общество вагоностроительных заводов, ряд фирм и предприятий электротехнических и пр. Но некоторые из них, хотя и сохраняли «русскую» фирму, фактически находились в распоряжении иностранного акционерного капитала.

Иностранный капитал в московской металлической промышленности. Из иностранных металлических заводов Москвы большой известностью пользовался завод металлических изделий, основанный в 1882 г. Гужоном в виде небольшого предприятия для выработки мелких металлических изделий — болтов, гаек, гвоздей, чугунного литья и пр. Предприятие шло успешно и перешло на производство более ответственных изделий — прокатки балок, рельсов, качественных сталей, обслуживая преимущественно местные нужды городского хозяйства и московского промышленного строительства. После кризиса 1900—1903 гг. предприятие оказалось в затруднительном положении, и в 1904 г. французские банки произвели финансовую реорганизацию его, превратив в Товарищество Московского металлического завода с капиталом в 4 млн. руб.

На заводе Гужона процветала самая беспощадная эксплоатация рабочих, с 12-часовым рабочим днём в горячих цехах. Сам Гужон являлся активнейшим членом всякого рода монополистических и представительных организаций металлургических заводчиков — Постоянной конторы железозаводчиков, Общества фабрикантов и заводчиков, Съездов представителей промышленности и торговли, инициативным участником всяких

промышленных и правительственных совещаний, лидером металлургов центрального района. После нескольких лет борьбы против «монополии» «Продамета» и в особенности против неравномерности распределения правительственных заказов среди его участников, он сам вошёл в «Продамет» и стал влиятельным членом его, а также другого монопольного объединения «Проволока», сбывая через них свою продукцию. К 1912 г. общество заводов Гужона имело основной капитал в 5 млн. руб. и давало дивиденда 550 тыс. руб.[1]

Другой металлический иностранный завод, завод Бромлея, был основан в 1857 г. в виде небольшого предприятия, изготовлявшего домашний инвентарь — топоры, пилы и пр. Затем завод стал развивать производство самых разнообразных изделий — лесопильных рам и машин, нефтяных, газовых и паровых двигателей, токарных, сверлильных станков, паровых молотов, типографских машин и т. п. При таком разнообразии продукции серийного производства на предприятии не было, оборудование было случайным и устарелым, техника очень не высока. Тем не менее изделия завода Бромлея пользовались большой известностью, находя клиентуру по всей России. Часто завод выписывал требуемые для его клиентов машины из-за границы и ставил на них свою марку, являясь, таким образом, больше посредником, чем фабрикантом машин. Из других иностранных предприятий машиностроительной промышленности на американские капиталы был построен громадный завод сельскохозяйственных машин в Люберцах и некоторые другие.

Из числа акционерных предприятий электротехнической промышленности старейшая фирма Кольбе, основанная в 1890 г., электротехнические фирмы Сименс и Гальске, «Русское» электрическое общество «Вестингауз», «Русское» общество всеобщей компании электричества и др. — все они представляли по существу филиалы или сборочные отделения одноимённых иностранных, преимущественно немецких обществ. Этими 3—4 обществами была произведена электрификация всех городских и промышленных предприятий Москвы. К этой же категории предприятий с господством немецкого капитала принадлежали самые разнообразные немецкие предприятия электротехнической, химической, фармацевтической и прочей промышленности — Раузер, Б. Кенц, Г. Лист, Ферейн, Келлер, Юргенсон, Липгарт, Набгольц, а также бесконечное число немецких фирм и контор — технических, арматурных, машиностроительных, мельничных, сельскохозяйственных машин и пр. — которыми была наводнена Мясницкая улица.

[1] Богатые и поучительные архивные фонды заводов Гужона и Товарищества Московского металлического завода находятся в Московском областном историческом архиве.

Внедрение акционерного — в значительной степени иностранного — капитала получило наибольшее развитие в московской промышленности в 900-х годах. К этому времени московская текстильная промышленность, хотя и продолжала по абсолютным своим размерам занимать первое место, но теряла свой относительный удельный вес в связи с усиленным ростом московской металлической промышленности. В связи с монополистическими тенденциями в развитии капитализма в этот период начали происходить важные сдвиги и в самой текстильной промышленности. И ранее того достигшая весьма высокой степени концентрации, она в 1906—1914 гг. проходила усиленный процесс объединений, слияний, финансовых реконструкций, подчинения банковому капиталу и пр. Этот процесс «сращивания» промышленного капитала с банковым и образования монополистического, финансового капитала происходил в московской промышленности с некоторыми особенностями сравнительно с другими отраслями и районами России.

Объединения в московской текстильной промышленности. В России образование банкового и финансового капитала происходило в преобладающей мере под воздействием иностранного капитала и направлялось прежде всего на реорганизацию и монополизацию отраслей тяжёлой индустрии. В московской текстильной промышленности в период образования монополистического капитала сохранялось преобладание русского капитала и руководящее влияние русской промышленной буржуазии. Развитие финансово-монополистических тенденций в текстильной промышленности не дошло до таких законченных форм, как в металлургической, каменноугольной, машиностроительной и других отраслях тяжёлой промышленности.

Руководящее влияние русского капитала и русской буржуазии сказалось в Москве не только в самой текстильной промышленности, но и в организации московских банков, связанных с текстильной промышленностью, в организации различных представительных и руководящих органов буржуазии и на характере проводимой ею экономической политики и пр. Московская буржуазия выделила своих банковых и финансовых организаторов, руководителей промышленных объединений, политических лидеров для защиты своих классовых интересов.

Московская промышленная буржуазия в 1906—1914 гг. выработала такие формы своей организации и защиты своих классовых интересов, которые представляли значительную общественную силу, притом в некоторой степени независимую от воздействия иностранного капитала.

Образование монополистических объединений в текстильной промышленности России началось в 1908 г. с организации синдиката лодзинских хлопчатобумажных фабрикантов, отчасти

в целях борьбы с текстильной промышленностью московского центрального района. Это усилило развитие монополистических тенденций и среди московских фабрикантов. Существовавшее до тех пор Совещание мануфактурных промышленников московского района было реорганизовано в Общество хлопчатобумажных фабрикантов (полусиндикатского типа), объединившее 47 предприятий центрального района с 3,7 млн. веретён (из общего числа 8,8 млн. веретён) и 61 тыс. ткацких станков. Хотя много предприятий оставались «дикими» (вне синдиката), но всё же руководящие хлопчатобумажные предприятия как русского, так и иностранного капитала были объединены. В 1910 г. возникло Общество суконных фабрикантов. В 1912 г. был образован синдикат в льняной промышленности — Русское льнопромышленное акционерное общество, объединившее значительную долю льняных фабрик.

Этот процесс синдицирования был подготовлен тенденциями к концентрации в московской текстильной промышленности. Он достигался следующими основными способами:

1. Или простой *скупкой* крупными фабрикантами отдельных, средних и крупных предприятий, как, например, покупка в 1907 г. товариществом Э. Циндель Воскресенской мануфактуры, Второвым в 1910 г. — мануфактуры Гюбнера, Рябушинским в 1912 г. — Локаловской льняной мануфактуры и пр., Морозовым — прядильной фабрики фон Бека, товариществом Разорёновых в 1903 г. — ткацкой фабрики Набатова и др.

2. Путём *объединений (фузий)*, типичными случаями которых представлялись объединение Большой Кинешемской мануфактуры и Тезинских мануфактур Разорёновых или Горкинских мануфактур Шорыгиных с Ковровской ткацкой мануфактурой Треумова и др.

3. Путём *финансовой реорганизации* предприятий с переходом их к новым владельцам, как это было с товариществом мануфактуры Э. Циндель, реорганизованным Кнопом, Хлудовым, Солдатёнковым, а также с Товариществом мануфактур Коншина, перешедшим после его смерти к новому товариществу Второва, Кнопа и др.

4. Путём приобретения *«контрольного пакета»* паёв предприятий, чем особенно охотно пользовался Кноп, состоявший руководящим пайщиком Воскресенской, Богородско-Глуховской, Измайловской, Реутовской, Большой Ярославской и Даниловской мануфактур; Второв — имевший руководящий пакет паёв в Коншинских мануфактурах, в товариществе мануфактур Баранова; Прохоров — в Большой Ярославской и Ярцевской мануфактурах Хлудовых; Бардыгин — в Раменской мануфактуре Малютиных и в Хлудовских мануфактурах и т. п.

5. Путём *«личной унии»* и персонального участия директорами и членами правлений, советов, ревизионных комиссий и т. п. В этом отношении наиболее типичной представлялась деятельность Кнопа, который был председателем правления мануфактуры Э. Цинделя, директором Даниловской мануфактуры, членом правления Богородско-Глуховской, Вознесенской мануфактуры Лепёшкина, Высокогорной мануфактуры, Садковской мануфактуры Дёмина, мануфактуры Барановых и др.

Понятно, что все эти формы объединений не стояли изолированно одна от другой, а часто сливались, переходили из одной в другую (например, от контрольного пакета к полному слиянию и т. п.). Все они вырастали на почве высокой концентрации и монополизации текстильной промышленности. Кноп, например, путём личного участия, фузий, контрольных пакетов, акций и пр. держал под своим контролем до 600 тыс. прядильных веретён, т. е. до 30% веретён московского района. Переплетение интересов и контроля было весьма велико. В правлениях громадного числа мануфактурных предприятий заседали одни и те же лица — Второвы, Бардыгины, Бахрушины, Морозовы и их доверенные лица.

Москва банковая. Особенно развилось взаимное переплетение интересов, «участие» и контроль со времени вовлечения банкового капитала в финансирование текстильной промышленности. Вообще долгое время в московской текстильной промышленности банковое кредитование, а тем более финансирование не находило широкого применения. Это объяснялось целым рядом экономических причин. Быстрое накопление капитала, высокие промышленные и торговые прибыли, следование старым традициям непосредственного товарного и вексельного кредитования промышленными предприятиями торговых — всё это не вызывало большой потребности в банковом кредитовании.

Изменение условий торговли с 90-х годов — распыление старой ярмарочной оптовой клиентуры на мелкую, розничную, перенос торговых оборотов с ярмарок непосредственно в Москву, расширение торговой клиентуры по всей империи — всё это обусловило необходимость изменения в формах кредитования в виде перехода к банковому кредитованию, к развитию учётно-вексельных и учётно-ссудных подтоварных кредитных банковых операций. Когда же в 900-х годах текстильная московская промышленность стала переходить на путь акционирования, фузий, финансовых реорганизаций, банки стали принимать живейшее участие не только в кредитовании, но и в финансировании промышленности.

Первые акционерные коммерческие банки Москвы были полностью связаны с текстильной промышленностью Москвы и

центрального района. Основателями и руководителями первых московских банков были исключительно крупные мануфактурщики. В старейшем Московском купеческом банке (основан в 1866 г., первый акционерный коммерческий банк в Москве) пайщиками были решительно все текстильные фабриканты, а руководителями Крестовников, Кноп, Баранов, Бардыгин, Бахрушин, Прохоров, Якунчиков и др. В Московском учётном (основан в 1870 г.) — Кноп, Морозов, Бахрушины, Гучков, Карзинкин, Абрикосов; в Московском торговом — Кноп, Карзинкин, Прохоров, Найдёнов, Коншин и др.

Каждая сколько-нибудь крупная группа мануфактурных промышленных и торговых предприятий предпочитала иметь «свой» банк. Но так как интересы эти переплетались, то многие лица заседали в правлениях и в советах нескольких банков (Кноп, Бахрушины, Гучковы, Прохоровы и др.). Все они представляли собой значительную и сплочённую группу московской промышленной и финансовой олигархии. Переплетение их интересов не устраняло конкуренции отдельных банков на почве «патронирования» ими тех или иных предприятий, участия в их финансировании путём выпуска паёв и акций, помещения их в своих портфелях и на онкольных счетах и т. п. Все они заседали в Городской думе, принимали участие в консорциумах банков по выпуску займов города Москвы и других городов, облигаций Московского городского общества, облигаций различных московских предприятий, как текстильных, так и металлических, химических и пр., охотно помещали в этих же банках в случае своих финансовых затруднений эти паи в обеспечение онкольных счетов. Всё это вначале не выходило из пределов банковских операций по кредитному и финансовому обслуживанию местной промышленности и торговли.

То новое, что вывело деятельность Московских банков из этих пределов «провинциальных» и местных нужд на дорогу грюндерства, широкого финансирования самых различных промышленных, торговых, железнодорожных, земельных, банковских и прочих предприятий, было связано с общим промышленным и грюндерским оживлением конца 90-х годов. Это новое направление было привнесено в московскую банковую жизнь организацией новых специальных «спекулятивных» московских банков, не связанных с «текстильным» московским капиталом, а также учреждением многочисленных отделений петербургских банков, связанных не столько с московским, сколько с иностранным капиталом.

Одним из колоритнейших деятелей в этих попытках вывести «национальный» московский капитал от текстиля на дорогу обширных и разносторонних финансовых операций, часто международного масштаба, являлся Лазарь Соломонович Поляков.

По происхождению и по размаху деятельности он не был «москвичом», но Москва представляла главное поле для его разнообразных грюндерских и финансовых операций. Л. С. Поляков происходил из бедной еврейской семьи города Орши и начал свою деловую карьеру с мелкого подрядчика по постройке железных дорог и закончил её известным крупным международным банковым деятелем с высоким царским чином (несмотря на своё еврейское происхождение) «тайного советника». Усиленное железнодорожное строительство в 1870 г. выдвинуло Л. С. Полякова в крупные строители, затем в концессионеры и, наконец, в 90-х годах в финансовые и банковые руководители, в организаторы самых разнообразных предприятий. Он основал «Банкирский дом Полякова» и сделался учредителем и руководителем Московского и Ярославско-Костромского земельных банков, Орловского коммерческого, Южнорусского промышленного, Рязанского торгового, преобразованного затем в Московский международный банк, который в свою очередь после краха в 1907 г. был слит с Орловским и Южнорусским в Соединённый банк в Москве [1] (а затем переведён в Петербург).

С помощью этой разветвлённой сети банков, пользуясь поддержкой иностранных банков, Поляков развил самое неумеренное, спекулятивное грюндерство, несоответствующее его капиталам, закладывая и перезакладывая акции в банках, спекулируя ими. Кроме вышеуказанных банков Поляков был учредителем или главным пайщиком Московского лесопромышленного товарищества, Московского домовладельческого строительного общества, подъездных железнодорожных путей, Московско-Череповецких писчебумажных фабрик, Московской резиновой мануфактуры, Общества городских и пригородных конно-железных дорог в Москве, Вильне, Воронеже; Коммерческого страхового общества и др. В Персии он строил и финансировал Энзели-Тегеранскую железную дорогу, Персидское общество постройки дорог и трамваев, Товарищество для развития торговли и промышленности в Персии, Страховое персидское общество и пр.

Кризис 1900—1903 гг. резко пошатнул все эти спекулятивные и часто дутые предприятия Полякова. Правительственная ревизия обнаружила, что при основном капитале Банкирского дома Полякова в 5 млн. руб. он выпустил акций на сумму 39,5 млн. руб., которые были все заложены под обеспечение кредитов в банках (в том числе в заграничных на сумму до 3,7 млн. руб.). Вся же сумма задолженности предприятий Полякова достигала 45,8 млн. руб. Был поставлен вопрос о необходимости «санирования» и слияния поляковских банков.

[1] Московский областной архив, оп. № 267, 1.

Чрезвычайно интересная борьба различных банковских групп разыгралась вокруг этой первой в России фузии банков (для неё потребовалось специальное «высочайшее» разрешение). Когда поляковские банки растратили на дутые предприятия свой основной капитал в 25 млн. руб., низведя его до 10 млн., с задолженностью Государственному банку в 3,7 млн. руб., министерство финансов решило произвести «санирование» банков, с объединением их в один Соединённый банк и с низведением его основного капитала до 12 млн. руб. По этому поводу выступила инициативная группа иностранных англо-немецких капиталистов с проектом создания своего крупного банка с основным капиталом (иностранным) в 50 млн. руб. Поляков пытался захватить в свои руки решающие позиции в проектируемом банке. Общее собрание акционеров Московского международного банка в 1908 г. избрало руководство из ставленников Полякова, который получил в своё распоряжение две трети всех акций (хотя все они были заложены в Государственном банке по цене вдвое выше биржевой). За создание Соединённого банка за счёт русских капиталов и за участие в нём Полякова высказались Морозов, Крестовников и др. В печати (в правых «Московских ведомостях», в «Руси», в «Голосе Москвы») началась травля поляковских проектов, а вместе с тем и поддерживавшего их министерства финансов [1].

Царское министерство финансов и Государственный банк были заинтересованы в «поддержке» Полякова от банкротства по соображениям необходимости охранять перед заграницей «престиж» русских банков и русской промышленности. Но уже при рассмотрении этого вопроса в министерстве и в комитете финансов (повидимому, не без настояний московских черносотенных представителей «истинно русских» интересов), было указано, что при желательности финансовой поддержки поляковских банков и предприятий необходимо устранить самого Полякова, который «является в Москве могучим центром и оплотом еврейства». Поэтому банки и предприятия Полякова были спасены от банкротства крупной, 22-миллионной ссудой Государственного банка, ликвидацией многих предприятий, объединением (при содействии французских банков) поляковских банков в Соединённый банк. Но вместе с тем Николай II в своей резолюции потребовал отстранения Полякова от всяких промышленных и банковских дел. Поляков в 1914 г. умер в Париже, оставив неуплаченных долгов Государственному банку на сумму 30,3 млн. руб. [2]

[1] Архив НКФ, Особенная канцелярия по кредитной части, отд. 5—3, 1906 г., № 33.

[2] Архив НКФ, Особенная канцелярия по кредитной части, отд. 5—3, 1901 г., № 24.

Если спекуляция Полякова не была особенно типичной для московского банкового и промышленного капитала, то она не была и исключением. Ещё ранее краха Полякова жертвой неумеренной банковской и биржевой спекуляции сделался другой московский спекулятивный Российский торговый и коммерческий банк, где вели свою преступную деятельность его руководители Цион, Слепушкин, Кричевский. Судебное следствие обнаружило колоссальные злоупотребления, финансирование дутых предприятий (Цехонинских солеварен, страхового общества «Россиянин», фабрику огнеупорных составов Бабаева и др.), взятки и пр. Вкладчики банка были разорены, а принимавший участие в этих спекуляциях Торгово-промышленный банк получил также крупные убытки и был подвергнут санированию [1].

Почти одновременно с крахом Полякова в результате кризиса 1900—1903 гг. пострадали и многие русские московские предприятия, из числа которых очень сильный общественный шум вызвало крушение предприятий Мамонтова, неудачного строителя Московско-Архангельской железной дороги, но большого московского мецената, учредителя Московской частной оперы, покровителя театров (оправданного, впрочем, судом от обвинения в расходовании общественных денег на «покровительство искусству»).

Трансформация московского промышленного капитала в финансовый капитал. В 1908—1914 гг. даже такие солидные и не спекулятивные «текстильные» московские банки, как Московский купеческий, Московский учётный, стали принимать участие — и не всегда удачное — в грюндерстве, в финансовых реорганизациях и контролировании различных промышленных и торговых предприятий. Московский частный коммерческий банк (преобразованный в 1912 г. из Московского отделения Петербургского частного коммерческого банка) при поддержке французских и немецких банков под руководством Гучкова, Кнопа, Вогау и др. стал усиленно развивать грюндерскую деятельность, особенно в области сахарной промышленности, и подпал в значительной части под руководство и контроль сахарозаводчиков Бродского, Ярошинского и др. Усиленной спекулятивной деятельностью занимались также московские банкирские конторы, имевшие миллионные специальные текущие счета под ходкие биржевые бумаги в том же Московском купеческом банке (банкирский дом братьев Джамгаровых — на 2,9 млн. руб., банкирский дом Кронеблех — на 5,5 млн., Лещинского, крупного биржевого спекулянта — на 4,3 млн., бан-

[1] Московский областной архив, оп. № 260, 1 и № 274, 1.

кирский дом Волкова — на 1,6 млн., Второва — на 5,7 млн. руб.) [1].

Но, пожалуй, наиболее типичным проявлением трансформации московского «текстильного» капитала в капитал банковый и финансовый и перехода его от ограниченных кредитно-финансовых операций в текстильной промышленности на путь широкого грюндерства, представляет собой образовавшаяся уже в самые последние годы русского капитализма московская финансовая группа Рябушинского — Второва.

Торговый дом Рябушинских принадлежал к одним из старейших московских текстильных предприятий, начало которых было заложено в XVIII в. ремесленником слободы Рябушинской, резчиком по дереву Денисовым, по прозвищу Стекольщиков. Внук Стекольщикова-Денисова М. Я. Рябушинский в 1802 г. открыл в Москве в холщёвом ряду небольшую лавку. В 1846 г. он устроил в Москве ткацкую фабрику, а затем в 1870—1872 гг. прикупил ещё несколько небольших мануфактур. В 1887 г. было организовано товарищество мануфактур П. М. Рябушинского с капиталом 2,4 млн. руб., развившееся в 1914 г. в предприятие с основным капиталом в 5 млн. руб. с 94,3 тыс. веретён, 2 100 механических ткацких станков с годовой производительностью в 8 млн. руб.

Но характерным для облика торгово-промышленного дела Рябушинских с 900-х годов становится не это первоклассное текстильное предприятие, а банковое дело с финансированием самых различных предприятий. В 1900 г. Рябушинский приобрёл руководящий пакет акций Харьковского земельного банка Алчевского и после краха последнего оказался главным распорядителем банка. В 1902 г. для расширения своих банковых операций он основал банкирский дом братьев Рябушинских, с основным капиталом в 5 млн. руб. Обороты банкирского дома с 33,6 млн. руб. в 1903 г. выросли до 1 423 млн. руб. в 1911 г.

С 1912 г. банкирский дом Рябушинских превратился в акционерное предприятие Московский банк братьев Рябушинских с основным капиталом в 20 млн. руб. Учредителями и пайщиками являлись, кроме Рябушинских (15 тыс. акций), крупные московские фабриканты-текстильщики — Морозовы (1 тыс. акций), Бардыгин, Карзинкин, Коновалов, Крестовников, Третьяков и др. (по 200—300 акций).

Промышленное, торговое и банковое дело братьев Рябушинских не замкнулось только в текстиле. Рябушинские, став полными распорядителями банка, организовали лесоторговое дело и разработку торфа для нужд фабрики, построили Окуловскую писчебумажную фабрику, Цинскую стекольную фабрику,

[1] Московский областной архив, оп. 253, д. 10.

купили Локаловскую льняную фабрику в Ржеве, типографию в Москве и, наконец, в 1916 г. стали строить автомобильный завод в Москве, сделавшись таким образом типичными представителями московской финансовой олигархии, организаторами промышленных предприятий крупного масштаба [1].

Ещё более колоритной фигурой финансового капитала в Москве был Н. А. Второв, сын упоминавшегося уже нами основателя торговой сибирской фирмы А. Ф. Второва. Получив в 1911 г. от отца целый комбинат различных предприятий с оборотом в 30 млн. руб., находившихся в его владении или под его контролем, Н. А. Второв укрепил свои финансовые позиции вхождением в финансовую группу Рябушинского, став также одним из влиятельных пайщиков и руководителей Сибирского торгового банка. В 1916 г. он перекупил от Азовско-Донского банка и от сахарозаводчика Бродского все паи Юнкерс-банка, став, таким образом, полным распорядителем банка и его акций (около 25 тыс. акций на 6,5 млн. руб., из которых Кноп получил 5 тыс. акций, Коновалов — 250 и ряд других мануфактуристов по 200—250 акций). Получив по специальному текущему счёту в Московском купеческом банке под акции Юнкерс-банка 5,7 млн. руб. и на закупку хлопка 8 млн. руб., Второв стал виднейшей фигурой в московской текстильной промышленности и в московской финансовой олигархии [2].

Одновременно с этим Второв берёт крупные поставки военному ведомству через организованное им акционерное общество «Поставщик», строит два завода для изготовления гранат и первый в России завод электростали (под Москвой). Совместно с Рябушинским и немецкой фирмой Вогау (учреждённой в Москве в 1840 г. для торговли москательными товарами, сахаром, чаем, хлопком и пр.), они в 1915—1917 гг. проектировали ряд важнейших монополистических объединений промышленных и банковских предприятий.

Фирма Вогау (немецкая) через свой торговый аппарат захватила в свои руки весь сбыт продукции синдиката «Медь». Впоследствии с помощью Русского для внешней торговли банка (немецкие капиталы) она стала организовывать крупный металлургический концерн, приобрела Кольчугинский завод, Московский металлургический завод Гужона и ряд других предприятий. Международный банк приобрёл руководящее значение в Коломенском и Сормовском заводах, в заводе Бромлея, в Московском обществе вагоностроительных заводов и др. В текстильной промышленности наибольшую активность к созданию фузий и концентрации проявляли Соединённый и Азовско-Донской банки.

[1] МОИА, ф. 253, д. 10.
[2] Там же.

Но вся деятельность этих крупных представителей московской финансовой олигархии и стоявших за ними банков была прервана общим крушением российского капитализма после Октябрьской революции.

Культура и быт московской буржуазии. Так закончилась почти полуторавековая история развития московской национальной буржуазии, прошедшей длительную органическую эволюцию от торгового капитала и мелкого кустаря-скупщика до мануфактуры и крупной фабрики; от текстиля до крупных металлургических и машиностроительных предприятий; от торгового и промышленного до банкового и финансового капитала. Русский национальный московский «текстильный» капитал, накопив в торговле и в производстве мануфактуры многомиллионные фонды, усвоил все приёмы и всю практику организации монополий, «сращивания» своих банковых капиталов с промышленностью, все сложные операции финансирования, фузий, санирования, промышленных и банковских эмиссий и пр. для дальнейшего, вящего своего обогащения.

Московский национальный торговый, промышленный, банковый и текстильный, металлургический и финансовый капитал представлял к 1914—1917 гг. громадную экономическую силу, а сама Москва являлась его организационным, политическим и идеологическим центром. Но политическое и общественное значение буржуазии далеко не соответствовали её экономической силе.

Это несоответствие политического значения с экономической силой буржуазии было наследием крепостнической эпохи и того феодально-дворянского, самодержавно-бюрократического строя, в условиях которого приходилось развиваться русской буржуазии. Представители крупного оптового торгового капитала, потомки старого «российского купечества» — откупщиков, оптовых торговцев хлебом, кожей, щетиной, мануфактурой, крупных «меховщиков» Сибири и пр., — которые ещё в первой половине XIX в. ходили «в миллионщиках», зачастую бывали малограмотны. Культурный уровень массы московской буржуазии того времени был не высок. Все интересы личной, общественной и политической жизни средней и мелкой буржуазии замыкались между лавкой и складом в «рядах» или в «зарядье» (где всё ещё применялся старый русский принцип торговли «не надуешь — не продашь»), трактиром, биржей, поездками за товаром в Нижний, семейным «благолепием» «Домостроя» в замоскворецких особняках, молебнами у «Иверской», постами и «разговеньями». Правда, московская буржуазия в своей массе уже в 60—70-х годах ушла далеко вперёд от того московского купечества конца XVIII в., которое заявляло, что, во избежание выборов на общественные должности грамотных купцов, московские купцы «как

сами грамоте и писать обучаться, так и детей своих обучать не будут» [1].

Московское купечество, даже крупное, часто ютилось в плохих домишках в Замоскворечье, на Таганке. Накопление капиталов и громадных прибылей обгоняло рост культуры и культурных потребностей. Богатства растрачивались на самые дикие, некультурные выходки. Откупщик Кокорев купил у разорившегося князя дом и поставил около него на улице серебряные фонари, а дворецким сделал обедневшего севастопольского генерала. Один из владельцев фабрики Малютиных прокутил в Париже за один год свыше миллиона рублей и довёл фабрику до разорения. Заботы о «душе» заставляли именитое купечество при жизни или после смерти передавать миллионные состояния на благотворительность, на постройку церквей, больниц, богаделен. Едва ли найдётся другой город с таким числом «благотворительных» учреждений купечества — Хлудовская, Бахрушинская, Морозовская, Солдатёнковская, Алексеевская больницы, Тарасовская, Медведниковская, Ермаковская богадельни, Ермаковский ночлежный дом, дешёвые квартиры Солодовникова и многое другое.

Развитие капитализма, деловая горячка 60—70-х годов и особенно промышленный подъём 90-х годов сильно отразились не только на экономике Москвы, но и на её быте и даже на внешнем облике города. Дворянство окончательно сдаёт свои позиции купечеству, и «Москва-дворянская» первой половины XIX в. превращается к концу его полностью в «Москву торгово-промышленную». Старинные дворянские особняки скупаются купечеством, уничтожаются и застраиваются доходными домами. Старая московская торгово-промышленная буржуазия усиленно пополняется «снизу» массой выходцев мелкой и средней провинциальной буржуазии из крестьянства, мелких торговцев, скупщиков-кустарей, также превращающихся в Москве в промышленных предпринимателей, строителей фабрик и заводов.

Крупная московская буржуазия не только сохранила в своих руках руководящую роль в экономической и общественной жизни Москвы, но и усилила её. Масса мелкой и средней буржуазии шла за своими лидерами, за старым «именитым купечеством», за магнатами промышленного капитала.

С 90—900-х годов культурный уровень московской буржуазии как мелкой, так и средней и крупной, значительно возрос. Стали исчезать устои патриархальщины и дикости. Образование, в особенности специальное, уже стало находить полное признание в среде средней и мелкой буржуазии, как верное

[1] Материалы для истории московского купечества, т. 1, Общественные приговоры, М. 1842, стр. 187, приговор 1799 г.

средство хорошо поставить своё промышленное и торговое дело. Верхушка московского именитого купечества и крупной промышленной буржуазии, из прежних малограмотных основателей многомиллионных предприятий, в третьем-четвёртом поколении уже приобщалась к высокой культуре и образованности, становилась покровительницей науки и искусств, учредительницей учебных заведений (Медведниковская гимназия, Шелапутинский институт, клиники Московского университета, 23 специальных учебных заведения, ремесленные училища), музеев, картинных галерей (Третьякова, Бахрушина, Щукина) и др.

В городском общественном управлении господствовала московская крупная и средняя буржуазия и преимущественно — именно торговая и «текстильная». Она держала в своих руках всё управление Москвы и все руководящие в нём посты, используя их в своих интересах. В московском городском самоуправлении, в Городской думе заседали и имели «наследственные», переходящие от отца к сыну, места такие лидеры крупной и культурной буржуазии, как Морозовы, Крестовниковы, Бахрушины, Абрикосовы, Гучковы и др. Мелкая и средняя буржуазия была представлена такими колоритными для Москвы фигурами, как купец Сахаров, владелец почти всех трактиров Замоскворечья, Харитонов — владелец ночлежных домов на Хитровке, этой ужасающей язвы старой Москвы.

Такой характер состава городского управления отражался и на всём городском хозяйстве Москвы: не мудрено, что наряду с постройкой Ермаковского ночлежного дома и Солодовниковского дома дешёвых квартир процветали Хитровские ночлежки; что с Морозовской биржей труда успешно конкурировали рабочие рынки в Хитровом переулке и на Каланчёвской площади; что Городская дума отвергла проект метрополитена, не могла организовать хорошо канализацию и водопровод и сводила городской бюджет с хроническим дефицитом.

Экономическая программа московской буржуазии. Московская буржуазия, однако, не замыкалась в узкий круг местных интересов и нужд, а стремилась выйти на арену общественно-государственной деятельности в соответствии со своей экономической силой. Политические условия самодержавно-дворянского и бюрократического строя не способствовали успешности этих стремлений. Правда, буржуазия издавна имела свои официальные сословно-классовые учреждения, как мануфактурный совет (с Московским отделением), «для споспешествования мануфактурной промышленности», коммерческий совет, совет торговли и мануфактур. Но во всех этих бюрократических учреждениях буржуазия представлялась жалким и ненужным привеском к самодержавно-бюрократическому управлению.

Когда с конца 90-х годов и к началу XX в. промышленный капитализм достиг зенита своего развития, возрастает и политическая активность буржуазии, её стремление к самостоятельной защите своих интересов. Устами своих лидеров на съездах и совещаниях, на страницах своей прессы (московский «Русский курьер», нижегородский «Волгарь», «Промышленный мир») буржуазия провозгласила, что «купец идёт» и что он несёт с собой экономическую силу и прогресс. «Русский курьер» (газета, созданная в 1884 г. московским фабрикантом Ланиным) ещё в разгар дворянской реакции 80-х годов утверждал, что «буржуазия более прогрессивный класс, чем дворянство: она — элемент всесословный, чуждый традиции и сословных предрассудков».

При министре финансов Витте, при усилении правительственного курса на покровительство промышленности созвучие стремлений промышленной буржуазии с правительственной политикой достигает апогея. Витте, по его словам, ставил своей целью «выработку системы национальной промышленности». Она заключалась в усиленном покровительстве развитию промышленности как лёгкой, так и особенно тяжёлой путём создания таможенной покровительственной и защитительной системы, развития кредита, стабилизации валюты, строительства железных дорог, казённых заказов промышленности, привлечения иностранных капиталов и пр.

Вся эта политика полностью отвечала стремлениям промышленной буржуазии и проводилась при непосредственном и активном воздействии представительных органов буржуазии и её лидеров. Сам Витте в своих программных выступлениях и речах побуждал буржуазию к объединению и активности в защите своих интересов. На московском съезде биржевых комитетов он убеждал промышленников: «Старайтесь возможно чаще видеться, съезжаться, совещаться о своих нуждах... Имейте свои органы печати для выяснения ваших интересов и прав... Организуйтесь так... чтобы у вас были свои постоянные бюро или учреждения, которые объединяли бы вас».

Действительно, единение между московской промышленной буржуазией и правящей бюрократией достигалось полное. Каждый министр промышленности и торговли, финансов — Витте, Коковцов, Тимашев, Тимирязев и др. — считали нужным после назначения их на посты приезжать в Москву и выступать перед московской буржуазией с программными речами. В свою очередь московские промышленники являлись активнейшими участниками в реализации для себя всех выгод от покровительственной политики правительства.

Первым и основным домогательством московской буржуазии было установление возможно более высоких охранительных и

даже запретительных таможенных пошлин на продукты, производимые отечественной промышленностью — особенно на мануфактуру, ситец, пряжу, хлопок, металл и пр. В этом отношении требования московских мануфактуристов шли впереди других районов и даже предположений самого правительства. Крестовников на торгово-промышленном съезде в Москве в 1882 г., выражая пожелания московских фабрикантов, утверждал, что «слишком высокой пошлины вообще не существует». Тариф 1891 г. полностью удовлетворял Москву, обложив ввоз хлопка запретительной пошлиной в 1 р. 20 к. — 1 р. 35 к. пуд, пряжу белёную — 4 р. 20 к. — 5 р. 40 к., хлопчатобумажные изделия — до 1 р. 35 к.

Другим способом защиты отечественной промышленности, которого особенно жаждали московские фабриканты, были казённые заказы. В них особенно были заинтересованы металлурги центрального района, как более отсталого сравнительно с металлургией южного района. Гужон, глава и наиболее активный сочлен объединения металлургов центрального района, особенно усиленно выступал перед правительством за передачу части заказов центральному району. Он подавал записки в министерство о неравномерности распределения заказов, выступал в Конторе железозаводчиков центрального района по поводу получения южной металлургией казённого заказа на рельсы по 1 р. 25 к. пуд (при рыночной цене 90 коп.). Он цинично говорил, что «в дележе правительственных субсидий должны участвовать все металлургические заводы», что «все они вправе рассчитывать на внимание правительства» [1].

Кроме этих общих вопросов экономической политики, московские мануфактурщики были заинтересованы и в ряде специальных вопросов, разрешение которых также зависело от правительственных мероприятий. Так, с московской мануфактурой, особенно в 80—90-х годах, остро конкурировали лодзинские и петербургские фабрики. Первые пользовались преимуществом дешёвой рабочей силы, близостью топлива, дешёвым капиталом и были заинтересованы во ввозе иностранного хлопка; вторые пользовались дешевизной морской доставки иностранного хлопка и каменного угля и хорошим местным сбытом. Москва в этом отношении уступала своим конкурентам, так как работала на привозном сырье и топливе, имела отдалённые рынки, вырабатывала дешёвые товары. Это побуждало московских мануфактуристов к особо активной деятельности в домогательствах перед правительством о таможенной защите, об установлении дешёвых железнодорожных тарифов на каменный уголь, хлопок и изде-

[1] Эта деятельность Гужона хорошо освещается документацией МОИА, ф. ТММЗ, бывш. Гужона.

лия из него. Против польской промышленности были приняты некоторые ограничительные меры (диференциальные тарифы на хлопок по сухопутным и морским границам, что было невыгодно для Лодзи), скоро, впрочем, отменённые.

В связи с этим перед московской мануфактурной промышленностью особенно остро был поставлен вопрос о необходимости при недостаточности местного внутреннего рынка, дальнейшего роста «вширь», о завоевании новых рынков сбыта и нахождении новых сырьевых ресурсов. Московские промышленники Цинделъ, Кноп, Морозов стали энергично развивать сбыт своей мануфактуры на ближневосточные и дальневосточные рынки. Они организовали Русское экспортное товарищество для вывоза мануфактуры, стали открывать склады и продажу её на Балканах, в Персии, Турции, в Монголии, сооружать целые экспедиции для изучения рынка в Китай, Монголию и пр. Успехи были, впрочем, не очень велики, так как московская плохая, хотя и дешёвая мануфактура не могла конкурировать с английской, а организация сбыта, транспорта, кредита была поставлена очень плохо [1].

Более успешной была деятельность московских мануфактуристов по расширению отечественной хлопковой базы в Средней Азии. В 1884 г. представитель московской фирмы Кудриных впервые выслал в Москву 10 кип (около 100 пудов) волокна американского хлопка. Это была первая партия американского хлопка туркестанского происхождения, отправленная в Москву. С этих пор отправки хлопка из Средней Азии в Москву продолжали расти и к 1907 г. достигли 10,7 млн. пудов. Однако это было всё же недостаточно для полного удовлетворения спроса московской промышленности. В 1907 г. среди московских фабрикантов (Морозов, Коновалов, Рябушинский, Прохоров) возникает проект концессии на орошение больших площадей Туркестана для увеличения посевной площади хлопка. Однако снаряжённая специальная экспедиция (в Каракумскую степь) пришла к заключению о непреодолимых трудностях в проведении каналов и орошения. Инициатива московских фабрикантов о развитии отечественного хлопководства путём орошения была оставлена [2].

Борьба против рабочего класса. Московская буржуазия к 1900—1910 гг. достигла, таким образом, значительных, если не политических, то экономических успехов. Но эти успехи, укрепление и рост буржуазии вели за собой и рост её антипода — рабочего класса. Ещё более стремительно, чем рост средней и мелкой буржуазии, шёл прирост рабочего населения Москвы. Общая численность населения Москвы определялась в 1862 г.

[1] МОИА, ф. Московского биржевого комитета, оп. 342—5, д. 430.
[2] Там же, оп. 343—1, д. 239.

в 364 тыс., в 1882 г. — 753 тыс., в 1897 г. — 953 тыс., в 1902 г.— 1 179 тыс. и в 1912 г. — 1 617 тыс. Прирост населения Москвы шёл главным образом за счёт рабочего населения. Все окружающие Москву губернии — сама Московская, Тульская, Рязанская, Калужская, Смоленская, Тверская, Владимирская — посылали своих крестьян, ремесленников, рабочих на пополнение Москвы кадрами пролетариата, мелких торговцев, разносчиков, ремесленников, дворников, извозчиков, трактирных служащих и пр.

По профессиональному составу населения Москвы рабочие фабрик и заводов составляли в начале XX в. 15%, строительные и ремесленные рабочие и ремесленные ученики — 20%, служащие торгово-промышленных заведений — 8,3%, домашняя прислуга — 11%. Складывались всё более обширные постоянные кадры московского промышленного пролетариата. К 1913 г. из общего числа рабочих, живущих в Москве менее 2 лет, было всего 17%, остальные 83% составляли постоянные кадры трудящихся Москвы. Пролетариат и мелкая буржуазия заселяли окраины и пригороды. Заселённость их стала быстро расти: за 1907—1912 гг. центр города дал прирост населения 3%, а пригороды — 51,2% при среднем приросте в 18,9%.

При быстром накоплении капитала, быстром росте промышленных предприятий и концентрации на них всё больших масс пролетариата, московская буржуазия всё более нуждалась в пополнении кадров промышленных рабочих. Но в то же время московская промышленная буржуазия, как наиболее реакционная часть русской буржуазии, наиболее рано встретилась с рабочим движением. Заработная плата рабочих московской текстильной промышленности была наиболее низкой, условия работы были наиболее тяжёлые. На приобретшей в истории рабочего движения известность крупной фабрике Хлудовых, дававшей 45% чистой прибыли, заработная плата рабочих была наиболее низкой, а эксплоатация наиболее беспощадной. На этой фабрике, на одной из первых в России, в 1885 г. возникли крупные рабочие волнения. Московская промышлепная буржуазия одна из первых начала наступление против рабочих, выступила против всяких попыток к урегулированию рабочего вопроса и в защиту своих «хозяйских» прав и интересов.

Рабочие волнения и забастовки усилились с 90-х годов. В связи с этим скромные мероприятия министра финансов Бунге к урегулированию рабочего вопроса вызвали резкие выступления промышленников, особенно московских (московское отделение Совета торговли и мануфактур, московское отделение Общества содействия русской промышленности) против фабричной инспекции, проектов фабричного законодательства. Хлудов,

Морозов, Крестовников, Третьяков, Найдёнов и др. в многочисленных выступлениях, в записках и докладах правительству требовали ограничения функций фабричной инспекции, 12-часового рабочего дня, свободы сверхурочных работ, отказа от рабочего законодательства. Московская буржуазно-реакционная пресса («Московские ведомости», «Русское дело» и др.) начинает травлю Бунге и фабричной инспекции. По настоянию буржуазии, и особенно московской, Бунге слетел с поста министра финансов.

Его преемник, ставленник буржуазии Вышнеградский, стал защитником интересов буржуазии. Московское отделение Общества содействия русской промышленности и торговли, Московский мануфактурный совет резко выступают с требованием «реорганизации» фабричной инспекции, фактически — подчинения её требованиям и желаниям предпринимателей. Новый правительственный проект рабочего законодательства в 1899 г. (о страховании рабочих от несчастных случаев) также не удовлетворил московскую буржуазию: при обсуждении проекта в Обществе содействия русской промышленности раздавались голоса промышленников, что новый закон будет «уродовать и отклонять от правильного тяготения производство», что он «разовьёт сутяжничество со стороны рабочих»[1]. Проект закона 1903 г. об организации старост рабочих вызвал не менее резкие протесты.

Таким образом, московская промышленная буржуазия стояла во главе реакции против всякого рабочего законодательства с целью сохранения полной свободы в беспощадной эксплоатации рабочего. По данным фабричной инспекции, в 70-х годах заработная плата московских рабочих была одной из самых низких по России: в среднем на одного рабочего приходилось всего 170 руб. в год, или 14 р. 16 к. в месяц, что было близко к голодной норме.

В Московской губернии и в Москве рано развилось рабочее движение. Оно особенно усилилось с образованием марксистских пропагандистских групп в середине 90-х годов и объединением их в Московский рабочий союз, особенно значительно повлиявший на рост политической сознательности рабочих. Со времени стачек 1895—1896 гг. во главе рабочего революционного движения становятся рабочие металлических заводов (Гужона, Бромлея, Набгольца, железнодорожных мастерских).

Политический характер рабочего движения окончательно оформляется образованием в 1898 г. первого Московского комитета РСДРП, занявшего после II съезда большевистские

[1] ЦГАНХ, ф. Нечаева-Мальцева, д. 167—168.

позиции. Комитет проводит в период первой революции подготовку всеобщей политической стачки, начатую московскими металлистами и текстильщиками в июле 1905 г. и переросшую в вооружённое восстание в декабре 1905 г. Беспощадными расстрелами и репрессиями царское правительство при содействии буржуазии подавило восстание.

После жесточайшей реакции 1908—1911 гг. и разгрома большого числа рабочих организаций рабочее движение в Москве в 1912 г. начинает снова нарастать. Особенно значительный толчок к этому был дан движением протеста против ленского расстрела. В мае 1912 г. забастовочное движение охватило свыше 55 тыс. рабочих на многих крупных московских предприятиях. В последующие годы оно растёт ещё более, принимая под усилившимся влиянием большевистских организаций политический характер.

Компромиссы и союз с самодержавием. Уже после русско-японской войны и в период первой революции московские фабриканты, как и вся русская буржуазия, убедились в неспособности правительства разрешить назревающий внутренний общественно-политический конфликт. Либеральное крыло буржуазии приходит к заключению о необходимости, для правильного течения экономической жизни и развития промышленности, «конституционных свобод». «Несомненно, — писали в своей записке правительству московские фабриканты и заводчики, — что промышленность находится в теснейшей связи с устойчивостью правовой организации страны, с обеспечением свободы личности, её инициативы, свободы науки». От этого же зависит и разрешение рабочего вопроса, так как «общее неустроение государственной жизни, отсутствие политических прав — вот где следует искать главнейшие причины периодических рабочих волнений», которые при других условиях «могли бы вылиться в спокойные и законные формы борьбы» [1].

Однако эти робкие «конституционные мечтания» испарились под влиянием революции, попыток рабочих внести явочным порядком 8-часовой рабочий день, создать рабочие советы. Московская буржуазия вновь отступила. На московском съезде торгово-промышленной партии она отвергла «конституционную» программу, подтвердив, что «мы — противники нормирования труда рабочих», и пошла за дворянско-бюрократической реакцией. Наиболее активные элементы московской буржуазии организовались в реакционный Торгово-промышленный союз во главе с Крестовниковым, Кнопом, Коншиным.

Однако политическая реакция царизма пошла дальше. Самодержавие сделало ещё шаг по пути отступления от превра-

[1] ЦГАНХ, ф. Общества фабрикантов и заводчиков, д.№ 125, л.34—36.

щения в буржуазную монархию. Государственный переворот 3 июня и Государственная дума закрепили союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. С 1909—1913 гг. начинается новый промышленный подъём, усиленное промышленное строительство, а вместе с ним и оживление попыток буржуазии занять руководящую роль в политической жизни страны. На VI съезде представителей промышленности и торговли деятельность III Государственной думы была подвергнута резкой критике со стороны промышленников за то, что она «своей неподготовленностью в этой области нанесла торговле и промышленности чувствительный вред, сделавшись не центром инициативы, а новой задерживающей инстанцией и новым препятствием столь изобилующей всякими препонами жизни русского промышленника». Съездовский лидер московских мануфактуристов Крестовников, по выражениям газетных отчётов, «высоко поднял в Москве знамя промышленности и торговли» и предсказывал в своей речи, что «наступает новая эра развития экономической жизни страны». Московский орган Рябушинского «Утро России» писал, что русские промышленники и торговцы «гордятся своим прилавком, как военные своим мундиром», добавляя, что торгово-промышленному классу «одинаково не по душе и диктатура бюрократии и диктатура объединённого дворянского сословия». Этот же орган крупной московской буржуазии — «Утро России» — устами своего лидера Рябушинского свой новогодний тост обращал «к крепнущей и мощно развивающейся силе» — буржуазии, которая «далеко оставила за собой вырождающееся дворянство и правящую судьбами страны бюрократию». «Мы, прозревающие высокую историческую миссию этой крепнущей ныне буржуазии, приветствуем здоровый, творческий эгоизм, стремление к личному, материальному совершенствованию» [1].

Но из этого оживления оппозиционных настроений буржуазии, из этой уверенности её в своей политической силе ничего не вышло. Московская, как и вся русская буржуазия, предпочла променять свою словесную оппозицию на выгодные казённые заказы, на военные поставки, на военные сверхприбыли своих работающих на войну предприятий. Она стала особенно усиленно развивать свои монополистические объединения финансового капитала для получения ещё бо́льших сверхприбылей от новой войны.

Социально-политическое бессилие и «дряблость» буржуазии, слабость её промышленного, технического и финансового аппарата особенно проявились во время первой мировой войны. Русская и в том числе московская буржуазия не могла обеспе-

[1] «Утро России» № 1 за 1912 г.

чить достаточно прочной почвы ни для войны, ни для изживания внутреннего социально-политического кризиса.

Русский царизм оказался наиболее слабым звеном в цепи борющихся империалистических держав. Но и русская буржуазия, придя к власти после свержения царизма в феврале 1917 г., не смогла удержать власти и была сметена победоносной пролетарской революцией.

* * *

Московская буржуазия и московская промышленность по своему генезису и эволюции, по экономическому и политическому облику и значению дают типичные черты национальной системы русского капитализма. Эти черты показывают значительную мощь русского капитализма, его ведущее значение среди других национальных групп в многонациональной системе российского капитализма. Они вскрывают его культурно-экономическую отсталость, его политическую недоразвитость, но вместе с тем показывают и самостоятельные пути его развития, на которых в народном хозяйстве в течение нескольких веков закладывались экономические связи хозяйственного и политического объединения необъятной территории, населённой многочисленными народностями, в единое целое.

В то же время они помогают вскрыть и причины того, почему именно в России мог сложиться передовой революционный пролетариат, поставивший перед собой и первым разрешивший задачу свержения капитализма. Русскому пролетариату и в этом отношении принадлежала ведущая роль среди пролетариата других национальностей многонациональной империи. Капитализм, распространяясь «вширь», стал проникать в отдалённые национальные окраины и организовывать крупные промышленные предприятия. Но капитализм приносил с собою не только машины и орудия производства; он по необходимости вызывал к существованию и своего антипода — промышленный пролетариат. Кадры рабочих привозились капиталистом в основном из России. Русский рабочий приносил национальному пролетариату не только знание техники, но и классовое сознание, идеи революционного марксизма, классовой борьбы, ненависть к царизму и капитализму, опыт революционной борьбы с ними. Воспитанные на идеях марксизма-ленинизма и под руководством большевиков национальные кадры рабочих в совместной с русским пролетариатом борьбе против царизма и капитализма часто выходили в первые ряды политических движений, как это было в Закавказье, Польше и др. Так были подготовлены пролетарские национальные кадры социалистической революции.

Во всём этом и заключалась прогрессивная историческая роль национального русского капитализма.

Вот почему мы взяли для своего монографического изучения генезиса и эволюции русского капитала и русской буржуазии именно Москву и московский промышленный район. По этому типу шли генезис и развитие русского капитала и русской буржуазии в преобладающем числе собственно великороссийских районов и местностей — Поволжья и Заволжья, земледельческого центра, Юго-Востока, Севера, Сибири. Во всех этих районах формирование русского национального капитала и русской национальной буржуазии происходило в преобладающей мере под непосредственным влиянием московского капитала и московской торгово-промышленной буржуазии, которая быстро осваивала расширяющийся «всероссийский рынок» и создавала в метрополии промышленность для его обслуживания.

Из районов и центров с руководящим значением русского национального капитала и русской национальной буржуазии, но отличающихся по своему генезису и эволюции от описанного генезиса и эволюции московского капитала и московской торгово-промышленной буржуазии, мы должны выделить некоторые районы с особым типом развития и прежде всего, с одной стороны, Урал, с другой — Петербург и петербургский район.

Как мы указывали выше, Урал представлял собой один из районов наиболее раннего формирования крупного национального русского промышленного капитала и русской промышленной буржуазии. Но они не прошли здесь того органического пути развития из мелкой домашней промышленности, капиталистического объединения её и превращения в крупную мануфактуру и фабрику, как это было в московской промышленности. Хотя и уральская металлургическая промышленность частично возникала на базе мелких крестьянских «домашних» промыслов (об этом см. т. I, гл. XVII), но основной её массив был создан в XVIII в. в виде организации крупных предприятий, казённых металлургических заводов или крупных частных горнопромышленных предприятий, принадлежавших землевладельческой знати и основанных на крепостном труде и на её феодально-крепостнических привилегиях и латифундиях (Шуваловы, Строгановы, Воронцовы, Лазаревы и др.). С начала XVIII в. к ним примыкали выходцы из нового промышленного класса, как Демидовы, Яковлевы, Турчаниновы, Твердышевы и др. Все эти промышленники Урала шли не столько по пути капиталистического предпринимательства, применения наёмного труда, повышения техники, сколько по пути использования феодально-крепостнических владельческих привилегий. Они стремились приобрести (и приобретали) дворянство и связанные с ним владельческие привилегии в обладании крепостным трудом, строили заводы, но мало заботились о повы-

шении техники, вели феодально-крепостническую колониальную политику, грабили «инородцев»-башкир и разоряли богатейший край.

Только в эпоху капитализма, к концу XIX в., здесь стали находить распространение капиталистические формы организации предприятий на базе вложения крупного акционерного капитала, в значительной степени иностранного, но с сохранением прежних землевладельческих привилегий и прежнего низкого уровня техники. Таким образом, на Урале, в силу отсталости его социально-экономических условий и сохранения феодально-крепостнических пережитков, русской буржуазии не удалось создать прочной и прогрессивной промышленной базы, которой требовал развивающийся капитализм. Тем более настоятельно Урал — этот пасынок царской России и её феодально-крепостнического класса — требовал для своего расцвета коренных изменений в социально-экономических условиях народного хозяйства.

Русская буржуазия не могла справиться с этой задачей. Только Октябрьская революция вскрыла все неисчерпаемые потенциальные производительные силы Урала и создала условия для их развития.

Другим районом, где формирование и развитие русского национального капитала и русской буржуазии значительно отличалось от Москвы, был Петербург и его промышленный район [1]. Возникновение промышленной буржуазии Петербурга относится к тому же времени, как и Москвы, к началу XVIII в., но генезис и дальнейшее развитие её шли иными путями, чем в Москве. Промышленный капитал не мог здесь «органически» возникнуть из недр народного хозяйства и из мелкой домашней промышленности (которой и не было в пустынных окрестностях новой столицы). Он не проходил трансформацию из торгового капитала в промышленный, а был «привнесён извне», притом в преобладающей степени в виде крупного государственного промышленного капитала казённых металлургических, металлообрабатывающих, пушечных, судостроительных, пороховых и прочих заводов военной промышленности, а также кирпичных, стеклянных, обойных и др. (Петербургские, Сестрорецкие, Олонецкие, Петрозаводские, Повенецкие и др. заводы). С XVIII в. здесь стали возникать и частные предприятия лёгкой промышленности, преимущественно местного значения и часто основанные иностранным капиталом.

[1] Мы, конечно, не можем посвятить вопросу о формировании и эволюции буржуазии и промышленного и финансового капитала Петербурга и других промышленных центров такого же по размерам очерка, как по Москве. Поэтому мы лишь вкратце изложим основные особенности формирования буржуазии Петербурга и других центров.

С первой половины XIX в. и особенно с капиталистической эпохи частное промышленное строительство Петербурга и его района значительно усилилось и стало направляться не только на лёгкую промышленность (особенно текстильную, приобретшую общеимперское значение), но и на тяжёлую, металлообрабатывающую, химическую и прочую промышленность, с всё возрастающей долей иностранного капитала. Притом в петербургской промышленности наиболее рано, уже с половины XIX в., единоличные предприятия стали перерастать не в «семейные» паевые товарищества, с сохранением предприятий из поколения в поколение в одной и той же промышленной «династии», как в Москве, а стали сразу перерастать в крупные акционерные промышленные предприятия, часто с преобладающим влиянием иностранного капитала.

Таким образом, формирование промышленного капитала и промышленной буржуазии Петербурга проходило более быстрыми темпами, чем в Москве, и привело к более высокой степени развития и концентрации, особенно в металлообрабатывающей промышленности. Иное значение имела в Петербурге и торгово-купеческая буржуазия. Торговый капитал не являлся здесь промышленным организатором в деле превращения мелких домашних промыслов и мелких раздаточных мануфактур в крупные и централизованные капиталистические предприятия, как это было в Москве. Главным направлением торгового капитала Петербурга был не внутренний торговый оборот сырьём и промышленными товарами, а внешняя торговля. Торгово-купеческому капиталу петербургской буржуазии принадлежала решающая роль, так как он являлся почти монопольным посредником для торгового капитала внутренних районов, особенно Поволжья, Юго-Востока, Западной Сибири, в сбыте на внешний рынок сырья этих районов через петербургский, главный в империи, торговый порт. Но и во внешнеторговых оборотах, как и в петербургской промышленности, иностранный капитал и иностранная буржуазия занимали видное и всё возрастающее место.

Ещё более резкие сдвиги в развитии национального капитала и в положении национальной русской буржуазии Петербурга стали происходить со времени наступления империалистической эпохи и развития банкового и финансового монополистического капитала. Если московский банковый капитал и в этот период сохранил свой национальный характер в обслуживании банками текстильной промышленности центрального района, то в Петербурге развитие банков и банкового финансирования особенно значительно — и притом в общеимперском масштабе — способствовало концентрации и монополизации ведущих отраслей тяжёлой промышленности, всё большему подчинению их

иностранному капиталу. Тогда как в Москве почти все банки были основаны национальным русским «текстильным» торгово-промышленным капиталом и обслуживали его кредитными операциями, из петербургских банков лишь один Волжско-Камский банк полностью сохранял свой национальный характер, независимость от иностранного капитала и свои чисто банковские, кредитно-сбытовые функции, обслуживая товарооборот тех же московских, волжских, юго-восточных и сибирских торгово-промышленных фирм и не занимаясь грюндерством и финансированием. Остальные петербургские банки более или менее полностью выходили из рамок прежней банковской деятельности кредитно-торговых операций, занимались финансированием и грюндерством, превращались в органы финансового капитала, притом со значительной долей иностранного капитала, и обслуживая разнообразные отрасли преимущественно тяжёлой промышленности и их монополистические объединения имперского значения.

Как высший руководящий правительственный центр в сфере общей экономики и политики, банковский центр для финансирования промышленности и проведения всякого рода реорганизаций, санирований и т. п., Петербург уже в 90—900-х годах в наиболее полной степени «интернационализировался». Он объединял в руководящих петербургских группах промышленной и банково-финансовой буржуазии, во главе с русским капиталом, все разнообразные национальные группы отечественного капитала (польского, еврейского, украинского, армяно-татарского и др.) и различные же национальные группы иностранного капитала (немецкого, французского, английского и др.), распространяя своё влияние на все отрасли промышленности и на все промышленные районы, независимо от их «национального» характера.

При высокой степени концентрации капитала в петербургской промышленности и при ведущем, общеимперском значении петербургской промышленной и банково-финансовой буржуазии по сравнению с «провинциальным» характером Москвы и московской буржуазии значение Петербурга и его место в социально-экономической структуре и в политических движениях царской России отличались от Москвы ещё в одном отношении. Русский промышленный пролетариат Петербурга и Москвы стоял в первых рядах революционного пролетариата, но петербургский пролетариат играл ведущую роль в политической борьбе пролетариата с царизмом и капитализмом. В Петербурге Лениным был создан первый зачаток революционной партии, опирающейся на рабочее движение, петербургский пролетариат шёл во главе рабочего класса в период буржуазной и социалистической революций. Пример борьбы петербургских рабочих

оказывал решающее влияние и на пролетариат более отсталых национальных районов, объединяя их общей целью — свержения царизма и капитализма.

Этими краткими замечаниями об особенностях развития русского национального капитала и русской буржуазии в различных её районах и центрах мы должны, за недостатком места, ограничиться сравнительно с несколько более подробным изложением генезиса и развития московского капитала и московской буржуазии [1].

Все эти исторические особенности русского капитализма и его классовой структуры оказывали сильное влияние и на народнохозяйственное развитие, на складывание капитализма, на формирование буржуазии и пролетариата в других национальных районах империи.

К рассмотрению этих вопросов мы теперь и перейдём.

ГЛАВА XVI

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

В предыдущих главах, рассматривая вопросы развития капитализма в России, мы уже касались в общих чертах также и развития капитализма в национальных областях и районах империи, поскольку капиталистическое развитие этих областей отражало основные моменты и закономерности развития общероссийского капитализма. Это особенно касалось таких национальных областей империи, как Украина, Белоруссия, Прибалтика, Сибирь и др., в которых были размещены предприятия и целые отрасли народного хозяйства общеимперского значения. Российский капитализм связывал народное хозяйство всех этих районов и окраин в единую, многонациональную капиталисти-

[1] Конечно, было бы очень желательно так же монографически, как мы это вкратце сделали для Москвы, изучить генезис и эволюцию капитализма и национальных групп буржуазии в других национальных районах и центрах — украинской, польской, еврейской, армянской, грузинской и др. Но это требует предварительной большой работы на местах и могло бы составить большую задачу для местных научных работников по разработке вопросов экономической истории национальных республик.

ческую систему, с различным положением в ней отдельных национальных частей. Тем не менее, народное хозяйство всех этих национальных областей сохраняло свои особенности как по историческому их развитию, так и по своему месту в системе российского капитализма, в качестве ли основных производственных районов его или в качестве колоний для российской метрополии.

Поэтому переходя теперь к рассмотрению особенностей развития и положения этих районов в системе российского капитализма, мы можем ограничиться лишь кратким изложением этих особенностей в зависимости от степени и характера освоения и использования их российским капитализмом, как промышленных, сельскохозяйственных, сырьевых, торговых и пр. районов.

В настоящей главе мы рассмотрим развитие и положение народного хозяйства в период капитализма в национальных районах экономически наиболее освоенной части империи — Европейской России — Украины, Белоруссии, Литвы, Прибалтики, Польши и др.

Украина. Капиталистическое развитие народного хозяйства Украины пошло после реформы 1861 г. более быстрыми темпами сравнительно не только с другими национальными окраинами, но и с другими районами метрополии. Ещё в дореформенный период под влиянием развития денежного хозяйства и рынка крепостное хозяйство здесь стало наиболее рано изживать себя. В Правобережной Украине (особенно в бывших губерниях Киевской и Подольской) более крупные помещичьи хозяйства ещё в первой половине XIX в. стали переходить к более интенсивным формам, связанным главным образом с развитием свеклосахарных заводов. Они применяли здесь крепостной труд, но всё более переходили к вольнонаёмному труду сельских батраков из местных безземельных и малоземельных крестьян. В степной Украине быстрая колонизация и распашка земель при относительно небольшом проценте крепостного населения также шли в значительной степени за счёт распространения вольнонаёмного труда, с применением за недостатком рабочих рук уборочных машин и с быстрым развитием товарного сбыта хлеба за границу и на внутренний рынок.

Условия проведения реформы 1861 г. в так называемых «малороссийских» губерниях по местному для них «Положению» 1861 г. способствовали быстрому разложению крестьянского хозяйства с обезземеливанием громадной части населения.

В крестьянском хозяйстве украинских губерний имелось значительное число «пеших», т. е. безлошадных и малоземельных крестьянских дворов. По «Положению» 1861 г. мелкопоместным помещикам разрешалось производить «отрезки» крестьянских наделов, вследствие чего на Украине, особенно в при-

днепровских губерниях образовалось громадное число малоземельных и безземельных крестьян. «Отрезки» крестьянских наделов составляли в Полтавской и Екатеринославской губерниях до 40%, в Харьковской — 31, в Черниговской — до 25% дореформенного крестьянского землепользования. Очень значительно было также число «дарственников», получивших «нищенские» наделы в 0,9—1 десятину на «ревизскую» душу. Число их доходило, например, в Полтавской губернии до 15 тыс., в Херсонской — 15,5 тыс., в Черниговской и Харьковской — свыше 10 тыс. душ. Средние размеры наделов, по «Положению» 19 февраля 1861 г., в первые два года наделения фактически были: например, в Киевской губернии — 1,9 десятины, в Полтавской — 1,9 десятины, в Волынской — 2,3 десятины на душу, так как помещики, пользуясь неопределённостью «инвентарей» юго-западных губерний, спешили развязаться с наделением крестьян, отдавая им минимальные участки. После польского восстания 1863 г. законами 1 марта и 2 ноября 1863 г. был введён обязательный выкуп с обязательством отвода крестьянам всей земли, действительно находившейся в их пользовании. Вследствие этого наделы этих групп крестьян увеличились на 25—70%, а повинности уменьшились на 60—180%. Однако всё это мало изменило характер общего малоземелья крестьянства.

Такие условия земельной реформы привели к тому, что земельная собственность на Украине была крайне неравномерно распределена. По земельной переписи 1877 г. в частной собственности помещиков находилось 45—50% всей земли, с преобладанием значительного числа крупных поместий и латифундий. Средний погубернский размер дворянского землевладения по Екатеринославской губернии был 1 243 десятины, по Киевской — 1 140, по Таврической — 1 288, по Херсонской — 963 десятины; несколько меньшие размеры были в Харьковской — 395 десятин, Полтавской — 170 десятин. При этом имелись громадные латифундии в 10—25 тыс. десятин, а в степной Украине ряд владельцев имел 100 тыс. и больше десятин (бывшие немецкие колонисты Фальц-Фейны — свыше 200 тыс. десятин, Вассал — 100 тыс., граф Мордвинов — 80 тыс. десятин). В то же время средние размеры крестьянского надельного землевладения по переписи 1877 г. были, например, в Киевской губернии — 2 десятины на наличную душу, в Подольской — 1,9, в Полтавской — 1,3, в Черниговской — 2,4, несколько выше — в Херсонской — 2,5 десятины и в Таврической — 3,7 десятины. Необходимо также отметить, что в преобладающей части Украины у бывших помещичьих крестьян господствовало подворно-участковое землевладение и только в степной и слободской Украине преобладало общинное. Процент общинного

землевладения был: в Киевской губернии — 16,8 общего числа земель, находящихся в пользовании крестьян, в Волынской — 22,1, в Полтавской — 15, в Подольской — 5,3, тогда как в Херсонской — 95,3, в Харьковской — 92,7, в Таврической — 99,4.

Крестьянское хозяйство и земли были переобременены разнообразными платежами, превышавшими доходность земли. Так, в Полтавской губернии крестьяне платили в 70-х годах податей по 3 р. 70 к. с десятины, которая давала дохода всего 2 руб. — 2 р. 50 к. Значительно были распространены отработки, особенно в малоземельных районах, где крестьяне превращались в «рабочих с наделом», работающих на землях и сахарных заводах помещиков.

После реформы 1861 г. и в результате развития пореформенной экономики на Украине «раскрестьянивание» стало итти особенно быстро, давая наибольшие цифры отхода, батрачества, переселения в Сибирь, превращения в фабричный пролетариат. Одновременно с этим из крестьянского хозяйства стала выделяться зажиточная, многоземельная, кулацкая верхушка, расширявшая свои наделы арендой земли, прикупавшая земли и производившая крупные посевы пшеницы с помощью наёмного труда, применения машин и т. п. Ленин уже на основании земских переписей 80—90-х годов вскрыл высокую степень разложения крестьянского хозяйства степной Украины (Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии).

Например, в трёх уездах Таврической губернии 20% дворов из высших групп сосредоточивали до 36,7% надельной земли, 78,8% купчей, 61,9% арендованной, 44,6% скота, 85,5% улучшенных орудий и имели 62,9% дворов с батраками. Наоборот, 50% дворов низших групп имели всего 12,8% купчей земли, 13,8% — арендованной, 26% — скота, 3,6% — улучшенных орудий [1]. Такой же примерно характер процесса разложения крестьянства имел место и в других украинских губерниях. В Черниговской губернии в конце XIX в. до 36,6% дворов не имели рабочего скота и сдавали землю кулакам. В Полтавской губернии до 40,8% не имели посева.

В наиболее аграрно-перенаселённых губерниях малоземельное крестьянство давало наибольшее количество переселений в Сибирь: из 5 украинских губерний за время 1893—1913 гг. выселилось в Сибирь свыше 1140 тыс. человек обоего пола. В то же время степные украинские губернии стояли на одном из первых мест как по производству, так и по потреблению сельскохозяйственных машин (преимущественно уборочных), причём машины применялись не только у помещиков, но и у

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 102—105.

крупных посевщиков из крестьян, у кулаков, у немецких колонистов; употреблялись не только конные, но и паровые молотилки, локомобили и пр.

В степных районах Украины после 1861 г. сельское хозяйство стало быстро приобретать исключительно зерновое направление. Нетронутые степи стали быстро распахиваться. Рост посевов зерновых хлебов — пшеницы, ячменя, — подсолнуха, льна вытеснял овцеводство. Этот район крупных посевов и экстенсивного зернового хозяйства превращался в район капиталистического торгового земледелия, работающий частью на вывоз во внутренние губернии, но в преобладающей мере на экспорт. Район становился типичной колонией, сбывающей свои зерновые продукты в метрополию и на внешние рынки и ввозящий промышленные продукты из метрополии.

Крупные посевы требовали массы рабочих рук. Бо́льшую часть нужных для сельского хозяйства рабочих давали кроме центральных русских губерний также Киевская, Черниговская, Волынская и особенно Полтавская. Из этих губерний рабочие направлялись на сельскохозяйственные заработки в Бессарабскую, Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую губернии. Многие местечки и города становились крупными рынками рабочей силы — Шпола, Белая Церковь, Ново-Украинка, Бирзула, Знаменка. В Каховке, одном из крупных рынков рабочей силы для сельского хозяйства, ежегодно летом собиралось до 20—30 тыс. рабочих. Заработная плата доходила за сезон до 40—100 руб., но иногда во время косовицы повышалась до 3 руб. в день.

Несколько иначе происходило развитие капитализма в сельском помещичьем хозяйстве в приднепровских губерниях Украины. Здесь свеклосеяние и свеклосахарное производство вместе со связанными с ними побочными отраслями животноводства (откорм скота) стало главным направлением капиталистического хозяйства.

В 1880—1885 гг. в юго-западных губерниях было 130 песочных и рафинадных заводов с 70 тыс. десятин заводских посевов свёклы и 98 тыс. десятин крестьянских и плантаторских (мелкопредпринимательских) посевов, с выработкой 12,5 млн. пудов сахара. В 1898—1899 гг. имелось 127 заводов с 61 тыс. десятин заводских посевов и 173 тыс. десятин крестьянских и плантаторских, с выработкой 23,9 млн. пудов сахара. Наконец, в 1910 г. в украинских губерниях было 200 заводов со 152 тыс. десятин заводских посевов и 273,3 тыс. десятин крестьянских и плантаторских, с выработкой 78,2 млн. пудов сахара (из общего числа 300 заводов с общими размерами свекловичных посевов 430,7 тыс. десятин и выработкой 108,8 млн. пудов сахара). Другими словами, Украина имела 60% общего по империи

числа свеклосахарных заводов, до 98% посевов свёклы и до 75% выработки сахара [1].

Следует отметить сильное увеличение крестьянских и плантаторских посевов: крестьянское и мелкопредпринимательское сельское хозяйство втягивалось в производство сахарной свёклы для сахарных заводов.

Сахарные заводы на Украине были одной из первых, если не первой формой капиталистического производства, возникшей к тому же в недрах крепостнического хозяйства. Помещики, стремясь возможно более интенсивно использовать крепостной труд и избежать падения хлебных цен, стали устраивать сахарные заводы. Одна десятина сахарной свёклы в Киевской губернии давала в 50-х годах до 750 руб. дохода, тогда как пшеница — всего 20 руб. Посевы свёклы и переработка её требовали большого количества рабочих рук, которые у крепостников помещиков имелись в изобилии. В юго-западном крае, особенно в Киевской и Подольской губерниях, имелись крупнейшие земельные магнаты, обладавшие сотнями тысяч крепостных крестьян — графы Бобринский, Потоцкий, Кушелев-Безбородко, князья Сангушко, Гендриков, Долгоруков и др. Эти титулованные помещики явились пионерами и владельцами наиболее крупных сахарных заводов.

В 1850-х годах свеклосахарная промышленность начинает приобретать капиталистический характер. В неё начинают вкладываться не только крупные землевладельческие капиталы титулованных земельных магнатов-крепостников, но и капиталы национальных групп украинской и еврейской буржуазии, капиталистическая генеалогия которых непосредственно ведёт начало с украинских ярмарок, со скупок помещичьего и крестьянского хлеба, кож, полотна, с аренды помещичьих земель. В 1847 г. продукция 56 сахарных заводов Киевской губернии исчислялась в 3,6 млн. руб., из которых на помещичьих заводах свыше 3 млн. и на капиталистических — больше 500 тыс. руб.

На этой почве стали выделяться группы крупных еврейских капиталистов — Бродский, Гинзбург, и украинских — Яхненко, Симиренко, Терещенко, Харитоненко и др. Деятельность и судьба этих представителей украинской буржуазии во многом сходна с генеалогией и историей многих фамилий русской буржуазии. Так, Яхненко и Симиренко, бывшие крепостные графа Самойлова, в 50-х годах «выкупились» от крепостничества и начали свои торговые операции на ярмарках и в городах Украины с 200 рублями капитала. Они арендовали, а затем по-

[1] «Сборники статистических сведений по сельскому хозяйству», изд. министерства земледелия, и «Ежегодники России» за соответствующие годы.

строили сахарные заводы, занимались ростовщичеством, банковыми операциями. В 60-х гг. они ворочали оборотами в 5—6 млн. руб. Характер производства и оборотов сахарных заводов (песочных и рафинадных [1]) обусловил необходимость особой организации подтоварного кредита и продаж «на срок» (контрактов). Отсюда особенно важное значение получили операции с «траттами» (переводными векселями) на Киевской контрактовой ярмарке.

С развитием банков эти операции особенно возросли и перешли в руки специальных киевских банков, которые специализировались на срочной биржевой торговле сахаром и другими товарами. Так, ряд фамилий украинской и еврейской буржуазии — Симиренко, Яхненко, Терещенко, Гинзбург и др. — прошёл обычный путь от мелкой прасольской торговли на ярмарках до крупных представителей промышленного капитала и банковых воротил столичного типа.

Значительное влияние на развитие пореформенной экономики Украины оказало строительство железных дорог. Уже с конца 60-х годов и в 70-е годы Украина получает довольно развитую железнодорожную сеть: юго-западные железные дороги — в 2 732 версты, Фастовскую — в 334 версты, Курско-Харьковско-Азовскую — в 763 версты, Харьковско-Николаевскую — в 1 031 версту, Курско-Киевскую — в 439 вёрст и др. Все эти дороги соединяли главнейшие производительные районы Украины с внутренними и внешними рынками, давая выход украинскому хлебу, сахару, продуктам животноводства и снабжая Украину текстилём и другими изделиями московской промышленности. В южные порты — Одессу, Николаев, Херсон — пошёл не только украинский хлеб, но транзитом и хлеб внутренних производящих губерний. Экономика Украины всё более тесно связывалась с экономикой метрополии.

Решающее значение для народного хозяйства Украины получило начавшееся с конца 60-х годов развитие южной металлургической и каменноугольной промышленности — Криворожского железорудного и Донецкого каменноугольного районов.

После нескольких неудачных попыток организации этих отраслей ещё в дореформенное время, прочное начало железорудного, каменноугольного и металлургического производств было положено предприятиями англичанина Д. Юза, организовавшего в 1867 г. Новороссийское общество каменноугольного,

[1] Рафинадные заводы производили чистый продукт для потребителя (сахар-рафинад) и поэтому требовали обычного краткосрочного подтоварного кредита; песочные же заводы производили полупродукт (песок) и, отправляя его на рафинадные заводы, требовали особого кредита и заключали товар на срок.

железного и рельсового производства с капиталом 300 тыс. ф. ст. Юз выстроил в Екатеринославской губернии и в 1871 г. пустил в ход сталелитейный и рельсопрокатный завод с производством в первый же год до 3 млн. пудов рельсов. Почти одновременно с Юзом другой чугуноплавильный и переделочный завод был там же основан русским предпринимателем Пастуховым с несколько меньшим успехом. Собственно в Криворожском районе начало металлургической промышленности относится к 1880 г., когда было организовано Французское общество криворожских руд, с капиталом в 5 млн. фр., построившее чугуноплавильный завод для переработки местной руды.

Вслед за этими заводами-пионерами стали быстро расти в Криворожском районе и в Донбассе крупнейшие предприятия по добыче каменного угля, железной руды и по переработке её в чугун. Почти все они были основаны акционерными иностранными обществами, преимущественно франко-бельгийскими. В 1887 г. построен Александровский завод русским акционерным Брянским металлургическим обществом; в 1889 г. — Южно-Днепровский завод (бельгийские капиталы); в 1891 г. Донецкое общество железоделательного и сталелитейного производства строит Дружковский завод (французские капиталы); в 1895 г. строится Петровский завод Русско-бельгийского общества и многие другие. К 1900 г. в Криворожье и Донбассе имелось 17 больших чугунолитейных заводов с 41 доменной печью.

Особенное значение для развития доменного производства получила постройка сети железных дорог — Донецкой и Екатерининской, соединивших криворожскую руду с каменным углем Донбасса. В свою очередь развитие чугуноплавильного производства вызвало усиленное строительство здесь же сталелитейных, трубопрокатных, механических, машиностроительных и прочих перерабатывающих заводов, тоже в преобладающей степени на основе иностранного капитала. Таковы заводы — Общества русских трубопрокатных заводов, Екатеринославский сталелитейный завод, механические и машиностроительные заводы в Константиновке, Горловке, Николаеве и др. Каменноугольная промышленность Донбасса (кроме районов, входивших в бывшую Донскую область) была представлена в 1895 г. 88 каменноугольными предприятиями с производительностью 531 млн. пудов, из которых 15 предприятий (принадлежавших иностранному капиталу или связанных с ним) давали 396 млн. пудов, или около 75% всего производства. Наиболее крупными были: Корсунская копь Южно-Русского общества с 46 млн. пудов, 6 копей Алексеевского горнопромышленного общества с 50 млн. пудов и Александровская копь Новороссийского общества с 40 млн. пудов, которые давали в общей

сложности 136 млн. пудов угля, или около 26% добычи всей южной каменноугольной промышленности.

Таким образом, основные украинские районы Криворожья и Донбасса по добыче руды и каменного угля и по чёрной металлургии уже с 70—90-х годов и особенно в 1900—1913 гг. получают первостепенное и общегосударственное значение. Так, по каменному углю Донбасс занимал в 60-х годах 32,8% общей добычи, в 1890 г. — 50, в 1900 г. — 67 и в 1913 г. — 70,5%. По выплавке чугуна Юг в 70-х годах давал 1,4%, в 1890 г. — 24,3, в 1900 г. — 51,7 и в 1913 г. — 67%; по производству железа и стали в 80-х годах — 4,5%, в 1900 г. — 46,5 и в 1913 г.— 57,3%. Громадная доля в этом росте тяжёлой промышленности принадлежала иностранным капиталистам, которые, организовав на Украине громадные акционерные предприятия по углю, металлу и забрав в свои руки большинство акций, «...высасывали соки из украинского народа в порядке легальном, «законном», без шума»[1].

С ростом украинской промышленности вырастала и крупная национальная украинская буржуазия. Появляются такие крупные украинские капиталисты, как Терещенко, Симиренко, Харитоненко, Алчевский, а также еврейская промышленная и банковая буржуазия, как Гинзбург, Бродский и др.

В 1863 г. на Украине насчитывалось промышленного пролетариата 75 тыс., к концу XIX в. — уже 200 тыс. человек.

По промышленной переписи 1908 г. число предприятий крупной (цензовой) промышленности (без железнодорожных мастерских), число рабочих и сумма производства по отдельным украинским губерниям представляются в следующем виде:

	Число заведений	Число рабочих (тыс.)	Сумма производства (млн. руб.)
Полтавская	274	11,0	49,4
Харьковская	329	43,7	98,7
Черниговская	336	23,3	42,5
Волынская	471	22,0	35,4
Киевская	595	63,9	143,5
Подольская	339	31,8	60,3
Екатеринославская	362	70,3	166,2
Херсонская	612	35,7	127,5
Итого	3 318	301,7	723,5

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 4, стр. 174.

По отдельным группам производств обработка металлов преобладала в Херсонской губернии (117 заводов с 12,4 тыс. рабочих, с продукцией на 20,4 млн. руб.) и в Екатеринославской (соответствующие цифры — 65, 13,4 тыс. и 27 млн. руб.), горнозаводская — в Екатеринославской (11 заводов с 43,7 тыс. рабочих и с продукцией на 78,6 млн. руб.); сахарные, винокуренные и прочие заводы пищевой промышленности преобладали в Правобережной Украине (в Киевской губернии — 263 завода, в Подольской — 212, в Волынской — 211).

Заработная плата рабочих была крайне низка. Рабочий день продолжался 12—14 часов и доходил местами до 17—18 часов. Шахтёры-забойщики зарабатывали по 12—15 руб. в месяц на хозяйских харчах, саночники — 8—10 руб. Лишь плата квалифицированных рабочих составляла 30—35 руб. в месяц. Наиболее низко оплачивался труд в сахарной промышленности, в винокуренном и гончарном производстве, в химической промышленности и др. Здесь плата составляла 7 р. 50 к. — 10 руб. в месяц. Штрафы поглощали до 50% зарплаты. Сильно обирали рабочих фабричные лавки, в которых рабочих побуждали брать товары в долг. На заводе Юза семейный рабочий, имеющий семью в 5 человек, тратил на питание наличными 20—25 руб., а в заводской лавке в долг — 35—40 руб. в месяц.

Столь значительное развитие промышленности на Украине, притом в основных и ведущих её отраслях, делали её важнейшей составной частью российского промышленного и финансового капитала. Киев с его крупными банками являлся более или менее самостоятельным — хотя и зависимым от петербургских банков — финансовым центром сахарной промышленности. Харьковские съезды представителей горнозаводской и металлургической промышленности имели руководящее значение в монополистических организациях этих отраслей.

Крупнейшая концентрация промышленности приводила к сплочённости и к организованности кадров промышленного пролетариата Украины. Уже с 1875 г. в Одессе образуется Южно-российский союз рабочих, являвшийся первой рабочей организацией. В 90-х годах, с организацией Лениным «Союза борьбы», донецкий и вообще южный пролетариат полностью включается в общероссийское рабочее движение, а к началу XX в. и в революции 1905 г. он становится в первых рядах его, осуществляя своими политическими стачками ленинские лозунги в борьбе против капиталистической эксплоатации и гнёта царизма[1].

---

[1] См. «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», 1949, стр. 14—106.

Западная Украина и Буковина. В 1772 г. по первому разделу Польши Австрия получила Галицию и Лодомерию с прилегающими частями Подолии и Волыни и польские воеводства Краковское и Сандомирское. В 1774 г. австрийские войска заняли также Буковину (северную Молдавию). Хотя после Венского конгресса произошли некоторые изменения в этих границах, но всё же основная часть бывшего Галицко-Волынского княжества из состава прежней Польши перешла в состав Австро-Венгрии, где она и оставалась до крушения Австро-Венгерской империи в 1918 г.

Во время присоединения к Австро-Венгрии Галиция по национальному составу населения разделялась на две части: часть восточнее реки Сана была заселена исключительно украинцами; западнее — поляками. Но помещики были везде исключительно поляки. Австрийское правительство, оставив нетронутым господство польской шляхты (дворянства), всё же несколько ограничило крепостные права помещиков. Земли крестьянские были отграничены от помещичьих, а повинности крестьян регламентированы. В борьбе с польским национальным движением австрийское правительство использовало украинское крестьянство и поддерживало «руссинские» тенденции. В 1848 г. австрийское правительство провело реформу «освобождения от панщины» со значительными, однако, ограничениями крестьянских земельных прав и с денежным вознаграждением помещиков.

Крестьяне обязаны были уплатить огромный денежный выкуп за землю и за право пропинации, т. е. за исключительное право помещиков на продажу алкогольных напитков. Крестьяне лишились права сервитутов, т. е. права пользования пастбищами и лесами помещиков и др. Выкупную операцию стали проводить с 1858 г. и закончили лишь в 1898 г. Галицийские польские помещики получили от выкупа земли крестьянами до 225 млн. ринских (1 ринский — около 80 коп.), из которых проценты на капитал составляли 128 млн. ринских, т. е. превышали стоимость земли.

В течение второй половины XIX в. шёл быстрый процесс пролетаризации крестьянства. Несмотря на запрещение дробления земли, число крестьянских хозяйств увеличилось на 30% при неизменной земельной площади. К началу 80-х годов XIX в. задолженность крестьянских хозяйств доходила до 30% всей стоимости их. Десятки тысяч хозяйств были проданы с молотка за долги. В 1902 г. 44% хозяйств в Галиции имели менее 2 *га* на двор, хозяйства размером до 5 *га* составляли 80%. Одновременно шла концентрация помещичьей земельной собственности. Масса крестьянства пролетаризировалась, многие эмигрировали в Канаду, в США, Бразилию. К началу XX в. аграрное

переселение ежегодно выбрасывало из галицийской деревни до 1—1,2 млн. человек.

Переход к капитализму совершился здесь раньше, чем в соседних частях России как для помещичьего, так и крестьянского хозяйства. Впрочем, рассматривая Галицию как своего рода колониальную окраину, Австро-Венгрия не стремилась развивать здесь обрабатывающую промышленность. Громадная часть населения жила исключительно земледельческим трудом. В 1910 г. сельским хозяйством было занято 76,7% населения, промышленностью — 8,8, торговлей — 5,4%. Распределение землевладения было крайне неравномерно. Дворянство, почти исключительно польское, сосредоточивало в своих руках обширные поместья: по переписи 1902 г. крупная земельная собственность (свыше 1 тыс. *га*) занимала 37% земельной площади и принадлежала 475 владельцам; 21 магнатской фамилии принадлежало 8% всей территории страны. Размеры крестьянского хозяйства в среднем равнялись 4,25 *га*, но с глубокой диференциацией по признаку земельного и хозяйственного обеспечения. Безземельных дворов было до 1,2 млн. Хлебопашество стояло на невысоком уровне сравнительно с немецкими и чешскими частями Австро-Венгрии. Было развито травосеяние, возделывание сахарной свёклы для переработки на сахарных заводах, культура картофеля для винокурения, продуктивное животноводство.

Промышленность основывалась, с одной стороны, на переработке сельскохозяйственного сырья, а с другой — на наличии естественных минеральных богатств страны. В юго-восточной Галиции добывались нефть, озокерит, соль. В 1905 г. было 304 нефтяных предприятия, 15 предприятий по добыче озокерита, преимущественно мелкого типа. В обрабатывающей промышленности имелись винокуренные, пивоваренные, табачные, сахарные заводы, мукомольные мельницы, нефтеочистительные и лесопильные заводы. В городах было развито ремесленное производство на продажу готового платья, модных товаров и пр., которым была занята преимущественно еврейская городская беднота, работающая на крупные еврейские торговые фирмы. Вообще в промышленном отношении Галиция и особенно Западная Украина сильно отставали от других частей Австро-Венгрии: они были преимущественно земледельческой колонией, вывозившей хлеб, скот, яйца, дерево, шерсть и ввозившей промышленные продукты метрополии. В целом промышленность носила полуремесленный характер, а удельный вес её в народном хозяйстве был незначителен. Во втором десятилетии XX в. население Галиции составляло 26% всего населения Австрии, но число рабочих Галиции составляло всего 10,1% общего числа рабочих. На 1 тыс. человек населения Галиции

приходилось в среднем 9,3 паровых *л. с.*, тогда как в Австрии — 59 *л. с.* Промышленный пролетариат крупных промышленных предприятий, с числом рабочих 100—1 000 на каждое, составлял в Галиции 1,5% общего числа рабочих Галиции.

В дальнейшем, когда после империалистической войны Австро-Венгрия перестала существовать, а попытка провозглашения «Западно-Украинской народной республики» окончилась неудачей, Буковина Севрской конференцией была в 1920 г. закреплена за Румынией. Галиция с Западной Украиной были постановлением Верховного совета Антанты 14 марта 1923 г. переданы Польше, в составе которой они находились до освобождения Западной Украины советскими войсками в 1939 г. и Северной Буковины с Бессарабией — в 1940 г., когда эти обе части были воссоединены с братскими народами СССР.

Бессарабия. Экономически Бессарабия имела многие черты сходства со степной Украиной, хотя национальный и социальный состав её населения несколько отличался от соседних украинских губерний. По данным переписи 1897 г., преобладающее число населения состояло из молдаван — 48%, украинцев — 19,6, евреев — 12, великороссов — 8,4%; далее следовали немецкие и болгарские колонисты, цыгане и др. Преобладающая часть населения — до 70% — была занята сельским хозяйством; промышленность была очень слабо развита.

Земельные отношения в Бессарабии сохраняли в период пребывания её в составе Российской империи и развития капитализма остатки исторического прошлого — преобладания молдаванско-румынского землевладельческого боярства, с крупными латифундиями и с малоземельем значительного числа бессарабских крестьян.

По земельной переписи 1877 г. средний размер дворянского землевладения был 1 078 десятин, причём дворянам принадлежало 72,7% всей частновладельческой площади, а 0,7% владельцев крупных поместий (свыше 1 тыс. десятин) обладали 18% земельной площади. Монастырские земли принадлежали большей частью иностранным монастырям, которым они были пожертвованы румынскими боярами. Крестьянской надельной земли было (в 1905 г.) 48,6%, средний размер надела на одно хозяйство был 6,5 десятины, что при крайне экстенсивном хозяйстве было далеко не достаточным. По числу безземельных Бессарабия стояла на одном из первых мест среди других губерний России: их было около 23%.

По своему направлению бессарабское как помещичье, так и крестьянское хозяйство в период капитализма быстро эволюционировало от прежнего преобладания овцеводства к исключительно зерновому производству. В 1860 г. тонкорунных

овец насчитывалось 443 тыс., а в 1908 г. было всего 41 тыс. Вместо этого сильнейшим образом увеличилась посевная площадь — с 39 до 60% всей сельскохозяйственной площади. В посевах хлебов преобладала кукуруза, урожай которой составлял до 40% всего сбора кукурузы в империи. В значительной степени он шёл на вывоз через Одессу, Измаил, Рени. Из других отраслей были развиты виноделие, табаководство, садоводство. Фабрично-заводская промышленность была представлена мукомольными мельницами, винокуренными заводами и другими небольшими предприятиями числом 192 (цензовые предприятия 1908 г.) с общим количеством рабочих в 3,6 тыс. человек.

Таким образом, Бессарабия представляла собой типичную земледельческую, отсталую колонию, которая вывозила свои хлебные избытки на внешний рынок и ввозила промышленные изделия из метрополии.

В 1918 г. Бессарабия была насильственно захвачена Румынией, и бессарабское крестьянство подпало под власть румынских бояр. И лишь в 1940 г. советские войска освободили трудящихся Бессарабии, и бессарабский народ был воссоединён с братскими народами Молдавской АССР.

Белоруссия и Литва. Развитие капитализма в белорусских губерниях и смежных с ними частях Литвы, заселённых белоруссами, после реформы 1861 г. шло главным образом по линии развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, что обусловливалось как самим характером проведения реформы в этих губерниях, так и общей отсталостью промышленности.

После восстания 1863 г. царское правительство по политическим соображениям предоставило некоторые льготы в наделении землёй белорусского крестьянства. Но и после этого оно оказалось недостаточно наделённым землёй, а значительная часть его была полностью обезземелена. Помещики в результате реформы сохранили за собой до 55—65% всей земли (в Минской — 60—65%, Могилёвской — 54—57, Гродненской — 40—46%). Надельная земля занимала в разных губерниях 25—40%, остальные были государственные земли. Концентрация частной земельной собственности в руках крупных владельцев, преимущественно из титулованного польского дворянства, была очень велика.

В Минской губернии из всей частновладельческой земли (по переписи 1905 г.) до 80% принадлежало дворянству, причём владельцы имений свыше 10 тыс. десятин составляли около 0,5% общего числа их, но имели до 40% всей частновладельческой земли. Такие польские магнаты, как Радзивиллы, Потоцкие, имели по 150—200 тыс. десятин земли, а князь Витген-

штейн владел поместьями свыше 900 тыс. десятин. Значительное число имений принадлежало польской мелкой шляхте. Были очень распространены сервитуты, т. е. совместное пользование некоторыми видами угодий (преимущественно лесами и пастбищами) помещичьим и крестьянским хозяйством, что приводило к частым хозяйственным неурядицам. За 1906—1908 гг. в связи с действиями столыпинских землеустроительных комиссий в белорусских губерниях было выброшено на рынок 1,5 млн. десятин помещичьей земли, приобретённой через Крестьянский банк крупными крестьянскими хозяйствами.

Особенно значительно было здесь применение столыпинского законодательства в области выделов в единоличное владение, укреплений и разверстаний общинных земель, разверстаний подворников и т. п. Всего за период 1907—1914 гг. по шести белорусско-литовским губерниям перешли к единоличному владению 130 тыс. дворов с 1,4 млн. десятин земли, а в Могилёвской губернии до 845 тыс. десятин земли было выделено из общинной земли и закреплено в единоличную собственность. Тогда же стало производиться размежевание сервитутных угодий. Крестьянское надельное землевладение составляло от 24,3% (в Минской губернии) до 40,7% (в Виленской губернии) всей земельной площади. В преобладающей массе крестьянского землевладения было распространено подворно-участковое и хуторское (90—100%) и только в Витебской губернии общинное землевладение занимало до 38%, а в Могилёвской до 83,8% крестьянских надельных земель. Средние размеры наделов бывших помещичьих крестьян достигали по отдельным местностям до 8—13 десятин на двор (2,7—3,5 десятины на душу), со значительной диференциацией крестьянского хозяйства по размерам земельной площади, с выделением большого числа малоземельных и безземельных (до 7—10%) и батраков, с большими покупками земли верхушечными группами крестьян через Крестьянский банк и пр.

Техника сельского хозяйства была невысока. По переписи 1910 г. в крестьянских хозяйствах соха составляла 25% всех орудий обработки почвы, деревянный плуг — 50% и железный плуг — всего 25%.

На почве таких земельных отношений создавались, с одной стороны, условия, благоприятствующие развитию капитализма в сельском хозяйстве, а с другой (в особенности в губерниях с наибольшим распространением полукрепостнических отношений, как в Могилёвской и Витебской) — задерживающие это развитие. Ленин уже в 90-е годы относил Гродненскую, Минскую, Виленскую губернии к районам, где преобладала капиталистическая система хозяйства, тогда как в Могилёвской и

Витебской преобладала смешанная система. Основным направлением сельского хозяйства до конца XIX в. оставалось всё же трёхполье и зерновое хозяйство с его низкой техникой, с преобладанием сохи, с недостаточностью удобрений и тяговой силы. Однако как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйстве постепенно начинают развиваться культура льна, конопли, картофеля, в связи с чем начинается переход к многополью и травосеянию. Например, Могилёвская губерния уже к 900-м годам занимала третье место по производству льна среди основных губерний льноводческой полосы. Картофель в помещичьем хозяйстве шёл на винокуренные заводы, которые здесь издавна были в большом числе (в 900-х годах в шести белорусско-литовских губерниях было свыше 620 сельскохозяйственных заводов с выработкой спирта около 14 млн. вёдер).

Такие земельные отношения и почти исключительно земледельческий характер Белоруссии обусловливали полуколониальное её положение в экономике царской России. Обрабатывающая промышленность, а тем более крупная капиталистическая, была слабо развита. Вообще преобладали промышленные предприятия среднего и небольшого типа — лесопильные и деревообделочные, спичечные, бумажные, винокуренные заводы, мукомольные мельницы, табачные фабрики и др. Была распространена кустарная промышленность — по обработке дерева, гончарное, кожевенное, валяльное производство.

С 70—90-х годов начинает развиваться текстильная промышленность в виде крупных шерстоткацких и хлопчатобумажных фабрик Гродно, Белостока и др. К началу XX в. вследствие концентрации местного (польско-еврейского) капитала и отчасти прилива иностранного, некоторые из этих фабрик достигли размеров первоклассных предприятий, с усовершенствованной техникой и с тысячами рабочих. Продукция их не только продавалась на местных рынках, но и шла далеко во внутренние губернии, составляя конкуренцию московским фабрикантам. Тяжёлой промышленности и машиностроения в Белоруссии совершенно не было, металлические изделия и машины ввозились из метрополии или из-за границы.

Положение рабочих фабрично-заводских предприятий, особенно мелких, и предприятий, основанных на раздаточной системе, было крайне тяжёлое. Рабочий день в 80—90-х годах фактически доходил до 14—16 часов. С введением законодательства рабочий день формально был уменьшен до $11^1/_2$ часов, но фактически превосходил эту норму. Заработная плата на прядильно-ткацких предприятиях была ниже, чем на петербургских фабриках.

Всего, по данным промышленной переписи 1908 г., в шести белорусско-литовских губерниях имелось следующее число цензовых предприятий:

Губернии	Число заведений	Число рабочих (тыс.)	Сумма производства (млн. руб.)
Белорусские			
Витебская	160	6,8	11,6
Минская	427	10,9	17,5
Могилёвская	286	8,7	13,9
Литовские			
Вилевская	287	9,6	19,0
Гродненская	592	14,5	23,2
Ковенская	215	6,0	13,9
Итого	1 967	56,5	99,1

Из отдельных отраслей наиболее развиты были деревообрабатывающие заводы (в трёх белорусских губерниях всего 116 предприятий с 4,9 тыс. рабочих и с 4,8 млн. руб. продукции), а также винокуренные заводы и пр.

Помимо крупной фабрично-заводской промышленности, значительное развитие в Белоруссии получило ремесло, которое развивалось как в крупных городах, так и в бесчисленном количестве небольших местечек, наполненных еврейской ремесленной беднотой, — сапожное, трикотажное, галантерейных изделий, готового платья и др. Все эти виды ремесла работали не столько на местный рынок, сколько на продажу на обширный и отдалённый рынок внутренних губерний. Поэтому ремесло всецело находилось в руках торгового капитала, начиная от мелкого местечкового посредника и «фактора» и кончая крупнейшими торговыми конфекционными и универсальными фирмами, поставщиками готового платья, галантереи, кожевенных товаров и пр. в крупнейшие универсальные магазины Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Сибири и др. Положение городской ремесленной, преимущественно еврейской бедноты было крайне тяжёлое. Система «выжимания пота» процветала. Заработная плата была ничтожна — несколько копеек в день, 10—15 руб. в месяц. Антисанитарные жилищные условия, скученность, недостаток питания, туберкулёз приводили к громадной смертности.

Всё это вместе с национальным гнётом царизма приводило литовского, белорусского и еврейского рабочего и отчасти

ремесленника в ряды рабочих организаций, к участию в массовых стачках и т. п. Подъём массового стачечного движения в Литве и Белоруссии, так же как и в России, относится к 80-м годам. Выдвигались преимущественно требования повышения заработной платы и улучшения условий труда. Начало революционной деятельности Ленина и организация им «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» оказали значительное влияние и на рабочее движение западных и белорусских губерний. В 90-х годах образовалась социал-демократическая партия Польши и Литвы. В октябре 1897 г. в западных губерниях России создан был Всеобщий еврейский социал-демократический союз — Бунд. В ходе своего развития Бунд всё больше скатывался на позиции мелкобуржуазного сепаратизма и буржуазного национализма. Мелкобуржуазная националистическая и меньшевистская сущность Бунда, присущая ему и раньше, особенно выявилась во всей своей полноте в годы реакции и первой мировой войны, а позже и в февральской революции 1917 г. Под влиянием социалистической революции в октябре 1917 г. в Бунде произошёл раскол. Правая группа откололась и разделила впоследствии участь меньшевиков.

Прибалтика. Прибалтийские губернии значительно отличались между собой по этническому составу населения. В Эстляндской губернии 87,6% населения были эсты; в Лифляндской 43% было латышей и 40% эстов; в Курляндской — 77% латышей; в Ковенской губернии (которая административно входила в Западный край) — 74,4% литовцев и жмуди; немцы везде составляли 7—8%. Прибалтийские губернии по своей экономике и социальным отношениям имели между собой много общего, весьма отличаясь от остальных губерний капиталистической России.

Эти черты сходства и отличия заключались прежде всего в полном господстве немецкого поместного дворянства, обладавшего почти полной автономией в местных земских делах на основе особого «остзейского права», отличного от русского (особо широкие права дворянства в самоуправлении, в отношениях к крестьянскому самоуправлению, в вотчинной полиции и суде, особое сословное устройство, распространение майоратской собственности, фидеикомиссов и пр.). Всё это делало немецких остзейских баронов и дворянство всецело господствующим классом с гораздо большей властью над крестьянством, чем имело даже русское поместное дворянство. Социальная сила дворянства основывалась на господствующем положении его в землевладении и в прочности его благодаря майоратам.

Размеры дворянского землевладения в прибалтийских губерниях были в среднем наиболее крупными сравнительно с русскими губерниями (кроме уральских дворянских лати-

фундий): в Лифляндской губернии по переписи 1877 г. — 3 232 десятины, в Курляндской — 2 659 десятин, в Эстляндской — 2 442 десятины (против 638 десятин в среднем по 50 губерниям), причём имелись крупные поместья в 20—40 тыс. десятин. В руках дворянства находилось (1887 г.) 95% всей частновладельческой земли.

Что касается крестьянского землевладения, то оно характеризовалось исключительным господством подворно-участкового владения, расселением отдельными хуторами и почти полным отсутствием деревень и селений. Дифференциация крестьянства по землеобеспечению была огромна: безземельное крестьянство составляло в разных местностях до 25, 50 и даже 75% (Курляндская губерния) сельского населения. Средние размеры крестьянских наделов по переписи 1877 г. определялись в 25,7 десятины на двор в Эстляндской губернии и 40,3 десятины в Лифляндской, причём многие такие «крестьянские» кулацкие дворы имели прикупленной земли по нескольку десятков и даже сотен десятин. Все они вели своё хозяйство с применением наёмной рабочей силы сельскохозяйственных рабочих.

Таким образом, сельское хозяйство прибалтийских губерний велось на основе капиталистической системы и стояло на относительно высоком сравнительно с другими губерниями России техническом уровне. В полеводстве применялось исключительно многополье с пропашными корнеплодами и травосеянием, с применением минеральных удобрений, машин и пр. По своему направлению хозяйство было главным образом молочное со сбытом свежего молока в Петербург или с переработкой масла и сыра для внутренних рынков и отчасти на экспорт. Значительное развитие получили культуры картофеля для винокурения и льна на волокно.

Что касается промышленности, то она стала развиваться особенно значительно с 70—90-х годов, сначала в виде лёгкой промышленности, а затем химической, машиностроительной, металлических изделий, судостроительной и др. Все эти отрасли развивались главным образом на основе ввоза через балтийские порты иностранного сырья — хлопка, джута, чугуна, каменного угля. Так возникли шерстоткацкие и джутовые мануфактуры в Либаве, старейшая и крупнейшая хлопчатобумажная Кренгольмская мануфактура в Нарве (основанная ещё Кнопом), суконная Нарвская мануфактура Штиглица, резиновые мануфактуры в Риге, сталелитейные и машиностроительные заводы Беккера в Либаве, судостроительные заводы в Ревеле и многие другие. Некоторые из них развились в крупнейшие промышленные предприятия. Большая доля их была создана за счёт иностранного финансового капитала.

Всего, по данным промышленной переписи 1908 г., в трёх прибалтийских губерниях имелось:

Губернии	Число предприятий	Число рабочих (тыс.)	Сумма производства (млн. руб.)
Лифляндская	664	63,3	159,7
Курляндская	219	13,5	29,4
Эстляндская	296	21,0	60,1
Итого	1 179	97,8	249,2

Наибольшее по численности распространение имели винокуренные заводы, крупные предприятия по обработке металлов и машиностроению, по обработке дерева, крупные текстильные предприятия и др.

Громадное значение порты Прибалтики имели во внешней торговле России. В среднем за пятилетие 1908—1912 гг. обороты балтийских портов по ввозу и вывозу составляли (без Петербурга) 519 млн. руб., т. е. свыше 26% оборотов внешней торговли по европейской границе, в том числе обороты Риги были 253,7 млн., Ревеля — 91,9 млн., Виндавы — 88,1 млн., Либавы — 79,3 млн. руб. Через эти порты шла на вывоз громадная масса сельскохозяйственных продуктов центрально-земледельческой полосы, Поволжья, Северо-Запада и даже Юго-Запада. Ввоз через эти порты удовлетворял иностранными промышленными изделиями и сырьём города и промышленные центры России.

Польша. В системе российского капитализма Польша занимала особое место. Экономическое развитие Польши после реформы 1864 г. характеризуется быстрым развитием капитализма как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, что было подготовлено уже предшествующим промышленным развитием Польши в первой половине XIX в.

Реформа 1864 г. заложила условия для развития капитализма в сельском хозяйстве, создав значительные кадры малоземельных и безземельных крестьян, усилив дифференциацию крестьянства, необходимость промышленного отхода и т. п. Последнее особенно усиливалось тем, что согласно положению 1864 г. крестьянские наделы при разделе двора не могли делиться на участки менее 6 моргов (морг — немного более 0,5 *га*), поэтому часть его при росте сельского населения должна была итти в сельские батраки или в промышленные рабочие.

Тем не менее преобладающая часть населения была всё же связана с сельским хозяйством: по переписи 1897 г. во всех польских губерниях 57% населения было занято сельским

хозяйством и только 15% — промышленностью. Наличие значительного числа малоземельных и безземельных дворов (в 1899 г. насчитывалось до 1 млн. безземельного крестьянского населения) при капиталистической перестройке помещичьего хозяйства способствовало росту применения наёмного труда и капиталистических приёмов ведения хозяйства с исчезновением старых отработков. Из указанного числа безземельных крестьян почти половина работала постоянными батраками в помещичьем хозяйстве. Много крестьян (до 200 тыс. в год) уходило на сезонные земледельческие работы в Германию. Из общей земельной площади частновладельческих имений (по данным переписи 1907 г.) в 5 млн. десятин около 77% составляли дворянские земли, 13,8% — мелкошляхетские и 8,9% — майоратные.

По техническому уровню польское помещичье и особенно крестьянское хозяйство значительно отставало от соседних прибалтийских и даже отчасти белорусских губерний. Во многих местностях ещё в конце XIX в. было распространено трёхполье, хотя в более крупных хозяйствах преобладало многополье с посевом трав, с культурой картофеля для винокурения и свёклы для сахарных заводов. Было развито также животноводство и молочное хозяйство, но лишь для сбыта в пределах местных рынков. Хлеб в крупных помещичьих и кулацких крестьянских хозяйствах сбывался на местные рынки, но вообще для потребления населения хлеба нехватало и он ввозился из внутренних русских губерний.

Обрабатывающая фабрично-заводская промышленность стала развиваться ещё с 40—50-х годов, но усиленно расти и приобретать крупнокапиталистический характер она стала лишь с 70—90-х годов. При этом удельный вес и значение её в отдельных губерниях были весьма неравномерны: если для всей Польши (по переписи 1897 г.) количество населения, занятого в промышленности, было 15%, то для Варшавской губернии это число повышалось до 21%, для Петроковской — до 24, а для Келецкой падало до 8%.

Основными промышленными районами были: в Петроковской губернии Домбровский каменноугольный бассейн, Лодзинский мануфактурный (с хлопчатобумажными, шерстоткацкими, шёлковыми фабриками), Пабияницкий, Згрежский, Бендинский районы чугуноплавильных, металлических и других заводов. В Варшавской губернии были представлены районы самых разнообразных отраслей индустрии: большие сахарные заводы в Кутновском районе, большие прядильные и ткацкие фабрики в Жирардове, литейные и железоделательные заводы, сельскохозяйственных орудий, винокуренные, химические и прочие заводы.

Все эти отрасли промышленности, особенно каменноугольной и чёрной металлургии, с одной стороны, и хлопчатобумажной — с другой, имели важное значение и занимали особое место в системе российского капитализма. Выплавка чугуна ещё в дореформенное время сосредоточивалась в небольших предприятиях в Радомской и Келецкой губерниях, богатых рудными месторождениями, причём выплавка производилась на древесном угле. Открытие каменного угля в Домбровском районе дало небывалый толчок развитию чёрной металлургии, а с ней и железоделательных, сталелитейных и механических заводов.

В 70—90-х годах с помощью иностранного (частью французского, частью немецкого) капитала организуются крупнейшие предприятия тяжёлой промышленности. Таковы были чугуноплавильный и железоделательный завод «Гута Банкова» в Домброве (французские капиталы), заводы «Екатерина» и «Александр» одноимённого акционерного общества в Сосновицах (немецкие капиталы), завод «Пушкин» (немецко-польские капиталы), ряд крупных механических, котельных, трубопрокатных, машиностроительных заводов. В Домбровском каменноугольном районе организуются крупные общества: горнопромышленное общество «Граф Ренар» (немецкое), Общество каменноугольных копей в Сосновицах (немецкое), каменноугольные копи французско-итальянского общества, Варшавское общество каменноугольной промышленности (русско-польские капиталы).

Все эти общества превращались в крупные акционерные компании, являвшиеся деятельными сочленами всероссийских организаций финансово-монополистического капитала начала XX в. — синдикатов «Продамет», «Продуголь», «Гвоздь» и др. Тем не менее развитие чёрной металлургии и каменноугольной промышленности Польши ограничивалось преимущественно лишь местными рамками, в связи с тем, что, с одной стороны, качество железных руд было невысоко, а с другой стороны, домбровский уголь принадлежал к некоксующимся сортам, поэтому требовался привоз донецкого или иностранного антрацита. На этой же почве стали развиваться немецкие, сначала переделочные заводы, работавшие на привозном чугуне, а затем, после повышения таможенной пошлины на него, — чугуноплавильные, работавшие на немецком коксе.

В иных условиях шло развитие лёгкой индустрии — хлопчатобумажных, шерстоткацких, шёлковых и других фабрик.

Уже в 20-х годах XIX в. создаются основы крупнейшего Лодзинского текстильного района. В 1835 г. здесь впервые вводится машинное производство. С 50-х годов основывается

ряд крупных фабрик, преимущественно польско-еврейских капиталистов, как Гейера, Шейблера, Познанского в Лодзи, Киндлера в Пабияницах и, наконец, крупнейшая Жирардовская мануфактура (впоследствии «Гилле и Дитрих»). Все они быстро превращаются в крупные акционерные общества. Текстильная промышленность Польши начинает чрезвычайно быстро развиваться и становится «угрозой» старой московской хлопчатобумажной промышленности. Когда в 1850 г. произошло уничтожение таможенной границы между Польшей и Россией, жалобы московских промышленников на конкуренцию «чужеядной» польской промышленности ещё более усилились.

Польская хлопчатобумажная промышленность работала преимущественно на местном угле, употребляя (до развития русского хлопководства в Средней Азии) иностранный хлопок, обходившийся несколько дешевле в Лодзи, чем в Москве. Но причины успехов лодзинской текстильной промышленности лежали в том, что она была лучше технически оборудована, вследствие чего достигала большей производительности. После того как в 80-х годах жалобы московских фабрикантов на конкуренцию лодзинских фабрик особенно усилились, правительством Александра III были приняты некоторые ограничительные меры против польской промышленности (диференциальные тарифы на хлопок по сухопутным и морским границам, что было к невыгоде Лодзи сравнительно с Москвой и Петербургом). Но впоследствии, с укреплением русской капиталистической промышленности, они были отменены, и лодзинская промышленность теснейшим образом связала свои интересы с внутренним русским рынком.

Общие итоги развития польской промышленности представлены в следующей таблице (по данным Варшавского статистического комитета):

Годы	Число предприятий	Число рабочих (тыс.)	Годовая продукция (млн. руб.)
1877	8 349	90,7	103,4
1887	9 006	135,9	197,8
1895	12 987	205,8	278,6
1903	13 209	252,1	420,4

Таблица включает как цензовую, так и мелкую нецензовую промышленность. Выделяя только цензовую (подлежащую

*

надзору фабричной инспекции) промышленность, по переписи 1908 г. имеем:

Губернии	Число заведений	Число рабочих (тыс.)	Сумма производства (млн. руб.)
Все польские губернии	3 172	270,2	523,6
В том числе:			
Варшавская	887	68,1	135,7
Петроковская	1 057	151,1	311,7
Калишская	248	10,7	16,4

Польский фабричный пролетариат составлял, таким образом, около 12,5% всей численности фабричного пролетариата России.

В связи с таким ростом промышленности и её концентрации начинает быстро расти и рабочее движение в польских губерниях. Первые массовые стачки рабочих относятся к 70-м годам. В конце 70-х годов появляются первые рабочие социалистические кружки. В 1889 г. организуется Союз польских рабочих, развивший энергичную деятельность по организации стачек. В 1893 г. было положено основание польской социалистической партии, но её националистически-шовинистический уклон и забвение классовой точки зрения вызвали решительный отпор со стороны рабочей части партии. В 1893 г. была образована социал-демократическая партия Польши (впоследствии и Литвы). В конце 90-х годов создаются организации латвийской социал-демократии. Рабочее движение в польских и литовских губерниях протекает в дальнейшем в неразрывной связи с революционным движением в России.

Карелия. Карелия, как мы видели выше, была уже с XII в. вместе с полулегендарной Биармией, известна русским (новгородцам) и колонизировалась ими. Впоследствии западная часть Карелии отошла от Новгорода и Москвы к Швеции и только в результате Северной войны была присоединена Петром I к России. В XVII в. карельские железные и медные руды привлекают внимание Москвы. В 1669 г. сначала новгородским гостем Гавриловым, а затем и иностранными мастерами Марселисом и Бутенантом в Карелии было построено несколько медеплавильных и железоделательных заводов. Петр I заложил в 1703 г. более крупный Петровский завод (на месте будущего города Петрозаводска, который впоследствии стал губернским центром Олонецкой губернии, в состав которой входила Карелия). С начала и в середине XVIII в. здесь возник ряд крупных

заводов, в том числе в 1707 г. Кончезерский медe- и чугуноплавильный завод, в 1702 г. — Лодейнопольская корабельная верфь, выпустившая первые русские корабли на Балтийском море, в 1774 г. — крупный Александровский чугуноплавильный и артиллерийский завод. Кроме этих заводов в XIX в. был построен ряд лесопильных и лесообрабатывающих заводов, работающих большей частью на вывоз, а также спичечные, кожевенные, смоло-дегтярные заводы.

Таким образом, Карелия в системе русского капитализма играла некоторую роль своей горнозаводской, металлургической и лесной промышленностью, источники которой лежали в горных и лесных богатствах страны. Но вообще Карелия была глухой окраиной государства, с очень слабой заселённостью (в среднем по Олонецкой губернии — 3,2 человека на 1 квадратную версту, т. е. выше только Архангельской губернии и ниже всех других губерний Европейской России) и с низким уровнем сельского хозяйства. В земледелии преобладала примитивная подсечная система. Сельское население было очень разбросано, деревни часто имели 8—10 дворов. Своего хлеба нехватало, животноводство было слабо развито и скот был плохого качества. Население кроме земледелия занималось лесными промыслами, охотой, рыболовством и жило впроголодь, находясь в кабале у ростовщиков и торговцев. Большое значение для экономики края имели проходящие через него каналы, соединяющие Волжский бассейн с Петербургом и дававшие заработки населению. Во время первой мировой войны была (с помощью иностранного капитала) начата постройкой имевшая громадное экономическое значение Мурманская железная дорога.

Тем не менее наличие крупных заводов и близость петербургского промышленного района способствовали развитию рабочего движения, а с 1905—1906 гг. и политических рабочих организаций. Пропаганда марксизма в эти годы велась политическими ссыльными, а также петербургскими рабочими Колпинского завода, переброшенными для работ на Александровском заводе. В период реакции эти организации были разгромлены.

Народности Среднего Поволжья. В XIX в. многочисленные народности бассейна Волги (входившие в состав Московского государства уже с XV—XVI вв.) были окружены русской колонизацией и захлёстнуты развитием капиталистических отношений. Но всё же они сохраняли свой национальный быт и некоторые особенности своей национальной экономики. Таковы были казанские и астраханские *татары*, *мордва* с различными племенными подразделениями, обитавшие в Среднем Поволжье (в Самарской, Саратовской, Симбирской, Казанской и других

губерниях), народ мари *(черемисы)*, обитавший преимущественно в некоторых уездах Казанской, Нижегородской и других губерний, *чуваши*, населявшие сплошными массами некоторые уезды Казанской и Симбирской губерний, *удмурты* (вотяки), заселявшие преимущественно нижнее течение Камы, и многие другие.

Кроме небольших привилегированных сословных групп местного дворянства, большинство этих народностей в их основной трудящейся массе принадлежало по сословным делениям царской России либо к помещичьим, либо к государственным и удельным крестьянам. Они получили вместе с русскими крестьянами новое земельное и сословное устройство по крестьянскому законодательству 1861—1866 гг. Размеры наделов, предоставлявшиеся крестьянам этих народностей, были большей частью даже несколько ниже, чем для русских крестьян соответствующих местностей.

Низкий технический и культурный уровень сельского хозяйства приводил к крайнему обеднению и вымиранию населения. Новые капиталистические отношения, развитие товарно-денежного хозяйства, тяжёлые налоги обусловливали быстрое и резкое разложение крестьянства с выделением национально-кулацкой верхушки, деревенских богатеев, мелких помещиков, торговцев и пр. Масса же крестьянских хозяйств этих национальных районов полностью разорялась и пролетаризировалась. Так, например, число безлошадных крестьянских дворов национальных районов было обычно выше, чем средние губернские цифры: в 90-х годах в татарских хозяйствах Казанской губернии оно составляло 34,8%, в чувашских — 11, в мордовских — 14,1%; к 1912 г. количество безлошадных дошло до 30—35%. Положение ухудшалось ещё и тем, что в национальных районах была очень слабо развита промышленность и не было постоянных заработков. Кустарные промыслы были наиболее примитивные (рогожный, валяльный, деревообделочный и др.), но и они либо исчезали, либо попадали в зависимость от скупщика. Поэтому во время неурожаев, столь частых в Поволжье в 80—90-х годах, татарские, мордовские, чувашские деревни представляли кошмарные картины голода, эпидемий и вымирания населения.

Некоторые из этих народностей (чуваши, черемисы, удмурты, мордва и др.) ещё до конца XIX в. сохраняли в своих верованиях и обрядах старые пережитки родового патриархального строя. В наибольшей мере общественная дифференциация и развитие капиталистических отношений имелись среди татар. Имелся небольшой слой помещиков и местного дворянства (мурзы). С развитием капитализма стала выделяться национальная татарская торговая и промышленная буржуазия, имевшая

значительные торговые связи и обороты не только по всему Поволжью, но и в более отдалённых местностях. Начинал образовываться и национальный фабричный пролетариат, работавший на местных кожевенных, стеариновых, салотопенных и лесопильных заводах, на мукомольных мельницах, в судоходстве и пр. С 90-х годов татарский пролетариат уже включается в борьбу русского пролетариата против самодержавия, русской и национальной буржуазии и помещиков.

Особое положение среди народностей Поволжья в период капитализма занимали *немцы*, жившие в многочисленных немецких колониях Саратовской, Самарской и других губерний. Если упомянутые выше народности Поволжья ещё не успели пройти этап капиталистического развития и почти не имели своего промышленного пролетариата, то колонии немцев Поволжья являлись типичным районом земледельческого капитализма. Не испытав на себе крепостного гнёта, получив привилегированное положение в отношении наделения землёй, немецкие колонисты стали быстро развивать капиталистическое хозяйство. Верхушечные группы колонистов имели наделы в несколько десятков десятин (40—60 десятин), а также купленные земли. Кроме этого, крупные посевщики арендовали частновладельческие и казённые участки для посевов пшеницы, льна и пр. Они вели своё хозяйство с широким применением машин и наёмного труда, преимущественно из пришлых русских рабочих или из малоземельных и пролетаризирующихся групп немецкого земледельческого населения. Рабочие, нанимаемые «на срок», т. е. на период наиболее горячих полевых работ, беспощадно эксплоатировались.

Из среды земледельческой немецкой буржуазии в 90-х годах стала выделяться немецкая же торгово-промышленная буржуазия. В целях переработки сельскохозяйственного сырья в немецких колониях стали устраиваться собственные паровые мельницы, маслобойные, крахмало-паточные, горчичные заводы, сельскохозяйственных орудий и пр. Крупнейшие паровые мукомольные мельницы и маслобойные заводы Саратова, Вольска, Балакова, села Покровского (ныне город Энгельс) были построены почти исключительно на капиталы местной немецкой буржуазии, с кредитной поддержкой немецких банков. На этой почве старое русское купеческое мукомолье было вытеснено немецкими фирмами (Зейферт, Борель, Рейнеке, Шмидт и др.). В свете завоевательных стремлений германского империализма и фашизма эти немецкие колонии должны были сыграть роль опорных пунктов во время войны против России.

В русских селениях Поволжья развилась важная отрасль — кустарное производство сарпинки в Саратовской губернии,

Кроме перечисленных народностей Поволжья, далее на восток и юго-восток имелись крупные территории, представлявшие особый колониальный район для русского капитализма: в Заволжье — башкиры, по Нижней Волге — калмыки и далее, в заволжских и среднеазиатских степях, — казахи и киргизы. О них мы скажем в особой главе.

ГЛАВА XVII

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО БАШКИРИИ, КАЗАХСТАНА И КИРГИЗИИ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Громадные степи Нижнего Поволжья, Заволжья, Западной Сибири, а также Средней Азии, как мы видели выше, уже в XVIII в. составляли военную добычу русского царизма. Капитализм быстро превратил эти национальные окраины в типичные колонии. Способ колониальных захватов и эксплоатация их в это время определялись, с одной стороны, характером их экономики и социальных отношений в предкапиталистический период (патриархально-феодальные отношения, кочевой быт, экстенсивно-животноводческое хозяйство), а с другой стороны, характером тех естественных богатств, которыми капитализм стремился завладеть.

Население этих колоний, родственное по своему этническому составу (башкиры, калмыки, казахи и др.), к эпохе капитализма находилось ещё в стадии феодально-патриархального быта и кочевого хозяйства. Земли было много, она в преобладающей мере использовалась под экстенсивное кочевое скотоводческое хозяйство.

Вот эти-то земли и составили главный предмет вожделений русского капитализма и начавшейся капиталистической, помещичьей и кулацко-крестьянской колонизации. Капитал извлекал отсюда основное животноводческое сырьё — скот, кожи, сало и пр. Такой характер экономики этих колоний и способы эксплоатации их капиталом метрополии позволяет выделить эти национальные окраины экономически в один колониальный район.

1. Башкирия. Как мы указывали выше, завоевание Башкирии как колонии было произведено Московским государством ещё в XVII в. Но хозяйственное освоение её в то время сводилось лишь к обычному сбору ясака да к начинавшемуся

уже тогда расхищению башкирских земель. Эта последняя основная черта отношений с башкирской колонией сохраняется и в дальнейший период. Хищническая политика метрополии сводилась здесь, прежде всего, к расхищению богатых башкирских земель московскими служилыми людьми для их крепостной колонизации крестьянством из внутренних губерний.

Развитие уральской горной промышленности ещё в крепостной период внесло в отношения с Башкирией некоторые новые моменты. С XVIII в. начинается новый период в колониальном освоении Башкирии. Входивший в состав Башкирии Урал с этого времени становится основной базой металлургической промышленности России. Уральская металлургия требовала отвода под заводы в южной, средней и отчасти северной части Урала громадных земельных пространств, принадлежавших башкирам. Расхищение башкирских земель усиливается.

К этому времени происходит окончательное «замирение» башкир путём устройства ряда военных центров, благодаря чему было сломлено сопротивление масс башкирского населения. Со времени Петра I усилились захваты башкирских земель для отвода под горнозаводские вотчины. Так как для заводов нужны были прежде всего леса, то происходило массовое истребление башкирских лесных богатств. В 1724 г. все леса, расположенные на башкирских землях, были объявлены казёнными, т. е. были экспроприированы из родового землепользования башкир и превращены в государственную собственность. Эти лесные земли стали раздаваться на условиях посессионного владения или аренды отдельным заводчикам для заводской эксплоатации. Отдача этих лесов происходила почти даром, и за свои земли и леса башкиры получали ничтожные суммы. Например, некоторые горные заводы заарендовывали лесные участки в 180 тыс. десятин за 20 руб. или покупали 150 тыс. десятин за 150 руб. ассигнациями, т. е. по 1 коп. за 10 десятин[1].

В 1735 г. происходит закладка Оренбурга — нового военного и административного форпоста в центре наиболее непокорных башкирских районов.

Усиление эксплоатации вместе с расхищением земель и лесов вызвало ряд новых восстаний, а за ними — жестоких репрессий в виде поголовных расстрелов восставших, принудительного отобрания у них земель, полного разорения населения. Одновременно шла и руссификация башкирских районов. В XVIII в. начинают применяться очень энергичные меры для обращения башкир-магометан в христианство. Оренбургский

[1] *Л. Сабанеев*, Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях, М. 1873, стр. 5.

край был наводнён русскими попами и чиновниками, что вновь вызвало ряд восстаний.

В то же время была уничтожена существовавшая до тех пор система взимания налога с башкир — ясака — как специального сбора с народностей колоний и была введена общерусская податная система. Это привело к сильному повышению налогового обложения. Был введён в частности такой очень тяжёлый налог, как соляной, с принудительной продажей соли по казённой цене.

Всё это, вместе взятое, — расхищение земель, разорение масс башкирского населения, изгнание их с родной земли, усиление налогового пресса, — вызывало всё новые восстания башкир. В середине XVIII в. происходит целый ряд общих башкирских восстаний, кроме ряда местных волнений. Например, восстание 1755 г. под предводительством Алеева, затем участие в восстании Пугачёва, которое охватывает всю Башкирию и всю Уральскую область со всеми её заводами.

Земельные отношения. В 1832 г. правительством стали приниматься меры для регулирования земельного вопроса в Башкирии. После прямых земельных захватов и грабежей правительство переходит к политике колонизации башкирских земель крестьянским населением. В 1832 г. правительство начинает разверстание башкирских земель и земельное устройство башкир. При этом «землеустройстве» громадные пространства земель были вновь изъяты у их прежних землепользователей, а башкиры были наделены сравнительно незначительными наделами, часто не соответствовавшими условиям кочевого скотоводческого хозяйства. Привилегированная группа башкир — так называемые бывшие «вотчинники» — получила до 40—50 десятин на душу. Другая привилегированная группа — так называемые «припущенники», военные, т. е. новые поселенцы из других народностей (тептери, мещеряки), которые принимали участие на стороне русского правительства при «усмирении» башкир, — получала землю в виде награды в размере 30 десятин на душу. Остальные башкиры получали 15 десятин на душу. Эти размеры были недостаточны в условиях ещё кочевого хозяйства и в экстенсивных его формах, которые тогда существовали. Оставшиеся после наделения башкир земли превращались в государственные как фонд для заселения русскими переселенцами, крестьянами и для насаждения крупного помещичьего землевладения. Помещики ещё до реформы стали переселяться сюда со своими крепостными крестьянами, занимая под свои имения громадные площади в несколько тысяч десятин, захваченные у башкир. Таким образом, ещё до капиталистической эпохи все башкирские восточные степи с постоянно восставшим кочевым населением — башкирами,

калмыками, киргизами, казахами и др. — были окончательно окружены не только кольцом военных укреплений и поселениями казачьих войск (Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского), но и плотной массой русских крестьянских переселенцев.

Массовая, частью принудительная, частью стихийная, крестьянская колонизация башкирских земель являлась для капитализма основой развития здесь широкого рынка на промышленные товары метрополии и вывоза отсюда промышленного сырья. Эта колонизация играла большую роль и в развитии башкирского, преимущественно животноводческо-кочевого, хозяйства, заставляя его волей-неволей переходить от кочевого животноводства к оседлому земледелию. После реформы 1861 г. в Башкирию нахлынуло громадное количество переселявшихся туда из центральных губерний крестьян, заселявших степные башкирские пастбища и земли. Сюда же направляется масса искателей «лёгкой наживы» и всякого рода людей, которые захватывали всякими незаконными способами оставшиеся ещё крупные земельные фонды Башкирии.

Расхищение земель. Запутанность земельных отношений, отсутствие размежевания и определённых границ — всё это создало очень благоприятную почву для крупных и ничем не оправданных земельных захватов местным чиновничеством, разными авантюристами и пр. Башкиры, занимаясь в те годы преимущественно скотоводством, иногда сдавали излишки земли в аренду. По закону 1878 г., при сдаче башкирами своих земель в аренду должны были производиться публичные торги, для того чтобы достигнуть более «нормальных» цен. Но на деле эти торги производились через подставных лиц, и путём всяких злоупотреблений, взяток и подкупов (так называемые «тёмные деньги») земля сдавалась в аренду по 1—2 коп. за десятину.

Земельный фонд Башкирии очень быстро расхищался. Ещё в начале XIX в. башкиры владели земельным фондом приблизительно в 11,5 млн. десятин земли. Правительственная ревизия 1882 г. сенатора Ковалевского выявила громадные хищения и злоупотребления в пользовании общественным фондом башкирских земель и обнаружила крупные расхищения этого фонда отдельными лицами. Всего, по подсчётам ревизии, было расхищено из башкирских земель до 850 тыс. десятин, причём полностью были расхищены громадные «запасные» башкирские земли бывших Оренбургской и Уфимской губерний. В этом расхищении земельного фонда принимали участие высокопоставленные официальные лица: предводители дворянства, городской голова, чиновники и т. д. Формально они покупали эту землю по 15—20 и даже 8 коп. за десятину, а кроме того, так как границы не были установлены и земли продавались

по целым «урочищам», то за эти 8 коп. они покупали фактически иногда несколько десятин. Таких земель только в период 1869—1878 гг. было «куплено», т. е. попросту расхищено, у башкир свыше 1 млн. десятин.

Другим способом отнятия земли у башкир была массовая крестьянская колонизация, которая направлялась сюда из центральных губерний России. Отдельные крестьянские общества и земледельцы, которые сюда переселялись в порядке частной инициативы, также покупали крупные участки земли за совершенный бесценок. Так, например, одно общество (всего 120 дворов) приобрело из башкирских фондов около 20 тыс. десятин земли за 1 500—2 000 руб., т. е. 7—10 коп. за десятину [1].

Уже к 1890 г. от башкирского земельного фонда осталось всего около 1,5 млн. десятин, которые приносили башкирам ничтожный доход, так как сдавались в аренду по 2 коп. за десятину.

Переход на оседлое земледелие. Колоссальное и циничное расхищение башкирских земель привело к тому, что массы башкирского населения, не подготовленные к новым условиям хозяйства и к рациональным формам земледелия, вырванные из прежнего полукочевого скотоводческого хозяйства, вынуждены были переходить к оседлому земледельческому хозяйству. Хотя этот переход к оседлости и земледелию явился для башкир ступенью к несколько более высоким формам хозяйства и быта сравнительно с кочевым скотоводством, но в описанных условиях он часто сказывался тяжело на экономическом положении населения. К концу XIX в. все башкиры жили уже оседло, в деревнях, на определённых земельных наделах и занимались хлебопашеством, мелкими домашними промыслами для собственного потребления и т. п. Остатки прежнего кочевого образа жизни, кочевого скотоводческого хозяйства сохранились лишь в виде таких бытовых пережитков, как обычай весной переселяться в «коши», войлочные кибитки (или у бедных — в «аласыки», лубочные шалаши), которые в виде лагерей разбивались в степи, но не имели уже прежнего хозяйственного значения. Как черта национального быта сохранилось также широкое употребление кумыса. Общее количество скота в Башкирии сильно сократилось, особенно лошадей у бедняцких хозяйств, благодаря чему Уфимская губерния в 900-х годах имела уже 22,9% безлошадных дворов, а в 1912 г. — 20,4%; безземельных и малоземельных (до 3 десятин) дворов было 13%. Земледелие у башкир отличалось крайне низким уровнем: до конца

[1] *И. И. Лященко,* Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, 1914, гл. III, стр. 155—182.

XIX в. наибольшим распространением в качестве пахотного орудия пользовалась деревянная соха особого типа, и только наиболее зажиточные хозяева под влиянием русского крестьянского хозяйства стали в 900-х годах изредка применять железный плуг. Залежные земли имели ещё значительное распространение, в полеводстве преобладало бессистемное и неурегулируемое землепользование, и даже трёхполье было мало распространено.

Промышленность среди башкирского населения была развита очень мало, её, можно сказать, почти не было. Домашнее производство в виде шерстоткачества, обработки кожи обслуживало только нужды собственного потребления. В лесных районах небольшое распространение получали примитивные кустарные промыслы, как рогожный, лычный, колёсный, смолодегтярный. Крупная промышленность в районах прежней Башкирии была развита на Урале, но он давно был захвачен русской промышленной колонизацией и потерян Башкирией. В собственно башкирских степных районах крупная капиталистическая промышленность была представлена, главным образом, несколькими мукомольными мельницами русских капиталистов и винокуренными заводами. Имелось небольшое число мелких предприятий по обработке кож и другого сельскохозяйственного сырья. Вся фабрично-заводская промышленность Уфимской губернии (главный район Башкирии) в 1899 г. давала промышленной продукции всего на 2 млн. руб., а число фабричных рабочих было всего 2 500 человек. Они принимали некоторое участие в рабочем движении 1905 г.

Таковы были очень небольшие, но зачастую весьма тяжёлые для башкирского населения результаты освоения капитализмом этой колонии. К концу XIX в. Башкирия была уже сильно руссифицирована в основных башкирских районах и губерниях (в Уфимской, Оренбургской губернии русское население составляло в 1865 г. 36%, а в 1899 г. — 45%). В 90—900-х годах в прежних степях Башкирии уже широкое распространение имело крупнопосевное переселенческое русское крестьянское предпринимательско-капиталистическое земледельческое хозяйство. Это было высокотоварное хозяйство, производившее на рынок земледельческое и животноводческое сырьё и предъявлявшее большой спрос на продукты промышленности. Но само башкирское хозяйство всем этим было затронуто гораздо в меньшей степени, чем русское переселенческое хозяйство. Такой характер эта внутренняя колония сохранила до Великой Октябрьской революции.

2. Казахстан и Киргизия. Как мы видели выше, торговые пути из Московского государства в Азию ещё в XVI—XVII вв. шли частью через западносибирские, казахские и киргизские

степи. Поэтому уже с тех пор начинается военный нажим на население этих степей, который особенно усилился со времени Петра I и его преемников. К концу XVIII в., после занятия Уральской, Тургайской, Акмолинской областей (1730—1740 гг.) собственно Казахстан [1] был уже окружён кольцом Сибирских, Оренбургских и Уральских казачьих войск и укреплённых «линий» — крепостей, фортов и пр. На занятой территории развивалась и укреплялась земледельческая, торгово-городская и промысловая колонизация. Казахи и киргизы, находившиеся в то время на стадии изживания родового строя и на уровне примитивного скотоводческого хозяйства и кочевого быта и кочевавшие в этих степях, не могли систематически сопротивляться военному и колонизационному натиску царской России. Дальнейшее продвижение за оренбургско-уральскую военную линию и окончательный захват собственно казахских и киргизских степей вплоть до рек Алма-Аты, Сыр-Дарьи и границ Китая происходил уже в половине XIX в. (в царствование Николая I), когда царскими войсками были заняты громадные пространства — южная часть Казахстана, часть Семиречья и тогдашний Киргизстан до границ Китая и до сохранивших ещё на десяток лет самостоятельность среднеазиатских владений Ферганы, Самарканда, Хивы и Бухары.

Общественный строй. Помимо прямого военного захвата быстрому продвижению русского царизма в Казахстан и Киргизстан способствовала феодально-родовая и торговая верхушка казахских и киргизских родов, которая охотно шла в «подданство» России (1732—1735 гг.), укрепляя этим свои феодальные права над массой населения и расширяя торговые связи с империей и т. п. К началу XIX в. весь Казахстан становится внутренней областью империи. Понятно, что для массы населения переход к России обозначал не только усиление феодального гнёта со стороны местных национальных феодальных групп, закреплявших свои позиции, но и усиление податного и национального гнёта со стороны центрального правительства. Этим объясняется широкое участие трудовых казахов в восстании Пугачёва, национальные восстания казахов и киргизов в конце XVIII и в начале XIX в., жестоко подавленные царизмом.

---

[1] Значительная часть Казахской ССР до революции была объединена в «Степное генерал-губернаторство» в составе четырёх областей — Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. Часть Казахстана (за озером Балхаш и рекой Чу), а также современная Киргизская ССР входили в состав Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. В дальнейшем, в описании капиталистической эпохи и в соответствии с имеющимися дореволюционными статистическими материалами, мы будем пользоваться этим старым административным делением.

Казахи и родственная им народность, киргизы, составляли по численности наиболее крупную (в 4,5 млн.) группу народностей Средней Азии. Принадлежа к тюрко-татарской ветви монголов, казахи до завоевания Россией делились на три примитивных государственных образования — Великую, Среднюю и Малую Орду, управлявшихся ханами и подразделявшихся на отдельные роды, во главе которых стояли родовые вожди — султаны и князья. Вокруг них группировалась знать, крупное дворянство, «белая кость» (торе аксуэк), из которых выбирались ханы и султаны. К высшим группам принадлежали также аксакалы — родовые начальники, высшее духовенство, а также баи, крупные скотоводы. Остальная масса состояла из простого народа — «чёрная кость» (карасуэк), низшую группу которого составляли крепостные (толенгуты) и рабы (кулы). Это деление как результат пережитков родового строя сохранялось долгое время и после его разложения. Лишь с проникновением новых, капиталистических отношений сословно-родовое деление стало заменяться различиями имущественного и классового характера.

Близкий к этому общественный строй сохранялся в XVIII—XIX вв. и у киргизов. Родовой строй у них распадался, заменяясь новыми отношениями феодального характера. Во главе отдельных родовых общин стояли старейшины — аксакалы. Внутри родов шёл процесс экономической диференциации на почве захвата более сильными родами и их аксакалами крупных земельных территорий и более богатых пастбищ. Во главе управления отдельных территорий и союзов родов стоял хан, манап, являвшийся верховным феодальным владельцем целого района и имевший у себя в зависимости вассалов, ортоманапов, которые в свою очередь имели в своём вассальном подчинении более мелких владельцев. К высшим группам принадлежали ханские управители, судьи, а также баи — владельцы крупных, в несколько десятков тысяч голов, отар овец, табунов лошадей, верблюдов и др. Захватывая обширные и наиболее ценные пастбища, они держали в ростовщической и земельной кабале массы трудящегося киргизского населения.

Для окончательного подчинения себе казахов и уничтожения власти сохранивших сколько-нибудь самостоятельность казахских ханов и султанов царское правительство в 1869 г. провело административную реформу в управлении казахами, подчинив их в общегубернском порядке центральным и местным российским органам и сохранив лишь видимость самоуправления в последних звеньях общественного устройства казахов (аул). Этим самым усиливалась власть национальных местных старшин, родовых властей и верхушечных владетельных слоёв—баев. Одновременно стала усиленно проводиться переселенческая

политика, заселение казахских земель крестьянами из центральных губерний, чем ухудшалось земельное и экономическое положение казахского населения.

Земельные отношения и кочевое хозяйство. Громадные земельные пространства Степного края, от реки Урала до среднеазиатских областей и Сибири, находившиеся под кочевьями и становищами казахов и киргизов, занимали пространство около 2,5 млн. *км*^{2}, т. е. площадь, равную почти половине всей Западной Европы.

К началу XX в. население Степного края в значительной части сохраняло ещё родовой строй и кочевой характер скотоводческого хозяйства, в других местностях оно переходило к оседлому земледельческому хозяйству. Родовой быт и кочевое хозяйство обусловливали характер складывавшихся земельных отношений.

В основе землепользования лежало заимочное право рода, т. е. занятие родом определённых частей территории, на которой происходили кочевья этого рода. С распадом рода кочёвки целыми родами стали заменяться кочёвками отдельных, обособлявшихся групп этих родов. С ростом населения стала всё более усиленно ощущаться нехватка пастбищ, в особенности зимних, так называемых кстау, где устраивались зимние стойбища и где скот перезимовывал на бедном подножном корму. Пастбища стали захватываться отдельными лицами, общее пользование землёй ещё более стеснялось, а на почве земельной нужды создавались различные формы экономической зависимости и кабалы. Летние пастбища (джайляу) сохранялись более долго в общем пользовании, но и они сокращались присоединением их к зимним из-за недостатка последних.

Таким образом, хозяйственный строй большинства казахского трудового населения в XIX и даже в начале XX в. носил кочевой скотоводческий характер. Кочеванье происходило в обычных в таких случаях формах перехода с одного места жительства, с зимних стойбищ, на другое, на летние стойбища. Зимние жилища, или зимовки, представляли большей частью примитивную землянку, которая бросалась с переходом в летние стойбища, где жилищем служила переносная войлочная юрта. Более состоятельные казахи строили на зимовках постоянные избы, иногда даже крытые железом, но кочёвки и жизнь в юртах летом сохранялись и у них.

В кочевых районах кочеванье начиналось с весны, когда скот выгонялся на первые весенние травы и пастбища (коктау). Когда трава здесь выгорала, скот перегонялся на летние пастбища, преимущественно в более высоких предгорьях (джайляу). Осенью скот спускался с них и затем рассеивался по зимовкам, разбросанным по степи.

Кочёвки производились обычно целыми общинами и родами, причём для каждого рода были установлены свои пути и районы кочёвок. При прежнем обилии свободных степных пространств кочёвки иногда тянулись от зимовок до летних пастбищ на 1—1,5 тыс. вёрст. С развитием колонизации степи и с распашкой её эти размеры стали сильно сокращаться, что стало побуждать к переходу от кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому земледелию.

На зимних пастбищах устраивались обычно аулы, и на них впервые стало заводиться сенокошение, а затем и посевы хлебов как переход к оседлому земледельческому быту. В связи с этим сокращались сроки и районы кочёвок, которые стали происходить лишь на небольшом пространстве вокруг зимовок. Бóльшая часть скота переводилась с подножного корма на сено, для чего требовалось раньше незнакомое кочевнику сенокошение. Наконец, жители зимовок начинали заниматься земледелием, чем завершался в сущности переход к оседлому быту. Хотя первоначально в каждой зимовке участвовала какая-либо одна родовая группа или семья, с переходом к оседлости и с увеличением населения такая зимовка аула-семьи превращалась в более сложную *аульную общину* как форму «территориальной общины». Органы её начинают регулировать и руководить хозяйственной жизнью общины — условиями и порядком землепользования, сенокосами и пастбищами, устройством водопоев и т. п. В такой общине не было, однако, уравнительности землепользования, как в русской общине. Наоборот, в одной и той же общине сильные и влиятельные группы имели пастбищ на одну кибитку-хозяйство в несколько сот и более десятин, тогда как бедные и мелкие хозяева — едва по нескольку десятин. Так, по обследованию 90-х годов, в Актюбинском уезде на одну кибитку приходилось от 53 до 1 356 десятин, в Кустанайском уезде, в северной части, — от 31 до 2 187, а в южной — от 26 до 3 857 десятин, но встречались отдельные крупные хозяйства в 15 882 десятины. Община, кроме того, имела право сдавать земли в аренду посторонним, что также ещё более усиливало неравномерность землепользования. На такой почве, естественно, возникала экономическая дифференциация, выделение крупных хозяев («старшин», или «седобородых», «аксакалов»), захватывавших в свои руки всё руководство внутренней жизнью, управлением и экономикой общины [1].

У казахов и киргизов, особенно у кочевых, главным их богатством и главнейшей отраслью хозяйства было животноводство

[1] «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей», вып. 12, 1898—1903.

и особенно разведение лошадей. Последние служили не только средством транспорта, но и как продуктивный скот. Из молока кобылиц изготовлялся кумыс, мясо лошадей шло в пищу. Поэтому в более глухих, исключительно кочевых, местностях лошади составляли почти 100% всего стада, тогда как при переходе на оседлость этот процент падал до 30—40 при возрастании крупного рогатого скота до 40—50%.

Для кочевого животноводства вообще и особенно табуноводства важнейшим вопросом хозяйства являлся вопрос о пастбище. Казахи и киргизы-кочевники раньше совсем не заготовляли кормов для скота, лишь последовательно перегоняя его с летних пастбищ (джайляу) на зимние (кстау), весенние (коктау) и осенние (кузеу), на которых по особенностям времён года и произрастания трав скот пасётся, таким образом, круглый год. Такой способ создавал крайнюю неустойчивость хозяйства в неблагоприятные годы, разоряя целые громадные кочевья. С русской колонизацией и вблизи русских селений казахи и киргизы при переходе на оседлость стали оставлять эти примитивные способы ведения хозяйства. В оседлых земледельческих районах стали сильно расти посевы пшеницы (на продажу), проса и других хлебов. Первобытное деревянное рало, «омач», стало заменяться железным плугом и другими орудиями обработки почвы.

Крестьянские переселения. Уже при введении административной реформы 1869 г. все земли, пригодные для земледелия, но не используемые в этом направлении, а находившиеся под кочевьями, царским правительством были объявлены государственной собственностью и лишь предоставлены в «бессрочное пользование» кочевникам. На остальных землях, объявленных государственной собственностью, стала быстро развиваться стихийная крестьянская русская колонизация, которая с тех пор получила большое значение в развитии хозяйства и местных земельных отношений.

Начавшись ещё с 80-х годов, она проходила здесь настолько неупорядоченно и стремительно, преимущественно в виде официально так называемого «самовольного» переселения, что стала приводить к массовому расхищению земель местного населения. В связи с этим была назначена специальная правительственная комиссия для обследования на месте вопроса о землеустройстве киргизов и русских переселенцев. Обследовав 12 уездов массовой колонизации, комиссия могла лишь констатировать, что на громадном пространстве бескрайние и ещё недавно свободные для кочевого скотоводства степи уже были перерезаны сплошными полосами посевов пшеницы переселенцев и отчасти самих киргизов, перешедших на оседлость. По обследованию земельного фонда было признано, что по приня-

тым нормам для кочевого хозяйства 106 тыс. киргизским кибиткам-хозяйствам в обследованных уездах должно быть оставлено 17 млн. десятин земли. Имевшиеся сверх этого под кочевьями 18 млн. десятин были обращены в «излишки», т. е. отобраны у киргизов. Из них в ближайшие годы под крестьянское переселение было отведено до 3 800 тыс. десятин.

После постройки Сибирской железнодорожной магистрали правительственная переселенческая политика, запрещавшая (законами 1889 и 1893 гг.) в интересах помещиков внутренних губерний «самовольное» переселение, сменяется политикой усиления колонизации Сибири и Степного края в интересах создания здесь рынков сырья и сбыта промышленных продуктов для капитализма. На основании нового закона 1904 г. начинает особенно усиленно развиваться колонизаторская политика царизма путём изъятия массы лучших казахских земель и отвода их под переселенческие участки. Порядок и строй кочевого хозяйства этим окончательно разрушались. Землеустроительные «нормы» оставляемых у казахов земельных угодий были часто явно недостаточны, не говоря уже о массе злоупотреблений на этой почве.

Расхищение казахских земель хотя, может быть, и не доходило здесь до таких размеров и форм, как в Башкирии, но всё же общие размеры изъятых у местного населения земель и прямое расхищение их были огромны. В Степном крае общий размер образованного из отобранных земель «переселенческого фонда» (преимущественно в уездах Петропавловском, Акмолинском, Семипалатинском) к 1914 г. достигал 41 млн. десятин. В одной Семиреченской области у казахов было «изъято» 2,4 млн. десятин, у киргизов — до 4 млн. десятин. По данным правительственной ревизии сенатора Палена в 1908 г., под переселенческие участки отбирались у киргизов и казахов обжитые площади, нередко массивами в 10 тыс. десятин, готовые пашни, ирригационные сооружения; сносились зимовки и мечети и т. п.[1]

Такая грабительская колонизаторская политика царизма убийственно сказывалась на положении казахского и киргизского населения и хозяйства. Численность киргизского населения за 1903—1913 гг. сократилась в колонизуемых районах на 7—10%; количество скота сократилось в среднем на 27%. Особенно пострадало нагульно-животноводческое хозяйство казахов, требующее больших земельных пространств и систематического умелого пользования пастбищами. Оно большей частью подвергалось полному разорению: по тем же официаль-

[1] «Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой сенатором Паленом», 1909—1910.

ным данным местных обследований, число малоскотных и разоряющихся хозяйств в главных районах колонизации (Акмолинский и Петропавловский уезды) в 1903—1908 гг. доходило до 65—70%. Вместе с разорением киргизского и казахского населения, а также части русского населения, из русского переселенческого хозяйства стало выделяться деревенское кулачество, которое пользовалось дешёвой рабочей силой киргизов и их землёй в целях развития своего крупнопосевного товарного хозяйства.

Экономической основой казахского и киргизского хозяйства и в XX в. оставалось попрежнему кочевое скотоводческое хозяйство, частью натурально-потребительского, частью товарного типа. В некоторых районах одновременно с этим усилился процесс перехода казахов и киргизов на оседлость, от кочевого скотоводства к земледелию. Экономические обследования 1905 г. обнаружили среди киргизских хозяйств, например в Уральской области, 88% сеющих хозяйств при 7,6 десятины посева в среднем на хозяйство; в Кустанайском уезде в том же году было 94,4% сеющих хозяйств при среднем посеве 8 десятин. По новым землеустроительным нормам при переходе киргизских хозяйств к оседлому и полуоседлому быту нормы наделения сокращены были против прежних 150—550 десятин на хозяйство до 55—350 десятин сравнительно с 30—45 десятин на хозяйство у русских переселенцев с оседлым земледелием.

Во всяком случае, как скотоводческо-кочевое, так и земледельческо-оседлое хозяйство киргизов и казахов было подорвано колонизационной политикой царизма. Но вместе с тем оно получило дальнейший толчок для закрепления экономических связей с метрополией и для развития капиталистических отношений. С проведением железных дорог в глубь казахских степей это хозяйство стало особенно усиленно втягиваться в товарное обращение. На местных ярмарках стали в массе продаваться продукты земледельческого и скотоводческого хозяйства киргизов и казахов — кожи, шерсть, сало, конский волос, скот и пр. Сюда же из промышленных районов метрополии пошла московская мануфактура, готовое платье, вытесняющие национальные домотканные ткани и халаты, а также посуда, железные изделия и пр.

Колонизационная политика царизма оказывала задерживающее влияние на развитие местной обрабатывающей промышленности. Несмотря на изобилие местного сырья, не создавалось сколько-нибудь крупной промышленности. Последняя ограничивалась примитивной обработкой либо продуктов животноводства (кожевенные и салотопенные заводы), либо необходимых для местного потребления пищевых продуктов (мельницы, маслобойные заводы).

Интересна судьба в Казахстане и Киргизии более крупной горнодобывающей и металлообрабатывающей промышленности. Громадные рудные богатства Казахстана, Алтая, Караганды были известны русским ещё с XVIII в. В 1727 г. Демидов приступил к разработке алтайских медных месторождений. В 1747 г. были открыты богатые месторождения серебра. В том же 1747 г. громадная часть алтайских рудоносных земель была объявлена собственностью «Кабинета» и была начата примитивная разработка казной серебряных и медных рудников (Зыряновский, Бухтарминский и др.). В 1784 г. Филипп Риддер, англичанин, служивший маркшейдером на Кабинетских рудниках, открыл в верховьях р. Ульбы богатейшие месторождения серебро-свинцовой руды (Зыряновское, Белоусовское и др.) и основал здесь их разработку с помощью английского капитала.

С этого времени начинается внедрение в горную промышленность Казахстана русского купеческого капитала. Сибирские купцы Попов, Ушаков, Рязанов, Деров скупают рудоносные земли и устраивают заводы. Попов в 1839 г. открыл серебро-свинцовый плавильный завод Благодатно-Степановский в Каркалинском округе, а затем Александровский и Богословский; все они представляли небольшие полукустарные предприятия. В 1847 г. русский купец Ушаков скупил у казахского бая Спасо-Успенский рудник за 118 руб., Джезказган — за 100 руб., Карагандинскую копь — за 255 руб. На этих землях он построил небольшие меде- и сереброплавильные заводы, но не мог развернуть дело и в 1905 г. продал их иностранцам за 770 тыс. руб. Образованный для этого в Лондоне Сибирский синдикат купил также Джезказган, Атбассарские медные рудники и построил Карсакпайский завод. В 1904 г. английский капиталист Уркварт Лесли создал иностранное «Киргизское горнопромышленное общество», захватил Экибастуз и ряд концессий и рудников на Алтае. В 1915 г. была построена обогатительная фабрика в Риддере, а в Экибастузе — цинковый и свинцовый заводы. Всего английский капитал в цветной промышленности Казахстана и Киргизии составлял 37—40 млн. руб., в том числе Риддер — 16 млн. руб., Спасские рудники — 9,2 млн. руб. Но эксплоатация рудников велась англичанами хищнически и разрабатывались лишь самые доступные месторождения.

Процесс создания квалифицированных национальных кадров рабочих проходил медленно. К началу XX в. всего рабочих на фабричных предприятиях Казахстана и Киргизии насчитывалось до 8,2 тыс. Кроме пришлых русских рабочих, национальные кадры промышленного пролетариата вербовались из обезземеливаемых слоёв киргизского и казахского населения. Много киргизских батраков-малаев работало в отхожих

промыслах — в соледобывающей промышленности у Каспийского моря. Положение рабочих было очень тяжёлое, особенно в рудничной и соледобывающей промышленности, вследствие крайне низкой оплаты труда. Поэтому уже в первую революцию 1905 г. казахские рабочие, например на Успенских рудничных предприятиях, выступали совместно с русскими рабочими на борьбу против капиталистической эксплоатации. Но рабочее движение при описанных условиях не могло получить здесь широкого развития[1].

Таково было положение этой, одной из наиболее отсталых, но богатых колоний русского царизма.

ГЛАВА XVIII

ХОЗЯЙСТВО СИБИРИ И СИБИРСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

Сибирь, как мы видели из предшествующего изложения, являлась одной из наиболее ранних и наиболее крупных колоний Московского государства. Правительственная колонизационная политика Московского государства в Сибири в XVII в. основывалась, с одной стороны, на военно-феодальной и торгово-ростовщической эксплоатации местных народностей, платящих тяжёлые ясачные сборы и ещё более ограбляемых при этом сборщиками, воеводами и всякими чиновниками. С другой стороны, усиленно шла и земледельческая колонизация Сибири вольными людьми или государственными крестьянами на «государевой пашне», чем создавалось более прочное экономическое земледельческое её освоение. На третьем месте стояла колонизация собственно промышленного характера. Особое место начинала занимать колонизация «ссыльнопоселенцами».

Все эти направления колонизационной политики продолжали развиваться и в XVIII—XIX вв. с несколько разным, однако, удельным весом. При необходимости укрепления южносибирских границ усиливается перевод в Сибирь вооружённых государственных сил, устройство оборонительных линий, организация казачьих войск и т. д. Главная масса земледельческой колонизации попрежнему пополняется крестьянской

[1] «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», 1949, статья Якупина «Революция 1905—1907 гг. в Казахстане», стр. 619—656.

колонизацией из центральных губерний в виде беглых от крепостничества крестьян. С XVIII в. возникает и быстро растёт новый разряд населения — приписанных к государственным горным заводам заводских крестьян. Наконец, с XVIII в. особенно усиливается и ссыльная колонизация в виде всякого рода уголовного элемента, бродяг, негодных к военной службе, ссыльных помещичьих крепостных крестьян и пр., а затем и ссыльных политических. Многие из этих элементов или прямо ссылались «на поселение», или поступали в разряд «ссыльнопоселенцев» после отбывания наказания на каторге и пр., а впоследствии сливались с основным земледельческим или промысловым населением.

Вследствие увеличения переселявшегося населения, а также массового вымирания среди некоторых племён местного национального населения, Сибирь, в особенности в западной своей части, стала довольно быстро превращаться в «русскую» по населению колонию. Переселенцы в XIX в. довольно успешно осваивали сплошные земельные массивы наиболее плодородных частей южных уездов Тобольской, Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей, значительно меньше в Енисейской губернии и лишь узкими полосами шли вдоль рек восточной части Сибири — по притокам Енисея, Лены до Якутска, Амура и пр. Остальные громадные пространства Сибири и к концу XIX в. не были ещё колонизационно освоены.

Так, в 1709 г., по Соловцову, в Сибири числилось около 300 тыс. человек обоего пола, из них 153 тыс. человек мужского пола; в 1763 г. местного национального населения — 132 тыс. и в 1783 г. русских — 1059,8 тыс. В 1897 г. всё население Сибири (без Акмолинской и Семипалатинской областей) было исчислено переписью в 5760 тыс., в том числе русских — 4 651 тыс. и других национальностей — 1109 тыс. Наконец, по данным 1911 г., всего в Сибири числилось 9 366 тыс. человек, из них русских — 7 995 тыс. Темпы прироста населения были весьма значительны, но по отношению к территории, в особенности в некоторых её частях, итоги колонизации даже к первому десятилетию XX в. были невелики: только в Томской губернии плотность населения к 1911 г. достигала 4,8 человека на 1 квадратную версту (против 2,5 в 1897 г.) и в Тобольской — 1,7 (против 1,2 в 1897 г.), тогда как в Енисейской — 0,42 (против 0,25 в 1897 г.), в Якутской — 0,082 (против 0,081 в 1897 г.), в Амурской — 0,8 (против 0,3 в 1897 г.). Таким образом, результаты 300-летней земледельческой колонизации были мало удовлетворительными.

Железные дороги. Значение Сибири как колонии в системе российского капитализма стало значительно увеличиваться с конца XIX и в XX в., с проведением сплошного рельсового

пути. Сибирская железнодорожная магистраль была начата сооружением в 1891—1892 гг. и вместе с побочными сооружениями и линиями (Забайкальская, Уссурийская) была закончена в 1899—1900 гг. протяжением в 6,5 тыс. вёрст и стоимостью в 489 млн. руб. (кроме Китайско-Восточной по манчжурской территории, построенной в 1897—1904 гг., обошедшейся в 375 млн. руб.). После этих основных линий был намечен к постройке и частью осуществлён ряд других линий — Амурская, Ташкентско-Барнаульская, Верный — Семипалатинск (последние две не были осуществлены) и др.

Проведение железных дорог получило решающее значение для экономического освоения Сибири. После постройки железных дорог, естественно, должны были отпасть ограничения переселения в Сибирь, что и было сделано законом 1904 г. С этих пор переселение и заселение, особенно прижелезнодорожных районов Западной Сибири, пошло очень быстро. Быстро стала расти посевная площадь, росло животноводство, маслоделие, стало насаждаться овцеводство и свиноводство; стало развиваться товарное сельское хозяйство переселенцев. Приведём некоторые цифры, характеризующие эти явления в 1900 г. (к началу эксплоатации Сибирской железной дороги) и в 1909 г. В районе Сибирской железной дороги было[1]:

	1900 г.	1909 г.
Население (тыс.)	5 846	8 683
Грузооборот (тыс. пудов)	44 672	199 188
	1900—1905 гг.	1906—1909 гг.
Годовой вывоз пшеницы (тыс. пудов)	16 925	45 692
Водворено переселенцев в среднем в год (тыс.)	66,8	320,0

Не меньшее значение имело сооружение Амурской железной дороги, открывшей в этом районе обширнейший земледельческий колонизационный фонд и обширный лесной фонд для промышленной эксплоатации и экспорта.

С проведением железных дорог решающее значение в экономическом развитии Сибири получают крестьянские переселения.

Переселения крестьян. Крестьянское переселение в Сибирь в начальный период развития капитализма после реформы 1861 г., как было указано выше, если и не находилось под полным запретом, то и не пользовалось поддержкой и покровительством. Несмотря на крайнюю настоятельность массовой коло-

[1] «Азиатская Россия», изд. Министерства земледелия, т. II, 1914, стр. 531.

низации Сибири для капиталистического её освоения, правительство, исходя из классовых интересов помещиков, не допускало свободы переселения во избежание сокращения на местах рабочей силы, необходимой для помещичьего хозяйства. Поэтому законами 1881—1889 и 1893—1896 гг. переселенческое движение было строго регламентировано, допускалось только с особого разрешения, всё же другое рассматривалось как «самовольное» и запрещалось под угрозой обратного водворения на место жительства.

Только после проведения Сибирской железной дороги была признана необходимость систематической крестьянской колонизации прижелезнодорожных районов. Законом 1904 г. переселение было признано свободным, а для регулирования его, организации финансовой помощи переселенцам и их землеустройства были созданы особые органы. Хотя и в период запрета переселения «самовольное» движение не ослабевало, однако с начала XX в. оно стало развиваться особенно сильно.

Действительно, по статистическим данным Переселенческого управления, всего за период 1895—1914 гг. из всех губерний Европейской России, включая Кавказ, Польшу и Прибалтику, последовало (за Урал и обратно) семейных переселенцев в тысячах душ обоего пола[1]:

	За Урал	Обратно
1885—1895 гг.	469,3	—
1896—1904 »	1 004,2	179,3
1905—1909 »	1 891,5	157,3
1910—1914 »	1 183,7	360,0
1915 г.	27,6	10,1

Всего за время 1896—1913 гг. только официально зарегистрированное переселение дало Сибири до 4 795 тыс. человек прироста населения. С 1910 г. переселенческое движение начинает несколько ослабевать, так как нищенские условия существования переселенцев на родине, недостаточность денежных средств для обзаведения хозяйством в тяжёлых условиях сибирской природы, ничтожность денежной и материальной помощи правительства заставляли многих переселенцев бросать хозяйство и возвращаться на родину. К тому же оказывалось, что подготовленные к переселению земельные фонды на лучших землях Западной Сибири и Степного края были исчерпаны, а в Восточную Сибирь переселенцев шло мало.

Географически распределение переселений было неравномерно, сосредоточиваясь главным образом в Западной Сибири

[1] Составлена по данным Переселенческого управления в книге «Переселение в Сибирь», вып. 31, 1906, а также «Переселение в Сибирь из 8 губерний, входящих в состав Южнорусской земской переселенческой организации», 1913.

и Степном крае. Так, из общего числа переселенцев было водворено за 1896—1913 гг. в 5 губерниях Западной Сибири 1 191 тыс. человек, в 3 областях Восточной Сибири — 135,5 тыс. человек и в 4 областях Степного края и Средней Азии — 430,6 тыс. человек. По отдельным губерниям — в Томской губернии — 554,6 тыс. человек, в Акмолинской — 320,4 тыс., в Тургайской и Уральской — 232,8 тыс., в Енисейской — 186,3 тыс. и в Тобольской — 159,3 тыс., в остальных — менее 100 тыс., а, например, в Забайкальской области — всего 3,2 тыс.

По местам выхода переселенцев главную массу их давали губернии украинские и центрально-земледельческие, т. е. наиболее переуплотнённые и малоземельные. Так, за весь указанный период переселилось (тыс. человек обоего пола):

Из Полтавской губернии	399,5
» Черниговской »	312,8
» Курской »	263,4
» Могилёвской »	254,2
» Воронежской »	230,1
» Киевской »	220,7
» Харьковской »	219,3
» Екатеринославской губернии . . .	204,4

Характер переселенческого хозяйства. Для экономики Сибири имел громадное значение не только этот поток людей, но и все те ценности, которые они стали вносить в сибирское хозяйство. В результате повышения в 1907—1909 гг. переселенческой волны в Сибири, преимущественно в западных её частях, началось усиленное сельскохозяйственное освоение новых земель, рост посевных площадей, развитие животноводства. За одно пятилетие 1906—1910 гг. было обработано до 30 млн. десятин новых земель, дав здесь наибольшие темпы роста посевной площади. Как «старожильческое» хозяйство, так и хозяйство «новосёлов» Сибири спустя несколько лет после переселения быстро становилось (особенно после проведения железной дороги и развития рыночного сбыта) в основной своей части типично выраженным мелкотоварным. По официальному обследованию переселенческого хозяйства в 1911—1912 гг., размер обрабатываемой площади у сибирских поселенцев, хозяйничавших более 10 лет, был в среднем 17,25 десятины на одно хозяйство. Посевы пшеницы в переселенческом хозяйстве увеличились за 10-летие на 1 млн. десятин, избытки товарного хлеба возросли с 10,5 млн. до 50 млн. пудов.

Как мы увидим далее, сибирское крестьянское хозяйство (конечно, в своих высших, кулацких группах) являлось крупным потребителем сельскохозяйственных машин, покупая их в среднем в несколько раз больше, чем «среднее» крестьянское хозяйство в Европейской России. Это же кулацкое сибирское

хозяйство являлось главным участником маслодельческой кооперации, сильно способствовавшей развитию товарного животноводства и маслоделия в Сибири. По признаку многокоровности и многолошадности сибирское хозяйство также стояло много выше крестьянского хозяйства Европейской России. Так, по данным военно-конских переписей, все сибирские губернии имели минимальные цифры безлошадных дворов; например, в 1912 г. Томская губерния — 7,2% безлошадных дворов, Забайкальская — 9,4, Тобольская — 9,7, Енисейская — 10,4%, тогда как в центрально-земледельческих губерниях безлошадных дворов было 33—40%, в юго-западных — 60—65%.

Характер имеющихся статистических данных различных обследований сибирского переселенческого хозяйства, к сожалению, не позволяет дать исчерпывающую картину его дифференциации и классового состава, и приходится ограничиться лишь несколькими иллюстрациями. Разница в хозяйственном положении имелась прежде всего между хозяйствами «старожилов» и «новосёлов». Так, по обследованию крестьянского хозяйства Томской губернии, в хозяйствах «старожилов» и «новосёлов» было[1]:

	У переселенцев, поселившихся	
	ранее 1886 г.	в 1893 г.
В среднем на двор:		
десятин посева	6,6	1,7
дойных коров	2,4	0,8
рабочих лошадей	3,1	1,3
% безлошадных и однолошадных дворов	18,5	60,1
% дворов, отпускающих батраков	9,8	17,6

Ленин, приводя данные о крестьянских старожильческих и новопоселенческих хозяйствах по обследованию их в Иркутской и Енисейской губерниях и группируя их по классовому признаку, отмечает, что у 39,4% дворов низших групп (безлошадных и с одной-двумя лошадьми), при 24% населения, имелось 6,2% всей запашки и 7,1% всего скота, тогда как 36,4% дворов с пятью лошадьми и более, при 51,2% населения, имели 73% запашки и 74,5% скота. Первые группы отпускали рабочих (20—35—59% хозяйств), последние, высшие группы, прибегали в широких размерах к наёмному труду (30—70% хозяйств с наёмными рабочими)[2].

[1] *А. А. Кауфман*, Переселение и колонизация, 1905, стр. 288.
[2] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 96.

Таким образом, наряду с крестьянским старожильческим хозяйством, носившим характер крупнопосевного, товарного, с применением наёмного труда кулацкого хозяйства, выделялась значительная группа беспосевных и малопосевных, безлошадных и малокоровных хозяйств, являвшихся продавцами рабочей силы для хозяйств первой группы.

Частновладельческое хозяйство. Что касается частного помещичьего землевладения в Сибири, то размеры его были ничтожны. Несмотря на попытки царского правительства насадить в Сибири помещичье землевладение, начиная ещё с закона 1822 г. об отводе земель чиновникам и последующих законов 1868, 1882, 1901 гг., результаты всех этих попыток были невелики. Наибольшая площадь частновладельческих земель была в Тобольской губернии — 383 тыс. десятин, в Акмолинской области — 316 тыс., в Енисейской — 91 тыс., в Томской губернии — 37 тыс., в Приморской — 18 тыс. и в Иркутской — 8 тыс. десятин, т. е. ничтожный процент сельскохозяйственной площади. За последние годы перед войной на частновладельческие земли появился большой спрос со стороны частных предпринимателей-скотоводов, заводивших в сибирских степях крупное овцеводческое (мериносовое) хозяйство.

Развитие земледелия. Развитие земледелия в Сибири было связано в преобладающей степени с ростом переселения и с тем крупнопосевным и товарным характером, который стали принимать верхушечные группы крестьянского хозяйства, особенно после проведения Сибирской железной дороги. Поэтому наиболее сильный рост посевных площадей стал отмечаться с начала XX в. Так, по данным Центрального статистического комитета, в Азиатской России в 1905 г. засевалось около 7 млн. десятин, в 1911 г. — уже 11 млн. десятин, а по подсчётам министерства земледелия — даже 12 239 тыс. десятин. По тогдашним административным подразделениям эта посевная площадь распределялась неравномерно, что видно из следующих цифр посевной площади в 1911 г. (в тыс. десятин) (приводим для сравнения также и цифры по Средней Азии):

	Всего	В том числе у местного национального населения[1]
2 губернии Западной Сибири	4 413,0	43,7
3 » Восточной Сибири . . .	1 140,5	139,3
4 области Дальнего Востока	973,3	59,5
4 » Степного края	2 392,3	469,7
5 областей Туркестана	3 319,7	1 114,2

[1] Кроме того, не выяснено распределение 1834 тыс. десятин («Азиатская Россия», т. II, стр. 274).

Таким образом, наибольшие размеры посевных площадей имело русское старожильческое и переселенческое хозяйство, тогда как местное национальное население имело в Сибири очень небольшие размеры посевных площадей и слабое развитие земледелия. Наоборот, в Туркестане, где преобладала хлопковая культура, значительная часть, почти половина посевных площадей, была в руках местного национального населения. В развитии сибирского земледелия русское переселенческое крестьянское хозяйство играло роль главного и привилегированного колонизатора, которому царизм в политических целях отводил для развития крупного кулацкого земледельческого хозяйства большие земельные фонды, отбираемые от местного населения. На этой основе Западная Сибирь с начала XX в. превращается в земледельческую колонию с избытками хлеба.

В общей сложности Сибирь в 1906—1910 гг. давала до 440 млн. пудов зерна, из них 350 млн. пудов продовольственных хлебов. За покрытием собственной продовольственной нужды это давало до 70—80 млн. пудов остатка на вывоз в Европейскую Россию и на экспорт как на запад, так и на восток. Восточная Сибирь имела дефицит зерновых хлебов и покрывала его привозом из Западной Сибири. При этом в Западной Сибири, откуда главным образом и шёл хлебный поток в Европу, пшеница составляла до 49% всех зерновых посевов, почему она и преобладала в вывозе.

Что касается систем земледелия, то сибирское полеводство почти не знало какого-либо правильного чередования культур и тем более удобрения. Преобладало неурегулированное залежное хозяйство с посевом хлеба по хлебу и со сроком залежи через 10—12 лет. В животноводческих хозяйствах получило значительное развитие травосеяние. Средние урожаи благодаря невыпаханности почвы в незасушливых земледельческих районах были относительно высоки (по тому времени) — 60—70 пудов, а в хорошие годы — до 150 пудов и выше. В засушливых степных областях урожаи были неустойчивы и низки. Низки они были также и в северных таёжных местностях. Вообще земледелие не шло дальше 57—58° северной широты.

Одним из важнейших показателей характера развития сибирского земледелия являлся быстрый рост применения им сельскохозяйственных машин. Громадные земельные пространства пашен и лугов, кулацкий характер старожильческого переселенческого хозяйства, недостаток рабочих рук — всё это вызвало необходимость широкого использования машин. В среднем на одно хозяйство Сибири приходилось 2,25 сельскохозяйственного орудия, тогда как на одно крестьянское хозяйство Европейской России — 1,8 орудия, т. е. сибирское крестьянское хозяйство употребляло их в 1,25 раза больше. По тогдашней классификации на 100 сельскохозяйственных орудий приходилось «усо-

вершенствованных» орудий 76,6, тогда как в Европейской России—57,1, причём особенно заметный перевес давали уборочные машины, а также почвообрабатывающие, как признак относительной экстенсивности сибирского хозяйства. Всего в 1910—1911 гг. Сибирь потребляла сельскохозяйственных машин и орудий на 20 млн. руб. в год.

Животноводство. Громадное значение животноводства в народном хозяйстве Сибири характеризуется следующими цифрами. В 1910 г. на 100 человек населения имелось домашних животных:

	Европейская Россия	Азиатская Россия
Лошадей	15	54
Крупного рогатого скота	24	60
Овец	33	153
Коз	1	19
Свиней	9	8

Другими словами, в Азиатской России количество скота на душу населения во много раз превосходило душевые нормы количества скота в Европейской России. По относительному числу безлошадных дворов сибирские губернии давали также наименьшие цифры (7,2% по Сибири и 10,4% по Европейской России).

Маслоделие в Сибири. Высокое развитие животноводства и значительные пространства кормовой и луговой площади в Западной Сибири издавна способствовали возникновению здесь молочного хозяйства. Отсутствие путей сообщения ограничивало его возможности лишь местным сбытом. Проведение железных дорог дало сильнейший толчок развитию товарного и экспортного крестьянско-кооперативного маслоделия. Достаточно указать, что в 1894 г. из двух губерний Западной Сибири было вывезено на экспорт 400 пудов масла стоимостью в 4 тыс. руб., в 1900 г. — уже 1050 тыс. пудов на 11886 тыс. руб., в 1907 г. — 3 413 тыс. пудов на 44 513 тыс. руб., в 1912 г. — 4 459 тыс. пудов на 68 млн. руб.

Кроме развития железных дорог важную роль в успехе развития сибирского маслоделия сыграл рост маслодельной и кредитной кооперации. Кооперативное движение в области маслоделия началось в Тобольской губернии (в Курганском уезде) в 1896 г. и отсюда быстро распространилось, успешно конкурируя с господствовавшими раньше частными маслодельными заводами. К 1911 г. насчитывалось в Западной Сибири всего 3 102 завода, в том числе кооперативных 1318 и частных 1784,

причём в старых районах кооперативного маслоделия (в Канском и Ялуторовском уезде) число кооперативных заводов достигало 90—94,5% всех имеющихся заводов.

В основе сибирского кооперативного маслоделия, пожалуй, ещё больше, чем в земледелии, лежало кулацкое многокоровное хозяйство.

По данным 1895—1905 гг., на одного участника кооперативных артелей Тобольской губернии приходилось 4,5—5 коров с доходом на одну корову 30—33 пуда молока и с выручкой на один пуд молока до 47—48 коп. (1904—1905 гг.). Но подавляющая, почти исключительная доля участия в этой кооперации принадлежала многокоровным кулацким хозяйствам. Так, по обследованиям министерства земледелия маслодельных артелей Тобольской губернии, в 1903 г. число коров в хозяйствах, участвующих и не участвующих в маслодельных артелях, было таково[1]: коров у членов артелей на одно хозяйство — 7,3, у не членов — 2. Автор отчётов, чиновник министерства земледелия, отмечает, что «влиятельные и более зажиточные лица составляют главный элемент кооперации, они всегда являются её инициаторами». Наоборот, как указывает другой обозреватель сибирских маслодельных артелей, «бобылей и нищих не обогатят никакие артели, которые не про них писаны, не спасут артели и беднейших поставщиков молока, имеющих одну-двух коровёнок, потому что они не могут по недостатку капитала поставить своё хозяйство в уровень с теми требованиями, которые и теперь уже... повелительно диктует мировой рынок»[2].

Таким образом, сибирская маслодельная кооперация превращалась в объединение кулацких многокоровных, высокотоварных хозяйств, работавших на экспортный рынок. В этом отношении большое значение для сибирской маслодельной кооперации и для её работы на экспорт имел иностранный, преимущественно английский капитал. Специальные английские импортные маслодельные фирмы снабжали кооперацию кредитом, сепараторами, тарой для экспортного масла, организовали холодильно-складское дело и пр.

Из других отраслей животноводческого хозяйства быстро развивалось яичное хозяйство: вывоз яиц из Сибири достигал 360—370 тыс. пуд. в год.

Лесное хозяйство. Лесные богатства Сибири по своим громадным размерам должны были играть в её народном хозяйстве большую роль. По сведениям 1912 г. (далеко не полным и не точным), общая площадь лесов в Сибири выражалась в 316,7 млн. десятин (сравнительно с 296,5 млн. десятин в Канаде и 224,5 млн.

[1] *Балашкин,* Отчёт за 1903 г., стр. 27.

[2] *Прокопович С. Н.,* Кооперативное движение в России, 1913, стр. 137.

десятин в США). Из этого числа 238,7 млн. десятин находились во владении государства («казённые»), 20 млн. десятин принадлежали «кабинету» (личная собственность императора), 10 млн. десятин — казачьему населению. Удобная лесная площадь исчислялась всего в 39% сравнительно с 80% удобной лесной площади в Европейской России. Как условия лесовладения, так и вся постановка лесного хозяйства приводили к тому, что процент использования лесных богатств был ничтожен, а доход с единицы площади чрезмерно мал. Например, валовая доходность всех азиатских лесов в 1910—1912 гг. определялась в 4—4,3 млн. руб., что давало доходности, например в Томской и Тобольской губерниях, на десятину леса 5—6 коп., а в среднем по Сибири — 1,3 коп. на десятину леса.

Рыболовство и охота. Рыболовство в народном хозяйстве Сибири играло весьма значительную роль, давая, по подсчётам 1909—1910 гг., до 9,73 млн. пудов рыбы на вывоз стоимостью в 25,84 млн. руб., из которых на Дальний Восток приходилось 7 млн. пудов стоимостью в 18 млн. руб. (не считая концессионных японских рыбных промыслов). Несмотря, однако, на обилие и высокое качество рыбы, самая техника рыбного промысла, так же как хранения, засолки, переработки и перевозки рыбы, была поставлена весьма примитивно.

Одной из видных отраслей народного хозяйства Сибири являлась также охота. В бесконечных лесах Сибири сохранились ещё те ценные дикие звери, которые в X—XV вв. составляли предмет охотничьего промысла в Европейской России, — соболь, горностай, чернобурая лисица, хорёк, выдра, медведь, белка и пр. Звероловство и охота, кроме русских охотников, были широко распространены среди многих других народностей Сибири, а у полукочевых племён, как тунгусы, орочоны (нани), чукчи (луораветланы) и др., охота и звероловство составляли часто почти единственный источник их существования.

За отсутствием сколько-нибудь точных сведений трудно привести цифры, характеризующие этот промысел. По подсчётам международной прессы по мировому пушному делу за 1910 г., из общего мирового оборота по пушнине в 130 млн. руб. на долю Сибири приходилось до 50—55 млн. руб., причём Сибирь доставляла до 15 млн. белок, 70 тыс. соболей, 700 тыс. горностаев, 150 тыс. хорьков и т. п.

Несмотря на столь важное значение охоты и звероловства для народного хозяйства, организация скупки пушнины была поставлена и в XX в. почти столь же примитивно, как в XVI—XVII вв. Скупка проходила массу посредников, начиная с мелкого скупщика-прасола или агента, собирающего пушнину у охотников за прежние долги или вымепивающего ценные меха на порох, свинец, водку, сахар, табак, мануфактуру и пр. Все

эти товары были крайне низкого качества и расценивались по высоким ценам, почему охотник не только получал ничтожное вознаграждение за свой труд, но и не выходил из вечных долгов скупщикам, передавая часто долг по наследству из поколения в поколение. Дальнейшее торговое движение пушнины шло через руки более крупных скупщиков, пока она не попадала на местные ярмарки, Якутскую и Ирбитскую, а затем на Нижегородскую, где скупалась для внутреннего рынка или иностранными фирмами на экспорт.

Оленеводство. В тундровой полосе у её обитателей — у тунгусов (эвенки), вогулов (маньси), чукчей (луораветланы), якутов, самоедов (ненцы), остяков (ханты) и других народностей, реже у русских — одной из основных отраслей хозяйства являлось оленеводство. Всего, по неточным официальным данным, в 1906—1910 гг. в Сибири насчитывалось до 1100 тыс. голов домашних оленей. Являясь главным средством транспорта, олень в то же время даёт молоко, мясо для пищи, кожу и рога для продажи. Характер оленеводческого хозяйства — пастушеско-кочевой. Более бедные хозяева имели обычно 10—20 голов, некоторые крупные хозяева имели стада в 2 тыс. голов и более. Хозяйство последних приобретало товарный характер со сбытом продуктов торговцам-скупщикам.

Промышленность. Что касается обрабатывающей фабрично-заводской промышленности, то ничтожность её развития в Азиатской России, по переписи 1908 г., характеризуется такими цифрами: всех промышленных заведений в Сибири было 1049 с числом рабочих 37230 человек и с общей суммой производства на 161 млн. руб., что составляло 3,5% всего имперского промышленного производства. По отдельным районам (Западная Сибирь, включая Енисейскую и Иркутскую губернии и Дальний Восток, включая Якутскую и Забайкальскую области) это составляло (приводим для сравнения и Среднюю Азию)[1]:

Районы	Сумма производства (млн. руб.)	На одно предприятие (тыс. руб.)	Число рабочих (тыс.)	Производство на одного рабочего (в руб.)
Западная Сибирь	65,8	150,8	19,3	3400
Дальний Восток	16,6	153,7	5,9	2817
Средняя Азия	78,5	202,8	12,0	6536

Громадные горные богатства Сибири также очень мало использовались капитализмом. Добыча золота была поставлена

[1] «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности за 1908 г.», под ред. В. Е. Варзара, Спб. 1912.

большей частью примитивно, «старателями», и только в районах Лены, Витима, Зеи, Буреи имелась крупная, капиталистически поставленная разработка золота иностранными, преимущественно английскими обществами (знаменитое Ленское золотопромышленное товарищество, филиал английского общества «Лена Гольдфильдс»).

В 1910 г. всего добыто было по Сибири около 1769 пудов золота, из них Витимский округ дал 821 пуд, Зейский — 199 и Буреинский — 193 пуда. Считалось, что, кроме того, до 1 тыс. пудов добывалось «хищническим» (тайным) путём. Другие металлические богатства (серебро, свинец, медь, цинк, олово) имелись в значительных количествах в Нерчинском крае (серебро), в Киргизии (свинец, медь), на Алтае, но разработка и добыча их была ничтожна (например, серебра в Нерчинском округе добывалось всего 30 пудов в год, меди — всего до 300 пудов и пр.). Железо, графит, соль и другие ископаемые почти не разрабатывались.

Исторически горное дело в Сибири имеет большую давность. Добыча металлов существовала у народностей Сибири ещё до занятия её русскими. В XVIII в. царским правительством организуется здесь ряд крупных заводов — Колыванские, Нерчинские, Змеиногорский серебряный рудник, Салаирский, Зыряновский и др. С XIX в. наиболее значительные из них переходят в ведение «кабинета», т. е. становятся собственностью императора. Заводы основывались в XVIII в. в преобладающей степени (кроме ссыльных) на «приписке» государственных крестьян, которые фактически стали превращаться в крепостных заводских крестьян. После реформ 1861—1866 гг. они (кроме ссыльных) стали пополнять кадры горнозаводских рабочих на началах найма.

Казённо-«кабинетская» собственность на недра и их разработка, крайне низкая техника, отсутствие инициативы, недостаточность и нерациональная организация рабочей силы — всё это, несмотря на неисчерпаемые природные богатства Сибири, привело к тому, что разработка этих богатств не была развита русским капитализмом в сколько-нибудь достаточной мере. Не заинтересованный ни в промышленном местном сырье, ни в топливе для развития местной промышленности, капитал метрополии совершенно не мог освоить даже такие первоклассные районы, как Алтайский, Кузнецкий и др. Несмотря на многочисленность крупных месторождений меди, к первому десятилетию XX века выработка её, например в богатейших алтайских месторождениях, достигала всего 1000—1500 пудов. При баснословных каменноугольных запасах Кузнецкого бассейна разработка каменного угля почти не производилась. Ничтожная добыча каменного угля велась в начале XX в. главным образом

на Анжерских (казённых) и Суджепских (частных) копях, давая всего до 30 млн. пудов годовой выработки. Другие ископаемые почти совершенно не разрабатывались. Местная выработка железа и стали производилась в ничтожных размерах на небольших кустарных заводах. Наиболее крупный железоделательный частный завод (близ Иркутска) после постройки железной дороги превратился в акционерное общество, но потерпел крах.

Таким образом, российский промышленный капитализм не только не создал в этой богатейшей колонии своей второй (после Донбасса и Криворожья) необходимой ему металлургической и топливной базы, но вообще не сумел промышленно её освоить. И в XX в. Сибирь для российского царизма представляла место ссылки да отчасти источник доходов с заводов «кабинета», а для капитализма она попрежнему представляла торгово-сырьевую базу для получения из неё сельскохозяйственного сырья и для сбыта продуктов промышленности, преимущественно лёгкой.

Торговля. Что касается внутренней торговли, то до проведения железных дорог, кроме водных путей, она велась ярмарочно-гужевым способом, что при громадных пространствах являлось крупнейшим препятствием к расширению рынка и сильно повышало цены на привозные товары. Руководящее значение в обороте и распределении товаров имели Нижегородская и Ирбитская ярмарки. С проведением железных дорог всё это отпало. Некоторые железнодорожные станции стали с «американской» быстротой превращаться в крупные распределительные пункты (Новониколаевск, ныне Новосибирск). Вместе с этим через всякого рода агентов, коммивояжёров и др. товары стали проникать в самые отдалённые и глухие пункты, откуда в свою очередь выкачивалось сырьё.

Однако и после проведения железных дорог экономическое завоевание Сибири русским капитализмом проходило довольно медленно. Для дальневосточных областей решающее значение имела конкуренция иностранных фирм и товаров (особенно при существовании порто-франко во Владивостоке). Только на рынках Западной Сибири русский капитал имел полное господство.

В 900-е годы, до закрытия порто-франко во Владивостоке в 1909 г., не только в Манчжурии, но и в русском Приморье сбыт товаров русской капиталистической промышленности в громадной степени уступал иностранному ввозу: например, в Уссурийский край 93,3% земледельческих машин, 89,1% металлических изделий шло не из Европейской России, а из-за границы. В Манчжурию из-за границы шло 97,8% земледельческих машин, 58,5% металлических изделий. В Восточную

Сибирь из-за границы поступало 36,4% земледельческих машин, в Западную Сибирь — лишь 19,6% [1].

Вывозимые из Сибири товары шли: хлеб — из Западной Сибири (не далее Красноярска), скот и другие продукты животноводства — из степных губерний, кроме масла, которое шло из Томской и Тобольской губерний, рыба — с Дальнего Востока, с Оби и Енисея.

По внешней торговле, несмотря на громадную протяжённость восточной границы, Сибирь играла ничтожную роль в общем внешнеторговом обороте, дав в 1909—1911 гг. по вывозу всего 53,7 млн. руб., или 3,8% общего имперского оборота, а по ввозу — 130,8 млн. руб., или 14,2%.

Хозяйство и быт народностей Сибири. До сих пор мы рассматривали преимущественно условия развития русского сибирского народного хозяйства, связанного в основном с развитием колонизационно-переселенческого движения. Но, как мы указывали, во всей Азиатской России в 1911 г. из общего количества населения её в 19 693 тыс. человек обоего пола числилось русских, украинцев и белоруссов лишь 9 945 тыс. Собственно в Сибири (без Средней Азии и Степного края) из общего числа населения в 9 366 тыс. русских, украинцев, белоруссов было 8 393 тыс. Остальные 973 тыс. принадлежали к различным многочисленным народностям — коренным обитателям страны. Именно сюда относятся (приводим их старые и современные названия) чукчи (лураветланы) — 129 тыс., коряки (нымыланы) — 7,9 тыс., камчадалы (ительмены) — 2,2 тыс., гиляки (нивхи) — 4,3 тыс. и др.; урало-алтайские этнографические группы: остяки (ханты)—17,2 тыс. и вогулы (маньси) — 7,5 тыс.; самоедские племена (ненцы) — 7,8 тыс.; тунгусы (эвенки) с их многочисленными племенными подразделениями численностью в 75,2 тыс.; тюрко-татарская группа с наиболее крупными народностями якутов в 245 тыс. и тобольско-томских татар в 208,1 тыс., наконец, монгольская группа с самой многочисленной народностью Сибири — бурятами — в 332,5 тыс.

Уже этот перечень многочисленных народностей — аборигенов страны — и их географическое размещение преимущественно в самых северных тундровых и приморских частях страны указывают на длительный, происходивший здесь издавна, процесс оттеснения этих народностей с их прежних мест пришлыми народностями монгольского и тюрко-татарского происхождения, вторгшихся сюда с алтайских предгорий и монгольских степей. Впоследствии эти народности частью передвинулись, как мы видели выше, далеко на запад, до юго-восточных степей Европы (монголы), частью сохранились на месте

[1] «Азиатская Россия», т. II, стр. 415.

в виде небольших остатков прежнего монгольского владычества (тобольские татары, буряты и др.). Значительно позднее все они стали подпадать под влияние русской колонизации.

Однако даже в эпоху капитализма многие из этих народностей, в особенности более мелкие и жившие в глухих, малодоступных местах, всецело сохраняли ещё патриархально-родовой быт, свою особую экономику бродяче-кочевого охотничьего, рыболовного и оленеводческого хозяйства, свой язык, религию (язычество, буддизм, шаманизм) и отсталую, но оригинальную культуру. До конца капиталистической эпохи из этих народностей до 90—95% населения не понимали русского языка, употреблявшегося только родовыми старшинами и посредниками для торговли с русскими. Все сношения с последними ограничивались лишь торговлей, часто меновой, с громадной эксплоатацией производителя как собственными своими посредниками, так и агентами русского торгового капитала. Даже попытки русских властей назначить местную администрацию в виде старост, поселённых старшин в некоторых наиболее отсталых группах не могли быть осуществлены. Только наиболее крупные и культурные оседлые или полуоседлые народности, как буряты, якуты, монголы, татары, переходили к земледелию и скотоводству, хотя частично сохраняли родовой патриархальный быт.

Всё это получило решающее значение для их дальнейших экономических и культурных судеб после Великой Октябрьской социалистической революции, когда народности Сибири, минуя капитализм, стали приобщаться непосредственно к советской, социалистической культуре и экономике.

За невозможностью изложить здесь подробно хозяйственно-культурные условия всех этих многочисленных народностей дадим лишь вкратце основные и наиболее типические черты их хозяйства и быта в эпоху капитализма.

Буряты, обитавшие в районах Байкальского озера, Иркутска и Забайкалья, в значительной степени «обрусевшие» (в особенности иркутские) и воспринявшие русскую хозяйственную культуру, с приходом (ещё в XVIII в.) русских поселенцев переходили от прежнего охотничье-скотоводческого полукочевого хозяйства к земледелию. В земледельческих районах пашня на одно хозяйство достигала 5—10 десятин с посевами пшеницы, шедшей в более крупных хозяйствах на продажу. Примитивное скотоводство теряло свой кочевой характер и превращалось в домашнее с сенокошением. Впрочем, остатки родового полукочевого хозяйства сохранялись: буряты жили «улусами» в 10—20 юрт одного рода. Такие родовые общины («булук») и остатки кочевий в виде их непременной принадлежности зимних и летних юрт сохранялись у многих бурят до последнего

времени. Земельные отношения у бурят были различны в разных местностях в зависимости от сохранения кочевого хозяйства, как, например, в Забайкалье, или перехода к оседлому земледелию, как в бывшей Иркутской области. Кочевые районы ещё в большей мере сохраняли остатки родового быта, но уже со значительным распадом рода на обособленные, более мелкие группы и отдельные хозяйства. За этими хозяйствами и группами стали закрепляться и стойбища, различные по размерам у более состоятельных и бедных семей.

Обычно бурят-кочевник, имевший небольшое количество скота, имел два стойбища, летнее и зимнее; более зажиточные имели четыре стойбища, меняя их по временам года; наконец, наиболее богатые имели большее число стойбищ и чаще меняли их. На летних стойбищах располагались жилые юрты, составлявшие селение, «хортон»; несколько соседних хортонов составляли общину, булук, как административно-податной и земельный объединяющий орган. Совместное пользование сенокосными угодьями кочевых общин по условиям хозяйства требовало огораживания, и поэтому в общине мог принимать участие всякий, кто затратил труд на городьбу, причём размеры участка определялись в соответствии с затратой этого труда. Пользование участками было наследственным. Ещё более определённо подворно-участковое наследственное пользование выражалось во владении пахотными участками, особенно в тех случаях, когда они предварительно расчищались или осушались и поэтому считались находящимися в личной собственности. Из массы бурятского населения стали выделяться привилегированные группы богатых бурят, владельцев больших количеств скота и земли, эксплоатирующих малоземельную бедноту.

Сохраняя в значительной степени натуральный характер, хозяйство бурят, особенно земледельческих и скотоводческих районов, сбывало многие продукты на рынок. Предметами сбыта, кроме хлеба в земледельческих районах, были продукты скотоводства, охоты и мелких домашних промыслов, например, обитых кожей ящиков для перевозки чая из Кяхты. На почве развития домашних промыслов и работы на рынок возникало торговое посредничество местных прасолов, тяжело отражавшееся на производителе. Другой тяжёлой формой эксплоатации и поборов с населения был ламаизм с его монахами, дацанами, знахарством, врачеваниями и пр.

Другая, более крупная народность, *якуты*, обитавшие между Леной и Алданом, сохранила скотоводческое хозяйство, особенно разведение лошадей, а также крупного рогатого скота. Земледелие развито было гораздо меньше, только в местностях более плодородной южной полосы. На севере были распространены охотничий и звероловный промыслы. Хотя якуты

в преобладающей мере перешли на оседлость, однако у них долго сохранялся пережиток кочевого быта — перекочёвки с постоянных «зимовок» на «летники» для подножного корма скота и сенокошения. Формы земельных отношений также отчасти носили пережитки общинно-родового быта, но уже с сильной индивидуализацией. При расчистке из-под леса и разработке пашни одной семьёй земля считалась её собственностью и переходила по наследству. При совместной разработке коллективом всей общины земля считалась общей и распределялась старейшинами общины между её членами; при этом возникало земельное неравенство, земельная кабала и ростовщичество. При натуральном строе хозяйства значительное развитие торговли (чаще меновой, реже денежной) имело место при сбыте предметов охоты (мехов) и рыболовства. Торговля была организована через скупщиков, которые при скупке мехов и других ценных товаров прибегали к спаиванию, обманам и пр. В более крупных селениях и в городах с развитием торговли стал складываться класс мелкого национального купечества и ремесленничества. В общественном устройстве и быте якутов ещё до XX в. сохранялись остатки старого родового быта с большим влиянием руководящей родовой верхушки, родовых начальников, тойонов. Сначала они собирали с якутов для русского правительства ясак и наживались при этом. С развитием земледелия они стали захватывать и приобретать земли, превращаясь не только в аристократический слой, но и в наиболее богатые землевладельческие группы. Царское правительство в своей колониальной политике опиралось на тойонов, жалуя им дворянство и поручая им управление якутами. На этой почве особенно усиливалась не только полуфеодальная, но и торгово-капиталистическая эксплоатация трудящихся якутов, приводившая в XX в. к сильнейшему обнищанию народных масс.

Группа *тунгусов* (эвенки) и родственных им более мелких народностей (эвены, нанаи и др.) обитала раньше на всём обширном пространстве Восточной Сибири от Енисея до Тихого и Ледовитого океанов, откуда постепенно была оттеснена другими народностями (якутами, русскими), преимущественно к притокам Енисея. Живя отдельными группами в глухих местах тайги, они наиболее долго сохраняли первобытный бродячий образ жизни и быта с охотничьими, звероловными промыслами и оленеводством. В жилищах и стойбищах тунгусов сохранялись обычные формы кочевого быта — летние и зимние переносные жилища — юрты. Охота на медведей и других зверей и рыбная ловля были главными занятиями. Предметы охоты обменивались на сахар, спирт, табак, свинец и порох. Спаивание водкой, шаманизм, торговая эксплоатация были основными причинами низкого уровня культуры и быта, сохранявшихся у тунгусов и в XX в.

Из многочисленной группы так называемых палеазиатских народностей, обитавших в наиболее северных и восточных приокеанских частях Сибири и сохранявших наиболее примитивные формы быта, чукчи (луораветланы) и коряки (нымыланы) были по преимуществу оленеводами, камчадалы (ительмены) — охотниками и рыболовами, эскимосы (айванаты) и алеуты (унанганы) — морскими промышленниками и рыболовами. Все эти народности и в XX в. сохраняли первобытный патриархально-родовой строй, кочевой и бродячий образ жизни при полном отсутствии (по природным условиям) земледелия. Всё это сказывалось на условиях жизни, пище и жилище. Торговля, преимущественно меновая, давала им сахар, спирт, водку, табак, оружие в обмен на ценную пушнину, оленьи шкуры, морской котик, китовый ус и пр. Низкий уровень культуры характеризовался, например, тем, что у некоторых народностей (чукчей) ещё во второй половине XIX в. сохранялись каменные орудия, а огонь часто добывался вращением палки в доске.

Итоги. Каковы же были итоги экономического освоения сибирской колонии российским капитализмом?

Как видно из вышеизложенного, капитализм очень слабо использовал громадные природные богатства Сибири. Эксплоатация их в конце XIX и в начале XX в. носила хищнический и почти исключительно торговый характер извлечения дешёвого и часто редкостного сырья. В капитальные фонды России Сибирь вносила очень мало. Для разработки производительных сил страны крупный капитал не вкладывался. На незначительность капиталистического накопления Сибири указывает, между прочим, тот факт, что, например, из всех фондовых государственных процентных бумаг в сумме 420 млн. руб. на Сибирь с Дальним Востоком приходилось всего 85 млн. руб.

Более успешно шло мелкое местное накопление: сберегательные кассы Сибири имели в 1907—1909 гг. остаток вкладов на 79,8 млн. руб. из общеимперской суммы в 253,7 млн. руб., т. е. 31%, со средним вкладом на одного вкладчика в 204 руб. против 41 руб. во всей империи. Это был главным образом результат крупного кулацкого переселенческого хозяйства и развития мелкой торговой буржуазии. В этом отношении развитие торгово-купеческого капитала в Сибири достигло больших размеров, большой концентрации (участие сибирских крупных торговцев-капиталистов — Второва и др. — в центральных имперских банках, крупные местные городские общества, торговые акционерные компании и пр.).

Таким образом, Сибирь в системе русского промышленного капитализма сохранила до последних дней его существования основные и типичные черты земледельческой колонии. Она

сбывала свои земледельческие продукты в метрополию и вследствие слабого развития собственной промышленности ввозила из метрополии продукты промышленности. При слабом развитии промышленного капитала довольно сильно была представлена крупная и мелкая торговая буржуазия. В сельском хозяйстве большую роль играли кулацкие хозяйства. Хозяйство и быт многочисленных народностей Сибири находились на чрезвычайно низком культурно-экономическом уровне, подвергаясь жестоким формам колониальной эксплоатации.

Но вместе с тем приобщение Сибири и хозяйства её народностей к России сыграло большую и положительную историческую роль в их развитии, заложив основу неразрывных связей этих народностей с русским народом и сделав их союзником в борьбе с контрреволюцией, иностранной интервенцией и в строительстве социализма.

ГЛАВА XIX

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО ТУРКЕСТАНА[1]

Как мы указывали выше, наступление российского царизма на среднеазиатские области как на колониальный район начинается вслед за захватом юго-восточных районов европейской части (Уральской и Оренбургской областей) и казахских степей. Военное наступление в Среднюю Азию началось ещё со времён Петра I и его неудачных походов и экспедиций в Хиву и на побережье Каспия, закончившись при его преемниках (1730—1735 гг.) «мирным» присоединением Казахстана.

Окончательное завоевание Средней Азии относится уже к периоду капитализма, т. е. к началу и особенно к середине XIX в. Основные районы Средней Азии — Фергана, Ташкент, Самарканд, Ашхабад — были завоёваны лишь в 1867—1881 гг.,

[1] Все области и районы Средней Азии до революции были объединены в Туркестанское генерал-губернаторство в составе пяти областей — Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Семиреченской. Кроме того, имелись два «вассальных» ханства — Хива и Бухара. В современном составе эти районы обнимают Туркменскую, Узбекскую, Таджикскую и Киргизскую ССР. В дальнейшем, в соответствии с имеющимися дореволюционными статистическими материалами капиталистической эпохи, мы принуждены пользоваться старым административным делением и наименованиями.

тогда же были подчинены Хива и Бухара, Мерв — в 1885—1887 гг. и последним — Памир в 1895 г. Таким образом, это были уже чисто капиталистические колониальные завоевания. Поэтому и экономическое освоение этой колонии отличалось от освоения других старых районов, как Сибирь и Башкирия, и с самого начала носило более законченный капиталистический характер.

Первые шаги экономического освоения и колониальной политики и здесь начинаются с обычных явлений: после завоевания и наводнения войсками начинается усиленное проникновение сюда товаров центрально-промышленных районов, преимущественно московской лёгкой промышленности. Но по естественно-историческим условиям и по основному сельскохозяйственному направлению этого района, именно — хлопковому, он не был особенно подходящим для массового крестьянского переселения из центральных районов России. Поэтому промышленное и земледельческое развитие этих районов проходило с гораздо меньшим участием крестьянской русской колонизации, чем, например, в Башкирии и даже в Казахстане. В основе земледельческого, а позднее промышленного капиталистического развития этой колонии лежала эксплоатация местного населения как местным торговым и ростовщическим, так и русским промышленным капиталом.

Земельные отношения. Важнейшим моментом в деле освоения русским капитализмом народного хозяйства Туркестана были земельные отношения, которые с развитием капитализма стали перестраиваться на буржуазных началах.

В основе земельных отношений Туркестана, как и в других восточных странах, по шариату, лежало формальное отсутствие частной земельной собственности и признание всей земли собственностью государства. Но фактическое положение и обычное право (адат) значительно видоизменяли этот принцип и вносили большие осложнения и запутанность в земельные отношения. Все земли делились на три группы: 1) земли государственные (амляк), 2) владельческие (мюльк) и 3) земли духовных учреждений (вакуф). К первой группе принадлежало как большинство не обрабатываемых и находящихся под кочевьями земель, так и обрабатываемые земли, состоявшие в пользовании и владении населения за определённые повинности. Фактически распоряжение этими последними землями приближалось к праву собственности. Мюльковые земли представляли собой ленные пожалования государственной властью отдельным лицам за их службу и заслуги; на этих землях при пользовании ими населением возникали своеобразные формы зависимости, близкие к феодальной.

После завоевания первым актом царского правительства было фактическое (пользуясь правилом шариата) распространение на

необрабатываемые земли местного кочевого населения прав государственной земельной собственности и отобрание этих земель из пользования местного национального населения.

При проведении «землеустройства» в кочевых районах по установленным нормам землепользования все остальные земли зачислялись в «излишки», отнимались у населения и объявлялись государственной собственностью. Эти земли стали служить фондом для русской колонизации. Кроме крестьянской колонизации, эти земли служили фондом для наделения землёй казаков. Семиреченские казаки (переселённые сюда в 1848 г. из Сибири и образовавшие Семиреченское казачье войско как военный аванпост царской России) захватили у кочевого населения в своё пользование свыше 556 тыс. десятин земли. При землеустройстве переселенцы-крестьяне получали на душу 10 десятин земли, казаки имели до 40—50 десятин. Всего по переписи 1897 г. переселенцев и казаков числилось 175 тыс. Туземное оседлое население при землеустройстве получало 10 десятин на душу. Одновременно с этим все земли, занятые под постройками и насаждениями как в кочевых районах, так и в оседлых, и особенно орошаемые, были признаны «наследственными», т. е. фактически частной собственностью владельцев, с правом перехода по наследству, продажи и пр.

В таком направлении были изменены основы земельных порядков как на амляковых, так и на мюльковых и вакуфных землях, со значительными урезками размеров мюльковых и особенно вакуфных земель и с ограничением сословных привилегий их владельцев. Всем этим в сущности насаждались новые, буржуазные в своей основе, земельные отношения. По подсчётам некоторых дореволюционных обследователей, к 1913 г. уже около 90% всех орошаемых земель принадлежало владельцам на основе частной собственности [1]. Так происходило и здесь расхищение земель местного национального населения для развития русской колонизации и насаждения частной земельной собственности. Вместе с этим в земельном строе Туркестана стали развиваться явления, обычные для буржуазно-капиталистических земельных отношений: быстрое увеличение мобилизации земли, повышение цен на неё, концентрация земельной собственности в руках крупных владельцев и потери и измельчание её в низших группах населения.

Орошение в Средней Азии. Важнейшим условием в деле развития земледельческого хозяйства в оседлых районах Средней Азии и в Туркестане является система орошения. В засушливых условиях Средней Азии, особенно для таких культур, как хлопок и рис, решающим вопросом является искусственное оро-

[1] *В. И. Массальский,* Туркестанский край, 1913.

ние. Возникновение его здесь относится к самой глубокой древности. Китайский путешественник Джень Кянь, проезжавший эту страну в 126 г. до н. э., описывает, что «в стране Давань», т. е. в предгорных частях Туркестана, он встретил до 70 городов, жители которых сеяли на орошаемых землях пшеницу, рис, люцерну, разводили виноград. Многочисленные и грандиозные остатки этих древних оросительных сооружений сохранились до сих пор. Такие грандиозные сооружения, как канал Шарихансай в 101 версту длины и с дебетом воды 7 куб. саженей в секунду, Андижан-сай, Бос-су (равные которым по размерам имеются лишь в Египте и Индии), относятся также к древнейшим сооружениям.

По условиям древнего быта (обычное право, адат) и по законам шариата, регулированию права пользования водой и орошения отводилось первостепенное значение. Этим и объясняется развитие грандиозных оросительных сооружений на Востоке вообще. Тогда как земли неорошаемые и необработанные считались в верховной собственности государства, земли орошаемые и обрабатываемые принадлежали тому, кто их орошал и обрабатывал. По адату, вода не могла быть предметом торга и продажи и должна была распределяться равномерно. Но на этой почве создавались особые формы экономической и личной зависимости населения. Оросительная система действует не везде с одинаковым успехом. Поля должны быть совершенно гладкие, чтобы они орошались равномерно, без застоя воды. Это требует громадного труда и не везде осуществимо. Кроме того, самые каналы и распоряжение водой попадали в руки отдельных влиятельных лиц: родовых и сельских старшин, арычных старшин («арык-аксала») и др. Вопреки шариату и адату и ввиду развития подкупов и взяток арычные старшины фактически торговали водой, распределяя её неравномерно, отводя её на участки богатых людей и обделяя бедных, требуя от последних за воду платы или отработков и пр.

Царское правительство после захвата страны, удержав в своих руках лишь общее руководство орошением и новые крупные оросительные сооружения, оставило пользование водой на основах «обычного права», чем сохранялись все указанные недостатки и злоупотребления. Общая площадь орошаемых земель в Средней Азии исчислялась к 1910 г. (вместе с вассальными владениями Хивой и Бухарой) в 4758 тыс. десятин, из них в пяти областях Туркестана — 2808 тыс. десятин и в Бухаре — 1600 тыс. десятин. Принимая во внимание общую площадь и количество населения в этих владениях, оказывается, что орошаемая площадь составляла всего 2,6% общей площади и на одного жителя приходилось всего 0,5 орошённой десятины. Таковы были ничтожные результаты этих важнейших для края

мероприятий царского правительства. Несмотря на всю важность развития оросительной системы для культуры хлопка, задача не была сколько-нибудь полно разрешена. Вопрос упирался не только в громадные расходы, но и в социальную структуру насаждаемого земледелия и землевладения.

Среднеазиатские области являлись страной мелкого землевладения и земледелия. Средние размеры владений у местного крестьянского населения не превышали 5—7 десятин, во многих районах на одно хозяйство приходилось не больше 1,5—2 десятин земли, а часто 0,5 и 0,25 десятины. Но производительность труда па таких участках при низкой технике мелкого хозяйства была крайне невысока. Организация крупных хозяйств, даже крестьянского типа, как у многих крестьян-переселенцев, в 40—45 десятин на двор, не говоря уже о частных капиталистических хозяйствах в 150—200 десятин, упиралась при больших затратах труда в хлопковом хозяйстве в недостаток рабочей силы. Таким образом, только коллективизация и организация крупных социалистических хозяйств после Великой Октябрьской социалистической революции могли полностью разрешить вопрос и об орошении, и о поднятии производительности хозяйства.

Хлопководство. Культура хлопка в районах Средней Азии относится к самым древнейшим, будучи занесена сюда из Индии. О ней уже в V в. до н. э. упоминал Геродот, как о распространённой среди местного населения. Долгое время хлопководство носило местный характер, так как из-за отсутствия путей сообщения хлопок и изделия из него не могли находить широкого сбыта, тем более что возделывались преимущественно простые местные сорта, шедшие на выделку ваты, а вырабатываемые домотканные изделия были невысокого качества.

Хлопок в 900-х годах возделывался во всех областях Туркестана, который доставлял до 80% всего русского хлопка; наиболее значительные посевы были в Фергане (75%), а также в бывших Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Закаспийской областях. Вообще культура хлопка не шла дальше 43° северной широты, что тогда считалось его естественной границей.

По климатическим условиям считалось, что наиболее подходящими для возделывания являлись американские сорта хлопчатника. Завезённые в 80-х годах XIX в., они здесь вполне привились даже в мелком дехканском хозяйстве. Наоборот, египетские и другие высшие и тонкие сорта первоначально здесь не удавались. Хлопок, получаемый из местных семян («гуза»), был значительно хуже по качеству волокна, чем американские сорта.

Хлопковое хозяйство являлось в указанных районах основной отраслью мелкого хозяйства дехканина. Под хлопковыми

посевами в разных районах находилось 30—40% всей обрабатываемой площади, доходя в некоторых районах (Андижанский уезд) до 70—85%.

Хозяйство мелкого хлопкороба велось или самостоятельным хозяином на мелких участках в 2—4 десятины, или на основе издольщины на участках более крупных владельцев, причём издольщик (чайрикер), производивший все работы по культивированию, обработке и уборке хлопка, получал от половины до трети всего собранного сырца. По бюджетным обследованиям переселенческого управления 900-х годов (Андижанский уезд), общая стоимость всего хозяйственного оборудования (постройки, скот, инвентарь и пр.) для «типичного» хлопкового хозяйства дехканина определялась в 328 руб. Хозяйство обычно имело одну лошадь; рогатый скот — не везде. Общий валовой доход хозяйства был всего в 450 руб.; из них около половины — от хлопка.

Культура хлопчатника в дехканских хозяйствах велась очень тщательно, но примитивно, ручной техникой. Орудием вспашки служил «омач», деревянный плуг, представлявший собой простой толстый деревянный сук, который бороздил землю. Вспашка обычно производилась 3 раза, так как иначе омач плохо разрыхлял почву. После него производилась разделка гряд мотыгами («кетмень») вручную. После появления всходов их прореживали, несколько раз поливали и промотыживали. Сбор созревших коробочек хлопка производился также вручную в несколько приёмов, в зависимости от созревания. Все расходы по культуре хлопка, по упомянутым бюджетным обследованиям, определялись в денежном исчислении в 208 руб. на десятину, что при валовом доходе до 300 руб. давало чистого дохода около 100 руб. на десятину. При машинной обработке расходы сокращались более чем на 40—50%, составляя не более 101 руб.[1]

Сравнительно незначительные размеры получила культура хлопка у русских переселенцев, которые вследствие непривычных для них хозяйственных условий шли сюда в меньшем количестве, чем, например, в Башкирию, и если даже оседали здесь, то долгое время занимались главным образом пшеницей, а не хлопком и рисом.

Сильный толчок развитию хлопководства в Туркестане был дан ещё до завоевания его русскими, в 60-х годах XIX в., когда весь мир, в том числе и Россия, переживал хлопковый кризис в связи с гражданской войной в Америке. В 1861 г. туркестанский хлопок продавался на нижегородском и московском рынках по 4—5 руб. за пуд, а в 1864 г. цена поднялась до 20—23 руб. Это и послужило стимулом к более быстрому рас-

[1] «Азиатская Россия», т. II, 1914, стр. 289—291.

пространению посевов хлопка в Туркестане. Благодаря туркестанскому хлопку русская хлопчатобумажная промышленность сравнительно благополучно вышла из кризиса этих годов.

Распространение посевов хлопка в Туркестане усилилось ещё более после захвата его русским царизмом. Правительство уже в 70-х годах принимало к развитию хлопководства меры кредитного и агрономического порядка. Поворотным пунктом в развитии хлопководства является введение в 80-х годах посевов привозных улучшенных сортов, быстро сменивших местный сорт «гуза», который был чрезвычайно низким по качеству и годился лишь для выработки самых грубых тканей. В 1884 г. представитель московской торговой фирмы Кудриных впервые выслал в Москву 10 кип (около 100 пудов) волокна иностранного хлопка. Это была первая партия новых сортов хлопка туркестанского происхождения, очищенная на машинах-джинах и отправленная в Россию. С этих пор отправки хлопка начинают быстро расти: в 1888 г. они составляли уже 873 тыс. пудов, в 1889 г. — 1 470 тыс., в 1890 г. — 2 673 тыс., в период 1890—1896 гг. колебались в пределах 2,6—3,5 млн. пудов, в 1896—1900 г. — 4,3—4,9 млн. и к 1907 г. достигли 10,7 млн. пудов. Туркестан становится хлопковой колонией русского капитализма.

При отсутствии точной статистики хлопководства за старые годы можно привести лишь приблизительные цифры роста хлопковых посевов в различных областях Туркестана. Посевная площадь под хлопчатником была (в тыс. десятин) [1]:

Годы	Фергана	Сыр-Дарьинская область	Самаркандская область	Закаспийская область	Хива и Бухара	Всего в Средней Азии [3]
1885	34,6	1,0	5,8	—	—	41,4
1890	51,1	19,8	15,4	—	—	86,3
1895	109,7	12,2	16,4	—	—	138.3
1900	188,4	15,5	17,0	10,7	125,2[2]	356.8
1905	166,1	13,2	18,8	13,3	80,0	291,4
1910	299,4	29,3	22,1	28,3	110,0	489,2
1915	250,9	69,9	29,3	45,7	146,0	541,9

[1] Таблица составлена для 1885—1900 гг. по приблизительным данным Петербургского хлопкового комитета. См. *Малаховский*, Производительные силы Туркестана, вып. I, 1909, стр. 64, 79; для 1900—1915 гг. по данным министерства земледелия, «Сборники статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству».

[2] Местные сорта.

[3] 1885—1895 гг. — без Хивы и Бухары, частью местный, частью американский, с 1900—1905 гг. — американский.

Из этих цифр видно, что на первом месте по размерам хлопководства стояла Фергана (Маргеланский, Андижанский, Наманганский и Кокандский районы), в которой было до двух третей всех посевов хлопка. В 90-х годах ферганское хлопководство давало 1—1,8 млн. пудов чистого волокна, в 900-е годы — до 3,6—3,8 млн. пудов. В Сыр-Дарьинской и Самаркандской областях главными хлопковыми районами были Ташкентский, Чимкентский, Самаркандский и Ката-Курганский. Из других областей наибольшее распространение хлопководство (кроме Хивы и Бухары) получило еще с 90-х годов в Закаспийской области (Мервский район).

Общие размеры сборов хлопка-сырца в Туркестане и полученного очищенного хлопка, по данным Центрального статистического комитета, определялись следующими цифрами (в тыс. пудов)[1]:

Годы	Хлопка-сырца	Очищенного хлопка
1907	15 301	4 850
1908	13 359	4 350
1909	14 755	5 000
1910	25 488	8 450
1911	26 677	8 550
1912	17 097	5 800
1913	23 685	8 250
1914	26 002	8 500
1915	33 918	10 750

Организация сбыта хлопка. Кроме производственных условий, большое значение для хлопководческого хозяйства дехканина получала организация сбыта хлопка. При руководящем значении метрополии в сбыте этого основного товарного продукта, хлопка, производитель его попадал в полную зависимость от русского торгового и местного посреднически-ростовщического капитала. Обычно сбыт хлопка производился путём закупки московскими фирмами или местным национальным торговым капиталом по поручению этих фирм, или непосредственно местными агентами московских фирм, которые давали небольшие задатки мелкому дехканину. В 90-х годах, когда начался усиленный рост вывоза хлопка для московских и лодзинских фабрикантов, скупку хлопка вели преимущественно непосредственно агенты московских и лодзинских фирм. Но с начала XX в., в 1900—1913 гг., картина значительно

[1] «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1917, стр. 134—135. Сборы очищенного хлопка вычислены приблизительно.

меняется. Закупки хлопка стали производиться местным торговым капиталом в качестве агента уже не московского промышленного капитала, а банкового капитала метрополии. Так как местный торговый капитал не представлял достаточно мощной силы для того чтобы самостоятельно овладеть всей массой хлопка, которая к этому времени достигла уже больших размеров, то в закупке, кредитовании и сбыте хлопка большую роль стали играть банки. В 900-х годах московские банки захватили уже на 80—90% скупку и сбыт хлопка. Они представляли громадную силу — концентрированный банковый капитал, который монопольно распоряжался на хлопковом рынке. Мелкий производитель от этого ничего не выигрывал, так как попрежнему оставался в полной зависимости от торгового капитала — от его местного агента, ростовщика, и от землевладельца, наконец, и от монопольного банкового капитала.

Садоводство и шелководство Туркестана. К самым древним народным промыслам Туркестана относятся также виноградарство, садоводство и шелководство, распространённые здесь с незапамятных времён, ещё до начала нашей эры. В 1912 г. в пяти среднеазиатских областях, по неточным данным, насчитывалось до 30 тыс. десятин под фруктовыми садами и 30 тыс. десятин под виноградниками. Несмотря на благоприятные климатические условия, плодоводство по качеству было невысоко, ограничиваясь преимущественно местными сортами и местным рынком. Только с 900-х годов, после проведения Оренбург—Ташкентской линии, стали культивироваться привозные сорта для вывоза на центральные рынки.

Исключительно важное значение имело шелководство, которое, как промысел, имело место почти в каждом дехканском хозяйстве. С приходом русских оно получило товарный вывозной характер. Туркестан вместе с Кавказом стал главной базой снабжения шёлком-сырцом метрополии. Техника шелководства, т. е. получения грены, её оживления, выводки шелковичного червя, размотки коконов, была поставлена в дехканском хозяйстве совершенно примитивно (например, в виде согревания грены теплотой своего тела, ношением мешочков с греной за пазухой). Размотка шёлка производилась вручную на простых деревянных колёсах. Общие размеры производства шёлка, по приблизительным подсчётам, в 1909 г. по всему Туркестану определялись в 176 тыс. пудов коконов, в том числе в Хиве и Бухаре до 140 тыс. пудов, из которых получалось шёлку свыше 50 тыс. пудов стоимостью, в зависимости от качества, по 90—250 руб. за пуд. Размотанный шёлк частью вывозился, но в преобладающем количестве шёл на переработку в ткани на местных заводах или кустарями для местного потребления и для вывоза. В 1909—1910 гг. насчитывалось

до 1750 шёлкоткацких мастерских, преимущественно кустарного типа, с 2—3 рабочими и с выработкой каждая на 1300—1500 руб.

Кустарные промыслы. Кроме шёлкоткацкого промысла, в Туркестане большое распространение имели другие кустарные промыслы: на первом месте — ковровое производство, затем обувное, чеканка металлических изделий, резьба по дереву и пр. Все они имели преимущественно местный потребительский характер, кроме ковров, которые по своим высоким качествам пользовались мировой славой (текинские, туркменские, бухарские и др.). По сведениям местных органов, общая стоимость коврового производства в одной Закаспийской области определялась в 1908 г. до 200 тыс. руб. Но вообще ковровый промысел в 900-е годы стал сильно падать, главным образом из-за недостатка и плохого качества новых привозных фабричных красок вместо старых местных, а также из-за плохой организации сбыта и посредничества, оставлявшего мало дохода непосредственному производителю. Другие промыслы, например ручное ткачество, чеканноружейный, обувной и некоторые другие, с развитием капитализма стали падать по общей причине — вследствие конкуренции промышленных изделий метрополии, вытеснявших и убивавших местные промыслы.

Кредитование мелкого производителя. Главным бичом мелкого хлопководческого и садоводческого хозяйства дехканина являлась его задолженность вследствие недостатка средств для организации и ведения хозяйства и крайне тяжёлых форм его эксплоатации скупщиками и ростовщическим кредитом. В 90-х годах стала развиваться система авансов и задатков мелким хозяевам со стороны торговых фирм обычно по 1—1,5 руб. за пуд хлопка. Так как такие задатки не оправдывали всех расходов, которые вызывала культура хлопка, а оборотных средств у мелких производителей не было, то они прибегали к ростовщическому кредиту, платя за него до 60% и более. Понятно, что такой дорогой кредит поглощал весь доход мелкого производителя.

Некоторое значение в таких случаях мог получить мелкий кооперативный кредит, но он не имел широкого распространения. В 1914 г. в Средней Азии имелось всего 210 кредитных и 146 ссудо-сберегательных кооперативных товариществ с 80,5 тыс. членов их и с балансом в 1 264 тыс. руб. В кредитных кооперативных товариществах участвовало главным образом местное земледельческое население, но преимущественно лишь более состоятельные группы. Поэтому мелкое и бедняцкое дехканство не получало от кооперативной организации кредита сколько-нибудь значительной помощи, всецело завися от ростовщического частного кредита. В учреждениях кооперативного кредита

средний размер ссуд в 1912 г. был всего в 62—86 руб., причём в 41% всех случаев ссуды шли на покупку скота, 33% — на семена, 8% — на наём рабочей силы.

Развитие железных дорог. Освоение народного хозяйства среднеазиатских районов, особенно хлопководства, русским капитализмом начинается с 80-х годов XIX в., когда значительно усиливается спрос на хлопок для промышленности метрополии и когда строительство железных дорог делает возможным развитие товарного хлопкового хозяйства.

Постройка первых железных дорог в Средней Азии была начата в 1881—1886 гг. в виде линии от побережья Каспия до Кизыларвата (217 вёрст) и далее до Чарджуя (всего 755 вёрст), главным образом в военных целях. Затем следовал ряд линий от Мерва до Кушки, на Самарканд, Фергану, Ташкент, Андижан, благодаря чему к XX в. в Туркестане имелось уже железнодорожных линий протяжением 2 368 вёрст. Эти линии, проходившие через богатейшие хлопковые, рисовые, виноградные и другие районы, сильнейшим образом способствовали росту товарного производства этих отраслей, особенно хлопка, для вывоза в метрополию, а также усилению снабжения этих районов товарами метрополии. Грузооборот железных дорог за 10 лет увеличился (для малой скорости) с 23 млн. пудов (из них 5,2 млн. пудов хлопка) до 69,8 млн. пудов (из них хлопка 11,8 млн. пудов). Но особенно важным было сооружение линии Ташкент — Оренбург, соединившей среднеазиатские рынки с железнодорожной сетью метрополии, давшей непосредственный выход хлопку в московский промышленный район и снабжавшей хлопкоробов пшеницей из европейских районов. В 1888 г. было вывезено из Средней Азии хлопка всего 873 тыс. пудов, в 1900 г. — уже 4 960 тыс., а в 1913 г. — 13 697 тыс. пудов.

Обрабатывающая промышленность. Насколько решающее значение для народного хозяйства Туркестана имел хлопок, видно из того, что размеры всего сельскохозяйственного производства Туркестана в начале XX в., по данным министерства земледелия, оценивались в 350 млн. руб., из них более половины этой суммы давал хлопок[1].

Что касается местной промышленности, связанной с этим основным сырьём, она была мало развита. Только с 900-х годов она стала получать некоторое распространение в виде главным образом хлопкомаслобойной промышленности или промышленности по первичной обработке хлопка. Эти виды промышленности составляли до 85% всей промышленной продукции Туркестана, другими словами, иных отраслей почти не было.

[1] «Азиатская Россия», т. II, 1914, стр. 294.

Удельный вес отдельных отраслей обрабатывающей промышленности в 1914 г., по данным местных обследований, характеризовался следующей таблицей[1]:

Отрасли промышленности	Число предприятий	Валовая продукция (тыс. руб.)	Число рабочих	Механические двигатели (л. с.)
Хлопкоочистительная	201	98 412	7 769	10 231
Хлопкомаслобойная	19	12 381	1 720	4 566
Мельницы	46	3 982	472	1 869
Коконосушильни	28	3 136	2 198	12
Кожевенные заводы	72	1 324	422	170
Прочие	340	16 966	8 487	5 172
Всего	706	136 201	21 068	22 020

Таким образом, на первом месте стояла и имела подавляющее значение хлопкоочистительная промышленность. По более полным официальным данным промышленного обследования 1908 г., в Туркестане имелось 204 хлопкоочистительных завода (из общего числа 220 во всей России) и 5 ватных. Производство их в том же году составляло 6 865 тыс. пудов очищенного хлопка, 9,9 тыс. пудов линтерного и 12 153 тыс. пудов остатков и отбросов.

Техническое оборудование производственного процесса было невысоко на старых заводах, но довольно высоко на новых. Так, раньше при очистке применялся почти исключительно ручной труд, который в начале XX в. стал заменяться машинным. Двигательная сила, прежде почти исключительно водная, заменялась двигателями паровыми и внутреннего сгорания (145 заводов из указанного общего числа). Интересно отметить структуру производственных расходов хлопкоочистительного производства в Туркестане сравнительно со структурой их во всей хлопчатобумажной промышленности империи. По обследованию 1908 г., отдельные производственные расходы были в процентах к общей стоимости продукции:

	Хлопкоочистительное производство Туркестана	Хлопчатобумажная промышленность империи
Сырые материалы	85,20	68,66
Топливо	0,34	3,36
Зарплата	1,04	11,37
Помещения и движущая сила	0,06	11,10

[1] *В. В. Заорская* и *К. А. Александер*, Промышленные заведения Туркестанского края, 1915.

Хлопкоочистительные заводы были заинтересованы, таким образом, в стоимости сырья-хлопка, чем объясняется их непосредственное участие в скупке хлопка, которая давала им большую прибыль вследствие разницы цен очищенного и неочищенного хлопка. В производственно-техническом отношении туркестанские хлопкоочистительные заводы были очень плохо оборудованными: например, на одного рабочего применялось механических двигателей в 0,80 *л. с.* против 9,75 *л. с.* во всей хлопчатобумажной промышленности; число рабочих на один завод было 34 против 520 рабочих во всей хлопчатобумажной промышленности. Большие прибыли этих заведений получались, кроме скупки хлопка, благодаря низкой заработной плате рабочих и высокой степени их эксплоатации.

В заключение следует отметить степень участия в этой основной местной капиталистической промышленности местного национального и русского капитала. Так, по данным 1911 г., из 157 учтённых заводов было 109 местных фирм и 48 русских, причём на один завод число джинов (основное оборудование хлопкоочистительных заводов) было на русских заводах 7, на местных — 3,4, т. е. первые были вдвое крупнее последних.

Кроме этого важного факта более крупных вложений русского капитала сравнительно с местным национальным, необходимо также отметить тенденцию к концентрации капитала. В 1910—1914 гг. было образовано несколько синдикатско-монополистических организаций в хлопкоочистительном и хлопкомаслобойном производствах, главным образом на базе капитала московских хлопчатобумажных фирм. Так, по данным 1914 г., из общего числа 201 хлопкоочистительного завода у 9 объединённых фирм имелось 88 заводов (44%), из них 58 заводов принадлежали двум фирмам; все они были объединены в негласный синдикат. В руках этих же объединений находилось 15 заводов, т. е. 40% из общего числа 38 хлопкомаслобойных заводов.

Из других отраслей промышленности почти ни одна не достигала сколько-нибудь крупных размеров. Каменного угля плохого качества (Ходжентский район) добывалось на 14 предприятиях в 1908 г. до 1,5 млн. пудов, в 1911 г. — до 3,5 млн. пудов. Нефтяная промышленность (Фергана, остров Челекен) давала в 1908 г. 3,7 млн. пудов и в 1911 г. — 17 млн. пудов нефти. Она находилась частью в руках Нобелевской (германской) группы нефтяных фирм, частью в руках французских фирм; но ни те, ни другие не были особенно заинтересованы в широком развитии здесь нефтяного дела. Наконец, другие отрасли горного дела — богатые месторождения (Бухара, Памир) золота,

меди, нефрита, лапис-лазури, редких металлов и пр. совершенно не были развиты.

Положение рабочего класса. При слабом развитии промышленности в Туркестане не могло образоваться значительных кадров пролетариата. Всего к 1914 г., по местным обследованиям, в Туркестане насчитывалось 20 925 рабочих фабрично-заводских предприятий; из этого числа 77,2% принадлежали к коренным местным национальностям, в том числе было 60,7% узбеков; русских было всего 22,8%. Последние преимущественно (до 70—79%) были рабочими при двигателях, по ремонту и тому подобной работе, требующей более высокой квалификации. Наоборот, рядовые рабочие по производству и чернорабочие принадлежали по преимуществу (до 50—60%) к местным национальностям. Очень распространён был женский и детский труд, например, на коконосушильных предприятиях женщины составляли 56,5%, дети 3,9% общего числа рабочих, на гренажных предприятиях женщины — 88,3%, дети — 5,2%. Продолжительность рабочего дня была на большинстве предприятий 10—12 часов, но доходила иногда до 16 часов и выше. Заработная плата была низка и составляла в среднем около 180 руб. в год сравнительно с 288 руб. в среднем по России. Тяжёлым положением рабочих, низкой зарплатой, высокой нормой эксплоатации объяснялась и общая относительная отсталость культурного уровня местных рабочих.

Таким образом, хотя русский промышленный капитализм в своём экономическом освоении Туркестана с 80—90-х годов дал значительный толчок развитию его производительных сил, тем не менее Туркестан оставался лишь отсталым аграрно-колониальным придатком своей метрополии. Эксплоатация этой богатой «национальной окраины» — источника дешёвого колониального сырья — велась исключительно за счёт разорения и нищеты непосредственного производителя. Сочетание перенесённых сюда форм капиталистической эксплоатации с остатками полупатриархального, полуфеодального национального быта и с ростовщической и кабально-земельной эксплоатацией особенно тяжело сказывалось на положении трудящихся масс народностей Туркестана. Царизм, насильственно удерживая Туркестан на положении поставщика дешёвого сырья для метрополии, присоединял к колониальной эксплоатации также и сильнейший национальный гнёт, сохраняя для этих своих целей самые жестокие формы ханского азиатского феодализма. Всё это и являлось причиной глубокой социальной и экономической отсталости угнетённых народностей этой колонии.

ГЛАВА XX

ХОЗЯЙСТВО НАРОДНОСТЕЙ КАВКАЗА В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА

Мы уже указывали, что экономическое освоение Кавказа происходило значительно позднее его завоевания и настолько медленно, что, по словам Ленина, оно не было закончено и к 90—900-м годам[1]. По существу оно могло начаться лишь со времени развития промышленного капитализма, когда последний стал осваивать Кавказ как свою колонию, вывозя из неё промышленное сырьё и сбывая сюда изделия своих московских, ярославских, петербургских и других фабрик.

Помимо географической отдалённости Кавказа и трудности его освоения до создания улучшенной железнодорожной связи (что было сделано лишь в 80—90-х годах), причиной медленности капиталистического освоения Кавказа являлось длительное сохранение в социально-экономическом строе народностей Кавказа многочисленных феодально-крепостнических пережитков, которые сознательно поддерживались царизмом и задерживали капиталистическое развитие Кавказа.

Из наиболее крупных национально-государственных образований Закавказья Грузия в начале XIX в. находилась на стадии застывшего и неподвижного реакционного, феодально-крепостнического строя.

К началу эпохи капитализма, в середине XIX в., дворянско-землевладельческие высшие классы Грузии представляли собой паразитирующий нарост на массе крепостного и полукрепостного, тёмного, почти сплошь неграмотного[2] малоземельного и разоряемого крестьянства. Национальная буржуазия в Грузии была слабо развита. Такое положение обусловливало и предрешало для Грузии, применяя здесь слова Ленина о крепостнических отношениях в России, только «...застой... и господство азиатчины»[3].

Ещё менее благоприятным для быстрого развития капиталистических отношений было положение в юго-восточных, тюркских частях Закавказья с остатками патриархально-родового и племенного быта, с кочевым скотоводческим хозяйством и с упадком когда-то развитой здесь земледельческой культуры.

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 520.

[2] По переписи 1897 г., число грамотных на 1 тыс. человек обоего пола было: в Елизаветпольской губернии — 48, Эриванской — 64, Кутаисской — 147, Тифлисской — 163, против среднего по Европейской России — 229.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 170.

Наконец, ещё более глубокие остатки патриархальщины, натурального хозяйства, примитивного скотоводства, низкого культурного уровня и пр. господствовали в горных, малодоступных районах Кавказа.

Несколько иное положение было в Армении. Среди армян, в особенности в армянских зарубежных колониях (Константинополь, Киликия и др.), стала рано формироваться торгово-промышленная буржуазия. Вместе с этим и в самом Закавказье (и в частности в Грузии, в Тифлисе) армянский капитал в XIX в. играл значительную и самостоятельную роль в насаждении капитализма. Вместе с тем он становился деятельным агентом и посредником для проникновения сюда русского капитала. Но масса армянского населения в самой Армении жила в условиях самого отсталого земледельческого и скотоводческого натурального хозяйства с примитивной его техникой и со слабым развитием промышленности.

Отсталость социально-экономического строя закавказских национальных окраин не только сознательно поддерживалась царским правительством, но ещё и усиливалась разжиганием национальной розни (в особенности, например, в таких районах, как Баку, и вообще в Азербайджане между армянами, татарами и другими народностями).

Наконец, к этому нужно добавить политику руссификации, когда для управления, суда, экономических мероприятий в Закавказье посылались худшие элементы «отечественной» администрации с их (как это установлено даже официально сенаторскими ревизиями) взяточничеством, открытым нарушением законов, ограблением населения и пр.

Таковы были условия и способы колониального освоения Закавказья российским царизмом в эпоху капитализма. Остановимся теперь более подробно на отдельных отраслях народного хозяйства Закавказья в капиталистическую эпоху.

Сельское хозяйство. Как в стране земледельческой со значительными остатками феодально-крепостнических натуральных отношений и с преобладанием крестьянского населения, сельское хозяйство играло в экономике страны главную роль. Оно являлось основным занятием 80% всего населения. Плотность населения была невысока: в 1911 г. в среднем по всему Закавказью она была 33,8 человека на 1 квадратную версту, в отдельных промышленных районах она была значительно выше, например, в Бакинском районе — 406 человек на 1 квадратную версту, в земледельческих районах редко превышала 23—28 человек на 1 квадратную версту. Размеры годной для сельскохозяйственной культуры площади были, в особенности в некоторых местностях, очень ограничены вследствие большого процента неудобных земель (в Армении — 41,8%, в Грузии

в целом — 26,1, в Азербайджане — 25,2%). Всё это вместе с крайне неравномерным распределением земельной собственности обусловливало местами такую абсолютную земельную тесноту, что в горных районах культурную сельскохозяйственную площадь иногда приходилось создавать искусственно, нанося землю на небольшие площади среди гор.

Распределение собственно сельскохозяйственной площади по угодьям было очень неравномерно и неблагоприятно для успешного развития сельского хозяйства. За отсутствием исчерпывающих дореволюционных цифр о распределении земель по угодьям во всех закавказских республиках приведём сравнительные цифры по наиболее крупным национальным республикам за 1922—1923 гг., когда соотношение угодий ещё не могло особенно резко измениться (по данным местных статистических органов)[1].

Республики	% удобных земель	Из общего числа удобных земель		
		% сенокосов и пастбищ	% культурной и усадебной земли	% лесной площади
Грузия	73,9	31,5	20,0	48,5
Армения	58,2	49,8	25,9	24,3
Азербайджан	74,8	54,2	28,4	17,4
Всё Закавказье	71,1	44,9	24,9	30,2

По другому несколько более подробному учёту угодий по Восточной и Западной Грузии, Аджарии и Абхазии, пашня занимала 10,2%, в том числе поливная — около 1%, сады и виноградники — 0,7, усадьбы — 1, сенокосы и выгоны — 21%[2].

Кормовая площадь (сенокосы и пастбища) давала наибольший процент в Армении и Азербайджане, в особенности в нагорных их частях, где господствовало кочевое скотоводческое хозяйство. В хозяйственном использовании сельскохозяйственных угодий засушливых районов важное значение приобретал вопрос об орошении. Как мы указывали, старая оросительная система Азербайджана была давно и сильно разрушена и восстанавливалась царским правительством слабо. Бóльшая часть каналов и их мелких ответвлений была восстановлена и устроена самим населением и носила примитивный характер. Тем не менее, по позднейшим данным, поливные земли достигали в Закавказье 950 тыс. десятин, или около трети всей обрабатываемой

[1] «Народное хозяйство Союза ССР в цифрах», «Статистический справочник ЦСУ», 1924/25; *В. Н. Худадов*, Закавказье, 1926.

[2] «Статистический сборник (Грузии) 1909—1921 гг.», Тифлис 1923, стр. 14.

площади, составляя в Азербайджане 43%, в Армении — 32,9%. Но в целом по отношению ко всей площади, могущей быть обращённой под сельскохозяйственную культуру, это составляло очень небольшую долю.

Отдельные отрасли сельского хозяйства. Среди отдельных отраслей сельского хозяйства в Закавказье на первом месте стояли: в земледельческих районах — производство зерновых хлебов, в степных кочевых районах — скотоводство. В общей обрабатываемой площади пашня составляла: в Армении — 97,7%, в Азербайджане — 95,5, в Грузии — 94,8%. Общая площадь под всеми сельскохозяйственными культурами в 1909 г. достигала 1 891 тыс. десятин, из них 1 867 тыс. десятин под зерновыми хлебами со сбором в 84 млн. пудов.

Техника и культура хлебопашества, а вместе с тем и урожаи зерновых хлебов были очень невысоки. Правильной системы севооборота не было. Прежде существовавшая трёхпольная система вследствие увеличивавшейся земельной тесноты фактически превратилась в перелогополье с нерегулярным посевом разных хлебов — хлеб по хлебу. В посевах преобладали кукуруза (из указанного общего числа посевов кукурузы было 466 тыс. десятин) для личного потребления и пшеница (889 тыс. десятин), частью вывозившаяся в города; сеялись также просо, ячмень, рожь. Обработка полей у крестьян производилась первобытной армянской сохой, «арор», или грузинским допотопным деревянным плугом, в который запрягалось 6—8 пар волов, поэтому для вспашки обычно несколько хозяйств объединялись и работали «супрягой». Молотьба производилась доской с вбитыми в неё камнями, которую волокла лошадь[1]. Средние урожаи, по официальным данным, не превышали 40 пудов с десятины.

Кроме хлебопашества из других отраслей земледелия большое значение имели виноградарство, садоводство, хлопководство, табаководство. По данным министерства земледелия[2], площадь под виноградниками в восьми закавказских губерниях и округах в 1908—1909 гг. определялась в 90—95 тыс. десятин, из которых в Кутаисской — 31 тыс., в Эриванской — 9,5 тыс., в Елизаветпольской — 10,6 тыс., в Тифлисской — 23 тыс. десятин, с общим производством вина до 12—15 млн. вёдер, шедших главным образом на местное потребление. Техника виноградарства и виноделия за немногими исключениями была очень примитивна, но в капиталистических хозяйствах выделывались высокосортные вина, пользовавшиеся мировой

[1] *Ф. Гакстгаузен,* Закавказский край, 1857, стр. 57, 71, 144 и др.

[2] «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству», 1910, стр. 108.

известностью. В Армении развивалось капиталистически поставленное производство коньяка.

По культуре хлопка и риса Закавказье являлось вторым после Туркестана районом сырья для российского капитализма. По тем же данным министерства земледелия, посевная площадь под хлопком в 1910 г. определялась в Закавказье в 60,5 тыс. десятин (против 489,2 тыс. в Туркестане) со сбором 1 942 тыс. пудов (против 25 488 тыс. в Туркестане). Рис занимал здесь 26,8 тыс. десятин и давал 2 062 тыс. пудов сбора (против 183,9 тыс. десятин и 14 632 тыс. пудов сбора в Туркестане). Обе эти культуры имели крайне низкую технику и давали низкие урожаи, особенно из-за несовершенства оросительной системы. Несмотря на громадные возможности, открывавшиеся для хлопководства при развитии орошения в степях Азербайджана, оно не получило здесь сколько-нибудь крупного значения как вторая хлопковая база для русского капитализма.

К отраслям сельского хозяйства, имеющим важное значение, принадлежало высокосортное плодоводство — разведение апельсинов, лимонов, а также разведение чая в субтропических районах Западной Грузии (Аджарии, Абхазии). Однако в большинстве случаев эти отрасли носили «любительский» характер и не получали массового распространения в крестьянском хозяйстве, попытки же капиталистической постановки дела (чайные плантации фирмы Попова) носили единичный характер. Из общей площади в 50 тыс. десятин пригодных для чая земель было освоено всего 900 десятин.

По развитию животноводства на первом месте стояли степные области Азербайджана, где оно носило у тюркского населения кочевой или полукочевой характер. Обычные для такой формы скотоводства кочёвки по условиям местности происходили здесь в виде перекочёвок с весенне-зимних степных пастбищ (Муганская, Мильская, Карабахская степи), служащих вместе с тем и зимними стойбищами (кишлаки), на горные летние и осенние (яйлаги).

Летом, когда степи выгорали от засухи, скот перегонялся на богатые и влажные альпийские луга Карабаха. Такой характер скотоводства резко обострял здесь земельный вопрос благодаря росту распашек и уменьшению степных пастбищ. Переход к более интенсивным формам скотоводства совершался медленно. Но всё же благоприятные естественные условия Закавказья с его первоклассными альпийскими лугами обусловливали довольно значительное развитие продуктивного животноводства и переработки его продуктов (сыроварение). Вследствие неточности абсолютных официальных цифр приведём лишь относительные, в исчислении различных видов скота на 100 жителей по всему Кавказу, по Закавказью и сравни-

тельно для всей империи и по Средней Азии, по данным министерства земледелия за 1908 г.[1]:

Виды скота	Весь Кавказ	Закавказье	Средняя Азия	Вся империя
Лошадей	16,8	6,9	47,7	20,8
Крупного рогатого скота	57,4	51,4	51,9	31,2
Овец	101,3	113,1	240,4	52,1

Из отдельных закавказских губерний особенно малолошадными были: Тифлисская — 7,6 лошадей на 100 человек населения, Кутаисская — 5,3, Эриванская — 4,3, Батумская — 2,9.

Из других отраслей сельского хозяйства в Закавказье древнейшим промыслом, имевшим большое значение, было шелководство; до завоевания царизмом обложение его давало ханам восточного Кавказа большие доходы.

Со второй половины XIX в. шелководство сильно упало и после этого восстанавливалось слабо. По данным 1909 г., всего было получено грены около 270 тыс. коробок, а общий сбор коконов был в 320 тыс. пудов; при цене сухих коконов — 45—55 руб. пуд это давало населению до 4 млн. руб. дохода.

Очень слабо было поставлено на Кавказе лесное хозяйство. Несмотря на наличие громадных лесов исключительных по ценности пород (тисс, самшит, чёрный клён, орех и др.), эти леса больше истреблялись и расхищались, чем систематически эксплоатировались. Лишь в ничтожных количествах они шли на вывоз.

Земельные отношения. Как мы указывали выше, земельные отношения на Кавказе отличались большой сложностью и разнообразием в связи с многочисленными историческими и национальными особенностями их в различных районах: в кочевых и горнопастбищных районах с сохранением среди населения остатков патриархально-родового быта и первобытного рабства; в земледельческих районах с господством крепостных отношений; в районах интенсивного поливного земледелия и пр. После завоевания Кавказа русский царизм стал проводить здесь жестокую колонизаторскую политику отобрания у трудящегося населения, особенно в кочевых районах, всех номинальных «излишков» земель и обращения их в государственную собственность в целях дальнейшей колонизации их русскими переселенцами. Нормы и условия пользования землями, оставляемыми

[1] Вычислено по «Сборнику статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств», 1910, стр. 196—197

местному населению, здесь были даже более жёсткими, чем, например, в Средней Азии. В том же направлении решён был вопрос о землях, брошенных владельцами при массовой их эмиграции после завоевания, особенно в мусульманских районах (бекские земли и пр.).

Эти земли были также объявлены собственностью государства, но фактически стало происходить такое расхищение их, которое не уступало по размерам и разнузданности знаменитой эпопее расхищения башкирских земель[1].

Собственно русское переселение не играло в Закавказье такой значительной роли, как в Западной Сибири. Из всего населения Закавказья в 1911 г. в 7,3 млн. человек русских насчитывалось (вместе с городским населением) всего 598 тыс., причём кроме городского и казачьего населения собственно сельское русское население состояло отчасти из разного рода сектантов (духоборов и др.), переселённых сюда большей частью принудительно в 90-х годах. Хорошо поставленное хозяйство этих переселенцев имело большое агрикультурное влияние на местное сельское хозяйство, но и сами русские колонисты научились в Закавказье виноградарству, табаководству, шелководству и разведению прочих высокоинтенсивных культур. Новые гонения русского правительства привели духоборов к массовой эмиграции их в Канаду. Оставшиеся в небольшом числе, эти хозяйства превратились в типичные кулацкие хозяйства.

Крепостные отношения и их ликвидация. Царское правительство, проводя жестокую колонизаторскую политику отобрания земель у трудящегося национального населения Кавказа, в то же время оставляло в неприкосновенности не только земли привилегированных землевладельческих классов, но и их крепостнические права на крестьян, живших на этих землях. Из рассмотрения условий проведения в Закавказье «освободительных» реформ 1864—1870 гг. мы видели, что эти реформы были проведены здесь в формах, гораздо более тяжёлых для крестьян и с гораздо бо́льшими выгодами для помещиков, чем даже в России по положению 1861 г. Вследствие необязательности выкупа и сохранения «временно-обязанных», т. е. фактически крепостных отношений, а в некоторых местностях прямого рабства, личная и земельная зависимость крестьян, сидевших на «помещичьих» землях, оставалась в полной силе и в XX в.

Кроме крепостных крестьян, сидевших на условиях «обычного» крепостного права, в различных частях Грузии фактически в крепостных отношениях находились и такие группы крестьянства, как, например: хизаны Грузии (или мандобили

[1] Об этом см. *П. И. Лященко,* Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, гл. IX—X, 1913, стр. 472—569 и 606—622.

Мингрелии)[1]; крестьяне, сидевшие на «мюльковых» (т. е. пожалованных) землях беков в мусульманских частях; крестьяне на «тиульских» (бывших персидских шахских и бекских) землях в армянских областях бывшей Эриванской губернии; крестьяне на землях агаларов, т. е. привилегированных классов кочующих народностей бывших турецких областей. Некоторые группы населения находились не только в крепостных, но часто и в рабских отношениях, как «унауты» у черкесов и кабардинцев, «кулы» в Кумыкском округе, «кусаки» в Осетии, холопы и рабы разных наименований у чеченцев и ингушей, в Дагестане, Абхазии. К этой же категории относились лица, находившиеся в полурабском-полукрепостном состоянии, как «пшитли», «чагары», «ахуе» в Кубанской области, Кабарде и Абхазии. Всего в горских областях Кавказа к 1860—1870 гг. насчитывалось свыше 52 тыс. человек в рабском и крепостном состоянии, из них свыше 10 тыс. полных рабов.

Разрешение всех этих сложнейших отношений путём распространения на них общероссийского «Общего положения о крестьянах 1861 г.» не могло привести к положительному результату вследствие совершенно отличных от России местных условий. Полукрепостное состояние «временно-обязанных» затянулось в основных районах Закавказья до 1912 г., когда уже в период III Государственной думы, т. е. с громадным запозданием против других районов России, этот институт был законом 1912 г. формально уничтожен, но фактически полукрепостная экономическая зависимость сохранялась и после этого.

Такое запоздание в ликвидации полукрепостнических отношений являлось крупнейшим препятствием и сильнейшим тормозом в развитии народного хозяйства Закавказья. Конечно, это не могло остановить фактической пролетаризации массы населения и развития капиталистических отношений, но задерживало их, тем более что во многих национальных районах сохранялись ещё и остатки отсталых патриархально-родовых форм быта. Поэтому, когда в 90-х годах XIX в. Кавказ и его богатые недра стали всё больше привлекать иностранный и русский капитал, когда на Кавказе стали возникать такие крупнейшие центры капиталистической промышленности, как Баку, а само народное хозяйство этих национальных окраин продолжало оставаться на низком уровне, противоречия достигли

[1] «Хизаны», т. е. «приютившиеся», были бедные малоземельные и безземельные земледельцы, селившиеся на земле помещиков, получавшие от них усадебную или полевую землю и платившие за это повинность, «гала», в виде части урожая всех продуктов или в виде определённых «дней паханья», т. е. барщины. Хотя и лично свободные, экономически хизаны мало отличались от крепостных.

громадных размеров и нашли своё проявление в широком развитии классовой борьбы. «Баку вырос не из недр Азербайджана, а надстроен сверху, усилиями Нобеля, Ротшильда, Вишау и др. Что касается самого Азербайджана, то он является страной самых отсталых патриархально-феодальных отношений» [1].

Развитие промышленности и железных дорог. Только с 70-х годов, как отмечает Ленин, начинается экономическое «завоевание» Кавказа как колонии, т. е. с большим запозданием против завоевания политического [2].

При географической отдалённости и даже отрезанности Закавказья от метрополии важнейшим путём для проникновения туда товаров и капиталов метрополии была организация усовершенствованных путей сообщения. Поэтому непосредственно вслед за присоединением отдельных частей Кавказа организуются сначала морские (по Чёрному и Каспийскому морям) пароходные линии. Однако как для внутренних сношений, так и для связей с метрополией этого было недостаточно. Железнодорожное строительство началось в 1867 г. и первая линия Поти — Квирилы открылась в 1871 г., вторая Поти — Тифлис в 1872 г. С 80-х годов начинает усиленно развиваться строительство железных дорог, соединяющих Закавказье и Предкавказье с метрополией и с центральными районами России. Эти дороги становятся основными магистралями сельскохозяйственной и промышленной эксплоатации края. В 1883 г. была закончена основная Закавказская магистраль Баку — Тифлис — Поти и ветка на Батум, от которой постепенно стали отходить вспомогательные ветки и подъездные пути — на Эривань и Джульфу, Кахетинская линия, а также Чиатурская и Ткибульская линия к центрам каменноугольной и марганцевой промышленности. Всем этим положено начало строительства железнодорожной сети, хотя и недостаточной, но всё же дающей выходы для основных сельскохозяйственных и промышленных районов. Наконец, железнодорожная линия Баку — Ростов соединила железные дороги Закавказья с общей железнодорожной сетью метрополии и завершила строительство железнодорожных путей для прямого товарообмена между Закавказьем и метрополией.

Одновременно шло проникновение в Закавказье товаров московской хлопчатобумажной промышленности, русского сахара, железных изделий, посуды и т. п. Они вытесняли здесь кустарные производства тканей, бурок, оружия, национальных костюмов и пр. Сюда направлялся также — и это составляет основную особенность данного района — иностранный капитал,

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 47.
[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, изд. 4, стр. 520.

который в ведущих отраслях промышленности стал занимать руководящие позиции.

Нефтяная промышленность. В 60—70-х годах XIX в. были заложены основы первого в России района крупной нефтяной промышленности — Бакинского. Первоначально царское правительство совершенно не могло справиться с задачей экономического освоения этой «чёрной жемчужины Кавказа». Хотя Баку был окончательно занят Россией в 1806 г. (не считая прежних неудачных попыток Петра I) и нефтяные богатства его были достаточно обследованы ещё в конце XVIII в. академиком Палласом, Гмелином и др., царское правительство долго не считало нужным организовать здесь широкую добычу нефти. Оно перенесло сюда обычную свою «откупную» систему эксплоатации скважин и добычи нефти с работой «приписных» крестьян, что давало ничтожные количества нефти (в 1818—1840 гг. всего 200—250 тыс. пудов в год). Только с уничтожением системы откупов в 1872 г. была объявлена «свобода» изыскания нефтеносных земель, заявок на них, разработки и добычи. Вместе с этим на бакинских нефтеносных землях открывается широкое поле для приложения крупного капитала. Однако отечественный капитал с этой задачей не справился, и капитализм здесь был «надстроен сверху» усилиями иностранного капитала. Баку становится скоро крупным центром сосредоточения промышленного пролетариата (преимущественно персы, русские, армяне, татары, меньше лезгины).

Марганцевая, медная и каменноугольная промышленность. В других районах Закавказья также образуются крупные промышленные центры, как Чиатурский марганцевый район, Ткибульское и Ткварчельское каменноугольные месторождения, Аллавердские и Зангезурские медные рудники. Эти районы становятся крупнейшими центрами местной капиталистической горной промышленности, достигая в некоторых случаях, как добыча чиатурского марганца, мирового значения. В 1913—1914 гг. Чиатуры давали до 35—40% всей мировой добычи марганца. Обладая громадной мощностью рудных слоёв и общих запасов руды (до 90 млн. *т*), чиатурская руда значительно богаче по содержанию чистого металла и выше по качеству, чем индийская и бразильская. Несмотря на это, организация и вся постановка разработки (которая началась ещё в 1879 г.) этих месторождений поставлены были очень плохо. Царское правительство и русский капитализм во избежание конкуренции чиатурского марганца с криворожским тормозили развитие дела. Производство было поставлено кустарно, велось мелкими фирмами (в 1913 г. таких фирм было 260) и давало продукции всего на 1,4 млн. руб. Попытки внедрения иностранного капитала не привели к большим результатам. Чиатурский марганец шёл

исключительно на экспорт, который в 1913 г. достигал 966 тыс. *т* и направлялся в Англию, Бельгию и США.

Из других районов горной промышленности крупное, но всё же лишь местное значение имело Ткибульское каменноугольное месторождение. Открытое ещё в 1845 г., оно уже в 70-х годах в небольших количествах снабжало углём Черноморский флот, но в значительных размерах здесь были начаты разработки лишь в 1887 г., после постройки железной дороги. При посредственном качестве угля и некрупных запасах, а также при слабой организации добычи (всего 3 копи) размеры добычи до первой мировой войны достигали 2—2,4 млн. пудов.

Что касается Ткварчельского каменноугольного месторождения, то оно было открыто в 1898 г.; более точные обследования 1900—1904 гг. обнаружили, что залежи угля простираются здесь на 44 версты, а запасы определяются в 12—13 млрд. пудов. И тем не менее до Октябрьской революции месторождение почти не разрабатывалось.

Добыча и выплавка меди производились на рудниках Аллавердских и Зангезурских, где имелись довольно крупные медеплавильные заводы, а также в месторождениях Шамблугском, Капканском, Эйларском и др. Отдельные месторождения меди (с сопутствующими ей цинком, серным колчеданом, серебром и даже с примесью золота) имелись во многих местах, но промышленно не были освоены. Всего имелось до 66 предприятий с 4 600 рабочих (из них в бывшей Елизаветпольской губернии 25 предприятий с 2 400 рабочих). Общая добыча руды и выплавки меди в Закавказье в 1890—1900 гг. давали 1—1,3 млн. пудов руды и 350—400 тыс. пудов меди стоимостью до 3 867 тыс. руб., что составляло до 14% всей добычи меди в стране. Садонские и Алагирские (в Северной Осетии) серебряно-свинцовые рудники давали до 175 пудов серебра и до 45 тыс. пудов цинка.

Лёгкая промышленность. Из отраслей лёгкой промышленности значительное развитие получила табачная промышленность на сырьевой базе сухумских и других высокосортных табаков. В Армении на базе местного виноградарства получило развитие производство коньяка. Хлопкоочистительное, хлопкомаслобойное и отчасти ткацкое производство, преимущественно в восточном Закавказье и Азербайджане, хотя и не достигали такого значения, как в хлопковых районах Туркестана, но имели в числе предприятий и крупные капиталистические с общей суммой производства в 3 млн. руб. Наконец, сюда же должно быть отнесено и шёлкоткацкое производство с более мелкими предприятиями числом (1910—1914 гг.) 124 шёлкомотальных и шёлкоткацких заведений, с 4 156 рабочими и с общей суммой производства (кроме кустарей) на 2,7 млн. руб.

Кустарные промыслы и их упадок. Особо должны быть упомянуты кустарные производства, которые были развиты здесь до внедрения капитализма. На постепенное исчезновение их под влиянием капитализма указывал Ленин. Из этих производств на первое место должны быть поставлены выделка оружия и выделка металлических изделий (посуды и украшений из серебра), а также ковров. По выделке лёгкого оружия (кинжалов, винтовок) Закавказье славилось раньше на весь мир. Некоторые историки считают, что в глубокой доисторической древности оно являлось колыбелью производства металлических изделий и оружия. Развитое, особенно в Азербайджане (Ганджа), Дагестане, Грузии (Душет, Кутаис), Армении (Ленинакан, Эривань) и в других районах и городах, кустарное производство металлических изделий и оружия упало под влиянием капиталистической конкуренции.

Несколько дольше сохранились бурочный, ковровый и сукноваляльный промыслы, которые раньше также давали продукцию на широкий рынок, но в последнее время упали под влиянием капиталистической конкуренции и в связи с падением овцеводства. Тем не менее в некоторых местностях они имели ещё в 900-х годах большое распространение, занимая в некоторых районах — Кубинском, Муганском — до 15—22% всего населения, а в Карабахском районе даже до 30% [1].

Все эти отрасли домашней промышленности и мелкотоварного, кустарного производства быстро приходили в упадок под влиянием конкуренции товаров капиталистической промышленности метрополии. Московские хлопчатобумажные изделия вытесняли прежние домотканные ткани, изготовлявшиеся кустарным способом на дому, которые составляли прежде главный предмет производства мелкого крестьянского хозяйства. Точно так же кустарное производство оружия (клинки, холодное оружие), которое по национальным особенностям являлось предметом широкого потребления, вытеснялось фабричным оружием тульских заводов. Вытеснялся и исчезал такой «национальный» продукт народного производства, как бурки (лучшие в Дагестане и Терской области), а также шапки, заменявшиеся фабричными изделиями российского капитализма. Сокращалось такое крупное кустарное производство, как ковровое, и целый ряд других.

Общие размеры крупной промышленности. Подведём итоги развития капиталистической промышленности Закавказья. По общеимперскому обследованию фабрично-заводской промышленности 1908 г., пополненному данными по горнозаводской

[1] Сборник «Закавказье»; *А. С. Пиралов,* Кустарная промышленность Закавказья и *его же,* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, 1913.

промышленности, имеем следующие основные показатели развития промышленности по отдельным дореволюционным губерниям и округам.

Цензовая фабрично-заводская промышленность 1908 г. [1]:

	Число фабрик и заводов	Сумма производства (тыс. руб.)	Число рабочих
Всего по Закавказью	754	238 468	64 213
В том числе:			
Тифлисская губерния	128	9 658	6 567
Кутаисская »	4	103	74
Елизаветпольская »	127	6 579	6 851
Баку и Бакинская »	430	218 520	48 699
Эриванская »	14	1 150	502
Батумская »	15	2 225	1 323

Если к этим цифрам фабрично-заводской промышленности присоединить горнодобывающую промышленность (каменный уголь, марганцевую и медную руду), то получим следующие итоги по всему Закавказью для главных отраслей цензовой промышленности [2]:

Отрасли	Число предприятий	Сумма производства (тыс. руб.)	Число рабочих
Нефтяная промышленность	291	188 832	39 866
Пищевая »	98	19 427	2 925
Обработка металлов	121	14 281	11 335
» хлопка	19	3 007	1 366
» шёлка	96	2 676	4 156
» животных продуктов	14	2 147	708
Добыча меди	66	4 600	3 867
» марганца	114	1 426	674
» каменного угля	4	300	386
По всем отраслям фабрично-заводской и горной промышленности	946	244 795	69 167

Таким образом, крупная капиталистическая цензовая промышленность давала в 1908 г. продукции на сумму около 250 млн. руб., из которых около 210 млн. руб. приходилось на тяжёлую

[1] «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности за 1908 г.», под ред. В. Е. Варзара, Спб. 1912.

[2] Для горнорудной промышленности — данные по «Сборнику статистических сведений по горнозаводской промышленности России за 1908 г.», ч. I—II, 1910—1917 гг. Так как добыча горнозаводской промышленности в сборнике даётся в натуральном выражении, то для подведения общих итогов суммы производства произведён соответствующий перерасчёт добычи в ценностном выражении.

индустрию с подавляющим значением нефти. Так как все эти группы промышленности (включая нефть, но без горнозаводской промышленности) давали в 1908 г. по всей империи продукции на сумму 4 565 млн. руб., то, следовательно, промышленное производство Закавказья составляло до 5,2% всего промышленного производства страны, а число рабочих этих отраслей промышленности составляло около 3% всего числа фабрично-заводских рабочих России. Сверх того железнодорожных рабочих (считая по 11 человек на версту железнодорожных путей) имелось около 20 тыс.

Отсюда видно, что если не считать крупной бакинской нефтяной и некоторых других видов капиталистической промышленности, то преобладающая часть остальной промышленности должна быть отнесена к мелкой и средней, иногда полукустарного типа (не вошедшей в приведённый учёт). Крупные кадры рабочих (промышленных, железнодорожных и портовых) концентрировались главным образом в Баку и в других промышленных центрах и портах (Тифлис, Батум и др.). В целом же Закавказье представляло собой отсталую аграрную страну с остатками крепостнических и патриархальных отношений.

Такое положение имело глубокие корни в особенностях экономики Закавказья и в характере проникновения сюда российского и иностранного капитала и соотношения с ними капитала национального. Местный национальный капитал, грузинский и особенно армянский, с наступлением эпохи капитализма стал принимать активное участие в строительстве местной капиталистической промышленности. В Тифлисе, как в основном местном культурном и промышленно-капиталистическом центре, в 90—900-х годах образуется ряд более или менее крупных акционерных обществ по марганцевой, каменноугольной промышленности и некоторым другим с участием российского и иностранного капитала, но также со значительной долей участия местного капитала. В 1900 г. в Тифлисе было образовано 14 акционерных обществ с оборотом свыше 9 млн. руб.

Этими чертами Закавказье как отсталая аграрно-колониальная окраина российского капитализма значительно отличалось от других окраин — Сибири, Средней Азии. Хотя на основе иностранного капитала, но — что особенно важно — и с участием местного национального, здесь была создана капиталистическая промышленность, более мощная, чем в других национальных окраинах и по размерам производства и по числу вовлечённого в неё национального пролетариата.

Образование промышленного пролетариата. Вместе с возникновением и ростом фабрично-заводской капиталистической промышленности в Закавказье начинают формироваться кадры промышленного пролетариата. В основном центре крупной капи-

талистической промышленности, в бакинских нефтяных районах, кадры рабочих в конце 90-х годов имели крайне пёстрый национальный состав: русских (преимущественно на работах, требующих более высокой квалификации) было 18—20%, армян — 25—29, иранцев (преимущественно чернорабочих) — 19—21, татар — 12—13% и др. Условия труда на нефтяных промыслах были чрезвычайно тяжёлые: рабочий день фактически продолжался 16—18 час. в сутки; грязь, копоть, удушливые испарения и т. п. создавали крайне вредную для здоровья обстановку. Заработная плата была очень низка, особенно у малоквалифицированных рабочих местных национальностей— тартальщиков, буровых чернорабочих и пр. Не лучше было положение рабочих и в других отраслях промышленности. В Закавказье уже с 80—90-х годов возникает рабочее движение, которое быстро принимает значительные размеры и организованный характер. От бытовых и экономических требований рабочие переходят к требованиям более широкого и политического характера. Таковы были стачки портовых рабочих в Батуме 1882 г., железнодорожные стачки в Тифлисе 1898 г., на табачных фабриках, в железнодорожных мастерских в 1900 г. и др.

С первой половины 90-х годов в Закавказье среди революционно настроенной интеллигенции получают распространение идеи марксизма. В 1893 г. образуется первая марксистская группа («Месаме-даси»). В 1898 г. в неё вступает товарищ Сталин, внеся новое, революционное в жизнь группы. Во главе с товарищем Сталиным в 1898 г. зародилось и оформилось революционное меньшинство этой группы, которое и явилось зародышем революционной социал-демократии в Грузии. В 1898—1900 гг. сложилась и оформилась руководящая центральная социал-демократическая группа, тифлисская организация, в которую вошёл товарищ Сталин. С этого времени выступления рабочих начинают проходить под политическими лозунгами революционного марксизма. Создаются рабочие организации ленинско-искровского направления. В 1901 г. (22 апреля) в Тифлисе состоялась первомайская демонстрация, организатором и руководителем которой был товарищ Сталин. Эта демонстрация оказала огромное влияние на всё последующее рабочее движение на Кавказе и была оценена ленинской «Искрой» как исторически знаменательное событие.

В 1901 г. создаётся во главе с товарищем Сталиным Тифлисский комитет РСДРП; в конце этого же года Сталиным создаётся батумская социал-демократическая организация, а в 1902 г. им же проводится первая в Батуме крупная забастовка на заводе Манташева. В 1903 г. в Баку проводится первая всеобщая забастовка. В 1904 г. товарищ Сталин становится во главе большевистских организаций Закавказья, а в 1905 г. в Тифлисе

образуется Бюро большевиков — руководящий центр большевистских организаций Закавказья. В декабре 1904 г. под руководством Бакинского комитета большевиков проводится огромная стачка бакинских рабочих, закончившаяся заключением первого в России коллективного договора между рабочими и нефтепромышленниками и послужившая сигналом для рабочих выступлений по всей России в период первой революции. После стачек бакинского пролетариата, в январе 1905 г., проходит всеобщая стачка в Тифлисе, далее она охватывает все промышленные центры Закавказья, как Чиатуры, Кутаис, Самтреди, Батум. Насколько интенсивно здесь шло стачечное движение, видно из того, что в 1905 г. приходилось стачек на одного рабочего в Баку 4,56, в Тифлисе 4,49. Одновременно с этим во многих районах Грузии, в Гурии и др. возникают крупные крестьянские восстания [1].

После подавления царским правительством первой русской революции революционная борьба рабочих и крестьян идёт на убыль, что было вызвано предательской соглашательской тактикой меньшевиков. Но в этот период реакции 1907—1912 гг. под руководством товарища Сталина выросла, укрепилась и закалилась в борьбе с меньшевиками бакинская большевистская партийная организация, завоевав подавляющее большинство социал-демократических рабочих на свою сторону. К этому времени уже все рабочие районы Баку — Балаханы, Сураханы, Биби-Эйбат, Чёрный город и др. находились под влиянием большевиков. Организованные товарищем Сталиным в 1908 г. крупные забастовки в Баку проходят под большевистскими лозунгами и с общеполитическими требованиями. Баку превратился в цитадель большевизма. Товарищ Сталин вёл ожесточённую борьбу с меньшевиками, защищая ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В своих исторических произведениях «Письма с Кавказа» товарищ Сталин подвергает сокрушительной критике ликвидаторов и выдвигает очередные задачи, осуществлённые позднее на Пражской партийной конференции.

[1] «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», 1949, стр. 389—440.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1914—1917 гг. КРУШЕНИЕ ЦАРИЗМА И КАПИТАЛИЗМА

ГЛАВА XXI

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА РОССИИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Мы должны теперь перейти к рассмотрению последнего этапа в развитии капиталистического хозяйства царской России, именно к его положению и кризису во время первой мировой войны и к его революционному крушению.

Участие России в империалистической войне было естественным следствием тех отношений и деятельности международных организаций финансово-монополистического капитализма, активным членом которых был и русский капитализм. Поэтому все явления военного кризиса капитализма, в особенности в русской хозяйственной истории, должны быть рассмотрены особо, так как они являются не только итогами и заключительным этапом в развитии капиталистического хозяйства России, но и условиями и симптомами общего социально-политического кризиса всей системы российского царизма и капитализма, его агонии и его крушения.

Социально-экономические и политические предпосылки крушения царизма и капитализма в России создавались и выявлялись, конечно, не в трёхлетний период империалистической войны. Они подготовлялись в течение многих десятилетий развития русского капитализма и были обусловлены совокупностью всех тех политических и экономических условий, в которых происходило развитие русского капитализма. Выяснению всех этих условий и было в сущности посвящено всё наше предыдущее изложение.

Но война является «великим ускорителем» всех процессов, всех противоречий общественно-экономической и политической жизни. Это сказалось на результатах Крымской войны, «ускорившей» назревшую необходимость ликвидации крепостничества

и развития капитализма. Это сказалось на результатах русско-японской войны, «ускорившей» и обострившей назревшую революцию 1905 г. Участие в империалистической войне вскрыло гораздо более глубокие социальные, экономические и политические противоречия царской России и российского капитализма и «ускорило» его окончательное крушение. Но мы не смогли бы понять всю сложность этих политических, социальных, экономических противоречий, если бы не рассмотрели всю ту длительную политическую и экономическую подготовку условий и причин, вызвавших длительную войну и предрешивших её исход.

Империалистический передел мира и участие в нём царской России. Та совокупность империалистических противоречий, о которых мы говорили выше и которые, постепенно обостряясь, привели в 1914 г. к развязке мировой войны, в конечном счёте сводилась к борьбе мировых империалистических держав — в первую очередь Англии и Германии — за раздел и передел мира, за захват колоний, за рынки сырья и сбыта, за мировое господство.

Царская Россия принимала в этой борьбе активное участие как видный сочлен одной из группировок враждующих империалистических держав. Поэтому общий вопрос о политике мировых империалистических держав в их борьбе за раздел и передел мира, за захват колоний и об участии в этой политике царской России является одним из важнейших в характеристике российского царизма и империалистического капитализма и для понимания причин и путей их крушения.

Товарищ Сталин в тезисах к X съезду партии об очередных задачах партии в национальном вопросе, говоря об этапах развития национально-колониального вопроса в эпоху капитализма, указывал, что рост капитализма в Европе должен был неизбежно привести к империалистическим войнам. Потребность в новых рынках сбыта, в источниках сырья и топлива, вывоз капитала «...усилили среди господствующих наций старых многонациональных государств стремление не только к удержанию старых государственных границ, но и к расширению этих последних, к подчинению себе новых (слабых) национальностей за счёт соседних государств. Тем самым национальный вопрос был расширен и, в конце концов, слит самим ходом вещей с общим вопросом о колониях, а национальный гнёт из вопроса внутригосударственного был превращён в вопрос междугосударственный, в вопрос о борьбе (и войне) «великих» империалистических держав за подчинение слабых, неполноправных национальностей» [1].

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 17.

В другом месте товарищ Сталин указывал, что «...неравномерность развития капиталистических стран обычно приводит с течением времени к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма, причём та группа капиталистических стран, которая считает себя менее обеспеченной сырьём и рынками сбыта, обычно делает попытки изменить положение и переделить «сферы влияния» в свою пользу — путём применения вооружённой силы. В результате этого возникают раскол капиталистического мира на два враждебных лагеря и война между ними»[1].

Действительно, к началу 70-х годов XIX в. в передовых капиталистических странах произошли важные экономические и политические изменения, способствовавшие переходу их в высшую стадию капиталистического развития. В Европе произошло политическое объединение Германии. То же произошло и в Италии. В США, Японии, России и других странах происходил быстрый процесс уничтожения последних преград, тормозивших окончательное торжество развитых форм капитализма.

Усилилась неравномерность развития капиталистических стран, которая привела к бешеной борьбе империалистических держав за передел мира и за колониальные захваты. Англия, до тех пор являвшаяся промышленной мастерской мира, обладавшая монополией в мировой торговле и колониальной гегемонией, начинает всё более и экономически и политически чувствовать конкурентную борьбу новых империалистических стран за захват колоний, новых рынков сбыта, источников сырья, вывоза капитала. Во всех частях света создались очаги империалистических противоречий: в Африке — за раздел её между Францией и Англией, а впоследствии и Германией; на Ближнем Востоке — в Турции, в Персии — между Англией, Германией, Россией; в Средней Азии — между Англией и Россией за сферы влияния и за раздел Афганистана и Тибета; наконец, на Дальнем Востоке, во всём бассейне Тихого и Индийского океанов — между Англией, Японией, США, Россией за передел Китая и других колоний.

Результаты раздела мира к началу империалистической эпохи и передела его накануне первой мировой войны даёт следующая таблица, составленная Лениным на основе сводок Супана и Гюбнера, о колониальных владениях великих держав (в млн. *км*^{2} и млн. жителей)[2]:

---

[1] *И. В. Сталин,* Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., Госполитиздат, 1946, стр. 6.

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, изд. 4, стр. 245.

	Колонии				Метрополии	
	1876		1914		1914	
	кв. км	жит.	кв. км	жит.	кв. км	жит.
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9
С. Штаты	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0
Япония	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0

	1914	
	кв. км	жит.
Колонии остальных держав (Бельгия, Голландия и пр.)	9,9	45,3
Полуколонии (Персия, Китай, Турция)	14,5	361,2
Остальные страны	28,0	289,9

На границе XIX и XX вв. был закончен *раздел* мира. В дальнейшем мог производиться только *передел* колониального мира путём военной борьбы за колонии.

Из таблицы видно, что во главе империалистических захватчиков колониальных стран уже в 70-х годах XIX в. и особенно к 1914 г. стояла Англия. Она захватила территорию колоний в 100 раз бо́льшую, чем территория метрополии. На каждого англичанина, жителя Британских островов, приходилось 10 «колониальных рабов». Но кроме непосредственных колониальных захватов вооружённой рукой, Англия проникала во все части мира со своими промышленными товарами, вытесняя все другие страны.

На этой почве к началу XX в. в мировой экономике и политике обнаружились особенно резкие противоречия между Англией и Германией. Германский империализм несколько запоздал в своём участии в разделе мира: его колониальные захваты к 1914 г. были сравнительно с Англией и Францией небольшими. Но тем сильнее обострилась конкуренция и экономическая борьба между Германией и Англией за колониальные и полуколониальные рынки сбыта промышленных товаров и захват промышленного сырья. Это основное противоречие мировой экономики и борьба за передел колоний и рынков — в первую

очередь между Англией и Германией — заполняло к началу XX в. все международные отношения и сыграло «...почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны» [1].

Царская Россия принимала самое активное участие в разделе и переделе мира великими державами, в особенности на некоторых его участках.

Территориальная экспансия царизма, как мы указывали выше, происходила в России ещё в ранние эпохи, до промышленного капитализма, приведя к образованию многонационального государства, к образованию внутренних колоний и национальных окраин государства. В царской России имелся обширный фонд «внутренних колоний», которые капитал эксплоатировал, получая от них сырьё для промышленности метрополии и вывозя туда промышленные товары. Колониально-национальный гнёт российского царизма задерживал экономическое развитие национальных окраин и подавлял их культуру.

Несмотря на то что русский капитализм имел обширный внутренний колониальный фонд, его колониальные захваты шли гораздо дальше государственных границ. Военно-феодальный империализм России XX в. характеризовался переплетением интересов царизма и магнатов финансового капитала и приводил к тому, что монополия военной силы и возможность грабить чужие народы восполняла и заменяла монополию новейшего финансового капитала [2]. Экономическое проникновение русского капитализма распространялось на целый ряд полуколониальных стран, которыми была окружена империя по своим южным и восточным границам, — Турцию, Персию, Афганистан и Китай.

В своих внешних колониальных стремлениях русский царизм во второй половине XIX в. и особенно с начала XX в. начинает встречать уже сильное сопротивление со стороны других империалистических держав. На Балканах, в Сербии, на Ближнем Востоке — в Турции, Персии, Средней Азии, Афганистане, на Дальнем Востоке, в Китае — главные конкуренты колониальных захватов царизма, Германия, Япония, Англия, ставили экономические, политические и военные препятствия в осуществлении стремлений царизма и русского капитализма в борьбе за захват колоний.

Исход и успешность борьбы царской России за рынки сбыта и за колонии был неодинаков во всех этих направлениях территориальной и экономической её экспансии. На этой почве царизм в наиболее слабом месте своих империалистических захватов, на Дальнем Востоке, как мы указывали выше,

[1] *И. В. Сталин,* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», «Большевик», 1941, № 9, стр. 4.

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, изд. 4, стр. 104.

подвергся в 1904—1905 гг. крупному разгрому в империалистической войне с Японией за передел Китая, Манчжурии, Кореи. Это была для царской России первая империалистическая война, и в этой войне, как и 50 лет назад под Севастополем, царизм, несмотря на высокие боевые качества русских солдат, обнаружил свою слабость, неумение вести большую войну, обнаружил техническую, экономическую и культурную отсталость обширной империи.

Из империалистических стран, политика которых в отношении к России в дальнейшем получила важнейшее значение, необходимо остановиться на Соединённых Штатах Америки. США, приобретя в 1867 г. от России за бесценок Аляску, смотрели на эту покупку, как на первый шаг захвата русских владений. Позднее, когда финансово-монополистический капитал приобретал в США всё большее господство и решающее значение, агрессивные замыслы против России стали открыто обсуждаться в конгрессе, в сенате, в правительстве и в дипломатических кругах. Так, ещё в 1895 г. генеральный консул США в Петербурге Д. Карел доносил своему правительству, что в России «открываются богатейшие возможности в области предпринимательства и промышленности, а также исключительно выгодные возможности для капиталовложений». Сенаторы США Беверидж и Лодж, побывавши в России со специальной целью разведки, пришли к выводу, что вся Восточная Сибирь на восток от Иркутска составляет «естественный рынок» и «восточную границу» США. Американские капиталисты пытались внедриться в строительство Великого Сибирского пути, сооружаемого русским правительством. Представители крупнейших промышленных и банковских монополий США — Стального треста, Компании сельскохозяйственных машин, железнодорожного треста, химического треста, крупнейшего банка Моргана — хлынули в Россию со своими товарами и капиталами. В 1915 г. экспорт США в Россию превышал импорт в семь раз. В 1916 г. банком Моргана была создана специальная организация «Американская международная корпорация» для систематической эксплоатации народного хозяйства России.

Октябрьская революция разбила все эти планы Моргана и других американских империалистов, а вместе с тем внушила им страх и ненависть к первому в мире социалистическому государству.

Гораздо более значительные и реальные экономические интересы России, русской промышленности и торговли лежали на Ближнем Востоке — в Турции, Иране. Через Турцию шёл жизненно важный для России выход к морским и океанским путям, широкой внешней торговле пшеницей, нефтью, каменным углём, московской мануфактурой. Такое же важное значение

имели и пути через Иран к Передней и Средней Азии, к океанским просторам.

На всех этих ближневосточных путях российский царизм встречал сильнейших и враждебно настроенных конкурентов — Англию, Германию, Австрию, Францию. Длительная империалистическая борьба на Ближнем Востоке Англии и Франции в 1860—1870-х годах была несколько смягчена в связи с германской агрессией, явившейся одним из важнейших моментов и предпосылок в развязывании первой мировой войны.

Необходимо прежде всего отметить, как указывает товарищ Сталин в цитированной выше статье по поводу высказываний Энгельса о внешней политике царизма, что «...со времени Крымского поражения России... самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы». Но всё же «...завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща — не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европы...»[1]

Остановимся несколько подробнее на характере империалистической политики царизма по отношению к отдельным странам Ближнего Востока в период подготовки первой мировой войны.

Наиболее успешной была внешняя политика царизма и русского капитализма в Иране. Но здесь российский капитализм встречался с чрезвычайно большой политической заинтересованностью Англии, смотревшей на Иран как на кратчайший путь в Индию. Русский капитализм сталкивался здесь с конкуренцией прежде всего английской промышленности и английского капитала, а затем германского и французского. В силу близости границ и ряда других преимуществ русский капитал достиг здесь крупных успехов и наибольшего преобладания сравнительно с другими своими конкурентами.

Всё экономическое и политическое влияние царской России сосредоточивалось в северном Иране, наиболее заселённой и культурной части, имеющей наибольшее значение как внутренний рынок, с основными государственными центрами и с массой свободных земель, годных для земледельческой колонизации. Англия, наоборот, интересовалась главным образом южным Ираном, с его значительными нефтяными богатствами и удобными военно-морскими портами в Персидском заливе.

[1] *И. В. Сталин,* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», «Большевик», 1941, № 9, стр. 4, 3.

Насколько значительны были в Иране экономические позиции русского капитализма, видно из того, что объём сбыта товаров всех капиталистических стран Западной Европы, вместе взятых, во второй половине 90-х годов был несколько меньше, чем торговые обороты одной России.

Россия вывозила в Иран главным образом мануфактуру, спички, сахар, посуду, мелкие железные изделия, некоторые инструменты и т. д. В сбыте этих товаров успех российского капитализма был значителен.

С развитием империализма российский капитализм уже не ограничивается только сбытом товаров в Иран. Ещё в 90-х годах в Иране учреждается русский Ссудный персидский банк, вовлекший страну в сферу влияния русского финансового капитала. Далее русский капитал получил концессии на постройку шоссейных и железных дорог (из которых, впрочем, была построена лишь одна линия от границы до Тавриза), а также концессии на разработку угля и нефти. В 1900—1902 гг. Россия предоставляет Ирану два займа на сумму в 32,5 млн. руб. Другими словами, здесь имеет место вывоз капитала — случай довольно редкий в политике российского капитализма. Однако все эти предприятия русского финансового капитала не получили большого развития [1].

В Средней Азии стремление русского царизма расширить свои границы также возбуждало опасения Англии. При занятии в 1885 г. Мерва и при подходе русских войск к границам Афганистана, особенно с занятием ими богатого афганского оазиса Пендже, эти опасения усилились и Англия потребовала приостановки русского движения. После занятия русскими Памира и попыток проникновения под видом «научных экспедиций» в Тибет, считавшийся «в сфере влияния» Англии, эти опасения вновь усилились.

В 1907 г. между Англией и Россией были подписаны соглашения о регулировании взаимных интересов в Тибете, Афганистане, Иране. Соглашение подтверждало признание «суверенитета» Китая над Тибетом. В Афганистане Англия добилась приостановки дальнейшего продвижения царской России, которая охотно на это пошла (так как положение её в Средней Азии было и без того прочным), признав Афганистан «вне сферы» своих интересов.

Наиболее важными были пункты соглашения 1907 г. относительно Ирана, по которым Англия согласилась на разграничение в Иране сфер влияния. По договору 1907 г., заключённому Россией и Англией, весь Иран был разделён на две зоны.

---

[1] Об англо-русском соперничестве в Иране см. *Паркер Т. Мун*, Империализм и мировая политика, 1928, стр. 173—187.

Англия, интересуясь в Иране, с одной стороны, его нефтяными богатствами, а с другой стороны, его военно-морскими южными портами, оставила в своей сфере влияния южную часть Ирана, к югу от линии, идущей от афганской границы до Бендер-Аббаса. Вся же северная часть Ирана, наиболее культурная и имеющая наибольшее значение как внутренний рынок, была оставлена всецело в сфере политического и экономического влияния царской России.

Однако и после соглашения между «союзниками» по разделу Ирана борьба между ними не прекращалась. Дело часто доходило до серьёзных обвинений и острых дипломатических конфликтов.

Если на пути экономического проникновения России в Иран стояла главным образом Англия, то в попытках политического и экономического подчинения Турции российский царизм и капитализм издавна и всегда встречали самый энергичный отпор как со стороны Англии и Франции, так и позднее со стороны Германии. Но Англия до самого последнего момента не пошла на соглашение с Россией о разделении «сфер влияния» в Турции. Поэтому Германия в империалистической борьбе за Турцию накануне первой мировой войны подчинила себе в финансовом, экономическом и военном отношении Турцию как своего союзника.

Являясь полуколонией европейского капитала ещё в период промышленного капитализма, а тем более в позднейший период империалистических захватов, Турция как рынок сбыта товаров стала всё более интересовать и российский капитализм. Экономическое проникновение российского капитала сводилось здесь преимущественно к сбыту продуктов лёгкой промышленности, рынок для которой русский капитализм завоевал благодаря близости и удобству сообщения, дешевизне своей (хотя и низкого качества) продукции и вследствие некоторых других особых условий в сбыте продуктов (например, дешёвый экспорт сахара и муки). Поэтому русский капитал пользовался здесь даже несколько бо́льшим успехом, чем капитал английский.

Во всяком случае в ближайших районах Турции, т. е. прежде всего в Константинополе, как в наиболее крупном центре, а также по черноморскому побережью Малой Азии, отчасти по средиземноморскому побережью, русские товары находили очень широкий сбыт и часто даже господствовали на рынке. Например, в Константинополе отмечалось почти полное вытеснение всех других конкурентов на рынке русской мануфактурой, посудой, сахаром и т. д.

Но и в Турции, в особенности с середины 90-х годов, в связи с необычайным подъёмом германской промышленности русский

капитализм начинает встречать сильнейшую конкуренцию со стороны Германии. Более развитый германский капитализм вывозил сюда не только товары лёгкой промышленности, но и капитал. Он стал быстро захватывать руководящие промышленные позиции в Турции, вытесняя русские товары, кроме тех, которые были вне конкуренции германской промышленности, как мука, сахар. Эти товары продолжали преобладать на рынке Константинополя. Германский капитал добился также руководящего положения в области банков и финансов страны.

Германией была начата постройка прямого железнодорожного пути Берлин — Багдад через Константинополь. Эта дорога угрожала полным экономическим подчинением Германии не только Турции, но и Ирана, Сирии, Месопотамии.

Багдадская дорога своими предполагаемыми ответвлениями на Ханекен — Тегеран захватывала Иран, подходила к русским границам и грозила стать серьёзной конкуренцией русскому капиталу в северном Иране, а ответвлениями на Александретту и Бейрут угрожала английскому влиянию в Египте. Англия и Россия поэтому хотя и безуспешно, но резко противодействовали строительству Багдадской железной дороги. Поэтому «мирные» экономические завоевания Германии в Турции, особенно после постройки Багдадской железной дороги, были очень велики. Но Германия не ограничивалась лишь проникновением германских промышленных изделий на турецкий рынок, захватом торговли, внедрением немецкого финансового капитала во всю жизнь страны, захватом банков, государственных финансов и пр. Она, как всегда, стремилась форсировать свои успехи и разрубить противоречия с конкурентами военной силой, в политическом и военном отношении полностью подчинить себе Турцию.

Агрессивные шаги и военные провокации Германии, особенно умножившиеся в 1905—1912 гг., привели к тому, что после урегулирования в 1907 г. спорных вопросов между Англией и Россией на Ближнем Востоке Россия примкнула к франко-английской Антанте. Таким образом и возникло «Тройственное согласие» — «Антанта» из Франции, Англии и России, чем окончательно было произведено размежевание в будущей мировой войне между империалистическими группами держав.

Германия стремилась во что бы то ни стало развязать войну. В Германии в марте 1913 г. рейхстаг утвердил громадную сумму чрезвычайного сверхсметного единовременного налога в 1 млрд. марок для покрытия военных расходов и увеличения армии на 170 тыс. человек. В ответ на это французский парламент тотчас же принял закон об увеличении срока службы в армии с 2 до 3 лет. Франция предъявила к России требования об увеличении русской армии, ускорении сроков мобилизации её и

ускорении начала военных действий в направлении главного удара на Германию.

В этих же целях французское командование решительно потребовало усиления стратегического железнодорожного строительства. На совещании начальников штабов французской и русской армий в 1912—1913 гг. был представлен план усиления стратегических железных дорог: Брянск — Гомель — Жданка, Орёл — Брест-Литовск, Седлец — Варшава, Батраки — Пенза — Ряжск, Ровно — Сарны и много других. Французская буржуазия охотно давала займы на строительство этих стратегических железных дорог.

Германия и здесь проявила наибольшую инициативу в подготовке и развязывании войны и в приобретении в ней новых союзников. В октябре 1913 г. стало известно, что турецкое правительство, в целях полной реорганизации турецкой армии, заключило с Германией соглашение о присылке особой военной миссии во главе с генералом Лиман-фон-Сандерсом. Вся турецкая армия попадала в руки немцам. Новый союзник, Турция, в предстоящей войне тщательно инструктировался для его новой роли. Константинополь и проливы, вся Турция, фактически были заняты Германией. Протесты России и в этом случае не были поддержаны союзниками, которые, пожалуй, опасались усиления России не в меньшей мере, чем усиления Германии. Царская дипломатия ещё раз потерпела поражение и должна была отступить, обнаружив полное военное бессилие и несамостоятельность царской России, принуждённой итти на буксире своих союзников.

Русская военная промышленность накануне первой мировой войны. Так в политике и в международном положении России находила «концентрированное выражение» отсталость экономики царской России. Это была экономика громадной, многонациональной страны с неисчерпаемыми, действительными и потенциальными материальными ресурсами, с большими резервами людской силы, с высокой и самостоятельной национальной культурой, со своей особой национальной экономической системой; страны, имеющей все возможности ставить себе крупнейшие исторические, политические, культурные и экономические задачи.

Но над страной довлела тяжесть отсталого политического строя самодержавия, классового, феодально-крепостнического дворянского господства, «военно-феодального империализма», ставящего далеко идущие политические цели, но не имеющего в достаточной мере реальных материальных и экономических возможностей, чтобы их осуществить. Россия среди других империалистических стран, несмотря на все свои громадные ресурсы, являлась наиболее отставшей в экономиче-

ском отношении страной, «... в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» [1].

Военно-промышленный потенциал России был ничтожен. К началу XX в. Россия давала только 5,5% мирового производства чугуна, 2,3% мирового производства меди, 0,17% цинка, 1% каменного угля, 5,1% хлопка. При таком низком промышленном потенциале российская буржуазия и царизм не могли рассчитывать на успешность экономической конкуренции с более сильными соперниками, а тем более на успешность военной борьбы с ними. Для того чтобы сравняться с ними, русский капитализм должен был пробежать расстояние, отделяющее его от главных капиталистических стран, в самые кратчайшие сроки. Но сделать это своими силами, тем более при крайне неблагоприятных общих экономических и политических условиях царской России, русская буржуазия не была в состоянии.

Военная промышленность, изготовляющая вооружение для армии (ружья, артиллерию, снаряды, патроны, порох и взрывчатые вещества, самолёты и пр.) и флота (военные суда, морскую артиллерию, броню, машины и пр.), по условиям техники вооружения в начале XX в. далеко не всегда могла быть отделена от «мирной» гражданской промышленности (металлургические, проволочные, трубопрокатные заводы, вырабатывающие соответствующие предметы военного снаряжения, хлопковые, бумажномассовые, химические, анилиновых красок, вырабатывающие полупродукты для пороха и взрывчатых веществ и пр.). Однако основное ядро «военных заводов» было всё же специализировано. Значительная часть их была организована в России как казённые предприятия (военные заводы, верфи) и лишь менее значительная часть военной продукции производилась на частных отечественных или иностранных заводах. Но продукция и тех и других явно не удовлетворяла требованиям «большой» войны.

1. *Казённые военные заводы* были одной из главных отраслей государственного капитализма в России. В этом отношении организация военной промышленности России отличалась от других, более развитых капиталистических стран, где преобладающая часть предметов боевого снабжения и военного снаряжения производилась на частных заводах. Такое положение обусловливалось в России слабостью развития в период промышленного капитализма вообще металлообрабатывающей промышленности и в частности военной. А между тем это обстоятельство получало для ведения «большой» войны громадное зна-

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 22, изд. 4, стр. 246.

чение, так как западные капиталистические страны имели в частной военной промышленности обширный резерв для военного производства. В России же для ведения войны приходилось ориентироваться главным образом на казённые заводы.

Казённая военная промышленность была предметом особых «забот» казённых ведомств, военного и морского, и их многочисленного чиновничества. Она же привлекала своими обширными и хорошо оплачиваемыми заказами как русских, так и иностранных капиталистов. «Секретность» и безгласность царили в ней вместе с бюрократизмом, взяточничеством, безответственностью. Для иностранного шпионажа она представляла удобное поле разведок, поэтому редко какой из «секретов» вооружения не был известен иностранным штабам. Даже третьеиюньская Государственная дума и крайние правые в ней резко отрицательно относились к военно-ведомственным порядкам. Гучков ещё по поводу сметы на 1908 г. говорил, что «бюрократический строй ... нигде не свил такого прочного гнезда, как в военном ведомстве». В той же Государственной думе кадет Ефремов прямо заявлял, что «военное ведомство — опасность для обороны отечества». Во главе управлений и штабов военного ведомства часто стояли безответственные лица царской фамилии (например, во главе главного артиллерийского управления — великий князь Сергей Александрович и др.), военным министром был взяточник Сухомлинов. Колоссальное даже по масштабам царской России взяточничество и хищения в военном ведомстве оставались безнаказанными.

Казённые заводы основной военной промышленности (оружейные, артиллерийские, пороховые и пр.) по своей численности к началу XX в. увеличились мало сравнительно с серединой XIX в. При незначительном развитии частных заводов военной промышленности, продукция отечественной военной промышленности была недостаточна даже по отсталым «нормам» расчётов расхода вооружения во время войны. Значительная часть вооружения заказывалась за границей.

Громадное большинство казённых военных заводов было основано ещё в начале и в конце XVIII в. Хотя впоследствии эти заводы много раз переоборудовались, особенно в 90-х годах, однако обладали далеко не первоклассным техническим оборудованием и невысокой производительностью. Достаточно в качестве примера указать, что на Казанском пороховом заводе до 1887 г. применялась конная тяга и лишь в 1888 г. она была заменена механической. К производству бездымного пороха русские заводы (Охтенский, Казанский, Шостенский) перешли лишь в 1894—1896 гг. В 1912 г. было решено приступить к постройке четвёртого порохового завода в Тамбове и усилить

производительность старых заводов, доведя её до 380 тыс. пудов в год. Насколько это не удовлетворяло потребностям войны, видно из того, что потребность в порохе в 1916 г. Ставка определяла в 700 тыс. пудов в месяц [1].

Казённые орудийные заводы (пушечные, снарядные, патронные, оптических приборов и пр.) также не обладали сколько-нибудь высоким техническим оборудованием. Заводам не разрешалось выписывать из-за границы усовершенствованных заграничных станков, и они принуждены были пользоваться малопроизводительными русскими станками. Только накануне войны, в 1911 г., им было предоставлено право выписывать заграничные станки, в связи с чем многие заводы (Обуховский, Пермский и др.) значительно повысили выпуск продукции.

Другим недостатком казённых военных заводов (так же как, впрочем, и многих частных) была недостаточная специализация. Так, один из наиболее хорошо оборудованных заводов, Обуховский завод в Петербурге, выделывал самую разнообразную продукцию — пушки разных калибров до 100—250 штук в год, лафеты образца 1902 г., броневые плиты, мину Уайтхеда, ружейные стволы, снаряды, оптические военные приборы и пр. При таком отсутствии специализации завод был принуждён часто переоборудоваться. Продукция его обходилась крайне дорого, была большая задолженность, завод требовал крупных субсидий. Высокая техническая точность в производстве военного оборудования, доходящая до сотых и тысячных долей миллиметра (например, для пулемётов 0,05—0,01, для винтовок 0,127—0,025 *мм*), часто не соблюдалась, что вызывало затруднения во взаимозаменяемости запасных частей [2].

Многих видов вооружения, уже вводившегося в армиях Запада, русские казённые заводы вовсе не производили — не было зенитных орудий [3], авиационных моторов, бомбомётов, миномётов; пулемёты производились единицами. Даже винтовок ружейные заводы производили в недостаточном количестве не столько вследствие недостаточной производственной мощности, сколько по ошибочным заниженным штабным расчётам «норм» расхода в войне и вследствие сокращения запасов из-за экономии средств. В 1911—1913 гг., при общей максимальной производительности всех ружейных заводов в 625 тыс. винтовок в год, наряды заводам давались на 10—15% их производительности. Считалось, что запасы винтовок к 1914 г. до 4 млн. штук будут достаточны, тогда как война в первые же годы

[1] ЦВИА, Доклад начальника ГАУ военному министру, 1916 г., № 165392, ф. Особого совещания по обороне, д. 246.

[2] ЛОЦИА, ф. № 112 Обуховского завода, св. 174, д. 1442, л. 89—90.

[3] Только для охраны Ставки их было выписано из-за границы около 200 штук.

потребовала 8 млн. винтовок, а дальнейшая мобилизация при значительных потерях — до 17,7 млн. штук.

Ещё хуже обстояло дело с производством патронов всех видов (ружейных, пулемётных и пр.). Даже исходя из крайне заниженных норм потребности в патронах по опыту русско-японской войны потребность в запасах патронов исчислялась около 3,5 млрд. штук, тогда как запасы патронов были 1,6 млрд. штук. Из-за недостатка ассигнований и невозможности вследствие этого развить патронную промышленность нормы необходимых запасов постепенно снижались, а патронная промышленность снижала свою продукцию. Только в 1912 г. производство патронов было доведено до 600 млн. штук в год, но тем не менее к августу 1914 г. запасов трёхлинейных патронов оказалось всего 2,4 млрд. штук.

Казённые заводы военной промышленности подлежали строгому бюрократическому контролю и управлению. Всякая производственная инициатива стеснялась, всякие усовершенствования глушились, производственные планы и выбор образцов вооружения задерживался из-за бесконечной волокиты во всевозможных проектных и утверждающих инстанциях. Так, проектирование осадных пушек и гаубиц производилось в течение нескольких лет из-за споров между русским Путиловским, французским Шнейдера и германским Крупповским заводами. Проектирование и испытание 34-секундных дистанционных трубок продолжалось 10 лет, и война застала русскую артиллерию с 22-секундными трубками, между тем как французские заводы в 1909 г. предлагали трубки в 37 секунд, позволяющие стрелять на 7 вёрст. Взрыватель к 3-дюймовым фугасным снарядам задержался в производстве 5 лет и пр. [1]

2. Другой группой предприятий военной промышленности являлись *частные военные заводы* по производству разнообразных предметов военного снаряжения и оборудования. Частная военная промышленность, также имевшая большую давность (ещё с XVIII), в наибольшей степени стала развиваться с конца XIX и начала XX в. Первоначально бóльшая часть этих частных заводов не специализировалась исключительно на предметах военного снаряжения, а производила предметы для гражданских сооружений: наряду с пушками, артиллерийскими снарядами, броневыми плитами, военными судами производились также и рельсы, вагоны, паровозы, сортовое железо, мосты, торговые суда и пр.

[1] О работе и производительности отдельных казённых заводов военной промышленности см. богатый материал у *А. А. Маниковского,* Боевое снабжение русской армии в мировую войну, изд. 1930 г., а также в диссертации *Миндарева,* Военная промышленность России в первую мировую войну, на основе архивных данных ЦВИА.

Особенно быстрое развитие частной военной промышленности и переход её почти на исключительное производство предметов военного оборудования пошло со времени подъёма 1909—1913 гг. в связи с усилением подготовки к войне, перевооружением армии, обширной судостроительной программой по восстановлению флота, а также и в связи с громадной концентрацией и монополизацией промышленности и внедрением иностранного финансового капитала. В эти годы многие частные металлургические и металлообрабатывающие предприятия в погоне за обширными и хорошо оплачиваемыми заказами, за прочным и постоянно увеличивающимся рынком стали почти полностью переходить на военное производство, становясь важнейшими арсеналами военного ведомства.

Основным ядром частных заводов военной промышленности были металлургические и металлообрабатывающие предприятия, изготовлявшие разного рода артиллерийское снаряжение, заводы пороховых и взрывчатых веществ, а также судостроительные предприятия. В гораздо меньшей степени были милитаризированы заводы, изготовлявшие предметы интендантского снаряжения (обувь, обмундирование и пр.). Эти предметы в мирное время поставлялись в военное ведомство гражданскими заводами в порядке поставок, и только во время войны некоторые из них почти полностью переводились на военное производство.

Перед первой мировой войной, в 1909—1913 гг., среди металлургических и металлообрабатывающих заводов выделилась мощная группа крупнейших частных акционерных обществ и предприятий, специализировавшихся почти целиком на предметах артиллерийского и связанного с ним снаряжения и оборудования. Наиболее крупными из них были: общество Путиловских заводов (пушки, лафеты, артиллерийское снаряжение); Русское общество для производства снарядов и военных припасов (бывш. иностранное предприятие «Парвиайнен»); Русское общество артиллерийских заводов (организовано в 1913—1914 гг. английской фирмой Виккерс, начавшей во время войны строить Царицынский пушечный завод); Общество Брянских заводов (артиллерийское снаряжение); Общество механических, гильзовых и трубочных заводов Барановского, Тульские ружейные и патронные заводы и др. Из заводов пороховых и взрывчатых веществ наиболее крупными были Русское общество для выделки пороха, пороховые заводы Барановского и Шлиссельбургский.

Значительную роль частные заводы играли в строительстве и в оборудовании военного флота. Здесь образовалась ещё более мощная и сплочённая группа, объединённая капиталом русских и иностранных банков и иностранными мощными монополистическими трестами. В 1908—1913 гг. началось усиленное

восстановление флота по «малой» и «большой» строительной программе, предполагавшейся к осуществлению к 1917 г. [1] На судостроение и переоборудование военных судов было ассигновано по смете морского министерства в 1908 г. 36 млн. руб., в 1909 г. — 34,5 млн., в 1910 г. — 49,1 млн., в 1912 г. — 113,7 млн. руб., т. е. за 4 года ассигнования возросли в 3 с лишком раза. Кроме того, на портостроительство в 1912 г. было ассигновано 90 млн. руб. и на улучшение старых портов (Петербургского, Либавского, Одесского, Николаевского и др.) 33 млн. руб.

Это явилось новым поводом для ажиотажа и банковского грюндерства, для основания новых частных заводов и верфей. Происходила реорганизация и расширение старых заводов и верфей: бывш. завода Берда (основанного в начале XIX в. и затем реорганизованного в Акционерное общество франко-русских заводов), бывш. завода Семянникова (основанного в середине XIX в., купленного Путиловским заводом за 9 млн. руб. и реорганизованного в Общество Невского судостроительного и механического завода, с правлением, почти целиком состоявшим из немцев), Крейтона (Охтенское адмиралтейство), Ланге в Риге и пр. Возникали новые крупные судостроительные заводы, организуемые банками: Общество Русско-Балтийских судостроительных заводов (Азиатский банк, с капиталом в 15 млн. руб., преимущественно французским), Русское судостроительное общество (Международный банк, 10 млн. руб., немецкие капиталы), Общество Николаевских верфей (бельгийское общество, реорганизованное Международным банком, 7 млн. руб.), Общество «Ноблесснер» (Судостроительное общество «Петровская верфь», образовавшееся для исполнения заказов заводу Нобеля — на подводные лодки и Лесснера — на мины и вооружение, с немецким капиталом в 3 млн. руб.), Общество «Русский Уайтхед» (организовано как дочернее предприятие немецким заводом Лесснера) и др. К этим специально военно-морским заводам примыкал ряд металлообрабатывающих и механических заводов, бравших военно-морские заказы— русский Путиловский, немецкие Беккера, Гартмана и др.

Все эти крупнейшие предприятия военной (артиллерийской, снарядной, взрывчатых веществ, судостроительной и пр.) промышленности носили наиболее ярко выраженные черты типичных предприятий финансово-монополистического капитала. В этом отношении русские «торговцы смертью» — орудиями войны и разрушения — шли лишь вслед за своими старшими и более мощными западными собратьями — Круппом, Шнейдером, Виккерсом, Армстронгом. Все крупнейшие частные,

[1] ЦГАНХ, ф. Министерства торговли и промышленности, № 67, Всеподданнейшие доклады за 1912 г., ч. II.

«русские» по названию, предприятия военной промышленности находились в финансовом отношении под преобладающим влиянием иностранных банков и иностранных капиталов. В производственно-техническом отношении они в громадной степени зависели от крупнейших в России иностранных предприятий военной промышленности. Так, Русское общество для производства артиллерийских снарядов и военных припасов было реорганизовано из единоличного предприятия («Парвиайнен») группой банков во главе с Русско-Азиатским (французские капиталы) и французской фирмой Шнейдера. Русское общество артиллерийских заводов — Международным банком (немецкие капиталы) и английской фирмой Виккерса. Заводы Русского судостроительного общества, Николаевских верфей, «Ноблесснер» и др. находились в руках немецких капиталов и банков и пр. Русские банковые дельцы, как Плотников, Утин, Путилов, Давыдов, совместно с их иностранными коллегами (как Вебер, Ландсгоф, Верстрат и др.) заседали в правлениях русских банков и по их указке управляли русской частной военной промышленностью.

Крупные пакеты акций этих «русских» частных заводов военной промышленности находились в руках немецких банков и фирм — Круппа и др. Некоторые военные предприятия представляли по существу филиалы или сборочные отделения иностранных, особенно немецких, заводов. Так, Рижский машино- и судостроительный завод Ланге во время кризиса прогорел и задолжал казне 600 тыс. руб. По докладу Главного управления торгового мореплавания (великий князь Александр Михайлович) было решено взять завод в казну, с задолженностью на 1 января 1904 г. в 783 тыс. руб. Для «поддержания завода», которому «покровительствовало» Главное управление торгового мореплавания, ему было перед русско-японской войной заказано 8 минных крейсеров. Завод заказа не выполнил. По существу завод представлял собой лишь сборочное отделение немецкой фирмы «Вулкан». Он выполнял заказы настолько плохо, что даже морское министерство отказалось от приобретения этого завода в собственность. Тогда завод пристроился к «патриотическому» обществу «Комитет по усилению флота» для заказов за счёт добровольных пожертвований (после русско-японской войны). Николаем II была дана этому заведомо недобросовестному и подозрительному обществу «правительственная гарантия» [1]. Заводы Беккера представляли собой дочернее предприятие франко-германских фирм Норман-Шихау; Балтийский и Франко-русский заводы строились и находились

[1] ЦГАНХ, ф. Министерства торговли и промышленности, № 23, Всеподданнейшие доклады министра торговли и промышленности за 1905 г.

под руководством иностранных фирм Виккерса, Браун-Бовери. Завод «Феникс», взявший заказ на постройку башен для миноносцев по патенту французской фирмы Шомон, неожиданно перешёл в руки немецкого Учётного и ссудного банка и немецких фирм.

В этом отношении особенно интересна деятельность и работа наиболее крупного и наиболее «русского» военного завода — Путиловского. Реорганизованный в 1868 г. (на месте старого, основанного ещё в 1789 г. шотландским инженером Госкойном) русским инженером Путиловым, завод вначале изготовлял разнообразную продукцию — рельсы, паровозы, вагоны, металлические конструкции, цистерны, инструментальную сталь, пушки, щиты к ним, снаряды и пр.

После промышленного кризиса 1900 г. завод стал сосредоточиваться на выполнении более выгодных и обеспеченных правительственных военных заказов — на артиллерийских орудиях, артиллерийском снаряжении, лафетах и пр. Путиловским заводом была произведена большая работа по перевооружению русской артиллерии и были изготовлены пушки образцов 1900 и 1902 гг., принятые тогда же для вооружения русской армии. В 1907—1914 гг. было налажено производство тяжёлых полевых 42-линейных пушек, 6—8-дюймовых гаубиц, 11-дюймовых мортир и др.

В годы франко-русского союза и перед империалистической войной Путиловский завод сделался наиболее крупным арсеналом военного ведомства, «русским Крезо». В 1909—1910 гг. новый энергичный директор, делец и финансист Путилов (однофамилец старого), и банки, патронировавшие завод, произвели реорганизацию завода. Выпуском новых акций завод приобрёл с помощью капиталов Шнейдера-Крезо Невский судостроительный завод. Велись переговоры о дальнейшем объединении с Брянским заводом, с Русским сталелитейным и механическим заводом в Петербурге (с участием австрийско-чешских заводов Шкода) и пр. Создавалась мощная международная организация, возглавляемая французскими банками и французским трестом металлургической промышленности, обещавшая высоко развить русскую тяжёлую военную промышленность.

Когда в 1913 г. под влиянием гонки вооружений русское правительство решило организовать новый крупный пушечный завод и в первую очередь объявило конкурс на крупный заказ 14-дюймовых новых пушек, на конкурс выступили: 1) Русское общество частных артиллерийских заводов, за которым скрывалась английская фирма Виккерса, 2) группа Русско-Азиатского банка — Путиловский завод и французский Шнейдер-Крезо, 3) английская фирма Армстронга. Совет министров по

докладу Сухомлинова и при содействии Коковцова по очень сомнительным мотивам отдал предпочтение фирме Виккерса. Путилов проиграл. Но всё же он не унывал, решил расширить завод для производства пушек, чтобы обогнать производство на строившемся фирмой Виккерса Царицынском пушечном заводе. Не получив денег от французских банков и Шнейдера, он резко перекинулся к немцам, вошёл для выполнения заказов по «малой» судостроительной программе (быстроходные крейсеры, 4 дредноута) в сношения с немецкой судостроительной фирмой Блом и Фосс, а для пушек с немецкой фирмой Круппа и с австрийской Шкода. Новый выпуск акций на сумму 15 млн. руб., выпущенный Русско-Азиатским банком, предполагалось через Частный коммерческий банк (за которым стоял Немецкий банк) передать Круппу. Последний становился, таким образом, «хозяином» Путиловского, главного русского частного военного завода.

Слухи о покупке крупнейшего русского военного завода немецкой фирмой Круппа накануне войны в январе 1914 г. поразили не только русское общественное мнение, но и «союзную» и щедрую на займы Францию. В печати, на бирже, в парламентах поднялся необычайный шум. В Государственной думе был сделан запрос. Со стороны Франции последовало дипломатическое вмешательство. Министр иностранных дел Франции Думерг специально вызвал французского посла из Петербурга в Париж, так как, по его словам, известия о покупке немцами Путиловского завода «производят сильнейшее волнение не только в печати, но и в правительственных и парламентских кругах». Думерг настаивал, чтобы русское правительство не разрешало продажи. Русский посол Извольский указывал, что всё это имеет «для нас весьма вредные последствия не только для успеха предстоящего нашего займа, но и в общеполитическом отношении». В английской прессе отмечалось компрометирующее участие в сделке вокруг Путиловского завода также и английских фирм Виккерса, Максима, Армстронга.

Дело кончилось тем, что царскому правительству, которое вело в то время переговоры с Парижскими банками о железнодорожном займе в 665 млн. руб., французскими банками и биржей был поставлен ультиматум: заём пройдёт только при условии отстранения фирмы Круппа от сделки с Путиловским заводом. В Петербург выехала специальная группа французских финансистов, и операция по реорганизации Путиловского завода прошла так: 1) для финансирования Путиловского завода в сумме 34 млн. руб. был создан под руководством Парижского банка консорциум из Русско-Азиатского, Торгово-промышленного банка, заводов Путиловского и Шнейдер-Крезо; 2) в счёт этой суммы Путиловский завод выпускает на 15 млн. руб.

новых акций и на 13 млн. руб. облигаций; 3) 6 млн. руб. ассигнуется на покупку Невского судостроительного завода с изгнанием из правления этого завода немцев [1]. Царское правительство и Путилов уступили: за Шнейдером были оставлены все преимущества производства пушек в России и Путилов подписал с ним соответствующий договор.

Таким образом, все эти международные дельцы — Круппы, Шнейдеры, Шкоды, Виккерсы, Путиловы и пр. — свили прочное гнездо и в царской России, получая громадные прибыли на производстве пушек, дредноутов, снарядов и пр. Интересы национальные и союзные здесь имели мало значения. Само царское правительство почти накануне войны отдавало военные и секретные заказы не только союзникам, но и очевидным в ближайшем будущем врагам. Так, по разоблачениям иностранной прессы, накануне войны в 1913—1914 гг. царское правительство отдало судостроительных военных заказов в Германию больше, чем во Францию и Англию, вместе взятым, чем и возбудило большое недовольство французских союзников.

Действительно, по судостроительной программе 1914 г. заказы за границей на военное судостроение определялись в 68,6 млн. руб., в том числе само морское министерство разместило заказов на 25,1 млн. руб., русские заводы на их оборудование — 43,5 млн. руб. Из этого числа было размещено в Германии 35,8 млн. руб., во Франции — 12,2 млн., в Англии — 10,7 млн. и в прочих странах — 9 млн. руб. [2] Все заказы в Германии до начала войны так и не были выполнены. Но взятки высших царских чиновников, покровительство Германии со стороны лиц царствующей фамилии, включая самого Николая II и его жену Александру, процветавший на этой почве немецкий шпионаж — покрывали всё. Например, только после начала войны был арестован по подозрению в шпионаже бывший много лет директором Путиловского завода Орбановский: у него нашли секретные документы по судостроительной программе, секретные технические условия морского министерства, ряд секретных сведений о военных заводах, которые он передавал немецкой шпионской организации, существовавшей в России под вывеской торговой фирмы Кунст и Альберт.

Всё это привело к тому, что Россия оказалась не только совершенно не подготовленной к войне в отношении вооружения, но и все её военные планы и тайны были заранее и хорошо известны её врагам.

---

[1] Обширная документация по этому шумному делу в архиве НКФ, бывш. Особенная канцелярия по кредитной части, отд. II, сп. 1, 1914 г., ф. Путиловского завода, д. 189.

[2] Архив НКФ, бывш. Особенная канцелярия по кредитной части, отд. II, сп. 1, 1914, № 189.

Но история ставила перед страной такие задачи, отказ от которых угрожал национальному существованию и политической независимости народа. Эта угроза уже и тогда, несмотря на всю империалистическую сущность назревавшего мирового военного столкновения, шла в первую очередь от империалистической Германии. Германский империализм уже и тогда угрожал национальным расчленением России, уничтожением национальной самостоятельности её экономики и культуры, её порабощением. Но и империалистические союзники России не только не стремились встать на защиту её национальных интересов, не только стремились их всячески урезать, но и требовали подчинения политических и военных интересов России их собственным интересам.

Вопрос о войне был к 1910—1913 гг. уже решён. Нерешённым оставался только вопрос о времени открытия военных действий. Германия, наиболее готовая к войне и создавшая, по её мнению, наиболее благоприятную для себя политическую обстановку, надеясь на устранение от войны Англии, стояла за немедленную войну. Балканы были всё время главным, не потухающим очагом пожара войны. В этом очаге предлог для развязывания мировой войны нашёлся — им послужил выстрел в Сараево.

ГЛАВА XXII

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

В России война должна была вызвать громадное напряжение всех народных сил, так как царская Россия при своей экономической и технической отсталости не была подготовлена к большой империалистической войне. Участие России в мировой войне потребовало от народного хозяйства страны напряжения всех её производительных сил, прежде всего отвлечения от производительной деятельности непосредственно на войну свыше 15 млн. человек — наиболее здоровой и молодой части населения. Она потребовала полного приспособления для нужд войны всех отраслей промышленности — металлургической, химической, топливной, текстильной, пищевой и пр., — а также громадного напряжения сельского хозяйства. Транспорт и в особенности железные дороги должны были в подавляющей

мере обслуживать нужды войны. Война требовала напряжения государственного бюджета и всего народного хозяйства. Происходила полная милитаризация всего народного хозяйства, быстро подтачивавшая производительные силы страны и тем самым разрушавшая экономическую базу ведения войны.

В то же время война, как наиболее острое выражение борьбы империалистических государств за передел мира в интересах финансово-монополистического капитала, естественно, должна была привести к тому, что экономическое господство финансово-монополистического капитала ещё более усиливалось. Оно открыто направлялось на государственное регулирование промышленной, сельскохозяйственной и финансовой жизни страны, а сама финансовая олигархия всё более сращивалась с государственным аппаратом. В этом сказывались уже предвестники общего кризиса капиталистической системы, когда монополистический капитал, в своём стремлении к мировому господству и к переделу мира, мог достигать этого только вооружённой рукой государства, развязывая мировые войны.

Эти агрессивные стремления империалистического капитализма во всех странах и особенно в Германии, которой принадлежала инициатива развёртывания империалистической войны, прикрашивались национализмом, шовинизмом, громкими эпитетами «борьбы за национальное существование», за «жизненное пространство» и пр. В действительности в некоторых странах, особенно в России и балканских славянских государствах, национальные интересы уже тогда подвергались, как мы указывали выше, большой опасности со стороны противославянской агрессии Германии. Но во главе всех воюющих стран стояли реакционные империалистические правительства, которые не признавали за народами права определять свою судьбу.

Только Октябрьская революция разоблачила до конца империалистический характер первой мировой войны и внесла в политический ход войны новые принципы освободительной войны угнетённых и зависимых народов и самоопределения наций.

В социально-экономическом отношении первая мировая война вместе с колоссальным расхищением производительных сил привела к дальнейшему усилению монополистических тенденций капитализма. Государственная власть, т. е. фактически финансовая олигархия, овладевшая государственным аппаратом, во всех странах пыталась регулировать всю экономику страны, всё её производство, снабжение и распределение продуктов. Во всех странах проводилась милитаризация промышленности и притом тем более полно, чем более концентрированный и монополистический характер она носила до тех пор. Даже

в цитадели промышленной свободы, в Англии, «закон о защите страны» давал правительству возможность полного распоряжения всем производством. То же самое наблюдалось во Франции, Германии, США.

Сращивание государственной власти с промышленным и финансовым капиталом выражалось везде в установлении ряда монополий, в государственно-капиталистическом контроле над производством, в образовании смешанных обществ, где наравне с крупным финансовым капиталом пайщиком и акционером являлось государство. Даже сельское хозяйство частично подпало под влияние государственного регулирования путём установления государственных монополий (например, монополия хлебной торговли), установления твёрдых цен. Это означало законченную систему военно-государственного капитализма.

Империалистическая Россия пыталась также при помощи ряда экономических и финансовых мероприятий приспособить свою промышленность к военным задачам. Но как мы увидим далее, результаты всей системы военно-государственного капитализма, государственного регулирования промышленности, торговли, сельского хозяйства, снабжения, народного продовольствия были совершенно неудовлетворительны. Ко времени Февральской революции народное хозяйство России переживало картину полного развала.

1. Мобилизация и военная организация промышленности

Начало военных действий и перестройка промышленности. Несмотря на то, что «большая война» была предрешена уже давно, царская Россия экономически была совершенно к войне не готова. Правительство не имело никакого заранее разработанного плана мобилизации промышленности, да и не сознавало необходимости в нём, так как не предвидя громадных масштабов и длительности войны, оно рассчитывало вести военные действия за счёт накопленных в мирное время мобилизационных военных запасов. Технико-экономическая отсталость России сказывалась именно в тех отраслях промышленности, которые наиболее тесно были связаны с ведением большой современной империалистической войны — в металлургической и металлообрабатывающей промышленности, по чёрным, цветным и особенно редким металлам, по машино- и автостроению, по электропромышленности и пр.

О производственной подготовке промышленности к войне, о серьёзной её мобилизации никто не думал.

Объявление войны вызвало панику в торгово-промышленных кругах России. Первые два-три месяца войны прошли под

знаком тяжёлого кризиса. Мобилизациями армии и военными перевозками сразу же была нарушена правильная работа транспорта. Сократился товарооборот вследствие приостановки приёма железными дорогами частных грузов. В промышленности царила неопределённость и депрессия. Из-за немедленной мобилизации на войну 5-миллионной армии, встал вопрос о недостатке рабочих рук. Целый ряд товаров, сырья, оборудования, материалов, привозившихся из-за границы, исчез с рынка. Ряд предприятий сокращал производство, некоторые вовсе закрывались, особенно производившие так называемую мирную продукцию. Например, по данным Прокоповича, текстильные фабрики ввиду недостатка рабочих рук, топлива, сырья, красок и пр. в первые же недели войны сократили производство на 50—60% [1]. В других производствах закрытие фабрик приняло также значительные размеры из-за недостатка рабочих, привозного сырья, материалов, наконец, из-за недостатка оборотного капитала в связи с нарушением кредитных операций.

Уже в течение первого года войны Россия потеряла значительную часть своей территории, притом наиболее промышленно развитую — польские губернии. В варшавском промышленном округе, который в первую очередь был занят немцами, перед войной насчитывалось, по данным фабричной инспекции, 4 189 промышленных предприятий с 353,4 тыс. рабочих. Во всех польских губерниях, как в прифронтовой полосе, промышленные предприятия со времени начала войны резко сокращали свою продукцию, закрывались. С продвижением фронта они попадали в руки неприятеля и лишь ничтожная часть эвакуировалась в глубь страны. Поэтому уже в сентябре 1914 г. на 32 обследованных наиболее крупных промышленных предприятиях Варшавы с 7 тыс. рабочих осталось только 4,5 тыс. рабочих, а число рабочих дней сократилось на 64%, к ноябрю же 1914 г. в районе Варшавы из 64,8 тыс. рабочих было безработных 40,8 тыс. [2] В целом по России, по данным ЦСУ, число рабочих, занятых в промышленности, сократилось с 2 319 тыс. в 1913 г. до 1 960 тыс. в 1914 г. и 1 922 тыс. в 1915 г., а по отдельным отраслям наиболее значительное сокращение было в промышленности по обработке хлопка с 566 тыс. до 479 тыс., по обработке шерсти с 166 тыс. до 86,9 тыс., в железоделательном производстве с 102 тыс. до 90 тыс. [3] Общие потери промышленности, вследствие занятия неприятелем западных губерний,

---

[1] *С. Н. Прокопович,* Война и народное хозяйство, стр. 165.

[2] «Труды Комиссии по борьбе с дороговизной», вып. III, стр. 213—214 и ежегодник «Речи» за 1915 г., стр. 463.

[3] «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. I, ЦСУ, М. 1921, стр. 37—38.

достигали 19—20%, а по некоторым отраслям ещё больше — по текстильной — до 25—28, по химической — до 22—23%.

Эвакуация промышленных предприятий. С начала войны и особенно в 1915 г. встал остро вопрос об эвакуации промышленных предприятий из западных губерний (Польши, Прибалтики), где был сосредоточен ряд важнейших отраслей (Домбровская каменноугольная и железорудная промышленность, текстильная промышленность Варшавы, Жирардова и Лодзи, варшавская машиностроительная промышленность, ряд предприятий металлургической и резиновой промышленности в Риге и др.). Эвакуация наиболее крупных предприятий и запасов сырья началась ещё осенью 1914 г. Все расходы по эвакуации ложились на казну за счёт военного фонда. Часто местные правительственные эвакуационные органы слишком щедро, не считаясь с интересами войны и народного хозяйства, выдавали предпринимателям казённые средства и безвозвратные ссуды на производство эвакуации. А предприниматели, получив ссуду, оставляли своё предприятие на месте до прихода немцев, как это часто бывало с рижскими и польскими предприятиями, принадлежавшими немецким фирмам (общество Беккер, «Двигатель» и др.). Эвакуация производилась без всякого плана, по распоряжению военных властей, в спешке, без подготовки в тылу необходимой топливной базы, помещений и пр. Отдельные части предприятий отправлялись в разные концы страны, вагоны, нагруженные оборудованием эвакуируемых фабрик, подолгу стояли без отправки, иногда они разгружались на пути, когда возникала потребность в вагонах, от чего оборудование приходило в негодность и исчезало. Пришлось создать особое бюро по розыску эвакуированных грузов. Впоследствии, в январе 1916 г., была создана при совещании по обороне особая подкомиссия по упорядочению дела эвакуации.

Тем не менее ряд крупнейших промышленных предприятий был эвакуирован из прифронтовых местностей и был размещён в тыловых губерниях. Например, по официальным данным, из 150 предприятий, эвакуированных из Риги, 47 были размещены в Москве, 20 — в Петрограде, остальные — в Харькове, Нижнем-Новгороде и других городах. Из 160 предприятий, эвакуированных из литовских губерний, было размещено 47 — в Москве, 25 — в Петрограде и пр. На новых местах стали работать: Жирардовская мануфактура из Варшавы стала работать в Москве; Русская Всеобщая компания электричества из Риги — в Харькове; Мануфактура Познанского из Лодзи — в Орле; фабрика Ж. Бормана из Польши — в Александрове и пр. Много предприятий было размещено в Донецком бассейне, в Поволжье, в Сибири и пр. К 1916 г. считалось, что свыше тысячи крупных предприятий было эвакуировано из западных

губерний, но сколько из них было действительно эвакуировано и приступило к работе на местах — неизвестно. Восстановление деятельности эвакуированных предприятий при описанных условиях происходило очень медленно. Предприниматели, получив правительственную ссуду часто были мало заинтересованы начинать работу или требовали новых многомиллионных ссуд для выполнения военных заказов. По специальному обследованию архивных дел эвакуационной комиссии, произведённому А. Л. Сидоровым, оказалось, что на начало марта 1916 г. эвакуационно-реквизиционный отдел имел сведения всего о 443 эвакуированных предприятий, из которых только 70, т. е. 20%, уже работали, 112 — восстанавливались, положение остальных было неизвестно [1].

Эвакуация промышленных предприятий с запада на восток не получила того значения в создании новой промышленной базы на востоке и в приближении промышленности к источникам сырья, как это впоследствии имело место в Советском Союзе в годы Отечественной войны. Проводимая без всякого плана, лишь под давлением военных обстоятельств, а главное — без предварительной длительной подготовки по созданию новых промышленных центров на востоке, эвакуация промышленности 1914—1916 гг. не получила решающего значения для усиления промышленности в целях обороны страны.

Военно-государственный капитализм и мобилизация промышленности. Империалистическая война должна была привести к значительной перестройке промышленности и к дальнейшей концентрации её. Эта перестройка и приспособление промышленности к военным целям совершалась путём мобилизации промышленности, т. е. приведением её в состояние готовности производить товары и предметы такого качества и в таком количестве, которые настоятельно требуются для ведения войны и для обеспечения правильности функционирования всего народного хозяйства. В условиях капитализма обычно посредником между государством и частными предпринимателями становятся организуемые добровольно или в принудительном порядке различного рода предпринимательские комитеты, которые концентрируют и организуют работу предприятий на оборону, сохраняя свою промышленную инициативу и самостоятельность. Очень часто мобилизация промышленности сопровождается её *милитаризацией*, т. е. переводом всех участников промышленного производства на положение военнослужащих, а самого предприятия — переводом в военное управление. В таком случае государство и его военный аппарат

[1] *А. Сидоров*, Эвакуация русской промышленности во время первой мировой войны, Вопросы истории, 1947, № 6.

полностью берут на себя всё управление промышленностью, устраняя частного предпринимателя или используя и его в качестве военнообязанного.

Широкий путь мобилизации промышленности в первую мировую войну применялся преимущественно в Англии, США, Франции; путь милитаризации был особенно распространён в Германии. В России, кроме того, на нужды войны работали ещё и чисто казённые, государственные предприятия, особенно в горно-металлургической и военно-орудийной промышленности. Все они с началом войны были милитаризированы. С началом же войны были секвестрированы и поступили в государственное управление все, сколько-нибудь крупные, имевшиеся в России предприятия немецких предпринимателей или немецких акционерных обществ. Наконец, и для предприятий, оставшихся в распоряжении частных владельцев и вырабатывавших «мирную» продукцию, устанавливались твёрдые цены, таксы, нормирование снабжения сырьём и топливом и пр.

Всё это требовало большой организационной работы, слаженности государственного и промышленного аппарата, инициативной буржуазии, требовало по существу введения «планового хозяйства», что было невозможно в условиях капитализма. Поэтому государственное регулирование народного хозяйства и мобилизация его на нужды войны даже в таких развитых промышленных странах, как Англия, США, Германия, встречали большие трудности и не всегда приводили к желательным результатам. Чего достигли передовые страны Западной Европы, так это создания военной каторги для рабочих и повышения прибылей для капиталистов.

В России вследствие экономической отсталости не могло создаться экономических предпосылок для успешности мероприятий военно-государственного регулирования хозяйства. Правительственный аппарат, особенно к концу войны, был полностью расшатан и деморализован, буржуазия не имела достаточной общественной и политической силы, чтобы отстоять свои позиции. Поэтому регулирование государством народного хозяйства, мобилизация промышленности и вся система русского военно-государственного капитализма не только не имела больших положительных результатов, но и привела к прямому развалу промышленности.

Военное напряжение промышленности должно было привести к сокращению производств невоенного характера, работающих на свободный рынок и на частное потребление. Приспособление к военным целям коснулось всей «мирной» промышленности, как мелкой, так и крупной, которая стала стремительно сокращать свою «мирную» продукцию, переходя, в особенности в тяжёлой индустрии, в металлургической и металлообрабаты-

вающей промышленности, на производство предметов военного снаряжения, оружия, артиллерийских снарядов, орудий и пр.

После того как прошла промышленная паника первых месяцев после объявления войны и начала военных действий, русская буржуазия начинает усиленно переключаться от обычных «мирных» производств на приспособление их для обслуживания потребностей войны и выполнения военных заказов. Не представляя себе тот грандиозный размах, который примет война, русские промышленники предполагали, что они справятся с обслуживанием нужд войны. Но правительство в лице военного ведомства, повидимому, не особенно надеялось на русскую частную промышленность. По словам председателя Военно-промышленных комитетов Жуковского, правительство «отмалчивалось» в 1914 г. на все предложения промышленников (от Уральского съезда, от съездов представителей промышленности и торговли) о выполнении военных заказов и ориентировалось на казённые военные заводы и на заграничные заказы [1].

Поэтому военные заказы стали поступать в русскую частную промышленность со значительным запозданием. Самодержавное правительство в лице бездарных и продажных деятелей конца царствования Николая II неизменно и упорно стремилось удержать в своих руках всё дело войны и обороны, используя старый и расхлябанный государственный аппарат и опираясь на финансовую поддержку союзников, в принудительном порядке «милитаризируя» всю промышленность, т. е. подчиняя её государственной военной власти. Всякого рода буржуазная «общественность», самодеятельность и «промышленная инициатива» буржуазии всячески устранялись от военного дела.

Правительственные мероприятия шли в первую очередь по линии расширения существовавших до войны казённых заводов, а также постройки новых, особенно со второй половины 1915 г. Но вследствие трудности с доставкой оборудования из-за границы в организации и строительстве новых казённых заводов больших успехов не было достигнуто. Более удачно было проведено предпринятое Главным артиллерийским управлением в 1915 г. объединение промышленности по производству снарядов и по изготовлению взрывчатых веществ. Созданная в этих целях «организация генерала Ванкова» охватила ряд заводов в центре и на юге России и в короткий срок создала крупное производство для обороны, хотя и за счёт сокращения производства сельскохозяйственных машин и др.

После тяжёлого весеннего поражения 1915 г., когда выяснилось катастрофическое положение боевого снабжения армии,

[1] «Труды II съезда Военно-промышленных комитетов», Петроград 1916, стр. 18.

правительство решило усилить свои позиции в регулировании и управлении промышленностью путём создания «особых совещаний» из высших правительственных и военных чинов с некоторым привлечением промышленников. Задачей совещаний вначале было «изыскать пути к покрытию замечаемого в армии недостатка некоторых предметов артиллерийского снабжения». Впоследствии число и функции этих «совещаний» умножились и расширились и они стали регулировать все основные отрасли хозяйственной жизни.

Правительственные органы регулирования народного хозяйства. Первыми, специально созданными правительственными органами для регулирования различных сторон хозяйственной жизни, связанных с войной, были: комитет по распределению топлива (4 марта 1915 г.), главный продовольственный комитет при министерстве торговли и промышленности (19 мая 1915 г.), комитет по перевозкам военного времени и др. В основном эти комитеты интересовались не столько вопросами производства и его увеличения, сколько распределением, перевозками, снабжением, вводя в них централизованный разрешительный порядок и тем самым ещё более усиливая затруднения в распределении и снабжении топливом, материалами и пр. Тогда же возникает ряд органов военного снабжения, часто с совершенно параллельными функциями, дублирующими деятельность других органов (особое совещание по обеспечению армии предметами снабжения, совещание для усиления артиллерийского снабжения действующей армии и пр.).

Очень скоро выяснилось, что все эти «комитеты» и «совещания» своей безответственностью, бесплановостью, бюрократизмом, царившим вокруг них взяточничеством, спекуляцией и пр. только ухудшают дело. После поражения на Галицийском фронте весной 1915 г. катастрофа с производством вооружения и со снабжением им армии обнаружилась со всей силой. Стала ясна необходимость создать централизованные государственные органы, ответственные не только за распределение и снабжение армии всеми необходимыми предметами военного снаряжения и вооружения, но и ответственные за всю постановку промышленного производства этих предметов. По инициативе военного министра Поливанова и после шумных дебатов в Государственной думе было решено образовать четыре «особых совещания».

Особое совещание по обороне по положению 17 августа стало главным руководящим правительственным органом по всем вопросам, связанным с войной. Остальные особые совещания ведали выработкой и объединением мероприятий по продовольствию, топливу, по перевозкам. Состав и организация всех совещаний были очень сложны и громоздки. В каждое из

них входило несколько членов Государственной думы и Государственного совета (а в совещанию по обороне и председатель Государственной думы), представители ведомств в преобладающем числе, небольшое число особо приглашаемых представителей общественных организаций (Центрального военно-промышленного комитета, Земского и Городского союза) и пр.

Организация совещания по обороне включала ряд подготовительных, специальных, исполнительных и местных комиссий (заводских совещаний) и пр. Кроме того, были особые комиссии: по заказам в Америке предметов боевого снабжения, учёту и распределению валюты, Лондонский правительственный комитет и пр. Круг вопросов Особого совещания по обороне был необычайно широк и всеобъемлющ, включая все вопросы, относящиеся к войне, начиная с конкретных вопросов о заказах и снабжении армии теми или иными предметами и кончая общими государственными вопросами, имеющими лишь косвенное отношение к войне.

Наиболее важными для хода войны были вопросы организации и регулирования работы промышленных предприятий и с этой целью — контроль и ревизия старых, организация и постройка новых в России и за границей, реквизиции и секвестр заводов и материалов, непосредственное распределение наиболее крупных заказов русским и заграничным заводам, вопросы, связанные со снабжением армии и перевозками. При преобладающем бюрократическом и военном руководящем составе совещания по обороне, все дела подготовлялись в специальных комиссиях и лишь утверждались совещанием. Само совещание работало без общего плана, от одного частного решения к другому, часто без строгой последовательности и согласованности.

Промышленная буржуазия, заседавшая в совещании в ограниченном числе, фактически имела мало влияния на решение дел. Между тем представители правительства в особом совещании по обороне первоначально попрежнему держались ориентации в деле производства боевого снаряжения и снабжения им армии не на мобилизацию частной русской промышленности, а на казённые заводы, на секвестры частных заводов, на милитаризацию их и на заграничные заказы. Во всём этом Особое совещание, несмотря на свой «высокий авторитет» высшего правительственного органа, не всегда добивалось значительных успехов. Далеко не сразу даже после Галицийского поражения 1915 г., когда полностью обнаружился катастрофический недостаток боевого снабжения армии, правительство признало необходимость широкого привлечения частной промышленности к работе на оборону, которая единственно могла развить свои производительные силы в должных размерах для снабжения армии.

Прибегая к секвестру заводов, правительство встречало сильное сопротивление со стороны влиятельных кругов буржуазии, которым иногда удавалось с помощью закулисных влияний задержать секвестр завода. Так было, например, с секвестром Путиловского завода, вопрос о котором несколько раз пересматривался и отменялся и был решён только в 1916 г. в связи с крупной стачкой рабочих. Были секвестрированы такие крупные заводы как Беккера, Русско-балтийский судостроительный, несколько германских электрических и электротехнических заводов, ряд анилиновых производств, заводы германских акционерных обществ — горнозаводские, проволочные, железоделательные, химические и прочих отраслей промышленности[1].

Не более последовательной была деятельность Особого совещания по организации казённых заводов и по заграничным заказам. Русская промышленная буржуазия всегда протестовала против тех и других. Тем не менее Особое совещание и военное ведомство были принуждены до половины всех заказов направлять за границу. Так, из всех заказов всеми управлениями военного ведомства в 1916 г. на сумму 4286 млн. руб. было дано заказов русским заводам на 2 495 млн. руб., а заграничным на 1 791 млн. руб., или 41,7%, в том числе по артиллерийскому управлению на 1 293 млн. руб., или 54,7% всех заказов. Всего же на 1 января 1918 г. за границу было передано заказов на сумму 3 222 млн. руб.[2] Повидимому эти цифры как в части заказов русским заводам, так и заграничным значительно преуменьшены. Ещё более эти цифры отличаются от действительного получения армией этих заказов, так как даже русские заводы часто их не выполняли, а из заграничных заказов, как правило, не выполнялась значительная часть.

Необходимость прибегать к заграничным заказам была результатом того, что русская промышленность не справилась с изготовлением в должном количестве предметов боевого вооружения армии, как-то: пушек, пулемётов, ружей, артиллерийских снарядов и пр. Казённые заводы, хорошо справлявшиеся с производством некоторых видов артиллерийского вооружения по качеству, в количественном отношении мало удовлетворяли громадному спросу войны, особенно по артиллерийским снарядам, винтовкам и пулемётам.

---

[1] ЦГАНХ, оп. 229, Особые журналы совета министров, 1916 г.

[2] «Россия в мировой войне», изд. ЦСУ, стр. 54—56. Нужно кроме того отметить, что приведённые здесь и в последующем изложении цифры сборника ЦСУ в их абсолютном выражении, повидимому, далеко не полны и неточны (как впрочем и все другие данные военной статистики — ведомственные отчёты, доклады комиссий и даже «всеподданнейшие доклады» министров). Поэтому мы главное внимание останавливаем на относительных (процентных) показателях, которые дают в общем верную картину.

Особому совещанию через специальную организацию академика Ипатьева всё же удалось создать целую отрасль промышленности по производству взрывчатых веществ на базе казённых Охтенского и Самарского заводов в составе 96 мобилизованных русских заводов. Другим удачным начинанием, не связанным, впрочем, непосредственно с Особым совещанием, была упомянутая организация генерала Ванкова по производству артиллерийского вооружения.

Гораздо хуже обстояло дело с производством основного сырья и полупродукта по производству предметов вооружения — с чёрной металлургией. При громадном возрастании во время войны спроса на металл производство его находилось исключительно в руках частной промышленности, притом объединённой в монополистическую организацию «Продамет». Она фактически и определяла положение дела с чёрным металлом. Очень остро обстояло дело с медью и другими цветными металлами. При Особом совещании имелся особый уполномоченный по делам металлургической промышленности и комитет при нём (Расмеко). Комитет и уполномоченный работали в тесной связи с монополистическими организациями («Продамет», «Кровля», «Проволока», «Трубопродажа») и занимались главным образом распределением металла. Они мало влияли на условия производства, поэтому последнее всё более отставало от требований по снабжению армии и всего народного хозяйства.

Остальные совещания — по продовольствию, топливу, перевозкам — имели несколько менее сложную организацию, хотя являлись очень важными для дела регулирования всего народного хозяйства в целях обороны. Они имели ещё более бюрократический, ведомственный характер, так как по существу являлись совещаниями при их председателях — министре земледелия, министре торговли и промышленности и министре путей сообщения. Представительство Государственной думы, Государственного совета и буржуазной общественности имело в них ещё меньшее влияние.

Очень широкие полномочия были предоставлены председателю Особого совещания по продовольствию — министру земледелия. Он руководил всем продовольственным делом страны вне театра военных действий, производил через своих уполномоченных — губернаторов и другие органы на местах закупку всех продовольственных продуктов, производил реквизиции и конфискации продовольственных продуктов, распределял их, назначал твёрдые цены, таксы и пр. Правые землевладельческие круги были недовольны установлением твёрдых цен, и инициатор их министр земледелия Наумов был смещён со своего поста.

Положение с продовольствием, однако, всё более ухудшалось. В половине 1916 г. настоятельно ставился вопрос о

необходимости введения хлебной государственной монополии. Но против неё также возражали влиятельные правые круги аграриев. Законом 10 октября 1916 г.[1] всё дело заготовки продовольственных продуктов для армии и всей страны было возложено на министра земледелия как председателя Особого совещания по продовольствию. В связи с этим был расширен состав органов и комиссий Особого совещания, произведена реорганизация местных его органов в смысле усиления заготовительной работы земств и общественных организаций. Однако и этот закон по настоянию крайних правых и министра внутренних дел Протопопова был отменён, и новый министр земледелия Бобринский был также смещён.

Положение с продовольственным делом ещё более ухудшилось и становилось очень острым. Рабочие, трудящиеся массы голодали. К концу 1916 г. продовольственный кризис дошёл до того, что правительство (министр земледелия Риттих) 29 ноября принуждено было в осуществлении заготовок прибегнуть к принудительной «раскладке» или развёрстке по обязательным правительственным нарядам по губерниям, уездам, селениям[2], т. е. фактически близко к хлебной монополии.

Предполагалось заготовить около 770 млн. пудов (12,6 млн. *т*) продовольственных и фуражных хлебов. Фактически это количество не только не было выполнено, но даже и не было «развёрстано» по селениям. Принудительная заготовка Риттиха полностью провалилась и поставила всю страну и армию перед катастрофой голода.

Особое совещание по топливу было организовано в целях борьбы с топливным кризисом, который обнаружился в стране к половине 1915 г. Несмотря на широкие полномочия в этом отношении, Особое совещание по топливу не вышло в своей деятельности из пределов тех шаблонных приёмов распределения топлива, которые практиковались ведомствами, и почти совершенно не касалось производственных условий каменноугольной и нефтяной промышленности.

В основе этих приёмов лежала разрешительная и очередная система перевозок топлива при сохранении свободы торговых сделок с топливом. Эта система ещё более запутывала снабжение топливом предприятий и открывала широкое поле для спекуляции с вагонами, перепродажей угля и пр. Особенно невыгодно она отражалась на тех предприятиях, которые были внесены в последние очереди, т. е. на предприятиях, вырабатывавших предметы «мирной» промышленности. Твёрдые цены применялись не всегда и не на все виды топлива.

---

[1] СУ, 1916 г., № 283, ст. 2220.
[2] СУ, 1916 г., № 338, ст. 2696.

Ввиду всё ухудшающегося положения с топливом и особенно с каменным углем были выдвинуты проекты «общей реквизиции» угля, концентрации всех сделок с углем в руках государственной организации «Центроуголь», но все они вызвали ожесточённое сопротивление горнопромышленников. Особое совещание по топливу так и не разрешило вопроса о топливе и особенно о каменном угле из-за сопротивления промышленников. 1 августа 1917 г. была объявлена угольная государственная монополия, но фактически и она не была приведена в действие до Октябрьской революции.

Наконец, последний государственный орган для регулирования народного хозяйства, Особое совещание по перевозкам, носил хотя и специальный характер, но должен был иметь важное значение, так как всё снабжение страны и армии продовольствием, сырьём, топливом и пр. упиралось в неудовлетворительную работу транспорта, требуя общих мероприятий. Полномочия, структура и деятельность Особого совещания по перевозкам строились по общему типу этих государственных органов, с большими правами председателя совещания, министра путей сообщения. Как и в других совещаниях, деятельность совещания по перевозкам ограничивалась текущими мероприятиями по регулированию и очерёдности перевозок и не имела никакого общего плана коренного улучшения работы транспорта. Но и в текущем регулировании перевозок мероприятия этого совещания часто сталкивались с мероприятиями и требованиями других совещаний — по продовольствию, топливу, военных властей. Поэтому и здесь правительство не могло предотвратить назревавшую катастрофу с транспортом.

Кроме этих основных и высших правительственных органов по регулированию народного хозяйства, правительственный аппарат обычных министерств за время войны обрастал рядом специальных комиссий по регулированию отдельных отраслей — Комитет по снабжению сырьём хлопчатобумажных фабрик, Комитеты по делам суконной промышленности, по льняной и джутовой промышленности, по кожевенной промышленности, по бумажной промышленности, особая финансово-экономическая комиссия, Лондонский комитет по заграничным заказам и пр.

Таков был сложный и разветвлённый аппарат военно-государственного регулирования и управления народным хозяйством во время войны. Как мы видим, царское самодержавие оказалось совершенно бессильным перед надвигающейся военно-хозяйственной катастрофой.

Общественные организации буржуазии для мобилизации и регулирования промышленности. Идея создания общественной организации буржуазии в виде военно-промышленных комите-

тов была выдвинута на IX съезде представителей торговли и промышленности в мае 1915 г. лидерами крупной буржуазии Рябушинским, Авдаковым, Жуковским. Военно-промышленные комитеты проектировались в целях «общественной помощи» правительству и координирования работы промышленности на оборону в согласии с правительственными планами. Буржуазия была кровно заинтересована в том, чтобы представить империалистическую войну, как войну всенародную.

4 августа 1915 г. было утверждено положение о военно-промышленных комитетах и началось развёртывание сети их в провинции во главе с Центральным Комитетом в Петрограде. Военно-промышленные комитеты были созданы почти во всех сколько-нибудь крупных городах, хотя бы и не имевших предприятий, способных развернуть производство на оборону. В самом ЦВПК были созданы специальные отделы по различным отраслям промышленности, а также врачебно-санитарный, продовольственный, рабочий и др.

Военно-промышленные комитеты объединили в себе всех сколько-нибудь видных деятелей русской промышленной буржуазии во главе с председателем Центрального военно-промышленного комитета с известным октябристом и бывшим председателем III Государственной думы А. И. Гучковым — будущим военным министром Временного правительства. В состав ЦВПК входили такие крупные деятели буржуазии, как Коновалов, Терещенко (оба будущих министра Временного правительства), Рябушинский, Третьяков, Крестовников, Нобель, фон Дитмар, а также некоторые представители инженерно-технического персонала и профессуры и, наконец, на началах «представительства» — по нескольку лиц от областных комитетов, Петербургской и Московской городских дум, от Земского и Городского союза, представители ведомств, Всероссийской сельскохозяйственной палаты, Центрального кооперативного комитета и др.

Таким образом, состав Центрального военно-промышленного комитета, так же как и местных комитетов, был чисто буржуазно-бюрократический. С целью «привлечь рабочих для участия в работе на оборону», заставить их повысить производительность труда на военных заводах, по предложению Гучкова, было решено образовать при ВПК «рабочие группы». Меньшевики поддерживали эту идею Гучкова, большевики энергично выступили против. Они использовали выборы рабочих в ВПК для разоблачения империалистических целей войны, разоблачения буржуазии и меньшевиков. На выборах развернулась ожесточённая борьба между «пораженцами» (большевиками) и «оборонцами» (меньшевиками), во главе которых на петроградских выборах оказался меньшевик Гвоздев. В

результате кампании большевиков выборы были провалены, и из 239 областных и местных ВПК рабочие группы были образованы лишь в 36. Этим был разоблачён чисто буржуазно-классовый характер ВПК, их деятельности, их экономических и политических стремлений.

Практическая задача и деятельность ВПК заключались в «мобилизации промышленности на нужды обороны», т. е. в приспособлении предприятий с прежними «мирными» производствами к производству требуемых для войны предметов, в получении заказов военного ведомства и распределении их между отдельными предприятиями. Но у ВПК собственных предприятий не было, а также не было и капиталов для субсидирования реконструкции предприятий, работающих на оборону, или для снабжения их оборотными средствами, сырьём, топливом и т. п. Поэтому фактически вся деятельность ВПК сводилась к простому распределению заказов среди предприятий, которые уже сами переоборудовались для производства предметов вооружения. Но так как военные заказы давали возможность получения предприятиями сырья и топлива и оплачивались по высоким ценам, то все ВПК и привлечённые ими предприятия стали гнаться за получением возможно большего числа заказов, не считаясь с тем, насколько они выполнимы по характеру оборудования того или иного предприятия. Помимо беспорядочного распределения заказов это обстоятельство приводило к большим недопоставкам, к невыполнению срочных заказов военного ведомства. В целом ВПК было выполнено не более 50% полученных ими заказов, а стоимость выполнения ими заказов не превышала 2—3% от общей стоимости заказов военного ведомства[1].

Это обстоятельство дало повод правительству сокращать заказы ВПК под предлогом невыполнения ими заказов. Со времени начала действий ЦВПК до 1 февраля 1916 г., т. е. за полгода, механический отдел ЦВПК получил заказов на 129 млн. руб., а за год, с 1 февраля 1916 г. до 1 февраля 1917 г., всего на 41 млн. руб. Промышленность, «мобилизованная» ВПК и перестроившая своё производство на изготовление предметов боевого и материального снабжения армии, оказалась в тяжёлом положении из-за отсутствия заказов военного ведомства, должна была сокращать производство, увольнять рабочих. Но на расстройство мобилизованной промышленности влияло не только сокращение заказов. К 1916 г. обнаружились затруднения в снабжении топливом и металлом вследствие падения добычи топлива и производства металлургических заводов,

[1] *Л. П. Погребинский*, Военно-промышленные комитеты, «Исторические записки» № 11, 1941.

полное расстройство транспорта, недостаток в квалифицированной рабочей силе.

Невыполнение заказов ВПК было для правительства лишь предлогом для «ущемления» деятельности их. Дело в том, что «единение» ВПК с царским правительством, провозглашённое при учреждении комитетов, уже к 1916 г. исчерпало себя. «Либеральная» буржуазия из ЦВПК перед лицом полного развала народного хозяйства страны, убедившись в полной неспособности царского правительства организовать «большую войну» и руководить ею, а также видя нарастание революционных настроений у рабочих, всё более становится в «оппозицию» к безответственному правительству и всё более настойчиво требует передачи в свои собственные руки всего дела регулирования промышленности и мобилизации её на оборону.

Правительство, учредив одновременно с ВПК, как общественными органами буржуазии, свои правительственные, чисто бюрократические «особые совещания» и опираясь на них, стремилось полностью взять в свои руки регулирование всего народного хозяйства в целях обороны и в частности полностью подчинить себе мобилизованную и милитаризированную промышленность. Одновременно с этим, связанное условиями заграничных займов, царское правительство организовало в Лондоне особый правительственный комитет для передачи и распределения военных заказов заграничным фирмам. Так из рук промышленной буржуазии уплывали важные военные заказы, а следовательно, и громадные военные сверхприбыли. Полуторагодичная, вплоть до Февральской революции, деятельность ВПК по организации обороны и снабжения армии вооружением и другими предметами имела очень небольшие результаты. Русская буржуазия при тяжёлых объективных условиях положения промышленности и всего народного хозяйства страны и при определённо отрицательном отношении правительства не справилась с поставленными перед ней задачами.

Однако это не был простой деловой конфликт между буржуазией, представленной в ВПК, и правительством. Необходимо указать, что интересы и деятельность ВПК и тех групп промышленной буржуазии, которые в них сосредоточивались и руководили ими, не всегда и не полностью совпадали с интересами других, и притом наиболее влиятельных групп буржуазии. Наиболее крупные предприятия или получали заказы непосредственно от Особого совещания по обороне, или обязывались всю продукцию поставлять военному ведомству (например, все частные медеплавильные заводы), или прямо секвестрировались и переходили в военное управление (Путиловский, Беккера, Тильманса и др.). Крупнейшие частные металлургические предприятия Юга, объединённые в синдикате «Продамет»,

также не были заинтересованы в ВПК, так как имели при Особом совещании по обороне своего уполномоченного и комитет по делам металлургической промышленности (Расмеко), особую организацию генерала Ванкова и др. Эти организации в отношении производства металла и назначаемых цен фактически выполняли волю «Продамета» и его наиболее влиятельных участников-монополистов. При резком подъёме цен на металл и при ажиотаже с казёнными поставками в 1915—1916 гг. эти заводы располагали крупными финансовыми средствами банков, в содружестве с которыми они работали (как, например, Путиловский завод с Русско-Азиатским банком). Они могли свободно организовать свою «работу на оборону» без содействия буржуазной общественности. Эти группы наиболее крупной промышленно-финансовой буржуазии, представители финансового капитала, получали от военной работы своих предприятий колоссальные сверхприбыли и не имели оснований быть недовольными своим «сотрудничеством» с правительством. Попытки ВПК вмешаться в дела металлургической промышленности и в снабжение чугуном окончились полной неудачей.

Не случайно поэтому, что во главе ВПК стояли не представители этих наиболее мощных и влиятельных групп финансового капитала, особенно тяжёлой индустрии (металлургической и топливной), а представители «либеральной» части буржуазии из среды лёгкой (и в значительной части московской) промышленности — Гучков, Рябушинский, Крестовников, Коновалов, Третьяков, Терещенко и др. Правда, наиболее крупные из них (Коновалов, Крестовников, Рябушинский и др.) предпочитали обеспечивать свои заводы заказами также не через ВПК, а непосредственно от ведомственных учреждений и также наживали колоссальные прибыли. Но всё же как лидеры ВПК они видели свою миссию в «объединении» промышленности, в мобилизации «на нужды обороны» главным образом средней и даже мелкой промышленности.

Всего ВПК было «мобилизовано» и привлечено к выполнению казённых заказов до 1300 предприятий средней и мелкой промышленности. Эта масса предприятий без известного общественного содействия не могла бы перестроить своё производство на выделку предметов военного снаряжения. Это придало деятельности этих лиц и возглавляемых ими ВПК «общественный» и «либеральный» характер, вызвав уже не только деловой, но и политический конфликт между ВПК и правительством.

Действительно, из среды этих лидеров ВПК после свержения самодержавия в феврале 1917 г. вышли первые министры Временного правительства (Терещенко, Коновалов) и видные деятели после февральского периода. Именно они вместе с думскими лидерами «прогрессивного блока» из среды промышлен-

ной буржуазии пытались сделать ВПК центрами не только экономической, но и политической работы объединённой буржуазии. На съездах ВПК критиковалась деятельность правительства не только с точки зрения деловых с ним отношений, но и с точки зрения общеполитической, выставлялись требования ответственного министерства, отмены национальных ограничений, расширения прав буржуазии.

Едва ли следует преувеличивать эту политическую работу буржуазии в ВПК, как стремились это показать сами лидеры буржуазии после свержения самодержавия[1] и как на этом основании полагают другие авторы, писавшие о ВПК[2]. Но даже эта «общественность» и очень скромные политические заявления буржуазии сочтены были царским правительством (так же как «зубрами» Государственной думы) «опасными». Департамент полиции обвинял ЦВПК в «конституционных» стремлениях, угрожающих «государственному порядку», и считал нужным принять против ВПК «меры пресечения». Сразу уничтожить ВПК не удалось, но они были поставлены под усиленный полицейский надзор. Было решено прекратить военные заказы им, т. е. фактически ликвидировать их. В январе 1917 г. была арестована «рабочая группа» комитетов.

Так царское правительство расправилось с «патриотическими» стремлениями русской буржуазии помочь армии и стране в «победном» ведении и окончании войны.

Ещё менее удачной была и меньших целей в работе на оборону достигла другая организация, тесно связанная с торгово-промышленными и землевладельческими кругами — Всероссийский земский и городской союз (Земгор)[3]. Земгор возник в июле 1915 г. из объединения двух существовавших организаций более благотворительного, чем делового характера (в помощь больным и раненым воинам и беженцам), — из Союза земств и Союза городов. Как и ВПК, Земгор ставил себе задачей мобилизацию промышленности для нужд обороны, но не более или менее крупной, а мелкой кустарно-ремесленной, и распределение среди неё заказов военного ведомства на простые предметы военного снаряжения — повозки, походные кухни, лопаты, кирки, шорные изделия, обмундирование. Земгор организовал ряд мелких кожевенных, химических, деревообрабатывающих, металлических, пошивочных и прочих мастерских. Но вследствие тех же причин, как и в ВПК

---

[1] Как А. И. Гучков в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии («Падение царского режима», стр. 254).

[2] *А. П. Погребинский,* Военно-промышленные комитеты, стр. 176—182.

[3] *А. П. Погребинский,* К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны, «Исторические записки» № 12, 1941.

(отсутствие сырья, топлива, квалифицированной рабочей силы, затруднения в перевозках), эта деятельность Земгора дала ещё меньшие результаты. Достаточно сказать, что из всех данных Земгору заказов на 74,4 млн. руб. было выполнено всего на 44,7 млн., т. е. 60%, причём не производились самые простые предметы (проволока, топоры, мотыги, подковы и пр., и только рогожи были выполнены на все 100% заказа!).

Политическая позиция Земгора, особенно в части представителей городов, была близка к позиции буржуазии ВПК, а глава Земгора от земства князь Львов после Февральской революции возглавил Временное правительство.

Результаты мобилизации промышленности и работы её на оборону. Каковы же были результаты этих мероприятий правительства и усилий самой буржуазии по мобилизации промышленности на нужды войны?

Перестройка промышленности на обслуживание войны началась по инициативе самой буржуазии тотчас же с началом войны, несмотря на то что правительство не торопилось мобилизовать частную промышленность. Побудительным мотивом к этой перестройке была прибыльность предстоящих казённых и военных заказов, прибыльность помещения всех средств «на дело обороны». Ряд крупных заводов, в первую очередь металлообрабатывающих и машиностроительных, как Сормовский, Коломенский, Брянский и др., начали по собственной инициативе готовиться к переходу от «мирного» производства паровозов, машин, металлических конструкций и пр. к военному производству пушек, снарядов, оружия. Заводы стали заказывать за границей новое оборудование, строить специальные новые здания. Но только к концу 1914 г., т. е. почти через полгода после начала войны правительство вынуждено было обратиться и к русским частным заводам. Поэтому уже в начале 1915 г. отмечается переход ряда производств на работу для обороны и закрытие обычного «мирного» производства.

С ростом потребностей войны и увеличением спроса военного ведомства стали быстро расти и цены. Это усиливало «патриотические» стремления промышленников «работать на оборону». Громадное число предприятий, не только связанных с военным производством, но и не имевших ничего общего с войной, стало стремиться к выгодным военным заказам. Крупные предприятия в спешном порядке приспосабливали свои мастерские к производству пушек, снарядов, гранат, бомб, интендантского оборудования и пр. Заводы по сельскохозяйственному машиностроению (Международная компания жатвенных машин в Люберцах, завод Гельферих-Саде в Харькове и др.) перешли к исполнению военных заказов. Сормовский завод поставил у себя пушечное производство. Хлопчатобумажные фабрики

(Иваново-Вознесенские, Никольская мануфактура Саввы Морозова в Москве и др.) организовали в своих механических мастерских изготовление ручных гранат, обточку снарядов и пр. Саратовские мельницы, нижегородские маслобойные заводы, курские сахарные заводы, даже ювелирная фирма Фаберже и пр. стали изготовлять бомбомёты, снаряды, гранаты, походные кухни, повозки и пр.

Уже к началу 1915 г. в области промышленности обнаружилось значительное сокращение производств, работавших на вольный рынок, в связи с массовой мобилизацией рабочих, а также в связи с сокращением снабжения предприятий топливом и основным сырьём — каменным углем, металлом и пр. Особенно резкое влияние на положение промышленности оказали милитаризация промышленности и приспособление заводов к производству военных предметов, вначале путём частной инициативы предпринимателей для выполнения выгодных военных заказов, а затем в принудительном порядке. Военные заказы уже с осени 1914 г. загружали весь производственный аппарат наиболее крупных металлообрабатывающих и металлостроительных заводов — Сормовского, Брянского, Коломенского и др. Например, производство паровозов на Сормовском заводе сократилось со 117 в 1913 г. до 64 — в 1916 г. и 55 — в 1917 г.

С 1915 г. началось приспособление к военным целям всех сколько-нибудь пригодных металлообрабатывающих заводов, впрочем с небольшим количественным и качественным успехом, вследствие неприспособленности и слабого технического оборудования этих заводов. То же самое, но ещё с меньшим успехом, происходило в химической промышленности, приспособленной под выделку взрывчатых и тому подобных веществ военного употребления. Далее следовали кожевенная и обувная промышленность, текстильная, хлопчатобумажная и шерстяная, начавшие вырабатывать продукты, необходимые для интендантства.

Результаты первого года военной работы промышленности оказались весьма небольшими. Уже к весне 1915 г. было ясно, что российская промышленность не в состоянии удовлетворить нужды фронта, а также — что было не менее важно — и тыла. Чем более усилий затрачивалось на обслуживание нужд фронта, тем больший развал обнаруживался в промышленности, обслуживающей нужды всего народного хозяйства.

Данные разных обследований промышленности во время войны (обследования Ставки, особого совещания по обороне, заводских совещаний, военно-промышленных комитетов, переписи 1918 г. и пр.) по своему содержанию очень неточны и противоречивы, относятся к различному числу предприятий и

разным районам. Но всё же приводимые ниже анкетные данные по значительному числу предприятий до некоторой степени дают возможность воссоздать картину развития и степени военизации промышленности за 1914—1917 гг. Так, из числа 2 290 обследованных предприятий 1800 работало на оборону (в том числе по производству предметов вооружения — 356, военного снаряжения — 248, питания — 783, обмундирования — 458), не работало на оборону 490. Годовая продукция и среднесуточное число рабочих на этих предприятиях исчислялись так [1]:

ГОДОВАЯ ПРОДУКЦИЯ (в млн. руб. по ценам 1913 г.)

Производства	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Работавшие на оборону:					
Вооружения	483,7	558,2	1 087,9	1 448,1	1 028,7
Снаряжения	53,6	57,9	66,3	64,8	48,4
Питания	242,6	271,7	290,3	217,5	132,5
Тканей	875,8	850,0	852,6	742,1	522,1
Не работавшие на оборону	174,6	177,8	170,3	160,8	112,9

ЧИСЛО РАБОЧИХ (в тыс.)

Производства	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Работавшие на оборону:					
Вооружения	160,1	182,8	221,8	272,8	302,0
Снаряжения	20,5	21,2	26,1	27,6	25,9
Питания	63,8	65,1	69,2	69,9	72,6
Тканей	419,8	418,3	409,3	402,8	408,5
Не работавшие на оборону	108,8	107,6	99,7	99,2	103,3

Другими словами, производство предметов вооружения в 1916 г. увеличивалось (принимая 1913 г. = 100) до 229,3% и в 1917 г. до 222,3%; предметов военного снаряжения увеличилось в 1916 г. до 121,2%, но упало в 1917 г. до 90,4%. Производство предметов питания в 1915 г. увеличилось до 120,1%, но упало в 1916 г. до 89,6% и в 1917 г. до 48,8%. Производство тканей сократилось к 1916 г. до 84,7% и в 1917 г. — до 59,6%. Выработка на 1 рабочего (в постоянных ценах 1913 г.) как

[1] «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. в цифрах», ЦСУ, М. 1925, стр. 103; см. также *Н. Я. Воробьёв*, Изменения в русской промышленности в период войны и революции, «Вестник статистики», кн. XIV.

возможный показатель производительности труда увеличилась только на предприятиях по производству предметов вооружения до 175,6% в 1916 г. (против 1913 г. = 100), но сократилась в 1917 г. до 112,7%. По всем же другим предприятиям, как работавшим на оборону, так и не работавшим на неё, показатель выработки на 1 рабочего даёт понижение уже в 1916 г. и особенно в 1917 г. (предметы снаряжения 89,7—71,4%, питания 82,3—78,3%, тканей 88,2—61,1%).

Все эти цифры, хотя и не исчерпывающие деятельности всех предприятий как оборонной, так и необоронной промышленности, всё же ясно показывают, что главнейшее внимание на обследованных предприятиях было обращено на оборонную промышленность, а в ней — на производство предметов вооружения за счёт не только сокращения производства необоронной, мирной продукции, но даже и промышленности, работающей на оборону, но производящей другие предметы военного снаряжения, обмундирования, питания и пр. Но так как фронт требовал всё же не только одного вооружения, но и других необходимых предметов (обмундирование, питание и пр.), то уже к 1916—1917 гг. стало обнаруживаться, что наша промышленность, несмотря на напряжение и милитаризацию, не справлялась с производством для фронта всех нужных для него предметов.

Производство вооружения занимало всё большую долю в производственных усилиях народного хозяйства. Так, соотношение размеров производства предметов вооружения, тканей и питания в общих размерах валовой продукции предприятий, работающих на оборону, было (в %)[1]:

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Производства, работающие на оборону					
Предметы вооружения	26,4	29,1	44,0	54,9	55,5
» снаряжения	2,9	3,1	2,7	2,5	2,6
» питания	13,4	14,3	12,0	8,5	7,5
Ткани	47,8	44,3	34,5	28,1	28,2
Производства, не работающие на оборону	9,5	9,2	6,8	6,0	6,2

[1] «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. в цифрах», ЦСУ, М. 1925, стр. 102; см. также *Н. Я. Воробьёв*, Изменения в русской промышленности в период войны и революции, «Вестник статистики», кн. XIV.

Форсированное производство предметов на оборону и сокращение «мирной» продукции особенно резко сказалось, например, по машиностроительной промышленности:

	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Годовая выработка машиностроительной промышленности (млн. руб.)	200,3	279,6	709,9	954,6	657,2
В том числе предметы обороны (млн. руб.)	52,5	105,8	489,8	747,4	497,2
В % к итогу	26,3	37,8	69,0	78,3	75,8
Из них оружия (млн. руб.)	46,4	105,7	412,0	682,3	490,1
В % к итогу	23,2	37,7	58,0	71,5	74,4
Предметов мирного строительства (млн. руб.)	147,7	173,8	220,1	207,2	160,0
В % к итогу	73,7	69,2	31,1	21,7	24,4

По всей промышленности, по обследованию Особого совещания по обороне, к концу 1916 г. «военизация» промышленности и степень форсирования промышленных военных заказов характеризовались следующими цифрами:

	Число предприятий	Число рабочих (тыс.)	Среднемесячная продукция (млн. руб.)
Общее количество учтённых предприятий	4 561	2 234	704
В том числе работающих на оборону	3 846	1 638	500
В % к общему числу	84,4	73,3	78,6

При таких условиях был неизбежен товарный голод на продукты «мирного» потребления, повышение цен, расстройство всего народного хозяйства. Конечно, «на оборону» работали главным образом крупные предприятия, которые поглощали львиную долю военных заказов. Из числа всех предприятий, работавших на оборону, к 1 мая 1917 г. в количестве 4 065, предприятий, имевших свыше 500 рабочих на каждое, было 263, т. е. 6,6%, а общее число рабочих на них было 411,7 тыс. из 648 тыс., т. е. 63,5%, в том числе 13 предприятий, т. е. 0,3%, имели 108 тыс., т. е. 16,8% рабочих. Мобилизация средних и мелких предприятий, несмотря на старания соответствующих общественных организаций, не имела сколько-нибудь существенного значения.

*

К тому же, как видно из приведённых цифр, и производительность труда (выработка на 1 рабочего) также падала, отчасти вследствие изношенности оборудования, отчасти вследствие замены квалифицированного мужского труда неквалифицированным женским и детским. Так, в одном из важнейших районов, работающих на оборону, в Московском, по данным заводских совещаний, на 1 сентября 1916 г. во всех группах предприятий имелось 43,6% рабочих мужчин, 43,7% женщин, 11,2% подростков и 1,5% военнопленных, а в некоторых отдельных группах предприятий, работающих на оборону, процентное отношение числа работающих женщин и подростков к числу мужчин доходило до 185—216%.

В связи с этим ряд «мирных» отраслей промышленности и целые районы, не имевшие возможности переключиться на военное производство, стали замирать. В Московской губернии резко сократились очень развитые здесь производства цемента, строительных материалов, галантереи, шёлкоткацкое, стекольное, хрустальное производства. На севере совершенно замерла лесная промышленность главным образом из-за недостатка рабочих рук. В восточных районах сократилось винокуренное производство, и, наоборот, стали сильно увеличиваться кожевенно-сапожное и меховое производства в связи с поставками сапог и полушубков на войну. В центрально-земледельческих губерниях резко сократились заготовки экспортных сельскохозяйственных товаров, стали закрываться заводы строительных материалов, стекольные, маслобойные и пр.[1]

Кроме этого непосредственного сокращения и остановки действовавших предприятий, даже обычное (до войны) новое промышленное строительство во время войны было крайне затруднено и замедлялось. В этом отношении правительство не столько усиливало развитие отечественной частной и казённой военной промышленности, сколько — часто вынужденно по условиям заграничных займов и финансирования войны союзниками — затрачивало эти займы на заказы английским и американским заводам. Строительство новых заводов в России, даже военных, в период войны, затруднялось из-за недостатка ввозного промышленного оборудования, которое до войны в преобладающей мере ввозилось из-за границы. Так, по исчислениям Воробьёва[2], на основе данных ЦСУ, ввоз промышленного оборудования (по постоянным ценам 1913 г.) исчислялся в 1913 г. в сумме 156,3 млн. руб., в 1914 г. — 114 млн. руб., в 1915 г. —

[1] «О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России», изд. Министерство финансов, Петроград 1916, стр. 216—245.

[2] *Н. Я. Воробьёв,* Изменения в русской промышленности в период войны и революции, «Вестник статистики», кн. XIV.

42,4 млн., в 1916 г. — 108,2 млн. руб., или в пудах: в 1913 г. — 11,8 млн., в 1914 г. — 8,6 млн. и в 1915 г. — 3,2 млн.; причём особенно значительно упал ввоз промышленных машин (в 1913 г. — 19,1 млн. пудов и в 1915 г. — 2,8 млн. пудов) и сельскохозяйственных машин с 4,2 млн. пудов до 93 тыс. пудов.

В итоге динамика промышленных предприятий за годы войны в результате мобилизации, нового строительства, закрытия и открытия предприятий представляется в следующем виде[1]. Из 9 750 предприятий, учтённых переписью 1918 г., непрерывно действовало с 1913 г. 4 802 предприятия, или 49,3%; работало с перерывом свыше 1 года 216 предприятий, или 2,2%; закрылось 2 291 предприятие, или 23,5%; сократилось 1194, или 12,2%, открылось и вновь закрылось — 401, или 4,0%, эвакуировалось 181, или 1,9%, прочих — 665, или 6,9%.

Таким образом, за всё время войны непрерывно действовало лишь около половины предприятий, а число закрывшихся достигло около четверти всех предприятий и вдвое превышало число вновь открывшихся. И хотя по отдельным видам производства предприятия оборонной промышленности дают более благоприятные показатели, чем эти итоговые цифры, однако этот результат военной мобилизации промышленности не может быть признан сколько-нибудь удовлетворительным и отвечающим широким и настоятельным потребностям войны.

При всём военном «буме» — повышении цен, ажиотаже, щедрых правительственных заказах и пр., — очевидно, общие условия царской России были мало благоприятны для развития промышленной деятельности русской буржуазии. Ни развитая сеть государственных органов регулирования промышленности и её мобилизации, ни военно-государственный капитализм, ни общественные организации буржуазии и частнохозяйственный капитализм при сложившихся в России общественно-политических условиях и при экономической отсталости России не могли полностью достигнуть того, что от них требовал неожиданно грандиозный размах войны.

Громадные, никем не предвиденные размеры мобилизованных на войну армий не только лишили промышленность и сельское хозяйство рабочей силы, но и предъявили к военной промышленности такие требования на производство предметов вооружения, которые она не могла выполнить. Не менее роковое

[1] «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», перепись ЦСУ 1918 г., М. 1926, стр. 34 и след. Необходимо и здесь отметить, что перепись 1918 г. производилась во время гражданской войны и коснулась лишь части территории. Кавказ, Украина, Урал вовсе не были охвачены, но и в тех районах, где перепись производилась ею было охвачено приблизительно около половины предприятий.

значение для условий ведения войны получили чисто военные просчёты в определении расходования в войне боевых средств. Их потребовалось в десятки раз больше, чем предполагалось. В результате русская промышленная буржуазия не смогла обеспечить ту быстроту в перестройке старой «мирной» промышленности и в создании новой, которую требовали быстро развёртывающиеся события войны. Это было результатом не только отсталости русской промышленности и общей бесплановости и неорганизованности капиталистического хозяйства, не могущего справиться с им же самим вызванной войной, но и прямой измены и предательства как правительственного аппарата, так и царского двора. Расстройство снабжения армии явилось роковым для исхода войны.

2. Боевое снабжение армии в мировую войну

Численность русской армии. По своим союзническим обязательствам с Францией царская Россия обязана была выставить армию определённых размеров, развернуть её в кратчайший срок и согласно союзным стратегическим планам нанести удар австро-германским войскам. По «большой» военной программе 1913 г., когда приближение войны уже вполне выяснилось, русская армия по штатам мирного времени была увеличена в целом на 39%. Это увеличение было сделано в значительной степени по настоянию Франции, от лица которой в 1913 г. посетил Петербург для окончательных военных переговоров будущий главнокомандующий французскими армиями Жоффр. Кроме численного увеличения армии Франция потребовала усиления её артиллерийского и другого вооружения, с некоторым переформированием дивизий и бригад, в результате чего артиллерия русского корпуса стала не слабее германской. По планам 1913 г. в русской армии должно было быть 8 538 артиллерийских орудий, но это потребовало бы расходов в 500 млн. руб., поэтому к началу войны переформирование не было закончено.

Одновременно с этим были произведены и некоторые изменения в планах стратегического развёртывания, принятых в 1912 г. (мобилизационное расписание № 19). По новому расписанию № 20, принятому в 1913 г., эти изменения сводились главным образом к сокращению сроков сосредоточения армий, действующих против Германии, примерно на 6—8 или даже на 10—13 дней ранее сроков, намечавшихся расписанием 1912 г. Это ускорение сосредоточения армии, проведённое под давлением французского командования, достигалось (вследствие медленности в русских условиях мобилизации армии) ценой

недостаточного обеспечения армии резервами, а также недостаточно полного обеспечения материальной части. В таких условиях ради интересов союзников русская армия должна была начать военные действия неподготовленной для успешного их завершения. В основе комплектования и развёртывания русской армии в предвоенных планах лежала идея численного перевеса русских армий перед соединёнными австро-германскими силами на русском фронте. Об известных уже в то время недочётах боевого снабжения, недостатке в артиллерийских снарядах, в интендантском довольствии и пр., в планах военного министра Сухомлинова не упоминалось и признавалась лишь необходимость максимальной численности армии, хотя её нечем было вооружать.

К началу войны по штатам 1911—1914 гг. в русской армии состояло ко дню мобилизации на действительной службе 1 423 тыс. человек. По приказу о мобилизации 31 июля было мобилизовано запасных нижних чинов 3 115 тыс. и ратников I разряда из запаса и из не проходивших военное обучение 800 тыс. Таким образом, по окончании первой августовской мобилизации русская армия насчитывала 5 338 тыс. человек, из них лишь 400 тыс. не проходило военной подготовки. Это были войска первой линии, относительно наиболее высокого качества.

Однако при обычной медленности мобилизации и вследствие изменений в планах мобилизации и стратегического развёртывания армий к началу военных действий все эти силы не были ещё сосредоточены в исходных пунктах. К 1 октября 1914 г. действительная численность действующей армии на всех фронтах была всего 2,28 млн. строевых солдат. Всё подтверждало, что война будет длительной и потребует от государства громадного напряжения всех сил и средств. Поэтому после августовской мобилизации царское правительство было принуждено почти каждые 2—3 месяца мобилизовать новые кадры вооружённых сил. За исчерпанием после первой же мобилизации всех обученных резервов, уже с октября 1914 г. в армию стали призываться, кроме новобранцев, ратники I разряда, не проходившие военного обучения, разных возрастов. За всё время войны до февральской революции было мобилизовано (с белобилетниками) на войну 15,1 млн. человек. По мобилизационным планам на 1917 г. предполагалось произвести досрочные призывы новобранцев и ратников (досрочные призывы 1919—1920 гг.), всего с некоторыми другими категориями до 1,0—1,2 млн. человек; из них к 1 мая было мобилизовано 675 тыс. человек. К сентябрю 1917 г., т. е. накануне Октябрьской революции, было мобилизовано на войну до 15 798 тыс. человек трудоспособных мужчин.

Такое небывалое изъятие людских кадров должно было произвести сильнейшее потрясение народного хозяйства и напряжение его трудовых ресурсов, особенно по сельскому крестьянскому хозяйству.

Однако, несмотря на эти громадные затраты живой силы и на обилие человеческого материала, брошенного на войну, положение России в войне даже в отношении людских ресурсов было менее благоприятно, чем в других империалистических странах. При более крупной армии мирного состава Россия могла произвести мобилизации в относительно меньших размерах сравнительно с общей численностью населения, дойдя тем не менее до пределов возможного напряжения. В этом сказалась общекультурная отсталость России и особенно технико-экономического уровня её народного хозяйства, преобладания в нём живой рабочей силы сравнительно с механизированной. Иное положение было в Англии, Франции, Германии, которые могли достичь гораздо большего напряжения в военном использовании живой силы населения. Это видно из следующей таблицы:

Страны	Численность армии (тыс.)			Численность населения (млн.)	% использования
	мирного времени	первых мобилизаций	к концу войны		
Россия	1 423	5 338	15 338	180	8,8
Франция	810	3 780	7 930	39,5	19,9
Англия	170	655	5 700	45	12,7
Германия	790	3 840	14 000	68	20,5

Россия дала наименьший относительный прирост сравнительно с армией мирного времени и наименьший процент использования населения. Царская армия уже по самому своему составу должна была обладать пониженным качеством боевой подготовки. Но решающее значение имела не численность армии, а количество и качество её боевого вооружения: русская армия, очень большая по численности, являлась наиболее отсталой по оснащению оружием, огнеприпасами, средствами связи и т. п.

Снабжение армии. Боевое снабжение русской армии в мировую войну было поставлено очень плохо как вследствие общей технико-экономической отсталости России, так и вследствие предвзятого мнения о краткосрочности и ограниченности размеров войны, неправильных на этой почве расчётов генерального

штаба о количестве требуемого расхода людей, вооружения, огнеприпасов, финансовых ресурсов и т. п.[1]

Вообще вооружение русской армии, как пехоты (винтовки), так и артиллерии, по качеству не уступало вооружению противников, но по количеству совершенно не соответствовало размаху войны, призывам в армию и громадным, совершенно не предвиденным тратам. Кроме того, многие виды вооружения в русской армии отсутствовали и русской промышленностью совершенно не производились. Русское военное ведомство предполагало (разделяя в этом отношении ошибочное мнение и других союзников), что накопленные запасы вооружения и боеприпасов будут достаточны для кратковременной войны. Расчёты и нормы расходования их были установлены по устарелым данным, примерно из опыта русско-японской войны, без учёта тех новых течений в военной теории и стратегии, которые за последние 10 лет определённо проявлялись в западноевропейской и особенно немецкой специальной литературе.

Поэтому, когда, например, артиллерийское ведомство перед войной в специальной комиссии высказалось за необходимость образовать на случай войны двухгодичные запасы металлических, химических, топливных и прочих военных материалов, этот проект был отвергнут из-за недостатка средств и ввиду «гадательности войны». Такие дефицитные материалы, как медь, свинец, олово, вырабатывались промышленностью в недостаточном количестве, военные заводы требовали постоянных субсидий и авансов, которые не всегда оправдывались. В 1911 г. по финансовым соображениям было решено запасы меди в виде устарелых медных пушек продать и «капитализировать, как не приносящее дохода ценное имущество»: медь почти накануне войны была продана по 11 руб. за пуд, а в 1916 г. она покупалась за границей по 25 руб. за пуд.

Вообще о мобилизационной подготовке промышленности к большой и длительной войне никто не думал, и, наоборот, по выполнении «программы» заказы сокращались. В результате с начала войны, как только (уже в октябре 1914 г.) обнаружились громадные расходы вооружения и снарядов, на заводы посыпались заказы, с которыми они не могли справляться. Заказы стали передаваться за границу, но они часто и там не выполнялись или выполнялись недобросовестно. На русские деньги стали строиться целые заводы, как, например, в Калифорнии, в Англии. Крупные заказы винтовок и патронов были переданы американской фирме «Ремингтон и Вестингауз», а также Канадской компании, но все они заказов не выполнили.

[1] *А. А. Маниковский,* Боевое снабжение русской армии в мировую войну, т. I, изд. 2, 1930.

Наиболее плохо обстояло дело с винтовками, в которых генеральный штаб со своими нормами жестоко просчитался против действительного расхода. По штатам полагалось иметь около 4 млн. винтовок, что к началу войны и было выполнено. На пополнение убыли предполагалось по планам около 2,6 млн. винтовок. Но когда в армию было мобилизовано свыше 11 млн. строевых, а на пополнение убыли потребовалось 200 тыс. винтовок в месяц, или на три года — 7,2 млн., всего 17,7 млн. винтовок, то дефицит против 6,6 млн. по мобилизационным планам оказался в 11,1 млн. винтовок.

Русские ружейные заводы за последние годы были рассчитаны на производительность 525 тыс. винтовок в год, или 44 тыс. в месяц, тогда как фронт требовал в первый период как минимум 60 тыс. винтовок, а в 1916/17 г. — до 200 тыс. в месяц. Лишь в 1917 г. производительность заводов была доведена до 130 тыс., за 1914—1917 гг. на русских заводах было изготовлено до 3,3 млн. винтовок и карабинов и сверх того заказано за границей 4 млн., из которых поступило всего 2,5 млн. Союзниками было «уступлено» 1,8 млн. винтовок, но разных образцов (всего до 10 образцов), что очень затрудняло ремонт и замену запасных частей. К заграничным заказам часто пристраивались разные аферисты (вроде петроградского портного англичанина Джонса, при поддержке Протопопова и распутинской клики предлагавшего военному ведомству наши 3-линейные винтовки [1]) ради получения многомиллионных авансов, не выполняя, однако, потом заказов. Всего за время войны израсходовано (приблизительно) до 19,2 млн. винтовок всех систем, т. е. почти в 5 раз больше мобилизационных предположений.

Ещё хуже обстояло дело с ружейными патронами. Русских патронных заводов было всего три, в том числе один частный. В мирное время они изготовляли до 290 млн. штук патронов. В первый год войны увеличение продукции достигло до 675 млн. штук, в 1915 г. — 1 022 млн., в 1916 г. — 1 492 млн. и в 1917 г. — 1 209 млн. штук. Но всё это было недостаточно и резко не соответствовало фактическим требованиям, которые в 1916—1917 гг. достигли 200 млн. штук в месяц. По мобилизационным планам 1917 г. норма запасов патронов была определена в 3 346 млн. и в наличии было 1 600 млн. Так как изготовление недостающих 1 746 млн. штук требовало расхода 78,5 млн. руб., то норма была сокращена до 2 892 млн., а к июлю 1914 г. состояло в запасе всего 2 446 млн. Эти запасы были израсходованы в течение первых трех-четырёх месяцев, и к концу мобилизации 1914/15 г. по числу винтовок дефицит в патронах определялся в 2 млрд.

[1] «Падение царского режима», т. VI, показания Гучкова.

К 1916/17 г. месячная потребность по заявкам ставки определялась только для 3-линейных винтовок в 200 млн., а с другими системами винтовок — в 270 млн. штук. Всего за время войны было изготовлено на русских заводах винтовочно-пулемётных патронов 4 млрд. и заказано за границей 16 млрд., а истрачено (предположительно) за всю войну до 16,8 млрд. патронов всех систем, в том числе 1 млрд. 3-линейных винтовочных, т. е. в 5 раз больше, чем по мобилизационным планам.

Пулемётами русская армия стала вооружаться лишь после русско-японской войны, и ко времени мировой войны было в наличии лишь 4 288 пулемётов (по мобилизационным планам предполагалось 4 990 штук). Для пяти армий, образованных первыми мобилизациями, это давало менее тысячи пулемётов на армию, что было до смешного мало. Производство пулемётов в России к 1914 г. достигло 1 184 штук, а в последующие годы увеличивалось: в 1915 г. — до 4 250 пулемётов, в 1916 г. — до 11 072, в 1917 г. — до 11 420; всего было произведено 28 тыс. пулемётов. Это было относительно хорошо, но до удовлетворения фактической потребности было всё же далеко. Поэтому к концу войны было заказано за границей 46 тыс. станковых и 27 тыс. ручных пулемётов, из которых было получено 25 тыс. станковых и 17 тыс. ручных. Всего было израсходовано за время войны до 45,6 тыс. пулемётов, т. е. почти в 10 раз больше предположенного по мобилизационным планам.

Положение с артиллерийским снабжением было несколько более благоприятно для лёгких орудий, но совершенно катастрофично для тяжёлых и специальных видов орудийных снарядов. По предвоенным штатам в 684 полевых лёгких батареях и, кроме того, в горных, мортирных и тяжёлых имелось всего 6 586 орудий. Ко времени возникновения войны 1914 г. имелось 875 батарей с 6 594 орудиями, а с конными и горными — всего 959 батарей при 7088 орудиях.

Русская артиллерия всегда славилась высокими качествами оснащения, но по количеству орудий русские заводы не могли удовлетворить требования неожиданно громадных масштабов войны. К тому же далеко не все русские заводы были приспособлены к изготовлению разнообразных и полных систем орудий. Русские заводы производили преимущественно 3-дюймовые и 6-дюймовые пушки, 48-миллиметровые полевые гаубицы, 57-миллиметровые канонерные, горные пушки, в последнее время скорострельные пушки Шнейдера и др. Но осадных пушек и тяжёлых гаубиц производилось недостаточно, и приходилось прибегать к заграничным заказам.

Накануне войны английской фирмой «Виккерс» был построен новый, Царицынский пушечный завод, по существу являвшийся лишь замаскированным заграничным заводом, так как он имел

право изготовлять тела орудий в Англии и затем лишь собирать и отделывать их в России. Главное артиллерийское управление знало о сильном увеличении в Германии производства пушек и новых типов артиллерийского вооружения (зенитных орудий, миномётов, бомбомётов), но ничего не делало для увеличения артиллерии. Германия с Австро-Венгрией к войне 1914 г. обладали 14 446 орудиями всех видов (в том числе тяжёлых — 996 орудий) против 7 088 русских (в том числе 40 тяжёлых). Число последних лишь к 1916 г. увеличилось до 1152 (главным образом выписанными из-за границы) и к сентябрю 1917 г. до 1430 тяжёлых орудий.

В результате такого положения количество артиллерийских орудий всех видов сильнейшим образом отставало от требований фронта. Вместо имевшихся по довоенным штатам 7 088 орудий во время войны по заявкам Ставки их потребовалось 14 400, а годичная потребность пополнений вместо 997 определялась в 12 800 орудий. По отдельным видам орудий восполнить дефицит можно было целиком лишь выписанными из-за границы. Например, 45-линейные полевые гаубицы за последние полтора года войны в числе 300 штук были все заказаны за границей; из 980 штук 42-линейных скорострельных пушек за границей было заказано 228. Ещё хуже обстояло дело с тяжёлой артиллерией: из потребных за указанный период 6—8-дюймовых осадных пушек и 8—12-дюймовых и 20-сантиметровых осадных гаубиц в количестве 311 штук было произведено в России всего 115 штук и за границей 43 штуки [1].

Из специальных видов артиллерийского вооружения зенитных орудий в России не производилось (кроме отдельных опытов). Во время войны (вследствие небольшого боевого значения авиации) они употреблялись в редких случаях (например, для охраны Ставки верховного командования), для чего было выписано из-за границы около 235 штук.

Наконец, новые виды артиллерийского вооружения — миномёты, бомбомёты, ручные гранаты и пр. (первые были впервые изобретены и широко использованы Германией) — вовсе не были предвидены мобилизационными планами. Но когда обнаружилось важное значение этих видов вооружения и широкое использование их Германией, они стали в массе требоваться на фронт. Несмотря на простоту изготовления миномётов, производство их не было полностью освоено заводами. Применялись и производились миномёты германского образца, французские Дюмезиля, русские системы Лихонина. К 1915 г. на фронт подавалось уже 3,5 тыс., в 1916 г. — 13,2 тыс., а за всё время войны —

[1] «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.», изд. ЦСУ, 1925, стр. 51—61.

свыше 18,6 тыс. миномётов, произведённых почти исключительно в России.

Наиболее катастрофическим было положение с огнеприпасами и артиллерийскими снарядами. Нормы выстрелов на артиллерийское орудие были установлены планом 1910 г., существовавшим до самой войны, в 1 тыс. выстрелов на 3-дюймовую полевую лёгкую и 1200 — на 3-дюймовую горную пушку, хотя штабу было известно, что немцы и французы исходили из расчёта по 1200—1500 выстрелов. По этим нормам стали рассчитываться и артиллерийские запасы. При этом так как огнеприпасы должны постоянно освежаться, а в мирное время они расходовались лишь в пределах отпуска на практическую стрельбу, то вопрос о запасах стоял очень остро. По нормам мобилизационных планов запасы артиллерийских снарядов должны были быть в 6,3 млн. штук для 76-миллиметровой пушки и около 767 тыс. штук для орудий других калибров и гаубиц. «Освежение» этих запасов в мирное время путём траты их на практическую стрельбу потребовало бы 15—20 лет. Было ясно, что в войне, особенно длительной, в действиях артиллерии базироваться на запасах невозможно и только развитая и мобилизованная промышленность могла удовлетворить потребности фронта в снарядах.

Первые же месяцы войны опрокинули все эти расчёты и нормы. На юго-западном фронте норма снарядов была израсходована в 16 дней, а все запасы были израсходованы в 4 месяца. Промышленность изготовляла перед войной «не торопясь» всего 290 тыс. «снарядных единиц» в год (из расчёта 3-дюймовой пушки). Никаких мер для усиления питания армии боеприпасами и снарядами не предпринималось. Наоборот, организация снабжения была такова, что отдельные элементы выстрела (корпус снаряда, капсюли, порох и пр.), получаясь с разных заводов, были разбросаны по отдельным артиллерийским паркам, в разных частях страны, что при плохом транспорте ещё более ухудшало положение. Поэтому уже после первых сентябрьских — октябрьских боёв 1914 г. из Ставки верховного командования и с фронтов армий стали лететь телеграммы военному министру и в Главное артиллерийское управление о катастрофическом положении со снарядами и требования об усилении снабжения. Начальник штаба верховного командования генерал Янушкевич сообщал Сухомлинову, что в то время, когда немцы делали 3 тыс. артиллерийских выстрелов, мы делали всего 300.

С развитием военных операций Ставка определяла месячную потребность на 1916/17 г. в артиллерийских снарядах всех видов в 2 963 тыс. штук и, кроме того, к бомбомётам и миномётам 600 тыс. штук и ручных гранат 1 тыс. штук. Но и эти нормы

были очень скромны и отставали от траты снарядов немцами, в особенности на некоторых ударных участках фронта. Русская промышленность увеличила производство снарядов в 1915 г. до 12,2 млн. (в снарядных единицах), в 1916 г. — до 49,9 млн. и в 1917 г. — до 57 млн. Следовательно, только к концу войны производство артиллерийских снарядов стало более или менее удовлетворять требованиям фронта. Некоторые виды снарядов всё же выписывались из-за границы (3-дюймовые полевые шрапнели, 3-дюймовые гранаты полевые и горные в количестве 10—15 млн. штук). Но вследствие разрухи транспорта снабжение снарядами до конца войны оставалось самым больным местом армии.

Из отраслей гражданской промышленности, получивших особенно важное значение во время войны, на первом месте должна быть поставлена химическая (основная и коксобензольная) промышленность, поставлявшая основные продукты для производства взрывчатых веществ, пороха, кислот, отравляющих веществ и пр.

Химическая промышленность к началу войны была одной из слабых отраслей промышленности, и со времени войны пришлось принимать экстренные меры для производства нужных для войны химических продуктов. В начале 1915 г. при Главном артиллерийском управлении была организована комиссия Ипатьева по заготовке взрывчатых веществ, для поднятия производительности имеющихся химических заводов, преимущественно в Донбассе, и для постройки новых казённых. Впоследствии при ГАУ был организован особый Химический комитет.

В течение 1915 г. удалось увеличить производство необходимых для войны продуктов в 6—10 раз на частных заводах, но попытка устройства казённых заводов была встречена частными промышленниками в штыки.

До войны выработка селитры производилась на 35 частных заводах в количестве 650 тыс. пуд. в год (без казённых селитренных и пороховых заводов) исключительно за счёт ввозной чилийской селитры. Когда ввоз последней со времени войны прекратился, был выдвинут проект постройки завода для производства селитры из азота, добываемого из воздуха (что было широко распространено в Германии). Однако лишь в конце 1915 г. удалось пустить в ход небольшой селитренный завод на реке Киваче с производством селитры 50 тыс. пуд. в месяц. Казённые азотнокислотные заводы, Шостенский и Охтенский, давали также небольшую продукцию, так что в целом производство этого важного военного продукта в 1916 г. достигло 250 тыс. пуд. моногидрата при потребности в 350 тыс. пуд. в месяц.

В связи с этим сильно отставало и производство пороха. Бездымного пороха четыре казённых завода и один частный производили всего 720—730 тыс. пуд. в год, тогда как на 1917 г. расход армии был исчислен в 7,5 млн. пуд.

На этих же заводах было организовано производство и других взрывчатых веществ (тротил, толуол и др.). Производство их было ничтожно сравнительно с колоссальной цифрой потребности, определившейся к 1916 г. в 15 млн. пуд. в месяц. В 1915 г. была начата стройка тротилового казённого завода в Самаре и завода взрывчатых веществ в Грозном. Привлечён к производству взрывчатых веществ также ряд частных заводов. Все они в 1916 г. выработали продукции почти в 20—22 раза меньше потребности во взрывчатых веществах, предъявляемой армией.

Коксобензольное производство со времени войны также пришлось создавать почти заново, так как имеющейся продукции было крайне недостаточно сравнительно с потребностями войны. Комиссия Ипатьева быстрыми темпами стала развивать коксобензольную промышленность, и к 1917 г. на войну работало 17 заводов с месячной выработкой бензола до 90 тыс. пуд. Тогда же Химическим комитетом ГАУ было организовано производство фенола, серной кислоты на ряде частных мелких и крупных заводов.

Хотя в первую мировую войну авиация не получила ещё большого боевого значения, тем не менее необходимость развития авиационной промышленности для военных целей становилась всё более настоятельной. Ко времени войны авиационная промышленность только зарождалась, носила характер кустарной, «малой» промышленности; она была представлена тремя заводами-мастерскими, в том числе одним — военного ведомства (Русско-Балтийским). Только на этом последнем вырабатывались собственной конструкции аэропланы русских систем Сикорского («Русский витязь»), получившие первый приз на конкурсе военных самолётов в 1912 г. Тем не менее военное ведомство заказало заводу лишь... два аппарата этой системы, остальные самолёты воспроизводились по образцам французских систем. Тот же завод стал строить крупные воздушные корабли типа «Илья Муромец». Особенно плохо обстояло дело с производством авиационных моторов, которые производились на двух заводах — «Гном», в Москве, и «Мотор», в Риге. Они изготовили в 1915 г. всего по 13—15 моторов в месяц, и только к 1916 г. производство моторов было доведено до 50 моторов в месяц на каждом заводе.

К началу войны на вооружении армии авиацией имелось 39 отрядов при 202 самолётах. К 1916 г. русские заводы изготовили 1 120 самолётов и 444 мотора против 4 600 самолётов и 5 620 моторов, построенных на заводах Германии. В 1916 г.

особое совещание по обороне разработало новую программу военной авиации, по которой количество самолётов в действующей армии должно быть доведено до 1 918, для пополнения которых потребовалось бы 9 252 мотора. Однако эта программа оказалась не под силу русской авиационной промышленности и не была осуществлена: русские заводы в 1917 г. могли поставить для армии всего 650 моторов, тогда как в Германии их вырабатывалось 12 тыс., во Франции — 23 тыс.

Не в лучшем состоянии находилась во время войны в России автомобильная промышленность. Накануне войны имелось небольшое число мастерских, преимущественно сборочных, полукустарного типа, при некоторых заводах (Русско-Балтийском, Лейтера в Риге, Пузырёва в Петербурге, «Аксай» в Нахичевани и др.). Они занимались либо сборкой частей, выписываемых из-за границы, либо ремонтом. К началу войны во всей стране насчитывалось всего 5,5 тыс. машин, почти исключительно иностранного происхождения. В военном ведомстве для обслуживания армии насчитывалось всего 259 легковых, 418 грузовых, 34 вспомогательные машины, 101 мотоциклет, 250 самокаток и пр. Мобилизация дала 3 тыс. легковых, 430 грузовых машин и 1 800 мотоциклеток. Это было ничтожно мало для громадной, многомиллионной армии.

В 1915 г. военное ведомство решило построить пять автомобильных заводов (в том числе в Москве завод АМО Рябушинского, эвакуированный из Риги завод в Филях, в Ярославле и др.) с производственной программой в 7,5 тыс. машин в год. Но все эти заводы не были пущены в ход и даже не были достроены, так как предназначавшееся для них иностранное оборудование не было прислано союзниками. В 1916 г. в армии имелось до 16 тыс. машин, почти все иностранного происхождения.

Мы не будем столь же подробно останавливаться на других отраслях военной промышленности[1]. Недостаточность работы казённых и крупных частных военных заводов и ещё более слабые результаты мобилизации средней промышленности общественными организациями (Земгором, военно-промышленными комитетами) приводили к недостаточному снабжению армии даже самыми простыми материалами и заставляли обращаться за ними за границу. Так, например, за последние полтора года войны было заказано за границей пороху дымного

[1] Ценные материалы о положении отраслей военной промышленности, по данным ЦВИА и Особого совещания по обороне, см. в упомянутых работах А. Сидорова и Миндарева, отлично вскрывающих всю ту бедность военной промышленности России в первую мировую войну, которая особенно резко выделяется в сравнении с блестящим вооружением Советской Армии во вторую мировую войну.

и бездымного 2,14 млн. пуд. (55% всех заказов), телефонных аппаратов — 60 тыс. (20%), проволоки — 1,7 млн. пуд. (76%), кирко-мотыг — 27,9 тыс., сукна шинельного — 13,6 млн. ярдов (55%), сёдел — 90 тыс. (66%) и т. д. Насколько Земский и Городской союзы слабо справлялись с принятыми ими даже самыми простыми заказами, видно из того, что, например, простых деревянных ящиков для гранат было поставлено на 1 января 1917 г. всего 636 тыс. вместо заказанных 1502 тыс., проволоки колючей — 70 тыс. пуд. вместо 610 тыс. пуд., киркомотыг — 8 тыс. вместо 31 тыс., кухонь — 1,1 тыс. вместо 4,1 тыс., подков — 1,7 млн. вместо заказанных 5,1 млн. По всем этим материалам в течение 1916 г. было сделано заграничных заказов всеми военными учреждениями на 1791 млн. руб. против заказов внутри страны на 2495 млн. руб.[1]

Всё это приводило к большой зависимости России от союзников в военном снабжении и обусловливало громадную задолженность. Всего за время войны военным министерством заказы за границей исчислялись в 3222 млн. руб., в том числе в Англии — на 1163 млн., в Америке — на 1237 млн., во Франции — на 503 млн., в Японии — на 206,6 млн., в Италии — на 101 млн. руб.

Но, конечно, не только недостаточность боевого снабжения армии явилась причиной того, что царская Россия проиграла войну. Как ни важно в ходе военных операций было правильное и обильное снабжение вооружением, не оно, а общие условия политического и социального разложения всего строя царской России сыграли окончательную решающую роль в её военном поражении.

3. Война и финансовый капитал

Однако было бы неправильным считать, что капиталистическая экономика России не реагировала со всем возможным для неё напряжением против вражеского нашествия и угрозы национального и экономического порабощения. Конечно, не столько из-за «патриотических» соображений, сколько ради экономических выгод и прибылей русская промышленная и финансовая буржуазия стремилась получить полную власть и свободную инициативу в деле приспособления и развития промышленности на нужды войны и в снабжении армии военным снаряжением.

Тяжёлое поражение русской армии весной 1915 г. обнаружило крайнюю беспомощность и неумение царского правительства в ведении военных операций и в снабжении армии боеприпасами, разбудило буржуазную общественность и поставило её в оппозицию правительству. Крупная промышленная и финансовая

[1] «Россия в мировой войне», 1925, стр. 57.

буржуазия сочла этот момент удобным, чтобы попытаться урвать от самодержавного, безответственного правительства некоторые возможности для захвата дела обороны в свои руки, для «инициативной», исходящей из самой буржуазии «мобилизации промышленности на нужды обороны». Крупная буржуазия в погоне за высокими сверхприбылями от военных поставок самостоятельно мобилизовала свои капиталы и свою промышленность «на дело обороны», развивала учредительство новых акционерных обществ, строительство новых предприятий и заводов, ставя ставку на «войну до победного конца» и наживая от этой войны колоссальные прибыли за счёт разорения и истощения страны.

Но, пожалуй, не меньшую, если не большую, роль в деле нового учредительства промышленных предприятий, расширения промышленного производства и его работы на войну сыграли не инвестиции капиталов самой буржуазии, не внутренние накопления промышленности и не учредительство банков, а прямое финансирование казной предприятий, выполнявших военные заказы. За счёт ссуд и авансов, выдаваемых военным ведомством, не только производилось расширение существующих производств, но часто строились новые заводы без всяких затрат со стороны акционеров. Многомиллионные ссуды получал Путиловский завод, на авансы строился Царицынский пушечный завод, Московский автомобильный завод Рябушинского, расширялись, строились и перестраивались эвакуированные заводы Беккер, Парвиайнен и сотни других. Всего, по данным военного министерства, на авансирование промышленности казной было затрачено до 6 млрд. руб.

Империалистическая война должна была привести к дальнейшей концентрации промышленности, к усилению монополистических тенденций, к усилению значения магнатов промышленного и банкового капитала. Военное напряжение промышленности потребовало передачи военного производства крупным, наиболее концентрированным и наиболее производительным предприятиям. Приспособление к военным целям коснулось в первую очередь крупной промышленности, в особенности тяжёлой индустрии — металлургической, машиностроительной. Вся она переводится на производство военных снарядов, орудий и пр. Лидер промышленно-финансовой русской буржуазии Рябушинский выразил эти чаяния крупной буржуазии такими призывными словами: «Надо не медля ни одной минуты мобилизовать всю промышленность и приспособить все фабрики и заводы только на нужды войны. Требования рынка и частного обихода должны быть поставлены на задний план, и каждое предприятие, которое нужно для войны, должно быть усилено станками и машинами с тех фабрик, где нет работы для обороны.

Все рабочие должны быть мобилизованы, переведены на военное положение и прикомандированы на те предприятия, где они нужны, так как в такое время работа у станка или при машине так же ответственна и нужна, как часовой на передовых позициях»[1].

Орган Рябушинского и представляемая им группа крупной промышленной и финансовой буржуазии ратовали за «личную инициативу» промышленников, за развитие творческих сил в «свободной», не казённой промышленности. Они осуждали те общественные круги, которые попрежнему хотели «отдать общественную инициативу... под власть тех самых элементов (т. е. правительственных кругов), неспособность которых единолично справиться с великою задачею обороны государства уже доказана».

Монополистический промышленный и банковый финансовый капитал в течение войны усилил свою деятельность, пытаясь развить «личную инициативу» и «творческие силы» промышленников и достигнуть господствующего положения в качестве организатора общественных сил в деле обороны страны.

Акционерные общества. В условиях войны и быстрого роста, особенно с 1915—1916 гг., акционерного учредительства концентрация капитала в акционерной форме сделала большой шаг вперёд. Металлургические акционерные общества стали усиленно приобретать в особенности акции каменноугольных предприятий и образовывать мощные вертикальные комбинаты. Очень значительные фузии происходили также в машиностроительных и механических обществах; многие из них стали усиленно приобретать акции закрытых в России вражеских одноимённых иностранных компаний и освобождаться от зависимости от иностранного капитала. Банки усиленно производили всякого рода «реорганизации», связанные с этим делом, и выпуски дополнительных акций, которые с небывалой быстротой находили размещение. Особенно значительное внимание со стороны мощных промышленно-финансовых групп, русских и иностранных (английских), стали в связи с войной привлекать горнометаллургические предприятия Урала, которые переходили из рук старых единоличных владельцев и акционерных обществ в новые общества, патронируемые банками. В самом акционерном деле происходили сильные сдвиги и, по характеристике текущей финансовой прессы, шла «ожесточённая борьба за власть» между «старыми денежными аристократами», прежними заправилами акционерных обществ, и порождёнными войной «нуворишами» — спекулянтами, которые скупали акции предприятий, захватывали власть в акционерных обществах, вытесняя

[1] «Утро России», 23 мая 1915 г.

прежних заправил из руководства акционерными предприятиями[1]. Всё это были нездоровые, порождённые войной, явления в промышленном строительстве.

Усиление военного производства требовало открытия новых предприятий, новых акционерных обществ, переоборудования старых предприятий, новых капитальных вложений. Поэтому, например, за один 1916 г. в России открылось 244 новых акционерных обществ с основным капиталом в 373 млн. руб. Старые акционерные общества увеличивали свои капиталы. Синдикаты и тресты, особенно в тяжёлой индустрии, в топливной и металлургической промышленности, наиболее связанные с войной, стали особенно усиленно развивать свои монополистические тенденции. Синдикаты нефтяной, каменноугольной, металлургической, металлообрабатывающей, даже табачной промышленности, заручившись громадными правительственными заказами на связанные с войной поставки, стали исключительными монополистами, давая своим акционерам громадные военные сверхприбыли.

Если взять общие итоги новой учредительской деятельности и новых капиталовложений в старые предприятия в области промышленности, торговли и пр. в России, то окажется, что после некоторой заминки в первый год войны общий итог капиталовложений уже в 1916 г. достиг небывалой цифры — 923,5 млн. против 526 млн. руб. в последний довоенный 1913 г. Из них в одну горную и металлургическую промышленность было вложено 369 млн. руб. Отчасти в этом сказалось уже начавшееся понижение ценности денег. Но во всяком случае мобилизация капиталов была очень значительной.

Банки. В связи с требованием громадных новых капиталовложений и с дальнейшей концентрацией и монополизацией крупной промышленности усиливается роль банков и банкового капитала. Число крупных банков увеличилось к 1917 г. до 44 против 40 в 1914 г., а баланс их — до 13 051 млн. в 1917 г. против 5 779 млн. руб. в 1914 г. Вклады в банках возросли до 6 747 млн. в 1917 г. против 2 410 млн. руб. в 1914 г. (в этом, впрочем, также сказалось обесценение денег). Банки во время войны стали чрезвычайно быстро, усиленно и полностью забирать в свои руки промышленность, что признавали сами промышленники[2].

[1] «Народное хозяйство в 1915 г.», Петроград 1918, стр. 323.

[2] См., например, статьи в органе объединённых промышленников «Промышленность и торговля» и др. «В руках банков оказались акции почти всех промышленных предприятий, а вместе с тем и сами предприятия. Банки стали синдицировать промышленность и стали сами объединяться в синдикаты... Банки, естественно, оказались хозяевами нашей промышленности», — писал профессор Мигулин в своём журнале «Новый экономист» в 1916 г.

Опубликованные отчёты восьми крупнейших петроградских акционерных коммерческих банков за 1916 г. показывают с полной очевидностью всю прибыльность войны для финансового капитала. Прежде всего бросается в глаза рост общих оборотов банка. В 1916 г. по сравнению с 1915 г. они увеличились на 94,9 млрд. руб., или на 49,4%, составив 286,6 млрд. против 191,7 млрд. руб. в 1915 г. По отдельным главным банкам обороты увеличились: по Азовско-Донскому — с 34,5 млрд. в 1915 г. до 41,5 млрд. руб. в 1916 г., по Русскому для внешней торговли — с 42,1 млрд. до 61,7 млрд. руб., по Международному — с 31,8 млрд. до 53,1 млрд. руб.

Соответственно с ростом оборотов сильно увеличилась и валовая прибыль, которая по сравнению с 1915 г. возросла на 71,5 млн. руб., или на 69,3%, достигнув 174,6 млн. против 103,1 млн. руб., причём отдельные банки получили валовой прибыли: Азовско-Донской — 30,8 млн. против 19,6 млн. руб. в 1915 г., Международный — 31,6 млн. руб. против 19,7 млн. руб. и Русский для внешней торговли — 31,9 млн. против 21,5 млн. руб. в 1915 г. Чистая прибыль (явно преуменьшенная) отчётами исчисляется: для Азовско-Донского банка — 19 млн. руб., для Русского для внешней торговли — 18,2 млн., для Международного — 15 млн. руб. Дивидендов на акцию было выдано в 1916 г. Азовско-Донским банком 50 руб. вместо 30 руб. в 1915 г., Русским для внешней торговли — 35 руб. вместо 15 руб., Международным — 40 руб. вместо 20 руб. в 1915 г., т. е. вдвое выше дивидендов первых лет войны[1].

При этом необходимо отметить, что, повидимому, роль иностранного капитала в промышленных и банковых инвестициях в России за время войны несколько сократилась. По подсчётам Оля и Грановского[2], доля иностранного капитала в акционерном учредительстве сократилась за первые два года войны примерно до 35,9% против 40,5% до войны. Это обусловливалось, с одной стороны, сокращением финансовых связей российской промышленности с иностранным капиталом, занятым в эти годы своей, «национальной» промышленностью, а с другой — усилением накопления военных сверхприбылей и притоком внутреннего накопления капиталов в банки во время войны.

Однако отсюда ещё далеко до вывода, что во время войны «национальный» финансовый капитал стал более успешно и независимо справляться со своими задачами. Наоборот, общая задолженность России и зависимость от иностранного капитала за время войны сильно возросли. За время войны до половины

[1] «Война и промышленность» № 24—25, март 1917 г.

[2] *Е. Л. Грановский*, Монополистический капитализм в России, стр. 131—133.

1917 г. царская Россия получила от западноевропейского капитала до 8,5 млрд. руб. займов, пошедших лишь в небольшой степени на развёртывание русской промышленности и большей частью оставшихся за границей в уплату за военное снаряжение. Всё это ещё более усиливало зависимость России, а вместе с тем и всей финансовой системы российского капитализма от иностранного капитала.

Стимулом усиленной мобилизации капиталов и прилива их в промышленность являлись громадные военные сверхприбыли.

Военные сверхприбыли промышленников. Уже в предвоенные годы с развитием монополий промышленность давала большие дивиденды акционерам, в военные же годы, особенно в отраслях, связанных с военными заказами, прибыли промышленников стали достигать громадных размеров. Официальные отчёты акционерных предприятий (обязанных так называемой публичной отчётностью) не давали точного представления о действительных прибылях, так как последние тщательно маскировались разными бухгалтерскими приёмами, «отчислениями» и т. п. Тем не менее и публикуемые отчёты говорят о громадном увеличении прибылей в первые же годы войны. По подсчётам совета съездов промышленности, для 791 акционерного предприятия (что составляло около двух третей действовавших акционерных обществ) акционерный капитал их с 2 087 млн. в 1913 г. увеличился до 2 281 млн. руб. в 1915 г., валовая прибыль за те же годы — с 351,7 млн. до 692,2 млн. руб., а выданный дивиденд — со 155,3 млн. до 216,3 млн. руб. По тем же данным, для важнейших и наиболее связанных с военными заказами восьми металлургических и семи металлообрабатывающих предприятий размеры капиталов и прибылей в 1913 и 1916 гг. были таковы[1]:

	1913 г.	1916 г.
Металлургические предприятия		
Сумма акционерных капиталов (млн. руб.) . .	89,9	97,1
Сумма валовой прибыли (млн. руб.)	23,2	48,6
Прибыль на акционерный капитал (в %) . .	25,8	50,0
Металлообрабатывающие предприятия		
Сумма акционерных капиталов (млн. руб.) .	19,0	25,8
Сумма валовой прибыли (млн. руб.)	2,6	20,9
Прибыль на акционерный капитал (в %) . . .	13,5	81,1

По отдельным предприятиям военные прибыли достигали гомерических размеров. Так, Тульские меднопрокатные за-

[1] «Вестник финансов» № 31 и 33, 1917, стр. 126 и 191.

воды, дававшие до войны на акционерный капитал в 6 млн. руб. 1,8—2,8 млн. руб. прибыли, в первый же год войны (1915) дали 8 930 тыс. руб. чистой прибыли, а в 1916 г. — 15,5 млн. руб., т. е. 250% на акционерный капитал. Кольчугинские заводы при капитале в 3 млн. руб. давали прибыли до войны 2 230 тыс. руб., а в 1915 г. — 4 220 тыс. руб., т. е. 140% на акционерный капитал. На соединённых кабельных заводах при капитале в 6 млн. руб. прибыль до войны составляла 1 399 тыс. руб., а в 1915 г. — 3 520 тыс. руб. Южно-Русское Днепровское металлургическое общество при капитале в 15 млн. руб. давало в 1913—1914 гг. 9,6 млн. руб., в 1915—1916 гг. — 12,1 млн. руб. чистой прибыли, т. е. 80% на акционерный капитал. На Никольской мануфактуре Саввы Морозова при капитале в 15 млн. руб. в 1915—1916 гг. чистая прибыль составляла 12 млн. руб., что равнялось 80% на акционерный капитал. В льняной промышленности некоторые предприятия давали чистой прибыли до 127% на основной капитал и т. п.[1]

Не меньшие прибыли приносили акционерные коммерческие банки, в особенности в связи с системой «гарантий», которые давали банки при получении предприятиями военных заказов и которые повышали цены заказов на 100—200%. При сращивании банкового и промышленного капитала все эти прибыли шли в карманы одних и тех же акционеров. За один 1915/16 г. 53 акционерных банка получили чистой прибыли 132,4 млн. руб. Здесь мы не говорим о прямых злоупотреблениях, когда, например, военный министр Сухомлинов, он же главный акционер организованного им нового общества «Промет», сдавал военные заказы по высоким ценам своим заводам и в течение двух лет построил за счёт этих заказов три новых завода. Отчасти повышение прибылей объяснялось падением ценности денег, но и при всём том рост прибылей был громадный. Сами промышленники в своём официальном органе подтверждали наличность «значительного обогащения некоторых отраслей промышленности во время войны»[2].

4. Общее расстройство народного хозяйства

Деградация промышленности. Все изложенные выше мероприятия правительства и буржуазии, которые должны были обеспечить правильное и бесперебойное функционирование народного

---

[1] См. «Сводные балансы акционерных обществ» в «Ежегоднике министерства финансов», 1916, а также журнал «Летопись» № 1, 1917, статья Арского, «Военные прибыли», стр. 278—283, и «Вестник финансов» № 21, 1917.

[2] «Промышленность и торговля» № 14—15, 1917.

хозяйства для обслуживания нужд войны, не дали, однако, тех результатов, которых требовала война. Несмотря на всё напряжение народного хозяйства, оно не могло сколько-нибудь заметно развить и увеличить свои производительные силы. Наоборот, за три года войны оно обнаруживало всё большую степень истощения, деградации и падения. Бесплановость организации и ведения военного хозяйства, политический развал правительства, погоня буржуазии не за рациональным развитием нужных для народного хозяйства отраслей промышленности, а за высокими прибылями военных заказов, общая отсталость промышленности и сельского хозяйства — всё это могло только развалить народное хозяйство. В условиях царской России все мероприятия по развитию и улучшению военного хозяйства как в учреждениях военно-государственного капитализма, так и в общественных организациях буржуазии, в помощь расшатанному государственному аппарату, оказались попытками с негодными средствами.

Низкий технический уровень промышленности, в особенности по производству машин и орудий, не позволял произвести соответствующее переоборудование для новых производств вследствие прекращения ввоза машин из-за границы. Накануне войны из всей ежегодной потребности в техническом оборудовании капиталистической промышленности в сумме до 720 млн. руб. около 37% покрывалось иностранным ввозом, а ввоз иностранных машин для промышленности составлял около 58% потребности. Кроме того, крайний недостаток квалифицированных рабочих, стеснения в транспорте, кризис топлива, общий развал, всё более захватывавший всю экономическую и общественную жизнь, довершали безвыходность положения.

В результате многие предприятия принуждены были ликвидироваться, и хотя в связи с войной возникали новые промышленные предприятия, тем не менее число ликвидируемых предприятий обгоняло число вновь открываемых. Понятно, что мелкие предприятия с меньшим успехом могли бороться с военным кризисом топлива, сырья, рабочей силы. Мелкие предприятия закрывались, скупались крупными объединениями, реконструировались ими.

Так, уже в 1914 г. было закрыто 356 предприятий при 215 вновь открывшихся, в 1915 г. — 573 закрытых и 187 вновь открывшихся, в 1916 г. — 298 закрытых и 276 открывшихся, в 1917 г. — 541 закрытых и 264 открывшихся. Милитаризация промышленности и этот отбор предприятий приводили к дальнейшей концентрации промышленности в руках финансово-монополистического капитала. Некоторые количественные успехи повышения продукции были достигнуты.

Военные отрасли промышленности к 1916 г. несколько увеличили производство. Так, по данным самих промышленников, в одном из главных районов, работавшем на оборону, — в 15 губерниях центрально-промышленного района — число рабочих сравнительно с довоенным увеличилось в 1916 г. на 19% и в частности в металлообрабатывающей промышленности того же района на 190%, но преимущественно за счёт привлечения неквалифицированной рабочей силы. Такое же положение с металлообрабатывающей промышленностью было в Петроградском районе, а также на Урале. Гораздо хуже обстояло дело с другими отраслями промышленности, даже выполнявшими военные заказы. Так, хлопчатобумажная промышленность центрального района сократила число рабочих с 391 тыс. в 1913 г. до 322 тыс. к 1917 г. Вообще, несмотря на мобилизацию промышленности, общее число промышленных предприятий сократилось. Так, по данным фабричной инспекции, общее число предприятий, подчинённых её надзору (т. е. более крупных), без Варшавского округа и Курляндской губернии, занятых германцами, было:

Годы	Число заведений	Валовая продукция (млн. руб.)	Число рабочих (тыс.)
1913...	13 485	5 621	1 927
1914...	13 858	5 690	1 926
1915...	12 649	6 390	1 899
1916...	12 492	6 831	2 094

Уменьшение числа предприятий при некотором росте продукции свидетельствовало о напряжённости использования всего производственного аппарата промышленности, но без особенно значительных результатов. Увеличение продукции к 1916 г. сравнительно с довоенным было всего на 21%, т. е. явно недостаточное для военных целей. С другой стороны, уменьшение в 1915 г. числа рабочих при небольшом лишь увеличении их после мобилизации промышленности в 1916 г. свидетельствовало о напряжённом положении промышленности и в отношении рабочей силы. Притом даже указанное увеличение числа рабочих шло главным образом за счёт увеличения женского, детского и вообще неквалифицированного труда. Одновременно с этим начинает появляться безработица.

Насколько значительны были размеры замены квалифицированной мужской рабочей силы женской и детской, видно

из следующих цифр. Процентное отношение рабочих-мужчин к общему числу рабочих было:

	1913 г.	Январь 1917 г.
Во всей промышленности.	68,8	59,0
Обработка металла	94,9	80,2
„ хлопка	43,5	30,0
Пищевая промышленность	82,6	65,0

Такое изменение в составе рабочей силы (вместе с ухудшением производственных условий, как изношенность машин и пр.) должно было отразиться понижением производительности на одного рабочего. Так, для всей промышленности России (в границах СССР) имеем следующие данные[1]:

	1913 г.	1915 г.	1916 г.
Валовая продукция (млн. руб.)	5621	6390	6831
Число рабочих (тыс.) . . .	2598	2641	2926
Выработка на одного рабочего (руб.)	2163	2419	2335

Таким образом, производительность на одного рабочего сократилась в 1916 г. на 4% против 1915 г., а по отдельным отраслям и более того. Притом, хотя подсчёт произведён в довоенных рублях, но по отношению к 1913 г. нужно принять во внимание понижение покупательной силы золотого рубля.

Кризис металлургии. Промышленная продукция вследствие общей отсталости и несоответствия требованиям мировой войны продолжала падать даже в отраслях, наиболее тесно связанных с военными целями. Приведём цифры, характеризующие положение металлургической промышленности (без Польши).

[1] *Н. Я. Воробьёв,* Изменения в русской промышленности во время войны и революции, «Вестник статистики», 1923, XIV.

Число заводов и действовавших доменных печей в военные годы по сравнению с довоенными было:

Годы	Число заводов		Число действовавших доменных печей
	всего	в том числе действовавших	
1913	255	165	151
1914	253	148	128
1915	223	139	120
1916	219	145	115

Выработка продуктов металлургии на всех заводах (без Польши) была (млн. пуд.):

Годы	Чугун	Полупродукт	Продукт
1913	257,4	263,9	219,5
1914	249,3	272,4	222,7
1915	225,3	251,3	199,4
1916	231,9	260,9	205,9
Первая половина 1917	98,9	102,8	79,2

Отсюда видно, что наибольшее падение было в 1915 г. Но и некоторое повышение размеров производства в 1916 г., после мобилизации промышленности, было настолько небольшое, что размеры производства не достигли довоенных цифр, а в первую половину 1917 г. производство обнаруживало уже сильное сокращение.

Но ещё более катастрофическое влияние на народное хозяйство и на подрыв его основных производительных сил оказало не столько сокращение производства, сколько его исключительно военное направление. Милитаризованная промышленность отнимала от хозяйственной жизни страны всё — металл, топливо, финансовые средства, рабочих. По данным Военно-промышленного комитета, на удовлетворение потребности страны в чёрном металле (определявшейся до войны в 305 млн. пуд.) в 1915 г. из общей массы 241,3 млн. пуд. производства железа в распределение назначено было 48 млн. пуд. на частный рынок и 15,8 млн. пуд. на промышленное потребление. Из

других продуктов железоделательной промышленности массового потребления производство, например, строительного железа сократилось с 41 млн. до 15,7 млн. пуд. Поступление заказов главному распределительному синдикату, «Продамет», в 1916 г. сократилось до 79 млн. пуд. железных продуктов всех видов, в 1917 г. — до 48 млн. против 148 млн. пуд. в 1913 г.

Кризис топлива. То же самое необходимо отметить и в распределении топлива. Что касается каменного угля, то даже повысившаяся в 1916 г. добыча его в Донбассе не могла покрыть всей потребности вследствие отпадения польского каменноугольного района и прекращения ввоза из-за границы.

Добыча угля и нефти характеризовалась следующими цифрами (в млн. пуд.):

Годы	Каменный уголь		Нефть
	всего по империи	в том числе Донбасс	
1913	2 199	1 560	561
1914	2 181	1 684	550
1915	1 919	1 627	568
1916	2 096	1 751	602

Некоторое увеличение выработки Донбасса не компенсировало выпадение из общей добычи Домбровского каменноугольного бассейна. В 1913 г. последний давал до 426 млн. пуд. угля из общей добычи в 2 199 млн. пуд., в 1916 г. вся добыча дала лишь 2 096 млн. пуд. При этом, несмотря на то что в каменноугольную промышленность Донбасса было переброшено максимальное число рабочих (к январю 1917 г. — 291 тыс. против 168 тыс. в 1913 г.), производительность на одного рабочего упала к январю 1917 г. до 534 пуд. в месяц против 764 пуд. в месяц в 1913 г.

Несколько лучше было положение с нефтью, но и её добыча была недостаточна. Происходила хищническая эксплоатация нефтяных богатств. При росте добычи нефти в 1916 г. происходило сокращение буровых работ. В 1917 г. число эксплоатируемых скважин в Бакинском районе сократилось с 3,6 тыс. до 1,5 тыс., бурение сократилось против обычных размеров до одной десятой. Такая же тенденция наблюдалась и в других районах — Грозненском и Эмбинском[1].

В связи с войной и мобилизацией промышленности потребление топлива должно было бы значительно увеличиться, тем

[1] Сборник «На новых путях», вып. III; «Промышленность», 1923, стр. 64.

более что некоторые основные промышленные районы, ранее работавшие на привозном угле, теперь должны были перейти на отечественный уголь. Но особенно губительным для промышленности оказался не столько дефицит топлива, сколько политика его распределения. Создание бюрократического Особого совещания по топливу и его политика распределения топлива, с созданием категорий привилегированных (исключительно связанных с войной) и непривилегированных (всех остальных) потребителей, усугубили топливный кризис и привели страну в состояние острого топливного голода.

Хлопчатобумажная промышленность. Хлопчатобумажная промышленность не принадлежала к таким особо покровительствуемым отраслям, как металлургия. Расстройство её было очень значительно. Причина этого лежала в зависимости хлопчатобумажной промышленности от иностранного хлопка, ввоз которого из-за войны почти прекратился. Сокращение покупательной способности населения также сказалось отрицательно, поскольку в первые годы войны хлопчатобумажная промышленность в значительной доле (до 75%) ориентировалась на внутренний массовый рынок. Наконец, сокращение рабочей силы сказывалось здесь ещё более отрицательно, чем в других отраслях.

Предприятия петербургского района, работавшие на иностранном хлопке, стали останавливаться из-за отсутствия ввоза хлопка уже с 1914 г. В 1916 г. по всем предприятиям процент неработавших станков в петербургском районе достигал уже 18,9, в московском районе — 21, а в других районах — 41,9. При этом в преобладающем числе случаев причиной остановки являлся недостаток рабочей силы.

При увеличении цен на ткани почти на 200% потребительский спрос внутреннего рынка должен был значительно сократиться. Но помимо того, с развёртыванием войны всё большая доля продукции хлопчатобумажной промышленности поглощалась военным спросом: в 1916 г. уже до 80% выработки тканей шло на военные нужды, и на долю всего населения оставалось не более 20—15% всей продукции, притом пониженного качества.

Кризис и деградация сельского хозяйства. Непосредственно и больше всего война отразилась на сельском хозяйстве вследствие массовых мобилизаций населения. Вместо довоенной армии в 1370 тыс. человек за время войны до половины 1917 г. было мобилизовано свыше 15 млн., причём первый же год изъял из народного хозяйства до 7,4 млн. человек преимущественно сельскохозяйственного населения полного рабочего возраста. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., по 50 губерниям Европейской и Азиатской России, не занятым

неприятелем, взято было в армию 22,6% всех мужчин и 47,4% всех трудоспособных мужчин.

Из приходящихся на одно крестьянское хозяйство трудоспособных мужчин в среднем в 1,3 человека было взято в армию 0,6 человека. В некоторых губерниях было изъято трудоспособных мужчин свыше 50% (Акмолинская — 60,6%, Забайкальская — 54,8, Амурская — 55,8, Курская — 53,3, Вологодская — 52,2%). Сравнительно с довоенными сборами война 1914—1917 гг. увеличила (по данным для 16 губерний) процент изъятия населения в армию почти в 7—10 раз. По данным той же переписи 1917 г., в большинстве губерний не менее трети, а в некоторых до половины общего числа крестьянских хозяйств осталось без работников. Принудительная работа военнопленных и беженцев мало помогала делу и по своей незначительности и по случайности распределения рабочих рук и восполняла не более 10% убыли рабочих.

Кроме расхищения живой рабочей силы война в корне подорвала и все средства производства в сельском хозяйстве.

Чрезвычайно сильно война ударила по основному виду средств сельскохозяйственного производства — скоту. Массовые мобилизации лошадей в крестьянском хозяйстве, не считаясь со степенью обеспеченности его тягловой силой, привели к тому, что громадное число хозяйств превратилось в безлошадных и малолошадных. Всего ко второй половине 1917 г. было мобилизовано до 2,1 млн. голов, а общее число рабочих лошадей по 50 губерниям Европейской России сократилось с 17,9 млн. в 1914 г. до 12,8 млн. голов в 1917 г. Не менее значительным было сокращение вообще поголовья крупного рабочего скота и в частности волов в связи с усиленными реквизициями и убоем для продовольствия армии, на что пошло до 18 млн. голов. Всего же, если считать убыль скота в занятых немцами губерниях, общие потери скота за первые 19 месяцев войны определялись до 26 млн. голов, и даже с учётом естественного прироста абсолютная убыль достигала 16 млн. голов. Всё это сказывалось особенно губительно на крестьянском хозяйстве, так как оно не могло ни восстановить убыли рабочего скота, ни заменить изношенный инвентарь, ни пополнить недостаток рабочей силы в хозяйстве.

Особенно губительным образом сказались на производстве сельскохозяйственных машин и орудий металлический голод и политика распределения топлива и металла. Уже к концу 1914 г. наиболее крупные сельскохозяйственные машиностроительные заводы сократили производство машин до одной трети довоенного, а в 1916 г. производство 173 наиболее крупных заводов составило всего 25% довоенной выработки сельскохозяйственных машин. Большинство этих заводов было переведено

на военное производство, оставшимся же заводам вместо потребных им 15 млн. пуд. металла было отпущено всего 1,3 млн. пуд. Если таково было положение крупных заводов, то положение мелких починочных и тому подобных мастерских, деревенских кузниц было совершенно катастрофическим: за отсутствием металла и топлива и вследствие мобилизации населения они совершенно прекратили свою работу по ремонту сельскохозяйственного инвентаря.

Наконец, к этому необходимо прибавить почти полное прекращение импорта сельскохозяйственных машин, который давал перед войной ежегодно до 9,7 млн. пуд. и покрывал до 50% всей потребности страны; в 1915 г. было ввезено всего 196 тыс. пуд., а в 1916 г. — 391 тыс. пуд. Таким образом, вследствие сокращения внутреннего производства до 20—25% довоенного, а ввоза до 4% довоенного могло быть удовлетворено в машинах только 8—9% потребности сельского хозяйства. При сокращении рабочей силы в сельском хозяйстве такое уменьшение применения сельскохозяйственных машин отражалось особенно губительно. Некоторое изменение военной экономической политики в 1915—1917 гг. (в 1917 г. было ввезено 1726 тыс. пуд. сельскохозяйственных машин на сумму 21,8 млн. руб.) оказалось уже запоздавшим. И по существу, конечно, оно не могло спасти положения.

Другим весьма важным моментом, также тесно связанным с сокращением внутреннего производства и ввоза, являлось потребление минеральных удобрений. До войны из общего количества потребляемых удобрений в размере 42 млн. пуд. только около 11 млн. пуд. производилось внутри страны и 31 млн. пуд. ввозились из-за границы, преимущественно из Германии. При сокращении ввоза почти до нуля внутреннее производство также сократилось вследствие милитаризации химической промышленности, почему в 1916 г. рынок также мог удовлетворить всего до 8—9% потребности. Такое же явление наблюдалось в снабжении улучшенными семенами, ввозимыми раньше из-за границы.

Результат такого положения мог быть только один — резкое сокращение сельскохозяйственного производства во всех его видах и особенно по наиболее важным товарным отраслям и по хлебам. Размеры посевных площадей по главным хлебам сократились к 1917 г. до 78 млн. десятин против 88,6 млн. в 1914 г., т. е. почти на 10 млн., из которых посевы продовольственных хлебов сократились с 51,2 млн. до 45,1 млн. десятин. Наиболее сильное сокращение давали главные торговые и производящие районы (Северный Кавказ, южные степные губернии) и наиболее ценные торговые хлеба — пшеница, ячмень. Ещё более, чем посевные площади, упали валовые сборы хлебов вследствие

падения урожайности. Валовые сборы всех хлебов и картофеля в среднем за 1909—1913 гг. исчислялись в 7 млрд. пуд., в 1914 г. — в 6,9 млрд., в 1916 г. упали до 5,1 млрд. и в 1917 г. — до 5 млрд. пуд.; в том числе продовольственные зерновые хлеба сократились с 2,8 млрд. пуд. в довоенное пятилетие до 2,2 млрд. пуд. в 1916—1917 гг., а кормовые зерновые (ячмень и овёс) — с 2,1 млрд. пуд. в довоенное пятилетие до 1,1 млрд. пуд. в 1916 г.

Экспорт продуктов сельского хозяйства почти совершенно прекратился. Насколько велико было это сокращение, показывают следующие цифры экспорта в 1913 и 1916 гг.:

	1913 г.	1916 г.
Зерновые хлеба (млн. пуд.)	648,0	2,7
Лён (млн. пуд.)	18,6	7,4
Пенька (млн. пуд.)	3,3	1,2
Масло коровье (млн. пуд.)	4,8	0,6
Яйца (млрд. штук)	3,6	0,1
Щетина (тыс. пуд.)	158,7	0,4

Продовольственный кризис. Поэтому, если принять во внимание, что до войны один зерновой экспорт отнимал от народного продовольствия от 600 млн. до 750 млн. пуд., то при полном прекращении вывоза указанное сокращение урожаев не могло бы вызвать продовольственную катастрофу. Однако уже в 1916 г. она была налицо. Причиной этого явилось не только указанное падение сельскохозяйственного производства, но и вся совокупность расстройства экономической жизни и продовольственно-снабженческая политика правительства. Направив всё промышленное производство на нужды войны, правительственная политика лишала деревню снабжения товарами как производительного, так и личного потребления. Деревня переставала не только сеять, но и продавать свой хлеб, особенно когда с усиленным выпуском бумажных денег ценность их стала падать. Уже с 1915 г. продовольственная катастрофа обнаруживалась не только в городе, но она сказалась и на снабжении армии и даже в самой деревне.

Ввиду невозможности обычными мерами справиться с затруднениями в области снабжения населения продовольствием и регулирования сельского хозяйства и сельскохозяйственного рынка, делается попытка учреждения таких же регулирующих организаций, которые были в промышленности и транспорте. В августе 1915 г. учреждается Особое совещание по продовольствию, хотя формально лишь с совещательными функциями,

но с широкими, почти диктаторскими, полномочиями председателя и его местных «уполномоченных» — губернаторов.

С этих пор дело заготовок продовольствия для населения (кроме армии, заготовки для которой оставлены были в руках военной власти) перешло к правительству и частью к местным городским и земским самоуправлениям. Централизованным правительственным аппаратом было заготовлено в 1914—1915 гг. 305 млн. пуд., в 1915—1916 гг. — 502 млн., в 1916—1917 гг. — 540 млн. пуд. Другими словами, правительственные заготовки снимали почти полностью всё товарное зерно, уничтожив свободный хлебный рынок. Однако такое положение далеко не свидетельствовало об успешности разрешения продовольственного кризиса. Заготовки были основаны на системе твёрдых цен, которые при падении валюты и расхождении с ценами на промышленные товары далеко не удовлетворяли производителя.

После того как частичные реквизиции также перестали помогать делу, в декабре 1916 г. решено было приступить к принудительной хлебной развёрстке, по которой необходимо было получить 772 млн. пуд. хлеба. Но эта мера до февральской революции не осуществилась. По свидетельству первого министра земледелия временного правительства Шингарёва, к 1917 г. никаких хлебных запасов в распоряжении государства не оставалось, и в начале марта 1917 г. «были минуты, когда оставалось хлеба на несколько дней в Петрограде и Москве, и были участки фронта с сотнями тысяч солдат, где запасов хлеба оставалось на полдня»[1].

Кризис транспорта. Колоссальное расстройство захватило и транспорт. Мы уже указывали, что работа для военных целей полностью отвлекала главнейшие машиностроительные, паровозостроительные и металлургические заводы, как Сормовский, Путиловский, Брянский, Коломенский и др., от производства паровозов, вагонов, рельсов и пр.

Производительность заводов железнодорожного оборудования, несмотря на увеличенную напряжённость потребности в нём в годы войны, систематически падала. В 1915 г. железными дорогами было размещено заказов русским заводам на 3 170 паровозов, 3 430 пассажирских и 88 959 товарных вагонов. Выполнение заказов шло медленно, и транспорт за 1914—1916 гг. получил всего 2 188 паровозов, или в среднем по 729 штук в год, причём за один 1916 г. — всего 576 штук. Производство вагонов, достигнув в 1914—1915 гг. 32 тыс., снизилось к 1916 г. до 21 тыс. штук, или до 47% общей производительности заводов.

[1] «Известия по продовольственному делу» № 1, 1917.

Производство рельсов по всем 12 рельсопрокатным заводам в январе 1916 г. было 1364 тыс. пуд., в апреле — 1 079 тыс., что составляло едва половину намеченной потребности.

Ввиду катастрофического положения с производством железнодорожного оборудования на русских заводах правительство уже в начале 1915 г. решило передать крупный заказ за границу. Но Англия на основе кабального Лондонского соглашения ставила выполнение заказа (хотя бы и другими странами, как США) в зависимость от присылки золота в Англию. Английские шейлоки вообще не спешили с выполнением заказов. Поступление большого количества вагонов и паровозов началось только с 1917 г., когда транспорт в России дошёл до непоправимой катастрофы и уже после свержения царского правительства.

Между тем уже в 1915 г. стало ясно, что русские железные дороги не могли справиться с выполнением требований, предъявляемых войной. Не только непосредственные военные перевозки, но и усилившееся движение беженцев, эвакуации, перевозки импортного оборудования и снаряжения, продовольственное снабжение городов и армии и пр. требовали всё большего напряжения работы транспорта. Погрузка вагонов по всей сети увеличилась в 1916 г. до 91,5 тыс. вагонов в день против 58 тыс. вагонов в 1913 г., а пробег их — до 3 млрд. вагоно-вёрст в 1916 г. против 1,9 млрд. вагоно-вёрст в 1913 г.

Железные дороги были не в состоянии справиться с выпавшей на них непосильной задачей всё увеличивавшихся требований на военные, продовольственные и прочие перевозки. Создание бюрократического Особого совещания по перевозкам, как и в других областях правительственного регулирования, не улучшило, а скорее запутало дело всякого рода привилегированными «внеочередными» отправками, часто используемыми не по назначению, а в спекулятивных целях. По планам Особого совещания перевозились военные грузы, интендантское имущество, металл для оборонных предприятий, рельсы, каменный уголь, нефть, строительные материалы для оборонных предприятий, продовольственные продукты для столиц и промышленных центров. Но так как общего государственного плана не было, то громадное количество грузов провозилось без плана, за взятки, а другие необходимые грузы лежали месяцами на станциях, гнили, расхищались.

В связи с летним наступлением русских войск в 1916 г. железные дороги должны были произвести огромные военные перевозки, почему обслуживание экономических нужд тыла железнодорожным транспортом и его провозоспособность резко

ухудшились. «Плановость» перевозок стала проводиться более жёстко, для чего был создан особый Распорядительный комитет. Но это не улучшило дело. Когда во Владивосток из США прибыли грузы рельсов в 10,2 млн. пуд., Сибирская дорога не могла в поставленный срок справиться с перевозкой. Очень затруднительной оказалась переброска в Архангельский порт грузов льна и пшеницы, предназначенных на вывоз в Англию и Францию. Военные предприятия испытывали острый голод в металле и угле, а Распорядительный комитет принуждён был сокращать нормы погрузок металла. Железные дороги юга и центра не могли разгрузить станции Донбасса от угля. Когда население столиц и промышленных центров голодало, в Уральске, на Каспии, на Волге, на Дону гнили огромные грузы рыбы, мяса, хлебных продуктов.

Катастрофа транспорта углублялась. Уже в начале 1916 г. залежи грузов на железных дорогах достигали 150 тыс. вагонов, из них 50 тыс. внеочередных, причём 575 станций были совсем закрыты для погрузки. Всё это ставило под серьёзную угрозу не только снабжение населения, но даже и военное снабжение армии.

Поэтому-то, когда обнаружилась непоправимая катастрофа транспорта, стала ясной и неизбежность общей военной катастрофы. Недаром военной цензурой уже в начале 1916 г. были запрещены всякие сообщения печати о каких бы то ни было случаях расстройства транспорта.

Финансирование войны и расстройство государственных финансов. Колоссальные расходы, которых требовала война, не могли, конечно, покрываться из общебюджетных средств. Отпала одна из важнейших доходных статей обыкновенного бюджета — винная монополия, — дававшая за последние годы до 900 млн. руб., или до 28% всего дохода. В связи с войной произошло падение благосостояния трудящихся масс, понижение потребления ими продуктов и, следовательно, падение поступлений косвенных налогов, которые составляли до 20% доходного бюджета. Правительство усиливало косвенное обложение, предполагая этим восполнить отпадение доходов от винной монополии, но поступления от налогов уменьшались. Попытки обложения наживавшейся на войне буржуазии и помещиков в виде обложения сверхприбылей и подоходного налога были сделаны лишь во второй половине 1916 г. Обложение сверхприбылей дало ничтожную сумму поступлений в 55 млн. руб., а подоходный налог на 1917 г. был запроектирован в 130 млн. руб. Обыкновенный бюджет давал всё возрастающие дефициты. Приходилось искать других источников для покрытия громадных расходов, связанных с войной.

*

Общая сумма бюджетных доходов и расходов за годы войны исчислялась в следующих цифрах (млн. руб.)[1]:

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Доходы всего	4 556	11 203	17 781	19 128
В том числе:				
обыкновенные	2 898	2 828	3 974	5 700
чрезвычайные без займов	8	196	327	680
от займов	1 595	8 143	13 449	12 718
Расходы всего	5 743	11 703	18 101	31 380
В том числе:				
обыкновенные	2 927	2 643	2 922	4 800
чрезвычайные без военных	276	194	230	580
вызванные войной	2 540	8 818	14 573	25 200

Таким образом, расходы, вызванные войной, за все четыре года (1914—1917) достигли 51 млрд. руб., из которых до сентября 1917 г. израсходовано на войну 41,4 млрд. руб. Суточный расход на войну увеличился с 25,7 млн. руб. в 1915 г. до 41,7 млн. в 1916 г. и до 58,4 млн. руб. в день за первые восемь месяцев 1917 г. В этом увеличении отчасти сказалось падение ценности рубля, но реальные затруднения бюджета от этого ещё более увеличились. Обыкновенный бюджет, несмотря на увеличение налогов, увеличился за четыре года всего в 2 раза — с 2,96 млрд. руб. в 1914 г. до 6,41 млрд. руб. в 1917 г. — и дал общую сумму обыкновенных доходов в 16,8 млрд. руб. Дефицит по бюджету без займов достиг за четыре года 49 млрд. руб.

Для покрытия военных расходов и бюджетного дефицита за годы войны до сентября 1917 г. сделано займов на сумму 42,5 млрд. руб., в том числе 8,5 млрд. заграничных займов, 11,6 млрд. внутренних долгосрочных и 21,5 млрд. руб. внутренних краткосрочных. Из этих займов действительно реализовано поступлений по госбюджету 35,9 млрд. руб., из которых на расходы, связанные с войной, пошло 23,9 млрд. Другими словами, из займов тратилось непосредственно на покрытие военных расходов около 60%, остальное шло на покрытие общебюджетных дефицитов. В результате государственный долг России с 8,8 млрд. руб. на 1 января 1914 г. увеличился на 1 июля 1916 г. до 43,9 млрд. руб. и на 1 января 1917 г. — до 60 млрд. руб.

Внутренние займы, особенно долгосрочные, реализовались с трудом, значительная часть их падала на расходы по реализа-

[1] *Г. Дементьев*, Государственные доходы и расходы России и положение казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г.

ции и подписке через банки, а другая часть оставалась нереализованной в портфелях банков. Кроме собственно займов, краткосрочных и долгосрочных, правительство выпускало так называемые «краткосрочные 5% обязательства государственного казначейства», которые оно «учитывало» в Государственном банке и которыми частично расплачивалось с поставщиками казны наравне с бумажными деньгами. К 1 января 1917 г. таких краткосрочных обязательств находилось в обращении 9,8 млрд. руб., т. е. почти столько же, сколько бумажных денег.

Иностранные займы были значительно меньшей суммы, чем внутренние. Однако они были особенно важны для ведения войны, так как были непосредственно связаны с заграничными заказами на предметы вооружения и военного снаряжения — на пушки, снаряды, оружие, взрывчатые вещества и интендантское снаряжение. Кроме того, иностранные военные займы за годы войны шли также на уплату процентов по прежним государственным займам, на поддержание курса рубля, на расчёты по обязательствам русских промышленных и банковых учреждений. Иностранные займы, таким образом, усиливали зависимость царской России от союзников. Последние снабжали Россию займами и кредитами лишь при условии закупок военного снаряжения для продолжения войны, что ещё более отягчало и без того кабальные условия займов.

Всего к началу войны на 10 июля 1914 г. русского золота за границей имелось на сумму 666,3 млн. руб., в том числе во французских банках — 463 млн., в Германии — 110,9 млн. и в Англии — 80,9 млн. руб.[1] Сверх того имелись вклады в частных банках и другие обязательства. Этих сумм в нормальных условиях могло надолго хватить для обычных операций обеспечения кредитов, выплаты процентов по займам и частным обязательствам промышленных и банковых предприятий, по поддержанию курса рубля.

Война опрокинула все эти расчёты. С началом войны заграничные банки объявили мораторий, русские золотые вклады на долгое время были заморожены, а новый приток валюты прекратился. Создалось очень трудное положение для расчётов России по старым, довоенным обязательствам и по новым военным расходам. Русское государственное казначейство стало под эти вклады выпускать краткосрочные обязательства. Французский банк открыл кредит для учёта этих обязательств в размере 500 млн. фр., но лишь для покрытия старой задолженности русских промышленных и банковых учреждений. Английский банк согласился открыть кредит в 20 млн. ф. ст., но потребовал

[1] Эти и дальнейшие цифры — по данным Особой канцелярии по кредитной части, отд. II, ст. 1, 1914 г., д. 2 и 3, Архив НКФ.

присылки в счёт этой суммы наличного золота в размере 8 млн. ф. ст. и учёта краткосрочных обязательств на остальные 12 млн. ф. ст. при условии расходовать кредиты и размещать военные заказы только внутри Соединённого королевства. Банки США (Морган и Националь-Сити) вовсе отказались учитывать казначейские обязательства и предложили лишь небольшой краткосрочный кредит на тяжёлых условиях (со всеми расходами до 7%).

Между тем уже в первый год войны военных заказов за границей Россией было произведено на 375 млн. руб., в том числе в Англии на 183 млн. руб. и в США на 155 млн. руб. Золото было отправлено в Англию, кредиты исчерпаны, требовались новые займы и кредиты.

С этих пор начинаются длительные переговоры и совещания о финансовых операциях между Россией и Англией, Россией и Францией, в меньшей мере — с США, Японией и Италией, а также о взаимных комбинациях и расчётах между этими странами по финансированию войны и военным займам [1]. Англия настойчиво сохраняла своё требование о присылке ей из России наличного золота как условие открытия кредитов, несмотря на все протесты русского правительства и несмотря на то что запасы золота в Государственном банке России истощались. Но чем более истощались золотые запасы и чем более русское правительство входило в кабалу английским банкам, тем требования их становились всё жёстче. Англия стала полным хозяином и распорядителем русских имперских финансов, оттеснив Францию от того преобладающего положения, которое она занимала в этом отношении до войны.

Кроме тяжёлых условий займов очень жёстко обставляла Англия и условия производства для России предметов военного снаряжения и вооружения. В Лондоне в целях объединения и регулирования русских заказов и условий их финансирования был создан англо-русский правительственный комитет. Вся процедура производства заказов, разрешения правительственных кредитов, разрешения от английского правительства вывоза заказанных предметов, получения валюты и пр. — была настолько сложна и громоздка, что частные русские заводы не обращались в правительственный комитет, а предпочитали делать заказы обычным путём — через комиссионеров, — хотя бы этот путь был дороже. Но русское правительство при казённых заказах даже в США при посредстве Англии принуждено было прибегать к этой сложной и громоздкой процедуре англо-

[1] Подробнее об этом в статье: *А. Сидоров*, Влияние империалистической войны на экономику России в «Очерках Октябрьской революции», т. I, а также в его докторской диссертации под тем же названием, 1943 г.

русского комитета. Сама Англия стала заказывать некоторые станки в США и создала в этих целях особый центральный орган. Выступая как посредница русских заказов в США, Англия стала требовать, чтобы и русские заказы проходили через этот англо-русский комитет. Всё это делало заказы очень дорогими. Один петроградский завод заказал через комитет разрывную машину, обошедшуюся в 1 тыс. ф. ст., тогда как в Америке с доставкой в Россию она обходилась в 2 тыс. долл., т. е. в 2,5 раза дешевле. Уральский горнометаллургический завод заказал трубы для паровых котлов, обошедшиеся при прохождении заказа через комитет в 330 ф. ст., при заявленной заводом-поставщиком цене в 127 ф. ст. Кроме того, увеличивая накладные расходы, Англия требовала их уплаты валютой. Так Англия стала хозяином положения в русских военных заказах за границей, используя все выгоды своего господства в финансировании царской России[1].

По позднейшим итоговым подсчётам[2], вся сумма иностранных военных займов России за годы мировой войны, за вычетом той части их, которая была погашена вывезенным золотом и другими обязательствами, определялась в 7,68 млрд. руб., из которых на Англию приходилось 5,37 млрд. руб., на Францию — 1,49 млрд. и на США — 553 млн. руб. Хотя не все эти расходы пошли непосредственно на нужды войны, но эта громадная сумма с высокими процентами и при других невыгодных ограничениях была затребована от России её союзниками. Они рассматривали её участие в войне не с точки зрения интересов общего дела, а исходя из грубо меркантильных соображений выгодности заказов и доходности займов. Союзники снабжали Россию деньгами на кабальных условиях для покупки у них военного снаряжения и для продолжения изнурительной войны. Об этом уже после февральской революции они напоминали с циничной откровенностью, говоря, что обеспечат России заём, если русские войска будут воевать.

Это был очень характерный штрих в отношениях между союзниками в период первой мировой войны. Когда же в России произошла социалистическая революция и революционное правительство, выполняя волю народа, вышло из империалистической войны и отказалось платить царские долги, Англия и Франция стали в резко враждебные отношения к Советской республике.

Другим источником покрытия военных расходов явилось крайнее усиление эмиссии бумажных денег и прекращение

[1] МОИА, ф. 336, Совет съездов представителей металлообрабатывающей промышленности, д. 1143, доклад главноуполномоченного в Лондоне.

[2] *Л. Пасвольский* и *Г. П. Моултон*, Русские долги и восстановление России, 1925, стр. 167.

размена их на золото. Размен бумажных денег на золото был прекращён тотчас же, как началась война, в июле 1914 г. (ст. ст.). Эмиссия и падение параллельно с ней ценности денег вследствие роста товарных цен характеризуются следующими цифрами:

	Кредитных билетов в обращении (млн. руб.)	Индекс роста товарных цен
На 1 июля 1914 г.	1 530	100
» 1 января 1915 »	2 946	115
» 1 » 1916 »	5 617	238
» 1 » 1917 »	9 103	702
» 1 октября 1917 »	17 175	1 171

При таком быстром увеличении количества кредитных билетов в обращении золотой фонд Государственного банка, исчислявшийся на 1 июля 1914 г. в 1744 млн. руб. и дававший на 98,2% покрытия бумажноденежного обращения, сократился на 1 января 1917 г. до 1474 млн. руб., а на 1 октября 1917 г. — до 1295 млн. руб., давая всего 6,8% покрытия бумажноденежной массы. Оторвавшись от своего золотого основания, бумажные деньги при дефицитном бюджете, при сокращении промышленной деятельности и кредита стали быстро падать в своей ценности, а товарные цены быстро расти, ещё более усугубляя катастрофичность общего положения.

Рост отрицательного торгового баланса. Неблагоприятное влияние расстройства денежной системы и падения ценности денег усугублялось ещё тем обстоятельством, что экспорт из России почти совершенно прекратился, и торговый (а тем более и расчётный) баланс её стал отрицательным. Так, баланс внешней торговли России за время войны был (по всем границам, в млн. руб.):

	Ввоз	Вывоз	Баланс (+ или —)
1913—1914 гг. (до 1 июля)	1 470	1 697	+ 227
Июль — декабрь 1914 г.	297	228	— 69
1915 г.	1 131	397	— 734
1916 г.	2 675	579	— 2 096

Таким образом, за два с половиной года войны отрицательный баланс по внешней торговле дал 2,8 млрд. руб., т. е. разница недобора сравнительно с положительным довоенным балан-

сом достигла свыше 1 млрд. руб. в год. Это ещё более ухудшило положение рубля на заграничных биржах и усугубляло тяжесть неблагоприятного расчётного баланса России по чрезвычайно возросшей иностранной задолженности.

Расстройство кредита. Расстройство финансового хозяйства неблагоприятно отражалось на кредите, который стал также значительно сокращаться. Так, один из важнейших видов краткосрочного коммерческого кредита — учёт векселей — сокращался государственным банком в следующих размерах: на 1 октября 1914 г. балансовый остаток по учётно-вексельной операции был 709 млн. руб., на 1 января 1915 г. — 619 млн., на 1 января 1916 г. — 382 млн., на 1 января 1917 г. — 251 млн., на 1 апреля 1917 г. — 211 млн. руб. Сокращая, таким образом, кредитование промышленности, Государственный банк особенно усиленно развивал кредитование своего главного «должника» — казны: выпускаемые казной так называемые «краткосрочные обязательства государственного казначейства» («векселя» казны) стали в громадных суммах учитываться банком. На 1 января 1917 г. учёт этих обязательств по балансу давал сумму в 6866 млн. руб., а на 1 октября 1917 г. — 14 098 млн. руб. Таким образом, все активные операции банка были направлены на кредитование казны и её военных расходов.

В то же время как в Государственном банке, так и в частных банках обнаруживается значительный рост вкладов и текущих счетов. Так, балансовые остатки вкладов и текущих счетов по всей кредитной системе (Государственный банк, частные коммерческие банки, общества взаимного кредита, городские и общественные банки, без сберегательных касс) были таковы (в млн. руб.):

	Государственный банк	Частные банки и прочие кредитные учреждения
На 1 января 1914 г.	235	3 218
» 1 » 1915 »	482	3 535
» 1 » 1916 »	960	4 346
» 1 » 1917 »	1 652	7 566

Вклады и сбережения (с процентными бумагами) в сберегательных кассах за то же время увеличились с 2 млрд. руб. на 1 января 1914 г. до 3,1 млрд. к 1 января 1916 г., до 5,2 млрд. руб. к 1 января 1917 г. и до 6,9 млрд. руб. к 1 октября 1917 г.

Таким образом, обнаруживалось значительное увеличение вкладов и сбережений в кредитную систему, особенно в Государственный банк, где вклады и текущие счета к 1917 г. увеличились в 7 раз против довоенного. Но если принять во внимание происшедшее падение покупательной ценности денег, то будет ясно, что это накопление было в действительности фиктивным. Ещё более важное значение имело то обстоятельство, что, усиленно привлекая денежные средства из народного хозяйства, Государственный банк всё в большей массе бросал их не на кредитование промышленности, сельского хозяйства и торговли, а на кредитование военных расходов. Таким образом, происходило чрезмерно быстрое увеличение за время войны «фиктивного» денежного капитала и всё более возрастающее использование его на непроизводительные цели.

Рост дороговизны. Сокращение сельскохозяйственного производства, расстройство снабжения, сокращение работы на внутренний рынок лёгкой промышленности, быстрое обесценение рубля — всё это должно было сказаться на быстром росте дороговизны на все предметы потребления, особенно на продукты продовольствия. Тяжесть дороговизны определялась тем, что номинальный рост денежной заработной платы, особенно в первые годы войны, значительно отставал от роста цен. Основной причиной этого был рост бумажноденежного обращения и обесценение бумажных денег.

Уже в первые месяцы войны, к декабрю 1914 г., цены на продовольствие повысились сравнительно с довоенными на 25%, остальных товаров — на 11%. К весне 1915 г. цены на хлеб повысились уже на 59%, на промышленные товары — на 35%. За второй год войны цены на хлеб возросли на 122%, а на промышленные товары — на 145%. Наконец, к 1917 г. цены на разные продукты за один год возросли от 40 до 200%. Так, если цены на продукты продовольствия в Москве в 1916 г. принять за 100, индекс цен к январю 1917 г. будет: хлеб печёный — 141, мясо — 249, овощи — 328, молоко — 191, молочные продукты — 238 и т. д. Наиболее сильно рост цен на продукты продовольствия проявился в главных промышленных и городских центрах, как Петроград, Москва и др. В Петрограде цены к концу 1916 г. сравнительно с 1914 г. возросли: молоко — на 150%, белый хлеб — на 500, масло сливочное — на 830, обувь и одежда — на 400—600%.

Падение национального дохода и богатства. Описанное положение народного и государственного хозяйства при громадных военных расходах не могло не сказаться самым губительным образом на истощении и падении всего народного благосостояния и доходов. По подсчётам Прокоповича, «национальный» доход России, определяемый им накануне войны

в 16,4 млрд. руб., за годы войны падал в следующих размерах (в млрд. руб.):

Годы	Национальный доход	Потребление населения	Военные расходы
1914—1915	15,8	11,5	4,3
1915—1916	13,9	8,7	5,7
1916—1917	12,2	7,3	7,1

При всей приблизительности этих цифр они достаточно подчёркивают не только всё большее поглощение военными расходами народного дохода, но и обнаружившийся к 1916—1917 гг. абсолютный дефицит (примерно в 2 млрд. руб.), т. е. необходимость покрытия его уже не из «народного дохода», а из капитальных фондов страны. Война поглотила вообще от 27% всего народного дохода в первый год до 49,3%, т. е. почти половину народного дохода, в третий год военных действий. Достигалось это как с помощью самого сильного напряжения налогового пресса, так и особенно с помощью усиленного выпуска обесцениваемых бумажных денег — этого самого жёсткого, разорительного и неравномерного налогового бремени. Но, повидимому, на основе приведённых примерных расчётов следует предполагать, что военные расходы уже в третий год войны не только поглощали до половины народного дохода, но шли и за счёт капитальных фондов страны, за счёт истощения народных сбережений. По тем же примерным подсчётам, расходы России на войну за время по 1 августа 1917 г. составляли до 19,6% её «народного богатства», до 52% народного дохода и до 313% её довоенных сбережений.

Ухудшение положения рабочих. Положение рабочих во время войны 1914—1917 гг. значительно ухудшилось вследствие отставания уровня зарплаты от роста дороговизны и ухудшения условий труда в связи с политическими и военными репрессиями против рабочих, особенно на милитаризованных предприятиях. Рабочий день, как правило, был почти везде удлинён обязательными сверхурочными часами для выполнения военных заказов. Было сокращено число дней отдыха. Санитарно-гигиенические условия труда на производстве ухудшились в связи с загрузкой предприятий и непрерывностью производства, почему усилилась заболеваемость рабочих, увеличилось число несчастных случаев и т. п. При мобилизации рабочих мужчин фабриканты стали особенно широко применять женский и детский труд, хотя и менее квалифицированный, но более дешёвый. Поэтому уже в 1916 г., несмотря на то что

промышленность не справлялась с громадными военными заказами, обнаруживается рост безработицы не только в таких отраслях, как текстильная, но и в металлургической промышленности. В 1915 г. в Петрограде и некоторых других крупных центрах были организованы биржи труда. Но за девять месяцев их работы из 313,9 тыс. рабочих, предлагавших свой труд, поступило на работу лишь 237,9 тыс. На биржах создавались кадры безработных квалифицированных рабочих.

Заработная плата, номинально в годы войны возраставшая, реально сильно отставала от роста цен. Так, среднестатистический годовой заработок рабочих по московскому промышленному округу составлял (руб.)[1]:

Годы	Средний для всех производств	Металлисты	Текстильщики по хлопку
1913 . . .	218	384	210
1914 . . .	221	324	202
1915 . . .	248	445	221
1916 . . .	406	761	320

Номинальная заработная плата у всех рабочих Московского округа возросла на 86%, у металлистов — на 98, у текстильщиков — на 59,2%, но товарные цены к концу 1916 г. возросли сравнительно с 1914 г. на 200—300%, а цены на предметы первой необходимости в потреблении рабочего — в 5—6 раз и более. Стоимость бюджетного набора рабочего на 1 января 1917 г. сравнительно с 1913 г. повысилась на 294% в среднем для России и до 306% для Москвы[2]. Таким образом, несмотря на номинальное увеличение зарплаты, рабочие уже в 1916 г. голодали. Попытки перевести рабочих милитаризованной промышленности на натуральное снабжение военным ведомством, так же как и другие мероприятия царизма и буржуазии по «борьбе с дороговизной», не могли ни к чему привести. Рабочие скоро стали сознавать, что разрешение для них «продовольственного вопроса» лежит в революционной борьбе против царизма и империалистической буржуазии.

Рабочее движение во время войны. Военный кризис и развал капиталистического хозяйства, всё более превращавшийся в общий народнохозяйственный, социальный и политический кризис, должны были обострить и ускорить процесс революционизирования трудящихся масс вообще и особенно, конечно, передовых масс рабочих. Война была, по выражению Ленина,

[1] «Статистика труда» № 5—7, 1919.

[2] «Наёмный труд в России», под ред. С. Г. Струмилина, вып. 1, стр. 52.

«могучим ускорителем» этого процесса революционизирования, несмотря на крупные количественные и качественные изменения в составе рабочего класса, которые она произвела.

Мобилизация 15 млн. крестьян и рабочих сразу отвлекла от производства значительные кадры рабочих, притом наиболее квалифицированные, иногда с заменой их политически мало сознательным элементом. Но это обстоятельство имело громадное политическое значение: оно усилило революционные настроения солдат. В некоторых предприятиях первые же мобилизации отняли до 40% рабочих кадров. Несмотря на то что правительство и буржуазия смотрели на мобилизацию рабочих, как на средство против революционных выступлений, всё же экономическая необходимость требовала оставления на работе квалифицированных рабочих, особенно в предприятиях, работающих на войну, что и стало проводиться после введения системы милитаризации промышленности.

Особенно важное политическое значение имело при этом то обстоятельство, что благодаря расширению и новой постройке крупных заводов концентрация промышленности во время войны повысилась. Так, из 2,5 млн. рабочих на 1 января 1915 г. на мелких предприятиях — с числом рабочих до 100 человек (78,4% всех предприятий) — работало всего 17,8% всех рабочих, тогда как на крупнейших предприятиях — с числом рабочих свыше 500, — составлявших всего 5,6% всех предприятий, работало 56,5% всех рабочих. Эти крупнейшие предприятия, преимущественно металлообрабатывающей промышленности, стали превращаться в рабочие штабы подготовки революции.

Мобилизация в первые же дни объявления войны вызвала в Петербурге значительные забастовки и демонстрации рабочих. Тем не менее рабочее движение и руководство им в связи с военным режимом по необходимости должно было выработать новую тактику. Поэтому с первых же дней войны начинается та пропагандистско-агитационная работа, о которой Ленин говорил, что «...она *одна* принесет социалистические плоды, плоды революционные» [1].

Социал-демократические партии II Интернационала изменили рабочему классу. С самого начала войны они призывали рабочий класс к поддержке «своего» правительства, «к защите отечества». Только большевики во главе с Лениным проводили последовательную интернациональную, революционную пропаганду. Ленин неустанно разоблачал предательство лидеров II Интернационала, организовывал революционные элементы на борьбу против империализма и войны. В противовес призывам социал-шовинистов II Интернационала о защите

[1] «Ленинский сборник» II, стр. 204.

буржуазного отечества Ленин выдвинул лозунг поражения своего правительства в империалистической войне как лозунг борьбы для каждой социал-демократической партии любой империалистической страны. Военное поражение царской России Ленин считал наименьшим злом для народа, так как это облегчило бы победу над царизмом. В противовес предательским призывам к гражданскому миру Ленин выдвинул лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Рост дороговизны и продовольственный кризис должны были стать революционизирующим моментом. Разъяснение политического значения продовольственного вопроса для рабочего становилось одной из тем, наиболее доступных и понятных даже для малосознательных масс. На этой почве шло быстрое вовлечение в революционное движение широких масс рабочих и работниц.

«Продовольственные беспорядки», начавшиеся в апреле 1915 г. в Петрограде и Москве, постепенно охватили многие пункты и приобрели политический характер, подготовляя к гражданской войне. Ленин уже тогда считал необходимым использовать продовольственные затруднения для революционизирования масс, чтобы «...разъяснять массам... что налицо есть величайшей силы исторический двигатель, который порождает невиданный кризис, голод, неисчислимые бедствия. Этот двигатель — война...»[1]

Всё изложенное о положении рабочего класса и вообще трудящихся в первые годы войны объясняет и характер рабочего движения за эти годы. Количественные итоги стачечного движения (по предприятиям, подчинённым надзору фабричной инспекции) за годы войны даны в следующей таблице[2]:

Годы	Число забастовок	Число бастовавших рабочих (тыс.)
1914 (август — декабрь)	68	34,7
1915	928	539,5
1916	1 284	951,7
1917 (январь — февраль)	1 330	676,3

[1] «Ленинский сборник» II, стр. 354.

[2] «Рабочее движение в годы войны», сборник Центроархива; «Материалы по статистике труда», 1920 г. Эти цифры для 1914 г. несколько разнятся от цифр, приведённых на стр. 410 по данным фабричной инспекции.

Приведённые цифры ярко иллюстрируют быстрое нарастание стачечного движения. Первые два месяца 1917 г. дают громадный общий подъём забастовочного движения, превосходящий по числу забастовок годовые итоги 1915—1916 гг.

Начало движению положили текстильщики, конечные этапы возглавляли металлисты. Центром рабочего движения и наиболее определённых политических его требований становится Петроград, где уже со второй половины 1915 г. стачки приобрели бурный характер, с активным вооружённым сопротивлением полиции и войскам. Уже в сентябре 1916 г. начальником Петроградского военного округа было объявлено, что все рабочие, не явившиеся на работу, будут предаваться военно-полевому суду (т. е. фактически расстрелу). Но и эти военные репрессии не могли остановить движения.

С октября 1916 г. в рабочем движении Петрограда и Москвы начинается период всеобщего и массового нарастания политических и революционных требований под непосредственным руководством «ленинского подполья» и большевистских лозунгов и агитации. В первые месяцы 1917 г. питерский пролетариат выступает уже вполне подготовленным к нанесению сокрушительного удара царизму, а за ним и всей системе российского капитализма.

В Петрограде 18 февраля 1917 г. началась забастовка рабочих Путиловского завода, 22 февраля бастовали рабочие большинства крупных предприятий. 23—24 февраля происходили крупные политические демонстрации и бастовало до 200 тыс. рабочих. 25—26 февраля революционное движение охватывает весь рабочий Петроград, и демонстрации начали перерастать в попытки восстания.

В других промышленных центрах, даже в таких, как Москва, в рабочем движении вначале преобладали чисто экономические требования. Но и здесь стачки, возникавшие на почве дороговизны и экономических требований, приобрели широкое политическое значение благодаря политическому руководству большевиков и сопротивлению, оказываемому рабочими военным репрессиям со стороны правительства. Таковы были закончившиеся расстрелом стачки в Костроме, в Иванове летом 1915 г., на тверских мануфактурах, на тульских и брянских заводах в 1916 г., на нижегородских фабриках и пр. Не менее интенсивно с 1915—1916 гг. начинало развиваться рабочее движение на Юге, быстро переходя здесь по тем же причинам от экономических форм борьбы к политическим требованиям и к активному сопротивлению полиции. Таковы стачки на металлургических предприятиях Таганрога, на шахтах и рудниках Мариупольского и Донского округов, на судостроительных заводах в Николаеве, на шахтах и предприятиях Бахмутского

и Горловского районов, закончившиеся кровавыми столкновениями, наконец в Бакинском нефтяном районе и др. Все эти стачки, хотя бы и начинавшиеся на экономической почве и не всегда заканчивавшиеся победой рабочих, имели то громадное значение, что подготовляли рабочие массы периферии для нанесения вместе с петроградскими рабочими сокрушительного удара царизму.

Революционная борьба рабочих встречала сочувствие и поддержку со стороны солдат — крестьян, одетых в шинели. Так, в Петрограде ещё в октябре 1916 г. на автомобильном заводе Луи Рено солдаты, вызванные для подавления забастовки, стреляли не в рабочих, а в полицейских[1].

Первые два месяца 1917 г. проходят при всё нарастающем рабочем движении, в беспрерывной стачке. В январе число бастовавших было 244 тыс., в феврале — 432 тыс., в том числе в Петрограде 200 тыс. и в Москве 161 тыс. Политические стачки в феврале уже не только преобладают, как это было ещё в январе (66,4%), но уже составляют 95,6% всех стачек. Нарастание политических мотивов и требований в стачках непосредственно приводят рабочее движение к политическим выступлениям против правительства, к открытой политической борьбе с самодержавием. Приближалась революция.

Февральская революция и свержение самодержавия. 18 февраля в Петрограде начинается забастовка на Путиловском заводе, 22 февраля бастовали рабочие большинства крупных петроградских заводов. 23 февраля, в Международный женский день (8 марта н. ст.), рабочие по призыву Петроградского комитета большевиков выходят на улицу для демонстрации против царизма, войны и голода. Рабочие бастующих заводов «снимают» работающих, устраивают у заводов многолюдные митинги, приходят в столкновение с полицией. На другой день, 24 февраля, революционное движение и демонстрации не ослабевают, а усиливаются и расширяются, привлекая в свои ряды уже сотни тысяч рабочих. Толпы рабочих демонстрантов по нескольку десятков тысяч человек проходят по улицам города, стремясь к центру его. Появляется большое количество флагов с надписями «долой самодержавие», «долой войну». На главных улицах и в центре города учащаются столкновения с полицией при явном сочувствии к демонстрантам призванных войск.

25 февраля политическая демонстрация захватывает весь город и все массы трудящегося населения. Все заводы, даже самые отсталые и мелкие, бастуют, торговые заведения не работают, трамвай останавливается, телефонное сообщение прекра-

[1] *М. Палеолог,* Царская Россия накануне революции, 1923, стр. 230.

щается. Политические забастовки по районам переходят во всеобщую политическую забастовку по всему Петрограду. 26 февраля политическая демонстрация явно перерастает в попытки вооружённого восстания. Демонстранты разоружают полицию и вооружаются отобранным оружием, полицейские участки подвергаются разгрому. Полиция ещё оказывает сопротивление, но воинские части, призванные для подавления «беспорядков», не препятствуют демонстрантам, а в некоторых случаях оказывают им содействие.

Царское правительство решило принять энергичные меры для подавления движения и для прекращения «беспорядков». 26 февраля 4-я рота запасного батальона Павловского полка, посланная стрелять в народ, восстала, присоединилась к демонстрантам и стреляла по полиции. В тот же день бюро Центрального Комитета большевистской партии выпустило манифест с призывом к продолжению вооружённой борьбы против царского самодержавия и к созданию Временного революционного правительства. 27 февраля уже ряд полков (Волынский, Московский, Семёновский и др.) или прямо присоединились к восстанию, или отказались от его подавления.

Солдаты — те же крестьяне и рабочие, переодетые в солдатские шинели, — руководимые передовыми рабочими, встали в ряды восставших. 27 февраля утром восставших солдат было 10 тыс., вечером — свыше 60 тыс. Телеграмма Николая II командующему войсками Петрограда Хабалову с требованием «прекратить беспорядки» застала Хабалова с кучкой офицеров без войск, в осаждённом восставшими Адмиралтействе. Наконец, этот последний оплот царизма, а за ним и Петропавловская крепость также были заняты восставшими. Шла ещё перепалка с полицией и жандармами, засевшими на чердаках с пулемётами. Царские министры и военные власти были арестованы. Революция в Петрограде победила. Войска полностью перешли на сторону восставшего народа: к утру 1 марта восставших солдат было 144,7 тыс., к вечеру — 170 тыс.[1] Победа революционного народа над царизмом была почти бескровной.

Революция победила так легко потому, писал Ленин, что в ней слились «*...совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления»[2]. Застрельщиком революции был рабочий класс, гегемон революции. Против царизма боролись возглавляемые рабочим классом миллионные массы крестьян, переодетых в солдатские шинели. Буржуазия

[1] «Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г.», Сборник материалов и документов, 1932, стр. V—VI.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 296.

выступила в феврале против Николая II и его правительства, недовольная его слабостью и спешившая предупредить рабочую революцию. Союзники толкали русскую буржуазию на этот шаг, также боясь победы рабочей революции и потери России как союзника в войне. Под напором этих «потоков» в течение нескольких дней «...развалилась монархия, державшаяся веками и в течение 3 лет величайших, всенародных классовых битв 1905—1907 годов, удержавшаяся несмотря ни на что...»[1]

ГЛАВА XXIII

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И РАЗВАЛ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Свержение буржуазной власти и победа социалистической революции

Организация власти. Свержение самодержавия рабочими и солдатами в тот же день поставило вопрос о создании новой власти. В сознании передовых рабочих ещё со времени первой революции 1905—1907 гг. жили Советы рабочих депутатов как органы революционной власти победившего пролетариата.

Когда восставшие рабочие и солдаты 27 февраля свергли царское правительство и освободили из тюрем политических заключённых, они вместе с ними направились в Таврический дворец и совместно с собравшимися там представителями профессионального и кооперативного движения и левыми думскими депутатами-социалистами образовали Совет рабочих и солдатских депутатов. Заводы стали посылать в Совет своих выборных. Рабочие смотрели на Совет, как на орган победившей революционной народной власти, который, организуясь, осуществит все требования народа и завоевания революции, в первую очередь даст народу мир, землю и хлеб.

Был избран Исполнительный комитет Совета. Но Совет всё же не оформил себя как единая государственная власть победившего пролетариата и крестьян.

В это время большевики вели работу непосредственно в рабочих массах. Ленин был в эмиграции, Сталин, Свердлов

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 23, изд. 4, стр. 291.

и др. — в ссылке, а меньшевики и эсеры были на свободе. Поэтому во главе Петроградского Совета и его Исполкома большинство мест захватили меньшевики и эсеры, которые считали, что революция закончена и власть должна быть передана буржуазии. То же самое было и в других городах.

В это время думские либеральные буржуазные круги, принимавшие со времени нарастания политического кризиса большое участие в компромиссных попытках спасти монархию от революции, решили взять власть в свои руки, чтобы не допустить дальнейшего развития революции. Ещё раньше, чем собрался первый Совет рабочих и солдатских депутатов, 27 февраля в 2 ч. 30 м. дня, было созвано совещание членов Государственной думы (за несколько дней до этого объявленной правительством распущенной) для образования по тайной договорённости с эсеро-меньшевистскими лидерами Временного комитета. После продолжительных прений, при известии о полной победе восстания народа и войск, в 5 час. вечера был срочно образован Временный комитет Государственной думы, во главе с помещиком и монархистом Родзянко, как переходный орган власти буржуазии до избрания Временного правительства.

1 марта Временный комитет Государственной думы и эсеро-меньшевистские лидеры Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов втайне от большевиков договорились о сформировании Временного правительства во главе с князем Львовым. Во Временном правительстве наравне с представителями капиталистов — главы кадетов Милюкова и главы октябристов Гучкова — был в качестве представителя «демократии» и эсер Керенский.

Была одобрена политическая декларация правительства. 3 марта это соглашение было санкционировано пленумом Совета, и декларация правительства была опубликована с небольшими поправками в печати. Создалось «двоевластие», своеобразное переплетение двух властей: диктатуры буржуазии в лице Временного правительства и диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Совета рабочих и солдатских депутатов. Ленин указывал по этому поводу, что своеобразие нашей революции заключалось в том, что «...рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство:* Советы рабочих и солдатских депутатов»[1], лидеры которого добровольно передали власть правительству из представителей буржуазии и обуржуазившихся помещиков и «...не имеет в своих руках органов государственной власти,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, изд. 4, стр. 19.

но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат»[1].

Аппарат власти находился в руках буржуазного Временного правительства, а Советам была навязана меньшевиками и эсерами роль укрепления авторитета буржуазного правительства. Чем объяснить, что в Советах вначале большинство принадлежало меньшевикам и эсерам? Чем объяснить, что победившие рабочие и крестьяне добровольно отдали власть буржуазному Временному правительству? Ленин объяснил это тем, что Россия была мелкобуржуазной страной, а наиболее сознательная и организованная часть пролетариата была отвлечена на фронт. Поэтому не искушённые в политике широкие массы были захлёстнуты мелкобуржуазной стихией, которая вынесла на поверхность мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров. Опьянённые первыми успехами революции, широкие массы под влиянием меньшевиков и эсеров согласились уступить власть буржуазии, полагая, что буржуазия не будет мешать работе Советов.

В состав Временного комитета, а затем и Временного правительства вошли представители правых партий Государственной думы — октябристы, в преобладающем числе кадеты и один трудовик. Такой состав правительства гарантировал, что чаяния и завоевания революционного народа не будут осуществлены правительством. Декларация, одобренная правительством и Советом, упоминала, впрочем, о политической амнистии, о гражданских свободах, о национальном равноправии, о невыводе революционных войск из Петрограда и пр., а также об Учредительном собрании для установления формы правления. Но это были только обещания, имевшие в основе своей желание обмануть массы и укрепить власть буржуазии.

По самой сущности своей буржуазное Временное правительство не могло разрешить ни одного основного и насущного вопроса политической и экономической жизни страны.

Временное правительство сразу же сделало попытку сохранить монархию и ненавистную народу династию. Только под напором рабочих и солдатских масс оно отказалось от попыток восстановления монархии. Временное правительство не могло покончить с империалистической войной, так как являлось лишь агентом и исполнителем воли западных империалистических держав и само преследовало империалистические цели. Но свои империалистические намерения в войне оно маскировало «демократическими» лозунгами, внушая массам народа, что война после свержения царизма утратила свой империалистический характер и что задачей войны стала революционная

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, изд. 4, стр. 40.

оборона освобождённой родины. Активную помощь в этом оказали буржуазии меньшевики и эсеры, за которыми и шли не искушённые в политике массы крестьянства и отчасти рабочих. Ленин указывал, что революционное оборончество было злейшим врагом дальнейшего развития и успеха революции[1].

Не менее реакционный и антинародный характер носила экономическая и социальная политика Временного правительства уже первого состава. Оно не могло (и не хотело) преодолеть разруху народного хозяйства, так как именно тяжёлое положение хозяйства и военная промышленность приносили сверхприбыли капиталистам. Буржуазное правительство не могло и не хотело улучшить положение рабочего класса, повысить заработную плату, ввести 8-часовой рабочий день, так как это уменьшило бы прибыли капиталистов. Буржуазно-помещичье правительство не могло разрешить и аграрного вопроса, так как это затрагивало бы интересы помещиков да и самой буржуазии, которая обзавелась землёй и не могла допустить уничтожения этого вида частной собственности из опасения уничтожения всех других видов частной собственности. Поэтому правительственная декларация 2 марта ни слова не упоминала о передаче земли крестьянам, а последующими мероприятиями правительства предписывалось подавлять военной силой всякие захваты земель крестьянами.

По существу никаких изменений в политику Временного правительства не внесли и последующие майская и июньская реорганизации его на коалиционных началах со вхождением эсеров и меньшевиков, так как и это правительство следовало буржуазной программе и стремилось во что бы то ни стало избежать социальной революции. Для меньшевиков и эсеров это был переход в лагерь контрреволюционной буржуазии. По мере развития революции реакция усиливалась, контрреволюционная буржуазия стремилась к ликвидации всех завоеваний революции. Буржуазное правительство, поддерживаемое меньшевиками и эсерами в своей социально-экономической политике, становилось на путь открытой контрреволюции и толкало страну на развязывание гражданской войны.

При таких условиях было ясно, что доверчивому отношению народных масс к Временному правительству, к «двоевластию», как оно сложилось на первом этапе революции, неизбежно должен наступить скорый конец, и вся власть в государстве должна сосредоточиться либо в руках Временного правительства, что означало бы контрреволюцию, либо в руках Советов, как в органах победившего народа, что означало дальнейшее

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, изд. 4, стр. 44.

развитие революции и переход от буржуазно-демократической революции к социалистической.

Но для этого требовалась большая и длительная работа по высвобождению обманутых народных масс из-под влияния мелкобуржуазных партий (меньшевиков и эсеров), которые осуществляли соглашение с буржуазией и поддерживали иллюзии трудящихся масс, что Временное буржуазное правительство без развития революции, без перехода всей революционной власти Советам даст народу мир, свободу и землю.

Эту работу и повела партия большевиков, вышедшая после свержения царизма на открытую и широкую политическую арену. Численность партии к тому времени была небольшая, всего 40—45 тыс. человек, но это были закалённые в борьбе, испытанные революционные кадры. Большевики непосредственно на заводах, в фабзавкомах, в профсоюзах, на митингах, демонстрациях призывали массы рабочих к развёртыванию революционной борьбы против буржуазного империалистического правительства, против продолжения им грабительской войны, разоблачали классовую природу Временного правительства, лживость и невыполнимость обещаний буржуазного правительства, звали пролетариат к укреплению и развитию власти Советов как единственно революционной власти победившего народа.

В Петроград из эмиграции возвратился Ленин и из ссылки — товарищ Сталин, которые взяли в свои руки руководство дальнейшим развитием революции.

«Апрельские тезисы» Ленина и Апрельская конференция партии большевиков. План борьбы партии пролетариата за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической был изложен в знаменитых «Апрельских тезисах» Ленина. Тезисы дали гениальный теоретически обоснованный и конкретный план приступа к переходу к социалистической революции. Тезисы были изложены Лениным на собраниях, а впоследствии развиты на Апрельской конференции большевиков 24—29 апреля 1917 г.

В этих тезисах Ленин призывал к переходу от первого этапа революции, передавшего власть в руки буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму её этапу, который должен передать власть в руки пролетариата и беднейших слоёв крестьянства. Никакой поддержки Временному правительству как правительству империалистов и капиталистов, говорил Ленин, и, наоборот, разъяснение лживости его обещаний относительно целей войны, разъяснение неразрывной связи капитала с империалистической войной и невозможности покончить с войной без свержения капитала. В связи с этим — не парламентская республика, а

республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов. Лозунг «Вся власть Советам» означал призыв покончить с «двоевластием».

В области экономической «Апрельские тезисы» выдвигали ряд основных требований. В аграрной программе — немедленная революционная конфискация всех помещичьих земель, национализация всей земли, непосредственное распоряжение ею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. В общеэкономической области — национализация всех банков и слияние их в один общенациональный банк, находящийся под контролем Совета. «Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, — подчёркивал Ленин, — а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов»[1].

Ленин в «Апрельских тезисах» указывал также, что так как партия большевиков находилась в Советах в то время в меньшинстве, то от неё требуется, оставаясь в Советах, вести разъяснительную работу и критику ошибок в тактике Советов, для завоевания в них большинства и для изменения политики Советов, а через них — изменения состава и политики правительства. Поэтому Ленин считал ошибочным выставлявшийся в то время некоторыми членами партии лозунг «долой Временное правительство» как несвоевременный и неправильный, мешающий партии завоевать большинство Советов на свою сторону. «Это была установка на мирное развитие революции»[2].

«Апрельские тезисы» Ленина произвели на меньшевиков впечатление разорвавшейся бомбы. Они объявили, что Ленин останется один «вне революции». Вслед за меньшевиками, которые утверждали, что Россия не созрела для социалистической революции и в ней возможна только буржуазная республика, выступили на конференции Каменев и Рыков, защищавшие меньшевистские взгляды. Они предлагали ограничиться «контролем» Временного правительства, т. е. по существу отстаивали сохранение власти буржуазии, сохранение капитализма. Апрельская конференция большевиков приняла все политические, экономические и тактические пункты тезисов Ленина и положила их в основу своей деятельности в борьбе за победу социалистической революции.

В области экономической конференция подтвердила необходимость немедленной конфискации помещичьих земель и национализации всей земли как наиболее сильный удар по частной собственности на средства производства и первый шаг по пути социализма. Большевики призывали беднейшее крестьянство

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, изд. 4, стр. 5.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 178.

на борьбу за землю, так как «...*новым* в аграрных отношениях России после февральского переворота, с точки зрения дальнейшего развития революции, Ленин считал не общность интересов пролетариата и крестьянства в целом, а *раскол* беднейшего крестьянства с зажиточным крестьянством, из коих первое, т. е. беднейшее крестьянство, тянуло к пролетариату, а второе, т. е. зажиточное крестьянство, шло за Временным правительством»[1]. Партия большевиков требовала установления государственного контроля над всеми банками и объединения их в единый центральный банк, а также установления контроля над страховыми обществами и синдикатами. В дальнейшем одним из важнейших пунктов экономической платформы большевиков становится требование рабочего контроля с постепенным превращением его в полное регулирование производства.

Большое значение имело решение Апрельской конференции по национальному вопросу, принятое по докладу товарища Сталина. Конференция постановила, что «за всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства»[2].

На основе решений Апрельской конференции партия развернула огромную работу по завоеванию рабочих масс путём разъяснения им сущности требований и политики партии и разоблачения соглашательской политики меньшевиков и эсеров в Советах. В результате этой работы уже к июню 1917 г. большинство петроградского пролетариата шло за большевиками. Громадная работа была проведена также в армии по разъяснению политики партии и по разоблачению империалистического характера войны. Росло влияние большевиков и среди пролетарских слоёв деревни.

На I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г., где большевики были всё ещё в значительном меньшинстве, Ленин в ответ на растерянное заявление Церетели, что нет ни одной политической партии, которая желала бы взять всю власть в свои руки, бросил свою знаменитую реплику — «Есть такая партия», а затем развил с трибуны программные требования партии большевиков. Рабочие массы Петрограда на июньской демонстрации уже выступали под большевистскими лозунгами.

Временное правительство, поддержанное меньшевиками и эсерами, стало готовиться к созданию неприкрытой контрреволюционной диктатуры. Репрессии начались особенно после

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 9, стр. 271.

[2] «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, стр. 233.

подавления июльской демонстрации рабочих и расстрела её юнкерами. Кончилось «мирное» развитие революции. Буржуазия покончила с «двоевластием». Она вооружённой силой удержала единовластие в своих руках, низведя роль Советов до придатка империалистического контрреволюционного Временного правительства, поставившего своей целью разгромить революцию.

Социально-экономическая политика Временного правительства. Временное правительство 2 марта декларировало в самых неопределённых чертах об Учредительном собрании, о буржуазных политических свободах — свободе слова, печати и т. п. Но в декларации 2 марта ничего не говорилось о программе выполнения основных социально-экономических задач, выдвинутых революцией и народными массами, в частности о передаче земли крестьянам, о 8-часовом рабочем дне, о преодолении разрухи, вызванной войной, о выходе из самой войны. Разрешения всех этих вопросов настойчиво требовали широкие народные массы, но буржуазия их саботировала. Чтобы придать своей деятельности видимость разрешения этих вопросов, правительство, по словам министра Некрасова, стремилось «путём разработки социальных реформ избежать социальной революции» и задержать её развитие.

Для выработки «общих принципов социальной и экономической политики» был создан ряд громоздких и безответственных учреждений, как Совещание о развитии производительных сил России, Экономический совет, Главный экономический комитет и др. Все эти учреждения были мертворождёнными. Они ограничивались общими рассуждениями об общих проблемах капитализма и социализма, о принудительно-государственных объединениях и о свободе в промышленности, о производительности труда, о принципах номинальной и реальной заработной платы и пр. Крупная буржуазия выдвигала проекты усиления синдицирования и трестирования промышленности, укрепления военно-государственного капитализма. Экономическая программа Совещания о развитии производительных сил России не могла удовлетворить не только революционные массы трудящихся, но и часть буржуазии, требующую возвращения к старым принципам полной промышленной свободы[1].

С созданием 21 июня 1917 г.[2] Экономического совета (ЭС) и Главного экономического комитета (ГЭК) Совещание по развитию производительных сил было упразднено. Новый премьер-министр реорганизованного коалиционного правительства,

[1] См. «Стенографические отчёты заседаний Экономического совета» № 1—7, 1917.

[2] СУ, 1917 г., 21 июня, № 182, ст. 1015.

Керенский, на Экономический совет возложил задачу выработки — *на словах* — «общегосударственного» хозяйственного и финансового плана в духе «социалистического» подчинения частнохозяйственных интересов государственным, зная *на деле* о полной бесконтрольности буржуазии. И буржуазия постаралась, чтобы из этих «плановых» предположений ничего не вышло. За всё время своего существования ЭС не выработал никаких планов и программ и не принял никаких практических решений. Между тем хозяйственный развал страны всё более настоятельно требовал решительных мер для устранения разрухи и приближающегося голода.

На Главный экономический комитет была возложена задача выработки конкретных экономических мероприятий на основе тех общих принципов, которые должен был выработать Экономический совет. Так как таких принципов выработано не было, то ГЭК занялся разработкой вопросов и мероприятий по экономической политике — о заготовках продуктов, о казённых заказах, о распределении материалов, топлива, рабочей силы между предприятиями, об общегосударственном плане снабжения, о ценах, себестоимости и пр. Для всего этого при ГЭК было создано бесконечное число совещаний, комиссий, подкомиссий, в том числе районных комитетов и фабрично-заводских совещаний на местах. Много стараний приложил ГЭК, чтобы не допустить в свой состав представителей демократических организаций. ГЭК так и не стал руководящим центром практических мероприятий экономической политики. Правительство в лице Экономического совета, Главного комитета и других организаций оформляло штабы корниловщины в экономической области.

Временное правительство не решалось и не считало нужным итти на слом старых государственных и хозяйственных учреждений самодержавного режима. Губернаторы были смещены, но заменены председателями земских управ. Если и создавались новые учреждения, то они по существу представлялись лишь слегка реформированными старыми. Это особенно сказалось на управлениях и министерствах промышленности и торговли, финансов, земледелия, а также на органах, связанных с войной, «особых совещаниях» по обороне, топливу, металлам, перевозкам, продовольствию и пр.

Буржуазия, добившись власти и получив от царизма в свои руки весь государственно-хозяйственный аппарат, сохранила его почти полностью и, пожалуй, внесла в него ещё больше параллелизма, путаницы, неразберихи. При министерстве торговли были сохранены все многочисленные комитеты военного периода — хлопчатобумажный, суконный, кожевенный, заготовительный со всеми их прежними функциями. Попытки уси-

лить посредством этих комитетов вмешательство правительства в промышленное дело вплоть до проектов монополии по льну, кожевенному сырью или установления цен на заготовительные продукты не осуществились вследствие сопротивления буржуазии.

Главный экономический комитет как руководящий орган практических мероприятий экономической политики, в том числе и связанных с войной, в значительной степени поглотил многие общие функции Особого совещания по обороне. Последнее осталось, состав его был значительно пополнен представителями разных государственных и буржуазных общественных организаций.

При большом параллелизме с функциями ГЭК стала намечаться тенденция превратить Особое совещание по обороне в военно-техническую организацию, ведающую производством предметов боевого снаряжения на заводах военной промышленности. С этой целью крупная буржуазия вместе с высшим контрреволюционным офицерством стремилась сохранить в своих руках управление военной промышленностью в предвидении вооружённой борьбы с революцией, подготовляя здесь будущие «*...штабы корниловщины в экономической области*» [1]. С этой целью стали производиться различные реорганизации, выделение разных новых комитетов (комитет по заказам на оборону, комитет по заграничному снабжению, по учёту и распределению рабочей силы и др.). Реконструкции подверглись и другие органы царского времени, связанные с войной, — Расмеко, особое совещание по топливу, по перевозкам. Все они стали органами буржуазии, в которых она окапывалась против революции, всячески её саботируя.

В положении с минеральным топливом наиболее важным изменением было введение в августе 1917 г. «государственной монополии на твёрдое минеральное топливо Донецкого бассейна» [2]. Принципы монополии предполагалось распространить на другие важнейшие предметы и органы снабжения страны. Однако по отношению к важнейшему из всех предметов — чёрному металлу — монополия так и не была проведена. Система регулирования снабжения сохранила старые основы и находилась формально в руках уполномоченных Расмеко, а фактически — под сильнейшим воздействием «Продамета», который после февральской революции усилил свои позиции. Но и после введения монополии на топливо снабжение промышленных предприятий топливом не улучшилось. Крупная буржуазия саботировала все мероприятия, невыгодные для неё.

---

[1] «История гражданской войны в СССР», т. I, 1937, стр. 210.
[2] СУ, 1917 г., 31 июля, № 200, ст. 1240.

Подлинная живая работа велась на местах, где с первых же дней февральской революции стали создаваться на фабриках и заводах фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы) из рабочих в целях революционной борьбы с буржуазией на местах, создания организации по управлению предприятиями при бегстве администрации и т. п. Революционный характер деятельности фабзавкомов обусловил со стороны Временного правительства попытку законодательного ограничения их работы (закон 6 мая 1917 г.) признанием «необязательности» постановлений ФЗК. Бешеную кампанию против ФЗК вели предприниматели, требуя их роспуска под угрозой закрытия предприятий. Рабочие не считались ни с законами Временного правительства, ни с угрозами буржуазии. Наоборот, потребность обмена опытом в работе привела к объединению ФЗК и к созыву в Петрограде в июне 1917 г. общегородской конференции их. На этой конференции была принята большевистская резолюция о рабочем контроле и о переходе власти к Советам.

Развал продовольственного дела. Наибольшее внимание Временного правительства тотчас после февральской революции естественно должна была привлечь организация продовольственного дела, развал которого являлся ближайшим поводом к началу революции. Когда министр земледелия Временного правительства Шингарёв принимал дела Особого совещания по продовольствию, он убедился, по его словам, что «призрак голода реял над большим пространством Российской империи» и что на некоторых фронтах запасов хлеба хватало на полдня, а в иных городах хлеба и совсем не было. В первый же день победы революции, 27 февраля, при Совете рабочих депутатов и Комитете Государственной думы была создана Продовольственная комиссия, а при министерстве земледелия 9 марта вместо Особого совещания был организован Общегосударственный продовольственный комитет[1]. При сохранении старой буржуазно-чиновничьей структуры и аппарата дело свелось главным образом к перемене названия. Сохранилось даже обычное после революции «двоевластие» двух продовольственных органов: Продовольственного комитета и Комиссии при Совете, указания которой часто не выполнялись Продовольственным комитетом.

Первым делом Продовольственного комитета была выработка закона о хлебной монополии. Она была утверждена законом 25 марта 1917 г.[2] По закону, весь хлеб, взятый на учёт государством, может быть отчуждаем только при посредстве государственных продовольственных органов (ст. 1). Учёт произ-

[1] СУ, 1917 г., № 60, ст. 358.
[2] СУ, 1917 г., № 85, ст. 487.

водился на основе сведений, которые обязан был подавать всякий владелец хлеба об имеющихся у него запасах, количестве десятин посева хлеба, едоков и скота. Всё количество хлеба сверх требующегося по нормам для удовлетворения личных потребностей и хозяйственных нужд подлежало обязательной сдаче продовольственным органам в установленный срок и по твёрдым ценам.

Проведение хлебной монополии было поводом к созданию большой сети местных органов, уполномоченных, инспекторов, инструкторов и даже агитаторов для разъяснения крестьянам значения и необходимости установления хлебной монополии. Но при бестоварье, разрухе транспорта и отсутствии решительных мер против помещиков и кулаков осуществление хлебной монополии встречало большие трудности и ярое сопротивление держателей хлеба. Твёрдые цены были значительно ниже рыночных, были невыгодны производителям и держателям хлеба и в большинстве губерний не соблюдались.

Продовольственный вопрос упирался главным образом вовсе не в крайний недостаток зерна в стране, а в трудности его изъятия от производителей-посевщиков, помещиков, кулаков и торговцев держателей хлеба. За время империалистической войны посевные площади и валовые сборы хлебов, как мы указывали выше, значительно сократились, отчасти вследствие оккупации германскими войсками части территории, на которую приходилось до 8,7% всей посевной площади; отчасти в связи с общей разрухой сельского хозяйства. Понижение размеров посевной площади в целом для страны доходило к 1917 г. до 5,5 млн. десятин, или до 6,7%. Валовые сборы всех хлебов в 1916—1917 гг. составляли всего 71—72% довоенных сборов.

Но всё это было ещё далеко от «голода». Урожаи 1915—1916 гг. были выше среднего, а в некоторых местах даже обильные. Урожайность крестьянских земель с десятины в среднем составляла для ржи в 1915 г. 72,3 пуд. и в 1916 г. — 60,1 пуд. против 53,9 в довоенное пятилетие, а для озимой пшеницы в 1915 г. — 87,1 пуд. и в 1916 г. — 71,7 пуд. против 62,3 пуд. до войны [1]. Поэтому во многих производящих губерниях, особенно в восточных и юго-восточных, в 1917 г. имелись большие запасы хлеба ещё от урожаев 1915—1916 гг. В Сибири остатки хлеба от урожаев прежних лет оценивались минимально в 145—150 млн. пуд. Северный Кавказ имел громадные избытки хлеба — до 105 млн. пуд.; одна Кубанская область могла прокормить обе столицы и голодающие губернии. Украина имела хлебных излишков до 300 млн. пуд.

[1] Обзор деятельности Особого совещания по продовольствию, 1916, стр. 10 и сл.

Все излишки хлеба по производящим губерниям оценивались к 1917 г. цифрой свыше 600 млн. пуд. при потребности в хлебе в недородных и потребляющих губерниях до 180 млн. пуд. Но эти излишки хлеба задерживались в амбарах кулаков, торговцев, спекулянтов, помещиков, выжидавших повышения цен и не желавших продавать его по твёрдым ценам. Правительство не хотело прибегнуть к крутым мерам против помещиков, торговцев и кулаков.

Для разрешения продовольственного кризиса законом 5 мая 1917 г.[1] было создано министерство продовольствия. На него был возложен уже не только простой учёт имеющихся запасов, их отчуждение и распределение, но и вся совокупность народнохозяйственных мероприятий по расширению хлебной продукции (снабжение производителей семенами, сельскохозяйственными орудиями, учёт и организация посевной площади), заготовка и снабжение населения как продовольственными, так и непродовольственными продуктами (тканями, кожей, керосином, металлическими изделиями) и, наконец, регулирование условий рыночного оборота — установление цен, железнодорожных тарифов и пр. Понятно, что снабжение населения непродовольственными, так же как и продовольственными продуктами не могло быть прочно поставлено без введения государственной монополии и твёрдых цен на все эти продукты. Монополия же и твёрдые цены на промышленные товары вызывали резкое сопротивление со стороны промышленников, которые также не реализовали своих запасов, а удерживали их на складах.

Распределение всех производимых на фабриках тканей было возложено на министерство продовольствия. Постановлением 9 сентября правительство объявило, что за покрытием всех нужд фронта 60% оставшегося количества тканей будет распределяться органами министерства и только 40% будет предоставлено частному рынку. Такое половинчатое решение вопроса не удовлетворяло поставленным целям снабжения деревни, но породило безудержную спекуляцию тканями. Металла и сельскохозяйственных машин было отпущено с 1 марта по 1 октября 1917 г. 5,1 млн. пуд. вместо 1,1 млн. пуд., отпущенных за то же время в 1916 г. Но это было ничтожное количество, не могущее помочь делу снабжения сельского хозяйства металлом.

Развал продовольственного снабжения усиливался полным расстройством железнодорожного транспорта, не справлявшегося со снабжением даже таких центров, как Петроград. До революции столица потребляла в год до 37,6 млн. пуд. хле-

[1] СУ, 1917 г., № 103, ст. 574.

ба, 3,8 млн. пуд. мяса, шедших преимущественно из отдалённых восточных и южных губерний, не считая 2,7 млн. молочных продуктов и 6,6 млн. пуд. овощей, поставляемых ближайшими местностями. Это требовало в день 120—140 вагонов для перевозки продовольственных продуктов. Карточная система, введённая уже с лета 1916 г. в Петрограде и Москве и распространённая затем на все городские центры, принесла значительное сокращение душевого потребления ввиду постоянного дальнейшего уменьшения норм выдачи хлеба и других продуктов[1].

Временное правительство не могло справиться с разрухой транспорта. В Петербургскую губернию поступление всех хлебных грузов с 65 млн. пуд. в 1914 г. сократилось в 1916 г. до 57 млн. пуд. и в 1917 г. — до 28,6 млн. пуд., в Московскую губернию — с 66 млн. пуд. сократилось до 64 млн. и в 1917 г. до 40 млн. пуд.[2] В Москве норма выдачи хлебных продуктов на душу в месяц составляла за июль — октябрь 1917 г. 20,9 фунта. Ещё хуже обстояло дело снабжения и распределения хлеба в Петрограде. Сравнительно с довоенным потреблением норма потребления 1917 г. составляла 64%. Поступление хлеба в столицу и нормы снабжения населения катастрофически падали. Развившееся на этой почве мешочничество служило лишь на пользу спекулянтам и состоятельным людям и ещё более срывало снабжение и дезорганизовало транспорт.

Хлебозаготовки продолжали падать. Размеры хлебозаготовок, повысившиеся в весенние месяцы 1917 г. (в марте — 69 тыс. пуд., в мае — 77 тыс.), после этого начинают падать и в июне дали 62 тыс., в июле — всего 28 тыс., в августе — 19,7 тыс. пуд., что составляло всего 16,9% плана месячных заготовок.

Причина лежала попрежнему в сопротивлении низким хлебным ценам крупных посевщиков-кулаков, держателей основного товарного хлеба, хлеботорговцев и помещиков. Под давлением землевладельческих кругов правительство законом 2 августа 1917 г.[3] повысило заготовительные цены в 2 раза. Заготовки в сентябре дали 46,7 млн. пуд. (31,8% месячного плана). Но это было только сезонное повышение заготовок. Удвоение же хлебных цен не только было гигантским налогом на трудящихся, но и создало катастрофическое положение с заготовками. Крупные посевщики — кулаки и помещики — стали скрывать всеми способами хлеб, надеясь, что правительство снова повысит цены на хлеб. Циркуляр, изданный Временным правительством в сентябре о реквизиции хлеба, был направлен против трудящегося крестьянства, а не помещиков. Так, продовольственный кризис не только не был разрешён,

[1] СУ, 1917 г., № 100, ст. 553 и № 105, ст. 581.
[2] «Статистический сборник ЦСУ за 1913—1917 гг.», М. 1922, стр. 110.
[3] СУ, 1917 г., № 213, ст. 1393.

но мероприятия Временного правительства — повышение твёрдых цен, срыв хлебной монополии — содействовали скорейшему развитию голода.

Осенью же 1917 г. (14 сентября) была объявлена сахарная монополия[1]. Сахарозаводчики должны были сдавать продукцию на учёт продовольственным органам с сохранением, однако, частнохозяйственного аппарата в распределении сахара.

Все мероприятия Временного правительства никоим образом не могли разрешить продовольственного кризиса в городах, в промышленных центрах и в армии. Но повышение хлебных цен, как указывал товарищ Сталин[2], явилось прямым нападением буржуазии на революцию. Оно ухудшило экономическое положение рабочих и трудящихся в городах и в промышленности, но не удовлетворило и крестьянство, которое при повышенных ценах не могло приобретать на них промышленных товаров. Крестьяне в производящих губерниях категорически отказывались сдавать хлеб и подвозить его в города, пока на рынках не будет в достаточных количествах промышленных товаров.

Продовольственный кризис к осени 1917 г. превращается в настоящий голод среди рабочих и всего городского населения. После некоторого увеличения заготовок в сентябре 1917 г. октябрьские заготовки дали всего 27,4 млн. пуд. и были выполнены всего на 19% месячного планового задания. Буржуазия перед угрозой революции начинает сознательно проводить политику организации голода и удушения революции «костлявой рукой голода» (слова Рябушинского). В том же направлении действовала и политика закрытия промышленных предприятий и локаутов.

Промышленная политика Временного правительства и рабочий контроль. Политику Временного правительства в области промышленности определяли интересы промышленной буржуазии. Свою власть в правительстве буржуазия стремилась использовать для получения полной свободы в организации и распоряжении всей промышленной жизни страны и увеличения своих военных сверхприбылей за счёт понижения жизненного уровня рабочих. Вызванный войной промышленный развал, хаотическое состояние снабжения, особенно металлом и топливом, развал транспорта, усугубляемые спекуляцией, взяточничеством и саботажем буржуазии, довели промышленность до катастрофического состояния.

---

[1] СУ, 1917 г., № 242, ст. 1695.

[2] Протоколы ЦК РСДРП, август 1917 г. — февраль 1918 г., Гиз, 1929, стр. 119.

В металлургической промышленности производство чугуна в 1917 г. обнаружило катастрофическое падение: за первую половину года было выплавлено чугуна до 98,9 млн. пуд. и за весь год — 190,5 млн. против 282,9 млн. пуд. в 1913 г. и 231,9 млн. пуд. в 1916 г. Готового железа и стали было произведено 155,5 млн. пуд. против 246,5 млн. в 1913 г. и 205,8 млн. пуд. в 1916 г. Каменноугольная промышленность сократила свою продукцию в 1917 г. до 1,74 млрд. пуд. против 2,2 млрд. в 1913 г. и 1,95 млрд. в 1916 г. Месячная добыча в августе 1917 г. сократилась до 115 млн. пуд., а в сентябре — до 110 млн. против 175 млн. пуд. в 1916 г. Добыча нефти упала в 1917 г. до 422 млн. пуд. вместо 563 млн. в 1913 г. и 492 млн. пуд. в 1916 г.

Всё это подрывало экономическую базу ведения войны, к победному исходу которой призывала буржуазия. Фактически, однако, в катастрофе снабжения промышленности металлами, каменным углем, нефтью играло основную роль не сокращение производства, а саботаж предпринимателей — сокрытие ими запасов, нежелание реализовать товары по твёрдым ценам, требование повышения цен и т. п. Так, крупнейшие нефтяные фирмы представляли правительству заведомо лживые цифры об имеющемся количестве нефти: Нобель заявил к вывозу 82 млн. пуд., имея возможность вывезти 150 млн.; «Мазут», имея 54 млн. пуд., вывез 37 млн. Каменноугольные предприятия также скрывали и не вывозили своих запасов, требуя повышения цен. Правительство шло навстречу этим требованиям и повысило цены на уголь в июле на 7 коп., в сентябре — на 14 коп. за пуд. Тем не менее снабжение углем предприятий и железных дорог не улучшалось. Горнопромышленники требовали от правительства «оградить безопасность и порядок» на шахтах и заводах, грозили локаутами, общим закрытием предприятий. Однако развал промышленности не уменьшал прибылей капиталистов.

Период власти Временного правительства характеризуется бешеной биржевой спекуляцией и созданием многочисленных акционерных обществ. «За девять месяцев 1916 года организовалось 150 акционерных обществ с капиталом в 209,53 миллиона рублей, за март — июнь 1917 года — 52 общества с капиталом в 138,65 миллиона рублей, а за один август 1917 года возникло 62 общества с капиталом в 205,35 миллиона рублей. В сентябре рост достиг небывалых размеров: организовалось 303 компании с капиталом в 800 миллионов рублей. Наплыв частных предложений был чудовищным... Если принять во внимание, что основной капитал образованных в 1917 году акционерных обществ составлял 469,51 миллиона рублей, а акций они хотели выпустить почти на 2 миллиарда рублей, то

станет ясным, на какие грандиозные спекуляции рассчитывали капиталисты»[1].

В связи с усиленной эмиссией бумажных денег, с обесценением их и ростом дороговизны товаров реальная заработная плата в 1917 г. упала почти до половины (57,4%) уровня 1913 г. Между тем заводчики — главным образом как меру репрессии и «обуздания» рабочих — стали проводить крупнейшие локауты. По сообщениям органа периодической печати предпринимателей «Промышленность и торговля», в августе и сентябре 1917 г. было закрыто 231 предприятие и уволено 61 тыс. рабочих. Совершенно дезорганизованы были как Урал (50% закрытых заводов), так и Донбасс.

Одной из первых форм борьбы рабочих с предпринимателями и с политикой Временного правительства после февральской революции была борьба за 8-часовой рабочий день и за повышение заработной платы. 8-часовой рабочий день уже в первые дни февральской революции явочным порядком стал вводиться на многих заводах Петрограда (на Невском судостроительном, Франко-русском, Сестрорецком, Ижорском, Первомайском и др.). Тогда же стал вводиться явочным порядком 8-часовой рабочий день и на многих заводах Москвы.

11 марта Петроградский Совет под давлением революционных масс рабочих вынес общее постановление о 8-часовом рабочем дне. Петроградское общество фабрикантов и заводчиков формально согласилось на эту меру. Временное же правительство не опротестовало постановление Совета, но и не утвердило его законодательным актом, а истолковало как «временную уступку». Вокруг осуществления 8-часового рабочего дня возгорелась жестокая классовая борьба. Представители общества фабрикантов и заводчиков, горнопромышленников Урала, Совета съездов и пр. подавали записки правительству о невозможности введения 8-часового рабочего дня из-за убытков производства и грозили закрытием заводов, а местами и действительно закрывали их.

Тем не менее 8-часовой рабочий день был фактически введён во всех сколько-нибудь крупных промышленных центрах. Это было одно из первых крупных завоеваний рабочих в их борьбе с капиталом. Значение этого завоевания видно из того, что в 1913 г. на всех предприятиях, подчинённых фабрично-заводской и горной инспекции, из 2 218 тыс. рабочих обоего пола работали 8 и менее часов всего 199,3 тыс. рабочих, т. е. 9% общего числа, а из остальных — 1 351 тыс. рабочих, или 60,8%, работали 10—11 час. и более[2].

[1] «История гражданской войны в СССР», т. I, 1937, стр. 210—211.

[2] «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. I, ЦСУ, стр. 93—107.

Вторым вопросом борьбы рабочих с предпринимателями после февральской революции был вопрос о повышении заработной платы. Но если в вопросе о 8-часовом рабочем дне Советы поддержали требование рабочих, а предприниматели формально пошли на уступки, то в вопросе о заработной плате меньшевистские Советы не поддержали рабочих, а предприниматели оказали наибольшее противодействие. Рабочим приходилось местами прибегать к экономическим стачкам. Но и здесь меньшевистское руководство Совета всячески стремилось удержать рабочих от стачек. Так как в центре внимания рабочих в то время стояли не столько экономические, сколько политические требования, то чисто экономические стачки не получили значительного развития. Но экономическая борьба имела большое значение, с одной стороны, для втягивания в рабочее движение наиболее отсталых в политическом отношении рабочих, а с другой стороны, для окончательного развенчания в глазах рабочих масс политического престижа меньшевиков и эсеров.

Наконец, важнейшим и принципиально новым вопросом рабочего движения после февральской революции был вопрос о рабочем контроле над предприятиями. Перед лицом массовых локаутов, сокращения производства, сокрытия сырья, перевода предпринимателями финансовых средств за границу и т. п. рабочие стали выдвигать требование рабочего контроля над производством, снабжением и финансированием предприятий. Как мы указывали выше, Ленин уже в своих «Апрельских тезисах» учит, что важнейшей экономической задачей пролетариата в период перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической является введение контроля над общественным производством и распределением продуктов, а также контроля над банками. Эти указания Ленина были восприняты рабочими и стали вводиться ими на многих предприятиях самочинно.

В июне 1917 г. состоялась первая конференция фабрично-заводских комитетов в Петрограде, выдвинувшая требование немедленного создания контрольных комиссий на всех предприятиях Петрограда. Этот контроль в ближайшие месяцы был фактически осуществлён на многих заводах не только в Петрограде, но и в других промышленных центрах. Вокруг рабочего контроля происходила усиленная борьба. Из донесений фабричных инспекторов Временное правительство осведомлялось, что рабочие производят «захват фабрик», смещают директоров и администрацию, переводят заводы на коллективное управление, что «фабрики представляют вид полнейшей анархии»[1] и пр.

Предприниматели резко выступили против рабочего контроля, видя в нём «попытку осуществления социалистических

[1] «Красный архив» № 6, 1940.

идей», а также и против других требований рабочих, в особенности 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы и пр. На конференции представителей промышленности и торговли 1—2 июня 1917 г. в противовес требованиям рабочих была вынесена резолюция, что «при существующих условиях... никакой иной экономический строй, кроме капиталистического; в России невозможен и что в настоящий момент как хозяйственная конъюнктура, так и стихийно сложившиеся политические условия совершенно устраняют возможность решения вопросов промышленности и торговли с точки зрения классовой» (так называли предприниматели требования рабочих). «Поэтому бесплодны и безусловно вредны всякие попытки хотя бы частичного осуществления социалистического принципа на отдельных предприятиях». Вмешательство рабочих «приводит к анархии» и должно быть прекращено правительством. В противном случае, по мнению промышленников, «совершенно неизбежно, вне всякой воли владельцев фабрик и заводов, закрытие их за истощением денежных средств, огромное падение размеров производства, оставление без работы массы населения... экономическое порабощение России иностранными государствами»[1].

В записке аналогичного содержания Совета съездов представителей промышленности Временному правительству указывалось на царившую на предприятиях «анархию и полное разложение», на «чрезмерность» требований рабочих по повышению зарплаты. Южные заводчики-металлурги указывали, что если исходить из требований рабочих, то по повышению зарплаты расходы увеличатся на 228 млн. руб., общие расходы — на 58 млн. руб., цены на материалы — на 410 млн. руб., итого 696 млн. руб. при валовой прибыли в 75 млн. руб. «Результатом явится закрытие фабрик», — заявляли предприниматели. Как средство борьбы с рабочими предприниматели требовали от Временного правительства «властных действий» по ликвидации «политической авантюры, жертвой которой стала Россия», и по «восстановлению порядка» на фабриках[2].

В порядке «самодеятельности» фабриканты для защиты своих интересов против рабочих выдвигали проект создания «единого мощного предпринимательского центра» «защиты промышленности» — из Совета съездов представителей промышленности, Съезда акционерных банков, комитета фабрикантов и заводчиков, съездов представителей металлообрабатывающей, горной, нефтяной, лесной и других отраслей промышленности[3].

---

[1] МОИА, ф. Биржевого комитета, д. 1521.
[2] ЦГАНХ, ф. Общества фабрикантов и заводчиков, 1917 г., д. 458.
[3] Там же.

Но наиболее действительным средством «обуздания» рабочих фабриканты считали закрытие фабрик.

В связи с этим после первой конференции фабзавкомов и особенно после второй (8 августа 1917 г.) началось массовое закрытие фабрик. С марта по август было закрыто 568 предприятий со 104,3 тыс. рабочих, с мотивировкой будто бы на «отсутствие материалов, топлива и чрезмерных требований рабочих»[1].

Это создавало среди рабочих крайне тревожное настроение и доказывало необходимость дальнейшей борьбы с буржуазией. На всех предприятиях в течение июня — октября были созданы рабочие комитеты, которые стали организованно проводить рабочий контроль. В зависимости от сложившихся условий работы на фабриках рабочие прямо брали их в своё управление, смещали директоров, обнаруживали скрытые дефицитные материалы, станки и оборудование, производили приём рабочих и пр. Таково было положение на всех предприятиях Петрограда (на Путиловском, Шлиссельбургском, «Нобле сснер», Сименс-Шукерта, Барановского, Торнтона, Штейна и др.), Урала (на Нижне-Тагильских, Луньевских, Богословских и др.), в Донбассе, в Москве и др.[2]

Буржуазное Временное правительство в противовес большевистскому лозунгу о рабочем контроле при поддержке меньшевиков и эсеров выдвинуло идею «государственного контроля» через государственные органы фабричной инспекции, под руководством Центрального экономического совета из представителей буржуазии. Министр труда меньшевик Скобелев настаивал на осуществлении «государственного контроля», но «без колебания принципа частной собственности» и без отстранения предпринимателей. Правительство резко осуждало «самочинные действия», проповедывало создание примирительных камер и т. п. Однако кризис и разруха промышленности продолжались. Рабочим приходилось во многих случаях во избежание остановки и закрытия фабрик предпринимателями переходить от контроля к управлению предприятиями.

Аграрная политика Временного правительства. Февральская революция повсеместно всколыхнула крестьянство в его давних надеждах на отобрание всех помещичьих земель. Крестьянство в массе в то время ещё находилось под влиянием мелкобуржуазных иллюзий об «уравнительном» разделе земли между всеми крестьянами. Но ни эсеры, ни тем более кадеты и представители помещичьих кругов, входившие в состав Временного правительства, и не думали об издании закона о земле

[1] «Сведения о подчинённых фабричной инспекции промышленных предприятий России», 1917 г.

[2] «Красный архив» № 6, 1940 (документация).

и о земельной политике в духе и в интересах крестьянства. Тем более правительство не хотело допустить «самовольных» захватов и передела крестьянами помещичьих земель.

Первым актом Временного правительства, касающимся деревни, было распоряжение 9 марта о привлечении к уголовной ответственности за участие в «аграрных беспорядках»[1]. Вслед за этим правительство 17 марта опубликовало воззвание к народу с предложением воздержаться от аграрных захватов, с угрозами уголовной ответственности за «самоуправство», указывая, что земельный вопрос будет решён «путём закона, принятого народным представительством», а Временное правительство может только подготовить материалы для решения этого вопроса.

На самом деле эта ссылка на «народное представительство» была лишь простой отговоркой, так как Временное правительство по своему помещичьему составу неспособно было разрешить аграрный вопрос. Всё же, однако, правительство вынуждено было объявить об отобрании в казну кабинетских (12 марта) и удельных (16 марта) земель и передачу их в заведывание министерства земледелия[2]. Эта «реформа» ни насколько не продвинула разрешение аграрного вопроса. По отношению же к частновладельческим землям Временное правительство брало на себя роль защиты и охраны помещичьих земель. Временное правительство боролось против требования конфискации помещичьего землевладения, так как это нарушало интересы не только помещиков, но и буржуазии. Значительная часть земель помещиков была заложена в банках.

Министр Временного правительства Переверзев не решился даже запретить куплю-продажу помещичьих земель (которая после революции усилилась)[3] и ограничился лишь мелкими распоряжениями о прекращении работ землеустроительных комиссий по размежеванию и укреплению земель в собственность, о мерах по упорядочению сбора урожая и пр. Закон 11 апреля 1917 г. «Об охране посевов»[4] по существу охранял помещичьи земли и посевы на них и обеспечивал помещикам получение высоких арендных платежей. Помещики для защиты своих интересов образовали Союз земельных собственников, а кулачество образовало Союз крестьянских собственников; эти организации открыто ставили своей задачей защиту частной собственности на землю.

---

[1] СУ, 1917 г., № 189, ст. 1128.
[2] СУ, 1917 г., № 63, ст. 370.
[3] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, изд. 4, стр. 127.
[4] СУ, 1917 г., № 88, ст. 498.

Трудовое крестьянство, однако, не соглашалось ждать разрешения земельного вопроса Учредительным собранием. Чтобы хоть временно «успокоить» крестьянство и затушить крестьянское движение, Временное правительство учреждает 21 апреля Главный и местные земельные — губернские, уездные, волостные — комитеты, на которые возлагалась обязанность разработки земельного закона для Учредительного собрания[1]. В состав Главного и губернских земельных комитетов в преобладающем числе входили помещики. Комитеты в своей «деятельности» исходили из старых, столыпинских законов и являлись, особенно Главный комитет, органами защиты помещичьих интересов.

Важное значение для развития крестьянского движения получили волостные комитеты. С первых же месяцев февральской революции волостные земельные комитеты, созданные Временным правительством, быстро и в значительной своей части стали подпадать под влияние революционного крестьянства. Уже на заседании второй сессии Главного комитета 1—2 июля крестьянские делегаты указывали на нежелание крестьян «погодить» с переделом земли до Учредительного собрания. Они указывали на начавшиеся случаи захвата, передела, самочинного засева крестьянами помещичьих земель, вырубки лесов, взятия местными земельными комитетами на учёт помещичьих имений, садов, племенных заводов, скота и инвентаря, регулирования аренды и т. п. Разгромов имений за этот период почти нигде ещё не было. Среднее крестьянство ещё находилось под влиянием партии эсеров, которая призывала к «соглашению» крестьян с помещиками, ложно обещая, что земельный вопрос в скором времени будет разрешён Учредительным собранием.

К концу лета, после уборки урожая, когда все более широкие слои крестьянства убеждались в бесплодности своих надежд на решительные мероприятия Временного правительства в вопросе о земле, начались открытые выступления крестьян против помещиков, разгром и поджоги усадеб, изгнание помещиков из усадеб, захват и своз урожая, раздел скота и инвентаря и пр. Правительство усилило репрессии, посылая в деревню карательные экспедиции (в Центрально-черноземной области и на Средней Волге в июле — августе было 22 случая вооружённого подавления восстаний), арестовывая земельные комитеты. Крестьянство поднялось на восстания. Восстания охватили не только центрально-черноземные губернии, где были особенно велики крепостнические пережитки, но и многоземельные, южные и заволжские, а также часть промышленных губерний.

---

[1] СУ, 1917 г., № 98, ст. 543.

Там движение кроме помещичьих имений направлялось также и против «столыпинских помещиков», духовенства, кулаков и пр.

По регистрации органов министерства земледелия, в апреле было 205 аграрных выступлений, в мае — 558, в июне — 1122, июле — 691, в августе — 630. В сентябре министерство земледелия зарегистрировало 114 разгромов и поджогов, в октябре число их превысило 200. Осенью эти выступления часто проводились волостными комитетами, причём земля, скот, инвентарь распределялись между крестьянами, а иногда всё имение бралось на учёт, но сохранялось в целости и лишь работало под контролем комитетов. Временное правительство на эти выступления отвечало карательными экспедициями. А в конце августа, когда движение стало приобретать характер восстания[1], Временное правительство в лице «министров-социалистов» — Церетели, Чернова, Пешехонова — особенно усилило карательные экспедиции.

Для «успокоения» крестьян и спасения помещиков новый эсеровский министр, С. Маслов, выработал законопроект о регулировании земельными комитетами сельскохозяйственных отношений и о создании «арендного фонда» из помещичьих земель для пользования крестьянами. В отступлении от аграрной программы эсеров о безвозмездной конфискации помещичьих земель новый закон не только не уничтожал помещичью собственность, но укреплял её путём передачи части помещичьих земель в аренду крестьянам за арендную плату «сообразно чистой доходности». «Это — полнейший обман крестьян»[2], — писал Ленин о новом законе. Партия эсеров изменила крестьянам, предала крестьянские Советы, перешла на сторону помещиков. Но и очередной обман уже не мог спасти помещиков. В статье «Кризис назрел» Ленин писал, что конец сентября принёс нам величайший перелом в истории русской революции: в крестьянской стране при революционном, республиканском правительстве растёт крестьянское восстание. Победа правительства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины[3]. С этого именно времени (29 сентября) Ленин указывал, что победа восстания (против буржуазно-помещичьего правительства) обеспечена теперь большевикам,

---

[1] Труды Главного земельного комитета, 1—2 июля 1917 г. Такие сообщения приводились из Новгородской, Пензенской, Тамбовской, Полтавской, Орловской, Черниговской, Тульской, Самарской, Харьковской, Ярославской и многих других губерний.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 26, изд. 4, стр. 200.

[3] См. там же, стр. 52—59.

так как они получили большинство в стране благодаря отрыву крестьянства от эсеровско-буржуазного правительства.

Финансовая и налоговая политика Временного правительства. В денежно-финансовом хозяйстве и в кредитной политике Временное правительство полностью следовало тем методам и программам, которые проводились царским правительством. Тотчас по принятии власти Временное правительство объявило, что оно признаёт все денежные и долговые обязательства самодержавия и в частности все внешние старые и новые военные займы и все платежи по ним. Громадные расходы по ведению войны, исчислявшиеся в 1917 г. в сумме 22,6 млрд. руб., заставили Временное правительство прибегнуть к испытанным средствам покрытия дефицита, в первую очередь — к эмиссии бумажных денег, к займам, к усилению обложения населения, преимущественно косвенными налогами.

На 1 марта 1917 г. количество бумажных денежных знаков в обращении достигло 9,5 млрд. руб. против 1,6 млрд. на 1 июля 1914 г. Последующие месяцы эмиссия быстро росла, и количество денежных знаков в обращении было на 1 апреля 10,8 млрд., на 1 июля — 12,9 млрд., на 1 октября — 17,2 млрд. и на 1 ноября — 22,4 млрд. руб., т. е. увеличилось после февральской революции в 2,07 раза. Выпуск бумажных денег покрывал в 1917 г. уже 65,5% всех бюджетных расходов, тогда как в 1914—1916 гг. он покрывал всего 21,6% всех расходов. Бумажные деньги, знаменитые «керенки» 20- и 40-рублёвого достоинства, выпускались без всякого учёта их эмиссии, без нумеров, целыми лентами и настолько наводнили страну и обесценились, что расчёты производились не на рубли и не на отдельные денежные знаки, а на фунты бумаги, на которой были напечатаны «керенки».

Неумеренный рост выпуска бумажных денег на покрытие общегосударственных расходов и обесценение рубля привели к непомерному росту товарных цен. Последние стали расти быстрее, чем росла эмиссия. За второе полугодие 1917 г. количество бумажных денег в обращении увеличилось по сравнению с довоенным полугодием 1914 г. в 8,2 раза, а товарные цены увеличились в 11,7 раз. Стоимость денежной массы в обращении была: за первое полугодие 1917 г. при 11,2 млрд. руб. бумажных денег в обращении — 1,6 млрд. золотых руб., т. е. составляла всего 68,8% золотого довоенного обращения, за вторую половину 1917 г. — при 19,5 млрд. руб. бумажных денег — 1,7 млрд. золотых руб., или 70,8% довоенного золотого обращения [1]. Таким образом, как средство покрытия военных расходов, эмиссия бумажных денег как и другие источники этого

[1] «Денежное обращение и кредит» НКФ, П. 1922, стр. 25—27.

покрытия, вследствие быстрого повышения товарных цен, ложилась на трудящиеся массы.

Другим общебюджетным источником покрытия дефицитов и военных расходов являлось налоговое обложение. В этом отношении Временное правительство также продолжало финансовую политику царского правительства по увеличению главным образом косвенных налогов. Кроме общего повышения косвенных налогов были введены казённые монополии и повышение цен на табак, спички, керосин.

Чисто демонстративное значение для обмана трудящихся масс имел принятый 6 апреля 1917 г. закон об установлении лимита на время войны для прибылей капиталистов. Сам инициатор этого закона, министр торговли и промышленности Коновалов, приписывал этому закону лишь «моральное значение» для доказательства, что и промышленники несут «жертвы для общего блага». Министр же труда Скобелев демагогически обещал полностью («на 100 процентов») отбирать у имущих классов их прибыли. Ленин разоблачил эту демагогию «министров-социалистов» [1].

Очень небольшой реальный финансовый результат имели также законы об удвоении подоходного налога имущих классов [2], единовременный добавочный налог с них [3] и принятый ещё во времена самодержавия налог на сверхприбыли капиталистов.

Развал хозяйства и кризис государственных финансов неудержимо толкали страну к катастрофе. Безнадёжность положения признавалась даже самими членами Временного правительства. Ради спасения своей власти буржуазия решается на крайние меры и переходит к открытой контрреволюции. Испуганное развитием революции, особенно после июльских событий, Временное правительство объявляет себя «правительством спасения революции». Но на самом деле оно окончательно потеряло свой последний авторитет среди масс населения. Правительством была поставлена на очередь полная ликвидация завоеваний революции и восстановление дореволюционной «сильной власти». На Государственном совещании 12—14 августа контрреволюционные силы организуются и намечают исполнителем контрреволюционного переворота генерала Корнилова. Контрреволюционное выступление Корнилова объединило массы рабочих под руководством большевиков на защиту революционного Петрограда. Беднейшее крестьянство также всё теснее сплачивалось вокруг рабочего

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, изд. 4, стр. 388—393.
[2] СУ, 1917 г., № 147, ст. 812.
[3] Там же, ст. 813.

класса и поворачивало в сторону большевиков, в то время как кулачество поддерживало Временное правительство и Корнилова.

Беднейшее крестьянство начинает понимать, что только партия большевиков действительно отдаст крестьянам землю. После корниловщины аграрное движение крестьян перерастает в сентябре и октябре в широкие крестьянские восстания. В городах происходит большевизация Советов, профсоюзов, фабзавкомов. Во Временном правительстве и в поддерживающих его соглашательских партиях началось полное разложение. Демократическое совещание в сентябре 1917 г. и Предпарламент были симптомами окончательной агонии Временного правительства и последней попыткой предотвратить приближавшуюся пролетарскую революцию.

Свержение буржуазной власти и победа социалистической революции. Когда после июльских событий не стало «двоевластия», когда Советы, преданные меньшевистско-эсеровскими лидерами, стали безвластными, а вся власть сосредоточилась в руках контрреволюционного Временного правительства, исчезла возможность мирного развития революции. VI съезд партии поставил задачу подготовки к вооружённому восстанию, чтобы спасти страну от грозящей катастрофы и осуществить социалистическую революцию.

С апреля по июль, когда собрался VI съезд партии, произошли крупные перемены в расстановке классовых сил, в настроении рабочих и крестьянских масс, в положении партии и в отношении к ней рабочих и крестьян. Количество организаций партии возросло с 78 до 162, число членов — с 80 тыс. до 240 тыс. Большевики успешно завоёвывали влияние и первое место в составе Советов, в особенности в низовых организациях, в Советах крупных городов, в профсоюзах, фабзавкомах, в организациях молодёжи и пр. Везде они разоблачали предательскую тактику эсеров и меньшевиков, империалистический характер Временного правительства, необходимость свержения буржуазной власти.

Партия уверенно шла к проведению социалистической революции, к свержению власти буржуазного правительства.

VI съезд партии, собравшийся в условиях сильнейшего террора со стороны Временного правительства (26 июля — 3 августа 1917 г.), выдвинул и разрешил ряд важнейших теоретических и тактических вопросов проведения социалистической революции. В двух политических докладах товарища Сталина был дан глубокий анализ современного политического положения, необходимости подготовки к вооружённому восстанию для свержения власти буржуазного правительства и для проведения социалистической революции.

Этот вопрос являлся центральным и вызвал на съезде наибольшие прения, так как нашлись люди, которые, отражая буржуазное влияние, выступили и теперь против курса на социалистическую революцию. Это был троцкист Преображенский и Бухарин, стоявший на троцкистских позициях.

После июльского наступления контрреволюционной буржуазии окончился мирный период развития революции. Вся власть перешла в руки Временного правительства. Теперь власть из рук контрреволюционной буржуазии можно было вырвать только силой. Вместо прежнего лозунга о передаче власти Советам теперь лозунгом партии стало свержение диктатуры контрреволюционной буржуазии пролетариатом при поддержке его беднейшим крестьянством, проведение социалистической революции. Маловерам и будущим отщепенцам партии, возражавшим против курса на социалистическую революцию и против возможности перехода к социализму в одной, отдельно взятой стране, в особенности в экономически отсталой России, товарищ Сталин говорил: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»[1].

Съезд громадным большинством голосов принял все положения докладов товарища Сталина. Съезд нацелил партию на вооружённое восстание, на социалистическую революцию. Выпущенный съездом манифест призывал рабочих, солдат, беднейших крестьян готовить свои силы для свержения власти буржуазии.

На съезде же была утверждена и экономическая платформа большевиков. Эта платформа исходила из теоретических положений учения Ленина — Сталина об империализме как кануне социалистической революции, о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую и о возможности построения социализма в одной стране. Конкретные требования большевиков уже были сформулированы Лениным в его исторических «Апрельских тезисах». Они дали партии и пролетариату ясную революционную линию перехода от буржуазной революции к социалистической, обеспечения её победы и дальнейшего построения социализма. Экономическая платформа требовала конфискации помещичьей земли и национализации всей земли в стране, национализации банков и крупной про-

---

[1] «Протоколы шестого съезда РСДРП(б)», август 1917 г., М. 1934, стр. 233—234.

мышленности, рабочего контроля над производством и распределением.

Ленин, преследуемый Временным правительством и находясь в подполье, не присутствовал на съезде, но фактически руководил им через своих ближайших соратников — Сталина, Молотова и др.

В сентябре 1917 г. Ленин написал брошюру «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». В этой брошюре Ленин, разоблачая контрреволюционный характер деятельности Временного правительства, подробно обосновывал необходимость революционного осуществления главнейших мер предоктябрьской экономической платформы большевиков: национализацию банков и синдикатов, отмену коммерческой тайны, принудительное синдицирование предпринимателей, объединение населения в потребительные общества и регулирование потребления. Все эти мероприятия вместе с выходом из империалистической войны, совершенно необходимые для победы над разрухой и катастрофой, по существу являются шагом к социализму, к социалистической революции.

«Стоять на месте нельзя — в истории вообще, — писал Ленин, — во время войны в особенности. Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не *идя* к социализму, не делая *шагов* к нему...

Империалистская война есть канун социалистической революции... государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его...»[1]

Так большевики боролись за переход от буржуазной революции к социалистической. К октябрю большевизация Советов была завершена. На назначенном на вторую половину октября 1917 г. II Всероссийском съезде Советов большевики твёрдо рассчитывали получить большинство. Пролетариат полностью шёл под большевистскими лозунгами, выдвигая требования о захвате власти. Миллионы крестьянской бедноты также становились на сторону социалистической революции. Большевики, поддерживаемые огромным большинством трудящихся, готовились к организации восстания, к свержению власти буржуазного Временного правительства, к проведению социалистической революции.

Тщательно подготовленное, несмотря на все репрессии и преследования контрреволюционного Временного правительства, вооружённое восстание закончилось 7 ноября (25 октября ст. ст.) победой пролетарской социалистической революции.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, изд. 4, стр. 333.

Причины и движущие силы социалистической революции. Нам остаётся остановиться здесь на последнем вопросе — на причинах перехода от буржуазно-демократической революции сравнительно в короткий срок к революции социалистической, а следовательно, на движущих силах последней.

Ответ на это даёт уже всё изложенное относительно истории капитализма в России, его экономических и социальных особенностей сравнительно с западными империалистическими странами и его разложения после февральской революции.

Товарищ Сталин, выясняя своеобразие русской буржуазной революции и причины перерастания её сравнительно в короткий срок в революцию пролетарскую, указывает, что, развернувшись в более развитых условиях классовой борьбы, «буржуазная революция в России выдвинула на первый план не либеральную буржуазию, а революционный пролетариат, сплотив вокруг него многомиллионное крестьянство»[1]. Политическое бессилие русской буржуазии объясняется условиями развития русского капитализма на его высшей, империалистической стадии. Из этих условий и особенностей русского капитализма товарищ Сталин обращает внимание на следующие обстоятельства, определившие своеобразие русской буржуазной революции и перерастание её в революцию пролетарскую:

«а) Небывалая концентрация русской промышленности накануне революции... Едва ли нужно доказывать, что уже одно это обстоятельство при наличии такой революционной партии, как партия большевиков, превращало рабочий класс России в величайшую силу политической жизни страны.

б) Безобразные формы эксплуатации на предприятиях плюс нестерпимый полицейский режим царских опричников, — обстоятельство, превращавшее каждую серьёзную стачку рабочих в громадный политический акт и закалявшее рабочий класс, как силу, до конца революционную.

в) Политическая дряблость русской буржуазии, превратившаяся после революции 1905 года в прислужничество царизму и прямую контрреволюционность, объясняемую не только революционностью русского пролетариата, отбросившего русскую буржуазию в объятия царизма, но и прямой зависимостью этой буржуазии от казённых заказов.

г) Наличие самых безобразных и самых нестерпимых пережитков крепостнических порядков в деревне, дополняемых всевластием помещика, — обстоятельство, бросившее крестьянство в объятия революции.

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 6, стр. 126—127.

д) Царизм, давивший всё живое и усугублявший своим произволом гнёт капиталиста и помещика, — обстоятельство, соединившее борьбу рабочих и крестьян в единый революционный поток.

е) Империалистическая война, слившая все эти противоречия политической жизни России в глубокий революционный кризис и придавшая революции невероятную силу натиска»[1].

Война в 1914—1918 гг. «...возникла в силу неравномерности развития капиталистических стран, в силу нарушения равновесия между главными державами, в силу необходимости для империалистов нового передела мира путем войны и создания нового равновесия сил»[2]. Россия в этой цепи империалистических держав в силу её социально-политической, экономической и технической отсталости оказалась наиболее слабым звеном. Те колоссальные экономические разрушения, которые вызывались войной, сказались на народном хозяйстве России наиболее губительно.

К 1916—1917 гг. война привела уже всё народное хозяйство России к катастрофическому расстройству и падению производительных сил. Социально-политическое бессилие и «дряблость» российской буржуазии, слабость её промышленного, технического и финансово-экономического положения, зависимость русского капитализма от финансового капитала западноевропейских держав привели русскую буржуазию во время военного кризиса к полной финансовой, технической и военной подчинённости иностранному капиталу, к готовности пожертвовать жизнью миллионов и полным разорением страны ради спасения своих капиталов и прибылей.

Но помимо экономических причин Россия оказалась наиболее уязвимым звеном в цепи империалистических держав ещё и потому, что кроме прогнившего насквозь самодержавия и его союзницы — бессильной и дряблой буржуазии — она имела революционнейший в мире пролетариат, который в союзе с крестьянством закалился в революционных боях 1905—1907 гг., пролетариат, руководимый самой передовой, ленинско-сталинской партией.

Всё это и обусловило быстрый и полный крах не только государственно-политической, но и всей социально-экономической системы российского капитализма, обусловило скорость перерастания буржуазной революции в пролетарскую и победу социализма в России.

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 6, стр. 127—128.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 173.

После февральской революции и свержения царизма «...основным вопросом революции стал вопрос о ликвидации войны...

Но, чтобы вырваться из войны, необходимо было свергнуть Временное правительство, необходимо было свергнуть власть буржуазии, необходимо было свергнуть власть эсеров и меньшевиков, ибо они и только они затягивали войну до «победного конца»...

Это была новая революция, революция пролетарская...»[1]

Она победила уже через восемь месяцев после свержения самодержавия и установления власти буржуазии.

В ряде причин, обусловивших такую сравнительную лёгкость и быстроту победы социалистической революции в России, главными являются следующие.

Во-первых, революция имела перед собой такого сравнительно слабого, плохо организованного, политически мало опытного врага, как русская буржуазия. Экономически зависевшая до революции от казённых заказов, русская буржуазия искала соглашения с царём, свергнутым февральской революцией, а придя к власти, в сущности продолжала во всём основную политику царизма: стояла за «войну до победного конца», за помещичью собственность. В отношении же рабочего класса буржуазия в своей ненависти пошла дальше царя, стараясь укрепить гнёт и сделать его невыносимым путём применения массовых локаутов.

Во-вторых, во главе революции стоял революционный рабочий класс, закалённый в боях предыдущих революций и заслуживший у народа авторитет вождя за мир, за свободу и за социализм. Рабочий класс имел такого союзника в социалистической революции, как крестьянская беднота, которая в течение восьми месяцев после февральской революции убедилась, что только в союзе с рабочим классом крестьянство может раздавить помещиков и довести до конца борьбу за мир, свободу и землю. Союз рабочего класса и крестьянской бедноты определил поведение середняков, присоединившихся в развитии революции к крестьянской бедноте.

Наконец, во главе рабочего класса стояла испытанная в политических боях партия большевиков, объединившая в общий революционный поток различные революционные движения: социалистическое движение пролетариата за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата, крестьянское движение за захват помещичьих земель, национально-освободительное движение угнетённых народов, демократическое движение за мир.

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 6, стр. 130—131.

К тому же буржуазные государства в момент начала Октябрьской социалистической революции были ещё заняты войной и не могли активно выступить против Октябрьской революции.

«Несомненно, что соединение этих различных революционных потоков в один общий мощный революционный поток решило судьбу капитализма в России»[1].

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и раскол мира на две системы: капиталистическую и социалистическую. Однако было бы неправильным ограничивать сущность и значение Октябрьской революции тем, что она ликвидировала капитализм в России и принялась за стройку нового, социалистического строя. «Октябрьскую революцию, — говорит товарищ И. В. Сталин, — нельзя считать только революцией «в национальных рамках». Она есть, прежде всего, революция интернационального, мирового порядка, ибо она означает коренной поворот во всемирной истории человечества от старого, капиталистического мира к новому, социалистическому миру»[2].

Победа Октябрьской революции означала коренной перелом в истории человечества, коренной перелом в исторических судьбах мирового капитализма, кризис и начало распада всей капиталистической системы мирового хозяйства.

Товарищ И. В. Сталин в своей речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. дал развёрнутую характеристику первого и второго кризисов капиталистической системы мирового хозяйства, результатом которых была сначала первая, затем вторая мировая война. Товарищ И. В. Сталин особо подчёркивал, что «...развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения вперёд, а через кризисы и военные катастрофы»[3].

Кризисы всей капиталистической системы мирового хозяйства в целом возникли на той стадии развития монополистического капитализма, когда капиталистическая система мирового хозяйства сложилась как всемирная система политического, экономического и финансового подчинения горстке сильнейших империалистических стран менее сильных, хотя бы и независимых государств или прямого порабощения колониальных зависимых стран. В этой системе империалистических государств противоречия между империалистическими хищниками за передел уже переделённого мира и за мировое господство достигают

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 204.

[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 10, стр. 239.

[3] *И. В. Сталин,* Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., стр. 6.

крайней степени. Эти противоречия выливаются в военные конфликты, в мировые войны, как выражение резкого нарушения «равновесия», временно достигнутого в периоды «мирного режима».

Первая мировая война 1914—1917 гг. была результатом крайнего обострения противоречий империализма, достигших степени первого кризиса, охватившего всю капиталистическую систему мирового хозяйства. В этих обострённых противоречиях между империалистическими державами спор шёл уже не о торговой конкуренции на мировом рынке, не о торговой войне, не о демпинге и о прочем, с чем мирились империалисты в период «мирного режима», а шла военная борьба за передел мира, за источники сырья, за колонии. Но всё же при начале первой мировой войны капитализм был ещё единственной системой, охватывающей мировое хозяйство. Война расколола империалистические государства, стремящиеся к одним и тем же агрессивным целям, на два враждующих лагеря, в одинаковой мере виновных в развязывании войны. Вместе с тем, весь ход войны и репрессии, которые принимались против народов и рабочего класса реакционными правительствами империалистических государств, ясно показывали, что в недрах империализма созрели предпосылки для пролетарской революции, для социализма. Нарастал уже *общий кризис* капиталистической системы.

Общий кризис капитализма, период краха всей капиталистической системы, период пролетарских революций, освободительных и колониальных войн, отпадения от системы мирового капитализма целых крупных государств и вступления их на путь строительства социализма, начался со времени первой мировой войны и победы в России пролетарской социалистической революции. Основным признаком общего кризиса капитализма является именно этот раскол капиталистического мира после Октябрьской революции на две системы — капиталистическую и социалистическую и борьба между ними. Вместе с тем, общий кризис капитализма характеризуют ещё и другие признаки: усиление противоречий между империалистами, усилившаяся борьба между трудом и капиталом, подъём национально-освободительного движения угнетённых и колониальных народов, хроническая недогрузка производственного аппарата, усиление безработицы, новая борьба за рынки, новые войны.

Наличие этих двух систем и борьба лагеря империалистов против стран социализма окрашивают всю всемирную историю после Великой Октябрьской социалистической революции. Борьба империалистов «не на жизнь, а на смерть» против стран социализма приводит лишь к дальнейшему ослаблению,

к «загниванию», и к «умиранию» капитализма, к расширению числа стран и народов, становящихся на путь социализма.

Такой прогноз судеб капиталистического мира давно уже был поставлен марксизмом-ленинизмом и особенно ленинско-сталинской теорией империализма и пролетарской революции.

Ленин, определяя историческое место империализма, называет его «умирающим капитализмом», «кануном социальной революции пролетариата». Капиталистический гнёт в эпоху империализма усиливается, нарастают элементы революционного взрыва внутри капиталистических стран и возмущения против империализма в колониальных и зависимых странах. В условиях империализма усиливается неравномерность развития. Борьба за колонии, за рынки сбыта и источники сырья с неизбежностью приводит к империалистическим войнам за передел мира. Когда капитализм перерастает во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли и когда эти империалистические страны втягиваются в мировую войну за делёж добычи, рост противоречий между ними приводит к тому, что мировой фронт империализма становится особенно уязвимым со стороны революции. Это были уже не революции буржуазные, которые «...в прошлом оканчивались обычно сменой у кормила правления одной группы эксплуататоров другой группой эксплуататоров» [1], но революции пролетарские, социалистические, которые потрясают всю капиталистическую систему мирового хозяйства, весь фронт империалистических капиталистических стран.

Становится вероятным прорыв этого фронта в отдельных странах, притом именно в тех, где цепь империалистического фронта наиболее слаба и где на почве внутреннего экономического и политического гнёта революция является наиболее назревшей. Отсюда Ленин и приходит к общему выводу о невозможности одновременной победы социализма во всех странах и о возможности победы социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой. «Неравномерность экономического и политического развития, — говорит Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» [2].

Октябрьская революция целиком подтвердила правильность ленинской теории пролетарской революции. С октября 1917 г. по январь — февраль 1918 г. революция распространилась

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 10, стр. 239.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, изд. 4, стр. 311.

по всей стране таким быстрым темпом, что Ленин называл ход революции «триумфальным маршем» советской власти.

Великая Октябрьская социалистическая революция прорвала фронт мирового империализма, низложила империалистическую буржуазию в одной из самых больших капиталистических стран, поставила у власти пролетариат и открыла этим эпоху пролетарских революций в странах империализма. Она расшатала империализм не только в центрах его господства, в «метрополиях», но и подорвала это господство в колониях, у зависимых и угнетённых народов не во имя национализма, но во имя интернационализма. А у себя в стране, разрушив старое, буржуазное общество, начала строить новое, социалистическое общество. Тем самым Великая Октябрьская социалистическая революция поставила под вопрос самое существование мирового капитализма в целом и нанесла ему такую смертельную рану, от которой капитализм никогда не оправится и не вернёт того «равновесия» и «устойчивости», которыми он обладал до Октябрьской революции.

«Эра «устойчивости» капитализма *прошла*, унеся с собой легенду о незыблемости буржуазных порядков.

Наступила эра крушения капитализма» [1].

Началась новая эра истории человечества, эра построения коммунистического общества.

---

[1] *И. В. Сталин*, Соч., т. 10, стр. 248.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЕЙШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА (1861—1917 гг.)

I. Промышленный капитализм (1861—1900 гг.)

1861 Манифест 19 февраля об «освобождении крестьян».
1861 Отмена откупов.
1861 Учреждение Петровской сельскохозяйственной академии в Москве.
1861 Первое в России Петербургское городское кредитное общество.
1861 Открытие железной дороги Рига — Динабург.
1861 Повсеместные волнения крестьян (зарегистрировано 1176 случаев, в том числе 337 волнений подавлены войсками). Восстание в селе Бездна Казанской губернии.
1862 Положение о городских и общественных банках.
1862 Первые кредитные кооперативы ремесленников (в Одессе, Риге и др.).
1862 Положение о поселении казаков на землях выселенных кавказских горцев.
1862 Разрешение частным лицам горных разведок на золото на Алтае.
1862 Введение публичности государственных бюджетов.
1862 Волнения крестьян в ряде губерний.
1863 Введение акцизной системы на водку.
1863 Положение о поземельном устройстве удельных крестьян.
1863 Указы о прекращении «временно-обязанных» отношений и о переходе на выкуп в северо-западных и юго-западных губерниях.
1863 Установление подомового налога на городские недвижимые имущества.
1863 Волнения крестьян в разных губерниях.
1864 Положение о земских учреждениях в России.
1864 Судебная реформа.
1864 Учреждение первого в России Общества взаимного кредита в Петербурге.
1864 Учреждение первого в России Петербургского частного коммерческого акционерного банка.
1864 Учреждение первого Земельного банка взаимного кредита (Херсонского).

1864 Первое ссудо-сберегательное кооперативное товарищество (в Костромской губернии).
1864 13 октября. Крестьянская реформа в Тифлисской губернии.
1864 Волнения крестьян в разных губерниях.
1865 Взятие Ташкента.
1865 Первый купеческий съезд в Москве.
1865 Разрешение переселения крестьян в Алтайский округ.
1865 Крестьянская реформа в Кутаисской губернии.
1865 Волнения крестьян в разных губерниях.
1866 Положение о поземельном устройстве государственных крестьян.
1866 Учреждение Русского технического общества.
1866 Учреждение Московского купеческого акционерного банка.
1866 Первая концессия, выданная на постройку железной дороги Воронежскому земству (Козлов — Воронеж).
1866 Крестьянская реформа в Мингрелии (обнародовано 19 февраля 1867 г.).
1866 Волнения крестьян в разных губерниях.
1867 Продажа Россией Аляски США.
1867 Открытие железной дороги Рига — Митава.
1868 Таможенный тариф умеренного протекционизма.
1868 Взятие Самарканда.
1868 Взятие Бухары.
1868 Волнения крестьян в разных губерниях.
1869 Постройка первой мартеновской печи на Сормовском заводе.
1869 Введение общероссийского управления у киргизов.
1869 Волнения крестьян в разных губерниях.
1870 Новое городовое положение.
1870 Правила о гарантиях и доплатах казны по частному железнодорожному строительству.
1870 Первый выпуск консолидированных облигаций русских железных дорог (второй — в 1871 г., третий — в 1872 г., четвёртый — в 1873 г., пятый — в 1875 г., всего на 427 млн. руб.).
1870—1871 Основание и начало работы Юзовского завода в Донбассе.
1870 Начало выплавки чугуна на коксе на южных заводах.
1870 Первый Всероссийский съезд фабрикантов и заводчиков.
1870 Волнения и стачки в Кронштадте, на Воронежской железной дороге, на Невской бумагопрядильне в Петербурге, на сахарном заводе в Москве.
1870 Циркуляр министерства внутренних дел об усилении борьбы с рабочим движением.
1870 Закон о поземельном устройстве крестьян в Абхазии, Эриванской и Шемахинской губерниях.
1871 Восстановление права России иметь военный флот на Чёрном море.
1871 Учреждение первого частного акционерного земельного банка (Харьковского).
1871 Введение в Баку ударно-штангового бурения нефтяных скважин.
1871 Организация Комитета о ссудо-сберегательных кассах и промысловых товариществах.
1871 Завоевание Кульджи.
1872 Первая политехническая выставка в Москве.
1872 Вышел русский перевод I тома «Капитала» К. Маркса.
1872 Отмена откупной системы в бакинской нефтяной промышленности.
1872 Стачки рабочих в Тифлисе, Петербурге, Вышнем-Волочке и др.
1873 Завсевание Хивы.
1873 Стачки на Богородской мануфактуре Морозова в Москве, Серпухове, Нерчинском округе и др.
1873—1875 Промышленный кризис в России.

1874 Введение всеобщей воинской повинности.
1874 Первый съезд горнопромышленников юга России.
1874 Выдана концессия на проведение и эксплоатацию в пределах России индо-европейского телеграфа.
1874 Стачка железнодорожных рабочих Николаевской железной дороги в Москве, на ткацкой мануфактуре в Богородском, на Семянниковском заводе в Петербурге и др.
1874 Изобретение Лодыгиным электрической лампочки накаливания.
1875 Договор с Японией об обмене Курильских островов на южную половину Сахалина.
1875 Производственное освоение бессемеровского способа на Нижне-Тагильском заводе.
1875 Введение государственного поземельного налога.
1875 Образование «Южнороссийского союза рабочих» (в Одессе).
1875 Стачки и волнения рабочих на заводах Петербурга, Владимирской губернии и др.
1875 Изобретение «свечи Яблочкова».
1876 Завоевание Кокандского ханства (Ферганы).
1876 Волнения рабочих на фабриках Петербурга и первая рабочая демонстрация (6 декабря).
1876 Крестьянские волнения в Мингрелии и Сванетии.
1876 Выдача патента на изобретение «свечи Яблочкова».
1877 Взимание таможенных пошлин в золоте (повышение тарифов на 40%).
1877 Первая статистическая перепись земельной собственности в России.
1877—1878 Русско-турецкая войпа.
1878 Сан-Стефанский договор и Берлинский конгресс.
1878 Присоединение к России Карской области, Батума и Ардагана.
1878 Образование «Северного союза русских рабочих» в Петербурге.
1878 Стачка петербургских текстильщиков.
1878 Правила о сдаче в аренду башкирских земель.
1878 Восстание крестьян в Кахетии.
1879 Стачки и волнения рабочих на бумагопрядильнях в Петербурге, на Пермских пушечных заводах в Мотовилихе, на Петербургском металлическом заводе и др.
1880 Отмена налога на соль.
1880 Первые телефоны в России.
1880 Стачки рабочих в Москве, Киеве и др.
1880 Крестьянские волнения в Черниговской, Псковской, Тульской губерниях.
1881 Постройка первой электростанции в России (на год раньше Северной Америки).
1881 Устав о частной золотопромышленности.
1881 Новая акцизная система обложения сахара.
1881 Закон об обязательном переходе крестьян на выкуп.
1881 Стачки рабочих в Нижегородской губернии, в Рыбинске и др.
1881 Волнения крестьян в Саратовской, Самарской, Херсонской, Тамбовской, Воронежской губерниях.
1881—1882 Восстания крестьян в Гурии.
1881—1882 Промышленный кризис в России.
1882 Установление налога с имуществ, переходящих безвозмездно.
1882 Табачный устав (введение акциза).
1882 Открытие первой казённой железной дороги — Баскунчакской.
1882 Начало фабричного законодательства в России, закон 1 июня об ограничении ночной работы малолетних.
1882 Учреждение фабричной инспекции.

1882 Стачки рабочих в Петербурге (на бумагопрядильной фабрике, на гвоздильном заводе), на Сормовском заводе и др.
1882 Крупные стачки в Батуме.
1882 Учреждение Крестьянского поземельного банка (открыт в 1883 г.).
1882 Отмена (с 1883 г.) подушной подати с мещан и с некоторых категорий крестьян.
1882 Понижение выкупных платежей (на 12 млн. руб.).
1882 Всероссийская выставка в Москве.
1883 Открытие Закавказской железной дороги (Баку — Батум).
1883 Образование Плехановым в Женеве первой русской марксистской группы «Освобождение труда».
1883 Стачки рабочих на Вознесенской, Ярославской, Большой Кренгольмской мануфактурах и др.
1883 Волнения крестьян в Уфимской губернии.
1884 Учреждение Главного управления почт и телеграфов.
1884 Открытие казённой Екатерининской железной дороги.
1884 Стачки и волнения рабочих в Петербурге (на Смоленской ткацкой мануфактуре, на бумагопрядильной фабрике Штиглица и др.).
1884 Реакционный университетский устав.
1885 Закон 25 мая об отмене подушной подати с 1 января 1886 г. с крестьян, а с 1 января 1887 г. для всех разрядов населения по всей империи (кроме Сибири).
1885 Введение новых налогов на промышленность и торговлю.
1885 Введение налога на денежный капитал.
1885 Открытие казённой железной дороги Екатеринбург — Тюмень.
1885 Учреждение Дворянского поземельного банка.
1885 Закон о регулировании ночной работы подростков и женщин.
1885 Стачка на фабриках Морозова в Орехово-Зуеве и Иваново-Вознесенске.
1885 Волнения крестьян в Киевской, Черниговской, Херсонской, Подольской, Екатеринославской, Таврической, Курской, Воронежской губерниях, в Донской области и др.
1886 Открытие Закаспийской железной дороги.
1886 Первый синдикат гвоздильных и проволочных заводов.
1886 Закон о надзоре за фабричными заведениями и о найме рабочих.
1886 Стачки рабочих на Верхне-Сергинском Демидовском заводе и др.
1886 Закон о запрещении крестьянских семейных разделов.
1886 Закон о переводе государственных крестьян на выкуп (с 1 января 1887 г.).
1887 Соглашение с Англией об Афганистане.
1887 Образование синдиката сахарозаводчиков.
1887 Введение акцизной системы на осветительные нефтяные масла.
1887 Второе статистическое обследование земельной собственности.
1887 Правила о частной горной промышленности.
1887 Начало разработки каменного угля в Тквибули.
1887 Организация шелководческой станции в Тифлисе.
1887 Открытие «Постоянной конторы железозаводчиков».
1887 Стачки рабочих на фабриках в Тамбовской губернии, в Твери, в Тифлисских железнодорожных мастерских и др.
1888 Повышение таможенных тарифов на 20%.
1888 Введение акцизной системы на спиртные напитки.
1888 Постройка железной дороги до Самарканда.
1888 Открытие казённой железной дороги Самара — Уфа.
1888 Положение 4 апреля о сохранении лесов.
1888 Стачки рабочих в Твери, Шуе, Петрокове.
1889 Положение о железнодорожных тарифах и об учреждениях по тарифным делам.

1889 Положение о земских участковых начальниках.
1889 Новые правила о переселении крестьян.
1889 Стачки рабочих в Москве, Шуе, Тифлисе и др.
1890 Новое (реакционное) положение о земстве.
1890 Ограничение законов 1882—1885 гг. о воспрещении ночной работы малолетних и женщин.
1890 Первая заводская электростанция на Пермском пушечном заводе.
1890 Учреждение Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности.
1890 Организация Павловской артели кустарей.
1890 Стачки рабочих в Ярославле, в Екатеринославской и Олонецкой губерниях, в Варшаве и др.
1890—1891 Увеличение обложения сахара.
1891 Начало строительства Сибирской железнодорожной магистрали.
1891 Новый (покровительственный) таможенный тариф.
1891 Первая маёвка в Петербурге.
1891 Стачки рабочих в Новом адмиралтействе в Петербурге, на Жирардовской мануфактуре в Варшаве и др.
1891—1892 Голод, охвативший 21 губернию Европейской России.
1892 Новое (реакционное) городовое положение.
1892 Повышение налогов на спички (100%), пиво (50%), нефть (50%), патентного табачного (50%), с недвижимых имуществ, торговых и промышленных сборов.
1892 Образование Экспортного синдиката бакинских керосинозаводчиков.
1892 Открытие казённой железной дороги Самара — Златоуст.
1892 Стачки рабочих в Юзовке, Макеевке, Каменке, Твери и др.
1893 «Устав о промышленности».
1893 Установление квартирного налога (с 1 января 1894 г.).
1893 Закон о неотчуждаемости крестьянских надельных земель.
1893 Отмена статьи 165 положения 19 февраля о досрочном выкупе.
1893 Закон об ограничении общих переделов крестьянских общинных земель.
1893 Учреждение акционерного Восточного общества товарных складов, страхования и транспортирования товаров.
1893 Введение общего железнодорожного тарифа.
1893 Таможенная война с Германией.
1893 Начало промышленной разработки нефти в Грозном.
1893 Образование первой марксистской группы (Месаме-даси) в Закавказье. В 1898 г. в неё вступает товарищ Сталин.
1893 Стачки рабочих на Нижне-Тагильском заводе, Ижевском оружейном, на Хлудовской бумажной мануфактуре и др.
1893—1894 Торговые договоры на конвенционных началах с Францией (1893 г.), Германией (1894 г.) и др.
1894 Новый устав Государственного банка.
1894 Общий пересмотр законодательства о крестьянах.
1894 Закон о казённой продаже водки («питий»).
1894 Приобретение в казну железных дорог бывшего Главного общества российских железных дорог.
1894 Стачки рабочих в Ростове-на-Дону, в Петроковской губернии, на Сибирской железной дороге.
1894 Приобретение в казну юго-западных железных дорог.
1894 Открытие Западно-Сибирской железной дороги.
1894 Выход (в гектографированном виде) работы Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».
1895 Объединение Лениным рабочих марксистских кружков в Петербурге в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».
1895 Стачка в Петербургском порту.

1895 Стачка на фабрике Торнтона, на Морозовской мануфактуре, на Путиловском заводе, на фабрике механической обуви, на Прохоровской Трёхгорной мануфактуре, на мануфактуре Карзинкиных в Ярославле и др.
1895 Изобретение Поповым беспроволочного телеграфа.
1895 Сконструирование Циолковским цельнометаллического дирижабля.
1895 8 мая. Разрешение сделок в золотой валюте.
1895 8 августа. Фиксация курса 1 руб. золотом = 1 р. 50 к. кредитными билетами.
1896 Всероссийская промышленная выставка в Нижнем-Новгороде и первый Всероссийский торгово-промышленный съезд.
1896 Первые маслодельные артели в Сибири (в Курганском уезде).
1896 Первый Союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ (в Бердянске).
1896 Приобретение в казну Московско-Брестской железной дороги.
1896 Учреждение концессионного акционерного общества Китайско-Восточной железной дороги (открыта в 1903 г.).
1896 Открытие казённой Уральской железной дороги.
1896 Стачка на петербургской фабрике Воронина, всеобщая стачка ткачей и прядильщиков (30 тыс. человек).
1896 Стачки в Москве, Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве, Твери, на Урале.
1896—1899 Постройка Уссурийской железной дороги.
1897 Первая всеобщая перепись населения в России.
1897 Отмена паспортного сбора.
1897 Закон о продолжительности и распределении рабочего времени в фабричных заведениях (11 ч. 30 м.).
1897—1898 Занятие Порт-Артура и договор с Китаем о Квантунском полуострове.
1897 3 января. Установление чеканки империалов — 15 руб. золотом.
1897 29 августа. Установление эмиссионного права Государственного банка.
1897 14 ноября. Чеканка золотой монеты в 5 руб.
1898 Вступление товарища Сталина в «Месаме-даси».
1898 I съезд РСДРП.
1898 27 марта. Окончательное введение золотой валюты.
1898 8 июня. Новый закон об обложении промышленности и торговли (с 1 января 1899 г.).
1898 Отмена подушной подати в Сибири.
1898 Постройка железной дороги до Ташкента.
1898 Стачки рабочих в Петербурге и Иваново-Вознесенске; железнодорожных рабочих в Тифлисе.
1899 Крестьянские волнения в Таврической, Орловской, Минской губерниях.
1899 Выход книги Ленина «Развитие капитализма в России».
1899 Издано Положение о главном по фабричным и горнозаводским делам присутствии.
1899 Новый монетный устав.
1899 Новое Положение о мерах и весах.
1899 Учреждение комиссии «по оскудению центра».
1899 Основание политехникумов в Киеве и Варшаве.
1899 Открытие Среднесибирской железной дороги.
1899 Открытие Пермской казённой железной дороги.
1899 Стачки рабочих на Сормовском заводе.
1899 Крестьянские волнения в Грузии, в Самарской, Саратовской, Киевской губерниях.

II. Империализм и канун социалистической революции (1900—1917 гг., октябрь)

1900—1903 Промышленный кризис в России.
1900 Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе под руководством товарища Сталина.
1900 Начало широкого освоения мартеновского производства.
1900—1902 Займы России для Персии в 32,5 млн. руб.
1900—1905 Начало промышленной разработки марганцевых залежей в Чиатурах.
1901 Массовые локауты промышленных рабочих.
1901 Массовые стачки железнодорожных рабочих в Саратове, Тифлисе и др., на Ярославской мануфактуре, Бодайбинских промыслах, в Петербурге, Москве, Одессе, Саратове, на Урале и др. (всего 120 стачек).
Первомайская стачка на военном Обуховском заводе (столкновение с войсками); первомайская демонстрация в Тифлисе.
1901—1902 Крестьянские волнения в Грузии, в Нижегородской и Тверской губерниях.
1902 Выход работы Ленина «Что делать?».
1902 «Зубатовщина».
1902 Стачка рабочих в Ростове-на-Дону.
1902 Проведение товарищем Сталиным первой забастовки на заводе Манташева в Батуме.
1902 Образование синдиката по продаже ферроманганов.
1902 Образование синдиката «Трубопродажа».
1902 Образование синдиката «Первое акционерное общество для продажи изделий русских металлургических заводов» — «Продамет».
1902 Учреждение Витте Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.
1902 Аграрные волнения крестьян в Харьковской и Полтавской губерниях.
1903 17 июля. II съезд РСДРП.
1903 Законы: 1) о вознаграждении рабочих за несчастные случаи; 2) об учреждении рабочих старост.
1903 Первая в Тифлисе всеобщая стачка и массовые политические стачки в Баку, Чиатурах, Батуме, Одессе, Киеве, Екатеринославе, Златоусте, Костроме и др.
1903 Учреждение русской лесной концессии на реке Ялу, в Корее.
1904 27 января. Начало русско-японской войны.
1904 Выход работы Ленина «Шаг вперед, два шага назад».
1904 Вторая всеобщая стачка в Тифлисе (начало всероссийского стачечного движения).
1904 Всеобщая стачка в Баку.
1904 Организация Гапоном Собрания русских фабрично-заводских рабочих Петербурга.
1904 Образование конвенции «Комитет уральских горных заводов».
1904 Организация синдиката «Продвагон».
1904 Образование синдиката «Продуголь».
1904 Положение об учреждениях мелкого кредита.
1904 Новый закон о переселении крестьян в Сибирь.
1905 3 января. Стачка на Путиловском заводе в Петербурге (начало всеобщей стачки и общего революционного движения).
1905 9 января. Расстрел демонстрации рабочих у Зимнего дворца. Начало первой революции.
1905 Апрель. III съезд РСДРП в Лондоне.

1905 Май. Первомайские стачки рабочих по всей империи.
1905 Июнь. Вооружённое выступление рабочих и баррикады в Лодзи.
1905 Длительная (два с половиной месяца) стачка рабочих в Иваново-Вознесенске; вооружённые столкновения с войсками.
1905 Июнь. Восстание на броненосце «Потёмкин».
1905 Выход работы Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».
1905 7 августа. Манифест о «булыгинской» (законосовещательной) Думе.
1905 23 августа. Заключение Портсмутского мирного договора с Японией.
1905 Сентябрь. Начало политической стачки (московских печатников).
1905 Октябрь. Всеобщая всероссийская стачка.
1905 17 октября. Манифест о созыве «законодательной» Государственной думы и о «конституционных свободах».
1905 13 октября. Первый Петербургский Совет рабочих депутатов.
1905 Октябрь — ноябрь. Распространение революционной борьбы и восстаний по всей империи.
1905 3 ноября. Манифест об отмене с 1 января 1907 г. выкупных платежей за крестьянские земли.
1905 Декабрьское восстание в Москве и ряде других городов.
1905 Всеобщая стачка в Тифлисе, Чиатурах, Кутаисе, Батуме и др.
1905 Аграрные движения (в 240 уездах).
1905 Третья статистическая перепись землевладения в России.
1906 10 марта. Правила о «свободе переселений» крестьян.
1906 Апрель. IV съезд РСДРП в Стокгольме.
1906 Июнь. Разгон I Государственной думы и карательные экспедиции в районы восстаний.
1906 Заключение договора с Францией о получении займа в 2,25 млрд. фр.
1906 9 ноября. Указ о выходе из общины — «столыпинская реформа».
1906 15 ноября. Разрешение Крестьянскому банку выдавать ссуды под залог надельных земель.
1906 Передача Крестьянскому банку удельных и части кавённых земель для продажи крестьянам.
1906 Открытие нефтепровода Баку — Батум.
1906 Открытие железной дороги Оренбург — Ташкент.
1906 Организация синдиката «Кровля» уральских железоделательных заводов.
1907 Февраль — июнь. II Государственная дума и её разгон.
1907 Май. V съезд РСДРП в Лондоне.
1907 3 июня. Новый избирательный закон в III Государственную думу.
1907 Образование синдиката «Съезд фабрикантов сельскохозяйственных машин и орудий».
1907 Организация синдиката резиновых заводов «Треугольник».
1907 Организация синдиката «Русское товарищество торговли цементом».
1907 Организация синдиката «Медь».
1907 Организация синдиката «Продаруд».
1907 Соглашение России и Англии о разделе «сфер влияния» в Иране.
1908 Попытка образования треста «Акционерное общество металлургических заводов, рудников и копей».
1908 Организация синдиката лодзинских хлопчатобумажных фабрикантов.
1908 Организация товарищем Сталиным крупных стачек в Баку.
1909 Выход работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».
1909 Организация синдиката морских транспортных обществ «Ропит».
1909 Организация синдиката «Платина».
1909 Первые опыты выплавки электростали (на Обуховском заводе в Петербурге).
1909 Начало промышленной разработки майкопской нефти.

1909 Появление кооперативных товариществ по переработке картофеля (в Костромской и Ярославской губерниях).
1910 14 июня. Утверждение Государственной думой правил указа 9 ноября 1906 г. о выходе из общины.
1910—1916 Постройка Амурской железной дороги.
1911 29 мая. Закон о землеустройстве на крестьянских надельных землях.
1911 Опыты турбиновращательного бурения нефтяных скважин в Баку.
1912 Январь. Пражская конференция РСДРП.
1912 4 апреля. Ленский расстрел. Новый подъём стачечного и революционного движения.
1912 Восстание в Кабарде.
1912 Закон об отмене временно-обязанных отношений и рабства в Закавказье.
1912 Вооружённое выступление в войсках Туркестана.
1912 Организация синдиката «Русское льнопромышленное акционерное общество».
1912—1913 Образование монопольных объединений в нефтяной промышленности.
1914 Сооружение нефтепровода Грозный — Петровск.
1914 Крупный локаут на петербургских заводах.
1914 Усиление стачечного движения (за полгода 1 425 тыс. бастовавших).
1914 Май. Стачка в Баку.
1914 Июль. Стачка на Путиловском заводе в Петербурге и в других городах.
1914 19 июля. Начало мировой войны.
1914 Прекращение размена бумажных денег на золото.
1914 Ноябрь. Арест большевистской фракции IV Государственной думы и ссылка членов её в Сибирь.
1915 Апрель. Продовольственные «беспорядки» в Петрограде, Москве и других городах.
1915 Июнь — июль. Образование Военно-промышленных комитетов и Всероссийских городского и земского союзов.
1915 17 августа. Учреждение Особого совещания по обороне, по продовольствию, топливу, перевозкам.
1915 Введение государственных заготовок продовольствия для населения.
1915—1917 Рост стачечного движения (в Петербурге, Москве, Костроме, Иваново-Вознесенске, Твери, на Тульских и Брянских заводах, в Баку, Донбассе и др.).
1916 Восстание в Казахстане против царского правительства.
1916 Ленин написал работу «Империализм, как высшая стадия капитализма».
1917 Локауты в Петербурге, Донбассе, на Урале и др.
1917 9 января. Стачки и политические демонстрации в Петербурге, Москве и других городах.
1917 Образование Советов рабочих и солдатских депутатов.
1917 18 февраля. Забастовка рабочих на Путиловском заводе.
1917 25 февраля. Всеобщая забастовка и политические демонстрации в Петрограде.
1917 26 февраля. Выступление войск на стороне народа.
1917 27 февраля. Победа буржуазной февральской революции. Образование Советов рабочих и солдатских депутатов. Образование Временного комитета Государственной думы.
1917 2 марта. Падение монархии и образование Временного правительства.
1917 9 марта. Распоряжение о привлечении к суду за «аграрные беспорядки».

1917 10 марта. Соглашение Петроградского Совета и Общества фабрикантов и заводчиков о введении 8-часового рабочего дня.
1917 11 марта. Постановление Совета о 8-часовом рабочем дне и «разъяснение» его Временным правительством как «временной уступки».
1917 12—16 марта. Отобрание кабинетских и удельных земель.
1917 3 апреля. Возвращение Ленина в Россию.
1917 4 апреля. «Апрельские тезисы» Ленина.
1917 20—21 апреля. Демонстрация против войны и за власть Советов.
1917 24 апреля. Всероссийская апрельская конференция большевиков.
1917 5 мая. Образование коалиционного правительства.
1917 17 мая. Распоряжение Временного правительства о запрещении совершения сделок на землю.
1917 3 июня. I Всероссийский съезд Советов.
1917 18 июня. Демонстрация под большевистскими лозунгами.
1917 21 июня. Учреждение Экономического совета и Главного экономического комитета при Временном правительстве.
1917 26 июня. Воззвание министра труда Скобелева к рабочим о запрещении «самочинных действий».
1917 3 июля. Демонстрации рабочих и солдат.
1917 26 июля — 3 августа. VI съезд партии большевиков. Лозунг товарища Сталина о подготовке к вооружённому восстанию как условии победы социалистической революции.
1917 12 августа. Государственное совещание в Москве.
1917 25 августа. Контрреволюционное восстание Корнилова.
1917 12 сентября. Всероссийское демократическое совещание, которым был выделен Предпарламент.
1917 23 сентября. Объявление Всероссийской железнодорожной забастовки.
1917 7 октября. Возвращение Ленина из подполья в Петроград.
1917 10 октября. Заседание ЦК партии. Вынесено решение в ближайшие дни начать вооружённое восстание.
1917 13 октября. Создание Военно-революционного комитета.
1917 16 октября. Избрание партийного центра по руководству восстанием во главе с товарищем Сталиным.
1917 19 октября. Резолюция фабзавкомов о переходе власти к Советам.
1917 23 октября. Декрет № 1 Исполкома Московского Совета рабочих депутатов «О приёме и увольнении рабочих с согласия фабзавкомов».
1917 24 октября. Прибытие Ленина в Смольный для руководства восстанием.
1917 25 октября (7 ноября н. ст.). Свержение Временного правительства и победа Великой Октябрьской социалистической революции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

РАЗДЕЛ I
ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

По общим вопросам развития капитализма в России: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XXVII (письмо К. Маркса к В. Засулич 8 марта 1881 г.), т. XV (*Энгельс*, Социальные отношения в России). — *В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, изд. 4; Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, изд. 4. — *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, особенно стр. 3—5 и 35—38.— «История ВКП(б). Краткий курс», гл. I—II. — *Бельтов (Г. В. Плеханов)*, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, разные изд. — *Г. В. Плеханов*, Наши разногласия, разные изд. — *Волгин (Г. В. Плеханов)*, Обоснования народничества в трудах В. В., 1896.

Дореволюционные работы и общие обзоры периода промышленного капитализма в освещении буржуазных авторов: *В. П. Безобразов*, Народное хозяйство России, Московская (центральная) промышленная область, ч. 1—3, Спб. 1882—1889. — *Д. А. Тимирязев*, Развитие главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности в России с 1850 по 1879 г. с указанием влияния последовавших за это время изменений в таможенном тарифе, Спб. 1881. — *Е. М. Дементьев*, Фабрика, что она даёт населению и что она у него берёт, изд. 2, испр. и доп., М. 1897. — *Г. Шульце-Геверниц*, Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, Спб. 1901. — *М. И. Туган-Барановский*, Русская фабрика в прошлом и настоящем (несколько изданий).— *С. С. Зак*, Промышленный капитализм в России, М. 1908. — Общая сводка конъюнктурных показателей периода развития капитализма (1870—1913), см. таблицы в работе *С. А. Первушина*, Хозяйственная конъюнктура, М. 1925.

---

[1] Прилагаемый библиографический указатель не ставит целью дать исчерпывающую литературу по экономической истории России и имеет лишь вспомогательное значение — облегчить как начинающим читателям и студентам, так и преподавателям вузов и всем, углублённо занимающимся экономической историей, более всестороннее изучение отдельных вопросов. Библиография общая и по специальным вопросам построена так: прежде всего указываются руководящие работы классиков марксизма-ленинизма, затем общая и фактическая литература, а также официальные материалы, исторические, статистические и тому подобные источники для более углублённой проработки. В сносках текста даётся дополнительная литература, необходимая по соображениям методологическим и документации. Общая и фактическая литература, в преобладающей мере дореволюционная, а также официальные и прочие материалы должны быть использованы критически.

Из послереволюционных работ см. также данные за довоенные годы у *С. Г. Струмилина*, Проблема промышленного капитала в СССР, М. 1925.

По истории отдельных отраслей промышленности: *С. Г. Струмилин*, Чёрная металлургия в России и в СССР, М. — Л. 1935. — *И. Гливиц*, Железная промышленность России, Спб. 1911. — *К. А. Скальковский*, Горнозаводская производительность России в 1876—1878—1879 гг., т. 1—3, Спб. 1878—1880. — *П. И. Фомин*, Горная и горнозаводская промышленность юга России, т. I, Харьков 1915. — *В. А. Полетика*, О железной промышленности в России, Спб. 1864. — *В. Д. Белов*, Исторический очерк уральских горных заводов, Спб. 1896. — *П. Туннер*, Горнозаводская промышленность России и в особенности её железное производство, Спб. 1872. — *С. П. Сигов*, Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, Свердловск 1936. — *Д. П. Ильинский*, Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности, М. 1929. — *Иосса*, О влиянии постройки русских железных дорог на развитие отечественного железного производства, 1878. — *Кеннен*, Материалы по истории рельсового производства в России, 1899. — Материалы постоянной совещательной конторы железозаводчиков для истории и статистики железной промышленности России, 1896. — *В. А. Ислави́н*, Обзор каменноугольной и железоделательной промышленности Донецкого кряжа, Спб. 1875. — *А. И. Антипов*, Обзор правительственных мероприятий по развитию в России металлической промышленности, Спб. 1879. — Металлургические заводы на территории СССР с XVII века до 1917 г., под ред. акад. *Павлова*, М. — Л. 1937. — *В. Э. Ден*, Каменноугольная и железоделательная промышленность, Спб. 1907. — *Е. И. Рагови́н*, Железо и уголь на юге России, Спб. 1895. — *А. Матвеев*, Уральские металлы, Спб. 1898, 1901. — *Его же*, Железное дело России в 1898—1899 гг., ч. 1—2, М. — Спб. 1899—1900. — *С.* и *Л. Першке*, Русская нефтяная промышленность, её развитие и современное положение в статистических данных, Тифлис 1913. — *Л. Б. Кафенгауз*, Развитие русского сельскохозяйственного машиностроения. К вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные машины, Харьков 1910. — *И. И. Левин*, Наша сахарная промышленность, Спб. 1908. — *К. Г. Воблый*, Опыт истории свеклосахарной промышленности СССР, т. I, М. 1928. — *Н. Я. Масленников*, К вопросу о развитии фабричной промышленности в России, рост хлопчатобумажного производства в период с 1866—1879 гг., Записки Географического общества по отделению статистики, т. VI, Спб. 1889. — *Р. Люксембурге*, Промышленное развитие Польши, Спб. 1899. — *И. И. Янжул*, Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском, М. 1887. — *Баранов*, Очерк развития текстильной промышленности, 1900. — *Ч. М. Иоксимович*, Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем, ч. I, М. 1915. — *Б. И. Сыромятников*, Очерк истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства, Иваново-Вознесенск 1925. — *М. М. Цвибак*, Из истории капитализма в России, Л. 1925. — *В. Н. Сарабьянов*, История русской промышленности, Харьков 1926.

Основные статистические источники по промышленности периода капитализма: «Свод данных о фабрично-заводской промышленности России за 1867—1897 гг.», изд. департамента торговли и мануфактур, 1889—1900. — «Свод данных о фабрично-заводской промышленности России за 1885—1887 гг.», Спб. 1890—1894. — «Дополнения к своду данных за 1885—1887 гг. по отдельным отраслям промышленности (металлургической, керамической, деревообрабатывающей, животных продуктов и волокнистых веществ)», 1890. — «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России», т. 1—3, Спб. 1862—1865, изд. министерства финансов, а также «Сведения о фабриках и заводах», 1866. — *И. Бок*,

Материалы для статистики фабрично-заводской промышленности в Европейской России за 1868 г., «Статистический временник Российской империи», серия II, вып. 6, Спб. 1872. — «Материалы по статистике паровых двигателей», изд. Центрального статистического комитета, 1882. — «Материалы, собранные императорского русского технического общества комиссией для исследования положения в России машиностроения», Спб. 1875. — «Труды высочайше учреждённого съезда главных по машиностроительной промышленности деятелей», 1875. — *П. А. Орлов*, Указатель фабрик и заводов Европейской России, Спб. 1881, изд. 2, 1887, изд. 3, 1894. — Из изданий органов и съездов промышленников для этого периода: «Труды высочайше учреждённого всероссийского торгово-промышленного съезда в Нижнем-Новгороде», т. 1—13, Спб. 1896—1897. — «Труды общества для содействия русской промышленности и торговли», 22 тома, Спб. 1873—1893. — «Ежегодники министерства финансов». — «Статистика производств, облагаемых акцизом», «Свод отчётов фабричной инспекции» за разные годы.

Об акционерных обществах: *Н. Пушкин*, Статистика акционерного дела в России, Спб. 1897. — *И. И. Левин*, Акционерные коммерческие банки в России, т. I, Пгр. 1917. — «Акционерное дело в России», Спб. 1897, т. 2. — «Статистика акционерных предприятий», вып. I — Коммерческие банки — земельные банки. Страховые общества, 1897—1900. — «Статистика акционерного дела в России», под ред. *Дитмара*, вып. 1, Харьков 1907. — «Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях», Спб. 1914. — Сводные балансы акционерных обществ давались в «Ежегодниках министерства финансов»; см. также «Обзор деятельности акционерных предприятий России», «Вестник финансов», 1900.

О кустарной промышленности: *В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, изд. 4, гл. V—VI, а также «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности», Соч., т. 2, изд. 4. — Дореволюционные общие работы: *А. Д. Погрузов*, Кустарная промышленность в России, её значение, нужды и возможное будущее, т. I, Спб. 1901. — *А. А. Исаев*, Промыслы Московской губернии, т. 1—2, М. 1876—1877. — «Промыслы Владимирской губернии», вып. 1—5, М. 1882—1884. — *М. А. Плотников*, Кустарные промыслы Нижегородской губернии, Нижний-Новгород 1894. — *А. А. Мещерский* и *К. Н. Модзалевский*, Свод материалов по кустарной промышленности в России, Спб. 1874. Источники: «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России», 17 томов, Спб. 1879—1890. — «Отчёты и исследования по кустарной промышленности в России», т. I—II, Спб. 1892—1905. — «Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в С.-Петербурге 1902 г.», Спб. 1902; «Труды съезда деятелей по кустарной промышленности в С.-Петербурге 1910 г.», Спб. 1910.

О сельском хозяйстве в период промышленного капитализма 1861—1900 гг.: *В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, изд. 4, гл. II—IV. — Из старых работ о положении сельского хозяйства после реформы и в 1890—1900 гг.: *Ю. Э. Янсон*, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, изд. 2, Спб. 1881 (первое изложение отрицательных результатов реформы). — *А. Н. Энгельгардт*, ...Из деревни. 12 писем 1872—1887, М. 1937. — *А. И. Васильчиков*, Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. I—II, Спб. 1876. — *А. С. Ермолов*, Современные сельскохозяйственные вопросы, этюды в области сельского хозяйства и статистики, М. 1891. — *И. А. Гурвич*, Экономическое положение русской деревни, М. 1896. — *Б. Н. Книпович*, К вопросу о дифференциации русского крестьянства, Спб. 1912. — *Н. А. Каблуков*, Об условиях развития крестьянского хозяйства в России, М. 1899. — *П. П. Маслов*, Аграрный вопрос в России, изд. 6, М.—Л.

1926. — *Н. А. Карышев*, Крестьянские внепадельные аренды, Дерпт 1892. — *П. И. Лященко*, Очерки аграрной эволюции России, изд. 4, т. 1, Л. 1925. — *В. Е. Постников*, Южнорусское крестьянское хозяйство, М. 1891. — «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», под ред. *А. И. Чупрова* и *А. С. Посникова*, т. 1—2, Спб. 1897. — *П. Лохтин*, Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами, Спб. 1901. — *П. А. Вихляев*, Очерки из русской сельскохозяйственной действительности, Спб. 1901. — Специально по вопросу о сельскохозяйственном кризисе: *И. А. Конюков*, Европейский сельскохозяйственный кризис 70—80-х годов XIX века, М. 1925. — *С. А. Короленко*, О сельскохозяйственном кризисе в нечерноземной полосе России, Спб. 1890. — *П. И. Лященко*, Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства, М. 1927.

Из основных статистических материалов по сельскому хозяйству 1870—1900 гг. громадный материал имеется в различных земских изданиях: «Сборниках статистических сведений», «Материалах по оценке земель», «Подворных переписях» и т. п. по разным губерниям; см. *Н. А. Благовещенский*, Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям, т. I, М. 1893. — *З.* и *Н. Свавицкие*, Земские подворные переписи 1880—1913 гг., М. 1926. — Из официальных материалов: «Год в сельскохозяйственном отношении», изд. министерства земледелия. — «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. I—XI, Спб. 1894—1903. — «Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в.», вып. I—III, Спб. 1902. — «Материалы для изучения современного положения, землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России», собранные по распоряжению министра гос. имуществ, вып. 1—2, Спб. 1880. — *И. И. Кауфман*, О задолженности землевладения в связи со статистическими данными о притоке капиталов к поместному землевладению со времени освобождения крестьян, Спб. 1888. — «Временник центрального статистического комитета министерства внутренних дел» № 2, Спб. 1888. — Из материалов официальных комиссий о положении сельского хозяйства: «Доклад высочайше учреждённой комиссии (под председательством Валуева) для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности России», 1873. — «Доклад высочайше учреждённой в 1888 г. комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения», 1892. — «Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды Особого совещания 1899—1901 гг.», сост. *А. Д. Поленов*, М. 1901. — «Материалы высочайше учреждённой 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России», вып. I—XIII, 1903.

Процесс образования внутреннего рынка промышленного капитализма: *В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, изд. 4, в особенности гл. VIII, а также статья «По поводу так называемого вопроса о рынках», Соч., т. 1, изд. 4. — О товарном обращении и торговле: *П. И. Лященко*, Очерки аграрной эволюции России, гл. VII—X, изд. 4, т. I, Л. 1925. — О хлебной торговле: «Труды экспедиции, снаряжённой Императорским вольным экономическим и Русским географическим обществом для исследования хлебной торговли и производительности России», 4 тома, Спб. 1868—1876. — *П. И. Лященко*, Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России, Спб. 1912. — О внешней торговле: «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России», под ред. *В. И. Покровского*, Спб. 1902. — «Труды комиссии Вольного экономического общества по вопросу о внешней хлебной торговле», Спб. 1885.

О железных дорогах, железнодорожном строительстве и железнодорожном товарном движении: *Куломзин*, Наша железнодорожная политика, 1902. — *А. А. Головачёв*, История железнодорожного дела в России, Спб. 1881. — *В. Г. Михайловский*, Развитие русской железнодорожной сети. «Труды Вольного экономического общества», № 2, 1898. — *П. П. Мигулин*, Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы, Харьков 1903. — *А. И. Чупров*, Железнодорожное хозяйство, т. 1—2, М. 1875—1878. — *Н. П. Петров*, Правительственные источники образования капиталов железных дорог, Спб. 1910. — *И. С. Блиох*, Влияние железных дорог на экономическое состояние России, т. 1—3, 5, Спб. 1878. — *А. Д. Билимович*, Товарное движение на русских железных дорогах, Киев 1902. — Статистика железных дорог и железнодорожного движения давалась в «Статистических сборниках» министерства путей сообщения и в «Сводной статистике» министерства финансов; обработаны у Билимовича и Лященко. — *Т. С. Хачатуров*, Размещение транспорта в капиталистических странах и в СССР, М. 1939.

О таможенной политике: *М. Н. Соболев*, Таможенная политика России во второй половине XIX века, Томск 1911. — *Ладыженский*, История русского таможенного тарифа, 1886. — *В. Витчевский*, Торговая, таможенная и промышленная политика России со времён Петра Великого до наших дней, Спб. 1909. — *Колосов*, Таможенная политика 1850—1870 гг., 1890. — *С. Короленко*, О таможенных пошлинах на сельскохозяйственные машины, 1890. — *Е. Кун*, Развитие нашего таможенного обложения в последние десятилетия, Пгр. 1917. — *Л. Литошенко*, Таможенное обложение в России сельскохозяйственных машин и орудий и его значение для русского сельского хозяйства, Харьков 1910. — «Материалы к пересмотру общего таможенного тарифа Российской империи по европейской торговле. Работы тарифного комитета, учреждённого собранием выборных Москов. биржевого об-ва, 1889—1890», М. 1890 и «Материалы к пересмотру торговых договоров», Пгр. 1914—1915. — «Сравнительное обозрение тарифов по европейской торговле 1868—1891 гг. и последовательных изменений тарифа 1891 по 1 января 1901 г.», Спб. 1901.

О податной и финансовой политике 90-х годов: *П. Х. Шванебах*, Наше податное дело, Спб. 1903. — *И. Х. Озеров*, Как расходуются народные деньги? М. 1907. — *П. П. Мигулин*, Русский государственный кредит, т. 1—3, Харьков 1899—1907. — *Н. К. Бржесский*, Государственные долги России, Спб. 1884. — *М. И. Боголепов*, Государственный долг, Спб. 1910. — *Кошкаров*, Финансовые итоги последнего десятилетия, 1892—1901 гг., 1903. — *А. Н. Гурьев*, Очерк развития кредитных учреждений в России, Спб. 1904. — *С. С. Хрулёв*, Финансы России в связи с экономическим положением её населения, 2-е доп. изд., Спб, 1909.

По истории денежного обращения в России: *И. И. Кауфман*, Из истории бумажных денег в России, Спб. 1909. — *Его же*, Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в., Спб. 1910. — *Его же*, Кредитные билеты, их упадок и восстановление, Спб. 1888. — *А. Н. Гурьев*, Денежное обращение в России в XIX столетии, Спб. 1903.

О денежной реформе 1897 г.: *А. Н. Гурьев*, Реформа денежного обращения, ч. 1—2, Спб. 1896. — *П. П. Мигулин*, Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис, Харьков 1902. — *П. Х. Шванебах*, Денежное преобразование и народное хозяйство, Спб. 1901. — «Доклады и прения в Вольном экономическом обществе по денежной реформе», 1896; см. также юбилейный сборник «Министерство финансов 1892—1902», Спб. 1902.

По истории рабочего класса и рабочего движения в 90-е годы: *В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, изд. 4, особенно гл. VI, разделы III—VII, и гл. VII, разделы II—V и XII; гл. VIII, разделы II—IV. — «История ВКП(б). Краткий курс», гл. I. — *Л. П. Берия*, К вопросу

об истории большевистских организаций в Закавказье, М. 1948. — Из старых работ и обзоров: *В. В. Берви (Н. Флеровский)*, Положение рабочего класса в России, М. 1938, — *Е. М. Дементьев*, Фабрика, что она даёт населению и что она у него берёт, изд. 2-е испр. и доп., М. 1897. — *М. И. Туган-Барановский*, Русская фабрика в прошлом и настоящем, несколько изданий.—*И. И. Янжул*, Фабричный быт Московской губернии, Спб. 1884. — *П. А. Песков*, Фабричный быт Владимирской губернии, Спб. 1884. — *П. М. Шестаков*, Рабочие на мануфактуре товарищества Эмиль Циндель в Москве, М. 1900. — *К. А. Пажитнов*, Положение рабочего класса в России, Спб. 1906. — *С. Бернштейн-Коган*, Численность, состав и положение петербургских рабочих, Спб. 1910. — *И. М. Козьминых-Ланин*, Девятилетний период (с 1 января 1901 г. по 1 января 1910 г.) фабрично-заводской промышленности Московской губернии, М. — *К. М. Тахтарёв*, Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов, 1921. — *В. Е. Варзар*, Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 гг., Спб. 1905. — *В. П. Литвинов-Фалинский*, Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России, изд. 2, испр. и доп., Спб. 1904. — *А. Г. Рашин*, Формирование промышленного пролетариата в России, М. 1940. — Хроника революционного рабочего движения в Петербурге (1870—1904), под общ. ред. *В. А. Быстрянского*, т. I, Л. 1940.

РАЗДЕЛ II

ИМПЕРИАЛИЗМ

О сущности империализма и его особенностях в России: *В. И. Ленин*, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, изд. 4; Социализм и война, Соч., т. 21, изд. 4; Крах II Интернационала, Соч., т. 21, изд. 4; О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», Соч., т. 23, изд. 4; Империализм и раскол социализма, Соч., т. 23, изд. 4; К пересмотру партийной программы, Соч., т. 26, изд. 4; см. также статьи по национально-колониальному вопросу, указанные к разделу третьему.— *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11; особенно Об основах ленинизма, стр. 3—7, 35—45; «Марксизм и национально-колониальный вопрос», 1939; О социал-демократическом уклоне в нашей партии, доклад и заключительное слово на XV Всесоюзной конференции ВКП(б), Соч., т. 8; Ещё раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии, доклад и заключительное слово на VII расширенном пленуме ИККИ, Соч., т. 9; О перспективах революции в Китае, Соч., т. 8. — «История ВКП(б). Краткий курс», особенно главы III, IV, V.

О кризисе 1900—1903 гг., революции 1905 г. и хозяйственно-политическом положении России в 1904—1908 гг.: *В. И. Ленин*, Уроки кризиса, Соч., т. 5, изд. 4; Новые события и старые вопросы, Соч., т. 6, изд. 4; Две тактики социал-демократии в демократической революции, Соч., т. 9, изд. 4; Современное положение России и тактика рабочей партии, Соч., т. 10, изд. 4; Доклад о революции 1905 года, Соч., т. 23, изд. 4. — *И. В. Сталин*, Соч., т. 1, 3; Вопросы ленинизма, изд. 11.—«История ВКП(б). Краткий курс», гл. III. — *Е. Д. Черменский*, Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг., М.—Л. 1939.

Буржуазные авторы о промышленном кризисе 1900—1903 гг. и последующей депрессии: *Б. Ф. Брандт*, Торгово-промышленный кризис в Западной Европе и в России (1900—1901 гг.), т. I—II, Спб. 1902—1904. — *Г. Е. Афанасьев*, Денежный кризис, Одесса 1900. — *П. П. Мигулин*, Промышленный кризис в России, статья в «Народном хозяйстве», 1902, кн. 3. — *М. И. Туган-Барановский*, Современный промышленный кризис,

статья в журнале «Мир божий», т. XI, ноябрь 1900. — *Н. Штейнфельд*, К вопросу о причинах кризиса, статья в «Народном хозяйстве», IV, 1902. — *Его же*, Политика казённых заказов, «Народное хозяйство», VIII, 1902.

Концентрация промышленности и монополии в период империализма: *В. И. Ленин*, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, изд. 4, особенно раздел I. — «История ВКП(б). Краткий курс». — Из дореволюционной буржуазной литературы по вопросу о монополиях в русской промышленности и 900-е годы: *Г. В. Цыперович*, Синдикаты и тресты в России, изд. 2, испр. и доп., М. 1919. — *И. Гольдштейн*, Синдикаты и тресты и современная экономическая политика, изд. 2, испр. и знач. доп., ч. 1, М. 1912. — *Л. Б. Кафенгауз*, Синдикаты в русской железной промышленности, М. 1910. — *И. И. Янжул*, Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущ. в Соединённых штатах Америки, Спб. 1895. — *А. Н. Гурьев*, Промышленные синдикаты, Спб. 1898—1899. — *А. Л. Рафалович*, Промышленные синдикаты за границей и в России, Спб. 1904. — *Фармаковский*, Синдикатские этюды, 1908. — *А. Гушка (О. А. Ерманский)*, Представительные организации торгово-промышленного класса в России, Спб. 1912. — *А. Д. Бреттерман*, Медная промышленность СССР и мировой рынок, ч. III, Пгр. 1930.

О положении рабочего класса и о рабочем движении в период подъёма: *В. И. Ленин*, Соч., т. 16—20, изд. 4. — *И. В. Сталин*, Соч., т. 2. — «История ВКП(б). Краткий курс», гл. V. — *Л. П. Берия*, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, М. 1948. — *А. Л. Попов*, К истории забастовочного движения в России накануне империалистической войны, Л. 1925. — «Ленские события 1912 года. Документы и материалы», М. 1925. — «Всеобщая стачка на юге России в 1903 г.», сборник документов, М. 1938. — *А. В. Шестаков*, Всеобщая стачка в октябре 1905 г., М. — Л. 1926. — «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг. Сборник документов», под ред. *А. К. Дрезена*, М. 1936. — *В. Е. Варвар*, Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трёхлетие 1906—1908 гг., Спб. 1910.

Статистические источники о положении промышленности в 1900—1914 гг.: «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г.», 1900. — «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом за 1900 г.», под ред. *В. Е. Варвара*, Спб. 1903. — «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности за 1908 г.», под ред. *В. Е. Варвара*, Спб. 1912. — «Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910—1912 гг.», вып. 1—12, Пгр. 1914—1915. — «Статистика производств, облагаемых акцизом, и гербовых знаков» за 1897 и 1898 гг., 1900—1902, 1905, 1912, 1913, Спб. 1900—1913. — «Сборник статистических сведений по горнозаводской промышленности России». — «Материалы для статистики хлопчатобумажного производства в России», Спб. 1901. Сводка главных из них в «Ежегодниках министерства финансов». — Ценные сводки и обзоры за период 1907—1915 гг.: «Обзоры главнейших отраслей промышленности и торговли за 1910—1912 гг.», т. 1—3, Спб. 1911—1913. — «Народное хозяйство России, 1913—1915 гг.», сборники, изд. министерства финансов. Очень важным источником являются также «Объяснительные записки» к государственным росписям министра финансов. — Общеэкономические и статистические издания промышленников: «Промышленность и торговля», журнал Совета съездов промышленности. — «Железная промышленность южной России» в 1900 г., Харьков 1901; в 1903 г., Харьков 1905; в 1904, Харьков 1905; в 1905, Харьков 1906; в 1907, Харьков 1908. — «Железорудная промышленность Южной России» в 1907, Харьков 1908. — «Обзор бакинской нефтяной промышленности» за 1906 г., т. I, Баку 1907; «Обзор бакинской нефтяной промышленности» за 1907 г.,

т. 1—2, Баку 1908. — «Статистика прядильного и ткацкого производства за 1909—1910 гг.», изд. Общества содействия мануфактурной промышленности. — «Труды съездов горнопромышленности юга России», за разные годы.—«Железная промышленность Южной России», Харьков 1901—1916.— *П. И. Фомин*, Краткий очерк истории съездов горнопромышленников юга России. 1-й съезд 1906 г., Харьков 1908. — Сводки этих статистических данных в «Статистических ежегодниках» Совета съездов представителей промышленности и торговли, под ред. *Шарого*.

О финансовом капитале в русской промышленности в эпоху империализма: *В. И. Ленин*, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, изд. 4, особенно разделы II и III. — *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11.

Фактические послереволюционные исследования о финансовом капитале и о банках в России: *Е. Л. Грановский*, Монополистический капитализм в России, 1929. — *И. Ф. Гиндин*, Банки и промышленность в России (до 1917 г.), М. — Л. 1927. — *Его же*, Русские коммерческие банки, М. 1948. — *С. Л. Ронин*, Иностранный капитал и русские банки, М. 1926.

Об иностранных капиталах в русской промышленности: *Б. Ф. Брандт*, Иностранные капиталы, их влияние на экономическое развитие страны, т. I—II, Спб. 1898—1899. — *А. Н. Зак*, Немцы и немецкие капиталы в русской промышлевности, Спб. 1914. — *И. И. Левин*, Германские капиталы в России, Спб. 1914. — *Л. Воронов*, Иностранные капиталы в России, М. 1901. — *П. В. Оль*, Иностранные капиталы в России, Пгр. 1922. — *Его же*, Иностранные капиталы в хозяйстве довоенной России, Л. 1925. — *Л. Я. Эвентов*, Иностранные капиталы и нефтяной промышленности, М. — Л. 1925. — *В. С. Зив*, Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях, вып. 1, Германские капиталы, Пгр. 1915. — *Его же*, Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности, Пгр. 1917. — *С.* и *Л. Першке*, Русская нефтяная промышленность, её развитие и современное положение в статистических данных, Тифлис 1913. — *П. П. Мигулин*, Иностранный капитал в России, доклад общему собранию Русско-английской торговой палаты, «Новый экономист» № 12, 1913. — *Л. Пасвольский и Г. Моультон*, Русские долги и восстановление России, М. 1925. — Сборник материалов «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», М. — Л. 1926. — *С. Г. Струмилин*, Проблема промышленного капитала в СССР, М. 1925.

Об аграрном вопросе 900-х годов и о столыпинской реформе: *В. И. Ленин*, Аграрный вопрос в России к концу XIX века, Соч., т. 15, изд. 4; Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов, Соч., т. 13, изд. 4; Новая аграрная политика, Соч., т. 13, изд. 4; Две тактики, Соч., т. 8, изд. 4; Последний клапан, Соч., т. 18, изд. 4; «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, изд. 4; Столыпин и революция, Соч., т. 17, изд. 4; Землевладение в Европейской России, Соч., т. 18, изд. 4; Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы, Соч., т. 18, изд. 4. — Официальное издание текста закона 1910 г. с комментариями: «Закон об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», изд. министерства внутренних дел, 1910.

Местные обследования о столыпинской реформе: *И. В. Можухин*, Землеустройство в Богородицком уезде Тульской губернии. Формы крестьянского землевладения, М. 1917. — «Хуторское расселение на надельной земле Псковской губернии», 1909. — «Обследование землеустроенных хозяйств, произведённое в 12 уездах Европейской России в 1913 г.», изд. Главным управлением земледелия, 1915. — «Подворное и хуторское хозяйство Самарской губернии», 3 тома, 1909. — «Отчёт по обследованию хуторского хозяйства в Верхнеднепровском уезде», Верхнеднепровск 1908. — «Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губер-

нии», Казань 1911. — «Личное крестьянское землевладение в Московской губернии» в 1907—1912 гг., М. 1913. — «Хуторские хозяйства Киевской губернии». Результаты обследования 1908—1909 гг., т. 1—2, Киев 1911; см. также периодическую прессу, особенно «Русское богатство», «Современный мир», «Вестник Европы», «Русская мысль» 1907—1912 гг.

О положении общины и о землеустройстве: *А. Е. Лосицкий*, Распадение общины, Спб. 1912.—*А. И. Чупров*, По поводу указа 9 ноября 1906 г., М. 1908. — *И. В. Чернышёв*, Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г., Спб. 1911. — *Его же*, Община после 9 ноября 1906 г., ч. 1—2, Пгр. 1917. — *А. А. Кофод*, Крестьянские хутора на надельной земле, т. I—II, Спб. 1905. — *Его же*, Русское землеустройство, изд. 2, Спб. 1914. — *А. Д. Билимович*, Землеустроительные задачи и землеустроительное законодательство России, Киев 1907 (оба последних автора, особенно *Кофод*, являются крайними защитниками столыпинской реформы); см. также *П. Н. Першин*, Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907—1916 гг. и судьба его во время революции (1917—1920 гг.), М. 1922. — *Н. Карпов*, Аграрная политика Столыпина, Л. 1925. — *А. И. Тюменев*, От революции к революции, Л. 1925. Из официальных материалов: «Аграрный вопрос в совете министров» (1906), М. — Л. 1924.

Переселение и переселенческая политика: *А. А. Кауфман*, Переселение и колонизация, Спб. 1905. — *В. В. Кирьяков*, Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь, М. 1902. — *И. Л. Ямзин*, Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян, Киев 1912. — *А. А. Исаев*, Переселения в русском народном хозяйстве, Спб. 1891. — *И. А. Гурвич*, Переселения крестьян в Сибирь, М. 1889. — *П. И. Лященко*, Очерки аграрной эволюции России, т. 1—2, Спб. 1908—1917, т. 2. Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч. II, 1917 г., гл. III. — Из земских и официальных исследований: Переселение в Сибирь из 8 губерний, входящих в состав южнорусской областной земской переселенческой организации за 1906—1912 гг., вып. 1, Полтава 1913. — Переселения из Полтавской губ. с 1861 г. по 1 июля 1900 г., вып. 1, Полтава 1900.— Переселения в Сибирь из Черниговской губ., Чернигов 1910.— *В. Н. Григорьев*, Переселения крестьян Рязавской губернии, М. 1885. — Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Зап. Сибирь. Вост. Сибирь, под ред. *В. Кузнецова*, вып. 1, Спб. 1913. — «Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ.», 1912. — «Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение семейных переселенцев, одиноких на заработки и ходоков», Спб. 1905.

О земельной собственности в России и её мобилизации в 900-х годах: *В. В. Святловский*, Мобилизация земельной собственности и России (1861—1908 гг.), изд. 2, пересм. и доп., Спб. 1911 (указатель литературы). — *П. И. Лященко*, Мобилизация землевладения в России и его статистика, 1905. — *В. А. Косинский*, Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы, ч. 1, Киеи 1917. — *Его же*, К аграрному вопросу, вып. 1, Одесса 1906. — «Материалы по статистике движения землевладения в России», вып. 1—25. Спб. 1896—1917. — «Статистика землевладения 1905 г.», вып. 1—45, Спб. 1907; см. также «Аграрное движение в России 1905—1906 гг.», ч. 1—2, Спб. 1908 (по анкете Вольного экономического общества).

О Крестьянском банке и о земельной политике: *А. Н. Зак*, Крестьянский поземельный банк в 1883—1910 гг., М. 1911 (подробный указатель литературы). — *А. В. Красик*, Крестьянский банк и его деятельность с 1883 по 1905 гг., Юрьев 1910. — *Д. А. Батуринский*, Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк, М. 1925 (подробный указатель литературы).

Официальные материалы по крестьянскому вопросу в начале XX в.: «Материалы высочайше учреждённой 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России», 3 тома, 1904. — «Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды Особого совещания 1899—1901 гг.», сост. *А. Д. Поленов*, М. 1901. Громадное, трудно поддающееся обозрению количество материалов собрано в «Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности». — «Материалы, поступившие в Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». — «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», т. 1—58, Спб. 1903 (по всем губерниям). — «Своды трудов местных комитетов» по отдельным вопросам (аренда, податной вопрос, мелкий кредит, землепользование и пр.). — Сокращённое изложение в 2 томах сборника «Нужды деревни» по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Сб. статей, т. 1—2, Спб. 1904. — «Труды I съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний», Спб. 1910; см. также *С. Ю. Витте*, Записка по крестьянскому делу, Спб. 1905.

По внешней колониальной политике периода империализма: *В. И. Ленин*, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, изд. 4, особенно разделы V и VI. — *И. В. Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1939.

Из фактических обзоров отдельных стран: — *М. В. Грулев*, Соперничество России и Англии в Средней Азии, Спб. 1909. — *И. А. Зиновьев*, Россия, Англия и Персия, Спб. 1912. — *Лакоста*, Россия и Англия в Центральной Азии, 1908. — *Н. Н. Кротков*, Русская мануфактура и её конкуренты на китайском рынке, Спб. 1914. — *В. К. Лисенко*, Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров, Спб. 1913. — *Руир*, Англо-русское соперничество в Азии в XIX в., М. 1924. — *А. Н. Шебунин*, Россия на Ближнем Востоке, Л. 1926. — История XIX в., под ред. *Лависса* и *Рамбо*, т. VIII, М. 1939. — «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I, Институт истории Академии наук, М. 1940. — Материалы и источники по экономическому положению России и роли русского капитала на иностранных рынках см. «Сборники консульских донесений» за ряд лет, особенно за 1906—1914 гг.

РАЗДЕЛ III

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН В XIX—XX вв.

О значении национально-колониальных окраин в капиталистическом развитии России: *В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, изд. 4, гл. VIII, § V; К национальному вопросу, «Ленинский сборник» III; Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, изд. 4; Социалистическая революция и право наций на самоопределение, Соч., т. 22, изд. 4; Итоги дискуссии о самоопределении, Соч., т. 22, изд. 4; Империализм и раскол социализма, Соч., т. 23, изд. 4; О лозунге Соединенных Штатов Европы, Соч., т. 21, изд. 4; Социализм и война, Соч., т. 21, изд. 4; Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам, Соч., т. XXV, изд. 3; Тезисы об основных задачах второго конгресса Коммунистического Интернационала, Соч., т. XXV, изд. 3. — *И. В. Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1939; «Вопросы ленинизма», изд. 11, особенно стр. 45—52, 175—182; Соч., т. 5. — Революция 1905—1907 годов в национальных районах России, М. 1949.

По Украине: *В. Е. Постников*, Южнорусское крестьянское хозяйство. М. 1891. — *Т. И. Осадчий*, Земля и земледелец в Юго-Западном крае, Киев 1899. — *А. И. Ярошевич*, Очерки экономической жизни Юго-Западного края, вып. I—V, 1908—1912. — «Россия». Полное географическое описание нашего отечества, под ред. *В. П. Семёнова Тян-Шанского*, т. VII, IX, XIV, Спб. 1903, 1905, 1910. — Для ознакомления с положением украинской деревни см. земские «Статистические сборники», «Материалы по оценке земель», «Памятные книжки» по разным губерниям.

По Белоруссии: *М. В. Довнар-Запольский*, Народное хозяйство Белоруссии 1861—1914 гг., Минск 1926. — *Н. П. Столпянский*, Девять губерний Западнорусского края в топографическом, географическом, статистическом, экономическом, этнографическом, историческом отношениях, Спб. 1866. — *П. Н. Батюшков*, Белоруссия и Литва, Спб. 1890. — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, т. 1—25, Спб. 1859—1868. — «Россия». Полное географическое описание нашего отечества, под ред. *Семёнова Тян-Шанского*, т. XVIII, Спб. 1903.

По Польше: *Р. Люксембург*, Промышленное развитие Польши, Спб. 1899. — *И. И. Янжул*, Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском, М. 1887; см. также «Труды Варшавского статистического комитета», 1889—1912.

По Финляндии: *П. И. Майков*, Финляндия. История и культура, её прошедшее и настоящее, Спб. 1911. — «Финляндия», сборник, под ред. *Д. Протопопова*, Спб. 1898. — *В. А. Игельстром*, Финляндия, М. — Л. 1925. — *Е. Островский*, Финляндия, М. 1930. — *В. Крылов*, Финляндия, М. — Л. 1931. — «Статистический ежегодник Финляндии», 1898—1899 гг. и новая серия, Гельсингфорс 1903—1919.

Народности Поволжья: *И. Н. Смирнов*, Мордва, Казань 1892. — *Его же*, Черемисы, Казань 1889. — *Его же*, Вотяки, Казань 1890. — *Н. Н. Латышев*, Удмурты накануне реформ. Первая половина и 60-е годы XIX в., Ижевск 1939. — *В. А. Сбоев*, Исследования об инородцах Казанской губернии, Казань 1856. — *А. А. Клаус*, Наши колонии, Спб. 1869.

По Казахстану, Киргизии, Башкирии: По естественно-историческим условиям Казахстана многочисленные издания Академии наук СССР: Большой Алтай, т. I—II, М. — Л. 1934—1936. — Большой Джезказган, М. — Л. 1935. — Большая Эмба, т. I—II, М. — Л. 1937—1938. — Караганда — третья угольная база Союза, М. — Л. 1936. — Успехи геологического изучения Казахской ССР, 1942. — История Казахской ССР, изд. 2, под ред. *Омарова* и *Панкратовой*, М. 1949. — *А. П. Чулошников*, Очерки по истории козак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племён, ч. I, Оренбург 1924. — *М. Вяткин*, Очерки по истории Казахской ССР, т. I, М. 1941. — *Его же*, История Казахской ССР, 1943. — *Т. Седельников*, Борьба за землю в Киргизской степи, Спб. 1907. — «Восстание 1916 г. в Киргизстане». Документы и материалы, собранные *Л. В. Лесной*, М. 1937. — Официальные дореволюционные материалы по обследованиям киргизского хозяйства: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей», т. 1—13, Воронеж 1898—1909. — *В. К. Кузнецов*, Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. 1—5, Спб. 1909—1910. — «Материалы по Киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область...», Спб. 1905. — «Материалы по киргизскому землепользованию... Сыр-Дарьинская область», Ташкент 1910—1915. — «Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайско-Уральск. переселенч. р-на», 1908—1915. — «Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828)», М. — Л. 1940.

О колонизации и хозяйстве Сибири в период капитализма: *Н. М. Ядринцев*, Сибирь как колония, изд. 2, Спб. 1892. — «Азиатская Россия»,

8 тома, Спб. 1914. — «Сибирь и великая Сибирская железная дорога», изд. 2, Спб. 1896. — *Крамер*, Сибирь и значение великого Сибирского пути, Спб. 1900. — *С. Б. Окунь*, Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае, Л. 1935. — Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом, Спб. 1900.

Официальные дореволюционные материалы и источники по Сибири: «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири», 22 вып., Спб. 1888—1898. — «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», т. 1—4, М. 1889—1894. — *Н. И. Разумов*, Забайкалье. Свод материалов комиссии для исследования местного землевладения и землепользования, под пред. Куломзина, Спб. 1899. — *А. Н. Куломзин*, Всеподданнейший отчёт статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела, Спб. 1896. — «Записка председателя совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г.». — «Памятные книжки» по разным губерниям и годам и «Статистические обзоры» местных губернских статистических комитетов.

О Туркестане и Средней Азии в капиталистическую эпоху: *Л. Ф. Костенко*, Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, Спб. 1870. — *А. П. Субботин*, Россия и Англия на среднеазиатских рынках, Спб. 1885. — *М. П. Фёдоров*, Хлопководство в Средней Азии, Спб. 1898. *К. К. Пален*, Отчёт по ревизии Туркестанского края..., т. 1—19, Спб. 1909—1911; т. 7.— Орошение в Туркестане, Спб. 1910. — *В. И. Юферов*, Хозяйство сартов в Ферганской области, Ташкент 1911. — *Кнопка*, Туркестанский край, 1912. — *С. Понятовский*, Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области, Спб. 1913. — *В. И. Массальский*, Туркестанский край в кн. «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», под ред. *В. П. Семёнова Тян-Шанского*, Спб. 1913, т. XIX. — *А. П. Демидов*, Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана, изд. 2, М. 1926. — *Кушева*, Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х годах XIX в., 1935. — *В. Лаврентьев*, Капитализм в Туркестане, Л. 1930.

Материалы: *К. К. Пален*, Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению сенатором..., Спб. 1909—1910. См. Приложение к отчёту по ревизии Туркестанского края: «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», ч. 1, отд. I—II, 1911. — *А. А. Половцов*, Отчёт чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел А. А. Половцова, командированного в 1896—1897 гг. для собирания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае, Спб. 1898. — «Материалы для статистического описания Ферганской области», вып. I—II, Скобелев 1897—1899. — *Н. А. Гаврилов*, Переселенческое дело в Туркестанском крае, Спб. 1911. — «Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае», Ташкент 1912.— «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области», вып. 1—2, Ташкент 1915.

Народное хозяйство Кавказа в эпоху капитализма: *В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, изд. 4, гл. VIII. — *И. В. Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1939. — *Л. П. Берия*, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, М. 1948. — *А. Олонецкий*, Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии, Сухум 1934. — *В. Н. Худадов*, Закавказье (историко-экономический очерк), М. — Л. 1926. — *В. И. Массальский*, Кавказ, в сборнике «Окраины России Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России...», под ред. *Семёнова*, Спб. 1900. — *Гулишамбаров*,

Производительные силы Закавказья, 1895. — *А. С. Пиралов*, Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, изд. 2, Спб. 1913. — *П. И. Лященко*, Очерки аграрной эволюции России, т. 1—2, Спб. 1908—1917, т. 2, Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, 1913 (гл. IX—X, о крестьянской реформе в Закавказье). — *О. Семин*, Великая годовщина. Аграрный вопрос и крестьянская (крепостная) реформа на Кавказе, Киев 1911. — *Гугушвили*, Развитие фабрично-заводской промышленности в Закавказье (на грузинском языке). «Труды Тбилисского университета», 1940. — *Дзокаев*, Экономическое развитие осетинского крестьянства от пореформенного периода до 1940 г., 1949.

Материалы, источники и обзоры: «Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в 5 губерниях Закавказского края», 1899. — «Материалы по изучению быта государственных крестьян Закавказского края», т. I—VII, 1885—1887. — «Материалы для устройства летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе», 1887—1899. — «Сборник сведений о Кавказе», т. I—IX, Тифлис 1870—1885. — Статистический сборник (Грузия), 1909—1921, Тифлис. ЦСУ Грузии, 1923. — Сборники «Кавказский», «Терский», «Кубанский», «Дагестанский» за ряд лет. — «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане» в 20—60-х годах XIX в., изд. Академии наук, т. II, М. — Л. 1936.

РАЗДЕЛ IV

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА. КРУШЕНИЕ ЦАРИЗМА И КАПИТАЛИЗМА

Военная экономика 1914—1917 гг.: *В. И. Ленин*, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, изд. 4, особенно разделы VIII—X, а также статьи и выступления за 1914—1917 гг., Соч., т. 20—26, изд. 4. — *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, Соч., т. 3; «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», «Большевик» № 9, 1941 г.—«История ВКП(б). Краткий курс», гл. VI и VII.

Обзоры всего хозяйства за годы войны 1914—1917: *С. Н. Прокопович*, Война и народное хозяйство, изд. 2, 1918. — *Р. Клаус*, Война и народное хозяйство России (1914—1917), М. — Л. 1926. — *П. Шаров*, Влияние экономики на исход мировой войны 1914—1918, М. — Л. 1928. — *Н. А. Данилов*, Влияние великой мировой войны на экономическое положение России, Пгр. 1922. — *Я. Б. Рудой*, Государственный капитализм в России во время империалистической войны, Л. 1925. — *Я. А. Иоффе*, Блокада и народное хозяйство в мировую войну, М. — Л. 1929. — *Г. И. Шигалин*, Подготовка промышленности к войне, М. — Л. 1928. — Общую сводку статистических данных по народному хозяйству за военный и послевоенный период см. в сборнике «Россия в мировой войне», М. 1925.

О положении сельского хозяйства и продовольствия в годы войны: *Г. С. Гордеев*, Сельское хозяйство в войне и революции, М. — Л. 1925. — *А. И. Хрящева*, Крестьянство в войне и революций, М. 1921. — *Е. Ф. Лискун*, Мясной вопрос в современной хозяйственной обстановке, Пгр. 1917.— «Труды совещания по организации посевной площади», 1917. — «Трудовое посредничество», Всероссийское бюро труда, № 1—5, М. 1916. Из периодической прессы: «Известия по продовольственному делу», журнал «Продовольствие и снабжение», изд. министерства земледелия и др.

О положении промышленности в годы войны: «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», М. 1926. — «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 1, М., изд. ЦСУ, 1921. — «Народное хозяйство в 1916—1917 гг.», Институт экономических исследований НКФ, 1921—1922. — «На новых путях», М. 1923, вып. III, «Промышленность»,

М. 1923. — *А. Л. Сидоров*, Эвакуация русской промышленности во время первой мировой войны, «Вопросы истории» № 6, 1947.— *Его же*, Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне, «Исторические записки» № 26, 1948. — *К. Сидоров*, Рабочее движение в России в годы империалистической войны, в том же сборнике.

О государственном хозяйстве, финансах, денежном обращении: *М. И. Боголепов*, Война, финансы и народное хозяйство, Пгр. 1914. — *И. А. Михайлов*, Война и наше денежное обращение, Пгр. 1916. — *Его же*, Государственные доходы и расходы во время войны, Пгр. 1917. — *А. И. Шингарёв*, Финансовое положение России, Пгр. 1917.— *Шмелёв*, Финансы России, «Вестник финансов» № 8, 1924.—*Л. Пасвольский* и *Г. П. Моултон*, Русские долги и восстановление России, М. 1925. — «Денежное обращение и кредит», т. I, Пгр. 1922. Из периодической прессы «Вестник финансов», «Новый экономист», «Промышленность и торговля».

Материалы, официальные сводки и текущая пресса: «Влияние войны на некоторые стороны экономической жизни России», 1916. — «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», М., изд. Общества им. Чупрова, 1915—1916. — «Анкета о дороговизне», изд. Всероссийского союза городов, М. 1915. Обширный материал в «Известиях» Центрального военно-промышленного комитета, в «Известиях» земского и городского союзов, а также в журнале «Промышленность и торговля», «Вестник финансов», в ежегоднике «Народное хозяйство России» 1916 г. и в периодической прессе: «Народное хозяйство», «Русское богатство», «Современный мир», «Новый экономист» и др.

ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авиационная промышленность России — 623—624.
Автомобильная промышленность в России — 207, 624.
Аграрное законодательство 1880—1890 гг. — 90.
» » 1900—1902 гг. — 91.
» » 1906—1910 гг. — 263—271.
» » Временного правительства — 678—681.
Аграрное перенаселение — 29—30.
Аграрные движения крестьянства в России в период капитализма:
» » в 1902—1905 гг. — 245—246.
» » в революции 1905—1907 гг. — 252—253.
» » в период Временного правительства — 679—680.
Аграрный кризис 1870—1890-х гг. — 87—89.
Агрессия США в России накануне первой мировой войны — 572.
Акционерное учредительство в России в 70—80-х гг. — 19, 108—110, 178.
» » в 90—900-х гг. — 156—158.
» » в период кризиса и депрессии 1900—1908 гг. — 230, 237—238, 239, 400.
» » в период подъёма 1909—1913 гг. — 378—380, 406—408.
» » первой мировой войны 1914—1917 гг. — 627—628, 674.
Акционерные общества в России — см. Акционерное учредительство.
Англо-русское соглашение 1907 г. — 574.
Апрельская конференция большевиков — 662—664.
Апрельские тезисы Ленина — 662—663.
Аренды крестьянские вненадельные — 85.
Артиллерийские заводы накануне первой мировой войны — 579—580, 582—587, 619—620.
Артиллерийское производство в России — 207—209, 249, 579—580.

Багдадская железная дорога — 576.
Балины, торговый дом — 445.
Банк Государственный — 109, 187, 197—198, 231, 354—355, 365, 366.
» Дворянский земельный — 181, 355—356.
» Крестьянский поземельный — 181, 355—356.

Банки акционерные коммерческие в России — учредительство в 70—80-х гг. — 109—110, 178.
» » » в 90-х гг. — 156.
» » » в 1900—1914 гг. — 286, 356—359, 363—366.
» » » в годы первой мировой войны — 628—630.
» » в России как органы финансового капитала — 356—366.
» » концентрация банков — 357—358.
» » иностранные капиталы в акционерных банках — 363—366.
» сращивание с промышленностью — 371—377.
» Московские — 455—461.
» Полякова — 457—459.
» Рябушинского — 460—461.
Банковая система России — 354—359.
Бардыгины, торговый дом — 446.
Барщина в пореформенном сельском хозяйстве — 59—60.
Башкирия, развитие народного хозяйства в XIX в. — 506—508.
Башкиры — земельные отношения — 506—507.
» расхищение земель — 507—508.
» переход на оседлое земледелие — 508—509.
Белоруссия, развитие народного хозяйства в капиталистический период — 490—494.
» земельные отношения — 490—492.
» сельское хозяйство — 491—492.
» фабрично-заводская промышленность — 492.
» положение рабочих — 492—494.
Бессарабия, развитие народного хозяйства в капиталистический период — 489—490.
Боевое снабжение русской армии в годы первой мировой войны — 614—625.
» » артиллерийские снаряды — 621—622.
» » артиллерийские орудия — 612—620.
» » взрывчатые вещества — 622—623.
» » пулемёты — 619.
» » ружейные патроны — 618—619.
» » ружья и винтовки — 618.
Борьба за сырьё в промышленных монополиях — 317—319.
Буковины народное хозяйство — 487—489.
Бунге Н. Х. — 180—182.
Буржуазии промышленной русской формирование как класса — 21—27.
» » формирование национальных и местных групп — 25—26.
Буржуазия московская, ее генеалогия и эволюция — 442—446.
» Урала — 473—474.
» Петербурга — 474—476.
Буряты — 533—534.
Бюджет государственный в 70-х гг. — 177.
» » в 80-х гг. — 181—182.
» » в 90-х гг. — 188—189.
» » в 1900—1914 гг. — 189, 390—392.
» » в период первой мировой войны — 643—644.
Бюджеты крестьянские денежные после реформы 1861 г. — 77.

Валуевская комиссия о положении сельского хозяйства в 70-х гг. — 66.
Ванкова генерала организация по производству артиллерийских снарядов — 599.
В. В. (Воронцов) — 46—47.
Вертикальные комбинаты в металлург. промышленности — 317—319.
Верфи частные военного судостроения накануне первой мировой войны — 584, 587.
Виккерса, английской фирмы, деятельность в России в годы первой мировой войны — 582, 583, 584, 585, 590, 619.
Винная монополия — 187.
Витте С. Ю. — 155, 183, 184, 391, 392.
Внешняя торговля, итоги по ввозу и вывозу — 138—139.
» » » по вывозу сельскохозяйственных продуктов — 139—140.
Внутренний рынок — общие итоги товарной торговли 1890—1900-х гг. — 141—142.
» » формирование — 114.
» » развитие вширь и вглубь — 115.
» » рост в 70—90-х гг. — 130—138.
» » падение в период кризиса 1900—1903 гг. — 233—239, 397—399.
» » динамика за период 1900—1914 гг. — 406—409.
Вогау, торговый дом — 328—330, 461.
Водный транспорт, перевозки — 136.
Военная промышленность России:
» развитие в период капитализма — 205—212.
» накануне первой мировой войны — 577—588.
» казённые военные заводы — 186—187, 578—581.
» частные заводы по производству предметов военного снаряжения — 581—585.
» судостроительные заводы — 584, 587.
» иностранные предприятия в военной промышленности — 583—587.
Военно-морского флота строительство — 209—210, 584, 587.
Военно-промышленные комитеты — 601—607.
Вооружённое восстание 7 ноября и победа социалистической революции — 683—689.
Временное правительство 1917 г. — 658—683.
» » аграрная политика — 678—681.
» » денежные эмиссии и инфляция — 681—682.
» » продовольственное дело — 668—673.
» » промышленная политика и рабочий контроль — 673—678.
» » социально-экономическая политика — 665—668.
» » финансовая политика — 681—683.
Второв А. Ф. — 441—442.
Второв Н. А. — 461.
Выкуп железных дорог казною — 181.
Выкупная операция — 17.
Выкуп обязательный земельных наделов помещичьих крестьян по закону 1881 г. — 181.
» » земельных наделов государственных крестьян по закону 1886 г. — 181.
Выкупа досрочного отмена 165 статьи — 90.
Выкупных платежей отмена по закону 3 ноября 1905 г. — 262—263.
Вышнеградский — 26, 182—183.

Гвоздев и «гвоздевщина» — 602.
«Гвоздь» синдикат — 294, 318.
Германская экономическая агрессия в России — 199—204.
Германские колонии в России — 200—203.
«Главное общество российских железных дорог» — 110, 120—122.
«Главный экономический комитет» (ГЭК) Временного правительства — 665—667.
Город и городское население, рост в период капитализма — 117—120.
Городской строительный рынок для капиталистической индустрии — 125—127.
Государственное регулирование народного хозяйства России в первую мировую войну — 596—601. См. также Особые совещания.
Государственное совещание 12—14 августа 1917 г. — 683.
Государственное хозяйство России в 90-х гг. — 183—187.
» » заводы горнометаллургические — 186—187.
» » земельные фонды — 185.
» » железные дороги казённые — 186.
» » лесное хозяйство — 185.
» » регалии — 187.
» » России в период империализма — 389—390.
Государственные финансы России в 1870—1880-х гг. — 177.
» » в 1890—1900-х гг. — 188—189.
» » в 1900—1914 гг. — 386—393.
» » в период мировой войны — 643—645.
» » Временного правительства — 681—682.
Государственный банк — см. Банк государственный.
Государственный бюджет — см. Бюджет государственный.
Государственный долг — 189, 644.
Государственный капитализм в России — 184—187, 593—594.
«Государственный контроль» над предприятиями в период Временного правительства — 677—678.
Грюндерство промышленное в России в 70-х гг. — 108—111, 113.
» » в 90-х гг. — 154—155, 156—158.
» » в 900-х гг. — 231, 378—379, 406.
» » в период первой мировой войны — 627—628, 674.
См. также Акционерное учредительство.

«Двоевластие» в февральской революции в России — 659—660.
Дворянский земельный банк — 161, 355.
Девальвация рубля — 183, 197.
«Демократическое совещание» (сентябрь 1917 г.) — 683.
Денежная реформа 1897 г. — 195—198.
Денежный кризис 1899 г. — 232—233.
Депрессия промышленности 1903—1904 гг. — 238—239.

Еврейский национальный капитал в системе российского капитализма — 424—425.

Железные дороги — общее значение — 120—121, 177—178, 186.
» » размеры общей сети — 112, 122—123, 186.
» » товарные перевозки — 131—132, 134—136.
» » потребление продуктов железоделательной и металлообрабатывающей промышленности — 140, 124—125.

Железнодорожная тарифная политика — 132—133.
Железнодорожное строительство в 70—80-х гг. — 110, 178.
» » в 90-х гг. — 122—127, 154—155, 186.
» » в 1900—1914 гг. — 414.
» » казённое — 122, 181.
» » частное — 122, 178.
Железнодорожные займы внутренние — 154—155, 178.
» » внешние — 155, 178, 199—200.
» » консолидированные — 154—155, 178, 186.
«Железный союз земства» — 323.

Забастовка всеобщая политическая в революцию 1905 г. — 251—252.
Забастовки промышленных рабочих в 1870—1880 гг. — 107.
» » » в 90-х гг. — 172.
» » » в империалистический период — 410—412.
» » » в период первой мировой войны — 652—656.
Задолженность частного землевладения после реформы 1861 г. — 85—86.
Займы государственные внутренние — 177, 189, 392, 644—645.
» » внешние — 189, 199—200, 204, 259, 392, 644, 645, 647.
Законодательство о крестьянах, общий пересмотр в 1900-х гг. — 90.
Земгор — см. Земский и городской союз.
Земельная община после реформы 1861 г. — 62—64.
Земельная реформа по проекту Кутлера и Мигулина — 262.
Земли государственные — 185.
Земские начальники — 90.
Земский и городской союз в первую мировую войну — 606—607.
Зерновое хозяйство 70—90-х гг. — 68—72.
» » посевные площади — 69—72, 277—278.
» » урожаи хлебов — 71—72.
» » развитие товарности — 137—138.
» » экспорт хлебов — 138—140.
Зибер — 50.
Зубатовщина — 243.

Изобретательство русское — 37—40.
Империализм — историческое место — 216.
» неравномерность развития — 218—219.
» основные противоречия — 217.
» сущность и признаки — 217—218.
Империализма особенности в России — 219—226.
» » военно-феодальный характер — 219—222.
» » «загнивание» — 225.
» » концентрация промышленности — 222—223.
» » монополии — 223.
» » передел мира — 225—226, 568—576.
» » финансовый капитал — 223—224.
См. также Монополии в России, Финансовый капитал в России.
Империалистическая война 1914—1917 гг. — 588—688.
» » политическая и экономическая подготовка к войне — 567—588.

См. также Экономика первой мировой войны, Боевое снабжение русской армии.
Иностранные капиталы в России — общее значение — 19—21.
» » распределение по национальному признаку — 158, 200, 382.
» » вложения в промышленность — 156—158, 378—382.
» » и банки — 108—109, 200, 363—366.
» » и транспорт — 109, 111, 381.
» » и промышленные монополии — 324—325, 328, 332—333, 340, 341—342.
» » и экспорт сельскохозяйственных продуктов из России — 138—140, 283—285.
» » и финансирование первой мировой войны — 644—647.
Иностранный капитал в Московской мануфактуре — 446—447.
Ипатьева академика организация по производству взрывчатых веществ в первую мировую войну — 599, 622.
«Искра», орган революционных марксистов — 173.

Кавказа народное хозяйство в эпоху капитализма — 551—566.
» сельское хозяйство — 552—556.
» зерновые хлеба — 554.
» виноградоводство, садоводство — 554.
» хлопководство — 555.
» субтропические культуры — 555.
» земельные отношения и ликвидация крепостничества — 556—559.
» развитие обрабатывающей промышленности — 559—564.
» строительство железных дорог — 559.
» нефтяная промышленность — 560.
» марганцевая » — 560—561.
» каменноугольная » — 561.
» лёгкая » — 561.
» кустарная » — 562.
» промышленный пролетариат — 565—566.
Казахстана развитие народного хозяйства в XIX в. — 509—518.
» земельные отношения и изживание кочевого хозяйства — 512—514.
» расхищение земель — 515—516.
» крестьянские переселения — 514—515.
» положение промышленности — 517.
» промышленный пролетариат — 517—518.
Казённые заказы и поставки — 194—195.
Казённые заводы — 186—187, 578—581.
Каменноугольная промышленность России, развитие — 94, 128, 146—147, 236, 291, 636. См. также «Продуголь».
Капитал национальный русский — 433—477.
» генезис и эволюция — 433—434, 437—438, 473, 474.
» торговый капитал и его трансформация в промышленный капитал — 435—436.
» районы размещения — 426—432.
Капитализация сельского хозяйства в 1906—1913 гг. — 275—280.
Капитализм русский — особенности развития — 175, 213—215.
Капиталистической промышленности России — географическое размещение — 158—163.

Капиталистической промышленности размещение — топливной—160—161.
» » металлургической — 161—162.
» » цветных металлов — 162.
» » лёгкой — 162—163.
Карелия, развитие народного хозяйства в период капитализма — 501—502.
Киргизия — развитие народного хозяйства — 509—518.
Кнопп — 447.
Коковцов В. Н. — 392—393.
Колониальная политика России — 571—577.
Комитет по распределению правительственных заказов — 320.
Комитеты правительственные по делам суконной, льняной промышленности в годы первой мировой войны — 601.
Конвенционные таможенные тарифы — 192—194.
Конверсии государственных займов — 182.
Коншина, торговый дом — 445.
Концентрация промышленности в России в 90—900-х гг. — 149—153.
» » в период империализма — 222, 283—291.
Концессии железнодорожные — 122, 178—179.
Концессии в Манчжурии и в Корее — 247.
Кредитная система России — 109—110.
Кредитные учреждения в России — 109—110.
Крестовников — 456, 460, 466, 470.
Крестьянский поземельный банк — 181, 268—271.
Крестьянское хозяйство после реформы 1861 г. — 64—68.
Кризис 1900—1903 гг. — 228—238.
» » особенности его в России — 229—231.
» » денежный кризис — 232—233.
» » промышленный кризис — 233—234.
» » в отдельных отраслях промышленности — 234—237.
» » последствия кризиса — 237—238.
Кризис сельскохозяйственный 1870—1890-х гг. — 86—89.
Кризисы промышленные 1873—1876 гг. — 111—113.
» » 1881—1882 гг. — 113.
«Кровля», синдикат — 294, 311—313.
Круговой поруки отмена по закону 1883 г. — 181.
Кустарная промышленность — 95—99.
» » происхождение — 95—97.
» » связь с ремеслом — 96.
» » с крепостным хозяйством — 97.
» » с капиталистической фабрикой — 99—103.
» » районы размещения — 100—103.

Легальное народничество — 46—47. См. также В. В., Николай —он.
Легальный марксизм — 48—50. См. также Струве, Туган-Барановский, Флеровский, Шелгунов.
Лёгкая промышленность — в 1860—1880-х гг. — 101—104, 148.
» » в 1890—1900 гг. — 148—149, 162—163.
» » в 1900—1914 гг. — 403—404.
Ленин о рабочем движении в России — 54, 251.
» об аграрной политике Временного правительства — 680.
» об аграрном кризисе — 89.
» о военно-феодальном характере русского империализма — 220—221, 577.

Ленин о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране — 692.
» о войнах за передел мира — 219.
» о внутреннем рынке для промышленного капитализма — 114—116.
» о внутреннем рынке и развитие его «вширь» и «вглубь» — 116.
» о городском населении и его росте — 118.
» о грозящей катастрофе и о мерах борьбы с ней — 685.
» о двоевластии — 659.
» о денежных бюджетах крестьянского хозяйства — 77.
» об империализме, его сущности и историческом месте, как «кануне социалистической революции» — 216, 217, 691.
» об итогах развития капиталистической промышленности и числе рабочих к концу 90-х гг. — 118.
» о колониальных владениях великих держав — 569—570.
» о коммунистической революции — 58.
» о крепостнических латифундиях — 82—83.
» о кризисе сельскохозяйственном 1875—1895 гг. — 89.
» о кризисе 1900—1903 гг. — 228—229.
» о кустарной промышленности — 95—99.
» о легальном марксизме — 50, 53.
» о легальном народничестве — 48, 53, 54.
» о монополиях в России — 218.
» о непосредственной задаче партии после февральской революции — 663.
» о переходе от буржуазной революции к социалистической — 662.
» о платформе большевиков в «Апрельских тезисах» — 662—663.
» о поражении царизма в русско-японской войне — 250.
» о профессиональном и классовом составе населения России — 119—120.
» о развитии капитализма в сельском хозяйстве России — 89.
» о развитии сельского хозяйства на Украине — 480.
» о раздаточной мануфактуре — 92—93, 98.
» о расслоении крестьянства — 74—78.
» о революции 1905—1907 гг. — 254—256.
» о революционном оборончестве — 661.
» о связи рабочего класса с деревней в различных отраслях промышленности — 164.
» о социальных группах в русском землевладении — 82.
» о специальных культурах в сельском хозяйстве — 73—74.
» о стадиях развития капитализма в русской промышленности — 92.
» о стачках 1902—1903 гг. — 243—244.
» о столыпинской реформе — 260, 263, 267—268.
» о темпах развития капитализма в России — 213—214.
» о товарном хозяйстве в земледелии и его особенностях — 61, 114.
» о февральской революции — 657, 658.
» о финансовой олигархии — 232.
» о времени перехода капитализма в империализм — 227.
» о Чернышевском — 51.
» о численности рабочего класса в России — 104—105, 118—120.
» о штрафовании рабочих — 169.
» о «экономизме» — 173.
» о экономическом завоевании Кавказа — 551.
» о этапах в развитии рабочего движения — 171.
Лесное государственное хозяйство — 185.

Либеральной буржуазии политическая платформа в революцию 1905 г. — 246—247.
Литва, развитие народного хозяйства в капиталистический период — 490—494. См. также Белоруссия.
Лондонский комитет для распределения военных заказов в годы первой мировой войны — 646—647.
Льняных фабрикантов синдикат — 342, 454.

Мануфактура капиталистическая в России — 99—104.
Мануфактурный совет — 25.
Маркс о перерастании торгово-купеческого капитала в промышленный — 434—436.
» о развитии капитализма в России — 56—57.
Машиностроительная промышленность России — 403.
Машин сельскохозяйственных применение в России — 279.
«Медь», синдикат — 327—330.
Металлообрабатывающая промышленность России — 127, 151, 158—159, 166.
Металлообрабатывающая промышленность Москвы — 449—453.
Металлургическая промышленность России — 19, 23, 35, 94, 147—148, 152—153, 186—187, 213, 234—235, 288—290, 401—402, 635—636. См. также «Продамет», «Кровля», «Медь».
Минеральные удобрения в сельском хозяйстве России — 279—280.
Многонациональная система российского капитализма — 418—433.
Мобилизация землевладения после реформы 1861 г. — 80—83.
» промышленности России в первую мировую войну—590—614.
» русской армии в годы первой мировой войны — 614—616.
Монополии в России — 223, 291—348.
Монопольные объединения в московской текстильной промышленности — 453—455.
Мордва — 501.
Морозовы, торговый дом — 25, 444.
Москва торговая — 437—440.
» торгово-мануфактурная — 440—442.
» металлическая — 449—453.
» банковая — 455.
» финансовая — 459—461.
Московская буржуазия — 442—446.
» » борьба против рабочего класса — 467—470.
» » культура и быт — 462—464.
» » союз с самодержавием — 470—472.
» » экономическая программа — 464—467.
Московский торговый капитал, эволюция и структура — 437—442.

Накопление капитала в московской мануфактуре — 443—446, 448.
Накопление первоначальное в России — 9—19.
Налоговая политика царского правительства — в 1860—1880 гг. — 66—67, 177, 181—182.
» » в 1890—1900 гг. — 190.
» » в 1900—1914 гг. — 390—391.
» » Временного правительства — 682.
Население России — движение за 1861—1914 гг. — 30, 117—118.
» » классовый состав — 119.
» » профессиональный состав — 119.

«Национальные окраины» в системе российского капитализма — 418—426.
Национальные районы в размещении капиталистической промышленности — 418—433.
Недоимочность крестьянского хозяйства — 66—67.
Неотчуждаемость крестьянских наделов по закону 1893 г. — 90.
Нефтяная промышленность в России — 36, 146—147, 236, 287, 402—403, 636.
Нефтяные монополии в России — 292, 340—341, 369—370.
Николай —он (Даниельсон) — 47.
Нормы потребления промышленных продуктов на душу населения в России — 127, 129, 161, 289, 291.
Нормы производства промышленных продуктов на душу населения в России — 127—128, 289—291.

Обухов П. М. — 208.
Обуховская оборона — 242.
Обуховский завод — 208.
Ограничение производства монополиями в России — 315—317.
Опкольные операции — 231.
Орудийное производство в России — 207—209, 249, 579—581.
«Освобождение труда» — 48.
Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. — 262.
Особые совещания по обороне — 596—599.
» » » перевозкам — 601.
» » » продовольствию — 599—600.
» » » топливу — 600—601. См. также Государственное регулирование народного хозяйства.
Откупа — 16—17.
Отработки в сельском хозяйстве — 59—60.
Отсталость общеэкономическая царской России — 110—111, 115, 213—215, 290—291, 413.

Первая мировая война 1914—1917 гг. — 588—683. См. также Экономика первой мировой войны, Боевое снабжение русской армии, Мобилизация промышленности.
Первоначальное накопление в Англии — 9—10.
» » в России — источники — 11—18.
» » расхищение земель — 11—12.
» » колониальная политика — 12—13.
» » война и казённые поставки — 13.
» » фаворитизм — 14.
» » внешняя торговля — 14—15.
» » внутренняя торговля — 15.
» » государственный кредит — 16.
» » откупа и монополии — 16—17.
» » выкупная операция — 17—18.
Перевозки водного транспорта — 136.
Перевозки железнодорожные — 131, 134—136.
Перевооружение русской армии в 90-х гг. — 211—212.
Переделы общинной земли по закону 1893 г. — 90.
Перенаселение аграрное в России — 31.
Перепись земельная 1877 г. — 80—81.
Перепись земельная 1905 г. — 82, 275—276.

Переселения крестьянские — 90.
Петербург, формирование промышленного капитала и финансовой буржуазии — 474—476.
Платёжный баланс России — 384—386.
Плеханов — 52—53.
Податная политика 80-х гг. — 181—182.
» » 90-х гг. — 189—190.
» » 1900—1914 гг. — 390—391.
» » Времеиного правительства — 682.
Податные платежи крестьянского хозяйства после реформы — 66—67.
Подушной подати отмена законом 1883 г. — 181.
Польский национальный капитал в системе российского капитализма — 424—425.
Польши народное хозяйство в системе российского капитализма — 496—500.
» » сельское хозяйство — 496—497.
» » развитие польской фабрично-заводской промышленности — 497—500.
Поляков Л. С. — 456—459.
Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. — 80—85.
Пороховое производство — 209.
Посевные площади и изменения в их структуре — 71—72, 277—278.
Правительственные заказы крупной промышленности в 90-х гг. — 178—179, 194—195.
Правительственные органы регулирования народного хозяйства в первую мировую войну — 596—601. См. также Государственное регулирование народного хозяйства.
«Предпарламент» (октябрь 1917 г.) — 683.
Прибалтики народное хозяйство в период капитализма — 494—496.
Проблема развития капитализма в русской экономической литературе — 40—58.
» » дворянско-крепостническое направление — 42.
» » буржуазное направление — 43—44.
» » народничество 60—70-х гг. — 44—45.
» » легальное народничество — 45—47.
» » легальный марксизм — 48—50.
» » революционный марксизм — 52—58.
«Проволока», синдикат — 318.
«Продамет», синдикат — 294, 296—327.
«Продуголь», синдикат — 294, 317, 318, 332—340.
Пролетариат промышленный в России — формирование после реформы 1861 г. — 27—32.
» » численность — 100, 105, 119, 149—150, 163—164.
» » состав — 163—164.
» » пролетариат в национальных районах — 31.
Промышленная буржуазия, формирование — 21.
Промышленная конъюнктура — общее движение 1900—1914 гг. — 394—417.
» » влияние кризиса 1900—1903 гг. — 233—238.
» » русско-японской войны — 238—240, 256—258.
» » подъём 1909—1913 гг. — 401, 406—408.
» » движение в отдельных отраслях промышленности — 401—404, 414—417.
» » особенности движения русской промышленной конъюнктуры — 408—409.

Промышленность России — положение к началу капиталистической эпохи 60—70-х гг. — 93—104.
» » развитие капиталистической фабрики 1890-х гг. — 104—105, 144—153.
» » концентрация и развитие монополий в 1900-х гг. — 285—296.
» » работа на оборону в годы первой мировой войны — 607—614, 632—637.
Промышленный капитализм, общие предпосылки — 5—9, 19—20.
Промышленный переворот в Англии — 33.
» » в России — 32—36.
» » в металлургической промышленности — 35—36.
» » на транспорте — 36.
» » в хлопчатобумажной промышленности — 34—35.
Промышленный подъём 90-х гг., общие итоги — 144.
» » отдельные отрасли — 145—149.
» » процесс концентрации — 149—150.
» » влияние железнодорожного строительства — 153—155.
» » 1909—1914 гг. — 400—410.
Промышленный рынок для капиталистической промышленности — 126—128.
Протекционизм «воспитательный» 80-х гг. — 180.
» запретительный 90-х гг. — 182, 191—193.
» в период империализма 1900—1914 гг. — 391—393.
Прохоров, торговый дом — 446.
Путиловский завод — 585—587.

Рабочее движение в России — 1870—1880 гг. — 107.
» » » 1890—1900 гг. — 170—172.
» » » 1900—1903 гг. — 240—243.
» » » 1909—1913 гг. — 410—412.
» » » в годы первой империалистической войны — 651—657.
Рабочее законодательство — 106, 169—170.
Рабочий день 8-часовой, борьба рабочих в период Временного правительства — 674—675.
Рабочий контроль и борьба рабочих за него в период Временного правительства — 675—676.
Рабочий класс России, численность — 100, 105, 119—120, 163—165.
» » состав — 163—165, 168—169.
» » концентрация — 163—164.
» » связь с деревней — 164—165.
» » экономическое положение — 106—107, 165.
» » заработная плата — 106—107, 166, 167—168.
» » рабочий день — 166—167, 169—170.
» » бытовые условия — 106, 166—167, 168. См. также Рабочее движение в России, Рабочий день.
Размещение капиталистической промышленности России — 158—163.
Расмеко — комитет по делам металлургической промышленности в годы первой мировой войны — 599, 605, 667.
Расслоение крестьянства в 80—90-х гг. и в 900-х гг. — 74—80, 275—277.
Революционизирование армии в 1905 г. — 253.

Революция 1905—1907 гг., её сущность и экономические последствия — 251—253, 258—259.
Регалии государственные — 187.
Рейтерн — 177—179.
Ремесло городское в период капитализма — 173.
России экономические интересы на Ближнем Востоке — 572—576.
Ружейное производство — 205—207, 211, 249, 618.
Русские фонды в Германии, запрещение котировок в 1887 г. — 203—204.
Русской армии численность к началу XX в. — 211.
» » » в годы первой мировой войны — 615—616.
Русско-японская война — 247—251. См. также Экономика русско-японской войны.
Рынок промышленно-капиталистический для тяжёлой индустрии — 124—128.
» массовый на предметы лёгкой промышленности — 128—129.
Рябушинский (Стекольщиков) — 460—461.

«Санирование» промышленных предприятий — 292.
Сахарная промышленность России, развитие — 73—74, 129—130.
» » нормы потребления — 130.
Сахарозаводчиков синдикат — 130, 292.
Свержение буржуазной власти и победа социалистической революции — 683—686.
Сверхприбыли промышленников в годы первой мировой войны — 630—631.
Сельское хозяйство России после реформы — 58—91, 275—285.
Сельскохозяйственных машин производство — 83, 127.
Сельскохозяйственных машин синдикат фабрикантов — 321—323.
Семейные разделы в крестьянском хозяйстве по закону 1883 г. — 90.
Сибирские народности и их хозяйственный строй — 532—537.
Сибири народное хозяйство в период капитализма — 518—532.
» земледелие — 524—526.
» железные дороги — 519—520.
» животноводство — 526.
» колонизация и переселения — 520—524.
» лесное хозяйство — 527—528.
» молочное хозяйство и молочная кооперация — 526—527.
» переселенческое хозяйство — 522—523.
» промышленность — 529—531.
» торговля — 531—532.
Синдикатские договоры — 294—295.
Синдикаты в России — 292. См. также «Кровля», «Медь», «Продамет», «Продуголь».
«Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — 171—172.
«Союз освобождения» (кадетский) — 246—247.
Специальные культуры в сельском хозяйстве — 72—74.
Среднего Поволжья народности — 501—504. См. также Мордва, Татары, Удмурты, Чуваши.
Сталин в рабочем движении Закавказья (1898—1910 гг.) — 565—566.
» о союзе с беднейшим крестьянством в период подготовки социалистической революции — 664.
» о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой, стране — 684.
» о капиталистической промышленности на Украине — 485.
» о национально-колониальном вопросе в эпоху империализма — 568.

Сталин о национальном вопросе в России. Доклад на апрельской конференции большевиков — 664.
» о необходимости свержения власти Временного правительства — 684.
» о победе социалистической революции в России — 688.
» о производстве товарного хлеба в годы накануне революции — 281.
» о противоречиях империализма — 217.
» о противоречиях империализма в России — 226—227.
» о революции 1905 г. — 259.
» о русской буржуазной революции, её своеобразии и причинах перерастания в социалистическую — 686—687.
» о формировании многонациональных государств — 419.
Стачка октябрьская всеобщая 1905 г. — 254—255.
» первомайская, первая 1898 г. — 172.
Стачечное движение в революции 1905 г. — 251—252.
Стачки 1901—1903 гг. — 240—243.
Столыпин — 260.
Столыпинская реакция — 260.
Столыпинская реформа — 263—265, 266—268, 271.
Судостроение военно-морского флота — 209—210, 212, 582—583.
Судостроительные программы царского правительства накануне первой мировой войны — 584—587.
Сырьё и борьба за него в монополиях — 317—319.
Съезд VI партии большевиков о свержении диктатуры контрреволюционной буржуазии и вооружённом восстании — 684—685.

Таможенная войиа России и Германии — 193.
Таможенная политика 1860—1870 гг. — 176—177.
» » 1870—1880 гг. — 181—183.
» » 90—900 гг. — 191—193.
» » 1900—1914 гг. — 393.
Таможенный тариф 1891 г. — 192.
Татары — 501, 502—503.
Текстильная промышленность России — 101—102, 148—149, 236—237, 290.
Текстильных фабрикантов синдикат — 342—343.
Техника сельского хозяйства в XX в. — 277—278, 279.
Технические культуры в сельском хозяйстве — 72—74, 277.
Товарное обращение в народном хозяйстве России после реформы 1861 г. — 117, 131.
Товарное хозяйство после реформы 1861 г. — 61—62.
Товарность сельского и зернового хозяйства — 137—138, 279, 281—282.
Торговые договоры с Германией — 193, 392.
Транспортные синдикаты — 343.
Трест в металлургической промышленности, попытки образования — 323—326.
«Трубопродажа», синдикат — 294.
Туган-Барановский — 50.
Тунгусы — 535.
Туркестана народное хозяйство в период капитализма — 537—550.
» земельные отношения — 538—539.
» железные дороги — 547.
» кустарные промыслы — 546.
» мелкий кредит — 546—547.
» обрабатывающая промышлеиность — 547—550.
» орошение — 539—541.

Туркестана положение рабочего класса — 550.
» сбыт хлопка — 544—545.
» хлопководство — 541—544.

Угольный голод — политика «Продугля» — 320.
Удмурты — 502.
Украины Западной народное хозяйство — 487—489.
Украины народное хозяйство в период капитализма — 477—486.
» земельное устройство по реформе 1861 г. — 478—479.
» развитие сельского хозяйства — 479—480.
» развитие свеклосеяния — 481—482.
» строительство железных дорог — 483.
» развитие металлургической и каменноугольной промышленности — 483—485.
» образование промышленного пролетариата — 485—486.
Украинский национальный капитал в системе российского капитализма — 425.
Уравнительные переделы в крестьянской земельной общине — 63.
Урал, как район русского промышленного капитала — 22—23, 473—474.
Урожайность хлебов в России — 71—72, 280.

Фабрики капиталистической развитие в России — 93, 99—100, 104—105, 151—152. См. также Капиталистической промышленности размещение, Промышленность России.
Фабричная инспекция — 107, 182.
Февральская революция и свержение самодержавия — 656—658.
Финансирование первой мировой войны в России — 643—649.
Финансовая олигархия — 359—362.
Финансовая политика Временного правительства — 681.
Финансовый капитал в московской промышленности — 459—462.
Финансовый капитал в России — 223—225, 348—384.
» » » источники — 349—351.
» » » организационные формы — 366—371.
» » » в различных отраслях русской промышленности — 367—370.
» » » деятельность в годы первой мировой войны — 625—631.
Финансовый капитал русский в Персии — 223—224.
Флеровский — 50.
Фондовые биржи — 382—384.
Фритредерская политика 60—70-х гг. — 176—177, 191.

Хлебная монополия Временного правительства — 671—672.
Хлебный экспорт России в XIX—XX вв. — 138—140.
Хлопковая база текстильной промышленности в Туркестане — 467, 542—544.
Хлопчатобумажная промышленность — 34, 99, 101—102, 128—129, 236—237, 290, 637.

Цветных металлов промышленность — 162.
Цены и политика цен в монополиях — 300—301, 306—310, 311—313, 320.
Цены на землю после реформы 1861 г. — 85—86.
Цехи ремесленные по закону 1893 г. — 173—174.

Частное землевладение после реформы 1861 г. — 80—81, 86.
Чуваши — 502.
«Чугунный голод» 1911—1912 гг. — 309, 317, 321.

Шелгунов — 49.

Экономика первой мировой войны — 591—651.
» торгово-промышленный кризис в начале войны — 591.
» закрытие и эвакуация промышленных предприятий — 592—593.
» мобилизация промышленности — 590—614.
» общая деградация промышленности — 631—634.
» деградация сельского хозяйства — 637—640.
» кризис металлургии — 634—636.
» » продовольственный — 640—641.
» » топлива — 636—637.
» » транспорта — 641—643.
» » хлопчатобумажной промышленности — 637.
» расстройство государственных финансов, кредита, торгового баланса — 643—650.
» рост дороговизны — 650.
» падение национального дохода и богатства — 650—651.
» финансирование войны — 643.
» русско-японской войны, военно-промышленный потенциал России — 248.
» вооружение армии — 249.
» снабжение армии — 248—249.
» экономическая конъюнктура во время войны — 256—258.
» экономические причины поражения — 251.
Экономическая политика периода промышленного капитализма:
» » 60—70-х гг. — 176—179.
» » 80—90-х гг. — 179—182.
» » 90—900-х гг. — 183—214.
» » периода империализма 1900—1914 гг. — 386—393.
» » Временного правительства — 665—683.
» программа московской буржуазии — 464—467.
Экономический совет Временного правительства — 665—666.
Экспорт сельскохозяйственных продуктов — 139—140, 282, 414.
» капитала — 223.
Энгельс о развитии капитализма в России — 57.

Яковлев С. — 23.
Якуты — 534—535.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Глава I. Предпосылки и общий характер развития промышленного капитализма 5

1. Первоначальное накопление в России 9
2. Образование класса промышленной буржуазии 21
3. Формирование промышленного пролетариата. 27
4. Промышленный переворот 32
5. Общественная мысль о развитии капитализма в России . . 40

Глава II. Сельское хозяйство после реформы 58

Глава III. Капиталистическая мануфактура и фабрика после реформы 91

Глава IV. Образование внутреннего рынка для промышленного капитализма 114

Глава V. Промышленность и промышленный подъём 90-х годов . . 143

Глава VI. Государственное хозяйство и экономическая политика периода промышленного капитализма 174

1. Экономическая политика и государственное хозяйство в 1860—90-х годах . . . . . —
2. Внешняя политика и военная экономика периода промышленного капитализма 198

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ИМПЕРИАЛИЗМ

Глава VII. Общая характеристика и особенности империализма в России 216

Глава VIII. Кризис 1900—1903 гг. и депрессия 1903—1905 гг. . . . 228

Глава IX. Социально-политический кризис царизма в период русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. 240

Глава X. Столыпинская реакция и буржуазная перестройка деревни 260

Глава XI. Концентрация промышленности и монополии 285

1. Концентрация промышленности и возникновение синдикатов —
2. Синдикат «Продамет» 296
3. Синдикатские объединения в других отраслях металлургической и металлообрабатывающей промышленности 327
4. Монопольные объединения в топливной промышленности 332
5. Монопольные объединения в других отраслях народного хозяйства 342

Глава XII. Финансовый капитал и русская промышленность . . . 348

Глава XIII. Промышленный подъём 1909—1913 гг. и итоги развития промышленности в период империализма 1900—1914 гг. . . . 394

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ СССР В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА В XIX—XX вв.

Глава XIV. Многонациональная система российского капитализма и участие в ней национальных окраин 418

Глава XV. Генезис и эволюция национального русского капитала на примере изучения московской капиталистической промышленности 433

Глава XVI. Народное хозяйство национальных областей Европейской России в период капитализма 477

Глава XVII. Народное хозяйство Башкирии, Казахстана и Киргизии в период капитализма 504

Глава XVIII. Хозяйство Сибири и сибирских народностей 518

Глава XIX. Народное хозяйство Туркестана 537

Глава XX. Хозяйство народностей Кавказа в эпоху капитализма 551

РАЗДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 1914—1917 гг. КРУШЕНИЕ ЦАРИЗМА И КАПИТАЛИЗМА

Глава XXI. Политическая и экономическая подготовка России к первой мировой войне 567

Глава XXII. Народное хозяйство и военная экономика в первую мировую войну 588

1. Мобилизация и военная организация промышленности . . 590
2. Боевое снабжение армии в мировую войну 614
3. Война и финансовый капитал 625
4. Общее расстройство народного хозяйства 631

Глава XXIII. Временное правительство и развал народного хозяйства. Свержение буржуазной власти и победа социалистической революции 658

Приложения: I. Хронологический указатель главнейших экономических событий в период капитализма (1861—1917 гг.) 693

II. Библиографический указатель главнейшей экономической литературы по народному хозяйству России в период капитализма 703

III. Предметный и именной указатель 717

Редактор *Р. Магид*

Художник переплёта и титула *Н. Седельников*
Технический редактор *Н. Трояновская*

Подписано в печать с матриц 17/III 1952 г. М-15553.
Тираж 50000 экз. Бумага 60×92¼. 23 бумажных.
46 печ. листов. 47,45 уч.-изд. листов.
Заказ № 5. Номинал по прейскуранту 1952 г. 12 р. 40 к.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.

М. И. ЛЯЩЕНКО

★

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

★

II